ВОИТЕЛИ БЕЗМОЛВИЯ

МАТЬ-ЗЕМЛЯ

Пьер Бордаж

ВОИТЕЛИ БЕЗМОЛВИЯ

МАТЬ-ЗЕМЛЯ



ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ



Пьер Бордаж



ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

PIERRE

BORDAGE

LES GUERRIERS DU SILENCE

TERRA MATER

ПЬЕР

БОРДАЖ

ВОИТЕЛИ БЕЗМОЛВИЯ

МАТЬ-ЗЕМЛЯ

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРАНЗИТКНИГА
Москва
2005

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84 (4Фра)-44
Б82

Серия «Золотая библиотека фантастики»
основана в 1999 году

Pierre Bordage
LES GUERRIERS DU SILENCE
TERRA MATER

Перевод с французского А.М. Григорьева

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения Libraire L'Atalante.

Подписано в печать 26.05.05. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 44,52. Тираж 5000 экз. Заказ № 1361.

Бордаж, П.

Б82 Воители безмолвия. Мать-Земля : [фантаст. романы] / Пьер Бордаж; пер. с англ. А.М. Григорьева. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. — 845, [3] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-018652-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9578-1996-4 (ООО «Транзиткнига»)

Человечество — НА ГРАНИ НЕБЫТИЯ.

Не помогут ни политики, ни армии — потому что они уже попросту продались новым «хозяевам Земли».

Продались СКАИТАМ. Странным существам из неведомых далей Космоса, захватившим власть уже почти над всей Вселенной.

Теперь бросить вызов захватчикам-«чужим» может лишь жалкая горстка воителей безмолвия — таинственных носителей могущественного древнего Знания.

Однако за девятилетним Жеком, отправляющимся на поиски воителей безмолвия, тайно следует агент скаитов, готовый подстроить защитникам людей смертельно опасную ловушку...

Читайте увлекательную космическую оперу Пьера Бордажа — ШЕДЕВР приключенческой фантастики!

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84 (4Фра)-44

© Libraire L'Atalante, 1993, 1994
© Перевод. А.М. Григорьев, 2003, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

ВОИТЕЛИ БЕЗМОЛВИЯ

Глава 1

Никому не ведомо, каким образом скаиты Гипонероса смогли занять столь важное место в жизни планеты Белла Сиракуза, Королевы искусств.

Как им удалось просочиться в ближайшее окружение семейства Анг, династии, которая царствовала уже пятнадцать стандартных веков?

Как они постепенно захватили ключевые посты в администрации?

Как они смогли стать необходимыми, создав функции мыслеуправителей и мыслехранителей?

Как они сумели незаметно установить террор, ибо все боялись их необычайных способностей?

Кто они были?

Никто не знал, где находится Гипонерос, никто даже не слышал об этом далеком мире, столь далеком, что многим он казался вымыслом. Однако случилось так, что один из пришельцев из этого мира по имени Паминкс был возведен в ранг великого коннетабля, в звание, которое до этого имел право получать лишь отпрыск самых знатных сиракузских семей.

Это событие произошло в правление сеньора Аргетти Анга.

И в ту эпоху мало кого возмутило подобное назначение. В кого превратились гордые сиракузяне времен завоевания? В прогнившие пустые стволы, в тени или в миражи?

Горе тому, кто вызвал беду.

Выдержка из ментального апокрифического текста,
уловленная во время своих скитаний Мессаудином
Джу-Пьетом, сиракузским поэтом первого периода
постанговской империи. Некоторые эрудиты
считают, что речь идет о «беглых» мыслях
Найи Афикит,
сиракузянки по происхождению.

Великий коннетабль Паминкс, чье лицо скрывал капюшон белого бурнуса, возник из темноты и приблизился

к сеньору Ранти Ангу и юному Спергусу, которые ждали в окружении своих мыслехранителей на застывшей у выхода гравитационной платформе.

— Да соблаговолит, мой сеньор, последовать за мной, — произнес он с поклоном.

— Не очень-то вы спешили! — проворчал Ранти Анг. — Спергус, вы со мной?

Они вошли в узкую сумрачную галерею, за ними тенями последовали мыслехранители. Вскоре они оказались перед древней и массивной деревянной дверью, перед которой стояла решетка из мощных металлических пластин. Через мгновение, показавшееся Спергусу вечностью, решетка скользнула в сторону и исчезла в стенной нише. Влажный затхлый воздух темницы раздражал обоняние юного осгорита. Ему казалось, что плесень проникает внутрь него через каждую пору кожи.

Дверь распахнулась, и они оказались на просторном балконе, освещенном двумя плавающими в воздухе светошарами. На балконе уже находилась небольшая группа людей, чьи лица скрывались под белыми масками. На жестких нагрудниках их серых мундиров поблескивали посеребренные девятиконечные звезды, составленные из трех треугольников.

Змеиные глазки Ранти Анга впились в Паминкса.

— Господин коннетабль, вы — верховный хранитель закона! Следовательно, вам ведомо, что наемники-притивы не имеют права находиться на земле Сиракузы!

Сдержанное нетерпение в его голосе могло в любой момент перерасти в неконтролируемый гнев.

— Окажите мне по крайней мере милость ответить! Неужели этих убийц надо брать на службу ради общественного блага?

— Чуть позже вы поймете причины их присутствия здесь, мой сеньор, — безразличным тоном ответил Паминкс.

Балкон нависал над огромным круглым и пустым залом, в центре которого застыла фигура в черном бурнусе.

— Зловещее место, мой сеньор!

Спергус едва сдерживал дрожь. Вид призрачного существа, изваяния, застывшего на плитах, едва освещенных водолампами, разъедал душу впечатлительного осгорита ядом страха. В застоявшемся воздухе витал аромат смерти.

— Это и есть один из ваших пресловутых учеников, господин коннетабль? — осведомился Ранти Анг.

Паминкс кивнул.

— Можно ли увидеть его лицо?

— Пока рано, мой сеньор. Но не по причине неуважения к вам. Капюшон бурнуса будет прикрывать его голову до окончания опыта, чтобы наши мысли не мешали ему и не ослабили его психический потенциал.

— Боже правый! Он действительно обладает... теми способностями, о которых вы говорили?

Паминкс не обратил внимания на издевательское сомнение, звучавшее в словах Ранти Анга. Он извлек из складок своего бурнуса крохотное кольцо из позолоченного опталия и ударил им по хрустальному метроному. Словно под воздействием продолжительного звона часть дальней стены отошла в сторону, залив зал ярчайшим светом.

В проеме появились три новых силуэта: два наемника-притива и мужчина, чьи одежды из грубого коричневого полотна издавали чудовищную, почти животную вонь. Его обезьянье лицо посерело от ужаса.

Ранти Анг скривился от отвращения:

— Похож на миката?

— Он и есть микат со спутника Джулиус, мой сеньор, — подтвердил Паминкс. — Внесен в Индекс и объявлен раскаттой. Я подумал, что... для нашего опыта...

— Из того, что я вижу, а вернее, из того, что слышу, вы опять оправдываетесь, господин коннетабль! — прошипел Ранти Анг. — Кстати, разве вы не проводите большую часть времени, оправдываясь? По поводу всего... А чаще по пустякам!

Звонкий смех Спергуса поддержал слова властителя Сиракузы.

— Церковь Крейца считает, что микаты наделены душой, — возразил коннетабль. — Однако...

— К несчастью для вас, господин коннетабль, я не Аргетти Анг, а его старший сын! — резко оборвал скаита Ранти Анг. — Отец считал, что прав, назначая вас на этот пост. Согласимся с ним. Но если в полном соответствии с обещанием, которое он вырвал у меня перед смертью, я обязан уважать его выбор, то, напротив, ничто не принуждает меня уважать того, на кого этот выбор пал! А потому окажите милость не впутывать Церковь Крейца в ваши грязные интриги! В конце концов, разве этот микат не является одним из моих подданных? Поэтому я, и только я, могу решать, можно ли пожертвовать его жизнью ради общих интересов!

Паминкс скрыл свое недовольство за маской равнодушия и церемонно поклонился. Час реванша был близок.

Надежда помогала ему проявлять терпение и сносить постоянные унижения и ежедневные оскорбления.

Пока шла перепалка, два наемника-притива подтащили перепуганного миката к статуе в черном бурнусе и остановились в нескольких шагах от нее.

— Спергус? — Голос Ранти Анга сразу стал мягче. — Вам хотелось бы знать, о чем думает сейчас микат?

— Это... было бы неплохим развлечением, мой сеньор, — промямлил юный осгорит.

Его накрашенные губы скривила едва заметная улыбка. Он пытался подавить ужас, который вызывал этот мрачный подвал.

Присутствие Спергуса раздражало Паминкса. Сеньор Ранти Анг счел необходимым притащить своего протеже на крайне важный опыт. А коннетабль считал, что не стоило вводить эмоции в первую публичную попытку казни, которая требовала нейтральной психической среды.

— Итак, господин коннетабль! Чего вы ждете? Сообщите нашему дорогому Спергусу о том, что происходит в голове миката. Конечно, если там что-то происходит! Неужели это невыносимое зловоние вызвано страхом?

Паминкс уставился на миката, чьи черные намасленные волосы были пострижены по традиционной моде Микатуна на Джулиусе: прямые и торчащие дыбом на затылке и бритые виски, которые подчеркивали выступающие надбровные дуги и выпученные глаза. Взгляд бедняги как испуганная бабочка перелетал из одной точки зала в другую. С балкона — на черную угрожающую фигуру, с черной фигуры — на двух наемников-притивов, чьи лица прятались за белыми масками.

— У него совершенно черная кожа! — пробормотал Спергус.

— Потому что он ежедневно работает снаружи под лучами огненной звезды Ахкит ради того, чтобы Крейц одарил нас своей добротой, — разъяснил Ранти Анг.

Отвращение, которое внушало это существо с другого мира и из другой эпохи, вызывало у Спергуса тошноту. Но ему не удавалось отвести взгляд от массивной шеи, от мускулистых рук, от широких ладоней с короткими пальцами и перепачканными землей ногтями.

Безумные неконтролируемые мысли осгорита мешали Паминксу сосредоточиться и провести ментальное обследование. Два мыслехранителя, обеспечивающие безопасность Спергуса, похоже, не могли сдержать беспорядочный поток его мыслей. Коннетабль подавил недовольство: момент был край-

не неподходящий, чтобы ставить под сомнение эффективность скаитов.

Паминкс, как все мыслехранители, был скаитом Гипонероса, чужаком, и его происхождение могло стать причиной снятия конституционной неприкосновенности, которую ему давал занимаемый пост. Аргетти Ангу пришлось задушить фронду сиракузской знати, назначив скаита великим коннетаблем, но его положение становилось все более шатким по мере того, как время стирало память об отце нынешнего суверена.

Паминксу нужна была поддержка Ранти Анга: она гарантировала приток финансов, необходимых для разработки структуры Великого Проекта. И реализации обширного и тайного замысла, который ему поручили хозяева, споры-прародители Гипонероархата. А возможность заткнуть глотку сеньору Сиракузы и отомстить за его злобное презрение вскоре представится.

— Мы ждем, господин коннетабль. Неужели вы забыли свои пресловутые способности в покоях салаунского борделя? Хотя вы — существо бесполое...

Спергус во второй раз звонко рассмеялся.

— Страх парализовал ментальный потенциал миката, — наконец сказал коннетабль. — Он не в состоянии связно мыслить. Могу только сказать, что он пытается вспомнить лицо и тело одной микатунки. Вероятно, жены...

— Великолепное открытие! — фыркнул Ранти Анг. — Стоит ли обучаться наукам о мозге, чтобы догадаться, что речь идет о его жене!

— Почему вы так считаете, мой сеньор? — с хитрецой спросил Спергус.

Сеньор Сиракузы саркастически рассмеялся.

— Пока Джулиус не был аннексирован Сиракузой, микаты не женились, а женщины принадлежали всем мужчинам сельского сообщества. Вот уже два века закон и Церковь обязывают их иметь всего одну жену. Это — первый закон генетико-морального кодекса на всех сателлитах. Вот почему, господин коннетабль, ваше утверждение, что этот недочеловек думает о своей жене, вряд ли тянет на чудо!

Паминкс не смутился и, игнорируя едкие высказывания Ранти Анга, продолжил:

— Вижу также лица детей. Три мальчика и две девочки...

Подавленный видом важных персон, которые наблюдали за ним с балкона, и пораженный словами коннетабля, которые точно описывали те несколько образов, что мелькну-

ли в его мозгу, микат издал вопль загнанного зверя и рухнул коленями на ледяной пол.

— У него довольно грубый мозг. — Замечание Паминкса было лишним.

— Если он столь примитивен, как вы утверждаете, какова будет ценность этого опыта, когда мы столкнемся с высокоразвитым мозгом? Мы не нуждаемся в низкопробном колдовстве, чтобы раздавить миката с Джулиуса! Наши предки занимались этим, не нарушая предписаний святой Церкви!

Паминкс вдруг понял, как зыбко его положение. Занятый многими делами сразу, он пропускал мимо ушей многочисленные слухи о грозящей немилости. Ему не надо было проскальзывать в душу Ранти Анга — действие святотатственное, за которое полагалась смерть, — чтобы по модуляциям голоса определить его угрожающие намерения. Коннетабль недооценил силу заговора, который плел против него Тист д'Арголон, хранитель сиракузских традиций. Хотя он и перехватил несколько мыслей, относящихся к подпольной деятельности сиракузского соперника, Паминкс решил не вмешиваться, считая, что доверительность его взаимоотношений с Аргетти Ангом и долгая верная служба ставили его выше дворцовых интриг. И дал доказательство неприемлемой легковесности для скаита высшего ранга, для верховного резидента. Подобная неосторожность могла поставить под удар Великий Проект, универсальный проект, который веками готовили споры-прародители Гипонероса. Поле маневров резко сузилось. В данный момент вся дальнейшая деятельность зависела только от успеха опыта.

— Итак, господин коннетабль, время мечтаний закончилось!

— Мои ученики не смогут приступить к работе немедленно, мой сеньор, — возразил коннетабль. — Эта демонстрация предназначена только для ознакомления вас с их достижениями. Вы сможете убедиться, что деньги, выделенные на ментальные исследования, которые так раздражают некоторых ваших советников, потрачены не зря. Теперь мы приступим к исследованиям на более сложных и совершенных существах, чтобы полностью освоить эту технику.

— Что совершил этот микат, чтобы попасть в Индекс в качестве раскатты?

Мелодичный голос Спергуса резко отличался от металлического звенящего голоса коннетабля.

— Паминкс! Отвечайте, и поскорее!

Растущее раздражение Ранти Анга постепенно размывало хрупкую плотину его ментального контроля. Он с огромным трудом удерживал себя в рамках придворного кодекса эмоций, принятых на Сиракузе. Паминкс же не терял спокойствия и черпал новые силы в гневе своего августейшего собеседника.

— Могу я попросить вас чуточку потерпеть, мой сеньор? Данные по раскатта, зарегистрированным на вашей территории, хранятся у скаита-архивиста Маркиата. Надо только вступить в контакт с ним...

— Поторопитесь! Нам уже давно хочется вернуться на солнечный свет. Мы кажемся себе крысами, застрявшими в поганом, сточном колодце!

Тяжелые зеленоватые веки, испещренные темными прожилками, опустились на равномерно желтые глаза Паминкса. Капюшон его бурнуса сполз на плечи, открыв бесформенное лицо, удлиненный безволосый череп, обтянутый шершавой растрескавшейся кожей. Он походил на чудовище из осгоритских легенд, так по крайней мере считал Спергус. По его спине пробежала дрожь. Пурпурный диск Красной Луны Рок пробился сквозь туман его воспоминаний. На короткое время он ощутил себя на Осгоре, самом большом из спутников Сиракузы, главном промышленном центре. Обнаженный и свободный, он несся среди высоких сухих трав и обжигающих жаром камней в заброшенных садах, а за ним неслись, танцуя в теплых потоках, коричневые тени, веселые и шумные. Он полной грудью вдыхал тяжелый аромат распустившихся цветов, пил пьянящий сок из фруктовых фонтанов.

Спергус вдруг ощутил тесноту облегана, обязательного белья сиракузян, второй кожи, обтягивавшей их с головы до пят. Его фиолетовый головной убор со световыми полосами сжимал волосы, лоб, щеки и подбородок. Только два светлых локона, завитых в косички, единственная разрешенная фантазия, выпадали через отверстия у висков, обрамляя его женственное лицо.

Кожа Спергуса яростно требовала ласки Красной Луны Рок. Взяв себя в руки, он с трудом подавил охвативший его приступ ностальгии. Он не имел права на сожаления, он, сын скромных осгоритских торговцев, с которым обращались с большим уважением, чем со знатными придворными, чем с отпрысками древних и знаменитых сиракузских семей. Даже если милость суверена зачастую была тяжким грузом, даже если приходилось терпеть оскорбительные взгляды и слова дамы Сибрит, супруги Ранти Анга, даже если он ощущал себя неловко, будучи

объектом постоянных и низких интриг придворных, даже если ему не позволяли передвигаться без мыслехранителей, укутанных в красно-белые бурнусы императорской охраны и похожих на вездесущие, безмолвные и опасные тени, он беспощадно изгонял из своей души печальные воспоминания о детстве. Он мирился с обязанностями и неприятностями придворной жизни из любви к своему сеньору. Из любви к абсолютному хозяину самой известной планеты в Конфедерации Нафлина и из любви к нему этого столетнего мужчины с чрезвычайно тонкими чертами лица, прозрачно-голубыми глазами и роскошными толстыми прядями сине-серебристых волос, покоящихся на муаровой ткани его головного убора. Из любви к человеку, бывшему живым воплощением знатности, грации и вкуса, главных добродетелей этикета и сиракузских традиций.

Миката сотрясали конвульсии. Только глухое постукивание его колен о плиты пола нарушало гнетущую тишину.

— Он — адепт религий Индекса, — вдруг сказал Паминкс, поворачиваясь к Спергусу.

От неожиданности осгорит вздрогнул. Он не смог вынести колючий и непроницаемый взгляд коннетабля. Телепатические способности скаитов, а Паминкса в особенности, его ужасали. Он инстинктивно повернулся, ища защиты у своих мыслехранителей.

— Очаги зловония! — прорычал Ранти Анг. — Их надо загасить раз и навсегда!

Тонкие пальцы сеньора Сиракузы, украшенные белыми кольцами из опталия, нервно играли с серебристым локоном, уложенным вдоль черных кружев головного убора. Щека подергивалась от тика, что предвещало неминуемую потерю контроля над собой.

— Этот микат — сторонник гудурамской ереси, — уточнил Паминкс. — Поклонник иконы Гудура, лжепророка, сожженного триста стандартных лет назад на огненном кресте. Его почитают как мученика.

— Животные! Глупые фанатики, не брезгующие человеческими жертвами!

— И где они скрываются? — вдруг заинтересовался Спергус.

Неожиданный вопрос фаворита непонятным образом охладил гнев Ранти Анга.

— Представьте, друг мой, что даже на Сиракузе! В горах Тахеин и в Месгомии. Эти края труднодоступны, и еретиков трудно оттуда выкурить. Однако гудурамская ересь глав-

ным образом распространена на Джулиусе, хотя количество ее адептов заметно уменьшилось после усиления репрессий и казней на огненном кресте.

— Пара подробностей, если позволите, мой сеньор, — вступил в разговор коннетабль. — Первая: родители этого миката были сожжены на огненном кресте во время похода на Джулиус вашего отца, сеньора Аргетти Анга. Вторая, более живописная: его выдала собственная жена, о которой он сейчас вспоминает с такой тоской. И всего за сотню джулийских кели. Жалкая сумма, которая оказалась привлекательнее любви мужа!

Ранти Анг изобразил подобие улыбки. Пораженный жестокими словами Паминкса и раздавленный внезапным и отвратительным откровением, лежащий на плитах микат перестал дрожать. По его щекам потекли крупные слезы, оросившие начавшуюся пробиваться бороду.

— Но... но он плачет! Видите, мой сеньор? Он плачет!

— Конечно, друг мой. Он плачет! — оскалился Ранти Анг. — Он же не владеет, как вы или я, контролем над разумом. Как ни странно, но именно так некоторые существа выражают свои эмоции!

Спергус наклонился над прочными перилами балкона. Широко открыв глаза, он пытался разглядеть поблескивающие капли, вытекавшие из глаз миката.

По едва заметному знаку коннетабля скаит в черном бурнусе приблизился к лежащему телу. Спергус едва успел заметить два ярко-красных огонька, заряженных энергией. Две зловещие звезды в чернильно-черном небе.

— Мы готовы, мой сеньор.

— Готовы? К чему, великие боги?

Встревоженный микат поднял голову. При виде грубой черной ткани, почти касавшейся его, его глаза расширились от ужаса. Руки и ноги пленника вновь сотрясли конвульсии.

— Какое великое чудо! — усмехнулся Ранти Анг. — Только не говорите мне, что подготовили этот грандиозный спектакль с единственной целью запугать этого грязножопого!

— Если мой сеньор вооружится терпением...

Подспудное сомнение проникло в душу коннетабля, едкий яд, распространение которого он не мог сдержать. А ведь он с особой тщательностью выбирал Гаркота, скаита-экспериментатора, среди сотни других кандидатов с выдающимися ментальными способностями. Он сам следил за тренировками отобранного ученика, множил опыты на животных, потом на жетабланских человекозверях. Но у них не было времени ис-

пробовать воздействие на сложный мозг, самую высшую ступень эволюции. Поэтому риск провала был. Но Паминкс не имел права на провал. Он пожалел о поспешности, ему совершенно не свойственной, но ставшей неизбежной из-за недостатка времени в борьбе с многочисленными противниками и малочисленными сторонниками.

Из глотки миката донесся жалобный хрип. По уголкам его губ стекала серая пена и застывала на торчащем подбородке.

— Я попрошу вас сохранять полную тишину, — прошептал коннетабль, с облегчением наблюдая первые признаки ментального воздействия скаита-экспериментатора на жертву.

Постепенно конвульсии миката становились реже. Его дыхание стало прерывистым и свистящим. Он инстинктивно схватился руками за горло. Потом в отчаянном рывке попытался ухватить полу черного бурнуса, но скрюченые пальцы сжались в пустоте. Хрип агонии, последняя спазма: бездыханное тело упало на пол.

В зале повисла смертельная тишина. Первым нарушил ее перегнувшийся через перила Спергус:

— Что... что случилось с микатом? Он перестал шевелиться!

— Он умер, — отчеканил Паминкс, подчеркивая ужасающую простоту слов.

— Умер?

— Умер, мой сеньор.

— Как это возможно?

Успокоившийся коннетабль с извращенным удовольствием подогревал любопытство собеседников. Он немного помолчал, потом ответил:

— Этот микат был убит волей Гаркота, скаита-экспериментатора. Вы присутствовали при первой ментальной казни, мой сеньор.

Он произнес эти слова безразличным тоном, словно говорил о банальном безобидном явлении. Скаит в черном бурнусе с почтением поклонился, и Ранти Анг ответил ему коротким кивком.

— Вы надеетесь, что мы поверим в подобный абсурд, господин коннетабль?

— Вера не имеет места в наших лабораториях, мой сеньор. Я оставляю ее нашей святой Церкви. Для ученого, которым я пытаюсь быть, существуют лишь очевидные факты. Гаркот, если можно так сказать, взорвал мозг этой подопытной крысы.

— Вы говорите, что он может убивать мыслью на расстоянии? — с трудом выговаривая слова, спросил Спергус.

— Пока при условии, что это расстояние не очень велико. Интерференция паразитных мыслей может снизить, а то и аннулировать воздействие ментальных импульсов смерти. Но вы видели сами, что Гаркот, вашими же словами, убил на расстоянии, не пользуясь оружием. На данный момент этот способ может использоваться лишь для мозга первичного типа. Как у этого миката. Однако мы не отчаиваемся и вскоре расширим поле действия, займемся более совершенным мозгом. Даже самым совершенным.

Коннетабль вновь обрел уверенность и безмятежность. Несмотря на мыслехранителей, красных и белых призраков, призванных ставить психический экран, он улавливал обрывки мыслей Ранти Анга и не ощущал в них ни капли вражды. Перспективы, открывавшиеся после удивительного опыта, проведенного на его глазах, полностью занимали мысли сеньора Сиракузы.

— Все скаиты имеют такие возможности?

— Только те, чьи способности выше нормы.

— Это... колдовство! — бросил Ранти Анг.

Он высказал обвинение без особой убежденности, словно уже догадывался, каков будет ответ.

— Вам не стоит бояться муффия Церкви Крейца, мой сеньор. Эта чисто научная техника разработана физиками, работающими в области тончайших волн, а не деревенскими колдунами. Колдовство — синоним эмпирической, субъективной, смутной практики. И полностью противоречит нашей технологии, которая остается объективной, наглядной, повторяемой. Кстати, если пожелаете, мой сеньор, наши исследователи в деталях объяснят вам ментальные механизмы, используемые нашими учениками. И даже не встанет вопроса, — коннетабль говорил твердым голосом, — что наша святая Церковь занесет будущих ментальных убийц в Индекс. Нет нужды говорить, что мы бы не познакомили вас с этим нововведением, противоречь оно принципам крейцианства.

Паминкс особо не рисковал, упоминая о поддержке духовенства: уже давно Барофиль Двадцать Четвертый, муффий Церкви Крейца, был поставлен в известность о том, что творится в тайной лаборатории коннетабля.

— Мне хотелось бы услышать от вас об этой технике, господин коннетабль, — произнес Спергус.

— Боюсь, утомлю вас своими рассказами, — возразил Паминкс, воспользовавшись оказией немедленно взять реванш. Он хотел, чтобы его упрашивали.

— Ну, ладно, господин коннетабль, снизойдите до просьбы нашего дорогого Спергуса, — сказал Ранти Анг благожелательным тоном, убрав все когти.

Паминкс ликовал, тщательно скрывая свои переживания. Последствия неосмотрительности могли оказаться роковыми для исполнения Проекта, но ему удалось обернуть ситуацию в свою пользу. Об этом свидетельствовали поведение и тон Ранти Анга. Он выиграл главное — время. Более того, теперь он держал Тиста д'Арголона в своих руках, и такая перспектива наполняла его безграничной радостью.

— Эта техника восходит к одной забытой науке, широко распространенной за тысячи лет до Нафлина. Единственная античная наука, интересовавшаяся потенциалом мозга: индисская наука, следы которой мы отыскали на Матери-Земле, крохотной планете Солнечной системы, расположенной на задворках Млечного Пути. Как ни странно, но, похоже, индисская наука зародилась именно там. Короче, два скаита-этнолога случайно выяснили, что религиозные гимны одного из племен Матери-Земли, америндов, распевались на индисском диалекте, хотя на этом туземном языке уже не разговаривают последние шесть тысяч стандартных лет. Наши этнологи прибыли на Землю и обнаружили странное явление: гимны, похоже, оказывали геоклиматическое воздействие на окружающую среду, вызывая сезонные потрясения, к примеру, внезапные снегопады летом. Систематизируя свои наблюдения, они открыли потрясающие возможности некоторых индисских звуков, которые называются уктра или интра.

— Бога ради, ближе к фактам! — взмолился Ранти Анг, заметив, что Спергус полностью утерял нить рассказа.

И ему самому хотелось быстрее покинуть зловещую атмосферу этого подземелья.

— Я у цели, мой сеньор. Расставить эти вехи было необходимо, чтобы облегчить ваше понимание и понимание господина Спергуса. Мы быстро поняли, что америнды использовали определенные звуки для ритуальных жертв животных или наказания тех, кто нарушил закон. Конкретный пример: адюльтер. Виновный или виновная, или оба вместе привязываются к столбам в центре священного круга. Четыре амфана, так называют америндских жрецов, усаживаются в точках, обозначающих главные стороны света, и затягивают песню смерти, последовательность уктра, которая вызывает необратимые повреждения в мозгу и быстро приводит к смерти. Один из наших физиков недавно от-

крыл, что эти же уктра действуют намного эффективнее и мощнее, если издаются на более высоком уровне.

Спергус вновь внимательно следил за словами коннетабля.

— Мы построили работу на следующем принципе: разрушительная мощь индисских уктра зависит от уровня безмолвия, при котором их начинают издавать. Америнды постепенно забыли об этом фундаментальном свойстве. Одно из главных качеств скаитов в том, что они опускаются на более низкие уровни безмолвия, чем остальные живые существа вселенной. Подверженные бесконтрольному возбуждению, поверхностные умы не могут использовать уктра правильным образом. Напротив, наши ученики, тренирующиеся в условиях полной тайны, что требует неприятного, но необходимого присутствия наемников-притивов, научились овладевать ими, стабилизируя полную отрешенность сознания. Вначале они пробовали себя на зачаточном мозге, потом на мозге млекопитающих, на человекозверях и, наконец, на этом микате: Кстати, я попрошу вас развеять беспокойство некоторых крейцианских миссионеров на сателлите Жетаблан. Нам пришлось...

— Уже проблемы с Церковью, господин коннетабль? — прервал его Ранти Анг. — Я думал, что опыты проходили в строжайшей тайне! Позволю на это надеяться, ибо если остальные государства, члены Конфедерации, узнают, что вы используете наемников-притивов, мы не получим кредитов на будущей асме в Иссигоре.

— Пятилетняя ассамблея не состоится, как было предусмотрено, на Иссигоре.

— Как? И почему?

Желтые глаза коннетабля вонзились в глаза Спергуса.

— Я объясню это позже, мой сеньор. В частном порядке. Чтобы получить достаточное количество подопытных, нам пришлось пообещать миссионерам, что вернем им этих человекозверей целыми и невредимыми. Увы...

— Благочестивая ложь, но все же ложь! — заявил Ранти Анг, пародируя высокопарный тон церковников.

— Я подумал, что для блага...

— Так больше не думайте! Опыты имели благородную цель — служить науке, не так ли? А гибель нескольких человекозверей во время опытов никак не нарушает наших крейцианских убеждений. Я решу это с муффием Барофилем. Разве я не его личный друг и защитник? Но вы абсолютно уверены в том, что никто другой не знает о ваших опытах?

— Полностью уверен. Единственный, кто мог нам помешать, был изгнан из Сиракузы. Вашими стараниями, мой сеньор.

— Моими стараниями?

— Полагаю, вы храните в памяти процесс Шри Митсу, смелла.

— Шри Митсу? Какая связь со всем этим?

Хотя он использовал все ресурсы ментального контроля, чтобы не выдать себя, Ранти Анг явно не любил вспоминать о процессе.

— Она есть, мой сеньор, — ответил Паминкс, от которого не ускользнуло это почти осязаемое смущение, поскольку он хорошо знал причину. — Индисская наука прошла через пространство и время, и еще живы три ее великих наставника. Шри Митсу — один из них.

— Мы бы об этом знали! — возмутился Ранти Анг. — Шри Митсу всегда отказывался от мыслезащиты: наши инквизиторы читали в нем так же легко, как в светокниге!

— Его исключительные психические способности, развитые практикой индисской науки, делали излишней защиту, мой сеньор. А если добавить его принадлежность к конгрегации смелла, то они были бы губительными для наших проектов. Именно по этой причине я так настаивал перед вами и его святейшеством муффием, чтобы состоялся громкий публичный процесс. Обвинения против него в противоестественной сексуальной практике были только предлогом, как вы, конечно, догадались. Удалить его было настоятельной необходимостью. И честное слово, все прошло, как мы предвидели: его аура смелла, его влияние на государства-члены, всеобщее уважение — все это на процессе обернулось против него, и его приговорили к вечной ссылке.

— А почему вы скрыли подлинные причины? Значит, вы не питаете ко мне никакого доверия?

В голосе Ранти Анга слышалась некая горечь. Паминкс скрыл свое презрение к сеньору Сиракузы, которого считал человеком поверхностным, фривольным, непостоянным и неспособным управлять наследством, доставшимся ему от Аргетти Анга. Втайне коннетабль давно трудился над возможностью опереться на более удобного для него наследника, чем тот, кто стал им по сиракузским традициям.

— Мне не хотелось перегружать вас, мой сеньор.

— А кто два остальных мастера этой... индисской науки? — спросил Спергус. — Вы сказали, что их трое, а пока нам известен лишь один!

— Второй — сиракузянин Шри Алексу, человек скрытный, который почти не появляется при дворе. Но живет поблизости, рядом с Венисией. Его не интересуют государствен-

ные дела. У него всего две страсти: его дочь, юная красавица по имени Афикит, и цветы. Мы постоянно следим за ним.

— А третий?

Настойчивость юного осгорита смутила коннетабля. Неужели он недооценил роль фаворита сеньора Сиракузы? Быть может, эта обезоруживающая наивность скрывала точный расчет и определенные намерения.

— Махди Секорам.

Ранти Анг не сдержал удивления, его восклицание было неуместным, бестактным и противоречило придворному кодексу эмоций.

— Боже! Вы отдаете отчет, о чем говорите, господин коннетабль?

— Почему? Кто он? Что он сделал?

— Великий предводитель Ордена абсуратов. Но успокойтесь, господин Спергус: мы постарались направить шпионящих за нами рыцарей абсуратов по ложному следу. И постоянно просматриваем их отчеты.

— Да будет так! Однако нападение на Орден абсуратов означает нападение на сами основы Конфедерации Нафлина! — возразил Ранти Анг. — Рыцарство многие века посвящало себя изучению военного искусства. Ни один из сеньоров, как бы могуч он ни был, не осмелится бросить вызов Ордену! Вы лишились разума, господин коннетабль?

— Орден и не подозревает об оружии, которое мы готовим, мой сеньор.

Паминкс вдруг застыл в торжественной позе.

— Мой сеньор, настала пора осуществить провидческую мечту вашего отца. Конъюнктура исключительно благоприятна: мощная армия, полиция, которая находится под командованием вашего брата Менати до завершения пятилетней асмы, которая, как мы смеем надеяться, пройдет на Сиракузе, а не на Иссигоре. В соответствии с нашими советами Менати удалось завербовать нескольких высших офицеров, они вступили в союз с нами в обмен на обещание титулов и территориальных концессий. Наемники-притивы готовы оказать безраздельную помощь, поскольку мечтают разделаться с Орденом абсуратов, из которого давным-давно вышли их предки, рыцари-диссиденты. Церковь Крейца переживает бурную экспансию, благодаря неутомимой деятельности миссионеров в самых отдаленных уголках Конфедерации. Имея на вооружении огненные кресты и ментальных инквизиторов, она отныне является мощным репрессивным аппаратом.

Нам, мой сеньор, была нужна всего одна вещь, и конкретное воплощение ее вы видели собственными глазами.

Он замолчал, наблюдая за воздействием своих слов на собеседников. Спергус разинул рот и вытаращил глаза, став похожим на голографический монумент донафлинской эпохи. Только две светлые пряди трепетали под едва уловимым дыханием воздуха. Юный и несдержанный осгорит, жертва своего любопытства и любви Ранти Анга, отныне знал слишком много. Играл он двойную роль или нет, но фаворит стал опасен. Колесо его судьбы, рота индивидуа крейцианц, вскоре перестанет вращаться.

Сеньор Сиракузы рассеянно потирал губы указательным пальцем правой руки. Его голубые глаза перебегали с трупа миката на черный бурнус палача. Эфемерные геммы, десятками заделанные в длинный пурпурный плащ, прикрывавший белый облеган, бросали вокруг яркие короткие вспышки.

— Теперь нам должно действовать быстро, — вновь заговорил коннетабль. — Окончательно устранить Шри Митсу, опасного противника, несмотря на ссылку. Им займутся наемники-притивы. Также надо расправиться с Шри Алексу и его дочерью, чей безобидный облик должен, вероятно, ввести нас в заблуждение. Использовать вашу власть, мой сеньор, чтобы получить дополнительные кредиты на оттачивание технологии ментального убийства. Затем бросить вызов Ордену абсуратов и уничтожить его одновременно с устаревшей Конфедерацией, чтобы стереть все следы индисской науки. А ради гарантии успеха было бы своевременным окончательно заткнуть глотку америндам с Матери-Земли.

— Если слух об этом геноциде, а вы предлагаете именно геноцид, просочится наружу, мы попадаем под прямую угрозу со стороны абсуратского рыцарства! — воскликнул Ранти Анг. — А вам не скрыть своих замыслов, ибо основные государства-члены имеют уши и глаза повсюду!

— Пора перестать рассматривать Орден в качестве неодолимого препятствия. Наши шансы на успех покоятся на быстроте и точности расчета, а также на эффекте внезапности. Мы ждем лишь вашего формального согласия, мой сеньор... Только от вас зависит, станете ли вы первым сувереном постнафлинской империи.

И тут же подумал, что Ранти Ангу никогда не удастся воспользоваться подобной привилегией. На пятой фазе Великого Проекта Гипонерос предусмотрел уничтожение Конфедерации Нафлина и восхождение на престол просвещенного тирана, собирателя камней. Человека иного масштаба, чем нынешний сеньор Сиракузы.

Четыре скаита-мыслехранителя утратили бдительность. Свет полузакрытых глаз, вырывавшийся из тени красных и белых капюшонов, померк. Они нарушили первый закон трактата Благородной Этики защиты: в любое мгновение дня и ночи буду ярым защитником духа моего господина, ибо он один имеет право следовать интимными путями своих мыслей.

Паминкс, от которого не ускользнула эта оплошность, мог бы проникнуть в мысли Ранти Анга, лишенного защитных экранов. Но предпочел дождаться, пока его соплеменники не спохватятся и не исправят свою непростительную ошибку. Сегодня коннетабль не станет требовать новых жертв. Самые важные головы скоро скатятся к его ногам, и его вполне устраивала такая перспектива.

— Мой сеньор, мне хотелось бы продолжить беседу о последствиях нашего предприятия, — тихо произнес он, чтобы не вырывать с излишней резкостью Ранти Анга из его сна наяву. — Освободите господина Спергуса от столь тяжелой работы. Отошлите его в то место, которое больше подходит для вашего юного друга.

Не ожидая ответа Ранти Анга и не обращая внимания на убийственный взгляд Спергуса, он решительным шагом направился в сторону темного подземного коридора.

Глава 2

Вступая в ряды служащих Галактической Транспортной Компании и осознавая дарованную мне привилегию, клянусь посвятить Компании всю свою жизнь.

Клянусь выполнять свою работу с особым рвением ради блага путешественников, выбравших нашу Компанию.

Заранее принимаю любой пост, который сочтет нужным дать мне кадровая коллегия ради наилучшего функционирования Компании.

Становясь полным и безусловным членом великой семьи, объединенной Компанией, клянусь, что уважаю ее...

Выдержка из Бронзовой Хартии,
деонтологического кодекса ГТК. Клятва,
произносимая вслух, перед кадровой коллегией
во время церемонии поступления на службу
после стажа на планете Урсс.

Согласно молве, столь же постоянной, как и непрекращающийся дождь на планете Двусезонье, влажный сезон должен был вот-вот закончиться.

Развалившись в потрепанном грязном кресле агентства, которое с трудом освещали запыленные водолампы, Тиксу Оти, уроженец планеты Оранж, смотрел на падающие капли дождя с выражением небесной коровы, созерцающей древний ракетный поезд.

За пять или шесть стандартных лет, которые он провел на Двусезонье, Тиксу постепенно превратился в инертную, заросшую волосами глыбу, насквозь пропитанную спиртным и скукой. От его некогда светло-зеленой, а ныне мятой формы, потерявшей цвет, несло тошнотворной вонью, напоминавшей острый запах гигантских речных ящериц в период сезона дождей.

Напуганные его бессмысленным взглядом редкие клиенты, у которых возникала странная мысль толкнуть продавленную дверь агентства, задерживались лишь на то время, которого им хватало на извинения. Какое мнение могли составить эти горе-путешественники о ГТК, самой крупной во вселенной компании! О ГТК, тысячи агентств которой располагались на сотнях планет Конфедерации Нафлина и на далеких мирах Окраин. О всемогущей ГТК, которой удалось получить почти полную монополию в области переноса живых клеток на дальние расстояния с помощью бессовестной рекламы и политико-финансовых интриг.

Утонув в болоте равнодушия, Тиксу знал, что однажды ему нанесет визит ринс, робот-инспектор, направленный кадровой коллегией. И Тиксу придется представить отчет. Дирекция помнила о каждом агентстве, даже если оно располагалось на задворках мира. Если сильно повезет, его просто выгонят, как грязную тварь, в которую он превратился. Оптимистичное предположение, которое, увы, было лишь отражением подсознательного желания. По логике он должен предстать перед внутренним деонтологическим трибуналом Компании, где торжественно перечислят его многочисленные профессиональные огрехи. В назидание другим, а также потому, что одалживают лишь богатым. К списку его прегрешений добавят и то, чего он не совершал. ГТК не имела обычая шутить со своим престижем и никогда не упускала случая устроить показательную порку. Его приговорят к десяти или пятнадцати годам принудительных работ в ремонтно-испытательном центре на планете Урсс. Там ему предоставят выбор — стать пилотом-испытателем новых аппаратов, созданных инженерами Компании (смертность: 30,3%), или работать на облучаемом конвейере выявления дефектов (смертность: 26,7%).

Однако, приложив невероятные усилия для подавления собственной воли, Тиксу смог изгнать из головы ненужные

мысли: о Бронзовой Хартии, профессиональной библии Компании, на которой давал клятву при поступлении на работу, о регламенте и его бесконечных параграфах два и три, о ринсах и их лексике, касающейся клеточной переписи, о безусловной правоте клиентов, об ожидающей его неприятной перспективе... Отныне самым важным стал момент, когда по внутреннему каналу звучал синтетический голос стюардессы, извещавший о наступлении стандартного часа закрытия всех агентств в зоне 1098-А Окраин.

Подчиняясь условному рефлексу, Тиксу набирал на старенькой клавиатуре секретный код помещения дерематов, опускал рычаг створки магнитной защиты, извлекал ленивое тело из кресла и выходил на улицу, постоянно забывая погасить античную голографическую вывеску, в которой с незапамятных времен не горели две буквы из трех. Вероятно, он руководил самым неряшливым агентством во вселенной.

Тиксу неверной походкой углубился в переплетение темных кривых улочек города. Потом вскарабкался на хлипкие высокие мостки. Их в сезон дождей перебрасывали над болотами, ручьями и реками, в волнистом зеркале которых отражались тусклые огоньки светошаров, летающих по воле ветров. Время от времени вода вскипала пеной, и на поверхности показывалась речная ящерица, рептилия-хищник метров десяти в длину. Ее светло-желтая чешуя и крохотные рубиновые глазки вспарывали серые воды, раскрывалась огромная пасть с тремя рядами длинных острых зубов, а мощный хвост с яростью колотил по воде.

Не раз случалось, что прохожий, пьяный или страдающий бредовой лихорадкой, падал с мостков при особо сильном порыве ветра. У него не было ни малейшего шанса выбраться на берег: всегда поблизости оказывалась ящерица, которая бросалась на несчастного и заглатывала его (смертность: 100%).

Тиксу иногда останавливался и смотрел на водяных чудовищ, стараясь крепко держаться за верхнюю веревку перил. Не потому, что слишком дорожил жизнью, а потому, что всегда цеплялся за что-нибудь, в частности, за веревку мостиков. Автохтоны Двусезонья, садумба, без намека на шутку утверждали, что ящерицы являются божествами воды. И до массовой высадки колонистов Конфедерации автохтоны имели обычай приносить им в жертву новорожденных. Хотя конфедеральный закон защищал чужую этику и уважал местные обычаи, полиция запретила эту вековую практику, сочтя ее варварской, ведущей к деградации и противоречащей духу просвещенной цивилизации.

Тиксу встречались расплывчатые фигуры людей, пытающихся удержать равновесие на скользких и уходящих из-под ног дощечках. Хотя дождь всегда с силой хлестал по лицу, он никогда не мог вывести оранжанина из состояния отупения. Ноги несли его к единственному кабаку поселения, к бараку на высоких тонких сваях, не вызывавших доверия. Под изъеденной вывеской остался лишь кусок террасы, остальная часть давно обвалилась в кипящие воды ручья. По всей вероятности, это был самый запущенный кабак во вселенной.

Тиксу каждый вечер втискивался в плотные ряды потребителей мумбе, местного алкогольного напитка, некой смеси кислоты и яда, которая разъедала внутренности любого нормального человека. Тиксу молча проглатывал стакан за стаканом, не глядя по сторонам. Остальные посетители у стойки бара или за столиками также хранили молчание. Их блестящие глаза с красными кровавыми прожилками созерцали пустоту. Владельцы бара, трое братьев с планеты Красная Точка, наполняли стаканы без излишних слов. Их жадные руки быстро и ловко сгребали железки, которые посетители сыпали на дюралевую стойку.

Таверна «Три Брата» (так ее называли, поскольку никому не удалось расшифровать буквы на вывеске) была пунктом контрабанды красного табака с миров Скодж и фальсифицированного спиртного, внесенного в конфедеральный индекс двести шестьдесят стандартных лет назад. Время от времени женщины с разноцветными шевелюрами раздвигали завесу дыма и бродили по залу или рядом с баром. Их полупрозрачные лохмотья едва прикрывали морщинистую кожу, обвисшие формы, подчиняющиеся закону гравитации, ноги, обтянутые целлюлитом, лысые венерины холмики... Проститутки на финишной черте, у которых не было средств на курс эстетического омоложения и которые предлагали себя искателям опталия, жалким чиновникам и деловым людям, случайно попавшим в этот сектор пространства...

Когда Тиксу охватывала невыносимая тоска, он тоже становился жертвой жалкого зова плоти. Парочки обычно удалялись в комнатку на втором этаже, где гудел рой черных агрессивных комаров. Как любые профессионалки, заботящиеся о рентабельности своих услуг, женщины старались получить деньги, эрекцию и оргазм клиента за полминуты. И каждый раз у Тиксу оставалось воспоминание о стойком запахе дезинфицирующего средства, которым был пропитан испещренный пятнами матрас.

Иногда поверх голов слышались обрывки разговора, с трудом произнесенные слова, ускользнувшие мысли:

— Чертов дождь! Уже длится двадцать лет... Эту дыру стоило назвать Односезонье!

— Ага... Бедняга Мортин Оллигрен... Кончить жизнь в глубине шахты в пасти треклятой ящерицы...

— А ведь я говорил ему не рыть так близко от воды! Опталий у воды никогда не находили, а потом было ясно, что этот кусок берега вот-вот обвалится...

— Не стоило так упорствовать... Они все такие, эти выродки с Артилекса! Всегда считают себя правыми!

— Эй, оранжанин! Как только наткнусь на хорошую жилу, приду к тебе! Посадишь меня в свою дурацкую машину, и я наконец вернусь домой! Заодно и помолодею!

— Закройся, Амигот! Путешествие по дерематy стоит не менее десяти кусков! А история с омоложением просто сказки... Вначале, может, и выиграешь несколько месяцев, но они тут же вернутся, поскольку в памяти клеток хранится твой биологический возраст... Это называется коррегированным эффектом Глозона... Не так ли, Тиксу?

Тиксу корчит гримасу, которая может сойти за согласие.

— Не смейся! — настаивает первый. — Говорю тебе, мне повезло по-настоящему! Жила, старина! Настоящая!

На планете в основном жили искатели опталия, редчайшего металла, за которым охотились скульпторы-ювелиры Беллы Сиракузы и корпорации священного ремесленничества Маркината. Шахтеры, изъеденные зенобой, неизлечимой дождевой лихорадкой. Лбы с каплями пота, восковой цвет лица, шатающиеся зубы, сумасшедшие глаза. Они слетелись сюда из всех уголков вселенной. Их легко было узнать по традиционному комбинезону из плотной коричневой ткани. Все горели единственной надеждой: добыть достаточно денег на деремат, чтобы телепортироваться на родную планету, где и почить в мире и спокойствии. Обычный корабль летит долгие годы, и им не пережить столь долгого путешествия. Древние корабли времен завоевания тратили по полгода-году, чтобы связать главные планеты Конфедерации. А еще существовала опасность пиратства и крушения.

«По оценкам экспертов геобурильщиков, недра планеты Двусезонья изобилуют белым опталием...»

Это лапидарное сообщение, подхваченное каким-то диктором малоизвестного канала головидения, вызвало настоящий бум. Независимые шахтеры взяли планету приступом, убивали друг друга, чтобы получить наилучшие концессии, и быстро растратили жалкие сбережения на доставку тяжелого обору-

дования: экскаваторов, буровых, конвейеров и обогатителей... Но постоянный дождь, заливающий и обрушивающий подземные галереи, речные ящерицы и насекомые, переносчики зенобы, превращали добычу драгоценного минерала в сомнительное предприятие. Все, чем на данный момент обогатились искатели, была всепожирающая, смертоносная лихорадка, с которой не могли справиться самые лучшие лекарства Конфедеральной Конвенции Здоровья.

Более или менее магические рецепты има садумба, местных колдунов, были не эффективнее химических, звуковых или волновых лекарств, предлагаемых ККЗ. Зеноба косила и самих садумба, чья природная иммунологическая защита страдала от отсутствия гигиены и неумеренного потребления мумбе. Автохтоны Двусезонья всегда ходили голыми. Переплетения темных вен подчеркивали болезненную белизну их безволосой и почти прозрачной кожи. Они невольно бросали вызов недавнему конфедеральному декрету, принятому по настоянию Крейцианской Церкви Сиракузы, которая требовала обязательного ношения одежды. Садумба было наплевать на все прошлые и нынешние декреты. Они всегда выглядели мрачными и меланхоличными, что никак не вязалось с их круглыми лицами и внушительными телесами.

Больные шахтеры-ветераны утверждали, что садумба полностью перерождаются при наступлении сухого сезона: их тела высыхают, как кора дерева, меланин окрашивает их кожу в красивый коричневый цвет, и они вдруг проявляют невиданное жизнелюбие, поют, пляшут, учиняют вакханалии, на которые приглашают всех желающих. В ожидании этих славных дней, которые, быть может, существовали лишь в воспаленном воображении искателей опталия, некоторые представители садумба мужского и женского пола сидели в углу зала, передавая из рук в руки стаканы с мумбе, и, казалось, пережевывали все мрачные мысли вселенной.

Точный, как древние донафлиновские ходики, в один и тот же час в кабаке появлялся странный персонаж: высокий, бледный человек с рыжей всклоченной шевелюрой, выбивающейся из-под капюшона шафранового дырявого облегана. Поражало его костистое лицо с острыми чертами, густые брови, длинная шея стервятника. Его иссохшая рука выбиралась из-под пурпурной накидки, и обвиняющий палец обводил всю аудиторию. Громкий голос перекрывал стук дождевых капель по кровле:

— Отщепенцы Индекса! Спиртное превращает вас в раскатта, в людей вне закона, в скотину, которая стоит на нижней ступени эволюции, даже ниже речных ящериц! Куча гнусного зверья! Низшие существа, которых порок держит в рабстве! Рано или поздно вы предстанете перед Крейцем. Покайтесь в своих грехах, и огонь очистит вас! Час близок. Бойтесь геенны искупляющего креста: она доберется до вас, чтобы наказать за ваше безверие!

Все спокойно ждут окончания грозы. Крейцианский миссионер поворачивается к проституткам, которые нарочито бросают ему вызов, раздвигая ноги, облизывая кончиком языка крашеные губы или лаская грудь.

— Прикройтесь, дьявольские самки! Зловонные колодцы! Ваше поведение оскорбляет божественную Лаиссу, матерь Крейца! Вам уже уготовано место на огненных крестах!

Его горящий взгляд долго обегает тени прокуренного помещения, кадык едва не протыкает иссохшую кожу шеи. Потом он выходит, пошатываясь, как сомнамбула, под насмешливое и одновременно опасливое фырканье потаскух.

— Чокнутый крейцианин! У него, наверное, зеноба!

— Думает, что запугает своими огненными крестами! — кривится один из мужчин.

— Не стоит смеяться! — возражает преждевременно состарившийся шахтер. — Они есть, эти поганые огненные кресты! Я сам их видел!

Все лица поворачиваются в сторону старика, который обеими руками цепляется за стойку бара, чтобы устоять на шатающихся ногах. Испуганные проститутки покидают клиентов и окружают его.

— Это было во времена, когда у меня была концессия на Джулиусе, сателлите Сиракузы. Там Церковь Крейца стала официальной религией, обязательной для всех, а тех, кто не хотел менять веру, приговаривали к огненному кресту... Я видел целые семьи, мужа, жену, детей, поджаривающихся на медленном огне. Отвратительный спектакль...

— Значит, ты из этих гнусных крейциан! — начинает кричать один из мужчин, которого мумбе сделало агрессивным. — Иначе ты бы посмеялся, как и остальные!

Это замечание на грани здравого смысла сопровождает одобрительный ропот.

— Я был! — возражает шахтер. — На Джулиусе я был крейцианином. Иначе оставил бы там шкуру! Не такая уж

она красивая, но я за нее держусь! А теперь я такой же крейцианин, как ты богач!

Весь зал хохочет. Успокоившиеся проститутки окружают столики, как рой пчел на поле цветов, полных нектара. Постепенно над залом нависает тишина. Головы тонут в парах спиртного. Пора отправляться спать. Опасное предприятие — брести через ночь, дождь и ветер, стараясь не сорваться с раскачивающихся мостков, чтобы не стать нежданным обедом речных ящериц...

Тиксу никогда не мог отчетливо вспомнить, каким образом он отыскивал дорогу к пансиону. Чаще всего у него не хватало сил взобраться на гравитационный цоколь, и он засыпал у подножия лестницы. Остальным занимался ночной сторож, садумба в слишком узкой форменной куртке и с символическим набедренником: он отыскивал нужную дверь нужной комнаты, находил в непроходимом беспорядке кровать, укладывал безжизненное тело на матрас, вонявший блевотиной, спиртным и грязью. Исполнив этот тяжкий труд, ночной сторож выпускал несколько сочных ругательств на родном языке и выходил. И каждый раз спотыкался об одну из многочисленных бутылок, усыпавших пол, вновь ругался и закрывал за собой дверь. Тиксу приоткрывал глаз, чтобы заметить в щели пару громадных белых ягодиц под смешной черной курткой, и проваливался в сон, больше похожий на кому.

В то утро сладкий голос стюардессы, объявлявший всем служащим о начале работы в зоне 1098-А Окраин, показался оранжанину Тиксу Оти особо невыносимым. Ему казалось, что каждое слово, которое выплевывал динамик внутреннего канала, было микроскальпелем, надрезавшим нервы.

Дневной сторож, немой троблосс, принес ему завтрак, состоящий из пряных садумбских сладостей и обжигающего густого напитка, который одни называли кофе, а другие — чай. Троблосс зевнул во весь рот — так он здоровался. Тиксу уселся на край кровати и едва кивнул в ответ. Сторожу не понравилось такое полное отсутствие вежливости. Он брякнул поднос на груду одежды на низком столике и удалился.

Как и каждое утро, Тиксу не дотронулся до завтрака, не стал совершать утренний туалет, с трудом поднял страдающее тело и вышел в коридор. Пересек прихожую, пробормотал извинение, повернувшись в сторону раздраженного троблосса, и вышел на улицу. Разъяренный от дождя, ветра и вечного полумрака в поселении, Тиксу направился прямо в агентство.

Он нажал кнопку вибратора, лежащего в боковом кармане пиджака. Потрескивающее голубоватое поле магнитной шторы исчезло. Тиксу уселся за стол и набрал конфиденциальный код включения деремата, старого ветхого аппарата, который предлагал в качестве премии за путешествие несколько неприятных последствий, о которых в рекламе ГТК тщательно замалчивалось.

Потом, будучи экспертом сидячего положения во всех его вариантах, он с уютом устроился в кресле и погрузился в привычное тупое созерцание капель дождя, отплясывающих сарабанду на грязном стекле. И незаметно заснул.

— Эй!.. Эй, вы, пожалуйста!

Тиксу повернул голову. Перед его столом стояла девушка. Он не слышал автоматического звонка у входа. Инстинктивно подумал: «Сиракузянка! Что нужно сиракузянке в этой дыре?»

Огромные бирюзовые глаза с зелеными и золотыми искорками остановились на нем с грацией птиц-певуний из края Орган, провинции Оранжа, славящейся невероятным разнообразием фауны. Девушка осторожно отжала два вымокших локона с золотистыми отблесками, которые выпали из-под пурпурной отделки белого капюшона. На ней был широкий плащ с яркими меняющимися узорами, скроенный из одного куска живой ткани, застегнутый на груди скромной брошкой из розового опталия. Невероятно бледная кожа, тончайшие черты лица, обрамленные белой помадой губы, грациозные жесты выдавали в ней сиракузянку, в осанке и взгляде которой ощущалось некоторое высокомерие.

Тиксу на мгновение окаменел в своем кресле. Потом, словно в нем распрямилась пружина, начал поспешно приводить в порядок все то в агентстве, что давно нуждалось в уборке. Он приосанился, поправил воротничок рубашки, разгладил спутанные волосы, одернул форменный пиджак, затянул пояс. На столе его царил беспорядок, валялись ненужные бумаги, непонятные предметы... Он попытался улыбнуться молодой женщине, но тут же с омерзением ощутил себя белой домашней обезьяной, исключительно одаренной в производстве гримас.

— Э-э-э, здравствуйте... По какому поводу?

Визитерша с едва заметной иронией скривилась.

— Мне нужно путешествие. Вы ведь продаете путешествия? Если только я не ошиблась адресом...

Мощный удар ее жаркого мелодичного голоса поразил Тиксу в самое солнечное сплетение. Она, как и все сиракузяне, умела фокусировать голос и направлять в нужную точку в виде концентрированной звуковой волны.

— Э-э-э... да, конечно, путешествия... — сумел пробормотать Тиксу. Он был подавлен и едва дышал. — Э-э-э... может, желаете присесть?

— Охотно. Но куда?

— Простите... Заказываю кресло...

Нарушая правило три три, абзац 12-С подраздела, касавшегося обхождения с путешественниками, профессиональной библии (ни один потенциальный клиент не должен ожидать стоя), он забыл о существовании подвижных кресел. Побагровев, он коснулся серой клавиши на столе. Невероятно уродливое кресло вылетело из шкафа и с ужасным скрипом запрыгало к посетительнице. Она глянула на пыль, скопившуюся на подушках.

— Тысячу раз спасибо, но лучше я постою. Полагаю, вы предлагаете путешествия с де- и рематериализацией...

— Дерематы? Ну конечно... Может, вы не заметили, что вошли в одно из агентств ГТК, самой крупной компании во вселенной. Поэтому я спрашиваю вас: где, как не здесь, вы найдете дерематы?

К великому удивлению Тиксу, слова теснились у него на языке. Обычно он выдавливал несколько угрожающих слогов, предназначенных для испытания характера и настойчивости клиента. Большинство их почти тут же отступало и, не имея выбора, предпочитало потратить три недели жизни на судах регулярных рейсов, связывавших Двусезонье и остальные планеты Окраины.

— Отлично. Мне нужен один... дерематы для переноса на Красную Точку. Полагаю, это в ваших силах?

— Красную Точку? — воскликнул Тиксу.

Опаловые губы посетительницы вновь тронула улыбка. Она выглядела спокойной, далекой, почти отсутствующей. Контроль эмоций был одним из главных принципов сиракузского воспитания. Лицо и жесты не должны были никогда выдавать чувств, тем более в присутствии незнакомых людей. Вытаращенные от удивления глаза Тиксу походили на бездну, открывавшуюся в пустоту его души.

— Я ожидаю ответа! Это возможно?

Тиксу ощутил в ее голосе нотку тревоги. А также услышал шорох живой ткани накидки, вызванный нервной дрожью ноги.

— Безусловно, возможно... Наши программы позволяют послать на любой из известных миров. Но... Простите, если я вмешиваюсь не в свои дела, что собирается делать такая женщина, как вы, на Красной Точке? Поймите, я впервые встречаю сиракузянку на Окраине и...

— Откуда вы взяли, что я прибыла с Сиракузы? — сухо оборвала она.

— Не раздражайтесь! — Тиксу раскинул руки. — Я не собираюсь ни шпионить за вами, ни обманывать вас! Я... немало постранствовал за свою жизнь и умею узнать сиракузянку, вот и все... Неужели вам неведомо, что говорят о Красной Точке?

— Я слышала многое, как и остальные. Но это ничего не меняет!

— В конце концов это ваше дело... У вас там семья? Кто-то может вас там принять? Судя по репутации планеты, для вас было бы лучше...

— Сколько?

Резкий тон не располагал к продолжению беседы. Тиксу подчинился и вновь облачился в жалкий фрак скромного служащего ГТК.

— Мадам, вы клиентка, а клиент во всем прав! Я только пытался оказать вам услугу...

Он пальцем коснулся клавиши консоли. Однако ему не удавалось подавить вихрь мыслей, перехлестывающих через плотину равнодушия и скуки. Он сожалел о своем неряшливом облике, о щетине на подбородке, о черных ногтях, которые пытался скрыть от взгляда собеседницы, пряча их в ладонях, о зубах, пожелтевших от красного табака Скоджа и мумбе, о влажности и окружающей грязи. Увидев грациозную и высокомерную сиракузянку, он вдруг осознал, насколько пусто его существование, как бездонна пропасть его падения.

На экране высветились цифры.

— Перенос до Красной Точки: пятнадцать тысяч стандартных единиц.

— Пятнадцать тысяч? Слишком дорого!

— Не думаю, что вы найдете дешевле в другом месте, — сказал Тиксу, пораженный тем, что сиракузянка опустилась до того, что оспаривала цену. — ГТК предлагает самые низкие цены во вселенной... В любом случае на Двусезонье нет другого деремата...

Глаза посетительницы вонзились в глаза Тиксу, который буквально пошатнулся от пламени в ее взоре.

— В данный момент я не располагаю такой суммой, — медленно выговорила она, выпуская слова, словно стрелы. — Однако необходимо, жизненно необходимо, чтобы я попала на Красную Точку! Вам понятно?

— Понимаю... понимаю, — пробормотал Тиксу, неловко пытаясь уйти от невероятного психологического дав-

ления своей собеседницы. — В таком случае садитесь на любой корабль.

— И речи быть не может! На перелет понадобится три недели, не считая опасности пиратства. Вы говорите, пятнадцать тысяч...

Она явно искала решение. Даже закусила нижнюю губу, которая побелела под нажимом зубов, покрытых голубоватым лаком. Дрожь ее ноги усилилась. Она явно испытывала трудности в контроле над собственными эмоциями, что говорило о глубине ее замешательства.

— Предлагаю вам восемь тысяч единиц, — наконец сказала она, превозмогая явное отвращение к тому, что опустилась до столь низкой торговли. — Остальное позже. И конечно, я оставлю вам личный отпечаток в знак признания долга.

— Увы, мадам, я не могу согласиться... — заявил оранжанин с примирительной улыбкой, в которой явно не хватало силы убеждения. И поспешно добавил, как бы оправдываясь: — Каковы бы ни были у вас причины предложить мне эту сделку, а, полагаю, причины вполне веские, я не могу себе позволить нарушить внутренний регламент Компании...

Стоило ему произнести эти слова, как из давно забытых тайников души послышался вкрадчивый голос. Почему служащий Оти, код МСО 12 А 2, вдруг озаботился внутренним регламентом Компании? Было ли это обусловлено обучением и профессиональной совестью или он просто хотел привлечь к себе внимание?

Он решил, что она уйдет, и уже сожалел об этом, но она не походила на обычных клиентов, и такой пустяк вряд ли ее обескуражил: она положила длинные узкие ладони, ладони художницы, на стол. Ее лицо опасно приблизилось к лицу Тиксу, и он едва не опьянел от аромата ее духов.

— Я знаю, вы подчиняетесь своему регламенту. Каждый из нас чему-то подчиняется. Но это путешествие необходимо! Необходимо! Пожалуйста, внимательно выслушайте меня не только ушами, но и сердцем, а не прячьтесь за регламентом. — Она чуть-чуть помолчала, глядя на Тиксу, привалившегося к спинке кресла. — Это путешествие необходимо не для меня. А для вселенной. Для всей вселенной! Конфедерация Нафлина в невероятной опасности. И это не имеет никакого отношения к регламенту... Надо, чтобы я немедленно отправилась в путь!

Ее ногти, покрытые серебристым лаком и остро заточенные по сиракузской моде, почти вонзились в столеш-

ницу. Тиксу чувствовал себя неуютно и вращался в кресле туда и обратно. Лампы вдруг брызнули снопом искр. Он ощутил покалывания в кистях и предплечье.

— Вселенная! Вы не церемонитесь со словами! Страховка Компании касается лишь личных вещей клиентов, но не вселенной!.. Особенно за восемь тысяч!.. Ниже самой низкой цены на рынке...

Повторяя эти слова, как плохо заведенный механический попугай, он прикидывал, каковы могут быть последствия скидки. Если он введет неверные данные в программу, деремат немедленно перестанет функционировать. Количество пассажиров, их пункт назначения, стандартная цена, способ оплаты — вся информация, относящаяся к деремату, поступала в центральную память зоны 1098-А. Полученную сумму следовало немедленно перевести на банковский счет Компании. Значит, оставалось всего две или три минуты на то, чтобы компьютеры провели подсчеты и обнаружили аномалию, два или три часа на то, чтобы контролеры центра управления взялись за изучение дела, и два или три дня, пока в агентстве не материализуется ринс.

Тиксу решил, что эта абсурдная игра в прятки с Компанией длится достаточно долго. Девушка давала ему прекрасную возможность покончить с бесславным пребыванием на этой планете вечного потопа. Почти весело он спросил:

— Вы сказали, восемь тысяч единиц?

— Почти... Это означает, что вы согласны?

Он попытался выдержать взгляд девушки, чьи глаза застыли всего в тридцати сантиметрах от его лица. Гиблое дело, но он мог позволить себе роскошь оказать услугу прекрасной сиракузянке, даже если та считала его последним из кретинов. К тому же история со спасением вселенной (от кого? от чего?) была намного интереснее лихорадочного бреда шахтеров.

— Вы знаете, я иду на огромный риск, фальсифицируя деремат...

Побежденный Тиксу, делая хорошую мину при проигрыше, пытался подчеркнуть важность своего поступка, героического поступка безвестного служащего, который с высоко поднятой головой расстается с карьерой за одну женскую улыбку. Она не выразила никакого восхищения. Он опустил глаза.

— Итак, за восемь тысяч мы имеем право на двойное путешествие — вы на Красную Точку, а я к неприятностям. Я, конечно, могу взять ваши отпечатки в знак признания долга, но это мало что меняет...

В сине-зелено-золотых глазах сиракузянки вспыхнули огоньки. Счастливая улыбка осветила ее лицо. В голове Тиксу возник образ белого цветка с синим пестиком. Он вдруг спросил себя, сколько же времени он не целовал женщину. Блеклые губы потаскух из бара не располагали к страстным поцелуям.

— Когда я могу отправиться?

— Как только пройдете медицинское обследование. Хотя Компания предоставляет вам специальную услугу, без медицинского контроля не обойтись... Видите кабинку? Точно следуйте инструкциям на шаровом экране. Давайте договоримся: если психоконтролер не даст согласия, машина тут же остановит клеточное опознание. И как ни важно ваше путешествие для нашей дорогой Конфедерации...

Она не обратила никакого внимания на слова Тиксу и буквально полетела к кабинке, отделенной от главного помещения стеклянной дверью. Оранжанин набрал код включения психоконтролера.

У него было ощущение, что он совершает монументальную глупость. Использование деремата с нарушением правил ГТК считалось самым большим грехом. Теперь ему грозили не только внутренние санкции, но и уголовное наказание и внесение в Индекс раскатта. Он проклинал свою собственную глупость: он позволил обвести себя вокруг пальца, как последний из чужаков — так презрительно называли уроженцы Сиракузы всех, кто родился на других мирах.

И одновременно ощущал себя счастливым мальчишкой. Счастливым, что покончил со всей этой канителью, счастливым, что разделался с регламентом, счастливым, что подчинил действия своим мыслям. Красные лампочки психоконтролера погасли одна за другой. На экране справа вспыхнул черно-зеленый треугольник: пассажирка была физически способна перенести разложение и воссоздание клеток и ДНК. Тиксу был опечален: он уже не мог отменить свое решение. Ведь присутствие этой девушки, далекой и недостижимой, разбудило в глубинах его существа смутное чувство возврата к жизни. Она заставила его вспомнить о женщинах-алхимиках из древних легенд родной планеты, которые превращали угрюмые пустыни в плодородные земли. Явившаяся из далекого мира, столь же удаленная от него, как миры Центра от Окраины, она оказалась первым лучиком солнца в его нескончаемой зиме.

Через несколько мгновений она уже стояла перед ним. Ее окружал серо-голубой ореол: она слишком поспешно

покинула кабину, и психоконтролер не успел рассеять световое поле обследования. Она действительно очень спешила.

— Все готово?

— Почти все, — нехотя ответил Тиксу. — Остается отрегулировать... финансовую проблему... Назовем это для удобства регулированием!

Юмор служащего, жалкий юмор того, кто теряет все, ее не тронул. Она достала радужную сумочку, инкрустированную рубинами, из внутреннего кармана накидки.

— Отдаю вам все. Сиракузские деньги, которые я не успела поменять на стандартные единицы. Проверьте: это соответствует восьми тысячам единиц.

— Я вам верю, — выдавил Тиксу.

Он совершал уже не первую непоправимую ошибку и в глубине души был этим доволен: у него всегда были нелады с межпланетным обменом.

— Ах да, я едва не забыл: у нас дематериализатор очень древней модели, если не сказать совершенно устарелый...

— Но он работает?

В голосе путешественницы вновь появились нотки беспокойства.

— Да, но проблема в другом... Он обладает некоторыми недостатками, которые устранены в новейших моделях... Поймите, Двусезонье расположено далеко от всех и...

— Что за недостатки?

Он опять ощутил тяжесть ее взгляда. И покраснел до самых волос. По его лбу и шее побежали струйки пота. Горячие ручейки от подмышек текли по коже, делая липкой рубашку.

— Он запрограммирован на перенос человеческих клеток. Только человеческих клеток. Иными словами, он перенесет только ваше тело. Ваша одежда за вами не последует. И никакой другой предмет... Все, что необходимо для путешествия — сумочка, чемодан, наличные деньги, — останется тут. Вот почему я спрашивал, знаете ли вы кого-нибудь, на чей адрес я мог бы запрограммировать вашу рематериализацию.

Девушка молчала. Чувствовалось, что она боролась сама с собой: на лбу появилась глубокая вертикальная складка, и вновь предательски задрожала нога. Целомудренные сиракузянки никогда не снимали одежд в присутствии посторонних, а тем более облеган. Белизна их кожи была одним из главных канонов Церкви Крейца и сиракузской эстетики, а потому они избегали того, чтобы лучи звезд солнечного типа попадали на их дра-

гоценную эпидерму. Охваченный безумной надеждой задержать ее на минуту, на час, на сутки, Тиксу жестко добавил:

— Вы появитесь на Красной Точке столь же обнаженной, как и в день своего рождения, мадам! А ведь эту планету не стоит рекомендовать для посещений...

Она окинула его таким презрительным взглядом, что он пожалел о сказанном.

— Я там никого не знаю, — глухо пробормотала она. — Вернее, не знаю, где живет человек, с которым должна встретиться.

— Весьма... печально.

— Полагаю, других возможностей нет...

— Есть! Отказаться от этого путешествия. Или немного подождать, чтобы подготовиться к нему. Если хотите, я вам помогу...

— И речи быть не может!

Он понял, что ему не поколебать решимости собеседницы. Он набрал код, соответствующий трехмерной карте столицы Красной Точки. По экрану побежали залитые красным светом улицы и руины зданий.

— Я сам никогда не был на Красной Точке, — сказал он. — Но знаю, что за пределами столицы нет ничего, кроме пустынного континента. Думаю, вы не хотите оказаться обнаженной и без воды в пустыне, где шестьдесят пять градусов по Цельсию... На этой карте видны разрушенные здания в южном квартале города...

Он повернул экран в ее сторону.

— По документам, в этих руинах живут лишь бродяги. Неумеренное потребление наркотика под названием «порошок радости» делает их зачастую агрессивными. Там, в ожидании лучшего, вы, быть может, раздобудете какие-то лохмотья. Будьте осторожны: Красная Точка — главное место незаконной торговли, занесенной в Индекс, в частности, торговли человеческим товаром, рабами. Не рассчитывайте на конфедеральную полицию в случае неприятностей. Там все служители закона едят из рук преступников. Думаю, самым лучшим для вас будет запрограммировать вот это место. — Карта застыла на изображении полуразрушенного четырехэтажного дома на пустыре. — Как вы думаете?

— Я уже не думаю! — ответила она резко. — У меня нет выбора. Если я вас правильно понимаю, то вынуждена путешествовать обнаженной и разоренной, когда прибегаю к услугам вашей компании?

Тиксу сдержанно хихикнул. Он уже давно не смеялся.

— Нет, мадам. Если бы вы приняли элементарные меры предосторожности и пришли в банк, который пере-

вел бы деньги в филиал в точке назначения... Кстати, при нормальных... трансакциях это та услуга, которую мы предлагаем клиентам...

— Не важно! Я должна отправляться немедленно. Что касается признания долга...

— Ба, забудьте о нем! Меня здесь уже не будет, если у вас вдруг возникнет дикая идея заплатить долг Компании... Зато сможете забрать свою одежду, если вдруг забредете на эту планету. ГТК гарантирует по контракту ее полную сохранность в течение двух стандартных лет, и лишь потом ее продают!

Глаза путешественницы остановились на форме Тиксу.

— Можете ее использовать, как вам заблагорассудится. Но сомневаюсь, что моя одежда вам подойдет.

Он уже забыл о своей неряшливости, о грязи, о вони. Она постаралась освежить ему память. Новая волна стыда залила его.

— Следуйте за мной! — хрипло приказал он и резким движением открыл тамбур.

Бронированная дверь с лязгом распахнулась. Он двинулся по коридору, ведущему в зал дерематов. Девушка не отставала ни на шаг. Тамбур автоматически захлопнулся за ними. Заделанные в вогнутые металлические стены контрольные экраны и передатчики зажглись один за другим. Теоретически они позволяли служащему, занятому пересылкой, наблюдать за помещениями агентства и обращаться в случае затруднений к дежурным техникам Компании.

Острое недовольство терзало душу Тиксу. Он был готов сделать что угодно, лишь бы задержать высокомерную гостью. Она презирала его, считала ошибкой природы и думала, что одним взмахом ресниц может смешать его с грязью. Но она раздула угли пожиравшего его внутреннего огня. Он не мог изгнать из головы безумную, абсурдную идею, что это великолепное существо не случайно встретилось ему на жизненном пути. Однако она вот-вот навсегда уйдет из его жизни, и эта перспектива погрузила его в бездну печали и боли.

Машина высилась на цоколе в центре сводчатого помещения. Это была полусфера с выпуклыми черными боками, похожая на древний опрокинутый котел. С первого взгляда казалось невероятным, что машина могла переслать кого-нибудь даже на другую сторону улицы.

Тиксу нажал на рычаг в нише слева от входа. Над округленной вершиной машины возник яркий световой ореол. Приоткрылся стеклянный люк.

— Забирайтесь внутрь, — прошептал оранжанин. Ему вдруг захотелось побыстрее разделаться с этим делом. — Через люк, пожалуйста. Ложитесь на кушетку и выполняйте все инструкции, которые появятся на экране. Главное, не хватайтесь за стенки. Вероятно, два-три часа после прибытия у вас будет побаливать голова. Но вам это наверняка известно... Вы ведь уже путешествовали по дерemату? Думаю, да, ведь корабль придет сюда не ранее чем через две недели...

Перед тем как пролезть в узкий лаз, она повернула к нему свое прекрасное лицо:

— Вы слишком любопытны. Хотя иногда любопытство становится мощным двигателем эволюции...

— Согласен, согласен, мадам... И все же разрешите мне задать еще один вопрос. Вы знаете, осужденный всегда стремится узнать подлинную причину своего осуждения! Эта история, которую вы мне рассказали, о серьезной опасности, грозящей Конфедерации, является шуткой, не так ли? Можете признаться, вы ведь получили все, что желали...

— Мне жаль вас разочаровывать, но это вовсе не шутка! Однако я не могу вам сказать ничего другого. Чем меньше вы будете знать, тем лучше будет для вас. Но в любом случае я тысячу раз благодарна вам за то, что вы сделали для меня.

В ее голосе, глазах и улыбке было столько тепла, что Тиксу исполнился благодарности. Она ногами вперед пролезла в лаз. Черная крышка с шипением встала на место. Едва дыша от непонятного волнения, оранжанин наклонился над микрофоном и машинально произнес обычные технические данные:

— Предполагаемое прибытие в Красную Точку, столицу, через две стандартных минуты. Атмосфера пригодна для дыхания. Тринадцать часов локального времени. Температура: 49°С. Небо: красноватое. ГТК вам... Я желаю вам счастливого путешествия.

Он открыл консоль и, касаясь флуоресцирующих клавиш, набрал программу: Красная Точка, столица, координаты — широта 456,54, долгота 321, точка реле Х2 Т3 прим, положение лежа, час и место старта: 7,57, Двусезонье. Цена: пятнадцать тысяч стандартных единиц, полностью выплаченных и перечисленных на депозит (его скрюченные пальцы дважды сбивались, пока он вводил последние данные).

Машина тихо заурчала, и световое гало, венчавшее купол, постепенно угасло.

Через три минуты над иллюминатором зажглась красная лампочка. Тиксу открыл люк и пролез в лаз. Одежды

сиракузянки лежали на кушетке. В горячем воздухе плавал нежный аромат. Оранжанин поднял накидку. Она была приятна на ощупь. Ее цвета, то яркие, то пастельные, играли под бликами света. Опечаленный отсутствием гостьи, Тиксу яростно вдыхал ее запах. Теперь их связывал лишь канал обоняния. Присев на корточки, он уткнулся головой в белый облеган и долго втягивал в себя тончайший запах тела, пота, перца и цветов, которым была пропитана ткань.

Он вылез из кабины, ощущая сожаление. Теперь ему вновь предстояло окунуться в проклятую атмосферу агентства и смиренно ждать визита ринса.

И это, несомненно, была самая мрачная и холодная перспектива во вселенной.

Глава 3

Первое утро, Солнце Рубин,
Первая звезда окутана в розовый свет.

Первая ночь, Белый Камень,
Первая луна, вся в серебряном наряде.

Второе утро, Солнце Сапфир,
Вторая звезда блестит синевой.

Вторая ночь, Бледная Ладонь,
Вторая луна смертью дарит.

Сиракуза, о Сиракуза,
Я плачу от твоей красоты.

Сиракуза, о Сиракуза,
Я, лишенный родины...

Сиракузский фольклор,
период Нафлина

Второе солнце, Солнце Сапфир, покидало небесный свод в сполохах синих и фиолетовых цветов.

Зажглись световые шары и взлетели, словно букеты фейерверка над широкими авеню и узенькими улочками Венисии.

— Глядите, дядя! — вскричал Лист Вортлинг, молодой сеньор Маркината.

Регент Стри Вортлинг кивнул и ограничился улыбкой.

Маленькие горящие лампы всплыли над землей и закончили свой неспешный полет в кронах пальмин. Они наполнили белым светом листья и прозрачные плоды огромных деревьев, сразу превратившихся в гигантские, золотистые кружева, раздуваемые ночным бризом.

— Как прекрасно! — прошептал Лист, наклоняясь над резными перилами балкона.

Наслаждаясь удивительной свежестью вторых сумерек, главных сумерек планеты, сиракузяне растекались по прямолинейным проспектам Венисии. Большинство направлялось к центральной площади, огромной круговой эспланаде, в центре которой высился фонтан из розового опталия. Радужные струи воды вырывались из разверстых пастей зверей из символического бестиария крейциан: драгонов, гриффардов, дьяволов Коромо, черных змееподобий... Вокруг овального бассейна давали представления бродячие труппы — мимы, трубадуры, танцоры с танцами Средних веков, жонглеры-телепортеры, звуковые бойцы. Пятилетняя асма собрала артистов из всех миров Центра. Они соперничали в ловкости, в криках, в мимике, чтобы завлечь зевак, которым при виде их нередко доводилось забывать о своем высокомерном и пресыщенном равнодушии.

Стоя на высоком балконе, Лист Вортлинг и регент Маркината никак не могли насытиться грандиозным видом сиракузской столицы, просыпающейся при наступлении второй ночи. Возведенный на вершине холма, заросшего лиловой травой и изрезанного сверкающими аллеями, дворец Феркти Анг возвышался над кварталом Романтигуа, историческим центром города, через который змеей тянулась река Тибер Августус. Каждый мраморный мост, перекинутый через широкую ленивую реку, был маленьким шедевром элегантности и равновесия. Пройдя под резными арками, парусные галиоты с прозрачным дном разводили в стороны понтоны и освобождались от шумных толп восхищенных туристов.

— Тех, кто не родился здесь, можно сразу узнать! — вздохнул Лист Вортлинг.

— Вы слишком наивны, Лист! — возразил регент Маркината, хотя в душе ощущал радость, что реакция племянника была проникнута сожалением. — На что вы надеялись, прибыв сюда? Для сиракузян мы (он намеренно подчеркнул это

«мы») являемся чужаками, и прошу вас поверить, что в их жеманных устах это звучит презрительно! Было бы ошибкой имитировать то, что имитации не подлежит. Вы — маркинатянин, а потому духовно отличаетесь от этих людей. Старайтесь развить свои собственные качества, свои собственные ценности. Не думаете ли вы, что так будет лучше?

— Даже человекозверь Жетаблана горит желанием стать подобием сиракузян! — ответил Лист, раздраженный вкрадчивой речью дяди. — Все в них — грация, гармония, элегантность. Они посвящают свою жизнь поиску эстетики. Они сотворили подлинный культ изысканности...

Стри Вортлинг отступил и оглядел сеньора Листа, шестнадцатилетнего отрока, который впитывал в себя впечатления от города жадными глазами. Как большинство юношей и девушек своего возраста, он поддавался сиракузской заразе, болезни эндемиков, которая быстро распространялась по крупнейшим планетам Конфедерации Нафлина. Под традиционной одеждой Маркината, длинной туникой из черной шерсти, вышитой белыми и золотыми нитями опталия, и широкими желтыми шароварами, стянутыми на лодыжках кольцами с алмазами, Лист носил пурпурный облеган с серыми кружевами. Это бесполезное и неудобное дополнительное белье ужасало регента, особенно капюшон, который скрывал волнистую шевелюру Листа, делая его похожим на восковую статую или мумию. Если облеган выглядел почти естественным и элегантным на сиракузянине, то он был неуместен и смешон на чужаке. Но Стри Вортлинг знал, что разубеждать племянника бесполезно. Двор Маркината пропитался сиракузской культурой, а моду на нее ввела мать Листа, дама Армина. Короткое пребывание на Сиракузе могло стать более поучительным, чем любая речь. К тому же будущий сеньор Маркината уже начал ощущать всю глубину бездны, которая отделяла его от хозяев Сиракузы, на которых он пытался равняться.

Подспудная борьба влияний между регентом и его невесткой давно стала притчей во языцех. Стри Вортлинга обуревали другие, куда более важные мысли. Стандартным месяцем ранее он получил срочное закодированное послание на личный приемник: конгрегация смелла сообщала, что ужасный пожар уничтожил дворец ассамблей на Иссигоре. Поэтому, в целях безопасности, конгрегация меняла порядок, установленный двести лет назад, и собирала пятилетнюю асму на Сиракузе, Царице Искусств, единственном государстве-члене, которое вовремя выдвинуло свою кандидатуру. Вначале регент испытал некоторое об-

легчение. Его старые кости вряд ли бы вынесли суровое испытание климатом Иссигоры, славящейся своими снежными туманами, ледяными дождями и пронизывающими ветрами. Если это внезапное изменение огорчило клан Мо Калкина, сеньора Иссигоры, то оно стало приятным сюрпризом для остальных руководителей Конфедерации. Несчастье одних...

Но со временем Стри Вортлинга охватило мрачное предчувствие, ибо он всегда был склонен к подозрительности. Ни поспешность в принятии решений, ни авторитаризм не вписывались в привычное поведение смелла, ревностных и дальнозорких хранителей равновесия властей. В данном случае сеньоры государств-членов не могли воспользоваться своим правом вето. Их поставили перед свершившимся фактом. Регент Маркината крайне опасался хищных амбиций Ангов Сиракузских и их приспешников, скаитов Гипонероса. Он поделился сомнениями со своими советниками, потом начал постоянно просматривать отчеты официальных послов и агентов, обосновавшихся в Венисии. Провел личную встречу с двумя знакомыми смелла, а также с сеньорами Камалота и Грит Британа, двух самых близких к Маркинату планет. Эти встречи не принесли никакого конкретного результата: в отчетах говорилось о растущем влиянии скаитов, несмотря на скрытую борьбу с ними придворных, сторонников древних традиций. Сообщалось также о частых контактах Менати Анга, главнокомандующего конфедеральной полицией, с наемниками-притивами. Но ничто не подтверждало предположения о подозрительных махинациях: всем было известно, что влиятельные лица многих миров пользовались услугами профессиональных убийц-притивов для выполнения грязных дел.

Регента из задумчивости вывело внезапное восклицание:

— Смотрите, дядя! Какая странная процессия!

Лист пальцем указывал на затемненную аллею, по которой в сопровождении двух персонажей в длинных белых бурнусах с широкими капюшонами шествовал сиракузянин, облаченный в темно-синий плащ с украшениями из блестящих подвижных спиралей. Издали создавалось впечатление, что группа исполняет безмолвный и тщательно отрепетированный балет.

— Если вы действительно хотите выглядеть автохтоном, дорогой мой племянник, знайте, что крайне дурным вкусом считается громкий разговор, открытое восхищение весьма банальным зрелищем и показывание пальцем на что-то или кого-то! — усмехнулся Стри Вортлинг. — Напротив, весьма полезно научиться контролю эмоций. В своей великой простоте я на-

деялся, что Жахал Равалпунди, ваш воспитатель, привьет вам основные принципы светского поведения... А ведь ваша дорогая матушка рассталась с весьма приличной суммой, чтобы он согласился уехать отсюда! Не знаю, оценит ли результат...

Еще детское лицо Листа залила краска смущения. Разозленный на самого себя, юный сеньор Маркината закусил губы, словно запрещая себе возражать.

— Два таинственных персонажа, которые буквально наступают на пятки этому сиракузскому чиновнику, являются скаитами Гипонероса, — продолжил регент, сочтя, что урок принес пользу. — Их белое одеяние называется «бурнус». Таинственная раса, наделенная удивительными телепатическими способностями. Никто не знает истинного происхождения скаитов. Некоторые утверждают, что они прибыли из неизвестной вселенной, другие говорят, что они созданы черными силами, дьяволом, если вам больше нравится! Они выполняют различные административные функции. Один из них, по имени Паминкс, даже назначен великим коннетаблем. Сделал это Аргетти Анг, отец нынешнего сеньора Сиракузы. Весьма важная должность, соответствующая должности нашего генерального даита. А эти двое скорее всего простые мыслехранители.

Хотя Лист решил замкнуться в обиженном молчании, но не смог не задать вопрос, обжигавший ему губы:

— Мыслехранители?

— Этот шарлатан Жахал Равалпунди вас ничему не научил! — вздохнул регент. — Как бы знатны и наглы они ни были, сиракузские придворные обязаны постоянно защищать личные мысли. Скаит-охранник создает нечто вроде ментального барьера, чтобы воспрепятствовать тем, кто хочет эти мысли прочесть.

— Прочесть?

— Есть и скаиты-инквизиторы. Их нанимают, и им очень хорошо платят, чтобы почерпнуть сведения у самого источника, то есть прямо в мозгу владельца. Должен признаться, эти существа меня немного пугают: им удался нешуточный фокус стать одновременно мыслепохитителями и мыслехранителями!

— Вы, мой дядя, и боитесь?

Лист шаловливо рассмеялся. С высоты шестнадцати лет ему казалось немыслимым, чтобы регент Маркината, младший брат его покойного отца, мог испытывать чувство страха.

— Не в том смысле, как вы это понимаете, Лист. Они — интриганы. Мы должны следить за тем, чтобы они не использовали свои телепатические способности для нарушения

равновесия властей, ключевым элементом системы Нафлина. Скаиты принимают слишком много участия в сиракузских делах, а Сиракуза, если судить по влиянию, которое она оказала на вас, занимает крайне важное место в Конфедерации. Представьте, что инквизиторам захочется прочесть ваши мысли, мои мысли, мысли каждого правителя. Это для них столь же просто, как для нас чтение обычной книги!

Произнеся последние слова, регент вдруг сообразил, что забыл об этой возможности. Он даже не спросил себя, подчиняются ли скаиты, инквизиторы или мыслехранители жесткому кодексу чести, принятому конгрегацией смелла, и действительно ли ограничивают поле своей деятельности планетой Сиракуза и ее колониальными сателлитами. Твердое соблюдение конфедерального правила всегда казалось ему очевидностью. Но внезапно, на этом высоком балконе, окутанном нарождающимися сумерками, он вдруг ощутил невидимые щупальца, которые бесчинствовали в его мозгу.

Он слишком долго откладывал выполнение своего проекта и надеялся, что этой ночью получит ответы на вопросы, которые мучили его и лишали сна. Для этого ему во что бы то ни стало надо было устроить частную беседу со своим старым другом, сиракузянином Шри Алексу. И подумать о способе обмануть бдительную стражу, которую расставили вокруг дворца Феркти Анг. Стража состояла из конфедеральных полицейских, затянутых в черные комбинезоны, часовых в парадной форме и агентов внутренней безопасности Сиракузы.

— А этот! — воскликнул Лист, вновь охваченный лихорадкой любопытства. — Вы знаете, кто он такой?

— Пурпурная накидка на шафрановом облегане? Это священное облачение миссионеров Церкви Крейца.

— Ах да! Местная религия, — пробормотал юноша, разочарованный столь пустой информацией.

— Вижу, вы помните о кое-каких уроках. Крейцианство действительно... официальная религия Сиракузы.

— Вы, похоже, не питаете к ней особого уважения! — заметил Лист, от взора которого не ускользнула презрительная ухмылка дяди.

— Если точнее, термин «официальная» не вполне уместен. Точнее надо говорить «обязательная»! Думаю, каждое существо имеет право на свободный выбор своих верований... А теперь пора прогуляться по парку. Жаль не насладиться этим чудом.

По-прежнему склонившийся над перилами, погруженный душой и телом в созерцание, Лист не шелохнулся.

Регент удалился внутрь роскошных апартаментов, уселся перед столиком из ароматного дерева, служившего ему рабочим столом, и нажал на кнопку небольшой черной коробочки, тут же окутавшейся голубоватым свечением: сотовый передатчик, соединенный с глазными приемниками его даитов.

Лист нехотя покинул свой наблюдательный пост и, в свою очередь, вошел в главную гостиную. Он остановился в трех шагах от столика. Взгляд его скользил по затылку, плечам и спине дяди. Стри Вортлинг был стареющим человеком, заменившим ему отца после смерти Абаски Вортлинга, сто двадцать седьмого сеньора династии Ворт-Магорт. Лист еще не достиг возраста, когда мог править планетой. Стри, младший брат Абаски, был назначен советом, чтобы обеспечить управление в переходный период и подготовить наследника, как того требовал маркинатский закон. Новый регент немедленно взялся за работу. Хитрый, даже двуличный, он проявил ловкость и проницательность, чтобы урегулировать в свою пользу территориальные и коммерческие разногласия между Маркинатом и другими государствами-членами. Сейчас он пользовался всеобщим уважением, и многие правящие сеньоры не гнушались просить у него совета.

Листа одновременно раздражали и забавляли давно вышедшие из моды одежды дяди. Они так отличались от шелковистых тканей, которые он видел на людях внизу! Он кипел от нетерпения, которое едва сдерживал, чтобы получить доступ ко двору сеньора Ранти Анга. Он умирал от зависти, когда собственными глазами видел роскошь, которую не раз описывали те редкие маркинатские знатные люди, которым доводилось воспользоваться этой привилегией. Представление ко двору было не только введением в святая святых, в храм элегантности и грации, но и залогом его триумфального возвращения к друзьям. Но чем больше уходило времени, тем больше отдалялось заветное мгновение. Придется смирять свое нетерпение до официального закрытия пятилетней асмы, дожидаться конца нескончаемых дискуссий на скучные и непонятные темы о монетарном паритете, о коммерческих приоритетах, об ученой и медицинской этике, о статусе тех, кто не относился к людям, короче, обо всем, что составляло обычную повестку асмы.

Несмотря на истинную и уважительную привязанность к дяде, Лист считал Стри Вортлинга пыльной реликвией давно ушедшего прошлого, чем-то вроде застывших героев маркинатских сказок, которые, проснувшись после долгого сна в азотных склепах, оказывались оторванными от своей эпохи. Регент

превратился в одного из самых влиятельных руководителей Конфедерации Нафлина, но его длинная туника из коричневой выцветшей шерсти, серые непричесанные волосы, ниспадавшие на плечи и спину, хлопковый плащ, высокие потрепанные сапоги из кожи не соответствовали его рангу. Если бы небо позволило ему, Листу Вортлингу, единственному сыну Абаски Вортлинга, стать сеньором миров Ворт-Магорта, он бы сумел навязать своему двору утонченный этикет, основанный на искусстве и красоте.

Невидимые воздушные лифты довезли делегацию Маркината, которую сопровождал большой эскорт, до небольшой круглой площади, откуда лучами звезды отходили прямые аллеи, уложенные белыми и блестящими камнями. Границы парка растворялись в темных складках второй ночи, ночи удовольствий и отдыха.

— Как приятно прогуливаться здесь, мой сеньор! — воскликнул Джасп Харнет, генеральный даит. — Жаль, что на Маркинате совсем иной климат!

— У нашего мира свои прелести, — ответил Стри Вортлинг. — Согласен, климат более суровый. Но шесть времен года: и мы жаждем прихода каждого, каждый наделен своим очарованием...

Лист шел чуть в стороне как бы в промежутке между группой даитов и послов, окружавших регента, и роем конфедеральных охранников, замыкавших шествие. Ему претила смертельно наскучившая компания генерального даита, невысокого лысого человечка, всегда одетого в серую тунику. Легкий бриз, который называли «любовной лаской», наполнял теплый воздух тончайшими ароматами. Далекие звезды сверкали на темно-синем полотне неба. Три из пяти ночных лун на горизонте уже пускали первые красно-оранжевые стрелы. Рой светошаров плавал над парком. Их лучи ласкали сверкающие камни аллей, заросли ночных, эфемерных растений и висячие ветви плакучих ивий.

На пересечении четырех аллей маркинатская делегация столкнулась с еще одной группой гуляющих, в центре которой Стри Вортлинг тут же узнал по высокому характерному силуэту Донса Асмусса, сеньора Сбарао и Одиннадцати Колец.

Оба эскорта и охранники вытянулись в шеренги по краям аллей. Сеньор Сбарао и регент Маркината, стоя напротив друг друга, поднесли ладони к глазам и трижды раскланялись, как того требовал протокол. Огромные граненые алмазы, рубины, изумруды и сапфиры украшали черный просторный капюшон Донса Асмусса. Корона из старого зеленого золота с тон-

кой резьбой и резным хрусталем украшала его широкий лоб. Две косички делили его каштановую намасленную шевелюру надвое по сбарайской моде. Лист решил про себя, что видит прекрасный образец дурного вкуса.

— Регент Стри Вортлинг из Маркината, встречу с вами всегда считаю честью и удовольствием, — начал Донс Асмусса, чей могучий голос разорвал бархатную тишь парка. — Если мне не изменяет память, наш последний разговор состоялся на асме на Даломипе пять стандартных лет назад. Небеса тогда проливали такое обилие слез, что каждый только и мечтал вернуться на родную планету!

Члены сбарайской делегации понимающе засмеялись.

— Действительно, сеньор Асмусса, ни вы, ни я не приспособлены к холодному и мокрому климату, не так ли? Мне очень хотелось бы переговорить с вами до официального открытия асмы. Некоторые... совпадения стали для меня источником больших забот. Хотелось бы поделиться с вами некоторыми мыслями.

Регент знал, что Донс Асмусса был человеком хитрым и знающим, несмотря на свою броскую, вульгарную внешность, характерную для жителей Колец. Ему удалось укрепить свою династию, основанную на исходе Великого Заговора Колец без нарушения законов Конфедерации Нафлина. Бывшие рабы Первого Кольца, те самые рабы, которые усадили на трон Сбарао его предка, семь раз пытались опрокинуть нынешнего властителя. Он избежал смерти в многочисленных покушениях, в том числе и при взрыве светобомбы, когда ему оторвало руку. Власть его только усилилась после этих испытаний. Одно за другим мятежные Кольца сложили оружие и попросили, чтобы их вернули в звездную систему Сбарао.

Охранники широким кольцом окружили двоих мужчин. Стри Вортлинг быстро огляделся, спрашивая себя, не снабжены ли некоторые из охранников обоих эскортов усилителями речи или синхронными переводчиками движения губ.

— Если вы не против, мы воспользуемся кодировщиками языка, — тихо произнес Стри Вортлинг.

— Вы подозреваете кого-то из своего окружения? — спросил Донс Асмусса.

— Кто его знает, — уклончиво ответил регент.

Он извлек из кармана крохотную пластину и закрепил ее на верхней губе. Воздух сгустился и непрозрачным экраном прикрыл нижнюю часть его лица на высоту десяти санти-

метров. Сеньор Сбарао пожал плечами и сделал то же самое. Теперь их разговор не мог перехватить никто.

Лист заметил роскошного хохлатого павлина, который чинно расхаживал под светошаром. Грациозная птица буквально хвасталась своими яркими блестящими перьями.

— Это внезапное изменение места прохождения асмы сопровождается рядом сомнительных дел, — продолжил Стри Вортлинг.

Кодировщик менял тембр его голоса. Казалось, что разговор ведется через толщу воды.

— Первое совпадение: внезапный пожар дворца ассамблей на Иссигоре. Крайне удивительно, что огню удалось уничтожить монументальное здание в два дня и всего за один стандартный месяц до асмы, которая должна была проходить в его стенах. Второе совпадение: религиозный процесс над Шри Митсу, одним из пяти великих смелла конгрегации. Его вечная ссылка удалила его от дел Конфедерации, где его авторитет и ясновидение мешали маневрам некоторых членов...

— Банальная и печальная история нравов! — возразил Донс Асмусса. — Вам же известна непримиримость крейцианских фанатиков!

— Безусловно. Но как вы объясните эту непримиримость, которая не применяется к некоторым другим сиракузянам, занимающим высокие посты и чьи нравы также противоречат крейцианству?

— Все дело в политике, — ответил Донс Асмусса, который догадывался, на что намекает его собеседник. — Осудив политически столь влиятельную персону, муффий Церкви Крейца воспользовался прекрасной возможностью утвердить свое влияние на сиракузский народ. А вы, как и я, знаете, что смелла исключаются из конгрегации, если они нарушают законы или обычаи их родной планеты. В этом тексты категоричны.

— Тексты — всего-навсего пустые и застывшие слова, хранящиеся на древних мемодисках! Что такое текст, если в нем нет духовного содержания? Я твердо уверен, что Шри Митсу был жертвой не текста, а зловредного ума!.. Вернее, умов.

— Боже правый, регент Стри Вортлинг, уже не впервые в истории Конфедерации случалось перемещение асмы в последний момент. Прецеденты бывали! А потом, между нами, — регент ощутил хитрые нотки в измененном голосе собеседника, — разве не лучше погреть старые кости на планете с чудесным климатом, чем подставлять их ледяным вет-

рам Иссигора? На Сиракузе испытание асмой превращается в удовольствие!

Он замолчал и быстрым движением подбородка указал на Листа, который на корточках сидел в лиловой траве перед нарядной птицей.

— Надеюсь, вы дадите этому молодому человеку, вашему племяннику и будущему сеньору Маркината, вкусить всех удовольствий Венисии. Под ледяной внешностью сиракузянок бушует пламя, и поверьте, если он так же легко приручает дам, как птиц...

Его оглушительный смех прорвал завесу кодировщика. Звуковой ураган обрушился на барабанные перепонки Стри Вортлинга, но тот не поддержал веселого настроения своего визави и продолжил:

— Третье совпадение: Менати Анг, младший брат сеньора Ранти Анга, ныне является очередным начальником полиции. Он много путешествовал в эти последние времена и укреплял связи с высшими постоянными офицерами. А также с наемниками-притивами...

— А кто хоть однажды не воспользовался услугами этих убийц? Их услуги дороги, но эффективны, и они умеют действовать скрытно! Если Менати Анг прибегает к услугам притивов, то лишь ради того, чтобы устранить ревнивых мужей и спокойно трахать их жен! У этого парня вместо мозга член. К тому же по завершении асмы будет назначен новый временный начальник полиции. В одном я с вами согласен, регент Вортлинг: как и на вас, сиракузяне с их ужимками и обезьянами-мыслехранителями непомерно действуют на мою нервную систему. Но, поверьте, если этим извращенцам придет в голову абсурдная фантазия взорвать основы Конфедерации, им понадобится куда более сильная поддержка для доведения их проекта до завершения, чем поддержка полиции и притивов! Рано или поздно им придется вступить в борьбу с Орденом абсуратов, последним бастионом системы, созданной Нафлином.

— По мне, Орден представляет собой полную тайну. Рыцари-абсураты ни разу не имели возможности вмешаться в конфликт с момента создания Конфедерации. Окажутся ли они на высоте, если Ордену будет угрожать коалиция?

Темное лицо Донса Асмуссы осветила улыбка. Его белые зубы блеснули даже через непрозрачный барьер.

— Уверяю, они будут готовы!

— Кто вселил в вас такую уверенность, сеньор Асмусса?

— Кто-то, кто мне очень дорог: мой третий сын Филп. Вот уже три стандартных года, как он состоит в рядах Ордена абсуратов, в монастыре Селп Дик, где его недавно повысили в ранг воина. Методы обучения держатся в тайне, но то немногое, что он сказал, вполне удовлетворяет моему любопытству. Знаю, что вы, регент Вортлинг, человек чрезвычайно осторожный, но я еще раз вас заклинаю — используйте свое пребывание на этой великолепной планете для удовольствия!

— Благодарю, что вы уделили мне несколько минут вашего драгоценного времени, сеньор Асмусса. Увидимся завтра на официальной церемонии открытия асмы. Пусть небеса докажут вашу правоту, а мои предчувствия останутся лишь заблуждениями древнего старца!

Регент снял кодировщик, опустил его в карман коричневой туники и трижды поклонился.

— Регент Вортлинг из Маркината, вы молоды и проворны, как никогда! Да будет приятной ваша ночь, но не слишком злоупотребляйте женщинами! Эти дьявольские создания — опасные пожирательницы энергии!

Эскорты и охранники перестроились вокруг двоих мужчин. Лист с сожалением оторвался от созерцания павлина, который несколько шагов шел за ним, а потом развернулся и танцующей походкой вернулся под свет шара.

Две группы разошлись в противоположных направлениях.

— Сеньор Асмусса, похоже, находится в отличном расположении духа, — пробормотал Джасп Харнет. — А ведь управлять Сбарао и Одиннадцатью Кольцами не так просто.

— Полагаю, он только еще больше стал ценить то, что остался в живых, — рассеянно ответил регент.

Эта неожиданная дискуссия ничего не прояснила. Но ее следствием стало обострившееся желание увидеться со Шри Алексу. Проницательность сиракузянина, быть может, поможет навести порядок в запутанных мыслях.

Джасп Харнет вошел в переговорную — маленькую комнатенку, ограниченную зелеными водотканями, в которых играли крохотные рыбки-бабочки.

— Джасп, поручаю вам Листа на весь вечер, — сказал Стри Вортлинг, сидевший в воздушном кресле с неясными очертаниями.

Генеральному даиту казалось, что ноги и спина регента опираются на сгустившийся вакуум.

— Сир регент с нами не пойдет?

— Нет. Мне надо побыть одному и поразмышлять. Но мне хочется, чтобы Лист провел незабываемый вечер. Поручаю вам вести его туда, куда ему захочется: театр-деремат, бега летающих камней, песни экстаза...

— Сеньору Листу не очень нравится моя компания, — возразил Джасп.

— Лишняя причина ни в чем ему не отказывать!.. Э... Джасп, мы далеко от Маркината, и как ни будет недовольна моя невестка, пришло время Листу познакомиться с некоторыми аспектами жизни... Мне говорили, что сиракузские гейшахи прекрасно обучают... ну сами понимаете. Но главное, проявляйте крайнюю осторожность! Да, и не забудьте познакомить его с местной кухней: она поистине божественна!

— Сеньор Лист будет сожалеть о вашем отсутствии, — безвольно возразил Джасп Харнет, хотя внутри ликовал, что ему поручили такую почетную задачу.

Стри Вортлинг расхохотался:

— Он будет восхищен! Когда я был молодым, то ненавидел прогулки со стариками! С вами будет солидный эскорт, но прошу вас обратить особое внимание на его безопасность. На любую планету, где проходит асма, стекаются толпы светских мошенников: профессиональные игроки, маги, иллюзионисты, торговцы наркотиками... Я не хочу, чтобы он оказался замешан в какие-то придворные стычки... Здесь бешеные цены, но забудьте о деньгах. Тратьте, сколько вам заблагорассудится. Скажите Листу, что я устал и плохо себя чувствую. Отправляйтесь без всякой задержки. Спасибо, Джасп.

— Все будет исполнено согласно вашим пожеланиям, сир регент.

Черные глаза генерального даита сверкали раскаленными угольками. Он свел ладони на уровне глаз, поклонился и вышел.

В голове Стри Вортлинга гуляли беспокойные мысли. Обстоятельства заставляли его полностью полагаться на личного советника. Все тридцать пять стандартных лет, которые он провел на службе династии Ворт-Магорт, Джасп Харнет ни разу не предал своих хозяев. Но в период смуты регенту пришлось подозревать даже генерального даита, самого верного из верных.

Через несколько минут Стри Вортлинг встал и направился в свою спальню, огромную четырехугольную комнату в тонах ляпис-лазури... Он включил личный голофон, стоящий

на центральной гравиэтажерке. На экране возникла голова Лициуса, дворецкого, отвечавшего за апартаменты.

— Мой сеньор?

— Можете ли вы мне скрытно достать... плащ или что-нибудь в этом роде?

На лице слуги появилась сообщническая улыбка.

— Быть может, мой сеньор, желает анонимно посетить некое особое место Венисии?

— В какой-то мере, — ответил Стри Вортлинг.

— Пусть мой сеньор отключит голофон. У стен дворца любопытные уши...

Через пару минут слуга в сером облегане и красном пиджаке появился в комнате регента. На его руке висела черная ткань.

— Есть ли во дворце тайные выходы? — осведомился Стри Вортлинг.

— Быть может, есть несколько отдаленных выходов, — уклончиво ответил Лициус.

— А вы не знаете способа покинуть эти апартаменты, не возбуждая любопытства стражей?

Весьма вероятно, что слуга был агентом сиракузской службы безопасности. Стри Вортлинг шел на огромный риск, обращаясь к нему за помощью, но у него не было выбора.

— Все возможно, если есть подлинное желание, — прошептал слуга.

Регент извлек из кармана туники серебристую пластину, эквивалент десяти тысяч стандартных единиц, и протянул ее Лициусу.

— Вам повезло, мой сеньор, что я исполняю свои функции в этом дворце уже восемь локальных лет, — сказал слуга, и глаза его заблестели. — А посему знаю это здание, как свой служебный облеган! Каждые апартаменты имеют тайный вход, служащий одновременно запасным выходом в случае опасности. Этот вход охраняется всего одним человеком, с которым мы всегда сумеем договориться. Идите за мной, мой сеньор. И наденьте плащ, чтобы вас никто не узнал! Эта предосторожность нужна и мне, ибо я в этом деле иду на огромный риск.

— Это только аванс. Остальное вознаграждение будет соответствовать риску, — усмехнулся Стри Вортлинг.

Лициус вручил черную ткань своему собеседнику. Взял пластину, сунул ее в карман пиджака, поклонился и направился к переговорной. Регент накинул плащ с просторным капюшоном и последовал за слугой. Тот ухватился за край

зеленой водоткани и отодвинул ее в сторону, словно кусок обычного полотна. Испуганные рыбки-бабочки юркнули в микроводоросли.

В беломраморной стене оказался круглый бронированный люк. Лициус поскреб закаленную сталь своими заостренными ногтями, как у большинства сиракузян. С другой стороны донесся такой же, но приглушенный шорох. Затем Стри Вортлинг услышал пронзительный скрип, похожий на скрежет металлического затвора, скользящего по направляющим. Люк приоткрылся, и в щели показалась голова в сером шлеме с белым пером.

Слуга и охранник начали оживленный спор. Они говорили на смеси межпланетного нафля и старого сиракузия. Стри Вортлинг понял из разговора всего несколько слов. Позже, в подземной галерее, Лициус сказал, что пообещал половину вознаграждения охраннику. Регент не поверил ни единому его слову, но предпочел промолчать. Часто подкупая, он знал, что коррупция — единственный ключ, способный открывать двери в этом мире.

Они проникли в лабиринт мрачных коридоров, соединенных между собой вращающимися лестницами или гравитационными платформами. Слуге пришлось переговариваться с другими охранниками, которые встречались на пути, и он повторял, что ему уже почти ничего не достанется. Наконец они выбрались из подвалов дворца и оказались на тротуаре темной безлюдной улочки. Стри Вортлинг опустил капюшон на голову и передал Лициусу вторую серебристую пластину.

— Если меня будут спрашивать, скажите, что я велел не беспокоить ни под каким предлогом. Получите втрое больше, если сумеете держать язык за зубами. А если проговоритесь, пеняйте на себя.

— Пусть сеньор будет спокоен, я уже все забыл.

Слуга схватил вторую пластину и исчез. Стри Вортлинг заметил вдали высокие белые стены дворца, которые вырисовывались на темном холме. Он прошел по улочке, которая выходила на широкую улицу со светящимися деревьями. Мальчишки на летающих стульях играли в салочки над широкими тротуарами. Стри Вортлинг направился к таксишару, летательному прозрачному аппарату, застывшему на стоянке, и уселся на заднее сиденье.

— Куда вас доставить, господин? — спросил водитель, который не был уроженцем Сиракузы, несмотря на все старания походить на него.

— К старому музею. В северном квартале, около реки Тибер Августус.

— Я знаю, где находится музей. Я знаю Венисию, господин!

— И что вы ждете, чтобы взлететь? Я спешу!

— Клиент всегда прав! — проскрипел водитель.

Такси бесшумно взмыло над городом. Потом свернуло в скоростной воздушный коридор, обозначенный светящимися буями безопасности, и ускорилось. Оно быстро удалилось от оживленного сердца города и растаяло в ночи. Регент летел над громадным черным провалом, где мерцали крохотные огоньки, похожие на светлячков.

Водитель, которому хотелось поговорить, подметил удивленный взгляд пассажира.

— Никто не знает, что это такое. Наверное, новый дворец. Словно их мало в Венисии! Движущиеся огоньки — это рабочие в светокомбинезонах. Это позволяет им работать всю ночь... Их привозят с сателлитов, вероятно с Джулиуса. Все они надеются сделать себе состояние...

— Наверное, как и вы! — оборвал его регент.

Такси с головокружительной скоростью спикировало в сторону Тибера Августуса. Несколько слабоосвещенных галиотов скользили по гладкой блестящей поверхности воды. На противоположном берегу высилось серое здание музея, массивный памятник донафлийского периода.

— Я действительно должен высадить вас на том берегу реки? — спросил водитель. — Здесь нечего смотреть... Я знаю более веселые места...

— Высадите меня, и все! — резким тоном прервал его Стри Вортлинг.

— Хорошо. Клиент всегда прав...

Такси пролетело над рекой на низкой высоте и медленно опустилось на набережную рядом с безлюдными складами. Стри Вортлинг заплатил и вылез. Ночную тишину едва нарушал шорох скользящих на воздушной подушке галиотов и отдаленный гул центра города.

Такси взлетело и устремилось к океану света. Регент не сразу сообразил, куда идти дальше. Он не предупредил Шри Алексу о своем визите, поскольку голографический канал сиракузянина скорее всего прослушивался. Стри Вортлинг плохо помнил квартал, где находилось жилище его друга. Единственными опознавательными вехами служили река и купол музея, которые можно было видеть с верхней террасы сада сиракузянина.

Стри Вортлинг решил пойти по набережной в сторону исторического памятника. Два последних спутника вто-

рой ночи заливали горизонт фиолетовыми и зелеными всполохами. Регент вышел на площадь с карликовыми деревьями и высокими серыми фасадами домов. Место показалось ему знакомым. Он пересек скверик и прошел мимо беседки, воздвигнутой на эспланаде. Когда он двигался вдоль зеленых зарослей, нога его чего-то коснулась. Ночную тишину разорвали пронзительные вопли. Стри Вортлинг застыл. Его рука скользнула под тунику и ухватила рукоять пистолаза. Из кустов выскочил взъерошенный павлин и, быстро перебирая коротенькими ножками, бросился в заросли колючих кустарников.

— Боже! Я уже пугаюсь комка перьев! — вполголоса проворчал регент.

Он отдышался, выждал, пока стихнет бешеное биение сердца. Ночь выглядела мирной, но, казалось, скрывала множество незримых опасностей.

Наконец он узнал дом Шри Алексу: трехэтажное строение гармоничных очертаний со стенами цвета слоновой кости и пирамидальной крышей. Ни единого огонька по фасаду, огромные овальные окна которого походили на черные пустые глазницы. Регент приблизился к калитке сада первого этажа. Белые подвесные ступени, пронизанные коричневыми венами и обдуваемые ночным бризом, соединяли огромные цветочные клумбы. В центре шестиугольного бассейна музыкальный фонтан в форме трезубца наигрывал свою привычную песнь гостеприимства.

Дом окружала странная атмосфера. Мрачная, ледяная, которую не мог согреть даже ласковый ветер. Словно все тепло утекло из этого места. Стри Вортлинг вздрогнул. Его охватили колебания — что делать дальше. Похоже, Шри Алексу отсутствовал, а ведь сиракузянин, вдовец и отец единственной дочери, был домоседом и почти никогда не уезжал из Венисии.

Любопытство возобладало над страхом быть застигнутым врасплох: Стри Вортлинг быстро оглядел улицу и площадь, толкнул калитку — она не была заперта на ключ — и проник в сад. Чистое безумство, ибо вероятнее всего что-то или кто-то — сосед, прохожий, патрульный местной службы безопасности, ультразвуковой детектор, голографический жучок — мог поднять тревогу. И регенту Маркината будет трудно оправдать свое тайное посещение пустого дома. В черном плаще он больше походил на обычного грабителя, чем на известную личность Конфедерации Нафлина.

У него было ощущение, что каждый его шаг по розовым камням аллеи взрывал тишину. Его последний визит

сюда состоялся семь стандартных лет назад по случаю частного приема в честь пятнадцатилетия дочери друга, Афикит. Стри Вортлинг помнил, как он восхищался садом и мозаиками из ляпис-лазури и черного камня, окруженными цветами-эфемерами. Он вспомнил и девушку с ярко-синими глазами с зелено-золотыми блестками. Грация и красота, несомненно, были драгоценным достоянием этого сиракузского дома.

Дверь из ароматной древесины первого этажа, расположенная под колоннадой фасада, открываться не хотела. Регент вспомнил о скрытом колючим кустарником тайном входе со стороны заднего фасада строения.

Он обогнул дом, пройдя вдоль фасада и боковой стены. Ему показалось, что он слышит шум шагов, и застыл настороже. Лучше было проверить, что шаги не являются плодом его воображения. Потом пробрался через кусты, не обращая внимания на царапины, которые оставляли на руках и ладонях шипы. Петли низкой округлой дверцы скрипнули, но створка распахнулась. Он проник в узкий коридор, погруженный в черную вязкую тьму.

Он быстро обследовал два первых этажа, обширную гостиную с подвесными статуями, расположенными в виде звезды, строгий кабинет, где витали запахи ладана и ароматного дерева, спальни, окнами выходившие на Тибер Августус, кухню, пропахшую пряностями, залы приемов, кабинет частных консультаций... Рассеянный свет лун, проникавший сквозь овальные окна, позволял без помех продвигаться вперед.

И вновь его охватило гнетущее чувство. Мрачная атмосфера, царившая в этих стенах, едва не вызвала у него рвоту. Он вошел в крохотное помещение деремата. Осмотрел продолговатый белый аппарат, установленный на гравицоколе. Над ним висела светящаяся голографическая карта. Маленькое технологическое чудо, которым Шри Алексу, славящийся своей нелюбовью к путешествиям, пользовался крайне редко.

Стри Вортлинг машинально открыл верхний люк. На шаровом экране над ложем клеточной телепортации фосфоресцировали значки. Последний пользователь машины не успел стереть на диске памяти координаты своего путешествия.

Физический контролер: да.
Дата: 13 сиракузского фраскиуса.
Место назначения: Двусезонье.
Локальное время старта: 17 часов.
Локальное время прибытия: 7.42.
Количество пассажиров: 1.

Регент мысленно перевел 13 фраскиуса на стандартный календарь. Путешествие состоялось сегодня! Голографическая карта показывала крохотный кусочек вселенной между мирами Центра и планетами Окраины. Он набрал название планеты назначения на консоли цоколя. Среди сотен активных звездных систем, внесенных в макроголографический атлас, замигала красная точка: Двусезонье располагалось в сорока световых годах от Сиракузы и в семи световых годах от Красной Точки, планеты ссыльных, планеты раскатта. Сорок световых лет были максимальным радиусом действия деремата, что для частной машины было великолепным достижением.

Вдруг в памяти Стри Вортлинга всплыло одно имя — Шри Митсу, смелла конгрегации, которого Церковь Крейца приговорила к вечному изгнанию на Красную Точку. По всей вероятности, Шри Алексу предпринял это долгое путешествие, чтобы встретиться со Шри Митсу, вторым из трех наставников индисской науки. Двусезонье располагалось на границе радиуса действия машины и было лишь промежуточным пунктом путешествия. Тот факт, что домосед-сиракузянин решил поспешно покинуть свой город, оставить дочь и цветы, доказывал, что ситуация была серьезной, и подтверждал предчувствия регента Маркината. Но последнему не хватало конкретных деталей, и его мысли так перепутались, что он ощутил панику.

Внезапно раздались шум шагов и голоса. Стри Вортлинг едва успел спрятаться на балконе второго этажа и улечься на паркет из драгоценного дерева у ажурной балюстрады. Отсюда он видел гостиную первого этажа, где одна за другой зажглись водяные бра.

В комнате появились два человека. Наемники-притивы, которых было легко узнать по белым маскам и серебряным сверкающим треугольникам, заделанным в нагрудники серых комбинезонов. Когда они осмотрели гостиную, из тени возникли новые существа, столь же бесшумные, как призраки. Стри Вортлинг затаил дыхание: один из вновь прибывших был Паминкс, коннетабль Сиракузы. На нем был традиционный синий бурнус. Откинутый на плечи капюшон позволял видеть голый бесформенный череп, зеленоватое шершавое лицо и желтые глаза навыкате. Его сопровождали два скаитачтеца, одетых в ярко-зеленые бурнусы, а также кардинал-крейцианец в фиолетовой накидке на пурпурном облегане с квадратной нашивкой высшего руководства Церкви, за которым неотступно следовали два мыслехранителя в бело-красных

бурнусах. Три наемника, один из которых носил черные комбинезон и маску, дополняли группу.

— Этот человек знал намного больше, чем мы подозревали, — заявил коннетабль металлическим, безликим голосом. — А дочь?

— Мы прибыли слишком поздно, ваше преосвященство, — ответил наемник в черной маске. — Она телепортировалась до того, как...

— У вас есть координаты ее переноса?

— Ее рематериализация запрограммирована на планету Двусезонье, планету из системы Трех Огней.

— Вероятно, она пытается добраться до Красной Точки и вступить в контакт с раскатта Шри Митсу, наставника индисской науки, как и ее отец-еретик.

— Два наших лучших человека и скаит-чтец уже отправились за ней из наших казарм. Кроме того, мы приготовили для нее ловушку на Красной Точке.

— Будьте осторожны: Шри Алексу, несомненно, научил ее основам индисской науки. Чтец, быть может, не сумеет ее обнаружить.

— Мы не нуждаемся в вашем чтеце. На этот раз, ваше преосвященство, мы ее не упустим.

— Надеюсь. Обратите тело в пепел...

Два наемника направились к беспорядочной куче одеял и подушек. Эта груда, нарушавшая порядок в доме, совсем ускользнула от внимания Стри Вортлинга во время поспешного обследования дома. Наемники извлекли из нее неподвижное тело, в котором регент без колебаний узнал своего старого друга Шри Алексу, словно погруженного в глубокий безмятежный сон. Кардинал-крейцианин, толстяк с багровым лицом, сотрясался от нервного тика и постоянно бросал через плечо взгляды на своих мыслехранителей, застывших в двух шагах от него.

Наемники оттащили труп в прихожую. Один из них извлек оружие в форме груши из сумки, висящей на плече, и направил дезинтегратор на восковое лицо Шри Алексу. Круглая пасть оружия извергла ослепительный зеленый луч.

Лицо, конечности и одежда сиракузянина скрутились, как охваченная пламенем бумага. Вскоре вместо тела высилась бесформенная серая груда. Она уменьшалась в размерах, пока от нее не остался крохотный слой черной пыли. В воздухе запахло горелым мясом.

Все это время остальные наемники рыскали по всем углам первого этажа. Бесценные античные книги, четы-

рехмерные донафлинские фильмы и голографические документы были свалены на низкий столик.

— Надо ли обыскивать комнаты второго этажа, ваше преосвященство? — спросил наемник в черной маске.

Когти страха вонзились в живот Стри Вортлинга, а тело покрылось саваном из ледяного пота.

— В этом нет необходимости, — ответил Паминкс после недолгого молчания, показавшегося регенту бесконечным. — Наверху помещение деремата и спальни, а у сиракузян нет привычки смешивать работу и отдых, не так ли, ваше преосвященство?

— Конечно, конечно, — пролепетал кардинал, явно раздраженный присутствием наемников и вонью горелой плоти.

— Хорошо. Пусть эти остатки суеверия последуют за своим владельцем. Надо раз и навсегда уничтожить зародыши еретичества. Не так ли, ваше преосвященство?

Кардинал побледнел. Манера Паминкса постоянно брать его в свидетели, словно коннетабль испытывал извращенное удовольствие, превращая его в сообщника мерзкого убийства, все больше раздражала его. Но он собрал все ресурсы ментального контроля и превозмог отвращение к подельникам. Тайное поручение, данное ему Непогрешимым Пастырем, муффием Барофилем Двадцать Четвертым, имело неприятные, даже отвратительные стороны, но он должен был выполнить его безупречно ради величия Крейца. А главное, ради собственной карьеры в Церкви.

— Конечно, конечно, — пробормотал он. — Да охранит нас своей святостью Крейц...

Чтец мысленно вошел в контакт с коннетаблем.

— Ваше преосвященство, я обнаружил чуждое присутствие на втором этаже.

— Глупец! Неужели вы думали, что я ждал вашего сообщения, чтобы заметить это? По-вашему, почему я не позволил наемникам обыскать второй этаж? Речь идет о Стри Вортлинге, регенте Маркината. Я ожидал встретить его здесь: я знал, что он тайно покинул дворец Феркти Анг. И знал также, что он хочет встретиться со Шри Алексу. Кое-кто из его ближайшего окружения сообщил мне о его подозрениях, касающихся нашего Проекта.

— Но, ваше преосвященство, почему вы им не занялись до открытия асмы?

— Еще одна мысль подобного рода — и я отправлю вас в матричные чаны Гипонероса. Насильственная смерть руководителя обязательно ведет к расследованию со стороны конгрегации смелла. Риск был слишком велик.

— Что мы должны сделать?

— Пока ничего. Лучше поройтесь в его мозгу и скажите, что он действительно знает о Проекте. А пока я продолжу беседу с кардиналом.

— Хорошо, ваше преосвященство.

Кардинал осторожно приступил к проблеме, которую поручил ему решить муффий:

— Э... ваше преосвященство, вы не можете не знать... после процесса Шри Митсу, о котором вы только что упомянули... вы не можете не знать, как я уже говорил, что некоторые... государственные деятели Сиракузы, и не самые мелкие, занимаются развратом, который может, скажем, стать известным широкой публике, что нежелательным способом подействует на сиракузский народ и... э... на остальные народы Конфедерации в свете ваших проектов...

— Вы, полагаю, говорите о противоестественной сексуальной практике, — прервал его коннетабль, прекрасно знавший, куда клонит его собеседник.

— Именно так, ваше преосвященство, именно так. Если ваш проект успешно завершится, а он завершится, ибо такова воля Креза, было бы неподходящим показывать всему миру поблекший образ сиракузской цивилизации...

— ваше преосвященство, он не знает о Проекте ничего, кроме того, о чем мы здесь говорили...

— Продолжайте ваше обследование. Постарайтесь уловить его дальнейшие намерения. А я пока подумаю над тем, как наилучшим образом решить нашу проблему.

— Его святейшеству Барофилю Двадцать Четвертому не терпится разослать по вселенной когорты миссионеров, а те кипят от желания донести истинное слово и очистительный огонь до своих братьев, живущих в неведении. Однако он хочет получить определенные гарантии...

— Я понимаю заботы его святейшества, — ответил Паминкс. После телепатического обмена ему не удавалось контролировать силу голоса, что заставило прелата вздрогнуть. — Как и вы, мы не стремимся к тому, чтобы показать миру ложный образ Сиракузы... Менати Анг, младший брат нашего нынешнего сеньора, выглядит достойным наследником своего отца, великого Аргетти Анга. Менати — ярый крейцианин, лишенный явных пороков. Более того, я заметил, что он проявляет завидную политическую ловкость в определенных обстоятельствах. К примеру, поглядите, как он сумел привлечь к нашему делу

офицеров полиции. Если его святейшество муффий решит оказать нам помощь, мы... лишим трона сеньора Ранти и ускорим восхождение на него сеньора Менати.

— Его святейшество и не желает, чтобы было иначе, ваше преосвященство...

Кардинал облегченно поклонился с чисто церковной учтивостью.

— Мои инструкции таковы: мы уходим, словно и не заметили присутствия регента Маркината. Не стоит преждевременно пробуждать его подозрительность: быть может, он имеет волновой сигнал тревоги. Он не станет обращаться к другим сеньорам из этого дома, ибо подозревает, что передатчик Шри Алексу прослушивается. Надо, чтобы он вышел отсюда. Как только он окажется в саду, наемники нарушат деятельность его мозга специальным лучом. Потом скрытно перевезут на одну из улиц Салауна, квартала проституток. И оставят там, чтобы его легко обнаружили на восходе Рубина перед входом в заведение экстремальных удовольствий. Все решат, что он тайно покинул дворец приемов, чтобы развлечься с гейшахой, а потом сошел с ума.

— Но, ваше преосвященство, мы рискуем вызвать следствие и отмену асмы.

— Нет. Царствующий клан Маркината представлен законным наследником трона, Листом Вортлингом, которого этот дурак предусмотрительно захватил с собой. Согласно текстам, с учетом его присутствия и присутствия генерального даита Джаспа Харнета, Лист Вортлинг заменит своего дядю. В любом случае бесчестие, вызванное обнаружением одного из своих в квартале удовольствий, не оставит выбора семье Вортлинг. Асма будет открыта. Вы отдадите приказ наемникам, только покинув этот дом, и проследите за нормальным развитием операции. А меня ждут иные срочные дела. Мое отсутствие и так затянулось. В случае провала вы понесете личную ответственность.

— Слушаюсь, ваше преосвященство.

— Еще одно: проведите ментальное обследование всех слуг и охранников дворца Феркти Анг. Приведите ко мне тех, кто помог регенту Маркината обойти надзор. Идите и помните: провал...

Удивленный долгим молчанием коннетабля, кардинал дважды кашлянул и сказал:

— Так ли необходимо, ваше преосвященство, оставаться здесь?.. Я должен дать отчет о нашем разговоре в епископском дворце...

— Это место мне столь же неприятно, как и вам, ваше преосвященство! Я просто предпринял несколько проверок. Прошу меня извинить.

Потом обратился к наемникам:

— Наведите здесь порядок.

Гостиная постепенно приобрела прежний вид роскошного ухоженного интерьера. Потрясенный тем, что увидел, и почувствовав облегчение от того, что его не обнаружили, Стри Вортлинг все же не мог не поразиться ловкости и исполнительности притивов. Ни одного лишнего движения, быстрые и точные жесты, отработанные до автоматизма многими поколениями. Этот удивительный союз между Ангами Сиракузы, скаитами Гипонероса, Церковью Крейца и конфедеральной полицией был страшной угрозой для Конфедерации Нафлина. То, о чем регент Маркината смутно догадывался, было подтверждено тем, что он увидел и услышал в доме Шри Алексу. После подстроенного процесса над смелла Шри Митсу Стри Вортлинг располагал ограниченным временем, чтобы предупредить остальных руководителей миров Центра и махди Секорама, великого предводителя Ордена абсуратов. Он с печалью подумал о Шри Алексу, первой жертве заговора. Афикит, его дочь, ускользнула от них, но надолго ли?

Водяные бра погасли одна за другой. Гостиная вновь погрузилась в туманную тьму. Маленькая группа покинула здание. Шум шагов, скрип обуви по камням аллеи постепенно затихли. Повисла густая почти осязаемая тишина. Гало пяти лун второй ночи образовало далекий световой шрам на небосводе.

Старая маркинатская считалка прорвалась сквозь века и всплыла на поверхность сознания регента:

Самые прекрасные, самые прекрасные
Ласка для глаз.
Самые прекрасные, самые прекрасные
Шрам на сердце...

Он встал, спустился по гравилестнице и вышел через потайную дверь. Оказавшись на улице, вгляделся во тьму ночи, но не обнаружил ни единого подозрительного движения или звука. Нервным поспешным шагом регент пересек сад и направился в сторону далеких огней Венисии, не подозревая, что за ним следят.

Глава 4

Однажды Мехом, бог вод, посетил Аум Тинама, отца богов. Тот обрадовался приходу любимого сына. Любой отец радуется посещению своих детей.

— Что ты желаешь от меня, сын мой?

— О отец, я разгневан на род человеческий. Люди постоянно пользуются мною, чтобы вершить зло. Они строят корабли, которые плывут по моим рекам и сеют смерть. Они топят детей или своих предков, своих друзей или врагов в моих прудах, в моих реках. Они вылавливают моих рыб. Они ничем не дорожат.

— Воспрети им делать это, сын мой.

— О отец, я не могу. Я слишком занят: я слежу за приливами и отливами своих океанов, за мощью своих водопадов. Я собираю влагу облаков. Я питаю подземные воды. У меня нет времени, чтобы восполнять убытки, которые наносят люди. Я пришел умолять тебя о помощи.

Аум Тинам подул на руки, которые наполнились мальками.

— Возьми это, сын мой.

— Отец, они такие маленькие.

— Я сотворил их такими, чтобы они не мешали тебе в путешествии. Прощай, сын мой любимый.

И Аум Тинам отдал мальков Мехому и вернулся в свой сотканный из света дворец. Бог вод спустился вниз на струях дождя и выпустил мальков в реку Агрипам. И они превратились в гигантских ящериц. С этого дня они следят за водами Мехома, став справедливыми и безжалостными хранителями божественного закона.

Устная легенда има садумба Двусезонья

— Ешь, оранжанин, так надо! Нельзя оставлять пищу на тарелке! Тебе нужны силы, а печаль ты должен из себя изгнать!

Шепелявый и намеренно суровый голос Моао Амба перекрывал глухой рокот дождя, стучавшего по крыше хижины. Главный повар, садумба, колдовал у нагревательных пластин, на которых раскалялись медно-алюминиевые котлы. Не прекращая своей речи, он виртуозно играл с цветными бутылками, наполненными пряностями, которые, не глядя, брал с узких полок, прибитых к деревянным стенам, и так же ловко ставил обратно.

Моао Амба был местной достопримечательностью, тем исключением, которое подтверждало правило: веселая жизнерадостная натура, разительно отличавшаяся от его сопланетян, вечно пребывавших в мрачном настроении. Его белое жир-

ное брюхо ниспадало на короткий передник, усеянный темными пятнами. Остальная часть тела была обнажена. Черные маслянистые волосы были собраны в ряды круглых постепенно уменьшающихся пучков, которые образовывали жесткую корону на макушке черепа.

— Ешь! Ешь! То, что готовит Моао Амба, обычно всегда очень вкусно, не так ли?

Его огромная ладонь подтолкнула тарелку в сторону Тиксу Оти, сидевшего на табуретке у стойки.

— Зачем все это, Моао, — безвольно возражал оранжанин. — Я сегодня не очень голоден...

Он, как всегда, зашел перекусить в «Местные вкусности», деревянную хижину на сваях на опушке непроходимого леса, начинавшегося на границе поселения. Чтобы воспользоваться несравненной честью быть среди привилегированных клиентов Моао Амба, надо было пройти по веревочному мостику, перекинутому через самую широкую часть реки Агрипам. Мостик скользкий и неустойчивый, по которому следовало двигаться с величайшей осторожностью, позволяя дождю промочить тебя до самых костей. Но лучше было добраться живым и мокрым, чем близко познакомиться с речными ящерицами, которые кружили внизу в медленном потоке, словно стволы деревьев.

— Что же видит Моао! Мумбе? Слишком много алкоголя плохо для верхушки головы! Или... старая шлюха из таверны турнула тебя!

Из глотки Моао Амба вырвались хриплые всхлипы. Его смех словно доносился из пещеры, его астматическая одышка походила на рокот грозы. Довольный собой, он несколько раз звучно хлопнул себя по ляжкам. По толстым ягодицам, жирным бедрам, свисающему животу до самого двойного подбородка пронеслась сейсмическая волна.

Остальные клиенты, завсегдатаи, чьи лица были знакомы Тиксу — хотя могли ли быть среди клиентов «Местных вкусностей» посторонние? — подняли головы и прекратили жевать. Смеющийся садумба, даже если это был Моао Амба, известный своим веселым нравом, — такое зрелище нельзя было пропустить.

Пустые тарелки двигались на механическом конвейере к кухне и останавливались перед нагревательными пластинами. Моао Амба наполнял их дымящейся пищей, наливал в стаканы кислющее вино, укладывал пластиковые приборы и стучал по твердым клавишам древней консоли телеуправления. Конвейер вновь трогался, тарелки набирали скорость и в конце пути

взлетали в пропитанный влагой воздух и падали на столики внутреннего зала или крытой террасы, если можно назвать крытым место, где от дождя можно было спрятаться не лучше, чем под лишенным листьев деревом. Когда тарелки и стаканы пустели, они возвращались тем же путем с новыми заказами или карточками для оплаты. Садумбе не нужны были помощники, чтобы управлять этим бесконечным балетом. Он справлялся со своими многочисленными делами с действенностью и величественностью мастера-дирижера, управляющего симфоническим оркестром страны Орган.

Тиксу сделал над собой усилие, чтобы проглотить несколько кусков и доставить удовольствие повару. Филе зеленой семги показалось ему отвратительным, несмотря на пикантную горечь кардиана, пряности, которую привозили с Красной Точки.

Его странная утренняя пассажирка продолжала тревожить его душу. Он пытался изгнать ее образ из головы, как отгоняют назойливую муху, раздражающую своим гудением. Но сиракузянка присутствовала в каждой его мысли в том или ином виде. Образ этого загадочного прекрасного лица, обрамленного двумя локонами с золотистыми отблесками, которые подчеркивали чистый овал лица, заполнял каждый уголок его внутренней пустоты. Образ ее синих глаз с золотыми и зелеными жилками, пропитанных одновременно чувственностью и презрением... Образ ее жемчужно-голубоватых зубов, ее рта с белой каймой у губ, с которых иногда, искажая чарующий голос, срывались ранящие отравленные стрелы. Образ удлиненных ладоней, острых посеребренных ногтей, способных превратиться в опасные когти. Эта девушка, замешанная на грации и самоуверенности, вызвала к жизни чувства, которые, как он думал, давно похоронены в глубине его души. Он ее совершенно не знал, однако она оказалась тайным ключом, который приоткрыл дверь, заросшую многими слоями ржавчины времени. Разум Тиксу, а вернее, то, что от него осталось, сражался с уверенностью, что он никогда больше ее не увидит, и все же не терял надежды на обратное, что было чистым идиотизмом. Ему не удавалось отрешиться от ее мимолетного присутствия, от ее жестов, от ее голоса, от ее запаха, околдовавшего его.

Он задавал себе массу вопросов, на которые не знал ответов, и эти безответные вопросы порождали новые безответные вопросы, отплясывавшие бешеную джигу в его усталом мозгу. Он попытался избавиться от внутреннего хаоса, погрузиться телом и душой в привычное отупение, где лишние мысли

наконец оставят его. Но утомительное наблюдение за дождевыми каплями, колотящими в оконное стекло, не смогли погрузить его в привычную скуку.

Что будет делать эта прекрасная сиракузянка на Красной Точке, планете раскатта, свалке Конфедерации, перекрестке всей преступности в мире, включая торговлю человеческой или мутантной плотью, в месте, куда стекались все отбросы, преступники, мошенники, авантюристы известных миров? Это был многонациональный, опасный мир, где присутствие конфедеральной полиции было символичным. Это было место, куда стекалась знать и буржуазия планет Центра в поисках острых ощущений. А еще там была Матана, старый город, таинственное владение аборигенов пруджей, в лабиринтах которого ни один чужак не смел прогуливаться без солидного эскорта.

На властный шарм пассажирки оранжанин ответил сомнительным юмором и вялым сопротивлением. Он спрашивал себя, какова доля правды в том, что она решила поведать ему. Вероятно, с горечью говорил он сам себе, подобная басня, исторгнутая беззубым ртом и обвисшими губами шлюхи из таверны, вряд ли вызвала бы у него такой же интерес.

Ринс пока еще не объявлялся. Тиксу знал, что в скором времени его ждет приговор, но не мог по достоинству воспользоваться последними часами свободы — освободится ли он когда-либо? — ибо буря, гудевшая в его бедном черепе, не оставляла ему ни мига покоя.

— Ты решительно отказываешься есть? — ворчал Моао Амба. — А если отказываешься есть, значит, сохранишь свои деньги!

— Твоей вины здесь нет, Моао, — прошептал Тиксу с отсутствующим видом. — Нет причины, чтобы я не заплатил тебе...

— Ты вправду очень огорчаешь меня! — вздохнул садумба.

Он скорчил весьма огорченную рожу, выпучил глаза и изобразил такую гримасу, что оранжанин не смог удержаться от улыбки.

— Наконец-то! — просиял Моао Амба. — Видя возвращение твоей улыбки на лицо, ты доставляешь мне великое удовольствие! В первый раз, когда ты вошел ко мне!

— Моао Амба, почему ты считаешь, что я заставляю себя приходить к тебе, мокну до костей и страдаю от твоей стряпни? — спросил Тиксу, поддерживая игру повара. — Ты, быть может, думаешь, что стал бы себя затруднять и сносить твой поганый характер, если бы не относился к тебе хорошо?

И едва он произнес эти слова, как его охватило предчувствие, мощное и острое: больше никогда в жизни он не

увидит Моао Амба, нищего голого властителя таверны. В его голове промелькнул образ посетителя, ждущего в агентстве. Вероятно, то был ринс.

— Мне пора идти. Прощай, Моао.

Он едва не поперхнулся от избытка чувств, а в его серых глазах блеснули слезы. Это ощущение показалось ему неуместным и невероятным: вот уже одну или две вечности он не плакал. Но глупые остатки гордости или стыда помешали ему дать волю слезам.

— Прощай? «Прощай» говорят, когда больше никогда не увидятся! — запротестовал повар, пораженный внезапной серьезностью лица оранжанина. — Значит, не встречаться со мной думаешь! Значит... я кормлю тебя тем, что не любишь ты!

— Мне эта пища никогда не нравилась! — постарался отшутиться Тиксу. — Но знаешь, стоит упасть с этого мостика — и хоп! Прощай, Тиксу Оти! Речные ящерицы не оставят от меня ничего!

— Нет! Ты ничем не рискуешь! Потому что ты невкусная пища!

Оглушительный хохот Моао Амба разнесся как ударная волна светобомбы. Вначале затряслись жирные части его тела, потом вибрации перекатились на тонкие перегородки кухни, затем на столы, стулья и подносы зала и террасы. Об этом смехе все говорили целых два стандартных дня. Тиксу бросил последний взгляд на хохочущего садумбу, встал и пересек зал ресторанчика, приветствуя по пути знакомых. Вернее, компаньонов по пьянству: на Двусезонье этого часто было достаточно для дружеских связей. С освободившегося места бесшумно взлетел поднос и занял свое место на конвейере волномоечной машины.

Мостик, сомнительная конструкция из толстых скользких веревок и колючих веревочек, прогибался под весом Тиксу. Внизу резвились пять или шесть ящериц, вздымавших высокие фонтаны воды, которые усеивали поверхность реки пенисто-белыми кругами. «Местные вкусности» находились в стороне от поселения, и здесь чаще всего наблюдались скопления чудовищ, из которых самые большие достигали пятнадцати метров в длину.

Тиксу приготовился покориться судьбе с тоскливым смирением приговоренного к смерти, от казни которого никто и ничто не может спасти. Когда он поднял магнитные шторы агентства, его предчувствие превратилось в уверенность.

Его действительно ждали. Три неподвижных силуэта в полумраке помещения по бокам и за столом Тиксу. Еще не включив свет, Тиксу понял, что эти угрожающие тени не были ринсами. Водяные лампы медленно налились светом.

Перед ним находились два человека в матово-серых комбинезонах, нагрудники которых украшали серебристые и блестящие перекрещенные треугольники. Белые маски с узкими глазными щелями прилегали к лицу, словно вторая жесткая кожа. Третье существо, сидевшее за столом Тиксу, было полностью укутано в просторный светло-зеленый плащ с капюшоном, который также скрывал лицо посетителя. Оранжанин только различил торчащий коричневатый подбородок и безгубый рот, широкую щель с черными острыми краями.

— Э-э-э... господа, что вы? — проблеял Тиксу. — Разве вы не могли дождаться открытия агентства... Кто разрешил вам войти?

Три пришельца ничего не ответили и не шелохнулись. Ощущая неловкость и подспудный, тоскливый страх, он вдруг догадался, что эти странные типы как-то связаны с его утренней пассажиркой. Он подошел к столу и попытался произнести твердым голосом:

— Кто вы такие и что вы хотите?

Ужас пронесся по его душе со скоростью рогатого шигалина, бросившегося в галоп. От окаменевших призраков, мрачных масок и застывшего плаща исходил запах смерти. Тиксу невольно пожалел, что не стоит сейчас перед ринсом.

Заледенев от ужаса, он остановился в метре от стола. Охваченный паникой, запертый в черепе мозг отказывался дать вразумительный ответ. Глухие удары перепуганного сердца сотрясали грудную клетку и барабанные перепонки.

— Будьте любезны немедленно...

Рука человека в маске слева от него разжалась словно пружина, и каменный кулак ударил оранжанина в плечо. Тиксу рухнул на колени, силы совсем покинули его, во рту появился вкус крови. От удара пяткой в нижнюю часть живота перехватило дыхание. Он сложился как пустой мешок и упал на холодную мокрую плитку, где сжался в позе зародыша. Голова его прижималась к коленям, а руки лежали на затылке. Он ощущал реальность боли, невероятного страдания, пригвоздившего его к полу. Он походил на насекомое, которое пришпилили булавкой к клочку бумаги. Ручейки слюны и крови стекали из уголков его рта и заливали подбородок. Он расслышал обрывки разговора, который словно происходил в двух световых годах от него:

— Может, достаточно? — спросил измененный маской голос.

— Думаю, сойдет. Вы обещали мне облегчить ментальное обследование, не так ли? Если вы ударили слишком сильно, он не сможет ясно мыслить, и мы останемся с носом.

Тембр второго голоса был металлическим, вибрирующим и утробным.

— Ладно, девица-то вас обвела вокруг пальца, — снова зазвучал первый голос. — Наши физические методы, быть может, и грубее ваших, но дают результат!

— Я не стану терять время на обсуждение соответствующих преимуществ каждого метода.

— В любом случае если девица смылась через дерemat, она могла сделать это только здесь. В этой дыре лишь еще одно агентство имеет дерemat, но тот вышел из строя три недели назад. Что касается обычного корабля, то он прибудет лишь через двое суток...

— Все сейчас и проверим.

Скаит-чтец встал, обогнул стол и присел на корточки рядом с Тиксу. Несмотря на терзавшую его дикую боль, оранжанин с ужасом ощутил, как что-то неощутимое и холодное проникло внутрь его мозга, как извивающееся и жадное до информации щупальце принялось орудовать в его голове. Бессознательный рефлекс, примитивный инстинкт самосохранения заставил его восстать против столь бессовестного насилия над личностью. Он попытался напрячь мышцы и встать, но усилия были тщетными. Этот спазм мятежа вызвал лишь новую боль. Раскаленная добела игла пронзила все его существо. Он застонал и остался лежать на плитке, мыслящий свидетель, который не в силах помешать осквернению своего безмолвного святилища. Ему показалось, что невидимый завоеватель пытается найти сведения об утренней пассажирке, и понял, что стал невольным предателем. Но его ощущения были такими беглыми и смутными, что ему не удалось отделить фантазию от реальности. Где-то вдали раскрылся мрачный рот, окруженный голубоватым ореолом. Из него струилась зовущая к отдыху мелодия.

Скаит-чтец встал.

— Ситуация усложняется. Девушка утром отправилась на Красную Точку. У нее не было достаточной суммы денег, но этот кретин не смог устоять перед ее техникой индисской науки и продал ей путешествие со скидкой.

— Проклятие, она выскользнула у нас из рук!.. Но наши братья на Красной Точке предупреждены. Они ею займутся!

— Мы удостоверимся в этом, — прозвучал металлический голос с явным раздражением. — Достаточно запрограммировать этот дерemat на координаты, по которым она улетела.

— Если считаете нужным... А что делать с этой швалью?

— Надо от него избавиться. То немногое, что он знает или о чем догадывается, и так избыточно. Но до этого мне надо получить шифр доступа к машине.

Чтобы помешать любой возможности пиратства, каждый директор агентства хранил тайный код телепортации в своей памяти. И снова холодное щупальце проникло в мозг Тиксу, который недвижно лежал у стола. Его плечи, руки и спина постепенно коченели.

— Все в порядке, код у меня! — объявил металлический голос.

— Как лучше, по-вашему, устранить его? Перерезать глотку или сломать шею?

— Ни то, ни другое. Его смерть должна выглядеть естественной. Пока План выполняется, никому не должно прийти в голову задавать ненужные вопросы. Вероятность крайне мала, но учитывать ее следует. Он регулярно пьет спиртное. Один из вас сбросит его в реку Агрипам. Сочтут, что он был пьян и потерял равновесие. Им займутся гигантские рептилии. Такие случаи здесь происходят часто.

— Откуда вам это известно?

В голосе из-под маски слышалось сдержанное восхищение.

— Это записано в нем. Видите, в наших методах тоже есть хорошие стороны. — Скаит, похоже, ценил свой маленький реванш. — Теперь уходим!

— Мы не будем ждать второго, который...

— Нет времени. Инструкции вам известны.

Тиксу ощутил движение вокруг себя. Под его лопатки скользнули руки и помогли ему подняться. То, что он услышал, вызвало в его душе сильнейшую панику, но он не мог сделать ни единого движения, чтобы защитить себя. Удар по плечу лишил его и воли, и сил двигаться. Он отправлялся навстречу смерти в полном сознании, но в состоянии такой слабости, что ему оставалось лишь пожалеть себя.

Он расслышал сухой и характерный щелчок металлического люка. Скаит-чтец и второй наемник проникли в коридор, ведущий в помещение деремата.

На улице свежий воздух и дождевые капли привели оранжанина в чувство, но не настолько, чтобы он перешел от внутреннего сопротивления к физической защите. Он хотел закричать, позвать на помощь, но ни один звук не вырвался из его глотки. Он только сильно икнул, и по его подбородку потекли новые струйки слюны. Человек в маске прижимал его к себе, поддерживал и помогал идти вперед. Образ сиракузянки про-

бился через туман, который обволакивал его мозг. Ему казалось, что ее обрамленный белым рот с упреком обращался к нему. Но у него не было сил оправдываться, заявлять о своей невиновности. Контуры обвиняющего лица расплывались, растворялись в мрачной монотонности пустынных улиц и конструкций, размытых дождем.

Он, как в кошмаре, увидел высокие вершины лесных деревьев. Потом началось раскачивание, и к его глотке подкатила тошнота. Он вдруг понял, что идет по веревочному мосту. И тогда Тиксу вцепился в верхнюю веревку ограждения, но его спутник с силой ударил коленом по почкам, заставив разжать руки.

Желтая чешуя и рубиновые глазки нескольких ящериц выделялись на серой речной воде, топорщившейся дождевыми шипами. Наемник остановился посреди моста и разжал руки. Тиксу, собрав последние остатки воли и энергии, воспользовался передышкой и, упав на карачки, схватился за пляшущие веревки. Он знал, что его попытка бесполезна, что смерть уже развернула свои крылья над ним, но теперь его рефлексами управлял инстинкт самосохранения. Беглые видения понеслись по экрану его памяти: сиракузянка, ринс, серая форма, зеленый капюшон, гнусный рот, волокна облаков в небе Оранжа, дерево-пила из сада дяди, мать... Он еще никогда не видел так отчетливо волнующие черты матери... Она ушла, а он остался, удивленный и печальный ребенок... У них не было времени познакомиться...

Наемник схватил Тиксу за талию и бросил в пустоту. Но оранжанин обеими руками держался за веревку и повис между небом и землей. Его многострадальное плечо хрустнуло. Человек в маске, застигнутый врасплох внезапным отклонением мостика, потерял равновесие и, в свою очередь, хотел уцепиться за парапет, но промежуточные веревки, до предела натянувшиеся под весом Тиксу, вдруг разорвались. Подвижный мост дернулся по всей длине. Наемник тяжело рухнул на Тиксу. И оба полетели вниз. Из-под белой маски вырвался вопль отчаяния.

Последнее, что увидел Тиксу, падая в ледяную воду, была подвижная мозаика желтых чешуй, красных глаз и тройных рядов зубов. Он вначале погрузился в темные глубины реки, потом деревянным шариком вынырнул на поверхность. Наглотавшись воды, почти задохнувшись, он в отчаянии попытался втянуть в себя воздух и удержаться на поверхности, но плечи, ноги и руки отказывались повиноваться. Он заметил белую маску в нескольких метрах от себя. Потом змеящиеся хвосты и разверстые пасти бросившихся на его противника ящериц, которых

привлекло внезапное барахтанье в воде. Пасти ящериц вначале сомкнулись на наемнике. Первая оторвала ему ногу, вторая — руку, а третья отхватила голову. Остальные вступили в борьбу за его обезглавленное тело. По грязной воде растеклось широкое пурпурное пятно.

Обессилевший и смирившийся с судьбой, Тиксу перестал барахтаться и медленно погрузился в воду.

Мама, почему ты умерла? Я тоже вскоре умру... А так хочется жить... Жить... Не хочу умирать... Я не знал тебя, а с той девушкой мне хотелось бы познакомиться лучше...

Он уже не ощущал мятежного порыва, а только печаль и сожаление. Ощущение абсурда и неудавшейся жизни. Над ним белопузые ящерицы исполняли какой-то водный танец. Мощные вихри подхватили Тиксу. Два пунцовых пятна разорвали мутную воду. Он подумал, что гигантская ящерица спешит ему на помощь. Идиотская мысль. Невероятное желание, последняя мечта жизни...

Он потерял сознание. И погрузился в бездну, сотворенную из водных стен. Перед ним появилась его мать. Он умолял помочь ему, но она печально смотрела на него и предлагала выпить. Ему не хотелось пить, его легкие и раздувшийся живот и так были наполнены водой. На дне бездны его ждала обнаженная женщина. Он узнал сиракузянку, и сердце его радостно забилось. Но стоило ему приблизиться к ней и почти коснуться, как она с издевательской улыбкой отдалилась. Он никогда не сможет догнать ее. Эта мысль опечалила его. Он был готов разреветься, как ребенок. Сиракузянка сжалилась над ним и превратилась в женщину-садумба, чьи огромные груди ниспадали на жировые складки живота. Ее крохотные раскосые черные глазки светились любовью. Могучие полные руки приподняли его, как былинку. Она прижала его к своей груди, погладила, напевая колыбельную. Но запах ее кожи был отвратителен и невыносим. Он яростно забился, вырываясь из тисков ее рук. Усилия оказались тщетными, и он принялся колотить по обильной груди кулаками, издавая возмущенные вопли.

Тиксу открыл глаза. Все его тело покрывала ледяная пленка пота. В помещении царил мирный успокоительный полумрак. Он сообразил, что лежит. Попытался встать, но раскаленная заноза в плече отбросила назад. В ломившей от боли голове понеслись смутные образы: качающийся мостик, вцепившиеся в веревку руки, ящерицы, окровавленное туловище наемни-

ка, бездна, вода... Вода! Вода! Дышать, надо дышать! Он не мог помешать притоку воды в легкие. Охваченный паникой, он задышал часто-часто и задохнулся. А когда сообразил, что ему больше нечего бояться отсутствия воздуха, то успокоился и покорился безмерной усталости, навалившейся на каждую клеточку его существа. Он едва успел спросить себя, а жив ли он.

За этот неизмеримый отрезок времени он оказывался в плену то лихорадочной сонливости, то внезапных пробуждений, то приступов словесного и зрительного бреда. Постепенно вернулась способность мыслить, а глаза его свыклись с полумраком. Он находился в хижине с каркасом из белых круглых стоек и перегородок из незнакомого материала. Он лежал на пористом матрасе, твердой, но удобной губчатой поверхности. Одеялом служила легкая чешуйчатая шкура. Внутри помещения пахло затхлостью. Запах был ему знаком, но он не мог сообразить, что это. Он также различил лучики света — против него в перегородке была дверь.

Он снова попытался привстать, но боль приковала его к матрасу. Неуверенной дрожащей рукой он провел по лицу, ощущая выступающий лоб, нос, губы. Кончиками пальцев он чувствовал слабое биение крови и теплоту кожи.

Дверь распахнулась, впустив внутрь женщину садумба. В одной руке она держала древнюю никтроновую лампу, чьи отсветы ласкали ее кожу, а в другой несла дымящийся сосуд. Гладкие волосы, черным дождем ниспадавшие на плечи и широкие бедра, были ее единственной одеждой. На ее молочно-белой коже темнели коричневые соски и густой треугольник. Заметив, что Тиксу очнулся, ее круглое лицо осветилось доброй улыбкой. Глаза под выступающими подбровными дугами превратились в щелочки.

Она склонилась над ним и движением головы велела ему выпить содержимое сосуда. Запах женщины ударил в нос Тиксу. Прогорклый запах, который исходил от стен, матраса, одеяла. Его едва не вырвало.

— Ля, ля, это хорошо для тебя, — визгливо напела она. — Ля, ля, жизнь вернется. Ля, ля, силы вернутся...

Она властно просунула закругленный край сосуда между губ Тиксу. Горячая жидкость проникла в глотку, исторгнув из глаз Тиксу слезы. Жар потек по пищеводу, распространился по желудку. Он корчился, отбивался, отворачивался, отплевывался. Женщина спокойно поставила лампу на пол, присела, крепко охватила его затылок и заставила полностью проглотить содержимое сосуда.

— Ля, ля, пить очень горячим. Ля, ля, самое лучшее для здоровья. Ля, ля, там вся сила ящериц. Ля, ля, набраться сил ящериц. Ля, ля, получить их непобедимость...

Услышав слово «ящерица», Тиксу тут же совместил вонь от тела женщины с вонью от огромных ящериц. Однажды Моао Амба увлек его на берег реки Агрипам, где, спрятавшись за густыми ветвями дерева, они смогли долго наблюдать за молодой одинокой ящерицей. И его, кроме страха, больше всего поразил запах застоявшегося прогорклого жира. Именно этот запах царил в хижине.

Когда он с трудом осушил сосуд — горячая жидкость была просто безвкусной, — женщина схватила крохотный пузырек, стоявший на низкой этажерке, и осторожно извлекла из него пробку. Этажерка, пузырек и пробка были хрящами или позвонками гигантской рептилии. Она засунула пальцы внутрь пузырька, захватила желтоватую мазь и принялась медленными размеренными движениями втирать ее в плечо оранжанина. И тут же под кожей Тиксу разлился приятный жар. Чудесным образом исчезли боль и усталость, его охватила нежная эйфория.

— Ля, ля, хорошо для раны. Ля, ля, пришла Великая Ящерица. Ля, ля, теперь будет лечить.

Пока она массировала его, соски ее грудей нежно касались его живота и грудной клетки.

— Рука может двигаться. Как раньше. Сломанное плечо теперь вылечено...

Хлопнула дверь. Женщина приостановилась и прислушалась. Широкая улыбка открыла ее ровные, белые и здоровые зубы.

— Качо Марум! — воскликнула она. — Има садумба лесной чащобы. Я — Малиное. Он — Качо Марум, муж. Отец моих детей. Он нырнул в реку, чтобы спасти тебя...

Качо Марум вошел в комнату. Он совсем не напоминал тех садумба, которых знал Тиксу. Он был выше, а его мышцы выступали под кожей, тогда как у его соплеменников они были затянуты жиром. От него исходило ощущение достоинства, даже величия, хотя он был совершенно обнажен. Он внушал уважение с первого взгляда. Под густыми бровями на выступающих надбровных дугах гордо сверкали черные глаза. Он носил традиционную прическу има садумба: зачесанные назад и собранные на макушке в пучок волосы образовывали конус, который держался на костяном кольце. Он обменялся с Малиное несколькими фразами на языке садумба. В щели двери появилась детс-

кая рожица. Два круглых любопытных глаза с жадностью пожирали Тиксу.

Качо Марум открыл обе ладони в сторону оранжанина, так обычно желали гостеприимства. Садумба на окраине поселка приветствовали так же, но для них жест был лишен смысла и стал машинальным, а для Качо Марума остался живым символом традиции гостеприимства лесного народа.

— Как чувствуешь себя, молодой гость? — спросил он низким приятным голосом.

— Э... нормально... — выдавил Тиксу.

Собственный голос показался ему чужим, доносившимся издалека, словно он разговаривал сам с собой по голофону. Он еще не освоился с реальностью окружения, с предметами, с этой странной парой, столь прекрасной в их райской обнаженности.

— Где... где я?

Садумба ударил ладонью по груди:

— У Качо Марума, има садумба лесной чащобы.

— И... это вы извлекли меня из... воды?

Качо Марум по-детски рассмеялся, словно вопрос оранжанина был для него шуткой.

— Да. Конечно, да. Но не один!

— Это невозможно, — запротестовал оранжанин. — Невозможно. Никто не может уйти от ящериц...

— Ящерицы — друзья Качо Марума, — просто ответил садумба.

Малиное поставила на место драгоценный пузырек, поднялась и вышла. Она тщательно затворила дверь за собой, несмотря на величайшее разочарование ребенка, который надул щеки, огорченно вздохнул и исчез. Качо Марум уселся прямо на пол, поджав ноги под себя. По его белой коже, испещренной татуировками в виде геометрических фигур, еще струились капли дождя. Его низкий мощный голос был терпелив и добр.

— Воздадим славу Аум Тинаму за то, что он благословил нас жизнью, — вдруг произнес он с неожиданной возвышенностью в тоне. — Я пришел, как делаю каждый день, отпраздновать свою дружбу с речными ящерицами, которые воплощают здесь богов. Оказавшись на берегу Агрипама, я увидел двоих мужчин из внешних миров, сражающихся на мостике. Оба рухнули в воды реки, в воды бога Мехома. Я подумал: эти люди не заслуживают дара от Аум Тинама, и мои друзья-ящерицы выполнят доверенный им долг. Они возьмут у них тот драгоценный дар, который зовется жизнью!

Он замолчал, наклонился вперед и приблизил свое лицо к лицу Тиксу, словно желая поделиться драгоценным секретом. От него также пахло гигантскими ящерицами.

— И дар у одного из мужчин забрали немедленно. Но затем случилось невероятное: Великая Ящерица, чья сила неизмерима для нас, двуногих, бросилась на своих собратьев и запретила им трогать второго мужчину. И ее громадное тело образовало непроходимый барьер, чтобы спасти мужчину из внешнего мира! Она была против своих собратьев! И такое событие свершилось впервые!

Удивление и восхищение читались в чертах, в глазах, во всем облике садумба. Голос его превратился в журчащий ручеек, когда он продолжил:

— Легенды говорят, что тот, кто избежал гнева ящериц, проживет невероятную жизнь. Боги дарят ему бессмертие. Да, да, бессмертие! Вот почему я не колебался: я нырнул во владения Мехома и помог Великой Ящерице вытащить на берег второго мужчину, наполовину утонувшего, наполовину оглушенного...

Качо Марум замолчал, наблюдая за реакцией Тиксу. Слова има садумба казались последнему сном. Он вдруг засомневался в своем разуме, в реальности своего присутствия в хижине, в своем психическом здоровье и в психическом здоровье своего собеседника.

— Невозможно! Это доисторические чудовища! Они нападают на все, что движется! Вы не могли извлечь меня из воды. Они бы вас разорвали...

— А как бы они осмелились напасть на Качо Марума, когда он спасал мужчину, которого защищала сама Великая Ящерица? — спокойно возразил садумба. — Поверь мне, юный гость, это исключительный знак для того, кто смог выжить среди ящериц! Да, да, исключительный! Ты должен быть великим человеком или стать им... За всю мою жизнь служителя богов я никогда не видел ни одного человека из внешних миров, который бы с успехом выдержал испытание яшерицами. А они — справедливые хранители бога Мехома: тот, кто умирает в их пасти, не заслуживает драгоценного дара — жизни. Ты должен жить, использовать свой дар. Жить и исполнить...

— О Боже, что исполнить?..

Смысл слов не доходил до Тиксу. Большую часть времени он считал себя пустым существом, безумным механизмом, которым управляют обманчивые чувства, тупой интеллект, который движется по дорогам, ведущим в никуда. Даже

тот простой факт, что он жив, лежит на странном матрасе под одеялом из их чешуйчатой шкуры, спокойно рассуждает с обнаженным человеком о божественности отвратительных прожорливых животных, казался ему нагромождением бессмысленности и абсурдности.

— Исполнить свое предназначение, — невозмутимо продолжил Качо Марум. — Ибо твое предназначение выше твоего понимания. Ты испил внутренней воды ящериц, ты был излечен их жиром: они позволили тебе разорвать цепи нашей подруги смерти. Несмотря на воды Мехома в твоих легких, несмотря на огромные раны в твоем плече и на голове. Воздай должное ящерицам: они помогли тебе сохранить ценнейший дар — жизнь! Немногие двуногие получают право испить их лекарства.

— Но почему я? Кто решает это? — спросил Тиксу, который теперь лучше понимал, почему хижина воняет гигантскими рептилиями.

— Только има садумба лесной чащобы, как Качо Марум, священный хранитель и друг ящериц, последнее звено в длинной цепи има садумба, таких же друзей ящериц, может решать, должен он или нет применять лекарство ящериц. Ты, юный гость, ты — единственный человек из внешних миров, которого я, Качо Марум, излечил с разрешения богов. Такова была воля Великой Ящерицы!

Лицо садумбы затянула печаль.

— Большинство этого не заслуживает. Остальные люди извне, шахтеры, страдают неизлечимой болезнью: опталиевой лихорадкой. Многие из моего народа пьют спиртное, которое превращает их души в пустыни. Они перестали уважать богов. И погибают, упав в реку Агрипам! А ведь, мой юный гость, жир и вода ящериц излечивают любую болезнь. Даже зенобу, которую не могут лечить врачи остального мира.

— Как... вы добываете их жир и их... внутреннюю воду? Вы их ловите?

Все тело Качо Марума сотряслось от хохота, он кашлял и колотил себя по ляжкам. Смех его был бесхитростным выражением чистой радости, музыкальным журчанием переполненного водой безмятежного озера.

— Ящерицы? Ловить? Хоть кто-то когда-то изловил богов? И никому это не удастся! Они слишком сильны и хитры... Очень давно, когда Качо Марум был еще ребенком, охотники из внешних миров высадились на Двусезонье целой экспедицией, чтобы украсть и продать их шкуры. И все они утеряли дра-

гоценный дар — жизнь! Ящерицы делятся своими сокровенными тайнами только со своими верными жрецами, има садумба лесной чащобы. Когда они считают свою задачу выполненной и готовы покинуть мир Мехома, они отправляются в место, о котором знают только има садумба. И дарят своим слугам свое тело, пока его не покинула жизнь. Они выбираются на землю, ложатся на спину и позволяют открыть себя, чтобы мы могли собрать их внутреннюю воду и жир. Нечистые торговцы пытались вызнать тайну кладбища ящериц. И все они потеряли жизни! Качо Марума передаст тайну только своему старшему сыну, а тот, в свою очередь, станет има садумба и судьей от медицины. Твои жизненные силы вернулись. Ты ведь больше не чувствуешь боли?

Тиксу поднял руку и согнул ее в плече.

— Я больше ничего не чувствую... Странно... Словно у меня никогда ничего не болело...

— Хорошо! Очень хорошо! Таково могущество медицины богов. И ты никогда не должен забывать, что оно излечило тебя!

— Еще раз: почему?.. Почему я?

— Тебе самому надо найти причину, мой юный гость! Великая Ящерица никогда не ошибается. Если тебе еще раз подарили жизнь, значит, ты должен правильно использовать ее. Можешь подняться?

— Не знаю... Думаю, могу...

Тиксу осторожно встал. Мышцы и суставы больше не болели. Он приободрился и сделал несколько неверных шагов. Его ноги попирали пол хижины, изготовленный не из досок, а из огромных костей, переплетенных между собой и скрепленных высохшими сухожилиями. Он чувствовал, что его защищает мягкий и жаркий панцирь.

— Хорошо! Очень хорошо! — обрадовался Качо Марум. — Ты снова в форме! Ящерицы были очень добры к тебе!

Нос Тиксу уже привык к резкому запаху. Он больше не мешал ему, словно массаж Малиное познакомил его с сутью этого запаха. На простеньких этажерках, прикрепленных к выступам стен, стояли ряды пузырьков различных размеров, в которых настаивалась янтарная, плотная жидкость, которую ему втирала жена садумба.

— Смотри: стены моего дома, пол моего дома, крыша моего дома — все построено из тела ящерицы. — Низкий голос садумбы гремел от гордости. — Таким образом, Малиное, мои дети и я постоянно живем в ее брюхе, и она защищает нас в любое мгновение дня и ночи. В сезон дождей, в сезон засухи.

Матрас, на котором ты лежал, сделан из мочевого пузыря ящерицы. Одеяло, согревавшее тебя, сшито из ее шкуры. Что могут нам сделать демоны леса и демоны внешних миров?

Улыбка, одновременно недоверчивая и одобрительная, тронула губы Тиксу. По его жилам пронесся, подобно живому источнику воды, ураган энергии, наполнил ею все его органы, обновив их. Живительные соки, словно расплавленная лава, поднялись вдоль его позвоночника, наполняя теплом и бесконечным могуществом. Жизнь, торопливая и спешащая вновь занять территорию, долго остававшуюся пустырем, овладела всем его существом. Он прикоснулся к смерти и был обязан спасением рефлексам Качо Марума, которого на берег реки привел случай. Случай? Провидение? Какая важность! Впервые с того мгновения, как он открыл глаза в этой странной хижине, он со всей полнотой осознал, что живет и что жизнь была удивительным и уникальным шансом. Даром, если воспользоваться выражением има садумба.

— А теперь надо поесть! Ты увидишь, как прекрасен лес, когда на него смотришь из моего дома!

Радость Качо Марума, похоже, указывала, что он понимает духовное воскрешение Тиксу. Он разогнул длинные ноги, легко выпрямился и вышел. Оранжанин двинулся вслед за ним. Во второй комнате Малиное колдовала над своеобразным котлом цвета слоновой кости, под которым краснели угли. Трое детишек, игравших поблизости, буквально обрушились на Тиксу, крича и толкаясь, чтобы первым коснуться его. Строгий голос Качо Марума остановил их порыв. Мальчики, старшему из которых было лет двенадцать, чинно уселись в углу, но их горящие глаза не вязались с их покорным видом. Малиное откинула назад свои волосы и с улыбкой повернулась к Тиксу:

— Ты выздоровел! Хорошо! Очень хорошо!

Оранжанин улыбнулся в ответ:

— Да, да... спасибо за...

— Никаких спасибо! — перебил его Качо Марум. — Мы с Малиное только выполнили свой священный долг — выразили покорность богам. А за исполнение долга не благодарят!

Комната была такой же, как и та, что он покинул: те же материалы, та же скромность. Единственная разница: вместо матраса пол был усыпан коричневыми подушками — сиденьями? Они окружали квадрат из прозрачного материала. Поток света падал из узкого люка, куда попадали капли дождя и где виднелась веточка с листьями.

Качо Марум распахнул дверь, выходившую на террасу без балюстрады. Лужи воды указывали на неровности почвы. Укусы ветра и дождя напомнили Тиксу, что он, как и его хозяева, был совершенно обнажен. До сих пор эта деталь его не трогала, быть может, потому что у садумба лесной чащобы обнаженное тело было естественным, здоровым и не вызывало никаких посторонних мыслей. Он вздрогнул и скрестил руки на груди, чтобы чуть-чуть согреться.

Хижина Качо Марума стояла на ветви гигантского дерева, высившегося в самом сердце леса. Ветви потоньше окружали ее со всех сторон, образуя зелено-коричневые плетеные стены. От края террасы уходил веревочный мостик и терялся в ветвях другого гигантского дерева метрах в тридцати от первого. Вынырнув из его кроны, он уходил в другом направлении. Стволы деревьев росли прямо из воды, гладь которой тянулась во все стороны. На ней держались хрупкие лодчонки, пироги из шкур и костей ящериц. Неподалеку несколько равнодушных ящериц прочерчивали прямые линии, не обращая внимания на садумба, которые управляли своими лодчонками. Тиксу вышел на террасу и показал на ящериц:

— Они... не нападают?

— Ты плохо понял! — ответил Качо Марум. — Хранители реки нападают лишь на тех, кто больше не заслуживает жизни. Люди моего племени знают, что если они упадут в воду, только ящерицы будут решать, стоит ли возвращать человека на землю и даровать ему жизнь. Лес прекрасен, не так ли?

— Он чудесен! — честно подтвердил Тиксу.

Деревья с прямыми массивными стволами, которые до бесконечности отражались в сером гладком зеркале вод, походили на величественные колонны, удлиненные своим продолжением в отполированном за сотни лет полу, а их зеленые своды, украшенные кружевами мостиков, источали могущественный запах магии. Душа Тиксу растворилась в этом небесном свете и идеальном равновесии, в этой девственной гармонии первых времен. Он поддался колдовству и без раздумий погрузился в волшебную тишину лесной чащобы.

В самых сокровенных уголках его памяти возникло лицо сиракузянки. Оно было невероятно четким и словно высвеченным изнутри. Ни один звук не сорвался с губ девушки, но он понял, что она призывает его. Она говорила напрямую с его душой в обход грубых каналов чувств. Он остро ощутил ее мольбу, ее отчаяние, услышал ее безмолвный вопль, потом другие

крики, и вскоре у него возникло чувство, что огромная, ропчущая, орущая толпа, подхваченная током крови, покатилась по артериям, венам, капиллярам и заполнила его тело до самых кончиков конечностей. Он сжался, пытаясь оттолкнуть напор орущего множества, тряхнул головой, прижал ладони к ушам, чтобы прекратить невыносимый шум. Но тщетно: похоже, вся вселенная ополчилась против него, крики превращались в брань, которая ранила и резала, как безжалостные челюсти оголодавших муравьев, которые набрасываются на добычу. Потом раздался низкий голос, который покрыл рев своей монотонной песней:

«Твое предназначение... Исполни свое предназначение... Твое предназначение... Исполни свое предназначение... Твое предназначение...»

Завеса шума растаяла. Вместо оглушительного шума его сразу окружила колдовская мирная атмосфера леса. Тиксу повернулся к Качо Маруму, который с нескрываемым интересом искоса следил за ним.

— Я должен идти, — спокойно и решительно произнес оранжанин. — Я должен уйти немедленно.

— Лес передал тебе свое послание, — кивнул има садумба. — Лухаим, бог леса, поддержит тебя. Внешние миры стоят на краю пропасти. Если ты не исполнишь своего предназначения, вскоре ни один двуногий не будет заслуживать дара жизни!

— Где моя одежда?

— Она ждет тебя. Но перед уходом ты должен поесть и выпить внутренней воды ящерицы, чтобы завершить выздоровление. Ты дважды благословлен, юный гость, ибо после Великой Ящерицы свой голос тебе отдал лес!

— Как... каким образом я смогу однажды отблагодарить тебя? — прошептал Тиксу.

Он внезапно осознал благородство и величие души гостеприимного хозяина. И тут же безоговорочно с благоговением полюбил его.

— Опять? Ты ограничен и глуп, как двухлетний ребенок! — воскликнул Качо Марум. — Но раз ты хочешь меня отблагодарить, я удовлетворю твое желание: исполни то, что ты должен исполнить, и твоя благодарность станет безмерной. Я передам твое спасибо тем, кому должно, моим друзьям ящерицам реки Агрипам.

Не сказав больше ни слова, има садумба вошел в дом, где его встретили веселые голоса детей. Тиксу поспешил за ним. Сиракузянка, его утренняя пассажирка, оказалась на Красной Точке в смертельной опасности. Она была последним шан-

сом, последней надеждой погибающего мира. Времени терять было нельзя. Он изо всех сил надеялся, что не опоздает.

А для этого требовалось, чтобы деремат агентства еще работал. И чтобы ринс, непогрешимый сыщик компании, еще не вышел на его след.

Глава 5

Если видишь работающего на улице человека,
Когда Красный Огонь в зените,
Знай, что этот человек не
Прудж, а годаппи.

Когда блестит Красный Огонь, прудж спит.

Поговорка пруджей

Старик тщетно пытался заснуть, спрятавшись в тени красной ивии. Маленький фонтан, наполовину скрытый нежной зеленью с красными прожилками кустарника, выбрасывал в раскаленный воздух сверкающие струи воды, которые опадали мириадами эфемерных бриллиантов на лиловую траву газона.

В раскаленном добела небе три дневных светила Красной Точки поливали своими жаркими лучами город, превратив его в пекло. Из-за различия в цвете их называли «Тремя Огнями»: Зеленый Огонь, самое крупное солнце, восходившее первым и заходившее последним, окрашивало зори и полумрак в холодный бледноватый цвет. Оранжевый Огонь, самый крохотный сжавшийся шарик цвета охры, восходил вторым, облизывая небесный свод яркими огненными языками. Красный Огонь появлялся на небе в середине дня. Его позднее появление сразу вело к резкому повышению температуры. Он красил все низенькие домишки пригородов, шипастые кустарники и пыльные улицы одним и тем же ржавым цветом. Имена солнцам дали в незапамятные времена.

Иногда горячее дыхание едва заметного бриза касалось мокрой от пота кожи старика. Безмолвие окружало высокие стены Матаны, древнего города пруджей с его круглыми площадями и высокими домами запретного города. В этот час все буквально замирало. На крышах террас изредка появлялись силуэты людей, а редкие личные аэрокары напоминали туманный сон, золотистые пятна, растворяющиеся в потоках жаркого воз-

духа. Глухой рокот, через который прорывались пронзительные крики базарных торговцев или бродячих продавцов, затихал. Оставался лишь отдаленный рев гигантских теллурических станций, требовавших безостановочной работы печей. Издали они походили на огромные улья, вокруг которых кружили рои синих пчел.

Хохлатый павлин враскачку пересек лиловую лужайку. Через щелки прищуренных глаз старик убедился, что его маленький компаньон по ссылке прекрасно свыкся с местными условиями: яркие и чистые цвета, а также золотистые круги, которые усыпали его крылья и блестящую шею, свидетельствовали о добром здравии.

Старик с трудом повернулся в гравигамаке. Он тщетно менял позу, сон никак не хотел приходить. А мог бы принести приятные мгновения забвения. Но имел ли он право на забвение? Ибо заснуть ему мешала не жара, а внутренний почти беззвучный голос, неиссякаемый источник горечи и упреков.

Он видел рождение мрачных туч, сгущающихся над Конфедерацией Нафлина, и ничего не предпринял для предотвращения бури, хотя принадлежал к конгрегации смелла. Теперь уже было поздно: никто и ничто не могло помешать шестеренкам завершить свой роковой поворот. Вселенная начала погружаться в эру мрака, во времена Кали легендарной цивилизации Матери-Земли. Больше из трусости, чем из-за недостатка здравого смысла он никак не мог решиться на то, чтобы определить точную долю своей ответственности в надвигающемся крахе, но понимал, что во многом к нему причастен.

Усыпанные гравием дорожки сада заскрипели под чьими-то шагами. Старик вздрогнул. Проснувшись на заре Зеленого Огня, он заметил тени, прячущиеся за каменной стеной сада. Ощутил их намерения, даже не влезая в мысли незваных гостей: эти тени, беззвучные призраки, были предвестниками смерти. Они следили за ним, как свора гиен следит за агонией дикого зверя. Это были худшие из убийц, убийцы секты притивов. Пока они только окружили дом и ждали. Старик угадал причину отсрочки: они подготовили ловушку для молодой женщины, которая вот уже несколько часов безуспешно пыталась войти с ним в контакт. Если притивы его еще не убили, то только потому, что держали в качестве приманки.

Старик знал, что его мозг был под постоянным наблюдением скаита-чтеца. И сразу понял, что молодая женщина, дочь Шри Алексу, слабо владела техникой безмолвного общения. Ответь он ей, она сразу бы себя выдала. Она была недале-

ко, в двух или трех улицах от его дома, и наемникам надо было сделать всего несколько шагов, чтобы захватить ее врасплох и перерезать глотку. Поэтому он вызвал защитный звук и поставил непроходимый барьер вокруг своего мозга, превратив его в неприступную цитадель безмолвия. Он надеялся, что она поймет и отыщет другой способ вступить в контакт.

Шум шагов стал ближе. Старик узнал легкую поступь Маранаса, который, передвигаясь, едва касался земли. Подросток в простой белой тунике с застежкой на плече, которая подчеркивала его матовую кожу, принес на блюде из белого опталия прохладительные напитки. Под его темной кожей играли сильные мышцы. Лучи Трех Огней зажигали красные подвижные всполохи вокруг его головы: как все пруджи, он красил волосы красноватой краской, которую извлекали из кактуса, произраставшего в самом сердце пустыни.

Полураскрыв крылья, хохлатый павлин поспешно пересек лужайку, чтобы приветствовать гостя. Маранас присел на корточки и, стараясь не опрокинуть блюдо, нежно погладил птицу, которая от удовольствия залилась трелью. Красота павлина, птицы, неизвестной на его планете, поражала юного пруджа при каждом визите.

— Если когда-либо попадешь на Сиракузу, — прошептал старик, — увидишь тысячи их, не менее прекрасных, а раскраску ты даже не можешь себе вообразить!

Маранас резко вздрогнул, едва не выронив блюдо, ловко подхватил покачнувшиеся графин и стаканы. Способность старика читать его мысли и желания с той же легкостью, словно в светокниге, каждый раз поражала его. Даже пугала, хотя он уже посещал старика целый стандартный год. Даже не глянув на юного пруджа, старик, чьи глаза цвета зеленой воды смотрели вдаль, продолжил:

— В Венисии ты увидишь гигантские исфуганские пальмины, высаженные вдоль авеню и бульваров, с их прозрачными листьями, наливающимися феерическим светом.

Его лицо и голос были пропитаны печалью.

— Ты узнаешь, как приятно прогуливаться в конце второго дня, когда Солнце Сапфир покидает небо, а бриз любви становится бесконечно нежным. Здесь все говорит о сухости, об ожогах, о костре!.. Эти проклятые Три Огня оставляют место лишь булыжникам, трещинам, эргам, дюнам... Даже деревья имеют цвет и консистенцию камня!.. Но твой пустынный и печальный мир есть, в конце концов, лишь отражение моей души.

Удивленный и обескураженный Маранас поставил поднос рядом с гравигамаком. Жалобы не входили в привычки старика, который обычно относился к жизни как к вечному празднику. Этот внезапный приступ меланхолии не предвещал ничего хорошего. Юный прудж уселся прямо на лиловую траву в тени кустарника, дожидаясь возвращения улыбки на морщинистое лицо, обрамленное длинными белыми волосами.

Маранас с наслаждением втянул пьянящие запахи садовых цветов. Скинул тунику и улегся в траву, которая ласково коснулась его груди, живота, бедер. Продолжительная дрожь удовольствия сотрясла его от затылка до пальцев ног.

Первой реакцией визитера, сталкивающегося с растительным волшебством, резко отличавшимся от сухого и рыжего однообразия города, была реакция неверия. Старик не постеснялся в расходах, чтобы привезти из миров Центра феноменальное количество семян, растений, завязей. Два аппарата, спрятанных под толстым слоем насыпной земли среди лабиринта труб и приемников, отыскивали малейшие следы влаги, утреннюю росу, испарения, пот и превращали их в гектолитры воды, которая хранилась в подземных резервуарах, откуда поступала в фонтан, овальный бассейн, оросительные головки и в систему водоснабжения дома. Для пруджей, считавших воду роскошью, этот ее избыток был чудом, но вызывал подозрения. Старик вложил почти все свое состояние в этот уголок рая, но в одиночестве вечной ссылки это растительное изобилие было единственным способом поддерживать связь с родным миром и не имело цены.

— Что случилось, Двойная Шкура? — наконец спросил Маранас, выпрямляясь. — Ты сегодня не испытываешь радости жизни?

— Не называй меня так! — проворчал старик. — Ты же знаешь, я не люблю, когда ты называешь меня Двойной Шкурой! Уже давно на мне нет второй шкуры! Быть может, это было справедливо, когда я приехал, но теперь...

Он уже давно перестал пользоваться облеганом, который и дал ему такое прозвище. Вначале нарушение строгой этики сиракузян в манере одеваться его смущало. Но теперь он превосходно чувствовал себя в просторных пруджских туниках. И особенно ценил ласку воздуха на обнаженной коже. Она стала приятной и необходимой частью нового образа жизни.

— А как тебя называть? — возразил Маранас. — Я не знаю твоего истинного имени! Эка важность, даже если ты хочешь скрывать свое имя, я люблю тебя, Двойная Шкура!

Подросток расхохотался, вскочил с кошачьей ловкостью и быстро поцеловал старика в губы. Потом в три прыжка очутился у расположенного ниже овального бассейна, вскочил на широкий бортик и нырнул головой вниз в теплую воду.

Старик в гамаке привстал и оперся на локоть, смотря на Маранаса. Именно такое темное обнаженное тело и повлекло за собой гибель. Юные тела сильных и нежных эфебов, едва прорвавших хрупкий панцирь детства, еще не потерявшие угловатости, вызывали в нем тиранические, неподвластные воле желания, внося хаос в его ощущения и разум. Вначале ему надо было коснуться их, приласкать, ощутить кончиками пальцев или ладонями шелковистую кожу, под которой играли молодые соки. Ему надо было добраться до этих капризных насмешливых губ, погрузить свой язык в рот, наполненный жизнью, чтобы извлечь весь его медовый сок.

Из-за этих тел он предал тысячелетние традиции своих учителей. Он еще продолжал жить, но какой ценой! Каждый раз, вспоминая свой процесс, он ощущал то же унижение, тот же болезненный ожог, как в тот момент, когда высший суд крейцианской инквизиции публично разжаловал его в раскатта и приговорил к вечной ссылке на Красную Точку, где живут все преступники и подпольные торговцы миров Центра. Он, один из пяти великих смелла, был изгнан из конгрегации, как последний из мерзавцев. Строгие и презрительные взгляды его бывших коллег до сих пор жгли ему лицо и затылок. Теперь он проводил все дни в ленивом безделье в своем саду, пил кислые фруктовые соки и занимался любовью с юными пруджами Матаны, которые за щедрую плату соглашались на все. Он постепенно утерял достоинство и волю, душа его превратилась в пустырь, обдуваемый ветрами сожалений.

Тончайший контакт со Шри Алексу окончательно прервался. Он перестал чувствовать присутствие третьего наставника, присутствие постоянное, которое слабо вибрировало, словно далекая звезда в коллапсе.

Вдруг старику захотелось в последний раз оказаться полезным, завершить жизненный путь изящным поклоном: надо было спасти дочь Шри Алексу, помешать ей угодить в ловушку, которую расставили притивы и скаиты. Хотя осознавал, что этот последний поступок не станет отпущением прежних грехов. Но он был обязан сделать хоть что-то в память о далеком сиракузском друге, ставшем жертвой его отказа от борьбы.

Сидя на корточках у бассейна, Маранас встряхивал свою рыжую шевелюру — капли с его головы летели на лиловый кустарник. Острый коготь желания вспорол нижнюю часть живота старика, и во рту его стало сухо. Невероятным усилием воли он подавил искушение в последний раз забыться в головокружительных ощущениях.

— Иди сюда, Маранас! Мне надо сообщить тебе нечто важное.

Горящий взгляд юного пруджа, удивленного властным и торжественным тоном, кинжалом вонзился в глаза старика.

— Иди, прошу тебя! Это не только важно, но и очень срочно!

Старик вылез из гамака, который свернулся и превратился в гладкий шар размером с кулак. Потом поднялся на террасу по подвесным ступеням. Маранас пожал плечами, подобрал тунику, небрежно набросил ее на плечо и присоединился к Двойной Шкуре в гостиной, просторной комнате с синими водяными занавесями, закрывавшими овальные окна и поддерживавшими прохладу и полумрак.

Старик сидел в позе лотоса на подвешенном к балке сиденье. Его длинные белые волосы обрамляли лицо тускло-серым ореолом.

— Оденься и сядь напротив меня!

Маранас вздохнул, с сожалением натянул тунику и уселся на пуфик. Его охватило странное ощущение: мужчина, сидящий напротив него, был не тем, кого он знал. Он перестал быть Двойной Шкурой, утонченным хозяином, чья нежность не знала пределов. Он перестал быть внимательным, терпеливым любовником, чей прозрачный взгляд наполнялся болью, когда он созерцал и желал. Казалось, он ушел внутрь себя, исчез. Ощущая неловкость, юный прудж хотел заговорить, чтобы нарушить тяжелое молчание, но старик властным жестом руки велел ему молчать.

— А теперь, Маранас, выслушай меня внимательно!

Его могучий голос словно доносился из чрева земли.

— Я неоднократно проверял твой ментальный потенциал и заметил, что он намного превышает средний уровень. Вот что ты должен сделать: прежде всего закрой глаза. Затем дай мыслям свободно всплыть на поверхность твоего сознания, словно они пузырьки воздуха, лопающиеся на поверхности воды. Не гони их: достаточно открыть им дверь, они уйдут сами. И наконец, позволь безмолвию овладеть всем твоим существом на всех уровнях существования. В нормальной ситуации для контакта с цитаделью безмолвия я должен был бы тебе передать антру,

звук жизни. Но у нас нет времени действовать по правилам. Ты, вероятно, не поймешь, что все это значит, и не старайся понять! Просто с открытой душой следуй моим инструкциям. Я помогу тебе. Хочешь попробовать?

— Но что это... Почему ты об этом просишь? — в недоумении пробормотал прудж.

— Объяснения займут много времени! Сделай это ради меня. Я хоть раз к тебе плохо отнесся, предал? Доверься мне, прошу тебя. Закрой глаза, позволь мыслям выйти на поверхность и отдай себя во власть безмолвия!

Для Маранаса эта новая прихоть была не столь забавной, как эротические игры, в которые обычно Двойная Шкура вовлекал его. Но цена вознаграждения менялась от уровня удовлетворения партнера, а потому он закрыл глаза. Эта ситуация, когда он сидел на пуфике, а старик напротив него на сиденье, когда оба с серьезным видом закрыли глаза, показалась ему легковесной и смешной, и он едва сдержался, чтобы не рассмеяться.

В ожидании сигнала, означающего конец игры, он несколько раз моргнул. Но каждый раз сквозь частокол ресниц видел совершенно неподвижную фигуру своего любовника, и, похоже, эту недвижимость ничто и никто не могли нарушить.

Веки пруджа отяжелели. У него не осталось ни сил, ни воли открывать их. Он начал бесцельные блуждания внутри себя, пока его не подхватил мощный поток и не вынес на умиротворяющие берега безмолвия. Место было таким приятным, таким успокоительным, что он без малейшего сопротивления погрузился в бездны бесконечного океана, окружавшего его, хотя еще ощущал свои беспокойные, далекие и эфемерные мысли, которые исчезали на поверхности легкими беглыми пузырьками.

— Прекрасно, Маранас! А теперь попытайся сохранить этот уровень безмолвия.

Внезапная буря сотрясла душу пруджа, пораженного этим шепотом, возникшим из ниоткуда. Внутри него кто-то был, и прозрачные слова, которые шептал этот кто-то, пробуждали в Маранасе громкое эхо. Он приоткрыл глаза, пытаясь увидеть, откуда доносится этот голос, но ему пришлось согласиться с очевидностью: в комнате никого не было, кроме старика, чье тело застыло, как статуя. Их окружал густой полумрак.

Он испытывал то недомогание, то ощущения отрыва от реальности, словно слишком быстро выбрался из глубокого сна, залитый потом и отравленный лоскутьями кошмаров. Он машинально зажмурился, чтобы избежать неприятного

ощущения, а не подчиниться правилам игры, заданным стариком. Буря словно по волшебству улеглась, а могучий поток вновь унес его в океан безмолвия.

— Не подавляй свои реакции. Двигайся за ними до самого конца и затвори дверь, обретя безмолвие. Прекрасно. Ты — одаренный ученик. Не пытайся мне отвечать, ибо безмолвие воспользуется этим, чтобы уйти, и я не смогу этому помешать. Безмолвие есть наш самый драгоценный дар, ибо в нем кроются все возможности. Но как любая драгоценная вещь, оно хрупко. Если я решил передать тебе это послание таким способом, то только потому, что знаю: за мной постоянно следят и глазами, и мысленно...

Новый толчок сотряс разум пруджа. Старик приостановил передачу и использовал всю свою энергию, чтобы восстановить спокойствие.

— Прекрасно. Ты понял. Этот способ общения создан на основе забытой науки, индисской науки. Когда я его использую, никакой чтец мыслей, который контролирует меня, не может перехватить наш разговор. Нет, никаких объяснений, у нас нет времени. Постарайся, чтобы у безмолвия не возникло новой возможности исчезнуть. Не удивляйся ничему, что услышишь от меня, и избавляйся от пузырьков, порожденных твоими эмоциями.

Он выдержал паузу.

— Я вскоре умру.

Несмотря на предупреждение, Маранас не сумел справиться с невероятным страхом, обрушившимся на него, как пламя пожара, раздутое порывом ветра. Игра вовсе не была забавной, он больше никогда не вернется к Двойной Шкуре и должен поставить крест на деньгах, которые получал за свое благожелательное отношение.

Старик сообразил, что тени смерти, убийцы-притивы, покинули свои укрытия и приближаются к дому. Скаит-чтец потерял контакт и, охваченный сомнениями, велел им покончить с ним как можно быстрее.

Старик обратился ко всем знаниям, которые сумел уберечь, чтобы подавить эмоциональную реакцию пруджа. Он почерпнул в запасах энергии яростную силу, удесятеренную осознанием скорого вмешательства палачей.

— Отвори дверь своим мыслям! Они бесятся сильнее, чем дикие звери в клетке! Создай внутри себя спокойствие! Я приказываю тебе полностью успокоиться! Отбрось свои эмоции! Дай им умереть!

Под непрекращающимся давлением старика Маранасу удалось расслабиться. Тиски страха постепенно разжались.

— Ради бога, контролируй свои эмоции!

Кольцо убийц сжималось вокруг дома. Старик решил напрямую впечатать свои мысли в мозг Маранаса.

— Я умру, потому что пришел мой час. Смерть — вещь естественная, и она не должна страшить. Но перед этим я дам тебе поручение. Выполни его из любви к богам, к небу, к людям или к себе самому. Вспомни о прекрасных часах, проведенных вместе. Мое подлинное имя Лакти Митсу. Если оно тебе ничего не говорит, знай, я был одним из пяти великих смелла конгрегации, которой поручено следить за тем, чтобы решения, принятые на пятилетних асма, соответствовали подлинным текстам Конфедерации Нафлина. Мы следили за равновесием властей. Но из-за отклонений в области секса власть и религия моей родной планеты Сиракузы приговорили меня к вечному изгнанию на Красной Точке. Мне известно, что замысел процесса давно зрел в семействе Ангов при поддержке муффия Церкви Крейца и коннетабля Паминкса, скаита, с целью удалить меня и развязать себе руки, чтобы опрокинуть Конфедерацию. Увы, мне не удалось узнать многого о стратегии завоевания скаитов. Разведывательные корабли, посланные на Гипонерос, мир, расположенный в неизвестном пространстве, исчезли, ничего не сообщив. Скаиты были довольно ловки в эксплуатации моей слабости. Я был настолько глуп, что сам положил голову на колоду палача. Я провалился в исполнении миссии, порученной мне наставниками.

Сознание Маранаса было умиротворенным, он понимал смысл слов, схватывая их на лету. Он предчувствовал намерения до того, как они облекались в слова, и без всяких усилий впитывал эмоции старика, которые ощущал даже лучше, чем свои.

— Я и сам один из потомков династии наставников, наставников индисской науки. Во всей вселенной нас всего трое, как всегда и было. Вернее, нас было трое. Один из нас только что умер. Я потерял контакт с ним. Однако он сделал все, чтобы извлечь меня из бездны распада, но я не желал слушать его призывы. Отныне я — пустой каркас, живущий лишь ради жалкого удовлетворения чувств. По правилам индисской науки каждый из наставников должен подготовить своего наследника, чтобы не прерывалась связующая цепь. Я оставляю за собой пустоту, пустоту, в которую уже устремились скаиты. Будучи на пороге смерти, Шри Алексу послал ко мне свою дочь, из которой готовил наследницу. Сейчас она находится здесь, в нескольких улицах от дома. Она пыталась вступить со мной в контакт, но мне пришлось захлопнуть дверь своей цитадели, ибо я боялся, что наш разговор перехватят. Надо обязательно помешать тому, что-

бы она вошла в мой дом. Именно этого ждут убийцы. Они не могут ее локализовать, но знают, что она на Красной Точке. Они используют меня в качестве приманки и хотят устранить нас обоих одновременно.

Мысленный разговор на мгновение прервался. Маранас остро ощутил печаль и крайнюю усталость старика, на котором лежал весь груз разговора и который от долгого бездействия утерял некоторые навыки.

— Со мной покончено. Я — дверь, распахнутая в ничто. Традиция отвергла меня, как я ее отверг. Кто знает, как такое случается? Почему колесо судьбы вращается в одну, а не в другую сторону?.. А она, она представляет собой надежду. Последнюю надежду. Ее зовут Афикит. Прекрасное имя на древнем сиракузии: оно означает «огонь, скрытый золой» или «очаг возобновления». Как только ты покинешь дом, постарайся тайно отыскать ее. Притивы не обратят на тебя внимания, ты их не интересуешь. Если ты ее не знаешь, то она тебя узнает. Она поймет, что ты мой посланец. Ты обязан отыскать ее раньше, чем они, Маранас. От твоей быстроты и ловкости зависит, поверь мне, судьба миллионов людей! Скажешь ей...

Шум поспешных шагов и хлопающих дверей прервал обмен. Маранас инстинктивно открыл глаза. Его обеспокоенный взгляд остановился на угрожающих фигурах, которые ворвались через белые ворота сада. Перепуганный хохлатый павлин, которому мешали раскрытые крылья, засеменил к кустарникам, издавая пронзительные крики. Вдруг его грациозная головка отделилась от тела, взлетела над клумбой и покатилась по камням аллеи. При виде крови, бьющей фонтаном из шеи птицы, желудок и мышцы пруджа болезненно сжались. Охваченный паникой, он вскочил и, с трудом дыша, оглянулся в поисках спасительного выхода. Шри Митсу сосредоточил всю свою энергию в голосе:

— Я должен закончить. Закрой глаза!

Несмотря на ужас, Маранас повиновался, покоренный магнетизмом старика, который притягивал его к себе словно железо. Он уселся на пуф и постарался закрыть глаза, борясь с искушением удрать от бегущих в их направлении людей в сером и белом.

— Быстро! Скажешь ей, что она обязательно должна добраться до третьего наставника. Он поможет ей закончить обучение. Он знает, что надо делать, чтобы исправить мой провал и выправить ситуацию. Третий наставник ждет ее. Но пусть будет осторожна: махди Секорам не... Орден больше...

Маранас услышал резкий щелчок, потом приглушенный свист и ужасающий хрип. Ледяной холод охватил пруджа — он вдруг почувствовал, как в его жилы вливается смерть. Он приоткрыл один глаз: безжизненное тело Двойной Шкуры повисло на подлокотнике пурпурного сиденья. Бескровная, восковой бледности голова старика лежала на плече под немыслимым углом.

Перепуганному и окаменевшему парню понадобилось несколько мгновений, чтобы понять: он пришел веселым и доверчивым к своему старому оригиналу-любовнику и вдруг очутился в центре ужасающего кошмара... Он должен проснуться, и жизнь вернется в нормальное русло.

Из сада донесся короткий приказ, который вырвал его из ступора. Он услышал резкий свист и инстинктивно нагнулся. Блестящий вращающийся диск пронесся над его головой и вонзился в стойку деревянной рамы.

Прудж подпрыгнул, как дикая кошка, и бросился к гравилестнице, ведущей в комнаты второго этажа. В гостиную уже врывались серые и белые силуэты. Еще один диск вонзился в подвижные поручни в нескольких сантиметрах от его руки. Перепрыгивая через четыре ступеньки сразу, он выскочил на площадку и всем телом ударил по ручке пневматического закрытия лестницы, которая с треском ушла в нишу стены. Ступеньки, внезапно лишенные поддержки, с шипением взлетели вверх и превратились в люк в потолке. Двойная Шкура установил это приспособление, чтобы ему не мешали, когда он поднимался в спальню с юными любовниками, которых выбирал по настроению.

Сквозь тонкое перекрытие донеслись ругательства. Потом Маранас услышал глухой шум: преследователи стреляли по мебели, столам и стульям над трапом. Он бросил безумный взгляд на дверь на лестничной площадке. Он задыхался и негромко постанывал. Жгучий пот стекал по лбу прямо в глаза. Пытаясь успокоиться и привести в порядок мысли, он прикинул, какие возможности открывались перед ним.

В щелях люка появился зеленоватый свет, послышался треск, и образовалось отверстие диаметром в метр. С пола поднялся резкий запах гари.

Маранас выбрал большую синюю комнату, единственную на втором этаже, балкон которой выходил на улицу. Он в два прыжка добрался до нее и вышиб дверь ударом плеча. Потом перепрыгнул через прикроватную тумбочку и кровать, опрокинув по пути лампу, которая разлетелась в куски, ударившись о

переборку и залив водой синий узор потолка, настенные фрески и гравиподушки.

К счастью, стеклянная дверь балкона была открыта.

Убийцы уже проделали отверстие в потолке и на руках подтягивались вверх.

Маранас разбежался и, обеими руками оттолкнувшись от балюстрады из черного опталия, прыгнул в пустоту. Он приземлился четырьмя метрами ниже на пыльную потрескавшуюся мостовую улицы, залитую полуденным жаром. При падении он подвернул лодыжку. Острая игла боли пронзила ступню и икру. Но, подстегиваемый страхом, он вскочил на ноги и, не теряя ни секунды, поспешно заковылял к ближайшему перекрестку. При каждом шаге с земли взлетало облако пыли.

Убегая, Маранас успел бросить взгляд назад. Почти ослепленный пылью, он заметил белую фигуру, которая, в свою очередь, перепрыгнула через балюстраду. Человек мягко приземлился и тут же бросился вдогонку за подростком.

Перекресток был всего в десяти метрах. Завернув за угол белого здания, Маранас мог уйти от преследователей, нырнув в один из проулков, который выводил к стенам Матаны.

На балконе возник второй преследователь, он остановился и вытянул руку. Из рукава его комбинезона выплеснулась вспышка. И в момент, когда Маранас заворачивал за угол, сверкающий свистящий диск ударил его под правую лопатку. Оглушительная боль разлилась по спине подростка. Капли крови оросили тротуар и низ белого здания. Режущее лезвие вращающегося диска продолжало резать его ткани.

Теряя сознание, Маранас собрал последние силы, чтобы добраться до соседней улицы. Он услышал подбадривающие вопли, похожие на рев собакольвов во время охоты. Жаждущая земля, на которую он ронял пурпурные цветы, жадно пила кровь. Черная вуаль застилала глаза, мужество и воля оставляли его, предавали его, словно покидали вдруг ставшую ненужной и лишней внешнюю оболочку. Застрявший меж ребер диск не смог завершить свое дело.

Ослабевшие ноги Маранаса отказывались нести его. У него было лишь одно желание: рухнуть в пыль и умереть, чтобы забыть об отвратительной боли, пронизывавшей каждую его клетку.

— Обопритесь на мою руку! Быстрее!

Спотыкающийся прудж, словно в тумане, увидел темный силуэт, приближавшийся к нему. Цвета и линии дво-

ились и растекались, но он сообразил, что человек, который спешил к нему на помощь, был нищим. Шаги бегущих преследователей стучали по утоптанной земле. Убийцы вот-вот завернут за угол.

Инстинкт самосохранения спас Маранаса. Он почерпнул в себе остатки энергии, сжал зубы и оперся на протянутую руку нищего, чье лицо скрывал грубый капюшон.

— К... Матане... Врата... — простонал Маранас.

— Знаю! — выдохнул нищий, тут же направившийся к стене древнего города, чей высокий зубчатый парапет возвышался над плоскими крышами окрестных домов. Парень всем весом лежал на хрупком помощнике, сгибавшемся под его тяжестью. Они с отчаянной медлительностью добрались до проулка, крохотной городской улочки, лежавшей в тени двух рядов строений и выходившей на эспланаду перед одними из семнадцати монументальными вратами Матаны.

Они пробежали две трети проулка, когда нищий обернулся и увидел серый угрожающий силуэт метрах в ста позади.

— Заклинаю вас, еще одно усилие! Мы почти добрались!

Маранас выпрямился и попытался ускорить бег. Он уже не чувствовал затекших мышц. Убийца, в чьей руке блестело кривое лезвие, быстро сокращал расстояние. Они почти ощущали затылком его горячее дыхание, когда оказались на площади, залитой рыжим светом. До спасения было несколько шагов.

— Бросьте меня... Бегите... — прошептал прудж.

Вдруг из врат вылетела гурьба полуголых ребятишек. Они рассыпались по эспланаде, словно затевая игру. Со смехом и криком отделили преследователя, которому пришлось замедлить шаг, от его добычи. Вверх взлетело облако пыли, разросшееся со скоростью торнадо, затянув площадь желтым плотным туманом, в котором нельзя было ничего различить. Пыль не только слепила: она раздражала глаза и ноздри, словно содержала ядовитое, сернистое вещество. Было немыслимо, чтобы горстка мальчишек за мгновение создала такое непрозрачное облако!

Вращающиеся частички проникли в глазные и носовые отверстия маски наемника, которому показалось, что в его глаза и горло вонзились тысячи шипов. Он попытался сделать еще несколько шагов в этом непроницаемом и непригодном для дыхания тумане, но глаза горели так нестерпимо, что он застыл на месте. Он выронил кинжал, присел на корточки и закрыл отверстия маски ладонями. Через несколько мгновений, когда ощутил, что дышать стало легче, он осторожно их убрал.

Пыль оседала, убирая охряную завесу и открывая стену, монументальные врата и эспланаду. Его добыча и мальчишки буквально растворились в воздухе.

— Где этот грязный прудж? Что произошло? — послышался вопль за его спиной.

Наемник подобрал кинжал, обернулся и сквозь припушенные пылью ресницы разглядел собратьев по оружию, которые, в свою очередь, выкатились на эспланаду.

— Ему помог нищий. Я уже догонял их, когда появились мальчишки и подняли дьявольскую пыль!

Человек в черном комбинезоне и маске отделился от группы и приблизился к наемнику, по-прежнему сидевшему на корточках.

— Скаит-чтец посоветовал нам не допускать провала! Провал равнозначен предательству!

— Он, быть может, и читает в мозгу людей, но за ними бегает не он! Прудж укрылся там, — сказал наемник, показав на монументальные врата. — Он сильно ранен и вряд ли далеко уйдет. Надо лишь идти по его следам.

— Нам не следовало вступать в действие так рано, оват! — прорычал другой голос. — Спешка никогда не давала хороших результатов! Вы никого не предупредили и не приказали перекрыть улицу. Матана — настоящий лабиринт, а у нас нет обонятельного зонда. К тому же мы так и не выяснили, где прячется эта проклятая девчонка!

— Скаит потерял ментальный контакт со старым колдуном, — раздраженно ответил человек в черном, оват. — Он не мог перехватить сообщение, которое тот передавал пруджу, и решил, что наилучшим выходом будет одновременное устранение обоих.

— Результат — мы прикончили лишь старика!

— Заткнитесь! — заорал оват. — Отыщите пруджа и нищего! Обыщите, если надо, каждый закоулок Матаны! Новая неудача — и я подвешу вас за кишки! Я возвращаюсь в дом старика, чтобы навести там порядок и оставить шанс на поимку девицы, если она появится. Никаких координат встречи: доберетесь до места собственными средствами.

Распростертый на каменном возвышении, бледный Маранас пытался отдышаться. Боль немного утихла, но у него совсем не осталось сил. Саван из ледяного пота покрывал его с ног до головы.

Сделав свое дело, ребятишки исчезли. Вынырнув из пыльного облака, они окружили беглецов и втолкнули их

в ворота. Оказавшись по другую сторону стены, они потащили их вниз по бесконечным спиральным лестницам, почти отвесно опускавшимся на террасы и во внутренние дворики низких домов. Потом маленькая шумная ватага испарилась, словно по мановению волшебной палочки под недовольную ругань стариков, дремавших в тени.

Нищий, одетый в слишком просторные одежды, извлек окровавленный металлический диск из раны и бросил его на землю, где он продолжал сверкать, как злокозненное, обожравшееся живой плотью животное. Затем нищий оторвал часть туники пруджа и соорудил временную повязку. Рана выглядела отвратительно: острые осколки костей пробили плевру и бронхи. Нищему даже приходилось прерывать свое занятие, чтобы отвернуться и побороть тошноту. Но ему все же удалось остановить кровотечение: пятно, обагрившее белую ткань, перестало расти.

— Вы хорошо знаете старый город? — спросил нищий удивительно нежным голосом.

Маранас кивнул.

— И знаете место, где вас могут подлечить?

Прудж снова кивнул.

— Тогда следует туда отправиться. В вашем состоянии здесь оставаться нельзя. Вам известно, где мы?

— Помогите мне подняться... Я покажу, куда идти... — пробормотал Маранас.

Он обнял нищего за шею, и тому пришлось напрячь все свои силы, чтобы устоять. Потом, с невероятными предосторожностями, прудж встал на ноги.

— Туда... По этому проулку...

Они обогнули возвышение и углубились в невообразимый лабиринт строений, налезавших друг на друга и образующих такую запутанную сеть, что было невозможно понять, где начинается одно и заканчивается другое здание.

Через несколько минут на террасе появились наемники. И почти тут же заметили диск, валявшийся у подножия возвышения.

Они обшарили землю глазами, но не заметили ни единого следа: от террасы уходило шесть проулков, змеившихся среди беленных известкой стен. Их глинистая мостовая была вытоптана так, что уже давно превратилась в камень.

— Был бы у нас зонд! — проворчал один из наемников.

— Какой смысл сожалеть! — возразил второй.

Они решили разделиться, пройти по каждому проулку, хотя такое решение было наихудшим в городе головорезов.

Маранас двигался с все большим трудом. Крутая змеящаяся улочка никак не кончалась. Стояла тяжелая удушающая жара. Уставший нищий едва удерживал пруджа, но продолжал его подбадривать:

— Еще одно усилие! Надо держаться! Ну, давай!

И вдруг затуманенный мозг Маранаса осознал очевидность. Этот непонятно откуда взявшийся нищий в лохмотьях говорил не так, как нищие, и голос у него был слишком звонкий. Это была женщина. Вот почему он слышал такой высокий голос, видел такие тонкие конечности, деликатные ладони... Прудж остановился и оперся о стену дома.

— Кто... кто вы? — спросил он с трудом.

— Бога ради, представляться будем потом! Сохраните силы, чтобы двигаться!

— Вас, случаем, зовут не... Афикит?

— Позже, я же сказала! То место, куда мы направляемся, еще далеко?

Стены проулка отразили эхо поспешных шагов.

— Они нас догоняют... — простонал Маранас, испытывая боль и страх. — Мы пропали... Все пропало...

Отчаянные рыдания вырвались из его глотки. Он потерял желание сопротивляться. Соскользнул вниз по стене, не слушая просьб девушки. У него осталось лишь одно желание: погрузиться в черную холодную бездну, откуда доносился колдовской шепот, уступить вкрадчивому зову смерти и заснуть, как засыпает новорожденный, ощущая тепло и запах матери.

Густой зеленоватый свет Зеленого Огня, еще высоко стоявшего в небе, постепенно изгонял косые красноватые лучи Красного Огня, уходившего за горизонт. Матана просыпалась, начинался первый вечер. С базара в центре старого города донеслись крики торговцев, свидетельствуя о возобновлении жизни.

Топот ног усилился. Афикит буквально чувствовала, как земля сотрясается под ее ногами. Убийца был рядом, не далее чем в пятидесяти метрах. Сиракузянка не знала, что делать. Чувство сострадания боролось с контролем эмоций, поставив ее перед дилеммой, которая могла оказаться губительной. Она никак не решалась бросить раненого. Но если она будет тянуть за собой этот мертвый груз, ей не удастся выбраться из ловушки. А ставка была выше, чем судьба одного смертного, даже если он

располагал завещанием Шри Митсу, последним посланием, смысл которого она уже уловила. На память пришла максима Спола Барнета, философа донафлийской эпохи: «Чувство гуманности — хорошее чувство, если только оно не становится вредной чувствительностью. Тогда отбрось его без сожаления: оно мешает тебе действовать».

Рядом с Маранасом, лежавшим у подножия стены, внезапно отворилась белая дверца, такая низкая, что она больше походила на окошко или вход в подвал. В проеме возникло недовольное морщинистое лицо старухи в ореоле рыжих волос. Темно-синяя татуировка покрывала ее лоб и подбородок. Вначале она выплюнула скрипучим голосом поток непонятных слов. Но, увидев, что Афикит не реагирует, ткнула в нее узловатым высохшим пальцем и дала знак войти.

Девушка не заставила себя просить: она схватила Маранаса за руки, подтащила к низкому порожку. Не переставая ворчать, старуха помогла ей втащить раненого внутрь дома, закрыла дверь и опустила тяжелый засов.

Прислонившись к деревянной притолоке, Афикит отдышалась и привела в порядок мысли. Сердце ее бешено колотилось в груди, у нее было ощущение, что она плавает в океане пота. У нее не было драгоценного облегана, который впитывал всю влагу тела, и она ощущала себя невероятно грязной.

Афикит напряглась и задержала дыхание, услышав шаги убийцы, двигавшегося вдоль стены дома.

Свернувшись в клубок, Маранас лежал на полу и слабо стонал. По его посиневшим губам текла струйка слюны, смешанная с кровью. Старуха пыталась взглядом пронзить капюшон, скрывавший лицо нищего. Потом отвела свои змеиные глаза в сторону и произнесла несколько слов на непонятном жаргоне. Вся ее одежда состояла из широкого куска грубого полотна с синими и зелеными узорами, обернутого вокруг тощих бедер. У нее была медная выдубленная кожа с множеством оспин. Грудь пустыми бурдюками свисала на грудную клетку с торчащими ребрами.

Афикит поняла, что старуха не доверяла ее наряду. И не без удовольствия откинула грубый и пропитанный потом капюшон, который соорудила из лохмотьев. Ее волнистые волосы с золотистыми отсветами рассыпались по плечам. Тонкость ее черт и гипсовая белизна кожи заставили старуху вскрикнуть от удивления.

Она решила, что перед ней стоит волшебница из древнейших легенд Красной Точки. По образу и подобию этой го-

даппи, чужачки из миров Центра, волшебницы любили устраивать маскарад и дразнить смертных.

— Побыстрее! Он серьезно ранен! Ему нужна помощь!

Хотя старуха не поняла ни единого слова, она под воздействием голоса чужачки оправилась от замешательства и, пробормотав что-то бессмысленное, вышла через дверь в глубине комнаты, где начинался залитый светом дворик.

Афикит склонилась над слабо постанывавшим Маранасом. Жизнь потихоньку уходила из него: глаза закатились и стали похожи на разбитые зеркала надломленной души. Охваченная чувством бессилия, сиракузянка горько пожалела о недостатке медицинских знаний.

Старуха вернулась в сопровождении парнишки лет десяти, который принес на медном блюде бинты и розовый флакон. Сиракузянка сразу узнала короткую оранжевую набедренную повязку, почти черную кожу, круглую мордашку с копной рыжих волос и огромными умными глазами. Именно этого парнишку она встретила на эспланаде перед монументальными вратами и попросила его замедлить продвижение убийц-притивов. Тот тут же сунул в рот оба указательных пальца и пронзительно свистнул. Из-за стены вылетела ватага шумных ребятишек. Он отдал быстрые указания своим партнерам. Маленькая дисциплинированная группка явно привыкла оказывать помощь беглецам, искавшим убежище в лабиринте Матаны. Потом Афикит отправилась навстречу Маранасу.

Околдованный ее красотой, грацией и незапятнанной белизной кожи, мальчишка пожирал девушку глазами. Он думал, что имеет дело с нищим в вонючих лохмотьях, а тот вдруг, словно по волшебству, превратился в легендарную колдунью! Одновременно робкая и хитрая улыбка тронула его коричневые губы.

Старуха склонилась над Маранасом и, не прекращая ворчать, принялась очищать рану. Продолжительная судорога сотрясла тело раненого, когда розовая жидкость проникла в его истерзанную плоть.

Мальчишка медленно приблизился к Афикит.

— Ты хорошо замаскировалась, но я тебя узнал! Даже если из жалкого мужчины ты превратилась в красивую женщину!

Акцент и горловые звуки слегка деформировали его межпланетный нафль, официальный язык Конфедерации. Он гордо выпятил грудь:

— Ты видела, что мы сделали! Эти глупые притивы не смогли последовать за нами! В Матане даже они не могут

с нами справиться. Пока ты искала убежища здесь, у Инонии, мы направили их по ложным следам. Они уже заблудились. И им повезет, если они выберутся отсюда живыми! Они, быть может, и убийцы, но и годаппи. Как и ты...

Его улыбка открывала два ряда зубов, жемчужинами сверкавших на темном лице.

— Как вам удалось поднять столько пыли? — тихо спросила Афикит. — Не ногами же...

— Если ты веришь в богов, отблагодари их, дама-чужачка, — ответил парень. — Они дали тебе умный совет обратиться ко мне: ты наткнулась на лучшего изготовителя пыли Матаны. Смотри!

Он без всякого стыда порылся внутри повязки, что обескуражило сиракузянку, и достал прозрачный мешочек размером с кулак, набитый охряной пылью.

— Пылевая бомба, — наставительно разъяснил он. — Когда я бросаю ее на землю, бумага рвется и пыль взлетает. Через пару минут человек задыхается...

Старуха обернулась и заверещала, увидев в руке мальчугана пакет. Ее ругань оставила его равнодушным.

— Не волнуйся, дама годаппи! Инония очень любезна, но не умеет говорить без крика. Она не говорит на нафле. Никогда не ходила в школу. Впрочем, я тоже не ходил! Это я предупредил ее, чтобы она была готова открыть дверь, если вы окажетесь у ее дома.

— А если бы мы выбрали другое направление?

— Открылись бы другие двери. Вся Матана предупреждена. Я следил за вами, когда вы прошли через врата. Когда ты еще была нищим, прекрасная дама. Никто лучше меня не знает старый город. Без меня и моих загонщиков ты уже была бы мертва. А главное, притивы убили бы пруджа, моего соплеменника...

— Если я правильно понимаю, — прошептала Афикит, — ради него ты...

— Вначале нет! — оборвал ее мальчуган. — Когда ты обратилась ко мне за помощью, моим первым намерением было отвести тебя и того, кого ты спасала, к торговцу, который дал бы хорошую цену за двух пленников. Обычно те, кто скрывается в Матане, попадают на рынок рабов, где их продают на торгах. Но когда я увидел, что ты спасаешь пруджа, я сделал все, чтобы вся Матана помогла вам выбраться из опасного положения... А ты, дама годаппи, что ты делаешь на Красной Точке в обличье нищего?

— У меня свои дела. Слишком долго рассказывать...

Сухие пальцы старухи закончили накладывать повязку.

Внутренность дома была по-монашески скудной: стол из светлой древесины, шерстяной ковер с геометрическими узорами, на котором лежал Маранас, несколько подушек, древняя гравискамья, подвеска которой уже не могла удержать ее на должной высоте. Другой мебели в этой комнате, погруженной в прохладный полумрак, не было.

Уклончивый ответ собеседницы только подогрел интерес мальчугана, который задал новый вопрос:

— А как ты узнала, что притивы охотятся за одним из наших?

— Я просто ощутила это, — сухо ответила Афикит, ощущая усталость и раздражение от вопросов.

— Как? Как ты смогла услышать? — настаивал он, не обращая внимания на раздражение, которое ощутил в голосе годаппи. — Ты была не с ними, поскольку была с нами!

— Вовсе не обязательно быть рядом с человеком, чтобы слышать его, — медленно произнесла она.

И решила, что пора сменить тему.

— Как вас зовут?

— Кирах. Но у меня прозвище Хитрец. Те, у кого совесть нечиста, часто обращаются ко мне. Я знаю много укромных и надежных мест!

— И пользуетесь этим, чтобы сдавать пленников прямо торговцам!

Маленький прудж пожал плечами:

— Всем надо жить! Выжить на Красной Точке — искусство! Среди конфедеральных полицейских, Каморры франсао, профессиональных убийц, нанимаемых торговцами для сведения личных счетов, буржуа и знати в сопровождении настоящих армий... Здесь нет ни одного намерения, за которым не скрывался бы свой интерес. Если хочешь однажды увидеть свой мир, дама годаппи, помни об этом и будь хитрее других!

— Благодарю богов, что вы стали мои учителем, Кирах Хитрец! — заявила Афикит, подражая красноречию мальчугана. — Мне удивительно повезло!

Не теряя серьезности, Кирах подбородком показал на Маранаса.

— Ты сохранила свободу или жизнь, потому что он прудж! Даже если этот прудж поддерживал слишком... слишком... отношения со старым годаппи из полного воды дома. Это и был твой единственный шанс!

Он сказал несколько слов старухе на своем языке. Они осторожно подняли Маранаса и уложили на скамью.

Афикит была на грани рвоты. Она не знала, было ли это постоянное ощущение недомогания вызвано вонью одежд, сладковатым ароматом крови на руках, тяжелым запахом от кожи старухи, пряного духа от волос пруджей или унизительным воспоминанием о нападении бродяг в момент ее рематериализации во дворе развалин...

Когда она пришла в себя, ужасная головная боль приковала ее, обнаженную и дрожащую, к растрескавшимся булыжникам мостовой. Сиракузянка еще не преодолела временного разрыва, следствия путешествия с помощью деремата, как люди в лохмотьях с выпученными глазами и ужасающими лицами бросились на нее. Подгоняемая страхом, она вскочила на ноги и бросилась прочь по лабиринту провалившихся лестниц, разбитых коридоров, комнат-тупиков. Она исколола ноги ржавыми гвоздями, острыми ребрами камней, в кожу вонзилось множество заноз. Афикит слышала взрывы голосов, вопли, ругательства. Она спряталась в кладовой, вход в которую был завален кучей гравия, досками и балками. После телепортации, вызывавшей неимоверную усталость, безумное бегство окончательно ее истощило. Ей понадобилось долгое время, чтобы прийти в себя, скорчившись на старом пружинном диване и не обращая внимания на черных и коричневых тараканов, которые кишели в щелях гнилого пола.

Она постепенно обрела основные ментальные и физические способности. В здании вновь царила тишина. Она осторожно выбралась из укрытия, убедилась, что мародеры прекратили преследование, и отыскала заплесневелые лохмотья в опрокинутом мусорном ящике. Афикит поспешно натянула их на себя, борясь с тошнотой. Потеря облегана, второй кожи, вызвала в ней чувство тоски и уязвимости. На пустынных улицах города ей казалось, что взгляды редких прохожих насквозь пронзают ее, видят до глубины души, крадут ее сокровенное, ее душу, ее жизнь. Эта фобия обнаженности, общая для всех сиракузян, властвовала над ней, как злокозненное существо, ослабляя ее психический потенциал.

Когда она наконец локализовала жилище Митсу, ей пришлось долго концентрировать свои мысли, чтобы войти в контакт с другом отца. В ответ бывший смелла вызвал защитный звук и закрыл мозг для любого общения. Именно тогда она перехватила мысли юного пруджа, мысли убийц-притивов и поняла, что старик находится под постоянным наблюдением скаита-чтеца.

Огорченная и плохо контролирующая технику защитного звука, она не смогла найти способа вступить в контакт со Шри Митсу. Лишь догадалась, что в послании бывшего смелла Маранасу говорилось о третьем наставнике.

— Оставайся здесь, дама годаппи, — сказал Кирах. — Здесь ты в безопасности. А я отправляюсь за Панапией, матерью Маранаса.

И исчез, словно тень. Афикит опустилась на подушку. Психическая струна, связывавшая ее с отцом, оборвалась, и она знала, хотя не хотела признаваться в этом, что разрыв был окончательным. Шри Алексу остался на Сиракузе, чтобы отвести подозрения скаитов и дать дочери маленький шанс ускользнуть от них. Он пожертвовал собой ради нее.

Отныне она осталась в мире одна, одна со своей печалью, одна со своими неуместными слезами, которые загоняла в себя невероятными усилиями воли, одна со своим неумелым контролем эмоций, одна с непомерным желанием вновь стать маленькой девочкой-любимицей, которой уже не была. В голове ее пронеслось несколько воспоминаний: Сиракуза, голубоватые отсветы Солнца Сапфир, благородное лицо отца, Двусезонье, дождь, удивленное и волнующее выражение служащего агентства путешествий, руины здания, отвратительные рожи бродяг, ее выставленное напоказ тело, рана Маранаса, детишки, пыль, бегство по Матане, жара, кровь... жара... Все в ее глазах закружилось. Лица, формы, цвета смешались в вихре... Она потеряла сознание.

Ее разбудил пронзительный голос. Она лежала на матрасе в комнате с яркими обоями. Склонившись над ней, старая Инония протягивала ей глиняную тарелку, от которой поднимался пряный дымок. Позади нее, прислонившись к стене, стоял, скрестив руки на груди, Кирах Хитрец. Его круглое лицо было необычайно серьезным.

— Ешь, дама годаппи, — произнес маленький прудж. — У тебя силы на исходе.

Считая, что она сделала все возможное, Инония поставила тарелку рядом с матрасом.

— Маранас умрет, — бесстрастно продолжил Кирах. — Его жизнь уходит с кровью. Диски этих мерзавцев притивов не прощают!

Инония вышла из комнаты, и Афикит почувствовала облегчение, ибо вид ее костлявого, высохшего тела вызывал у нее невольное отвращение.

— Ешь! — приказал Кирах. — Это традиционное блюдо пруджей: внутренности барвана, священного животного, маринованные в острых пряностях и диких травах. Нет ничего лучше, чтобы обрести силы!

Афикит вдруг поняла, что не ела уже двое стандартных суток. Пустой желудок требовал, чтобы его насытили. Поскольку она не видела рядом с тарелкой ни древней вилки, ни ложки, ни приборов, используемых на Сиракузе, она вопросительно поглядела на мальчишку. Тот понял смущение девушки.

— Пруджи едят с помощью пальцев.

Она полностью зависела от своих хозяев и не хотела оскорблять их, попирая местные обычаи. Она села, схватила тарелку и погрузила пальцы в блюдо. Первый контакт с горячей, жирной, густой, как каша, едой заставил ее вздрогнуть от отвращения. Я стала чужачкой, подумала она с горечью, я стала грубой, опустилась до уровня человекозверей. Я одета в лохмотья, я ем руками! Отец, увижу ли я вас когда-нибудь?

Она впервые по-настоящему смирилась со смертью отца, которую до сих пор считала абстрактной поверхностной мыслью и не успела ее усвоить. Она бессознательно отказывалась смотреть реальности в лицо. Теперь приняла истину, и тот факт, что ей больше не надо сопротивляться, принес облегчение и умиротворение, хотя неимоверная печаль не ушла.

Она схватила кусок мяса и сунула его в рот. Жаркий огонь охватил ее глотку. Долго сдерживаемые слезы брызнули из глаз. Она не плакала с десяти лет. И эти два горячих ручейка, стекавших по щекам, пробудили в ней забытые воспоминания и подавленные ощущения.

— Остро, не так ли? — воскликнул Кирах. — Кухня Инонии сурова для нежных ртов! Ты... случаем, не из миров Центра, дама годаппи?

Огонь охватил и пищевод, но, чувствуя неодолимую нужду в восстановлении сил, Афикит заставила себя есть.

Все произошло не так, как они предполагали. Насильственная смерть Шри Митсу, бывшего смелла, единственного человека, способного просветить ее, как действовать дальше, сбила ее с толку. После исчезновения отца индисская цепочка, из которой вырвали два основных звена из трех, была разорвана. Ни Шри Алексу, ни старый ссыльный сиракузянин не успели завершить ее обучение. Оставшись одна, без денег и превратившись в дичь, она не знала, что предпринять, чтобы добраться до

Селп Дика, планеты Ордена абсуратов, где жил третий и последний наставник, махди Секорам.

Огонь пряностей, казалось, высосал всю влагу из ее тела. Она покрылась липким потом, усиливавшим вонь гнилых лохмотьев.

— Когда поешь, Инония отведет тебя в общественные бани. И даст чистые одежды, которые... больше соответствуют твоей красоте, — пробормотал Кирах, и его лицо покрылось краской смущения, словно он испугался собственной смелости.

Пронзительный и невыносимый вопль вдруг разорвал спокойную тишину дома, прорвавшись через потолок и стены.

— Пришла мать Маранаса, — озабоченно сказал Кирах. — Не знаю, хорошо ли это для тебя, дама годаппи. У матерей здесь, в Матане, столько власти... Пойду посмотрю.

От пота волосы девушки прилипли к вискам и лбу. Липкие, вязкие змейки ползли по коже, скользили по животу, по спине, меж грудей. Ее новый опыт вызывал в ней двойственное ощущение, и удовольствие, и отрицание одновременно. Еще ни разу с самого раннего детства она не расставалась надолго с облеганом, снимая его только в момент традиционного волнового душа. А ведь отец предупреждал о вреде безрассудного пользования облеганом: привычка ведет к травмам, говорил он, и, окажись ты на других планетах без облегана, не сможешь приспособиться к новым условиям. Теперь она понимала, что он хотел ей внушить. И спрашивала себя, не создавал ли контроль эмоций, способ скрываться за ширмой бесстрастия, более глубокий травматизм, чем облеган. Погрузившись в свои мысли, она не заметила, как Кирах покинул комнату.

Через несколько минут его рыжая шевелюра показалась меж стоек перил.

— Маранас требует тебя! — крикнул прудж. — Иди быстрее: ему осталось недолго. Его мать тебе подарка не преподнесет. Она сошла с ума от страданий.

Афикит поставила тарелку на пол и уставилась на паренька:

— Что вы имеете в виду, говоря «не преподнесет подарка»?

— У меня нет времени объяснять тебе все наши обычаи, дама годаппи. Иди быстрее!

Прудж уже скатился по лестнице. Афикит встала и попыталась привести в порядок свои лохмотья. Усталость вновь навалилась на нее. Каждую мышцу пронизывала острая боль. Ватные ноги едва держали ее. От внезапного головокружения она чуть не скатилась вниз по шатающимся ступеням винтовой лестницы.

Старуха Инония обнимала молодую женщину, чье лицо было вымазано кремом и грубым макияжем. Складки жира растягивали ее бирюзовое платье с золотыми и серебряными нитями. По обвисшим щекам текли серые ручейки, смесь слез и туши. Рыжие распущенные волосы ниспадали до огромных ягодиц.

Увидев Афикит, которая неверными шагами шла из глубины комнаты, толстуха внезапно вскинула голову, вырвалась из объятий Инонии, трижды втянула в себя воздух, сжала кулаки и выплюнула поток ядовитых оскорблений. Дряблая плоть ее щек тряслась от гнева.

Кирах словно не замечал толстухи. Он подошел прямо к изголовью Маранаса с невозмутимостью капитана корабля, попавшего в звездный шторм. И дал знак Афикит приблизиться. Как только сиракузянка, преследуемая разгневанной матерью, склонилась над Маранасом, тот нашел в себе силы приподняться и повернуть белое лицо в ее сторону. Его обескровленные губы приоткрылись.

— Двой... Двойная Шкура...

Голос его был едва слышным хрипом. Любой сквозняк мог загасить хрупкое пламя его жизни.

— Он... он мне сказал... ты... искать третьего... наставника... махди Секорама... абсу... рата... Он не... Он не...

Черты его вдруг разгладились, глаза закатились, и голова тяжело упала на подушку. Последняя спазма сотрясла тело и конечности, и он застыл. Толстуха издала вопль, бросилась к скамье и рухнула на безжизненное тело.

Кирах схватил Афикит за руку и оттащил в сторону.

— Дама годаппи, тебе нельзя оставаться здесь ни минуты! — тихо сказал он. — Панапия назовет тебя виновницей смерти сына.

— Почему? Разве...

— Знаю, ты даже пыталась спасти его. Но ты забываешь, что в Матане ты просто годаппи. Панапия считает, что сына убили годаппи. И по обычаю потребует мести — головы и крови первого или первой подвернувшейся годаппи! А значит, с этого мгновения ты в смертельной опасности. Больше ни один пружж не окажет тебе помощи. Даже я, дама годаппи! Я не могу идти против решения матери, лежащей на трупе своего сына. Таков наш закон. Если я хочу по-прежнему совершенствоваться в искусстве выживания, то должен уважать закон! Поговорка пруджей гласит: «Никогда не встречайся взглядом с матерью, оплакивающей сына, ибо вскоре твоей матери придется оплакивать тебя!»

— Чтобы жертва Маранаса не была напрасной, мне надо как можно быстрее покинуть Красную Точку, — возразила Афикит, растерявшись оттого, что прудж внезапно изменил свое отношение к ней. — А для этого, учитель Кирах Хитрец, мне еще раз нужна ваша помощь.

Она попыталась вложить в свой голос всю силу убеждения, но знала, что этого недостаточно, чтобы поколебать решение мальчишки, воспитанного в многовековых традициях. Он, в свою очередь, был жертвой травматизма, вытекающего из коллективного сознания.

— Твой единственный шанс — быстрота действия, — сказал он, не отвечая на вопрос. — Пока все пруджи не будут предупреждены, что прекрасная дама годаппи заблудилась в проулках Матаны. Они примутся искать тебя, чтобы отдать твою голову и сердце Панапии и получить свою награду за месть. И нельзя забывать о бандах, работающих на торговцев живым телом, для которых женщина из миров Центра является редчайшей, нежданной добычей, способной принести кучу денег. Опасайся всех. А теперь уходи! Я больше ничего не могу для тебя сделать!

— Покажи мне хоть выход из этого лабиринта!

Кирах скривился.

— Если ты способна, как утверждаешь, слышать разговоры, не приближаясь к беседующим людям, я не вижу, почему ты не смогла бы сама выйти из Матаны! К тому же поверь в свой шанс, обратись за помощью к богам, если они у тебя есть... Уходи быстрее, пока Панапия не потребует от меня стать ее орудием мести. Я не смогу отказать ей в этом. Тем более что она богата и вознаграждение будет значительным! Могу сказать только одно: если тебе удастся выжить в запретных кварталах, постарайся связаться с франсао Каморры. У некоторых из них есть машины для переноса клеток. Сделай попытку. Твоя красота многое делает возможным!.. Прощай!

В тоне Кираха Хитреца появились резкие нотки. Он властно открыл низенькую дверцу, выходящую в проулок, залитый мутным светом, светом третьих сумерек, несущих свежесть и ночь. Изумрудный диск Зеленого Огня безраздельно царил в небе Красной Точки. По улочке двигалась принаряженая, орущая толпа. Афикит выскользнула из дома Инонии и смешалась с потоком рыжих людей. У нее возникло ощущение, что она телом и душой погрузилась в океан враждебности.

Перед тем как окончательно раствориться в толпе, она обернулась и крикнула Кираху, маленькой фигурке, почти скрытой тенью дома:

— Благодарю вас за все, Кирах Хитрец! Да будут боги благосклонны к вам!

Прудж следил за ней, пока мог. А когда она исчезла за углом, закрыл дверь, быстро пересек комнату, где толстуха Панапия отчаянно цеплялась за труп Маранаса, и направился к каменной лестнице дворика, залитого зеленым светом.

Быстро вскарабкался на крышу, склонился над парапетом, засунул два пальца в рот и свистнул, собирая свою банду. Прекрасная годаппи была слишком крупной добычей для его маленьких солдат, но не стоило отказываться от денег, которые она могла принести. Если он первым предупредит торговца Глактуса — а шанс у него был, ибо он опережал других главарей банд, — он получит премию загонщика, которая, хотя и не была сравнима с премией добытчика, все же являлась солидной пачкой денег.

В Матане выживание есть искусство.

Глава 6

День (или ночь, в зависимости от мира), когда сиракузяне стали хозяевами планет Конфедерации Нафлина, остался в коллективной памяти под названием Великого Потрясения. Злой язык народа назвал это Ментальным Государственным Переворотом, Началом Ужаса, Террором Инквизиции, Обнажением Мыслей... и многими другими показательными терминами, общим знаменателем которых было ужасающее впечатление, которое произвели скаиты Гипонероса на умы той эпохи...

Все было тщательно подготовлено: из Сиракузы с помощью дерематов крупнейшей транспортной компании во все ключевые точки государств-членов были посланы скаиты-инквизиторы, убийцы секты притивов, офицеры-предатели конфедеральной полиции и кардиналы-крейциане...

В каждой столице, в каждом дворце одному автохтону, обычно близкому к правящей семье, было заранее поручено подготовить вторжение: нейтрализовать охрану, декодировать мемодиски секретных анналов, открыть врата...

Секрет успеха крылся в быстроте и точности действий.

Служители местных культов, жрецы Девятого Круга, друиды, има, клерики, оракулы Истоков Жизни, феи Свето-

вых Сетей и прочие сгорели на медленных огненных крестах, поставленных на главных площадях...

Создание великой империи Ангов было разработано в Венисии, сиракузской столице, коннетаблем Паминксом, который находился в постоянной связи с сетью ментальных посредников, рассеянных по промежуточным мирам, и его святейшеством, муффием Церкви Крейца, стоявшим во главе несметной армии миссионеров-фанатиков...

Они предусмотрели все... Все?

«История великой империи Ангов»
Униментальная энциклопедия

Дама Армина Вортлинг созерцала бледные всполохи света на горизонте, предвещавшие зарю. Вдали виднелась ломаная линия утонувших в тумане пиков Загривка Маркизы, бесконечной цепи гор, тянувшейся от одного полюса планеты Маркинат до другого.

Дуптинат, столица, гигантский город с двадцатью миллионами обитателей, еще не проснулся. Купола домов, теснящихся вокруг многочисленных восьмиугольных площадей, походили на океан серо-синих волн, из которых вверх возносились цветные лепные стрелы храмов маркинатской теогонии.

— Дама моя, если вы не хотите простудиться, вам лучше вернуться ко мне!

Армина вздрогнула, услышав низкий голос Ариава Мохинга. Она обернулась, испуганная и растерянная, как нашкодившая девчонка. Главнокомандующий магортской фаланги приподнялся в древней кровати с балдахином. Он широко улыбался, показывая белые длинные зубы. Ариав подтянул простыню из фиолетового шелка к самому подбородку, закрыв могучий торс с редкой порослью черных волос. Длинные волнистые волосы, которые он берег, несмотря на придворную моду коротких стрижек, темным ореолом обрамляли его лицо с тонкими женственными чертами. Карие глаза блестели в полумраке сеньорской спальни.

— Я думала, вы спите! — прошептала она, словно боясь, что громкий голос разбудит весь дворец.

— Жар вашего тела — отличный транквилизатор, без которого я не могу обойтись. И вы не имеете права лишать меня этого!

Он развел руки в стороны, приглашая ее. Простыня соскользнула, открыв его живот и бедра.

— Мне кажется, Ариав, вы слишком быстро стали считать привычкой то, что останется редким исключением! — мрачно пробормотала дама Армина.

— О нет, я не забываю об этом! Именно по этой причине и прошу вас согреть меня. Эти мгновения так редки и так драгоценны, чтобы терять даже малую их толику! Я знаю, вы волнуетесь за сына, но вы не вернете его из Сиракузы быстрее, если будете стоять у окна.

Дама Армина не сдвинулась с места. Хотя именно в сезон ранней весны утренние зори были очень свежими, и вдова сеньора Абаски Вортлинга дрожала под пурпурно-золотым халатом, подбитым войлоком. Она включила атомные подогреватели. Крохотные изображения звезд с негромким жужжанием понеслись под золотой лепниной потолка, перемещаясь из одной точки комнаты в другую, чтобы поддержать равномерную температуру. Этот нескончаемый балет вначале раздражал, но к нему быстро привыкали.

Излучение звездочек не согрело Армину. Ей хотелось включить магнитный обогрев, но она не стала этого делать, поскольку дрожь шла из глубины тела, а с внутренним холодом не могло справиться никакое внешнее излучение. Она инстинктивно запахнула полы халата.

— Когда решитесь, дама моя, вас с благодарностью примут! — пробормотал Ариав. Он снова улегся и натянул на себя простыню. — И вам будет приятнее, чем греться с помощью этих противных атомных шариков!

Дама Армина снова выглянула через воздушную завесу овального окна. Спальня располагалась под куполом башни Кризит Вортлинг, самой высокой из башен Круглого Дома сеньоров Маркината. Отсюда она могла окинуть взглядом весь город. Дуптинат походил на спокойное море кривых убегающих вдаль линий, по которым глаз скользил беспрепятственно, изредка натыкаясь на острые рифы храмов. На горизонте еще виднелись отблески двух последних ночных спутников, Синей Ночи и Ночного Ветра. Их выпученные близорукие глаза в последний раз пытались пронзить утренний туман, чтобы потом исчезнуть за кружевной линией горной цепи.

Она услышала равномерное мощное дыхание заснувшего Ариава. Несмотря на терзавшую ее тоску, она не могла не скорчить презрительной мины: после насильственной смерти ее августейшего мужа Абаски Вортлинга, сто двадцать седьмого сеньора династии Ворт-Магорт, она впервые пустила мужчину в свою постель. Безумие: маркинатские обычаи обрекали вдов сеньоров на абсолютное воздержание. Эта нравственная традиция уже давно стала законом. Дама Армина рисковала снис-

кать всеобщее презрение. Ее могли изгнать и даже отправить на пытку — на живот грешницы, выставленной на площади, помещали утыканное гвоздями колесо, которое мог привести в действие любой прохожий. Вердикт выносился Трибуналом, который судил членов правящей семьи за грехи, наносящие ущерб ее престижу.

Она воспользовалась ослаблением слежки, вызванной одновременным отсутствием ее сына Листа, регента Стри Вортлинга и генерального даита Джаспа Харнета, чтобы взять маленький личный реванш на грани между вызовом обычаям и беззаботностью. Дама Армина хотела доказать себе, что еще оставалась свободной, что могла вырваться — всего лишь на время — из мрачной тюрьмы, стены которой сомкнулись вокруг нее после того, как она овдовела.

Ее связь с Ариавом Мохингом, молодым и обаятельным командиром фаланги, длилась уже два стандартных года. Тайна тщательно охранялась: о ней знала лишь дама-компаньонша. Но, подталкиваемая демоном риска, Армина решила допустить любовника во владения Вортлингов, привести его в ту спальню, где ее любил сеньор Абаски Вортлинг. Она не могла не знать, что Круглый Дом полон коридоров, тайных проходов, скрытых дверей, откуда в любое мгновение мог появиться охранник или агент безопасности, слуга или горничная. Прислуга дворца относилась к ней сдержанно, испытывая не любовь, а равнодушную враждебность, и первый, кто увидел бы ее в объятиях Ариава, немедленно бы донес о ее проступке высшему магистрату Традиции. При каждом шаге, при каждом хлопанье двери она затаивала дыхание, а кровь ее леденела в жилах. Кроме исключительной любви к Листу, это пьянящее ощущение было единственным свидетельством того, что она еще жива.

Утром, когда она тщетно пыталась заснуть, насытив тело любовью, растущее беспокойство выгнало ее из постели. Она бросилась к окну, словно вид Дуптината, окутанного ночной тьмой, мог разогнать черные мысли. К страху страстной любовницы, испытывавшей восхитительный ужас от собственного мужества, добавлялось беспокойство матери, более глубокое и запрятанное внутрь ее естества: вот уже три стандартных дня из Сиракузы не поступало ни единого закодированного послания. От Листа не было никаких вестей. А ведь она поручила преданному ей душой и телом даиту ежедневно держать ее в курсе дел, сообщать, как проходит асма и как ведет себя ее сын.

Маркинатская делегация была очень многочисленной. Регент решил не терять времени и воспользовался услугами галактической компании, а не частными дерематами.

Она смеялась при чтении первого послания, появившегося на экране, о злополучном приключении генерального даита: его пересылку запрограммировал рассеянный служащий, и он очутился в полном одиночестве на дикой, варварской планете. Служащим Компании потребовалось проявить немалую смекалку, чтобы вернуть бедолагу в состав делегации.

На следующий день она радовалась восхищению Листа, покоренного роскошью Венисии и празднествами, организованными сиракузянами. Реакция сына, выходящая за рамки контроля эмоций, взволновала ее. Ей также сообщили о крайне мрачном настроении регента, молчаливого человека, чьего общества она избегала, как ядерной чумы. Тем более что Стри Вортлинг всеми средствами умело гасил ее усилия придать маркинатскому двору сиракузскую утонченность. Тот факт, что регент выказывал недовольство, ее не насторожил, обратное было бы ненормальным.

Но вот уже трое суток экран приемника, стоявшего на гравицоколе у окна, упрямо оставался серым и безжизненным. Немым. Она несколько раз посылала проверить параболические антенны на крыше. Инженеры сообщали, что все в порядке. И тогда, лишенная новостей, она решила, что случилось худшее, а тоска, вездесущая хищница, безмолвная и холодная, уже не оставляла ее. Замкнувшись в себе и нервничая, она отвечала на ласки Ариава резко, почти по-звериному, словно хотела избавиться от лишнего волнения в коротких яростных объятиях. Но ледяные когти страха мертвой хваткой вцепились в ее внутренности, в сердце, в душу.

Ее глаза до головокружения вглядывались в серый экран. Она мысленно заклинала его включиться, засветиться и распечатать крохотные значки кода ее связи с Листом. Она горько сожалела, что разрешила ему уехать. Глупое материнское тщеславие!

Ее переполняло торжество при мысли, что можно отправить сына в короткое путешествие на Сиракузу, храм грации и изысканного вкуса. Там можно было отшлифовать его воспитание, завершить работу воспитателя Жахала Равалпунди, чьей драгоценной помощью она заручилась, несмотря на открытую враждебность регента ее планам. Стри Вортлинг не стал противиться, когда она потребовала включить Листа в маркинатскую делегацию, несмотря на юный возраст наследника. Старик выглядел почти довольным, даже его лицо светилось удов-

летворением, хотя поведение регента осталось для дамы Армины загадкой. Какая непредвиденная идея зародилась в голове дяди Листа? Быть может, он хотел наказать ее, запретив посылать сообщения?

— Дама моя, не стоит портить кровь перед этим экраном!

Ариав вновь проснулся. Из-под шелковой простыни торчали лишь его волосы, лоб и прищуренные глаза.

— Проблемы связи в истории миров Центра возникают не в первый раз, — устало продолжил он. — Метеорные дожди, звездные бури, магнитные возмущения — причин не перечесть. Идите ко мне...

Побежденная усталостью, Армина согласилась с аргументами военного.

— Вы, несомненно, правы. Я — идиотка! В конце концов асма собирает такое количество вооруженных людей, агентов безопасности, телохранителей, полицейских, смелла, что вряд ли может произойти что-то несуразное!

Она пыталась успокоить саму себя, но ни на мгновение не верила собственным словам.

— Сжальтесь, придите быстрее! — умолял Ариав. — Начинается рассвет, и мне скоро уходить.

— Нет!

Скорее крик отчаяния, чем приказ. Ариав Мохинг сел, от удивления выпучив глаза.

— Сегодня утром я желаю распоряжаться вами без всяких ограничений, — нежно добавила она. — Я знаю, что сегодня вы не на службе.

— Рискованно! — возразил он. — Представьте, что нас застанет горничная...

— Они входят в спальню только тогда, когда я покидаю ее. Дама-компаньонша позже покажет вам потайную дверь.

Польщенный тем, что дама Армина решилась на такой мужественный поступок из любви к нему — глупое мужское тщеславие, — главнокомандующий Мохинг сдался без боя. Она медленно приблизилась к постели и развязала пояс халата, который соскользнул с ее плеч и с легким шорохом опустился на мраморный пол. Ариав залюбовался телом любовницы: лицом в обрамлении длинных черных волос, зрелыми налитыми формами, широкими округлыми бедрами, чуть полноватой талией, обильной грудью, гостеприимным животом и белой шелковистой кожей. Он изучил ее тело в малейших деталях, но еще не досыта насладился им.

Армина скользнула под простыню, нежно охватила ладонями затылок любовника и крепко прижала к груди, словно утешала ребенка. Хотя в утешении нуждалась сама. Горько-соленые слезы покатились из ее зеленых глаз по опавшим от усталости щекам. Ариав ощутил горькую печаль этого объятия, словно сам испытывал тоску. И понял, что беспокойство Армины не было плодом мрачного воображения. Он вдруг ощутил холод.

Снаружи раздались трели силутов. Птицы-свистуны приветствовали начало дня. Любовники заснули, обнявшись.

Робкий луч Серебряного Короля, дневного светила, разбудил Армину через два часа. В Круглом Доме Вортлингов царила непривычная, плотная и давящая тишина. Ни единого крика, ни звука голоса, ни смеха не доносилось со среднего двора, куда в этот час доставляли продукты дворцовые поставщики, носильщики и интенданты. Даже птицы, превращавшие башни и купола в шумные базары, перестали петь. Не слышалось смешков горничных от двусмысленных шуточек часовых из фаланги, стоявших на равном расстоянии друг от друга во всех коридорах.

Только издали доносились сигналы летающих автобусов автоматической транспортной сети Дуптината. Круглый Дом словно вымер.

Охваченная внезапным страхом, Армина яростно тряхнула любовника за плечо. Тот заворчал и открыл один глаз.

— Ариав! Ариав! Проснитесь!

Ей казалось, что тени, укрывшиеся в тишине, ловят каждое ее слово, овладевают каждой ее мыслью, что в ее рот, уши и мозг вползают скользкие холодные змеи.

— Прислушайтесь...

— И что? — пробурчал Ариав. Он еще не проснулся и ничего не слышал.

— Странно! Серебряный Король уже высоко в небе, а не слышно никаких звуков... Даже птичьих трелей... Словно... конец мира... Ариав, мне страшно...

Он приподнялся, откинулся на подушку, обнял застывшую Армину за талию и прислушался.

Вдруг кодовые замки двери вырвались из стальных направляющих и покатились по мраморному полу. Сердце дамы Армины ухнуло в пятки. Створки распахнулись с ужасающим грохотом. В спальню ворвались шесть человек в форме с серебряными перекрещенными треугольниками на груди, чьи лица закрывали белые маски, делая их обладателей похожими на

актеров донафлинской эпохи, встали по обе стороны кровати и вытянули руки в сторону окаменевших любовников. Под приподнятыми рукавами их комбинезонов блестели вшитые в кожу металлические направляющие дискометов.

Мохинг сунул руку под матрас, куда спрятал свой личный пистолаз. Диски с острой кромкой скользнули на направляющие.

— Не двигайся! — Голос был искажен фильтром маски. — Одно движение — и умрешь! Тебе, женщина, тоже советую не шевелиться!

Не в силах привести мысли в порядок, Армина прикрыла грудь простыней и пробормотала:

— Вам... вам нечего здесь делать... Немедленно уходите... или будете иметь дело с фалангой...

Ее слова лишь вызвали циничный смех. Черные предчувствия охватили душу вдовы сеньора Абаски. Быть может, этих людей подкупил регент, чтобы покончить со скандальной связью? Вряд ли. Такие методы не были характерны для Стри Вортлинга. Быть может, с этими людьми было связано прекращение связи? Не они ли были причиной мрачного безмолвия, царившего в Круглом Доме? По ее телу пробежала дрожь, и ее чуть не вырвало.

Люди в масках, в которых Ариав сразу узнал наемников-притивов, застыли в неподвижности, словно ожидая приказа. Офицер напряженно вслушивался в тишину, пытаясь уловить момент, который позволил бы действовать, но убийцы не теряли бдительности и внимания.

На пороге возник еще один человек. Грудь Армины сжалась. Это был Пултри Вортлинг, третий отпрыск правящей семьи, дегенерат, которого ее супруг сослал на Контат, один из провинциальных сателлитов Маркината. Низенький, затянутый в парадный сине-зеленый мундир, он подошел к изножию постели и презрительно глянул на Армину. У него было лицо с острыми чертами, обрамленное короткими серыми волосами.

— Я так и думала, что этот маскарад затеяли именно вы, Пултри Вортлинг! — прошипела Армина.

— Хватит строить из себя благородную даму! — возразил Пултри блеющим голоском. — Вижу, что сплетни придворных, побывавших на Контате, не были лишены оснований. Только мой братец-идиот ничего не подозревал!

— Разве не регент поручил вам эту грязную работу? Единственную, которую вы можете делать с успехом!

Пултри сардонически хихикнул:

— Он? Разве мог добропорядочный Стри Вортлинг связаться с притивами? Вы плохо его знаете! Дорогая Армина, вы просто шлюха, самка в течке, которая надоедала всем и вся своими идеалами сиракузского воспитания, а сама вела себя как последняя стерва! В постели сеньора Абаски, где великий брат мой покрыл ее!

— Немедленно заберите свои слова обратно, Пултри Вортлинг! — взревел Ариав. — Велите этим мерзавцам выйти вон, и я вобью эти слова вам обратно в глотку!

— Ну уж нет, офицер Мохинг! Тысячу раз нет! Видите ли, меня никоим образом не интересуют ваши рыцарские глупости, уцелевшие от нафлинской цивилизации. Сохраните свой запал для себя! Хотите — верьте, хотите — нет, но мне плевать на то, что вы как жеребец залезли на эту кобылу Армину! Слава богу, у меня куда более важные замыслы.

— Что вам надо? — прошипела Армина, уязвленная словами Пултри. — Деньги?

Презрительная усмешка скривила тонкие губы низенького человечка.

Его костлявые пальцы сжали резную стойку балдахина. Бегающие глазки следили за жужжащим балетом звездочек под золотой лепниной потолка. Наконец он соблаговолил ответить. Голос его вначале звучал размеренно и тихо, но быстро налился силой и зазвенел, словно его владелец черпал энергию и силу в собственной ярости:

— Вы ничего не поняли, дорогая Армина. Вы уже ничего не можете предлагать мне. Этой ночью, пока вы развлекались, вселенная радикально изменилась. Вы ничего не видели, ничего не слышали, задыхаясь от удовольствия под весом этого самца, у которого вместо мозгов член. Только те, кто подготовил эти перемены — назовите это интуицией или логикой, — могут теперь играть свою роль в новой организации. Дама Армина, вы отныне никто, вас вычеркнули из истории, как ранее были вычеркнуты мои братья Абаски и Стри. Кстати, вам полезно знать, что последний, воплощенная добродетель, был найден голым, когда бродил по кварталу экстремальных удовольствий Венисии. У него была бредовая лихорадка из-за половой невоздержанности. Кто бы мог подумать? А потому именно на вашего дражайшего сына Листа свалилась тяжкая ответственность представлять Маркинат на асме, опираясь лишь на так называемые просвещенные советы Джаспа Харнета. Вы так ждали этого мгновения, но боюсь, что...

— Что случилось с Листом? — вскричала Армина, побледнев. — Отвечайте, заклинаю вас!

— Ах, как трогательна эта материнская тоска! Ваша забота о моем племяннике, вполне приятном парне, глубоко меня волнует!

Он выдержал долгую паузу, чтобы насладиться реваншем. Он, отщепенец, изгнанник, исключенный из игры любви и власти, тайно участвовал в приходе нового порядка. Собственная семья его презирала, поносила, сотрудничала с врачами Галактической Гильдии, чтобы объявить недееспособным безумцем, лишила части наследства и сослала на Контат, сельскохозяйственный сателлит, где никогда ничего не происходило. Клан Вортлингов счел необходимым избавиться от члена семьи, которого считал больным, гангренозным, но отсеченная часть теперь оказалась в нужном лагере и в первых рядах. Настал час стократно отплатить за все, что ему пришлось вынести. Вид униженной, голой и едва прикрытой куском фиолетовой материи интриганки-свояченицы, чьи глаза были прикованы к его губам, доставлял ему невероятное удовольствие, близкое к экстазу.

— Боюсь, любовь во всех ее проявлениях только мешает эволюции, — продолжил он со злой усмешкой. — Любовь становится препятствием, если хочешь заняться общественным делом. Что касается вас, офицер Мохинг, вы стали лишь тенью офицера: наши друзья притивы только что обратили всю вашу фалангу в пепел в буквальном смысле этого слова. Будь вы сознательным офицером, а не неисправимым гулякой, вы бы разделили участь своих солдат!

— А... Лист... что?..

У Армины не осталось сил закончить фразу. Она разрыдалась, уронив лицо в дрожащие ладони.

— Сиракузянин не тот, кто этого хочет, не так ли? — Пултри откровенно издевался. — Где же ваш пресловутый контроль эмоций?

В это мгновение в спальню вступила новая группа людей. Первыми шли таинственный персонаж в просторном бурнусе с черным капюшоном и крейцианский кардинал в лиловой шелковой накидке и пурпурном облегане. У него были безвольные черты лица, но маленькие серые глазки зло сверкали из-под шапочки с квадратным значком. В нескольких шагах позади них шел седеющий массивный гигант с квадратной челюстью, затянутый в бежевую форму, на рукаве которой блестела голограмма конфедеральной полиции. Шествие завершал оват-притив в матово-черной маске и темном комбинезоне.

Сардоническая усмешка Пултри превратилась в широкую улыбку угодника. Он поклонился существу в черном бурнусе:

— Разве все не произошло так, как я предсказал, господин ассистент?

— Вы проделали отличную работу, сир Вортлинг, — ответил вибрирующий безличный голос из-под капюшона.

И как всегда, когда он слышал этот скрипучий звук, словно продиравшийся сквозь металлическую трубку, по коже Пултри побежали мурашки.

— Фалангу Ворт-Магорта уничтожили полностью? — спросил скаит.

— Их магнитные щиты не могли выдержать излучение дезинтеграторов, — ответил оват. — Мы полностью овладели Круглым Домом. Осталось только прикончить фалангистов, которые не были на службе.

— У вас уже есть их командующий! — воскликнул Пултри, указывая на Ариава.

— Мои люди занимают основные контрольные точки Дуптината, — вмешался в разговор седеющий гигант. — Они готовы подавить любые выступления местного населения.

— Хорошо. Прошу вас соблюдать на некоторое время полную тишину, — произнес скаит. — Я должен вступить в контакт со скаитами-передатчиками и информировать о полном успехе операции.

Во время этого разговора Ариав рассчитал время, необходимое ему, чтобы добежать до окна, нажать на рычаг отключения воздушной завесы и спрыгнуть на круговую галерею башни десятью метрами ниже. К счастью, он лежал с нужной стороны, со стороны окна. На все надо было три секунды. Воздушная завеса была слишком плотной, чтобы пролететь через нее, что дало бы возможность выиграть одну секунду. Он наблюдал за наемниками у кровати: появление новой группы ослабило их бдительность. Шанс был крохотным, но его следовало попытать, не ставя жизнь дамы Армины под угрозу. Медленно, сантиметр за сантиметром, он сдвигался к краю кровати. Простыня сковывала движение покрытых потом ног, но ему удалось сдвинуть их к боковой поперечине. И когда все замерли в почтительной тишине, он собрался и в три прыжка оказался у окна. Правой рукой он ударил по рычагу в стене. Воздух со свистом втянулся в вакуумный карман.

Ариав быстро перебросил ноги через порожек окна. Два дискомета выплюнули свои диски одновременно. Один из них вонзился в шею под самым затылком офицера, а вто-

рой — в бок. Фонтан крови обагрил лепнину потолка, стену, мраморную плитку и деревянные стойки окна. Шуршание стали, взрезавшей плоть и кости, нарушило вдруг ставшую ледяной тишину. Голова Ариава отделилась от тела и рухнула в пустоту. Из раны на боку вываливались внутренности. Обезглавленное тело, сидящее на порожке, закачалось и упало на мраморный пол.

— Какой дурак! Теперь придется убирать эту гадость! — проворчал Пултри.

Эти слова оказались единственной надгробной речью над трупом Ариава Мохинга, командующего фалангой, застывшего в луже крови. Армина от ужаса издала пронзительный вопль и откинулась на подушки. Ее едва прикрытые простыней живот и грудь сотрясались в конвульсиях. Один из наемников подошел к трупу, извлек из кармана дезинтегратор. Из дула вырвалось зеленое пламя, начавшее облизывать неподвижное тело. Вонь горелого мяса смешалась со сладковатым запахом крови.

— Не стоит рыдать над заблудшими душами! — заявил кардинал. — Оплакивать их — значит о них сожалеть, а сожалеть — значит присоединиться к ним в геенне огненной. Таковы заповеди Крейца. Но если судить по вашему наряду... вернее, отсутствию наряда, сомневаюсь, что эти слова окажут вам большую помощь!

Сладкая вкрадчивость его голоса противоречила суровости, фанатичной, непоколебимой решительности. Острый меч, закаленный в меду.

— Я только начинаю подозревать о трудностях, с которыми столкнутся наши миссионеры на языческих мирах! Если дамы правящих семей ведут себя как вульгарные потаскухи, что говорить о народе? Настало время нести Истинное Слово до самых далеких уголков вселенной...

Черный бурнус едва заметно колыхнулся, словно от дыхания ветра.

— Вы слишком болтливы, ваше преосвященство! Потерпите немного: все уже подготовлено для второй фазы. Когорты миссионеров Церкви Крейца перешлют сюда в считанные часы. Вместе с ними прибудут скаиты святой инквизиции и скаиты-администраторы.

— Какова моя роль в этой второй фазе? — осведомился Пултри Вортлинг. — Не забудьте, вы обещали мне пост генерального губернатора Маркината и сателлитов!

Медленным торжественным движением скаит откинул капюшон бурнуса, открыв гротескное зеленоватое лицо и угловатый удлиненный череп. Рот был простой щелью с чер-

ными отточенными краями, а нос — крохотным выступом с двумя неравными и неровными отверстиями. Карикатура на человеческое лицо. Его выпученные желтые глаза уставились на Пултри, которого затопила волна холода. Маркинатянин вдруг ощутил жуткий страх, словно внезапно попал в липкие невидимые сети. Ему показалось, что холодное скользкое щупальце влезло в его голову. Охваченный ужасающим предчувствием, он попытался набрать воздуха, открыть рот и заговорить, объяснить, что произошло недоразумение, что он верно служит делу новых хозяев. Но не успел: черная вуаль застлала глаза, ослепительная боль пронзила мозг, ноги его подкосились. Он ударился лбом о стойку балдахина. От удара лопнули нос и рот. Потом он опрокинулся на спину и затих на полу после последней спазмы. Раскинутые ноги и руки образовали крест.

— Предал единожды, предаст и вторично, — обронил скаит, в голосе которого не ощущалось ни сожаления, ни удовлетворения.

— Вы... вы, вероятно, правы, — поддакнул кардинал, стараясь скрыть ужас, охвативший его при виде этой ментальной казни.

Ему доводилось слышать о новой способности скаитов, но он впервые видел ее применение.

— Нет... ничего хорошего в том, чтобы строить новый мир на предательстве и измене, — проблеял кардинал, тщетно пытаясь контролировать свои эмоции. — Крейц — свидетель, мы нуждались в этом... типе, чтобы избежать излишнего кровопролития. Он сыграл свою роль в божественных планах, но однажды наверняка выступил бы против Истинного Слова... Хотя... он, быть может, мог оказаться полезным, чтобы разобраться в механизмах его планеты?

— Уже давно, ваше преосвященство, коннетабль и скаиты-этнологи разобрались в механизмах всех миров, составляющих Конфедерацию. Каждая планета и ее сателлиты получат соответствующую форму правления. Этот маркинатянин сослужил свою службу, как вы верно изволили подметить, и помог избежать лишнего кровопролития. Мы использовали его ненависть, его жажду реванша. Теперь он стал бесполезным и начал мешать.

По знаку овата два наемника занялись уничтожением трупа Пултри.

Ощущая недомогание, кардинал подошел к вымазанному кровью окну. Обогнул пурпурную лужу, растекшуюся по полу. От Мохинга остались только почерневшие таз, рука и нога.

Прелат обвел взглядом округлые купола Дуптината и вгляделся в туманную даль, где под яркими лучами Серебряного Короля сверкали заснеженные пики Загривка Маркизы. Потом глаза его остановились на цветных стрелах храмов, вспарывающих монотонный серо-синий океан.

Тоска не покидала кардинала, но он пытался загнать тяжелые мысли в глубины подсознания. Ему не удалось добиться, несмотря на неоднократные просьбы, чтобы его мыслехранителей включили в состав первой оккупационной группы. Все дерематы были реквизированы для выполнения более срочных задач. Получите их позже, ответили его преосвященству. Такое положение ставило его в зависимость от скаита-ассистента. Конечно, кодекс чести Защиты запрещал скаитам читать мысли высших сиракузских чиновников, но он бы чувствовал себя в большей безопасности за привычными ментальными барьерами.

Рыдания и стоны Армины мешали ему сосредоточиться, воссоздать элементы ментального контроля.

— Нельзя ли помешать этой потаскухе так орать? — проворчал он.

Оват подошел к постели, схватил Армину за волосы, рывком поднял ее и несколько раз наотмашь ударил по груди и шее. Задохнувшись, она рухнула обратно на постель.

Кардинал ворчливо поблагодарил. У него вдруг возникло ужасное подозрение, быстро перешедшее в панику, что его мозг был отныне открыт всем ветрам, что его дух стал публичной ареной, где разыгрывался удручающий спектакль его самых сокровенных мыслей. Ментальный ассистент-варвар, которому он помогал, только усиливал его страхи. А самым худшим было то, что он постоянно задавал себе богохульный вопрос, который зловещей змеей выбирался на зыбкую поверхность его сознания. Быть может, муффий проверял надежность и законопослушность своих кардиналов перед тем, как приступить к экспансии Церкви Крейца? Разве не он приказал всем мыслехранителям остаться на Сиракузе?

Кардинал вздрогнул: он подозревал Непогрешимого Пастыря в обмане, и эта еретическая мысль могла привести его прямо на огненный крест. Если он не особо боялся притивов и полицейских — ограниченную солдатню, которой так легко манипулировать, — то опасался скаитов, обладавших бездной психических возможностей и нарушавших правила игры. Никто не знал их истинных намерений. Кардинал постепенно овладел собой, пункт за пунктом восстановил контроль эмоций и

постарался поставить экран из поверхностных, невинных мыслей, которые, как он надеялся, смогут подавить еретические вспышки, пробивавшиеся на поверхность сознания.

— Вас волнуют стрелы храмов, ваше преосвященство?

Металлический голос скаита, незаметно подкравшегося сзади, заставил его вздрогнуть.

— Э... немного, — пробормотал кардинал. — Эти стрелы суть символы ереси во всех ее формах... Я думал о работе, которая ждет миссионеров... Маркинатяне относятся к политеистам худшего разлива, и мы столкнемся с немалыми трудностями, чтобы вбить в их головы идею единого бога, основу крейцианизма...

— Не стоит особо волноваться по этому поводу, ваше преосвященство. Если еретики проявят сдержанность в отношении вашего Слова, то зрелище первых огненных крестов даст им хорошую пищу для размышления. Более того, у вас будет возможность в любое мгновение проверить истинность их веры, ибо им придется давать клятву перед ментальными инквизиторами, а от тех ничего не ускользает.

В безличном голосе появилась нотка иронии.

— Быть может, вас посетила мысль, ваше преосвященство, что скаиты приобретают чрезмерное значение в организации мира, которую мы устанавливаем? Но вы быстро поймете, что их присутствие позволит избежать множества осложнений: мятежей, раскола, отклонений, отступничества...

Уязвленный этими словами кардинал укрылся за деланным достоинством и двусмысленным ответом:

— Ни на секунду я не усомнился!

— Его святейшество, муффий, поручил вам заложить основы развития Церкви на этой планете и ее сателлитах. Прекрасное доказательство доверия. Уверен, ваше преосвященство, что успех этой славной миссии зависит от откровенного и сердечного согласия между скаитами и вами. Нам нечего скрывать друг от друга! Если у вас есть вопросы или сомнения, касающиеся продолжения операции, я отвечу вам в рамках моих скромных возможностей.

— Прекрасно, прекрасно, я полностью разделяю вашу точку зрения, — засюсюкал кардинал, пытаясь вернуть себе прежний апломб. — Я... Меня действительно кое-что тревожит. Может, мы недооценили Орден абсуратов? Не стоило ли с ним сразиться, а главное, победить до того, как устанавливать новые структуры?

— Забудьте об Ордене! — уверенно возразил ассистент, и его уверенность показалась кардиналу неуместной. — Судьба абсуратского рыцарства будет решена в нужное время и в нужном месте. А пока впрягайтесь в свою работу, а суть ее — религия.

Высокомерие скаита покоробило кардинала: чужаку хватило наглости отдавать ему приказания, ему, гордому потомку древней и знаменитой сиракузской семьи.

— Надо проглотить горькую пилюлю, не поморщившись, как гласит, если я не ошибаюсь, античная поговорка... — сказал скаит. — Мы ничего не выиграем от противостояния, ваше преосвященство. Немного терпения: вскоре вы получите подкрепление в виде своих мыслехранителей. Мы должны предстать единым фронтом перед вашими юными миссионерами и скаитами святой инквизиции. А теперь пора заняться размещением всех этих людей в достойных условиях.

— Мне хотелось бы также, чтобы полицейские собрали силой или по доброй воле всех жрецов маркинатских культов, — обронил кардинал. Он прекрасно понимал, что не в его интересах провоцировать своего ясновидящего собеседника, и решил последовать мудрому совету: терпеливо ждать прибытия своих мыслехранителей. — Мне не терпится ознакомить их с новой ситуацией, дать им шанс принять Истинную Веру, чтобы они обратились к своим прихожанам с просьбой перейти в нашу религию. Разве жизнь не есть самый драгоценный дар Крейца?

— Будет исполнено по вашему желанию, ваше преосвященство. А она, как вы поступите с ней?

Широкий черный рукав вытянулся в сторону кровати, на которой беззвучно рыдала Армина с синяками на теле.

— С ней?

Размышляя, кардинал вновь обвел взглядом огромный город, жители которого, не ведая о ночных событиях, мирно пробуждались и лениво потягивались в домах, накрытых туманом, который уже пробивали пламенные стрелы Серебряного Короля. Автобусы летели над бульварами и площадями, издавая редкие пронзительные сигналы. Атомные звездочки замедлили свой бег: тепло нарождающегося дня постепенно наполняло спальню.

Кардинал обернулся и вонзил свои серые глазки в Армину. Презрение и ненависть сочились через каждую пору его кожи. Эта женщина давала ему прекрасную возможность восстановить свою попранную власть и отомстить за наглость скаита.

— Встать! — рявкнул он хриплым голосом.

Она не шелохнулась. Тогда оват схватил ее за руку, поднял и выволок на середину спальни. Обнаженная, выставленная напоказ перед всеми, она выпрямилась перед своими мучителями, вскинула свое прекрасное лицо и гордо глянула в глаза кардиналу.

— Опусти голову, шлюха! — завопил сиракузянин. — Твое бесстыдство оскорбляет Лаиссу, божественную мать Крейца! Вначале тебя отдадут на потребу этим людям, чтобы они наказали тебя за грех!

Слова церковника не тронули Армину. В глубине души она уже смирилась со всем, она ощущала себя мертвой. Ее ночные предчувствия оправдались: она больше никогда не увидит своего сына, единственную свою любовь. Они убили Листа... Лист... У нее не осталось сил кричать и возмущаться.

Угрозы наглого сиракузянина показали ей всю глубину ее прошлых заблуждений. Она воспитывала Листа в поклонении сиракузской цивилизации. Лист... О боги, только не Лист... Ее иллюзии разбились о пурпурный облеган и смешной квадратный значок. Ослепленная гордыней, безумной гордыней матери, она отказывалась слушать Стри Вортлинга и всех, кто пытался предостеречь ее от сиракузских миражей.

— Когда эти люди насытятся тобой, тебя выставят без одежд в том виде, в котором ты любишь красоваться, в клетке на главной площади Дуптината. У тебя будет время испытать угрызения совести, и ты послужишь уроком своему народу. Не считаете ли вы, что публичное наказание лица ее ранга будет хорошим знакомством с догмами нашей святой Церкви?

— Вы правы, ваше преосвященство, — кивнул скаит.

— Вначале, пока не прибудут миссионеры, мы выставим ее в почетном дворе Круглого Дома перед слугами.

Кардинал окинул рассеянным взглядом дрожащее тело дамы Армины. В его холодном взгляде не ощущалось никакого плотоядного сладострастия. Полные формы женщин не вызывали в нем никакого желания. Только нежные тела детей — о Крейц, сжалься над своим верным заблудшим служителем — заставляли его иногда забывать о жесткости своих принципов. Он утешал себя тем, что вспоминал о тяжких заботах людей Церкви, об их тягостном одиночестве и природном несовершенстве души. Чувствуя за спиной скаита, он с трудом отгонял эти беглые болезненные мысли, втаптывая их в грязь своего подсознания.

— Притивы, даю вам стандартный час на то, чтобы утопить эту шлюху в грязи всеми доступными вам способами! Но сохраните ей жизнь, — заявил кардинал.

И вышел в сопровождении скаита.

Через два часа наемники-притивы и полицейские согнали в почетный двор тысячу слуг Круглого Дома. В клетке с прозрачными стенками, стоявшей на возвышении, находилась

обнаженная женщина, руки и ноги которой были привязаны к металлическим стойкам. На белой коже виднелось множество синяков, а живот и бедра были перепачканы кровью и нечистотами.

Слуги испытали удивление, шок и ужас, когда узнали в ней Армину Вортлинг, вдову сеньора Абаски. Они недолюбливали ее, но муки, которым ее подвергли, возмутили всех. Тех, кто открыто проявил свой гнев, немедленно выволокли из толпы, выстроили перед возвышением и казнили. Диски наемников взрезали им глотки. Плиты белого мрамора обагрились кровью.

В первом ряду стоял Фрасист Богх, пятнадцатилетний отрок, сын дворцовой прачки. Вид дамы Армины, униженной и выставленной напоказ, как цирковое чудовище, привел его в ярость. Он тоже хотел выразить свое возмущение, вылить вспыхнувший в нем убийственный гнев на чужаков в белых масках, но резкий удар кулаком старого слуги, стоящего сзади, отрезвил его. Фрасист всегда питал к матери Листа, друга по детским играм, любовь, близкую к обожанию.

Холодная дрожь пробежала от его затылка по всему позвоночнику. Он обернулся: на балконе над двором стояло странное недвижимое существо. Фрасисту не надо было видеть его глаз, скрытых под просторным черным капюшоном, чтобы понять, за ним наблюдают, мозг его обшаривают. Это существо не нуждалось в глазах, чтобы прощупывать дух и душу, святое убежище безмолвия. Это существо топтало душу отрока. Фрасиста охватил дикий страх, и он расплакался.

На противоположном балконе, прямо над клеткой, появился крейцианин в фиолетово-пурпурном облачении. Он начал яростную речь, в которой Фрасист ничего не понял. Ужас мешал ему различать слова.

Глава 7
ФРАНСАО КАМОРРЫ

Раскатта, сосланные на планету Красная Точка, чей массовый наплыв привел к созданию запретных кварталов, объединились в банды для защиты от пруджей, автохтонов Матаны, города с семнадцатью монументальными вратами.

Главарей банд назвали «франсао» по имени Франсао Спиладжи, первого раскатта, организовавшего сопротивление пруджам.

После нескольких веков беспощадной смертельной борьбы франсао заключили мир, решив разделить между собой зоны деятельности. И создали Каморру.*

Каморра франсао стала подлинным, тайным правительством, установила свои законы и собственную юстицию. Среди раскатта царили жестокие нравы. Почетное звание франсао можно было получить либо прямыми последовательными назначениями, либо уничтожая претендентов. Эти схватки назывались «войнами за наследство». Каморра превратила Красную Точку в столицу нелегальной торговли: рабами, человеческими органами, «порошком радости», оружием, подпольными дерематами. Кроме того, процветал игорный бизнес и проституция...

Сиф Керуик, уроженец Селп Дика, был одним из известнейших франсао Каморры. Легенда утверждает, что он никогда не спал, ибо так велика была его подозрительность. Другая легенда говорит, что его наследник, Било Маитрелли, погиб, помогая Шри Лумпа («сеньор Ящерица» на языке садумба) вырвать из рук работорговцев Найю Афикит.

Гегемония Каморры прекратилась одновременно с исчезновением Конфедерации Нафлина. Усиленная скаитами святой инквизиции и убийцами-притивами, Церковь Крейца смогла пленить главарей одного за другим и казнить их на огненных крестах.

«История великой империи Ангов».
Униментальная энциклопедия

Тиксу Оти с трудом разлепил глаза.

Он голым лежал на холодной земле, и его трясла дрожь. Острая боль терзала голову. Коррегированный эффект Глозона, привычная боль после деремата.

Первыми он увидел уходящие вдаль руины зданий и небо, залитое зеленым светом. На горизонте висел огромный диск Зеленого Огня, купающийся в палитре цветов от нефритового до бледно-зеленого. Далекие огни изумрудных скоплений на небосводе неверными лучами облизывали стены развалин.

---

* Термин «каморра», похоже, берет начало в легендах цивилизации Матери-Земли. Каморр, или Каморра, а также Махфия, была тайным правительством, имевшим своих людей во всех звеньях официальных властей (примерно за 5000 лет до эры Нафлина). Она состояла из ритальцев (уроженцев Риталии). Могущественная разветвленная организация жила незаконной торговлей, а главное, торговала влиянием. В криминальной сагс очень трудно отделить реальность от вымысла, а ее героем был некий Алькапоне. — *Примеч. автора.*

Тиксу еще не пришел в себя, и в его замутненном сознании, как во сне, пролетели события, приведшие его в этот дворик, заросший желтыми колючими сорняками. В вихре образов мелькали лица сиракузянки и Качо Марума.

Порывистое дыхание ветра было не в силах разогнать чудовищную вонь, наваливавшуюся на него как свинцовое покрывало. Контраст между жгучим холодом, поднимавшимся из глубин выжженной земли, и влажностью воздуха гонял по коже и мурашки, и ручейки пота.

Он с трудом уселся, поджал под себя ноги и попытался осмыслить ситуацию, в которую попал. От усилий его едва не вырвало. Планетарный переход и неприятное ощущение, что он гость в своем теле, мешали сосредоточиться и привести в порядок мысли. Он решил, что ему понадобится не менее часа, чтобы обрести свои ментальные и физические способности.

За его спиной послышался смешок, похожий на карканье. Он осторожно повернулся. В нескольких шагах от него, привалившись спиной к огромному камню, сидела растрепанная женщина без возраста. Лицо словно из папье-маше, крохотные полузакрытые и глубоко сидящие глазки, фиолетовые круги под ними. Растрескавшиеся губы сжимали измочаленную трубку. Она с удовольствием втягивала в себя табачный дым, выпуская ноздрями длинные голубоватые струи, которые обволакивали ее зеленоватым туманом. На ней было одеяние из лохмотьев, отдаленно напоминавшее платье, в дырах которого виднелась грязная сморщенная кожа.

— Глянь-ка на этого мужлана, свалившегося с неба!

Качающиеся пеньки зубов и десны по-прежнему сжимали трубку. Она говорила, скривив рот, одновременно сплевывая густую желтую слюну.

— Красавчик совсем голый! Даже раздевать не надо! Иди ко мне, милашка! Иди и полюбуйся на красавицу Изабузу! Не пожалеешь... Изабузе так нужны ласки! Уже давно у нее не было мужчины...

Она истерически захохотала, из ее горла вырвались хриплые звуки. Вокруг рта пролегли вертикальные морщины.

— Я что, тебе не нравлюсь или ты слишком робок? Молчишь? Это не любезно! Если Изабуза тебе не нравится, она пожалуется Хашиуту... А тот заставит тебя поговорить с Изабузой! Быть может, и заставит переспать с ней! Ты еще не знаешь, на что способен Хашиут!

Едва она произнесла эти слова, как послышался низкий заспанный голос, доносившийся из-за кучи гравия:

— Ты что там бормочешь? Мешаешь дрыхнуть! Или к тебе в кои веки пристает годаппи?

Не отводя остекленевших безумных глаз от Тиксу, женщина молчала. Только яростно сосала трубку, словно раздувала горн легендарных циклопов с горных планет Дельфа.

Тиксу понял, что эти заброшенные здания могут стать смертельной ловушкой. Женщина злоупотребляла «порошком радости», наркотиком, вызывавшим эйфорию. Он видел явные симптомы ломки. Да и ответивший ей мужчина явно был не один. Темные складки накатывавшейся ночи, размывавшей окружающую местность, казалось, скрывали тысячи невидимых опасностей.

Но двигательные центры оранжанина отказывались подчиняться ему. Его безуспешные попытки встать неизменно заканчивались провалом. Его охватила паника.

— Эй, Иза! Я разговариваю с тобой, как мне кажется! — раздраженно продолжил мужской голос. — Может, не желаешь разговаривать, а я жду ответа! С тобой говорит Хашиут! Или хочешь пару затрещин. Сейчас надеру тебе задницу! Будешь знать, как будить меня без причины!

Из-за кучи гравия появилась взлохмаченная голова. Заспанное звериное лицо с густой бородой, на котором пронзительно поблескивал единственный черный глаз. Второй был закрыт вшитым в кожу скулы и торчащей надбровной дуги дымчатым, хрустальным моноклем. Хашиут протянул руку и ткнул толстым пальцем в прикованного к земле Тиксу:

— А это кто такой? Откуда он появился?

Женщина, скорчившись и дымя, как завод теллурической энергии, не отвечала. В окнах, из-за каменных груд и стенок, окружавших двор, беззвучно появились головы мужчин и женщин. Оранжанина внезапно окружила гримасничающая орда демонов, вырвавшихся из преисподней. Ледяной холод сдавил легкие. Кровь его застыла в жилах, живот свела судорога. Он призвал на помощь всю свою волю, чтобы встать. Но его руки и ноги напоминали пустые оболочки, бесполезные и неспособные оторвать от земли Красной Точки.

Взъерошенные женщины хихикали и присвистывали, толкаясь локтями и перемигиваясь. С их губ срывались самые непристойные предложения.

— Заткнитесь, потаскухи! — рявкнул Хашиут. — Этого упускать нельзя! Похоже, у него проблемы с планетар-

ным переходом, а так он в форме... За него дадут хорошие деньги на рынке рабов! Утренняя девица принесла бы больше, но и этот сгодится!

Мужчины в грязных лохмотьях выбрались из своих укрытий и направились к Тиксу. Круг быстро сомкнулся. Подталкиваемый страхом, он ценой неимоверных усилий встал и сделал несколько неверных шагов на ватных ногах. В голове пронеслась беглая мысль: девица, о которой говорил одноглазый и которая от них удрала, не могла быть не кем иной, как его утренней пассажиркой-сиракузянкой. Она материализовалась здесь и смогла от них ускользнуть.

Из-под ног Хашиута покатились камни, он спустился с кучи гравия, как дикий рогатый бык.

— Чего ждете, кастраты? — завопил одноглазый. — Хватайте его!

Один нищий бросился Тиксу в ноги, схватил его за икры и опрокинул. Оранжанин тяжело упал и ударился затылком. У него перехватило дыхание. Остальные навалились на него, как туча саранчи. Они схватили его за руки и ноги и прижали к земле. От вони лохмотьев он едва не лишился сознания.

— Отлично, парни! Этого поймали и уже не отпустим! — Хашиут прыгал от радости. — Похоже, вы чему-то научились, кастраты! Свяжите его! Мы сейчас же отправимся к франсао Каморры и продадим его!

Бродяги связали запястья и ноги Тиксу и бесцеремонно перевернули его на живот. Его лицо уткнулось в сухую колючую траву, мешая дышать. Он не мог изменить неудобного положения, вызывавшего боль. Мокрая режущая веревка согнула его ноги, приподняла бедра, выгнула плечи и поясницу. Каждое движение лишь усиливало боль. И вскоре мышцы спины свела судорога.

Карканье Изабузы вновь разорвало полумрак затихшего дворика.

— Эй, годаппи, если назначил свиданку своей красотке здесь, то опоздал! Ее задницу словно жгло огнем. Она не стала тебя дожидаться! Видел бы, как она удирает, может, спросил бы себя, а хочет ли она тебя!

— Иза, слишком много болтаешь своей пастью! Лучше заткнись! — проворчал Хашиут. — Надоела!

Изабуза замолчала, прижалась к камню, продолжая сосать свою трубку. Остальные женщины подошли ближе к Тиксу. Их запавшие глаза загорались жадными огоньками. Шершавые мозолистые ладони тронули его плечи и спину. Они

грубо гладили его, издавая смешки. По коже оранжанина пробегали ледяные судороги — безжалостно связанный, он испытывал тяжкие муки.

Изабуза зло поглядела на женщин.

— Эй, Хашиут, если остальные пользуются годаппи, почему нельзя мне! Все же красавчика нашла я.

Не ожидая ответа, она положила трубку на плоский камень, встала и, выпустив когти, бросилась на своих компаньонок, окруживших пленника. Женщины дали ей отпор, все они вцепились друг другу в волосы, начали рвать друг на друге лохмотья, заодно вырывая куски кожи. Они колотили противниц руками и ногами по груди, животу. По лицам потекли струи крови.

— Хватит, потаскухи, или я задам вам трепку!

Громкий голос Хашиута остановил свалку. Женщины разом повернулись к одноглазому гиганту.

— Ни одна его не тронет! Можете попортить товар! Если нужен самец, их вокруг предостаточно! Не так ли, парни?

Мужские голоса хором ответили на вопрос предводителя. Они всегда и во всем были согласны с ним — он был выше их на голову, плечи его были шире, а кулаки указывали, кто здесь главный. Тот, кто выступал против, рисковал лишиться последних зубов, пальца ноги или руки. А если он считал неподчинение злостным, мог и вовсе оторвать ногу или руку.

— Ладно, ладно, но у этого парня такая нежная кожа! — вздохнула одна из мегер, чье лицо было исполосовано ногтями.

— Не такая, как ваши грязные крокодильи шкуры! — пробормотала вторая, едва двигая распухшими губами.

Они с сожалением отошли от Тиксу. Лучше было забыть о нескольких приятных мгновениях, чем подставлять себя под кулаки Хашиута.

Они дождались наступления ночи, когда над землей повисло черное покрывало с точками звезд, и тронулись в путь. Они развязали запястья и щиколотки Тиксу, которому понадобилось не менее получаса, чтобы восстановить кровообращение в сведенных судорогой мышцах. Нищие накинули ему на шею магнитный ошейник с архаичным поводком, найденным на свалке. Помощнику Хашиута, однорукому Карнегилу, вручили пульт управления. Половина банды отправилась вместе с ними.

— С деньгами за этого годаппи купим «порошка радости» на целых три месяца и отлично погуляем. Это точно! — заявил Хашиут.

Они двинулись по тропинке, которая змеилась между заросшими травой холмиками пустыря, отделявшего руины от первых кварталов города. В полной темноте им освещала путь только ночная звезда Глаз Сновидений. Ее бледные лучи высвечивали далекие округлые вершины дюн начинающейся пустыни. Они шли тихо, прислушиваясь к ночным шумам, словно опасаясь другой банды, могущей лишить их сокровища. Пытаясь выдерживать темп и не наступать на шипы и иглы растений, Тиксу шел, дрожа от холода. Его терзал голод, ибо нищие не удосужились дать ему хоть крошку еды. Стоило замедлить шаг или невольно отклониться в сторону, как Карнегил скалился, нажимал кнопку на пульте, сжимая ошейник еще на одно деление. Стальные челюсти все сильнее вгрызались в шею пленника.

Несмотря на неудобства, Тиксу преодолел планетарный разрыв и почти полностью обрел ментальные и физические способности. Он злился на себя, что позволил поймать себя этим вшивым идиотам, которым не хватало наркотика. И подстерегал момент, чтобы удрать от них и оказаться вне зоны действия магнитных волн пульта. Но однорукий не спускал с него глаз.

Перед ними возник высокий холм. У подножия тропа ныряла в плотные заросли шипастых кустарников.

— Обойдем? — спросил Карнегил.

— Ни в коем случае! — ответил Хашиут. — Нет времени! Идем насквозь!

Они углубились в заросли и двинулись вверх. Ветки с шипами царапали кожу Тиксу. Его руки, плечи, грудь и ноги горели от злых уколов.

— Может, лучше его прикрыть! — проворчал Карнегил. — Он потеряет ценность, если будет со всеми этими царапинами. Хороший человекотовар должен быть гладким и чистым... Я всегда так говорил...

— Заткнись! — миролюбиво возразил одноглазый.

С вершины холма они завидели первые огни города. Банда спустилась вниз и вернулась на тропу, которая расширялась, пока не превратилась в аллею, тянущуюся между первых строений. Появились жилища раскатта, внесенных в Индекс и сосланных сюда со всех миров Центра. До самых стен древнего города пружжей высились дома самых разных архитектурных стилей: с круглыми, плоскими, острыми, квадратными крышами, особняки с колоннадой, кубические, трапециевидные, конические из стекла, с желтыми, белыми, синими стенами, шале из драгоценных пород дерева, погруженные в землю шары, бетон-

ные бункеры... Каждый изгнанник стремился наделить новые владения своей особенностью, придать им черты родной культуры. Пруджи называли этот хаос двумя словами: запретные кварталы.

Летательные аппараты, такси или личные аэро, неслышно проносились над небольшой группой и тонули во тьме пригорода.

Вскоре нищие добрались до оживленных улиц, шумных, освещенных многочисленными вывесками, ядерными фонарями или белыми светошарами. К великому разочарованию Тиксу, которого обнаженным и окровавленным тащили по залитым светом улицам, никто не обратил на них ни малейшего внимания, на что он тайно надеялся. Даже полицейские в синих мундирах, четверками патрулировавшие улицы среди живописной толпы, каждый член которой был достоин виселицы, не смотрели на них. И лишь нищие приветствовали Хашиута, шествовавшего во главе своей банды.

— Следи за ним получше, Карнегил! — пробормотал одноглазый гигант. — Не время упускать его сейчас! Он стоит трех месяцев «порошка»! Будь внимательней, я вижу завистников!

По мере продвижения по запретным кварталам становилось все труднее пробиваться через подвижную плотную толпу уличных торговцев, зазывал борделей и профессиональных игроков, расставивших свои столы-ловушки прямо на мостовой.

Помятое лицо Карнегила, флюгер, обдуваемый ветрами искушения, поворачивалось во все стороны: выпученные жадные глаза останавливались на проститутках, прислонившихся к колоннам фасадов. Завидев его, они делали призывные жесты, показывая грудь, затянутую в шелк ногу, выкрикивали обидные слова и понимающе пересмеивались. Помощник Хашиута, озверевший от желания при виде этих размалеванных существ, одетых в прозрачные короткие туники и залитых возбуждающими афродизиаками, не знал, на ком остановить свой взгляд. Проститутки кричали вслед одноглазому и Тиксу, которого вели на поводке, как барана на бойню:

— Эй, Хашиут! Ты сегодня разбогател! Где отыскал его!

— У тебя красивенький раб! Грязнуля, тебе следовало его помыть! Иди ко мне, красавчик! Я тебя помою, а потом, если захочешь, и денег за дело не возьму!

— Не мечтай! Вряд ли франсао позволят нам отдохнуть, им нужны деньги, что приносят эти крысы годаппи!

— Карнегил, черт подери, двигайся вперед! — рычал Хашиут. — Получишь деньги — насмотришься на них! Слышишь, ты, кастрат? Иди или оторву последнюю руку!

Тиксу казалось, что он погружается в безысходный кошмар. И спрашивал себя, что, обнаженный и исцарапанный до крови, делает в этом диком мире насилия, где выживание зависело от того, кто первым нанесет сильный удар. Свет от фонарей и светошаров высвечивал угрожающие силуэты, озверевшие лица, разбитые надбровные дуги, лихорадочные глаза, перекошенные рты, уродливые шрамы, раздутые карманы одежд, рукоятки оружия... А лицо сиракузянки, этой незнакомки, ради которой предпринял безумное путешествие — он позаботился запрограммировать стирание координат на деремате агентства, чтобы сбить с толку ринса ГТК, — уходило из его памяти, словно она была химерой, метеором в небе, где угасала жизнь. Обессиленный и подавленный, он застыл на границе реальности и сна. Превратился в поглупевшего пассивного зрителя чужого абсурдного спектакля, в котором должен был играть главную роль. И лишь боль, раздиравшая шею, изредка возвращала его в мир реальности.

Никто не интересовался бандой Хашиута, а если кто-то и останавливал взгляд на Тиксу, то делал это ради быстрой оценки стоимости раба.

Наконец они вышли на прямоугольную площадь, покрытую плитами черного бетона, похожего на шкуру рептилии. Прямые дорожки, ведущие к центру площади, были окаймлены высокими светящимися конусами и выложены фосфоресцирующими стеклянными квадратами.

— Крыша рынка рабов!

Беспокойство однорукого усилилось после окрика одноглазого. Его указательный палец не отпускал кнопки пульта. Челюсти ошейника конвульсивно сжимались на шее Тиксу, который уже едва дышал.

Они выбрали аллею и двинулись к центру площади. Сквозь стеклянные плиты оранжанин различил огромный глубокий зал и круглую сцену, рядом с которой стояли пустые клетки разных размеров с решетками или воздушными стенками. Их освещали лучи прожекторов.

Там, где аллеи сходились, открывался люк на почти отвесную лестницу, уходящую в мрачную глубину рынка рабов.

Хашиут без колебаний вступил на нее, но остальные не решались последовать за ним. Одноглазый обернулся и смерил подчиненных злым взглядом.

— Ну, чего ждете, кастраты? Испугались?

— Куда мы идем? — спросил однорукий.

— К франсао Майтарелли! — проворчал предводитель. — Он лучше всех платит за человекотовар.

— Я ему не верю! — попытался возразить Карнегил. — Говорят, он чаще расплачивается смертью.

— Если я правильно понимаю, ты обсуждаешь мои приказы?

Хашиут вскинул два громадных кулака. Его глаз от ярости налился кровью, борода встопорщилась, словно обуянная смертельными намерениями. Карнегил внезапно оказался в одиночестве, черты его лица застыли. Мужчины и женщины инстинктивно отступили, образовав вокруг него пустое пространство. Немедленная расправа Хашиута нередко оказывалась поучительным зрелищем. Они готовились стать свидетелями наказания мятежника. И быть может, его смерти. Гора денег, а значит, и «порошка», которую обещал принести этот свалившийся с неба годаппи, сводила с ума.

Побледневший Карнегил вдруг понял, что сейчас потеряет последние зубы, последнюю руку, если не жизнь, и поспешил вступить в переговоры.

— Не злись, Хашиут! Я вовсе не хотел с тобой спорить...

Вздохи облегчения с ноткой разочарования, вырвавшиеся из груди остальных, завершили капитуляцию однорукого.

Когда они спустились по ступеням, коридор привел их на шестиугольную площадку, скупо освещенную водяными бра. На нее выходили бронированные двери с голографическими надписями на прудже и межпланетном нафле. Каждую из дверей охраняли три или четыре типа, похожих на скорпионов-убийц внутренней пустыни. Излучение атомных обогревателей, круживших под потолком, вдохнуло немного жизни в заледеневшее тело Тиксу.

В качестве предводителя именно Хашиуту выпала честь обратиться к одному из охранников в желтой форме, застывшему под желтыми буквами. Он схватил пленника за руку и вытолкнул перед собой. Самоуверенность одноглазого гиганта рассыпалась, как комок сухой земли. Его рыкающий голос превратился в едва слышимый ручеек.

— Э... франсао Метарелли у себя?

— Что ты от него хочешь, бродяга? — изумился страж. — Может, считаешь, что франсао Каморры встречается с такими вшивари, как ты?

Хашиут неловко согнулся в поклоне.

— Я хочу предложить ему выгодное дельце. Прекрасный человекотовар! Взгляни!

— У кого украл раба?

— Не украл, поймал! — ответил Хашиут, выпрямляясь и выпячивая грудь. — Он принадлежит мне и моей банде! Сегодня ночью будут торги! Гляньте, пощупайте: отличная кожа! Мышцы! Крепкий парень! Богачи оторвут его с руками!

— Замри, сейчас гляну! Надеюсь, бродяга, что твое брюхо не пострадает, если франсао Метарелли в хорошем расположении духа! Он не привык заниматься штучным товаром.

Медоточивая улыбка одноглазого бородача превратилась в гримасу.

— Когда он увидит его, то не пожалеет...

Охранник набрал шифр на консоли, встроенной в бетонную стену. В металлической двери открылось окошечко. Полная тишина и явная враждебность охраны охладили энтузиазм банды. Руки нищих повисли вдоль тел, глаза и головы опустились. Славные соратники Хашиута мечтали лишь об одном: взять ноги в руки и бежать без оглядки.

В окошечке появилось лицо. Смуглая кожа, курчавые красноватые волосы, черты, утонувшие в жировых отложениях, маленькие сверлящие глазки: прудж.

— Что там? — хрипло осведомился он.

— Любители «порошка» предлагают франсао товар. Человек-товар, — прошептал охранник.

Черные глазки пруджа быстро обежали площадку, внимательно осмотрели Тиксу.

— Пропусти эту рвань.

Ловушка захлопнулась. Не произойди чуда, ему не выбраться целым и невредимым из этого подземного тупика, погруженного в полумрак. В таверне «Три Брата» на Двусезонье он не раз слышал, что пленникам Каморры, предназначенным для продажи, вкалывали «умягчитель». Вирус, который атаковал клетки мозга, лишал памяти и воли и требовал постоянного введения лекарственной сыворотки. Пытаясь вернуть хоть остатки мужества, он вспомнил слова Качо Марума: «Ты выпил внутреннюю воду ящериц, их сила защитит тебя, отныне ты будешь путешествовать вместе с непобедимым богом...» Но если эти слова были полны смысла в лесу Двусезонья, то здесь, перед бронированной дверью и страшилищами-охранниками, они становились пустыми, глупыми и смешными заклинаниями, обращенными к несуществующим богам. Они не могли заставить его забыть голод, холод, неумолимые когти ошейника, впившиеся в шею, отчаяние, медленно отравлявшее все его существо. Ему хотелось осу-

шить стакан мумбе, почувствовать жгучий ожог дрянного спиртного во рту, в глотке, в брюхе.

Невысокий толстячок прудж, чей живот свешивался над набедренной повязкой, провел Хашиута и его спутников по бесконечному лабиринту коридоров, темных и кривых, и пропустил в обширную комнату, залитую белым ослепительным светом. В глубине, рядом с серо-зеленой водяной стеной, стоял массивный стол. Тиксу сразу понял, что этот стол доставлен с Оранжа. Типичная мебель провинции Вьелин, выполненная из желтой древесины, с мощными, округлыми и резными, ножками и кружевными бортиками овальной столешницы. Вид этого стола, не соответствовавшего пустой комнате, вдруг отбросил его на несколько лет назад: мебель переговорной в доме его дяди на Оранже как две капли воды походила на этот предмет, это была та же смесь красоты и тяжести.

В комнату вошли новые охранники в желтых мундирах и тщательно обыскали членов банды.

— Что там, Зортиас, ты же знаешь, заседание Каморры начинается через несколько минут! — послышался резкий голос, говоривший на превосходном нафле с сильным акцентом уроженца Оранжа. — Надеюсь, побеспокоил меня не по пустякам!

Мужчина среднего роста стоял к ним спиной. Он вглядывался в янтарную водяную стену, внимательно следя за маневрами топазовой рыбки, за которой гонялась стайка краснохвостых гимнотов, чьи удлиненные светящиеся тела рисовали тут же исчезавшие геометрические фигуры. На нем был строгий вьелинский костюм — двубортный белый пиджак и белые шаровары. Огромный безволосый череп блестел под лампой клеточной идентификации.

— Вшивари хотят предложить вам сделку, франсао Метарелли, — сказал прудж.

— Посмотрим.

Франсао обернулся. Его глаза цвета светлого утреннего неба остановились на Тиксу. На чуть оплывшем лице торчал орлиный нос, а под ним располагался рот с полными чувственными губами. Он без всякого выражения на лице закончил осмотр.

— Где его поймали?

— Э... где мы живем, франсао. В заброшенных домах на границе пустыни, — угодливо пробормотал Хашиут.

— Откуда он?

— Не знаю, франсао, свалился с неба прямо на глазах старой Изы! Скорее всего из передатчика клеток!

Лаконичные вопросы требовали быстрых и ясных ответов.

— Он в жалком состоянии, — заметил франсао. — Кожа вся исцарапана. Человекотовар, рвань, требует бережного отношения!

Одноглазый и его спутники теряли апломб на глазах. Они жалко улыбались и глупо кривились. Карнегил сожалел, что шею его кретина вожака не окружает цепь: он бы сжал ошейник сразу на пять делений.

Метарелли приблизился и вонзил свой ледяной взгляд в глаза Тиксу. Оранжанину пришлось прищуриться, чтобы его не слепил свет лампы, сопровождавший франсао при каждом передвижении.

— Если они не могут ответить, может, ответишь вместо них. Откуда ты?

От этого плотного лысого человека с не очень заметной внешностью исходила властность, резкая и требовательная, которую подчеркивали скромные одежды.

— Я... я прибыл с Двусезонья, — пробормотал Тиксу.

Давление магнитного ошейника превращало его голос в неверный хрип.

— Идиот! Ты не садумба! Плевать мне на твое последнее путешествие! Я спрашиваю, откуда ты родом!

— Я... с Оранжа.

Легкая вуаль удивления пробежала по лицу франсао. Тиксу показалось, что в бесстрастном взгляде появилось немного тепла.

— С Оранжа?.. С какого континента?

Сдержанный, но явный интерес сквозил в его голосе.

— Из... провинции южного полушария... Вьелин...

— Вьелин!

Слово сорвалось с его губ вздохом сожаления. Он на мгновение ушел в свои мысли, и оно показалось Хашиуту бесконечным.

— Боже, каким далеким он мне кажется, мой зеленый Вьелин, — прошептал франсао. — Как тебя зовут?

— Тиксу... Тиксу Оти.

Карнегил так нервничал, что невольно нажал на кнопку пульта. Слова пленника завершились хриплым свистом. В сопровождении своей лампы Метарелли вернулся к янтарной стене, где топазовая рыбка умело уходила от хищников.

— Одноглазый, ты предводитель этой банды? — спросил он из глубины комнаты.

— Ну... да, я... — выдохнул Хашиут, не зная, куда клонит его собеседник.

— К твоему сведению, если решишь предложить мне новые сделки, запомни, оранжане на рынке рабов ничего не стоят! Они даже не котируются! А в таком состоянии человекотовар стоит не больше наперстка «порошка»!

— Франсао, но он так молод! И в отличной форме! — Расстроенный Хашиут пытался привести свои аргументы. — Его надо только натереть маслами, и кожа будет как у младенца...

— Заткнись, бродяга!

Голос Метарелли резал как скальпель.

— Ты набрался наглости явиться ко мне, а потому не спорь с моими условиями! Здесь решаю я, а я решил, ибо неплохо к тебе отношусь, дать тебе за этого оранжанина наперсток «порошка». Если условия тебе не подходят, то расплачусь смертью. И в этом случае не постесняюсь в расходах!

Хашиут открыл было рот, чтобы запротестовать, но сильнейший удар локтем в бок одной из женщин вернул его в реальный мир. Нищенке еще хотелось жить, и она дала сигнал к бегству.

— Возьмите пульт у однорукого! — приказал франсао охранникам.

Карнегил не стал ждать их приближения и отбросил пульт подальше от себя. Развернулся и бросился бежать.

— Зортиас, дай им наперсток «порошка» и вышвырни отсюда! Они воняют!

Банда Хашиута беспорядочно покатилась к выходу. На их разочарованных лицах одновременно читались и облегчение, что они выбрались живыми из логова франсао Каморры, и желание завершить все дракой между собой. Наперстка «порошка» едва хватало на шестерых или семерых членов банды, и им придется драться, как зверям, чтобы заполучить крошку драгоценного наркотика. Хашиут был в ярости: его унизили перед бандой, и ему придется восстанавливать свое главенство силой. Рука Карнегила в качестве трофея вполне могла вразумить других. Иначе придется оторвать ему голову и прибить ее над входом в их убежище.

— Им повезло, что я в хорошем настроении! — бросил франсао после их бегства. — Согласно решению Каморры я должен был их уничтожить. Уничтожение паразитов в наших общих интересах. Если их станет слишком много, они начнут объединяться и принесут немало неприятностей. Адская вонь! Включите ионный ароматизатор. И снимите с него магнитный ошейник!

Ошейник разжался и упал к ногам Тиксу. Наконец он мог свободно дышать, насыщая легкие воздухом. Сталь-

ные челюсти оставили на шее синие следы. Мозг сразу насытился кислородом, его охватила эйфория, он даже забыл про голод, холод, боль и отчаяние.

Топазовая рыбка попала в пасть одного из преследователей, и теперь на нее обрушилась вся стая. Крохотный прозрачный хвост тщетно взбивал янтарную воду стены. Острые зубы гимнотов вгрызлись в ее плоть.

— Она выдержала целых трое суток, — сказал франсао. — Одна против шести в замкнутом пространстве — результат более чем почетный.

Через несколько минут появился Зортиас, его одутловатое лицо светилось от улыбки.

— Никаких проблем?

— Никаких, франсао. Они дрались, еще не выйдя на крышу рынка.

— Тем лучше! Быть может, им удастся перебить друг друга, что поможет нам избежать лишней работы. А теперь мне надо идти на заседание Каморры. А ты займись им. Отведи его в Сар Било, пусть примет ванну, попроси девиц Кольца заняться его ранами, найди ему одежду и жди меня!

— Надевать ли ему ошейник, франсао?

— Гостей в цепи не заковывают! Даже у пруджей!

Черные глаза Зортиаса округлились от удивления. Он трижды тряхнул рыжей гривой, словно хотел убедиться, что правильно расслышал слова франсао.

— Этот человекотовар ваш... гость, франсао?

Его хриплый голос резко контрастировал с округлостью тела и мягкостью черт. Метарелли не ответил. Он отвернулся от сцены пиршества в стене и подошел к столу. Сунул пальцы в детектор отпечатков, стоявший на инкрустированной столешнице. Водяная стена повернулась, открыв гравиплатформу, застывшую в колодце. Пока стена не закрылась, Метарелли добавил:

— Отвечаешь за его жизнь, Зортиас!

Через три часа Метарелли в сопровождении своих охранников как по волшебству возник в огромной гостиной своего дома Сар Било. Он переоделся. И теперь был в плаще и костюме из набивного полотна Жониля, провинции Оранжа, славившейся своими тканями. Он выглядел озабоченным. Глубокие морщины бороздили лоб. Глаза превратились в узкие щелочки, спрятавшиеся подо лбом.

Он переговорил с Зортиасом. С удобного дивана, на котором сидел, Тиксу заметил, что прудж выкатил яростные глаза и бешено запрыгал на месте.

После ухода франсао на заседание Каморры Зортиас увлек Тиксу в лабиринт каменных лестниц, подвесных металлических мостиков и темных галерей, в которых было нечем дышать. Обессилевший оранжанин призвал на помощь всю свою волю, чтобы не потерять из виду белую повязку, которая быстро уносилась вперед. Они добрались до перекрестка, куда выходила дюжина галерей и в центре которого стояла кабина на водорельсах. Нервничающий Зортиас запрограммировал поездку, ударяя ногтем по кнопкам крохотного пульта. Они залезли в кабину, та сорвалась с места и с невероятной скоростью понеслась по туннелю. Тиксу так и не смог определить, какое расстояние они покрыли. Галереи, освещенные никтроновыми лампами на сводах, походили один на другой. На каждой стрелке, при каждом повороте вода из рельс окатывала стекла кабины. Во время поездки Зортиас выглядел беспокойным и нервным. Его рука не отпускала скорчера, который он засунул за пояс повязки. Франсао поручил ему отвечать за жизнь пленника: он выполнял приказ с яростью дрессированного собакольва, готового убивать ради интересов своего хозяина.

Наконец кабина замедлила бег и вскоре остановилась. Оглушительный грохот и хлюпанье водорельсов прекратились. В лабиринт вернулась тишина подземелья. Глаза Тиксу уже свыклись с полумраком. Они были в подвале, где торчали толстые цилиндрические опоры из стали. Прудж несколько раз хлопнул в ладоши, чередуя короткие и удлиненные удары. Одна из опор, скрывавшая лифт, открылась.

— Входи быстрее! — рявкнул Зортиас, не снимая руки со скорчера.

Он бросал вокруг беспокойные взгляды, словно ждал, что враги сбегутся сразу со всех сторон.

Тиксу спрашивал себя, почему его ангел-хранитель так взволнован. Истощенный путешествием, обхождением банды Хашиута, переходом по подземным коридорам рынка рабов, он даже и не думал о побеге. Но наверняка у Зортиаса были причины никому не доверять. На Красной Точке подозрительность была добродетелью.

Платформа доставила их на первый этаж Сар Било, дома франсао, построенного в стиле домов Оранжа. Вы-

пуклые водостены в тонах меда и янтаря, внутри которых плавали рыбы разных размеров и цветов, образовывали роскошную сверкающую мозаику, постоянно менявшую узор. Толстые муаровые ковры из Жониля валялись на яшмово-мраморных полах. Задернутые шторы, закрывавшие огромные окна, тихо колыхались. В центре гостиной под огромным куполом рождались и умирали фосфоресцирующие переплетенные кольца в постоянно обновляющемся цикле движения. Тиксу видел подобные украшения на площадях крупных городов Оранжа: они символизировали цикл человеческой жизни и напоминали прохожим об эфемерности земного существования. В коридорах теснились толпы слуг и рабов — бесшумные скользящие тени по ту сторону водостен.

Зортиас пробормотал несколько слов в голофон с хрустальным экраном. По монументальной лестнице, соединявшей первый этаж с мезонином, спустились две женщины — сестры, уроженки Третьего Кольца Сбарао, с длинными иссиня-черными волосами, огромными глазами цвета охры, выступающими скулами, тонкими прямыми носами и приоткрытыми полными губами, за которыми сверкали покрытые розовым перламутром зубы. На них были простые полотняные хламиды, перехваченные в талии, которые почти не скрывали их грациозных коричневых тел.

— Франсао пожелал, чтобы вы занялись им. Ванна и массаж в масле киприта, чтобы залечить царапины, — объяснил им Зортиас, явно радующийся, что доставил Тиксу в Сар Било без особых затруднений. — Я приду за ним через два часа.

Женщины отвели Тиксу в светлый зал на третьем этаже дома, потолок которого сверкал от звездной пыли. Они властно окунули его в почти кипящую воду и безжалостно растерли кожу жесткими растительными губками. Они смеялись и звонко переговаривались. Тиксу узнал, что их пленили во время облавы в деревне, организованной торговцами живым товаром Сбарао, потом продали богатому ювелиру на Красной Точке, порочному старцу, который заставлял их делать немыслимые гадости. Но когда старец отказался платить годовую десятину, назначенную Каморрой для торговцев, к нему пришли люди франсао. Ему пришлось спешно бежать, оставив все свои богатства и рабов. Каморра поспешила разделить это неожиданное наследство. Так сестры оказались на службе франсао Метарелли. Они не жаловались, поскольку под суровым обликом франсао оказался человек, который отнесся к ним очень милостиво. Они только старались не показываться ему на глаза, когда он был в дурном

настроении. Они со смехом объяснили Тиксу, что старались удовлетворить все его пороки, а те оказались не слишком ужасными. Они с печалью вспоминали Третье Кольцо, свою родину, и слезы, которые стекали в этот момент по их щекам, не были слезами радости.

Затем они натерли Тиксу ароматным маслом и долго его массировали. Их легкие, как птичьи перышки, руки усыпили Тиксу. Они пощекотали его мочки, чтобы разбудить, и расхохотались, увидев его недоумение. Он сразу заметил, что кожа его обрела первозданные чистоту и гладкость. Раны исчезли вместе с синяком на шее, превратившимся в едва заметную розовую полоску. Исчезла и усталость, словно ее вобрали в себя ладони двух женщин. Они буквально восстановили его. Он ощутил то же приятное состояние благополучия, которое испытал, когда Малиное, жена Качо Марума, натирала ему плечо жиром ящерицы.

Девушки помогли ему надеть сужающиеся на щиколотках шаровары и белую хлопковую тунику. Пришел Зортиас и отвел его в большую гостиную, где усадил на диван и приказал ждать. Тиксу совершенно потерял ощущение времени. Он плавал между сном и бодрствованием, теряя нить мыслей, крепко сплетенных из вымысла и иллюзий. Он уже начал сомневаться в существовании сиракузянки. Ему казалось, что едва помнит ее, а ведь именно она побудила его принять неожиданное решение, именно ради нее он ввязался в немыслимое предприятие. Он никак не мог воссоздать в памяти ее черты, но не забыл остальных: таинственное существо, чью голову скрывал просторный зеленый капюшон, и его подручных в белых масках. Он не забыл Качо Марума, который выловил его в реке Агрипам. Возмущенное урчание желудка, настойчиво требовавшее пищи, постепенно вернуло его в реальный мир. И это урчание не позволило ему усомниться в собственном разуме, в своем существовании.

Руки Зортиаса, яростно жестикулировавшего во время разговора с франсао, упали вдоль тела. Глаза его сверкали от гнева. Резкий голос Метарелли оторвал Тиксу от его мыслей:

— Теперь выглядишь человеком!

Тиксу еще не успел вымолвить и слова, как франсао буквально рухнул на диван. Заботы покинули его лицо, хотя нервный тик и морщины продолжали выдавать его внутреннее беспокойство, а плечи опустились ниже, чем обычно.

— Ты, понятное дело, мучаешься вопросами! — снова заговорил Метарелли, пытаясь привнести в голос любез-

ность. — Уверен, тебе хотелось бы знать, что ты делаешь у меня, хотя должен был бы стать одной из звезд ночных торгов...

Зортиас уселся в позе лотоса на ковер и слушал. Ему тоже хотелось понять, каковы причины этой исключительной благосклонности. Рыжая шевелюра, обрамлявшая широкое лицо, делала его похожим на послушного собакольва.

— Как ты, вероятно, заметил, все, что находится здесь, доставлено с Оранжа, — сказал франсао. — Ковры, стены, мебель... Все, даже камни, белая черепица и каркас. Причина проста: я сам с Оранжа. Более того, родился в провинции Вьелин... Прекрасный зеленый Вьелин... Мое настоящее имя Било Майтрелли, но поскольку здесь никто не мог произнести его правильно, оно превратилось в Метарелли. Уже целую вечность я не встречался ни с одним вьелинцем и не думал, что однажды мне повезет. Однако это не мешает мне быть в курсе всего, что происходит в нашем мире. На этой неделе, третьей неделе месяца нефрен, наша родина Оранж празднует двадцать веков независимости. Двадцать веков назад колония стала полноправным членом Конфедерации Нафлина! Ты знаешь об этом?

Одноглазый Хашиут хотел продать Тиксу франсао, уроженцу Оранжа и даже провинции Вьелин. Удивительное стечение обстоятельств. Или именно в этом крылась сила бога Ящерицы?

— Нет... — ответил Тиксу, который никогда не чувствовал склонности к истории.

— Хотя меня навсегда изгнали с родины, мне хотелось по-своему принять участие в торжествах. Наверное, это называется ностальгией. Я смотрю на Оранж глазами страстного любовника! Эта планета была моей, и я не хотел ее покидать. Но судьба распорядилась иначе. Теперь бесполезно возвращаться в прошлое. Мне приятно будет разделить этот праздник со своим соплеменником. Мой дорогой Ти...

— Тиксу Оти.

— Мой дорогой Оти, знаешь, чего стоит твоя свобода? Если бы эти бродяги обратились к кому-то другому, франсао или торговцу, ты бы сейчас сидел в клетке торгового зала. К тому же с гадостью в крови, которая источила бы тебя до мозга костей!.. Я заказал типичный вьелинский обед, чтобы достойно отпраздновать двадцать веков независимости. Потом, с восходом Салома, мы отправимся на рынок. Мне надо кое-что продать. Сам увидишь, мой юный друг, насколько приятнее видеть спектакль снаружи, а не изнутри клетки!

Как вид стола в логове франсао на рынке, так и плотный обед вернул Тиксу на годы назад. Каждый глоток будил воспоминания, которые, как он думал, давно унесли ветры забвения. Неуловимый образ матери, готовившей праздничный обед в дни его младенчества, вставал в глазах от вкуса пищи, ласкавшей его нёбо.

Било Майтрелли много говорил, был ласков, как отец с сыном, радовался, что нашел в Тиксу друга, которому можно доверять. Он приоткрыл бреши в броне подозрительности, одиночества и молчания, которые неприступными стенами выросли вокруг него за нескончаемые годы ссылки. На время обеда оба укрылись в теплом коконе Оранжа. Грусть и сладкие вина Вьелина текли рекой. Они забыли о Зортиасе, который, несмотря на недовольную мину, был в этом исключительном случае приглашен к столу хозяина.

Еще ни разу в жизни прудж не слышал, чтобы франсао говорил так много и с такими подробностями рассказывал о вызванном любовной страстью преступлении, из-за которого его внесли в Индекс раскатта и навечно выслали с Оранжа, о его прибытии на Красную Точку, неспешном продвижении вверх по лестнице в Каморре. Он начал подручным, которому поручались самые грязные дела, в основном ликвидация предателей и упрямцев. Потом стал доверенным лицом и личным охранником Сифа Керуака, старого влиятельного франсао, уроженца Селп Дика. Перед смертью Сиф Керуак назначил его законным наследником, что означало получение звания франсао. Но решение пришлось по вкусу не всем, и Било Майтрелли устранил одного за другим всех претендентов. Это чаще всего были прежние заместители Сифа Керуака, закоренелые преступники, с которыми он справился хитростью и обманом.

— Это называется войнами за наследство, — добавил он, сардонически усмехнувшись и заставив собеседника содрогнуться. — А что делаешь ты на Красной Точке?

— Э... путешествую, — осторожно ответил Тиксу.

— Ага, путешествуешь! Голым и без денег!

Полные губы франсао растянулись в недоверчивую улыбку.

— То есть... меня поимела ГТК, знаете, эта компания по передаче человеческих клеток, — попытался оправдаться Тиксу, от которого не ускользнул скепсис хозяина. — У нее были старые дерематы, которые пересылают лишь человеческие клетки... Служащий меня не предупредил, поэтому я потерял в момент пересылки все: багаж, одежду, деньги... Когда я материализовался на Красной Точке, то не смог удрать от банды бро-

дяг. Путешествия вызывают у меня сильные головные боли, и мне надо не меньше часа, чтобы прийти в себя. Они не дали мне этого времени.

— Допустим! И все же любопытно, чтобы служащий запрограммировал прибытие в развалинах домов на краю пустыни! Это не идеальное место для туристических игр! Что собираешься делать теперь?

— Не знаю... Постараюсь найти немного денег для отлета...

— Немного! Путешествия требуют громадных денег! — возразил Майтрелли. — Путешествия с помощью дерематов компаний стоят небольших состояний. Тебе понадобятся годы, чтобы собрать нужную сумму. Быть может, есть лучшее решение твоих проблем? Ты по крайней мере не занесен в Индекс раскатта?

— Э... пока нет, — ответил Тиксу, который не знал, потребовала ли ГТК внести его в Индекс за незаконное использование деремата.

— Тем лучше! В противном случае я мог бы предложить тебе работу, но момент для этого крайне неудачный. Сегодня нельзя определенно утверждать, будет ли Каморра существовать через несколько недель или даже через несколько дней...

Зортиас поднял голову, с его губ по подбородку стекал соус. Он так и не научился пользоваться механическими приборами. Он перестал жевать и, раскрыв рот, застыл на стуле. Он даже не пытался вытереть лицо салфеткой, машинально зажатой в руке.

— Почему вы это говорите? — спросил Тиксу. — Я всегда слышал, что на Красной Точке никто ничего не может сделать с франсао Каморры...

Майтрелли остановил механический прибор, застывший в трех сантиметрах от его губ, и положил подбородок на ладони. Вокруг овального стола ходили четыре служанки в легчайших платьях, уроженки Иссигора, если судить по их прозрачной коже и пепельным волосам. Они разносили блюда из белого опталия так, словно исполняли тщательно отрепетированный балет. Франсао давно отпустил на свободу всех четырех, но они выразили желание остаться у него на службе.

— Времена меняются, — мрачно пробормотал Майтрелли. — Именно этому было посвящено вечернее заседание.

Его лицо вновь посуровело, осунулось. Заботы, которые он сумел отогнать на время обеда и воспоминаний о молодости, вновь охватили его.

— Каморра столкнулась с угрозой, размаха которой не знает, — устало продолжил он. — Неделю назад мы при-

няли тайное посольство с Сиракузы, состоявшее из скаита, крейцианского кардинала и одного из членов правящей семьи, клана Анга. Эти прощелыги обрушили на нас несусветные речи!

Майтрелли, опьяненный вином с Оранжа, явно хотел выговориться, выложить все наболевшее, что накопилось в его на душе.

— Они требовали постоянного контроля над всеми видами нашей деятельности: играми, проституцией, работорговлей, подпольной торговлей человеческими органами, оружием, «порошком», спиртным... Они хотят, чтобы мы сдали им частные дерематы, а для наших передвижений брали по запросу временный клеточный паспорт. Они также хотят, чтобы мы помогли их поганым миссионерам обратить в крейцианскую веру пруджей Матаны и племена внутренней пустыни. И наконец, чтобы мы допустили в каждую армию франсао скаита-чтеца! Каково!

— Пусть только заявятся, и мы им перережем глотки, как барванам! — проворчал Зортиас.

Соус у него на подбородке походил на застывшую кровь на морде хищника. Франсао нахмурился.

— Не спеши, Зортиас! Если эти наглецы явились к нам с такими требованиями, значит, они располагают мощной поддержкой и опасными союзниками. Если Каморра примет их требования, они сожрут ее изнутри, если она откажется, войны не избежать. Война. Война, в которой не знаешь, выйдешь ли победителем, война, которую не следует затевать... Я особо опасаюсь Церкви Крейца и ее легионов фанатиков. К чему они стремятся? По какой причине лезут в наши дела? Для меня это пока остается тайной. И если мы не выясним эту причину в ближайшие дни...

Сердце Тиксу отчаянно колотилось. Пульс ускорялся, пока он слушал Майтрелли. Его слова подействовали как электрошок и грубо опустили в обыденность собственной жизни. Жгучий огонь опалил его внутренности и смел все сомнения, колебания и нерешительность. Затуманивающие рассудок пары фруктовых вин Оранжа сразу рассеялись. Он обрел ясность мышления, всю остроту разума. Его соплеменник невольно переключил его на сиракузянку, за которой охотились убийцы, на заговор, который плели против Конфедерации. Он понял, что дни франсао Каморры сочтены, что раскатта уже мертвецы и только получили отсрочку.

— Нельзя ни соглашаться, ни отказываться! — неожиданно для самого себя произнес он. — Единственное, что

вам остается сделать, так это бежать, как можно скорее, пока есть время.

Кулак Било Майтрелли обрушился на стол. Хрустальный стакан упал и разбился, ударившись о край тарелки. Гневные огоньки заплясали в его светлых глазах.

— Ты что такое говоришь? Бежать? От этих карикатур, от этих женоподобных людишек? Что на тебя накатило? Что ты обо всем этом знаешь?

— Я вам только что солгал, — спокойно ответил Тиксу. — Я был служащим ГТК на Двусезонье, и меня собирались убить за то, что я бесплатно переправил сюда одну персону, которая слишком много знала об их проектах.

Выражение крайнего удивления тенью скользнуло по лицу франсао.

— Против них, а я думаю, мы говорим об одних и тех же, ваши вооруженные люди не смогут ничего сделать! — Тиксу был настойчив. — Они читают мысли, они угадывают ваши намерения, ваши проекты, ваши действия легче, чем вы поняли мою ложь только что! На Двусезонье они проникли в мой мозг и прочли там все сведения, в которых нуждались. У меня даже возникло ощущение, что им ничего не стоит мыслью взорвать мою голову. Это... как сказать?.. такое ощущение бессилия, уязвимости... Если я сейчас на Красной Точке, то только потому, что пытаюсь помочь девушке, которую они преследуют. Ибо полагаю, что только она и может еще что-то сделать...

— Почему они тебя не убили?

В голосе Майтрелли не было никакой иронии.

— Они пытались, но жизнь пока решила не отдавать меня смерти...

В гостиной воцарилось тяжелое молчание. Франсао не стал сомневаться в словах Тиксу, он достаточно хорошо знал людей, чтобы понимать, в какой момент они искренни и когда перестают быть таковыми. Иссигорянские служанки застыли у дверей, ведущих в кухню, с блюдами в руках. Они не знали, почему вдруг воцарилось напряженное молчание, и не решались подойти к столу.

— Мой юный друг, мы должны поподробнее поговорить на эту тему, — наконец произнес франсао, подчеркивая каждое слово. — Салом поднимается в небо, и нам надо отправляться на рынок рабов. Быть может, в последний раз, кто знает? Я не хочу упустить главные торги этой ночи: прекрасную девушку. Драгоценность во плоти и крови... Сиракузянку...

Тиксу вздрогнул. Кровь отхлынула от лица. Било Майтрелли, полностью взявший себя в руки, искоса наблюдал за ним. И не удивился реакции соплеменника.

— Ее поймали в Матане во время вторых сумерек. Банда юных пруджей, работающих на торговца Галактуса, грязного толстяка, который поторопился выставить ее на торги. Интересно, что могла делать эта сиракузянка среди головорезов Матаны! Этой ночью будет побит рекорд торгов...

Он вытер губы, отодвинул стул и встал.

Он тут же сообразил, что товар Галактуса и тайная пассажирка Тиксу есть одно и то же лицо. Но решил промолчать. Он всегда помнил о совете Сифа Керуака, своего наставника: никогда не показывать своей решимости, чтобы сохранять за собой свободу действий.

— Отправляйся первым, Зортиас! И отведи мой товар под надлежащим эскортом.

Прудж исчез за водостеной, на которую падали белесые лучи Салома.

Увидев в своем логове голого, задыхающегося, окровавленного, несчастного Тиксу, Било Майтрелли мгновенно ощутил симпатию к нему. Даже не зная, что он с Оранжа. Теперь понимал почему: его юный гость действовал из тех же побуждений, которые заставили его сорок два стандартных года назад пойти на безумие и совершить убийство в провинции Зеленый Вьелин.

Это побуждение имело имя — любовь.

Глава 8

Овладейте цитаделью безмолвия,
На нее никто не нападет,
Никто не может осилить бесконечность,
Источник всего сущего.

Овладейте цитаделью безмолвия,
Где любая болезнь излечима,
Где любая война становится миром,
Где любая смерть превращается в жизнь.

Овладейте цитаделью безмолвия,
Любовь станет вашим щитом,

Свет превратится в ваш хлеб,
Звук обернется вашим хранителем.

Овладейте цитаделью безмолвия,
Она — чертог Бога.

Махди Ветраизи,
Первый наследник махди Нафлина

Погруженный в полумрак дом, в котором едва светились водолампы, тонул в тишине. Рыцарь Лоншу Па выключил галактическое радио, которое днем и ночью потчевало своих слушателей эмфонической музыкой, изредка прерываемой короткими бюллетенями новостей. Потом отключил экран головидения, который обычно оставлял в дежурном режиме.

Сидя в положении древнего поиска, которое некоторые специалисты Инды Матери-Земли называли «лотосом», он вырвался из вихря своих мыслей. Ради медитации он удалился в самую отдаленную комнату дома на третьем этаже. Квадратный закуток без окон с полками, на которых лежали бумажные книги, светокниги, голодиски и кодированные мемодиски. Место, которое он ценил за то, что здесь с особой остротой воспринимал звуковые вибрации, а потому оно служило и рабочим кабинетом, и комнатой медитаций.

Бледные лучи парящей лампы робко заглядывали в щель приоткрытой двери, выходящей в коридор, выложенный квадратными паркетинами.

Лоншу Па надел старое выцветшее облачение цвета своих коротко стриженных серых волос. Узкие карие глаза, выступающие надбровные дуги и скулы, тонкие губы, придававшие рту вид плохо зарубцевавшегося шрама, подчеркивали аскетическую костистость его лица.

Облачение состояло из просторной накидки, которая стягивалась на поясе и закреплялась на боку пряжкой ордена, и шаровар, завязанных на щиколотках. Шесть эластичных внутренних застежек скрепляли две части одежды между собой. Одеяние, на первый взгляд грубое и уродливое, было функциональным: оно не связывало движений тела в любом положении, не мешало кровотоку и энергопотоку.

Лоншу Па ощущал тончайшие движения воздуха локтями и коленями, там, где грубая ткань выносилась до основы за долгие годы обучения в абсуратском монастыре на Селп Дике. Обычно рыцари-абсураты тщеславно гордились изношен-

ной одеждой, наглядным подтверждением опыта и ветеранства. Зачастую молодые кандидаты и воины, ожидавшие рыцарской тонзуры, путали износ сутан с заслугами их владельцев. Сосуд и его содержимое. В этом были виноваты новые рыцари, которые первым делом после пострига считали необходимым превратить свои новенькие одежды в одежды поношенные, прибегая к неоднократным стиркам в океане Альбарских Фей на Селп Дике, либо протирая их о скалы, окружавшие монастырь.

Несколькими часами ранее Лоншу Па получил шифрованное сообщение. И крайне удивился, что Орден еще помнит о его существовании. Послание пришло прямо с Селп Дика, а не через промежуточные станции, что свидетельствовало о его важности и срочности. Он быстро обменялся условными знаками с воином, отвечавшим за передачу. После окончания сеанса связи он достал старую сутану, тщательно уложенную в сундук, и почти с религиозным благоговением облачился в нее.

Теперь он ждал. Застыв в полной неподвижности, он насыщался жизненной энергией Кси, контролируя дыхание диафрагмой. Он предчувствовал, что этой ночью ему придется использовать звук смерти.

После бесконечного периода забвения Орден посылал к отверженному члену своего легата. Таинственный посланец, чьего имени, возраста, звания, компетентности и цели миссии он не знал, должен был вскоре появиться в сопровождении местного шефа сети информаторов, старого пруджа Крауфаса, среди предков которого были и неоропейцы. У него же, в подвале магазинчика мемодисков, стоял деремат Ордена.

Короткая беседа Лоншу Па с воином-связистом не просветила рыцаря: сведения, собранные информаторами, указывали на вероятность близкой и серьезной угрозы войны Ордена против коалиции, которую собрал правящий клан миров Центра. Ходили угрожающие слухи, поднимая панику на различных планетах. Поговаривали, что сеньоры Конфедерации Нафлина, их министры и смелла конгрегации были изолированы и казнены в зале дворца ассамблей Венисии. Путешествующие коммерсанты сообщали, что чудовища с разящим взглядом, пришедшие с неведомых миров, за несколько стандартных часов овладели всеми считавшимися неприступными крепостями главных государств-членов и поставили под контроль местное население, пути коммуникации и СМИ.

Поговаривали, что члены правящих семей были подвергнуты невероятным пыткам, а на площадях городов по-

коренных планет тысячами вырастали крейцианские огненные кресты.

Эти слухи, преувеличенные, как любые слухи, не удивили Лоншу Па: они подтверждали его собственные выводы, построенные на данных информаторов, жучков и дешифровке аудио- и голочастот галактического радио. Задолго до получения послания он подозревал, что вскоре Ордену абсуратов предстоит дать бой на материальном поле после многих веков оккультной деятельности в тени Конфедерации и конгрегации смелла.

Лоншу Па опасался, что эта, по-видимому, неизбежная битва будет первой и последней в истории Ордена. Начало конца. Она означала разлом, необратимый развал абсуратской традиции. Но был ли неизбежным ее исход? Не была ли она последней волной океана, обреченного на иссушение? Рыцарь помнил максиму махди Ветраизи, первого наследника махди Нафлина, основателя Ордена: если будешь вынужден сражаться с врагом на материальном поле, войну проиграешь заранее...

После нескольких миссий умиротворения на маленьких планетах, не входящих в Конфедерацию, молодой рыцарь Лоншу Па был вызван в монастырь на Селп Дике, где директория, состоявшая из четырех покрытых славой и сединами рыцарей, сочла, что он может стать инструктором. Почетная обязанность, которую он исполнял с рвением и твердостью. Его воспитательские приемы сопровождались суровым юмором, из-за которого ученики его обожали. Постепенно он понял, что решения директории зачастую противоречили его внутренним убеждениям. Озадаченный открытием, он хотел посоветоваться с махди Секорамом, предводителем Ордена, но директория сочла его просьбу несвоевременной.

— Махди Секорам очень занят. Его не беспокоят по подобным пустякам, — ответили рыцарю.

— Мы, члены директории, должны оберегать махди от постоянных и малозначительных требований, — добавил один из рыцарей.

— Добродетели послушания и скромности часто подвергаются испытаниям. Постарайтесь, рыцарь, найти ответ на свои вопросы внутри себя...

Но упрямец Лоншу Па, побуждаемый желанием понять, не смирился. В свободное время он обыскал каждый закоулок монастыря и наткнулся на вход в тайный склеп архивов: лестницу, выдолбленную под парапетом внешней стены, заваленную камнями и заросшую лишайником.

Поскольку ему запретили советоваться с махди, Лоншу присвоил себе право — он принял самостоятельное, граничащее с ересью решение — обратиться к опыту прежних махди. Ведь все они были цепью одной династии...

Внутренность склепа выглядела мрачной. В нем пахло йодом и гнилью. Луч лазерного факела осветил каменные полки, на которых громоздились груды документов, покрытых зеленоватой плесенью. Античные бумажные книги с вклеенными осклизлыми страницами, которые было невозможно прочесть, и видеоголофильмы с защитной пленкой. Лоншу Па наткнулся на валявшийся в луже голофон донафлинской эпохи. Он осмотрел его: соли разъели электронные чипы, а призма трехмерной проекции была поцарапана. Еще дальше стоял металлический шкаф. Рыцарь быстро подобрал нужный код. Дверцы скользнули в стороны: на полках лежали фильмы, коды и запасные чипы. Лоншу Па быстро заменил неисправную электронику. Потом поставил древний аппарат на выступ скалы и вставил кассету. Голофон замигал, затрещал, и произошло чудо: в склепе, несмотря на царапины призмы, возникло трехмерное изображение и появился звук. Фильм в ускоренном темпе показывал строительство монастыря на Селп Дике. Рыцарь увидел громадные рвы для фундаментов, невероятных размеров обработанные камни, из которых постепенно сложились стены, башни, парапеты. Он увидел тайные проходы, бойницы, резервуары, дворы, донжоны, внутренние здания, соединенные подземными переходами, лестницы и дороги на стенах. Строителей не было: невидимые несущие волны проделали всю работу по заранее заданной программе. Работа завершилась: одинокий крохотный человек вошел в монастырь через монументальные врата. Лоншу Па показалось, что он узнал силуэт махди Нафлина.

Потрясенный увиденным, рыцарь просмотрел другие фильмы. Большинство из них было посвящено одной и той же теме: овладению цитаделью безмолвия.

Потом перед ним возникло красивое серьезное лицо махди Ветраизи. Его голос, одновременно могучий, властный и мягкий, пересек века, отразился от стен и сводов склепа. Его слова охладили жар внутренних ран Лоншу Па, его залила безмерная экстатическая радость. Он телом и душой погрузился в поток света, срывавшийся с уст махди и вызывавший слезы признательности. Он не стал насыщать свой интеллект, свою ментальную суть, он открыл сердце вибрациям жизни. Он забыл о сне, о часах, проведенных в вонючем влаж-

ном склепе, об усталости. Он беспрестанно ставил этот фильм и впитывал каждое слово. И пришел к заключению, что Орден свернул на ложный путь, медленно и неуклонно уходит от основ учения, что он утерял фундаментальные принципы, забыв их в подвале под монастырем...

После нескольких недель регулярного посещения архивного склепа рыцарь Лоншу Па не удержался и поделился новыми убеждениями с некоторыми друзьями. Но натолкнулся на стену молчания и подозрительности. Они не желали оказаться замешанными в ересь, в диссидентство. Несколько месяцев спустя анонимный донос и расследование хранителей Чистоты, рыцарей, которым было поручено следить за ортодоксальностью учения, привели к исключению Лоншу Па из монастыря и ссылке на Красную Точку в качестве раскатта. Он хотел арбитража махди Секорама, но ему в категоричной форме отказали:

— Рыцарь, неужели вы считаете, что у махди есть время разбираться с отступником и мятежником?

Последним унижением было публичное порицание, вынесенное одним из членов директории в присутствии всех резидентов монастыря, которых собрали в главном дворе. Даже его бывшие ученики бросали на него гневные, почти ненавидящие взгляды. А друзья тщательно отводили глаза в сторону.

Прибыв на Красную Точку, Лоншу Па неоднократно отправлял шифрованные послания махди Секораму, но тот ни разу не соблаговолил ответить. Директория ревниво охраняла башню махди и скорее всего перехватывала его обращения, держа прокаженного на отдалении.

Прошли долгие годы, похоронив Лоншу Па под песками горечи. Он пытался бороться со злобой и ненавистью, низкими чувствами, которые постоянно его охватывали, создав свою сеть информаторов, чтобы поддерживать в себе хрупкий огонек надежды, трепетавший в безднах меланхолии.

Вот почему было так велико его удивление, когда послышался характерный треск приемника, который он из принципа всегда держал включенным. На несколько секунд он испытал счастье, что Орден помнит о его существовании после долгих лет ссылки. Но содержание послания оказалось ледяным душем: директория обратилась к нему с единственной целью — облегчить работу легата, которому была поручена важная миссия. Лоншу Па испытал разочарование, но справился со своим огорчением, которое считал недостойным рыцаря. Почетные добродетели повиновения и скромности были

двумя основными правилами организации, к которой он всегда принадлежал. Он подавил недовольство и решил безоговорочно помочь легату.

Но продолжал себя спрашивать, не лучше ли последовать голосу совести, если его подлинным долгом было открыто высказывать истину, свою собственную истину. Он спрашивал себя, не погас ли под холодным пеплом собственного отказа, собственной слабости тот яростный огонь требовательного, страстного и волнующего поиска знания, который разгорелся в его душе в дни монастырской молодости.

Вспышки красной лампы, зажатой двумя книгами, нарушили полумрак комнаты. Лоншу Па машинально подсчитал их. Шесть коротких и три длинных. Код Крауфаса.

Рыцарь вытянул длинные ноги, встал и неспешно спустился по винтовой лестнице, ведущей на первый этаж. Прошел по длинному коридору, вход в который прятался под лжедверью. В другом конце находилась вторая стальная дверь, обитая живой тканью, которая обеспечивала полную звуко- и виброизоляцию. Лоншу Па придавал особое значение вибрационным качествам жилья.

Он извлек из кармана сутаны пульт и набрал шифр замка. Дверь бесшумно повернулась на своих петлях. Крауфас ждал на тротуаре, закутавшись в просторный пружский плащ. Слабый свет Салома, стоявшего высоко в небе, болезненно-бледной аурой окружал его.

— Один? — тихо спросил Лоншу Па.

Крауфас не ответил. Он вложил в рот пальцы и дважды коротко свистнул. Вторая тень в таком же плаще вынырнула из мрака ночи.

— Он?

Капюшон Крауфаса наклонился вперед.

— Входите.

Лоншу Па отошел в сторону, пропуская гостей. Закрыл дверь и тут же сменил шифр. Из предосторожности он регулярно менял шифры всех семи дверей дома.

— Сюда.

Трое мужчин цепочкой двинулись по узкой лестнице. Рыцарь с трудом подавлял желание увидеть, кто скрывался под серым плащом. Быть может, один из его старых друзей... Он провел визитеров в квадратную гостиную третьего этажа и включил парящую лампу, чей золотистый свет разогнал мрак.

— Садитесь, где можете, — любезно сказал Лоншу Па. — Приветствую вас на Красной Точке. Я — рыцарь Лоншу Па.

Он прижал правую ладонь ко лбу и поклонился. Легат Ордена ответил тем же традиционным приветствием и снял плащ.

Лоншу Па застыл от неожиданности. Он ожидал встретить достойного рыцаря, близкого к махди, эксперта звука и менталитета, как подразумевало послание, а увидел перед собой молодого воина, еще не окончившего обучения. Он недоверчиво вглядывался в юношеское лицо с тонкими правильными чертами, обтянутое гладкой матовой кожей и обрамленное густыми черными и вьющимися волосами. Его атлетическое тело было закутано в подрясник бронзового цвета.

— Мое имя Филп Асмусса, — сказал воин, — я — третий сын Донса Асмусса, сеньора Сбарао и Колец.

В голосе, темном взгляде и осанке юного легата ощущалась врожденная гордость отпрысков знати и уроженцев Колец.

Представительный человек, несмотря на средний рост. Застыв в стойке, закованный в броню недоверия, он пытался выдержать холодный взгляд Лоншу Па.

Рыцарь сразу ощутил щит агрессивности, за которым прятался воин. Он уловил строгое фанатическое предупреждение директории, что легату предстоит встреча с человеком, чьей натуре свойственно неподчинение и возможное воздействие на невинные души. В глазах своих бывших начальников Лоншу Па так и остался гнилым овощем, который способен отравить весь урожай. Если они обратились к нему, то сделали это от отчаяния и только потому, что не нашли иного решения. В любом случае речь не шла о возвращении в милость, еще меньше о запоздалом признании его достоинств или способностей, как он вначале подумал. Невероятным усилием воли он подавил разочарование, похоронив осколки последних иллюзий в глубине души. И бесстрастно заявил:

— Ну что ж, воин Филп Асмусса, буду рад оказать вам помощь.

— Тысяча благодарностей, рыцарь, — ответил его собеседник, едва двигая губами, не в силах справиться со скованностью, которую прятал под обманчивым покровом спокойствия.

Крауфас сидел в стороне и рассеянно глядел на обложки книг. Лоншу Па не смог сдержаться и не задать вопрос, который давно беспокоил его:

— Вы видели в последнее время махди Секорама?

Филп снисходительно и с иронией улыбнулся.

— Послушайте, рыцарь, меня удостоят чести быть представленным ему только после получения сутаны и

пострига! Почему я должен его беспокоить сейчас? У него много других забот, и ему не до встречи с моей скромной персоной. И слава богу!

Лоншу Па едва не возненавидел молодого человека за вызывающее поведение. Ему казалось, что он слышит сентенцию директории, а не Филпа Асмусса. Они послали новичка, ибо его легче было убедить в чем угодно, чтобы превратить в фанатика. Они выбрали нежную ковкую душу и набили ее догмами, чтобы не осталось никаких щелей и не возникло никаких сомнений, могущих пробить броню. Чего страшился Орден, если шел на подобные манипуляции со своими самыми молодыми членами?

— Не так далеки времена, когда встреча с махди не требовала преодоления препятствий, — вздохнул Лоншу Па. — Это случалось повседневно.

— Времена меняются! — возразил Филп. — Надо к ним приспосабливаться. Если махди Секорам отошел от монастырской жизни и передал свои функции директории, то, вероятно, по серьезным соображениям. Вы в этом сомневаетесь, рыцарь?

— Вам, безусловно, говорили о моих недостатках? Вас послали к парии, к ссыльному с его странной склонностью все подвергать сомнению...

— Почему? Каковы ваши претензии к учению?

Филп буквально выплюнул эти слова, словно дал возможность пламени, томившемуся под пеплом ментального контроля, выплеснуться наружу.

— У меня нет никаких претензий к учению. Я его боготворю, — спокойно ответил Лоншу Па. — Но говорим ли мы об одном и том же учении? У меня возникло ощущение, что каждый трактует его в свою пользу, овладевает им ради собственных целей, и я не исключение. Просто оказалось, что я не согласился с методами директории владеть им...

— Как, по-вашему, с кем советуется директория? Кто ее направляет и дает ей советы? Кого она представляет? Отказ от приказов директории равносилен отказу от распоряжений махди!

Черные глаза Филпа гневно сверкали. А ведь гнев не относился к почетным добродетелям Ордена.

— Так утверждает директория. Но вам надо знать, что мои слова вовсе не свидетельствуют о желании вступить в риторический спор, к чему вы так хорошо подготовлены. Вы спросили мое мнение, я вам ответил. Когда я занимал пост в монастыре, то случайно получил доступ к секретным архивам Ордена. Досконально изучив их, я пришел к выводу, что Орден теряет

свою суть и отворачивается от принципов, которые привели к его созданию.

— Принципы не изменились! — прорычал Филп.

Лоншу Па опустился к кресло и уставился на лампу.

— Садитесь, воин... Вы говорите, принципы не изменились, но знаете ли вы, что звук, наш знаменитый звук смерти, был вначале предназначен для исследования собственного внутреннего мира? Вы не хотите сесть?

Филп остался стоять, склонив голову набок и прижав руки к бедрам. Поза вызова.

— Как хотите. Я уже вам сказал, что за звуком скрывается безмолвие, Кси, а безмолвие образует непреодолимый барьер. Звук позволяет наполнить цитадель безмолвием, сделать здание неприступным, заставляя противника сложить оружие до сражения. Когда Орден был создан, он предупреждал конфликты до того, как они разрастались в войны. Орден был инструментом мира.

— Таким он и остался!

— Скажем, вы в это верите... Постепенно звук вышел наружу, проявился. Он стал оружием, а как любое оружие, он служит целям уничтожения. Орден сам разрушает свои стены. Известна ли вам древняя легенда о трубах Иерихона? Нет? Не важно. Орден покинул цитадель безмолвия и вышел на материальное поле. Он превратился в машину интервенции, в военную машину и рискует рано или поздно капитулировать перед другой, более мощной военной машиной. Из машины мира получается посредственная военная машина. Вы так не думаете? Что касается покинутой цитадели безмолвия, то ее, быть может, заняли другие... Став обычной армией, армией грома и ярости, Орден непомерно разросся за последние века и изменил свои структуры. Иерархия постепенно подменила жизнь. А ведь жизнь есть постоянная эволюция. Разве структуры должны ставить границы эволюции? Чего стоит традиция, если она остается голым каркасом, сковывающим свободу?

Лоншу Па замолчал. Его охватило отчаяние. Оно легло на плечи тяжким грузом. Когда-то у него была возможность перетряхнуть небеса и земли, бросить вызов богам и демонам, с уверенностью противостоять любым бурям. Он не воспользовался шансом. Ему не хватило мужества. Отныне ему приходилось сражаться лишь с легким ветерком сожалений.

— Насильственная структуризация суть гангрена, проказа, — устало продолжил он. — Она пожирает сердце, стерилизует. Она превращает цветущую долину в пустыню, а юно-

шу, бурлящего соками, в печального изгоя. Она беззастенчиво эксплуатирует чистые сердца, стремящиеся к идеалу. Она мутит прозрачные воды, мумифицирует движение... Потом жизнь берет свое и взламывает преграды, возвращает свои права... Вот некоторые из причин, которые привели меня... к сомнениям. Быть может, эта кристаллизация есть неодолимое следствие времени, запрограммированный конец определенного цикла... В любом случае моя трусость обрекла меня на роль ясновидящего, стороннего и бессильного свидетеля развала мира. Но хватит обо мне! Я отнимаю у вас драгоценное время. Полагаю, вы явились на эту планету отверженных с определенной миссией... А вовсе не для того, чтобы слушать бредни старого еретика.

Несмотря на предупреждения четырех мудрецов директории, все швы искусственной брони Филпа, жалкой ментальной защиты, которой его наделили, затрещали под ударами резких слов рыцаря Лоншу Па. Воина поразили собственные слабость, хрупкость, отсутствие решительности. Речи парии пробили в его убеждениях огромные бреши, и ему показалось, что разум его обнажили и он лоскутьями разлетелся в разные стороны. Только сейчас он увидел всю ширину пропасти, отделявшей его от рыцарей с тонзурой, вступить в ряды которых он спешил с юношеским задором.

Даже Крауфас повернулся в сторону Лоншу Па. Его поразила речь рыцаря. Старый прудж из-под приопущенных тяжелых век внимательно наблюдал за человеком, которого посещал более двадцати лет и которого, как казалось, хорошо знал.

Филп Асмусса постарался собрать рассеянные полки своих убеждений и веры, выпестованные за три года обучения в монастыре на Селп Дике. Эта попытка дестабилизации была испытанием. Быть может, испытанием последним, назначенным директорией для проверки его надежности, его способности стать рыцарем. Он распрямил плечи и решительно заглянул в тусклые глаза Лоншу Па.

— Прошлое умерло! — самоуверенно заявил он, но опытное ухо собеседника уловило едва заметную фальшь. — Похоже, вы забыли девиз: живо только настоящее. Кажется, вы говорили о постоянной эволюции... Но сами не смогли измениться вместе с Орденом! Вы перестали быть его частью. Вы утеряли доверие. Вы стали неподконтрольным элементом, паразитом! Вы отбросили традицию, и ваш наставник отказался от вас...

Последнюю фразу он произнес с царственным презрением. Именно такие неотразимые аргументы использова-

ли четверо мудрецов директории, когда хотели положить конец дискуссии.

— Наставник не отказывается никогда... Вернемся к нашим делам. — В голосе Лоншу Па звучала откровенная ирония. — Вам позволено изложить цель вашего пребывания на этой планете?

— Я прибыл за кое-кем. За девушкой, — объяснил Филп, раздраженный сарказмом рыцаря. — За дочерью сиракузянина Шри Алексу. По последним сведениям, она находится на Красной Точке. Отец поручил ей встретиться с бывшим смелла Шри Митсу. Директория поручила мне доставить ее как можно быстрее в монастырь на Селп Дике.

— Шри Митсу умер, когда Красный Огонь стоял в зените, — сказал Лоншу Па. — Его убили наемники-притивы. Один из моих жучков зарегистрировал сцену уничтожения трупа лучом дезинтегратора. Молодому пруджу, который находился в гостях у него, удалось бежать.

— А девушка? Есть ли новости о девушке?

Лоншу Па повернулся к пруджу:

— Скажи, сегодня ночью состоятся особые торги, где на продажу выставлена юная сиракузянка?

Старый прудж запустил пальцы в густые рыжие волосы.

— Да... человекотовар толстяка Глактуса, работорговца.

— Итак, весьма вероятно, что речь идет о той девушке, которую вы ищете, воин. Сиракузяне так редко оказываются на Красной Точке, что их замечают немедленно. Была бы еще одна, мы бы узнали о ней... Почему директория хочет переправить девушку на Селп Дик? Появление женщины в монастыре, как мне кажется, противоречит фундаментальному правилу!

— Мне не дано право отвечать на подобный вопрос, рыцарь! — возразил Филп. — Моя цель — доставить ее в монастырь. Остальное не входит в порученную мне миссию.

— Конечно... Но вы прибыли слишком поздно. Она — главный товар на рынке рабов, а это не облегчает задачу. Там соберутся все франсао Каморры и их армии, торговцы и их банды убийц, напичканные обезболивающим порошком, покупатели со своей охраной... Но в каждом несчастье есть хорошая сторона: главные торги пройдут в самом конце. Это позволит принять кое-какие меры...

Лоншу Па сжал губы и поклонился:

— Прошу меня простить, воин. Я не могу вам приказывать. Я — ваш слуга. Приказывайте, я подчинюсь.

Филп ожег взглядом своего собеседника, но запретил себе отвечать. Он решил, что язвительный тон рыцаря больше не выведет его из себя. Он подавил раздражение. Ему надо было сосредоточиться на своей миссии. Ни место, ни время не подходили для тщетных свар.

— Хм, самоконтроль! — кивнул Лоншу Па. — Вы правы, воин должен уметь властвовать над пожаром. Властвовать, но не гасить его. Наверное, именно в этом кроется тайна...

— Можете ли вы отвести меня на... место этих торгов?

— Полагаю, что притивы, убившие Шри Митсу, тоже ищут эту девушку. Нам больше нельзя терять времени, если хотим успеть. Воздушный щит при вас?

— Я никогда с ним не расстаюсь.

— Мудрая предосторожность... Нет смысла прятаться за этим ночным плащом, воин. Он сковывает движения. Более того, пруджи не любят, когда годаппи, чужаки, облачаются в их традиционные одежды. Здесь на Орден абсуратов плюют, как на первый молочный зуб! Ваш подрясник сойдет...

Крауфас встал и закутался в просторный плащ. Опустил капюшон, скрыв сухое лицо, морщинистую шею, орлиный нос и пылающую шевелюру. Лоншу Па накинул короткий синий пиджак, а на лысый череп натянул белую хлопковую шапочку.

— Вы стыдитесь своей тонзуры? — не сумел сдержаться Филп. Несмотря на принятое решение, он не смог не наполнить свой голос желчью.

Рыцарь окинул его ледяным взглядом. Он сомневался — постоянное сомнение! — в эстетической надобности этого сверкающего кружка голой кожи в окружении седеющих волос. Но его молодой и кипучий собеседник вряд ли бы согласился с его аргументами.

Трое мужчин углубились в пустынные проулки, погруженные во мрак. Редкие парящие лампы, подгоняемые ночным ветерком, изредка пролетали над их головами. Им приходилось перешагивать через лежащие на тротуарах тела любителей «порошка», многие из которых так и не увидят восхода Зеленого Огня. Без особых затруднений они добрались до громадной площади, служившей крышей рынка рабов.

Здесь было оживленно и светло. Собравшиеся вокруг стеклянных окон крыши зеваки старались не упустить ни единой детали спектакля, разыгрывавшегося внизу в перепол-

ненном зале. Обсуждались достоинства и недостатки каждого лота, обнаженных людей, сидящих в клетках, как звери.

Лоншу Па, Филп Асмусса и Крауфас заработали локтями и плечами, чтобы пробиться сквозь толпу нищих и заглянуть в иллюминатор. Их маневр вызвал недовольство, послышались крики и угрозы. Но ледяной взгляд, которым Лоншу Па обвел толпу, заставил всех затихнуть. Нищие вспомнили о здравом смысле, о желании выжить и примирились с бесцеремонностью незваных гостей.

Лоншу Па и Филп вначале различили центральную сцену, круглую эстраду, на которой сходились лучи прожекторов. Но мощные световые лучи не могли пронзить воздушные стенки некоторых герметично закрытых клеток. На других менее освещенных сценах, разбросанных по залу, проводились торги лотами. Руки рабов, распределенных по семьям, по возрасту и по происхождению или объединенных в случайные группы, сжимали металлические решетки клеток. Их обеспокоенные глаза искали в окружающей толпе знакомые лица. Поскольку их продавали группами, работорговцы даже не снимали с них лохмотьев.

— Вы, рыцарь, никогда ничего не делали, чтобы прервать эту страшную практику? — проворчал Филп, едва сдерживая негодование. — А ведь торги разворачиваются перед вашими окнами!

— Забудьте о ненавистной манере судить, воин! — тихим голосом возразил Лоншу Па. — Суждение затмевает дух и мешает свободным, интуитивным действиям... Лучше постарайтесь оценить присутствующие силы!

Рев пробивался даже через крышу. Вокруг эстрад плотно сгрудились люди — волнующийся океан голов и головных уборов, который изредка взмывал бурными волнами по мере объявления цен. Орущая, возбужденная толпа людей, прибывших со всех миров и представлявших все социальные категории: принаряженные буржуа с багровыми апоплексическими лицами и экстравагантными прическами, которых с трудом ограждали от давления толпы телохранители; авантюристы и космические работорговцы с изрытыми морщинами, выдубленными лицами, на которых яростно и злобно сверкали глаза; женщины и мужчины из благородных семей, которые узнавались по роскоши одежд и презрительному высокомерию, которое, похоже, ничто не могло поколебать; полицейские в синей форме, которые должны были утихомиривать толпу, но которым щедро платила Каморра, чтобы они охраняли только ее. Перед центральной сценой, отделенные невидимым магнитным барьером, на удобных гра-

викреслах сидели франсао Каморры и богатые торговцы, которых окружал эскорт охранников.

— Они действительно все собрались этой ночью! — заметил Лоншу Па. — Видите толстяка справа от сцены? Это и есть работорговец Глактус. Нынешний владелец сиракузянки...

Слоноподобный, бесформенная гора белого жира, закутанная в неоропейскую тунику цвета сливы с золотыми блестками. Лицо, буквально сидящее на жирной груди, переходящей в складки живота. Разместившись на трех гравистульях, с трудом удерживающих его вес, Глактус сиял, издавая короткие смешки и подавая знаки руками. Толстые пальцы сверкали кольцами из опталия. Краска на его лбу уже потекла, заливая многочисленные подбородки. Огромные капли пота стекали из-под светлых волос по лбу и вискам, оставляя темные следы на раздутых щеках. Позади него настороже стояли охранники, громилы, чью грудь, руки и ноги прикрывали кожаные и стальные доспехи...

— Телохранители. Отчаянные головы, дичь для виселицы! — сказал Лоншу Па. — Готовы на все ради «порошка силы». Могут прирезать ребенка, если понадобится! Опасны, поскольку совершенно непредсказуемы... Они противники необычные: «порошок», пока действует, удесятеряет их силы и лишает чувства боли. Даже люди франсао, эксперты в бою, боятся их как ядерной чумы...

Раздался пронзительный крик. Комиссар торгов, ставленник Каморры, сидящий в отдельной ложе и снабженный микрофоном, открыл вторую часть главных торгов. Лучи прожекторов остановились на центральной эстраде. За магнитным барьером началась неописуемая давка.

Воздушные стенки одной из клеток медленно просветлели, открыв мальчишку лет пятнадцати с великолепной мускулатурой, играющей под белой кожей.

— Мальчик с Камелота, принадлежит франсао фон Донку! — завопил комиссар, и его голос прорвался сквозь бетон крыши. — Ваши предложения?

Мальчишке ввели «умягчитель».

— Это видно по фиолетовым кругам под глазами, — сказал Лоншу Па. — Вирус его ослабляет, но избыточное давление в клетке отрегулировано так, чтобы он стоял. Если он упадет перед покупателями, впечатление будет испорчено, а конечная цена понизится.

— А зачем вводить вирус? — спросил Филп.

— Он подавляет волю и мешает покончить с собой. Для франсао и торговцев выгоднее продавать человекотовар за-

раженным, но живым, чем торговать органами, извлеченными из трупа. Покупатели чаще всего не подозревают о мошенничестве.

Буржуа и знать торговались за юного камелотянина. Они лихорадочно кричали и вскидывали руки, чтобы привлечь внимание комиссара, который называл каждую следующую цену с каким-то подвыванием. После долгих споров покупателем стал знатный иссигорянин, плотный старик, чей умелый макияж не скрывал морщин и шрамов многочисленных омоложений. Хотя он едва дышал, прижатый толпой к магнитному барьеру, его лицо мумии осветилось улыбкой триумфатора. Клерк рынка едва пробился к нему, чтобы снять банковские отпечатки с помощью карманного анализатора.

Нищие, сгрудившиеся вокруг троицы, тут же прокомментировали торги.

— Этот сморщенный богач засунет малыша в свою постель! — вздохнула одна из женщин.

— Тем, у кого павлины денег не клюют, все дозволено, — проворчал мужской голос.

— Парень долго не протянет... Его укололи... Он почти не движется...

— Старикашке тоже долго не жить! Ему не менее ста пятидесяти...

Прошло несколько индивидуальных торгов. После завершения второй сессии снова началась торговля большими лотами. Толпа разделилась: одни стремились приблизиться к клеткам, другие не давали прохода, защищая с трудом добытое место. Рынок рабов превратился в кипящий котел под давлением, где напряжение в любой момент могло обернуться взрывом и смертоубийством. Сначала возникла перебранка между охранниками буржуа и теми, на кого перестал действовать «порошок» и с кем с трудом справлялись силы порядка. Начался обмен ударами. Появились ножи, дробеметы, скорчеры, волнометы... Комиссар пригрозил остановить торги и выгнать толпу из зала. Постепенно порядок восстановился.

Глактус вытирал лоб розовым вышитым платком. Франсао оставались невозмутимыми, словно магнитный барьер предохранял их от наэлектризованной атмосферы. Их флегматичность контрастировала с нервозностью церберов, готовых выхватить оружие при малейшей тревоге.

Внимание Лоншу Па привлек молодой человек в белом, сидевший рядом с франсао-оранжанином Метарелли: он волновался, кусал ногти, беспрестанно оборачивался, бро-

сая взгляды через плечо, словно побаивался преследователей. Рыцарь сосредоточился и вскоре заметил тех, кого опасался молодой человек в белом: десяток масок цвета слоновой кости, застывших, словно мертвецы, среди гудящей толпы, и бледно-зеленый загадочный капюшон.

— Вон! Сразу за клетками: наемники-притивы, — указал на них рыцарь. — Они убили Шри Митсу. И теперь охотятся за девушкой... Что касается зеленого капюшона, то не удивлюсь, если под ним прячется скаит. По сведениям, собранным моими жучками, секта притивов стала союзником скаитов. И они вместе работают на сиракузян...

— Это подтверждает гипотезы директории, — задумчиво пробормотал Филп. — Шри Алексу, похоже, слишком много узнал об их проектах, и они его устранили. Но перед смертью он успел отослать дочь к Шри Митсу...

Внезапная истина открылась рыцарю. Он вскинул голову и уставился на склонившегося над иллюминатором воина, чье лицо и волосы заливал свет.

— Теперь я понимаю, почему директории так нужна эта девушка! — обронил Лоншу Па. — Она — кладезь информации. Орден еще не знает, с каким врагом ему придется сразиться. Ни как, ни где, ни когда! А она знает... Быть может, если отец успел ей рассказать. Не так ли?

Филп закусил губы. Он слишком много выболтал. Он позволил рыцарю проявить свою проницательность. Открыв растерянность Ордена, его очевидную неспособность самому решить возникшие проблемы, он подтвердил правоту парии и диссидента. Обескураженный тем, что проболтался, он все же попытался тихим, но резким тоном ответить:

— Грядет война, рыцарь! Директория пытается собрать козыри. Орден готовится к битве и не хочет начинать ее вслепую.

— Конечно... Если тебя захватили врасплох не в цитадели Кси, а на материальном поле, ищешь помощь где угодно и от кого угодно! — прошипел Лоншу Па.

— Хватит! Не будь я посланцем, я бы вбил вам эти слова в глотку!

Филп невольно повысил голос. Нищие инстинктивно отступили, опасаясь быть втянутыми в схватку. Они обладали лишь единственным состоянием — жизнью, а торгами они успеют насладиться в другой раз. Они отошли на изрядное расстояние.

Только Крауфас, неподвижный серый призрак, остался около иллюминатора.

— Придите в себя, воин! — приказал Лоншу Па. — Не время и не место бросать вызов! Сохраните энергию для действия. Близится интересующий нас момент торгов. Силы покупателя, а они будут немалыми в этих торгах, объединятся с силами продавца, Глактуса. Полагаю, нам следует вмешаться в момент, когда будет происходить обмен девушки на деньги. Обычно это происходит вне рынка. Часто рядом с дерематом покупателя, что снижает опасность нападения. Когда начнутся серьезные торги, иными словами, останется два или три клиента, Крауфас вступит в контакт с информаторами моей сети. Они постараются узнать, где находится деремат покупателя, и известят нас. И как только торги завершатся, мы раньше покупателя и Глактуса окажемся в месте обмена, чтобы подготовить захват. Крауфас, коммуникатор с тобой?

Крауфас откинул полу плаща и показал припухлый внутренний карман. Потом кивнул, прошил перепуганную толпу и направился к точке схождения аллей. Отверстие рыночной лестницы поглотило его.

— Если только, воин, вы не предложите лучшего решения... — добавил Лоншу Па.

Униженный Филп не ответил. Он горько сожалел, что не смог сдержаться несколькими секундами ранее. Ему не хотелось вновь испытывать на себе язвительность вынужденного союзника, и он подавил новый приступ гнева. Он не имел права мешать успеху миссии своей гордыней. Лоншу Па, хладнокровное чудовище, манипулировал им, как ребенком, как новичком, каким он был всегда и каким оставался. Ему следовало проделать долгий путь, пока он не приобретет полного контроля над эмоциями, не достигнет Кси, недвижного озера безмятежности. От отчаяния Филп до крови вонзил ногти в кожу ладоней.

Нищие поняли, что гроза миновала. Осмелев, они по одному вернулись к люку. Хотя не переставали искоса поглядывать на воинственных соседей.

— Одного я не понимаю, — добавил Лоншу Па. — Видите молодого человека в белом, сидящего рядом с лысым франсао? Его поведение наводит на мысль, что он установил связь между наемниками, скаитом и дочерью Шри Алексу... Он крайне напряжен. Нервное напряжение человека, готового пойти на любой риск, могущего подавить в себе любые всплески страха...

Рыцарь помолчал, потом, не обращая внимания на нищих, вполголоса продолжил:

— Я никогда его не видел. Откуда он взялся? Какова его связь с Метарелли? Быть может, песчинка... Песчинка...

Филп Асмусса не слушал его. Он воспользовался советом рыцаря: копил энергию для действия. Ему казалось, что это было единственное разумное предложение, которое он извлек из туманных бредней Лоншу Па.

Глава 9

Глактус: имя нарицательное, мужской род. Обозначает патологически толстого человека. Расширительно относится к любому индивидууму, без зазрения совести эксплуатирующего себе подобных, «набирающих жир» за их счет. Этимология слова «глактус»: толстяк Глактус был торговцем живым товаром на Красной Точке. Похоже, он пленил в Матане, древнем городе пружей, Найю Афикит и выставил ее на продажу на рынке рабов. Но Шри Лумпа спустился с неба, изверг разрушительный огонь и после смертельной битвы, названной битвой Ражиата-На, освободил ее. Во время этой битвы Глактус был убит. Слово «глактус» вошло в обиходный язык Красной Точки в конце великой империи Ангов.

Универсальный словарь терминов
и живописных выражений.
Академия живых языков

У Афикит было странное ощущение, что она плавает меж воздушных стенок клетки, в которой ее заперли приспешники торговца-толстяка.

Избыточное давление было отрегулировано таким образом, чтобы она не прилагала никаких усилий, оставаясь на ногах, несмотря на невероятную усталость и лихорадку, которая начала ее изводить.

Все ее движения были замедленными, словно она передвигалась внутри жидкой среды. Невидимые тиски могучими челюстями сжимали ей грудь, затрудняя дыхание. На ней была рубашка из грубого полотна, опускавшаяся до колен, но разрезы в ней тянулись почти до талии. Она еще не свыклась с отсутствием облегана и касанием воздуха, обдувавшего кожу.

Она совершенно не представляла себе, где находится. Непрозрачные, воздушные стенки создавали зеленоватый полумрак, не позволяя видеть, что творится снаружи. До нее доносился далекий ропот, словно от ветра шумел океан. Она словно

утеряла способность рассуждать, улавливать бег разрозненных мыслей, которые, вспыхнув, тут же растворялись в тумане, обволакивающем ее мозг. Иногда сквозь серую мглу прорезались резкие отчетливые образы, похожие на обрывки сна, фрагменты иной жизни... И тогда она возлагала вину за свое полуобморочное состояние на фиолетовую жидкость, которую зловещего вида человек вколол ей в вену правой руки. Она до головокружения всматривалась в красноватую припухлость в месте, куда вонзилась игла. Укол вызвал в ней невероятное отвращение. Все ее тело возмутилось насилием этого металлического жала, наполненного ядом, — она не знала, но предчувствовала, что жидкость была ядом. Когда его ей впрыснули, она издала отчаянный вопль ужаса... Она помнила обо всем...

Она быстро заблудилась в Матане. Усталая, на грани нервного срыва, она присела у невысокой стенки террасы, на которой агонизировали последние лучи Зеленого Огня. Она пыталась отдышаться и собраться с мыслями. Она призвала на помощь все свои ментальные способности, чтобы понять, где находится и как найти выход из потемневшего лабиринта древнего города пруджей. И вдруг заметила метрах в пятидесяти фронтон монументальных врат, высившийся над плоскими крышами домов. Эти врата означали конец кошмара. Она облегченно вздохнула и на короткое мгновение ослабила бдительность, перестав перехватывать мысли вокруг себя, чтобы воспрепятствовать возможному нападению...

Банда пруджей, подростков лет пятнадцати, внезапно окружила террасу. Она даже не успела вскочить на ноги, как они навалились на нее, словно стая истерично вопящих обезьян. Множество рук прижали ее к мостовой, оцарапав лицо. Потом удар по затылку...

Когда она пришла в себя, то вначале увидела грязный потолок с плавающей лампой. Она обнаженной лежала на хлопковом матрасе. Найа хотела приподняться, но сильнейшая боль в основании черепа бросила ее обратно.

И тут ее взгляд наткнулся на толстяка. Гигантская гора зыбкой плоти, с трудом затянутая в накидку сливового цвета с золотыми блестками. Лицо с висящими щеками и многочисленными подбородками. Под коротко стриженными грязно-светлыми волосами сверкали крохотные накрашенные глазки, внимательно изучавшие ее, словно их владелец был медиком. Похоже, он оценивал каждый квадратный сантиметр ее белой кожи.

Беспардонный навязчивый взгляд, который обжигает и кромсает на части.

Превозмогая головную боль, она села на край матраса, прикрыв руками грудь и низ живота. Этот стыдливый жест вызвал взрыв смеха толстяка. По всему его телу заколыхались жировые складки.

— Ладно, ладно, красотка! — воскликнул он, с трудом дыша и шепелявя. — Целомудрие у меня не в цене! Ты... (тыканье этой жировой горы показалось Афикит оскорбительным), ты у Глактуса Кемиля, одного из главных поставщиков рынка рабов. Если я наблюдаю за тобой, то только чтобы оценить человекотовар, а не ради того, о чем ты думаешь. Представь себе, женщины интересуют меня только потому, что могут принести деньги! А меня самого женские формы никак не влекут!..

Его правая рука с толстыми пальцами, на которые были нанизаны опталиевые кольца, указала на приоткрытую белую дверь.

— Напротив, за этой дверью находятся мои люди, которые только и мечтают хотя бы о коротенькой встрече наедине с тобой! Отчаянные головы! Они сходят с ума от желания лишить девственности такой драгоценный товар, как сиракузянка... Пока ты спала, одна из моих матрон удостоверилась, что ты еще девушка! Успокойся, красотка, я буду следить, чтобы ты такой и осталась. Мои люди тебя не тронут. На рынке рабов девственность в большой цене...

У Афикит не было ни сил, ни желания отвечать. Она убежала от пруджей, чтобы попасть в сети работорговцев. Притивы убили бы ее, но это было бы лучшей участью, чем та, к которой готовил ее этот гнусный боров. Она рухнула на матрас, скрестила руки на груди и закрыла глаза, чтобы не ощущать оскорбительности похотливого взгляда, нарушающего ее сокровенные уголки плоти. Прогорклый, порочный запах Глактуса вызывал у нее тошноту. Толстяк захихикал:

— Мои маленькие загонщики-пруджи вылозили хороший товар! Надо будет им отплатить по заслугам: прижечь скорчером! Представь себе, я не собираюсь выплачивать им вознаграждение... Сейчас тебя вымоют. Ты станешь еще прекраснее и желаннее в глазах этих чокнутых годаппи! И более послушной, ибо я вижу, что ты из тех, кто бунтует и предпочитает смерть рабству. Ты везучая: стоило тебе попасть на Красную Точку, как ты стала звездой сегодняшних ночных торгов! Великая честь для тебя, очень большие деньги для меня!

Его хриплый кудахтающий смех раздался во второй раз. Он поразил Афикит в самое сердце, и она сжалась в комок. Глактус хлопнул в ладоши. Вошел худой лысый человек в черном. В его руке, похожей на щупальце, был кубический чемоданчик. Он открыл его, с невероятными предосторожностями извлек шприц и пузырек с фиолетовой жидкостью. Игла пронзила пробку и всосала в себя содержимое пузырька.

Мрачный зловещий взгляд человека обежал снежно-белую кожу Афикит. Укрывшись в своем отчаянии, девушка не сопротивлялась, когда длинные костлявые пальцы схватили ее за руку у сгиба локтя.

Ужас, который вызывали в ней эти два типа, один, похожий на труп, и второй — на гору жира, а также шприц и его опасное содержимое, тошнотой подкатил к горлу. Она до крови закусила губы, чтобы сдержать вопль, рвущийся сквозь сведенную судорогой глотку.

Когда игла вонзилась в ее вену, долго сдерживаемый крик вырвался из самых глубин ее существа. Он был настолько дик и силен, что едва не опрокинул обоих мужчин. Удивленный и испуганный Глактус вздрогнул и отступил на два шага, словно отброшенный ударной волной. От внезапного нервного приступа Афикит задрожала всем телом. Ее ногти, словно обезумев, начали терзать тощую шею и руки человека в черном, который едва успел выдернуть иглу и поспешно отступить. Он рукавом вытер капли крови, сочащиеся из царапин.

— Дерьмо! К счастью, я предвидел ее реакцию! — сообщил он Глактусу. — И добавил химический транквилизатор. Она сейчас заснет. Два часа сна пойдут ей на пользу: она вымотана и держится только на нервах.

— Надеюсь, не перебрал с дозой? — буркнул торговец.

— Нормально! Я дело знаю! — запротестовал его собеседник.

— Конечно, доктор! Ты так хорошо его знаешь, что тебя пинком под зад вышибли из конфедеральной конвенции врачей и внесли в Индекс раскатта...

— Быть может, но мне никогда не ставили в вину некомпетентность! Лишь кое-какие эксперименты в области генетических манипуляций, которые не всем понравились...

Афикит быстро погрузилась в туман, наполненный кошмарами, гримасничающими чудовищами, издевающимися пруджами, настороженными женщинами, белыми масками, скрипучим смехом. Сонная и охваченная лихорадкой, она едва ощутила, как ее поднимают, купают, растирают, вытирают, пе-

ретаскивают с места на место, а потом бросают в ров, где гаснет последний лучик света...

Она проснулась в темной клетке, куда проникают лишь рассеянный свет и далекие голоса. Найа не в силах привести мысли в порядок. В короткие мгновения просветления она с ужасом ощущает, как в ее теле множатся паразиты — ее кровь вскипает, жжение распространяется по венам и всем органам. Введенный вирус лишает ее воли, превращая в личинку. Она понимает, что получила лишь отсрочку от смерти и спешит встретить отца в горних высях. Ей больше не хочется жить среди отвратительных существ, населяющих земные миры.

Внезапно стенки клетки становятся прозрачными. Ураган света обрушивается на нее. Внезапное нападение, заставляющее ее зажмуриться. Ее ладони медленно поднимаются к глазам. Оглушительный вой раздирает барабанные перепонки. Она вдруг становится средоточием звука и света, одурманенной мишенью сотен сверкающих жадных взглядов, шумных комментариев.

— Последние торги!.. Тихо!.. Тихо!

Она замечает прозрачную ложу в верхней части стены справа, погруженную в полумрак. Внутри силуэт в красной тоге, который суетится над пультом с микрофоном.

— Торги начнутся при полной тишине!

Вопли постепенно превращаются в глухой ропот, а потом в едва слышимый шепот.

— Последние торги! — вновь раздается тот же голос. — Молодая женщина сиракузского происхождения с отменным здоровьем! Сертификат девственности! Ныне принадлежит торговцу Глактусу Кемилю...

Услышав свое имя, торговец встал. Закутанный броней жира, он повернулся к толпе, сгрудившейся за магнитным барьером, и неловко поклонился. Его встретил насмешливый свист.

— Человекотовар чистейшей расы и красоты...

Последние слова комиссара торгов утонули в реве голосов, который вспарывали смех и комментарии. Комиссар замолчал и дождался конца бури.

Глаза Афикит привыкли к резкому свету прожекторов. Теперь она видела самые близкие лица людей из первых рядов. Влиятельные люди, удобно развалившиеся на креслах, спокойные, расслабленные, изолированные от ревущего многоголовья магнитной стеной. Затем она узнала массивный силуэт истекающего потом Глактуса — его одеяние пестрело мокрыми

пятнами. Его гигантская задница свисала по обе стороны стульев, едва удерживающих вес толстяка. На рыхлом лице торговца сияло удовлетворение. Он облизывал розовым кончиком языка губы, растянутые в радостную улыбку. Пальцы руки играли с заколкой для волос.

Воспоминание об отвратительном взгляде толстяка, который оценивал ее, как вульгарный кусок плоти, выплыло на поверхность сознания. Хотя этот взгляд все еще оскорблял ее, она была не в силах выказать ему все то презрение, которого он заслуживал. Она стала чуждой самой себе, смирилась, впала в апатию. Ей хотелось покинуть свою материальную оболочку и раствориться в небытие. Она хотела все забыть и умереть.

Однако она уловила дружеские мысли, хотя против нее стояло тысячеголовое чудище. Мысли были неясные, скрытые, но реальные, похожие на островки сострадания в этом океане враждебности. Потом еще дальше почувствовала холодную бездну, злокозненное создание. Вероятно, скаит, ментальный убийца, одно из тех отвратительных существ, о которых говорил отец. Мысли смерти витали вокруг нее, как бабочки-гиены, пытаясь прорваться через барьер безмолвия, воздвигнутый антрой жизни. Она вспомнила, что антра вибрировала и функционировала автономно и проявлялась в момент, когда в ней нуждались. Она создавала то, что ее отец называл безмолвным шепотом, неощутимым шорохом источника. Она пожалела, что звук жизни не зависел от ее воли, что он защищал ее от волн скаита-убийцы. Почему антра стремилась поддержать жизнь в этом выставленном напоказ теле, теле, которое подтачивал вирус, теле, осквернённом похотливыми взглядами?

— Итак, я сказал: человекотовар чистейшей расы, — вновь раздался усиленный голос комиссара. — Прекрасная сиракузянка с сертификатом девственности. Ваши предложения.

Вверх взлетело множество рук.

— Две стандартные единицы! — прокричал хриплый голос.

Зал взорвался хохотом. Смех отразился от стен и крыши рынка рабов, превратившись в ураган, который все смел на своем пути, в том числе и жирного Глактуса, которого сотрясали конвульсии. Даже комиссару в ложе едва удалось сохранить серьезный вид. Из десятков микрофонов доносились хриплые стоны.

— Ваши... предложения! — повторил комиссар. Ему едва удалось придать своему лицу выражение серьезности, которое больше соответствовало престижу и власти.

Он колотил по пульту маленьким опталиевым молоточком.

— Десять тысяч! — прокричал другой голос.

Комиссар решил, что цена вполне подходит. Он издал пронзительный вопль и поднял молоточек над пультом. Он опустит его только после окончания торгов.

— Двадцать тысяч! — предложил буржуа в черном одеянии, усыпанном драгоценными камнями. Он впал в экстаз от красоты Афикит.

Ей было трудно убедить себя в том, что торгуются за нее. Ее застывший взгляд несколько раз останавливался на мужчине в белом, сидящем вблизи сцены вместе с лысым толстогубым человеком. Позади них ряд охранников в желтом образовывал ограду цвета соломы.

Лицо человека в белом не было незнакомо Афикит. Оно пряталось где-то в уголках ее памяти. Она сосредоточилась, чтобы вспомнить его имя, но это потребовало таких усилий, что она едва не потеряла сознание.

— Пятьдесят тысяч! — проблеял дряхлый старикан, гнущийся под весом одежды и соседей.

— Шестьдесят тысяч!

Цена росла с головокружительной быстротой. При каждой новой цифре губы Глактуса вздергивались и приподнимали жировые складки, некогда бывшие щеками. Исключительная добыча, эта сиракузянка, которая сама бросилась в пасть волка, а тому пока даже не пришлось отдать за нее даже самую мелкую монету пруджей. Чистый доход, который он не собирался делить ни с кем, а главное, с этим маленьким разбойником Кирахом Хитрецом, предводителем банды загонщиков, чья судьба будет окончательно решена приспешниками торговца на следующий день после торгов.

Афикит вдруг вспомнила: молодой человек в белом был служащим агентства путешествий на Двусезонье. Именно от него она добилась путешествия со скидкой. Несмотря на некоторые изменения — более опрятный вид, глаза, в которых горело новое пламя, волнистые каштановые волосы, чистые и расчесанные, а также гладко выбритые щеки, — она без колебаний узнала его. Удивление даже вывело ее из отупения. Она спросила себя, по какому чрезвычайному стечению обстоятельств он попал в это место и сидел в десяти метрах от клетки, в которой ее выставили.

Не от него ли шли волны благожелательности, которые она только что уловила?

Она видела, что он почти неотрывно смотрит на нее, иногда шепчет что-то на ухо соседу и бросает быстрые обеспокоенные взгляды назад. Когда их глаза встретились, он робко улыбнулся ей. И эта улыбка была улыбкой сообщника. Значит, в этом зале он оказался не случайно. У нее появился хоть один союзник, быть может, два, если считать его соседа, если не десять, двадцать или более при учете охранников в желтом. Она уцепилась за эту безумную надежду, как потерпевший крушение в космосе хватается за буй выживания. Она вспомнила, с какой грубостью и презрением обошлась с мелким служащим, утонувшим в мокрой грязи Двусезонья, и испытала упреки совести. Она устала и вновь погрузилась в отупение и забытье.

— Сто тысяч!

— Сто десять!

На этой стадии торгов осталось всего с десяток потенциальных покупателей: буржуа и знать, которые лихорадочно выискивали друг друга в толпе, чтобы исподтишка оценить решительность соперника. Толпа затихла, жадно впитывая их предложения. Торги шли к своей вершине, и зрители боялись нарушить их. По залу пробегали только волны шепота. Комиссару уже не приходилось напрягать голос: его вопли превратились в усталое скрипучее мяуканье. Лучи прожекторов, управляемые мемодиском, пытались поймать торгующихся, но едва они успевали выхватить лицо или поднятую руку, как тут же их перебрасывали в другую сторону, показывая по ходу анонимные ошеломленные лица, пока не отыскивали новую жертву.

— Двести тысяч!

Очарование девушки, даже одетой в эту ужасную рубашку, едва обтягивающую ее формы, вновь захватило Тиксу. Он восхищался ею. От высокомерной богини, свалившейся с неба в его запустелое бюро на Двусезонье, осталась хрупкая женщина с длинными волосами. Освобожденные от хватки облегана, они шелковистыми волнами стекали по ее плечам до поясницы. Такой она ему нравилась больше — хрупкой, оскорбленной, уязвленной в своей гордыне, человечной. Это приниженное эгоистичное чувство позволяло верить, что он может оказаться ей полезным. Он был простым смертным и не видел иной возможности, чтобы войти в ее жизнь и заставить заинтересоваться им.

Отсутствие выражения на лице пленницы вдруг поразило его. Он наклонился к Майтрелли:

— Они ее укололи?

Франсао искоса глянул на него.

— Ты долго соображал! Вирус сейчас в стадии инкубации, — тихо ответил Майтрелли. — Она испытывает попеременно депрессию, приступы лихорадки и прозрения. Эта гора сала Глактус решил избежать любого риска! Мерзавец! Умягчитель требует постоянных инъекций сыворотки. Иначе она умрет через неделю. В любом случае она обречена. Может, протянет пару-тройку месяцев: на сегодня против этой гадости нет лекарства.

Слова франсао оказались ледяным душем для Тиксу. Ему было невыносимо знать, что под прозрачной светящейся кожей этой девушки, выставленной на продажу, как шикарный товар, свирепствовал невидимый вирус, отравляя ее плоть и кровь. Его захлестнул безмерный гнев: гнев против толстого торговца, против всех торгашей и покупателей живого товара, против всех жадных шакалов, которыми управляли самые низкие инстинкты. Гнев даже против своего соплеменника, Било Майтрелли, сообщника и организатора этой гнусной торговли. Что останется от нее, от ее духа, от ее красоты, когда вирус завершит работу, нанеся неисправимые повреждения? И что останется от него, от Тиксу, когда она умрет?

Из-за охватившей его ярости он едва не вскочил, чтобы броситься к толстяку Глактусу и ударить его... Нет, этого было мало! Лучше вырвать скорчер у охранника и оросить смертельными волнами всех зрителей первого ряда и наслаждаться их конвульсиями среди луж крови и гор внутренностей!.. Тиксу сумел подавить ярость. Потому что его природная мягкость противоречила самоубийственному гневу. Кроме того, ярость могла помешать даже малейшим шансам на успех. Внутренний голос подсказывал ему, что Майтрелли поможет ему вырвать сиракузянку из когтей Глактуса и не стоило превращать его в своего врага. Более того, он старался не привлекать внимания таинственного типа, чье лицо закрывал светло-зеленый капюшон, и белых масок, возникавших в разных уголках зала.

Било Майтрелли наклонился к нему и прошептал:

— Ярость — плохой советник, мой юный друг! И перестань оглядываться! Здесь притивы ничего не могут нам сделать. Они выжидают. Им нужно знать имя покупателя. Ожидание — пока самое лучшее и для нас!

— Вы... вы знаете? — пробормотал Тиксу, пораженный проницательностью соплеменника.

Губы Майтрелли тронула холодная улыбка. В глазах вспыхнули насмешливые огоньки.

— Информаторы предупредили меня о притивах. Что касается твоей ярости, все написано на твоем лице. По нему так же легко читать, как в древних бумажных книгах! Рынок рабов кажется тебе чудовищным?.. А что здесь не чудовищно?

— Двести пятьдесят тысяч!

— Триста тысяч!

— Триста тридцать!

— Я помогу тебе ее получить, поскольку она тебе дорога! — продолжил франсао. — Но не только поэтому! Эта девушка представляет интерес для Каморры. Мне еще надо убедить остальных франсао, что она располагает ценными сведениями, необходимыми для нашего выживания. Иначе мне не простят нарушения фундаментального закона Каморры: никогда не завладевать силой человекотоваром, проданным на торгах. Я первый должен блюсти этот закон. Он обеспечивает надежность и вечность рынка рабов, а значит, надежность и вечность Каморры. В связи с этим грязная свинья Глактус должен навеки замолкнуть! Но заткнуть ему глотку будет нелегко. Его убийцы — выродки, затянутые в кожу и сталь, — дикие сумасшедшие звери!

Тиксу отвел взгляд. Било Майтрелли был прав: его окружала чудовищность. Он сам несколько мгновений назад хотел обрушить огонь скорчера на франсао, а теперь, полный благоговения, испытывал облегчение. Он был готов расцеловать его от признательности, от счастья, ощущая эйфорию от того, что может рассчитывать на его поддержку. И разве это не была чудовищная реакция?

— Есть не только люди Глактуса, — быстро заговорил Тиксу, чтобы рассеять недоразумение. — Есть люди в белых масках и зеленый капюшон... Они тем более опасны, что, быть может, уже уловили ваши намерения...

— Ну что ж, прекрасный случай помериться силами с этими карнавальными масками и зеленым призраком. Узнать, какими средствами они располагают! — почти обреченно вздохнул франсао.

— Пятьсот тысяч!

Торги продолжали всего два человека. Остальные в разочаровании отказались от схватки. Один из оставшихся был щекастым мужчиной, чей огромный живот прижимался к магнитному барьеру. Его розово-жемчужное пальто сверкало в огнях прожекторов. Высокая черная шапка, усыпанная геммами и соединенная с меховым воротником белой опталиевой цепью, подчеркивала злое выражение багрового перекошенного лица.

Вокруг него теснилось с десяток бородатых светловолосых или рыжих гигантов с квадратными плечами, массивными шеями и затылками рогатых шакалов. На них были странные коричневые кольчуги с серебристыми звеньями.

— Не знаю, откуда этот годаппи! — шепнул Било. — Он впервые появился на рынке рабов. Его телохранители — алеманские германины. Полудикие звери с силой однорогого быка! Возможно, богач прибыл с Неоропы. Зортиас, пойди разузнай.

Располагавшийся позади франсао, прудж до сих пор сидел в полной неподвижности. Облако красноватых волос проплыло мимо желтой ограды стражей, обогнуло магнитный барьер, взрезало плотную толпу и растаяло во тьме потайной двери.

— Центр мемодисков Каморры, вероятно, содержит все сведения о новом клиенте, — добавил Майтрелли. — Второго покупателя я уже знаю...

На рынок рабов опустилась гнетущая тишина. Зрители присутствовали на дуэли. Разочарованные лица тех, кто выбыл из борьбы из-за отсутствия средств, поворачивались в сторону клетки, как бы желая обладать девушкой глазами. Эфемерная собственность, последняя, на которую они могли рассчитывать, пока она окончательно не исчезнет из их алчущих душ.

— Семьсот двадцать!

Изумленная публика таращила глаза. До этих торгов она даже не представляла, что у простых смертных могут быть такие деньги. Зрители мысленно пытались пересчитать суммы на количество «порошка радости», но это было вне пределов их слабых арифметических познаний. Они плавали в виртуальном океане наркотика — именно таково было их представление о рае.

— Семьсот пятьдесят!

Нервозность Тиксу росла вместе с ценой. Внешнее спокойствие Майтрелли, вместо того чтобы разрядить напряжение, раздражало так, что он начал сомневаться в обещании франсао. Борясь с этим ощущением, размывавшим его хрупкое моральное равновесие, он сосредоточил внимание на втором участнике торгов, довольно молодом человеке в облегане с зеленым капюшоном, почти затерявшимся среди внушительного эскорта. На плечи его была накинута муаровая накидка. Бледное лицо резко контрастировало с черной тушью, которая подчеркивала глаза с кроваво-красным зрачком, придавая ему сходство с трупом.

— Из знати Чиина, отдаленной планеты, присоединившейся лет пятьдесят назад к Конфедерации Нафлина, а вернее, к тому, что от нее осталось... — уточнил Майтрелли. — Зо-

вут Абер Мицо. Постоянно закупает товар на Красной Точке. Говорят, у него колоссальное состояние, и я верю этому, судя по горам денег, которые он оставляет здесь при каждом визите! Обладает особенностью, скажем, личным помешательством. Он — некрофил. Его увлекают лишь теплые ягодицы свеженьких мертвецов. Ничто другое его не возбуждает. Часто прибегает к нашим услугам...

— И вы... вы поставляете ему товар...

Ужаснувшийся Тиксу не сумел закончить вопрос. Разве не отвратительна греховная земля?

— Трупы?.. Конечно! Он платит наличными! И одновременно освобождает Красную Точку от кучи паразитов... Готов поспорить, что, покупая эту девушку, он получит удовольствие, задушив ее. Вполне способен позволить себе такой маленький каприз. Чиниты — очень странные люди!

— Восемьсот десять тысяч!

— Восемьсот пятьдесят!

Головы синхронно поворачивались то к одному, то к другому покупателю. Радость Глактуса сочилась через все поры его обвисшей кожи. Рекорд торгов был уже давно побит. А они еще не завершились. С деньгами, которые принесет ему это дельце, толстяк торговец сможет наконец реализовать свою мечту: собрать элитную армию, устранить франсао Каморры и безраздельно властвовать на Красной Точке.

Человек в розово-сером пальто был близок к капитуляции. Время его ответов удлинялось. Он поднимал руку и называл новую цифру после долгого раздумья. Он пытался загнать противника в тупик, но без прежнего воодушевления. А чиинит вскидывал руку без всякого колебания, словно безумная цена, которую он небрежно выкрикивал, была для него пустяком, шуткой, милым развлечением в хорошей компании.

Лучи прожекторов ушли с центральной сцены под недовольные, но быстро подавленные крики разочарования зрителей, лишенных возможности созерцать красоту продаваемой девушки. Их мощные лучи скрестились на двух соперниках, высветив белым овалом их эскорт среди окаменевшей толпы.

— Миллион единиц!

Толпа колыхнулась, словно море под шквалом ветра. Даже франсао, кроме Майтрелли, встали и поднялись на цыпочки, чтобы наблюдать за торгующимися.

Огромные капли пота стекали по перекошенному и бледному лицу человека в розово-сером пальто. Они вы-

давали невероятные переживания и напряжение. Его рука медленно поднялась над черной шапочкой.

— Миллион сто тысяч! — с трудом выговорил он.

Бесстрастная рука чиинита пробила световой занавес. Тишину разорвал блеющий голосок:

— Миллион двести тысяч!

Его противник печально глянул на девушку и покачал головой, отказываясь от дальнейшей борьбы.

— Никаких сожалений? — спросил комиссар. — Один... Действительно не жалеете? Два... Три! Продано! Конец торгов!

Опталиевый молоточек три раза ударил по пульту. Раздались жидкие аплодисменты, прожектора погасли, настенные лампы налились грязноватым светом. Толпа, подталкиваемая стражей рынка, сгрудилась у центральных ворот, чьи створки медленно раздвигались.

Вокруг центральной арены образовался ров с металлическими стенками, и она буквально провалилась в подвал рынка. Исчезли крышки клеток, и гигантская створка накрыла провал. Глактус встал, поклонился некоторым франсао и удалился, покачиваясь из стороны в сторону.

— Он заранее знал, кто станет покупателем! — сказал Майтрелли. — Поскольку не принял обычных предосторожностей. Никаких банковских отпечатков, никакого залога. Все было решено заранее. Единственным неизвестным была сумма торгов. Теперь нам пора действовать. Зортиас ждет нас у аэрокара. Я знаю, где будет происходить обмен. Мы немедленно отправимся туда и подготовим встречу этим двум ошибкам природы! В этой толчее наш уход никто не заметит.

В сопровождении двадцати охранников в желтой форме франсао и Тиксу прошли через разрозненную толпу. Как и предвидел Майтрелли, никто не обратил на них внимания. Но в момент, когда они ныряли в проход галереи, позади них возник человек и схватил франсао за плечо. Тот обернулся, положив руку на карманный скорчер.

И расслабился, узнав Донку, приятеля-франсао, старика, которому было более ста тридцати стандартных лет, выдающийся возраст для одного из руководителей Каморры. Они редко доживали до ста лет. И обычно становились жертвами покушения, наследственной войны, затеянной одним из их помощников, или от преждевременного износа нервной системы. Фон Донку, одетый в традиционную тогу винного цвета, в шляпе, выдававшей его дельфское происхождение, хорошо знал Сифа

Керуака, наставника Било Майтрелли. Это был патриарх с пергаментным лицом, редкими белыми волосами, торчавшими на черепе, усеянном коричневыми пятнами. У него были черные пламенные глаза и тонкогубый рот. Рука, настоящая лапа с когтями, разжалась, и взгляд старика вонзился в глаза Майтрелли.

— Било, твои намерения действительно представляют интерес для Каморры? — спросил он резким голосом.

Вопрос Фон Донку не застал врасплох оранжанина. У старого франсао была лучшая сеть информаторов. У него были глаза и уши повсюду.

— То, что я собираюсь сделать, я делаю для себя, — спокойно ответил Майтрелли. — А значит, и в интересах Каморры. У нас общие интересы и задачи.

— Я никогда не сомневался в этом, Било. Но ты будешь один. Мы не можем открыто поддерживать тебя в операции, нарушающей наши законы. Если ты не устранишь эту свинью Глактуса, никто больше не решится действовать против него. И он постарается торговать без посредников. Иными словами, перестанет платить дань Каморре. Тебя придется устранить, чтобы попытаться вернуть его на верный путь.

Старик крепко сжал руку Майтрелли и окинул его любовным взглядом.

— Не упусти его, Било! Я всегда мечтал продырявить ему брюхо, но так и не перешел к решительным действиям. Опасайся его охраны. Пусть твои люди целятся поточнее. Этих зловонных чудовищ надо поражать с первого выстрела... Раны только придают им ярости!

Фон Донку поклонился и растворился в толпе.

Внутренность клетки вновь погрузилась в зеленоватый полумрак. Разгоряченая лихорадкой, Афикит пыталась хоть как-то привести в порядок разрозненные мысли. Непрерывная истощающая борьба на грани отчаяния и надежды, отказа и желания, жизни и смерти.

Люди толстого торговца охраняли ее с таким рвением, что никто не мог вызволить ее из этого кошмара. Ни друзья, чьи эмоции она уловила в толпе, ни мелкий служащий агентства с Двусезонья, чья робкая улыбка свидетельствовала скорее о бессилии, чем о надежде на спасение. Даже при помощи могущественного человека, сидевшего рядом с ним...

Астрономическая сумма, заплаченная за нее, не улучшала положения Афикит. Наоборот, она удвоила

бдительность стражей. Ей не удалось разглядеть лица покупателя. Она только заметила светло-зеленое пятно, размытое лучом прожектора. Но интуиция подсказывала ей, что не стоит ждать сострадания и милости от этого человека. Клетка, подготовленная для нее, вряд ли была предпочтительнее той, в которой она сидела сейчас и которая плавно скользила, как бы подталкиваемая невидимыми руками, по водорельсам, уложенным на полу.

Афикит слышала лишь плеск воды и глухие голоса, которые становились шепотом после прохождения через акустические фильтры стенок. По лбу и щекам стекали ручейки пота, все ее тело пропитала отвратительная влага, нарушение восприятия создавало впечатление, что она бодрствует в собственном сне, где формы, цвета и звуки растягивались до бесконечности, пока не сливались в одно целое. Осталось только четкое ощущение микроскопической жизни, бурлившей в ее венах и подтачивающей нервную систему.

Давление воздуха постепенно снижалось. Она смогла сесть и привалиться к эластичной стенке. Подумала об отце. Она злилась на отца, что он передал ей звук жизни, антру. Словно Шри Алексу, индисский наставник, ее отец, предвидел трудности и хотел заставить жить. Она жила, но какой ценой!.. Отец, об этом ли вы думали? Знали ли вы, что вашу дочь превратят в рабыню, низшее существо, накачанное наркотиком, которую берут и бросают по мимолетному настроению? Моя жизнь?.. Убаюканная равномерным хлюпаньем водорельсов, она незаметно для себя уснула.

Кабина неслась по туннелю. На стекла попадали брызги с водорельсов. Чрево города было прошито подземными проходами, словно поселение возводилось над гигантским термитником. Тиксу подумал, что, наверное, надо обладать невероятно развитым чувством ориентации, чтобы не заблудиться в этом лабиринте, в этом пересечении мрачных галерей, которые, казалось, уходили к центру планеты.

Они выкатились на стоянку аэрокара, овального летательного аппарата с раздутыми прозрачными боками. Двигатели тихо урчали. Рыжая шевелюра Зортиаса выделялась пятном на выпуклом стекле кабины управления. Било Майтрелли и его люди выскочили из движущейся кабины и бросились внутрь аппарата по трапу, выросшему под их ногами.

— Быстрее! — бросил франсао замешкавшемуся Тиксу.

Тиксу перепрыгнул через порожек кабины и с трудом удержался на шершавом покрытии стоянки. Потом бросился в аэрокар, где сел на боковую скамью рядом с охранниками. Трап мгновенно собрался, люк с мяуканьем захлопнулся, и аэрокар оторвался от земли. Вначале он медленно поднимался вдоль металлического пандуса, потом оказался на ремонтной базе, где вокруг аппаратов суетились техники-ремонтники. Затем внезапно разогнался и понесся к потолку базы. Две створки скользнули в стороны, открыв черное небо, усыпанное яркой звездной пылью.

Аэрокар проскользнул в отверстие, продолжая подниматься над запретными кварталами, над россыпью летающих ламп и вывесок, над темной пропастью Матаны.

Франсао стоял в овальном проеме кабины управления. Неяркие огни высвечивали его голову, лицо и воротник пиджака.

— Логово Абера Мицо находится в Ражиата-На у начала пустыни, — сказал он. — Спрятано в фальшдюне. Поскольку он относится к постоянным клиентам, то ради спокойствия оборудовал личное убежище. Туда мы ему и поставляем трупы...

— Этот чиинит может трахаться только с мертвецами! — пошутил один из охранников.

Остальные одобрительно рассмеялись.

Молниеносное ускорение — и город остался далеко позади. Несмотря на поздний час, в небе кружило множество аэрокаров, такси, автобусов. Они развозили клиентов рынка рабов, доставляя к личным дерематам или в гостиницы, теснившиеся вокруг агентств путешествий у границы пустыни. Майтрелли указал на оазис огней далеко впереди.

— Видишь это местечко? — сказал он Тиксу. — Идея Сифа Керуака. Каморра финансировала строительство, названное «запретным поясом». Там обеспечивается полная безопасность путешественникам, использующим услуги компаний. Цель — побудить средних клиентов, мелких буржуа развлечься за счет рынка рабов. Оплатить человекотовар, который не подошел крупным покупателям. Сиф угадал: средняя клиентура растет самыми быстрыми темпами. Она более надежна в долгосрочных расчетах, чем знать и крупные дельцы...

Напряженный Тиксу не слушал сопланетянина. Он ждал неминуемого столкновения с другими летающими аппаратами, выныривающими из складок ночи. Но каждый раз, когда он машинально прикрывал глаза рукой, глупый бесполезный рефлекс, траектория в последний момент менялась, и они

избегали столкновения. Тиксу напрасно пытался урезонить себя, он не мог не думать о современном варианте неоропской рулетки.

— Не стоит так волноваться, малыш! — сказал ему сосед, человек без возраста.

Он явно колебался между насмешливой фамильярностью и уважением к гостю франсао.

— Эти машины снабжены радарами, предупреждающими столкновения. Если выходит из строя один, включается другой. Кроме того, на Красной Точке машины франсао пользуются приоритетом. Другие обязаны уступать дорогу. Если не делают этого, разваливаются на части! Это позволяет выиграть время и особо не волноваться...

Почти убежденный, Тиксу коротко кивнул, но не сумел подавить напряжение. Аэрокар уже летел над грядой круглых холмов, поросших скудным кустарником, над руинами зданий с продавленными крышами, над выщербленными стенами и заросшими травой пустырями.

Вскоре они оказались на границе пустыни.

Красные и охряные цвета, размытые сумерками, темнели, наливаясь чернотой и вишневыми оттенками ночи. На растрескавшейся земле, усыпанной камнями, росли редкие скрюченные кактусы. Острые гребни скал с высокомерием охраняли этот безлюдный пейзаж. Вскоре, к великому облегчению Тиксу, машины перестали встречаться на пути.

— Ражиата-На! — сказал Майтрелли. — Приготовиться!

Вдалеке тянулся океан дюн, белесые окаменевшие волны с песчаной пеной, которую сдувал с вершин сухой холодный ветер с гор Великого Сожженного Эрга. Тиксу удивлялся, как Зортиас мог отыскать базу чиинита: дюны походили одна на другую, их словно отлили в одной форме.

— Погаси бортовые огни и отключи двигатель! — приказал франсао. — Разгона хватит на парение. Абер Мицо — тип предусмотрительный. Расставил часовых. Надо их бесшумно обезвредить.

Двигатели замолкли, и аэрокар бесшумно заскользил в ночи над самыми вершинами, словно парусный дирижабль. Тиксу вдруг охватило нервное напряжение. Усталость и недостаток сна довели его почти до паники, когда он рисковал сорваться. Кожа его покрылась мурашками, руки и ноги предательски задрожали.

Сосед бросил на него вопросительный взгляд.

— Мне... мне холодно! — солгал Тиксу.

— Ну, сейчас не так уж свежо..: — без убеждения протянул охранник.

Тиксу хотел оправдаться, сказав, что некоторые люди переносят холод хуже других, но насмешливые взгляды остальных остановили его. Он не мог честно признать, что был самым обычным смертным. Люди франсао тоже были обычными смертными, но не делали из этого истории.

— Приближаемся к фальшдюне! — предупредил Зортиас.

С первого взгляда она ничем не отличалась от других. Майтрелли вынул небольшой бинокль ночного видения и оглядел пустыню. Как он и говорил, темные силуэты виднелись по окружности дюны. Четыре часовых-чиинита ходили взад и вперед, чтобы согреться под колющими порывами ветра и не заснуть от бесконечного шороха песка.

Франсао повернулся, вошел в салон, выбрал четырех охранников и протянул бинокль первому из них:

— Засеките их и возьмите каждый своего часового! Когда мы окажемся над ними, выпрыгивайте из люка и занимайтесь ими! Никакого шума! Работайте холодным оружием. Наверное, есть и другая охрана внутри дюны. Затем спрячьте трупы и наденьте их форму. Издали сойдете за них. А мы займем позицию на соседней дюне. Как только мы откроем огонь, один из вас хватает девушку, а остальные его прикрывают. Они не осмелятся стрелять в нее: она стоит больше миллиона. Мы займемся остальными. Чиниты используют волнометы: их лучи не пробивают наши магнитные щиты.

Он поглядел на Тиксу и добавил:

— Поэтому мы и пользуемся на Красной Точке скорчерами наших предков! Вопросы?

Круглый люк бесшумно открылся в вогнутом полу теряющего скорость аэрокара. Тиксу видел вершины холмов прямо под люком. Бинокль переходил из рук в руки, и охранники распределяли между собой часовых. Они присели на корточки у люка и извлекли короткие кинжалы с обоюдоострым лезвием. Кремовые лучи Салома, пробивающиеся через прозрачную стенку, заискрились на ножах. Дрожь Тиксу усилилась, желудок свело. Пересохший рот требовал глотка мумбе.

Аэрокар скользнул над фальшдюной. Часовые-чиининты, встревоженные необычным свистом, отличающимся от порывов ветра, едва успели поднять головы, как желтые тени, исторгнутые ночью, скатились по песчаным склонам и обрушились на них. Чиининты не успели выхватить волнометы из зак-

рытой кобуры на поясе. Руки охранников Майтрелли зажали им рты, и лезвия легко перерезали сонные артерии, пробили сердце. Операция длилась не более пяти секунд.

Охранники быстро прикрыли следы крови и оттащили часовых в тень. Потом раздели трупы и натянули чиинитские комбинезоны, зеленые кольчуги с красной отделкой, прямо поверх своей формы. Они бросили обнаженные трупы, на которые набросятся остроносые стервятники, когда взойдет Зеленый Огонь, и заняли места вокруг дюны, в одном из склонов которого угадывался тайный вход, присыпанный песком.

Аэрокар сел метрах в ста у подножия соседней дюны. Франсао отдал несколько приказов и раздал инфракрасные очки остальным людям, которые укрепили на животах черные коробочки, магнитные щиты, и растаяли во мраке. Скрип их шагов вскоре затих.

Майтрелли, Тиксу, Зортиас и четыре охранника поднялись на вершину дюны и устроились на ледяном песке. Идеальный наблюдательный пункт. Холодные иголки пробивали легкую одежду. Тиксу сжал челюсти, чтобы не стучали зубы. Зортиасу, одетому только в накидку, было еще хуже: его кожа быстро посинела.

Люди франсао великолепно играли роль чиинитов. На таком расстоянии сходство было полным. Майтрелли орудовал инфракрасным кодированным фонарем, передавая распоряжения. Только те, у кого были специальные очки и антенны, закодированные на ту же частоту, могли увидеть эти сигналы.

Ночную тишь разорвало легкое ворчание. На горизонте появились три освещенных автобуса. Вслед за ними летели три аэрокара с включенными позиционными огнями.

«Приготовиться!» — просигналил Майтрелли.

Сердце Тиксу едва не выпрыгнуло из грудной клетки. Несмотря на холод, горячий язык пламени обжег его внутренности.

Три автобуса синхронно опустились рядом с фальшдюной. Вспомогательные двигатели подняли завесу песка, чем и воспользовались часовые, которые, прикрыв лица, вышли из поля зрения пассажиров.

Выпали и развернулись до земли боковые трапы автобусов, похожие на огромные языки земноводных. Чиниты в зеленых мундирах с красной отделкой сбежали вниз и образовали круг. К великому облегчению Майтрелли, который наблюдал за ними в бинокль ночного видения, они не обратили ни малейшего внимания на четырех часовых.

Абер Мицо сошел вниз с медлительностью пресыщенного человека и остановился в центре круга. Ночь подчеркивала его сатанинский облик. Бледная кожа и красные глаза, обведенные черной краской. Он походил на дельфского вампира, а не на существо из плоти и крови. Он небрежно поднял руку.

Три аэрокара опустились вниз, подняв тучу песка и камней. В отверстии люка появилось обрюзглое лицо Глактуса. На нем была короткая серебристая накидка. Он ступил на площадку трапа, который на целый метр прогнулся под его весом, чиркнув по острым камням, утонувшим в песке. Телохранители не отставали от него ни на шаг, сжимая в руках скорчеры. Их безумные глаза с вызовом глядели на чиинитов — они были готовы открыть огонь при малейшем подозрительном жесте.

И среди них босой стояла Афикит. Она покачивалась, дрожа от холода и лихорадки. На ней была только рубашка. Порывы ветра играли ее длинными волосами, танцующим золотистым пламенем, ярость которого противоречила усталому восковому лицу с угасшим взором.

Четыре охранника Майтрелли обошли группу, стараясь не входить в зону огня аэрокаров, и приблизились к пленнице, которую один из приспешников Глактуса остановил у подножия трапа.

— Как договаривались, вот ваш человекотовар, сир Мицо! — с трудом выговорил Глактус, устав после двадцати пройденных метров, что было для него настоящим испытанием. — Она в прекрасном состоянии...

Он извлек из кармана маленький пузырек.

— А это сыворотка, которая поддержит в ней жизнь лет десять. Быть может, больше, если у нее хорошее здоровье. Она в полном вашем распоряжении... и удовлетворит все ваши прихоти!

— Вы знатный лжец, Глактус Кемиль! — прервал его Абер Мицо и криво усмехнулся, открыв ряд мелких и острых желтых зубов. — Вы меня принимаете за годаппи? От вашего вируса она не проживет и нескольких месяцев...

— Уверяю, с этой сывороткой...

— Не важно! Удивлюсь, если девчонка выдержит неделю обращения, которое я придумал для нее! Да... Некое особое отношение из-за ее красоты и сиракузского происхождения... Ничто не развлечет меня больше, чем игры в куклы с одной из ее драгоценных... Раньше я получал огромное удовольствие, отрывая ноги и руки роскошных кукол, которых мне дарили

родители... Невинное удовольствие, вам не кажется?.. — Он сардонически рассмеялся.

— Делайте с ней все, что задумали, сир Мицо. Владелец вы, — угодливо просюсюкал Глактус. — Владелец... Когда передадите мне деньги...

Припудренные губы Мицо скривила презрительная усмешка.

— Вы, коммерсанты, не только лживы, но и крайне вульгарны... У вас на устах только и звучит слово «деньги»!

Приспешники Глактуса, вероятно, хотели, чтобы эти слова оказались скрытой угрозой. Они выхватили скорчеры и навели их на чиинитов. Те не замедлили выхватить волнометы. На дюне воцарилась настороженная тишина.

— Всем успокоиться! — приказал Мицо, которого явно развлекала эта попытка устрашения. — Мне не хочется пролить даже каплю крови из-за пустяка в миллион с чем-то единиц! Что такое деньги? Ничто, если не считать возможности иногда доставить себе маленькое удовольствие...

Он щелкнул пальцами. Один из его людей вышел из круга и принес ему карманный сертификатор, мини-мемодиск для регистрации банковских трансакций.

— Вы должны понимать, господин торговец живым товаром, что у меня нет при себе такой суммы в наличных деньгах! Я вручу вам сертифицированный чек, по которому деньги получите в любом банке.

— Конечно, конечно! — закудахтал толстяк и наклонился, жадно следя за бегом пальцев собеседника по клавишам сертификатора.

— *Огонь!* — приказал Било Майтрелли.

На дюну внезапно обрушился град огня. Залпы сметали всех без различия — чиинитов и охранников Глактуса. Разнесся острый запах горелого мяса. Внезапность и прицельный огонь вызвали панику в рядах обоих отрядов. Люди бросились врассыпную, как испуганные насекомые. Самые хладнокровные успели укрыться в тени фюзеляжей. Остальные сталкивались между собой, спотыкаясь о трупы и подставляясь под мощный огонь стрелков, окружавших дюну. Глактус с трудом загнал свое жирное тело под брюхо аэрокара, где уже сидело несколько его охранников и Мицо.

Всеобщая паника помогла четырем охранникам Майтрелли. Они ринулись на ошеломленную сиракузянку, которую охранник пытался затянуть под мостик, где прятался сам. Залп из скорчера взорвал его лицо, он выпустил пленницу и рух-

нул ничком на землю. Один из охранников франсао подхватил Афикит, вскинул на плечо и бросился в тень. Трое остальных, отступая, открыли огонь из волнометов, которые забрали у часовых-чиинитов.

— Зортиас! Аэрокар сюда! Быстро! — рявкнул франсао, внимательно следивший за операцией.

Вопли разъяренного Глактуса и приказы Мицо, сохранявшего невозмутимость и спокойствие, привели к тому, что вокруг автобусов и аэрокаров быстро возникла система обороны. Волнометы чиинитов и скорчеры охранников Глактуса выплеснули струи огня в сторону троицы, прикрывавшей отход товарища.

Белые вспышки разорвали ночную тьму, обожденная земля то светлела, то погружалась во мрак. Двое рухнули на землю.

— Осторожно, черт подери! Не стреляйте в человекотовар! — рявкнул Глактус, зажатый под брюхом машины. — Ясно? Не трогайте человекотовар!

На земле уже валялось пятнадцать обожженных тел. Корпуса машин становились все более ненадежной защитой. В прозрачных стенках появились бреши и трещины, которые разрастались под мощным огнем людей франсао.

Охранник, который нес потерявшую сознание девушку, сумел уже добраться до середины склона соседней дюны. Он с трудом вырывал ноги из вязкого песка. Третий охранник был убит и лежал у подножия дюны. Но ни чиининты, ни воины Глактуса не решались выстрелить в того, кто нес девушку, боясь убить или ранить его драгоценную ношу.

— Он уйдет от нас! — прошипел Мицо. — Почему ты ждешь, а не стреляешь в него?

Охранник Глактуса оглянулся в поисках торговца, но не увидел его.

— Не могу! Если я попаду...

— Кретин! Я плачу в любом случае! Даже если убьешь девчонку! Слышишь? Стреляй! Я плачу!

Охранник выпрямился, прижал металлический приклад скорчера к плечу и долго целился. Округлое рыло оружия выплеснуло белый луч, который ударил охранника в спину. Тот издал пронзительный вопль. Ему перебило позвоночник, он выронил Афикит, тяжело упал и покатился по песку, застыв несколькими метрами ниже в нелепой позе — ноги вверху, а голова внизу. Девушка скатилась почти до подножия дюны. Острые гребни камней разорвали на ней рубашку и повредили кожу. Она опять потеряла сознание и осталась лежать на каменном ложе.

* * *

Не в силах сдержать себя, Тиксу вырвал бинокль из рук франсао. Он поспешно оглядел дюну и заметил сиракузянку. При сильном увеличении были видны даже струйки крови на ее теле. Он на мгновение испугался, что она мертва. Но нет, она дышала, рубашка на груди ее ритмично вздымалась... Она была так близка и так далека одновременно...

Он отдал бинокль Майтрелли. Потом, забыв обо всем, крикнул:

— Велите своим людям прикрыть меня! Я иду за ней!

— Нет! Ты идешь на самоубийство! — возразил франсао. — Местность открытая. Тебя прикончить так же легко, как и домашнюю скотину!

— Я прошу вас прикрыть меня! А не давать мне уроки стратегии!

Франсао кивнул. Он понял, что решение его соплеменника не поколебать.

— *Прикрыть гостя! Берем девушку!* — Он передал приказ остальным.

Майтрелли протянул Тиксу черный кубик:

— Возьми хотя бы магнитный щит! Будешь защищен от волнометов. Приклей к животу и нажми на верх коробочки! И береги себя: не очень умно умирать в день, когда Оранж празднует двадцать веков независимости!

Тиксу казалось, что вместо него действует кто-то другой, что некий узурпатор связал Тиксу, который вечно всего боялся — возгласов, дирекции ГТК, ринса и столкновений в воздухе. Он вскочил на ноги, включил магнитный щит. Его окружило потрескивающее гало.

Потом, пригнувшись, сбежал вниз по дюне. Обогнул ее и растворился в ночи. Ему надо было до предела оттянуть тот момент, когда люди Глактуса и Мицо заметят его и превратят в мишень.

— Чего вы ждете, а не отправляетесь за ней? — простонал Глактус.

— Заткнись, Кемиль! У нас пока нет никаких шансов! Главное — выжить! — проворчал Абер Мицо.

Усиление огня противника заставило обороняющихся соблюдать осторожность. Две первые попытки контратаки закончились многими смертями. В корпусах автобусов и аэрокаров зияли дымящиеся бреши.

* * *

Порывы ветра поднимали тучи песка, который бил по лицу и глазам Тиксу. Ноги его тонули в вязком песке. Он с трудом вырывал их, чтобы сделать следующий шаг. Мышцы, отвыкшие от действия за долгие годы лени на Двусезонье, едва ему повиновались.

Наконец он добрался до вершины холма. Освещенная проблесками лучей скорчеров, сиракузянка лежала почти у подножия дюны. Тиксу несколько секунд передохнул и начал спуск. Камни и песок ускользали из-под его ног. Он еще полностью не оправился, споткнулся о труп охранника и заскользил по склону до самого низа. От удара ощутил резкую боль в левой лодыжке.

Сиракузянка лежала в десяти метрах от него и жалобно стонала. Он вдруг забыл о боли, усталости и несколькими прыжками преодолел короткое расстояние, разделявшее их. Осторожно приподнял ее за плечи, просунул руки ей под мышки и начал медленный подъем по дюне, стараясь не наступать на острые выступы скал.

Глактус, который не отрывал глаз от своего человекотовара, еще не забыл, что не получил положенную груду денег, позволявшую осуществить давнюю мечту, и заорал, как барван, которого режут:

— Черт подери! Догоните этого мерзавца! Он крадет ее у меня!

Он дрожал, как мальчишка, вертелся под фюзеляжем, колотил ногой, извивался, как прижатый камнем червяк. Лицо его побагровело и было залито потом, несмотря на ночную прохладу. Два его охранника выбрались из укрытия и, виляя, бросились за Тиксу.

— Только не стреляйте! — завопил торговец им вдогонку. — Постарайтесь не повредить девицу!

— Вы не только гнусная куча лживого жира, Кемиль! Вы и последний из кретинов! — прошипел Мицо. — Я вам сказал, что заплачу в любом случае!

— Я вам не верю! Вы, чииниты, все чокнутые! Здесь столько трупов, что вам хватит надолго! — возразил Глактус.

Одного из охранников торговца быстро снес луч с вершины холма, пробив кожаный нагрудник и разворотив живот. Но второй уже был в опасной близости к Тиксу. Оранжанин, согнувшийся под весом тела, едва дышал и шел крайне медленно.

Охранник выпустил несколько зарядов из скорчера, чтобы напугать Тиксу и вынудить его бросить девушку. Песок под ногами оранжанина горел, но он двигался вперед, делая

внезапные броски в разные стороны. Охранник приблизился к Тиксу и был уже в десяти метрах от него. Люди франсао перестали стрелять в него, опасаясь задеть своего.

Залитый потом, Тиксу почти совсем лишился сил. Он черпал последние остатки энергии, чтобы не уступить соблазну отказаться от всего. Он никогда не думал, что хрупкая девушка может оказаться такой тяжелой. Настоящий Тиксу возвращался в свое тело, возвышал голос, требуя своего права на страх, трусость, бегство. Около его ушей со свистом проносились лучи скорчера.

Приспешник Глактуса бросился к ногам сиракузянки. Вцепился рукой за одну ее ногу, пока его вторая, оставшаяся свободной, рука вслепую посылала лучи в оранжанина, который присел, избегая их.

Руки Тиксу выскользнули из подмышек девушки. Световые лучи не давали ему возможности выпрямиться и помешать охраннику, который тянул девушку к себе.

И в это мгновение голос Качо Марума, има садумба из лесной чащобы, прозвучал внутри него с невероятной силой и четкостью:

— *Сила бога Ящерицы сопровождает тебя. Ты непобедим...*

И подлинный Тиксу, простой смертный, опять стушевался. Он выпустил сиракузянку, и его противник потерял равновесие. Пока тот не пришел в себя и не навел на него скорчер, Тиксу бросился ему в ноги. Захваченный врасплох охранник упал ничком и выронил оружие. Он быстро вскочил на ноги, протянул руку, чтобы завладеть им, но Тиксу был быстрее: он нанес ему сильнейший удар пяткой в низ живота, единственное место, которое не было защищено кожей или сталью. Но удар будто попал в каменную стену.

Уродливая улыбка скривила покрытое шрамами лицо охранника, все болевые ощущения которого были подавлены наркотиком. Он продолжал брести к скорчеру, поблескивающему в лучах Салома... Сила бога Ящерицы... Оранжанин нанес второй удар кулаком прямо в нагрудник панциря. Толстая кожа лопнула, как яичная скорлупа. Пальцы Тиксу пробили ребра и вонзились в горячую плоть, словно острый нож. Его лицо и шею оросила кровь. Охранник застыл, из его горла вырвался жалобный стон, руки и ноги ослабели, будто порвались нити, за которые их дергали.

Тиксу выбрался из-под трупа, присел рядом с сиракузянкой, взвалил ее на плечо и обогнул дюну. Несколько робких залпов со стороны автобусов пронеслись мимо.

— Черт подери, дерьмо! Догоните их! Убейте! — закричал Глактус.

— *Прикройте их!* — раздался приказ франсао.

На пустыню обрушился новый шквал огня.

Двигатели аэрокара Било Майтрелли тихо жужжали. Тиксу забрался в округлое брюхо машины. Трап свернулся под пятками двух охранников, выбежавших ему навстречу, створки сухо захлопнулись.

— Уходим! — сказал Майтрелли. — Мои люди задержат их на час. Как раз хватит, чтобы спрятать девушку и вернуться за ними.

Зортиас включил стартовые двигатели. Аэрокар резко взлетел вверх, подняв тучи песка и камней, и быстро набрал высоту.

Обезумев от ярости, Глактус выкарабкался из неудобного убежища и бросился вслед за улетающей машиной, уже растворившейся в ночи. Было что-то жалкое в отчаянном беге этого разъяренного мастодонта, который вопил от отчаяния, что разбита его мечта. Он забыл об элементарной предосторожности: сверкающий луч вонзился ему меж лопаток и проделал пробоину в ткани и плоти. Торговец-толстяк рухнул на землю. И полы его серебристой накидки захлопали под порывами ветра.

— Поганая куча жира! — проскрипел Мицо. — Умирать из-за денег!

Чиинит думал, как обеспечить выживание. Он с растущей опаской поглядывал на увеличивающиеся дыры в фюзеляже и прикидывал, как без риска добраться до рычага, открывающего вход в дюну.

Аэрокар Майтрелли летел над пустыней. Тиксу осторожно уложил сиракузянку на боковое сиденье. Она сильно дрожала, и он укрыл ее пиджаком франсао, который, оставшись в одной рубашке, занял второе место в кабине управления.

Майтрелли обернулся и поглядел на залитого кровью Тиксу.

— Твой кулак пробил его броню!

В его голосе ощущалось сдержанное восхищение.

— Ты весьма скрытен, мой юный друг! Ты не говорил мне о своем даре!

— А как я мог сказать о нем? — ответил Тиксу. — Я сам не знал о нем!

Он помолчал и продолжил:

— То, что я скажу, может показаться вам смешным, дурацким... Удар нанес не я, мною воспользовалась Ящерица!

— Что? Ящерица?.. Что за бред?

— Очень долго будет объяснять, — пробормотал Тиксу и задумался.

Девушка тихо стонала. Ее лицо, которое почти с детским восхищением разглядывали два охранника, сидевших напротив, иногда перекашивалось, превращаясь в маску ужаса. Внезапные судороги сотрясали ее тело, словно оно пыталось изгнать невидимого оккупанта.

Майтрелли перехватил взволнованный взгляд Тиксу.

— Вирус... Вначале он вызывает острые приступы лихорадки. Бред, иногда прерываемый проницательностью, когда разум работает в ускоренном режиме. Потом день за днем, и если впрыскивают сыворотку, умягчитель парализует волю... И больной превращается в пустую оболочку...

— И нет никакого противоядия?

Слабое пламя надежды мерцало в вопросе Тиксу. Лаконичный ответ франсао погасил его.

— На сегодняшний день оно неизвестно, как я уже тебе говорил.

Они летели над первыми разрозненными строениями, окруженными парками с серой жесткой травой. В этот час запретные кварталы были еще погружены в вязкий сон. Лампы и вывески не горели, словно побежденные упрямством мрака.

И ни разу они не заметили, что за ними следят. Быстрое такси, невидимое в ночной тьме, летело прямо над ними. Его пассажиры не упустили ни единого мгновения сражения, разыгравшегося среди дюн Ражиата-На.

Глава 10

Я избрал священный путь Защиты,
И не могу с него сойти...

В любое мгновение дня и ночи
Я буду защищать мысли моего господина,
Лишь он один имеет право посещать свое тайное святилище...

Я храню в секрете мысли моего господина
И никому их не раскрою,
Я навсегда их забуду, иначе я умру...

Эти слова — моя клятва,
Эти слова — моя честь.

Архивы конгрегации смелла:
Священный путь защитника.
Выдержки из кодекса чести
Ментальной Защиты

Артуир Буманил в сопровождении мыслехранителя шел быстрым нервным шагом. Уже наступила вторая сиракузская ночь.

Пять спутников испещрили потемневший небесный свод длинными шрамами от изумрудно-зеленого до кроваво-красного цвета. Их свет отражался от почти прозрачных плодов и листьев пальмин, шелестевших под ласковыми порывами ветра.

Артуиру казалось, что шорох подошв, сделанных из легчайшего шелка, по гладкому желтому мрамору тротуара производил невероятный грохот и каждый его шаг в этом пустынном, спящем квартале должен был привлечь внимание любого патруля Пурпурной гвардии, которых было немало в Венисии... Безумие! Его решение было настоящим безумием!

Он пытался совладать с собой, превратиться в легкую птицу, но это было трудно для человека его комплекции: массивного, крепко стоящего на мощных ногах. Пока ему только удавалось с грехом пополам подражать скачущей походке доморобота, чьи цепи уже изъедены кислотой.

А мыслехранитель скользил по тротуару словно призрак. Артуир только улавливал едва заметное шуршание его белого бурнуса, задевавшего мрамор. Без успокоительного присутствия скаита он уже давно бы повернул назад. И зачем он только вышел на улицу... Его мозг погрузился в океан ужаса. Зачатки ментального контроля, которым его за огромные деньги научил эксперт автопсихозащиты, рухнули под ударами страха, как рушится плохо сложенная стена под напором ветра.

Он мысленно поносил всех водителей такси, гнусных выродков чужаков, которых никогда не было рядом, когда в их услугах остро нуждались. Перед выходом он запросил катер, но ему ответили, что служба внутренней сиракузской безопасности реквизировала все летательные аппараты и дерематы Венисии. Ему оставалось проделать весь путь пешком.

Округлое лицо торговца пряталось в поднятом вороте темно-синего плаща — он выбрал этот цвет, заботясь о гармонии, хотя подсознательно желал полностью раствориться в ночном мраке, стать крохотной тенью в тени большой. Тщетная

предосторожность из-за сверкающей белизны бурнуса мыслехранителя. Время от времени он слышал приглушенный шум в переулках. Тогда он останавливался, сердце его было готово выскочить из груди, дыхание учащалось, близорукие глаза (жена его была категорически против пересадки органов) пытались пронзить ночную тьму, в которой угадывались неясные серые тени жилищ, уложенных в черный футляр окаменевших парков.

— Артуир Буманил — плохой конспиратор! — с иронией сказала его жена в тот вечер, когда у нее было игривое настроение.

Он соглашался с ней. С момента, когда он получил шифровку от Тиста д'Арголона, он против воли оказался в тисках тоски, которая теперь никогда не покидала его ни в лавочке, ни дома, ни в господском дворце, куда его часто вызывали по делам. Страх стал повседневным спутником: если Тист д'Арголон и его друзья сумели взломать ментальный барьер, установленный мыслехранителем, услышать его потаенные мысли, то другие, чьи намерения были вовсе не дружественными, тем более могли это сделать. Он днем и ночью боялся, что к нему ворвется батальон пурпурных гвардейцев! Он боялся, что его бросят в зловещую, воздушную клетку подземной темницы Бролли-Анг! Он боялся постоянных, подозрительных взглядов кардиналов и викариев во время церковных служб два раза в неделю!.. Он боялся всех и вся...

И все же, несмотря на раздирающие его когти страха, Артуир решил отправиться на секретную встречу с Тистом д'Арголоном. Он считал свой ужас испытанием, которое доказывало его право на принадлежность к аристократии по крови, хотя он торговался за свою знатность, как за кусок материи.

— Вы сошли с ума, мой бедный Артуир! Когда вы оказываетесь среди людей, вы не можете связать даже пару слов! — однажды воскликнула его жена.

Женщины, а его жена в особенности, были карой небесной, которых он ненавидел за умение возражать по любому поводу.

Как он понял, на встрече будут все видные лица сиракузского двора. Репутация Тиста д'Арголона была единственным аргументом, который заставил его принять решение. Хотя он открыто и не признавался себе, ему льстило, что видный царедворец, высший арбитр в области элегантности и вкуса, признанный глашатай сиракузской традиции, вспомнил о нем, Артуире Буманиле, мелком человечке, недавно приобщенном к знати, отпрыске торговцев тканей, чье социальное возвышение было результатом растущей моды на переливающиеся ткани, от которых придворные дамы и господа буквально сходили с ума. Но

когда они сталкивались в коридорах господского дворца, Тист никогда не приветствовал его, даже не бросал взгляда на коммерсанта. Однажды утром он имел несчастье поделиться своими огорчениями с женой.

— Мы же просто лавочники! — с презрением выплюнула она. — Ваш отец купил знатность как вульгарный кусок ткани! Вы думаете, этого достаточно, чтобы попасть в мир знати? Вы и ваши смешные уроки ментального контроля, вы и ваш глупый мыслехранитель... Что бы вы ни делали и ни говорили, придворные относятся и будут относиться к вам как к чужаку. Вот так, мой бедный Артуир...

Он ненавидел, когда она называла его «мой бедный Артуир». Она почти всегда унижала его. Но поскольку она обладала провинциальным здравым смыслом и никогда не ошибалась, он старался следовать ее советам и держаться в жестких рамках своего сословия.

И вот он получил эту шифровку — мир знати призывал его к себе! Представлялась нежданная возможность примкнуть к элите!

— И что, супруга моя, вы скажете на это?

— Полагаю, что здесь что-то нечисто! Если они вас приглашают, господин Буманил, то, значит, нуждаются в ваших денежках... или хотят удостовериться в поддержке гильдии коммерсантов, одним из представителей которой вы являетесь! И ни в коем случае не из-за вашей драгоценной персоны, мой бедный Артуир!

Вот и теряйте время на споры с женщиной, которая называет вас «господином» и величает «бедным Артуиром» в конце каждой фразы!

У Артуира были более возвышенные мысли по этому вопросу, но он предпочитал держать их при себе: большая группа придворных искала средство уменьшить влияние скаитов и в основном ограничить могущество коннетабля Паминкса. Никто не чувствовал себя в безопасности в Венисии, где знать и буржуа сражались за мыслехранителей, которых не хватало на всех. Без их защиты придворные ощущали себя нагими перед ментальной инквизицией скаитов-чтецов Церкви или агентами безопасности. На площадях Венисии воздвигалось все больше огненных крестов, внутри которых в ужасных муках агонизировали вероотступники, еретики и диссиденты.

А когда людям вроде Артуира Буманила удавалось за бешеные деньги заручиться драгоценным содействием

одного или нескольких мыслехранителей, то их постоянное присутствие даже в самые интимные моменты семейной или супружеской жизни начинало раздражать, подавляло, вызывало ненависть.

— Господни Буманил, я отказываюсь, чтобы какую-либо часть моего тела ласкали под взглядом этого... этого монстра! — возражала дама Буманил, когда ее муж сознательно забывал об уроках контроля чувств и становился игривым.

Поэтому пришлось поставить ширму, отделявшую мыслехранителя от супружеской постели. Но даже с этой ширмой из ткани дама Буманил отказывалась расслабляться и с недовольством и холодной покорностью терпела приставания мужа, что было предзнаменованием бесконечных периодов воздержания.

Если бы только это: Артуир чувствовал, что теряет себя. Словно его мыслехранитель, который никогда не спал, никогда не ел, никогда не отдыхал, мало-помалу расшатывал границы его личности, а бдительный дух скаита постепенно вытеснял личность Артуира. Безмолвный скрытный завоеватель, который, если все будет так продолжаться, вскоре займет его пустую оболочку, лишенную естества.

Дама Буманил отказалась заводить себе мыслехранителя.

— Да храни меня Крейц! Лучше тысячу раз умереть, чем иметь ангела-хранителя, прилипающего к заднице!

Образ был спорным, даже вульгарным, но, по сути, она была права. К тому же смущал тот факт, что на встрече, организованной Тистом д'Арголоном, требовалось обязательное присутствие мыслехранителей, хотя ее целью было как раз освобождение от них. Все это доказывало, до какого уровня абсурдности дошла сиракузская знать.

Артуир Буманил, изредка прозорливый свидетель интриг двора, знал, что целью Тиста д'Арголона было возвращение привилегий, которые, как он считал, отняли у знати. Несмотря на умелые маневры оппозиции, Паминкс окончательно утвердился в функции коннетабля и в подверженных влиянию мыслях сеньора Ранти Анга. Если Тист д'Арголон раздувал пламя мятежа, созывал всех союзников, организовывал фронду, то прежде всего ради восстановления прерогатив сиракузской аристократии, а следовательно, и возвращения кормила власти, которое ускользало из ее рук. Но эта просчитанная политическая эксплуатация всеобщего недовольства не смущала Артуира, ибо служила общим интересам. Более того, если бы Тист д'Арголон стал коннетаблем Сиракузы, то мелкий торговец тканями мог

попросить более почетную должность в соответствии со своими амбициями и мечтой отца, основав династию, в аристократическом происхождении которой никто бы не сомневался. Как бы ни думала об этом его жена!

— Господин Буманил, мелкие лавочники не становятся аристократами по мановению волшебной палочки! Вам не стоит лезть в эти истории! Не надо совать нос в придворные интриги... Удовольствуйтесь своей профессией и возблагодарите Крейца за то, что он вам дал!

Ну попробуйте убедить мегеру, в голове которой только цифры и тряпки и которая с помощью Крейца пытается вас унизить!

Уходя из дому, Артуир хлопнул дверью, чтобы показать свое несогласие, и ощутил, что у него выросли гигантские крылья, к несчастью объедаемые страхом с момента, как он вышел за ворота сада.

Капюшон бурнуса частично скрывал неприятное лицо мыслехранителя. Они шли вдоль Стадиома, гигантского здания, чьи высоченные стены закрывали часть звездного неба. Артуир вспомнил о цирковых представлениях, которые видел здесь еще ребенком, сидя в молчаливой завороженной толпе. Он вспомнил о гордых всадниках на рогатых шигалинах, пытавшихся уклониться от удара летающих камней, которыми управляли их противники. Он вспомнил о глухом рокоте камней, о яркой крови, стекающей по бокам зверей, о запахе пота и экскрементов, о висках с раздутыми венами Калула де Мерона, Герклеса Трисмегара, Паулена Сент-Фиака, главных героев венисийской команды, о восхищении ими, о культе, который им создало население Сиракузы... Потом сеньор Аргетти Анг по наущению Церкви Крейца запретил эти представления: нельзя одновременно любить Крейца и делать идолов из существ из плоти и крови... Он вспомнил, что проплакал целый день, когда отец сообщил ему об ужасной новости...

Они наконец добрались до роскошного особняка Тиста д'Арголона, замка с конической крышей и кружевными элегантными башенками, украшенными белыми опталиевыми стрелами, которые бесстрашно шли на приступ мрака. Многовековые деревья парка едва светились под лучами пяти спутников второй ночи.

Чуть дальше, в самом конце центральной аллеи, выложенной белыми геммами, начиналась монументальная лестница, ведущая на высокую обширную террасу с лесом белых и розовых колонн. Разноцветные луны отражались в гладких зерка-

лах овальных симметричных бассейнов и дробились бликами на поверхности многочисленных собакольвов и медвигров из опталия, которые прятались в оранжевой траве и зарослях.

Восхищаясь гармоничным величием парка, Артуир спросил себя, а правильно ли выбрано место для такой встречи. Ходили упорные слухи о скрытой войне между Тистом д'Арголоном и коннетаблем Паминксом, что, несомненно, привело к тому, что надзор за особняком аристократа усилился. Будучи настороже, торговец тканями не заметил никакого движения и не услышал никакого подозрительного шума. К тому же безопасность и скрытность гостей гарантировались шифровкой.

Ни единый луч света не просачивался через овальные и треугольные окна фасада. Замок казался зачарованным. Внутренний голос вдруг переполошившегося Артуира посоветовал ему повернуть назад. Но в приступе гордыни он подавил его. Не мог же он вернуться домой с опущенной головой и расстроенным выражением лица: тогда ему на десять лет обеспечены язвительные насмешки жены! Он осторожно толкнул приоткрытую створку врат, фронтон которых украшали опталиевые арабески и фигурки.

Оглушительно вопя, хохлатые павлины, чей сон был внезапно потревожен, бросились врассыпную. Сердце Артуира едва не выскочило из груди. Ему пришлось призвать на помощь все свое мужество, чтобы не сделать мыслехранителя свидетелем своего панического бегства. Кровь постепенно успокоилась, а пульс пришел в норму. Он вновь подавил внутренний голос, который удивительно напоминал голос дамы Буманил, и в соответствии с инструкциями шифровки двинулся по центральной аллее.

Белые геммы скрипели под его ногами. Он обеспокоенно обернулся, проверяя, следует ли за ним скаит. Тот по-прежнему был позади, но в этом пустынном парке, где все, казалось, насторожилось, его белый бурнус вдруг разросся до опасных, угрожающих размеров.

Буманил пожал плечами и дошел до конца аллеи. Потом, не поднимаясь по лестнице, вырубленной из цельного блока дельфской бирюзы — целое состояние, — свернул налево и обогнул округлое крыло главного здания, перед фасадом которого пламенела изгородь из пунцовых шипастых цветов. В сопровождении мыслехранителя он свернул на другую аллею, более узкую и выложенную хрусталем. Вдоль нее росли кустарники с разноцветными плодами.

Он повернул еще раз. Из мрака возникли два огромных собакольва с развевающимися гривами, ощерившие-

ся огромными клыками, и с ревом бросились к торговцу, который в ужасе застыл на месте. Морды зверей коснулись его икр. Он обратился к Крейцу и к самым известным святым Церкви с мольбой, чтобы их клыки не сомкнулись на его плоти. Его молитва была услышана: хищники с огненной шкурой небрежно тряхнули гривой и, даже не обнюхав скаита, потрусили в сторону густых кустарников, где и исчезли.

Артуир облегченно вздохнул. Он решил, что они надрессированы на выявление нежелательных гостей, — утешительная мысль для человека, который нуждался в утешении. Еще дрожа, он двинулся дальше, ускоряя шаг по мере того, как углублялся в парк. И наконец увидел бронзовый купол высокой экзотичной пагоды с соломенно-желтыми стенами, которая в шифровке именовалась «храмом Любви и Летних Снов».

Его никто не встретил, когда он подошел к портику главного входа. Он спросил себя, не ошибся ли днем — невозможно, он тысячи раз перепроверил! — или того хуже, не попал ли в засаду, устроенную людьми коннетабля. Внутренний голос воспользовался сомнениями, умоляя отправиться обратно. Но он не мог капитулировать без борьбы. Эта встреча могла оказаться шансом в его жизни, а врожденная склонность к слабости не должна была помешать ему упустить этот шанс. Он не слышал никакого шума, не знал, что ему предпринять перед этой раздвижной, герметически закрытой дверью, не знал, должен ли заявить о себе: постучать, позвонить — правда, звонка не было — или закричать. Об этом шифровка ничего не говорила.

Его одиночество в сердце огромного парка заставило ощутить неприятную смехотворность положения. После пяти минут ожидания он решил вернуться. И черт с ними, с насмешками дамы Буманил! Он возразит, что встречу отменили в самый последний момент. Она, безусловно, не поверит ему, но не пострадает его мужское достоинство... Он признал, что решение принесло ему глубокое облегчение.

Бесстрастный мыслехранитель ждал в трех метрах позади него. Вдруг дверь пагоды отодвинулась в сторону, и проем осветился ярким светом. Волна паники залила душу Артуира Буманила. В проеме возникла фигура.

— Входите, господин Буманил!

Торговец сделал несколько шагов и узнал Маркуса де Флоренца, одного из верных соратников Тиста д'Арголона. Он успокоился и бодрым шагом двинулся вперед. Оказавшись рядом с Маркусом, худощавым человеком в светло-желтом

облегане, он приветствовал его, но не сумел исполнить приветствие с надлежащей грациозностью. Маркус искоса наблюдал за гостем, сохраняя одновременно серьезный и насмешливый вид.

— Почему нет никакого наблюдения на подходе к парку и дому? — спросил Артуир, выпрямляясь. — Вы не боитесь, что к вам проникнут незваные гости?

Маркус снисходительно улыбнулся:

— Знайте, господин Буманил, мы сознательно пошли на это. Явные предосторожности только бы привели к появлению ненужных подозрений. Куда лучше, если жилище нашего хозяина выглядит по-обычному спокойно. Но не думайте, что на наше собрание смог бы прийти кто угодно без приглашения. Знайте также, что с момента вашего появления в парке за вами следила камера ночного видения. Она позволила вас идентифицировать, передать ваш запах собакольвам, чье обоняние обмануть нельзя. Более того, вы два раза прошли резонансно-магнитный контроль для обнаружения любого оружия, холодного или огнестрельного... Вас удовлетворяют такие предосторожности, господин Буманил, или вы все еще боитесь оказаться в дурной компании?

— Да... нет, конечно... — забормотал коммерсант, уязвленный тоном своего собеседника, который обратил внимание на его колебания. — А вы ходите без мыслехранителя?

— Он мне не нужен, когда я нахожусь среди друзей...

Дверь резко щелкнула, закрываясь. Они оказались в огромной полутемной прихожей. Маркус набрал код на подвесной консоли. Воздушная платформа — настоящее состояние — бесшумно спустилась по прозрачной трубе и замерла у их ног.

Торговец и Маркус уселись на светящиеся табуреты. Мыслехранитель остался стоять.

— Мы пригласили вас, чтобы попросить защиты нашего дела в Гильдии промышленников, торговцев и ремесленников, — сказал Маркус, пока платформа медленно плыла вверх.

— Ваше... дело? — с трудом сглотнул Артуир.

Как всегда, дама Буманил была права. Сиракузские аристократы не собирались принимать его в свои ряды. Они хотели использовать его относительное влияние в Гильдии.

— Мы хотим избавиться от скаитов, — тихим голосом продолжил Маркус. — И нам нужны все добровольцы. В частности, те, кто составляет экономическую ткань Сиракузы.

— Почему я? Как вы узнали, что...

— Что вы один из наших? Очень просто, господин Буманил... Наши специалисты-морфопсихологи составили

список всех придворных, кого раздражают мыслехранители. Ведь это ваш случай?

— Да, да... Но разве нет других коммерсантов или крупных промышленников, более компетентных, чем я, в этом деле?

— Большинство коммерсантов и деловых буржуа устраивает нынешняя ситуация. Гильдия всегда боролась с аристократией. Но Гильдия не понимает, что, способствуя игре скаитов Гипонероса, она может очень горько пожалеть о своем нейтралитете! Нам надо теснее сплотиться перед угрозой, которую представляют собой скаиты. Тист д'Арголон хотел бы переговорить с вами на эту тему после окончания собрания... в частном порядке.

Частная беседа с Тистом д'Арголоном! Черт подери, милая женушка! Мы еще поглядим, будете ли вы величать меня господином и бедным Артуиром по всякому поводу!

Платформа вознесла их на седьмой этаж пагоды. Маркус де Флоренца провел Артуира и его мыслехранителя в огромную роскошную комнату, стены которой покрывали оранжевые водяные обои. Они оказались под самым куполом: под коническим потолком плавали светошары. В центре музыкальный фонтан в форме трезубца наигрывал модную мелодию. Паркет из драгоценного дерева источал тонкий аромат.

Восхищенный Артуир буквально вылупил глаза. Но, заметив суровый взгляд Маркуса, тут же вспомнил, что открытое проявление чувств перед людьми является дурным тоном.

Подвесные кресла располагались перед круглым возвышением, на котором стояли древний стол и две скамьи, обтянутые белым шелком. Большинство кресел занимали известные придворные, которых торговец не раз видел в коридорах дворца. Все они были в лучших одеждах: роскошные облеганы, богатые бархатные камзолы, расшитые опталием или старым зеленым золотом, накидки, плащи, капюшоны с мерцающими коронами, из-под которых выпадали умело переплетенные косички... Симфония ярких цветов, жарких — от пурпурного до золотого, нежных — от изумрудно-зеленого до розового, холодных — от темно-синего до фиолетового. Артуиру льстило, что многие ткани происходили из его пошивочной мастерской. Треть гостей Тиста д'Арголона были женщины, чьи бронзовые, серебристые или золотистые локоны лежали на перламутровых щеках.

— За одним или двумя исключениями все собрались. Садитесь! — пригласил Маркус.

А затем попросил скаита-мыслехранителя Артуира присоединиться к своим коллегам, белой неподвижной

армии, занимавшей позицию в глубине комнаты. Торговец опустился в кресло и обвел глазами аудиторию.

Соседкой Артуира оказалась знаменитая актриса-мим, женщина исключительно красивая, про которую злые языки поговаривали, что она два года делила ложе с Менати Ангом, братом нынешнего сеньора Сиракузы. Ее огромные бирюзовые глаза остановились на госте, окатив его презрением. Потом она наклонилась к красавчику неопределенного возраста в красном облегане и прошептала ему на ухо несколько слов, которые вызвали у того едва заметную улыбку. Артуир принял эту улыбку как издевательство, но набрался мужества и сделал вид, что ничего не заметил. Эта сладковатая, ядовитая атмосфера, где лесть чаще всего сопровождалась гнусной клеветой, выводила его из себя. Слова, выражения лиц и жесты придворных были настоящим шифрованным языком, скрывавшим двойные, а то и тройные намерения, в которых было трудно разобраться такому простому и честному человеку, как Артуир Буманил.

Тягостное ожидание быстро переходило в недовольство. Десятки колючих, едких глаз, едва прикрытых завесой двуличия, уставились на него. И снова он горько пожалел, что не послушался жены и своего внутреннего голоса. Он проклинал свою безумную гордыню, заставившую поверить, что стал членом этого неуловимого мирка.

— Дорогуша, вы, по невероятной случайности, не являетесь торговцем тканями Ар... Артусом Момбуалем?

Он вздрогнул. Актриса впилась в него своими непроницаемыми глазами. Он выпрямился и пробормотал:

— Буманил, Артуир Буманил... Да, это я... Я... Чем могу быть вам полезен, госпожа?

— Честное слово, можете, господин Момубаль! — ответила его собеседница с едва заметной издевкой. — Надо бы посетить вашу лавочку: говорят, ваши ткани — истинное чудо! Такие легкие, что создается удивительное ощущение, что на тебе ничего нет!

Она сознательно сделала упор на последней фразе, нарушив правила этикета. Многочисленные скандалы, возникшие по ее вине, создали актрисе отвратительную репутацию, хотя ей многое прощали за талант. Она добилась своей цели, поскольку многие повернулись в их сторону, усилив смущение коммерсанта, распятого на своем кресле. Ему хотелось обратиться в дымок, по мановению волшебной палочки исчезнуть из-под перекрестного огня этих презрительных глаз. Его внутренний го-

лос набрал силу и заставил торжественно поклясться, что больше никогда он не явится на подобное сборище.

Появление Тиста д'Арголона и его супруги Марит помогло ему выбраться из неприятной ситуации. Супруги вышли через потайную дверь со стороны эстрады. К величайшему облегчению Артуира, взгляды палачей перенеслись на хозяев дома, оставив его во власти печальных размышлений.

Тист д'Арголон был пропитан природной грацией отпрысков древних сиракузских семей, которые много сделали для гегемонии аристократии во время первых войн, затеянных Артибанием МакМалистом, первым из знатных изгнанников, поднявших армию против войск ненавистного Планетарного Комитета. Тист, высокий худой человек с гладким правильным лицом, выщипанными бровями, желто-золотыми глазами и серыми локонами на висках, был одет в ярко-голубой облеган и короткий темно-синий плащ. Его скромное одеяние, качество которого Артуир, как эксперт, сразу оценил, словно погасило вызывающую роскошь остальных. Марит, его жена, выбрала чисто-белый цвет, облеган и накидку, отделанную древними лунными камнями молочного оттенка. Угольно-черные глаза и локоны подчеркивали идеальный овал лица, выделяясь на фоне незапятнанной белизны. Это была великолепная, сверкающая пара, которая вызывала немедленное желание попасть в круг ее друзей. Их мыслехранители застыли по обе стороны эстрады.

Помощник Тиста ввел еще одного гостя. Это был мужчина среднего роста, сутулый и худой до того, что казался скелетом. В нарушение этикета или по непростительной небрежности его шафрановый облеган был испещрен подозрительными пятнами, темными кругами, а швы под мышками, на локтях и коленях разошлись. Его серо-седые волосы целыми прядями торчали из дыр капюшона, превратившегося в лохмотья, седеющая борода покрывала щеки и подбородок. Его глаза, утонувшие под выступающими кустистыми бровями, сверкали, словно от лихорадки или безумия.

И произошло невероятное: Тист д'Арголон пригласил этого человека сесть рядом с ним на одну из скамей. Удивленные взгляды гостей стали возмущенными, ропот неодобрения пронесся по залу.

Артуир решил, что этот человек был крейцианином-расстригой или еретиком, а значит, в любом случае обреченным жить на нелегальном положении, чтобы не кончить дни на огненном кресте. Но причина его появления во дворце Тиста

д'Арголона ускользала от него. Было трудно найти что-то более противоречивое, чем эти два существа, которые беседовали, как старые друзья, склонившись над древним столом. Эта встреча обещала много сюрпризов. Его внутренний голос внезапно замолчал: любопытство возобладало над страхом и недоумением.

Тист д'Арголон, подняв руку, попросил слова. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь журчанием фонтана.

— Приветствую всех, — низким мелодичным голосом начал придворный. — Очень счастлив, что вы все откликнулись на мое приглашение. В знак благодарности и по обычаю моя супруга Марит споет для вас гимн дружбы.

Артуир вспомнил, что до того, как стать женой Тиста, Марит была дивой эмоционального пения, известной на всех мирах Конфедерации Нафлина. Она пожертвовала карьерой ради любви к придворному. Их свадьба вызвала невероятную вспышку страсти в Сиракузе. Все каналы головидения и галактического радио подхватили новость. Несколько ее поклонников в отчаянии покончили с собой.

Хрустальный голос Марит взлетел над затихшей аудиторией, покоренной ее талантом. Артуир заметил, что многие гости передвинулись вперед, чтобы насладиться ее пением.

Певица пела не гимн дружбы, а дарила гостям саму его суть:

Наш дом, это — ваш дом,
Наши желания, это — ваши желания,
У дружбы нет границ,
Она — дар самого себя,
Она — река мира,
Впадающая в бесконечное море
Любви...

Голос Марит, стихая, растворился в печальном журчании воды, оставив аудиторию почти в болезненном восхищении.

Тист д'Арголон выдержал долгую паузу и тихо заговорил, чтобы не нарушить очарование:

— Еще раз спасибо всем, кто ответил на наш призыв. Я уверен, что в этот поздний час многие из вас предпочли бы спокойствие домашнего очага или удовольствия второй ночи... Но нас в высшей степени тревожит нынешняя ситуация на нашей прекрасной планете, как она тревожит и вас, если судить по вашему присутствию. Наши люди в сеньорском дворце сообщают нам тревожные вести. Мы уже давно подозревали, что скаиты Гипонероса, я говорю не о наших мыслехранителях, чья пре-

данность не может быть поставлена под сомнение, а о скаитах, входящих в ближайшее окружение Ранти Анга. Они плетут заговор с целью опрокинуть Конфедерацию Нафлина!

«Вот мы и приехали!» — подумал Артуир.

Ропот недоверия всколыхнул аудиторию. Но эта новость почти не удивила торговца тканями, который уже некоторое время знал, что скаиты манипулируют царствующей семьей в только им понятных целях. Знал... Точнее было бы сказать, что он выдал мнение дамы Буманил за свое... Он заметил, что придворные утратили ментальный контроль, пресловутую автопсихозащиту, познание которой давалось ему с таким трудом. Это касалось и его соседки-актрисы: на ее перекошенном лице появилась тревога, и она нервно покусывала ногти.

Тист д'Арголон поднял руку и восстановил тишину:

— Некоторые детали заставляют нас считать, что подлинной целью скаитов является полное и окончательное уничтожение человеческих рас, населяющих вселенную...

Хотя его соседка припудрила лицо, чтобы скрыть шрамы от курсов омоложения, Артуир увидел, что оно покрылось мертвенной бледностью.

— К несчастью, мы не знаем, какими средствами располагают скаиты. Жучки-наблюдатели, которые облетают дворец, не передают никаких сообщений. Однако недавние события укрепляют нас в наших предположениях: сеньоры Конфедерации и их главные советники собрались в Венисии на асму, которая, напоминаю вам, не должна была состояться здесь. Вот уже два дня из дворца, где проходит асма, не поступает никаких новостей, ни одного представителя СМИ туда не пропустили. Ни из галактического радио, ни с каналов головидения, ни независимых журналистов... Никого... Полное молчание...

Новый ропот, теперь возмущение уже почти не сдерживалось. Гости были знакомы с тревожными слухами, но предпочитали считать их очередным вымыслом. Они не желали затруднять себя мыслями, которые могли нарушить их ментальный уют. Но теперь пришлось признать очевидное: Тист д'Арголон не был из тех людей, кто распускает слухи. Они рассчитывали на встречу с людьми из своего круга, где можно было поважничать, похвастаться друг перед другом, восславить сиракузскую культуру, а оказались в сердце политической интриги! Многие уже горько сожалели, что пришли сюда, и проклинали хозяина за то, что тот заманил их в западню.

Тист д'Арголон встал и возвысил голос, чтобы пересилить шум:

— Вы услышите правду, даже если правда вас пугает! Один из наших людей видел специальную секцию скаитов коннетабля Паминкса, проникавшую во дворец асма через тайный подземный проход, которым не пользовались более ста лет. Они были безоружны, иначе автоматический контроль конгрегации смелла его бы обнаружил. Какова их миссия? Это пока остается тайной, но сомневаюсь, что они будут служить общим интересам!

При слове «смелла» Артуир тут же вспомнил спор с женой: она утверждала, что процесс смелла Шри Митсу был фальсифицирован коннетаблем Паминксом и Церковью Крейца, чтобы отделаться от ставшего помехой человека, наделенного опасной проницательностью. «Вы, как всегда, мелете чепуху! — заявил он. — Изгнание — слишком мягкое наказание, этого грешника надо было осудить на смерть! Он давал плохой пример молодежи!» Но дама Буманил была не из той породы женщин, которые покорно разделяют точку зрения мужа. «Есть и другие. Очень высокопоставленные лица, которые показывают дурной пример! — возразила она. — Но их не осуждают!..» Ну как ответить на такое? Он пожал плечами и отправился по своим делам.

— Еще одно! — продолжил Тист д'Арголон. — Тысячи миссионеров Церкви Крейца, едва закончившие послушничество и только-только надевшие шафрановые сутаны, были собраны в главном храме Геодезиля III. А потом их в массовом порядке отправили на другие планеты Конфедерации. Напоминаю вам, что все дерематы, подчеркиваю — все, как частные, так и транспортных компаний, были реквизированы службой сиракузской безопасности. Представитель ГКТ на планете, господин Жадахо д'Ибрак, сегодня присоединился к нам. Он хочет высказать возмущение этой беспрецедентной мерой, нарушающей конфедеральные декреты о свободе торговли и перемещений.

Пожилой человек с морщинистым лицом, одетый в облеган традиционных светло-зеленых цветов ГКТ и серебристый плащ, встал с места и поклонился. Тист д'Арголон тепло улыбнулся ему. Человек в грязном, рваном облегане наклонился к Марит, сидевшей на второй скамье, и прошептал ей несколько слов. Молодая женщина кивнула в ответ с серьезным видом.

— Коннетабль Паминкс в настоящее время опирается на мощный аппарат Церкви Крейца, — продолжил придворный. — Вначале — сеть, которую он плетет, накроет Конфедерацию. А затем, только Крейцу известны его замыслы... Мы опросили некоторых кардиналов из наших друзей, но они не со-

общили нам ничего нового либо потому, что их просили хранить полное молчание, пресловутое «церковное молчание», либо они сами не информированы... Некоторые наши люди, засланные в сеньорский дворец, исчезли! Почему? Что они видели или слышали в коридорах дворца?.. Все, кто собрался здесь, имеют одну общую черту: скажем... некоторое раздражение, усталость от скаитов Гипонероса, которые я сумел уловить. Мы подумали, что настало время объединить наши силы, найти общее решение для ведения конкретной борьбы с заговором Гипонероса. Мы, сиракузяне, всегда демонстрировали остальной вселенной, как надо уважать институты Конфедерации Нафлина! И отдали другим, пришельцам из неведомого, бразды правления! Мы отдали им свою душу! Наши предки имели мужество бросить вызов Планетарному Комитету, сборищу кровавых тиранов. Теперь перед нами встала священная задача выступить на борьбу против скаитов Гипонероса! Всеми средствами!

Он чеканил конец речи вибрирующим от страсти голосом. Тяжелое молчание воцарилось в комнате. Даже фонтан затих. Обескураженные придворные, утонувшие в креслах, не решались глянуть друг на друга. Актриса пыталась пригладить одну из непокорных золотистых прядей, которая только сильнее закручивалась под ее пальцами, усыпанными кольцами и перстнями с гранеными камнями. Слово взял Жадахо д'Ибрак, представитель ГКТ:

— Я полностью вместе с вами, господин д'Арголон! На наших еженедельных заседаниях сената Перемещений мы пришли к тем же заключениям... Однако среди нас нет военных! Более того, только последний бастион защищает Конфедерацию: Орден абсуратов. Если коннетабль Паминкс попытается опрокинуть нафлинскую систему, ему придется столкнуться с рыцарями-абсуратами. Имеем ли мы мощь и право подменять Орден? Его компетенция намного превосходит нашу...

Кивки голов и одобрительные восклицания поддержали речь Жадахо.

А ведь правда, я совсем забыл о них, с облегчением вздохнул Артуир.

«А что вы знаете об Ордене абсуратов? Быть может, это всего-навсего легенда, мой бедный Артуир!» — возразила бы его жена с характерным для нее недовольством.

— Нам не стоит доходить до подобной крайности! — возразил Тист д'Арголон с удивительной живостью и даже с гневом. — Нас, сиракузян, обвинят в том, что мы спровоци-

ровали беспорядок. Мы утеряем доверие! Наш престиж! Нам придется молчать от стыда! Наша молодежь нас отвергнет, ибо мы расстались со своими идеалами! Если мы не возьмем все в свои руки, наша цивилизация, наша культура, наша история будут разрушены собственной трусостью! Нас проклянут все народы и расы вселенной, как в свое время произошло с Планетарным Комитетом! Что завидного в такой участи? Неужели она достойна наследия, оставленного нам отцами? Мы — потомки гордых воинов, людей чести, которые вели борьбу, рискуя собственной жизнью, чтобы установить мир и гармонию в этом мире. Разве они ждали, чтобы другие, рыцари-абсураты или скаиты, решали вместо них их проблемы? Оставим ли мы другим заботу повернуть колесо нашей судьбы, наше личное колесо? Если да, то осмелимся ли мы поглядеть в глаза нашим детям? Мы уже не воины, но у нас есть другое оружие, не менее эффективное. Это — наши идеи!

Слова придворного воспламенили Артуира. По его жилам потекла горячая кровь, орошая все его органы, его тело, его голову.

— Господин Буманил, у вас закипела кровь! Удовольствуйтесь тем, что занимаетесь своим ремеслом, и возблагодарите Крейца!

— Помолчите, жена! Разве вы не видите, что здесь происходит? Мы переживаем редкий, необычный период истории. Именно он важен в жизни каждого человека!

Огонь энтузиазма сжигал беднягу Артуира, господина Буманила. Он выжигал все дотла, чтобы дать жизнь новому человеку, экзальтированному герою, идущему на поиск собственного мифа.

— Что вы предлагаете, господин д'Арголон? — спросил Жадахо.

— Мы поговорим об этом, но вначале мне хотелось бы услышать Паракумаджа...

Тист д'Арголон повернулся к худому мужчине в оранжевом облегане.

— Кое-кто из вас знает Паракумаджа: он некоторое время назад осуществлял функции кардинала Церкви. Потом счел, что ему нечего делать в церковной иерархии, и решил удалиться в горы Месгомии, чтобы вести там жизнь аскета. Он взял имя анахорета Паракумаджа. На древнем сиракузии оно означает «тот, кто отбрасывает иллюзии». Иногда он наносил мне визиты и старался привить мне смирение и самоотречение. Должен признаться, трудная задача!.. Сразу должен вас предупредить, что он внесен в Индекс еретиков церковным трибуналом и в любой момент может оказаться на огненном кресте... Но прошу вас забыть об этом: демарш Паракумаджа по своей откровенности,

быть может, равносилен исходному Слову Крейца. Я поговорил с ним о том, что нас беспокоит. Он пожелал взять слово во время нашей встречи. Нет смысла уточнять, что Паракумадж не нуждается в моем разрешении, чтобы высказаться! Скорее я должен просить его о привилегии выслушать то, что он скажет! Думаю, полезно, что святой голос вознесет нас до высот, где блистает вечный свет, перед тем как мы заговорим о наших действиях...

Паракумадж поблагодарил Тиста д'Арголона кивком, выпрямился во весь рост и воздел длинные руки с пальцами, покрытыми черным волосом, как лапы паука. Его неопрятный вид грязнули вызвал явное отвращение на лице актрисы, которая постаралась отвести от него взгляд, словно боялась быть навечно запятнанной. «Где же твой ментальный контроль, дорогуша?» — внутренне возликовал Артуир.

После бархатного тона придворного хриплый голос Паракумаджа, высившегося на эстраде как хищник, готовый к нападению, ударил по барабанным перепонкам аудитории.

— Мне понадобилось всего несколько секунд, чтобы понять — вы умираете со страха! — загремел святой человек. — Да, умираете со страха! Страх заполняет всю пустоту ваших тел! Страх...

Он замолчал и обвел глазами, в которых читалась мука, окаменевших придворных. Артуир недоумевал, куда он клонит. Если Тист д'Арголон раздувал пламя, то отшельник излучал холод. Торговец тканями уже не знал, потеть ему от жары или дрожать от холода.

— Почему страх? — продолжил Паракумадж. — Да потому что вы цепляетесь за свои чувства, потому что вам нравится жить в иллюзорном мире. Вы — заложники видимости, вы — игрушки миражей. Всю свою страсть вы вкладываете во внешний облик вещей! Я вижу перед собой только пудру, макияж, шрамы от курсов омоложения, тщета и суета! Фривольность! Видимость! Вы посвящаете себя лишь услаждению собственных чувств и забываете о душе, о храме! Вы оторвались от своих источников, и вы боитесь! Крейц говорил: «Те, кто забывает о душе, обрекает себя на цикл страданий...» И что вы делаете? Вы забываете о собственной душе! А потом удивляетесь, что другие завладевают ею, что другие распоряжаются вашим добром, вашим внутренним храмом! И используете мыслехранителей, чтобы воспретить доступ туда! Мыслехранители — те же репейники и крапива, которые овладевают вашей покинутой обителью. Что запрещает хозяевам, вам самим, входить туда... Вы ищете способ предохранить-ся? Все очень просто: очистите собственный дом! А тем,

что появляетесь два раза в неделю в храме, вы себя не спасете! Вам удастся лишь стать частью тех двуличных людей, которые за отсутствием души выставляют себя напоказ во время службы... Нет, решение ваших проблем лежит в вас самих. Докажите смирение, сострадание, и вам больше не понадобятся подобные встречи. Крейц дал нам пример, когда отказался...

— Богохульство!

Лающий голос раздался из глубины комнаты, с места, где стояли мыслехранители. Коготь страха вонзился в нижнюю часть живота Артуира, который вдруг вспомнил о жене.

Из группы вышел скаит и, пройдя вперед, остановился у фонтана, застыв перед первыми рядами гостей. Он сознательно провоцировал собравшихся.

— Что это с вами? Вернитесь к остальным! — рявкнул Жадахо д'Ибрак.

Скаит не ответил. Он театральным жестом откинул капюшон бурнуса на плечи. При виде этой головы с шершавой зеленоватой кожей многие из присутствующих вскрикнули от ужаса, а Артуир Буманил чуть не напустил в облеган. Этот скаит был не мыслехранителем, а Паминксом, коннетаблем Сиракузы, чьи желтые глаза сверкали как злокозненные звезды.

— Я всегда знал, что вы лишены чести, но не настолько, чтобы предательским путем проникать в мой дом! — презрительно процедил Тист д'Арголон. — Вас сюда не приглашали!

Артуир восхищался спокойствием придворного, но сам буквально растворился в страхе. Видите, куда ведут мечты о величии, господин Буманил!.. Почему, почему же он не послушал свою жену? Он превратился в бесформенный дрожащий кусок плоти, скорчившийся в кресле.

Глаза Паминкса остановились на эстраде, где Марит стоя держала мужа за руку.

— Оставьте свой высокомерный вид, господин д'Арголон, — возразил коннетабль. — Вы не вправе давать мне советы или язвить меня иронией. Я обвиняю вас и ваших гостей в заговоре против сеньора Сиракузы и святой Церкви Крейца!

— А я обвиняю вас в подкупе наших мыслехранителей! В том, что вы отдали им приказ нарушить кодекс чести! Я знаю, что вы способны ради достижения своих целей и на худшее!

— Так ли уж важно чувство чести? — презрительно усмехнулся Паминкс. — Оно принадлежит прошлому. Большинство из тех лиц, кто плетет заговор против царствующей семьи, собрались здесь. Вот, что важно. В этом смысле вы, госпо-

дин д'Арголон, позволили нам сэкономить массу драгоценного времени. За это вам особое спасибо.

Уязвленный Тист д'Арголон спрыгнул с возвышения, бесцеремонно оттолкнул человека, загораживающего проход, и двинулся к Паминксу, потрясая кулаком:

— Я велю, чтобы мои люди прикончили вас здесь, господин коннетабль, поскольку вы проявили неосторожность, бросая вызов мне на моей территории!

Зловещий смех Паминкса заставил Артуира вжаться в спинку кресла.

— Вы, несомненно, говорите о своей личной охране?..

Тист д'Арголон махнул рукой своему помощнику. Тот схватил голофон и нервно застучал по кнопкам.

В перепуганных глазах актрисы, которые то и дело останавливались на торговце тканями, уже не было никакой насмешки.

— Мне хотелось бы спросить, по какому праву вы произнесли слово «богохульство»? — спросил Паракумадж. В глазах его горели яростные огни.

Паминкс уставился на еретика, стоявшего на эстраде, — патетическая фигура на носу терпящего бедствие корабля.

— По праву, дорогой кардинал Лабуати, носящий ныне кличку Паракумаджа, нашей святой Церкви, одним из высших иерархов которой я являюсь в качестве коннетабля, а потому имею право на вынесение суждения. Успокойтесь, кардинал Лабуати, вас не казнят немедленно: прежде вы предстанете перед трибуналом святой Инквизиции... И будете молить Крейца, чтобы он сократил ваши муки.

— Что... что вы сделаете с нами? — послышался блеющий голос, в котором Артуиру удалось узнать голос президента Академии эфемерных искусств.

Перепуганный торговец тканями плавал в холодном поту. Сердце его почти перестало биться, дыхание остановилось. Он сомневался, что покинет этот зал живым.

Голофон оставался немым. Тист д'Арголон понял, что проиграл. Он вернулся на эстраду и обнял Марит, чьи беззвучные слезы походили на лунные камни, выпавшие из ее капюшона.

Издевательская улыбка скривила безобразное лицо коннетабля, и он вынес приговор:

— Все вы отныне являетесь препятствием для установления нового мира. Мы должны безжалостно удалять больные клетки, чтобы они не поразили гангреной все тело. От име-

ни сеньора Ранти Анга и в силу предоставленной мне власти я обвиняю вас всех в государственной измене!

Аудиторию охватила паника. Одни гости бросились к главной двери, другие — к боковой, остальные сгрудились позади эстрады. И столкнулись с людьми в белых масках, которые перекрывали все выходы и на вытянутых руках которых сверкали направляющие дискометов. Перепуганных людей оттеснили к центру комнаты. Царил полный беспорядок, они опрокидывали кресла и толкали друг друга, как мухожуки, попавшие в ловушку.

— Вы не имеете права посягать на их жизнь! — закричал Тист д'Арголон. — Если вам нужна голова, возьмите мою! Можете делать со мной что угодно, но, прошу вас, не лишайте их жизни! Господин коннетабль! Во имя всего, что есть самого...

Он схватился за виски. Ужасающая боль разрасталась внутри его головы, невидимые холодные щупальца рвали мозг. Он рухнул на пол эстрады и после нескольких конвульсий навсегда затих. Марит пронзительно закричала и с рыданиями упала на труп мужа. Ей хотелось в последний раз спеть для человека, которого она любила. Это она делала лучше всего. Она затянула старую арию Промежуточного века, арию, которую выучила в детстве, где рассказывалось о трагической судьбе любовников Сохорго. Она резким движением сорвала капюшон, мешавший петь. Ее длинные темно-коричневые волосы упали на плечи и спину, прикрыв ее, как саван... Потом ее несравненный голос замолк.

Все это время Жадахо д'Ибрак и его друзья твердили о своей невиновности и обвиняли во всем хозяина: он завлек их к себе льстивыми речами, бессовестно воспользовался их наивностью, а они всегда мечтали жить в мире и согласии со скаитами. Актриса была не из последних, кто защищал себя, проклиная супружескую пару, мерзавцев и еретиков. «Доказательство, — верещала она, показывая на Паракумаджа, — этот тип, которого они привели».

Артуир Буманил, не двигаясь, сидел в кресле. Он видел перед глазами нежное и суровое лицо супруги, думал о детях, которых не успел зачать, о своей модельной мастерской, где переливающиеся ткани кроились и сшивались автоматами с голосовым управлением. Сколько он в них вложил, истинное состояние... Он подумал, что даме Буманил придется заменить управление, ведь машины подчинялись только его голосу... Быть может, ей придется найти другого мужчину, который будет терпеть ее придирки... Она любила придираться, но в душе не была злой... Он вдруг понял, что любит ее.

Актриса стояла на коленях перед Паминксом рядом с эстрадой, где Тист и Марит объединились в вечном сне, и вымаливала, чтобы ей оставили ее жалкую жизнь, и что-то обещала.

Артуир понял, что смерть несут скаиты, которые заменили мыслехранителей. Ментальная смерть... Да сжалится над нами Крейц! Машинально, не сознавая, что делает, он встал и, как сомнамбула, направился к главной двери.

Повсюду, вокруг скаитов и убийц-притивов, придворные умирали как мухи. Буманил медленно пробирался меж опрокинутых кресел, перешагивал через трупы и вдруг очутился перед дверью. Прежде чем выйти, он обернулся: в живых не осталось ни одного из гостей Тиста д'Арголона.

Впрочем, нет, один остался, это был он, Артуир.

Он ожидал, что его вот-вот настигнет смертоносная мысль или диски наемников. Но перешагнул порог без всяких затруднений. Буманил спрашивал себя, а не его ли призрак идет по коридору.

За его спиной раздался голос:

— Эй, ты!

Артуир обернулся и увидел наемника в черном, который вышел из дверей вслед за ним и направлялся к нему с вытянутой рукой.

— Тебе что здесь надо? — донесся голос из-под маски.

Слова сорвались с уст Артуира сами собой:

— Меня зовут Артуир Буманил, я торговец тканями. Тист д'Арголон пригласил меня, чтобы заказать одежду... И просил прийти после собрания...

— Он вряд ли сделает заказ! — ухмыльнулся наемник.

Сверкающий диск скользнул на металлические направляющие, вшитые в его предплечье.

Артуир зажмурился, но не смог вспомнить подходящую молитву с обращением к Крейцу.

Потом услышал гулкий лающий смех.

— Пошел вон, пока я не передумал! — рявкнул наемник.

Буманил не заставил себя просить дважды. Он даже не остановился на площадке, чтобы вызвать платформу, а, перепрыгивая через ступени, скатился вниз.

В аллеях парка ему встретились другие притивы, но никто не обратил на него внимания. Словно он не существовал.

Дама Буманил была права: бедняге Артуиру никогда не удастся попасть в этот замкнутый мирок.

Глава 11

Смерть равнодушна к расам и возрастам,
Смерть, бесстрастная,
Смерть собирает жатву на поле сражения,
Смерть, верховная...
Она завершает дуэль в каждом из нас,
Она отрицает Сущее,
Она отбрасывает ничтожную оболочку,
Возвращает к Началу...
Смерть убирает из преходящего мира,
Смерть, исток потока,
Смерть вызывает водопады слез,
Смерть, вечное море.
Она — мрачное лицо иллюзии,
Волшебница мрака,
Жизненная необходимость исправления ошибки,
Новое путешествие...

Смерть освобождает пленника из стен гордыни,
Смерть, последнее звено,
Смерть несет благостное забвение времени,
Смерть, жестокая сила...
Она безмерно необходима, любовь-избавительница,
Звено, конец и продолжение,
Она — источник мира, фонтан молодости, Пядь Крейца...

Мессаудин Джу Пьет

Далекие горы Великого Сожженного Эрга вырисовывались в бледном свете Салома, чей выпученный глаз уже скатывался к горизонту. На ночном небе догорали отдельные звезды.

Сиракузянка, прикрытая пиджаком франсао, спала на скамье аэрокара. Черты ее лица разгладились. Присев на корточки рядом со скамьей, Тиксу, счастливый и встревоженный одновременно, выискивал на ее лице признаки, предвещающие новый приступ лихорадки или бреда. У него было чувство коллекционера, ревниво охраняющего произведение искусства, которое в жестокой борьбе вырвал из рук разъяренных соперников: ему не хотелось делить волшебную красоту девушки, охваченной сном, с охранниками, чьи взгляды, как он считал, останавливались на ней с излишней настойчивостью. Эти украденные у ночи мгновения принадлежали только ему.

Пролетев над комплексом многоэтажных зданий с террасами, аэрокар начал снижаться на огромную металлическую поверхность. Тиксу бросил взгляд сквозь прозрачные стенки и узнал крышу подземной базы франсао Каморры.

Било Майтрелли следил за приземлением из кабины управления. Мигающие огоньки бортовой панели бросали отблески на рыжую курчавую шевелюру Зортиаса. С глухим ревом аэрокар завис в пяти метрах от крыши прямо над раздвигающимися створками, границы которых были обведены темными линиями.

Прудж быстро набрал данные доступа на маленькой клавиатуре, но панели не сдвинулись с места.

— Что происходит? — проворчал он, тряхнув головой. — Эта дрянь не хочет открываться!

— Попробуй еще! — сухо приказал франсао.

Рев стабилизационных двигателей терзал агонизирующую ночь. Зортиас несколько раз набрал код на панели, встряхнул ее, потом, поняв, что его усилия бесполезны, яростно ударил себя по ляжкам:

— Ничего не поделаешь! Они не откроются! Самое подходящее время, чтобы выйти из строя!

— Не очень похоже на нашу механику! — мрачно проворчал Било Майтрелли.

Он извлек бинокль ночного видения и навел его на металлическую поверхность. И увидел крохотные осколки вокруг релейного механизма, укрытого одним из шарниров створок.

— Вверх! Вверх! Это не авария! Это — ловушка! Черт подери, скорее наверх!

Зортиас передвинул рукоятки, включив подъемные двигатели. Аэрокар тряхнуло, металл жалобно застонал. Потерявшие опору охранники свалились со скамьи и рухнули на Тиксу. Все трое покатились по наклонному полу и застыли, ударившись о перегородку кабины управления. Падая, Тиксу сильно прикусил язык, сквозь сжатые губы прорвался ручеек крови. Он бросил быстрый взгляд через плечо: сиракузянка проснулась и открыла огромные растерянные глаза. Она тоже упала со скамьи, но инстинктивно уцепилась за ее бортик и удержалась на месте.

Маршевые двигатели пытались пересилить инерцию. Наконец аэрокар начал подниматься. В воздухе запахло горячим металлом. Когда машина набрала скорость, из темного угла площадки ударил зеленый луч, попавший в нижнюю часть корпуса. Невыносимая вонь горящих материалов заполнила кабину.

— Черт! Пробита защита центрального мемодиска! — закричал Зортиас.

— Удар снизу! Справа от нас! — добавил охранник.

Двигатели выплеснули черный дым, хрипло взвыли и замолкли. Обливающийся потом Зортиас нервно колотил по клавишам автоматического спуска.

— Доставайте скорчеры! — спокойно приказал франсао. — Как только окажетесь на крыше, я направлю луч лазера на этих шутников, чтобы ослепить и помешать ответить... Тиксу, оставайся внутри с девушкой! Пока мы не разделаемся с ними!

Аэрокар медленно опускался. Обтекавший кабину воздух тихо свистел. Франсао и Зортиас покинули кабину управления и вместе с охранниками встали по обе стороны медленно открывающегося трапа. Прудж извлек из набедренной повязки небольшой скорчер. Пальцы Било Майтрелли сжимали дюралевую трубку с круглым стекловидным концом. Земля приближалась очень медленно. Нервное напряжение росло: они ничего не знали о своих противниках — ни количества, ни расположения, ни мощи огня...

Ясно было одно: они охотились за девушкой, живой или мертвой. Она не спала. Тихо постанывала с полузакрытыми глазами на бледном лице, держась рукой за край скамьи. Тиксу вдруг испугался, что потеряет ее. Он схватил Афикит за запястье, словно хотел навечно соединиться с нею. Ощутил мощное биение крови в сосудах под нежной горячей кожей. И почувствовал, как сильно бьется его собственное сердце. Похожие на опьяневших бабочек синие глаза с зелеными и золотыми блестками сиракузянки с тревогой остановились на нем.

Второй зеленый луч вонзился в бок летательного аппарата, проткнув стенку, как обычную ткань. Он пересек кабину, никого не задев, наполнив полумрак мощным угрожающим светом, и пробил вторую стенку, оставив позади себя два круглых симметричных отверстия с черными обугленными краями.

— Хорошо, что не в голову! — пробормотал Било Майтрелли.

Франсао повернулся к Тиксу, словно охваченный мрачным предчувствием:

— Найдешь деремат на третьем этаже Сар Било. Код доступа в зал передачи: Вьел-анж. Сочетание из двух слов «Вьелин» и «Оранж»... Ностальгия... Запомнил? Вьел-анж... Не забудь дефис. С остальным справишься сам. Ты же специалист по путешествиям, не так ли?

— А почему не вы?.. — воскликнул Тиксу, испуганный серьезным и трагичным выражением лица франсао.

— Был счастлив с тобой познакомиться, сынок... — просто ответил Майтрелли.

Последнее дружеское подмигивание соплеменнику, потом он резко отвернулся, чтобы скрыть волнение, которое появилось в его увлажнившихся глазах.

Благодаря воздушному щиту, аэрокар мягко и без шума сел на металлическую крышу.

— Пора! — прошептал франсао.

Они одним движением спрыгнули на крышу базы, два охранника оказались справа от аэрокара, франсао и Зортиас — слева. Белый луч лазера рассек темноту, ткнулся в один угол, потом направился в другой. Когда в его луче оказалась группа нападавших, четверка в серых формах и белых масках и неподвижный силуэт в просторном зеленом бурнусе, ни охранники, ни Зортиас не успели нажать на спуск скорчера: свистящие диски, вырвавшиеся из складок ночи, перерезали им глотки. Послышался приглушенный шум падения и бульканье крови.

Тиксу, наблюдавший за сценой из аэрокара, прижал сиракузянку к себе и крикнул франсао:

— Скорее сюда!

Хотя прятаться было бесполезно: зеленые лучи пробивали стенки кабины, но ничего другого ему на ум не пришло.

Майтрелли отбросил лазер, схватил окровавленный скорчер Зортиаса и отступил, сделав несколько залпов. У них не было ни малейшего шанса. Било вспомнил слова Тиксу, которые тот произнес накануне за ужином: против них вы бессильны, они предугадывают ваши намерения... Диск ударил франсао в плечо. Его ноги подогнулись, и он рухнул на колени. Несмотря на боль, разлившуюся по телу, инстинкт самосохранения поднял его на ноги. Он сделал еще несколько шагов, закачался, и из его глотки вместе с кровью вырвалось несколько слов:

— Тиксу! Тиксу Оти!.. Живи! Живи ради меня!.. Ради Оранжа!

Второй диск ударил в основание черепа и вместе с потоком крови вылетел наружу, прошив кадык. Франсао споткнулся о труп Зортиаса и упал ничком. Ему уже не увидеть Зеленый Вьелин, прекрасную провинцию Оранжа — его долгое страдальческое изгнание завершилось.

Тиксу охватили паника и ужас. Он понял, что пропал, поскольку остался один и без всякого оружия лицом к лицу с безжалостными убийцами. Сиракузянка что-то невнятно бормотала. Отрывки бессвязных фраз звучали призывом в мертвенной тишине, опустившейся на крышу базы. Он по-

ложил пальцы на ее губы, чтобы она замолчала. Бесполезная предосторожность: они охотились за ней, а существо в зеленом бурнусе со своим удивительным телепатическим потенциалом знало, что она на борту. Горячее учащенное дыхание девушки обжигало ему ладонь. Их лица были в десяти сантиметрах друг от друга. Ему хотелось сжать ее в объятиях, поцеловать, прикоснуться губами к ее векам, щекам, шее. Они умрут. Но она будет в его руках. Она ничего не почувствует, ничего не увидит.

Люди в белых масках шли вдоль аэрокара. Они не пытались заглушить шаги.

Тиксу сжался. Он знал, что бессилен и не может отклонить стрелу судьбы. Бог Ящерица пришел ему на помощь в дюнах, но больше не проявлялся. Он бросил его на произвол судьбы. Почему он позволил спасти ее? Чтобы тут же забрать? Разве не был чудовищным такой исход?..

Он услышал шорох одежд, касавшихся стенки аэрокара. Девушка глухо стонала и дрожала под пиджаком франсао.

В овале люка появилось светлое пятно. Маска, серый комбинезон... Сквозь отверстия для глаз светились зловещие огоньки. Две темные параллельные линии на предплечье: направляющие дискометов.

Буря смутных, рваных, беглых мыслей затопила мозг; абсурдные, неуместные видения возникли перед его глазами. Он хотел ударить притива, опершегося на край люка, чтобы запрыгнуть внутрь, потом взвалить сиракузянку на плечи и броситься прочь, пытаясь сделать хоть что-то. Но парализованные мышцы отказывались повиноваться. Он отчаянно пытался припомнить слова Качо Марума... Сила, непобедимость... Холодные ручейки пота текли по его спине. Затуманенный мозг погрузился в бездну печали.

Человек в белой маске легко вспрыгнул на пол, выпрямился и протянул руку в сторону Тиксу, который сжимал руку сиракузянки. Он бросил на нее последний взгляд, исполненный сожалений. Он отправится в потусторонний мир вслед за Било Майтрелли. Два оранжанина встретились накануне в очень странных обстоятельствах. И оба будут убиты на Красной Точке в ту самую ночь, когда их планета празднует двадцать веков своей независимости. Ради сиракузянки, которую Било не знал... Странный каприз судьбы...

Он закрыл глаза и сразу почувствовал облегчение. Словно разом оборвал все связи, словно все потеряло

смысл. Над его головой раздался пронзительный свист. Он ждал удара диска в горло. Через несколько секунд, удивленный тем, что еще жив, он открыл глаза. Убийца исчез! А девушка лежала на скамье... Живая!

Тиксу спросил себя, не видит ли сон. Потом заметил через прозрачную стенку какое-то движение и заставил себя подползти к люку.

Убийцы в белых масках стояли в нескольких метрах от машины, сгрудившись вокруг существа в зеленом бурнусе.

На крышу аэрокара опустилось такси. Зеленый луч ударил по крохотному аппарату и пробил в нем отверстие размером с кулак.

Створки люка такси разошлись, и оттуда выпрыгнули два человека. Машина с яростным воем тут же набрала высоту и растворилась в ночи, которую уже начали рвать бледные лучи Зеленого Огня.

Глухие удары сотрясли кабину аэрокара. Тиксу поднял голову и увидел двоих мужчин, которые отплясывали странный танец у него над головой. Их ноги и колени словно висели в пустоте. На них были комбинезоны из грубой ткани, один серого цвета, другой — бронзового. Они состояли из просторной куртки, завязанной сбоку, и шаровар. На человеке постарше была синяя накидка и белая хлопковая шапочка.

Оранжанин понял: они с невероятной ловкостью уклонялись от дисков притивов. Если они не успевали увернуться, то отбрасывали диск запястьем. Самым удивительным было то, что диски рикошетировали на беззащитных запястьях, не оставляя на них никаких царапин!

Одновременно оба человека издавали звуки, пронзительные долгие вопли на границе слышимости. Тиксу вдруг сообразил, что они использовали голос в качестве оружия. Убийцы в белых масках падали один за другим, роняя десятки сверкающих дисков, которые подпрыгивали на металлической крыше.

Оставшись в одиночестве, загадочный зеленый силуэт даже не предпринял попытки к бегству. Под его капюшоном светились два желтых солнца, насыщенных энергией.

Рыцарь Лоншу Па надолго погрузился в Кси. Он чувствовал, что имеет дело с необычным противником. Вероятно, со скаитом Гипонероса... Ему казалось, что он стоит на краю бездонной пропасти.

— Рыцарь! Прошу вас оставить его мне! — взревел Филп Асмусса. — Напоминаю, речь идет о моей миссии!.. Моей!..

Это стремление присвоить все заслуги себе было здесь неуместным, смешным, даже бессовестным. Гордыня гнала воина к опасной черте, но Лоншу Па решил не вмешиваться. Кси была материей столь тонкой, столь беглой, что могла рассеяться при малейшем раздражителе. Он кивнул и приготовился вступить в действие, если заметит признаки слабости воина.

Филп влил в крик смерти всю свою ментальную мощь. Зеленый силуэт сотрясали сильнейшие конвульсии. Звук, пронзительный свист, рожденный в области диафрагмы, а не в глотке, усилился, обрушился на скаита. Тот согнулся, но не упал. По покрывшемуся складками лбу воина потекли ручейки пота. Он начал уставать, не в силах справиться с соперником.

Лоншу Па понял, что силы воина на исходе. Он мысленно окунулся в озеро Кси, куда стекались все потоки жизненной энергии.

Но приоткрыть губы и издать свой звук ему не пришлось: зеленая фигура покачнулась и вытянулась во весь рост на металлической крыше среди белых масок, серых комбинезонов и сверкающих дисков. Выложившийся до предела Филп Асмусса облегченно вздохнул и победно выпрямился. Чисто ребенок, подумал Лоншу Па.

Рыцарь вбежал в кабину аэрокара и увидел окровавленного и ошеломленного Тиксу, который с трудом выдержал пронзительный взгляд человека, хотя глаза его на угловатом лице казались безжизненными.

— Девушка? — сухо спросил рыцарь.

— Вот она, — ответил Тиксу, указывая на скамью.

— Жива?

Его вопросы походили на сухие и точные удары бича. Оранжанин с трудом выпрямился и машинально стер рукавом кровь, запекшуюся на губах и подбородке. Рана на языке саднила и мешала говорить.

— Да... но очень плоха... Из-за лихорадки, от вируса... Кто... кто вы?

— Не важно! — ответил Лоншу Па. — Главное — получить девушку. Успокойтесь — мы не собираемся продавать ее! Нам нужны кое-какие ее знания...

В этот момент появился Филп Асмусса. Его мокрые от пота черные вьющиеся волосы прилипли ко лбу и вискам.

черные глаза, которые он таращил после бессонной ночи и жестокой ментальной борьбы с существом в зеленом бурнусе, удовлетворенно сверкали. Красивый мужчина! — подумал Тиксу. Все его движения выдавали благородное происхождение. Он был из того же круга, что и сиракузянка. На него она бы глянула по-иному...

— Видите, воин! Девушка здесь и жива! — воскликнул Лоншу Па. — Они перебили друг друга, чтобы завладеть ею. Сорняки уничтожили сами себя. Нам остается лишь сорвать цветок!

— Вы жаждете поздравлений, рыцарь? Я вас благодарю! — презрительно бросил Филп Асмусса.

Напряженные отношения между этими двумя людьми не ускользнули от внимания Тиксу, хотя по титулам он сразу понял, что они принадлежали к Ордену абсуратов. Как любой уроженец миров, входящих в Конфедерацию Нафлина, он не раз слышал хвалы достоинствам и заслугам Ордена. На Оранже приукрашенная история абсуратского рыцарства вот уже три стандартных века входила во все школьные программы. Вмешательство абсуратов грозило смертью врагам Конфедерации.

— Давным-давно прошли те времена, когда я стремился к благодарностям! — возразил Лоншу Па. — Просто замечу, вы не были согласны с моим планом. И чтобы покончить с благодарностями, скажу, что качество ваших услуг оказалось не на высшем уровне! Ваш крик смерти потерял целостность во время борьбы с последним противником: представьте себе, что он был бы вооружен, и вынесите заключение сами...

— Я победил. Это главное! — Филп Асмусса защищался, его уязвили слова рыцаря.

— Главное — не предавать Кси!

— Не ради оправдания скажу... у этого существа был необычный менталитет... Признаю, он меня дестабилизировал... Мой крик постепенно притуплялся, словно... уходил в пустоту. Невероятную, безмерную пустоту, которая была обширнее моего Кси... Я даже удивился, когда он упал. У меня не возникло привычных ощущений...

— Я вас не порицаю, — сказал Лоншу Па. — Просто хочу показать вам, что изредка неплохо прислушиваться к более опытным людям... Но мы еще не выпутались из неприятностей: этой ночью разграбили лавочку Крауфаса. Один из информаторов предупредил меня по волнофону. Деремат Ордена уничтожен...

— Вы не знаете никого, кто мог бы нам помочь?

— Увы, нет! — ответил рыцарь, пожав плечами.

Тиксу нарушил молчание, на которое его обрекли абсураты, говорившие между собой и не замечавшие его.

— Я знаю, где есть дерематт! — робко прервал он их.

Рыцарь и воин повернулись к нему.

— Вы? — удивился Лоншу Па.

Филп Асмусса вдруг осознал присутствие оранжанина.

— Кто вы такой? — хрипло и почти угрожающе выкрикнул он.

— Тиксу Оти с Оранжа. Я... соплеменник и друг франсао Майтрелли. Перед смертью он сообщил мне код доступа к личному дерематту...

— Откуда вы знаете эту девушку? И как узнали, что ее преследуют притивы? — спросил Лоншу Па.

— Все просто — именно я позволил ей перебраться с Двусезонья на Красную Точку, — ответил Тиксу. — А потом мне пришлось иметь дело с ее преследователями... Некий... любопытный опыт дал мне возможность осознать ее... огромное значение для жизни... Для Вселенной... и для меня...

— Все, что вы рассказываете, выглядит выдумкой! — с раздражением рявкнул Филп.

Тот же вызывающий вид, что и при первой встрече с рыцарем.

— Вас в монастыре перестали обучать умению различать акцент истины? — прошипел Лоншу Па. — Перестаньте подозревать всех и вся — никто не собирается отнимать у вас вашу драгоценную истину, воин!

Недовольный отповедью рыцаря, сделанной в присутствии человека, не принадлежащего к Ордену, Филп резко отвернулся и склонился над Афикит, чьи стоны прекратились. Она заснула и во сне выглядела спокойной.

— Она красивее вблизи, чем издали, — не сдержал вздоха воин, глядя на лицо девушки.

Хотя Филп произнес эти слова вполголоса, Тиксу расслышал их. Жгучая ревность охватила его. Он чувствовал, что стоит ниже воина, не имея его силы и осанки. Он вновь стал простым смертным, Тиксу-неудачником с Двусезонья, который топил свое ничтожество в мумбе.

— Вы можете провести нас к дерематту франсао? — тихим голосом спросил рыцарь.

— Аэрокар вышел из строя...

Тиксу сожалел, что заговорил о дерематте Майтрелли. Даже если сиракузянка играла важнейшую роль для Ордена и Конфедерации, он не мог заставить себя выйти из ее жизни. Жалкое иррациональное чувство, чистый эгоизм, но в это

мгновение он не испытывал ничего другого. За один стандартный день, наполненный событиями, она заняла такое место в его жизни, что пропасть предстоящей разлуки сводила его с ума.

— Посмотрим, не слишком ли повреждено такси! — воскликнул рыцарь.

Он выпрыгнул из люка аэрокара, достал из кармана сутаны фонарик и просигналил в сторону такси, висевшего темной точкой в бледном свете зари.

Через несколько минут машина села на крышу базы. Из кабины управления выпрыгнул Крауфас. Его глаза округлились от ужаса, когда он увидел количество обезглавленных трупов на металлической поверхности.

— Все нормально, рыцарь? — обеспокоенно спросил он.

На тонких губах Лоншу Па появилась улыбка. Бесценный Крауфас, под вечным выражением ужаса на лице которого крылось беззаветное мужество.

— Может ли такси нести пять человек?

— Проклятый зеленый луч сильно тряхнул машину, но она должна справиться... — ответил Крауфас, чей взгляд не отрывался от головы другого пруджа. Еще один из его соплеменников расстался с жизнью. Он подумал, что до Конфедерации, до высадки раскатта, Красная Точка была небольшой мирной планетой.

— Воин, пора лететь! Займитесь девушкой! — приказал Лоншу Па.

Они с трудом разместились в крохотной кабине такси. Воин никого не подпускал к девушке, которую прижимал к себе твердой рукой. Такси взлетело и быстро набрало высоту. Оранжанин окинул взглядом крышу базы. Его глаза остановились на теле Било Майтрелли. Во рту Тиксу появился горький привкус. Он знал Било всего несколько часов, тот был франсао Каморры, раскатта, подпольный торговец и преступник, но Тиксу расставался с другом, собратом по борьбе, отцом, данным судьбой. Глаза его увлажнились, невероятная усталость охватила его, он опустил голову, ударившись о прозрачную стенку такси.

Первые лучи рассвета разгоняли мрак. Звезды, задутые словно свечки, гасли одна за другой. Зеленоватое пламя лениво заливало горизонт, высвечивало крыши зданий, зубцы на стенах Матаны.

— Вскоре взойдет Зеленый Огонь, — пробормотал Лоншу Па. — Надеюсь, мы попадем в жилище Майтрелли до того, как люди Каморры обнаружат его труп...

Улицы запретных кварталов постепенно оживали. Люди, выброшенные из домов удовольствий, где им не посчастливилось заснуть, спешили вдоль стен, закутавшись в накидки. Мародеры, наркоманы и нищие лихорадочно обшаривали мусорные ящики в попытках найти хоть кусок пищи. Устало посмеиваясь, проститутки в прозрачных одеяниях или ажурных комбинезонах маленькими группками покидали место работы. Рободворники собирали отсосами мусор на улицах и в переулках.

Они бесшумно опустились на выжженную траву парка. Сар Било, казалось, спал, но стоило такси застыть на месте, как из кустарников с ревом выскочил огромный собаколев. Он бросился к машине и, обнажив клыки, принялся кружить вокруг нее. В его уши были вшиты микроантенны. Три охранника в желтой форме вышли из бункера, скрытого зарослями колючего кустарника. Двое были вооружены скорчерами, а третий держал пульт голосового управления.

— Пойду проверю... Ждите моего знака, — сказал Тиксу рыцарю.

Лоншу Па кивнул.

Створки бесшумно разошлись. Оранжанин проскользнул в отверстие в брюхе машины, на корточках обогнул опору шасси и вышел навстречу охранникам. Собаколев тут же обнюхал его. В холке он имел метр десять. Зверь рычал и скалился: за черными губами торчали десятисантиметровые клыки.

Когда охранники увидели Тиксу, черты их лиц, осунувшихся после ночного бодрствования, разгладились.

— Вы! Мы опасались, что это люди Глактуса... Как закончилось в Ражиата-На?

Услышав хриплый приказ, собаколев удалился от Тиксу.

— Все в порядке. Мы получили девушку, — ответил оранжанин.

— Франсао не с вами?

— Нет... Он вместе с Зортиасом отправился на заседание Каморры... Срочные дела...

Один из охранников подозрительно заглянул внутрь такси.

— Эти люди нам помогли, — быстро добавил Тиксу. — Франсао поручил мне отвезти их в Сар Било и ждать его возвращения...

Охранник с пультом зевнул. Остальные сунули скорчеры за пояс.

— Ну, ладно, идите! Я не показываю вам дорогу, вы ее знаете лучше меня. Не обращайте внимания на шары с оп-

тическим прицелом... Я предупрежу дежурного на пульте о вашем прибытии.

— Спасибо...

После нового приказа собаколев, поджав хвост, скрылся в кустарнике. Охранники спокойно направились к бункеру. Тиксу еще успел расслышать слова одного из них:

— Надо бы на неделе организовать охоту на нищих... А то зверь совсем заскучал... Ему нужны действие и свежая кровь...

Крауфас помахал рукой, такси взмыло в воздух и быстро превратилось в сверкающую точку на горизонте.

Тиксу, Лоншу Па и Филп Асмусса с Афикит на руках направились к дому. Розово-белый фасад, колоннада у входа, окна в вишневых рамах и белая черепичная крыша напоминали Тиксу о доме его дяди: тот же тип конструкции, те же цвета, та же гармония. Стиль любимой провинции. Разница была только в размерах. Дом дяди был уменьшенной копией Сар Било, огромного трехэтажного строения с многочисленными пристройками. Увидев его сквозь вершины зеленых кипариситов, оранжанин словно вновь вдохнул ароматы детства и садов Оранжа, сладкие пьянящие запахи фиолетовых цветов, фруктов, смолистых деревьев, которые струились по улицам и площадям Фосилии. Им никто не встретился.

Сиракузянка изредка продолжительно стонала. Когда они поднялись по ступеням крыльца, у нее вдруг начался приступ лихорадки, она забилась в судорогах и едва не опрокинула воина. Филп еще крепче прижал ее к себе одной рукой, а второй вцепился в мраморный поручень, чтобы не упасть.

Лоншу Па искоса наблюдал за идущим рядом оранжанином: засохшая кровь на тунике свидетельствовала, что он принимал активное участие в схватке в пустыне. Он также заметил тень ревности на его лице, которая проскальзывала каждый раз, когда Тиксу смотрел на воина и девушку. Могучая и непогрешимая интуиция поразила рыцаря: этот молодой человек, посланец судьбы, песчинка, должен был сыграть главную роль в последующих событиях и в будущем человечества. Роль, важность которой он даже не мог оценить. Но когда рыцарь видел, что молодой человек охвачен низкими чувствами зависти и ревности, трудно было представить его в этой роли. Судьба человеческих и мутирующих рас находилась в руках незначительного хрупкого человека, которым управляли простые эмоции!.. Но кто он такой, Лоншу Па, чтобы выносить суждение? Ведь сам он некогда от-

казался вступить в борьбу с обстоятельствами, хотя дух его призывал идти до конца?..

Дежурный охранник открыл им входную дверь. В огромной гостиной первого этажа царил безупречный порядок: подвесные скамьи свернулись в клубок, водяные стены скупо освещались дежурными лампами, свет которых иногда выхватывал из тьмы серебристые плавники рыбок, жонильские ковры лежали на паркете из драгоценных пород дерева, столы и стулья были прикрыты прозрачными накидками.

Они направились в глубину гостиной и начали подниматься по лестнице в центральный мезонин второго этажа. Филп прикрыл ладонью рот сиракузянки, чтобы приглушить ее стоны. Она открыла глаза. В редкие минуты просветления девушка пыталась понять, кому принадлежит рука, держащая ее.

На втором этаже, привлеченные шумом, из спальни появились две сестры с Третьего Кольца и двинулись им навстречу. Они были в длинных сине-золотых ночных туниках, по которым рассыпались их черные гладкие волосы. Они широко улыбнулись Тиксу и робко Филпу, в котором сразу узнали третьего сына Донса Асмусса, сеньора Сбарао и Колец. Они не раз видели его в передачах головидения, посвященных царствующей семье. Потом повернулись и так же тихо исчезли.

Тиксу и Лоншу Па пришлось потратить немало времени, чтобы отыскать крохотный закуток на чердаке, куда можно было подняться только на гравиплатформе. Пока она с легким шипением поднималась, сиракузянка отвела руку Филпа Асмусса ото рта. Он улыбнулся ей — боже, как хороша была его улыбка! — и Тиксу ощутил горечь печали.

Платформа остановилась перед массивной металлической дверью. В стенной нише мерцали клавиши пульта. Девушка полностью пришла в себя. Прижавшись к воину, она внимательно следила за происходящим. Тело ее, закутанное в пиджак франсао, сотрясали судороги. А окруженные темными кругами глаза изредка останавливались на Тиксу.

С тоской в душе, оранжанин набрал тайный код: Вьел-анж... Образовано от Вьелин и Оранж... Не забудь дефис... Ваша смерть была напрасной, франсао Майтрелли, я теряю ее... Она была пассажиркой, а он служащим, техником, тем, кто только открывает дороги пространства и времени... Во второй раз за двое суток, на двух разных мирах... Его преследовал рок.

Бронированная дверь медленно повернулась на своих петлях. За ней виднелся зал деремата, комната-мансарда,

залитая голубым светом от водных бра и ламп на потолке. Посреди комнаты на овальном цоколе высилась продолговатая черная машина с двумя горизонтальными кабинками. Двухместная, хорошая штучка, Тиксу оценил ее как знаток.

Ручка управления была под передним обтекателем. Оранжанин присел на корточки и ввел индекс открытия кабинок. К великому разочарованию Тиксу, дерemat Майтрелли не был оборудован декодером ДНК, и створки раскрылись, как лепестки цветка. Он выпрямился и вслух прочел текст на подсвеченной панели:

Телепортер марки Телвит, радиус действия: двадцать световых лет; тип транспортировки: любой; продолжительность телепортации: три стандартных секунды на один световой год; подготовку транспортировки проводить по инструкциям на экране кабинки... Телвит изготовлен «Гудда и Братьями Страггион» на планете Иссигор...

Он повернулся к Лоншу Па:

— Переносит на двадцать световых лет...

— Мы поняли! — сухо прервал его Филп Асмусса. — Превосходно! Можем добраться до промежуточного деремата Ордена. Он рассчитан на двух человек?

— Конечно! — ответил Тиксу, которого уже давно раздражал презрительный голос воина. — Если запрограммировать обе кабинки на одни координаты, нет никаких причин, чтобы пассажиры не материализовались в одном и том же месте.

— Вы, вероятно, техник, а я нет! Можно ли стереть координаты отправки?

— Этот тип машин имеет программу автоматического стирания данных...

Тиксу казалось, что каждое его слово только углубляло собственную могилу. Было все равно, согласится он или нет предоставить свои знания на службу Ордену. Если он не поможет, они обойдутся без него! Но сиракузянку ему не отдадут. И хотя отказывался признаться в этом, он понимал, что помощь была единственно правильным выходом. Девушка попадала в надежные руки.

— Прошу вас покинуть помещение! — злобно произнес Филп Асмусса. — Я должен набрать тайные координаты промежуточного деремата Ордена. Без вашего присутствия. Если не подчинитесь, я буду вынужден убить вас на месте. Не так ли, рыцарь?

Лоншу Па долго колебался перед тем, как ответить:

— Это действительно одно из правил орденского регламента...

— Счастлив сознавать, что хоть в чем-то мы сходимся! Редкий случай! Поэтому, рыцарь, вы и наберете программу, которую я вам передам. И по кодексу чести сохраните ее в тайне... Еще раз прошу вас покинуть это помещение. Третьего раза не будет.

Тиксу окаменел, пристально посмотрел на сиракузянку и пробормотал:

— А она?.. Что вы собираетесь сделать с ней?..

— Забудьте о ней! — злобно взревел Филп Асмусса. — Это единственное, что вам следует сделать. Я не собираюсь давать вам объяснения...

Тиксу стоял рядом с дерематом. У него не было времени познакомиться с Афикит, доказать, что он стоил большего, чем ей показалось в захламленном агентстве на Двусезонье. Он вырвал ее из когтей двух монстров, Глактуса и Абера Мицо, и хотел, чтобы она знала об этом! Он хотел хоть капельку уважения, чуточку признательности...

Видя, что он не реагирует на его угрозы, Филп осторожно уложил девушку на цоколь деремата и бросил наполненный ядом взгляд на оранжанина.

Лоншу Па счел необходимым вмешаться. Он встал между решительно настроенным воином и растерянным Тиксу.

— Хватит играть в злодея, воин! Вам следовало бы испытывать уважение к этому молодому человеку! Не забывайте, он и его друзья сделали всю работу в Ражиата-На...

— Уйдите с дороги, отщепенец! — зарычал Филп. — Не заставляйте меня разбираться и с вами!

— Загляните в собственную душу, господин третий сын сеньора Асмусса, — спокойно возразил рыцарь. — Вы — стандартный продукт идеологической системы!.. Клон! Вы застыли во времени! И уже мертвец!

Эти слова не пробили оболочку упрямой решимости Филпа, стоявшего в позе зверя, готового к убийству. Лоншу Па, понимая, что ничто не может поколебать слепого фанатизма воина, повернулся к Тиксу:

— Делайте, как он говорит! Он имеет поручение от директории Ордена. И поэтому ни на йоту не отступит от полученных инструкций. Выйдите на площадку. После программирования я присоединюсь к вам.

— Но... я не могу ее покинуть! — запротестовал Тиксу, указывая дрожащим от ярости и отчаяния пальцем на сиракузянку. — Это... и моя миссия!

Лоншу Па в упор поглядел на него и шепнул:

— Я не прошу вас отказываться от нее... Препятствия, воздвигаемые судьбой, не являются неодолимыми. Позже вы найдете иное решение. Если будете противиться сейчас, потеряете все! Вас убьют! Из всех добродетелей терпение — самое почетное. Если это — ваше личное колесо, ваша судьба найти ее, вы ее отыщете...

Он положил руку на плечо оранжанина и мягко, но с твердостью увлек к металлической двери. Тиксу в последний раз глянул на сиракузянку, полулежавшую на цоколе, в одежде, которая открывала ее ноги и бедра. Она перехватила его взгляд и поглядела на него своими сверкающими от лихорадки глазами. Он постарался запомнить яркий свет ее глаз, одновременно прозрачных и замутненных усталостью. Он всегда верил в предназначение. Эта вера была удобной и оправдывала собственные неудачи, особенно во время пребывания на Двусезонье, где влага и алкоголь объединились, чтобы доказать ему, что он обладал почти патологическим отсутствием воли. Ему пришлось смириться еще раз, покориться адской спирали личного колеса, своей посредственности, и проснуться с горьким привкусом во рту после ночи, наполненной странными и чудесными снами. Тиксу, простой смертный, был сброшен на землю после того, как летал с богами.

В момент, когда они переступали порог двери, сиракузянка протянула руку и воскликнула:

— Подождите!

Филп Асмусса не успел среагировать, и она рывком поднялась, отбросила пиджак франсао и ринулась к двоим мужчинам, оставшись только в рубашке из грубого полотна, рваной и грязной. Голова ее была окружена ореолом золотых волос.

— Оставьте меня с ним, — попросила она рыцаря. — Предупредите вашего друга, что я вернусь к нему, как только закончу.

Лоншу Па без возражений и вопросов отодвинулся и направился к обескураженному Филпу.

Сиракузянка внимательно вгляделась в Тиксу. Несмотря на снедавшую ее лихорадку, лицо девушки светилось радужной улыбкой.

— Я — Афикит, дочь Шри Алексу. — Голос ее был тихим мелодичным рокотом. — Вы дважды спасли мне жизнь. В первый раз на Двусезонье. Во второй раз здесь, в пустыне.

Сейчас я отправляюсь на Селп Дик в полном соответствии с пожеланиями моего отца, чтобы встретиться с махди Секорамом. Вы видите, я не лгала, когда вымаливала у вас путешествие в агентстве на Двусезонье. Но я была презрительна по отношению к вам и за это прошу вас... Я...

У нее закружилась голова, и она покачнулась. Тиксу схватил ее за талию и прижал к себе. Она опустила голову ему на плечо. Он ощутил запах и тепло тела сквозь лохмотья, шелк волос на шее, мягкость груди. Она выпрямилась, подняла свое прекрасное лицо к нему и произнесла задыхаясь:

— Перед тем как расстаться с вами, я хотела бы сделать вам подарок...

Дыхание Афикит овевало его губы, и он с наслаждением втягивал его в себя. Ему казалось, что это был лучший воздух, которым ему доводилось дышать.

— Самый ценный из подарков... Звук... Антра... С того момента, как вы пришли ко мне на помощь, они не перестанут вас искать... Они будут гоняться за вами... Скаиты... Антра защитит вас... от проникновения чужих мыслей... от смерти...

Глаза ее затянула пленка.

— Быстрее... Я имею право передать вам звук... Готовы ли вы принять его?..

Ноги уже не держали ее. Тиксу крепче сжал девушку.

— Я готов, — выдохнул он.

— Во имя... во имя... индисской традиции и... от имени наставников...

Она нечеловеческими усилиями пыталась сохранить ясность мыслей, словно тонущий человек, который стремится удержать голову над водой. Она перечислила несколько странно звучащих имен.

— Вот ваш звук, антра жизни... Вам не надо... вызывать его. Он сам становится на службу посвященного... При условии, что посвященный не будет его использовать в личных или разрушительных... целях... Это — обязательство... Как... как вас зовут?

— Тиксу Оти.

— Итак, посвященный Тиксу Оти... отныне вы будете едины с данным звуком...

Она резко тряхнула головой, чтобы не потерять сознания. Потом издала неясный и непонятный звук, где в основном звучали «а» и «м». Звук исходил не только из ее горла, но казалось, пересекал пространство и время... Ослепительный разряд энергии обрушился на Тиксу, который едва не выпустил

из рук девушку. Афикит потеряла сознание и повисла на его руках, как сломанная кукла. Жгучий огонь проник в тело оранжанина, залил его голову, живот, пронесся по позвоночнику, наполнил все его конечности. Он ощущал себя распятым, разбитым на атомы, как в начале дематериализации, но это ощущение не уходило и становилось невыносимым. Горячий пот выступил на его коже, зал дерemата поплыл в его глазах, превратился в хаотический, бредовый танец форм и красок.

Кто-то подошел к нему, вырвал сиракузянку из рук и понес к дерemату. Ему казалось, что он видит золотые, коричневые, бронзовые пятна, скользнувшие в кабинку дерemата. Звук, огненная змея, искал свое место, опрокидывая все на своем пути. Чья-то рука схватила его за плечо. Он позволил Лоншу Па вывести себя на площадку, где по стене сполз на пол. Металлическая дверь сухо захлопнулась.

Через несколько мгновений, пока он еще не пришел в себя, рыцарь уселся рядом с ним.

— Они отправились. Что вы думаете делать теперь?

— Не знаю... — пробормотал Тиксу. — Быть может, быть может, отправлюсь на ее поиски... Я... я очень нуждаюсь в ней...

Лоншу Па задумчиво кивнул и сказал:

— Вы нуждаетесь в ней, поскольку она стала вашим ментором. Но и она нуждается в вас, ибо ваша непорочность и есть ваша сила! Похоже, ваши судьбы неразделимо слиты. Я ощутил это, когда увидел вас на рынке рабов, обрел уверенность, когда увидел, как она подошла к вам и передала свое знание.

— Откуда... откуда вы знаете, что она мне передала? — спросил Тиксу, все еще потрясенный только что пережитым опытом. — Там, где вы были, вы не могли слышать...

Огненная змея отыскала свое гнездышко, он ощущал тончайшую вибрацию, что-то смутное, похожее на тихое журчание источника или на почти беззвучный шепот. На аскетическом лице рыцаря появилась слабая улыбка.

— Я умею распознавать силу посвящения.

— А почему вы позволили нас разлучить, если считаете, что мы неразделимы?

— Полагаю, иного пути не было, — вздохнул рыцарь. — Что могло дать противостояние с воином Асмусса?.. Вода — лучшее средство, чтобы источить камень... Не поняв это ранее, я всю жизнь сталкивался с трудностями. Когда ветер дует, надо ему подчиниться, согнуться перед ним, продолжая преследовать собственные цели. Я сделал наоборот: я противостоял ему,

меня, как дерево, вырвало с корнями, и я утерял нить собственной жизни!.. Я не могу вам дать тайные координаты промежуточного дерemата Ордена, поскольку связан кодексом чести. Но ничто не мешает мне сообщить вам, что эта машина может вас отправить на Маркинат, который находится в девятнадцати световых годах от Красной Точки. Там вам будет нетрудно отыскать дерemат дальних путешествий, который переправит вас прямо на Селп Дик. Пока я здесь, могу назвать вам имя старого друга, который хранит на чердаке одну из первых моделей частных дерematов. Антиквариат, но продолжает работать... По последним сведениям, полученным от него, а это было пятнадцать стандартных лет назад... он жил в Дуптинате, столице планеты, на улице Священных Ювелиров. Он сам ювелир и выполняет заказы для храмов маркинатской теогонии... Он был и остается моим первым гражданским корреспондентом, даже после моего пострига...

Он снял хлопкóвую шапочку, наклонил голову и показал кружок блестящей кожи среди седых волос.

— Не очень-то красиво!.. Но к этому привыкаешь... Ювелира зовут Жеофо Анидол. Почему бы не попытать счастья там? Теперь я должен с вами расстаться. Не забудьте: Жеофо Анидол, улица Священных Ювелиров, Дуптинат. Скажите, что вас послал рыцарь Лоншу Па... Он вас выслушает... Лоншу Па... Прощайте и идите до самых глубин своей души!

Тиксу немедленно принял решение. Лоншу Па помог ему встать. Дверь осталась приоткрытой. Оранжанину не надо было вновь набирать код допуска. Борясь с головокружением и спотыкаясь, он побрел к черной машине.

Рыцарь без помех покинул Сар Било. В коридорах безмолвного дома он встретил двух сестер с Третьего Кольца, которые проводили его до тайного выхода на улицу. Огромный диск Зеленого Огня уже высоко стоял в небе.

Он решил вернуться на подземную базу Каморры. Туда, где разыгралось сражение с притивами и скаитом. Что-то не давало ему покоя с самого начала: ему показалось странным то, как подействовал на скаита крик Филпа, крик посредственного качества, который не удовлетворил его, наставника монастыря Селп Дик. Он не мог сказать почему, но было что-то неправдоподобное в развитии этой схватки. Он ощутил фантастическое ментальное могущество скаита, и то, что этот мозг со сверхчеловеческим потенциалом так внезапно уступил беспорядочной,

бесконтрольной атаке Филпа Асмусса, оставалось для него загадкой. Ответ, быть может, крылся в трупе, если только люди Каморры не убрали его с крыши базы.

Небесный свод окрасился в роскошный светло-зеленый цвет. Последние гроздья мрака уходили вместе с умирающими архипелагами звезд. Лоншу Па встретил несколько спешащих людей. Рободворники уже заканчивали очистку тротуаров.

Он шел довольно долго, пересек почти все запретные кварталы, потом углубился в мощеный переулок, выводивший на крышу базы. Шум его шагов отражался от фасадов, испещренных пятнами света.

Наконец он вышел на плоскую металлическую поверхность. Запах засохшей крови уже размывался свежим утренним воздухом. Рыцарь заметил трупы, а чуть подальше несколько откатившихся в сторону голов, над которыми кружили стаи огромных красных мух. Похоже, тревогу еще не подняли. Он подошел ближе в поисках зеленого пятна бурнуса. Но не увидел его.

И вдруг ощутил ожог взгляда на затылке. Он повернулся. Скаит, укутанный в свой бурнус, стоял в пяти шагах от него. Тот самый, которого якобы прикончил воин час назад!

Западня, подумал Лоншу Па. Их военная машина превосходит военную мощь Ордена, а роль скаита состояла в том, чтобы легат директории уверился в обратном. Они нами манипулируют, они усыпили бдительность Ордена. Это конец... конец...

Он инстинктивно сконцентрировался на Кси и открыл рот, чтобы издать звук смерти. Невероятная боль пронзила его мозг.

«Жив ли еще махди Секорам?.. О боже, почему я не дошел до глубин своей души? До конца самого себя...» Он не успел вскинуть руки к вискам. И тяжело опустился на землю. Его череп ударился о металл и лопнул, как перезрелый фрукт.

Глава 12

Короли, императоры, креатуры истории,
Зеркала, отражения народов,

Вашим именем преследуют подданных,
Вашей славой добывают бесполезную выгоду,

Неумолимый бич веков,
Колесо времени повернется,

Когда тиран простым смертным станет,
Простого смертного коронуют,

Когда палач жертвой станет,
Жертву помилуют,

Когда охотник дичью станет,
Дичи жизнь сохранят,
Когда развратник чистоту обретет,
Чистому будут поклоняться,

Когда старик ребенком станет,
Ребенка станут превозносить...

Когда тираны станут слугами,
Слуг полюбят.

Пророческие стансы Матери-Земли.
Район ушедших под воду Скалистых гор

Розовая заря застала даму Сибрит Анг в подвесном саду рядом с ее апартаментами в сеньорском дворце. Облокотившись о белые опталиевые перила балкона, она рассеянно наблюдала, как разгорается небесный свод.

Отвратительный кошмар прервал ее сон, когда Жонор, последний из пяти спутников второй ночи, еще рассыпал свои медные блестки по синему небу. Испытывая тоску, вся в поту, она отбросила шелковое покрывало и встала. Она даже не успела надеть облеган. Поспешно набросила на плечи ночную накидку, убрала волосы под просторный капюшон и решила прогуляться по саду, наполненному сладким ароматом карликовых цветущих кустов, пытаясь изгнать из памяти неприятное сновидение.

Но ночная прогулка только усилила черные мысли. Ни вид альфал, ее любимых цветов, чьи белые чашечки постепенно раскрывались, высвобождая ажурные лепестки, ни привычное завораживающее журчание фонтана из розового опталия в виде стилизованного снежного медвигра, ни спокойствие ночи, убаюканной звездами, не могли разогнать подспудную тоску, снедавшую ее.

У дамы Сибрит вот уже десять лет были причины для беспокойства. Большинство ее снов оказывались вещими и реализовались почти с математической точностью. Но, будучи официальной супругой сеньора Ранти Анга, она не хотела

наносить ущерб правящей семье и не открывала своей тайны никому. Она опасалась, что Церковь Крейца обвинит ее в колдовстве, в союзе с дьявольскими силами и приговорит к ужасной пытке на медленном огненном кресте. После громкого процесса, учиненного над смелла Шри Митсу, и его публичного осуждения на вечную ссылку ни одно высокопоставленное лицо не могло избежать тайного трибунала и чувствовать себя в безопасности перед лицом скаитов-чтецов святой Инквизиции. Церковь Крейца использовала малейший предлог, чтобы учинить показательную казнь. Дама Сибрит из осторожности хранила тайну своих провидческих снов. Она видела во сне смерть Тиста д'Арголона, казнь сеньоров Конфедерации, падение системы Нафлина... Один сон возвращался очень часто: молодой неизвестный человек бросался в погоню за сиракузянкой, и будущее всех рас вселенной зависело от союза этих двух человек. Пока эта история не имела завершения...

К счастью, дама Сибрит, супруга сеньора, располагала четырьмя мыслехранителями. Она знала — и эта уверенность успокаивала, — что они постоянно находятся в соседней комнате, бесстрастные, бдительные стражи, закутанные в бесконечные складки своих белых бурнусов с красной оторочкой. Это были цвета сеньорской охраны.

Небо уже заливал пурпурный свет. День посылал огненных ангелов на приступ тридцати конических сверкающих башен огромного дворца с плоскими бирюзовыми крышами, белыми резными парапетами и скульптурами из бестиария сиракузских легенд — химер, гриффардов, драконов, трирогов, гигантских гиен. Утренние лучи уже коснулись вершин пальмин, растущих во внутренних двориках, промежуточных террас, дорожек для стражи, декоративных башенок. Внизу по кварталу Романтигуа лениво извивался Тибер Августус, гигантский кровеносный сосуд в спящем теле. Пунцовый свет предвещал скорое появление Розового Рубина, солнца первого дня.

Предчувствие, что она в последний раз созерцала просыпающуюся Венисию, поглотило даму Сибрит. Эта мысль наполняла ее неизмеримой печалью и несла невероятное облегчение.

Она снова увидела во сне смерть. Смерть в образе юной нимфы, нежной и бесстыжей. Она облачена в прозрачные одежды и весело смеется... Она приглашена на праздничный обед, открывает свое тело, очаровывает, соблазняет сеньора Ранти. Потом начинает танцевать, кружится как волчок, и ее прозрачные покровы превращаются в синюю грубую ткань, ста-

новятся бурнусом, капюшон которого откидывается назад, открывая зеленое угловатое лицо и желтые глаза коннетабля Паминкса. Эта метаморфоза вызывает ужас гостей, но их воля подавлена, парализована. Никому не хватает мужества убежать. Коннетабль оглядывает их одного за другим и требует, чтобы к нему привели детей сеньора Ранти и дамы Сибрит. Убийцы-притивы выполняют приказ. Трое детей, двое мальчиков и одна девочка, поставлены перед столом. Два мальчика внезапно падают, их головы ударяются о край стола, вышитые белые скатерти испачканы брызгами крови. Сеньор Ранти вскакивает и яростно протестует против казни своих сыновей, продолжателей имени и традиции. Потом бледнеет, корчится от боли и, в свою очередь, падает на мраморные плиты пола. Коннетабль долго наблюдает за ползущим сеньором Ранти, а потом бросает на произвол судьбы, как бросает сломанную игрушку ребенок. Остальные гости не могут избежать своей судьбы, их трупы усеивают пол. Из всех углов появляются скаиты-мыслехранители, скидывают свои бурнусы. Они обнажены и гротескны — зеленые, коричневые, желтые, черные... Ужасающие бесполые тела... Карикатуры на человека. Они склоняются над трупами, раздирают их зубами, пожирают внутренности... Перед коннетаблем остаются только дама Сибрит и ее дочь. Невероятная боль возникает в ее голове, она знает, что сейчас умрет... Черты коннетабля деформируются, исчезают... Из-под синего капюшона показывается квадратное лицо Менати, ее шурина, чьи грубые манеры солдафона и пьяницы вызывают в ней ненависть. Губы Менати открываются, обнажая два ряда острых окровавленных зубов, которые внезапно впиваются в нежную плоть ее шеи... Она кричит от боли и ужаса, но он не разжимает могучих челюстей. И вдруг она осознает, что ей нравится эта животная сила, что она покидает мир, так и не превратившись в женщину...

Она яростно сражалась с простынями, потом в панике проснулась, перепуганная, залитая потом, пальцы ее сжимали шею.

Она не боится смерти. Напротив, не раз призывала ее с тех пор, как имела несчастье стать супругой сеньора Ранти Анга! Ее постоянно окружали напудренные, загримированные, льстивые, завистливые, лживые лица придворных, советников, послов, дам-компаньонок, казначеев, банкиров, промышленников, представителей гильдий, официальных артистов... Сколько раз ее подвергали публичному унижению! Сколько ранящих, оскорбительных, злых взглядов под сладкой маской двуличия, которое многие называют контролем эмоций, ей пришлось

поймать на себе во время официальных приемов во дворце! Реальность оказалась совершенно иной, чем жизнь, которая виделась ей, когда она была только невестой сеньора Ранти, наивной девушкой из далекой южной провинции!

Она уже давно потеряла вкус к ежедневным спектаклям, дававшимся во дворце. К миму, которым раньше восхищалась. К амплифонической музыке, к эмоциональным песнопениям, к головизуальному театру, к балетам Средних веков. Все это теперь вызывало у нее необоримую зевоту.

Дама Сибрит, чью красоту воспели лучшие скульпторы, жалкая провинциалка, которую венисианцы приняли и признали королевой, задыхалась и медленно увядала. У нее не оставалось сил восставать против этикета, даже мысленно убегать из тесной тюрьмы, в которую загнали придворные обязанности. А ведь ребенком и девушкой она была свободна... И большую часть времени провела в бескрайних пустынных владениях отца, носясь по ним на рогатых шигалинах... Отец ее был знаменитым Алоистом де Ма-Джахи, ближайшим другом сеньора Аргетти Анга...

Она устала служить мишенью или пешкой в тайных интригах, которые постоянно плелись в коридорах и внутренних двориках дворца. С тех пор как сеньор Ранти влюбился в жалкого чужака Спергуса, эфеба-блондина с Осгора, жизнь ее ухудшалась с каждым днем, и все, особенно женщины, видели в этом прекрасную возможность отомстить ей за собственную посредственность и не отказывали себе в удовольствии напомнить при любом подходящем случае о ее немилости и несчастье. Эти женщины мечтали стать первой дамой Сиракузы и спешили возложить вину за равнодушие Ранти Анга к прекрасному полу на хрупкую провинциалку. Они утверждали, что сумели бы затащить сеньора в свою постель и удержать его в ней. Поскольку были истинными придворными дамами, дочерьми знатных семей, венесианками, виртуозами в области обольщения: все брали уроки у профессиональных гейшах, натирали тело и рот афродизиаками, знали все варианты и тонкости эротической науки, которую семь веков назад создал Герехард де Вангув, величайший эрудит сиракузской истории.

Они не церемонились, говоря о супружеском невезении дамы Сибрит в ее присутствии, но осторожно облекали свои желчные слова в ядовитую оболочку холуйства... Это называлось контролем эмоций... Дама Сибрит едва сдерживалась, чтобы не спросить, почему же их мужья предпочитали им компанию гейшах, почему уклонялись от их столь умелых рук, отдавая

себя в руки профессионалок. Но предпочитала молчать, потому что никогда не любила отравленных придворных игр. Сейчас она потеряла вкус и к жизни.

Прежде чем погрузиться в спасительное благостное забвение, она желала лишь одного: попытаться спасти детей, невинных жертв интриг, которые их не касались. Еще до рассвета она записала кодированный текст на крохотном устройстве, которое придворные называли «спорой любви», ибо любили пользоваться им для тайной переписки. И теперь с нетерпением ожидала прихода Алакаит де Флель, своей компаньонки и доверенного лица, еще одной провинциалки, которую ей удалось сделать первой дамой, несмотря на яростное противодействие старейшин этикета. Алакаит обычно приходила поздороваться с ней на рассвете, когда безумная суета еще не охватывала дворец.

Во сне она получила предупреждение, что, быть может, еще есть время спрятать детей в надежном месте. Безумная идея, которая сжигала ее лихорадочным пламенем. Она видела их один раз в день во время ленча в первых сумерках. Она успевала только обнять и поцеловать их, пока шумная и ревнивая армия воспитателей не завладевала ими. Они ей не принадлежали и были лишь безликими плодами ее плоти, но она ощущала ответственность за них. Они не были зачаты в любовных объятиях — дама Сибрит так и не познала радостей и горестей плотской любви. Она была матерью-девственницей, и эта всем известная девственность была главным предметом сплетен придворных Венисии. Дворцовые врачи-акушеры взяли у дамы Сибрит три яйцеклетки, которые надежно хранили, пока не оплодотворили их тщательно отобранными сперматозоидами сеньора. Зародыши развивались в трех прозрачных шарах, подключенных к чанам с синтетической амниотической жидкостью. Дама Сибрит следила за их развитием, и это вызвало настоящий скандал при дворе. Старейшины этикета объявили ей настоящую войну на изматывание и даже прибегли к арбитражу иерархов Церкви Крейца: обычай предполагал, что супруга сеньора оставит эти малоприятные детали жизни на усмотрение специалистов. Разве не был шокирующим этот вид развивающихся тел?.. Иерархи Церкви оказались в затруднении и простили ей отклонение от правил, которое отнесли на счет провинциального духа ретроградки.

Однажды утром врачи-акушеры извлекли из шаров трех розовых младенцев, двух мальчиков и одну девочку, как того требовала традиция. Ни один из них не был похож ни на даму Сибрит, ни на сеньора Ранти. Некоторые особо придир-

чивые придворные усмотрели в них отдаленное сходство с их дедом, почитаемым сеньором Аргетти. Другие, чьи языки привыкли злословить, уверяли, что семя Ранти Анга было слишком плохого качества, а потому использовали семя специально отобранного донора.

Официальные хранители генеалогического древа Ангов, старые маразматики, которых наградили почетными титулами за верную службу, торжественно прибегли к «перстам судьбы», чтобы определить, кто из мальчиков, Джонати или Бернельфи, станет наследником. Перст указал на Джонати, и перст, как говорили придворные, оказался справедливым, ибо они не могли себе представить, чтобы Сиракузой однажды стал править человек со столь смешным именем, как Бернельфи. Сеньор Ранти объявил четыре дня грандиозных праздников, чтобы с надлежащей роскошью отметить назначение принца-наследника.

Вся любовная жизнь дамы Сибрит закончилась на этом научном опыте отбора яйцеклеток, холодном и нейтральном.

Ее детей, которым уже исполнилось семь лет, воспитывали в соответствии с ролями, которые предназначались им в Сиракузе. Джонати знакомили с жестокими обязанностями сеньора под неоспоримым руководством старого Остена д'Эланжеля, автора голофильма о всеобъемлющем воспитании принцев, который ценился всеми правящими семьями Конфедерации. Бернельфи, младшему по воле случая, пришлось удовольствоваться званием генералиссимуса сиракузских армий (армий-призраков, несравненно более слабых, чем Пурпурная гвардия, и используемых только для парадов). Его учили военному искусству, хотя он испытывал отвращение ко всему, что даже отдаленно напоминало военную форму. Ксафит, девчонка с круглым лукавым личиком, находилась в полном распоряжении старейшин этикета, которые не без трудностей пытались научить ее манерам поведения и достоинства, присущих придворным дамам. Дама Сибрит испытывала к своим детям какое-то карикатурное материнское чувство, чувство отдаленности и зыбкости, которое иногда охватывало ее в их присутствии.

Но сейчас, под кровавым небосводом первой зари, она ощутила срочное, неодолимое желание вырвать их из когтей смерти. Сон не обманывал ее: коннетабль был в заговоре с Менати Ангом, чтобы опрокинуть Ранти и устранить его наследников. Она должна была приложить все силы, чтобы спасти их и с миром в душе уйти самой. Для этого ей нужна была по-

мощь Алакаит, единственного искренне преданного друга при дворе. Она яростно сжимала регистратор, чуть не ломая его.

Розовый Рубин взошел над горизонтом. Он высветил рваную линию горного массива Месгомии. Вокруг дамы Сибрит раскрылись фиолетовые офеглиды, цветы любви и страсти — ирония судьбы! Они приветствовали звезду первого дня.

В амбразуре двери, выходящей в сад, появился хрупкий силуэт дамы Алакаит. Она не отличалась красотой, которую обычно приписывали знатным придворным дамам. Непропорциональное лицо: слишком длинный нос, поджатые губы, торчащий подбородок, но она всегда отказывалась устранять эти недостатки с помощью клеточного пластического моделирования. На ней был бледно-желтый облеган и бежевое платье-туника с разрезом выше колена. Водяная ярко-желтая корона и изумрудные браслеты подчеркивали ее невзрачность. В ней отсутствовало какое-либо кокетство, она не успела напудриться и уложить локоны вдоль капюшона, эта ее неряшливость подчеркивала суровый облик. Дама Сибрит не удержалась, чтобы не сравнить ее со средневековыми сиракузянками, женщинами, лишенными фантазии и чувственности, чьи портреты висели в некоторых галереях дворца.

— Дама моя! Что вы делаете здесь в такой ранний час и в столь легкой одежде? — проворчала Алакаит вместо приветствия. — Вы кончите тем, что вас будут считать человеком, который стремится вернуться в мир животных!

— Эка важность! — возразила дама Сибрит. — Накидка прячет меня от нескромных взглядов...

— Да предохранит нас Крейц! — воскликнула Алакаит, ужаснувшись, хотя уже давно привыкла к ее утренним выходкам. — Не хватает, чтобы вы прогуливались обнаженной перед всеми! Знаете ли вы, дама моя, что ваша привычка спать без облегана может стать предметом разбирательства святой Инквизиции! Обнаженность, — в ее устах это слово звучало греховно, — допускается, только допускается во время ежедневной ванны и акта... э-э-э... зачатия... Простите меня, дама моя...

Дама Алакаит закусила губы. Она коснулась исключительно скользкой темы и разозлилась на себя за неловкие слова. Она наравне с хозяйкой страдала от одиночества и немилости дамы Сибрит.

— Все это не имеет особого значения, — пробормотала супруга сеньора Сиракузы. — Как, впрочем, не имеют значения и абсурдные проблемы одежды!

— Дама моя, милости ради, не искушайте злой рок! — умоляюще воскликнула Алакаит. — Иначе я умру от ужаса.

Она жадно вглядывалась в черты собеседницы. И, догадываясь, что произошло нечто серьезное, содрогнулась и не на шутку испугалась.

— Слушайте меня внимательно, дама Алакаит! У нас очень мало времени...

— Почему?.. Что случилось?.. Во имя Крейца...

— Выслушайте меня, не прерывая и не задавая вопросов!

Властный тон дамы Сибрит был непререкаем.

— Вы покинете мои апартаменты как обычно. Потом, как можно скрытнее, отправитесь к моим детям. Скажете воспитателям, что мать немедленно требует их к себе. Если надо, воспользуйтесь властью, которую дает вам ранг первой дамы компаньонки.

— А если воспитатели будут против...

— Я просила вас не перебивать! Выкручивайтесь, как хотите, но заберите детей! Речь идет об их жизни! Но ни в коем случае не приводите их сюда, в мои апартаменты! Покиньте дворец через один из тайных выходов. Уверена, вы знаете их все. Постарайтесь убедить гвардейцев выпустить вас. Если надо, пообещайте им крупное вознаграждение. Покинув дворец, возьмите такси и отправляйтесь на площадь Артибанических Войн. Мой старший брат Мулик сейчас проездом в Венисии. Он живет в отеле Клавдия-Августа и должен сегодня навестить меня. Передадите ему детей и шифрованное послание. Голосовой декодер у него есть!

Она разжала пальцы с лакированными ногтями — на ладони лежал крохотный темный рулон. Ничего не понимая, дама Алакаит внимательно разглядывала даму Сибрит. Она отчаянно пыталась уловить хоть капельку иронии или хитрости в темных глазах хозяйки. Она так часто становилась жертвой розыгрыша и шуток со стороны дамы Сибрит. Но к ее великому ужасу, белое лицо, усталое и беспокойное, оставалось неподвижным. В зрачках светились трагические огоньки.

— Вы не скажете мне, что происходит, дама моя? — спросила Алакаит. — Не связано ли это с жестокой участью ваших друзей Тиста и Марит, погибших прошлой ночью? Не связано ли это со слухами, которые ходят по поводу асмы?

— Возможно... Но большего я сказать не могу. Чем меньше вы будете знать, тем меньшей опасности подвергнетесь! Даже если ваши мыслехранители постоянно держат непроницаемый занавес... Дама Алакаит, готовы ли вы помочь мне?

Алакаит де Флель долго с болью во взгляде смотрела на даму Сибрит.

— Я сделаю все, как вы пожелаете, дама моя. Давайте ваше послание.

Дама Сибрит протянула открытую ладонь. Алакаит схватила рулон, сунула его во внутренний карман туники и исчезла через одну из дверей, ведущих в апартаменты.

Дама Сибрит со сладострастием погладила кончиками пальцев полностью раскрывшиеся лепестки офеглидов, источавших насыщенный, пьянящий аромат. В последний раз обвела взглядом ярко сверкающий сад, заглянула в приоткрытую пасть снежного медвигра, извергавшего бесконечную струю радужной воды, всмотрелась в пурпурное небо, окрашенное лучами Розового Рубина, в белоснежные улицы и стены просыпающейся Венисии, проводила глазами взлетающие в воздух после трехдневной реквизиции такси и автобусы, галиоты, лениво рассекающие пурпурные воды Тибера Августуса. Первые торговцы, прибывшие даже из самых далеких миров, раскрывали свои прилавки с разноцветными куполами. Вдоль аллей парка тянулись пальмины с пунцовыми плодами и листьями, а на оранжевой траве расправляли яркие крылья хохлатые павлины... Дама Сибрит впитала в себя всю красоту зрелища... в последний раз...

Она пересекла сад и вернулась в спальню, где еще прятались тени ее кошмара. Нажала переключатель ванны над столиком у изголовья кровати. Несколько мраморных плит повернулись и утонули в полу. Рядом с кроватью возник овальный бассейн из ароматных пород дерева. В нем яростно вскипали световые вихри — волны, которые очищали тело и снимали усталость. На украшенном фресками потолке появилось зеркало-увеличитель, в котором отражался бассейн. Оно не отражало ничего другого в спальне, поскольку было покрыто специальной амальгамой, позволявшей купальщице при желании проверить каждый квадратный сантиметр кожи.

Накидка дамы Сибрит соскользнула на пол. Прохладный воздух, коснувшийся кожи, шеи, груди, живота и ног, доставил ей невыразимое ощущение свободы тела и дыхания, и она постаралась продлить это наслаждение. Если бы дворцовая камеристка застала ее в этом виде, тут же распространился бы слух, что супруге сеньора Ранти Анга, первой даме Сиракузы, нравится пребывать в унизительном состоянии звериной наготы, нарушавшем священные нормы. Этот слух не преминет распространиться по дворцу, и тогда ею займутся инквизиторы Цер-

кви. Но сегодня ей было наплевать на сплетни и крейцианские трибуналы. Она превратилась в Сибрит Ма-Джахи, свободную девушку-дикарку, которая сжимает бедрами влажные бока шигалина, несясь сквозь облака оранжевой пыли, или обнаженной ныряет в светлую ледяную воду горных потоков...

Она опустилась в бассейн. Зеркало на потолке отразило белое тело, волны принялись очищать пора за порой ее кожу, убирая малейшую грязь и доставляя удовольствие от тысяч едва заметных уколов. Ей еще не удалось полностью насладиться этой волновой ванной, как дверь с грохотом распахнулась и спальня наполнилась голосами и шагами.

У дамы Сибрит перехватило дыхание. Они даже не дали ей надлежащим образом подготовиться к смерти.

Она ожидала прихода коннетабля Паминкса или Менати Анга, но в комнату в сопровождении четырех мыслехранителей ворвался сеньор Ранти Анг. Его худое лицо, зажатое капюшоном белого облегана, из-под которого выбивались два серо-синих локона, было бесстрастным. Однако яростный огонь, горевший в голубых глазах, свидетельствовал, что он утерял ментальный контроль. На нем был длинный темно-синий плащ. Он подошел к краю бассейна.

— Итак, дама моя! — агрессивно начал он. — Вы призываете меня на заре по делу, не терпящему отлагательств, а сами нежитесь в ванне! Пожалуйста, немедленно оденьтесь и соблаговолите объяснить мне, о чем идет речь. Вы же знаете, что я не терплю вставать так рано!

Озадаченная дама Сибрит перегнулась через край бассейна, схватила накидку, прикрылась ею и встала.

— Прошу прощения, сеньор, — тихо произнесла она. — Но я вовсе не посылала за вами...

— Как? — взорвался Ранти Анг. Он плохо выспался, был в дурном настроении, и его ментальный контроль трещал по всем швам. — Вы осмеливаетесь утверждать, что шифрованное послание, которое я только что получил, исходит не от вас?

— Клянусь всем самым святым в мире, я не посылала вам послания, — спокойно ответила дама Сибрит. — Кто его вам вручил?

Ранти Анг бросил на супругу подозрительный злобный взгляд:

— Дама из вашего ближайшего окружения передала его одному из капитанов Пурпурной гвардии...

— Сеньор мой, послание исходило не от меня. Боюсь, вам уготовили ловушку...

Ироничная усмешка перекосила накрашенные губы Ранти Анга.

— Ловушку? Мне, сеньору Сиракузы? Вы сошли с ума, дама моя! Вы отдаете себе отчет в том, что сказали? У кого хватит наглости устраивать ловушку сеньору Сиракузы? Вы слишком скучаете, дама моя... Быть может, мне стоит разрешить вам взять любовника!..

Презрительный, ядовитый тон не обезоружил даму Сибрит. Она возразила твердым голосом:

— Кто мог устроить вам ловушку, мой сеньор?.. Те же самые лица, которые решили убить сеньоров Конфедерации Нафлина. Те же самые, которые организовали заговор против Тиста д'Арголона и его друзей...

Лицо Ранти Анга внезапно разгладилось. Слова дамы Сибрит заинтриговали и позабавили его.

— Черт возьми! Вы, случаем, не колдунья? Что вы знаете о событиях, которые имели место во дворце асма?

— Ничего определенного, мой сеньор... Но поскольку вы меня спрашиваете, могу познакомить вас с теми слухами, которые ходят в моих апартаментах. Говорят, к примеру, что сеньор Сиракузы предал законы Конфедерации, а самое главное, законы гостеприимства, организовав для сеньоров союзных миров западню, в которой их ждала смерть. Говорят, что один из сеньоров, Лист Вортлинг с Маркината, был всего лишь шестнадцатилетним юношей. Говорят также, что сеньор Сиракузы, предав старую дружбу, которая объединяла его семью с семьей Арголонов, закрыл глаза на убийство Тиста и Марит, а также других придворных, чьей единственной целью было сохранение сиракузских традиций и культуры... Говорят очень многое... Хотите, чтобы я продолжила, или этого достаточно, мой сеньор?

Она произнесла свою тираду монотонным, почти чужим голосом. В тишине раннего утра это безликое перечисление звучало надгробной речью. Черты Ранти Анга посуровели и напряглись.

— Продолжайте, дама моя! — едва слышно приказал он.

— Хорошо, мой сеньор... Говорят, что сеньор Сиракузы передал половину наследия своих предков скаиту Паминксу, а вторую половину — чужаку Спергусу. Говорят, что коннетабль предал и собирается выступить против сеньора Сиракузы, готовя ему незавидную участь... Говорят...

— Хватит! Хватит! — взорвался Ранти Анг, окончательно выйдя из себя. — Как... как вы осмеливаетесь говорить со мной в таком тоне?

Дама Сибрит выдержала яростный взгляд, вперившийся в нее. В этом ее заслуги не было: она знала, она видела все это в своем сне.

— Успокойтесь, мой сеньор, меня вовсе не охватил запоздалый приступ мужества! Мы, вы и я, люди без будущего... Вы — потому что утеряли всяческий контроль над правительством вашей планеты, а я — потому что имею несчастье быть вашей женой. Именно это прозрение позволяет мне так откровенно высказываться... Проницательность человека, у которого не осталось надежд... С тех пор как я переступила порог этого дворца, мой сеньор, для меня важным было только одно: завоевать вашу любовь, как бы смешно это вам ни казалось. Поскольку я не придворная дама, а провинциалка. Иными словами, девушка, воспитанная в культе долга. Меня соединили с вами, и для меня этот союз вылился в обязательство полюбить вас... Это может выглядеть смешным, неуместным, пустым — не знаю чем? Но это так: я хотела вас любить, и я ваша жена!.. Но вы меня бросили, вы оставили мне в удел одинокие ночи, вы публично унизили меня с этим жалким чужаком Спергусом, вы отказались от моего тела. Однако тайными уголками женской души я продолжаю надеяться на вашу любовь... Похоже, мой сеньор, настал момент нашей окончательной разлуки! До того, как мы по-настоящему узнали друг друга. Ибо, не сомневайтесь, послание было обманом для того, чтобы заставить вас прийти сюда, в мои апартаменты в полном одиночестве, выманить вас из надежного охраняемого убежища... Отдалить от личной гвардии... Вы — в смертельной опасности!

Встревоженный утверждениями дамы Сибрит, ее словами, которые она буквально отчеканила, Ранти Анг был поколеблен ее уверенностью. Он быстро обвел спальню взглядом, остановил глаза на мыслехранителях, застывших у кровати.

— Но здесь только мои мыслехранители, вы и я! — заявил он, пытаясь говорить беспечным тоном. — Что касается вашего... толкования событий, они не совсем ошибочны, но далеко не полны. Вы делаете поспешные заключения из фактов, не зная ключа к ним. Пример: то, что обычный, вульгарный язык называет предательством, является государственной необходимостью!.. У вас узкое мышление придворной сплетницы! Пожалуйста, дама моя, постарайтесь возвыситься над своим состоянием женщины и провинциалки! Вы накануне торжественного момента, когда вас коронуют императрицей вселенной! Для истории вы станете супругой первого императора постнафлинской эпохи и

основательницей новой династии! Разве такая перспектива не заслуживает небольшого величия души?

Дама Сибрит перешагнула через бортик бассейна и подошла к супругу так близко, что складки ее накидки коснулись его плаща.

— Мой сеньор, к сожалению, должна вам сообщить, что вы никогда не станете императором! — медленно произнесла она с презрением и жалостью. — Неужели вы настолько ослеплены своей смешной страстью к юному осгориту? Разве вы не видите, что творится вокруг вас?

— Замолчите! — выкрикнул Ранти Анг.

Не в силах сдержаться, он влепил молодой женщине сильнейшую пощечину. Следы его пальцев отпечатались на бледной щеке дамы Сибрит, на ее ресницах повисли слезы. Она не отступила, не сделала ни малейшей попытки защититься. Он впервые дотронулся до нее.

— Замолчи, или я разведусь с тобой, грязная... девчонка! Слышишь? Разведусь! Не думай, что защищена от моего гнева тем, что ты дочь Алоиста де Ма-Джахи, друга моего отца! Я без колебаний отошлю тебя в провинцию, даже если мне придется целыми ночами убеждать муффия Церкви Крейца аннулировать наш брак! Это не составит особого труда: он у нас так и не состоялся! А если этого будет мало, я учиню самый громкий скандал во всей сиракузской истории!..

У нее дрожали губы и подбородок, но она старалась глядеть ему прямо в глаза. Щека ее приятно горела. Она поняла, что ей понравился этот приступ насилия. Как некогда ей нравился острый запах рогатых шигалинов, запах пота работников ее отца...

— Простите меня, дама моя, — смущенно пробормотал Ранти Анг. — Но вы вывели меня из себя!.. Я достаточно наслушался вас сегодня утром. Сейчас я отправлюсь, чтобы разобраться с этим посланием... Берегитесь, если солгали! Прощайте!

Он махнул своим мыслехранителям и быстрыми шагами пересек спальню.

В момент, когда он собирался переступить порог двери, в апартаменты дамы Сибрит ворвался эскадрон притивов и остановил его. Удивленный Ранти Анг отступил на шаг и наткнулся на своих мыслехранителей.

— Кто... кто разрешил вам входить сюда? Немедленно освободите дорогу!

Разъяренный сеньор Сиракузы попытался прорваться через цепь притивов, но наемники сомкнули ряды и не

дали ему выйти. Дама Сибрит, наблюдавшая за происходящим, уже предвидела, как будут развиваться события. Ранти Анг бросил нерешительный взгляд назад. В апартаментах его супруги были и другие выходы, но поскольку он никогда не посещал ее, то не знал, где они расположены. Его охватила паника. Он знал, что притивы — простые исполнители. Он вдруг вспомнил слова дамы Сибрит: вы в смертельной опасности, мой сеньор... Она была права, кто-то расставил ему ловушку, кто-то постарался удалить его из крыла, где было полно тайных проходов, которые он оборудовал и закодировал, и разлучить с Пурпурной гвардией...

Синий бурнус коннетабля разорвал цепь наемников. Увидев его в спальне, Ранти Анг воскликнул:

— Господин коннетабль! Быть может, вы удосужитесь объяснить мне, что здесь происходит! Что эти наемники делают в апартаментах моей супруги...

Паминкс не ответил. Его лицо полностью скрывалось в многочисленных складках капюшона.

— Я жду ваших объяснений! — рявкнул Ранти Анг, чья самоуверенность таяла с каждой секундой.

— Мы ждем более квалифицированную персону, чем я, чтобы ответить на ваш вопрос, — ответил Паминкс. — И не пытайтесь убежать через потайные выходы: все они перекрыты.

Металлический голос коннетабля, как всегда, звучал безлико. Ранти Анг побледнел и повернулся к своим невозмутимым мыслехранителям, словно призывая их в свидетели:

— Господин коннетабль, отдаете ли вы себе отчет в том, что берете в заложники сеньора Сиракузы? В заложники!.. Немедленно прикажите этим людям, этим убийцам, чье присутствие, как я вам уже говорил, нежелательно на нашей планете, покинуть помещение! Это оскорбление не скоро сотрется из моей памяти. Будьте в этом уверены!

— Не стоит гневаться, мой сеньор, — сказал Паминкс. — Гнев нарушает контроль эмоций. На ваши законные вопросы вскоре будут даны всеобъемлющие ответы...

— Я вас увольняю! — закричал Ранти Анг. — Увольняю! Моя личная гвардия знает, где я нахожусь: она явится с минуты на минуту! И поверьте, коннетабль Паминкс, вы очень долго будете жариться на огненном кресте, чтобы ощутить вкус горьких сожалений о своем проступке!

В это мгновение наемники расступились и пропустили новый отряд, состоявший в основном из полицейских в темно-синих комбинезонах и крейцианских кардиналов в

пурпурных облеганах и лиловых накидках. Среди них Ранти Анг узнал кардинала Фражиуса Моланали, человека с розовым кукольным личиком, доверенного лица муффия Барофиля Двадцать Четвертого во всех делах, касающихся взаимоотношений Церкви и Государства. Он также узнал своего брата Менати, чье квадратное, массивное лицо растягивало кромку его черно-белого капюшона.

— Сеньор, мой брат, я вижу, вы в большой ярости! — саркастически бросил Менати. — Где же ваш пресловутый контроль эмоций!

— Признайтесь, есть от чего! — возразил уязвленный Ранти Анг, овладевая собой. — Все эти люди, которых вы видите здесь и с которыми, полагаю, вы заодно, мешают мне вернуться к себе!

Присутствие Менати, который обычно раздражал его, одновременно интриговало и успокаивало Ранти Анга. Он заметил, что карие глаза его брата часто останавливались на даме Сибрит, застывшей посреди спальни.

— Порицать можно только одного человека, мой сеньор, — продолжил Менати Анг. — И этот человек я... Действительно, кодированное послание исходило от меня.

Он говорил веселым шутливым тоном, словно речь шла о безобидной светской игре без особых последствий. Ранти Анг понял, что проиграл. Ценой невероятного усилия воли он сумел сдержать свой гнев и страх и спокойно возразил:

— Так мне нравится больше! Поскольку вы просили их прийти, попросите теперь уйти. Таким образом, каждый вернется к себе, и все встанет на свои места.

Кардиналы, в особенности Фражиус Моланали, восхищенно следили за словесной перебранкой братьев Анг. Они вкушали радость от реванша над сеньором Ранти, чьи нападки, оскорбления и унижения им приходилось неоднократно сносить. К тому же он безнаказанно попирал власть Церкви и публично демонстрировал нравы, которые противоречили крейцианским догмам. Час расплаты настал.

— Я вижу, что вы меня совершенно не поняли, мой сеньор, — произнес Менати. — Если я приказал этим людям помешать вам покинуть эти апартаменты, то только по той причине, что вы отсюда живым не выйдете. Сегодня я с помощью нашей святой Церкви и нашего верного коннетабля забираю то, что «персты судьбы» по ошибке вручили вам. Брат мой, ваше царствование заканчивается именно в этот момент!

Ранти Анг, как раненый зверь, огрызнулся в последний раз:

— Моя Пурпурная гвардия законопослушна! Они мне верны! Вы считаете, что они позволят вам действовать по своему усмотрению? Если они узнают о вашем предательстве...

— Предательство? — оборвал его Менати Анг. — Мне кажется, что я только что слышал из ваших уст, что слово «предательство» относится к дворцовым сплетням! К женщинам! К ограниченным умам! Вы предпочли, полагаю, термин «государственной необходимости»... Без преданности своих мыслехранителей вы столь же уязвимы, как и ребенок...

Ранти Анг быстро обернулся и всмотрелся в красно-белые капюшоны своего эскорта. Он вспомнил, что забыл проверить отпечатки их лиц, когда его вытащил из постели дежурный капитан, вручивший ему послание... Так ли это важно? Все скаиты, мыслехранители или инквизиторы, друзья или враги, были под властью Паминкса...

— Если мы организовали эту небольшую мизансцену, довольно жалкую, согласен с вами, то только ради того, чтобы пощадить... чувствительность некоторых офицеров Пурпурной гвардии. Их бы шокировало, казни мы вас во сне. Нам не хотелось начинать новое царствование с пролития крови старых верных служителей нашей семьи. Предательство иногда называется предосторожностью... Видите, куда завела неосторожность Тиста д'Арголона... Видите, куда завела неосторожность вашего дражайшего... Спергуса!

Ранти Анг вздрогнул. Лицо его посерело.

— Спергус... Что вы сделали со Спергусом? — Голос его был едва слышен.

Гордость оставила его. Его предали, и он превратился в обычного униженного, отчаявшегося человека, потерявшего контроль над собой.

Фражиус Моланали не заставил себя просить, чтобы вынести приговор. От резких движений нижних челюстей затряслись его вислые щеки.

— Священный трибунал Церкви, собравшийся на исключительное заседание в ночь на двадцать второе малинуса, решил, что некто Спергус Сибар, уроженец сателлита Осгор, виновен в животной сексуальной практике, противоестественной и кощунственной. Посему Спергус Сибар приговорен к муке на медленном огненном кресте. Искупление его преступлений началось с восходом Розового Рубина, звезды первого дня. Он выставлен на публичное обозрение на площади Артибаничес-

ких Войн, дабы каждый сиракузянин узнал о наказании, которое ждет любого врага божественного Слова Крейца.

За словами кардинала последовала мертвая тишина. В душе Ранти Анга лопнула последняя пружина. Он был подавлен, его голубые глаза излучали неизмеримую печаль.

— Признайтесь, что вам очень повезло, брат мой! — снова заговорил Менати Анг. — Вас защищает ваш ранг. Вы избежите ужасающей муки, которая ждет малыша-осгорита.

— Быть может, покончим поскорее! — прошептал Ранти Анг.

— Вы правы. Не стоит продолжать дольше положенного этот ужасный спектакль.

По ментальному приказу Паминкса в спальню вошел скаит в черном бурнусе. Ранти Анг с горечью вспомнил, что сам содействовал увеличению бюджетных затрат на программу развития ментальных убийц. Он профинансировал создание инструмента своей смерти. Какая важность!.. Ему казалось, что он слышит крики агонии Спергуса на огненном кресте. И нашел в себе силы повернуться к даме Сибрит:

— Прощайте, дама моя. Простите мне все оскорбления. Вы заслуживали лучшего супруга, чем я. Вы правы: я прожил слепцом... Прощайте...

По щекам дамы Сибрит текли слезы. Она не сумела заставить этого человека полюбить себя, но она на него не злилась. И улыбнулась с невероятной нежностью. Она хотела, чтобы он унес по ту сторону жизни иной образ, образ женщины, которую мог бы полюбить. Скаит в черном остановился в трех шагах от Ранти Анга.

Осклизлые холодные щупальца принялись шарить в мозгу сеньора Сиракузы. Ему казалось, что они обрывают нервные связи, соединявшие два полушария. Невероятная боль разрослась внутри его черепа. Он рухнул на пол. Его пальцы, усыпанные кольцами, заскребли по мраморным плитам, сжались, разжались. Открытые застывшие глаза, казалось, смотрели в глубину черного капюшона. Искривленный рот походил на усмешку.

— Отнесите его тело в зал крематория! — приказал Менати Анг полицейским. — Господа кардиналы, прошу вас сообщить населению через СМИ, головидение и галактическое радио новость о кончине сеньора Ранти Анга, сына Аргетти Анга. Планетного дня траура не будет. Он будет сожжен в кругу самых близких... Кардинал Моланали, вам лично поручается сообщить новость муффию Барофилю Двадцать Четвертому.

— Будет исполнено в соответствии с вашими пожеланиями, мой сеньор. — Кардинал поклонился.

И вышел в сопровождении пурпурно-фиолетовой когорты иерархов Церкви. Полицейские накрыли труп саваном и погрузили его на носилки с магнитной подвеской.

Менати Анг подошел к даме Сибрит, которую ужаснуло и оскорбило убийство, совершившееся на ее глазах. Младший Анг напоминал хищника, кружившего вокруг добычи. Он долго смотрел на нее, вглядываясь в распущенные волосы. Перевел взгляд на шею, на видневшуюся грудь, поднимавшую тяжелую ткань накидки. В его карих глазах зажглись огоньки желания.

— Я уличаю вас в бесстыжем отсутствии облегана, дама моя! — вполголоса протянул он. — Но стоит отблагодарить Крейца, эта забывчивость только усиливает блеск вашей красоты!

Она гордо вскинула голову и спокойно выдержала его пристальный взгляд.

— Убейте меня! — пробормотала она. — Убейте меня немедленно!

На грубом лице Менати Анга появилась жестокая улыбка.

— Убить вас, дама моя! Неужели вы мечтаете об этом?.. Стереть с лица планеты такую грацию, такую красоту? У меня нет намерения убивать вас... Я предназначаю для вас более славное, более достойное будущее! Я никогда не допущу ошибки брата!

— У меня осталось лишь одно будущее — смерть!

Она выплюнула эти несколько слов с высокомерным презрением. Сон ее сбылся во всех подробностях, но она проснулась, не досмотрев его до конца. Вернее, проснулась, чтобы не знать конца. Она больше боялась себя и своих странных порывов, чем Менати Анга.

— Ах, легендарная гордость и мятежный дух Ма-Джахи... Вы — истинная дочь Алоиста. Я питаю к вам глубочайшее и истинное уважение!.. Знаете ли вы, дама моя, что люди, обеспечивающие безопасность дворца, недавно арестовали некую... Алакаит де Флель?

Кровь дамы Сибрит застыла в жилах.

— У нее было кодированное послание, которое наши специалисты сумели расшифровать... Что касается ваших двоих сыновей, Джонати и Бернельфи... Она, увы, пришла слишком поздно. Ночью их обнаружили мертвыми...

— Вы — чудовище! — застонала дама Сибрит и зарыдала.

— Ну что вы, дама моя, возьмите себя в руки! Не устраивайте спектакль! Не старайтесь уверить нас в своем материнском чувстве! Ваши дети были зачаты в пробирке, а не в

вашем чреве! Вашу дочь Ксафит пока пощадили... А Алакаит де Флель грозит суд по обвинению в государственной измене. Участь этих двух персон зависит только от вас...

Как и во сне, зубы Менати Анга сомкнулись на ее шее, и она вдруг поняла, что этот укус ей нравится.

— Чего вы ждете от меня?

— Некоторого... скажем, сотрудничества... Не пытайтесь преждевременно свести счеты с жизнью, иначе Ксафит и ваша компаньонка отправятся за вами сразу же после вашей смерти... Я хочу исправить жестокую несправедливость судьбы, которая отдала вас моему брату. Отдала... Соединить вас с ним означает то же самое, что отдать опталий человекозверю с Жетаблана! Говорят, он даже не лишил вас девственности... Поверьте мне, я сумею воздать вам те почести, которых вы заслуживаете.

Дама Сибрит всем своим телом жадно впитывала слова Менати Анга, но дух ее отказывался соглашаться с ним.

— Вы думаете, что, демонстрируя свою профессию убийцы, вы воздаете мне почести? Будьте вы тысячу раз прокляты, Менати Анг!

— Пожалуйста, дама моя, умерьте силу своего голоса! Множество хищных птиц только и ждут, чтобы отправить вас на огненный крест! Вас, вашу дочь и даму Алакаит де Флель... Не кощунствуйте на публике! Кардинал Фражиус Моланали видел вас без облегана, а это достаточный повод, чтобы потребовать вашего осуждения и уничтожения всего вашего потомства! Напротив, если вы покажете свое понимание, весь мир будет лежать у ваших ног...

Она было открыла рот, чтобы возразить, но он остановил ее жестом руки.

— Не говорите ничего, дама моя. Я вижу в ваших прекрасных глазах только печаль. И не буду вам больше надоедать. Меня зовут дела новой империи. Ваши мыслехранители вернутся к вам после моего ухода. До скорого, дама моя... И не забывайте, если хотите, чтобы жили Ксафит и Алакаит де Флель, вы тоже должны жить!

Он кивнул на прощание и вышел.

Его мыслехранители присоединились к нему в коридоре. И когда решил, что наконец укрылся от проницательности коннетабля, он дал волю некоторым своим мыслям. Главной из них была мысль, как найти средство отделаться от все более и более неудобного союзника, каким был Паминкс.

Глава 13

Это произошло давно, очень давно... После Третьего Великого Конца, после ядерной чумы, после того, как Мать-Земля поглотила почти всех своих детей, после того, как большинство уцелевших перебило друг друга, после того, как от землян осталась всего лишь горстка людей...

Одни, оголодав, взяли приступом города-крепости, где укрылись вторые. Были массовые убийства, грабежи, насилия. Они пожрали друг друга. И тогда те, кто остался в живых, бросили свои транспортные машины, грязные и несущие смерть, покинули лежащие в руинах города, отказались от войн, оставили тех людей, кого поразила ядерная чума или безумие... Они оставили позади себя отравленные воды, залитые, сотрясаемые судорогами земли, реки лавы и реки крови... Одни собрались в гигантских звездолетах, отправились на поиски других миров, рассеялись по вселенной и воссоздали на иных звездных мирах человечество... Но тем, кому не хватило места в кораблях, пришлось остаться.

Именно о них я говорю, о тех, кто укрылся в горах Гималаях, о тех, кто превратил Мать-Землю в Эдем. Пока старый мир угасал, они научились беседовать с материей. Они отбросили догмы и жрецов, священные тексты и скрижали с заповедями. И материя подчинилась их воле. Им не было нужды работать: деревья в избытке приносили плоды, растения и животные покорно кормили их, одно время года сменяло другое, хрусталь превратился в дома, деревни, города, окруженные светом...

Они научились говорить с летающими камнями. Им было достаточно обратиться к камню с просьбой перенести их в другое место, усесться на его шершавую спину, и камень неслышно взмывал вверх, выше тех птиц, которых называли орлами, выше облаков. Камни были неутомимы и летали над долинами, над океанами, над реками. Даже дети летали на камнях: они не рисковали упасть или заблудиться, ибо дух материи следил за ними, как любящий отец. То было благословенное время, и каждый занимал свое место по справедливости... Сколько времени длились эти времена? Я не знаю и не уверен, что они осознавали понятие времени. Я даже не уверен, что они умирали...

Вулканический пепел постепенно покрыл всю поверхность Матери-Земли. В ее плодородном чреве зародилась новая жизнь. Появились новые растения, и их корни и листва справились с ядерной чумой, с химической чумой и залечили раны...

А потом горных людей охватило безумие...

Однажды между двумя хрустальными городами разгорелся спор. Предметом раздора стало поле с летающими камнями, расположенное на полпути между двумя городами... Каждый город провозгласил себя владельцем этого поля. Это было глупостью: разве можно обладать воздухом, землей, огнем, водой?.. Полагаю, что в этот момент жрецы или фанатики, люди, чьи уста извергают ненависть, сочли себя хранителями истины, а сердца остальных оказались достаточно иссушенными, чтобы пить их слова, как чистую воду... Но я всего-навсего усталый старик, я не владею истиной и не хочу судить...

Каждый избрал свою судьбу. Каждое существо, каждая деревня, каждый город встал на сторону одних или других. Одни утверждали, что Творец изгнал остальных из своего Горнего Сердца, а остальные возражали, что им лучше помолчать, ибо они утеряли поддержку Духа Материи. Они начали писать слова с заглавной буквы, а когда люди начинают писать слова с заглавной буквы, значит, они готовы убивать ради принципов.

Словесные схватки вылились в конфликты мыслей...

Так началась ужасная Война Мыслей, которая тянулась долгие века. Такова правда: они убивали друг друга беспощадными смертоносными мыслями. Горная цивилизация, так называемая цивилизация просвещенного человека, рухнула, как некогда рухнула цивилизация атома, которую называли цивилизацией человека мудрого. Деревья перестали плодоносить, источники воды пересохли, хрустальные города были вырваны из земли, могучие приливы затопили континенты. И камни, и те, из-за которых люди разделились, и все остальные, стали пленниками гравитации.

Долго, очень долго те, кто уцелел в том и другом лагере после этой Войны Мыслей, предавались размышлениям. Они поняли, что не знают, почему сражаются между собой. Время поглотило воспоминания многих поколений, сменявших друг друга с момента начала конфликта.

И они пришли к единому решению: пора установить мир. Они нашли на скале выгравированные пророческие стансы, в которых говорилось о давней цивилизации, о цивилизации просвещенного человека. Они обратились к Духу Материи, но тот отказался прислушаться к ним. Они просили камни взлететь, но те даже не шелохнулись. Они умоляли деревья дать им плоды, но ни одна почка не раскрылась на мертвых ветвях. Им пришлось есть плоть своих мертвецов. Они впали в уныние и принялись жаловаться на жизнь.

Далекие заснеженные пики, облака и небеса слышали их плач и отчаянные вопли.

Дух Материи сжалился над ними. Он принял вид горного великана и сказал им чистым и громким голосом:

— Люди, мой отец-создатель прислал меня сообщить вам следующее: вы смертельно оскорбили летающие камни. И они отправляются в другие, отдаленные края. Они соберутся в стране, где вы сможете отыскать их, если ощутите истинное желание вернуть былое. Когда вы отыщете их, оставайтесь рядом с ними и вымолите у них прощение. Как только один из вас сможет поднять в воздух камень силой своей невинности, мой отец-создатель вновь прислушается к вам, и времена счастья будут возвращены...

Сказав это, он вернулся в свой дом, сложенный из облаков и ветров. Как он и сказал, камни взлетели и улетели в сторону восходящего солнца. И небо потемнело, будто среди бела дня опустилась ночь.

Люди пустились на поиски камней. Они ушли из своей страны, пошли на восход и стали бродячим племенем. Два века они двигались без остановок, никогда не отдыхали, останавливаясь только для похорон своих усопших. И вели их те, кто объявил себя жрецом или пророком. Потом люди взроптали, прокляли горного великана и прокляли отца-создателя. И решили остаться там, куда пришли, в зеленой, плодородной долине. Они вскрыли чрево земли, засеяли его зерном и основали город.

Только один молодой человек продолжил путь... Звали его Амфан, и сердце его было чистым. Дух Материи явился ему в виде птицы с золотым оперением и привел его на священное поле у гор Гималаев, откуда камни улетели два века назад. Амфан понял, что их блуждания были тщетными. Он понял, что далеким краем, о котором говорил горный великан, была душа.

В безумной радости и плача от признательности, Амфан вернулся, чтобы предупредить свой народ. Путешествие его длилось двадцать лет. Его встретили сарказм и гнев близких. Жрецы и пророки изгнали его. И тогда Дух Материи разгневался. Он обрушил огненный дождь, который уничтожил город, дома, скот, поля, храмы... Молния сразила жрецов и пророков.

Устрашенный народ последовал за Амфаном, но тот умер во время путешествия, которое продлилось тридцать лет. И этот народ осел у подножия Гималаев, явились новые пророки, говорившие от имени отца-создателя, они установили гайала, великие церемонии равноденствия, во время которых посвященные, амфаны, пытались возобновить диалог с летающими камнями священного

поля. Но с незапамятных времен ни один камень еще не простил их. Вам говорит старый человек — посвященные хуже ядерной чумы. Никто не положит конца мукам людей Матери-Земли, если не обретет душу ребенка...

Устная легенда о летающих камнях,
принесенная с Матери-Земли махди Шари
из Гималаев, который услышал ее от великого
американского рассказчика Галаина Жабрана

Круглый, гладкий и серый камень размерами и качеством превосходил все остальные камни пустынного бескрайнего поля.

Шари Рампулин колебался всего несколько секунд перед тем, как остановить свой выбор на нем. В самый первый раз, когда мальчуган его увидел, камень, казалось, позвал его, бросил ему вызов. Он величаво царил посреди амфанического поля, окруженный множеством камней меньшего размера, асимметричных, угловатых, шершавых. Это был величественный властелин, которому поклонялись его несовершенные подданные.

Кружевные гребни Гималайской горной цепи рвали горизонт, в который вонзались вечно заснеженные, недосягаемые вершины. Огромные черные хищники с распростертыми крыльями, орлы, парили на едва заметных воздушных потоках, изредка издавая хриплые громкие звуки.

Ребенок, стоя на коленях перед камнем, пытался умерить свое дыхание. Он пробежал всю извилистую дорогу, которая поднималась от городка Исход к священному полю. От невероятной, почти гудящей жары горели его кожа и легкие. По лбу стекали ручьи пота, щипавшего глаза. Ручьи эти собирались в потоки, сбегавшие по обожженной груди и спине. Его бедра были обтянуты узенькой цветной повязкой. Спеша повзрослеть, он попросил мать соткать ему эту повязку, которая означала переход от детства к отрочеству, от наготы к ношению одежды. Шари чувствовал себя почти взрослым мужчиной, когда был прикрыт его срам.

Глухая тоска терзала его внутренности. Она сжимала горло всякий раз, когда он тайно проникал за священную ограду амфанического поля. Он нарушал вековые запреты своего народа. Если бы один из амфанов, жрецов с ужасающими речами и взглядами, обнаружил его среди священных камней, его бы забрали у матери и до окончательного созревания отправили в загон закононарушителей. Он не был посвященным, он не был ученым, он не изучал пророческих стансов, поглощенных водами Скалистых гор, он не имел права разговаривать с камнями.

Но ни страх, ни любовь к матери не могли заставить Шари Рампулина отказаться от частых посещений тех, кого отныне считал своими друзьями. С момента, как создатель историй Галаин Жабран рассказал однажды чудесной звездной ночью бессмертную легенду о летающих камнях, о тех далеких временах, когда каждое человеческое существо умело говорить с духом материи, Шари проникся уверенностью, что именно он станет тем счастливым избранником, который приручит и оседлает камень. Он будет первым, кто вместе с орлами воспарит над облаками, над незапятнанными вершинами Гималаев.

Галаин Жабран был старым хромым бродягой, над которым насмехался весь Исход. Его широко открытые горящие глаза под белыми бровями звездами сверкали на темной изрытой коже лица. Когда он рассказывал свои истории, его длинные гибкие руки двигались столь же быстро, как и его язык. Его единственной аудиторией были Шари Рампулин и еще несколько детишек. Галаин Жабран клялся и обещал, что, сумей люди отыскать утерянное знание людей древних времен, Дух Материи вновь стал бы исполнять все их желания.

— Какими бы невероятными и безумными они ни были! Этот благословенный день настанет, когда чистое сердце, — он сплевывал на землю, — а не один из этих проклятых амфанов, пусть их лишат мужского достоинства и заставят есть собственное дерьмо, сумеет поднять камень на священном поле силой своей невинности... А их праздники гайала похожи на женщин с гладкой кожей и гнилым нутром!

Шари попытался представить себе, что такое гнилое нутро женщины с гладкой кожей, гнилую плоть, в которой копошатся черви, и понял, почему не любит гайала, эти церемонии равноденствия. Они проходили во время летнего и зимнего солнцестояния. В сопровождении всего народа америндов из Исхода и ближайших поселений амфаны проходили дорогой, усыпанной лепестками цветов, до священного поля, где уединялись на три дня и три ночи. Они вершили там таинственные, эзотерические ритуалы, значение которых было неведомо профанам. Но уже долгие века ни один камень не соблаговолил сменить место или даже приподняться. Это означало, что человек еще не созрел для диалога с материей.

— Это они, амфаны и их приспешники — пусть орлы насытятся их кишками! — мешают камням взлететь! — заканчивал Галаин Жабран с печальной улыбкой, а потом вставал и, хромая, удалялся.

Слова его не упали в ухо глухого.

Фантазерский дух Шари Рампулина принял легенду на свой счет и зародил в нем пламенную мечту. С тех пор он тайно тренировался. Он никому ничего не сказал: ни матери, ибо та отругала бы его за самовольство, ни друзьям, ибо те стали бы над ним насмехаться. В силу своей искренней уверенности, которая привела к тому, что он присвоил себе прерогативы ужасных амфанов, Шари прибегал к своему камню так часто, как позволяло ослабление материнской бдительности. Его прежние товарищи по играм перестали общаться с ним: они считали его одиночкой с поврежденным разумом, и это его устраивало.

Когда он наконец становился на колени перед камнем, он приветствовал его с избытком уважения и, забывая о бегущих часах — ему случалось покидать амфаническое поле с наступлением ночи, — концентрировал все свои силы на неподвижной скале. Он приказывал ей немедленно оторваться от земли и взмыть в воздух. Но, к его великому разочарованию, камень даже ни разу не задрожал. Дважды ему показалось, что тот покачнулся, заколебался. И тогда волна счастья заливала его. Но ему с горечью пришлось признавать, что он принял свое желание за реальность, что его собственная мысль, стремившаяся к цели, и уставшие глаза создавали иллюзию движения. Черно-белая птица часто садилась на вершину камня, и хотя она была в двух метрах над ним, Шари казалось, что он подмечает огоньки насмешки в круглых желтых глазах хищника.

Он возвращался в Исход подавленным и разочарованным. Матери, которая спрашивала, почему у него такое раздраженное выражение лица, он отвечал, что устал от солнца, от скуки, от злобы сверстников. Но самое удивительное для ребенка его возраста было то, что он не отказался от своих замыслов. Напротив, как только уныние проходило, он укреплялся в своем желании. Отсутствие конкретного результата придавало ему энергии и настойчивости. Его тело и душу обуревала такая страсть преуспеть, что он изгонял из себя все сомнения. Каждое утро, когда неяркие лучи солнца касались его лица и прогоняли сон, вера, дикая и могучая, охватывала его: камень взлетит сегодня, он взовьется в воздух с легкостью птицы, с невероятной грацией вонзится в стадо облаков, вечных странников, бесшумно пересекавших небесные просторы.

В этот период великой жары амфаническая школа, обязательная школа для детей Исхода и окрестных поселений, была закрыта. Это позволяло ему посвящать себя тому, что он называл личными упражнениями с камнем.

Солнце было в зените. Далекие миражи вскипали на воздушных потоках. Пустынное плато заливал свет. Шари не слышал никакого шума, ни крика животных, ни бормотания ветра в зарослях кустарника. Ему было невероятно трудно поддерживать сосредоточенность. Воля, которую он считал бунтарской и нерушимой, расплывалась и превращалась в зыбкие дымки поверхностных мыслей.

Впервые ребенок засомневался в легенде, рассказанной Галаином Жабраном. Быть может, то была сказка, которая пересекает время и которую рассказчик передает из поколения в поколение. Как и легенды об ужасной ядерной колдунье и чудовищной армии слившихся атомов. И мать частенько повторяла, что все рассказчики лжецы. Они приукрашивают, добавляют подробности, краски, новых героев, меняют декорации. Такова их профессия: плотник делает мебель из дерева, рассказчик строит прекрасную историю из пустого происшествия, застрявшего в его изобретательном мозгу. Галаин Жабран не отличался от других. Вот они каковы, эти странные взрослые люди, которые вкладывают в головы детей странные мысли.

Как несведущий дух Шари Рампулина может сдвинуть этот камень, который не под силу стронуть с места и сотне сильных мужчин? Вот уже многие века ни одному ученому амфану не удалось совершить это чудо! Ему вдруг показалось, что его бессовестно обманули. Слезы разочарования и ярости потекли по его круглым щекам, вливаясь в ручейки пота.

Задул освежающий ветерок и поднял тонкую пленку рыжей пыли, устилавшей пустынное плато. Крохотные вихри понеслись среди беспорядочно застывших камней. Нежные раскосые глаза, расширившиеся от усталости и страха, уставились на ребенка... Заблудившаяся, измученная жаждой песчаная газель... Ее копыта яростно застучали по твердой земле, и шкурка цвета выжженной почвы исчезла за камнями.

Шари подавил слезы. Он не собирался признавать себя побежденным. Он не позволит мечтам рассыпаться с такой легкостью. Он вонзил взгляд в шершавый бок камня и смотрел, пока у него не заболели глаза, пока зрение не стало зыбким и неверным, пока его не охватило головокружение. Он всей душой умолял камень оторваться от земли. Лети! Лети!.. Прошу тебя, лети... Мощь его ментального усилия привела к невероятной головной боли.

Его силы иссякли, и он калачиком свернулся на булыжниках, устилавших горячую землю. Острые, режущие кромки исцарапали его кожу, и из царапин выступили капель-

ки крови. Ему казалось, что весь мир рушится, что под ним раскрывается черная бездонная пропасть... Его иллюзии разбились о непоколебимый, бесчувственный камень, от его мечты осталась только горечь во рту. Он не знал, сколько времени пролежал в этой позе, потерянный, сотрясаемый нервными спазмами, оказавшись добычей невероятного разочарования.

Шари не мог заставить себя вернуться в Исход. Он задыхался в границах города, ему не хватало воздуха и простора. Его мать, пытавшаяся добиться социального признания, хотела, чтобы он стал амфаном. Опорами общества, в которых Шари видел лишь скучный религиозный аспект, были сутулые плечи жрецов, хотя они ему казались лишь восковыми статуями, аскетическими и печальными. Люди со столь же сухими сердцами, как и кора кустарника. Они считали себя хранителями традиции, пророческих стансов, ритуальных песнопений, но давно уже превратились в пленников своей веры. Галаин Жабран... Почему он вложил в его голову лживые идеи? Он не имел на это права! Шари так испугался удушающей тюрьмы, к которой его предназначали, что был готов проглотить любую чушь, лишь бы избежать темницы! Он походил на глупых красноперых курин, жрущих все и вся, в том числе собственные яйца и собственных цыплят, когда их обуревает голод! Галаин Жабран, лжец, ты предал меня... Прирученный камень мог бы стать окном в бесконечность, мог бы стать абсолютным транспортом...

Ощущая тяжесть на сердце, мальчик встал, вытер лицо, вновь залитое слезами, полой набедренной повязки, убирая грязь, пыль и спекшуюся кровь. Потом с сожалением повернулся в сторону Исхода.

Возникший неизвестно откуда низкий голос внезапно прорвал тишину:

— Дитя, ты выбрал прекрасный камень! Самый красивый! А овладение красотой требует великого терпения!

Вначале ребенка охватил ужас. Страх, что его поймал амфан. Окаменев, он не решался обернуться. Потом вспомнил, что ни разу не слышал подобного голоса, невероятно сурового и невероятно нежного одновременно. Он рискнул бросить взгляд через плечо.

На соседнем камне, скрестив обнаженные ноги, сидел человек. Огромный бесформенный кусок серой ткани был обернут вокруг его талии и плеч. Длинные черные волосы обрамляли бронзовое лицо с круглыми скулами. В черных гла-

зах вспыхивали хитрые и добрые искорки. Длинные, гибкие пальцы расчесывали густую бороду. Он весело расхохотался при виде обескураженного мальчугана. Потом сказал:

— Дитя, совершенство не может удовлетвориться приблизительностью! Видел ли ты цветок без цвета, без запаха, без стебля, который держит его? Как тебя зовут?

Хотя Шари немного успокоился, сердце его продолжало отчаянно биться.

— Шари... Шари Рампулин... Я — сын Найоны Рампулин, мой отец умер очень давно! — выпалил он, не переводя дыхания.

— Шари! Очень красивое имя! — воскликнул человек. — Знаешь ли ты, что оно означает?.. Нет? На древнем языке Матери-Земли оно значит «Звезда, которая сверкает вдали».

Внезапная мысль поразила Шари: этот незнакомец не мог быть не кем иным, как гималайским безумцем, таинственным существом, от встречи с которым амфаны предостерегали всех детей. Они уверяли, что он демон, сын ядерной колдуньи и слившихся атомов, адский змей, чьи слова смущают дух. Словно догадавшись о мыслях ребенка, человек заявил:

— Теперь мой черед представиться: я тот, кого жрецы твоего народа презрительно называют «горным безумцем» или «демоном с разрушительным словом»! Я тот, кто вселяет безумие в сердца детей и простых духом. Я тот, кто вселяет страх... Ты боишься меня, Шари Рампулин?

Ребенок бесстрашно вскинул карие глаза и вгляделся в лицо горного безумца.

— Я тебя не боюсь! — Голос его был тверд и четок.

Шари обратил внимание, что его странный собеседник, похоже, не страдал от жары: ни малейшего следа пота на его лбу, на щеках и остальных частях тела, видимых из-под серой ткани. Улыбка человека открывала два ряда белоснежных зубов, похожих на флуоресцирующую соль, которую добывали в древних катакомбах Исхода.

— Прекрасно, Шари Рампулин, сын Найоны... Поскольку ты меня не боишься, я, быть может, смогу кое-что для тебя сделать. Например, научить разговаривать с камнями...

Мальчик забыл о привычной сдержанности. И, дрожа от надежды, воскликнул:

— Ты знаешь, как заставить их летать? Как можно им приказать?

— Я знаю, как с ними разговаривать и как уважать их собственное желание, — поправил его горный безумец. —

Доверю тебе один секрет: ты добьешься своего, если научишься служить камню, а не командовать им...

Эти странные слова обескуражили Шари. Он нахмурился, и на его круглом личике появилось выражение глубокого разочарования. Что еще за секрет...

— Служить ему? Как можно служить камню?

Безумец ответил вопросом на вопрос:

— Глубоко ли твое желание заставить камень взлететь?

— Конечно!

Крик ребенка был криком его сердца, его души, всего его существа.

— Сядь перед ним! Тебе будет удобнее, чем на коленях, — посоветовал ему безумец.

Покоренный могучим магнетизмом, исходившим от человека, Шари повиновался. Он послушно уселся в тени камня рядом с огромным выпуклым боком, похожим на брюхо объевшегося животного.

— Камень не сдвинется с места, пока ты будешь ему приказывать, — объяснил ему безумец, сидя на корточках на соседнем камне. — И это приказ!

Он вдруг снова расхохотался. Шари не понимал всех тонкостей юмора своего нового наставника, но предпочитал приступы его смеха монотонным сухим речам амфанов.

— Первое, что ты должен постараться сделать, — продолжил безумец, — это объединиться с душой камня. Найти тайный перекресток, где вы сольетесь в одно, когда ты станешь камнем, а он — ребенком. Затем все будет просто: ты излучаешь свое желание из глубины сердца, и камень выполняет твое желание...

Мальчик спросил себя, не насмехаются ли над ним, или к нему действительно явился горный безумец, про которого говорили амфаны. Но Шари было уютно в тени камня. Словно тот простер свое крыло хранителя над ним.

— А как сделать, чтобы стать камнем?

— Расслабившись, — ответил безумец. — Только что ты ранил его своей сосредоточенностью, превращал его во врага. Не насилуй свой дух. Твои лучшие союзники — твой возраст и твоя невинность. Воспользуйся своей невинностью, чтобы проникнуть в сердце материи. Объединись с ней, полюби ее, как ты любишь свою мать. И ты достигнешь уровня, когда камень и ребенок станут одним целым... Хочешь попробовать?

Горный безумец замолчал и, несмотря на умоляющие взгляды ребенка, которого эти рекомендации сбивали с

толку, замкнулся в невозмутимом молчании. Отчаявшись, Шари вгляделся в зернистый бок камня. Он вдруг показался ему дружеским, исполненным благосклонности, влекущим, каким никогда не был. Мальчик смотрел с таким напряжением, что глаза его зачесались и заслезились от усталости.

Он приоткрыл рот, чтобы попросить нового совета у горного безумца, но тот его не замечал, сам обратившись в камень. И ребенок машинально прикрыл усталые отяжелевшие веки. Жжение в глазах тут же исчезло. Он ощутил, как все его тело расслабилось и в душе установилось приятное и безмерное спокойствие. Какие-то посторонние мысли еще плавали на поверхности его сознания. Казалось, он забыл о камне, о горах, о пустынном плато, о вершинах Гималаев, о жаре. Он отдался безграничному внутреннему безмолвию, едва слыша далекие шумы, шорох ветра, приглушенные крики орлов. И вскоре утерял всяческое ощущение пространства и времени.

Когда он открыл глаза, амфаническое поле тонуло в пурпурном полумраке заката. С Гималаев дул сильный ветер, отрывая от земли длинные дорожки рыжей пыли, которые вздымались вихрями и били его в грудь и лицо. Растрепавшиеся волосы хлестали по лбу и щекам.

Удивившись, что провел столько времени в оцепенении, даже не заметив его, он перевел глаза на соседний камень. Горный безумец исчез, словно его слизнул порыв ветра.

Камень не шелохнулся, но в отличие от прошлых попыток это не вызвало раздражения Шари. Интуиция подсказывала ему, что горный безумец дал ему нужный ключ к успеху и что теперь надо настойчиво двигаться в этом направлении. Камень не взлетел, но он стал сообщником его безмолвия, Шари растворился в духе материи, и это было главным.

Сердце его кипело радостью и признательностью. Он сожалел, что не может выразить благодарность своему странному наставнику, но предчувствовал, что это было только началом долгой дружбы, что они еще встретятся. Он встал, сделал несколько движений, чтобы размять затекшие ноги, попрощался с камнем дружеской, ласковой улыбкой и двинулся в Исход.

Ему показалось, что дорога, которую он пробежал в рождающейся ночи, была короче, чем обычно. Он не заметил черно-белого орла, который парил в нескольких метрах над ним, проводив до самого входа в кратер вулкана, где был построен Исход.

Шари двинулся по главной лестнице, извивавшейся по склону и заканчивавшейся внизу широким проходом,

который старики называли «Задницей Колдуньи». Внутренние стены гигантского вулкана, тянувшиеся на два километра, были испещрены многочисленными окнами и дверьми пещерных жилищ. Строения с плоскими крышами и террасами на дне кратера из серого полированного кирпича, вырубленного из затвердевшей лавы, стояли группками вокруг круглой площади, площади смертоносных песнопений.

Задница Колдуньи заканчивалась выступом, нависавшим над городом, погруженным в полумрак. Отсюда уходили боковые галереи к пещерам, а также крутые лестницы и пандусы, ведущие на дно. Внимание Шари было привлечено высокими голубоватыми языками пламени, которые взмывали над площадью. Окна пещер и строений внизу походили на черные, мертвые глазницы, ни один факел не горел в галереях и проулках.

Все жители города собрались на площади вокруг жертвенного огня публичной кары. Пламя бросало беглые отсветы на лица людей в первых рядах. Оно также освещало два красных столба, установленных в центре жертвенного круга. Он различил судорожные рывки двух человек, привязанных к столбам. Сверху они походили на желтых улиток, прибитых к кускам дерева. В четырех точках площади, соответствующих сторонам света, стояли амфаны в оранжевых тогах, тогах певцов.

Шари никогда не присутствовал на публичной казни. Движимый любопытством, он сбежал по узким ступеням лестницы, несколькими прыжками преодолел кольцевую дорогу вокруг площади и буквально взлетел по радиальной улице к центру города. И по мере приближения к площади в душе его поднималась необъяснимая тоска. Топот собственных ног, разносившийся в мрачной тишине, наполнил его страхом. Он машинально замедлил бег, заскользил вдоль серых стен, стараясь выискивать темные уголки, где уже царила ночь.

В горле разросся удушающий комок. Возникшие поначалу возбуждение и любопытство испарились. Он уже боялся зрелища, которое увидит. Он только надеялся, что найдет в толпе мать: она одна могла помочь ему справиться с ужасом.

Когда он выбежал на площадь, несколько людей, стоявших во внешних рядах, повернули к нему свои лица, освещенные умирающим пламенем. У мужчин, женщин и детей были сумрачные выражения лиц. Большинство из них было в лучших одеждах, которые надевали по праздникам и по случаю ритуальных церемоний... Но Шари видел, что люди одевались поспешно и не привели свои наряды в должный вид. Детей не успели вы-

мыть, и на их возбужденных мордашках лежала черная грязь, а испачканные землей руки выделялись на белых рубашках и повязках. Шари показалось, что женщины смотрят на него с состраданием и жалостью. А мужчины бросали косые раздраженные взгляды, гневные и ненавидящие.

Ощущая все большее беспокойство, он обошел площадь, пытаясь отыскать мать. Над толпой пробегал легкий ропот, похожий на шорох рженицы под порывами ветра. Крик старого амфана, закутанного в собственное достоинство и складки тоги, восстановил тишину.

Шари быстро вскарабкался на высокий потухший факел, чьи металлические кольца удерживали его в стене дома на краю площади. Ночь уже простерла свои черные ладони над кратером. Круглая пола звездного небосвода накрывала город, словно саван. Вечерний ветер раздувал огонь жертвенного костра. Наконец Шари увидел лицо матери. От удивления и ужаса он едва не сорвался со столба. По его коже побежали ледяные мурашки.

К красному столбу была привязана его мать. Ее тело прикрывал кусок грубой оранжевой ткани. Ей наспех обрили голову. А в память о ее красоте оставили лишь несколько взъерошенных прядей. Из царапин на голове стекали ручейки крови, бежавшие по лбу, щекам и подбородку. В глазах ее читался ужас, и она безуспешно пыталась вырваться из кусачих веревок, стягивающих ее запястья и щиколотки.

Мужчина на втором столбе висел спиной к нему. И хотя ему тоже обрили голову, Шари узнал его. Он всегда улыбался, когда приходил в гости к матери, и часами не спускал с нее восхищенных глаз. Когда он входил в дом Рампулинов, то дружески трепал мальчика по плечу, садился, и мать его долго беседовала и смеялась вместе с ним. Для Шари эти частые визиты были настоящим счастьем. Они означали долгие часы свободы, которые он использовал, отправляясь на амфаническое поле.

Потрясенный кошмарным зрелищам, Шари буквально окаменел на столбе. Он даже не заметил, что из глаз его катились крупные слезы. Взгляд его не отрывался от лица матери. Во рту ощущался вкус желчи.

Длинная белая борода старого амфана, стоящего между столбами, развивалась по ветру, как похоронный штандарт. Его оранжевая тога была пламенем, вырвавшимся из ада. Он дал знак рукой певцам, стоявшим на коленях, приступить к исполнению приговора. Они подняли руки ко рту и затянули низкую монотонную мелодию, прерываемую высокими нотами, от

которых вздрагивали все присутствующие. Мученики на столбах забились от боли, словно внутри их тел текла расплавленная лава. Шари всем своим телом ощутил муки матери. Тихие слезы превратились в глухие рыдания.

Порывы ветра словно усиливали и разносили вокруг смертоносное песнопение амфанов. Иногда церемонии публичной казни вызывали резкие изменения погоды, которые народ считал отказом природы присоединиться к мнению людей. Старый жрец внимательно следил за небом, ибо, если буря разразится до наступления смерти осужденных, он будет обязан их помиловать, а жрец не хотел помилования. Слишком много времени прошло с тех пор, когда амфаны в последний раз использовали свое право публичной казни перед всем народом. Новое противодействие стихий могло поставить жрецов в опасное положение.

Несмотря на невыносимые мучения, распятая на столбе мать Шари нашла в себе силы выкрикнуть:

— Шари! Шари!.. Жизнь моя!.. Я знаю, что ты здесь... Послушай меня! Уходи! Уходи... Беги отсюда! Здесь все уже мертво... Я уношу тебя в своем сердце... Унеси меня в своем! Не оставайся с ними... Они уже мертвы!

— Молчи, женщина Рампулин! — завопил старый амфан. — Покайся в собственных грехах перед тем, как предстать перед своим судией, перед создателем! Песнопение смерти очистит тебя от грехов, если ты принимаешь свою участь, если ты соглашаешься на нее без протеста! Не переживай за своего сына, его передадут в благочестивые руки. Занимайся только собственной душой, она нуждается в этом!

Шари не понимал, за что жрецы наказывают его мать, самое любимое для него существо в мире. Наверное, произошла ошибка, абсурдное, трагическое недоразумение. Какое преступление она совершила, она, ангел терпеливости и нежности, у которой всегда находилось доброе слово для любого? Ему хотелось броситься к ней, освободить, защитить, уткнуть свое лицо в ее теплую грудь, бросить вызов амфанам и собравшимся жителям города. Она была чиста, невиновна и имела больше права на жизнь, чем любой из них! Но, подавленный тоской, не могущий ни двинуться, ни выдавить из себя хоть единый звук, он был вынужден пережить отвратительный спектакль, пока остальные с жадностью наслаждались муками осужденных и их конвульсиями смерти.

— Шари, любовь моя... Жизнь моя! Беги! Не дай...

Отрывистые восклицания матери перешли в долгий хрип агонии. Мужчина уже потерял сознание. Его голова

упала набок. Тяжелые тучи, гонимые ветром, собирались над кратером, образуя густую завесу, стирающую звездное небо.

Оборот событий явно раздражал старого амфана. Наказание слишком затягивалось. Мужество женщины Рампулин, нарушившей священное безмолвие, понизило эффективность песнопения смерти, а небо, готовое обрушить нежданный дождь, осуждало казнь. Глаза старого амфана гневно сверкали, когда он смотрел на палачей. Было жизненно необходимо быстро усилить частоту звука, иначе больше никому не удастся поддержать традицию. Он с твердостью пообещал себе исправить положение дел.

Женщина наконец перестала биться, и глаза ее закатились. Смерть ее была делом нескольких секунд, а вода еще не пролилась из облаков. Ее обритая и окровавленная голова упала на грудь, мотаясь из стороны в сторону. Улыбка удовлетворения тронула сухие губы амфана.

Из толпы донеслись крики:

— Ребенок! Ребенок! Он убегает! Ловите его!

Старый амфан торжественно воздел иссохшие руки к небу и возвестил:

— А теперь помолитесь за две заблудшие души, которые отправились на встречу с судией! Молитесь, чтобы он даровал им свое милосердие, и подумайте об участи тех несчастных, которые преступают божеские законы! Вы, мужчины и женщины, вы, кто должен указывать путь детям, не уступайте зову плоти вне священных уз брака, не позволяйте своим чувствам управлять вами!.. Оставьте в покое этого ребенка! Вначале он будет вести себя как дикое животное, но рано или поздно голод и страх выгонят его из логова. А теперь возвращайтесь к себе! Всю ночь вам предстоит поститься в тишине, в темноте и в воздержании!

Люди разошлись, бросив последний взгляд на трупы женщины Рампулин и ее любовника. Они рассеялись по галереям и улицам. Их светлые одежды цеплялись за тьму и хлопали под порывами злобного ветра. Исход внезапно населили призраки. Первые капли дождя посыпались из низких туч. Женщины, которым нравились прекрасные любовные истории, и мужчины, чьими любовниками они были, не могли не подумать, что небо осудило амфанов.

Шари растаял в ночи, не зная, куда приведут его ноги. Образ матери, на которую обрушилось песнопение смерти, стоял у него перед глазами. У нее нашлись силы превозмочь

боль и сказать ему о своей любви. Это был ее последний вызов своим мучителям. Ее пронзительный призыв звучал в его ушах: беги, уходи, они мертвы...

Он долго бежал, хотя глаза застилали слезы и капли дождя. Над ним, скрытая складками тьмы, черно-белая птица мощно била крыльями, борясь с ветром, чтобы не потерять ребенка из виду.

Шари рухнул рядом с огромным камнем на амфаническом поле. Его ноги сами привели его к нему, единственному оставшемуся другу. Лежа на булыжниках, тонувших в размокшей земле, он покорился отчаянию и дал выплакаться своей душе.

Окруженная неярким ореолом, луна робко выглянула из-за рассеивающихся туч, отразилась на мокрых скалах и в лужах черной воды. Замерзший Шари начал дрожать.

Кто-то набросил на его спину покрывало. Он подумал, что его отыскали амфаны. Он ждал ударов и скорчился. Но все оставалось спокойным, и он решил приподнять голову. Рядом с ним стоял горный безумец. Он улыбался, по его лицу стекали дождевые капли, его волосы, борода и одежды развевались на ветру. Его могучий голос пересилил рев бури и шум дождя.

— Тебе надо обрести мужество, Шари! Твоя мать пожертвовала своей жизнью ради твоего спасения!

Глаза Шари удивленно раскрылись.

— Пошли! Не стоит здесь оставаться! — добавил безумец. — Пошли в сухое место и подождем, пока небеса не успокоятся...

Он присел на корточки и помог мальчику подняться. Потом стер грязь с его лица и груди полой своей одежды, поправил на нем покрывало, чтобы уберечь от ярости ветра и дождя.

— Следуй за мной!

Они вышли за пределы амфанического поля и направились в сторону первых взгорий Гимлаев. Усталый ребенок отупело шагал, словно сомнамбула, рядом со старцем. Иногда им приходилось цепляться за выступы скал и прятаться в расщелинах, чтобы усиливающийся ветер не сдул их. Горы тряслись от раскатов грома, голубоватые вспышки рассекали тьму.

Они вскарабкались по крутой тропе, вьющейся вдоль склона плато. Буря разыгралась с неистовой силой. Порывы ветра были таковы, что Шари боялся, как бы гора не опрокинулась на них. Каскады воды свисали с едва видимых скал, походя на опасные, сверкающие кудри. Ветви карликовых сосен колотили по камням.

— Мы уже пришли! — прокричал безумец.

Тропинка выходила на почти округлое плато, защищенное с одной стороны каменной стеной. С другой стороны угадывалась пропасть.

Шари недоумевал, где на этом ровном плато, отданном во власть бушевавшего ливня, может находиться убежище. Старец нырнул в расщелину в стене. Незаметная с первого взгляда, она выводила в пещеру.

Вспышки молний едва проникали сюда, но их света хватало, чтобы Шари сумел разглядеть лежанку, низкий стол и несколько кухонных принадлежностей.

— Моя летняя резиденция, — сказал безумец. — Когда стоит жара, здесь прохладно. И тихо, когда я должен уйти в себя... Иди погрейся под одеялами. Ты дрожишь от холода.

Шари покорно двинулся к лежанке, спотыкаясь и нащупывая дорогу, улегся на матрас, набитый сухими травами. Старец снял с него промокшее покрывало и накрыл двумя толстыми шкурами, от которых шел острый прогорклый запах. Рев бури превратился в глухой отдаленный рокот.

— Ты голоден?

Отвернувшись к стене пещеры, Шари не ответил. Глаза его были открыты, но ничего не выражали. Тепло от шкур согрело его тело, но было не в силах растопить лед, сгустившийся в его сердце. Старец сел рядом с лежанкой.

— Я понимаю твои чувства, Шари, — прошептал он нежным голосом. — Ты сейчас ощущаешь лишь боль от расставания. Но поверь мне: без смерти той, кто дала тебе жизнь, ты бы разделил судьбу всех обитателей Исхода и соседних поселений. Пришли времена, когда вселенная вступила в эру разрушений, эру Кали. Твой народ не избежит печальной участи. Они извратили наследие своих предков...

Он привалился спиной к каменной стене и продолжил:

— Некоторое время тому назад Галаин Жабран рассказал тебе одну историю. Я расскажу ее тебе заново, но по-иному... Очень давно эта маленькая голубая планета называлась Землей и знавала лучшие дни. Объединившись вокруг одного провидца, который прежде всего научил людей устанавливать мир в собственной душе, некоторые земляне, которых называли уратами Абсолюта или абсуратами, добились того, чтобы все народы отказались от оружия, от идей завоевания и властвования, чтобы наилучшим образом использовать окружающую среду. За многие века были уничтожены все источники вреда: военные машины, шумные и грязные транспортные машины, про-

мышленность, отравлявшая воздух и воду... Каждый землянин умел пользоваться внутренним безмолвием и только излучением мысли получал все, что ему было необходимо. Желания были справедливыми, и среда их удовлетворяла. Гигантские города собрали миллионы жителей, которые вновь обрели радость жизни. Каждый народ создал свою собственную культуру, и Земля превратилась в огромный цветник... Когда провидец расстался со своим бренным телом, он оставил после себя систему знаний, получившую название индисской науки. Его ближайшие ученики стали ее первыми хранителями... Но ученики поссорились между собой из-за абсурдных вопросов главенства. Они разделились на две ветви: афризиатов под предводительством Лаоме Нафлина и америндов, которых вел Бернехард Амфан. После ста лет непрерывных споров и попыток установить гегемонию одних над другими началась страшная война, которую назвали Войной Мыслей. Воины с обеих сторон использовали антру жизни для разрушения. Этот конфликт длился два века, в течение которых земляне не знали передышки и мира. Драгоценное знание, которое они собрали, обратилось против них, сея страдания и несчастья. Потом, под предводительством амфанов — так называли последователей Амфана — америнды, похоже, получили решающее преимущество после битвы на землях Оропы. История говорит, что мысли смерти обоих лагерей были так сильны, что уничтожили все следы цивилизации на Земле. Разломы земной коры поглотили города, гигантские цунами затопили континенты, вулканы извергли опустошающее пламя. Слившиеся атомы породили ядерную чуму. Но одна группа афризиатов, объединившаяся вокруг Бертелина Нафлина, одного из потомков основателя Афризии, использовала звук перемещения и смогла уйти на другие планеты, где смешалась с местным населением. На Земле осталась лишь горстка америндов, которые после долгих скитаний осели у подножия Гималаев, а их жрецы, амфаны, теперь владели лишь обрывками индисских знаний, которые они передавали из поколения в поколение: это были песнопения смерти и смены времен года, единственной целью которых было держать остальных в неведении и страхе. Ныне они умеют делать лишь одно: уничтожать жизнь! Они разучились говорить с Материей, уже не умеют обратиться с просьбой к летающим камням...

Горный безумец помолчал, прислушиваясь к отдаленному гулу бури. Шари отгонял сон и старался держать глаза открытыми.

— Бертелин Нафлин и его товарищи рассеяли семена индисской науки по всей вселенной. Те, кто уцелел в Войне

Мыслей, основали цивилизацию, где была исключена любая возможность конфликта: они основали конфедерацию, известную под названием «система Нафлина». Она была основана на принципе равновесия сил и бдительного соблюдения порядка безмолвия. Система была гарантом универсального мира, если нельзя было добиться мира индивидуального. Но этого оказалось недостаточно! Система рухнула, как и все остальные до нее... Быть может, ты помнишь об этнологах, которые явились из отдаленного мира с помощью могучих транспортных машин? Эти странные существа с зелеными лицами и глазами без зрачков обладали интеллектом с удивительными возможностями... Они получили от амфанов разрешение присутствовать на песнопениях смерти и церемониях равноденствия... Они пришли сюда за тем, чего не хватало их властелину, чтобы опрокинуть Конфедерацию и систему Нафлина: за звуком. Вернувшись к себе, они смогли развить знание звука. И теперь никто и ничто не в силах им противостоять. Даже безмолвие... Этой ночью они вернутся на Мать-Землю в сопровождении безжалостных убийц в серых формах и белых масках, чтобы уничтожить последних америндов. Чтобы с лица планеты исчезли малейшие следы, даже искаженные, индисской науки... И это только начало: их конечная цель — уничтожение всех человеческих рас... Почему? Не знаю... Вот почему твоя мать спасла тебе жизнь, Шари Рампулин! Ее жертва в нужный момент удалила тебя из Исхода. Здесь они тебя не отыщут, ты защищен от их оружия и мыслей. Завтра, когда настанет день, от старого вулкана ничего не останется, как не останется ничего от америндской цивилизации и от древней Земли... Длинная страница истории будет перевернута... И быть может, тебе, Шари, сыну Найоны, придется написать, если тебе хватит воли и желания, новую прекрасную страницу. Вместе с теми людьми со звезд, которые, быть может, присоединятся к тебе, если таковыми будут их желание и воля... Вселенная готовится к долгой зиме. Люди утомили Материю, и жизнь уйдет под землю, чтобы почерпнуть там новые силы. Жестокая борьба разгорится между человечествами со звезд и существами, пришедшими с окраин вселенной, которые хотят завоевать все пространство... Быть может, Шари Рампулин, ты станешь одним из новых богов человечества... или одним из демонов... если пожелаешь...

Мальчик уже не слушал. Сон сморил его. Он несколько раз едва не прервал горного безумца вопросами, готовыми сорваться с его уст — откуда он все это знает и какова доля истины в этом рассказе, похожем на легенду, но ему не хватило му-

жества. В конце концов, сраженный усталостью и печалью, убаюканный тихим мелодичным голосом, разомлев под теплыми шкурами, он заснул, и слезы его просохли.

Горный безумец с улыбкой смотрел на ребенка. Он обращался с речами к себе, а не к нему. Долгожданный момент наступил. Ради этого он готовил себя долгими годами одиночества в Гималаях, беседуя со скалами, деревьями, животными, живой и чистой водой источников, с растениями... Похоже, нужный момент наступил. Он не мог действовать напрямую, он был лишь передаточным звеном, эфемерным мостиком, бессмертным, затерявшимся меж двух миров. Его роль была — воссоединить цепь и вернуть человечество на путь возрождения.

Он уже не помнил, сколько времени жил на Матери-Земле. Годы, века, вечность... велика важность? Он был вооружен бесконечным терпением, время для него было абстрактным понятием, абсурдным уравнением. Доисторические времена, античные Греция и Рим, Война Мыслей... Ему казалось, что он пережил все это и продолжает переживать...

Он остановил свой выбор на ребенке, потому что знал, что найдет его на амфаническом поле. И этот ребенок пришел. Он следил за его неумелыми попытками поднять огромный камень в обличье орла, песчаной газели или бабочки — какая важность? Любые формы годны для эксперимента. Он оценил мужество этого маленького человечка, сумевшего преодолеть вековой запрет, впечатанный в личное и коллективное сознание. Ему понравилось его упорство, которое не было поколеблено многочисленными неудачными попытками: оно было плодом глубокого стремления, а не капризом.

Горный безумец бодрствовал всю ночь. Он принял в себя большую часть страданий американдов. Ребенок не просыпался, но иногда его сотрясали судороги. Иногда по его лицу пробегали тени ужаса.

Заря занялась на чистом голубом небе. Радостные трели птиц приветствовали начало нового дня. Горный безумец любил птиц. Эту форму он предпочитал на этой планете любой другой... Его пребывание на планете подходило к концу: он уже слышал настойчивый и чарующий призыв другого мира.

Мальчик открыл один глаз. Сквозь узкое отверстие пробрался лучик света, лаская стены и округлый свод. Он не сразу понял, где находится и что делает в этой пещере, лежа на неудобном и вонючем матрасе. Он посмотрел на черноволосого

человека, сидевшего на корточках перед глиняным котелком, булькающим на маленьком огне. Потом к нему вернулась память, и он расплакался.

Горный безумец обернулся и обнял его за плечи.

— Перестань плакать, Шари Рампулин. Ты обрушил мосты, связывающие тебя с прошлым. Новый мир предлагает тебе бесконечное количество дорог. Нам остается выбрать верное направление! А пока поешь и наберись сил. Затем мы пойдем к вулкану Исхода. Мы ничем не рискуем: существа из тени и убийцы в белых масках уже улетели.

После скромного завтрака, состоящего из отвара трав и корней, они отправились к вулкану. На дороге было множество луж. Им не пришлось спускаться по лестнице внутрь гигантского кратера: в нижней части склона зияла огромная брешь.

Шари вскрикнул от ужаса. Города словно никогда не было. Кратер был пустым, ободранным, черным, выгоревшим.

— У них очень эффективные аппараты уничтожения, — сказал горный безумец. — После них ничего не остается. Прах возвращается в прах... И ты стал бы прахом, если бы твоя мать не подарила тебе вчера жизнь... Теперь пошли. Сотри из памяти все лишние воспоминания и открой сердце чудесам, которые ждут тебя!

Вулкан остался у них за спиной.

Шари даже не обернулся, когда они двинулись к Гималаям. Восходящее солнце окрасило в розовый цвет заснеженные пики.

Глава 14

Цветок Сагении, пьянящий шелковым пурпуром,
Кроваво-красная пена бледной зари,
Пунцовый всплеск среди зеленых волн,
Безгрешное соцветие на крепком стебле,
Гордое одиночество среди бурь...

Цветок Сагении, мимолетный рубин в изумрудной оправе,
Зерно безмятежности в ночной борьбе,
Мелодичная нота в реве бури,
Коралловое перышко среди мученической тщеты,
Бесстрашный вызов черному гневу небес...

Цветок Сагении на заре уходящего света,
На берегах яшмового разлома,

Твои раскрытые лепестки плачут росой,
Дети твои разносятся ветрами,
Красными песчинками, жертвами твоей красы...

Не твои ли это капельки крови
Или следы неумолимого бега времени?

Поэма Станисласа Нолустрита,
пастуха с Маркината
(Перевод только приблизительно передает частоту тональных изменений текста, главного элемента маркинатской лирической поэзии... Сагения — одна из разновидностей гигантского мака... Примечание переводчика, Мессаудина Джу-Пьета.)

Тиксу Оти пришел в себя посреди луга на склоне холма. Хотя он был почти в бессознательном состоянии в момент, когда покидал Красную Точку, он все же принял нужные предосторожности и запрограммировал прибытие в стороне от Дуптината, столицы планеты Маркинат. Теперь ему предстояло отправиться на поиски Жеофо Анидола, ювелира, чей адрес ему дал рыцарь.

Но пока он страдал от планетарного перехода. Его клетки, хранившие в памяти все исходные данные, проводили коррекцию относительного времени, вызванную скачком через пространство. Эффект Глозона мог на несколько часов расстраивать здоровье некоторых людей, в число которых входил и он.

Он увидел неподалеку неизвестных ему животных, которые мирно паслись вокруг. Крупные, массивные, покрытые черной курчавой шерстью... На лбу у них торчало три, четыре, а то и пять асимметричных рогов. При внезапном появлении Тиксу на лугу безмятежные травоядные окинули его ленивым взглядом и продолжили трапезу, опустив розовые морды в густую свежую траву. Их не смутило появление чуждого существа.

Тиксу пролежал на земле добрый час. Трава была влажной, ее покрывали капли росы, которую были не в силах высушить робкие лучи серого солнца. Кусачий холод проникал через тунику с пятнами высохшей крови и хлопковые штаны. Не защищала от холода и легкая шелковая ткань обуви. Редкие тяжелые тучи лениво пересекали грязно-серый небосвод.

Позади него тянулась бесконечная гряда гор, крутая стена из гигантских гранитных блоков, чьи вершины тонули в тумане. Склоны гор пестрели зелеными пятнами лугов, ок-

руженных каменными изгородями, образуя мозаику нежных оттенков на сером фоне горного массива. На каждом лугу стояла маленькая цилиндрическая хижина, стены которой были сложены из больших необработанных камней, а крыша в виде купола была покрыта плоской синей черепицей.

Тиксу окинул взглядом долину, лежащую ниже. За глубокими оврагами, покрытыми дикой растительностью, пенившейся вокруг отполированных водой острых скал, тянулся нескончаемый серо-синий океан Дуптината со стрелами храмов. Над городом возвышалось здание с девятью башнями, скорее всего дворец. Ограниченный с одной стороны горной цепью, город, чьи волны словно умирали у скалистого берега, тянулся до бесконечности во все остальные стороны. Тиксу долго следил за балетом летающих машин и автобусов, которые пересекали Дуптинат в разных направлениях и словно огромные насекомые садились на гигантский цветок, втягивая или выпуская свой груз пассажиров на гравиплатформы. Кое-где мигали вывески, редкие и скромные по сравнению со сверкающим изобилием света и красок в запретных кварталах Красной Точки.

Головная боль утихла, и частично восстановилась координация тела и духа. Он встал, сделал несколько шагов, чтобы размять ноги. Его неверные и безопасные для окружающих движения вызвали панику среди ближайших травоядных, которые раздули ноздри и устрашающе засопели. Они опустили головы и, испытывая страх, заревели. Потом, взрывая копытами землю, повернулись к Тиксу. Тот из осторожности застыл на месте — массивные звери с острыми рогами могли броситься на него в приступе ярости, который иногда охватывает даже самых мирных животных. Пока он лежал, они не ощущали опасности, но стоило ему встать, как он превратился в угрозу, в чужака. Тиксу оставался в неподвижности несколько долгих минут, пока жвачные не привыкли к его присутствию и не успокоились. Тогда он, не делая резких движений и опасаясь в любую минуту получить удар рогом в бок, проскользнул мимо их раздутых животов, мимо мощных ног и направился к хижине с двориком, огражденным невысокой каменной стенкой. Он толкнул низкую дверь без ручки и замка и вошел внутрь. Никакой мебели, кроме скамьи, прикрепленной к стене. Внутри царил удушающий запах стойла и навоза. Несмотря на тошнотворную вонь, Тиксу опустился на скамью, прислонился к стене, закрыл глаза и стал ждать, пока рассеются последние физиологические последствия эффекта Глозона.

И в это мгновение он ощутил присутствие звука в самой глубине своего существа. Бдительная змея была готова разжать свои огненные кольца и броситься вперед при малейшей тревоге. Антра, которую ему передала горящая в лихорадке Афикит, глухо вибрировала, воздвигнув постоянный, непроницаемый щит вокруг мозга. Как каменная ограда окружала луг и предохраняла траву, так и антра выковывала доспехи для его разума, защищая хрупкие вызревающие мысли. В тончайших слоях, куда интеллект, разум, неспособный подавить едва заметные интуитивные волны, никогда не решался проникнуть, звук жизни возвел неприступную крепость, которую не могла взломать ничья посторонняя мысль. Это успокоительное ощущение — Тиксу еще не забыл ужасную ментальную агрессию существа в зеленом на Двусезонье — вначале мешало ему. Он воспринимал антру как чуждое привнесенное тело, как раздражающую прививку органа, к которому не приспособился. Он попытался отделаться от незнакомого ощущения, загнать его в темницу подсознания. Но все его попытки оказались тщетными, и глухое гудение внутри него не прекращалось. Он пока не знал, как правильно использовать антру, но понял, что надо с ней свыкнуться, что надо ее принять. Он вспомнил об Афикит, и поток грусти затопил его.

Он держал ее на руках, а она сумела побороть лихорадку и бред, чтобы выразить ему свою признательность и одарить антрой. Значит, она уже не считала его незначительным существом и уважала за отсутствием иного чувства. Но она убыла с наглым воином Ордена, в котором он предугадывал соперника, превосходившего его почти по всем статьям. Проект оранжанина быстрее добраться до Селп Дика был бессмысленным и, вероятно, химерическим, ибо он не имел ни малейшего представления о том, что будет делать на планете Ордена. Но исключал для себя любое другое поведение, потому что поверил в слова рыцаря Лоншу Па: «Если ваша судьба — отыскать ее, вы ее отыщете...» Ему надо было исполнить свое предназначение, быть может, ошибочное, взять на себя весь риск, даже если в конце пути его ждет величайшее разочарование.

Посидев еще несколько минут, он вышел из хижины, миновал калитку и оказался на лугу. Вдруг позади него раздался мощный голос. Он обернулся и оказался лицом к лицу с взъерошенным гигантом с серой бородой и шевелюрой, изъяснявшимся на звучном непонятном языке. На человеке была длинная черная туника из шерсти, ниспадавшая на кожаные сапоги. Зеленая коническая шляпа с приподнятыми краями сидела глу-

боко на голове, прямо над кустистыми бровями. Мощная фигура и низкий голос собеседника могли бы вызвать страх, если бы не доброе и гостеприимное выражение серых глаз, рассматривавших его с нескрываемым любопытством.

Тиксу пожал плечами и приложил указательный палец к губам.

— Я не владею вашим языком, — медленно выговорил он, словно обращался к ребенку. — Я не с Маркината...

Гигант расхохотался:

— Остановитесь, молодой человек, у вас смешной вид! Вы будто разговариваете с умственно отсталым! Уже давно маркинатяне, даже последняя деревенщина, говорят на межпланетном нафле... Я сказал, что вы напугали моих зверей. Поглядите, у них отпало желание пастись.

— Простите, — смущенно пробормотал Тиксу, — но... у меня не было такого намерения... Я никогда не видел подобных... животных...

Гигант снова расхохотался. Уголки его рта, спрятанные бородой, растянулись почти до ушей. Губы приоткрыли могучие желтоватые зубы.

— Это маркинатская разновидность травоядных. Из какого мира вы прибыли?

Тиксу в замешательстве показал на город:

— Оттуда...

Колебание не укрылось от проницательного взгляда гиганта, который нахмурился и прищурил глаза.

— Хм, у меня впечатление, что вы не хотите, чтобы о вас слишком много знали, друг мой... Заметьте, такая недоверчивость, которая раньше сошла бы за непростительную невежливость, в настоящее время предпочтительна... Теперь, когда наши личные мысли более или менее укрыты в глубине наших голов, лучше проявлять опасение... Если, конечно, есть чего опасаться... Думаю, вас отправила на пастбище одна из тех машин, которая рассеивает на тысячи частиц, чтобы склеить их по прибытии?

— Ну, как сказать... — промычал Тиксу, держась настороже из-за двусмысленной речи гиганта.

— Да ладно, перестаньте терзаться. Я больше ничего не спрошу у вас! — примирительно сказал пастух. — В конце концов, ваше частное дело, зачем вы явились на Маркинат. Только позвольте дать вам один совет: если ваши проекты, скажем, не стоит открывать, вам следует остерегаться ментальных инквизиторов. Они недавно захватили Маркинат и, роясь в мозгу людей, развалили всю систему сопротивления, которая начала было

организовываться... Мои слова могут дорого мне стоить... Площади Дуптината покрылись, как они называют, огненными крестами, самыми худшими инструментами пытки из всех, когда-либо существовавших. Храмы, которые вы видите, будут разрушены по приказу кардинала новой официальной религии, именующейся крейцианством... Друг мой, вы прибыли в этот мир не в лучшие его времена. Вы выбрали плохой момент для туризма... Пойдемте. Из-за того, что мы живем в такое время, не стоит забывать о добрых старых обычаях. Хороший прием гостей был всегда традицией нашего народа. Приглашаю вас разделить со мной скромный завтрак и поприветствовать Серебряного Короля!

Не ожидая ответа гостя, гигант широкими шагами направился к стоящему на холме дому, едва ли большему, чем луговая хижина. Тиксу нерешительно последовал за ним, обещая себе оставаться настороже.

Серый свет робко проникал в деревенский домик, буквально протискиваясь через узкие щели в стенах и умирая на неровных камнях. Мебели была самая малость: стол, три древних стула с соломенным сиденьем, глиняное подобие буфета — две неравных колонки и полки между ними. Как и в хижине, здесь царил запах скота, который, по-видимому, источали одеяла из черной шерсти, сложенные на углу лежанки.

Скромный завтрак состоял из сыра («Самый лучший тот, что сильнее всего воняет!» — оказал гигант) и черного вкусного хлеба. Вместо тарелок были деревянные миски. Вилки и ножи, которые хозяин бросил на стол, уже давно не были мыты. Запущенный интерьер напомнил Тиксу хижину Моао Амба, харчевню на Двусезонье. Ему вдруг показалось, что он покинул мир садумба век назад, хотя отбыл с планеты всего три стандартных дня назад. За эти три дня он чудом избежал пасти гигантских ящериц, его лечили их жиром, Качо Марум, има садумба лесной чащобы, напоил его водой непобедимости... За эти три дня он прожил несколько ускоренных жизней, словно пытался восполнить потерянное время, все годы безделья, проведенные в прихожей пустоты.

— Вы кого-нибудь знаете на Дуптинате? — спросил гигант, откусывая кусок хлеба.

— Нет, — ответил Тиксу.

— Вы знаете, куда идти?

— Я кое-кого ищу... — уклончиво протянул Тиксу. — У меня есть имя и адрес, но я не уверен, что найду этого человека: у моих сведений давность в пятнадцать стандартных лет.

— А если его не найдете, — настаивал гигант, — что думаете делать?

— Не знаю... У меня не было времени подумать о такой возможности...

— У вас есть деньги?

— Нет...

Гигант оперся локтями на стол, опустил подбородок на сцепленные запястья и задумался.

— Поскольку вы мне не кажетесь предусмотрительным путешественником, вот что я вам предложу, — заговорил он после долгого молчания. — Через час вы отправитесь в город на поиски. Первые кварталы Дуптината расположены не так далеко отсюда. Примерно три четверти часа ходьбы, и вы окажетесь у первых автобусных платформ. Вам лучше воспользоваться общественным транспортом: он бесплатный, а город, как вы заметили, раскинулся очень привольно. Если ваши поиски окажутся безуспешными, можете вернуться сюда, чтобы провести ночь у меня... Конечно, это обычный пастушеский дом, но у вас будет кров и еда. Я устрою здесь постель, а помыться можете в ручье. Тогда вам не придется болтаться по городу ночью, что было бы лучшим способом привлечь внимание полицейских патрулей... У вас будет логово... Что вы думаете об этом?

Тиксу глянул в глаза хозяину. И не нашел в них ни малейшего следа скрытых или враждебных намерений.

— Даже не знаю, должен ли соглашаться, — возразил он. — Мне не хотелось бы причинять вам неудобств, а тем более навлекать на вас неприятности...

Хохот гиганта был лучшим ответом. Он вонзил нож с выщербленным лезвием в стол.

— Черт подери, причинять мне неудобства, друг мой? — воскликнул он. — Да я рад хоть какой-то компании! Мои звери не очень болтливы. К тому же скажу, мой инстинкт подсказывает мне, что вы из тех, кому я могу полностью доверять... А я полагаюсь на свой инстинкт... На что еще можно полагаться?

— В таком случае я благодарю вас за предложение и соглашаюсь, — произнес Тиксу, тронутый заботой маркинатянина.

— Ну и слава богу! Меня зовут Станислас Нолустрит, поэт и пастух, но друзья называют меня Стан или Станис...

— Э... Било... Било Майтрелли, — солгал оранжанин, сам не зная почему.

Быть может, он уже проникся всеобщей подозрительностью, которая, по словам гиганта, успела отравить воздух Маркината.

Тиксу двинулся по каменистой дорожке, тянущейся вдоль горной цепи, которую Станислас называл Загривком Маркизы. Когда он оказался в пригороде Дуптината, Серебряный Король стоял уже высоко в небе. Его круглый серый диск блестел, разгоняя утренний туман.

Тиксу быстро понял, что страх своим громадным крылом уже накрыл маркинатскую столицу. Он ощущался и на прямолинейных проспектах, и в темных переулках. Редкие прохожие скользили вдоль стен, закутавшись в просторные шерстяные плащи. Их замкнутые лица прятались под поднятыми воротниками, цветными шарфами или капюшонами с маленькими козырьками. Большинство ставень на восьмиугольных окнах серых фасадов было закрыто.

Пастух вручил Тиксу немного денег, сказав:

— Вам надо сменить одежду: ваша белая туника заляпана кровью. Вы рискуете не только быть замеченным, но можете простудиться! У нас начало осени — Серебряный Король уже не согревает воздух. Как старый буржуа, который не в силах согреть жену!

Станислас был прав: было зябко. Оранжанин зашел в первую же лавочку, торговавшую одеждой. Купил синий шерстяной пиджак с подкладкой и брюки из черного велюра. Переоделся в кабинке и спросил у продавщицы, красивой блондинки с загорелым лицом, не знает ли она, где находится улица Священных Ювелиров. Та ответила с любезностью, пропорциональной ее любопытству, что надо дойти до первой воздушной платформы, сесть на автобус внутренних линий, на кабинке которого нанесен фиолетовый треугольник, и вылезти на площади Жачаи-Вортлинг, которую вскоре собирались переименовать.

— Пока она называется так... Дальше все просто: улица Священных Ювелиров отходит от этой площади... Но все же спросите: быть может, вам придется пересесть на другой автобус. Вы турист? Я знаю типичные места Дуптината, где...

Он жестом руки остановил ее, поблагодарил, расплатился и вышел. Он быстро нашел платформу, площадку, висящую метрах в тридцати над улицей, вдоль которой росли деревья с желтой листвой. Он вошел в лифт и поднялся наверх.

Утро уже кончалось, но на причале станции было очень мало людей. Две красивые молодые женщины в элегантных пальто с высокими воротами перешептывались, бросая по

сторонам одновременно заигрывающие и осторожные взгляды. Чуть дальше стоял сгорбленный старик, погруженный в свои мысли. И стайка детишек в сопровождении двух юношей — они нетерпеливо поджидали автобуса.

Квартал под платформой выглядел удивительно мирным. Тишину нарушали лишь птичьи трели. Краснокрылые птицы усеивали верхние ветки деревьев, которые почти касались платформы.

Они прождали четверть часа, пока не появился автобус, с гудением опустившийся к причалу. Он был метров десяти в длину и походил на огромное прозрачное яйцо. Переднюю кабинку занимал робот-программист, чьи квадратные пальцы били по клавиатуре в момент взлета и посадки.

С приглушенным шипением откинулся боковой трап. Тиксу не успел рассмотреть, есть ли фиолетовый треугольник на кабине управления. Он вместе с другими занял место в пассажирском салоне и спросил у молодых женщин, доберется ли он до площади Жачаи-Вортлинг. Их глаза наполнились ужасом, словно они оказались перед психопатом. Потом сообразили, что единственным преступлением чужака было то, что он хотел получить от них какие-то сведения. Девушки оправились и, едва разжимая губы, объяснили, что ему надо сделать пересадку на перекрестке Сисотер, сев на автобус в сторону Круглого Дома.

— Все просто, спереди есть фиолетовый треугольник...

Потом девушки уселись на краешек скамейки и замкнулись в осторожном молчании. Автобус воспарил и медленно полетел над Дуптинатом. Тиксу залюбовался кружевными куполами храмов, словно сплетенными руками фей из драгоценных пород дерева. Если не считать стрел храмов и величественных башен Круглого Дома, город выглядел однообразным и лишенным фантазии. Почти идентичной формы, дома были не выше пяти этажей — округлая серо-синяя крыша на сероватом кубе. Словно они все вышли из одной литейной формы. Только разукрашенные ставни и балконы с коваными решетками вносили иногда нотку разнообразия. Улицы были прямыми и широкими, и все они стекались к восьмиугольным площадям. Изредка попадались проулки с магазинчиками, где прохожие рассматривали богато украшенные витрины. Оранжанин обратил внимание, что в каждом квартале торговали своими товарами.

Автобус садился на другие платформы и постепенно наполнялся пассажирами. На каждой остановке Тиксу вопросительно смотрел на молодых женщин, но те едва заметно

отрицательно качали головой. Наконец они подошли к нему и прошептали:

— Следующая и будет перекресток Сисотер. Не забудьте проверить, есть ли фиолетовый треугольник на кабине, и выходите на площади Жачаи-Вортлинг...

Только теперь они расслабились и наградили его теплыми улыбками. Казалось, они вдруг сбросили с плеч тяжкий груз.

Тиксу вышел на следующей платформе. И испытал шок: среди угрюмых лиц ожидающих пассажиров, тесно стоящих вдоль причалов, он заметил силуэт в черном бурнусе, голова которого скрывалась в складках капюшона: скаит!

Сердце бешено забилось, внутри его все сжалось. Мгновенно возникло воспоминание об отвратительном осклизлом и холодном щупальце, которое шарило в его голове на Двусезонье. Но вибрация антры тут же усилилась, разогнала панические мысли и создала вокруг его мозга непроходимый барьер. Ему не составило никакого труда успокоиться. Когда звук жизни выполнил роль хранителя внутреннего безмолвия, Тиксу понял, что его собственные ощущения среды менялись и взгляд его мог проникать под внешнюю, обманчивую оболочку вещей. Словно антра не только защищала, но и открывала ему глаза. Остальные пассажиры вдруг явились ему в ином свете... В своем истинном свете... Он увидел людей, которые пытались с большим или меньшим успехом играть свою роль, а на самом деле отдалялись друг от друга и от самих себя, их внутренний мир дробился, разваливался на куски. Он увидел, что они создали для себя идеальные, но обманчивые модели существования, хотя были уверены, что никогда их не достигнут, поскольку боялись заглянуть внутрь себя. Они застряли меж двух миров, миром мысли и миром материи, не отваживаясь исследовать ни тот, ни другой. Они забыли, что являются людьми, существами, умевшими одновременно летать вместе с богами и со сладострастием погружаться в грязь звериных инстинктов. Их внутренний мир сокращался, как шагреневая кожа. Присутствие черного бурнуса повергало их в ужас. Они уже знали о тревожных способностях скаитов, которые проявились во время публичных процессов и наглядных ментальных казней. Мысли, подстегиваемые когтями страха, метались и сталкивались в их беззащитном разуме, как дикие звери, попавшие в ловушку.

Тиксу заметил, что скаит не стеснялся нарушать святилища мыслей окружающих его людей. Но когда он решил обследовать разум оранжанина, инквизитор наткнулся на барьер, поставленный антрой. Скаит попытался взломать его и про-

честь человеческую книгу, которая не хотела открываться, но усилия его оказались тщетными. Тиксу ощущал удивление и раздражение таинственного существа в черном бурнусе.

Автобус плавно опустился и завис над площадью Жачаи-Вортлинг, гигантской шестиугольной эспланадой, выложенной светящейся мозаикой с изображением планет Конфедерации Нафлина. В центре площади за пурпурно-золотой оградой, усыпанной белыми цветами, высилась статуя Жачаи Вортлинга, основателя династии Ворт-Магорт и строителя Круглого Дома, чьи девять башен накрывали своей тенью соседние дома. Античная статуя, пережившая тринадцать стандартных веков, была чудом постоянно воссоздающегося равновесия. Из окна автобуса Тиксу видел многочисленные следы ремонта, шрамы, оставленные сварщиками и прочими рабочими на металлическом цоколе, который, похоже, был готов в любое мгновение уступить соблазну и обрушиться. Внимание оранжанина привлекла необычная сцена: рядом с памятником на невысоком возвышении стояло прозрачное колесо, в котором судорожно билось обнаженное тело, привязанное к кресту. Многие прохожие, пересекавшие площадь, опускали головы и тщательно избегали бросать взгляды на это колесо.

Тиксу с облегчением покинул автобус и отделался от любопытного инквизитора, раздраженного неожиданным сопротивлением и неоднократно повторявшего свои попытки.

Выйдя из лифта на площадь, оранжанин попал в оживленное место — во все стороны двигались куда-то спешащие маркинатяне. Поскольку он никак не мог отогреть ноги, Тиксу решил избавиться от легкой шелковой обуви, мало подходящей к климату Маркината. Ему не пришлось долго искать, вокруг площади стояло множество торговых прилавков. Он купил прочную пару горных сапог, которые тут же надел.

Потом, заинтригованный, направился к прозрачному колесу. По мере приближения он видел все больше искаженных страданием лиц, плачущих женщин, мужчин со сжатыми челюстями...

Обнаженное тело принадлежало женщине. На ее перекошенном лице, когда-то красивом, читалась невыразимая мука. Покрасневшая кожа растрескалась и источала кровь. Изо рта с разбитыми губами сочилась вязкая жидкость. Внутренность бедер почернела: кровь, вытекшая из раны в нижней части живота, засохла, и ее сгустки въелись в нежную кожу. Отваливающиеся пряди волос обнажали череп. Под колесом по ша-

ровому экрану бежали золотые буквы. Текст был написан на двух языках: маркинате и нафле:

Медленный огненный крест Церкви Крейца будет наказанием для тех, кто нарушит Единый Божественный Закон или заповеди, принесенные святыми миссионерами... Дама Армина Вортлинг, супруга покойного сеньора Абаски Вортлинга, согрешила плотью и предала древний обычай планеты. Она наказана по решению кардинала Рагуина де Брусселя, высшего представителя Его Святейшества, муффия Барофиля Двадцать Четвертого на планете Маркинат.

Глаза мученицы остановились на Тиксу. Ему показалось, что они умоляли его прекратить пытку хотя бы на несколько секунд. Ее глаза слишком исстрадались, чтобы еще проливать слезы. Боль понемногу увлекала ее в бездну, где должен был заблудиться ее разум. У подножия эстрады тихо плакал подросток лет пятнадцати.

Оранжанин отвернулся от тягостной сцены. Он возмущенно сжал кулаки, пока не побелели фаланги пальцев, и продолжил свои поиски.

Улица Священных Ювелиров томно тянулась меж двух рядов магазинчиков и мастерских с замысловатыми вывесками. Тиксу заметил темно-синее уведомление, плавающее в нескольких метрах над домами. Полиция извещала ювелиров священного ремесленничества, что маркинатские храмы теогонии будут разрушены дезинтеграторами. Поэтому ювелиры перестали работать. По деонтологической хартии корпорации они имели право выполнять свою работу только для украшения храмов и празднования различных культов, имеющих силу на Маркинате, по заказу жрецов или верующих. Собравшись небольшими кучками у приоткрытых дверей своих владений, они спорили между собой. Самые характерные их произведения были выставлены в витринах: статуэтки, украшенные сверкающими камнями, крученные священные принадлежности с эмалями, голоскульптуры богов пантеона, трех-, пяти- и семисвечные канделябры, элегантные подсвечники из розового опталия, конические кадила... Углубившись в улицу, Тиксу слышал бормотание, обрывки разговоров. Люди тихими голосами спрашивали друг друга, даст ли им Церковь Крейца достаточно работы или лучше отказаться от хартии и перестроить работу на изготовление драгоценностей для частных лиц.

Эта улица была одной из самых старых в городе. Утверждали даже, что она существовала еще в донафлинскую эпоху. Она была вымощена неровными булыжниками, в промежутках между которыми прорастала трава. Строения, прижавшиеся друг к другу, помогали своим соседям выдержать гнет веков. Имена ремесленников были написаны на треугольных фронтонах.

Тиксу двинулся вдоль по улице. По мрачным взглядам, которые бросали на него ювелиры, он понял, что ничего у них не узнает: вот уже несколько дней в Дуптинате к чужакам относились без любви, а этот шел мимо дверей с таким видом, словно замыслил дурное дело. Внезапный захват их планеты вызвал прежде всего почти полное свертывание тысячелетней деятельности и не предрасполагал ни к дружеским беседам, ни к ксенофилии. Теперь, когда их мысли лишились своего убежища, они опасались чужаков, как ядерной чумы.

Жеофо Анидол, священный Ювелир, участник хартии.

Наконец вывеска бывшего корреспондента рыцаря Лоншу Па появилась на другом конце улицы. Мастерская выходила на крохотную площадь, от которой в разные стороны разбегалось несколько улочек и проулков. Имя ювелира, выписанное цветными буквами, припудренными золотом, гордо красовалось на фронтоне из черного дерева, укрепленного под куполом двухэтажного дома. Судя по тяжелым ставням из чешуйчатого дерева, опущенным на витрину, мастерская была закрыта.

Оранжанин несколько раз нажал на круглый звонок, расположенный в нише рядом с входной дверью. Мелодичные звуки утонули в полной тишине. Тиксу не отступился и даже принялся яростно бить кулаком по массивной створке, но его удары остались безответными. Он огорченно выругался и нерешительно потоптался у плотно закрытой двери.

Потом заметил сморщенного старика с длинными седыми волосами, частично убранными под зеленую коническую шапочку, похожую на шапочку Станисласа Нолустрита. Его сгорбленная фигура мелькнула в узкой щели приоткрытой двери соседнего дома. Он наблюдал за оранжанином с подозрительным видом.

— Что вы хотите? — спросил старик блеющим угрюмым голосом.

— Мне надо поговорить с Жеофо Анидолом, — ответил Тиксу и любезно улыбнулся.

— Вы не здешний? Что вы от него хотите?

В его пронзительных глазках вспыхивали вызывающие огоньки, которые при малейшем недовольстве могли разгореться пламенем гнева.

— Меня прислал один из его очень старых друзей, — ответил Тиксу.

Он постарался вложить максимум убедительности в свои слова, но морщины на лице собеседника не разгладились.

— Н-да! В любом случае его сейчас нет, — проворчал старик, обнажив редкие зубы. — И появится он не раньше, чем через маркинатскую неделю!.. Не менее... Прощайте!

Тиксу даже не успел задержать старика, чтобы выяснить подробности, как дуптинатец сухо захлопнул дверь прямо перед его носом. Страх, который бродил по улицам маркинатской столицы, не способствовал успеху дел оранжанина. Он понял, что нет смысла настаивать, пытаясь допросить соседа Анидола. Он думал, что перелет на Селп Дик займет всего несколько часов: время на поиски бывшего корреспондента Лоншу Па, а теперь ему придется сидеть здесь и грызть ногти семь или восемь дней... В такой дали от Афикит... Он подавил разочарование и решил найти более быстрое решение. Он использует древний деремат Жеофо в самом крайнем случае. А пока вернется в дом пастуха, чтобы подумать и составить план.

Станислас Нолустрит стоял во дворике луговой хижины и расчесывал шерсть своих зверей почти с религиозным обожанием. Завидев силуэт своего молодого гостя на каменистой дороге, он расхохотался:

— Я и не чаял вас вновь увидеть, друг!.. Я думал, что вы уже отправились на прогулку по вселенной!.. Хотя приготовил вам постель на тот случай, если... Слава богу, вы сейчас прилично одеты, как истинный маркинатец. И издали, и вблизи сходство идеально.

— Ну не столь уж идеально! — проворчал Тиксу, подходя к каменной ограде. — Ваши соплеменники относятся ко мне с недоверием.

— Вы не нашли своего человека?

— Дом нашел, но не повезло. Он вернется домой только через восемь дней... — Оранжанин рассеянно погладил шерстистый бок животного и добавил: — А я не могу себе позволить столь долгого ожидания... Что касается денег, которые вы мне одолжили, я...

Пастух прервал его, махнув рукой, и снова наклонился над черной шерстью, в которой торчал репейник.

— Люди действительно напуганы, — прошептал Тиксу.

— А разве может быть иначе! — вздохнул Станислас, перестав работать щеткой. — Фаланга Махорта, элитная армия Вортлингов, была уничтожена за несколько минут сиракузянами и их союзниками... Более того, завоеватели реквизировали все известные дерематы, частные и общественные, что позволило быстро подавить мятежи, вспыхнувшие в провинциях, в основном в Северном полушарии. Они не останавливаются перед массовыми убийствами и огненными крестами, а потому маркинатяне видят, что попали в ловушку. Клянусь своим зверьем, так оно и есть!.. Но так должно было случиться... Небеса и звезды предвещали несчастье... Но кто в наши дни смотрит на звезды?..

Большую часть дня Тиксу провел в размышлениях, сидя на сооруженной пастухом кровати. В доме была всего одна комната. Его раздумья, причинявшие едва ли не физическую боль, не дали никакого результата, если не считать смутного беспокойства перед теми препятствиями, которые одно за другим возникали на его пути к Афикит. Сиракузянка походила на сон, который никак не хотел возвращаться. Он сомневался в своих воспоминаниях, сомневался, что касался ее, сомневался, что ощущал ее дыхание...

Через некоторое время, устав пережевывать одни и те же мысли, которые бились в тесных стенах его разума, Тиксу незаметно сосредоточился на шорохе источника, который продолжал звучать в глубине его существа... Антра, безмолвный шепот, приглушенно гудела, как музыкальный инструмент, беспрестанно издававший низкую монотонную мелодию, почти невосприимчивую для уха, привыкшего к звонким ритмичным нотам. Изолированный звук жизни расширился и быстро занял все внутреннее пространство оранжанина. Он был требовательным хозяином и изгнал все поверхностные мысли-паразиты, создал вакуум. Хотя звук не имел определенной формы — Тиксу не мог бы описать это состояние обычным языком, — он звучал четко и ясно, а когда избавил дух от ненужных мыслей, производимых разогнавшейся ментальной машиной, то погрузил оранжанина в состояние почти полного экстаза, наполнив светом и вибрацией.

Тиксу спросил себя, правильно ли его использует, не нарушил ли инструкций, которые ему в спешке дала Афикит в доме Франсао. Быть может, он использовал антру с излишней настойчивостью, намеренно вызывая ее, хотя не было никакой угрозы ментальной агрессии? Или, может, антра сама решала, с какой частотой и когда вступать в дело? Пребывая в со-

мнении, он предпочел не вмешиваться и погрузился в состояние внутреннего комфорта и радости, которые ощущал в мгновения, когда границы физической и ментальной среды растворялись и исчезали. Он путешествовал на векторе звука, пока не достиг берега глубочайшей нетронутой тишины, напомнившей ему о почти осязаемом ощущении покоя в лесу Двусезонья.

Потом на внутреннем экране этого безмолвия возникли образы прошлого, удивительно четкие, несмотря на эрозию, неизбежную с течением времени, но имело ли время хоть какое значение здесь?.. Фильм, безучастным зрителем которого он стал, частично воссоздавал его детство, отрочество и юношество до того момента, когда он занял пост на Двусезонье...

Ему было шесть лет, когда его мать погибла в крушении такси. Это внезапное исчезновение было таким шоком, что на добрые десять лет его перестал интересовать внешний мир. Его поведение вызывало отчаяние у дяди, принявшего его и избравшего суровость в отношениях с ним, поскольку он был неловок и не знал, как вывести племянника из летаргии. Единственным приятным воспоминанием того периода было воспоминание о громадном саде... Диком саде, где плавали пьянящие ароматы гигантских кипаритов, а на покрытом зеленой ряской пруду то и дело возникали фиолетовые пятна водорослей...

Он увидел, как тайно покидает дом дяди, еще не достигнув совершеннолетия. Он уже не в силах выносить строгость и непоколебимость младшего брата матери. Над городом опустилась ночь. Он бросил в рюкзак какие-то вещи. Тихо открыл дверь, проскользнул в темный коридор, спустился по лестнице, пересек прихожую... И вот наконец долгожданная свобода...

Он вместе с бродячими торговцами путешествует на древних телегах на воздушной подушке, помогает им выгружать и грузить тюки с товаром и устанавливать прилавки, чтобы оплатить свой проезд. Долгое неспешное путешествие дает ему возможность увидеть дикие и великолепные ландшафты самых отдаленных провинций Оранжа, розовые холмы Вьелина, соляную пустыню Масуа, зеленые каналы Малого Нанта, сине-фиолетовые горы Зелаума...

Он прибыл в Филию, столицу провинции Жониль и конфедерального ткачества. Каждый фасад дома, каждая стена, каждое общественное здание украшены драгоценными тканями, изготовленными вручную по традиционному методу. Истинное наслаждение для глаз, причудливо-веселая симфония ярких и контрастирующих красок...

Ему уже семнадцать лет. Он работает разносчиком еды, носясь по солнечным улицам Филии на небольшой платформе, нагруженной едой, которую мастера-ткачи заказывают у Ситроэль, огромной мордастой матроны, умеющей использовать своих служащих. Он наслаждается жизнью. Новые удовольствия и открытия будоражат его, постепенно стирая горькие воспоминания о тяжелом детстве...

Ситроэль выгоняет его за незаконную торговлю едой, хотя он не был замешан в ней. Он вынужден спешно бежать из Филии, поскольку подручные бывшей хозяйки собираются расправиться с ним. Почему? Он этого не знает... Он меняет работы одна за другой, путешествует из одного города в другой... Иногда ему приходится спать на обочине дороги с пустым желудком под тропическими ливнями, которые превращают придорожные канавы в потоки грязи. Он тайно путешествует под товарными вагонами, уцепившись за воздушный рельс. Он избегает контроля робоматов, архаичных автоматов, которых легко обмануть: достаточно сунуть старый поврежденный мемодиск в их нагрудную щель, чтобы их центральные цепи замкнуло...

Однажды он попадает в Булток, мрачный промышленный город черного континента Маравель. Он работает официантом в огромном популярном ресторане. Легально: он уже достиг совершеннолетия. И вновь его охватывает тяга к путешествиям и перемене мест — планета Оранж стала ему тесна... Он убеждает себя, что наилучшим способом объединить удовольствие и работу будет поступить на службу в транспортную компанию. Он проходит предварительные тесты в агентстве Бултока. К величайшему удивлению Тиксу, его отбирает на годовой стаж ГТК, крупнейшая транспортная компания вселенной!..

Его отсылают на Урссу, отстоящую от Оранжа на двадцать два световых года. Он просыпается совершенно обнаженным и с сильнейшей головной болью среди других стажеров, мужчин и женщин, также полностью обнаженных. Одни смущаются, другие смеются. Главная туристическая притягательность Урссы, ледяной планеты, состоит в том, что она полностью покрыта лесами, что ему подтвердил вербовщик в Бултоке. Но не уточнил, что леса совершенно непроходимы, а потому стажерам приходится неотрывно сидеть на лекциях, до тошноты зубрить правила внутренних регламентов компании и их бесконечные пункты два и три и обучаться управлению учебными дерематами, машинами такими дряхлыми, что стажеры спрашивают, не вы-

зывают ли они у путешественников неисправимые клеточные дефекты...

После стажировки дисциплина немного ослабевает, и Тиксу завязывает короткую связь с иссигорянкой Бабсе Обральен, с которой познает первые отрады любви. У нее упругая плотная кожа, приятная на ощупь и возбуждающая грудь с твердыми сосками, а губы имеют вкус кислого недозрелого плода. Любовные связи между стажерами категорически запрещены, их могут выгнать, не подписав с ними контракта. И они занимаются любовью поспешно и неумело, чаще всего в роще карликовых сосен, где их горячие поцелуи зачастую охлаждает ледяной ветер... Тиксу не имеет никакого опыта, и ему кажется, что Бабсе воспринимает его порывы с раздражением, а не с удовольствием... Чрево ее столь же сухо и холодно, как местный климат...

Стажеры приносят клятву на Бронзовой Хартии перед всеми шишками компании, которые с явным неудовольствием прибыли на планету. Потом Тиксу дают первое назначение: Двусезонье. Он никогда не слыхал об этой планете... Его уверяют, что это планета хороша, несмотря на влажный климат. Ему обещают, что позже его ждут более интересные посты...

Ему едва удается сказать несколько прощальных слов Бабсе, которая пока не получила назначения, и выразить свою признательность в долгом поцелуе. Его тут же отсылают на Двусезонье через внутренние промежуточные станции Сбарао, Платонии, Спалла... Как только он приходил в себя и избавлялся от последствий эффекта Глозона — его тут же засовывали в новый деремат и отправляли дальше. Компания умеет считать время и не считает нужным давать ему передышку...

На Двусезонье местный агент, чернокожий платонянин с курчавой шевелюрой, который, похоже, состарился раньше времени, встречает его зловещим кивком головы и кривой усмешкой. Пока голый Тиксу еще не совсем оправился от планетарного перехода, его предшественник вкратце объясняет работу и особенности деремата, раздевается, бросает ему в руки грязную вонючую форму, бежит к черной машине и исчезает. Пораженный Тиксу поднимает то, что осталось от зеленой формы платонянина, отправляет ее в мусоросжигатель и находит новенькую форму в пропитанном влагой шкафу, надевает ее и готовится принимать клиентов. Агентство контроля зоны 1098-А Окраин сообщает ему по внутреннему каналу секретный код зала дерематов и желает удачи, не забыв предупредить, что при любой попытке мошенничества и

небрежности с его стороны к нему в течение двух суток прибудет ринс, робот-инспектор компании.

— Жить будете в отеле Журумба на улице Пионеров... Ваш предшественник нарушил клятву Бронзовой Хартии. Он пытается скрыться от нас. Но ринс имеет данные его ДНК и вскоре доставит в штаб... Вам не следует забывать главного принципа: ничто не может заменить человеческого контакта! — добавил ироничный радиособеседник.

Тиксу постепенно познакомился с вонючей дырой, где его похоронила дирекция Компании. Двусезонье с единственным мрачным баром, старыми проститутками, шахтерами, добывающими опталий и отупевшими от лихорадки и пьянства, с чокнутым крейцианским миссионером, с округлыми печальными садумба, а главное, с постоянной влагой, которая постепенно разъедает нервную систему... Дождь никогда не кончается и становится всепроникающим, липким, ужасающим спутником жизни...

В первые дни пребывания Тиксу проявлял энтузиазм и рвение, достойное похвалы, постоянно предупреждая дирекцию о практическом отсутствии клиентуры. Он убеждал начальство, что нет смысла держать деремат и постоянного агента при трех переносах в месяц... Ему отвечали, что его слова приняты к сведению, что бюро анализа статистики рассмотрит вопрос о рентабельности агентства на Двусезонье. Но время шло. Ничего не происходило... И он начал тонуть в болоте инертности, потерял интерес к судьбе агентства и запил в компании шахтеров. Его истинной любовницей стало мумбе...

И только чудесное появление Афикит, сверкающего цветка на куче нечистот, выдернуло его с Двусезонья... Он понял, что контраст между ослепительной красотой сиракузянки и уродством его собственной жизни оказался решающим толчком...

— Ну что, друг! Углубился в свои мысли?

Мощный голос пастуха заставил его вздрогнуть. Неожиданное вмешательство хозяина вырвало его из объятий антры. Пережив заново этот период жизни, Тиксу расстался с частью своих воспоминаний, с древностями, наполнявшими его душу, и радостно ответил:

— Я размышлял...

— Ну и дела! Когда размышляете, вы не замечаете времени! — воскликнул Станислас. — Вы сидите уже шесть часов в полной отрешенности! Когда я вошел, то уронил миску, но вы даже не заметили грохота!

Слова пастуха поразили Тиксу: ему казалось, что его погружение в пространство и время продлилось не более десяти минут.

— Пойдем, пора есть, — сказал Станислас. — А потом, если хотите, я почитаю вам свои стихи... Мне случается сочинять их по вечерам, когда животные спят, а вторая дневная звезда, Огненный Конь, уходит в тень. Уже поздно, чтобы вести поиски в Дуптинате. И вам, друг, остается только наилучшим способом распорядиться этими нежными мгновениями жизни.

После ужина, состоящего из сыра и черного хлеба, а также бобового супа, пастух взял небольшой музыкальный инструмент и принялся яростно крутить ручку мехов. Он предупредил гостя, что при переводе будет потеряна ритмика и тональная частота, а потому он будет исполнять стихи на старом маркинате.

— Но это не помешает вам уловить смысл, если умеете слушать сердцем...

Звонкие и печальные звуки виоланы прекрасно сочетались с низким голосом пастуха. Тиксу позволил гармоничной и нежной мелодии поэмы убаюкать себя...

На следующий день Тиксу бродил по улицам Дуптината в поисках дерemата, могущего его быстро переправить на Селп Дик. Но агентства всех компаний были закрыты. Металлические или магнитные ставни были опущены, а объявления извещали, что они откроются только в день коронации нового императора вселенной. Частные дерematы были реквизированы. Тиксу застрял на Маркинате.

Бродя по городу, он видел, как устанавливают огромные экраны размером чуть ли не с храм и крохотные экраны размером с кулак на площадях и улицах столицы. Эти головизоры позволяли любому маркинатянину следить за всеми подробностями церемонии, любоваться невероятной роскошью, с которой сиракузяне собирались отпраздновать коронацию одного из своих. Дуптинат наряжался как влюбленная женщина: бело-золотые языки штандартов, цвета семейства Анг, плясали под порывами ветра, башни Круглого Дома украсили переливающиеся ткани. Но лица прохожих оставались мрачными и печальными. Огненные кресты умножались с той же скоростью, что и экраны. Прохожие натыкались на них почти на каждом перекрестке и не могли избежать вида распятых багровеющих тел, безумных взглядов страдальцев. Большинство мучеников относилось к жрецам маркинатских культов.

Оранжанин был свидетелем поимки парнишки, который ежедневно преклонял колени и плакал перед огненным крестом дамы Армины Вортлинг, чье состояние ухудшалось с каждым часом. Тело вдовы сеньора Абаски превратилось в бесформенную массу багровой плоти, сжигаемой волнами. Она походила на мутанта из великой нуклеидной пустыни. Тиксу никогда не приходилось видеть таких страданий. Четверо полицейских в темно-синей форме бросились на подростка, который отбивался с яростью своих пятнадцати лет, колотя ногами и руками, как дикая тигрокошка. Его вопли заставили прохожих замереть на месте:

— Отпустите меня! Вы не имеете права! Мерзавцы! Вы не имеете права так поступать с дамой Арминой! Пусть кто-нибудь предупредит мою мать! Джессику Богх! Она прачка во дворце!.. Скажите ей, что схватили ее сына Фрасиста!..

Разозленный полицейский ударил его дубинкой, чтобы покончить с воплями.

В прогулках по городу Тиксу сталкивался со скаитами в черных и зеленых бурнусах, передвигавшихся в сопровождении наемников-притивов, а также с миссионерами-крейцианами с мрачными восковыми лицами, спрятанными в оранжевый облеган. При каждой встрече легкий страх сжимал его внутренности, но никто, ни скаит, ни церковник, им не заинтересовался.

Он был свидетелем разрушения храма. Пушка, управляемая опытной рукой притива, исторгла мощный зеленый луч. От резного купола, который ремесленники украшали долгие годы, осталась лишь кучка черного пепла, которую всосало в себя щупальце рободворника.

Вечером после захода Огненного Коня за Загривок Маркизы Тиксу вернулся в дом пастуха. Как обычно, он разделил с ним ужин и с удовольствием выслушал его стихи.

Потом, вытянувшись на матрасе, набитом сеном, и прикрывшись шерстяным одеялом, стал думать об Афикит. Ему не удалось воссоздать ее образ, контуры ее лица становились все более расплывчатыми. Его главным желанием, его целью было добраться до нее, но капризы случая — а был ли это случай? — решали иначе, и она постоянно уходила от него. Недоразумение держало его на Маркинате, ставшем для него символом невозможности повлиять на течение событий. Он превратился в хрупкий кораблик, плывущий в бурном море, который бросают в разные стороны могучие волны и ревущие ветра. Он стал марионеткой, которую кто-то — но кто? — дергал за ниточки. Он стал атомом-человечком в бесконечном пространстве...

Тогда он снова обратился к антре. И, как накануне, когда звук жизни увлек его дух в убежище безмолвия, явились образы прошлого... Череда лиц и забытых ландшафтов... Наглые двоюродные братья, которым доставляло наслаждение издеваться над ним, его кузина, прощающаяся с детством, чьи нарождающиеся формы волновали его, его мать, его нежная мать, добрая и печальная, с горячими ласковыми ладонями...

Он снова спросил себя, не была ли опасной эта связь с антрой, как для него, так и для других. Но она доставляла ему такое эйфорическое наслаждение и чувство внутреннего очищения, что он не решался прервать его. Антра залечивала глубокие раны, освобождала из темниц, в которые он загнал самого себя, рвала цепи, которые сковывали его подлинную натуру, обрушивала мрачные скалы, которые перегораживали тропу его интуиции. Звук был алхимиком, который плавил его внутренний мир, чтобы отлить в новую форму, архитектором, который разрушал, чтобы воссоздать. Антра работала для возрождения души, чтобы маленький атом, слишком похожий на своих собратьев, вновь ощутил вкус своего отличия, своей важности, своей уникальности. А раз так, то почему Тиксу не мог пользоваться антрой, даже злоупотребляя?

Он заснул. И во сне ему показалось, что он слышит слабый умирающий голос Афикит. Она звала его, она в нем нуждалась.

Он проснулся задолго до того, как ночь уступила давлению слабой зари, задолго до того, как проснулся Станислас Нолустрит.

Он понял, что призыв ему не приснился.

Глава 15

Очень давно на Селп Дике жил народ магов и фей. Обитали они в стране Альбар, краю, затянутом густыми туманами и покрытом густыми лесами, где никто, кроме них, не рисковал бродить, не боясь заблудиться... Дома их были сложены из огромных зеленых листьев гигантских тысячелетних деревьев. Они пили воду Вечного Каскада, наделявшую их силой и долголетием. Питались они фруктами, произраставшими на хрустальных скалах, окружавших озеро Милосердия. Вкус этих плодов был так чудесен, что они не испытывали нужды питаться мясом животных, с которыми жили в добром согласии... Сердца их оставались по-детски простодушны-*

* Селп Дик, этимологическое значение на селпиде: «Страна Магии». Примечание переводчика Мессаудина Джу-Пьета.

ми и лишенными злобы. Главой этого народа был маг Гудевур, почитаемый всеми мудрец. Его жена, фея Лучистая, родила ему двух дочерей, феюшек Огонечка и Искорку. Красота их была так велика, что юные маги стекались со всех сторон Альбара, оседлав дыхание ветра или луч света, чтобы полюбоваться на них. Каждый из них спешил обратиться к отцу и матери с просьбой отдать ему руку одной из их дочерей, но каждый раз старый маг и его жена отвечали:

— Решать не нам, а им... Пусть все будет по их желанию...

И юные маги тут же устремлялись к Огонечку или к Искорке, чтобы поведать им о своей любви. Феюшки, польщенные интересом, который проявляли к ним молодые люди, соревновались в изобретении колдовских испытаний, трудности которых были таковы, что их воздыхатели не могли с ними справиться.

На границах страны Альбар жили зловредные джинны, завистливые и ревнивые злыдни. Они неоднократно пытались завоевать королевство магов, но каждый раз могущественное колдовство Гудевура изгоняло их. Бездумные ветры донесли до них весть, в какие опасные игры играют дочери их извечного противника. И увидели в этом отличную возможность для мести. Пока все волшебное королевство страстно переживало за судьбу юных магов, пытавшихся покорить сердца дочерей Гудевура, злыдни задумали злокозненную хитрость. Один из них, по имени Мон, принял вид сновидения и темной ночью пересек границы страны Альбар. Хранители границ, ученики магов, чьи думы были поглощены феюшками, не сумели заметить злыдня Мона ни мыслью, ни предвидением, ни слушанием дыхания звезд.

Мон без труда проник в дом Гудевура и Лучистой. Пока все спали сном праведников, он посетил дух Искорки. Он проник в круг ее снов и своим ужасающим присутствием распугал остальные сны, которые тут же разлетелись в разные стороны. И когда вокруг него возникла пустота, Мон-злыдень нашептал духу спящей феечки мысль о решающем испытании, которое она должна была предложить воздыхателям: принести ей сердце серебристой лани, грациозного зверька альбарских лесов. Мон-злыдень знал, что один из волшебных законов Альбара категорически запрещал кому-либо бессмысленно проливать кровь живого существа. Кто бы ни совершил это преступление, народ магов и фей тут же лишался поддержки богов промежуточных миров и ангелов!

Свершив сие преступление, Мон-злыдень вернулся к своим собратьям по ту сторону границы. И всю ночь они пили и веселились.

Утром, когда Искорка проснулась, она распахнула солнечное окно, выходящее на террасу. И обратилась к юным магам, ждавшим ее во дворе:

— Тот, кто принесет мне сердце серебристой лани, станет моим суженым...

Ни один из воздыхателей не дал себе времени на раздумье. Они бросились в лес, и каждый сжимал в руке нож с отточенным сверкающим лезвием. Когда маг Гудевур узнал ужасную новость из первой песни болтливого жаворонка, он бросился в комнату дочери и воскликнул:

— Что ты наделала, несчастная? Кровь невинного существа предрекает времена проклятия!

Но уже было поздно остановить юных магов. Ослепленные желанием понравиться феюшке, они уничтожили серебристых ланей, безжалостно вырывая у них сердца. И, как говорил закон, боги промежуточных миров и ангелов покинули страну Альбар, утерявшую своих волшебных покровителей: Вечный Каскад иссяк, хрустальные скалы перестали родить фрукты, озеро Милосердия пересохло, превратившись в соляную пустыню, звери стали хищными и принялись красть детей и поедать их.

Злыдни давно ждали этого момента. Они собрали армию на границе и приготовились захватить страну Альбар.

Маг Гудевур обратился к своему народу:

— По вине моей дочери Искорки, но в основном по моей вине, ибо я ее отец и ваш предводитель, божества и ангелы лишили нас своей волшебной поддержки, небесные божества покинули наши леса... Болтливый жаворонок сообщает мне, что злыдни готовы напасть на нас и перебить. У нас нет сил, чтобы сопротивляться им. Мы обречены и навечно прокляты. Закон говорит, что только очистительная вода, вода прощения, могла бы спасти нас от злыдней, но озеро Милосердия превратилось в соль, а Вечный Каскад иссяк...

Услышав эти слова, все феи во главе с Лучистой горько расплакались, ощущая упреки совести. И эти слезы собрались сначала в ручей, ручей превратился в реку, а река стала бесконечным океаном, чьи высоченные волны утопили бесчисленную армию злыдней. В центре океана остался только один остров, на котором укрылся народ магов. С небес упали лучи света, подхватили магов и фей, а потом перенесли их в далекие края, где им был дан еще один шанс жить в согласии с волшебным законом.

Что касается острова, то говорят, что его днем и ночью стерегут потомки злыдней, пережившие гибель своей армии, и что не следует приближаться к этому острову...

Селпидская легенда, рассказанная
Квеном Даэлом.
Перевод Мессаудина Джу-Пьета

Некоторые эрудиты видят в этой легенде подтверждение существования злымонов (Злыдень-Мон), морских млекопитающих, живущих в океане Альбарских Фей. Другие находят некоторую аналогию с легендой речевой традиции има садумба с планеты Двусезонье. (Примечание Мессаудина Джу-Пьета)

Филп Асмусса разглядывал океан Альбарских Фей с самой высокой точки широкой дороги, опоясывавшей монастырские стены с внешней стороны. Единственными светлыми пятнами на фоне грязно-серого раннего утра, еще пропитанного ночным мраком, были белые пенистые гребни волн. По небу ползли низкие тяжелые тучи, предвестницы дождя. Ветер с моря бесцеремонно гнал их к скалистым берегам полуострова. Волны с ревом обрушивались на затвердевший песок огромного восточного пляжа у подножия монастыря и убегали обратно, оставляя за собой языки пены.

Влажный воздух был пропитан запахом йода. Филп Асмусса не увидел флотилии рыбачьих аквасфер, которые обычно плясали на волнах в этот час суток. Если рыбаки решили оставить свои суда в укрытии, в порту Гугатт, хотя не боялись разгневанного океана, это означало, что буря, которую они ждали, должна была быть особо опасной.

На золотистом песке западного пляжа, пока еще не накрытого волнами прилива, совершенствовались в крике смерти воины и ученики, на которых были только шаровары из ткани бронзового цвета. За ними внимательно следили рыцари-инструкторы, закутанные в серые, потрепанные сутаны. По традиции ученики были разделены на небольшие группы, построенные в определенном порядке на всей протяженности пляжа. Каждая группа изучала свою собственную технику Кси в зависимости от специализации или настроения рыцаря-инструктора. Время от времени вопли вспугивали желтых чаек и альбатросов с серебристыми гребнями, которые носились над морем.

Филп Асмусса, наблюдавший за ними с высоты сотни метров, видел внизу рои крохотных дисциплинированных

насекомых. Он подумал, что если бы его не вызвали на заседание директории, он тоже был бы одним из этих насекомых, слепо подчинявшихся пронзительным командам наставников. Перед учениками и воинами высились черные кучи камней разных размеров. Именно эти камни были мишенями — каждый по очереди испускал в их сторону свой крик смерти. Иногда, если звук достигал нужного уровня силы, камни взрывались, разбрасывая в сторону осколки. Пыль оседала на песок под радостные возгласы того, кому удалось упражнение. Но наставники немедленно обрывали их, чтобы не ослаблять сосредоточенности и ментальных усилий остальных.

Филпу Асмусса хотелось участвовать в этих утренних тренировках. Полная концентрация, которой они требовали, быть может, помогла бы ему избавиться от черных мыслей, заполонивших голову.

По возвращении с Красной Точки Филпа ждали дурные новости: он больше никогда не увидит своего отца. Донс Асмусса, сеньор Сбарао и Колец, погиб в ловушке, устроенной Ангами Сиракузскими и их союзниками. Уже не осталось никаких сомнений в смерти сеньоров Конфедерации. Не увидит он больше и своей матери, дамы Мониаж, двоих братьев, Гартипа и Хесмира, и трех сестер Венидиж, Бридиж и Изабелиж. Всех их обезглавили убийцы из секты притивов на центральной площади Рахабезана, столице Сбарао и Колец. Передачи головидения и галактического радио прекратились несколько дней назад. Информация поступала по тайным каналам Ордена. Слухи крайне противоречивы. Все миры испытывали информационный голод из-за прекращения работы СМИ. Филп не получил официального подтверждения смерти своих близких, но в глубине души знал — с иллюзиями пора расстаться: невидимые связи между ними окончательно прервались.

Его предупредил духовник, рыцарь Шуд Аль Бах, на котором лежали также функции интендантства. По поступившим сведениям, его родных казнили за сопротивление армиям, вторгшимся на планету. Перед тем как их обезглавили, его мать и сестры, даже двенадцатилетняя Изабелиж, были прилюдно изнасилованы, а с его братьев заживо содрали кожу. Их головы прибили к доске, выставленной на площади. Многих придворных приговорили к крейцианскому огненному кресту — количество казней умножалось день ото дня.

Как воин, стремящийся стать рыцарем, Филп Асмусса невероятным усилием воли преодолел невероятную тос-

ку от потери близких. Но по ночам, в минуты бессонницы, боль возвращалась и терзала с невиданной силой, когда мысли о потере всплывали на поверхность сознания, не занятого дневными делами. Чаще всего он думал о муках матери и сестер и видел перед собой их истерзанные тела. И тоска превращалась не в гнев, а в ненависть.

Поскольку он остался единственным наследником трона Сбарао, его раздирали двойственные чувства: долг перед своей планетой, которую следовало отвоевать, и принадлежность к Ордену, славный путь рыцарства. Пока он отодвигал час рокового выбора. Но знал, что после решающей битвы, которую Орден даст врагам Конфедерации, а он всем сердцем хотел участвовать в ней, чтобы отомстить за родных, ему придется вступить на тот или иной путь.

Он поделился своими сомнениями с рыцарем-инструктором Руифом Лоаном. Лоан ответил, что только сам Филп в согласии со своей совестью может выбрать правильный путь, путь к озеру Кси. До этих трагических событий Филп не думал о том, чтобы покинуть монастырь, оставить за спиной высокие гранитные стены, покрытые лишайником, забыть о соленом воздухе океана Альбарских Фей — все то, что он впитал в себя, отождествив с Орденом. Сможет ли он прожить без пронзительных криков чаек и альбатросов, сопровождавших утренние тренировки, без дневных лекций в залах башен и вечерней практики ментальной концентрации?

Парадоксально, но эта почти физическая привязанность его к монастырю была поколеблена разрушительными речами изгоя с Красной Точки. Рыцарь Лоншу Па впрыснул в его кровь яд сомнений. По возвращении он вспомнил, с какой яростью отверг идеи Лоншу Па, словно затушил жаркое пламя, могущее в любое мгновение охватить его душу. Но это пламя уже проникло в трещины в его сознании. Он слепо верил, что постепенное обучение рыцарству предохранит его от мучений, которые, как он верил, свойственны только слабым. Но пришлось смириться с очевидным: несколько слов Лоншу Па поколебали ментальное здание, которое камень за камнем возвели его инструкторы, расшатали фундамент его убеждений. Предостережения двух членов директории, которые он выслушал до пребывания на Красной Точке, не смогли уберечь его от губительного воздействия изгоя, тем более что он доказал свою реальную эффективность в проведении операции. Ментальная броня воина Филпа Асмуссы растрескалась, и в эти новые трещины хлынули сомнения.

Сейчас Филп упрекал себя в наглости и презрении к сотоварищу по миссии. Он отдавал себе отчет, что не извлек из их встречи всех тех выгод, которые мог бы получить. Владение звуком и ментальностью, культура и знания Лоншу Па, даже выкраденные из архивного склепа, казались ему более высокими, чем культура и знания его инструкторов. Но неумение открываться, воспринимать, недоверие, которое ему привили силой и от которого он не сумел избавиться, заставили его пройти мимо удивительной возможности обогатиться новыми знаниями.

Однажды ночью, когда отчаяние мешало заснуть, он попытался отыскать внешнюю лестницу, ведущую в склеп архивов, где рыцарь Лоншу Па провел долгие часы, насыщаясь знанием, которое распространялось в первые времена существования Ордена. Он раздобыл лазерный факел. Но Филпу не хватило силы или мужества дойти до конца: в сыром мраке монастырских галерей его охватило головокружение, он отказался от замысла и возвратился в пустую келью. И долго лежал с открытыми глазами, дрожа под грубым шерстяным одеялом, и никак не мог заснуть.

Зерна неверия, посеянные рыцарем-изгоем, взошли в душе Филпа. Его раздирали горячее желание взрастить их и увидеть плоды и неистовая потребность вырвать их с корнем и отбросить как можно дальше. Он цеплялся за мысль, что каждый воин перед принятием тонзуры должен пройти последнее испытание, с твердостью оттолкнуть вкрадчивого и упорного врага, идущего на приступ его ментальной крепости.

Именно так сказал ему его духовник, старый опытный рыцарь, которого Филп избрал своим крестным отцом и наставником за невероятное пламя его зеленых глаз, хотя тот занимал не очень почетный пост главного интенданта. Воин терпеливо сносил свою боль, уверяя себя, что в конце мрачного туннеля обязательно вспыхнет свет.

Он вспоминал об Афикит, дочери сиракузянина Шри Алексу, за которой его посылали на Красную Точку. Она была физически слаба, ее снедала лихорадка. Но болезнь не повредила ее красоте. Напротив, сделала ее более привлекательной в глазах Филпа. Благодаря дружбе с Нобером Оаном, рыцарем-врачевателем, он навещал ее ежедневно, несмотря на строгий запрет любого контакта с женщиной в стенах монастыря. Когда он оказывался перед распростертой на кровати девушкой, все раны его души и сердца начинали кровоточить. Ему не хотелось бороться с течением, несущим его к ней. Она вошла в его жизнь, и он не хотел, чтобы она из нее уходила. Он надеялся, что

Нобер Оан, прекрасный врач, сумеет быстро найти действенное лекарство против вируса.

Он заранее обрадовался столь раннему вызову и собирался навестить Афикит после встречи с мудрецами директории. Он еще раз задумался о том, что может означать этот вызов: его друзья-воины с завистливыми огоньками в глазах дали ему понять, что директория собиралась наградить его за успешную миссию на Красной Точке и возвести в звание рыцаря. Но сам он не осмеливался в это поверить: его ментальная броня так растрескалась, что он не считал себя достойным рыцарства. Но друзья со смехом возражали, что не стоит строить из себя скромника, ибо все в монастыре знали: он был воином, наиболее близким к посвящению.

Филп в последний раз окинул рассеянным взглядом парящих чаек и альбатросов, использующих воздушные потоки под низким навесом черных туч. Затем двинулся по дороге, аллее метров десяти в ширину, укрытой с обеих сторон парапетом с бойницами и вымощенной древними булыжниками, между которыми пробивался скользкий мох. Он добрался до подножия центрального донжона. Эту башню называли башней Махди, ибо здесь располагалась резиденция великих предводителей Ордена абсуратов. Это была конструкция из грубо обтесанных блоков из белого гранита, которая тянулась прямо к тучам, словно желая их пронзить. Она возвышалась над всеми остальными частями монастыря, над четырьмя угловыми башнями с их зелеными куполами, над колокольнями, стрелами, крышами учебных аудиторий, над корпусом, где располагались кельи, и административными зданиями.

Три рыцаря в серых сутанах с негостеприимными выражениями лиц, которым было поручено фильтровать посетителей, охраняли главный вход: дверь из позеленевшего дерева. Они принадлежали к отряду трапитов по имени махди Дина Трапита, который создал этот элитный корпус с официальной функцией воздвигнуть барьер между учениками, то и дело требовавшими частных бесед, и высшими функционерами монастыря. Отряд был на самом деле внутренней полицией и предназначался для предупреждения или пресечения возможной фронды абсуратов-еретиков. Трапитов набирали из самых опытных рыцарей, и одно их присутствие могло охладить ярость недовольных. Зачастую они пользовались страхом, который внушали ученикам, чтобы заставить их выполнять свои капризы. Филпу никогда не приходилось иметь с ними дело напрямую, но он слышал об унижениях, которым они подвергали самых юных учеников.

Когда он остановился перед ними, рыцари окинули его высокомерным и презрительным взглядом. Филп отдал им традиционное приветствие: возложил вертикально на лоб ладонь правой руки. Они даже не шелохнулись. Хотя отказ от традиционного приветствия считался в монастыре серьезным дисциплинарным проступком.

— Я — воин Филп Асмусса, — твердым голосом назвался Филп. — Меня вызвала директория.

— Ах вот как?.. Надо удостовериться, воин! — с презрением сказал трапит. — А пока ни с места. Гьен, сходи проверь.

Гьен недовольно встряхнулся, с раздражающей медлительностью открыл скрипящую дверь и проскользнул внутрь башни.

— Асмусса... Ты не отпрыск сеньора Конфедерации? — спросил часовой.

— Он самый! — бросил Филп, раздраженный наглостью собеседника, поведение которого невольно сравнил с поведением Лоншу Па, постоянно искавшего в отношениях искренность.

Эти грубияны казались ему недостойными своего звания, недостойными рыцарства, хотя считались главной опорой Ордена. Внезапно это звание рыцаря, к которому он стремился с нетерпением и верой юности, потеряло в его глазах свою мифическую ауру. Последние иллюзии, остатки детской наивности и упрямства, разбились о наглость трапитов.

— И здесь тебя надо называть «мой сеньор»? — спросил трапит.

Его растрескавшиеся губы сложились в вызывающую усмешку. Филп замкнулся в осторожном и осуждающем молчании.

— Хватит, Фрол! — сказал второй трапит. — Сам видишь, Его Сеньорство лишено чувства юмора!

Филпа охватил гнев, но он сумел подавить его с помощью ментального контроля. Недовольный Гьен, вернувшийся из башни, прервал этот тяжелый разговор.

— Он сказал правду, Фрол! — проворчал он, прислонившись к стене. — Мудрецы директории ждут его.

Первые капли дождя прорвали облака. Морской ветер осыпал ими гранитные стены башни и лица часовых.

— Ну что ж, Его Сеньорство, должно быть, очень важен, если сами старцы желают его принять! — пробурчал Фрол. — Ну чего ждешь, иди внутрь... Или подтолкнуть пинком в зад?.. За тобой спустится секретарь директории...

Филп не заставил себя просить. Он с облегчением избавился от их взглядов ядовитых скорпионов. Проник в темную прихожую, освещенную одним узким оконцем, через ко-

торое врывался ветер и робко просачивался лучик света. Он сел на мокрую каменную скамью, расположенную напротив винтовой лестницы с неровными источенными ступенями. Пол и стены казались изъеденными проказой. Из многочисленных трещин текли струйки желтой пыли, похожие на струйки крови, сочащиеся из ран огромного тела.

Он не знал, сколько времени просидел на скамье. Он рассеянно прислушивался к смеху стоявших снаружи трапитов, к реву ветра, обтекавшего башню, к далекому грохоту волн, разбивавшихся о скалы полуострова. Мудрецы директории впервые принимали его. Будучи учеником и воином, он имел дело только с администраторами-посредниками, если не считать его миссии на Красную Точку, когда в исключительном порядке два члена директории лично пришли к нему для беседы.

В сотый раз после того, как глашатай директории предупредил его о вызове в директорию, он спрашивал себя, с чем связан вызов. Обычно если ученика, воина или рыцаря призывали в донжон Махди, его больше никто никогда не видел в стенах монастыря. Чаще всего его изгоняли или предавали анафеме в зависимости от ранга. Эти дисциплинарные меры принимались после долгих расследований хранителей Чистоты, которых называли мухами истины. Это был специальный корпус рыцарей, которым поручили следить за ортодоксальностью учения.

Как всегда, когда он оставался наедине с самим собой, мрачные мысли охватили Филпа. Лица родителей, братьев и сестер возникли перед его глазами. Ужасное чувство одиночества обрушилось на него. У него не осталось ни единого человека, которому он мог бы довериться, ни одного дружеского плеча или нежной груди, куда он мог преклонить голову. Теперь, когда его семья исчезла, он понимал, как много она для него значила. Глаза его наполнились слезами. Впервые после того, как узнал ужасную новость, он позволил себе оплакать родных и пожалеть самого себя.

Под лестничной площадкой отворилась маленькая дверца. Оттуда вышел рыцарь, которого Филп видел два или три раза. Голову его украшала густая светлая шевелюра. Это был массивный гигант, от которого веяло невероятной силой. На нем была серая сутана, натянутая так, что казалось, она вот-вот затрещит по швам. Темно-синие глаза остановились на Филпе. Рыцарь без всякого приветствия угрюмо спросил:

— Воин Асмусса? Я — рыцарь Годезил Сабо, начальник охраны директории. Следуйте за мной!

Филп быстро вытер глаза рукавом, поправил одежду, пригладил взлохматившиеся волосы, изобразил некое подобие приветствия — Лоан, его инструктор, не одобрил бы такой небрежности — и двинулся вслед за рыцарем-блондином. Они поднялись по узкой лестнице, которая почти вертикально ввинчивалась в чрево башни. Тусклые лучики света, проникавшие сквозь узкие бойницы, едва справлялись с темнотой. Подошвы их сандалий, простых плетенок из кожи, постукивали по отполированным ступенькам. Кроме далекого рева ветра и волн, это был единственный шум, нарушавший мертвую тишину донжона. Взгляд Филпа невольно следил за ногами проводника. Они были искорежены мозолями от долгих лет упражнений на песке полуострова. Изредка раздавался пронзительный писк и шуршание крыльев желтой чайки, парившей у бойницы.

Наконец они вышли на просторную площадку, уложенную блестящими плитами. В одной из стен было три овальных окна без стекол, через которые открывался удивительный вид на океан и полуостров, соединявший монастырь с континентом. Филп даже различил порт и крохотные крыши домов Гугатта, хотя тот находился на расстоянии добрых двадцати пяти километров.

— Подождите здесь! — приказал рыцарь Сабо, приглаживая волосы на висках. — Я сообщу о вас секретарю, а тот узнает у мудрецов, могут ли они вас принять...

Он исчез за высокой дверью в стене напротив окон. Потайная лестница в центре площадки, сужаясь, уходила вверх. Внезапное волнение охватило Филпа. Эти вытоптанные ступени отделяли его от апартаментов махди Секорама, великого предводителя Ордена абсуратов. Он надеялся, что хоть раз в жизни встретится с ним, до сих пор ему отказывали в этом. Еще никогда он не был так близок к махди физически, и эта близость наполняла его почтительным, благочестивым огнем. Его вдруг обуяла невозможная детская надежда, что он окажется в его присутствии. Но Филп напрасно до боли всматривался в лестницу — махди так и не появился. Он пожал плечами, посмеялся над самим собой за свою неисправимую доверчивость и оперся о подоконник. Его ладони легли на округлый, пористый и холодный камень. Он обежал взглядом пенистую поверхность океана, уже изрытую дождевыми каплями. Филп пытался увидеть легендарный остров злымонов, ужасных морских чудовищ, о которых рыбаки говорили с суеверным страхом. Но, несмотря на высоту донжона, из-за плохой погоды, а может, потому, что остров существовал только в воображении рыбаков, он увидел лишь подвижные

валы с короной пены и горизонт, закрытый армией черных угрожающих туч.

Голос рыцаря Сабо, удивительно вкрадчивый для человека такого сложения, вырвал его из задумчивости:

— Мудрецы директории ждут вас, воин! Сумейте сохранить перед их лицом скромность и почтительность! Многим из ваших сотоварищей такой благосклонности никогда не узнать. Не забывайте об этом, воин! Следуйте за мной.

За дверью тянулся длинный темный коридор, свода которого касались волосы идущего впереди рыцаря. Они вошли в маленькую комнатку без мебели и украшений, пол и стены которой поросли зеленой плесенью — от нее отражался бледный свет, сочившийся из узкого окна. Тяжелая деревянная створка двери в другую комнату была приоткрыта.

— Прошу вас, входите, рыцарь Асмусса!

На этот раз Филп отдал приветствие по всем правилам. В синих глазах рыцаря мелькнула смешливая искорка, он быстро поклонился и удалился без каких-либо комментариев. Пораженный гнетущим аскетизмом помещения и ароматом легенды, пропитывающим атмосферу башни Махди, предмета самых сумасшедших фантазий и мечтаний учеников, Филп медленно вошел в зал аудиенций директории. Это была круглая комната с двумя окнами, чья воздушная завеса была окрашена в нежно-янтарный цвет, а потому стены и мебель выглядели золотистыми. На дощатом полу лежали магнитные ковры с подвижным рисунком. Потолок представлял собой огромное голографическое полотно, на котором появлялись то лица всех махди, стоявших во главе Ордена с самого его основания, то символ абсуратского рыцарства — трилл. Жизнь и символика трилла, хищника из тропических лесов планеты Ноухенланд, были исключительной темой трех первых лекций, предназначенных для учеников. Это скрытное животное, которое очень трудно выследить, было известно своей функцией регулятора животного мира. Оно с невероятной ловкостью разгадывало все ловушки, которые изобретали охотники, искатели сильных ощущений. Но если зверя загоняли в угол, он проявлял ужасающую, разрушительную ярость. Аборигены Ноухенланда, шоклетты, утверждали, что если трилл исчезнет, это будет знамением конца времен. Трилл, воспроизведенный на потолке, был облачен в роскошную огненную шкуру с пурпурными и черными полосами. У него были огромные непроницаемые зеленые глаза и острые клыки длиною в полметра.

На возвышении в центре круглого зала стояли четыре кафедры. Место на каждой кафедре занимал старец в белой тоге. Лица их походили на старый пергамент, иссеченный морщинами. Их полностью выбритые головы были испещрены коричневыми пятнами. Бесцветные глаза четырех мудрецов директории, которых обычно называли распорядителями или старцами, впились в воина. В зале пахло плесенью и пылью, и этот запах напомнил Филпу запах огромных забытых чердаков во дворце в Рахабезане.

Он подошел к барьеру аудиенций, полукруглой плите перед возвышением, и церемонно поклонился, соблюдая требуемые медлительность и сосредоточенность. Он с огромным трудом сдерживал нервную дрожь в конечностях. Его желудок свело, в глотке стоял комок — он пытался дышать с помощью диафрагмы, точкой средоточия энергий.

Как только он закончил ритуальное приветствие, в зале раздался голос, похожий на хлесткий удар кнута:

— Воин Филп Асмусса, махди Секорам поручил нам вызвать вас, чтобы передать его решение, касающееся вас!

Мудрец, который произнес эти слова, остался столь же неподвижным, как и остальные. Его голос напоминал синтетический голос голографического манекена. Мощные тиски сжали грудь Филпа.

— Прежде всего, — продолжил старец, — он передает вам поздравления за блестящее выполнение миссии на Красной Точке, миссии далеко не легкой, как он считает. Хотя она оказалась частично бесполезной: дочь сиракузянина Алексу знает о врагах Конфедерации не больше нас. Она постоянно повторяет, что мы должны защищать себя с помощью звука, но мы уже давно делаем это! Мы располагаем только этим указанием, но оно стоит того, что стоит: по сведениям наблюдателя нашей сети, на Красной Точке вам, хотя вы пока еще воин, удалось победить одного из наших врагов, скаита Гипонероса, в открытом поединке. Поэтому махди решил предложить вам рыцарскую тонзуру до окончания вашего обучения, но, увы, хранители Чистоты донесли до нас неблагожелательную для вас информацию, которая заставила махди изменить свои распоряжения.

Застывший взгляд мудреца буквально обжигал лицо Филпа. Он покорно опустил голову, как уличенный в проделке ребенок, чтобы вырваться из клещей этих почти прозрачных глаз.

В это мгновение через боковую дверцу в зал вошел хранитель Чистоты, затянутый в красную тогу: высокий, худой, с восковым истощенным лицом. Жидкая корона серых волос

вокруг макушки усиливала его строгий вид аскета. Он подошел к Филпу и вонзил в него крохотные змеиные глазки.

— Представляю вам почтенного Плейса Хартига, — вновь заговорил старец. — Он долгие годы возглавляет корпус Чистоты, чья невидимая роль состоит в борьбе против размывания учения. Поскольку индивидуальное эго по своей природе испытывает желание присвоить себе все, некоторые члены Ордена желают подчинить учение своим интересам. Иными словами, хотят его интерпретировать. Это источник конфликтов, с которыми махди не может мириться! Однако, воин, мне кажется, что люди, которых мы, по совету инструктора Лоана, чьим учеником вы являетесь, послали к вам с приказом о миссии, строго предостерегли вас от желчных слов и еретических мыслей рыцаря Лоншу Па, изгнанного на Красную Точку двадцать лет назад. Его постоянное неподчинение старшим вызывало серьезные беспорядки в стенах монастыря...

Голос мудреца, чьи черты лица застыли, образовав маску гнева, разрастался, отражаясь от стен зала аудиенций.

— Мы, воин, допустили ошибку! Ибо мы, мудрецы директории, назвали ваше имя для выполнения этой миссии, основываясь на информации Лоана и Шуда Аль Баха, вашего духовника. Вы казались нам представителем элиты, достойным нашего доверия... Махди не хотел даже на время расставаться со своими верными рыцарями. В этот смутный период, когда решается судьба миров, Орден нуждается во всех своих силах на Селп Дике, чтобы незамедлительно ответить в случае внезапной атаки сиракузян и их союзников. Поэтому все рыцари, занимавшие свои посты на различных планетах Конфедерации, были отозваны в монастырь.

Старец помолчал, откашлялся. Его слова с остротой и точностью лазерного скальпеля обнажили ментальную слабость Филпа. Он понимал, что нет смысла притворяться, протестовать, защищаться. Он растерянно уставился в потолок, где друг друга сменяли лица махди и трилл в своих огненных одеяниях.

— Вы блистательно выполнили миссию, воин, но какой ценой! Вы вернулись с Красной Точки с сердцем и духом, пораженным ядом, который впрыснул в вас Лоншу Па! И у нас есть доказательства! Прошу вас, почтенный Плейс Хартиг, сообщите, что вы знаете.

Глава корпуса Чистоты занял место перед плитой аудиенции. Он был выше Филпа на целую голову. Со своим орлиным носом, тощей шеей и красными крыльями тоги, висевши-

ми на длинных руках, он походил на мрачного стервятника из пустыни Шестого Кольца Сбарао.

— Воин Асмусса, некоторое время назад вы пытались проникнуть в тайный склеп архивов, — вкрадчивым голосом начал Хартиг. — К несчастью для вас и к счастью для Ордена, несмотря на все принятые вами предосторожности, кое-кто из ваших товарищей вас видел. Только Лоншу Па мог рассказать вам об этом склепе: в монастыре никто, за исключением мудрецов директории и меня, руководителя корпуса Чистоты...

— И конечно, махди! — вмешался еще один мудрец.

— Само собой разумеется, — кивнул Хартиг. — Я говорил, что никто, кроме нас, не знает о существовании этого склепа! Однако, обладая нарушенным менталитетом и показав ограниченность духа, Лоншу Па сумел его отыскать, нарушив тысячелетнюю тайну!.. Заблуждение, ужасающее заблуждение! Просмотрев некоторое количество античных видеоголофильмов, Лоншу Па поспешил сделать выводы, основанные на собственных ощущениях, разрозненных, а значит, ошибочных! Затем он счел необходимым публично поставить под сомнение учение в том виде, как оно преподносится. Он утверждал, что Орден отклонился от исходного пути... Это означало, что он начал сомневаться в самом махди Секораме, то есть подверг сомнению понятие подчинения предводителю, главную добродетель абсуратского рыцарства...

— Поэтому махди потребовал его изгнания! — вмешался первый мудрец. — Он оказался слабым звеном цепи, пористым камнем в здании, брешью в стене! А Орден обязан оставаться целым без единой трещины и изъяна...

— Лоншу Па, вероятно, изложил вам все это по-своему, — вступил второй мудрец. — Но его менталитет уже не был защищен верой в своего предводителя. Он стал слабой частью, нарушающей целостность нашей системы...

— Как вы теперь! — завопил третий мудрец. — Вы были ценным элементом, воин Асмусса. Это признавали все. Но вы утеряли свою веру в директорию, то есть в своего предводителя, махди Секорама, который с высоты этого донжона (он ткнул узловатым дрожащим указательным пальцем в потолок) видит сердце каждого из своих последователей, какое бы место он ни занимал в иерархии монастыря. Полный любви взгляд предводителя отвернулся от Лоншу Па. Махди отверг его, ибо тот извлек на свет фрагменты устаревшего, забытого учения, а оно не должно было покидать тьмы забвения!

Наконец взял слово четвертый мудрец с огромной головой и морщинистым лицом:

— Знайте, воин, знание меняется со временем, и именно в этом его чистота, — проблеял он. — То, что было необходимым вчера, не обязательно остается необходимым сегодня. То, что было справедливым в прошлые века, может оказаться ложным в века грядущие. Как и вы, Лоншу Па был исключительно ценным элементом. Но нельзя идти вперед, отступая, воскрешая прошлое. Те, кто отворачивается от настоящего и будущего, не могут находиться среди нас. Нам надо действовать в своем времени, адаптироваться к обстоятельствам. Так повелел наш основатель, махди Нафлин, и мы пытаемся следовать его предначертаниям. Тревожная ситуация требует полного слияния всех членов Ордена, без ограничений и независимо от состояния их души! Сейчас не время и не место отдавать себя во власть сомнения, превращаясь в очаг инфекции! Сомнение ослабляет ментальный потенциал, а следовательно, ведет к иссушению озера Кси!

— Вы действительно переживаете трудную фазу жизни... — добавил Хартиг, стоя напротив Филпа.

Маленькие черные глазки руководителя корпуса Чистоты сверкали, пронзая кожу воина, словно хотели воспламенить его тело изнутри.

— Но одна вещь свидетельствует в вашу защиту: вы не завершили свою попытку... Вы предпочли вернуться, дабы не совершать проступка, на который мы не могли бы закрыть глаза при всем нашем добром отношении к вам. Значит, ваш ментальный контроль, вольно или невольно, сыграл свою роль...

— Мы также не забываем, что вы недавно потеряли всю вашу семью в трагических обстоятельствах, — подхватил первый мудрец, смягчив свой тон. — Ваши гены зовут вас как можно быстрее отправиться на Сбарао, чтобы закончить дело умиротворения, которое начал ваш отец, сеньор Донс Асмусса. Если таков ваш выбор, мы будем его уважать. Но перед этим вам надо сыграть роль, к которой вы готовились три года с рвением, достойным хвалы... Соберитесь с силами, воин!

— И ни о чем не сожалейте! — закончил Хартиг, взмахнув красными рукавами. — Вы не гениальный ремесленник, каким был Лоншу Па, и вы не вынесли бы ничего стоящего из склепа! Эти фильмы в таком состоянии, что надо было обладать отсталым умом Лоншу Па, чтобы привести их в порядок!.. И последнее: рыцарь Лоншу Па умер сразу пос-

ле вашего отлета с Красной Точки. Наш агент считает, что он покончил с собой...

Эта новость поразила воина — его словно ударили дубинкой. Лоншу Па покончил с собой?.. Даже если рыцарь выглядел разочарованным и циничным, он слишком высоко ценил дар жизни, чтобы подчиниться импульсу самоубийства... Филп заметил, что Хартиг и четыре старца внимательно следят за ним, словно читая его мысли. Они изобличили его, хотя он никому не рассказал о своем ночном походе. Он превратился в легкую мишень, доступную для стрел этих одновременно остекленевших и пламенных взглядов. Стоя перед этими пятью людьми, он испытывал странное ощущение пустоты, тянущей к нему свои холодные щупальца, пустоты, прикрытой железной волей и огненной броней. Они дали время своим словам перестроить его дух, а когда сочли, что достигли желаемого, Плейс Хартиг спросил его торжественным тоном:

— Каково будет ваше решение, воин Асмусса? Готовы ли вы слепо следовать нашим приказам, подчеркиваю, «слепо», или будете упорствовать и ссылаться на Лоншу Па, этого покойного изгоя, доверие к которому утерял махди?

— Хорошенько взвесьте свои слова, воин! — прорычал первый мудрец.

Филп колебался только одно мгновение. Смерть Лоншу Па огорчала его, но и была знаком неба, толчком судьбы. Он храбро поднял глаза, выдержал горящие взгляды мудрецов и почтенного Плейса Хартига и твердым голосом произнес:

— Теперь я ясно вижу внутри себя, мудрые рыцари директории... Короткая встреча с рыцарем Лоншу Па была испытанием для укрепления основы моего менталитета. Признаю, что впал в искушение и хотел из любопытства посетить склеп архивов, но отказался от этого. Я почитаю всего одного предводителя, махди Секорама, и... полностью доверяю директории, которая представляет его... Теперь я уверен, что это испытание поможет мне в бою, который Ордену придется дать... После войны я вернусь на Сбарао, чтобы завершить дело отца...

Он отчеканил эти слова почти с мистическим благочестием. Мудрецы директории и Хартиг обменялись довольными взглядами. Морщинистые лица заулыбались.

— Весьма мудрое решение! — радостно воскликнул первый мудрец. — Отныне мы уверены, вы не сойдете со славного пути, намеченного вашими предшественниками!

— Готовы ли вы поклясться, что никому не скажете о существовании этого склепа? — спросил второй мудрец.

— Я не рыцарь, — ответил Филп. — И не могу дать клятву почетного молчания...

— Соображение, достойное здравого смысла, молодой человек! — проблеял четвертый мудрец. — Плейс Хартиг, извольте ознакомить воина Филпа Асмусса с великой для него новостью.

Руководитель корпуса Чистоты ухмыльнулся, и эта ухмылка в бегающих огнях потолка могла сойти за улыбку.

— Воин Асмусса, через три дня по случаю годовщины основания Ордена абсуратов вы получите тонзуру и сутану рыцаря! И тогда сможете дать клятву почетного молчания...

— Если вам повезет, то ваше возведение в рыцарство будет освящено лично махди! — заявил первый мудрец. — Если его неустанные труды позволят ему улучить несколько мгновений на отдых. Мы постараемся склонить его к этому... Но не обольщайтесь...

Волна радости затопила Филпа. Итак, его возведут в рыцарское достоинство, к которому он с невероятным рвением готовился три года, вызывая восхищение инструкторов и ревность соучеников. Он получит звание рыцаря Ордена абсуратов. Эта мысль смела ужасное впечатление, оставшееся от встречи с трапитами. Он с волнением подумал об умерших близких: они бы гордились им... Отец, мать, сестры...

— Эти три дня, которые отделяют нас от празднования основания Ордена, вы будете готовиться, — продолжил Хартиг. — Три дня поста, полного воздержания и поиска Кси. Ваш духовник, рыцарь Шуд Аль Бах, которого предупредит наш глашатай, в подробностях объяснит вам всю процедуру и послужит вам поддержкой в течение вашей медитации.

— Можете идти, воин! — произнес первый мудрец. — Начальник охраны Сабо сопроводит вас в вашу келью.

Филп не двинулся с места. Слова, которые теснились в его горле, никак не хотели вырываться наружу.

— Вас что-то тревожит? — спросил Хартиг.

— Я... Простите мою настойчивость... У меня есть одна просьба, — в смущении пробормотал Филп.

— Говорите! — сухо приказал первый старец.

— Мне хотелось бы получить аудиенцию у махди Секорама...

Сморщенное лицо старца с огромной головой сложилось в благожелательное выражение. Его сухие губы приоткрыли желтые зубы. Его блеяние больше походило на шепот:

— Я понимаю ваше желание, воин... Нет и минуты в нашей жизни, когда нам не хотелось бы выразить ему нашу

любовь, нашу признательность, нашу преданность. Это нормальная просьба... Но мешать махди — не лучший способ оказать положенную ему честь: нынешняя ситуация забирает всю его энергию, все его время. Война, которая нам угрожает, не оставляет места для личных бесед. Вы сами видите, с какой скоростью и эффективностью действуют враги Конфедерации. Вы сами знаете это, поскольку напрямую пострадали от них. Вы считаете, что имеете право отвлекать махди от его работы в то время, как Анги Сиракузские, зачинатели заговора, готовятся сделать императором одного из своих? Они нарушили законы Конфедерации, установленные махди Нафлином, основателем Ордена...

— Знайте, что агенты наших внешних сетей сообщили о скором нападении союзников сиракузян, — добавил второй старец.

— И это произойдет здесь! На Селп Дике! — взревел первый мудрец. — Они должны чувствовать невероятную уверенность в своих силах, если собираются бросить нам вызов на нашей территории!

— Подготовьтесь надлежащим образом во время трех дней дорыцарской медитации, — сказал Плейс Хартиг. — Только так вы почтите нашего предводителя. Сегодня действие — лучшее доказательство преданности...

— Понимаю, — прошептал Филп.

Скорое посвящение в рыцари смягчило разочарование от отказа мудрецов.

— Прекрасно. А теперь идите!

— Могу ли я навестить дочь Шри Алексу и осведомиться о ее здоровье перед тем, как удалюсь в келью?

— До сих пор вы не нуждались в нашем разрешении! — проворчал Хартиг, нахмурившись. — Снисходительность рыцаря-врачевателя Нобера Оана помогала вам обходить правила! Наш врачеватель терпелив только с вами. Но поскольку он уверил нас, что ваши визиты полезны для морального духа девушки, мы закрывали глаза... И закроем их еще один раз!

Через несколько минут в сопровождении Сабо Филп был уже у дверей сумрачного логова Оана. Начальник охраны остался ждать в прихожей. Филп вошел в кабинет, где его встретил один из помощников врачевателя, сидевший среди нагромождения флаконов и сосудов с желтоватой жидкостью, в которой настаивались сухие травы, корни и листья различных растений. Тяжелый горьковатый запах наполнял помещение. После возвращения с Красной Точки Филп почти никогда не посе-

щал эту комнату. Он избегал столкновений с колючим Нобером Оаном, чей неуживчивый характер был притчей во языцех в монастыре.

Помощник, рыжий парень в синей блузе, поднял полуслепые кротовые глазки на Филпа.

— Опять вы! — проскрипел он с явным неудовольствием. — А теперь что вам нужно?

— Сами знаете! — возразил Филп, который часто сталкивался с язвительностью помощников Оана.

Они были достаточно глупы, чтобы подражать во всем врачевателю, хотя тот был неподражаем.

— Старина, вы, вероятно, слышали о правиле, которое запрещает вам видеть женщин, — прошипел второй помощник, агрессивный и взлохмаченный.

— Я только что был в башне Маҳди, где был принят директорией мудрецов, — резким тоном ответил Филп, думая, что эти слова собьют спесь с его собеседников. — И директория разрешила мне навестить дочь Шри Алексу перед моей дорыцарской медитацией.

Но этот аргумент только подстегнул злобу помощника.

— До сих пор вы обходились без разрешения директории! — возразил он. — Вам многое позволяется, воин! Вы ведь сын сеньора?.. Даже я, первый помощник, не имею права видеть эту девушку. Но я не из знатной семьи...

Филп почувствовал сожаление и злобу в голосе помощника. Слух о присутствии женщины в монастыре разнесся со скоростью взрыва световой бомбы. Этот слух подогревал воображение учеников, воинов и рыцарей, чьи сны были наполнены фантазиями, ведь все они были здоровыми мужчинами, в которых бродили неиспользованные соки. Филп понял, что нет никакого смысла возбуждать помощника. И спокойным добродушным голосом спросил:

— Могу ли я видеть рыцаря Нобера Оана?

Рыжий уже освободился от большей части своего яда.

— Идите туда. Он готовит новое питье... для девушки, конечно!

Помощник с недовольством отошел в сторону, освободив проход воину, который через низкий сводчатый коридор проник в слабо освещенную комнату, где огромные реторты, стоящие на огне, источали резкие запахи трав и минералов. Сидя у центрального стола, Нобер Оан изучал древнюю книгу-фильм. Рядом с этим донафлинским гримуаром, по голографичес-

ким страницам которого скользил палец врачевателя, лежало несколько засушенных растений. Мерцающие отсветы от страниц подчеркивали суровые черты лица Оана, словно вырубленные топором. Он походил на чудовищную химеру из ксеренских храмов Четвертого Кольца Сбарао: казалось, что он вот-вот извергнет изо рта поток черной воды, его раздутые ноздри выплеснут огненные струи, а из торчащих ушей повалит сернистый дым. Серые волосы, закрывавшие почти весь лоб, и черная сутана врачевателя дополняли его неприятный облик.

Несколько помощников в просторных белых блузах добавляли щепотки размолотых минералов и сухих трав в кипящие реторты, стоящие на металлических полках. Никто не обратил на него внимания. Филп откашлялся и позвал Нобера.

Разъяренный врачеватель метнул на него уничтожающий взгляд и проворчал:

— Опять вы! Вы же видите, я занят!

Отсутствующий вид и угрюмый тон Оана были профилактическими мерами удивительной эффективности: человек, который был им однажды поставлен на ноги, старался больше не попадать ему в руки. Встревоженные помощники разом повернули головы в сторону гостя.

— Я зашел узнать, как чувствует себя Афикит Алексу, — сказал Филп. — Мудрецы директории дали мне разрешение... Обещаю, что потом перестану злоупотреблять вашей благосклонностью: утром я начинаю трехдневную медитацию перед посвящением в рыцари...

Уродливое лицо врачевателя вдруг расплылось в широкую улыбку.

— Итак, вы становитесь рыцарем! Прекрасно, прекрасно! Я счастлив за вас и за вашего крестного отца, моего старого приятеля Шуда Аль Баха.

Удивление на лицах помощников свидетельствовало, что доброжелательные слова и комплименты редко слетали с уст Нобера Оана.

— Ваша протеже доставляет мне немало забот... Она является дополнительной нагрузкой, без которой я бы с удовольствием обошелся. — Тон его был добродушным, почти веселым. Помощники не верили своим ушам. — Вирус, который ей ввели, обладает высоким сопротивлением, и я бы сказал, извращенным действием. Стоит мне найти новое лекарство, он тут же меняется!

Мне удалось стабилизировать продолжительные периоды спокойствия и прозрения, но я не могу справиться с силь-

нейшими кризисами, которые ослабляют иммунную систему... Проблема в том, что этот вирус был неизвестен нашим предшественникам и учителям...

— Но вы полагаете, что шанс излечить ее есть?.. Хочу сказать, истинный шанс?

Филп понял, что его вопрос больше походил на мольбу и выдавал его волнение, а потому сразу покраснел до корней волос.

— Если Бог пожелает... — уклончиво ответил Оан, от которого не ускользнуло смущение воина. — Одна из пословиц моей родины говорит, что нет проблем, а есть только решения... И к этому я хочу добавить: пока есть шанс натолкнуться на решение! Во всяком случае, во время бесед с мудрецами директории и почтенным Плейсом Хартигом она выглядела здравомыслящей, последовательной... Сейчас я могу только замедлить воздействие вируса, но мне не удается окончательно нейтрализовать его. Пойдемте, сейчас как раз время моего утреннего визита.

Помощники были так поражены, что забыли возобновить работу. Нобер встал и в сопровождении Филпа Асмусса тяжелым шагом двинулся к каменной лестнице, которая вела в подвал лечебного блока. Перед тем как ступить на первую ступеньку, врачеватель с гневным взглядом повернулся к ученикам и рявкнул так, что задрожали реторты:

— За работу, моллюски! Я не разрешал вам бросать дело!

Келью, в которую поместили Афикит, заливал розовый свет, проходивший через три шестиугольных витража в потолке. Перегородки были затянуты древними водотканями с изношенной основой, но они создавали в комнате определенный уют по сравнению с аскетическим убранством остальных помещений монастыря.

Она спала — белое лицо в обрамлении рассыпавшихся по подушке золотистых волос. Подвесная кровать — верх комфорта для Филпа, привыкшего к лежанке в своей келье и давно забывшего о роскоши апартаментов во дворце в Рахабезане, — плавала в метре над полом. Тело девушки было укрыто зеленым одеялом. Болезнь делала ее красоту призрачной, почти нереальной. Афикит выглядела такой хрупкой и беззащитной, что казалось, малейшее дыхание воздуха может навсегда загасить ее жизнь.

— Я установил кровать на такой высоте, метр два сантиметра, поскольку считаю, что она наилучшим образом соответствует звездам, времени года и приливам, — прошептал Оан, чье лицо казалось грубым и почти животным рядом с лицом Афикит.

Каждый раз, когда Филп входил в эту келью, врачеватель обращал внимание Филпа на высоту кровати. И каждый раз она менялась на несколько сантиметров в зависимости от приливов, времени года и расположения звезд.

— Она будет спать долго? — спросил Филп, которого не располагала к терпению перспектива провести трое суток, не видя молодую женщину.

— Не знаю, — признался Нобер Оан. — Циклы ее сна и бодрствования полностью нарушились. Этот вирус — поганая штука! Счастье, что он не передается воздушным путем... Представьте себе эпидемию этой гадости!

Афикит медленно подняла веки. Ее глаза вначале остановились на враче вателе, потом на Филпе. Она слабо улыбнулась.

— Воин Асмусса пришел навестить вас, — прошептал Оан.

Пульс Филпа ускорился. Он подошел к кровати и склонился над молодой женщиной:

— Я не смогу вас навещать в течение трех дней... Утром я начинаю дорыцарскую медитацию. Поэтому не беспокойтесь по поводу моего отсутствия... Я не хотел бы... Не думайте, что я утерял интерес к вашему здоровью... Вы меня понимаете?

Афикит опустила и подняла веки в знак согласия. Она явно предпринимала невероятные усилия, чтобы сохранить ясность мышления. Она открыла рот, чтобы заговорить, но из-за слабости не смогла произнести ни звука. Дыхание ее стало прерывистым, свистящим, а на лбу появились капельки пота.

— Вскоре начнется новый приступ, — сказал Нобер Оан. — Вам надо уходить. Я испробую новое питье, которое может вызвать мощную неконтролируемую реакцию...

В черных глазах Филпа разгоралось жгучее пламя. Врачеватель наблюдал за растерянностью воина с отрешенностью старого мудреца, для которого эмоциональные взрывы, нарушающие спокойствие Кси, были смутными и безопасными воспоминаниями далекого, почти умершего прошлого. Он избрал путь безбрачия и воздержания, чтобы телом и душой отдать себя искусству врачевания. И если вначале, когда был в расцвете сил, его решение вызывало некоторые сожаления и боль в сердце и требовало воли, чтобы не сойти с избранного пути, то теперь, в преддверии старости, в его душе воцарился мир — так свинец чудесным путем превращается в золото в легендах, которые дошли до нас из донафлинских времен. Его счастье было бы полным, не будь он хранителем отягчающих совесть секретов, погребенных под фундаментом монастыря. Он никогда никому не со-

общил о том, что случайно открыл в мрачных подземельях и склепах, устроенных в фундаментах зданий. Он постарался забыть об ужасных видениях, но они постоянно мучили его. Лоншу Па, его сверстник, человек замечательный, был изгнан, ибо слишком близко подобрался к истине.

Он, Нобер Оан, к истине не приблизился, он столкнулся с ней лицом к лицу, и она так устрашила его, что он предпочел замкнуться в молчании. С этого момента он стал прятаться за броней своего дурного характера, и шипы, которыми топорщился, были самым верным средством сохранить нетронутым свое святилище. Но знал, что не сможет полностью погрузиться в озеро Кси, пока не взломает стены собственной тюрьмы...

— Мне пора уходить, — прошептал Филп. — От всего сердца надеюсь вскоре увидеть вас... Эти трое суток покажутся мне слишком долгими...

Он бросил на Афикит последний горящий взгляд, подавив желание подольше остаться рядом с девушкой, и покинул комнату.

— Я сейчас вернусь, — сказал Оан, вышел и закрыл за собой дверь.

В затуманенном мозгу Афикит возникли неясные мысли. Ежедневные посещения воина трогали ее, и она не пыталась противиться своим чувствам. Мужественные и благородные черты Филпа, темные кудрявые волосы, широкие плечи, могучие руки и низкий голос рождали в ней необоримое желание раскрыться навстречу любви, как волшебный цветок, ибо того требовала ее женская натура. Ей хотелось сгорать в огне его черных глаз, которые ласкали и обжигали. Она впервые ощутила подобное влечение к мужчине, заполонившее ее душу властно и безраздельно, безжалостно вытесняя образ другого мужчины — ее отца.

Окончательная потеря облегана, которую она долго не могла пережить, перестала ее волновать. Напротив, эта вторая кожа стала бы барьером между ней и взглядом Филпа. Она с радостью погрузилась в удовольствие ощущать себя влюбленной. Она забыла обо всем прочем — о смерти отца, о торгах на рынке рабов на Красной Точке, где чужие взгляды заживо сдирали с нее кожу, о вирусе, который отравлял ее кровь. Обреченная на неподвижность в этой мрачной келье, она пользовалась редкими мгновениями передышки между головокружениями и лихорадочным бредом, чтобы исследовать глуби-

ны подспудной чувственности, которую до сих пор подавляла, прятала в подсознании.

Где-то внутри ее антра — звук жизни — продолжала негромко жужжать. Это был все более и более тихий шепот — антра медленно покидала ее. Эфемерное счастье, выплывающее на поверхность, иллюзорное и успокоительное, гасило звуковую вибрацию жизни.

Она заснула до возвращения Нобера Оана. Как всегда, в ее сне появился другой мужчина. Это был... как его звали?.. Да, Тиксу Оти, служащий ГТК, которому она передала антру на Красной Точке. Она сожалела о своем порыве. Она продемонстрировала неприемлемое легкомыслие, подарив ему звук жизни. Нарушила священный характер инициации... Она по шею ушла в черную воду болота, а Тиксу, стоя на берегу, не замечал ее. Она выкрикивала его имя, отчаянно звала его, и вода врывалась в ее рот, в ее ноздри... Но он по-прежнему не видел ее...

Она проснулась в поту, задыхаясь от ужаса. Рядом с кроватью стоял Нобер Оан, чье гротескное лицо кривилось в подобии улыбки. Его узловатые, толстые пальцы сжимали черный пузырек.

Глава 16

Не думай, что змея-лира,
Одеваясь в яркие цвета,
Чтобы обольстить тебя,
Лишается своего смертельного яда:
Именно в этот миг она наиболее опасна.

Максима Второго Кольца Сбарао

Самое худшее и самое лучшее — узы дружбы:
Они делают мутными светлые воды
Интуиции, ведут к неверным решениям.
Что известно об искренности друзей?

Платоновы стансы

Хотя он проснулся необычайно рано, даже раньше Станисласа Нолустрита, который всегда вставал за три часа до него, голова Тиксу была совершенно светлой.

Он застрял на Маркинате, пробыв на планете уже четверо суток. Встревоженный новым призывом Афикит, он вышел из дома пастуха, прикрыв голые плечи шерстяным одея-

лом, и уселся на камень. Ночной холод щипал кожу. Тонкий золотистый серп Песчаного Ветра, последней луны Маркината, бросал оранжевые отсветы на темно-синее, безоблачное небо, усыпанное звездами.

Мирная тишина окутывала Загривок Маркизы, отбрасывающий огромную тень на предгорья. Дуптинат был погружен в бездну мрака, в котором сверкали отдельные яркие огни.

Антра внезапно всплыла на поверхность. Душа Тиксу жадно слилась с ней, словно звук жизни вдруг стал ему необходим. Оранжанин опасался появления зависимости, но интуитивно ощущал, что нуждается в очистительном воздействии звука.

Он вновь пережил несколько мгновений из раннего детства. Услышал приглушенный голос матери, рассказывающей об отце, которого он не знал. Она нежно обнимала его, прятала его голову на своей груди. Ее длинные волосы цвета янтаря щекотали его круглые щеки. Он вместе с ней бродил по оживленным улицам Фосиля. С восхищением смотрел на прилавки с разноцветными игрушками: Мать купила ему электронную головоломку, которая долгое время занимала его. Они сидели рядом на скамейке в одном из парков города. Его коротенькие беспокойные ножки висели в пустоте. Он болтал ими, а она смеялась, легонько шлепала его по бедрам и посматривала на него, глядя, как он ест мороженое, такое сладкое, что оно даже вызывало тошноту. Мать казалась ему далекой, но прекрасной и желанной. Его вдруг охватил стыд за подобное желание, ибо он понял, что оно не было чувством ребенка. Он разозлился на отца-призрака, труса, удравшего в опасную и колдовскую страну, которую называли Смертью.

Вечером мать отвела его к дяде, а сама на такси отправилась навестить подругу в соседнем городе Вирсавия. Ночью тетя бесцеремонно разбудила его. Шесть Звезд сверкали необычным красным светом, словно источали небесную кровь. Тиксу подвели к кровати, на которой лежала его мать со скрещенными на груди руками. Она не двигалась и не дышала. Ничего не понимая, он глядел на ее белое, спокойное лицо в ореоле янтарных волос. Она оставила его в одиночестве в мире живых. Ему сказали, что такси разбилось, а она отправилась на встречу с отцом в волшебное королевство Смерти. Он спросил, что такого притягательного в этой стране, чтобы бросить его, мальчугана, здесь, ведь она всегда повторяла, что любила сына больше всего на свете и не хотела с ним расставаться. Мать, как и другие, солгала ему. Он плакал, не понимая, почему из его покрасневших глаз льются сле-

зы, но горячие ручейки на щеках согревали и приносили облечение. Тетя прижала его к груди, как когда-то мать, но он ощутил холод в ее безразличном жесте, больше похожем на карикатуру любви...

— Вы стали ранней пташкой, Било!

Обнаженный, покрытый густым волосом, Станислас, воздев руки над взъерошенной головой, потягивался в проеме двери. Его низкий голос разбудил нескольких животных, лежавших у каменной изгороди. Они вскочили, встряхнулись — по их черной шерсти пробежали волны, — готовясь броситься в бегство или атаковать.

Внезапно возвращенный на землю, Тиксу ощутил, что по его щекам текут слезы. Он быстро вытер их обратной стороной ладони и прикрыл лицо одеялом, чтобы скрыть смущение.

Пастух подошел к нему, показал на звезды и произнес:

— Поглядите на небо. Видите эту звезду? Справа от Песчаного Ветра... Это вы! Эта звезда похожа на вас. Она вскоре покинет небо, как вы покинете мою жизнь. За ней гонятся силы мрака, как за вами гонится смерть. Звезда должна ярко блестеть, чтобы ее не поглотила ночь. Вы должны доказать свое величайшее желание жить, чтобы вас не скосила коса смерти. Ее судьба, как и ваша, полностью зависит от энергии, которой она располагает... Било, достаточно ли сильно ваше желание выжить, чтобы обойти все ловушки Жницы?

Тиксу не успел ответить, как Станислас громко расхохотался:

— Клянусь всей своей скотиной, что надоел своими бреднями! Пошли. Надо искупаться. Вода освежит тела и головы. Вчера вы не купались.

— Вода для меня слишком холодна, — отмахнулся Тиксу.

Оранжанин, зябкий по натуре, поражался тому, что пастух совершенно не чувствует холода.

— Вода вовсе не холодная! — воскликнул Станислас. — Она просто насытилась духом ночи... Пошли!.. После купания почувствуете себя лучше.

Он вернулся в дом, через несколько секунд вышел в длинной шерстяной тунике и направился в сторону речки. Преодолев колебания, Тиксу двинулся вслед за ним, еще плотнее укутавшись в одеяло. Его ступни давили ледяные капли росы, колоившие кожу словно гвоздики. Бледные блики света плясали на вершинах гор.

Речка неслась по склону в обрамлении серебристых сосен. Ее вспененные воды с ревом ударялись о скалы, разрывая тишь зари. Тропинка сузилась и вышла к бухточке, защищенной огромной скалой, где течение было не таким сильным. Станислас через голову сбросил тунику и нырнул. Тиксу скинул одеяло с плеч и пальцами ноги попробовал воду. Его кожа ощутила прохладу утра, по ней побежали мурашки.

— Идите сюда! — крикнул пастух. — Вода чудесна! Ведите себя как с женщинами!.. Отбросьте робость, ныряйте!

Но Тиксу, дрожа от холода, охватил себя руками за плечи и отказался идти дальше. Станислас приблизился и окатил его водой. Тысячи ледяных иголок вонзились в кожу оранжанина, и ему не оставалось ничего другого, как окунуться в прозрачную воду речушки.

Когда они через четверть часа вылезли на берег, Тиксу признал, что насильственное купание освежило его, хотя он не полностью освободился от запаха скота, пропитавшего кожу и волосы и по-прежнему щекотавшего ноздри. Тиксу насухо вытерся одеялом.

— Стани, я должен уйти...

— Я знал это с самого начала, — печально улыбнулся пастух. Его черная борода сверкала радужными каплями. — Небо никогда меня не обманывало... Я буду сожалеть о вас, мне нравилась ваша компания... Но вы выбрали неудачный день: сегодня начинаются празднества в честь коронации нового императора.

— У меня больше нет времени ждать, — перебил его Тиксу, который обращался к себе, а не к собеседнику. — У меня нет времени... Я решил рискнуть всем... Так или иначе я найду способ улететь. Сегодня открываются агентства путешествий. Но что бы ни случилось, я к вам не вернусь.

Станислас замер в задумчивости на берегу речушки. На его тунике проступили темные пятна. Утренний ветер играл его влажными волосами.

— Когда проявляешь такую решительность, как вы, небеса идут навстречу... Кстати, именно потому, что звезды предупредили меня о вашем уходе, я заставил вас искупаться! Это святая вода! Еще никому не удалось отыскать ее источника, а причина проста: эта речушка течет прямо из уст Димуты Благодетельницы, богини вод. Ее очищающие свойства позволяют на время отгонять тех, кто исполняет волю Брухара, демона небытия. В ближайшие дни вам понадобится помощь Димуты... Кстати, а каково ваше настоящее имя?

Тиксу посмотрел на Станисласа. Подозрительность исчезла из серо-синих глаз оранжанина.

— Тиксу Оти с Оранжа. Но постарайтесь забыть мое имя, Стани! Если ментальные инквизиторы проникнут в ваши мысли, вы рискуете нарваться на большие неприятности!

— Я каждый день купаюсь в этой воде! — воскликнул пастух. — Что плохого может со мной случиться?

Какой бы упрощенной и наивной ни казалась его вера, Тиксу ощутил, что Станислас говорит правду и находится под защитой.

— Благодарю за все, что вы сделали для меня... Что касается денег, которые я потратил, боюсь...

— Опять за свое! — заворчал пастух. — Еще одно слово, и я брошу вас в воду! Вы кончите тем, что оскорбите меня этой историей с деньгами!.. Инстинкт подсказывает мне, что в вас есть частичка божественного, частичка, о которой я ничего не знаю, но значительность которой я предугадываю. Неужели вы думаете, что божественное начало можно купить за горстку маркинатских дукинов? Лучше буду считать, что моя скромная жертва очистит меня от некоторых грехов, а их у меня немало!.. И если вы встретите непреодолимые препятствия, знайте, что всегда найдете приют в моем скромном жилище...

Через час, после завтрака в честь Серебряного Короля, Тиксу расстался с пастухом, который вручил ему сто дукинов, сказав на прощание: «Только не вздумайте отказываться!» Горячая мозолистая ладонь Станисласа долго сжимала руку оранжанина. Чувства, охватившие их обоих, не требовали слов.

Тиксу быстро добрался до пригорода Дуптината. Серебряный Король начал свой долгий путь в небе, окрашивая облака и туман серебристым цветом. Тиксу услышал далекую печальную песню Станисласа, которая эхом отражалась от холмов. Ему не надо было знать слов, чтобы понять — пастух пел о дружбе и печали.

Несмотря на раннее утро, в Дуптинате царило оживление. Под незаметным, но строгим надзором полицейских в синих мундирах и притивов в серой форме плотная толпа людей в разноцветных одеждах заполняла улицы и площади маркинатской столицы.

Автобусы были набиты пассажирами, которые втискивались в салон на каждой остановке. Тиксу несколько раз едва не задохнулся. Дуптинатцы участвовали в празднике с нарочитым рвением, поскольку боялись жестоких репрессий со сто-

роны новых хозяев, обладающих опасными психическими способностями. Никто не мог избежать ментальной инквизиции, никто не показывал виду, что не согласен или просто равнодушен к происходящему, чтобы не привлечь внимания скаитов или крейциан. И жители города надели праздничные наряды, припудрились, загримировались, словно принимали участие в одном из многочисленных местных карнавалов.

Автобус пролетал над фонарями, бросавшими фосфоресцирующие блики на серо-синие крыши домов. Тиксу вылез на площади Жачаи-Вортлинг, запруженной народом. В центре ее все еще высился огненный крест, на котором агонизировала дама Армина, а рядом стоял огромный черный шар головидения. Его установили на эстраде, затянутой сиракузской живой тканью. Время для праздника было довольно ранним, но по экрану бежал текст на нафле, который разъяснял маркинатянам, что императорские астрономы учли разницу планетарных времен и каждая планета-вассал новой империи увидит прямой репортаж о коронации Менати Анга.

Тиксу, работая плечами и локтями, пробился сквозь многоцветную толпу до огненного креста. Дуптинатцы уже свыклись с чудовищными прозрачными колесами Церкви Крейца и перестали интересоваться участью бывшей супруги сеньора Абаски. Они выбрасывали из памяти еще свежие образы прошлого, приноравливаясь к новой ситуации с удивительной легкостью и лицемерием. Страх еще больше ограничил их внутренний мир.

Дама Армина уже умерла, изуродованное лицо выражало не муку, а умиротворение. Чувство сострадания к этой женщине, которую он не знал, но муки которой ощущал всей своей плотью, охватило Тиксу. От крейцианского духовенства, которому помогали ментальные инквизиторы, не стоило ждать сострадания. Отныне оно могло свободно исповедовать свою слепую веру и проявлять фанатическую ярость в репрессиях. Церковь выставляла на каждом углу тела еретиков, подвергнутых пыткам, чьим единственным заблуждением было то, что они верили в иные проявления божественности. Она заставляла людей платить за собственный страх и собственное пренебрежение к чувствам. Тиксу вдруг вспомнил о миссионере с Двусезонья, облаченном в грязный и рваный шафрановый облеган, о его смешном пророческом пафосе, вызывавшем веселье в таверне «Три Брата».

Над толпой пронесся ропот. Пятидесятиметровый экран наполнился бело-золотым светом. Из динамиков донеслись первые такты амплифонического гимна. Из тысяч глоток

вырвался вопль восхищения, когда весь экран заполнило голографическое изображение нового императорского дворца в Венисии. Роскошь и вычурность здания в стиле барокко поразили дуптинатцев, привыкших к функциональной аскетической архитектуре и вдруг осознавших ее убогость и отсутствие элегантности. Они восхищались многочисленными белыми башенками с округлыми крышами, покрытыми тонким слоем розового опталия, голубоватым главным фасадом с сотнями мерцающих светоскульптур, высокими боковыми стенами, украшенными картинами с геометрическими меняющимися узорами, оранжевой травой и аллеями парка, уложенными белыми плитами, гигантскими прозрачными пальминами, обступавшими крыльцо из яшмы и бирюзы... Для большинства дуптинатцев, собравшихся ранним утром на площади Жачаи-Вортлинг и в других частях города, это был первый контакт с сиракузской цивилизацией. Они были околдованы, поражены, покорены.

Чудеса, показанные на экране, вдруг заставили их забыть об ужасах оккупации родной планеты этими же сиракузянами и их союзниками. Они делились впечатлениями о дворце, о сверкающих скульптурах, о ширине ступеней огромной главной лестницы, об овальных, круглых или шестиугольных бассейнах из пурпурного или золотого дерева, об узорах на мраморных колоннах, о фонтанах и струях воды, извергаемых глотками чудищ из белого опталия...

Тиксу поразило, как быстро были обольщены маркинатяне, как умело их околдовали новые хозяева, которых еще несколько минут назад они были готовы отдать на съедение десяткам тысяч дьяволов и демонов из легенд и культов своих многочисленных религий.

Восхищение достигло апогея, когда на обширном крыльце дворца появился императорский кортеж. В первом ряду шествовал Барофиль Двадцать Четвертый, муффий Церкви Крейца, чей титул огненными буквами возник на экране. Муффий, сморщенный старикашка, был едва виден из-под лилового облачения, почти полностью скрывавшего гранатовый облеган. На его головке сидела тиара, усыпанная древними кроваво-красными рубинами. Он опирался на священный посох Непогрешимого Пастыря из позолоченного опталия, символ предводителя народов, собирателя душ, верховного представителя Крейца на земле. Его сопровождали стройные ряды пурпурно-лиловых кардиналов и главных иерархов Церкви, за которыми появилась черная, мрачная толпа высших викариев епископского дворца, бело-

золотые когорты епископов миссий и, наконец, серо-синяя туча экономов, послушников и детишек-хористов. Дуптинатцы, подавленные размерами экрана, открыто восхищались этой Церковью, их завораживало разноцветье религиозных одежд, по сравнению с которыми одеяния их собственных жрецов выглядели унылыми и бедными. Они уже не замечали огненного креста, который превратил вдову их покойного суверена в отвратительную массу горелой плоти.

Камера переместилась на кортеж придворных, построенных по их важности при дворе и древности семейств. Элегантность и утонченность в подборе цветов, роскошные ткани вызвали у дуптинатцев всплеск аплодисментов. Сверкающие драгоценности, роскошные одеяния, торжественное выражение напудренных лиц, обрамленных локонами, почти воздушная сдержанная походка господ и дам венисианского двора подавляли воображение бедных маркинатян. Тиксу подумал, как губительно это зрелище действовало и на остальные народы вселенной.

За придворными следовали плотные ряды скаитов, сгруппированные по функциям и цвету бурнусов: бело-красные мыслехранители, черные инквизиторы Церкви, ярко-зеленые чтецы. Капюшоны, опущенные на лица, скрывали черты скаитов. Каждую группу отделяли от другой плотные ряды полицейских и наемников-притивов, чьи белые неподвижные маски создавали странное впечатление, что идет один и тот же человек, размноженный до бесконечности. Дрожь страха пробежала по площади Жачаи-Вортлинг: маркинатяне уже успели познакомиться с опасными способностями скаитов и жестокостью безжалостных притивов.

Кортеж, который торжественно направлялся из императорского палаццо к епископскому дворцу, замыкала гравитационная платформа, окруженная личной охраной из тщательно отобранных притивов в черных комбинезонах и масках. На платформе стояли скаит Паминкс, великий коннетабль империи, в синем бурнусе, и император Менати Анг, второй сын сеньора Аргетти Анга и брат недавно скончавшегося сеньора Ранти. Представители самых знатных семей, которые некогда опрокинули Планетарный Комитет, несли неимоверно длинный шлейф бело-золотой мантии императора. Редчайшие камни усыпали его темно-синий облеган — лоскут ночного звездного неба. На голове императора возлежала белая водяная корона. Едва заметными движениями руки он приветствовал толпы сиракузян, застывших за невидимыми магнитными барьерами. Сосед-

ка Тиксу громогласно заявила, что царственное лицо Менати, хотя квадратное и грубое, было воплощением императорской воли.

Вторая сочла, что длинная прядь, ниспадавшая от виска до подбородка, придавала ему утонченный и мужественный вид.

Черные глаза Анга, показанные крупным планом, сверкали триумфом, а его тонкие карминовые губы растягивала удовлетворенная хищная улыбка.

Тиксу решил, что насмотрелся торжеств, и решил уйти до начала бесконечных официальных речей. Этот тщательно поставленный и разыгранный спектакль показался ему оскорбительным и неуместным перед трупом дамы Армины Вортлинг. К тому же, следя за передачей, он терял драгоценное время.

Он с трудом выбрался из плотной толпы. Зрители бросали на него ненавидящие, злобные взгляды. Он углубился в первый же проулок. Повсюду, на каждом перекрестке, на каждой площади, стояли экраны больших или меньших размеров. И повсюду толпились загипнотизированные зрелищем люди, чьи глаза не отрывались от экранов. Все стояли неподвижно, покорно задрав головы, словно Дуптинат в эти мгновения населяли призраки.

Он вышел на широкую улицу, усаженную деревьями, и машинально двинулся вперед, не разбирая дороги. Пора было приступать к поиску агентства путешествий. Сотни дукинов было мало, чтобы купить пересылку, но он знал, что сумеет найти столь же убедительные доводы, как и те, которыми воспользовалась Афикит в агентстве на Двусезонье. Он был почти уверен, что склонит на свою сторону служащего агентства.

Его остановил женский голос:

— Тиксу!.. Тиксу Оти! Ну и ну!.. Эй, Тиксу!

Он обернулся. Тиксу не сразу узнал Бабсе, свою приятельницу и любовницу во время стажировки ГКТ на Урссе. Но ему не понадобилось долго ее рассматривать, чтобы понять: незрелый, кислый фрукт, каким она была с ее пухлыми и твердыми щеками и девичьей фигурой, перезрел. Она высохла, сжалась, обрезала длинные каштановые волосы. Сейчас они стали черными и торчали, как щетина, от чего лицо ее приобрело жесткость. И хотя на ней был элегантный иссигорийский костюм, белые пиджак и юбка с разрезом, юношеская грация исчезла. В карих, некогда подвижных сверкающих глазах даже не осталось искорки веселой хитрецы, которая превращала ее в приятную подружку.

Оказавшись рядом, она робко улыбнулась:

— Такой же красноречивый!.. Ну скажи хоть что-нибудь!.. Ты меня не узнаешь?

Даже голос ее утерял намеренную резкость, над которой Тиксу посмеивался во время стажировки. Теперь в нем звучали жестокие нотки. Но больше всего Тиксу поразило, что внезапное и с виду случайное появление Бабсе странным образом совпало с воспоминаниями, которые антра подняла на поверхность сознания. Словно звук жизни подготовил его к этой встрече.

— Привет, Бабсе! — наконец произнес Тиксу, опомнившись. — Что ты здесь делаешь?

— Скорее я должна задать тебе этот вопрос! — агрессивно ответила она. — Если я здесь, то по той причине, что руковожу агентством в Дуптинате.

— Тебя перевели на Маркинат... Похоже, дела у тебя идут хорошо...

Но даже пытаясь воссоздать атмосферу Урсса, Тиксу не испытывал ничего, кроме равнодушия, и не понимал, что когда-то могло тянуть его к Бабсе.

— Неплохо. Здесь, в Дуптинате, дела идут нормально. Я практически заполучила всю транзитную клиентуру деловых людей сектора. Кстати, мне надо в агентство: универсальный час открытия агентств Великого Востока... Сам знаешь, Компания не любит опозданий. Дирекция решила, что открытие произойдет, как только отменят декрет о реквизиции... Хотя вряд ли в день коронации можно ожидать наплыва клиентов.

Тиксу подумал, что, быть может, нашел решение своей проблемы.

— Если хочешь, я провожу тебя, — предложил он.

— Отличная мысль! Покажу тебе агентство. Потом можно будет потрепаться о добрых старых временах. Шесть стандартных лет — срок немалый. Надеюсь, скоро меня переведут в другое место. Дуптинат мне порядком надоел. Люди симпатичные, но пустышки, если понимаешь, что я имею в виду... Чужаки, как говорят сиракузяне. Кстати, я подала просьбу о переводе в Венисию. Именно там все происходит. Но особо в это не верю, я слишком молода, чтобы занимать в Компании лучшие посты.

Они, болтая о пустяках, быстрым шагом направились в сторону агентства ГКТ, расположенного неподалеку. Он узнал, что она едва не вышла замуж за крупного торговца с Оранжа — «Это был бы мой второй оранжанин!». Но в последний момент отказалась от брака, который мог помешать продвижению по служебной лестнице в Компании. «Сам знаешь, как дирек-

ция относится к тем, у кого есть иная семья, кроме ГТК». Тиксу также узнал все о коммерческой стратегии Бабсе, почему и как ей удалось отобрать клиентуру у других компаний. «А как выходишь из положения ты?» Говорила она и о постоянных стычках с дирекцией: «Они не очень любят инвестировать в новейшее оборудование, сам знаешь, что прибывать на другую планету голым не очень приятно! Контора теряет в престиже, не так ли?» На вопросы Тиксу отвечал уклончиво, что только подогревало ее любопытство. Он и сейчас попытался уйти от прямого ответа, сославшись на внезапное посещение Маркината, этап по пути на Оранж, где собирался навестить своего дядю и опекуна, который серьезно заболел.

— С помощью частного деремата... Было слишком долго идти по иерархическому пути Компании...

— Твое дело, — пробормотала она скептически. — Твой приятель, имеющий деремат, либо имеет хорошую лапу, либо не от мира сего! Все частные машины были конфискованы. Что касается машин компаний, они теперь все подключены к центральному мемодиску, размещенному в главном офисе в Венисии... Потому и резко снизился поток клиентуры. А как на Двусезонье?

— То же... самое, — пробормотал Тиксу.

— Странные эти типы скаиты. От них ничего нельзя утаить. Быть может, лучше стать их союзниками, как думаешь?

Тиксу сменил тему. Он заговорил о климате Двусезонья, о непрекращающемся дожде, о речных ящерицах, о садумба, о лесной чащобе, о таверне «Три Брата».

Они подошли к агентству. Голубоватое потрескивающее поле магнитных ставней и яркая голографическая вывеска из трех букв «ГТК» выделяли обычное серое здание среди других. Бабсе вдруг остановилась у пульта распознания ДНК, закрепленного на стойке витрины, и поглядела прямо в глаза Тиксу.

— Ну, ладно, хватит врать и принимать меня за идиотку! — сухо бросила она. — Для перехода с Двусезонья на Оранж Маркинат в качестве промежуточного этапа не подходит! Слишком большой крюк. Представь себе, Тиксу Оти, что при расставании после стажировки я изучила голографическую карту, чтобы узнать, где находится это треклятое Двусезонье. У тебя выбор: или ты мне доверяешь и рассказываешь все, или уходишь ни с чем!

Тиксу понял, что может распрощаться с надеждой улететь с планеты, если будет упорствовать во лжи, и что лучше подыграть иссигорянке.

— Слишком долго все объяснять, Бабсе. Короче говоря... я бросил агентство. Сюда попал случайно, и у меня мало денег, чтобы оплатить новый перелет... Однако мне обязательно надо улететь! Это очень важно...

Бабсе окинула его скептическим взглядом. Тиксу показалось, что его признание выглядело в глазах иссигорянки еще большей ложью.

— Ты бросил Компанию? — недоверчиво воскликнула она. — Вот так, без предупреждения?.. Ты либо сошел с ума, либо не отдаешь себе отчета в содеянном, либо то и другое вместе! Ты представляешь, что такое иметь за спиной ринса? Он тебя не упустит. Ему передадут твои клеточные координаты. Будь уверен, он тебя отыщет и, если надо, приволочет на суд за задницу... Даже если спрячешься на задворках вселенной...

Она говорила как идеально ангажированная служащая, как настоящий солдат.

— Возможно, но у меня нет выбора, — сказал Тиксу. — Ты можешь... мне помочь?

Она нервно взъерошила короткие волосы:

— Не знаю... Войдем в агентство. Сейчас прозвучит сигнал открытия, и вряд ли это идеальный момент, чтобы привлекать внимание дирекции.

Она сунула пальцы в пульт распознания ДНК. Магнитные ставни исчезли, и дверь сбоку витрины автоматически открылась. Они вошли в агентство в тот самый момент, когда по внутреннему каналу разнесся синтетический голос, возвещающий о начале работы. Дуптинатское агентство состояло из целой анфилады помещений, чистых и скромно меблированных комнат. Никакого сравнения с чудовищно неопрятным агентством на Двусезонье.

— Укройся в углу! — приказала Бабсе. Она была раздражена и нервничала. — Сейчас включатся камеры слежения, и я не хочу, чтобы меня видели вместе с тобой! Я давно согласилась на постоянный видеоконтроль. И поскольку собираюсь двигаться наверх, не хочу, чтобы дирекция думала, что я что-то скрываю. Встань между витриной и дверью. Там мертвый угол.

Тиксу послушно вытянулся у стены. Бабсе уселась за стол, прикусила губу. Лоб ее покрылся морщинами. Оранжанин затаил дыхание, услышав жужжание камер, скрытых в потолке.

Молчание продолжалось несколько долгих минут. Внимание Тиксу сосредоточилось на шорохе источника, на антре. И как несколькими днями ранее в автобусе, он увидел не внешний облик Бабсе, а Бабсе реальную, ту, которая пыталась спря-

таться за оболочкой обычного человека. Он понял, что физическая трансформация молодой женщины, которая сразу из нераскрывшегося бутона превратилась в жухлый цветок, была вызвана ее полным согласием с ценностями Компании. Бабсе пожертвовала своей кипучей энергией, своей молодостью ради ГТК, а Компания, невидимый и всесущий спрут, маня иллюзией карьеры, высасывала из нее жизненные соки. Вот откуда восковой цвет лица, пергаментная кожа, недовольный вид, угасшие глаза, спящие и почти мертвые. Бабсе умирала изнутри. Она сознавала это, но не знала, как выбраться из западни. Такова была участь всех служащих Компании. Таково было возможное объяснение его собственной инертности на Двусезонье. Тиксу понял, что ему повезло, невероятно повезло, когда он случайно встретился с сиракузянкой Афикит.

Бабсе наклонилась и исчезла под столом. Через несколько секунд она появилась вновь.

— Я отключила цепь наблюдения. Смоделировала ее выход из строя... Это дает нам четверть часа. Автоматы проверки включаются через десять минут после прерывания передачи. Говори быстрее — куда тебе надо?

Тиксу подошел к столу:

— На Селп Дик.

— На планету Ордена абсуратов?.. Возможно... Проблема в том, что каждый перенос автоматически регистрируется в главном офисе, а его координаты немедленно передаются на центральный мемодиск полиции на Сиракузе. Более того, если деньги за путешествие не переводятся на банковский счет Компании немедленно, подключаются ринсы... Это не так просто! Что можешь предложить?

— Остается одно решение: симулировать поступление денег на счет... Бюро контроля среагирует через сутки. За это время можно придумать вполне достоверную историю... Я уже погорел: можешь сказать, что я тебе угрожал...

— Да, это может сойти, — проворчала иссигорянка, скривившись. — Я уже об этом подумала...

Тиксу склонился над столом и поглядел прямо в глаза Бабсе:

— Ты можешь сделать это для меня?

Молодая женщина смущенно отвела взгляд и задумалась.

— Боже, ты по-прежнему туп! — вдруг взорвалась она. — Я только что тебе сказала — машины под контролем полиции! Конторе разрешили их использовать при единственном условии, что полные координаты переноса — имя пассажира,

контроль ДНК, место прибытия — немедленно передаются в управление полиции!

— Сообщи им ложные координаты, — предложил Тиксу.

— Легко сказать! Ты перешел на другую сторону! Ты — ренегат... Видел огненные кресты? Их все больше в Дуптинате. Представь себе, у меня нет никакого желания поджариваться в этом публичном гриле! А именно это ждет меня, если они дознаются, что я тайно помогла кому-то перебраться на планету абсуратов. Более того, если этот кто-то служащий Компании, с которым я была на стажировке! Не знаю и не хочу знать, что заставило тебя зарыться в такую кучу дерьма, но не сомневаюсь, причины были вполне веские... Не так ли?

— Понимаю тебя, Бабсе, — разочарованно пробормотал Тиксу. — Если не хочешь портить карьеру, лучше оставаться в стороне... Хочу только тебя успокоить в одном: огненные кресты предназначены для еретиков...

Воцарилось тягостное молчание. Глаза Бабсе перелетали из одного угла агентства в другой, словно попавшие в ловушку бабочки. Тиксу понял, что от нее нечего больше ждать и что он сказал больше, чем следовало. Она перешла точку возврата, стала клоном ГТК, тем, кто ставит интересы Компании выше чувств. И удивился, когда услышал:

— Сейчас заработают проверочные цепи, и мне придется включить камеры. Я не могу симулировать вторую аварию сразу после первой. Это вызовет подозрения. И ты не можешь оставаться здесь. В любой момент могут появиться клиенты. Вот что мы сделаем: погуляй по городу и возвращайся во второй половине дня. Я устрою новую аварию... и отправлю тебя на Селп Дик. А тем временем попытаюсь найти тебе подходящую личность в картотеке клиентов... Встреча в двадцать девять часов локального времени. А теперь уходи, пока я не пожалела о собственной глупости!

Тиксу посмотрел на иссигорянку, чьи бегающие глаза выдавали яростную внутреннюю борьбу, но не угадал ее исхода. Она была слишком близка с ним в прошлом: он ее целовал, он ее ласкал, он обладал ею. Воспоминания еще не совсем стерлись, запахи, ощущения переплетались, мешали разобраться в ней, перегораживали тропу интуиции. Он пребывал в сомнении, но решил довериться Бабсе, которая когда-то скрасила его одиночество на Урссе, планете с ледяным климатом.

— Спасибо, Баб, до скорого, — сказал он.

— Ладно... Не забудь — в двадцать девять часов локального времени.

Большую часть утра Тиксу переходил от одной группы зевак к другой. Люди не отрывались от экранов, наблюдая за становлением новой империи.

Дуптинат был парализован, загипнотизирован голографическими изображениями. Маркинатяне слушали бесконечные речи новых руководителей империи, их сладкие слова о наступлении золотого века, эры процветания и мира, каких еще не было в истории, если, конечно, народы бывшей Конфедерации, этой консервативной и несправедливой организации, быстро поймут, в чем состоит их интерес.

Муффий произнес яростную бранную речь, в которой угрожал анафемой всем врагам религии. Истинное Слово не могло мириться ни с какой схизмой, ни с каким отклонением, ни с каким неверием, ни с какой ересью. Представителям Крейца на других мирах предлагалось безжалостно карать нечестивцев, неверующих, отступников и прочих язычников...

Оранжанин столкнулся с патрулем полицейских и притивов, готовых в любой момент выпустить свои диски. Все его внутренности сжались, но антра, бдительная змея, тут же развернула свои звуковые кольца, изгнала страх и восстановила спокойствие в его душе.

Он проголодался и едва уговорил уличного торговца продать ему немного еды. Тот с неудовольствием оторвался от экрана и бросил ему три недожаренные галеты, а потом снова углубился в созерцание экрана.

Серебряный Король поднялся в зенит, а Огненный Конь, его рыжий, пылающий наследник, уже бросал с горизонта огненные стрелы. Настенные часы пробили двадцать восемь раз. Тиксу направился обратно к агентству. Автобусы приземлялись и улетали пустыми с пустых станций.

По мере приближения Тиксу к агентству ГТК его внутренний голос все настойчивее требовал, чтобы он повернул обратно. Но оранжанин безжалостно подавлял его: он не видел иного решения, чем предложенное Бабсе. Он так стремился как можно скорее оказаться на Селп Дике, что категорически не желал отказываться от единственного шанса. Словно предчувствовал, что новая отсрочка окончательно и бесповоротно разрушит последние, зыбкие надежды на встречу с Афикит. Улочки, прилегающие к бульвару, где находилось агентство, были почти пустыми.

Внутренний голос вновь проявился, словно сирена, которая начинает звучать при тревоге и срывается на рев, когда опасность становится явной. Тиксу снова подавил его, но

шаг замедлил. Улицы вдруг показались ему совсем не такими пустыми, как раньше. Он ощутил невидимое угрожающее присутствие. Пульс и дыхание его ускорились.

Внутренний голос приказал: стой!

На этот раз он подчинился и прижался к серой шершавой стене здания. Отсюда он видел часть бульвара с куполом агентства. Он замер в нерешительности и машинально закрыл глаза. Антра мгновенно изгнала все посторонние мысли. Сигнал тревоги звучал во всем его теле — паника подмывала открыть глаза и броситься в бегство, но он подавил безумное искушение. Тело умоляло о бегстве, но антра держала на месте. И он вдруг словно раздвоился, какая-то часть его отделилась от тела.

В его святилище безмолвия возникли удивительно четкие образы. Он оказался внутри агентства, хотя тело оставалось на улице. Иссигорянка сидела за черным столом. Ее внешнее спокойствие никак не вязалось с частыми беглыми взглядами на существо в ярко-зеленом бурнусе, замершее между дверью и витриной в том самом месте, где несколько часов назад стоял Тиксу. Голову скаита скрывал просторный капюшон.

Словно самонаводящаяся камера, Тиксу проскользнул в другую комнату и обнаружил прячущихся за дверью притивов. Он слышал шумное дыхание Бабсе, стук ее пальцев по столешнице, шелест бедер, поскольку она то и дело скрещивала ноги... Молодая женщина все больше нервничала, поглядывая на часы и обращаясь к скаиту-чтецу:

— Он должен вот-вот появиться...

Из-под капюшона донесся металлический голос:

— Вы уверены? В таком случае мне непонятно, почему я не могу засечь его присутствие... Однако вы мне не солгали. Странно! Быть может, во всем этом присутствует колдовство.

— Возможно, — прошептала Бабсе. Ей было не по себе. — Он хочет отправиться на Селп Дик, к рыцарям-абсуратам.

— Этим гнусным еретикам уготована участь, которую они заслужили, — бесстрастно произнес скаит. — Если информация подтвердится, ваш шанс быть переведенной на Венисию появится раньше, чем вы думаете.

Бабсе усмехнулась, усмешка ее была одновременно удовлетворенной и горькой, но в ее карих глазах зажглись огоньки отчаяния.

Где-то рядом с Тиксу раздался металлический скрежет. Он тут же вернулся на улицу. Открыл глаза и увидел сверкающие направляющие дискомета, который направлял на него

притив, стоявший метрах в двадцати. Кровь оранжанина мгновенно насытилась адреналином. Из-под белой маски раздался гнусавый голос:

— Не двигаться!

Тиксу быстро огляделся. Ближайший перекресток находился метрах в десяти на углу здания, к которому он прижимался. Остальные наемники, услышав крик, выбегали из соседних улочек. Редкие прохожие, оказавшиеся в гуще событий, застыли на месте. Тиски сжимались. Тиксу задержал дыхание. Он дал наемникам возможность подойти ближе, потом внезапно бросился к перекрестку, свернул за угол и исчез в ближайшем проходе справа. Диск ударился о стену, срезал серую известку и, звеня, упал к ногам перепуганного прохожего. Тиксу не стал оглядываться, пробежал по короткому проходу и углубился в змеистую улочку. Он слышал крики и топот ног преследователей. Оттолкнул нескольких прохожих, прорвался сквозь толпу у экрана. Поворачивал направо, налево, снова направо, пока не выбился из сил и не остановился, чтобы перевести дыхание, под навесом магазинчика, в витрине которого стояли священные фигурки и предметы традиционных маркинатских культов. Он вдруг сообразил, что отчаянное бегство привело его на улицу Священных Ювелиров.

Кровь громко колотилась в висках, но он нашел в себе силы прислушаться — и не услышал никакого шума. Тиксу решил, что сумел оторваться от притивов. Но не знал, что те сознательно отказались от погони по лабиринту извилистых улочек Дуптината. Наемники не спешили: они передали обонятельные координаты зонду-автомату и двинулись по его следу. Сыщик-нюхач двигался неторопливо, но никогда не ошибался. Притивы знали, что черное гудящее блюдечко, летящее в метре над землей, будет идти по следу беглеца и обязательно выведет их к добыче.

Тиксу заметил мастерскую Жеофо Анидола. Ставни были открыты, хотя магазинчик не работал. Бывший корреспондент Лоншу Па вернулся домой раньше обычного. Оранжанин не стал колебаться. Он решительным шагом пересек улицу, подошел к двери и нажал на ручку. Дверь открылась, и он бесшумно проник в темный коридор дома. Массивная деревянная дверь со скрипом закрылась. Издали донесся женский голос:

— Это вы, Жоаб-Ти?

Тиксу двинулся по темному коридору, пропитанному горькими запахами расплавленного метала и воска. И оказался в застекленной пристройке-мастерской. В глубине, че-

рез большое окно виднелся внутренний дворик и белая стена. Дневной свет врывался в помещение через толстые витражи.

В центре помещения, среди множества статуэток и ювелирных изделий возились две женщины. Они следили за работой робота-пылесоса, программируя его с помощью консоли, укрепленной на стене. Женщины не выглядели красивыми: коротконогие толстушки с круглыми лицами и волосами, собранными в шиньон на затылке. У них был суровый вид, который подчеркивали грубые одежды, скроенные из одного куска накрахмаленной ткани.

Они заметили присутствие Тиксу, когда одна из них, ведомая внезапным предчувствием, подняла голову и увидела незнакомца в дверном проеме. Ее светлые глаза округлились от ужаса. Она отступила на три шага и запуталась в шлангах робота, который вдруг зашипел, как легендарная гидра. Вторая женщина также испугалась. Однако они сумели выговорить:

— Кто... кто вы такой?

— Вы знаете ювелира Жеофо Анидола? — громко спросил оранжанин, перекрывая рев автомата.

— А что? Что вы от него хотите? — агрессивно спросила одна из женщин. — И вообще, к людям не входят без приглашения!

Тиксу улыбнулся. Собеседниц нельзя было пугать: сейчас малейший сквозняк мог лишить их способности рассуждать.

— Прошу вас простить меня. Я звонил, но вы, наверное, не слышали, — спокойно разъяснил он. — Я хотел бы поговорить с Жеофо Анидолом. У меня очень важное и спешное дело.

— Мы его дочери, — ответила одна из женщин, и ее лицо еще больше омрачилось. — Вы пришли слишком поздно, отца арестовали сегодня утром эти...

Презрительная усмешка исчезла с ее лица. Она вдруг сообразила, что открывает свои чувства незнакомцу, чьих намерений не знала.

— ...эти люди в белых масках. Утром после возвращения из ежемесячного посещения провинциальных мастерских...

Вторая женщина выбралась из шлангов робота. Рев немедленно прекратился.

— Папа едва сошел с утреннего автобуса, как они взяли его. — Она с трудом сдерживала слезы. — И сейчас мы не знаем, что с ним... Почему вы хотели его видеть?

Арест ювелира на мгновение обескуражил Тиксу. Но объяснял мрачную атмосферу, царившую в доме, и нервное состояние его дочерей.

— Я хотел передать ему привет от старого друга, — сказал оранжанин. — Быть может, он вам известен? Его зовут Лоншу Па.

Женщины переглянулись.

— Рыцарь?.. — пробормотала женщина постарше.

Тиксу заметил, что тон ее голоса стал более благожелательным, словно она перевела гостя в разряд союзников.

— Да, он самый, рыцарь Ордена абсуратов, — подтвердил Тиксу.

— Мы его не знаем лично, но папа часто говорил о нем, — сказала женщина помоложе. — Он вызывал у него безграничное восхищение. Вы давно с ним встречались?

— Четыре дня назад, на Красной Точке. Он и дал мне ваш адрес... Мне надо немедленно отправиться на Селп Дик, на планету абсуратов, и рыцарь сказал, что у вашего отца есть дерemat... Древний, как он утверждал, но который может сослужить неоценимую службу... У вас машину не реквизировали?

— Вы, наверное, говорите об огромном черном шаре, который пылится на чердаке? Но он уже который год не работает! Когда мы были маленькими, использовали его при игре в прятки.

— Пожалуйста, отведите меня к этой машине, — попросил Тиксу, пытаясь скрыть охватившее его возбуждение. — Время не терпит, а ставка невероятно велика! Арест вашего отца доказывает, что надо спешить! Я специалист по этим машинам. Мне понадобится всего минута, чтобы удостовериться, работает она или нет.

Они снова переглянулись. Каждая ждала согласия другой.

— Пошли. Надо подняться на чердак! Она уже двадцать лет стоит там.

Одна из женщин пробежалась пальцами по клавиатуре. Робот втянул в себя все щупальца.

— Меня зовут Исалика. А ее Софрена. Она моложе меня на три года.

— Если вам не все равно, предпочел бы не называть свое имя. Не из недостатка вежливости. Не хочу, чтобы у вас из-за меня возникли неприятности...

— Мы вас понимаем. Пошли!

Они вскарабкались на чердак по винтовой лестнице, начинающейся в коридоре между магазинчиком и мастерской. Неровные, шатающиеся ступени едва виднелись в полумраке. Дерево протяжно скрипело под их ногами. Тиксу трижды споткнулся, но удержался на ногах, схватившись за перила.

На площадке чердака Исалика протяжно свистнула. Вспыхнула лампа, выхватив из тьмы невероятный хаос, царящий на чердаке: груды поврежденных кукол, антикварную сломанную мебель, тряпки, куски тканей, банки с воском, старые кисти, коробки из-под светящейся эмульсии... Кучи гвоздей, деревянных ящичков усеивали синий палас, вытертый до самой основы. В воздухе висел стойкий запах пыли и плесени. Резкий свет лампы бросал тени на низкие стены и балки, затянутые паутиной.

— Папа хотел, чтобы мы стали ювелирами, но мы не очень одарены, — сказала Софрена.

— Наверное, здесь следует поработать нашему роботу, — добавила Исалика.

Она оттолкнула ногой металлические обломки. Свет лампы отразился от черного бока металлической сферы, затаившейся в углу мансарды.

— А вот и машина!

Она наполовину утонула под заполненными картонными коробками, покрытыми густым слоем пыли, из-под которого проступали имена и адреса поставщиков мастерской. Тиксу с первого взгляда понял, что перед ним очень старая модель, с пульта которой нельзя было вводить параметры с той же точностью, как на современных дерематах. Используя машину этого типа, он понимал: существует один шанс из двух, что рематериализация произойдет в пространстве и пассажир разлетится в виде облака микрочастиц, а если она доставит его на Селп Дик, то в девяти случаях из десяти он очутится на улице, застрянет в крыше дома или окажется в океане, который покрывал девяносто процентов поверхности планеты... Он подошел к машине и коснулся ее округлого брюха.

— Вы можете посветить внутрь? — спросил он у Исалики.

Подгоняемая свистом девушки, лампа пересекла чердак, застыла над машиной и осветила стеклянный нарост. Производители первых моделей дерематов не считали нужным устраивать боковые люки. Надо было протискиваться в кабину передачи через верхнее отверстие. Тиксу освободил поручни из-под коробок. Пыль забила нос и глотку. Он взобрался на машину и разжал крепления люка, который занял вертикальное положение.

Тишину вдруг разорвал вопль:

— Исалика! Софрена! Люди в сером! Они здесь! Они... — Крик перешел в протяжный хрип.

— Это был голос Жоаба-Ти, нашего соседа! — прошептала Исалика, побледнев. — Боже, что они от нас хотят?

— Они ищут не вас, а меня, — сказал оранжанин. — И отыскали. А я думал, что ушел от них! Скажите им, что я заставил вас помочь мне! Спасибо и прощайте!

Он просунул ноги и бедра в люк кабины. Потом погрузился внутрь машины. Лампа почти израсходовала свою энергию, и он ничего не видел. На ощупь, ударяясь головой о металлические выступы, он отыскал программирующее устройство, клавиатуру с круглыми кнопками, подключенную напрямую к мемодиску дезинтеграции в обход электронных цепей контроллера. Работу цепи воссоздания клеток проверить было невозможно. Машина вполне могла рематериализовать лишь часть его тела или перепутать введенные данные. Он уже видел на голофильмах результаты подобных пересылок: деформированные, неузнаваемые тела... Но у него не было выбора, и он рискнул.

Он нажал на рычаг ручного программирования и стал ждать инструкций и данных, которые должны были появиться на черном выпуклом экране. Пространственные координаты Селп Дика он помнил смутно и проклинал себя за глупость: их следовало освежить в памяти в любом туристическом агентстве или в геозвездном институте.

Свора ворвалась в магазинчик, потом в мастерскую. Шум шагов, голосов, хлопающих дверей просочился через пол чердака. Дочери ювелира прижались друг к другу и застыли посреди чердака.

Экран не зажигался. Тиксу нервно просунул руку под него и понял, что программатор отключен от фильтра частиц. Наверное, Анидол принял меры предосторожности, чтобы девочки, играя, случайно не совершили непоправимую глупость... Пальцы оранжанина забегали в поисках недостающего кабеля. Лампа была готова погаснуть в любой момент. По его лбу текли крупные капли пота, глаза щипало, движения были неверными, неумелыми, мочевой пузырь раздуло. Он резким движением вырвал вспомогательный кабель, висевший под кушеткой пассажира, в надежде, что тот не играет существенной роли для запуска дерemата. Зубами и ногтями содрал изоляцию, скрутил провода с проводами программатора и фильтра. На экране возникли пятна света. Он молился, чтобы конструкция выдержала нарастание энергии. Ладони вспотели, он уже различал крики преследователей... Наконец строчки данных выстроились на экране. Кабина погрузилась в зеленый полумрак. Он нащупал клавиатуру и набрал координаты Селп Дика. И подавил последние со-

мнения, надеясь, что не ошибся. Во время стажировки на Урссе он вызубрил все координаты планет Конфедерации, но это было так давно... Другой мир... Другое время... Он рухнул на кушетку. Кости брошены. Послышалось потрескивание, потом шорох и зловещая дрожь. Он решил, что куча ржавого железа взрывается. И быть может, так и случилось...

Зонд направился к черному шару, сварные швы которого разошлись с глухим гудением. Наемники ворвались на чердак. Лучи их факелов высветили застывших от ужаса Исалику и Софрену. Дочери ювелира без сопротивления позволили надеть себе на шею магнитные ошейники.

Один из наемников бросился к лестнице, ведущей к люку деремата. Вибрации, сотрясавшие черный шар, не позволили ему открыть люк. Он в бешенстве голыми руками разбил толстенное стекло люка и ринулся внутрь.

И через минуту вылез обратно вместе с пиджаком из синей шерсти, черными велюровыми панталонами, белым хлопковым бельем и парой маркинатских сапог.

— Он запрограммировал себя на Селп Дик. Координаты точки прибытия еще можно прочесть... Просто невероятно, что эта рухлядь еще может отправлять к звездам! По виду она никого не перешлет даже на площадь Жачао-Вортлинг!

— Селп Дик? Девица из агентства ГТК была права! — послышался металлический голос.

Скаит-чтец вынырнул из полумрака чердачной площадки.

— Жаль! Мне хотелось бы знать, как его ум, ум весьма посредственный, смог уйти от ментального обследования. Тем хуже для него. Поскольку этот глупец так жаждал добраться до своих друзей-абсуратов, то умрет вместе с ними. Он, сиракузянка и все прочие... Все... И последние следы колдовства исчезнут с лица всех миров... Что касается этих девиц, им придется узнать, что такое помощь врагам императора. Я отдаю их вам на час. Делайте с ними, что хотите. Потом отведете в Круглый Дом. Они примут наказание, предусмотренное для предателей. Как их отец. А машину превратите в пепел.

Когда наемники-притивы насытились Исаликой и Софреной, они бросили их на полу, обнаженных, окровавленных, дрожащих, униженных, похожих на сломанных кукол, потом навели дезинтегратор на черную машину.

Глава 17

Есть лишь одна свобода — свобода души!
Свобода души — ценнейшее сокровище,
Она возвышает творение на уровень творца.
Свобода души — хрупкий цветок,
Он вянет, когда душа попадает в темницу
Суждений и подобий истины.
Свобода души не терпит ограничений
Извне и неподвижности.
Ее нельзя купить, она — не предмет торга.
Тот, кто мутит ее чистую воду,
Сворачивает с тропы интуиции.
Тот, кто забывает о ней, вступает на дороги
Иллюзий и в цикл страданий.

Друзья, ревностно следите за свободой своей души.

Отрывок из проповеди Крейца
на дюнах великой пустыни Осгора.
Небольшая книга-фильм, найденная
в запретной библиотеке
епископского дворца Церкви Крейца

Гаркот-эксперт медленно откинул капюшон пурпурного бурнуса на плечи и внимательно вгляделся в свое лицо, отражавшееся в овальном водозеркале, возвышавшемся посреди бассейна из красного ароматного камня.

Он увидел серо-зеленую кожу, невыносимо шершавую по сравнению с гладкой, шелковистой кожей людей. Эта отвратительная кожа обтягивала неправильный череп с множеством шишек и провалов, напоминая собой выжженные провинции Осгора. Его черно-серые глаза навыкате вызывали невероятное отвращение у людей, особенно женщин, чья чувственность не могла примириться с полным отсутствием выражения в них.

Гаркот не принадлежал ни к одному, ни к другому полу и не был рожден в союзе мужчины и женщины. Он был скаитом, спорой Гипонероса, которая развивалась в матричном чане. Он был создан властителями Гипонероса и послан в составе еще десяти тысяч карикатур на человека в миры, где обитали люди. Один из тех, кто был частью тайного плана завоевания миров Млечного Пути. Этапы этого плана были известны только Паминксу, скаиту из высших эшелонов власти.

Гаркот не должен был испытывать никаких личных чувств — признательности, зависти, гнева. Его уделом было подчинение коллективным импульсам Гипонероархата, конгломерата спорпрародителей, поступавшим к Паминксу, главному резиденту. А Гаркот страдал, что его физический облик вызывал отвращение, отделяя от остальных неодолимой бездной. Конечно, он ни разу не поделился своими ощущениями с матричными братьями, которых совершенно не волновали подобные состояния души. К тому же они не обладали душой в человеческом понимании этого слова. Он переживал свои страдания, иногда становившиеся настоящей пыткой, в глубинах своего бездушного безмолвия.

Быть может, его мозговые цепи имели дефекты? Обычный скаит немедленно известил бы Паминкса, и тот немедленно отослал бы покаявшегося на Гипонерос: его физическое тело было бы растворено, чтобы извлечь жизненную спору, изучить ее и поместить в другую материальную оболочку или отправить в конгломерат Гипонероса.

Чудовищный облик Гаркота — чудовищный по меркам людей — мешал ему: поверхностное общество Сиракузы никак не хотело признавать его достоинств. А это желание признания личных заслуг свидетельствовало, что он был спорой нетипичной, экстравагантной, неподконтрольной, но какое это имело значение! Он, скаит, хотел, чтобы люди, без всякого стыда опускавшиеся до унизительных просьб защитить их мозг или проникнуть в чужой, приглашали его для участия в своих фривольных играх... Иначе месть его (месть тоже не входила в характеристики скаитов) будет ужасной!

Ибо те же самые люди, которые так его презирали, должны были бояться его как огня. Они не знали, что он вышел из матричных чанов с ментальными способностями, далеко превосходившими способности средних скаитов. Он был любимым учеником Паминкса: именно его выбрал коннетабль для первых опытов в области ментальной смерти, для казни сеньора Ранти Анга, именно его возвел в ранг эксперта и торжественно вручил ему пурпурный бурнус. Люди не подозревали о его истинной силе, сталкиваясь с ним в бесконечных коридорах нового императорского дворца, когда он прятал свою голову от чужих взглядов под просторным капюшоном бурнуса.

Придворные с их глупым тщеславием не подозревали, что он способен спокойно рыться в их птичьих мозгах, что он с невероятной легкостью преодолевал тонкий барьер защиты, создаваемый мыслехранителями, не отставшими от них ни

на шаг. А обосновавшись в их мыслях, мог с помощью малейшего импульса убить любого. Людишки, не сознающие, что над их головой ежесекундно висит топор палача, продолжали хвастаться и чирикать в своих роскошных одеяниях, достойных птичьего двора.

Гаркота не удовлетворяло простое осознание, что он оказался спорой, наделенной необычным даром. Большую часть свободного времени, времени, которое не было посвящено исполнению плана, он без устали исследовал глубины собственного менталитета, пытаясь добраться до неведомых границ, о которых другие думали со страхом. Он создал новые телепатические волны на такой высокой частоте, что они, не оставляя следов, проходили через тончайшие сети его соплеменников-мыслехранителей (защита мысли была плодом гениального прозрения Гипонероархата с целью создания зависимости от скаитов и ослабления психического потенциала человека). Гаркот без всякого смущения — смущение тоже не входило в характеристики скаитов — обследовал головы придворных, ставших живым полем для его экспериментов.

Высшие чиновники двора Венисии, считавшие себя защищенными от любого нежелательного проникновения в их мысли, даже не подозревали, что Гаркот время от времени наносил им тайные визиты. Он наслаждался тем, что знал все их тайны, исследовал их скрытую, отвратительную сторону души, в существовании которой они никогда бы не признались. Он знал практически все, что знать о них другим не полагалось.

Безусловно, тайные действия Гаркота были бесспорным нарушением кодекса чести Защиты, но кодекс, также созданный по импульсу спор-прародителей, был обманом, идеей, призванной успокоить людей. Честь была фиктивным критерием, абстрактным понятием, с которым не стоило считаться.

Его страстью было изучение запутанных лабиринтов человеческого духа, удивительно сложного комплекса, позволявшего каждому публично, а иногда и в частной встрече демонстрировать остальным тщательно выбранные стороны своего облика. Людские способности превосходили способности любых других существ вселенной, но люди предпочитали удовлетворять только свои чувства, грубо возбуждая их и тем самым сбивая самих себя с истинного пути самопознания. Они не использовали даже сотой доли своего потенциала, и для спор-прародителей было пустяковым делом понижать его до тех пор, пока тот совсем не исчезнет. Скаитов насчитывалось всего десять тысяч,

но они уже властвовали на большей части Млечного Пути. Гаркот точно не знал, какую цель преследуют споры-прародители, но полагал, что они ставят своего резидента на каждой обитаемой планете и продолжают стратегию матричной экспансии. Теперь, имея собственное, эгоцентричное ощущение положения дел, он спрашивал себя, какое место займет в этой фазе плана. Ему не хотелось присоединяться к ветеранам, которые уже сыграли свою роль и вернулись в конгломерат, где слились со спорами одного из управляющих комплексов. Он настойчиво искал решение, которое позволило бы ему оборвать пуповину, связывающую с Гипонероархатом, ибо отныне хотел существовать только ради себя.

Безумный порыв толкнул его на взламывание мозга приближенных Менати Анга в присутствии Паминкса, скаита из высшего эшелона, который оказался не в силах перехватить его проникающие волны. Опьяненный успехом, Гаркот решил, что отныне ничто не может помешать его восхождению, что вскоре ему будет принадлежать вся вселенная. С этого мгновения ни одно препятствие не казалось ему неодолимым.

Как и в тот вечер, когда его вызвали к императору для уточнения мелких деталей по поводу ментальной казни одного крупного придворного. Он нагло проник в мозг суверена, неприступность которого защищали четыре тщательно отобранных мыслехранителя. Это был вызов и людям, и скаитам. Гаркот не считал себя принадлежащим ни к тем, ни к другим. Он был мутантом, первым звеном нового вида. С извращенной, сладострастной медлительностью эксперт проскользнул в мысли императора, а бело-красные бурнусы матричных собратьев даже не шелохнулись. Они не проявили небрежности, они просто отстали от него в развитии, не были приспособлены к новым условиям. Не шелохнулся и синий бурнус Паминкса, который также присутствовал на беседе.

Гаркот, незаметный исследователь, продолжавший вести банальный поверхностный разговор, открыл в мозгу суверена удивительные вещи... Настолько удивительные, что их публичное обнародование могло бы вызвать серьезную перетряску внутри двора... Прежде всего в мыслях сеньора присутствовало тело дамы Сибрит, вдовы Ранти (насмешка судьбы — казнил его Гаркот). Дама Сибрит настолько околдовала императора, что желание обладать ею, странное сексуальное желание, которого скаиты не знают и не понимают, превратилось в невроз, в навязчивую идею. Этот суверен, иллюзорный властитель миров,

полностью зависел от белокожего женского тела. Он яростно мечтал обладать дамой Сибрит, при условии, что та разделит с ним его страсть, что ее не придется брать силой или под угрозой. Менати тщательно скрывал свою яростную, животную любовь, используя ментальный контроль, но чувство постоянно прорывалось на поверхность сознания, словно расплавленная лава вулкана. Гаркота поразила эта гигантская брешь в броне императора. И он решил подумать над тем, как ее использовать. Он сравнил свои страдания с тайными страданиями Менати, которого безжалостно отталкивала та, которую он пытался покорить. Как и Гаркот, Менати Анг испытывал желание быть признанным той, кто упорно отвергала его.

Вторая по важности озабоченность Анга — коннетабль Паминкс. Император осознанно ограничивал свой психический потенциал в присутствии Паминкса, не доверяя ему. И это недоверие граничило с паранойей: ведущая роль Паминкса в падении Конфедерации Нафлина усилила положение коннетабля в новой империи. Менати опасался, что Паминкс выступит против него, как в свое время выступил против его брата Ранти. Этот страх заставлял его втайне искать средства избавиться от коннетабля, ставшего обузой и нежелательным союзником. Пока Менати Анг не мог ничего предпринять против Паминкса, поскольку последний немедленно обнаружил бы любые попытки своей нейтрализации. Император стал заложником скаитов, как и предусматривалось пятым этапом плана Гипонероархата.

— Мы закончили, но вы можете остаться, Гаркот, — произнес император.

Эксперт превратился в заинтересованного зрителя, могущего проникнуть под оболочку каждого просителя в бесконечном шествии придворных. Люди вымаливали встречу у императора с единой и смешной целью — упрочить свое положение в глазах остальных. Гаркоту доставляло удовольствие вскрывать их истинные чувства к императору, корыстные желания, злобу, ненависть, тщеславие и извращенность, основанные на грубом расчете. Их мысли разъяренными змеями извивались позади улыбающихся и гримасничающих масок, за завесой льстивого, угодливого поведения, ведь барьеры, возведенные мыслехранителями, внушали им спокойствие. Император знал цену своему претенциозному, глупому и смешному окружению, но умело скрывал презрение за медоточивыми дипломатичными улыбками. Это и есть эго, решил Гаркот, иными словами, манера вращаться в среде, пытаясь извлечь из нее

как можно больше преимуществ только ради собственной выгоды.

Ему повезло стать привилегированным свидетелем еженедельного визита вежливости муффия Барофиля Двадцать Четвертого, Непогрешимого Пастыря Церкви Крейца. Триличие старика околдовало его: на крохотном личике, угловатом и костлявом, зажатом капюшоном белого облегана, была постоянная лицемерная маска смирения. Гаркот прорывался через многочисленные ментальные барьеры, переходил от одного собеседника к другому и наблюдал за борьбой, раздирающей светскую и духовную власти империи. Каждый боролся за свою сферу влияния. Муффий точно знал, что Менати Анг и коннетабль нуждались в мощной структуре, где властвовал он, ревниво пресекая все посягательства на свои прерогативы, и пользовался любой возможностью навязать свои условия, безмерные и тиранические. Муффий, главная пешка на поле Ангов, был лишен даже намека на угрызения совести и не стеснялся в выборе средств ради достижения сугубо личных целей. Это чудовище политической интриги владело совершенным искусством обмана, прикрывалось тончайшей тканью святости, собирало для Церкви имущество и блага, закладывало основы своей будущей канонизации, но при этом тонуло в гнуснейшем разврате. Гаркот был покорен виртуозными действиями церковного главы, который умело обманывал всех и вся, в том числе и Паминкса. Его показная скромность, умилительный фальцет, хилое тело, маленькие глазки, темные и сверкающие, показное желание заботиться только о благе Церкви — таким было его одеяние, так выглядел его щит. Цель — оставить в памяти поколений образ благодетеля. Хотя на самом деле им двигали стремление к безграничной власти и удовлетворение низменных страстей...

Целую неделю после этого чрезвычайно поучительного вечера Гаркот, эксперт и ментальный убийца, занимался тем, что перехватывал все сообщения, стекавшиеся к Паминксу от агентов. И раздобыл очень интересные сведения. Кроме всего прочего, узнал о тайном заговоре, который плели Менати Анг и коннетабль против муффия, чья несговорчивость перестала их удовлетворять. Они решили избавиться от Барофиля Двадцать Четвертого и заменить его кардиналом с более покладистым характером, марионеткой, за ниточки которой они будут легко дергать. Они переговорили с некоторыми кардиналами, которые за обещание экзархатов и денег взялись за подготовку тер-

ритории, чтобы умерить потрясения, неизбежно возникающие при смене понтифика. Они предусмотрели, что Паминкс потребует от мыслехранителей Непогрешимого Пастыря ослабить контроль в момент, когда ментальный убийца проникнет в его апартаменты и покончит с муффием в епископском дворце. Его внезапную смерть спишут на сердечный приступ (подобная процедура уже была использована в случае Ранти Анга). А для выполнения грязной работы прибегнут к услугам эксперта Гаркота.

Гаркот немедленно понял всю выгоду, которую может извлечь из подобной ситуации. Он не стал ждать беседы с коннетаблем и тут же поспешил в епископский дворец. Он принял предосторожности и отправился пешком, выбирая улочки в обход — пурпурная тень в сиракузской ночи, освещенной тремя лунами из пяти.

Реальные трудности возникли во дворце. Он столкнулся с викариями Церкви, ультракрейцианами, легко узнаваемыми по черным облеганам и рясам, которые стояли на часах у монументального портика главного входа. Первым и необходимым условием попадания в элитный корпус администрации было добровольное и торжественное расставание с детородными органами, которые затем выставлялись напоказ в зале Подземелья Кастратов. Остальной крейцианский клир насмешливо величал их евнухами Великой Паствы, но боялся пуще ядерной чумы: викарии жили в непосредственной близости к муффию и оказывали огромное влияние на иерархические перестановки внутри Церкви.

Гаркота вначале принял молодой викарий с мутными глазами и щеками, испещренными кровавыми жилками от лопнувших капилляров, который задал кучу глупых вопросов и долго мариновал его в мрачной прихожей. Затем появился другой викарий, который заявил, что Гаркот не может получить аудиенцию этой ночью, поскольку встреча обычно назначается за несколько месяцев вперед.

— Муффий завален работой! Каждая минута его времени драгоценна. Поступайте, как остальные, запишитесь на частную беседу, и, быть может, секретарь Непогрешимого Пастыря сочтет нужным принять вас...

Гаркот подавил искушение прикончить наглого собеседника и спокойно, но твердо объяснил, что информация, которую он собирается передать муффию, и только ему, имеет первостепенное значение для Церкви. Он добавил, что любой, кто откажется помочь, будет рано или поздно кусать себе локти.

Викарий продолжал спорить, но Гаркот поднял такой шум, что еще один зловещий, черный паук, занимающий ответственный пост, был разбужен и в дурном настроении явился узнать, почему разгорелся столь грандиозный скандал.

Когда ему сообщили, что во дворец явился чужак, скаит, столь наивный, что надеялся на встречу с его святейшеством без предварительного договора и в столь неуместный ночной час, на лице его появилась презрительная улыбка.

— Невозможно! Невозможно! — заявил он блеющим голоском. — В другой раз, в другой раз! Договоритесь о встрече! О встрече!

Викарии смотрели на ментального убийцу с болезненным недоверием, не подозревая, что находились в смертельной опасности. Когда терпение Гаркота истощилось и он решил прибегнуть к своим опасным ментальным способностям, внезапное появление фиолетово-пурпурного кардинала в сопровождении двух мыслехранителей спасло присутствующих от неизбежной смерти.

— Что здесь происходит? — рявкнул кардинал Фражиус Моланали, самодовольный толстяк, серая тень и близкий друг муффия. Их близость доходила до того, что он поставлял Непогрешимому Пастырю детишек, невинных жертв его сексуальных утех. Гаркот прочел эту информацию в голове кардинала во время приема во дворе.

Кардинал принимал живейшее участие в организации убийства Ранти Анга и, несмотря на просторный капюшон, частично скрывавший лицо Гаркота, узнал ментального убийцу, казнившего бывшего сеньора Сиракузы.

— Я сам займусь с ним, — заявил он викариям. — И лично отвечаю за него.

Разочарованные черные пауки вернулись к своим административным делам. Гаркот дал кардиналу неполное объяснение своего ночного анонимного присутствия в коридорах епископского дворца, но этого было достаточно, чтобы убедить прелата, пообещавшего полное содействие. Скаит не удовлетворился словесным обещанием: он проскользнул в мозг кардинала и проверил искренность его намерений. Успокоенный проверкой — Моланали действовал только в интересах муффия, от которого полностью зависело его восхождение в церковной иерархии, — Гаркот позволил провести себя по темным пустынным коридорам до небольшого светлого зала с бассейном, наполненным ледяной водой. Кардинал оставил его здесь, и скаит ждал уже более двух часов.

Он поправил капюшон и закрыл желтое лицо пурпурной материей, чтобы не видеть своего отражения в радужном зеркале.

Хотя у него на руках было немало старших козырей, партия не выглядела выигранной заранее. Ему нужно было сыграть с тонкостью и на пределе возможностей: муффий не был тем противником, которого легко обвести вокруг пальца. Но если все пройдет, как предусмотрел Гаркот, его влияние будет признано всеми, и тогда он начнет внушать ужас всем этим людишкам, которые держали его на отшибе, отодвигали в сторону, не желали признавать, оскорбляли, унижали своим презрением. Он заранее радовался изменению ситуации, представлял себе лица и действия перепуганных придворных, которым предстоит простираться у его ног. Неизвестной величиной оставалась реакция спор-прародителей. Попытается ли Гипонероархат устранить его, а если да, то каким образом? Дав импульс на растворение?..

Гаркот ощутил присутствие Барофиля Двадцать Четвертого до того, как понтифик вошел в зал. Непогрешимый Пастырь приложил свой лисий глаз к глазку, встроенному в одну из перегородок. Он не доверял никому другому проверку личности посетителя. Ментальный убийца не удивился, когда появился муффий в ночном зеленом облегане и золотистом халате с кисточками из белого опталия. Старик не скрывал отвратительного настроения — все можно было прочесть на его костлявом лице. Его внезапно оторвали от ночных забав, в которых нельзя было признаться. Несмотря на экраны-паразиты, поставленные мыслехранителями и инквизиторами, застывшими во тьме коридора, Гаркот тут же погрузился в мозг муффия и увидел там обнаженные надушенные тела мальчиков и девочек, купленных за бешеные деньги на невольничьих рынках. На рассвете их ждала ужасная участь, ибо, удовлетворив сладострастие понтифика, они становились опасными держателями тайн, не подлежащих разглашению. После утех муффия врачи Галактической Организации Здоровья, работающие в епископском дворце, умертвляли детей и забирали органы, волосы и костный мозг для курсов омоложения.

Гаркот сумел измерить всю глубину недоверия Непогрешимого Пастыря. Тот согласился встретиться с неожиданным визитером только из болезненного любопытства понять, какую новую ловушку для него готовили. На эту параноидальную подозрительность и рассчитывал Гаркот, чтобы довести до конца свой замысел.

Муффий пытался убедить его, что принимал гостя в одиночку, в открытую: этой уловкой он пользовался час-

то, чтобы усыпить бдительность посетителей и облегчить задачу личных инквизиторов, которым поручалось выявить подлинные намерения просителей.

Непогрешимый Пастырь явно не успел привести себя в порядок, как обычно делал, готовясь к аудиенции. И не мог скрыть свой истинный физический облик. Усталое лицо с глубокими морщинами, желтые мешки под пронзительными глазками и коричневые пятна на потрескавшейся коже выдавали его преклонный, если не сказать канонический возраст.

Он вонзил змеиные глазки в ментального убийцу. Гаркоту было все равно, ибо он знал, глава Церкви Крейца будет смотреть на него по-иному, когда скаит поделится своей информацией.

— Кто вы такой и что вы хотите? — спросил Барофиль Двадцать Четвертый без всяких предисловий. Он был раздражен и собирался отослать неожиданного гостя восвояси, как можно быстрее, хотя горел желанием вникнуть в тайну его прихода.

— Я Гаркот, скаит Гипонероса, ментальный убийца, возведенный в ранг эксперта, ваше святейшество, — ответил он бесстрастным голосом, чей низкий металлический тембр резко контрастировал с фальцетом муффия.

Барофиль Двадцать Четвертый обогнул бассейн и встал напротив скаита.

— Пока мы находимся в области известных фактов, — усмехнулся он. — Мне ли не знать репутацию того, кто столь блистательно исполнил ментальную казнь Ранти Анга? Ваши собратья считают вас талантливым элементом, весьма многообещающим, господин эксперт. Итак, вы верно ответили на первую часть моего вопроса. А теперь вам остается сообщить цель вашего появления здесь. Вас направил император? Или коннетабль? И прошу вас, говорите без увиливаний! Ни вам, ни мне не стоит терять время на загадки...

— Полностью с вами согласен, ваше святейшество, — кивнул Гаркот. — Хотя вы так считаете, но ни император, ни коннетабль не имеют никакого отношения к моему демаршу, это плод личной инициативы. Скажем, я перехватил некий разговор на тему, которая очень близка вашему сердцу, поскольку речь идет о вас. Разговор состоялся на самом высшем уровне...

Барофиль Двадцать Четвертый склонил голову, бросил иронически-недоверчивый взгляд на ментального убийцу и прыснул от смеха:

— О небеса! Ну и важное сообщение!

Он осторожно уселся на край бассейна и издал пронзительный смешок, который резанул по нервной системе скаита.

— Итак, вы имели мужество переступить через вашу клятву служения коннетаблю, спешно пересекли половину Венисии и учинили скандал викариям дворца с единственной целью срочно сообщить мне о том, что эти господа непочтительно высказываются о моей скромной персоне!.. В следующий раз попросите Крейца просветить вас, господин эксперт! Боюсь, вы побеспокоились по пустякам! Уже долгие годы обо мне говорят много пакостей. Но я от этого не чувствую себя хуже, можете убедиться сами... Я давно привык не верить в ложь, срывающуюся со злых языков. Могли не надрываться, господин Гаркот! И мое здоровье сохранили бы!

Эта благосклонная и слегка презрительная язвительность скрывала замешательство муффия. В его правом ухе был крохотный микрофон, чтобы инквизиторы могли немедленно сообщить ему ту информацию, которую черпали в мозгу посетителя. Но микрофон молчал. Ясности не было, и муффий стремился выиграть время. Гаркот подавил яростное желание вбить обратно в старческую глотку отвратительный юмор и презрение, которые демонстрировало сморщенное существо, сидевшее на краю бассейна. Но решил, что еще успеет расплатиться с понтификом той же монетой.

— Конечно, ваше святейшество, — невозмутимо продолжил он, — не впервые вы служите мишенью для злобствующих языков, и я бы не стал вас беспокоить по таким пустякам. Я раздосадован, что вы считаете меня дураком... Может так случиться, что эта клевета вызовет конкретные и малоприятные последствия: в клеветнической беседе, которую мне повезло перехватить, император и коннетабль вели весьма убедительный спор о... э-э-э... о вашей смерти, ваше святейшество. Именно так, о вашей смерти...

Гаркот замолчал и проследил, какое воздействие оказали его слова на Непогрешимого Пастыря, который еще плотнее закутался в свой халат. И поразился уровню его психического контроля. Для муффия понятие ментального контроля не было пустым. Его усталые черты остались совершенно невозмутимыми, хотя душу охватило волнение, а в голове завертелся бешеный вихрь тревожных мыслей. Инквизиторы по-прежнему безмолвствовали, словно были не в состоянии проникнуть в реальные намерения визитера. Микрофон упорно молчал.

Гаркот, непроницаемый для других, стал зрителем и с наслаждением наблюдал за бурей, разразившейся в голове старика.

— Убить меня?.. Убить меня? — удивился муффий. — Послушайте, господин эксперт, какой им смысл убивать меня?.. Вы, наверное, ошиблись в смысле их намерений...

— Нет, ваше святейшество, — твердо и решительно ответил скаит.

— Но откуда у вас эта информация? Кто вам ее сообщил? И не уверяйте меня, что император и коннетабль играют в эти игры, не приняв кучу предосторожностей!

Муффий потерял уверенность, в его голосе одновременно слышались страх и раздражение.

— Я знаю, и все, — возразил Гаркот, который намеренно поддерживал ореол тайны. — Я также знаю, что ментальным убийцей, вероятно, будет тот же, кого назначали совершить казнь Ранти Анга, иными словами, им буду я. Что вы хотите, мои услуги пользуются большим спросом: я единственный эксперт в Венисии... И не считайте себя защищенным от неприятного сюрприза, если у вас, ваше святейшество, есть мыслехранители. Вспомните, сеньор Ранти Анг тоже считал, что его защищают... Паминкс отдаст им приказ, и они без колебаний бросят вас. (Гаркот не стал уточнять, являются ли мыслехранители препятствием для него.) Что касается вашей выхолощенной викарской челяди, притивы уничтожат ее за несколько минут, если у нее возникнет безумная мысль сопротивляться. Многие из ваших кардиналов уже поставлены в известность. Им поручено подготовить преемника. А верующим сообщат, что вы скончались в результате внезапного приступа. Вы не хуже моего знаете, что ментальная смерть следов не оставляет.

Говоря, Гаркот мысленно ощущал, каким невероятным усилием воли муффий пытается взять себя в руки и использовать новую ситуацию так, чтобы она послужила его интересам. Эго, вот что такое эго, человеческое качество считать себя уникальным, оставаться в любых условиях центром вселенной.

— Вы выглядите весьма уверенным, господин эксперт. Я уже предусмотрел эту возможность, ибо, видите ли, знаком с внутренними механизмами, управляющими мне подобными. И в случае вашей правоты подготовил соответствующий ответ...

Барофиль Двадцать Четвертый встал и принялся расхаживать взад и вперед по комнате прыгающей нервной походкой. Он пытался вложить всю силу убеждения в свои слова, но не мог обмануть ментального убийцу. Гаркот знал, что муффий,

несмотря на уверения в обратном, никогда не рассматривал возможности заговора против себя. Он всегда верил, что его положение непоколебимо. С высоты непреодолимых стен, воздвигнутых его обостренной недоверчивостью, и будучи под защитой преданных мыслехранителей и инквизиторов, он всегда считал, что держит все под контролем и что могущество Церкви в организации империи окончательно поставило его вне дворцовых интриг. Однако, движимый невероятным инстинктом самовыживания и борьбы, он пытался возражать своему непроницаемому собеседнику, чьих реальных намерений не могли уловить инквизиторы. Их затянувшееся молчание было признанием собственного бессилия.

— Ваше святейшество, услуги, оказанные в прошлом, ничего не стоят, если они противоречат интересам настоящего, — заявил Гаркот, от которого не ускользнуло явное беспокойство захваченного врасплох Непогрешимого Пастыря. — Когда один человек начинает мешать двум другим, они обычно объединяются с целью устранить лишнего и заменить его более покорным. Церковь Крейца является колоссальной силой внутри новой империи, и ею хотят располагать по своему усмотрению и без каких-либо ограничений...

— Во имя чего я должен вам верить, господин эксперт? В конце концов вы, быть может, пытаетесь сыграть со мной шутку в духе коннетабля! Вы, случаем, не выполняете миссию на моей территории, пытаясь шпионить за мной?

Муффий не собирался складывать оружие, хотя интуитивно согласился с истинностью аргументов Гаркота. Он понял, что ему придется обойтись без помощи инквизиторов и самому заняться расчисткой территории.

— Если бы было так, ваше святейшество, я нашел бы средство усыпить ваше недоверие. Вам придется мне поверить: все, сказанное мной, чистая правда.

— Прекрасно, предположим, что ваша гипотеза верна. А поскольку вы претендуете на то, что провозглашаете истину, столь дорогую для учения Крейца и для нашего сердца, воспользуйтесь случаем и исповедуйтесь передо мной, сообщив ваш интерес в деле, господин эксперт! Ибо очевидно, что вы преследуете свои цели и хотите извлечь выгоду из ночного визита. Вы же не просто протягиваете мне руку помощи?

Скаит помолчал, подбирая слова для ответа.

— Я неоднократно замечал, что коннетабль Паминкс обладает слишком ограниченным интеллектом для управ-

ления империей. Существует множество скрытых опасностей, которые, если мы им дадим возможность развиться, подорвут в конце концов основы империи до того, как мы успеем ее консолидировать. Именно поэтому надо действовать чрезвычайно быстро и выправить положение дел, иначе коннетабль приведет нас к гибели. В списке вы первый, ваше святейшество...

Муффий скептически скривился.

— А как вы это поняли? У вас есть своя собственная сеть? — вдруг с агрессивностью спросил он.

Его фальцет походил на отравленную стрелу.

— По некоторым серьезным упущениям коннетабля, — ответил Гаркот, которого не впечатляли эти внезапные яростные нападки, ибо он предвидел их заранее, что создавало ему преимущество перед церковником, который пробирался вслепую, на ощупь сквозь неизвестные, густые джунгли. — Эти упущения позволили мне узнать то, о чем я знать был не должен... К примеру, проект, касающийся вас...

— А император?

— Император? Он ждет возможности избавиться от Паминкса. Он живет в страхе перед способностями своего коннетабля, его мучают мысли о возможном предательстве. Более того, стоит толкнуть даму Сибрит, вдову его брата, к нему в постель, простите меня за резкость выражения, как он станет нашим другом.

Скрестив руки за спиной, отчего натянулась ткань на его халате, муффий остановился перед Гаркотом. Горящие старческие глазки с приспущенными веками вонзились в бездонные провалы глаз его собеседника.

— Еще раз, господин эксперт, к каким неблаговидным средствам вы прибегли, чтобы узнать все это?

— Еще раз повторяю, это, ваше святейшество, не имеет никакого значения, — сказал Гаркот. — Совсем не важно, как ко мне попала эта информация. Главное, что я предоставил ее в ваше распоряжение. А вам предстоит правильно ее использовать. Вы можете проигнорировать мое предупреждение, но в таком случае вскоре умрете, а Церковь Крейца попадет в руки, неспособные распорядиться этим наследием. Вы должны мне поверить.

— Поверить вам? — проворчал муффий. — Поверить вам не так просто, господин эксперт! По правде говоря, очень не просто!.. Вы будите меня и холодно объявляете о моем скором убийстве, разработанном двумя моими самыми верными союзниками: одному я помог сесть на императорский трон, а второго безоглядно поддерживал во всех делах, связанных с

Сиракузой. Мы все трое сидим в одной лодке, несущейся к вершине успеха... Ваша речь очень похожа на ловушку, в которую вы собираетесь меня загнать, господин эксперт! Вероятно, вы посланы теми, кто действует в тени, крупными придворными, вроде этого любителя свободы Тиста д'Арголона, либо кликой интригующих кардиналов. Многие из них постоянно ищут возможность сбросить меня с трона понтифика... Я хочу сэкономить время и выспаться, а потому приказываю вам сообщить мне истинную правду, а не вашу правду!

Муффий уже окончательно поверил скаиту, но из-за молчания инквизиторов ему нужно было неопровержимое свидетельство, чтобы встать на сторону Гаркота. Хотя ему не хотелось идти до последней черты, ментальный убийца решил приоткрыть часть своих секретов. Иного пути не было.

— Поскольку вы не очень верите моим словам, ваше святейшество, я предоставлю вам небольшой пример своих... возможностей: за этой дверью, — он указал на раздвижную дверь, через которую вошел муффий, — стоят четыре мыслехранителя и два инквизитора. Первые пытаются защитить ваши мысли, вторые — прочесть мои. Но микрофон в вашем правом ухе молчит, и это вас тревожит. Вы уверены, что ваши ментальные барьеры могут помочь вам избежать любого... проникновения в мысли, но вы жестоко ошибаетесь. Мой приход несколько минут назад лишил вас сладостных объятий детишек, которым предварительно ввели наркотик. Кардинал Моланали смог убедить вас отказаться от удовольствий и принять меня: он опасался ловушки, авторов которой могли разоблачить только вы с помощью ваших инквизиторов. Вам пришлось отослать детей и передать их дворцовым врачам. Эти обстоятельства объясняют ваше раздражение. Успокойтесь, ваше святейшество, я не осуждаю вас. Я — скаит, существо бесполое, и мне плевать на то, что вы подчиняетесь тиранническим позывам своей страсти. Не собираюсь я и разносить эти сведения по всему городу. Ваше святейшество, я играю с вами в открытую. Я вас убедил?

Огорошенный словами ментального убийцы, Барофиль Двадцать Четвертый надолго замолчал, полностью отрешившись от реальности. Когти ужаса вонзились в его мозг и живот, кровь застыла в толстых синих венах, взбухших под старческой кожей. Невероятным усилием воли он навел видимость порядка в бушевавшем внутри него хаосе. Собрал свои разрозненные мысли и пробормотал:

— Но что... что... все это значит?

Могучие волны паники обрушились на него. Развал ментальной защиты, которую он до сих пор предполагал непреодолимой и за которой, как любой сиракузянин, пользующийся услугами мыслехранителей, считал себя в полной безопасности, ставил его в новое положение. Он не был готов к этому. Мыслехранители не могли защитить его от ментального убийцы, от этой пурпурной тени, замершей перед ним. Его мыслехранители, ментальные костыли, оказались бессильными, а это наполняло его куда большим ужасом, чем правда о тайных пороках. Он все же нашел в себе силы выдавить:

— Но защита... Кодекс чести Защиты?..

— Деонтология защиты не смущает вас, когда вы принимаете кое-каких своих гостей, — ответил Гаркот, удовлетворенный оборотом событий.

Ужас муффия был как бы предвестником того реванша, который он собирался устроить людям. Он дал возможность понтифику преодолеть волнение, а когда счел, что Непогрешимый Пастырь собрался с мыслями, чтобы усвоить остальную часть речи, добавил:

— Решение не терпит никаких отлагательств, ваше святейшество. Через двое суток армия ментальных убийц и наемников-противов будет послана с помощью реквизированных дерематов на Селп Дик и даст последний бой Ордену абсуратов на их территории. После этого сражения у коннетабля появится достаточно времени, чтобы перейти от угрозы к действиям. Но, ваше святейшество, я нуждаюсь в вас. Сумейте воспользоваться случаем. Мы вступаем в эру эволюции, движения. Ставить на коннетабля Паминкса означает ставить на неподвижность, на консерватизм, иными словами, ставить на смерть.

— Что... что вы ждете от меня, господин эксперт? — спросил муффий с внезапной почтительностью.

Он всеми силами боролся с потоком мыслей, бурливших в его голове. Он уже разрабатывал стратегию, чтобы устранить это существо в пурпурном бурнусе, высившемся перед ним.

— Эти мысли о моей смерти — совершенно нормальная реакция, — небрежно бросил Гаркот.

Скаит с извращенным удовольствием держал своего собеседника над пламенем. Это позволяло дать еще одно формальное доказательство своего ментального потенциала.

— Я похож на гору, выросшую на равнине за одну ночь, — продолжил он. — Первая реакция — устранить возникшее препятствие, чтобы успокоить взгляд, привыкший к плос-

кости равнины. Окажите милость, ваше святейшество, не подавляйте спонтанные мысли, меня они не ранят... Я жду от вас поддержки. И пакта между нами, ибо только мы остаемся подлинными столпами империи: вы, потому что возглавляете мощную организацию и никто лучше вас не знает всех ее шестеренок и сложности. А я — будущий авангард тайной власти, власти, которая укрывается у безмолвных границ интеллекта. Если мы договоримся, нам будет легко управлять императором. Надо выполнить два условия: толкнуть даму Сибрит в его объятия и избавиться от Паминкса. За это Ранти отдаст нам реальную власть во всей ее полноте. Убийцы-притивы и конфедеральная полиция быстро поймут, что к чему: это только руки, исполнители, для них не важно, какая голова отдает приказы. Но быть может, вы решили притвориться, что принимаете мои условия, а затем, когда я уйду, поспешно броситься к императору и коннетаблю и сообщить о нашей беседе...

Барофиль Двадцать Четвертый вздрогнул, поскольку именно это он и собирался сделать. Он почему-то забыл о невероятной прозорливости своего собеседника. И теперь понял, что должен радикально изменить свое ментальное поведение. Пурпурный неумолимый призрак оказался куда более опасным противником, чем коннетабль Паминкс, чьи возможности и недостатки он уже сумел определить. На данный момент ему оставалось только сотрудничество с Гаркотом, хотя бы для того, чтобы получить отсрочку. Ему следовало поразмышлять в спокойной обстановке.

— Я не ждал другого от вас, ваше святейшество, — произнес Гаркот, который неотступно следил за мыслями Непогрешимого Пастыря. — Точечный, временный союз, который позволит вам сохранить жизнь, а мне — рассчитывать на поддержку самой могучей организации империи. Думаю, для эффективности нашего сотрудничества вы воздержитесь от соблазна сообщать кому бы то ни было о нашей беседе. Вы ничего никому не скажете. Даже вашему верному Моланали. До конца войны против абсуратского рыцарства, на которую я приглашен, наша беседа должна оставаться тайной.

— А если вы проиграете Ордену? — прошептал муффий.

— Не рассчитывайте на это, ваше святейшество. Кстати, здесь коннетабль Паминкс провел дело отлично. Это соответствует его возможностям: Орден давно превратился в безмозглый скелет, и легкого толчка будет достаточно, чтобы он рухнул и исчез в песках времен. Истинным врагом империи является не Орден.

— Вот как?.. А кто? — угасшим голосом спросил муффий.

— Наши истинные противники скрываются в более тонких сферах, чем те, в которых действует Орден. И эти сферы так тонки, что они ускользают от внимания коннетабля.

— Это связано с дочерью Шри Алексу, которая, как мне говорили, не раз уходила от тех, кого посылали по ее следам?

— Она могла бы представлять угрозу. Она знакома с зачатками индисской науки, которые передал ей отец. Но, к ее собственному несчастью, она сама бросилась в пасть волку: девушка укрылась на Селп Дике, где ее ждет участь друзей, рыцарей-абсуратов. Есть еще и странный мелкий служащий ГТК, который помог дочери Алексу переправиться на Красную Точку. Тот же служащий вмешался в ход событий на Красной Точке с помощью франсао Каморры и двух рыцарей Ордена, вырвав ее из лап работорговцев. Он каждый раз ускользает от нас. В последний раз это произошло на Маркинате, где мы его засекли. Самое удивительное в том, что наши чтецы не в силах ментально определить его присутствие. К счастью, ринс ГТК должен его отыскать. У этой машины есть его клеточные и обонятельные координаты. Он доберется до него. Тогда мы сможем его допросить. Все эти странности означают, что во вселенной существуют люди, могущие проходить через ментальные сети. Только представьте, что им удастся передать частички своих колдовских возможностей большому количеству людей. Что тогда случится с Церковью?

Потрясенный тирадой ментального убийцы, муффий рассеянно глянул на капли, стекавшие по радужному зеркалу. Его напряженные черты свидетельствовали, что он погрузился в размышления. Он пытался усвоить новые данные со всей быстротой, на которую был способен его интеллект. Он машинально запахнул полы халата.

— Дайте мне немного времени, господин эксперт, — наконец произнес он усталым тоном. — После вашего возвращения с Селп Дика мы встретимся и уточним детали нашего предприятия...

Гаркот быстро поклонился:

— Мудрое решение, ваше святейшество. Оно спасает не только вашу жизнь, но и вашу Церковь. Не пытайтесь вступить в контакт со мной, я сам свяжусь с вами. И не пытайтесь устроить мне западню, когда я покину ваш дворец. Я принял свои предосторожности.

Муффий недовольно поклонился и проскрипел:

— Жду от вас новостей, господин эксперт. С нетерпением...

И Гаркот понял, что Непогрешимый Пастырь, абсолютный хозяин гигантского репрессивного аппарата, каким была Церковь, окончательно перешел в его лагерь. Из корыстного интереса, но так было лучше. Расчет связывал крепче и вернее, чем энтузиазм — энтузиазм был чисто субъективным понятием, — который подвержен капризам непостоянной человеческой натуры.

— Мы обо всем договорились. Желаю вам, ваше святейшество, провести конец ночи в полном спокойствии...

Муффий нажал на камень одного из перстней. Через пару минут в комнате появился викарий с детским личиком.

— Проводите, пожалуйста, нашего гостя к потайному выходу из дворца! — приказал Барофиль Двадцать Четвертый.

— Будет исполнено, ваше святейшество, — ответил викарий и склонился, чтобы поцеловать кольцо муффия.

Дверь скользнула в сторону, открыв узкий темный коридор с витражами, через которые падал пурпурный свет.

Позже, когда скаит Гаркот, ментальный убийца в ранге эксперта, нетипичная спора Гипонероса, шел по темной улочке, Гипонероархат послал мощный импульс. И Гаркот стал резидентом, первым звеном новой фазы, точкой старта шестого этапа Плана. Споры-прародители предусмотрели его мутацию — она была необходима в их стратегии завоевания вселенной.

Глава 18

Злымон: морское млекопитающее из легенд планеты Селп Дик. Зоологам не удалось отыскать ни единого следа — скелета, окаменелых останков, рисунков, голофильмов — этих животных. Считается, что они являются плодом воображения селпдикских рыбаков, тем более что о них упоминается в легендах о пребывании Шри Лумпа на Селп Дике. Следует отметить, что слово «злымон» вошло в язык жителей Селп Дика в начале шариенской эры. Оно означает существо, которое ставит свою силу и энергию на службу общественному благу.

Универсальный словарь живописных слов и выражений.
Академия живых языков

Голый Тиксу очнулся глубоко под водой, ледяной и сильно соленой. Несмотря на недомогание, сильнейшую голов-

ную боль и ощущение, что находится вне тела, он рефлекторно заработал руками и ногами, чтобы выбраться на поверхность и глотнуть воздуха, притока которого настоятельно требовали легкие.

В глазах висела красная завеса. Ему казалось, что грудь вот-вот лопнет от давления на нее. Он уже решил, что никогда не выплывет на поверхность, что утонет, что эта нескончаемая масса воды станет его анонимной могилой. Почти потеряв сознание, он все же вырвался на поверхность, жадно начал глотать воздух, пропитанный соленой пеной, не переставая беспорядочно барахтаться среди подвижных дюн.

Старенький дерemат Жеофо забросил его в самый центр океана, покрывавшего девять десятых поверхности планеты. Он не располагал никакими вехами для ориентации в серой безбрежности волн и в небе над собой, затянутом черными низкими тучами, которые закрывали звезды. Он не знал, на каком расстоянии находится континент Альбар. До него вполне могло быть несколько тысяч километров.

Он поплыл наудачу, чтобы восстановить кровообращение в начинающих окостеневать конечностях. И все время сплевывал соленую воду, попадавшую в рот от мечущихся высоких волн. Времени привести в порядок мысли не было. Прежде всего надо было выжить в этой водной пустыне, и он направил всю свою энергию на достижение этой цели. Но его отчаянные усилия были тщетными.

Он боролся до наступления ночи. Прошел все этапы отчаяния, когда желание бросить все становилось почти неодолимым. Эта мрачная и неравная борьба с океаном выглядела абсурдной. Вымотанное тело нещадно болело и требовало капитуляции, отказа от борьбы. Оно хотело вкусить покоя. Глубины звали его, и зов их был могучим, волны и ветер звучали в унисон, словно обещая освобождение, словно убаюкивая завораживающей песней легендарных сирен. Но невероятный инстинкт выживания брал верх над безволием и заставлял продолжать борьбу. Ему казалось, что он слышит слова Нолустрита, пастуха с Маркината: вы должны доказать, что обладаете великой волей к жизни... Великой волей к жизни... Каждое движение отяжелевших рук и ног было мукой, но образ Афикит каждый раз помогал отодвинуть фатальный исход. Ему казалось, что он ворочает воду тоннами, что холод и соль разъедают кожу, которая нещадно чесалась... Он не раз спрашивал себя, как ему удастся все это выдержать.

Ночь постепенно накрыла просторы вод своим темным одеялом. Поднялся сильный ревущий ветер и хищником

заскользил в провалах между водяными валами. Они вздымались, походя на головы огромных разъяренных змей, и с ревом разбивались, окутывая его фонтанами пены.

Замерзший Тиксу, который дышал скорее водой, чем воздухом, решил, что пробил его последний час. И в момент краткого прозрения призвал на помощь антру. Он уже знал, что динамическая сила звука жизни наполняла его энергией каждый раз, когда требовалось, особенно в периоды уныния. Благодаря антре, ему, посредственному пловцу, бедному смертному, удалось не утонуть, не умереть от переохлаждения. Тиксу этого не заметил, но звук с самого начала работал на полную мощность, пока его безграничная мощь не натолкнулась на стены узкой тюрьмы менталитета оранжанина.

И тогда, деморализованный этим открытием, он решил отказаться от борьбы, уступить колдовскому зову океанских глубин. С невероятным облегчением перестал работать руками и ногами, потерявшими чувствительность от холодных объятий воды. И позволил телу вертикально погрузиться в безмолвное, ледяное чрево океана. Ему никогда не увидеть Афикит, он не познакомится с ней близко, она будет жить без него... Вода была умиротворяющей, как заботливая мать... как обещание счастья, быть может... Сколько времени он, как камень, погружался в его бездонную пасть? Он не знал. Время потеряло свое значение... Все потеряло значение...

И вдруг его подхватил гигантский вихрь. Его ноги натолкнулись на что-то твердое и подвижное. Оранжанин еще не успел понять, что с ним происходит, как его понесло вверх к поверхности океана. Теряя сознание, он ощутил у плеча что-то эластичное, вслепую вскинул руку и ухватился за выступ, напоминающий хрящевой нарост. Давление несущейся навстречу воды заставило разжать руку, но он тут же поймал второй нарост и крепко вцепился в него. У него возникло неясное ощущение, что он попал на подвижный кусок суши, который поднимался наверх. Тиксу не хватало воздуха. Его ноздри, рот, глотку заливала вода.

Неожиданно для себя он оказался на поверхности океана. Подвижная твердь под ним застыла. Тиксу, который скорчился, охватив нарост, обдавали потоки воды. Он кашлял и отплевывался, пытаясь восстановить дыхание.

Он был не на суше, а лежал на черном сверкающем загривке гигантского морского чудища. На толстой коже виднелось множество круглых отверстий, из которых вырывались фонтаны воды. Над огромным лбом торчал ряд белых острых

бивней, разрезавших воду, которая мощными потоками бурлила по обе стороны его плоской головы. На вздутых боках виднелись феноменально большие прозрачные плавники, ударявшие по воде и вздымавшие титанические валы, которые разлетались на мириады недолговечных брызг. Длинный раздвоенный хвост то исчезал, то появлялся среди подвижных водных стен.

Чудовище оставалось на поверхности и неслось вперед, оставляя за собой ровный след, который не сразу стирали разбушевавшееся море и яростный ветер. Лежа на спине животного и не выпуская крепкого эластичного нароста, Тиксу постепенно собрался с силами, хотя на него иногда обрушивались волны. Кожа его превратилась в зудящий панцирь, покрытый ледышками и солью. Ему никак не удавалось согреться. Чудовище ушло от бури и оказалось в зоне затишья, где ревущий ветер превратился в бриз, а волны перестали заливать спину, тихо хлопая по огромным бокам.

Дрожащий, убаюканный качкой, измотанный усталостью Тиксу даже не спросил себя, почему и как это чудовище вырвало его из объятий бури. Он вытянулся на черной коже и уснул. Он несколько раз внезапно просыпался и видел через залепленные солью ресницы, что животное спокойно продолжает свой путь. Бивни рассекали ночь и спокойное море, как нос корабля. Оранжанин долгое время пробыл между сном и реальностью, между небом и водой, потом снова заснул.

Кусачий ночной холод снова вырвал его из неспокойного сна. Он сжался в комок, пытаясь удержать малейшие частицы тепла, но шею, плечи, спину, ягодицы и ноги обдувал холодный ветер. Он обсох, но соль разъедала кожу, и она сильно чесалась. В нее вонзались крохотные жала, проникая в каждую пору и в волосы.

Словно догадавшись о муках человека, которого животное несло на себе, оно исторгло из спинных отверстий фонтаны дымящейся жидкости. Вязкий теплый дождь окатил Тиксу, накрыв его плотным эластичным одеялом, мягким панцирем, который отделил его от холодного воздуха.

На горизонте вспыхнули первые проблески утренней зари. Оранжанина разбудил оглушительный грохот. Огромные зеленые акулы вставали на хвосты, с удивительной легкостью вырываясь из объятий океана, и с хриплым ревом перепрыгивали через чудовище. Он понял, хищники жаждали заполучить свою добычу, а добычей был он. Его сердце забилось, он приподнялся и прижался к наросту. Акулы, вначале напуганные разме-

рами чудовища, становились все более агрессивными. Их плавники уже касались черных боков и хвоста. Одна из акул вдруг вырвалась из воды, устремившись в сторону Тиксу. Он успел увидеть белое брюхо и разверстую пасть с тройным рядом острых зубов. Машинально пригнулся, услышал, как рядом с его головой что-то хрястнуло, потом почувствовал тяжелый удар, приглушенный скрип, пронзительные вопли... Он повернул голову и увидел лес двухметровых, острых шипов, которыми ощерился загривок чудовища, — акула накололась на них. Проткнутая насквозь, она теряла кровь, хотя пыталась освободиться и сорваться с острых кольев, яростно колотя головой и хвостом. Но вскоре затихла. Шипы ушли под кожу, и труп соскользнул в черную воду, окрашенную кровью. И тут же остальные акулы, возбужденные запахом и видом крови, набросились на мертвого собрата.

Тиксу восхищался великолепным видом океана Альбарских Фей, который окрашивали розовые персты зари. Волны едва колыхались под дыханием легкого ветерка. Антра снова укрылась в сердце цитадели безмолвия. И оранжанин почти физически ощутил присутствие Афикит. Он попал на ту же планету, что и она, а с помощью этого странного морского млекопитающего, которое несло его на своей спине, ему удалось сохранить жизнь... Голодный, усталый, заключенный в панцирь из вещества, исторгнутого чудовищем, но живой!

Образ сиракузянки нарушил монотонность дня, в течение которого неутомимое чудовище продолжало свой прямолинейный путь. Тиксу спрашивал себя, куда его нес спаситель. Но выбора у него не было, и он считал, что вряд ли его извлекли из глубин, чтобы бросить на произвол судьбы после нескольких тысяч километров плавания. Животное, похоже, обладало разумом и знало, куда стремится. Небо постепенно затянулось серыми облаками, готовыми пролиться дождем. Величественная тишина висела над океаном, ее нарушало только бульканье волн, разрезаемых плавниками чудовища.

Вдруг Тиксу услышал пронзительные крики желтых чаек. Они носились над косяками летучих рыб и, пикируя, ловко выхватывали из воды самых неосторожных. Оранжанин уже готовился увидеть берег Альбарского континента, но горизонт по-прежнему оставался плоским и темно-серым. Он снова скорчился вокруг нароста и заснул.

Когда чудовище внезапно, но осторожно погрузилось в холодную воду, Тиксу потерял контакт с кожей млеко-

питающего. Он поплыл, стараясь понять, почему вдруг спаситель оставил его. Земли видно не было — вокруг тянулась гладь океана. Панцирь вокруг Тиксу растворился. Он сразу ощутил холод. Искушение отказаться от борьбы вновь охватило его. Он продолжал плыть, но уверенности не ощущал. Ему уже не хотелось сражаться, как это было несколько часов назад. Он исчерпал резервы воли и не желал насиловать свое тело. Поры кожи превратились в открытые раны, терзаемые солью. Желтые чайки образовали над ним кричащее шафрановое облако.

И тут он заметил прозрачную рыбачью аквасферу. Внутри за рулем сидел человек. Тиксу хотел закричать, но ему в рот залилась соленая вода. Он вскинул руки к небу в надежде привлечь внимание рыбака, но от этого движения только сбилось дыхание. Ему пришлось собрать все остатки энергии, чтобы вырваться из тисков волн. Аквасфера направлялась в его сторону, шум двигателя различался все яснее. Но ему казалось, что трехметровое суденышко под магнитным полем защиты пройдет рядом, не остановившись.

Но оно замерло метрах в десяти от Тиксу. Мотор перестал работать. В округлом боку лодки появилось круглое отверстие. Оттуда вылетел спасательный круг с автоматической тягой, упавший рядом с оранжанином и обвивший его торс кольцами-поплавками. Как только замок щелкнул, включилась тяга, Тиксу понесло к аквасфере и втащило внутрь. Когда он оказался на борту, кольца ослабли. Оранжанин не удержался на ногах и рухнул на пол.

Рыбак набросил на него теплое покрывало.

— Не пытайтесь вставать, — гнусаво произнес он на певучем нафле. — Отдохните. Покрывало само поставит вас на ноги: оно снабжено диффузором эссенции лечебных трав, которыми одарили нас феи...

Дрожащий, истощенный Тиксу поднял глаза. И увидел высокого широкоплечего человека, одетого в красный комбинезон и желтые высокие сапоги. Его сине-фиолетовые раскосые глаза сверкали на темном загорелом лице с мощными челюстями. Голову венчала густая шапка белоснежных волос. Человек прочел немой вопрос во взгляде оранжанина:

— Меня зовут Квен Даэл. Я рыбак. Добро пожаловать на борт океанской лодки, да пребудет с вами благо фей!

В момент, когда он произносил эти слова, чудовище, которое спасло Тиксу, вылетело на поверхность океана метрах в тридцати от аквасферы, которая тут же закачалась на под-

нятых животным волнах. Оно стало на хвост во весь свой гигантский рост и словно затанцевало, испуская хриплый рев. На лице рыбака появилась смесь удивления и ужаса.

— Фея Лучистая! — воскликнул он, побледнев. — Это может быть только... злымон!.. Злымон! Гигантское млекопитающее! И так близко от берега!

Тиксу забыл об усталости, отбросил покрывало, встал и вгляделся в морское чудовище. Его удлиненная пасть, усыпанная мелкими коническими и острыми зубами, словно растянулась в уродливую улыбку. Его шесть белых круглых глаз, расположенных прямо под рядом налобных бивней, горели ярким огнем.

— Он нас увидел! — вскричал рыбак. — Если он станет за нами охотиться, мы готовы для черных островов злымонов!

— Успокойтесь, — прошептал Тиксу. Ему казалось, что пропитавшиеся солью губы рвутся от каждого слова. — Он не станет охотиться на нас...

И как бы подтверждая его слова, громадное млекопитающее легло на брюхо и, мощно двигая плавниками, направилось в открытое море. Вскоре глубокий след от его хвоста исчез. Тиксу понял, что чудовище не бросило его, как ему показалось в первый момент, а держалось неподалеку, готовое прийти на помощь еще раз, если рыбак не заметит утопающего. Оно держалось под водой, чтобы не испугать рыбака и позволить ему подобрать Тиксу.

Когда злымон исчез из виду, пораженный рыбак с облегчением подобрал с пола покрывало и властно набросил его на плечи своего пассажира.

— Вы совершенно заледенели! — проворчал он с напускной строгостью. — Вам надо сидеть под покрывалом, иначе злымоны поймают вас. Но... э-э-э (в его глотке теснились вопросы)... а что вы делаете в этом затерянном уголке океана? Здесь никто, кроме меня, не бывает!

Тепло от покрывала проникало под кожу Тиксу... Губы его кровоточили, но он постарался ответить, едва произнося слова, чтобы не тревожить раны:

— Дерemat, перенесший меня на Селп Дик, не был отлажен... Машины по умолчанию программируются на рематериализацию по координатам столицы планеты... И я должен был очутиться в Гугатте...

— Вы весьма далеки от города!

Квен Даэл наполнил стакан горячей зеленой жидкостью и протянул его Тиксу:

— Выпейте! Это даст вам больше сил, чем поцелуй феечки!

Оранжанин осушил стакан мелкими осторожными глотками. Его рот наполнил анисовый аромат.

— Меня считают безумцем за то, что я хожу на своей аквасфере туда, куда прочие рыбаки не решаются заходить! — продолжил селпидянин. — Но на этот раз нам повезло: вам, ибо я заметил, как вы барахтаетесь в воде, что в такой безбрежности было просто чудом, достойным волшебной палочки феи. А мне — потому что я собственными глазами увидел легендарного злымона! И не малыша! А громадину! Не менее восьмидесяти метров в длину! И шириной пятнадцать метров!.. Кстати, а почему вы были так уверены, что он не станет на нас охотиться? По рассказам древних, если злымон увидит любое суденышко, то бросается на него и тут же топит. Ибо так им повелели маги и феи!

— Без него я бы давным-давно утонул, — ответил Тиксу, едва разжав губы. — Я попал в бурю. И когда шел ко дну, он подхватил меня на спину и донес до места, где вы меня обнаружили... И не стал бы убивать после того, как спас...

Раскосые глаза Квена округлились от удивления.

— Легендарный злымон совершил такое! Извлечь человека из моря слез Альбарских фей? Ведь злымоны заклятые враги человека с незапамятных времен! Они яростно защищают остров, где некогда утонула армия их предков, злыдней пограничья... И почему же этот спас тебя?

Усталый, расслабившийся от тепла покрывала, опьяненный ароматом растительных эссенций, сочащихся сквозь микропоры ткани, Тиксу вместо ответа пожал плечами. Рыбак прочел по лицу спасенного гостя, что тот смертельно устал.

— Я извожу вас своими вопросами. Спите! Поговорим позже. Мой рыбный лов заканчивается. Пора возвращаться в Гугатт, если феи нас туда доведут. Завтра в городе начинается праздник в память о спасительных слезах Альбарских фей. Нам надо быть в форме... А как вас зовут?

После предательства Бабсе на Маркинате Тиксу удвоил осторожность.

— Било Майтрелли, я прибыл с Красной Точки.

— Спите, Било! После столь долгого пребывания в океане вам надо восстановить силы.

Аквасфера летела вперед, едва касаясь волн, несмотря на солидный улов рыбы и ракообразных, заполнявших контейнер под днищем. Лодка приблизилась к берегу на вечер-

ней заре. Квен Даэл, закоренелый холостяк, жил недалеко от Гугатта. Дом странной архитектуры был сложен из черных камней его дядей, которого соплеменники считали чудаком, и стоял на вершине отвесной скалы, нависавшей над спокойной круглой бухточкой с каменистыми берегами. Аквасфера прошла по узенькому каналу, проникла в бухту и встала на якорь у простых деревянных мостков. Чуть дальше, на галечном пляже виднелось коническое дно древней прогулочной лодки, куда Квен по возвращении с ловли складывал свои снасти. Она единственная указывала на присутствие человека в этом диком месте.

Сидя на корточках на качающихся мостках, Квен сбросил вниз горловину шланга, погрузил руки в воду и приладил ее к боковому отверстию контейнера. Весь улов — разноцветные рыбы, крупные серые сони, синеватые омары и черные скаты — был засосан в шланг и оказался в подводном садке, верхний, прозрачный свод которого увидел еще окончательно не проснувшийся Тиксу.

— Затем я включаю насос, и все это перекачивается в бассейн сарая, — сказал Квен.

Потом добавил, что систему придумал и устроил его эксцентричный дядя.

— Он был таким лентяем, что даже не хотел спускаться на берег бухты... Но система отличная: торговцы ценят, что у меня всегда свежий товар...

Закончив дела на берегу, Квен потащил Тиксу к лестнице, вырубленной прямо в скале. Несмотря на помощь крепкого рыбака, Тиксу с трудом взобрался по крутым ступеням. Ноги и покрывало, казалось, весили тонны. Их медленный подъем переполошил хохлатых альбатросов и желтых чаек, устроившихся на отдых в трещинах каменной стены.

Наверху им пришлось пересечь пустырь, на котором ветер гнул к земле розовые кустики. Наконец они добрались до дома, единственными украшениями которого были старые сети и чучела рыб.

Тиксу так хотел спать, что он немедленно спросил, где ему можно лечь.

— Не хотите сначала поесть? — спросил рыбак.

— Потом... Я так устал, что не в силах проглотить ни кусочка.

— Как хотите. Завтра утром я отправлюсь в Гугатт для подготовки праздника. Поэтому не удивляйтесь, если, проснувшись, не обнаружите меня в доме. Будьте как у себя.

Селпидянин отвел его в комнату с украшенными раковинами стенами, на которых проступали пятна плесени. Мебель была покрыта толстым слоем серой пыли, а в воздухе висел запах затхлости. Но Тиксу было все равно. Он, как сомнамбула, добрался до кровати в углу, рухнул на пружинную сетку, покрытую шерстяным матрасом (настоящее сокровище для антикваров Оранжа, успел он подумать), и тут же провалился в глубокий сон, не услышав последних слов рыбака:

— В этой комнате давно никто не жил, но по крайней мере вас здесь никто не потревожит... Я открою ставни, чтобы проветрить комнату...

Сон Тиксу был наполнен кошмарами — его окружали угрожающие морские твари с гротескным обличьем. Он пытался удрать от них, бежал по липкому, слизистому морю, постепенно погружаясь в него. Круг чудовищ неумолимо смыкался, их торчащие острые бивни были готовы пронзить его. Вдруг под его ногами появилась суша, он поднимался к острову, зажатому высокими скалами. Ступни его ощутили горячий песок. Чудовища расположились вокруг острова, превратившись в бдительных, диких стражей, которые топили любое приблизившееся суденышко. Песок вдруг разошелся в стороны и открыл тело молодой женщины, чье лицо он никак не мог различить. Она умоляла его освободить ее из ужасной тюрьмы, слезы ее, столь же соленые, как и вода океана, попадали ему на губы, и он почти с неземным счастьем глотал их. Он обещал ей помочь, если она покажет свое лицо. Она приподнялась, и он увидел лицо старухи с остекленевшими, бесцветными глазами, беззубым ртом и гноящимися губами. Она требовала сдержать обещание. Несмотря на невероятное отвращение, он протянул ей руку, чтобы вытащить из зыбкого песка, но усилия его были тщетными, бесполезными... Песок затягивал их обоих, затекал в их рты, забивал глаза... Он понял, что борьба бессмысленна, и крикнул женщине, чтобы та отпустила его руку. И тогда она улыбнулась ему, ее черты разгладились, обрели гладкость молодости — яркая вспышка заставила его зажмуриться.

Он открыл глаза. Залитый светом дом рыбака тонул в спокойствии. Тишину нарушали лишь далекие крики альбатросов и чаек. Он спросил себя, сколько времени спал. Потом встал и медленно — он никогда бы не подумал, что простое движение по твердой земле может вызывать такое ощущение качки! — подошел к открытому прямоугольному окну, в которое вры-

вался яркий дневной свет. Он прикрыл глаза козырьком из ладоней, чтобы изъеденные солью глаза привыкли к ярким краскам.

Туман, разодранный океанским бризом, пропитанным йодом, еще цеплялся за кусты и скалы. Но взгляд Тиксу не смог пронзить густой туман под скалами, который скрывал бухту. Он слышал шум прибоя, глухие удары волн, сотрясавших скалы. Вокруг дома росла желтая жесткая трава, на которой иногда вспыхивали небольшие синие цветы. Он оторвался от зрелища, открывавшегося из окна, и обнаженным вышел из комнаты, дрожа от холода. Тиксу оказался в большой круглой комнате со скромной мебелью, служившей гостиной. На подвесной этажерке стоял старый квадратный голоэкран, по которому бежали кадры, передававшиеся из Венисии. Застекленное окно выходило на дворик, мощенный плоскими булыжниками. На небольшом столике (целое состояние для торговцев Блошиного рынка на Оранже!) лежали красный комбинезон, пара желтых сапог и клочок бумаги, на котором было нацарапано несколько строк:

Возьмите эту одежду. Она чистая. Я вернусь в начале отлива. Поесть найдете в кухне. Да помогут вам феи, К.Д.

Тиксу натянул комбинезон. Хотя он был великоват, оранжанин сразу согрелся. Потом влез в сапоги — их верхняя часть автоматически охватила его бедра и плотно прилегла к ним.

Желудок, о котором он до сих пор не вспоминал, дал о себе знать возмущенным голодным урчанием. Пройдя мимо потрескавшегося зеркала, он обратил внимание, что волосы его частично выцвели от соли: появились светлые, почти белые пряди. Жесткая борода покрыла щеки и подбородок. Кожа чесалась, но зуд можно было терпеть.

Рыбак знал, что предложить: на кухонном столе высилась груда еды. Ракообразные и рыбы, завернутые в коричневые, зеленые или черные водоросли. Тиксу сел на табурет и жадно набросился на пищу. Он проглотил огромное количество крабового паштета, рулет из лангустов, куски рыбы, маринованные в пряных травах... В глубине кухни двустворчатая дверь выходила на второй дворик, заканчивающийся обрывом. Несколько красных комбинезонов сушилось на веревках, покачиваясь под легкими порывами бриза. На черных камнях лежали рыболовные снасти, косяковые зонды, магнитные приманки, надувные сети... Мирная атмосфера, царившая в доме Квена, вдруг показалась ему подозрительной, словно сгустившаяся тишина, кото-

рая предвещает ужасную бурю... Он долго разглядывал дворик, но, не увидев ничего необычного, пожал плечами и продолжил обильный завтрак.

Именно в этот момент раздался грохот разбитого стекла и дерева — и перед ним возник ринс ГТК. Оранжанин с клешней омара в руке не успел среагировать — он очутился нос к носу с неким подобием черного гриба высотой два с половиной метра. Круглая шляпа ринса с множеством мигающих окошечек накрывала прямую цилиндрическую ножку, внутри которой прятался миниатюрный деремат, способный переносить ринса и его добычу прямо в центральный офис Компании. Окаменев на табурете, Тиксу уставился на сверкающие буквы, застывшие на голоэкране под шляпой: РИНС ГТК, модель ТХУ.

Автомат возвышался над ним. Поскольку дверь была для него узка и низка, он просто вышиб ее вместе с рамой. Хватательные ремни, пористые, липкие и эластичные щупальца, вытянулись из коротких трубок и начали обвивать тело и конечности жертвы. Ремни еще не успели закрепиться на коже Тиксу, как тот в отчаянном порыве оттолкнул стол, пытаясь опрокинуть ринса. Давление ремней немного ослабло, и оранжанин сумел освободиться. Он перепрыгнул через опрокинутый стол и бросился во дворик. Щупальца засвистели за его спиной, но ухватили лишь пустоту.

Тиксу обогнул дом и побежал вперед. Преследуемый ревом двигателя механического сыщика, он едва не рухнул в затянутую туманом пропасть, споткнувшись о камень. Ринс имел его клеточные и обонятельные координаты. Он неуклонно шел по следу от Двусезонья и не собирался прекращать преследование. Модели ТХУ никогда не ошибались.

Тиксу растянулся на сухой колючей траве. Он вскочил на ноги, хотя ободранные колени и локти нещадно болели, а ватные ноги едва держали. Он бежал все медленнее, а когда оглянулся, заметил гигантский гриб в нескольких метрах позади. Его черная масса выделялась на фоне серого тумана. Полоска земли перед Тиксу сжималась, превращаясь в узенькую скалу, похожую на нос корабля донафлинской эпохи.

Тиксу выругался — его угораздило забежать в тупик. Желтые чайки, привлеченные необычным утренним шумом, агрессивно кружили у него над головой. Еще несколько шагов — и пропасть, падение с вертикальной стены на острые скалы, вспарывавшие плотный слой тумана внизу. Тиксу в панике остановился и прислонился к скале, чтобы отдышаться и навести порядок в мыслях.

Ринс бросился на него. Он был запрограммирован на поимку дезертиров, а не на размышления. Его мог остановить только ядерный катаклизм или... Черная тень опустилась на лицо Тиксу — ему не надо было глядеть, чтобы понять, черные щупальца вновь направлялись к нему. Все пропало: еще со времени стажировки на Урссе он знал, что ринсы модели ТХУ никогда не упускают своей добычи. Они были оборудованы самыми лучшими сенсорными датчиками и анализаторами клеток. Если Компания не очень следила за оборудованием, которое предлагало клиентам, она не скупилась на расходы, чтобы иметь в распоряжении самых лучших механических сыщиков. И с людоедской яростью бросала их на поиски дезертиров, служащих-беглецов, предавших торжественную клятву ГТК, — успех зависит от преданности служащих, преданность служащих покоится на страхе, а страх обоснован хорошей репрессивной системой...

Отчаявшись, Тиксу сполз к подножию скалы. Ремни жадно охватили его запястья — ринс усвоил, что запястья могут опрокидывать или бросать предметы — и шею. От их жаркого и клейкого прикосновения Тиксу едва не вырвало. Шляпа автомата завертелась с бешеной скоростью. Чайки в испуге разлетелись в разные стороны.

Остальные щупальца обвили ноги, колени и бедра Тиксу, полностью его парализовав. Он казался себе попавшей в паутину мухой, к которой ползет черный хищник. Из ножки вытянулись шарнирные руки и металлические пальцы с различными инструментами: шприц с ярко-желтой жидкостью, снотворное, и захват для клеточного и кровяного анализа.

Ситуация была до того глупой и абсурдной, что на ресницах Тиксу повисли слезы огорчения. Петля замкнулась: он бросил Компанию ради Афикит (не совсем из-за нее, она просто стала последним толчком) и возвращался в нее, когда был близок к тому, чтобы отыскать девушку. И тут проявилась антра. Она смела черные мысли оранжанина, пытаясь установить внутри него глубокое, недвижное безмолвие, внутри которого с ним ничего не могло произойти. Но Тиксу никак не мог отвести глаз от ринса и яростно сопротивлялся призыву безмолвия. Паника и ужас, которые внушала ему черная машина, удерживали его на поверхности сознания, сводили все его чувства к страху, крошили на части, не позволяли уйти в отрешенность цитадели безмолвия. Внутренний голос требовал не противиться действию антры, а расслабиться, сбросить оболочку видимости, оборвать зловредную пуповину менталитета. Тиксу отбивался, как дикий, яростный зверь, не позволяющий пленить себя. Паника

перешла в ужас, когда захват-анализатор присосался к его шее. Ринс, равнодушный к внутренней буре, сотрясавшей пленника, методично проводил обследование: второй этап, формальная клеточная идентификация, а потом программирование, чтобы вернуться в центральный офис Компании.

Ужас и отчаяние привели Тиксу на грань его физического и ментального сопротивления. Ему только осталось закрыть глаза и покориться вибрации антры, что было равнозначно прыжку в пустоту. Последние очаги сопротивления тут же растаяли, как миражи под ветрами пустыни. Звук жизни увлек его в цитадель безмолвия, где страх и прочие эмоции были лишь безобидным, едва заметным возбуждением.

В плоть Тиксу вонзилась игла, чтобы взять образец для клеточного анализа. Несмотря на зловещий вид, он почти не почувствовал боли. Потом игла вместе с шарнирной рукой убралась внутрь цилиндра через лючок, который захлопнулся с резким щелчком. Шляпа завертелась еще быстрее, словно ее раскрутили невидимые могучие руки.

Погруженный в цитадель безмолвия, Тиксу открыл глаза, наблюдая за черной машиной. Он превратился в нейтрального зрителя, в свидетеля. Ему казалось, что машина обследует не его, а кого-то другого. Тело ему больше не принадлежало и не ограничивало его. На дикую местность с ее туманом, парящими чайками и альбатросами, покачивающимися кустами и прибоем снизошло умиротворение. Природа тоже окуталась вибрирующей тишиной. Она пропитала окружающую жизнь.

Ринс удивленно заскрипел. Шляпа перестала вращаться, окошечки — мигать. Ремни отпустили жертву и застыли в нерешительности. Ножка покачнулась, словно от неожиданного удара. Цепи автомата одна за другой отключились. Словно робот замкнуло. Заинтригованные этой внезапной неподвижностью, две или три чайки подлетели ближе, чтобы рассмотреть черный гриб.

Створка на ножке сдвинулась в сторону, открыв белый голоэкран, по которому побежал текст:

Код ТХУ 4С: ошибка. Ваши клеточные координаты не совпадают с клеточными координатами разыскиваемой персоны. В данные нашего мемодиска вкралась ошибочная информация. Для внесения жалобы можете обращаться в центральный офис Компании, Рабанан, здание Эль Букр.

Тиксу не удивило то, что в прежние времена показалось бы ему невероятным, необъяснимым изменением си-

туации. Модель ТХУ не могла ошибиться. Было лишь одно возможное объяснение: его клеточный состав, его ДНК, его отпечаток человеческого существа изменился после погружения в безмолвие и перестал совпадать с идентификационными данными ринса.

Ремни медленно втянулись в машину. Створка закрыла экран. Ринс запрограммировал себя на возвращение в Рабанан, где его цепи подвергнут тщательному обследованию. В воздухе послышался легкий треск, и ринс растворился в густом тумане. Он окончательно потерял след служащего-дезертира.

Тиксу медленно вынырнул из цитадели безмолвия. Он ощущал безмерное спокойствие. Усталость как рукой сняло. Ушли тяжесть, судороги, боли и раздражение кожи! Новые силы влились в его мышцы, в каждый его орган. Это ощущение возрождения было уже им испытано в хижине има садумба Качо Марума, после того как он выпил внутреннюю воду речной ящерицы. Он понял, что вечное возрождение было постоянным, а не эпизодическим, как ему казалось до сих пор. Он пообещал себе провести с помощью антры систематическое обследование тайн своей физиологии. Если звук мог менять клеточный состав, то, очевидно, позволял добраться до новых границ, отодвинуть пределы возможного. Он окончательно успокоился, полной грудью втянул насыщенный йодом воздух и неторопливо вернулся в дом Квена Даэла.

Когда рыбак через два часа присоединился к нему, Тиксу рассеянно поглядывал на экран головизора, где показывали сцены из жизни императора. Квен вернулся домой пешком по короткой дороге. Он был одет в праздничные одежды: длинный белый пиджак, цветастая рубашка с широким воротом, покрывавшим плечи, шаровары, низ которых был вышит зелеными блестящими нитями и обтягивал сверкающие ботинки из кожи морского змея, съедобного животного, за чьей чешуйчатой кожей охотились на всех мирах из-за богатства ее оттенков. Белая шевелюра, обычно удерживаемая полоской ткани, была собрана в тугой пучок на затылке.

— Ну вот вы и в порядке, водный гость! — воскликнул он весело. — Альбарские феи были добры к вам! Мало кому удалось остаться в живых, отведав горечи их слез. Быть может, потому что сегодня начались праздники в их честь. Я сегодня рассказывал о вас в городе. И все решили, что вы и есть герой праздничества. Хороший знак — появление человека, выплывше-

го из вод в день почитания фей. Это обещает плодородный год!.. Выключите этот проклятый экран... Последнее время по нему ничего хорошего не показывают...

Тиксу встал, нажал на выключатель и подошел к рыбаку.

— А вы не сказали, что вы — главный виновник? — спросил он с улыбкой. — Не вылови вы меня, год, быть может, был бы не столь плодородным!

— Ба, я просто инструмент, не ведающий о мудрости магов, — замахал руками селпидянин. В его голосе не было никакой ложной скромности. — Они привели вас ко мне. Напротив, я и слова не проронил по поводу невероятной истории со злымоном... Они бы назвали меня лжецом, скажи я, что собственными глазами видел злымона, который к тому же извлек вас из Альбарских вод и не напал на мою лодку... А ведь так и было. Злымон, живущий у черных островов, отпустил нас живыми и невредимыми! Признаюсь, все это мучило меня добрую половину ночи. Я спрашивал себя, не вижу ли сон наяву, как фея Искорка, когда злыдень Мон разогнал ее сновидения и вбил в голову странные мысли... Большинство селпидян уверено, что злымоны являются мифическими животными и существуют лишь в воображении детей и простодушных. А скажи я им, что мои глаза видели настоящего огромного злымона, они признали бы меня сумасшедшим.

— Быть может, это к лучшему, — сказал Тиксу, удивленный красноречием хозяина.

— Быть может... Вы поели?

— Да, спасибо. Восхитительная пища. Но... пойдемте... поглядите...

Оранжанин потащил Квена в кухню и показал ему выбитую дверь:

— В ваше отсутствие на меня напал ринс ГТК. По ошибке. Он обследовал меня и убыл... Но выломал вашу дверь.

В раскосых глазах Квена, которые остановились на Тиксу, блеснули огоньки.

— Ну и ну! Вы не простой человек! — пробормотал он. — Не успел вас спасти злымон, как на вас по ошибке нападает ринс! Не очень банальная история, случившаяся с вами за несколько часов. С вами постоянно что-то происходит, а об этом даже нельзя рассказать, настолько все невероятно. И будет еще невероятнее, если об этом начну рассказывать я, ведь Квен Даэл — потомок тысяч и тысяч рыбаков и врунов! Поймите, дурная репутация семьи...

— Жаль. Если хотите внести жалобу, у меня есть координаты Компании и робота.

— Бог с ней, с дверью! Когда понадобится, я ее отремонтирую. Вы достаточно оправились, чтобы сопровождать меня в Гугатт?

— Я в отличной форме.

Предложение было как нельзя кстати: в городе Тиксу мог разузнать о возможности проникнуть в монастырь Ордена абсуратов. Он не осмеливался спрашивать хозяина из страха навлечь на него серьезные неприятности. Он и так корил себя за то, что поставил дочерей Жеофо Анидола на Маркинате в тяжелое положение. Он знал, что им не выбраться целыми и невредимыми из лап инквизиторов и убийц-притивов. Он не должен был допускать той же ошибки с Квеном Даэлом. Чем меньше последний будет знать, тем в большей безопасности окажется.

— Прекрасно, — кивнул селпидянин. — Вы крепки, как молодой маг! Поплывем по океану — путь короче и не столь утомительный.

— А туман?

— Туман рассеется через несколько минут... Чайки и альбатросы уже начали нырять с верхушки скалы...

Собрав кое-какие вещи, они спустились по вырубленной в скале лестнице на мостки, к которым была пришвартована аквасфера. Как и предсказал рыбак, туман быстро рассеялся. Усиливающийся ветер с океана гнал к берегу стадо черных низких туч.

— Надо поспешить, если мы хотим добраться до города до бури! — сказал Квен, поглядывая на небо. — Буря — хорошее предзнаменование в день праздника Плача. Она означает, что боги участвуют в веселье, посылая нам свои слезы.

Мостки со зловещим треском раскачивались под порывами ветра и волн. Чайки и альбатросы пикировали и парили над волнами, окатывавшими их пеной. Птицы падали в воду и выныривали с бьющимися мокрыми рыбками в клюве, которых пожирали, взлетев на скалы.

Квен виртуозно провел аквасферу через канал, едва ли более широкий, чем мостки. По бокам канала торчали острые рифы, на которые ветер и волны пытались бросить легкое суденышко. Выйдя из бухты, они двинулись вдоль берега. Аквасфера без груза быстро набрала скорость. Она неслась по самым верхушкам волн, напоминая большого водяного паука. Несмотря на сильные удары волн в стенки суденышка, подвижный пол не менял своего горизонтального положения. Он сам выправ-

лял любой крен, и у Тиксу возникло ощущение комфортабельной поездки по ровной дороге, а не разбушевавшемуся морю. Рыбак не отрывал взгляда от воды. Его руки лежали на руле — белом шарике, укрепленном на подвижной колонке. Он умело избегал подводных камней, внезапно возникавших в провалах между валами.

Вскоре они увидели огромное сооружение с четырьмя круглыми башнями под зелеными куполами по углам. В центре высился квадратный белый донжон. Невероятно высокие стены были сложены из грубо обработанных желтых блоков, заросших морским лишайником. В стенах виднелись бойницы, лестницы, а от них прямо к океану тянулись дороги. Крепость напоминала огромную искусственную скалу, у подножия которой с ревом разбивались волны, выбрасывая вверх белую пену. Тиксу даже не спросил Квена, что это за здание, части которого он видел через усеянную каплями воды крышу аквасферы. Это гигантское сооружение, бросавшее вызов океану Альбарских Фей, было ставкой абсуратского рыцарства. Словно прочитав его мысли, рыбак сказал:

— Монастырь Ордена! Море разбушевалось, а не то вы увидели бы, как они тренируются на пляже...

В голосе рыбака чувствовалась скрытая гордость. Как и его соплеменникам, Квену нравилось присутствие Ордена абсуратов на Селп Дике. Орден как бы принадлежал им — это выглядело наивно, по-детски, но их чувства вызывали симпатию. Чем ближе они подплывали к стенам, тем головокружительнее казалась их высота — создавалось впечатление, что они касаются туч.

— Ее словно построили сами феи! — воскликнул рыбак. — Стены имеют триста метров в высоту, а каждый блок в стене весит десятки тонн! Ни я, ни один другой селпидянин не был внутри, но говорят, там разместился целый город. (Рыбак понизил голос так, что тот стал походить на журчащий ручеек.) Ходят слухи, что готовится сражение между армиями нового императора и рыцарями Ордена. Так утверждают все торговцы, попадающие в Гугатт. Да помогут нам маги и феи, чтобы мы не пострадали от этой войны... Вы знаете, нас еще никогда не покоряли силой...

Тиксу не стал сообщать ему всего того, что знал об ужасных убийцах и ментальных инквизиторах. Он вглядывался в желтые стены, за которыми была Афикит. От нее, от ее красоты, от света ее глаз его отделяли только стены. Ему вдруг захотелось, чтобы аквасфера немедленно встала на якорь и он мог спокойно погрузиться в эйфорию. Тучи чаек и альбатросов, подвиж-

ная желто-серебристая мозаика на фоне бледного неба, скользили над монастырем, вероятно, в поисках остатков пищи.

Тиксу видел, какие трудности его ждут, пока он определит, где находится молодая женщина. Он догадывался, что сооружение представляет собой сложнейший лабиринт коридоров, анфилад, зданий, внутренних дворов, террас и потайных лестниц. И тогда, ведомый интуицией, он закрыл глаза. Антра быстро опустошила его сознание, он укрылся в цитадели безмолвия.

Как и с агентством Бабсе на Маркинате, перед ним возникла внутренность монастыря, а вернее, он начал мысленное виртуальное путешествие по крепости, хотя его внешняя оболочка в неподвижности застыла на аквасфере. Вначале он увидел гигантскую эспланаду, по которой двигались юноши в одеждах бронзового цвета, нагруженные продуктами и инструментами. Затем — крутые, пересекающиеся лестницы, чьи неровные вытоптанные ступени вели к дороге, окружавшей монастырь. Проникнув в сердце улья, Тиксу начал свое путешествие: пробирался в строения с огромным количеством келий, в огромные трапезные с рядами массивных деревянных столов и скамей, в темные влажные залы со сводами, где молодые люди, сидящие прямо на шершавом холодном полу, с почти религиозным почтением слушали старых учителей в одеждах столь же белых, как и их длинные волосы, ниспадавшие на сутулые плечи, в узкие, закрытые дворики, где люди в серых сутанах, таких же, что была на рыцаре Лоншу Па, тренировались, издавая крики, от которых взрывались круглые камни, собранные в кучи... Он посетил множество помещений, коридоров, галерей, башен, малых донжонов, мансард, продуваемых океанским ветром, библиотек, видеоголотек, менталотек. Он побывал в мрачных подземельях, где были замурованы страшные тайны, в кабинетах, где суетились люди в красных одеждах, в караульных помещениях, где мужчины с неприятными лицами шумно гоготали над грязными шутками, хлопая друг друга по плечу... Архитектурная сложность монастыря превращала его в запутанный лабиринт, все ходы, входы и выходы вряд ли знал даже человек, давно знакомый с этими местами. Самое маленькое крыло, самая маленькая пристройка представляла собой сплетение коридоров, лестниц, галерей, тупиков, единственной целью которых было запутать незваного визитера и не дать ему выбраться наружу.

Дух Тиксу проникал через материю так же легко, как тело проникает через воздух. Он посетил древние полуразрушенные туннели, подземелья с частично обрушившимися сво-

дами. Он проник в темный влажный склеп, устроенный под фундаментом стены. В нем была масса старинных книгофильмов и видеоголофильмов, покрытых плесенью. Там же, на плоском камне, стоял голофон. На боку лежал древний дюралевый шкаф с распахнутыми дверцами. Его содержимое — чипы, провода, бобины, винты, гвозди, тубы с клеем — валялось в грязи... Чуть дальше виднелась выломанная металлическая крышка люка, выходившего на лестницу, по которой носились вечные сквозняки. Тиксу пролетел над вытоптанными ступенями, засыпанными каменными блоками. Он двигался к дневному свету, грязному и бледному, пока не оказался снаружи. Выход лестницы нависал над океаном и находился всего в нескольких метрах от воды. По зеленоватым следам, оставленным соленой водой, было ясно, что до него можно было добраться лишь в прилив. Опора угловой башни скрывала выход от посторонних глаз.

Дух Тиксу спустился в склеп и вышел из него с другой стороны через подземные галереи и витые лестницы. Он пересек еще несколько комнат, залитых слабым светом, где вокруг реторт суетились люди в синих блузах. Старик с безобразным лицом прохаживался от одной группы к другой и подгонял помощников хриплыми выкриками.

Мгновение спустя Тиксу очутился в келье со стенами, затянутыми древними водообоями янтарного цвета. В метре над плитчатым полом висела кровать. И на этой кровати под темно-зеленым одеялом, из-под которого виднелись лишь золотистые волосы, лицо и шея, лежала Афикит. Она не спала. Ее глаза были устремлены в пустоту, она плыла по течению лихорадочных, мечтательных мыслей. Он снова восхитился кристальной чистотой ее черт. Признаки усталости и болезни не нарушали ее сверхъестественной, прозрачной красоты. Он попытался войти в контакт с ее мозгом, но голову молодой женщины занимали слишком поверхностные мысли, чтобы она могла ощутить призыв из безмолвия. Он не отчаивался, упорствовал в желании заговорить с нею, искал возможность сообщить о своем невидимом присутствии. Его попытка отозвалась болью: ему удалось понять, что мысли Афикит были сосредоточены на темноволосом воине, который забрал ее с Красной Точки. Образ этого человека, чья презрительность во время их короткой встречи показалась Тиксу отвратительной, полностью занимал эмоциональное пространство сиракузянки. Быть может, оранжанин предчувствовал в нем соперника.

От шока Тиксу утерял контакт с безмолвием и внезапно вернулся к реальности аквасферы. Он лежал на подвижном полу, а Квен Даэл смотрел на него с озабоченным видом.

— Я решил, что вы умерли! Ваши глаза закрылись, и вы рухнули на пол! Быть может, головокружение от долгого пребывания в слезах фей...

— Вероятно, — проворчал Тиксу.

Он с трудом сдержал желание послать куда подальше рыбака с его феями. Мысли, столь же черные, как и собирающиеся облака в небе, заполнили его помрачневшую душу. Ситуация вдруг показалась ему совершенно абсурдной. Он увидел себя таким, каким был несколько стандартных дней назад в жалком агентстве на Двусезонье, задавленным инерцией существования и отвращения, воспринимающим жизнь как медленное и неотвратимое погружение в холодные объятия смерти. И только желание, возникшее при виде Афикит, единственное, чувственное желание, пробужденное ее женским началом, заставило его, забыв обо всем, ринуться по ее следам. А теперь это желание — он отдавал себе в этом отчет — могло спокойно угаснуть. Он не видел причины продолжать погоню за призраком. Он сожалел, что в океане возник злымон и помог ему. Он сожалел, что ринс ГТК не узнал его. Он сожалел об упрямом везении, с которым случай постоянно сохранял ему жизнь. Он сознательно старался не слышать звука жизни, отказывался от успокоения, которое тот мог дать, и погрузился в жадное, мертвящее созерцание своих страданий. Эмоциональное потрясение отбрасывало в никуда все тончайшие ощущения. Ему казалось, что любовь Афикит к воину подавила интуицию молодой женщины. В приступе ироничного прозрения он сказал себе, что есть нечто приятное в погружении в болото горьких, разъедающих душу страданий, хотя, устремись он на берега безмолвия, его суетные переживания обрели бы истинные пропорции. Разве не безмолвие помогло ему побороть ужас во время нападения ринса ТХУ?

Но он с каким-то сладким отчаянием предпочитал исследовать лабиринт своей поверхностной страсти. Это доставляло ему извращенное мазохистское удовольствие, безжалостно открывало глаза на собственные границы, вскрывало истинные размеры его чувственной и эмоциональной тюрьмы. Он яростно цеплялся за знакомые вехи, словно после долгого пребывания в безграничном спокойствии, царящем в глубинах души, ему следовало компенсировать отдых ураганом душевных мучений.

Буря всколыхнула желание безраздельно обладать Афикит, и все его чувства пытались поставить Тиксу в зависимость от этого желания. Его раздражала мысль, что девушка мог-

ла достаться другому, что сама Афикит сознательно выбрала иную темницу, а не ту, в которую хотел заключить ее он.

Он вдруг понял, что это властное, капризное, детское желание было последним признаком закончившегося существования и что он сможет окончательно разорвать путы, связывающие его с прошлым, только отбросив это желание, если оно не могло осуществиться.

— Мы прибываем, — робко сообщил Квен Даэл.

Селпидянин, обескураженный сменой настроения своего пассажира, предчувствовал, что тому придется сыграть важную роль в исполнении магии Альбара. Встреча со злымоном оставила неизгладимый след в памяти рыбака. Квен даже ночью задавал себе вопрос, а не столкнулся ли он с магом древних времен, вернувшимся с чудесных зеленых островов, чтобы заложить новую цивилизацию на Селп Дике.

Вдали показался порт Гугатта. Крыши, крытые красной черепицей. Высокие белые дома. Округлые загривки аквасфер, вытянувшихся вдоль причала. Все это появлялось в разрывах густого тумана. Город, где обитали несколько тысяч человек, был небольшим. Автохтоны жили почти исключительно рыбной ловлей и эксплуатацией ресурсов океана Альбарских Фей. Квен Даэл сообщил Тиксу, что селпидяне, люди по своей природе мирные, ревностно относятся к своей независимости и ими управляет совет ректоров, который избирается каждые три года. Они мирно уживались с Орденом абсуратов, чье присутствие снижало риск захвата их мира, лишенного какой-либо другой защиты. Рыцари Ордена никогда не вмешивались в местные дела. И за редчайшим исключением всегда оставались за стенами монастыря. Единственными, кого видели на улицах Гугатта, были курьеры экономата, юные ученики с детскими лицами, которые приходили, чтобы передать торговцам заказ на рыбу или ракообразных.

Сразу за пригородами, состоящими из таких же высоких белых домов с узкими окошками, круглыми или овальными, балконами с черными коваными решетками, и теснившимися вдоль узких улочек, бегущих по склонам холмов, тянулось несколько гектаров леса. В лесу росли громадные деревья, единственные, которые сумели не погибнуть на каменистой поверхности континента Альбар. Квен широким жестом обвел кудрявую зелень, венчавшую холм над городом.

— Лес магов! — сказал он. — Там и будет проходить священное представление легенды.

Низовой ветер гнал тяжелые бледные валы, которые ударялись о стенки аквасферы. Толчки были теперь настолько сильными, что пол не успевал выправлять крен. Тиксу было трудно сохранять равновесие, и он вцепился в ручки, которые рыбак спустил с потолка. И все же оранжанину удалось подметить признаки празднества в городе: засушенные цветы на фронтонах дверей, гирлянды ярких морских звезд, растянутых над улицами, зеленые и желтые огоньки на площадях. Разгуливавшие по улицам жители города во весь голос распевали древние грустные песенки. Мужчины были одеты, как и Квен, — длинные пиджаки и яркие рубашки с открытым воротом, шаровары, отделанные позументом, обувь с острыми задранными носами. Их белые, иногда синие волосы были собраны в пучок на макушке. Женщины нарядились в широкие юбки и в белые и черные кружевные блузы, украшенные мелкими ракушками. Их тонкие лодыжки сжимали посеребренные цепочки с колокольчиками, звеневшими при каждом движении. Распущенные волосы, украшенные несколькими тонкими косичками с бантиками, ниспадали на плечи. Отовсюду слышался заливистый смех, растворяющийся в говоре, криках, песнях, звоне, свисте ветра и океанском реве.

Первые капли дождя упали в момент, когда Квен пришвартовался к причалу, укрывшись от разбушевавшейся стихии.

— Пошли! — крикнул он Тиксу. — Дождь пошел! Феи с нами!

Дождь не охладил пыла селпидян, а усилил его. Они возбужденно носились по улицам, целовались, поздравляли друг друга, толкались и заигрывали друг с другом. Едва Квен и Тиксу ступили на причал, как тут же были вовлечены в хоровод взявшихся за руки людей, пустившихся в импровизированный танец.

— Слезы фей! Слезы фей! Год будет отличным! Феи с нами!

Дождь, словно полноправный участник празднества, усилился, яростно колотя струями воды по мостовым и сопровождая глухим ритмичным стуком народное веселье. Тиксу тащили за собой, выталкивали в центр круга, который образовывался и тут же распадался. Танцоры, мужчины и женщины, не обращали внимания на дождь, хотя скользили и падали в лужи. Океан ревел, как зверь, поджидающий добычу. Дождь насквозь промочил женские блузки — они прилипли к телу, и сквозь кружева виднелись темные овалы на округлых бугорках с острыми торчащими сосками. Ветер участвовал в разгуле, поднимая юбки и обнажая бедра. На женщинах не было нижнего белья.

— День праздника! — крикнул Квен. — Сегодня все женщины — феи, а все мужчины — маги. Сегодня нет ни жен, ни мужей...

Потом завопил:

— Вот тот, о котором я говорил утром! Его зовут Било! Он выбрался из пучины горьких слез!..

Женщины окружили оранжанина, касались его, гладили. Капли дождя сверкали жемчужинами на их смеющихся губах, на лбу, на растрепанных волосах. Фляжки с кисло-сладким напитком переходили из рук в руки, каждый прикладывался к их горлышку. Янтарная жидкость стекала по подбородкам. Все смеялись. Старики со сморщенными лицами отбивали ногой такт, чтобы помочь танцующим, и смеялись в ответ на двусмысленные шутки окружающих. Дети, словно опьяневшие птицы, носились по улицам и площадям города.

Толпа вынесла Тиксу на квадратную эспланаду. Он под хохот окружающих женщин неуклюже пытался повторить па танца магов, ухаживающих за феюшками. Лицо его было мокрым, волосы прилипли ко лбу и вискам, холодные струйки затекали за ворот комбинезона.

Напиток, которым его поили почти насильно, ударил в голову. На мгновение все показалось ему продолжительным сном. Он словно вернулся в таверну «Три Брата» на Двусезонье, где к нему приставали старухи проститутки. В его губы впились губы женщины, он почувствовал ее зубы на нижней губе, мокрые руки проникли под комбинезон, поползли по груди, потом по животу. Нетерпеливые пальцы охватили его затвердевшее естество. Вокруг слышались истерические крики. Женщина задрала юбку и плотоядно прижалась к нему. Она задыхалась, короткие стоны прерывали ее горячее прерывистое дыхание. Тиксу казалось, что все смотрели на них, но понял, что никому не было дела до них, что на площади уже образовалось множество пар, многие спрятались под навесы крылечек и занимались любовью стоя, прижавшись к стене, другие падали на мостовую или усаживались на скамейки... Дети вели себя так, словно все происходящее было естественным: они не обращали внимания на забавы взрослых и с громкими криками носились под струями дождя. Свободной рукой, не отпуская Тиксу, женщина поспешно расстегнула корсаж и юбку, дернула молнию на его комбинезоне и начала его стаскивать, обнажив плечи оранжанина. Она не обращала внимания на огромные капли, ударявшие по ее обнаженной коже. Тиксу втянул в себя усиленный дождем запах жен-

щины, интимный и мускусный. Его охватило дикое яростное желание. Он схватил женщину за затылок и прильнул к ее рту с такой силой, что их зубы ударились. Ее грудь распласталась под его торсом, а ее пальцы продолжали сжимать его разбухшее древко. Комбинезон соскользнул вниз и сложился у сапог. Ветер и дождь ударили по обнаженной спине, ягодицам, бедрам, подхлестывая неистовое желание. Женщина опустилась на мостовую, раскинула ноги и приподнялась, приглашая его погрузиться в нее. Он встал на колени, глянул на алую рану, опушенную черным курчавым волосом... Из глаз его брызнули слезы, смешавшиеся с дождем. Он упал на нее и с отчаянной яростью ворвался в трепещущую жаркую плоть.

Океан Альбарских Фей неистовствовал. Валы катились на приступ причала, накрывая его языками пены. Черные тучи почти совсем расправились с дневным светом.

Протяжный звук гонга пронесся над Гугаттом. Квен Даэл приблизился к задумчивому Тиксу, который заканчивал одеваться. Женщина исчезла: она напоследок страстно поцеловала его и, подхватив одежды, удалилась обнаженной, свернув в ближайший переулок.

— Вижу, маг нашел свою фею! — пошутил Квен. — Время представления легенды. Пора идти в лес. Праздник продолжится позже.

Толпы горожан тянулись по улицам к лесу, образовав длинный красочный кортеж. Все лица, даже самых маленьких детишек, прониклись серьезностью. Вскоре процессия достигла окраины леса и двинулась по неширокой тропе, уходившей под деревья. Тиксу вымок до мозга костей, когда наконец вступил в лес, где капли падали реже. Его губы, искусанные дикаркой-партнершей несколько минут назад, побаливали, а спина горела от нанесенных ею царапин. Он пытался не думать об Афикит — ему казалось, что он ее предал. Его несла человеческая река — почти километр он шел меж застывших губчатых папоротников. В лесу росли только сосны с искривленными ветвями и массивными кручеными стволами. Иногда он бросал вопросительные взгляды на Квена, но тот в ответ только улыбался, кривился или пожимал плечами.

Тропинка закончилась на просторной круглой поляне, в центре которой высилась высокая эстрада с желтым занавесом, закрывавшем сцену от всех взглядов. Селпидяне собирались вокруг нее плотными рядами, не обращая внимания на

дождь и ветер. Два старца, стоявшие на краю эстрады, внимательно следили за толпой. Их белые бороды выделялись на иссиня-черном фоне длинных туник.

Когда все горожане собрались, один из старцев дважды прогудел в раковину, которую извлек из складок пояса. Тиксу наблюдал за лицами людей, стоявших вокруг: их глаза странно поблескивали, исполненные почитания к древней легенде. Даже Квен попал под всеобщее тысячелетнее очарование.

Два старца схватили каждый за свой край занавеса и раздвинули его, потом замерли по краям эстрады. На сцене были изображены реликвии магического царства, Селп Дика древних времен: фонтан выбрасывал тонкую струйку живой воды, рядом высились две хрустальные скалы, к которым были подвешены грозди крохотных белых шариков. Позже Квен сказал Тиксу, что хрусталь был живым и давал фрукты-афродизиаки с удивительными питательными свойствами. Майкены — жрецы магии — тщательно ухаживали за хрусталем, чтобы во время ежегодных представлений он обеспечивал связь между прошлым и будущим, между гибелью и возрождением волшебного королевства.

По обе стороны фонтана сидели две девушки, игравшие роли Огонька и Искорки, двух дочерей феи Лучистой и мага Гудевура, тех самых, что навлекли несчастье на свой народ. На них были легкие шелковые покрывала, совсем не скрывающие тел и ставшие прозрачными от дождя. Чуть дальше, к столбику, вбитому в пол сцены, была привязана розовая коза, мирно поедающая траву, положенную перед ее черной блестящей мордой.

Но вот появляются маги, десять молодых людей, пышущих здоровьем и энергией. В черных шароварах, на обнаженной груди надписи и криптограммы на древнем селпиде. Они исполняют танец обольщения, но Огонек и Искорка с презрением отворачиваются от них, что вызывает огорчение магов и их уход со сцены. Теперь возникают завистливые злыдни, другие десять танцоров в искаженных гримасами масках. Они полностью обнажены, а их тела выкрашены черной краской. Они держатся на почтительном расстоянии от феюшек: могучая магия Гудевура мешает им преодолеть границы страны Альбар...

Мон, здыдень-хитрец, отделяется от группы и начинает танцевать танец сновидения вокруг заснувшей Искорки, лежащей у подножия фонтана. Он привлекает ее внимание к розовой козочке, символу невинности и поддержки со стороны ангелов и богов. Исполнив черное дело, злыдень Мон на цыпочках удаляется вместе с друзьями. На сцене опять появляется

группа магов. Феюшка Искорка просыпается и приказывает принести ей сердце козочки. Юноши извлекают из шаровар длинные ножи и бросаются на несчастное животное, которое едва успевает издать испуганное блеяние. Острое лезвие буквально перерезает ей глотку, голова козочки отделяется от тела и катится к краю эстрады. Кровь хлещет фонтаном, заливая тела танцоров. Один из них надрезает бок животного и извлекает трепещущее сердце. Все это время злыдни танцуют от радости, что ангелы и боги ушли, и празднуют падение волшебного королевства. Маги бросают кровоточащее сердце к ногам феюшки Искорки, но та в испуге отступает назад...

Тут же прекращает бить фонтан, хрусталь тускнеет, становится молочно-белым, гроздья фруктов срываются и катятся по полу сцены (эти необъяснимые физические явления, по словам Квена, повторяются ежегодно во время каждого священного представления).

Злыдни испускают радостные крики и захватывают волшебное королевство. Они кричат и кружатся вокруг двух феюшек и магов, залитых кровью невинного животного...

Внезапно Тиксу стал свидетелем необыкновенного зрелища: все женщины, молодые и старые, залились горячими слезами. Из их глаз лились настоящие потоки, от которых дождевые ручьи на земле стали еще многоводнее. Над опущенными головами вознеслись причитания. Умоляющие руки мужчин взлетели к небу — они просили богов даровать им прощение, они умоляли о пощаде. Женщины плакали в полной тишине, опустив головы, с лицами, закрытыми волосами, их грудь сотрясалась от беззвучных рыданий.

Через двадцать минут после начала плача и стонов, вовсе не походивших на какой-то бессмысленный ритуал, а являвших собой подлинное, глубокое выражение души селпидян, фонтан вдруг снова заработал. Хрустальные скалы на глазах стали прозрачными. Плач женщин превратился в радостные вопли. Страдания толпы перешли в ликование. Испуганные злыдни бросились в постыдное бегство, феюшки вскочили на ноги, радостно улыбаясь, а маги начали танец возвращенного счастья.

— И на этот раз слезы фей спасли нас, — шепнул Квен на ухо Тиксу. — Жизнь продолжается, ибо наши грехи смыты. Живая вода не иссякла, а хрусталь будет приносить плоды...

Крики толпы перекрыли свист ветра в кронах деревьев, грохот дождевых капель по листве. Лица выражали невероятное облегчение. Глубоко сидящий в их подсознании сус-

верный страх, что ангелы и боги окончательно отказались от них, исчез.

— Праздновать будем всю ночь! — крикнул рыбак. — Только выслушаем традиционную речь совета ректоров!

И все с растущим нетерпением принялись ждать, когда появятся ректоры и дадут сигнал к продолжению празднества. Горящие глаза женщин и мужчин встречались, давая друг другу немые обещания. Квен, закоренелый холостяк, был не последним из тех, кто пожирал глазами губы, шеи, груди и ноги женщин, мечтая об их ароматных колодцах, в которые обещал себе погружаться до полного изнеможения, пока не свалится, смертельно усталый и насытившийся, и не заснет беспробудным сном прямо на тротуаре или на скамье.

Десять ректоров совета, магическое число, появились на эстраде. Над толпой пронесся ропот удивления: они были не одни. Их сопровождали люди в белых масках и серых формах с жесткими нагрудниками, где сверкали перекрещивающиеся серебристые треугольники. Позади них шествовали три силуэта, чьи лица были скрыты просторными капюшонами, ниспадавшими на плечи. Эта троица была в синем, пурпурном и черном бурнусах. Сердце Тиксу забилось чаще, но в груди похолодело.

— Вы знаете этих людей? — спросил Квен, от которого не укрылось волнение оранжанина.

Наемники-притивы бесцеремонно вытолкали актеров за кулисы. Глашатай совета, старец с такой длинной белой прядью волос, что ее пришлось неоднократно скручивать на затылке, вышел на край сцены и твердым, хотя и печальным голосом объявил:

— Друзья, в этот день празднования плача фей Альбара мне поручено сообщить вам следующее: войска новой империи, первые представители которых, — он, не глядя, указал на людей в сером и на три силуэта в синем, пурпурном и черном бурнусах, — материализовались этой ночью у стен нашего города Гугатта, чтобы завтра утром дать бой абсуратскому рыцарству. Поэтому мы объявляем комендантский час. Все празднества аннулируются. Вы должны отправиться по домам и сидеть дома до часа вечерней зари. Любой, кого застигнут на улице с наступлением ночи, подвергнется немедленной казни. Мы, ректорье селпидского совета, будем ждать исхода битвы, чтобы известить вас и сообщить о будущей политике. А теперь прошу вас без всяких протестов разойтись и нигде не задерживаться. Друзья, да будут феи благосклонны к вам!

Над протрезвевшей аудиторией пронесся ропот разочарования, послышались крики протеста. Антра вновь оккупировала дух Тиксу. Она создала барьер безмолвия, чтобы избежать ментального обследования скаитов, уже приступивших к своей работе.

— Ректорье просят вас покинуть лес, не создавая трудностей! — прокричал глашатай совета, сверкая глазами. — Время переговоров еще настанет!

И вдруг толпа окаменела. Мертвящая тишина опустилась на поляну. Вода фонтана перестала течь, а хрусталь потерял прозрачность, как это было во время представления.

— На этот раз боги и ангелы бросили нас окончательно, — прошептал побледневший Квен Даэл.

Часом позже, сидя в аквасфере, уносившей их в дом Квена, Тиксу всмотрелся в успокоившийся океан.

— Завтра ранним утром мне понадобится ваша океанская лодка. Сможете мне ее одолжить?

Квен удивленно поглядел на своего пассажира:

— Ранним утром? Вы же были на поляне! Вы слышали приказ ректора!

— Я не прошу вас рисковать своей жизнью, а только хочу одолжить у вас аквасферу, — возразил оранжанин. — Большего я вам сказать не могу, ибо эти три существа, которых вы видели, являются скаитами Гипонероса и обладают опасной способностью читать мысли...

Квен Даэл помолчал, вглядываясь в океан, потом прошептал:

— Вы действительно необычный человек! Я буду вас сопровождать. Океан Альбарских Фей может сыграть предательскую шутку с тем, кто его не знает. Не важно, что вы собираетесь сделать! Для меня важно то, что злымон спас вам жизнь.

Это были единственные слова, произнесенные рыбаком за весь вечер и ночь.

Глава 19

И вот вы стоите лицом к врагу. Он разворачивает боевые порядки, угрожает, бросает вызов. И не настало ли время, перед тем как вступить в бой, спросить себя: а каким образом вы попали в такое положение?..

Это столкновение кажется вам неизбежным, необходимым, но не думаете ли вы, что оно есть следствие вашей собственной слабости, вашего собственного отказа от борьбы?..

Вы перекладываете ответственность за войну на другого, на врага, вы обвиняете его во всех несчастьях, вы отдаете ему инициативу...

Вглядитесь во врага: он точное, до отвращения точное отражение вашей гибнущей души, вашего гибнущего безмолвия, забвения вашего источника...

Глядите на врага как на знак. Знак, что надо как можно быстрее отыскать тропу, ведущую к внутреннему храму, к озеру Кси. Знак, что пришло время распахнуть свое сердце перед любовью...

Отрывок из античного видеоголофильма, который чудесным образом уцелел после пожара, уничтожившего основание монастыря Ордена абсуратов после великой Гугаттской битвы. Несмотря на низкое качество звука и изображения, эксперты категорически идентифицировали лицо и голос говорящего: это был махди Франко Брентон, один из ближайших учеников махди Бертелина Нафлина

Плотная тишина, царившая в абсолютно темной келье Филпа Асмусса, была нарушена негромким позвякиванием ключей. Огромные каменные блоки стен делали здания совершенно непроницаемыми для звука. Дверь со скрипом распахнулась, и внутрь кельи ворвался резкий свет, ослепивший воина.

В проеме возникла фигура рыцаря Шуда Аль Баха, эконома и духовника Филпа. Черты его осунувшегося, напряженного лица говорили об усталости, накопившейся за две бессонные ночи, которые он провел в бдении по соседству со своим крестником, помогая ему перенести предрыцарскую медитацию. Его обычно живые, зеленые глаза были затянуты сероватой пеленой. На нем была серая сутана вместо традиционной зеленой, которую обычно носили сотрудники интендантства.

С момента, как была заперта его келья и наглухо ставнями закрыта отдушина, Филп потерял всякое понятие о времени. Чтобы никакие посторонние раздражители не могли вернуть будущего рыцаря к земным, чувственным реалиям, его отделяли от среды, погружая в полную тишину и мрак. Эти трое суток он должен был оставаться наедине с самим собой, чтобы погрузиться в озеро Кси. Остаться лицом к лицу со своей совестью. Он не имел права поглощать какую-либо пищу, ни твердую, ни жидкую, должен был оставаться все время в позе медитации и не да-

вать себе возможности заснуть. Это продолжительное, утомительное бодрствование было испытанием, предназначенным для того, чтобы кандидат смог оценить свое искреннее и глубокое желание вступить в ряды рыцарей. Очень старые рыцари, в чьих рассказах было невозможно отличить правду от вымысла, утверждали, что раньше, в героические времена, эта медитация продолжалась не трое суток, а все тридцать, и если помыслы воина-кандидата не были чистыми, а его решимость — не абсолютной, он мог встретить свою смерть.

Когда его ментор Шуд Аль Бах в сопровождении стража, посланного директорией, приступил к официальному закрытию дверей кельи, произнеся обычное напутствие, Филп неторопливо занял позу медитации и спокойно принялся освобождать мозг от посторонних мыслей, ставших острыми и почти ощутимыми в полной визуальной и слуховой изоляции...

Здесь он следовал советам своего духовника:

— Не удерживайте свои мысли. У реки ваших мыслей есть исток — озеро Кси. Ваша собственная энергия, ваша собственная Истина. Она проявится сама, за ней не надо гоняться. А главное — безжалостно гоните сон. Если заснете, можете пройти мимо озарения. Ничего не бойтесь и забудьте о тоске. Ваш дух сам сообщит, достойны ли вы рыцарства, в чем я абсолютно уверен...

Вначале течение увлекло его к Афикит. Он понял, что ее отсутствие будет самым трудным испытанием за эти трое суток. Он стремится увидеть ее. Когда она оправится от болезни, он укроет ее своей серой сутаной рыцаря, которую считает достойной девушки. Лицо молодой женщины практически не покидает его, всплывает в момент, когда он ощущает хоть малейшее разочарование, начинает уставать или поддается сомнениям. Это сомнение постепенно, после первого успокоения духа, начинает колоть его своими отравленными остриями, подрывает расшатанные опоры веры, которую он поспешно воссоздал во время беседы с мудрецами директории и Плейсом Хартигом. Это сомнение приобретает черты и голос рыцаря Лоншу Па, изгоя, отщепенца, чьи сладкие, ранящие слова всплывают на поверхность памяти — их не стереть, они жгут, ибо пропитаны ядовитым духом истины, истины, отличающейся от той, которую громогласно провозглашают руководители монастыря.

И чем дольше и медленнее течет время, тем труднее Филпу отогнать образ Лоншу Па. Даже мертвый рыцарь-изгнанник остается упорным хищником, пожирающим его сердце и внутренности. Он чувствует, что его душу поглощает душа

компаньона по миссии на Красной Точке. Как крохотный грызун, попавший в когти хищника, он пытается вырваться, борется до самого конца, но вынужден согласиться с очевидным: усилия воина не могут подавить влечения к изгою с его суровым обаянием. И в этот особый момент, когда решается его будущее, он не может укрыться за привычной оболочкой веры, защититься от всепроникающего сомнения. Это обнажение самых интимных мыслей вызывает в нем невероятное чувство страха. Он отдаляет срок принятия решения, вспоминает Афикит, свое детство, свою семью, долгий путь, который привел его из сбарайских джунглей сюда, в эту темную келью, пропахшую солью и йодом.

Но постоянное бегство от очевидности только усиливает, укрепляет сомнения. *Слова Лоншу Па находятся ближе всего к исходной чистоте учения, которое излагалось махди начальных времен. Орден постепенно извратил его, и угроза конфликта, нависшая над ним, есть только следствие этой утери знания.*

Все его тело страдает от осознания очевидности. Он ощущает безмолвный вопль души, как отказ от клятвы, данной четырем мудрецам директории, как оскорбление, брошенное в лицо своему невидимому предводителю, махди Секораму, о чьей просвещенной улыбке он молит, ибо она может стать лучом света, поддержкой в том мрачном туннеле, по которому он движется. Он пытается слиться с древней традицией махди, чьи лица видел на потолке зала аудиенций директории. Но мольба его остается тщетной, ни один дружеский голос не помогает ему сломить одиночество и страдания. Он сожалеет о трусости, которую проявил, пытаясь найти вход в склеп архивов, он проклинает собственную слабость, не позволившую получить доступ к древнему знанию. Он восхищается мужеством Лоншу Па, который не побоялся бросить вызов всесильной коллегиальной иерархии, а главное, запретам своего сознания. Он, Филп Асмусса, потомок знатной и гордой семьи, был жестоким образом раз и навсегда разлучен с родными в самый решающий момент. Быть может, поэтому ему не хватает смелости и он считает себя недостойным звания рыцаря.

Постепенно его измученный дух начинает воспринимать Лоншу Па как маяк. Он никогда не думал, что последнее испытание, испытание, к которому он рвался всей душой с того мгновения, как стал учеником, окажется столь выматывающим. Кардинальная смена ценностей, обрушение идеологического здания, отсутствие твердости в убеждениях, в вере — разве не клялся он с ложной самоуверенностью перед мудрецами директории

и Плейсом Хартигом, что отныне твердо вступает на путь рыцарства, с которого никогда не свернет? — все это свидетельствует, что ему нет места в Ордене абсуратов.

Как и рыцарь-изгнанник, он приходит к убеждению, что Орден идет к катастрофе *на материальном поле, вдали от цитадели безмолвия*... Предчувствие неминуемого краха леденит кровь, сводит судорогой внутренности. Его вера в превосходство рыцарей тает, исчезает, а воспоминание о победе в дуэли с противником в зеленом бурнусе на Красной Точке перестает служить утешением. Напротив, он вспоминает о странной горечи, которую ощутил в момент победного исхода сражения. Ему кажется, что он стал невольным орудием махинации, предназначенной для того, чтобы ввести Орден в заблуждение. Сердце его сжимается, во рту пересыхает, из глаз текут слезы, и только образ Афикит не позволяет погрузиться в бездну отчаяния. Эта напряженная болезненная борьба внутри его существа мучает так, что он забывает о голоде, жажде, усталости.

«Истина явится сама. Ваше озеро Кси...»

Неужели это и есть озарение истины? В его душе укореняется уверенность, что Орден, принадлежать к которому он стремился всей душой и всем сердцем, превратился в пустую оболочку, которой управляет мелочная и состарившаяся администрация, использующая учение в корыстных интересах. Откуда возникло это сомнение, которое, разрастаясь, заставляет иначе относиться даже к махди?

Он ожидает чудесного явления иной истины, истины, совпадающей с идеалом рыцарства, созданным Нафлином, основателем учения. Истины, которая бальзамом прольется на его истерзанный дух. Но нет ничего иного, кроме предчувствия скорого уничтожения института, просуществовавшего несколько тысячелетий. И пока безумие не охватило его, Филп режет по живому, принимает трудное, полное тяжелых последствий решение — отказаться от рыцарской сутаны. Ибо после безжалостного опроса своей совести он заключает, что ему не хватает веры, что он слаб, а потому предпочитает отказ, уход. Он не хочет быть пористым камнем в крепости, быть ментальной брешью, в которую устремится враг. Он даже не хочет под влиянием этой новой спирали логики участвовать в скорой битве. Да, его сочтут трусом, его завистливые компаньоны по обучению будут смеяться над его трусливым отказом. Но зачем сражаться за дело, которое заранее обречено? Его ждут иные заботы на Сбарао и Кольцах, где остался вакантным трон сеньора... Его семья ушла в про-

межуточные миры, в миры мертвых, в миры, куда души предков проложили тропы, ведущие к Вале, к перекресткам новых жизней. Не лучше ли вернуться на родную планету и организовать на ней сопротивление империи, чем с закрытыми глазами бросаться навстречу неминуемой смерти? Он, последний из Асмусса, начнет борьбу за возврат своих владений, он огнем и железом покорит их, и если бог Вала подарит жизнь Афикит — а он подарит ей жизнь, — Филп женится на ней, и они оба будут царствовать на Сбарао и Кольцах. Пусть его ждет унижение, пусть его ждет презрение приближенных. Он с горькой улыбкой думает, что еще недавно обрушил бы громы и молнии на того нечестивца, который посмел бы держать такие речи перед ним.

Это решение имеет неоспоримое преимущество: оно кладет конец раздвоенности духа и на время снимает напряженность ситуации, как холодная вода временно гасит боль от ожога солнца. Именно в таком настроении он встречает Шуда Аль Баха.

Главный интендант устало глянул на своего крестника, сидящего на лежанке и поднявшего на него еще слепые глаза.

Шуд Аль Бах попытался прочесть на лице Филпа результат долгих часов медитации наедине со своей совестью. У воина окрепло решение отказаться от сутаны. Он уже почти набрался смелости сделать признание своему крестному отцу.

— Итак, крестник, — произносит Шуд Аль Бах тихим, едва различимым голосом, — какое послание дала вам медитация?

Филп знал, что сильно огорчит старого рыцаря. Он долго молчал. И с трудом выносил проницательный взгляд зеленых усталых глаз, устремленных на него.

— Боюсь... Боюсь, что полученное мною послание не будет приятным для вашего слуха, — неуверенно начал он.

Однако его слова, хотя он предполагал обратное, похоже, не тронули интенданта, который несколько раз кивнул. В его изумрудных глазах не появилось осуждения, в них было лишь легкое разочарование.

— Я понял это, увидев вас, — устало произнес он. — А если сказать правду, ожидал этого...

Он сел на лежанку рядом с крестником, оперся локтями о колени и положил подбородок на скрещенные запястья.

— До своего последнего испытания вы очень долго общались с Лоншу Па, — тихо продолжил он. — Это было чревато большим риском. Чтобы выйти целым и невредимым пос-

ле такого искуса, надо иметь закаленную, как сталь, душу. Ибо вы сомневаетесь, не так ли?

Филп кивнул.

— Я не могу держать зла на вас, Филп... Видите ли, сомнения, которые гложут вас, обуревали и меня... И продолжают обуревать.

Пораженный воин повернулся к старику и недоверчиво поглядел на него.

— Однако я уже перестал считать годы с того дня, как стал рыцарем, — продолжил Шуд Аль Бах. — Верите ли вы, что время и опыт спасли меня от повторения одних и тех же ошибок? Как и вам, Лоншу Па говорил мне о тайном склепе архивов и о прекрасных видеоголофильмах, которые позволяли ему видеть и слышать махди древних времен. Он пытался убедить меня присоединиться к нему, чтобы силой добиться аудиенции у махди Секорама, прорваться через барьер, установленный мудрецами директории, стражами Чистоты и трапитами! Он был готов начать войну в этих стенах! Я не последовал за ним и половину жизни сожалел о своем решении, а половину оправдывал его. Как я могу упрекать вас в сомнениях, вас, кто еще не успел надеть сутану, когда встретился с тем, кто едва не преобразовал Орден абсуратов!

— Но если вы знали, то почему рекомендовали директории направить меня с миссией на Красную Точку? — спросил Филп с ноткой упрека в голосе.

— Быть может, потому, что надеялся через вас получить ответ... доверительный ответ от давнего друга... Я надеялся, что энтузиазм и молодость преуспеют там, где я провалился во цвете лет... Но оставим слова и химеры и вернемся в настоящее: ваша медитация продолжалась всего двое суток.

— Почему? — воскликнул Филп, оскорбленный тем, что старый интендант манипулировал им. — Почему вы прервали мою медитацию, ведь истина могла открыться мне в последний день?

— Не сердитесь! Приказ директории, — спокойно ответил Шуд Аль Бах, чтобы погасить растущее раздражение крестника. — А значит, приказ махди. Сегодня утром мы даем битву...

От неожиданности Филп окаменел на своей лежанке.

— Сегодня... сегодня утром?

— Сегодня утром. На восточном пляже полуострова... Пробил час Ордена, крестник. Представилась возможность, которую ждали мы все — вы, я, молодые и старые рыцари, — узнать, не остались ли мы в стороне от эволюции. Армии новой империи собрались на пляже и бросают нам вызов. Это те же

враги, что убили вашу семью... На первый взгляд они не особо впечатляют. Нам противостоят триста скаитов Гипонероса, столько же притивов и несколько офицеров конфедеральной полиции... А нас более десяти тысяч! В любом случае нам придется принять вызов. Именно по этой причине была прервана ваша медитация. Но в качестве исключения и по решению директории мне поручено возвести вас в ранг рыцаря. Вам придется обойтись без привычного церемониала посвящения, но вы получаете через меня благословение махди Секорама.

— Рыцарь, я недостоин этого звания! Я слаб!

Филп со слезами на глазах и с отчаянием в голосе выкрикнул эти слова. Он был готов рухнуть на лежанку и разреветься. Шуд Аль Бах осторожно взял запястье своего крестника и с состраданием пожал его.

— А вы думаете, я достоин его? — произнес интендант. — Верите ли вы, что я, ваш наставник перед лицом совести, достиг своего озера Кси, источника? Не будьте излишне скромны, Филп! Будьте смиренны. Вступление в рыцарство не цель, а площадка, этап. Считайте это первым шагом на пути достижения собственного совершенства. Если согласитесь на посвящение, вы проявите истинное смирение, истинное прозрение, истинное мужество. Вы откроете свою душу. И таким образом, молодой рыцарь, сознающий, к какой цели идет, даст первое сражение в рядах Ордена. Потом вы поступите так, как вы считаете правильным, но вы навсегда останетесь рыцарем, тем, кто не поколеблется отложить свои дела ради общего дела и кто во что бы то ни стало идет по собственной дороге познания.

Слова интенданта, наполненные человечностью и теплом, крайне редкими в стенах монастыря, потрясли Филпа, взволновали его до такой степени, что он забыл о твердо принятом решении. Его подхватила новая волна энтузиазма, по сравнению с которым его предыдущее состояние страждущей и мятущейся души показалось ему по-детски смешным. Словно поток света одним ударом смыл сомнения и мрачные страхи, словно показал, как пусты тени, которые мрак делал опасными и ужасающими.

— Почему вы никогда так не говорили со мной, вы, мой духовник?

— Только наставники и преподаватели имеют право на устное учение. Остальные, частью которых я являюсь, должны работать над собой, искать путь к своему озеру Кси... Но мы поговорим об этом позже, если вы захотите. Махди произнесет напутствие через четверть часа перед всеми чле-

нами монастыря, которые соберутся в почетном дворе. Для вас и для меня это будет долгожданным случаем увидеть его! Каково ваше решение?

— Я принимаю сутану и тонзуру! — воскликнул Филп. — Я принимаю их, потому что, благодаря вам, вижу их в ином свете! Я их принимаю, зная, что они такое на самом деле, и не строя иллюзий по поводу того, чем они кажутся.

— Я слышу речи рыцаря, — сказал Шуд Аль Бах. На лице его появилось выражение глубокого облегчения. — Теперь главное: примите позу отказа от малого я и открытия большого Я, Кси. А я отправлюсь за двумя асессорами, которые ждут в коридоре. Это мои друзья-рыцари.

Старый интендант вышел. Филп медленно развел скрещенные ноги, затекшие после долгой неподвижности, размялся, встал на колени перед лежанкой и опустил голову и глаза. Позу отказа обычно принимали перед гигантской голографической картиной на потолке зала посвящений, на которой содержались записи древних текстов на мертвом языке Матери-Земли. Эта поза символизировала желание ученика пожертвовать своим малым я, своим личным эго, и поставить его на службу вселенной, на службу Я, пропитанного жизненной энергией Кси.

В это мгновение Филпу стало отчетливо ясно, что он лукавит перед собой. Он пытался принять позу с искренностью, но не мог подавить тихого ропота, поднимавшегося из глубины души: он согласился на ритуал только ради того, чтобы не обидеть своего крестного отца. Голос умолял его отказаться не только от Кси, но и от рыцарства, от посвящения, от готовящейся абсурдной битвы. Голос утверждал, что истинное мужество заключается в полном согласии со своим малым я, с его истиной, какой бы порочащей она ни казалась, а вовсе не в кажущемся присоединении к догмам, которые проповедуют другие.

Как они отличались от тех, которые, как он считал, откроются ему в момент посвящения! От торжественности, от величия, от присутствия махди Секорама и всех руководителей Ордена, от счастья и мистического взлета души, о которых он мечтал, остались лишь аскетизм сырой кельи, присутствие трех старых рыцарей и крохи веры, тонущие в море горечи!

В крохотное помещение вошли три рыцаря. Помощники были стариками с морщинистыми лицами и погасшими глазами, одетые в потрепанные сутаны, усеянные черными пятнами.

Один из них нес на вытянутых руках новую сложенную сутану, а второй — белую подушку, на которой лежали пара

ножниц, маленькая перламутровая коробочка и принадлежности для бритья.

Шуд Аль Бах приблизился к воину, церемониально приветствовал его, приложив вертикально поставленную ладонь ко лбу, и заявил:

— В силу права посвящения, которым меня наделила директория от имени махди Секорама, великого наставника абсуратской традиции, я, Шуд Аль Бах, возведенный в звание рыцаря и духовник воина Филпа Асмусса, с помощью Молена Рогенара и Ти Заровова, также возведенных в звание рыцаря, произнесу клятву Рыцарства в том виде, как она была записана нашим основателем махди Бертелином Нафлином. После произнесения клятвы присутствующий здесь воин Филп Асмусса будет облачен в сутану и отмечен постоянной тонзурой, материальными знаками его принадлежности к Ордену абсуратов, которому он клянется в повиновении, соблюдении обычаев, уважении и доверии и которому он отныне дарит самого себя.

После мгновения молчания, придающего ритуалу некую торжественность, нарушенную поспешностью его проведения, Шуд Аль Бах и его асессоры затянули гимн клятвы на языке Матери-Земли, величавый военный марш.

Несмотря на все усилия, Филп никак не мог проникнуться серьезностью происходящего. Он ощущал себя чужим на этой абсуратской литургии, этнологом, который наблюдает за ритуалами племени, не понимая его символики. Он поймал себя на том, что ему смертельно скучно. Они походили на четырех воров, которые тайно пытаются завладеть слишком дорогим и тяжелым для них золотом. Ему стало стыдно за собственное равнодушие, и он попытался погрузиться в глубины своего духа. К счастью, он нашел там лицо Афикит, которая оставалась с ним до конца церемонии.

Допев гимн, Шуд Аль Бах обратился к стоявшему на коленях крестнику:

— Воин Асмусса, готовы ли вы принять клятву? Готовы ли вы поклясться в верности рыцарству?

Филп на мгновение заколебался — ему хотелось взять ноги в руки и бежать отсюда, куда глаза глядят.

— Я... Я клянусь в своей вере, — глухо выдавил он.

Но все тело его дрожало от несогласия.

— Хорошо. Клянетесь ли вы честью, непогрешимой честью рыцаря, что берете на себя обязательство никогда и ни при каких обстоятельствах не нарушать этой клятвы? Будете ли вы держать это обязательство?

Филп постарался ответить твердым голосом:

— Я сдержу его!

— Хорошо. Я, Шуд Аль Бах, — старый интендант выговаривал теперь каждое слово, каждый слог, — рыцарь Ордена абсуратов, в присутствии двух асессоров возвожу вас в звание рыцаря. Встаньте, рыцарь, и скиньте ваши старые лохмотья!

Филп исполнил приказ, наверное, слишком быстро с учетом серьезности происходящего. Он поспешно скинул одеяние бронзового цвета, одеяние ученика, верно служившее ему, неоднократно проклинаемое, неоднократно любимое за эти три года учебы. Он оставлял свою «бронзу», как ученики и воины любовно называли эту одежду, он сбрасывал ее с небрежностью, близкой к цинизму. Она вдруг стала просто куском ткани, которую он долго носил и которая попахивала потом.

Он стоял в келье обнаженным. Утренняя прохлада просачивалась через камни стен, и по его коже бегали мурашки.

— Сядьте, рыцарь!

Филп послушно опустился на сиденье. В голове вдруг появилась непочтительная мысль: зачем выбривать вечную тонзуру у обнаженного, дрожащего от холода рыцаря? Не проще ли было сначала вручить ему пресловутую серую сутану, чтобы он не мерз? Он опять разозлился на себя за такие мысли. Он ругал себя за то, что ослабил ментальный контроль, хотя мозг его, похоже, получал удовольствие, осмеивая эти традиционно святые мгновения.

Он втянул в себя острый запах асессора, который неумело состригал с его головы пряди волос. Потом не без опасения ощутил острое лезвие бритвы, которое рывками передвигалось по коже. Выполнив свою задачу без особого урона — порез длиной в три сантиметра не считался серьезным, — асессор смазал выбритую поверхность «лунным кремом», который не давал возможности волосам расти на месте тонзуры.

Закончив свой труд, асессор протянул сутану Филпу, а тот, замерзший и усталый, забыл о медитативной преамбуле, которую новые рыцари якобы должны были соблюдать перед этим невзрачным куском серой материи, который так жаждали заполучить, и тут же натянул ее на себя. Ему показалось, что в глазах асессоров промелькнули огоньки разочарования. И сказал себе, что навсегда покрыл себя позором.

Шуд Аль Бах тепло обнял своего крестника.

— Вы увидите сами, — шепнул он ему на ухо. — Эта сутана станет новой точкой старта...

* * *

Через пять минут Филп и три старых рыцаря вышли на почетный двор и присоединились к остальным десяти тысячам членов Ордена, от самого старого до самого молодого, от самого важного до самого скромного, которые располагались в порядке их заслуг. Над монументальной аркой махди Дури-а-Дера реял огромный абсуратский штандарт с голографическим изображением трилла, чьи изумрудно-зеленые глаза выделялись на огненной шкуре с пурпурными полосами. Внизу, на синей эстраде, стояли четыре мудреца директории, закутанные в свои незапятнанные белые тоги. Череп каждого был выбрит наголо. Они держались рядом с резным деревянным креслом, стоявшим под ярким навесом и покрытым изъеденной молью шкурой трилла. Это кресло, возраст которого насчитывал несколько веков, предназначалось махди, но пока оставалось пустым. Позади четырех мудрецов, в своей кроваво-красной тоге и с лысым черепом, сверкавшим под жидким венчиком волос, застыл Плейс Хартиг, глава стражей Чистоты, чьи строгие, подозрительные глазки буравили собравшихся.

Когда Шуд Аль Бах пригласил Филпа занять место в серых рядах рыцарей с тонзурой, глаза его соучеников, затерянных в бронзовом море по левую сторону от арки, вспыхнули завистливым восхищением. Филп дружески помахал им рукой. Если бы бедняги знали... Свинцовая тишина опустилась на почетный двор, окруженный арками из желтого камня и медными куполами учебных зданий. Чайки и альбатросы улетели, словно не желая нарушать обманчивую тишину, предвещавшую бурю. Исчез привычный звуковой фон пронзительных криков.

Один из четырех мудрецов, который запомнился Филпу по резкой сухости голоса, взял слово:

— Рыцари, воины, ученики, сегодня настал великий день! День, ради которого был создан вечный Орден! Возблагодарим нашего основателя, махди Нафлина. Враг пытается опрокинуть основы Конфедерации! Он грозит нарушить равновесие!.. Он здесь, у наших врат, на землях, окружающих наши стены! Махди Секорам поручил нам, скромным членам директории, передать свою волю и уверить вас в его поддержке в этом испытании!

У Филпа еще теплилась последняя, хрупкая надежда, что ему доведется лицезреть великого предводителя, и спрашивал себя, какие причины могли помешать его появлению перед воинством. Почему он оставался в своем донжоне, в этой проклятой башне, которая бросала вызов небу? Он хотел увидеть гла-

за Шуда Аль Баха, стоявшего в нескольких рядах от него. Он не встретился с его взглядом, но заметил, как исказились черты старика интенданта в момент объявления, что махди не появится. Шуд Аль Бах выглядел так, как выглядит человек, столкнувшийся с внезапной и жестокой очевидностью и не могущий оправиться от удара.

— Но будьте уверены, что с высоты своего донжона дух махди Секорама поведет нас к победе! — продолжал мудрец директории. — Он будет поддерживать нас всеми своими силами, ибо погрузился в Кси и останется вдали от хаоса! Вам, рыцари, представляется уникальная возможность воспользоваться его знаниями. Мы заклинаем вас, махди заклинает вас, укрепить свои ментальные силы! Не позволяйте врагу дестабилизировать вас психическими атаками, ибо противник, по данным нашим разведывательных сетей, очень силен в этой области. Будьте хозяевами звука! Пусть ваш крик смерти будет безупречен и неумолим! Махди отдал следующие распоряжения о битве: в первых рядах будут опытные рыцари, окруженные отрядом трапитов, о чьей эффективности, полагаю, напоминать не стоит. Они подхватят эстафету, если наступит тот невероятный случай, когда элитное войско не справится с задачей. Что касается учеников, воинов и администраторов, то они расположатся в тылу. Их главная задача — открыть глаза и уши, окна души, чтобы навсегда проникнуться незаменимым опытом и вечно пронести его в себе!

По дрожи, пробегавшей по войску, Филп понял, что из-за медитации он оказался в стороне от лихорадки и безумия, охвативших монастырь. Трапиты явно горели нетерпением сразиться с армиями новой империи, доказать свою незаменимость в бою, исполнить свои неумеренные мечты о славе и гордыне. Филп чувствовал себя посторонним, когда видел их экзальтацию и опьянение будущей схваткой. Он был блоком льда в гуще пламени. Он попытался отыскать уродливую голову рыцаря-врачевателя, Нобера Оана, у которого хотел спросить о здоровье Афикит, но не смог его обнаружить. В этой толпе, хотя и стоявшей в образцовом порядке, было трудно различить отдельное лицо. На гигантской шестиугольной эспланаде, вымощенной булыжником, был заполнен каждый квадратный метр. Филп не подозревал, что здания монастыря вмещают такое количество народа. Где был Нобер Оан? Где была Афикит? Увидит ли он еще молодую женщину?.. Удостовериться в том, что она жива и с ней ничего не случится, можно было лишь единственным спосо-

бом: выйти из рядов, нырнуть в лабиринт подвалов, добраться до лечебного блока, посадить ее на плечи и бежать вместе с ней.

— Любой член Ордена, интенданты и лекари, должны явиться на полуостров, чтобы помочь активным бойцам, погрузившись в озеро Кси! — продолжал мудрец, чей сильный голос эхом отражался от стен. — Вечная слава покроет вас, ваши имена пересекут века! История вас не забудет! Вы навсегда останетесь теми, кто победил могильщиков вселенной! Вы сражаетесь за свободу, за жизнь!.. Сейчас распахнутся врата. Не забывайте, что с высоты своей башни махди видит вас и помогает вам! Да свершится все до полудня!

Шуд Аль Бах взглядом отыскал Филпа: в зеленых глазах старого интенданта вспыхивали темные огоньки отчаяния. Казалось, они умоляют о прощении. И Филп по-настоящему испугался. Холод проник в его легкие, в его внутренности. Но остатки гордости не позволили ему дезертировать, броситься в лечебный блок, как того требовала каждая клетка его тела.

Шесть массивных створок монументальных врат повернулись одна за другой, открыв широкий проход в стенах монастыря. Впервые в истории Ордена все шесть створок отворялись одновременно. Громадные железные засовы так проржавели в запорах, что их пришлось резать лазером. Филп еще раз бросил быстрый взгляд вокруг себя, но так и не увидел в окружающем море лиц заметного лица Нобера Оана.

Абсуратское рыцарство плотными рядами потекло через гигантские раны в укреплениях. Оно выкатилось на пляж полуострова, обнажившийся из-за отлива океана Альбарских Фей. Ни единое дыхание ветра не тревожило застывшую гряду вишневых облаков. Странную атмосферу бархатной тишины нарушал лишь плеск далеких волн и крики чаек.

Мудрецы директории в белых одеяниях, за которыми следовали красные пятна стражей Чистоты, возглавляли войско Ордена. За ними к месту сражения спешили трапиты с жестокими лицами. Дальше шла стража, Филп узнал среди них Годезила Сабо, гиганта-блондина, провожавшего его в зал аудиенций директории. И наконец, тянулись когорты рыцарей в серых сутанах и бронзовые фаланги воинов и учеников с возбужденными и обеспокоенными лицами. Колонну замыкали члены интендантства, администрации и лекари в темно-зеленых, ярко-синих и голубых одеждах.

Филп опоздал. Отступать было некуда. В его душе шевелилась длинная осклизло-холодная змея страха.

* * *

На другой стороне полуострова ждала армия новой империи. Высокопарное слово «армия» по сравнению с бесконечным людским потоком, извергаемым вратами монастыря. Противников было несколько сотен: скаиты, наемники-притивы и полицейские, которые немногочисленными группками стояли на охряном песке. Ментальные убийцы в черных бурнусах образовывали эскадрон невозмутимых призраков, которые, казалось, парят над землей. Чуть в стороне, особняком, высились два силуэта — в синем и красном бурнусах.

Эксперт Гаркот, стоявший рядом с Паминксом, должен был с помощью ментального обследования выявлять решения и маневры противника. Речь мудреца директории перед Орденом могла бы его рассмешить, умей он смеяться, ибо тот говорил от имени призрака, призрака махди Секорама. Он прочел все это в головах четырех старцев и главы стражей Чистоты. Они были столь же лицемерны, расчетливы и лишены угрызений совести, как и Барофиль Двадцать Четвертый, муффий Церкви Крейца. Несмотря на свою уникальность и эго, души многих людей удивительно походили друг на друга. Без махди, предводителя, Орден был слишком легкой добычей. Безусловно, крик смерти рыцарей мог оказаться опасным оружием против обычного врага с ограниченными ментальными способностями и, вероятно, превосходил любое, даже самое совершенное оружие. Но что произойдет с его разрушительной мощью при столкновении с непроницаемыми ментальными убийцами?

Гаркота волновало нечто более важное, чем эта битва с явно предсказуемым исходом. Его тончайшие антенны улавливали некое постоянное присутствие недалеко от пляжа. Беглое присутствие, которое он никак не мог зафиксировать. Оно постоянно уходило от обследования. Напрасно эксперт собирал все свои ментальные ресурсы, он оставался у стен святилища безмолвия, которое пытался взломать и осквернить. Но был уверен в одном: обладатель непроницаемого духа не имеет ничего общего с абсуратскими легионами, которые веером рассыпались по пляжу. В смятении он подумал, что речь идет о дочери сиракузянина Алексу, которую, как он знал, укрыли в монастыре. Он решил, что после битвы сосредоточит на поиски все свои силы и во всем разберется. Именно это беглое присутствие воспринималось как реальный враг, а вовсе не смешные колонны рыцарей, которые в образцовом порядке вышагивали по пляжу. Так считал Паминкс, но его время истекало. Импульсы Гипонероахата

теперь адресовались новому резиденту вселенной, Гаркоту. Для успеха шестого этапа Плана решающим было как можно быстрее выявить причины, позволявшие этому мозгу, принадлежи он дочери Алексу или кому другому, ускользать из тончайших сетей его ментального обследования.

Две армии противостояли друг другу в тишине, наглые взгляды трапитов сверлили таинственные черные капюшоны бурнусов. С одной стороны — разверстая стена монастыря. С другой — первые рифы континента Альбара, зажатого челюстями бухточек с золотистым песком, усеянным изумрудно-зелеными водорослями. Океан Альбарских Фей укрылся в свою берлогу в открытом море, словно не желая ввязываться в конфликт.

По мысленному приказу коннетабля в действие вступили ментальные убийцы. Неподалеку от Филпа полсотни рыцарей повалилось на твердый песок, словно срезанные лезвием невидимого серпа. Оправившись от удивления, трапиты издали первые крики смерти, которые вспороли тишину, но их мощь была поглощена бездонной пропастью.

Шуд Аль Бах побледнел — он понял, что крик смерти не поражает врага.

— Мы пропали! — Он с воплем воздел руки к небу.

Четыре мудреца директории уже распростерлись на песке рядом с телами трапитов и рыцарей. Их белые одежды были запачканы ржавыми подтеками от влажного песка.

Шуд Аль Бах в смятении подбежал к Филпу, восклицая:

— Прости! Прости! Я не должен был...

Старый интендант не успел договорить: он упал на руки крестника. Невероятная боль поразила его мозг. Он опустился на песок, ударившись о землю лицом.

В поредевших рядах Ордена царит паника. Смерть возникает ниоткуда, неумолимая и невидимая. Она поражает рыцарей, воинов, учеников и всех остальных. Плейс Хартиг, развернув красные крылья, носится по пляжу, пытаясь удержать перепуганных учеников и воинов, со всех ног удирающих в сторону монастыря. Именно этого ждут наемники-притивы. Они прицеливаются, и свистящие вращающиеся диски слетают с их вытянутых рук, поражая беглецов в шею или спину. Те, пошатнувшись, падают на песок, обагряя его своей кровью. Головы с выпученными глазами катятся по лужам, оставленным океаном. Со всех сторон раздаются вопли ужаса, стоны, крики агонизирующих.

Где же махди Секорам? Почему великий предводитель бросил их на произвол судьбы?.. Диск перерубает руку Плейса Хартига. Второй вспарывает ему поясницу. Он запутывается в складках тоги и падает, ударившись головой о скалы.

Последние мысли Филпа Асмусса, третьего сына Донса Асмусса, сеньора Сбарао и Колец, касались не Афикит, а Лоншу Па. Он вспомнил слова рыцаря-изгнанника, он вспомнил, как они его тогда ранили. Истину далеко не всегда приятно слышать:

Из машины мира получается посредственная военная машина...

Глаза его затягивает черная пелена. Он пытается руками выдернуть невероятную боль, которая терзает голову изнутри.

Глава 20

Тайна пожара, возникшего в хранилищах, устроенных в фундаменте абсуратского монастыря, уничтоженного после битвы лучом дезинтегратора, так и осталась почти неразгаданной. Было выдвинуто несколько гипотез: одни историки усматривают в пожаре попытки директории уничтожить следы своих преступлений против абсуратского рыцарства. Эту гипотезу подтверждает находка скелетов там, где должны были располагаться подвалы. Другие предполагают, что часть битвы проходила в стенах монастыря, где наемники-притивы, располагавшие огнеметами, подожгли подвальные помещения, чтобы воспрепятствовать бегству членов Ордена по подземным туннелям и галереям. Скелеты могут служить подтверждением такого развития событий...

Что касается меня, скромного специалиста по жизнеописанию Шри Лумпа, я вижу в этом пожаре знак его пребывания на Селп Дике... Не возмущайтесь! Я знаю, что эта гипотеза кажется надуманной многим из вас, но разрешите мне закончить... Пожалуйста!.. Я уверен, что Шри Лумпа прошел по подземным галереям, чтобы спасти Найю Афикит от пленения императорской армией. Возможно, даже вероятно, что эти обнаруженные скелеты были скелетами рыцарей, убитых приспешниками абсуратской администрации... Быть может, среди них находятся и останки махди Секорама... Пожалуйста! Дайте мне закончить!.. Но, по моему мнению, это не имеет никакого отношения к пожару, который зажег, по словам прямых потомков учеников Шри Лумпа, один сумасшедший рыцарь, пресловутый «безумец мрака», о котором упоминается в одной песне селпидских рыбаков и которого обуздал, цитирую,

«ученик мага, спасенный из океана слез фей». Иными словами, здесь говорится о том, кто в будущем стал Шри Лумпа... Пожалуйста!..

Это по-новому освещает все события — и раскрывает древнюю тайну, и одновременно приподнимает завесу над малоизвестным периодом жизни Шри Лумпа... Вместо того чтобы вопить, лучше бы попросили меня представить вам если не доказательства, то аргументы, которые дали мне возможность выдвинуть эту гипотезу на основе методических исследований...

Бурная публичная лекция Анатула Хижьяка,
неоропейского эрудита и историка, автора
спорной биографии Шри Лумпа

Держа руки на шаре управления и внимательно оглядывая море, Квен ловко вел аквасферу, лавируя между лежащими почти на поверхности вершинами рифов, окружавших подходы к стенам монастыря.

Тиксу, прижавшись носом к прозрачной стенке лодки, рассматривал огромные камни, из которых была сложена угловая башня, отыскивая расщелину, в которой прятался вход на лестницу, ведущую в склеп. Он до малейших деталей помнил свое вчерашнее видение. И хотя острые когти ревности еще терзали его душу, он был полон решимости вырвать Афикит из монастыря, поскольку его внезапное любовное приключение с селпидянкой наполняло его ощущением вины. Он не питал иллюзий по поводу чувств сиракузянки, но знал, если ему не удастся вызволить ее из ловушки в ближайшее время, она не сумеет избежать пленения и ужасной участи. Афикит его не любила, но это не было причиной лишать девушку помощи, когда ее ждал медленный огненный крест крейциан. В любом случае она оставалась для него той, кто подарил ему антру.

Самой трудной задачей для Тиксу было убедить рыбака в спешной необходимости подобной экспедиции. Квена терзал ужас при мысли, что надо помочь кому-то тайно проникнуть в монастырь Ордена. Более того, глашатай ректоров предупредил, что любой, кого застигнут на улице до часа вечерней зари, будет немедленно казнен представителями новой империи, что вовсе не улучшало положения дел. Но Квен, с непозволительной легкостью давший обещание сопровождать гостя, не мог не сдержать слова, иначе всех Даэлов стали бы считать трусами и лжецами в течение семи тысяч поколений!

Теперь рыбак с нечеловеческими усилиями преодолевал свой страх, суеверный страх незапамятных времен пе-

ред мифом, неожиданно превратившимся в реальность. Его лицо было столь же белым, как и волосы, перехваченные черной лентой. В аквасфере, скользящей по тихой, почти плоской поверхности воды, висела напряженная тишина.

— Здесь! Остановитесь! — внезапно сказал Тиксу. — Прибыли!

Квен послушно остановил двигатель и включил магнитный якорь. Аквасфера застыла у подножия стены, которая, казалось, была готова опрокинуться на них всей своей тяжестью. Боковой люк открылся наружу. В кабину ворвался запах йода и водорослей. Тиксу схватил автоматическую кошку, маленькое технологическое чудо, действие которого рыбак объяснял гостю добрых три часа, и выскользнул наружу, обратившись к селпидянину:

— Как договорились, ждите меня здесь!

Квена не очень радовала перспектива долгое время сидеть в одиночестве в месте, где его хорошо видно со всех сторон.

Обернув трос вокруг плеча, Тиксу ухватился за гребень невысокой стенки, тянущейся вдоль монастыря, и подтянулся вверх до каменистой неровной аллейки, доступной только в момент отлива. Он обогнул угловую башню, засек часть ложной стены, скрывавшей расщелину. Потом принялся искать глазами отверстие, от которого лестница уходила круто вниз в подвальные помещения монастыря. Наконец он обнаружил его метрах в тридцати над головой. Оно располагалось чуть выше зеленоватой линии, оставленной океаном во время самых высоких приливов.

Он запрограммировал головку электронного визира кошки, как ему показал Квен. Тонкий трос, снабженный воздушной присоской, с шелестом развернулся. Присоска закрепилась на нижнем краю трещины в стене. Трос отвесно натянулся. Тиксу схватился за него и дернул три раза, включив механический подъем. Его медленно подняло до расщелины.

Оказавшись наверху, он перестал видеть океан и аквасферу — его со всех сторон окружала охряная стена. Отверстие было узким, и он с огромным трудом протиснулся внутрь. Острые кромки камней сжимали его словно тиски с могучими челюстями. Накануне его дух проскользнул сюда намного легче, чем сейчас тело! Когда ему удалось вырваться из каменных объятий, он отсоединил присоску и спрятал кошку под каменным холмиком.

Дневной свет очень скупо освещал первые ступени вырубленной в камне лестнице, а дальше открывалась черная таинственная бездна. Он достал небольшой лазерный факел, который взял у рыбака, и белый луч осветил стены и ступени.

Он начал осторожно спускаться, что не помешало ему несколько раз споткнуться и поскользнуться на ступеньках, покрытых лишайником. Здесь было намного темнее, чем тогда, когда он путешествовал с помощью мысли. Иногда проход перегораживали огромные камни, выпавшие из свода или стен. Приходилось их огибать или лезть через них. Он ободрал руки и ноги об острые кромки, несколько раз ударился головой о сталактиты свода, который чудом не обрушился. Странная, нереальная тишина висела в этом забытом проходе. Мертвая тишина могилы, в которой покоился разлагающийся мир.

Вдруг он заметил внизу колеблющийся огонек. Он поблескивал в отдушине, искореженная решетка которой лежала у подножия лестницы. В склепе кто-то был. Тиксу решил пока не открывать своего присутствия.

Он погасил факел, лег на пол и пополз в липкой холодной грязи, стараясь не порезаться об острые прутья решетки. Внутри склепа находился странный персонаж, которого Тиксу накануне встретил в своем видении — он что-то делал между опрокинутым шкафом и настенными полками. Когда глаза Тиксу привыкли к слабому свету, он понял, что человек сгребал к центру склепа книгофильмы и головидеофильмы. Он ворчал и зловеще хихикал, походя на античного демона: гротескное неправильное лицо, гримасы, безумные от ярости глаза, густые брови... Широкие полы черной сутаны придавали ему вид гигантской и неумелой летучей мыши. Тиксу, которого призывали к осторожности безумные вспышки во взгляде человека, медленно стал протискиваться в помещение.

Человек ощутил за спиной чье-то присутствие. Он внезапно обернулся, сжал кулаки и бросился на оранжанина, еще не успевшего выбраться из отдушины.

— Кто вы такой? — завопил он. — Что вы хотите? Кто позволил вам войти сюда? Я — рыцарь Нобер Оан, врачеватель Ордена абсуратов. А вы? Назовите себя!

Он щелкнул пальцами и направил луч лампы на оранжанина. Антра внезапно заполнила Тиксу. Ощущая ее мощь, он выпрямился, уперся ногами в пол, готовясь дать отпор старику. От лампы на своде склепа побежали тени. В дрожащем свете виднелись пустые полки и опрокинутый дюралевый шкаф, груда книгофильмов и головидеофильмов на грязном полу.

Не дожидаясь ответа оранжанина, рыцарь отвернулся и бессвязно забормотал:

— Я, Нобер Оан, не оставлю ничего... Нельзя оставлять ни единого следа! Пусть никто и никогда не узнает,

что здесь произошло. Никто, никогда! Ибо я, Нобер Оан, знаю, что махди Секорам покинул нас много лет назад! Я знаю, что его убили четыре мудреца директории и стражи Чистоты! Его скелет лежит в одном из подвалов! Я видел его! Я видел! Но я ничего не сказал, ничего! Я боялся! Я — рыцарь! А кто вы? Как вы узнали о существовании этого склепа? Мы все умрем, как умер махди Секорам сорок два года назад! Они вонзили ему кинжал в самое сердце! Не они сами, а трапит, которого они потом убили. Махди хотел возродить учение, но они этого не хотели! Им не было места в той организации, которую собирался создать махди! Они вновь бы стали простыми рыцарями. А они не хотели! И они убили его! Они убили своего предводителя! Великого предводителя Ордена абсуратов. Зачем вы явились сюда?.. Сорок два года мудрецы и Плейс Хартиг ломают свою зловещую комедию... Я, Нобер Оан, видел махди Секорама, когда был еще молодым. Он был болен, а я сопровождал своего учителя-врачевателя, рыцаря Бабади, к его изголовью... Махди улыбнулся мне и шепнул на ухо: «Если я умру сейчас, Орден не выживет! Я не успел восстановить связь с истинным учением. Но если я умру, знай, что другой человек во вселенной ожидает прихода новых учеников, чтобы начать новое дело. Если я умру, мой юный ученик, не оставайтесь здесь, отправляйтесь на поиски этого человека! Если будете искать его сердцем, то найдете, где бы он ни был...» Махди через некоторое время умер, а убийцы заняли его место... Но я, Нобер Оан, я не ушел, я обнаружил истину и сорок два года жил в страхе перед стражами Чистоты! Они безжалостно убивали всех, кто имел несчастье узнать о них чуть больше, чем положено! Вокруг этого склепа в фундаменте полно ниш со скелетами тех, кого посылали в так называемые далекие и опасные экспедиции! Сейчас монастырь покоится на смерти и лжи! Кто вы? Что вы хотите? Я, Нобер Оан, потерял своего лучшего друга... Удар кинжалом меж лопаток... Трапиты состояли на службе убийц... Я видел его труп... Вы знаете рыцаря Лоншу Па? Ему очень повезло, что его изгнали, пока он не открыл всю правду, иначе его бы убили, как и остальных!.. А я все сорок два года мариновался в собственном страхе, но не исполнил совета махди! Я боялся уйти из ужаса, что на меня падет подозрение и за мной начнется охота! Страх! Я не раз едва не наложил в сутану! Я, Нобер Оан! Вот! Вот для чего послужило учение! Чтобы утолить чью-то жажду власти! А остальных топить в дерьме! Но никто не должен знать... Все должно стать прахом и дымом!.. Прахом! Все возвращается в прах! Кто вы?.. Я — Нобер Оан, говнюк!..

Из его глотки вырвался демонический смех. Он снова стал собирать в кучу все попадавшиеся ему под руку предметы. Он забыл о Тиксу, который не счел нужным вразумлять старика, тут же исчезнув в подземных галереях. Безумец, вероятно, собирался поджечь архивы Ордена, и оранжанину надо было действовать быстро, если он не хотел, чтобы ему отрезали путь к отступлению. Он включил факел и ускорил шаг. Перепрыгивая через ступени, он взбегал по одним лестницам и скатывался по другим, ведущим к зданию, где видел лежащую на кровати Афикит. Он выскочил на мощеный закрытый дворик, между окружной дорогой и крышами террас. Ему не встретилось ни единой живой души, если не считать желтых чаек и альбатросов. Он заблудился. Тиксу выругался и попытался оживить воспоминания.

Он обвел взглядом окружающие постройки, вросшие одни в другие. Открытая дверь из массивного дерева на сером фасаде вела в коридор. Она будила какие-то воспоминания. Он проник в нее и пересек анфиладу низких темных зал, где было множество реторт, пробирок и медицинских инструментов и царил резкий запах травяных настоев и толченых минералов. Монастырь буквально гудел от тишины, словно гигантский корабль-призрак. Тиксу несся по витым лестницам, пробегал по коридорам, на ходу распахивая двери. Они со скрипом открывались — за ними были пустые кельи.

Долгое время он двигался вслепую. И наконец наткнулся на комнату, где лежала молодая женщина. Крохотное помещение заливал теплый свет. Афикит лежала на подвесной кровати. Ее золотистые волосы, рассыпавшиеся по подушке, походили на солнечные лучи. С бьющимся сердцем он приблизился к ней. И вновь был околдован ее красотой. Ее зеленые глаза с золотыми и синими блестками равнодушно остановились на нем. Кожа ее уже покрылась восковой бледностью смерти.

— Здравствуйте, — прошептал он, напуганный отсутствием выражения в ее глазах. — Я пришел за вами. Здесь оставаться опасно...

Голова девушки с трудом повернулась к нему. Зашевелились губы, словно она пыталась что-то сказать. Но с ее уст не сорвалось ни единого звука.

— Я... я понесу вас. По ту сторону монастырских стен нас ждет друг...

Он сдернул простыню. Грубая полотняная рубашка синего цвета закрывала Афикит от плеч до колен. Он наклонился, просунул руку под талию девушки и начал ее припод-

нимать, когда она, внезапно ощутив прилив энергии, яростно забилась, прижала колени к груди и закричала:

— Нет! Нет! Филп!..

Обескураженный внезапной вспышкой ярости, он отступил на шаг, не зная, что делать дальше. Потом решил, что не стоит обращать внимания на протесты Афикит, вызванные скорее всего вирусом, плодившимся в ее крови. Он подавил укол ревности, которая охватила его при имени соперника. Он решительно схватил ее за талию — боже, как она была тонка! — и, увертываясь от острых ногтей, которые она в истерике пыталась вонзить в него, взвалил ее на плечи. Она яростно сопротивлялась, колотила руками и ногами по груди и спине похитителя. Но он не разжал хватки, несмотря на град ударов. Она издала пронзительный вопль, чуть не оглушив его:

— Не хочу! Оставьте меня! Филп! Хочу видеть Филпа!

Неуправляемый груз на плече не облегчал спуска Тиксу, которому приходилось останавливаться через каждые три ступени, чтобы крепче схватить девушку. Он перестал считать, сколько раз спотыкался. Обретя удивительную силу при своей видимой слабости, она высвобождала то ногу, то руку, то кисть, пытаясь ударить или оцарапать оранжанина. А он пытался схватить эту руку, эту ногу, эту кисть, сковать движение непокорных конечностей, которые то и дело вырывались из-под его контроля.

И упорно продвигался вниз, пока не оказался в первых галереях, уходящих в глубь мрачной бездны. Он не мог пользоваться факелом, а потому спускался на ощупь, используя малейшие умирающие блики света на стенах и сводах. Он споткнулся о камень и потерял равновесие. Они упали на пол, но Тиксу не отпустил ее, крепко прижимая к себе. Она сумела со злостью вонзить ногти в щеку и лоб оранжанина, вырвав клочки кожи. По его носу и подбородку потекли горячие ручейки. От боли он ослабил хватку. Она воспользовалась его замешательством, чтобы вырваться и броситься прочь. Но далеко она не убежала: обессилевшие ноги отказались нести ее. И с той же внезапностью, с которой начала отбиваться, она сползла вниз по шершавой стене галереи и осталась сидеть у стены. Ее глаза остекленели, руки бесеильно повисли — Афикит сидела в прострации, вся энергия покинула ее тело.

Теперь Тиксу не встретил никакого сопротивления, когда поднял за талию и взвалил на плечи. На ощупь, спотыкаясь, он двигался по узким извилистым проходам, положив-

шись на свой инстинкт. Таинственные входы множились на его пути, но он не колебался. Ему казалось, что его призывает шепот безмолвия. Голова и руки Афикит висели на его груди. Он вдыхал ее аромат, тот же, что и в кабине деремата на Двусезонье. Он отыскал ее, ему хотелось плакать от счастья.

О приближении к склепу он узнал по слабым отсветам огня, вырывавшимся из-за приоткрытой округлой дверцы. Он слышал крики сошедшего с ума рыцаря, который продолжал свой монолог-рассуждение. Все, что было в склепе, уже лежало в центре на полу. Рыцарь поливал груду коричневой жидкостью. Он кружил вокруг груды, словно исполняя древний магический ритуал. Еле светящая лампа подчеркивала грубо высеченные черты его лица. Он вращал выпученными глазами, рот его кривился в жестокой усмешке.

— Никто никогда не узнает! Нет, никогда! Даже Нобер Оан, этот говнюк! Никто никогда не узнает...

Он был настолько поглощен своим делом, что не замечал оранжанина, который спокойно шел к отдушине. Афикит на его плече тихо постанывала. Тиксу переступил через опрокинутый шкаф и подошел к отдушине. Вначале он осторожно уложил молодую женщину по ту сторону стены у подножия лестницы, потом сам полез в отверстие.

Обезумевший рыцарь вдруг бросился на него с воплем:

— Никто! Никто не должен знать! Никто!

Его еще могучие пальцы вцепились в шею Тиксу, которому, несмотря на все усилия, никак не удавалось вырваться. Разрушительная ярость старика удесятерила его силы. Не отпуская хватки, он щелкнул пальцами, чтобы лампа подлетела к груде книгофильмов и головидеофильмов. Почти задохнувшись, Тиксу повернулся, как дикая тигрокошка, и ударил своего противника в грудь. Кости старика затрещали, но пальцы не разжались. Оранжанину показалось, что обезумевший рыцарь вот-вот сломает ему шейные позвонки. Лампа вдруг взорвалась, искры посыпались на пропитанную горючей жидкостью груду. Взметнулось высокое пламя, и черный удушающий дым затянул склеп.

— Никто никогда не узнает! Все сгорит! Даже то, что не горит! — взвыл врачеватель. — Ничто не может сопротивляться моему элексиру праха! Никаких следов! Я, Нобер Оан, рыцарь-врачеватель Ордена...

Он не успел договорить. Вспыхнула его черная сутана. Жаркий огонь начал лизать стены и своды склепа. Тиксу ощутил на лице языки пламени. Крича от боли и отплевыва-

ясь кровью, старик разжал пальцы, и оранжанин тут же проскользнул в отверстие. Не переводя дыхания, он схватил Афикит под мышки и бесцеремонно поволок ее к первым ступеням лестницы.

С обожженными ресницами и бровями, подгоняемый красноватым пламенем, преследующим его, Тиксу поспешно взбирался наверх, таща за собой девушку. Поступающий сверху воздух немного сбивал температуру. Он спотыкался о камни, валявшиеся на лестнице. Пот застилал ему глаза. Он упирался в скалистые стены, чтобы протиснуть Афикит в самые широкие отверстия, а потом, извиваясь, следовал за ней. Внизу начались первые обвалы. По галереям разносился грохот. Тиксу боялся, что лестница вот-вот обрушится. Он поднял Афикит, прижал ее к груди и, подгоняемый энергией отчаяния, под дождем камней и земли, сыплющихся сверху, принялся карабкаться по ступеням.

Наконец он различил слабый дневной свет, сочащийся через отверстие в стене. На верхней площадке он сразу отыскал кошку под грудой камней. Быстро достал ее. Вся стена дрожала и ходила ходуном. Афикит была так тонка, что он без труда вытолкнул ее наружу. Ему же пришлось потратить куда больше времени, чтобы пробраться через расщелину и вылезти на навес. Он закрепил присоску, обернул трос вокруг талии девушки, потом обвязал себя под мышками, прижал Афикит к себе и прыгнул в пустоту.

Кошка, хотя и перегруженная, поскольку Тиксу не думал, что его будет подгонять время, и рассчитывал совершить два рейса вверх и вниз с помощью Квена, включилась на автоматический спуск — они висели, словно на паутинке. Огромные куски парапета падали вниз с качающейся стены, пролетали мимо и ударялись о мостовую аллеи. Весь монастырь гудел и сотрясался. Обвал фундамента нарушил равновесие монументального сооружения.

Вскоре, хотя Тиксу казалось, что время перестало течь, они оказались внизу. Камни падали все чаще, вздымая облака оранжевой пыли. Он отвязал трос, взял Афикит на руки и обогнул башню.

Волны, порождаемые дрожью фундамента монастыря и падением камней, раскачивали аквасферу Квена Даэла. Волосы рыбака буквально стояли дыбом от страха. Он с невыразимым облегчением увидел своего пассажира. Рыбак дернул рукоятку магнитного якоря, включил двигатель и как можно ближе подогнал аквасферу к аллее. Тиксу просунул голову и плечи девушки в боковой люк. Селпидянин подхватил ее и втащил внутрь.

Как только оранжанин, в свою очередь, оказался в аквасфере, рыбак, забыв о болезненном любопытстве — осо-

бенно его заинтриговали следы пальцев на шее Тиксу и царапины на лбу и щеке, — направил лодку в открытое море и быстро удалился от зоны волнения. Едва они оказались на приличном расстоянии от стены, как огромная ее часть обвалилась и рухнула в воду, подняв тучи брызг и облака пыли. Сразу стали видны крыши внутренних зданий, купола залов, малые донжоны, лестницы и дворики.

— Да помогут нам феи! — пробормотал Квен Даэл, который не мог отвести взгляда от бреши в стене. — А что делать теперь?

Афикит лежала на подвижном полу и тихо стонала. Тиксу спрашивал себя, сколько времени она еще сможет сопротивляться неумолимому действию вируса. У него не было никаких лекарств.

— На остров, — рассеянно ответил он.

— Остров? Какой остров? — спросил рыбак.

— Тот, о котором вы мне говорили... Помните? В день, когда подобрали меня. Остров злымонов. Что-то подсказывает мне, что именно туда мы должны отправиться...

— Но... я не знаю, где он находится! — возразил недоумевающий Квен Даэл. — Я даже не знаю, существует ли он!

— Тогда везите меня на то место, где подобрали, — сказал Тиксу, пожав плечами. — Быть может, там мы встретим гида.

Просить рыбака вернуться туда, где он видел злымона, означало то же самое, что просить его отправиться на черные острова злымонов. Но ему не понадобилось много времени, чтобы преодолеть удивление и страх. С таким странным и загадочным гостем, которого послали феи, ничто не казалось ему невозможным. Он направился в открытое море, беззвучно молясь всем Альбарским феям, чтобы те оказали ему помощь и содействие.

В час полудня, когда закончился прилив океана Альбарских Фей, на песке полуострова лежали тысячи трупов. Орден абсуратов перестал существовать. Наемники-притивы уничтожали мертвое воинство дезинтеграторами, обращая трупы в прах. Рыцарь Филп Асмусса лежал рядом со своим крестным отцом, рыцарем Шудом Аль Бахом.

Никто не уцелел в неравной битве. Ни рыцари, ни воины, ни ученики независимо от их возраста и должности. Но ментальные и физические поиски, которые провели скаиты и полицейские в стенах монастыря, оказались безуспешными. Дочь сиракузянина Алексу не нашли. Исчезновение ее никто не смог объяснить достаточно убедительно, как и гигантский пожар,

пронесшийся по подземельям монастыря и вызвавший обрушение части стен.

Эксперт Гаркот получил огромное удовольствие от уничтожения одного за другим мозга людей, принадлежащих к Ордену. Однако он не переставал ощущать раздражающее и едва уловимое присутствие, вражеский дух, могущий в любое мгновение обратиться в песчинку. Песчинку, способную застопорить ужасающую машину, которую главный резидент шестого этапа Плана готовился запустить.

Когда все трупы были уничтожены и стали похожи на черную пленку на золотом песке, дула дезинтеграторов повернулись в сторону монастыря. Их круглые пасти исторгли сверкающие зеленые лучи, и через пять часов все строения обратились в прах. Полуостров Гугатта стал сожженной пустыней, и с этого дня селпидяне стали называть его «Абсуратской могилой».

Глава 21

Появление новой империи помогло нашей святой Церкви добиться самого беспрецедентного развития за всю ее долгую историю. Каждая планета, каждый город, каждая деревня, каждая улица получила свой храм, где Истинное Слово могло быть наконец услышано всеми, кто до этого жил в неведении божественных и совершенных законов, изложенных Крейцем на дюнах великой пустыни Осгора. Благодаря многочисленным дерематам, предоставленным в их распоряжение, когорты святых миссионеров огненными колоннами распространились по всем планетам вселенной. Для тех, кто не заслужил прощения, чьи сердца упрямо противились истине, на площадях были устроены огненные кресты. Скаиты-инквизиторы действовали в теснейшем сотрудничестве с кардиналами и епископами миссий и сражались с лицемерием, с притворной верой, вероотступничеством и диссидентством. Следы старых суеверий постепенно исчезли, проклятые жрецы противоестественных верований были подвергнуты мукам, чтобы народы увидели, какая участь ждет тех, кто служит ереси. Места языческих культов были безжалостно уничтожены, вне зависимости от их архитектурной или художественной ценности. Муффий Барофиль Двадцать Четвертый, возможную канонизацию которого в данный момент изучает особая комиссия, был весьма решительно настроен искоренить во всех уголках новой империи любой зародыш вероотступничества и раскола. Школы священной пропаганды при-

няли ярых учеников, прибывших со всех миров. Все они были обуяны жарким пламенем веры, что нам было особенно приятно наблюдать в этих юных душах. И божественное имя Крейца, подхваченное благочестивым хором, пронеслось от одного края вселенной до другого.

Однако случилось так, что великий коннетабль Паминкс, которому мы обязаны распространению нашей веры, решил удалиться от мира. Ему на смену пришел великий сенешаль Гаркот, и под его неумолимой властью началась новая эра, которая останется в памяти как период процветания «Террора Экспертов».

Что касается меня, то в это время я томился в темнице инквизиторского дворца Дуптината, бывшего Круглого Дома Вортлингов на планете Маркинат. Мой мятежный дух отказывался принимать Истинную Веру. Я думал лишь об отданном на муки теле дамы Армины Вортлинг, великой грешницы. Сегодня я признаюсь, что плоть ее смущала мои фантазии одинокого подростка, и я решил никогда не забывать эту женщину. Но церковные власти проявили в отношении меня бесконечное терпение: они сохранили мне жизнь и дали время, чтобы божественная любовь Крейца наполнила мою душу и навсегда изгнала из нее плотские стремления...

Ментальные воспоминания
кардинала Фрасиста Богха,
который стал муффием Церкви Крейца
под именем Барофиля Двадцать Пятого

На центральной сцене с невероятной грациозностью и легкостью скользили балерины сохорго, исполнявшие средневековые танцы. Длинные, похожие на паутину шлейфы переливающихся костюмов обвивались вокруг их тел, рисуя точные и эфемерные геометрические узоры в сопровождении гармоничного пения трех певцов, сидевших на корточках на вершинах колонн со светящимися водяными стенками и задававших ритм танцовщицам.

Подвижные ложи, огромные белые сферы с балконом в передней части, беззвучно плавали по огромному залу Амфитеатра, коническому залу, возведенному в центре императорского дворца. Ни одна ложа не была пуста: ни за какие сокровища в мире придворные не хотели упускать редчайшее зрелище, предназначенное исключительно для дюжины знатоков из великих сиракузских семей. По случаю концерта гости проявили чудеса элегантности и надели самые роскошные туалеты: драгоценные ткани меняющихся цветов, тяжелые украшения из опталиевых кружев, светящиеся водяные диадемы. Лица их были

покрыты кремовым или белым гримом, губы — пунцовой, синей или черной помадой, а зубы они выкрасили в жемчужные цвета — розовые, бледно-зеленые или лазурные... Они, как дети, верили, что сверкающее оперение заставит забыть об их жалком происхождении. Единственное, что сейчас ценили и признавали знатоки этикета, было богатство новых придворных. Кассы новой империи были практически пусты, и казначеи организовали этот праздник с одной-единственной целью — вновь наполнить их. То, как гости пожирали танцовщиц глазами, словно пытались обладать ими взглядом, не могло обмануть просвещенных любителей эфемерного и неуловимого искусства, которые оценивали исполнение сохорго краешком глаза, взмахом ресниц, словно не желая нарушать идеальные движения танца.

Летающие ложи двигались в замедленном ритме. Их пассажиры изредка меняли угол зрения и перспективу. От вогнутых стен Амфитеатра отражался неяркий золотистый свет, заливавший центральный фонтан, наполненный ароматной водой. Радужные симметричные струи вылетали из пасти стилизованных животных. Вокруг бассейна стояли мыслехранители, закутанные в белые бурнусы, и спокойно дожидались конца спектакля.

В ложе, украшенной новым имперским гербом — белый круг, символ вселенной, и золотая корона с тремя зубцами, эмблема Сиракузы, — лениво поглядывая на танцовщиц на сцене, скучал Менати Анг в пурпурных одеждах, облегане и капюшоне. Его черные блестящие глаза почти не отрывались от прекрасной соседки в муаровом плаще с широким воротом, который превосходно сочетался с тонкими янтарными косичками, уложенными вокруг желтого капюшона. Изящная корона из диамантина подчеркивала блеск бледно-желтоватой кожи дамы Сибрит.

Не в силах сдержаться, Менати Анг взломал барьеры ментального контроля, наклонился к ней и спросил на ухо:

— Дама моя, вам нравится спектакль?

— Мой сеньор, он не в моем вкусе! — сухо ответила она, даже не подняв на него своих черных глаз с синими искорками. — Зачем вы задаете мне такие вопросы? Вы знаете, что я сижу рядом с вами только по вашему требованию, потому что вы занимаетесь грязным шантажом, играя жизнями моей дочери Ксафит и дамы Алакаит, моей компаньонки!

Дама Сибрит нарочно не понижала голос. Этого было достаточно, чтобы лица в соседних ложах осторожно повернулись в их сторону, а во взглядах появились сдержанные упреки. Но прямого возмущения не было, ведь голоса доносились из

ложи императора! Менати махнул рукой, подняв ложу к семисводчатому потолку, где она замерла прямо под облаком светящихся шаров.

— Не надо говорить так громко, дама моя! — пробормотал Менати Анг, почти не разжимая зубы. — Это преступление против искусства. Нельзя нарушать голосом тишину идеала!.. Это проявление провинциального духа.

На этот раз она решительно повернулась в его сторону и с неукротимой ненавистью уставилась на него черными глазами.

— Мой сеньор, разговор начала не я! — прошипела она. — А поскольку вы так деликатны, что напоминаете мне о моем провинциальном происхождении, проявите доброту и позвольте вернуться в ту самую провинцию, которую вы, похоже, сильно презираете!

Он машинально закусил губы — из-за этого лопнула пленка коричневого лака, наложенного на рот. Ему пришлось собрать все ресурсы ментального контроля, чтобы не взорваться от ярости. Он до последнего дня участвовал в императорских празднествах, которые учредил по совету коннетабля Паминкса, чтобы торжественно отметить полную победу армии новой империи над Орденом абсуратов, последним бастионом Конфедерации Нафлина. Он стремился завоевать даму Сибрит, женщину, которая пренебрегала им, презирала его с таким ледяным спокойствием, что ничто, казалось, не могло поколебать ее. Он поклялся себе, что по окончании праздников откажется от нее и отошлет к отцу. Он принял решение, не посчитавшись с мнением коннетабля, который полагал, что, поскольку она была прямым свидетелем множества компрометирующих событий, ее следовало силой держать в императорском дворце или заставить окончательно замолчать, но такой исход Менати категорически отвергал.

Император прекрасно понимал, что невестка была его главной слабостью, бередящей раной, и твердо решил покончить с этой ситуацией, будет ее исход благоприятным или нет. Всю неделю празднеств, выкладывая последние козырные карты, он приглашал ее на спектакли, вечера поэзии, выставки. Он окружал ее вниманием, осыпал подарками и цветами, но ничто не меняло ее презрительного отношения к новому властелину мира.

Хотя Менати Анг делал все возможное, чтобы скрыть от посторонних глаз свои чувства к даме Сибрит, слухи уже поползли: вдова Ранти Анга, маленькая провинциалка-девственница, бесцеремонно отталкивала царственного воздыхателя! А ведь при дворе было множество соблазнительных женщин!

Высшие придворные, удивленные и озадаченные, никак не могли допустить, что хозяин вселенной оказался во власти капризной женщины, которой сеньор Ранти Анг предпочел Спергуса, жалкого чужака-осгорита. Надеясь на защиту мыслехранителей, они осуждали Менати, считая его поведение легкомысленным и недостойным столь высокого ранга. Они задавались вопросом, почему ближайшие советники императора ничего не предпринимают, чтобы покончить с двусмысленной ситуацией.

— Что я такого натворил, дама моя, чтобы заслужить подобную участь? — спросил он умоляюще. — Разве я не пытался сделать эту неделю приятной для вас?

— Если вы желаете действительно сделать мне приятное, мой сеньор, — ответила она, — то исполните мою волю и отпустите в Ма-Джахи!

Далеко внизу под ними медленно перемещались ложи, выписывая арабески над центральной сценой. Танцовщицы казались далекими цветными пятнами.

— Кстати, мой отъезд окажет вам огромную услугу, мой сеньор, — продолжила она. — Придворные злословят на ваш счет! Из-за меня вы стали главной мишенью их кривотолков. Не считаете ли вы, что в ваших интересах поскорее избавиться от меня и положить конец сплетням?

В его жарком взгляде читалась боль.

— Клевета — неизменная черта характера сиракузян, дама моя. Меня мало волнует, что эти пустышки смеются надо мной! Но признаюсь, вам удалось довести меня до того, что пределы моего терпения истощились. Я отчаялся увидеть, что ваше отношение ко мне изменится. Однако позвольте выразить удивление по поводу вашей так называемой привязанности к памяти моего брата Ранти. Он не замечал вас и постоянно унижал... Он ни разу не почтил вас присутствием в вашей постели, дама моя?

Тень осуждения промелькнула на оскорбленном лице дамы Сибрит.

— В этом он следовал лишь святым заповедям Церкви Крейца, — сказала она, едва шевеля губами.

Она знала, что этот аргумент даст собеседнику новый повод излить свою желчь. Циничная улыбка растянула губы императора, приоткрыв длинные зубы, выкрашенные янтарно-жемчужным лаком.

— А следовал ли он тем же заповедям с чужаком-блондином по имени Спергус? — усмехнулся он. — Ах, дама моя! Он не превратил вас в женщину по простой и безнравствен-

ной причине — только тела юношей наполняли его желанием! А вовсе не соблюдение неких крейцианских законов, как утверждаете вы!

— Замолчите! — воскликнула она, побелев. — Замолчите! Вы не имеете права...

Он сухо прервал ее:

— Дама моя! Помилуйте, возьмите себя в руки и умерьте свой тон!.. Вы же знаете, я сказал правду! Правда зачастую ранит!.. А если вернуться к Церкви, она разрешает плотские отношения между супругами, если они соответствуют Супружеской допустимости, описанной в крейцианском коде применительно к жизни... Кроме того, мы можем интерпретировать законы по своему желанию. Не пытайтесь укрыться за ложными оправданиями! Отбросьте, пожалуйста, маску двуличия, которая так не идет к вашей красоте! Ни ваш, ни мой возраст не предполагают, что стоит играть в прятки. Ваша так называемая любовь к моему кретину братцу была и остается обманом. Вы обманываете саму себя, набрасываете вуаль на свою истинную натуру женщины. И отказываетесь от собственного шанса, дама моя, единственного шанса, который открывается перед вами! Этот шанс предлагает вам необычную судьбу, а вы тянете время, не желая сделать выбор...

— Предлагает мне не шанс, а вы, мой сеньор, убийца моего мужа и двоих моих детей! Шанс — странное слово в ваших устах...

— Успокойтесь, дама моя, меня не трогают ваши ядовитые намеки. Разве не ваш муж утверждал незадолго до своей смерти, что не стоит смешивать личные чувства и интересы государства? Разве не он холодно приказал казнить ваших друзей Тиста и Марит?.. Но хватит! Я устал произносить одни и те же слова, выслушивать одни и те же упреки. Несколько минут назад вы попросили меня о милости: вы желаете вернуться в родную провинцию. Так и быть, я дарую вам эту милость! Завтра, на заре первого дня, вы получаете свободу в своих действиях. Можете уехать в сопровождении своего брата Мулика, которого я последнее время видел при дворе...

Дама Сибрит сжалась в кресле. Пораженная и обеспокоенная, она задавала себе вопрос, какую новую ловушку скрывали его слова.

— Само собой разумеется, ваша дочь Ксафит будет вам возвращена, — продолжил Менати Анг. — Что касается вашей компаньонки Алакаит де Флель, ей ничего не грозит, клянусь вам. Однако вам придется дать клятву о молчании: вы не должны никому открывать обстоятельства смерти сеньора Ран-

ти. Если вы даже случайно нарушите государственную клятву, ваша жизнь, жизнь вашей дочери и вашей компаньонки потеряют какую-либо ценность. Ваше молчание — залог вашего спокойствия... А главное, дама моя, не благодарите меня! Это решение скорее ваше, чем мое. Поблагодарите лучше собственное упрямство!.. Быть может, теперь, когда не осталось задних мыслей, мы можем насладиться сохорго...

Императорская ложа медленно спустилась, пробивая путь среди лож придворных, которые отлетали в сторону, чтобы освободить проход к центральной сцене. До конца спектакля Менати Анг замкнулся в упрямом, капризном молчании. Его черные глаза, единственный признак жизни на бесстрастном лице, пристально следили за грациозными танцовщицами на сцене.

Дама Сибрит еще не осмеливалась поверить в обещания императора. Однако они означали освобождение от мира, в котором, несмотря на привилегированное положение, она всегда ощущала себя чужой. Вдова Ранти была птицей, которую слишком долго держали в неволе за решеткой тесной клетки, пока она не потеряла надежду улететь. И вдруг перед ней распахнули дверцу золотой клетки, а она с беспокойством озирает пугающую бесконечность неба. Перспектива увидеть пустынные ландшафты детства, встретиться с отцом, которого она глубоко почитала, показалась ей иллюзией, абстракцией.

Это ощущение было тем более острым, что решение Менати Анга, неожиданное и резкое, противоречило сну, который она видела прошлой ночью. После исчезновения Ранти Анга впервые сновидение вырвало ее из сна, из глубокого сна второй ночи. Она проснулась в холодном поту. Она увидела себя жертвой чувственного желания императора. Он овладевал ее распятым телом почти с животной яростью. Но больше всего ее смущало то, что этот плотский акт, отвратительный, извращенный, доставлял ей нездоровое, грязное удовольствие, а потом она рыдала от стыда. Целый час первого утра она провела в ванной с очищающими эмульсиями, чтобы изгнать из головы это унижение, содрать с кожи все следы ночной грязи. Потом попыталась убедить себя, что видение не было пророческим, что сон был случайностью. Но упрямая интуиция подсказывала ей, что, напротив, сновидение отражало ее собственные противоречия и слабости.

И вдруг Менати Анг объявлял, что отказывается от нее! Наряду с чувством облегчения ее пронзила игла разочарования, сожаления, но она отнесла эти чувства на счет своей двойственной натуры. Она искоса наблюдала за императором.

Он внешне увлекся сохорго, хотя на самом деле — это не ускользнуло от ее женского внимания — тонул в бурном море разочарования.

После спектакля танцовщицы и певцы церемонно раскланивались перед зрителями. Ни шум, ни вздох, ни шорох ресниц не нарушил тишины, пропитанной восхищением. Истинный триумф.

Церковная ложа, обитая фиолетовыми и белыми тканями, незаметно подлетела и застыла перед императорской ложей. Морщинистое лицо Барофиля Двадцать Четвертого, муффия Церкви Крейца, едва возвышалось за плоским барьером балкона. Рядом с ним в фиолетовой накидке поверх красного облегана сидел кардинал Моланали, чье розовое личико выдавало его неумеренную любовь к хорошей пище.

Непогрешимый Пастырь протянул руку в белой перчатке через перила императорской ложи. Менати Анг и дама Сибрит приложились по очереди к пальцам и огромному перстню муффия.

— Желаю вам приятного первого вечера, ваше святейшество, — произнес император. — Вы получили удовольствие от спектакля?

— Я оценил его по заслугам, мой сеньор, — ответил муффий блеющим фальцетом. — Когда сохорго Средних веков исполняется таким образом, сразу понимаешь, что это божественное искусство.

Менати Анг догадался, что присутствие Барофиля Двадцать Четвертого в Амфитеатре было продиктовано не только любовью к искусству, но и этой встречей, с виду совершенно случайной.

— Размещение ваших миссий на планетах империи происходит в соответствии с планами, ваше святейшество?

— Здесь нам не на что жаловаться, мой сеньор! Каждый город каждой планеты вскоре получит свой крейцианский купол, где будет произнесено Истинное Слово. Наши миссионеры творят настоящие чудеса. Они принимают все больше верующих среди автохтонов, и мы будем счастливы распахнуть перед тысячами послушников двери в школы священной пропаганды. Мы также слышали, что добрая воля и эффективность скаитов-инквизиторов во многом облегчает задачу наших кардиналов и епископов, возглавляющих миссии. Эта новость радует нас, мой сеньор.

— Коннетабль следит за этим, — сказал Менати Анг. — В эти дни он путешествует по планетам, чтобы лично проследить за единством имперской организации, главной частью которой является Церковь...

Маленькие выцветшие глазки кардинала Моланали не отрывались от дамы Сибрит. Этот взгляд, смесь явного от-

вращения и скрытой похоти, наполнял ее чувством неловкости. Ей казалось, что укрывшийся в глубине ложи человек, как пожиратель падали, раздевал ее, срывая покровы с тела и души. Ей хотелось, чтобы муффий и император поскорее завершил свой разговор, чтобы уйти от жгучего и бесстыжего разглядывания. Она кипела нетерпением вернуться в свои новые дворцовые апартаменты, поцеловать свою дочку-проказницу, к которой уже привязалась, и подготовиться к отъезду. Ей хотелось немедленно послать шифровку брату Мулику, чтобы тот принял необходимые меры, пока Менати Анг в последний момент не изменил своего решения.

— Мой сеньор, это место не подходит для разговора, — заметил муффий, чья живость и острота взгляда противоречили величавости его жестов. — Мы просим вашего благосклонного согласия на частную аудиенцию. И если возможно, сегодня вечером.

Император не смог скрыть раздражения:

— Сегодня вечером? Ваше святейшество, вы же знаете, что сегодня последняя ночь празднеств! Я должен почтить своим присутствием вечер элегий в саду дворца. Я обязан — вечер будут транслировать на все планеты.

— Я знаю, у вас расписано все время, но позвольте мне настаивать. То, о чем нам надо побеседовать, крайне срочно. И клянусь вам, эта беседа отнимет всего несколько минут вашего драгоценного времени.

В устах этого старца самые невинные слова всегда звучали скрытой угрозой.

— Ну, хорошо, ваше святейшество! Дайте мне только несколько мгновений отдыха. Я провожу даму Сибрит в ее апартаменты, и мы встретимся в малом зале частных приемов.

— Нас это устраивает, мой сеньор, — пробормотал муффий с поклоном.

Его ложа растаяла среди остальных белых сфер. Менати Анг спрашивал себя, какая извращенная мысль могла зародиться в голове Непогрешимого Пастыря. Быть может, он проведал про заговор, который плели против него Паминкс и некоторые кардиналы? Невозможно! Они приняли все предосторожности...

Когда императорская ложа опустилась на пол из черного мрамора, несколько придворных обратились к Менати Ангу с просьбой дать частную аудиенцию, чтобы он вынес свое царственное решение по поводу запутанных вопросов почетного или семейного приоритета. Он отделался пустыми обещаниями, подкрепляя их сладкой улыбкой. Танцовщицы сохорго,

выстроившиеся у рампы, с достоинством выслушивали восхищенных поклонников, чьи фразы больше походили на восторги чужаков-провинциалов. Несмотря на усилия, которых требовало их многовековое искусство, на спокойных лицах девушек не было видно ни пота, ни следов усталости. Император в сопровождении дамы Сибрит приблизился к ним и с гордой сдержанностью отпрыска знатной семьи поздравил их.

Как только зрители покидали свою сферу, к ним тут же присоединялись их мыслехранители. Все это создавало хаотическое движение вокруг центрального бассейна — здесь мелькали напудренные лица и белые анонимные капюшоны. Менати Анг на мгновение прервал привычные формальности и лицемерные высказывания, наклонился к даме Сибрит и прошептал:

— Полагаю, не стоит даже спрашивать, окажете ли вы любезность сопровождать меня на вечер элегий... Я заранее знаю ответ...

Она упрямо уставилась в пол.

— Значит, я в последний раз провожу вас в ваши апартаменты. После этого, клянусь всем самым святым, больше не буду надоедать вам!

Голос его был пропитан печалью. Вокруг него теснились придворные, водоворот толпы — натянутые улыбки, манерность, бегающие глаза, голоса, крашеные, экстравагантные локоны, бледный грим. Эта атмосфера утонченного птичника, культа парадности, внешнего лоска более всего раздражала даму Сибрит, которой, как ни странно, она предпочитала резкие манеры Менати Анга. По крайней мере его поведение было до определенной степени искренним и выражало достоинство или извинение. Женщины смотрели на нее высокомерно, с аристократическим презрением, дружелюбно помахивая рукой или сдержанно улыбаясь. Они не прощали ей безраздельного внимания Анга и неприятия его ухаживаний, когда сами откровенно кокетничали с ним, принимая томные позы и бросая многозначительные взгляды. Придворные дамы всеми способами пытались привлечь внимание императора, забыв о своих безликих супругах, но тот был равнодушен, и они отчаянно завидовали ей.

Через несколько мгновений, показавшихся даме Сибрит бесконечными, Менати Анг вырвался из тысяч щупальцев ненасытного придворного спрута. Они вышли из Амфитеатра через монументальные центральные двери. Императорская охрана, состоящая из наемников-притивов в черных масках и

комбинезонах, присоединилась к мыслехранителям, уже занявшим место позади Менати.

Чуть в стороне шли мыслехранители дамы Сибрит с лицами, спрятанными под капюшонами белых бурнусов с красной отделкой. Одним из двух ее скаитов был Гаркот, ментальный убийца, главное действующее лицо Гугаттской битвы, — его восхваляли как героя, хотя он ничего особенного не совершил. Удивительно, насколько люди любили славу... Гаркот убедил своего соплеменника, главного мыслехранителя дамы Сибрит, временно уступить ему свое место. «Убедить» — было не совсем точным словом. Гипонероархат просто послал импульс и растворил жизненную спору мыслехранителя, отправив ее в конгломерат, занимающийся Планом. Гаркот считал, что его постоянное присутствие при вдове сеньора Ранти Анга было ключом к успеху замысла. Оказавшись в ее окружении, он без труда обнаружил в душе дамы Сибрит зияющую брешь: в душе этой женщины боролись влечение и отвращение к Менати. Если она отказывала императору, то не из-за отсутствия любви. Она безумно боялась собственных желаний. Более того, она обладала удивительной способностью видеть в своих сновидениях будущее. Во сне к ней приходили сцены, украденные у времени. Эта странная способность, не имевшая ничего общего с прогнозированием спор-прародителей, привлекла внимание ментального убийцы. Он сообщил муффию Церкви Крейца о результатах своего обследования. И они решили воспользоваться отсутствием коннетабля, объезжавшего планеты империи, чтобы немедленно перейти к действиям.

Императорский эскорт пересек укутанный сине-красным заревом парк, едва освещенный Солнцем Сапфир, которое уходило за горизонт. Начиналась первая ночь. Светошары плыли над аллеями. За газонами и кустарниками высился гигантский голубой фасад дворца, украшенный флуоресцирующими статуями, а над ним вверх устремлялись башенки с куполами из розового опталия. Центральная лестница со ступенями из бирюзы и перламутра поднималась к парадной террасе. На лужайках чинно расхаживали хохлатые павлины, красуясь своими золотистыми крыльями. По мостикам и воздушным коридорам сновали слуги в белых пиджаках и красных облеганах, огибая пурпурных гвардейцев и агентов безопасности. Заметив императора, все замирали и отвешивали почтительный поклон.

Дама Сибрит успешно пользовалась отсутствием уединенности, характерной для дворцовой жизни, чтобы избегать упрямых наскоков Менати. Многие слуги были агентами Церкви или коннетабля. Она сумела ему напомнить об этом в тот день, когда он, не сумев сдержать желания, был готов высадить дверь ее спальни. Хотя он и стал императором вселенной, но зависел от Барофиля Двадцать Четвертого и коннетабля Паминкса. Она старалась держать рядом одну из камеристок, веселых осгориток легкого поведения, чтобы те могли прийти ей на помощь по малейшему знаку и стать свидетелем в том случае, если император вдруг утратит ментальный контроль. Но она не знала, что осгоритские служанки довели свою преданность до того, что удовлетворяли неутоленную страсть суверена. Он яростно овладевал ими в коридоре, прижав к стене или бросив на подвесную скамью, а потом тенью исчезал со своей свитой из шести мыслехранителей.

Теперь, когда она справилась с похотью деверя, дама Сибрит почти жалела, что одержала победу. Эта игра в обольщение между ней и Менати имела привлекательную сторону, нравилась ей, и она не могла не знать этого. Она пробудила ее от летаргии, от скуки, в которой дама Сибрит тонула долгие годы, ожидая, когда сеньор ее супруг соблаговолит обратить на нее внимание.

Менати остановился на террасе. Его горящие глаза вонзились в глаза дамы Сибрит, и та не смогла выдержать его напряженного взгляда.

— Дама моя, я оставляю вас, и вы сами доберетесь до своих апартаментов, — хрипло сказал он. — Желаю вам доброй ночи и... говорю вам — прощайте. Ваше самое горячее пожелание будет выполнено: вы меня больше не увидите! Вы можете уехать вместе с дочерью, когда захотите. Чем быстрее, тем лучше...

Он повернулся так стремительно, что пурпурный плащ обвился вокруг него. Потом, борясь с невероятным искушением вернуться, он в сопровождении мыслехранителей удалился огромными шагами, направившись к боковой двери.

Задумавшись, дама Сибрит машинально поднялась на гравиплатформе на свой этаж, потом двинулась по длинным коридорам правого крыла, в конце которого располагались ее апартаменты. Один из ее мыслехранителей внимательно следил за тончайшими переменами в ее душе. Как только император объявил о своем решении окончательно расстаться с ней, ей уже расхотелось уезжать. Она подумала, что, приди к ней император этой ночью, она, быть может, не захлопнет перед ним две-

ри спальни. Теперь уже было поздно. Настала ее очередь испытывать муки одиночества и несбывшихся желаний.

Гаркот немедленно связался со своим агентом, находившимся при муффии.

Дворецкий провел Непогрешимого Пастыря в крохотный зал частных приемов, обшитый драгоценными, ароматными породами дерева. Погруженный в мысли, император поджидал муффия, играя с радужными каплями настенного фонтанчика.

По протоколу эскорт мыслехранителей понтифика остался в прихожей. Символическая предосторожность: перегородка не мешала им продолжать свою двойную работу защиты и инквизиции. Барофиль Двадцать Четвертый поклонился Менати Ангу, потом протянул руку с кольцом для поцелуя.

— Оставим это, — недовольно пробурчал Менати Анг, бесцеремонно отталкивая руку муффия. — Мы не на людях! Садитесь и говорите. Я спешу!

Муффий усмехнулся и с удобством разместился в кресле из тканого опталия.

— Я вижу, вы озабочены, мой сеньор... Неужели ваш дух поглощен каким-то неприятным делом?

Менати Анг знал, что глава Церкви Крейца располагал прекрасной сетью информаторов и знал все о его любовных огорчениях. И не стал притворяться.

— Сердечная рана есть выражение иллюзорности, как сказал один поэт... Вы обещали, что наша частная беседа не займет много времени. Давайте не будем растекаться мыслью по древу!

По мнению муффия, раздражительность Менати свидетельствовала о полной правоте эксперта Гаркота, который положил в основу заговора плотские желания императора. Непогрешимый Пастырь укрепился в своем решении: сейчас он ставил на кон свою жизнь. До этого момента у него еще не было полной убежденности в правильности перехода на сторону Гаркота. Его черные проницательные глазки впились в собеседника. Бездонные зрачки, пылавшие ярким огнем, резко контрастировали с белым одеянием, облеганом и напудренным личиком.

— Мой сеньор, то, о чем мы должны поговорить, может... стать решительным поворотом в ведении дел империи и Церкви...

— Боже! Признаюсь, вы внушаете мне беспокойство, ваше святейшество. — В голосе Менати слышалось и любопытство, и веселье.

Он не мог не испытывать жалости к этому старику, приговоренному к смерти, который все еще пытался управлять этим подлунным миром.

— Речь идет о коннетабле Паминксе, — продолжил Барофиль Двадцать Четвертый. — Его присутствие рядом с вами уже не кажется нам... столь желательным, как это было в недалеком прошлом.

С помощью ментального контроля императору удалось скрыть, как поразили его эти слова.

— Вот вы куда клоните, ваше святейшество, — сумел он выговорить. — Вы не можете не знать о тех услугах, которые коннетабль оказал нашему семейству и вашей Церкви! Хотя не сиракузянин по рождению и даже не человек, он отдал нам, вам и мне, свой неоценимый дар, поставил нам на службу свои невероятные способности. Его голова занята только интересами сиракузского народа...

— Нам это слишком хорошо известно, мой сеньор, — поспешил подтвердить муффий, желая исправить дурное впечатление, произведенное столь резким началом. — Скаит Паминкс был, похоже, верным и лояльным служителем вашей семьи, а следовательно, и нашей Церкви. И мы не собираемся оспаривать эту реальность. Но сейчас мы вспоминаем о прошлом, а нас интересует будущее. Будущее — неизведанное поле, на котором решается наша судьба. Кое-что привело нас к мысли, что у коннетабля Паминкса больше нет будущего.

— А именно? — сухо осведомился император. — Полагаю, если вы явились ко мне для беседы, у вас есть конкретные аргументы, которые можно проверить, а вовсе не бредни, которые так любят придворные и церковники.

Муффий сохранил ментальный контроль и не обратил внимания на язвительный намек.

— Дело в том, что я поддерживаю особые контакты с кое-какими лицами из ближайшего окружения коннетабля, мой сеньор, и они сообщили мне, что отдельные его упущения могут привести к гибели империи. Его ментальные способности всеми оцениваются как исключительные, но они могут оказаться недостаточными для успешной борьбы с подлинными врагами империи. С теми, о чьем существовании мы пока не подозреваем, но которые скрытно закладывают основы мятежа...

— Орден абсуратов уничтожен! Полностью! — возразил Менати Анг. — Не вижу, кто еще...

— Последние последователи индисской науки, мой сеньор!

— Эта практика дурного волшебства? Помилуйте!

— Коннетабль, несмотря на неоднократно данные обязательства, так и не смог пленить дочь Шри Алексу, одного из последних наставников индисской науки. Это означает, что она обладает тайной техники, позволяющей уходить от инквизиции и ментальной смерти. Вероятно, согласно вашему определению, это и есть одно из тех дурных волшебств, которое отец успел ей передать до смерти... А теперь представьте, что она поделится своими знаниями с другими, и это знание разойдется по вселенной, как волны от взрыва световой бомбы. Попытайтесь представить себе, с какими непреодолимыми трудностями нам придется столкнуться. Вы и я или кто-то другой, стоящий во главе Церкви, мы теряем ментальный контроль над нашими подданными. Мы будем не в силах предвидеть маневры наших противников!.. Мы не можем позволить себе подобную уязвимость, даже рассчитывая на полицейских и наемников-притивов. Мне сообщили о случае с мелким служащим ГТК, который помог вышеуказанной девице и которого с тех пор не могут ни отыскать, ни засечь. Он непонятным способом сумел обмануть даже ринса, а он имел дело с моделью Тху, обеспечивающей безошибочное распознание клеток... Орден абсуратов был лишь тенью врага: вы сами видели, с какой легкостью он был раздавлен! Я узнал, как, наверное, и вы, что махди Секорам скончался более сорока лет назад, а вместо него правила директория... Истинная опасность кроется в этих невидимых рассеянных спорах оппозиции, которые коннетабль продолжает игнорировать, способствуя их развитию.

Император нервно разглаживал черную прядь, обрамлявшую правую часть его лица.

— Эти... приближенные Паминкса, которые сообщили вам все это, кто они, ваше святейшество?

Муффий выпрямился и приблизил лицо к лицу собеседника.

— Скаиты, которые неустанно тренировались, чтобы извлечь из своих способностей все самое лучшее... Именно им удалось засечь эти вражеские споры, и они горят желанием уничтожить их. Один из них настроен действовать весьма решительно и незамедлительно...

Менати Анг вскочил с кресла и направился к противоположной стене комнаты. Лицо его выражало явное беспокойство.

— Ваше святейшество, правильно ли я понял смысл вашего демарша? — вдруг сурово заговорил он. — Вы предлагаете мне отлучить коннетабля Паминкса от его функций и заменить вашим ставленником! Признайтесь, в вашем методе не

хватает элегантности: воспользоваться длительным отсутствием заинтересованного лица, прийти ко мне и обвинить его в некомпетентности. Не очень честный поступок для представителя Церкви! Могли бы дождаться его возвращения и дать ему возможность оправдаться!

— Будь коннетабль во дворце, мой сеньор, у нас не было бы этой встречи: у него глаза и уши повсюду, в каждом углу, в каждом закоулке, за каждой стеной и каждой дверью! Он ежесекундно знает о наших малейших передвижениях. Его отсутствие как раз и дает уникальную возможность открыть глаза на мелкие недостатки, которые могут перерасти в крупные неприятности. Кроме того, мы считаем, что его значение в организации новой империи становится непомерным, и уверены, что его погоня за сосредоточием всей власти в своих руках прячет за собой проект, о котором знает только он сам!

— Какой проект? — рявкнул Менати Анг, которого уже начали раздражать повторяющиеся инсинуации муффия.

Слова Непогрешимого Пастыря тонкими каплями яда проникали в душу императора, и его ментальный контроль рушился при одном упоминании о растущей угрожающей тени коннетабля. По мнению Гаркота, этот подсознательный страх перед могуществом Паминкса вызывал у Менати неясное, но яростное желание вырваться из-под власти скаита и был его вторым ментальным приоритетом. Император часто спрашивал себя, что заставляло коннетабля проявлять столько рвения ради императорской семьи и сиракузского народа. И не получал вразумительного ответа на свой вопрос. Дружба, которая сблизила Паминкса с его отцом, Аргетти Ангом, не казалась ему убедительной причиной. И вообще, можно ли говорить о дружбе со скаитом Гипонероса? Муффий обрушил свою аргументацию именно на эту сторону дела:

— Проект, повторяю вам, мой сеньор, о котором никто не знает, кроме него самого. Те же скаиты, о которых я упоминал, похоже, догадались, что коннетабль исполняет дело, в котором вы, я и все остальные только пешки! И так называемые его лояльность и верность всего лишь обманчивые покровы, наброшенные на реальность, совсем иную, чем мы вправе ожидать.

— Все это слова, ваше святейшество! — возразил Менати Анг. — Слухи, разговоры... Слова часто используются в целях, о которых никто не признается. Мне нужны доказательства. Доказательства, слышите? Басня, о которой вы тут говорите, выглядит нелепостью. Ну а раз вы говорите о покровах, откройте мне, в чем ваш личный интерес!

— Мой сеньор, божественный интерес Крейца!

— Да, да, конечно! На пустой вопрос банальный ответ! — усмехнулся император. — Однако это слишком упрощенное объяснение, которое меня не удовлетворяет...

— Интересы Церкви суть интересы империи, мой сеньор. Невероятный аппарат управления, недавно созданный...

— Благодаря планам коннетабля! — едко напомнил Менати Анг.

— Я не забываю об этом, — согласился муффий, чей взгляд становился все пронзительнее. — Мы первые поддержали проект коннетабля, когда он представил его нам. Но повторяю, это уже история... Этот аппарат управления позволяет нам нести Истинное Слово в самые далекие уголки вселенной. Туда, где до этого к нашим миссионерам относились самым ужасным образом — их изгоняли, бросали в темницы, подвергали пыткам. Истинное Слово становится Вселенским Словом! Так исполняется пророчество Салаина Благочестивого: наступит день, когда планеты, объединившиеся под общим стягом, познают бесконечное распространение Огня Божьей Любви... И наша священная обязанность уже сейчас требует заниматься этими дестабилизирующими атомами, которые могут задержать приход Истины. Долгосрочное предвидение событий — знак великого монарха, мой сеньор.

— Вы говорите про себя, ваше святейшество?

— Мы — скромный представитель Крейца в этом подлунном мире, мой сеньор! — ответил Барофиль Двадцать Четвертый. — Но вы, кто управляет делами этих миров, уже сегодня можете продемонстрировать свою мудрость, отметить свое царствование славными и нетленными делами.

Императора охватило странное волнение, и он принялся расхаживать по комнате.

— А вы, ваше святейшество, не являетесь ли игрушкой в чьих-то руках? — неуверенно спросил он. — Разве вами не воспользовались, чтобы отомстить коннетаблю?

Муффий помолчал, чтобы придать своим словам больше веса. Ему удалось поколебать уверенность императора, а теперь надо было нанести удар милосердия.

— Мы в силах предложить вам маленькую демонстрацию возможностей тех, кто послал нас к вам, мой сеньор.

Менати Анг не смог скрыть любопытства.

— Ах, демонстрация?

— Небольшой опыт, касающийся... дамы Сибрит, — с рассчитанной медлительностью произнес Непогрешимый Пастырь.

Император побледнел. Он утерял ментальный контроль, а потому закрыл лицо веером. Упоминание этого имени вдруг воздвигло между ними стену враждебности.

— Мы знаем, насколько вы привязаны к дочери Алоиста Ма-Джахи, — продолжил муффий примирительно, отбросив все предосторожности. — И мы смотрим на этот союз благожелательным взором! Он получит, не сомневайтесь в этом, всеобщее согласие и благословение Крейца...

— Куда вы клоните? — взревел император. — Мне невыносимо, что вы впутываете в свои грязные интриги мою свояченицу!

— Она в них не замешана, мой сеньор! А если замешана, то косвенно, — поправился муффий. — Вы желаете получить конкретные примеры эффективности наших друзей, и они готовы их предоставить. Не считайте это оскорблением, а примите как глубокое искреннее желание оказать вам услугу. Сейчас вам кажется, что дама Сибрит равнодушна к вашим чувствам, не так ли?

— Не кажется, — буркнул Менати Анг. — Уверен!

— О нет, мой сеньор! Наши друзья не сомневаются, что она отталкивает вас только поверхностью своего духа, а в глубине души, не признаваясь себе в этом, желает вашего союза больше всего на свете.

— Враки! — взревел император. — Глупости! В конце представления сохорго я даже разрешил ей удалиться в провинцию Ма-Джахи, к отцу, в полном соответствии с ее пожеланием и в противовес мнению коннетабля.

Сморщенное личико Барофиля Двадцать Четвертого словно подернулось вуалью.

— Скажем, если... вы тайно проникнете сегодня ночью в апартаменты дамы Сибрит, то скорее всего будете поражены ее приемом...

— Откуда эти так называемые ваши друзья узнали про тайные чувства этой дамы? — проворчал император. — Разве она, как я и вы, не защищена от взламывания мыслей?

— Они не нарушали кодекса чести Защиты, мой сеньор, если это тревожит вас. Их тончайшие ощущения подсказали им эту информацию. Они решили поделиться ею, чтобы оказать вам услугу и одновременно показать, насколько некоторые реалии ускользают от внимания коннетабля. Разве подобный опыт не будет формальным доказательством, которого вы требуете?

— Как правоверный крейцианин, я считал, что Церковь осуждает такое поведение! Что вы, Непогрешимый

Пастырь, предлагаете мне пробраться в постель к даме... Узнай о таком совете при дворе, слухов не избежать!

— Догмы существуют для придворных и народа, мой сеньор, а не для императоров. Нас интересует лишь экспансия Церкви. Мы уверены, что, если наше предсказание сбудется, вы прислушаетесь к нам...

Пальцы Менати Анга крутили темный локон.

— Ну что ж! Будь по-вашему! Я согласен, ваше святейшество, — выдохнул он. — Я постараюсь взломать дверь красотки! Надеюсь, вы оценили последствия возможного провала! Я навсегда стану посмешищем, а вы... вы... Мне пора отправляться на вечер элегий. Я должен предстать перед вселенной. Вы со мной? Стихи будет читать несравненная Артелит де Месгом!

— Если разрешите, мой сеньор, мы предпочтем удалиться в тишину нашего епископского дворца, где нас ждет тяжкий труд. Мы увидимся завтра ранним утром, и вы исповедуетесь нам в своих ночных грехах, которые мы вам прощаем уже сейчас!

Барофиль Двадцать Четвертый с трудом поднялся с кресла и прыгающей походкой, походившей на походку хохлатых павлинов, вышел из зала частных приемов. Как только захлопнулась дверь, его мыслехранители двинулись вслед за ним. Мыслехранители — слово, которое ничего не значило! Но если прочтение Гаркотом мыслей дамы Сибрит дало верный результат, то Непогрешимый Пастырь только что спас самое драгоценное — свою собственную жизнь.

Инквизитор, которому было поручено ментально отслеживать разговор, уже передал его Гаркоту, который, стоя на другом конце дворца в одной из прихожих апартаментов дамы Сибрит и прячась под капюшоном белого бурнуса, спокойно ждал развития событий.

Глава 22

Не говорила ли я тебе, мой любимый,
Как рада открыть тебе
Врата моего сердца?
Знаешь ли ты, что без тебя, мой любимый,
Я провела бы всю свою жизнь
В узкой клетке разума?

Напоминала ли я тебе, мой любимый,
Как ты уничтожил жестокое чудовище,
Которое жило внутри меня?

Знаешь ли ты, мой любимый,
Что благодаря тебе глаза мои смогли
Отличить истину от иллюзии?

Повторяла ли я, мой любимый,
Чудесные хвалы тебе,
Гиду, который вывел меня из неведения?

Знаешь ли ты силу, мой любимый,
Потока любви моей к тебе,
Который вливается в океан бесконечности?

Разве я, мой любимый, не пела тебе об этом?

Поэма, которую приписывают Найе Афикит

Оказавшись на острове злымонов, Тиксу постепенно утерял всякое ощущение времени. Он не был в состоянии оценить, сколько дней и ночей прошло с момента отъезда Квена Даэла...

Как он предчувствовал и как сказал рыбаку, когда они удалились от монастыря, гигантский злымон встретил их в открытом море. Китообразный встал во весь свой громадный рост перед суденышком и величественно опустился в воду. Несмотря на успокоительные слова оранжанина, Квен с трудом сумел скрыть ужас при виде чудовища.

— Следуй за ним! — приказал Тиксу.

Аквасфера послушно встала в кильватер морского млекопитающего, следуя за ним, как вагончик за древним локомотивом. Они потратили два дня и две ночи на путь до острова, чьи рваные контуры вдруг пронзили шапку тумана, висевшую над океаном Альбарских Фей.

Страх Квена превратился в ужас, а потом перешел в панику по мере приближения лодки к высоким острым рифам, защищавшим остров: на центральном пляже расположилось целое стадо злымонов — они неподвижно лежали на сером песке и походили на остовы кораблей, выброшенных на берег. Некоторые животные, завидев суденышко, сползли по песку и поплыли им навстречу, многие осторожно касались черной кожей и острыми рогами хрупких переборок аквасферы. Квен Даэл решил, что лодке пришел конец. Он весь дрожал и призывал на помощь Альбарских фей.

Тиксу не испытывал ни малейшего страха. Быть может, из-за того, что долгое время провел на спине одного

из них и побывал в реке ящериц на Двусезонье. Ни размеры, ни чудовищный вид злымонов его не пугали. Куда больше его беспокоило здоровье Афикит, чьи свистящие хрипы, стоны и бледность приводили его в отчаяние все время их путешествия. Она лежала, скорчившись на подвижном полу, и отворачивалась, когда он пытался дать ей немного пищи или несколько капель горячего сладкого питья...

С трудом справившись с нервной дрожью, рыбак сумел пройти среди животных, чьи хвосты вздымали такие волны, словно вокруг бесновалась буря. Квену удалось не напороться на острые рога и избежать острых зубов. Он причалил аквасферу к пляжу. Их прибытие приветствовала стая крикливых желтых чаек.

Лежащие на тонком песке злымоны поражали еще больше: малыши имели длину в десять метров, а размеры самых крупных доходили до сорока. Их черные блестящие тела словно всасывали дневной свет, не давая ему добраться до земли. Когда они медленно и неловко сползали в воду, за ними оставались широкие, глубокие канавы и ямы, подобные кратерам от метеоритов.

— Мы попали в страну злымонов! Мы пропали! — причитал Квен Даэл.

— Вовсе нет! — возражал Тиксу. — Они очень дружественны. Иначе они вряд ли бы разрешили проникнуть на их территорию. Помогите мне вынести Афикит...

Взяв молодую женщину и контейнер с припасами, они медленно вылезли из прозрачной аквасферы, чтобы не раздразнить любопытных животных, и осторожно взобрались на вершину заросшей травой дюны, нависавшей над пляжем. Тиксу заметил, что злымон-гид, один из самых крупных в стаде, неотступно ползет за ними. И вдруг оранжанину стало очевидно — это тот самый злымон, который выловил его после падения в океан и вез его на спине.

Окруженный плотной завесой тумана, маленький остров представлял собой нагромождение гранитных скал, иссеченных ветрами и волнами. Растительности почти не было, если не считать желтой приземистой травы, произрастающей на редких полосках песчаной почвы. С вершины дюны со всех сторон виднелся океан. Первое время они отдыхали и наблюдали за перемещениями злымонов, которые время от времени сползали с песка и отправлялись на долгую прогулку в океан. Самые маленькие не прекращали игр в воде.

Афикит лежала, скорчившись в углублении дюны, и выглядела все хуже. Из уголков ее рта стекали струйки слюны, розовые от крови.

— Что вы собираетесь делать с ней? — спросил рыбак.

— Представления не имею, — ответил Тиксу, пожав плечами.

В голове Квена зрела какая-то мысль.

— У нас почти не осталось еды, — сказал он. — Припасы кончаются. Если я...

Тиксу понял, что селпидянин ищет предлог, чтобы поскорее удрать с острова, пробуждающего в нем подсознательный вековой ужас. Квен не был даже уверен, что находился в мире живых.

— У меня с собой все снаряжение... Если порыбачить, то можно восстановить запасы... Вы не будете против, Било?

Тиксу понимал, что удерживать рыбака силой бессмысленно.

— Нет, хорошая мысль. Сколько времени вам надо?

В глазах рыбака появилось облегчение.

— Несколько дней... Три, самое большее четыре... Эти припасы я оставляю вам. В море они мне не нужны.

— Будьте осторожны, Квен. А главное, не приближайтесь к Гугатту. Если скаиты-инквизиторы обнаружат вас, они узнают, где мы прячемся...

— Не беспокойтесь. Я буду в открытом море.

Квен поспешно попрощался, сбежал вниз по склону дюны, с многочисленными предосторожностями обогнул черных злымонов, разлегшихся на пляже. Вошел в воду, забрался в аквасферу, включил двигатель и удалился от острова по широкой дуге, чтобы не столкнуться нос к носу с морскими млекопитающими, возвращающимися с прогулки. Туман, уже впитавший в себя вечерний сумрак, поглотил аквасферу.

Тиксу провел первую ночь на острове наедине с Афикит под теплыми шерстяными одеялами, которые нашел в контейнере с припасами. Он долго не мог заснуть, слушая пронзительные крики чаек и хриплый рев злымонов, устроившихся на пляже. В какой-то момент шум стал невыносимым — две громадины начали драку, нанося друг другу удары острыми рогами. Весь остров буквально содрогался от их ударов и толчков, казалось, что они вот-вот потопят остров, который навсегда погрузится в пучину океана Альбарских Фей.

Слабый свет утра он встретил с ужасной мигренью и резкой болью в спине. На одеялах лежала холодная роса, пропитывая их влагой.

Он бросил взгляд на Афикит, и ему показалось, что она не пережила ночь. Она лежала, застыв на песке, и эта ее неподвижность вкупе с восковой, мертвенной бледностью

лица, на котором вокруг сомкнутых глаз образовались глубокие фиолетовые круги, создавала впечатление, что жизнь покинула тело девушки. Кровь застыла в жилах Тиксу. Он склонился над ней и приложил ухо к груди Афикит. Сердце еще билось, но очень слабо, пульс был неровный, хаотичный. Он накрыл ее своим одеялом — единственная помощь, которую в силах ей оказать. Его охватило яростное чувство бессилия и мятежа. Неужели он пробрался в монастырь только ради того, чтобы стать свидетелем ее медленного угасания на этом пустынном острове, забытом богами?

Он усаживается на вершине дюны, возвышающейся над пляжем, где злымоны, лениво шевелясь, отдыхают от ночных схваток. Заря кое-где пробивает туман — на остров и воду опускаются колонны белого света. На острове царят мир и спокойствие.

Он машинально закрывает глаза и сладострастно впитывает в себя эту магическую атмосферу. Почти неощутимая вибрация антры увлекает его в сердце внутреннего безмолвия, позволяя душе слиться с гармоничным ландшафтом, отрезанным от вселенной. Он растворяется в безмятежности среды, и болезненное пламя гнева и разочарования постепенно превращается в холодный прах. Из безмолвия возносится тихий четкий голос интуиции, хотя Тиксу понимает не все. Голос подсказывает оранжанину, что тот обнаружит лекарство для Афикит, наблюдая за злымонами. Невероятная, немыслимая подсказка! Как доисторические животные могут преуспеть там, где оказался бессильным рыцарь-врачеватель монастыря?.. Но он не отбрасывает этой мысли. Может ли он что-либо отбрасывать? И весь день наблюдает за громадинами. Он спрашивает себя, а не была ли эта мысль простым плодом сновидения или страждущего подсознания. Злымоны в основном питаются бурыми скользкими водорослями, за которыми ныряют в глубины океана, захватывая их зубами. Они вытаскивают водоросли на пляж, где и пожирают в несколько секунд. Большую часть времени они заняты только этим.

Тиксу часто поворачивается в сторону Афикит. Он боится, что в любое мгновение хрупкое пламя ее жизни навсегда угаснет. Она по-прежнему не хочет ничего глотать, упрямо отказывается разжимать губы.

К ночи он замечает странные маневры крупного злымона, того, кого считает своим спасителем: тот занят тем, что собирает в кучу огромное количество изумрудно-зеленых прозрачных водорослей у подножия дюны. Он беспрестанно ныряет, выбирается на песок и подталкивает мордой в его сторону

морские растения, холмик которых вырастает до внушительных размеров. Потом смотрит на Тиксу круглыми белыми глазами, издает глухие жалобные крики и бьет по песку огромным хвостом, словно пытаясь передать Тиксу какую-то мысль.

В голове оранжанина вспыхивает искорка догадки. Он сбегает вниз по склону дюны, приближается к куче водорослей, преодолевая отвращение, хватает скользкие растения. Злымон следит за каждым его движением. Теперь его крики больше похожи на крики радости.

Тиксу взбирается на ближайший риф, хватает острый камень и, найдя в скале углубление, начинает давить водоросли. Вскоре под его ударами образуется кашица, которую он осторожно собирает в один из сосудов для пищи, оставленных Квеном. Потом, с бьющимся сердцем и надеждой в душе, подносит странное снадобье к губам девушки. На этот раз она не противится: ее рот послушно приоткрывается, и она глотает непритязательную пищу.

Несколько дней Тиксу пичкает девушку этим странным лекарством со все большей надеждой, ибо замечает резкое улучшение ее здоровья. Он доел все, что оставалось из провизии, и решает тоже перейти на водоросли, которые злымон продолжает неустанно собирать для них. Остальное время он, приглядывая за Афикит, знакомится с остальными китообразными. Он начинает их отличать друг от друга, узнавать. Он дает им имена, основываясь на главных физиологических особенностях. Своего поставщика водорослей он называет «Качо Марум», поскольку злымон напоминает ему има садумба с Двусезонья своим благородством, инстинктивным и глубоким знанием окружающей среды. А тот каждое утро ныряет в туман и приносит зеленые водоросли к подножию дюны.

Когда Афикит, укрытая в складке дюны, засыпает, оранжанин прогуливается среди океанских гигантов. Иногда поглаживает нежную кожу самых юных — «Двурога», «Серую Кроху» или «Станисласа». Когда он приближается к ним, злымоны замирают, словно опасаясь, что их малейшее движение повредит крохотному другу.

Водоросли, к горьковатому вкусу которых он быстро привык, наполняют его силой и энергией. Теперь ему достаточно поспать всего несколько часов, чтобы проснуться в бодром состоянии.

На заре он усаживается на скале лицом к океану, вызывает антру и погружается в цитадель безмолвия. В его легкие врывается воздух, насыщенный йодом...

* * *

В то утро, когда свет наполнил туман серебром, он с болезненной остротой пережил свое рождение. Этот внезапный переход из тепла материнского чрева в холод незнакомого мира, внезапный удар резкого света, ранивший глаза, привыкшие к влажному полумраку, крики, поиск дыхания, ужасное ощущение разрыва пуповины, связывающей его с вечностью. После этого видения он очнулся в поту, задыхающийся, на грани нервного срыва, подавленный ощущением страдания и освобождения. Невольный вопль ужаса вызвал панику среди парящих вокруг желтых чаек.

Каждое утро он видел новые образы, ему открывались новые видения. Они поступали из разных миров, от далеких цивилизаций, из прошлого, и, казалось, он был свидетелем всех этих событий. Словно на него нахлынули воспоминания о прежних его существованиях, об ином опыте, сформировавшем нынешнего Тиксу. Он объяснял некоторые из своих сегодняшних реакций тем, что обладал некими корнями, которые издавна образовали сеть в глубинах его подсознания.

Здоровье Афикит шло на поправку. Кожа порозовела, фиолетовые круги под глазами исчезли, а глаза приобрели прежний шелковистый блеск. Она не отказывалась от зеленой кашицы, которую готовил из водорослей Тиксу. Вскоре она начала вставать и делать несколько неуверенных шагов по дюне.

Но чем быстрее отступала болезнь, тем больше холодности и презрения чувствовалось в отношении Афикит к оранжанину. Часто, возвращаясь после долгих одиночных медитаций на высоких рифах бухты, он видел, что она сидела, набросив на плечи одеяло, и яростно грызла ветку водоросли. Ему казалось, что в ее сверкающих глазах, устремленных на него, вспыхивали огоньки гнева. Неужели она упрекала его в том, что он выкрал ее из монастыря против воли и привез на этот затерянный и охраняемый уродливыми чудовищами остров, где кормил горькими водорослями?

Однажды, когда он собирался закутаться в свое одеяло, она неверной походкой удалилась от него и укрылась в углублении дюны метрах в ста. Она уже давно присмотрела себе эту черную пещеру в скале. Утром он отправился к ней, посвятив большую часть ночи раздумьям о своем дальнейшем поведении. Когда он вошел в грот, она сидела, прислонившись к шершавой стене, и выглядела погруженной в свои мысли. Увидев его, она вскочила, похожая на змею-свистуна, защищающую свою

территорию от чужака. На ней была синяя рваная блуза, ее длинные волосы с золотыми отблесками ниспадали на плечи — она была воплощением дикой природной красоты.

— Я зашел спросить, все ли в порядке, — сказал он, оставаясь настороже. Ногти девушки, вонзившиеся в его кожу, оставили у него неприятное воспоминание.

— Не волнуйтесь за меня! — ответила она спокойным, но еще слабым голосом.

Практически впервые после их встречи на Двусезонье он услышал из ее уст связную речь. Несмотря на слова девушки, он не мог отказаться от заботы о ней.

— Похоже, вам лучше...

— Почему вы меня выкрали? — агрессивно спросила она.

По ее тону было видно, что к ней частично вернулась былая заносчивость.

— Потому что Орден стоял на грани полного уничтожения и вы могли попасть в руки тех, кто представляет новую империю, — спокойно разъяснил он.

— Новую империю?

— С момента, когда вам ввели вирус, произошло множество событий. Быть может, вы помните некоторые детали, но думаю, вам неизвестно главное из того, что перевернуло жизнь вселенной. Орден был...

— Я вам не верю! Махди Секорам не допустил бы этого! Именно к нему меня послал Шри Митсу...

— Махди умер более сорока лет назад! — произнес Тиксу. — Его убили лишенные совести рыцари... Те, кому удалось сохранить тайну его исчезновения...

— Вы лжете! — крикнула она.

Глаза ее пылали. Она перестала контролировать свои эмоции, хотя прекрасно делала это на Двусезонье.

— Вы лжете! — повторила она. — Если бы махди был убит, Шри Митсу узнал бы об этом и предупредил моего отца. Вы сочинили всю эту историю, потому что не хотите признать, что выкрали меня из-за низкого чувства ревности!

Тиксу побледнел, но сумел сдержать себя.

— Да, это верно. Я ревновал, — прошептал он. — Но не эта причина заставила меня...

Словно мрачное предчувствие охватило ее внезапно, и она сухо прервала его:

— Что случилось с воином Филпом Асмусса?

— Он... весьма невелика вероятность того, что он уцелел после битвы Ордена с императорской армией...

— Нет! Это неправда! Вы лжете!

Она в полном отчаянии соскользнула вниз по стене грота и зарыдала. Ее горячие слезы означали полный провал ее мечты, ведь она всегда презирала эмоции или боролась с ними. Она пыталась себя убедить в обратном, но предчувствовала, что служащий ГТК сказал правду. Она больше никогда не увидит Филпа, из-за которого ее сердце билось учащеннее, ведь он первым открыл ей ее истинную натуру женщины. А контроль эмоций, стена, терпеливо возведенная ее отцом и жестким сиракузским воспитанием, рухнул, как карточный домик. Ей одной никогда не удастся восстановить его. Теперь она была обречена на страдания. Болезнь и чувства взяли приступом ту крепость, которая называлась ее волей и которую она считала неприступной. Ее жесткие принципы были поколеблены, растрескались, развалились при контакте с внешним миром. Она стала обычным человеком, а рядом не было плеча, на которое можно было преклонить голову. Слишком долго сдерживаемые слезы катились горьким потоком. Она задавала себе вопрос, зачем нужно это чудесное исцеление, ведь оно бросило ее в бездну уязвимости.

— Я могу что-нибудь сделать для вас? — робко спросил Тиксу.

Он боролся и с раздражением, раздиравшим его душу, и с желанием взять ее в объятия и утешить.

— Оставьте меня! Уходите!.. Пожалуйста...

С опустошенной душой он вышел из грота и долго ходил по скалам, пока не устал. Ветер развеял туман и нагнал низкие черные тучи. Огромные волны разбивались о прибрежные скалы, выбрасывая пенные языки по всему пляжу. Буря возбудила злымонов: ни один не остался лежать на песке. Издавая радостные крики, они бросились в разъяренный океан. Черные загривки, рога разрезали разбушевавшуюся стихию, рисуя причудливые геометрические узоры среди вспененных волн.

С этого дня между Тиксу и Афикит установились странные отношения. Каждое утро после появления «Качо Марума» оранжанин ставил перед гротом сосуд с порцией приготовленных водорослей. Потом влезал на скалу, сгоняя желтых чаек, и ложился на вершине, оставаясь невидимым. Через некоторое время появлялась закутанная в одеяло Афикит, брала сосуд и, бросив быстрый взгляд вокруг, удалялась в пещеру. Успокоившись, Тиксу отправлялся на пляж и общался со злымонами. Этот ставший привычным ритуал возбуждал радость млекопитающих, которые отвечали ему веселыми криками.

Затем он выбирал тихий изолированный уголок — он уже убедился, что опыты его происходят удачнее, если проводить их на пустой желудок, — и несколько часов проводил наедине с антрой, чье присутствие ценил все больше. Он тонул в храме внутреннего безмолвия, опускаясь в неф, перекресток всех дорог, старых и новых, прошлых и будущих. Там он выбирал один из бесчисленных входов, добирался до неизведанных источников своей души, открывал ее неведомые стороны, скрытые в лабиринте многочисленных коридоров и залов, составлявших его личность.

Иногда, когда ни единый звук — крики чаек, свист ветра в скалах, рев злымонов — не возвращал его в повседневность, ему доводилось проводить целый день на скале лицом к океану Фей и исследовать густой, цветущий и удивительный лес собственного сознания, куда вели темные тропинки от залитого светом нефа. Ему случалось открывать глаза, когда он ощущал внезапное присутствие. И тогда замечал беглую тень Афикит, которая высилась над ним. Если ее присутствие обнаруживалось, она поспешно удалялась в свой грот.

Тиксу постепенно приобрел уверенность, что переживает сложное преображение и что чувственное притяжение среды, шум жизни, отрывает его от собственных глубоких корней. Во время погружения в тайны своего существа к нему возвращались крохи памяти, фрагменты нити-проводника, последовательности самых разных его воплощений. Он улавливал звенья вечной связи, которые оборвались в момент, когда он впервые осознал собственные телесные и интеллектуальные границы. В эти мгновения, когда он зависал во времени и пространстве, он обретал единение со всеми частицами вселенной. Он одновременно был всем и ничем, центром и периферией, актером и зрителем. Его ощущения, его мысли, его суждения — все, что составляло его нынешнюю личность, а вернее, полное отсутствие личности, менялось, расширялось. Имел ли он теперь право осуждать действия палачей, зная, что сам в тот или иной день был палачом и что частички жестокости жили и в глубинах его духа? Не была ли ненависть к мучителям двойственным отражением его собственных реакций? И невольно восстав против скаитов Гипонероса, убийц-притивов и сиракузян, не вступил ли он на путь борьбы с демонами, прячущимися в глубинах его души? И когда бросился на помощь Афикит, разве он не бросился на помощь самому себе? Быть может, он любил эту женщину, поскольку считал себя уродом и желал созерцать свое отражение в зеркале ее красоты?

Он понимал, что, позволяя себе вмешиваться в ход событий, полный взаимоисключающих импульсов и крайних поступков, он только укреплял свою принадлежность к миру миражей. Его особенность, его отличие крылось не в поиске ощущений и чувств, а в обращении к интуиции, к безмолвному слушанию судьбы, которая пока не давалась его пониманию. Постепенное повторное открытие своей вневременной памяти бросало какой-то свет на его истинную натуру, но этот свет был еще пока очень слабым и ненадежным, чтобы позволить глобальное видение. Он стал как бы главной пешкой на вселенской шахматной доске, но ему надо было время, чтобы слиться с ролью, которую ему предназначала судьба.

Когда он заканчивал долгие внутренние путешествия, то отправлялся купаться в океан вместе с млекопитающими, которые бережно кружили вокруг, чтобы не увлечь в водовороты, создаваемые их плавниками. Ледяная вода бодрила тело, и он вспоминал о реке Загривка Маркизы, в которую его со смехом бросил Станислас Нолустрит. Время от времени из-под него выныривали молодые злымоны и поднимали на своих черных спинах. Они уносили его в океан под неусыпным надзором «Качо Марума». Потом, сочтя, что шутка удалась, они подвозили его к пляжу с криками, похожими на шутливое предупреждение.

Квен Даэл не подавал признаков жизни, и его долгое отсутствие беспокоило Тиксу. Афикит чувствовала себя все лучше, если судить по ее долгим прогулкам по острову. Он различал ее тонкую фигурку в тумане между скалами. После разговора в гроте он держался в стороне от девушки. Но продолжал каждое утро ставить сосуд с водорослями у входа в грот и удалялся, ничего не требуя. Время растягивалось в бесконечность. Ему казалось, что он живет на этом острове уже несколько веков.

В то утро, когда антра доставила его на перекресток безмолвия, он выбрал тропу, по которой еще ни разу не ходил. И вдруг оказался в агентстве на Двусезонье, в зале дерематов. Он стоял перед черной округлой машиной, возвышавшейся в центре помещения. Без колебаний он проник в черную инертную сферу и вначале растворился в грубых слоях материалов. Потом достиг сердца материи, вакуума, безграничного поля, где рождались атомы, молекулы, светила микромира, чей бесконечный танец обеспечивал существование светил бесконечного макромира. Включились двигатели, а фильтр клеток вспыхнул миллиардами синих и белых искорок. Невероятный разряд энергии пронзил его с ног до головы и заставил поспешно открыть глаза.

Он уже не сидел на плоской вершине скалы, где расположился несколькими минутами ранее. Он находился на песчаном пляже среди злымонов. Сначала он подумал, что ему приснился сон, что он запутался в воспоминаниях или заблудился в лабиринте дорог времени. Но странное поведение млекопитающих, которые яростно били хвостами по песку, показывало, что они стали свидетелями необычного происшествия. Неодолимое желание проверить, узнать заставило его закрыть глаза. Антра увлекла его в святилище безмолвия. Он забыл о глухих и размеренных ударах хвостов по серому песку. Вход на тропинку опять открылся перед ним — разверстая пасть света, которая звала, притягивала его. Он бросился в нее и оказался перед древним дерематом Компании. Опять произошло слияние с машиной на тончайшем уровне материи. Он мысленно включил двигатели и фильтр клеток. И снова его пронзил разряд энергии. Тиксу открыл глаза — он вернулся на плоскую вершину скалы, укрытую влажным панцирем тумана. Его внезапное появление испугало желтых чаек, которые взлетели с такой поспешностью, что многим не удалось увернуться от рифов.

Кроме панической реакции птиц, ничто не давало возможности поверить, что он совершил настоящее чудо, перемещаясь с одного конца острова на другой с помощью своей мысли. Ничто, за исключением невероятной усталости, непонятной в этот утренний час, когда он выходил возрожденным после общения с антрой. Ничто, кроме ощущения эйфории, лучащейся радости, полноты существования... Он решил повторить опыт, но антра не появилась, отказалась повиноваться. Он понял, что необходима передышка. И с радостью окунулся в океан. Юные злымоны-игруны вступили в яростный спор за общение с ним и возможность поносить на своей спине, вздымая фонтаны пены. И только вмешательство «Качо Марума» охладило их пыл.

Закутавшись в одеяло, Тиксу улегся на склоне дюны и, как ребенок, проспал весь день.

От его грязного красного комбинезона несло ужасающей вонью. Его неоднократные попытки выстирать одежду в океане только усиливали отвратительный запах. Отчаявшись, он с этого дня отказался от одежды, выбросил даже сапоги и расхаживал по острову обнаженным, равнодушный к тому, что могла подумать о нем Афикит, застав в подобном одеянии. Его кожа быстро привыкла к свежести океанского ветра, а одеяло только защищало от сырости ночного тумана.

Ночь оказалась наполненной кошмарами. Словно все когорты чудовищных личностей, прятавшихся в глубинах его души, решили одновременно вырваться наружу — их вспугнули лучи света, проникшие в мрак подсознания.

После повседневных утренних занятий — сбора, дробления и переноса водорослей к гроту Афикит — он бросился на поиски спокойного уголка. В спешке он даже забыл поздороваться со своими друзьями злымонами. Усевшись на узком карнизе, он включил внутренний процесс, увлекавший его в неф безмолвия, потом в зал дерематов на Двусезонье. Он вновь оказался среди гигантских млекопитающих на пляже, приветствовавших его радостными вскриками. Он дружески помахал им рукой, закрыл глаза, спустился на антре до источника безмолвия, опять прошел по тропе, ведущей к деремату, слился с ним и начал путешествие.

Он ожидал, что увидит окутанные туманом рифы, лежащие под карнизом, и серое пятно океана за ними, а оказался на извилистой улочке Гугатта, который узнал по характерным домам с белым фасадом, крышам из красной черепицы и балконам с коваными решетками. Он обнаженным сидел посреди улицы, открытый любым нескромным взглядам. К счастью, улица была пуста. Иначе появление взъерошенного обнаженного мужчины вызвало бы волнение среди местного населения. Оправившись от удивления, он вскочил на ноги и прижался к стене ближайшего дома. В маленьком дворике, окруженном невысокой стенкой, на веревке сушилась одежда. Он осторожно перебрался через загородку, опасаясь появления хозяев, но никто не обратил на него внимания. Он выбрал синий рыбацкий комбинезон и быстро натянул его, хотя одежда была еще влажной. Потом решил прогуляться по городу, который был до странности тихим, словно вымер. Шлепая по мостовой босыми ногами, он пошел вниз по улочке и вскоре добрался до порта.

Похоже, все селпидяне договорились встретиться на дамбе и на окружающих площадях. Перед молом находилась эстрада. На ней стояли четыре убийцы-притива, два скаита в черных бурнусах и крейцианский кардинал. Священнослужитель, низенький худой человечек в пурпурном облегане и фиолетовой накидке, обрушивал на собравшихся яростные речи. Тиксу подошел ближе и увидел, что притивы окружали рыбака, шею и запястья которого опутывали блестящие кандалы. Он узнал в рыбаке Квена Даэла.

Никаких сомнений, это был его друг, одетый в привычный красный комбинезон и желтые сапоги. В глазах Квена стоял невыразимый ужас, и он не мог сдержать нервной дрожи, сотрясавшей все его тело и конечности... По обе стороны эстрады в огненных крестах разлагались два трупа, в которых оранжанин узнал жрецов-магов.

Итак, они пленили Квена Даэла. Несмотря на категорическое обещание, селпидянин отправился в Гугатт. А по-

скольку его мозг не имел никакой защиты от ментальной инквизиции, скаиты и их приспешники были извещены о присутствии двух беглецов на острове злымонов. Неосторожность рыбака поставила Тиксу и Афикит перед лицом неминуемой опасности. Тиксу ощутил инквизиторские волны, исходившие от двух черных бурнусов, которые проникали в беззащитные умы селпидян. Все они, мужчины, женщины, дети, выглядели мрачными и покорными. После того как новые хозяева покончили с абсуратским рыцарством, гордостью Селп Дика, и управляли их жизнью, автохтоны стали свидетелями ужасных сцен, когда убивали непокорных, в основном жрецов, подвергая их невероятным пыткам. Женщины забыли о своей беззаботности, о своем яром вкусе к жизни. Их головы были опущены — они пытались скрыть слезы, выступавшие в уголках глаз. Мужчины, суровые и гордые рыбаки Альбара, покорились: их белые волосы бессильно свисали на плечи.

Хотя Тиксу был бос, никто не обратил на него внимания, когда он пробирался среди толпы. Кардинал-крейцианин закончил свою речь. Оранжанин безуспешно искал средство вызволить Квена из когтей наемников, но пока не представлялось никакой возможности сделать это — при малейшем подозрительном жесте они направят на него дискометы и исполосуют дисками.

Скаит, до этого стоявший неподвижно, приблизился к пленнику. Квен Даэл попытался высвободиться из магнитных кандалов, но после хриплого крика одного из наемников ошейник еще сильнее сжал его шею. Рыбак едва дышал, лицо его побледнело.

— Что они сделают с ним, папа? — раздался детский голосок.

— Убьют мыслью, — послышался глухой голос.

— Почему? Что он сделал? — настаивал ребенок.

— Замолчи! Это нас не касается!

Тиксу не мог позволить, чтобы на его глазах убили друга, подобравшего его в океане Альбарских Фей. Не зная, как поступить, он призвал на помощь антру. Как только вибрирующие кольца звука жизни развернулись, он попросил установить защитный барьер вокруг мозга Квена. Тут же антра покинула Тиксу, и он внезапно оказался лишенным своего незаменимого помощника. Эта ситуация, если она продлится довольно долго, могла стать гибельной: он был не в состоянии уйти от ментального обследования.

На эстраде разыгралась странная сцена: рыбак вначале схватился пальцами за виски, словно пытаясь изгнать боль, проникшую в голову, потом вдруг расслабился и успокоился. Несмотря на присутствие ментального убийцы, он выглядел

здоровым и крепким, а ведь должен был умереть за несколько секунд! Это обескуражило кардинала, который бросал в сторону черного бурнуса то удивленные, то яростные взгляды. Без антры Тиксу ощущал себя голым червяком. Через некоторое время, которое показалось Тиксу бесконечным, скаит подошел к кардиналу и прошептал ему на ухо несколько слов. Мощный голос явно раздраженного прелата перекрыл шум, возникший в толпе.

— По... некоторым причинам мы решили отложить казнь. Но не думайте, что он выкрутится без последствий! Его наказание послужит примером всем и каждому! Этот человек нарушил императорские эдикты, а значит, нарушил и идеальные божественные законы Крейца, скромным представителем которого являюсь я. Его приговорят к медленному огненному кресту. А теперь возвращайтесь по домам и занимайтесь своими делами!

Толпа медленно разошлась. Селпидяне были уверены, что на помощь их соплеменнику пришли феи. Значит, феи не совсем покинули их. Тиксу двинулся вслед за ними. Не стоило обращать на себя внимание. Столь же неожиданно, как она его покинула, антра вернулась.

Перемещение защитного звука спасло рыбака от смерти, на которую он был, похоже, обречен. Однако ставка в мрачном сражении, которое разворачивалось в данный момент, была выше частных интересов. Когда Тиксу отправил антру на помощь другому, он сам попал в чрезвычайно опасное положение. Этого требовали обстоятельства, и, если бы понадобилось, он отдал бы свою жизнь ради Квена Даэла. Но он не должен был прибегать к крайностям подобного рода: он не имел права жертвовать своей жизнью ради одного человека. Куда предпочтительнее научиться передавать звук наибольшему количеству людей, как это сделала Афикит на Красной Точке. Девушка и он были призрачными огоньками надежды, последней надежды всех людей вселенной, как утверждала сиракузянка, когда высокомерной гордячкой объявилась в агентстве на Двусезонье. Если скаитам удастся задуть эти огоньки, миры вступят в эру хаоса, из которой, быть может, никогда не смогут выбраться.

Пока он медленно шел по улицам Гугатта среди удрученных селпидян, слова рыцаря-безумца, рыцаря-врачевателя, встреченного в склепе архивов, вдруг вспомнились ему:

Он сказал мне: *«Уходи! Другой человек уже ждет своих учеников, чтобы начать новое дело. Ищи его... И если ты желаешь этого всем своим сердцем, ты найдешь его...»*

Эти слова бились в его голове, пока он направлялся к лесу магов, на опушку которого невольно пришел. Они звучали

могучим призывом, доносившимся из глубины души, сочетаясь с другими словами, которые он слышал во время своих похождений:

Иди... Другой человек ждет своих учеников... Надо исполнить свое предназначение... Исполни свое предназначение... Следуй своим путем... Другое дело...

Оказавшись под лесным покровом, он машинально уселся среди высоких губчатых папоротников и прислонился к узловатому стволу тысячелетней дубосны, покрытой слоем мха. Слова четко звучали в его душе. Они были гармоничным аккордом, небесной симфонией, чья красота восхищала его. Он закрыл глаза, и неф безмолвия принял его. В конце тропы ждала старая и верная служанка — черная сфера деремата на Двусезонье.

Ему не надо было открывать глаза, чтобы понять — он вернулся на остров. Запах йода и водорослей, смешанный с запахом злымонов, уже известил его. Внутренний деремат отправил его на высокую дюну над пляжем. Морские млекопитающие были необычно возбуждены. Они били хвостами по песку, издавая пронзительные крики ужаса. Некоторые из них бросались в воду и поднимали фонтаны пены и воды. У подножия песчаного холма лежал «Качо Марум», огромный злымон, — он смотрел на Тиксу своими шестью круглыми светящимися глазами и жалобно постанывал.

Тиксу вспомнил о Квене Даэле, и его охватила печаль. Рыбак-селпидянин еще не выпутался из своих бед.

— Не стоит печалиться, — вдруг послышался голос позади него.

Он обернулся. На сером фоне тумана вырисовывался силуэт Афикит. Он был так поражен, что не нашел слов для ответа.

— Я позволила себе мысленно последовать за вами, — продолжила она. — Я поняла, что случилось с вашим другом-рыбаком, но, верите вы или нет, ему удастся выпутаться из беды. Вы сделали ему великолепный подарок: даже покинув его, антра будет продолжать следить за ним, поэтому не стоит себя терзать...

Усиливающийся океанский ветер лохматил ее волосы и раздувал просторную синюю блузу. На ее прекрасном лице появилась чудесная улыбка.

— Я... Я должна вам сказать многое, — вновь заговорила она. — И даже не знаю, с чего начать...

Она уселась рядом с ним. Он втянул в себя ее запах. При виде обескураженного лица Тиксу, его открытого рта и выпученных глаз она рассмеялась. Потом посуровела и добавила:

— Но полагаю, у нас сегодня очень мало времени для разговоров... Мы в опасности. Я... с интересом следила за вашими успехами в области путешествий и воспользовалась этим для обучения. Вы не обижаетесь на меня?

— Почему я должен обижаться? — пробормотал он, оказавшись не подготовленным к внезапной перемене, происшедшей в девушке.

— К примеру, за то, что я без разрешения воспользовалась вашими уроками, дорогой профессор, — ответила она веселым тоном. — Мне надо столько сделать, чтобы добиться вашего прощения! Но не сейчас, если позволите... Нам надо отправиться на поиски того, кто нас ждет где-то там (она указала на небосвод). Вдвоем у нас больше шансов отыскать его, вам так не кажется?

Сердце Тиксу яростно забилось. Он кивнул.

— Если вам не все равно... если это тебе не все равно, — она впервые в жизни обращалась к кому-то на «ты», и это был способ и желание оборвать все связи с прошлым, — мне хотелось бы искупаться в океане перед тем, как отправиться в путь. Каждый раз, когда я видела тебя купающимся в компании с твоими морскими друзьями, меня охватывало безумное желание присоединиться к вам. Но я не решалась. Моя кожа никогда не знала контакта с морской водой. Как это ни может показаться тебе абсурдным, если я сейчас не пройду этого очистительного опыта, я не смогу отправиться в путешествие и не смогу тебя сопровождать... Понимаешь?

Он даже не успел ответить, как она вскочила на ноги, сбросила свою синюю блузу. И обнаженной бросилась к океану — волосы ее развевались на ветру, она ловко уклонялась от плавников злымонов, которые продолжали с беспокойством биться на пляже. Тиксу скинул комбинезон и понесся за ней. «Качо Марум», его ангел-хранитель, не отставал от них.

Когда ноги ее коснулись пенистой журчащей воды, Афикит не смогла преодолеть внутренней ненависти к водной стихии. Она отступила, чтобы не чувствовать ласки холодных подвижных языков. Тиксу подбежал сзади, подхватил ее за талию, поднял на руки. Сейчас она не отбивалась, как в монастыре, и он спокойно вошел в воду по пояс. А потом без колебаний бросил ее в ледяную воду, как его научил Станислас Нолустрит, маркинатский пастух. Она задохнулась, икнула, закашлялась, негромко вскрикивая. Но когда первые мгновения отвращения и волнения прошли, она сама окунулась в пенные валы, катившиеся из океана, плескаясь с удовольствием ребенка. Она ныряла в бледные волны, смеялась, кожей ощущая укусы соленой воды.

Тиксу не ощущал того чувственного желания, которое так часто посещало его, когда девушка возникала в его воображении. Его наполняло невинное удовольствие, что он мог разделить с ней это чудесное мгновение. Их души расставались с замшелыми тюрьмами, освобождались от истрепанных одежд, они нашли друг

друга и радостно перекликались. Океан Альбарских Фей смыл последние лохмотья прошлого, остатки навсегда ушедшего существования. Вода была очистительной, она восстанавливала нетронутость настоящего, вернула магию вечного обновления.

Афикит быстро и неумело поцеловала его, словно сорвала поцелуй с уст оранжанина. И ему захотелось, чтобы она еще не раз выкрадывала у него эти поцелуи.

— Ты знаешь, почему злымоны так взволнованы? — спросила она.

— Думаю, они предчувствуют опасность и предупреждают нас, — ответил он.

Глаза Афикит, ее чудесные синие глаза с зелеными и золотыми блестками, вдруг стали серьезными.

— Люди новой империи... Они вскоре материализуются на острове. Они доставили в Гугатт дерематы. Теперь я готова.

Они побежали к дюне за своими одеждами. «Качо Марум», гигантская черная масса, оставлявшая глубокий след на песке, сопровождал их на почтительном расстоянии. Тиксу обернулся, дождался, пока огромная пасть не приблизится к нему, и прошептал:

— Прощай, Качо Марум. Я никогда тебя не забуду.

Китообразный жалобно застонал. Все его шесть глаз наполнились тоской, потом он развернулся и пополз к своим собратьям.

— Куда мы направимся? — спросила Афикит, когда они оказались на середине склона.

— Не знаю, — ответил Тиксу. — Отдадимся на волю интуиции. Только она сможет наставить нас на верный путь...

Едва он успел произнести эти слова, как на пляже внезапно возникли десятки существ. Наемники-притивы, скаиты. Злымоны, явно ожидавшие вторжения, бросились на гостей, выставив рога.

— Они появляются отовсюду! — крикнул Тиксу.

На окружающих скалах появились новые наемники и направились в сторону двух беглецов.

Тиксу и Афикит не добежали до вершины дюны, а потому не успели одеться. Они сели друг против друга прямо в желтую траву и схватились за руки. И перестали быть двумя отдельными людьми, даже не стали суммой двух существ. Они стали одним целым.

Внизу, на пляже, зеленые лучи и диски обрушились на разъяренных злымонов — из огромных туш хлестали потоки крови, заливавшей песок пляжа.

Из ротовых отверстий белых масок вырвались ругательства. Убийцы-притивы взяли дюну приступом. Но их клещи сомкнулись на пустоте.

Нападавшие обнаружили лишь потрепанную синюю блузу, влажный рыбацкий комбинезон, одеяла и странные

сосуды с зеленым налетом. Они обыскали остров, ментально и физически, прощупали каждую скалу, каждую бухту, каждый риф, но не нашли ничего, что могло бы помочь им в поисках.

Озлобившись, они выместили свою ярость на злымонах, уничтожив их всех до единого.

Глава 23

Ваше святейшество,

В полном соответствии с вашими указаниями я отправился на планеты, где ходят странные слухи, о которых нас информировали миссионеры. По причине многих свидетельств, которые я собрал и проверил при неоценимой помощи ментальных инквизиторов, мне стало ясно, что, к несчастью, эти слухи не лишены оснований. И в данном случае мы столкнулись не с привычными сказаниями, сказками и легендами, которые так любят женщины из народа, а, опасаюсь, с реальными фактами. У инквизиторов нет никаких сомнений: внезапные появления и исчезновения не имеют ничего общего с оптическими иллюзиями и миражами. И еще меньше похожи на плоды богатого воображения или результаты работы специалистов по коллективным галлюцинациям.

Кстати, позволю себе напомнить, что способ, с помощью которого этот мужчина и эта женщина исчезли с селпидского острова, пока не получил никакого убедительного объяснения. Лично я категорически отказываюсь верить в гипотезу, что они якобы утонули, которую кое-кто поспешно выдвинул.

Я хотел бы обратить ваше внимание на некую странность: на острове обнаружены только старые одежды, которые могли принадлежать этому мужчине и этой женщине. Это заставляет логично предположить, что они испарились в состоянии полной наготы, и эта греховная ситуация весьма печалит наши сердца. Многие свидетели, вызванные для дачи показаний перед инквизиторами, утверждали, что мужчина и женщина, которые внезапно появлялись перед ними и исчезали, были полностью и бесстыже обнажены, словно звери!

Как бы там ни было, эта тайна требует разгадки. Осмелюсь также привлечь внимание вашего святейшества к срочности разрешения ситуации. Вы лучше меня знаете, сколь внушаемы простые люди. Они очень быстро сворачивают с Единственного Пути, отворачиваются от Истины и готовы присоединиться к любой ереси, лишь бы у них был предлог поступить именно так. Этот мужчина и эта женщина, ваше святейшество, представляют серьезную опасность для Церкви, ибо, если народы новой империи начнут облекать эти явле-

ния в сказочную форму, превращать их в идолов божественного проявления, мы потеряем возможность воздействовать на них. Огненные кресты, лишенные устрашающей и наказующей роли, станут символами восхваления мученичества, а мученики будут примером для каждого из этих мерзавцев. Тогда люди пойдут в огонь с радостью вместо того, чтобы каяться в заблуждениях. Стоит лишь проявить экстаз и восхищение на кресте, символе очищающего страдания, чтобы разжечь огонь новой схизмы.

Для нас очень важно, чтобы наш новый друг немедленно использовал свои великие возможности и быстро обнаружил, какие научные тайны скрываются за этими явными проявлениями колдовства. Необходимо, чтобы наши миссионеры могли дать ясное и рациональное объяснение этой тайне, по поводу которой уже сейчас задаются многочисленные вопросы. На кон поставлена вера в нашу святую Церковь, основу религии, краеугольный камень Слова Крейца.

Закачивая свой отчет, ваше святейшество, я прилагаю четыре свидетельства, которые счел нужным забрать из архивов Инквизиции. Они получены при ментальной проверке и не могут быть отброшены. Они, полагаю, однозначно свидетельствуют об общей тенденции и конкретно иллюстрируют мое мнение, которое, прошу заранее извинить меня за это, носит излишне панический характер. Да пусть вечно святится благословенное имя Крейца.

Ваш скромный и преданный служитель,
Кардинал Фражис Моланали.

Первое свидетельство

Кхо-Жонг Митжен, город Омитсу, планета Жа-Хокуо Левантийских миров. Возраст: двести сорок два стандартных года, трижды вдовец, детей не имеет.

Каждое утро я обычно купаюсь в реке Озу, протекающей у подножия горы, где расположен мой дом. Это купание в холодной воде прекрасно действует на кожу старого человека, каким я являюсь. В день Боши, когда я снял хламиду и собирался войти в воду, я увидел, как на другом берегу реки внезапно появились мужчина и женщина. Оба они были совершенно голыми, как только что родившиеся дети, и я сначала подумал, что речь идет о путешественниках, которых неисправный дерематт ошибочно переслал в это место, где никто никогда не бывает, кроме меня, старика. Я был заинтригован и спрятался в кустах, чтобы спокойно понаблюдать за ними. Оба, женщина и мужчина, были очень красивы. Их красота отличалась от той, которая характерна для наших мест. Я бы даже сказал, что она

была сверхъестественной! Поняв, что мне нечего бояться этих странных заблудившихся путешественников, я вылез из укрытия и объявился, желая предложить им свои услуги. Я должен был подтвердить репутацию гостеприимства нашего народа. Заметив меня, они явно испугались. Но вместо того, чтобы бежать, что было бы нормальной реакцией на испуг, они уселись на замшелые камни на берегу реки, взялись за руки и, к моему величайшему удивлению, исчезли столь же внезапно, как и появились. Добавлю, что для старика я обладаю достаточно острым зрением, и меня поразило, что у них не было никакой машины для путешествий! И я подумал, прошу простить меня за древние верования, глубоко сидящие во мне, что мне повезло стать привилегированным свидетелем появления в нашем смертном мире двух божеств из древних легенд нашей планеты.

Второе свидетельство

Гутрауде Млер, деревня Молн, расположенная неподалеку от города Мюнах, планета Алеман из системы Неороп. Возраст: сто шесть стандартных лет, замужем, мать семерых детей, двое из которых были приговорены к огненному кресту за богохульство.

Я видела, как они появились на одной из улиц деревни. Мужчина и женщина. Молодые. Оба были голые. И смеялись. Я была шокирована. Я хотела отправиться за нашим миссионером. Его не было дома, он служил в храме. Я не знала, что делать. Я испугалась. Мой муж был в поле вместе с детьми. Я принялась молиться Крейцу. Они направились ко мне. Я закричала и побежала прочь. Они крикнули: «Мы не хотим причинять вам зла, нам надо только кое-что узнать!» Быть может, это были демоны, явившиеся за моей душой. Они крикнули еще раз: «Госпожа! Вернитесь!» Мужчина побежал за мной, и я очень испугалась. Он едва не поймал меня. Женщина сказала: «Оставь ее в покое, она перепугана. Уходим!» Они уселись посреди улицы. Потом взялись за руки. И исчезли. И все! Исчезли! Может, я сошла с ума? Монсеньор, получу ли я прощение? (Плач.)

Третье свидетельство

Галу Отели, деревня Филль, провинция Жониль, планета Оранж. Возраст: пятнадцать стандартных лет. Вторая дочь Галиля Отели и Милианы Брайкали. Работает на фабрике ковров и тканей своего отца.

Папа и все служащие фабрики уже ушли, а я осталась следить за вечерней уборкой. Когда ставила робот-пылесос на место, то услышала шум на складе. Я тихо подошла к дверям. И увидела

странную сцену: между висящими коврами находились мужчина и женщина. Они пытались обернуть вокруг себя куски тонкой ткани, которые служат для изготовления маленьких летних ковров. Мужчина, похоже, очень хорошо знал город, потому что говорил так, словно провел в нем несколько лет. Время от времени они забывали о тканях и начинали целоваться. Женщина показалась мне очень красивой. Она задавала мужчине множество вопросов. Один из них я запомнила:

— Ты жил здесь совсем один, без семьи?

Он рассказывал ей о своем детстве. Насколько я поняла, он тоже был оранжанином. Но из другой провинции, кажется из Вьелина. Похоже, они были сильно влюблены друг в друга. Я также поняла, что они что-то или кого-то ищут, но не знали, куда направиться. Я не знала, что делать: они не походили на воров, однако тайно пробрались в помещение, не спросив разрешения. Я долго колебалась, а потом решилась. Я подошла к ним, но не успела ничего сказать: они уселись на ящик с коврами, взялись за руки и вдруг исчезли, словно никогда и не существовали. Вначале я подумала, что все мне приснилось. Но когда рассказала об этом дома, папа тут же отправился проверить, не пропало ли что со склада. Он заметил, что были украдены два больших куска ткани. Тогда он велел мне прийти к вам: он хотел, чтобы меня подвергли ментальной инквизиции, потому что был уверен — я придумала всю эту историю, чтобы скрыть собственное воровство.

Четвертое свидетельство

Спек Женнекин, город Ноулонд, планета Ноухенланд. Возраст: шестьдесят стандартных лет. Холостяк. Профессия: исследователь. Автор многих трудов: книгофильмы, видеоголо и кодированные репортажи о примитивных племенах тропических лесов Ноухенланда, а также о трилле, эмблеме Ордена абсуратов, животном, к которому чрезвычайно трудно приблизиться.

Я должен уточнить, что принципиально против ментальной инквизиции и что меня обследовали против моей воли. Я неделю выслеживал крупного трилла, настоящего гиганта, если судить по размерам оставленных им следов. Я вел это преследование в одиночку и довольно далеко забрался в джунгли южного полушария, двигаясь по реке Темс на маленькой исследовательской лодке, которая может превращаться в непроницаемую палатку и даже в подводный скафандр. Однажды, ког-*

* Примечание кардинала Моланали. Этот человек действительно давал показания не по своей воле. Он был вызван после анонимного доноса, что частично объясняет его возмущенную реакцию. Его сдержанность привела к тому, что он был приговорен к пытке на медленном огненном кресте. — *Примеч. автора.*

да я разбивал бивак, я увидел в синих кустах, растущих вдоль реки, огромные зеленые глаза, глаза трилла. Я наивно считал, что выслеживаю его, а оказалось, что выслеживает и следит за мной он! Я был заинтригован и двинулся в его сторону, держа в руках пистолаз и камеру. Я двигался очень тихо, надеясь хотя бы снять его бегство, но, почуяв мое приближение, он не стал ждать и убежал. Забыв об осторожности и бросив свою стоянку, я устремился за ним, ориентируясь по оставленным следам и сломанным веткам. Увлекшись погоней, я незаметно для себя пересек границы запретной территории племени шоклетт, а оно относится к одному из самых примитивных во всей вселенной. Мало кому из исследователей удавалось общаться с ними. Не успел я пройти и сотни метров, как оказался окруженным сворой этих диких воинов. Эти люди маленького роста с кожей ярко-красного цвета и лишенные какого-либо волосяного покрова были совсем голыми. Я не успел ни воспользоваться оружием, ни начать переговоры, хотя немного знаю их язык. Стрела с наконечником, смазанным анестезирующим веществом, попала мне в бедро, и я тут же заснул. Когда я проснулся, то понял, что меня подвесили за запястья к центральной балке огромного сооружения. Все шоклетты, мужчины, женщины и дети, наблюдали за мной и громко смеялись. Они раскрасили себя, наложив на тело черные и красные полосы, словно на шкуре трилла. На их лысых головах были венки из листьев. У них явно было какое-то празднество. Вначале я думал, что торжество было в мою честь, что они собирались праздновать мое пленение, уготовив мне ужасную участь. Поскольку я видел несколько видеоголофильмов об их обычаях, то знал, что не могу ждать от них снисхождения.

— Я принес вам здоровье и мир, — попытался я произнести на их языке.

Один из туземцев подошел ко мне и плюнул мне на икры.

— Ни здоровья, ни мира для белого нарушителя ненарушимого, — прошипел он. — Наказание — смерть! Но вначале свадьба богов, а потом смерть!

Что он хотел сказать этими словами, «свадьба богов»? Мне не пришлось долго ждать ответа: вопящая толпа женщин в трансе высыпала из хижины, сплетенной из веток и стоявшей в центре площади. Тогда я и увидел их впервые — в центре толпы были женщина и мужчина, молодые, очень красивые, белокожие, одетые в цветные ткани, обернутые вокруг их тел. У женщины были длинные волосы, заплетенные в косички и украшенные розовыми листьями, которые обычно используются в брачных церемониях. Позади них шел колдун, по которому ползали маленькие живые змейки, символ его власти. Женщина увидела меня висящим на балке, словно обычная дичь, и указала на меня пальцем, обратившись к своему другу. Они подошли ко мне, разрезав толпу беснующихся женщин. Мужчина спросил меня на нафле:

— Что вы здесь делаете?

— Привет, рад нашей встрече! Я — Спек Женнекин из Ноухенланда. Я исследователь. Я гнался за большим триллом и случайно пересек границы их территории. Они меня пленили. А кто вы такие?

— Просто путешественники, которые играют свадьбу, — ответил он. — Впрочем, не важно, постараемся помочь вам...

Жестами он приказал колдуну освободить меня. К моему великому удивлению, туземцы безропотно выполнили приказ.

— Они отведут вас к границам своей территории, — сказала женщина.

— Не могу ли я узнать, кому обязан спасением? — спросил я скорее из любопытства, чем из признательности. Исследователи всегда страдали избытком любопытства.

— Будет лучше, если вы будете меньше знать, — ответил мужчина. И со смехом добавил: — Мы хотим сыграть свадьбу в очень узком кругу!

Мне не удалось узнать ничего больше: меня окружили воины, потом проводили в лес. После дня ходьбы я оказался на своей стоянке у реки Темс. В моей голове теснилось множество вопросов по поводу этой странной парочки. Быть может, они по ошибке материализовались в этом лесу? И их внезапное появление так поразило туземцев, что они приняли их за богов? Я не мог объяснить странное поведение мужчины и женщины: их, похоже, не волновало возвращение к цивилизации. Их волновала только их свадьба. Неужели они собирались провести всю оставшуюся жизнь в этом диком племени, живущем среди враждебного леса?

Дополнительное примечание кардинала Моланали:

Ваше святейшество, я постарался классифицировать эти показания в хронологическом порядке. Так, рассказ юной оранжанки, кроме указания на оранжское происхождение мужчины, подтверждает показания исследователя: цветные ткани вокруг их тел — те самые ткани, которые служат для изготовления легких ковров и которые были похищены в Филле. Ваш преданный слуга Ф.М.

Горный безумец вдруг нарушил молчание:

— Шари, попроси дух камня высадить нас здесь.

Его палец указывал на сверкающий поток, весело скатывавшийся по зеленому склону пика. Они уже несколько дней летели над огромным горным массивом, и все эти дни горный безумец ни разу не обратился к Шари. Но мальчуган уже начал привыкать к внезапной смене настроения того, кто приютил его после смерти матери и разрушения поселений америндов. Он привык к тишине и наслаждался путешествием на летаю-

щем камне. Его счастье становилось полнее с каждым днем после того, как круглый царь амфанического поля впервые поднялся в воздух.

Когда дух ребенка и Дух Материи пришли к гармоничному согласию и воссоединились, камень величественно и бесшумно взмыл над землей без особой просьбы и сел, пролетев несколько метров.

— Наконец-то, — вымолвил горный безумец, который наблюдал за сценой с высоты соседнего камня. Его шевелюра и борода развевались по ветру, а черные глаза хитро поблескивали. — Теперь у нас есть транспорт! А нам он очень нужен для начала поисков...

Шари не знал, о каких таинственных поисках идет речь, но ничего не сумел выяснить. Несколько дней после первого успеха он, руководствуясь советами безумца, тренировался и обучался искусству управлять огромным камнем, увеличивая продолжительность и дальность полета, осваивая тончайшие связи своей души с Духом Материи. Потом пришел долгожданный день, когда он сел на круглую спину скакуна, как гордый покоритель. Камень послушно следовал его мысленным пожеланиям, направлялся туда, куда просили, пролетал над древним вулканом, где располагался Исход, город америндов, взлетал над выжженными солнцем бесплодными плато. Его бесшумная тень распугала стада осторожных песчаных газелей.

Шари подумал о матери, представил себе ее гордость при виде сына, покорившего камень священного поля, чудо, которое оказалось не под силу наглым амфанам. В этот момент камень дернулся, едва не устремившись в пропасть.

— В будущем никогда не позволяй гордыне овладевать тобою! — посоветовал безумец после приземления. — Иначе Дух Материи покинет тебя. Ты — инструмент в руках великого композитора. Неужели ты думаешь, что инструмент может считать себя музыкой? Завтра мы отправляемся на поиски места, где к нам присоединятся те, кого мы ждем. Время выбрано не очень удачно для детских шалостей. Если позволишь Духу Материи уйти, как сумеешь совершить то, что тебе предназначено совершить?

Утром на заре старец и Шари заняли место на камне. Близкие вершины Гималаев белели в сером полумраке утра. Далекие звезды, крохотные светильники, исчезающие на бледнеющем небосводе, гасли одна за другой.

— Вы знаете, куда мы направляемся? — спросил мальчуган.

— Почему и откуда я могу это знать? — со смехом воскликнул старец. — Тебе надо направить камень на восток. В сторону восходящего солнца. Разве тебе не хочется посмотреть сверху на великую цепь Гималаев?

Трое суток камень летел над Гималаями, проникая в белую вату тумана, затопившего вершины, огибая отвесные стены пиков, усеянные острыми скалами, летя вдоль глубоких и таинственных ущелий, чуть ли не касаясь заснеженных вершин, паря над зелено-золотыми морями бесконечных лесов, которые покрывали плато и долины. Трое суток, в течение которых его компаньон по путешествию, погруженный в созерцание гор, ни разу не разомкнул уста. Когда близилась ночь, он жестом указывал Шари, что пора приземлиться.

На земле Шари отыскивал убежище на ночь, а безумец отправлялся за травами и фруктами — скромный холодный ужин. Они спали в темных пещерах, завернувшись в толстые серые одеяла из ткани, похожей на ткань одежды безумца. Мальчику снились странные сны. Ему случалось внезапно просыпаться в холодном поту в разгар ночи. И тогда его обнимала дружеская рука, успокаивала, и он вскоре засыпал.

Утром, после завтрака — дикие кислые ягоды, горькие корни или сухие семена — и быстрого умывания в ближайшем источнике они вновь взбирались на жесткий загривок камня. Шари входил в контакт с Духом Материи, и через несколько мгновений камень поднимался с замшелой земли и присоединялся к черно-белым орлам, вылетавшим на охоту.

Шари попросил камень снизиться над потоком, который искрился радужными каплями.

— Здесь? — робко спросил он.

— Быть может, — ответил безумец.

— А откуда вы знаете? — настаивал Шари, чье безграничное любопытство не было удовлетворено.

Ему вдруг захотелось говорить после долгих часов вынужденного молчания.

— Я ничего не знаю, но вода этого потока зовет нас. Разве ты не слышишь?

Камень тихо опустился на густую траву, которой заросли берега речки. Безумец спустился на берег, сел и окунул ноги в воду.

— Вода говорит мне, что мы должны оставаться здесь до наступления ночи, — добавил он. — Ибо сегодня и есть тот самый день. Если они не появятся до вечера, придется ждать смены многих поколений, пока человечество вновь не обретет крохотный шанс, чтобы выбраться из мрака.

— Кто «они»? — спросил мальчик, усаживаясь рядом с безумцем.

Он тоже опустил ноги в ледяную воду. Он, повторяя жесты своего компаньона, надеялся услышать голос, до-

носящийся из неясного журчания воды. Но к его великому разочарованию, вода не заговорила с ним.

— Те, без которых невероятно трудная задача, ждущая тебя, не может быть выполнена, — ответил безумец. — Они — столпы здания, которое придется отстроить тебе. Если они не явятся, ты должен будешь оставаться, как и я, в горах, в одиночестве идти по пути знания и подготовки своего наследника, который, в свою очередь, постарается продлить традицию, пока не настанут новые дни, благоприятные для распространения знания, собранного и зашифрованного нашими наставниками. Мы находимся в том отрезке времени, когда все может пойти в ту или иную сторону. Заслуживает ли вселенная того, чтобы о ней продолжали заботиться? Достойна ли она спасения от волны разрушения, которая надвигается на нее? Только они знают ответ, ибо ими управляет рука великого музыканта.

— А почему они не приходят? — воскликнул мальчуган.

— Потому что они стоят перед выбором. У каждого человека, на любом уровне его существования, есть выбор. Только свободная душа может придать истинную ценность решению. Когда решаешь стать верным исполнителем великого проекта, правдивой нотой в мелодии, надо, чтобы это происходило без принуждения, без тени сомнения.

— Быть может, они не могут! — воскликнул Шари. — У них есть камни для путешествия?

Безумец рассмеялся. Смех его походил на журчание воды. Потом он нежно посмотрел на ребенка:

— Если ты используешь мысль, чтобы говорить с Духом Материи, они путешествуют с помощью своей мысли. Их транспорт — эфир. Разве им нужен другой носитель?

Солнце уже стояло высоко в небе и грело их своими ласковыми лучами. Шари насыщался этим теплом, оно убаюкивало его, пьянило. В этом умиротворяющем спокойствии горной местности, обласканный журчанием речки, он ощутил безмерное счастье. В его душе лопались пузырьки эйфории. Он полностью слился со средой, он уже не мог себя отделить от нее. Природа и ребенок, каждый по-своему, каждый на своем уровне, превратились в звенья света и соединились в неразрывную цепь. Теперь ему казалось, что он слышит песню реки, ноты, которые издают капли, образуя симфонию, воспевающую славу творения.

Когда он очнулся от безмерного восхищения, он вдруг заметил, что солнце покинуло небосвод, а вокруг начали сгущаться сумерки, размывая контуры и рельеф гор. Безумец исчез. Шари испуганно оглядывался по сторонам, но так и не обнаружил знакомой фигуры.

Часы летели с ужасающей скоростью, но ни один визитер так и не появился. Ребенок с печалью вспомнил слова

безумца, когда он говорил о несчастьях, ожидающих мир. Он жадно вглядывался в противоположный берег, уже залитый тьмой, словно его взгляд мог заставить появиться тех, кто еще мог спастись от неминуемой катастрофы. Он мысленно увидел мать, привязанную к столбу, ее муки и вдруг понял всю немыслимость того, что многих матерей и детей ждут такие же испытания.

Ему вдруг показалось, что он видит подвижные тени на скалах, нависавших над речкой. Ухватившись за безумную надежду, он вскочил на ноги и вскарабкался на ближайшую скалу.

Он едва дышал, руки и грудь его были исцарапаны, но он влез на узкий карниз там, где речушка превращалась в водопад, чтобы ниже вновь обрести спокойствие.

И увидел мужчину и женщину, закутанных в цветные ткани, которые сидели на каменистой земле с закрытыми глазами, лицом друг к другу и держась за руки.

— Это вы? — поспешно закричал Шари, охваченный внезапным страхом, что они вдруг испарятся.

Веки женщины и мужчины поднялись. Они пытались взглядом пронзить окружавшую тьму.

— Это вас ждет горный безумец? — возбужденно повторил мальчуган, приближаясь к паре.

— Кто ты, дитя? — нежно спросила женщина.

Мальчику еще никогда не доводилось видеть женщины такой красоты. В тонкие длинные косички были вплетены розовые листья. А руки бородатого мужчины были украшены черными и красными полосками.

— Меня зовут Шари Рампулин, — ответил ребенок с наивной гордостью, вызвав улыбку на лицах гостей. — Мы, горный безумец и я, прибыли сюда на летающем камне, чтобы дождаться прибытия визитеров. Вы и есть те самые визитеры?

— А кто такой горный безумец, о котором ты говоришь? — спросил мужчина.

— Он приютил меня после смерти матери. Он научил меня говорить с духом камня. Он знает многое. Он сказал мне, что вы путешествуете с помощью мысли. Правда ли это?

Мужчина и женщина переглянулись. Потом женщина сказала:

— Мы тоже некоторое время ищем кое-кого. Мы готовились улететь, решив, что этот мир необитаем и не стоит оставаться здесь дольше. Можешь ли ты познакомить нас с этим человеком? Если он знает так много, как ты говоришь, быть может, он поможет нам в наших поисках?

— Пошли со мной! — воскликнул Шари. — Он должен быть где-то поблизости. Когда наступает вечер, он отправляется собирать ягоды.

Но в момент, когда гости и ребенок собирались спуститься вниз, вдруг раздался голос:

— Нет смысла искать меня в ином месте. Я здесь!

Силуэт горного безумца вырисовывался по ту сторону водопада, словно он чудом возник из водяной стены. Воцарилось долгое молчание, пока женщина, мужчина и старец внимательно смотрели друг на друга. Удивленный Шари переводил глаза с одного на другого, не зная, на ком остановиться.

Первым заговорил мужчина:

— Я Тиксу Оти с Оранжа. А это моя жена Афикит, дочь Шри Алексу с Сиракузы. Я думаю, мы ищем именно вас!

На сияющем лице безумца появилась широкая радостная улыбка, его белые зубы блеснули в ночной тьме.

— Я тот, кого называют горным безумцем Матери-Земли, и я вас ждал.

Шари не сдержался:

— Это они?.. Это они?..

— Не кричи так оглушительно! — укоризненно произнес безумец. — Наши друзья не глухие.

Тиксу и Афикит выглядели взволнованными: то, что они наконец добрались до цели своих долгих исканий, словно лишило их сил, энергии. Давно ожидаемая встреча с человеком, которого они считали третьим наставником, наполняла их робостью, давила на них тяжким грузом покорности. Несколько недель они без устали путешествовали, не давая себе времени на отдых, дойдя до предела своих возможностей. Как только закончилась странная церемония их свадьбы среди туземцев, они улетели, продолжая свой поиск.

— Я не третий наставник, — сказал безумец, словно прочитав их мысли. — Я простой посредник и вскоре покину эти миры. Ребенок и вы отныне являетесь тремя наставниками...

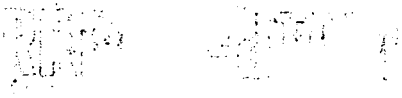
Призыв промежуточных миров становился все сильнее. Безумец воссоздал цепь и теперь мог спокойно уйти. Он видел на лицах своих собеседников следы невероятной усталости.

— Пойдемте, я приготовил хороший ужин. Потом мы сможем поговорить...

Шари со всех ног скатился по склону, словно газель, перепрыгивая с камня на камень. В спешке он забыл о гостях, которые, держась за руки, неторопливо спускались со скалы.

Шари уже давно, со смерти своей матери, не ужинал так вкусно и по-настоящему.

МАТЬ-ЗЕМЛЯ



ПРОЛОГ

Безымянный, он же Бесформенный, считал, что самое трудное уже сделано: его вассалы, рассеянные во вселенной, забирают у человечества его память, его силу. Бессмертный хранитель индисских анналов отправился в другую галактику после того, как пятнадцать тысяч лет подряд осуществлял свой дозор и ни на мгновение не ослабил бдительности.

Все готово к приходу Безымянного, но на тропе к храму света появился человек. Он отыскал тайную дверь и, если проявит настойчивость в своем предприятии, сможет вернуть людей к истокам, возвратить им верховенство. Тысячи и тысячи лет Безымянный сражается с гегемонией человека, искажает слова пророков и провидцев, сеет смерть и одиночество, разделяет людей, дробит сообщества... С самого начала, с момента, когда первые искры вспыхнули невыносимым светом, когда жар звезд привел к рождению волн, потом форм, с момента, когда творцы решили проверить, во что вылился их труд, Безымянный постоянно отступал: его побеждала вибрация волн, плотность материи, бесконечное расширение вселенной. И в тот момент, когда ему удалось опрокинуть тенденцию, когда он был готов получить дивиденды за свой неутомимый труд по разрушению структур, появился нежданный гость, который ищет истоки своей божественности.

Человек едва различает вдали блистающую конструкцию, храм с семью колоннами и стенами, украшенными ярко сверкающими витражами. Храм истоков, ковчег, где хранятся индисские анналы... Именно в них записаны непоколебимые законы творения, спрятан ключ к возрождению человека. Он ускоряет шаг, ибо атаки Безымянного становятся все более и более жестокими, а пронизывающий холод обретает невероятную плотность.

Если Безымянному не хватает сил побороть людей истока, каким был бессмертный хранитель анналов, он пытается воспользоваться слабостями каждого отдельного человека. Он бесцеремонно врывается в душу человека, извлекает из его

памяти забытые воспоминания, усиливает эмоциональные провалы, подстегивает сомнения, вызывает к жизни страхи. И целостность человека нарушается, дробится, распадается, составляющие его индивидуальности изолированы, окружены пустотой, начинают бороться друг с другом. Дух его сметается ураганами ненависти и ужаса и уносится вдаль. Контуры храма тают. Беспросветно черная ледяная спираль подхватывает человека и бросает в неизмеримую бездну боли и отчаяния.

Он просыпается на земле сумеречного и пустынного мира. Подавленный неудачей, защищенный только легкой одеждой, туникой и шароварами, подаренными ему паломниками, он долгие дни бредет по ледяной пустыне, голодный, промерзший, и слышит лишь скрип сандалий по снегу. Жажду он утоляет поднятыми с земли ледышками. На небосводе не видно ни одной звезды. Он удручен, ибо чувствует, что предал людей. Но в глубине его опустошенной души звучат слова бессмертного хранителя храма: *Ты будешь один... В случае твоего провала человечеству придет конец, наступит новая эра... Эра Безымянного, эра Гипонероса...*

Он ощущает слабость и усталость.

Но должен найти внутри себя силы, чтобы вновь отыскать начало тайной тропы. Он не имеет права проявлять слабость, пока ему не удастся победить Безымянного. И вновь различает вдали спирали оранжевого тумана.

Афикит позволяет себе расплакаться, когда паломники, один за другим, призвав могущество антры, растворились в бесконечных коридорах пространства. Деревня вновь напоминает мертвый город. Руины. А единственными пятнами жизни остаются яркие цветы куста безумца.

— Не плачь, мама, — говорит Йелль. — Я всегда знала, что они уйдут. Их заслуга в том, что они начали работу, другие, быть может, завершат ее...

Афикит и Тиксу с удивлением поворачиваются к Йелли.

Она, маленькая скрытная девочка семи лет, часто стоит на коленях перед кустом безумца и изредка произносит слова, которые непонятны им. У нее длинные волнистые волосы, такие же золотистые, как у матери, и серо-голубые глаза, как у отца. Кажется, она может заглядывать за пределы пространства и времени. От нее исходит странная, ошеломляющая сила. У нее детский голос, но он режет, как остро заточенная сабля.

— Какие другие? — спрашивает Тиксу.

— Те, кто услышит призыв... Блуф захватывает пространство...

Отец хмурится.

— Блуф?

— Разъедающее зло. Вчера вечером далеко отсюда исчезли десять миллионов звезд. И когда Шари вернется, ему будут нужны солдаты, чтобы остановить блуф.

— Шари, быть может, мертв, Йелль, — вздыхает Афикит. — Вот уже семь лет у нас нет никаких известий от него.

— Шари жив! — упрямо утверждает девочка. — Он вернется.

— Откуда у тебя такая уверенность?

— Цветы куста сказали мне об этом. Надо привлечь новых паломников на Мать-Землю. Блуф разъедает души людей, и им все труднее расслышать песнь истока...

Йелль отбрасывает одеяло. Босая, в ночной рубашке, она перебегает заснеженную площадь деревни и опускается на колени перед кустом. И, собрав все душевные силы, бросает безмолвный призыв сквозь пространство и время...

Глава 1

В 16 году империи Ангов я стал 7-го числа месяца мегония самым молодым кардиналом Церкви Крейца. Я был полон рвения, моя душа, отполированная годами учения, была чиста как кристалл, остра, как кромка алмаза. Я горел желанием обращать в свою веру язычников, врагов веры, приобщать их к Истинному Слову. Вид еретиков, с мучениями умиравших на огненных крестах, исторгал из глаз моих слезы экстаза... Это было задолго до появления первых скаитов-стирателей...

10 мегония я был назначен представителем его святейшества, муффия Барофиля Двадцать Четвертого, на планете Ут-Ген, печально известной ядерной катастрофой, которая четыре тысячи стандартных лет назад уничтожила две трети ее населения, превратив более половины земель в пустыню. Хотя я прекрасно осознавал все опасности Ут-Гена (ядерная чума, разрушение клеток, преждевременное старение, бетазооморфия, острая форма шизофрении), меня при известии о назначении охватила радость. Какое мне дело до перепуганных лиц моих коллег, ведь моя броня была закалена божественной любовью Крейца!

38 мегония я вошел в один из дерематов дворца в Венисии и через двадцать семь стандартных минут пришел в себя в помещении крейцианского храма Анжора, местной столицы, где меня встретили горстка миссионеров, несколько служителей и скаит-инквизитор. Имперская полиция с помощью наемников-притивов нейтрализовала местные войска и низложила правительство планеты, сборище коррумпированных утгенян, состоявшее из шести консулов, министров и высших чиновников.

Новые поколения, которым неизвестна планета Ут-Ген, должны знать, что это — единственная обитаемая планета (хотя и крайне негостеприимная) солнечной системы Гарес, звезды, которая уже двадцать миллионов лет является красным гигантом. Колонизированная в 714 году по древнему стандартному календарю, планета Ут-Ген медленно и необратимо охлажда-

ется в связи со слабеющей активностью Гареса. Долгие века единственным ресурсом этой ледяной планеты были залежи урана и плутония. Ядерная промышленность, заимствованная у миров Скодж, сказочно развивалась с 950 по 3500 годы. Ут-Ген стал межзвездным центром ядерной индустрии: здесь производилось ядерное оружие, двигатели звездолетов, более тысячи станций вырабатывали энергию, которая доставлялась на другие миры с помощью атомопроводов, сверхпроводимых каналов между звездными системами.

Термоядерная промышленность обогатила Ут-Ген, но и стала ее несчастьем: в 3519 году страшное землетрясение разрушило большинство ядерных станций, вызвав появление радиоактивных облаков. Катастрофа привела к гибели семнадцати миллиардов человек и разделению планеты на две зоны: чистую и отравленную. Утгеняне знают, что их земля-кормилица больна, заражена, а умирающая звезда уже не имеет сил разогреться, но они не находят в себе мужества покинуть родину. Они с удивительным стоицизмом переносят постепенное охлаждение, постоянные сумерки, капризы климата и кислородное голодание... Будучи любящими детьми, они умрут вместе с родной планетой. Их стоицизм постепенно превращается в фатализм. Вспомним проповедь Крейца на Великой Дюне Осгора: «О, безропотные души, разве вам не понятно, что фатализм делает вас легкой добычей лжепророков, проповедующих ложную веру? Люди, если вы отказываетесь от своей свободы, то попадаете в сети иллюзий...»

Ут-Ген был яркой иллюстрацией божественного пророчества Крейца. (Кстати, личный опыт позволяет мне напомнить о великом принципе крейцианства новичкам наших пропагандистских школ: понятие «фатум», столь дорогое для некоторых еретических воззрений, ведет к самым худшим заблуждениям...) На поле безверия разрастается чертополох и душит семена Истинной Веры, которую насаждают миссионеры. Множатся жертвоприношения детей, коллективные оргии, варварские и языческие ритуалы.

А что говорить о местном населении, этой пастве, которую доверил мне муффий? Утгеняне крепки, приземисты, словно сила тяжести, которая здесь выше, чем на мирах Центра, давит на них, сжимает, деформирует. Лица грубы, имеют звериное выражение (начало общей бетазооморфии?): кустистые брови, желтые глаза навыкате, широкие огромные носы, толстые губы, выступающие подбородки... Однако женщины стройны, имеют тонкую талию и деликатные черты лица. Если мое суждение кого-то интересует, то скажу, что нахожу их столь же красивыми, насколько мужчин уродливыми. Возможное объяснение (ученые смеют-

ся над ним, но, по-моему, оно поэтично) этого удивительного контраста: женский метаболизм, управляемый миром ночи (мужская суть — солнце, женская суть — луна), лучше реагирует на ухудшение климатических условий Ут-Гена. Я не говорю о выходцах из отравленной зоны, которых называют карантинцами. Эти больше похожи на монстров нашего апокалиптического бестиария, чем на людей. Своей жизнью они обязаны защите бывшей Конфедерации Нафлина и ее служителей, рыцарей-абсуратов. Меня неоднократно упрекали в том, что я приказал провести газовую атаку и засыпку колодцев и галерей Северного Террариума, подземного квартала карантинцев, но Высший Совет крейцианской этики, который был мной заранее уведомлен, уверил меня в своей полной поддержке.

17 джоруса по сиракузскому календарю я осудил своего первого еретика на муку огненного креста. Это был служитель религии Н-прим, поклонник Гареса, бога-солнца в теле женщины. Я до самой смерти буду помнить (пусть Крейц наградит меня ею как можно позднее, ибо дело мое в подлунном мире еще не закончено) выражение ненависти на его лице, когда первые огненные импульсы креста облизали его кожу. В отличие от большинства своих соплеменников это был великолепный образчик человека, наделенный могучими половыми признаками, бесстыдный в своей животной наготе. Многочисленные женщины, собравшиеся у его креста, которых он оплодотворил (вначале они твердили о своей невиновности, но скаит-инквизитор быстро добился их признаний), не могли сдержать слез.

Моя душа всегда стремилась к вере, я хотел быть священником. Мне не надо было прибегать к помощи стирателей, чтобы отринуть свою юность, чтобы забыть свое маркинатское происхождение... Сын Джессики Богх, прачки Круглого Дома о девяти Башнях, никогда не существовал... Товарищ по играм Листа Вортлинга, сына сеньора Абаски, никогда не существовал... Возмущенный отрок, который днями и ночами оплакивал даму Армину Вортлинг, никогда не существовал...

Я находился вдали от Сиракузы, вдали от интриг Венисии. Как я мог заподозрить то, что задумывалось в коридорах епископского дворца?

Ментальные мемуары кардинала Фрасиста Богха,
который стал муффием Церкви Крейца
под именем Барофиля Двадцать Пятого

Жек разглядывал вышку ментального контроля, высокую башню, возвышавшуюся над плоскими крышами и террасами Анжора, столицы Ут-Гена. На самом верху, в ос-

вещенной кабине, виднелся неподвижный силуэт скаита-инквизитора, закутанного в серый бурнус. Еще выше, на темном небосводе, вырисовывался красноватый круг Гареса, умирающего солнца.

Эти два светящихся шара, один искусственный, второй природный, символизировали двойное несчастье, обрушившееся на Ут-Ген. Мало того, что Гарес, бог-солнце в теле женщины, разнес сорок веков назад ядерную чуму, заразив две трети планеты и убив более пятнадцати миллиардов ее жителей. Теперь легионы великой Империи Ангов, крейциане, скаиты, наемники-притивы и полицейские высадились на планете, нейтрализовали местные силы порядка, убрали консулов-утгенян и вот уже десять лет сеяли террор под руководством самого фанатичного из оккупантов, кардинала Фрасиста Богха.

Жек вновь пустился в путь. Хотя ему было всего восемь лет, он прекрасно сознавал, что ему грозит опасность, если надолго застрять у подножия башни. Стоило вызвать подозрения скаита-инквизитора, и ментальное обследование могло закончиться священным трибуналом или центром ментального перепрограммирования. Если он хотел когда-либо реализовать свой великий проект, то не должен был привлекать к себе внимания.

Он двинулся вверх по главной улице Анжора, узкой и извилистой, протянувшейся на сто сорок километров. Постоянно светящиеся летающие фонари бросали желтые круги на тротуары. За их пределами царила почти непроницаемая тьма. Вокруг световых конусов, указывающих местоположение подземных станций Транспортной Сети, вились клубы тумана.

Жек решил пешком пройти семь километров, которые отделяли его от дома. Лучше было опоздать к обеду и выслушать упреки родителей, чем садиться в переполненные поезда, которые, как толстые белые черви, с ревом катились по жирным, вонючим подземельям города.

Вначале он добрался до рынка Ракамель. Он шел вдоль прилавков, за которыми стояли работники общественных равнинных ферм. Их было легко узнать по блузам и шапочкам из грубой шерсти. После катаклизма овощи, зерновые и фрукты выращивались в гигантских герметичных теплицах и с каждым годом теряли вкус и цвет. Куски мяса, висящие на крюках, выглядели грязно-серыми. Когда у па Ат-Скина было хорошее настроение — событие все более и более редкое, — он сажал Жека на колени и вспоминал о добрых старых временах Ут-Гена. О тех добрых старых временах, когда фрукты были сочными, слад-

кими, славились яркими красками, когда полусвободные животные разгуливали на горных плато, когда анжорцы купались в теплом море Зугас... Доброе старое время, когда жизнь на Ут-Гене не считалась повинностью... Жек недоумевал, откуда па Ат-Скин черпал свое вдохновение: ему было всего шестьдесят пять лет, а катастрофа случилась четыре тысячи лет назад. Надо иметь безграничное воображение, чтобы превратить ледяные поля Зугаса в теплое море. Жек не протестовал, ибо понимал, что отцу время от времени необходимо в рассказах воссоздавать прошлое умирающего мира.

Оставив позади мрачные прилавки и торговцев с безобразными лицами, Жек выбрался на широкую эспланаду Святых Мучеников. На паперти крейцианского храма, чьи заостренные элегантные башни нарушали строгую геометрию местных строений, высился лес огненных крестов. Кардинал Фрасист Богх установил на земле прожектора, которые днем и ночью освещали обнаженные тела осужденных. За прозрачными стенками не было ни мужчин, ни женщин, ни молодых, ни стариков, а только раздувшаяся плоть, висящие лоскуты кожи, рты, искаженные жуткой усмешкой, вылезшие из орбит глаза, бросавшие прохожим немые мольбы, бесформенные и гримасничающие чудовища, умиравшие иногда по неделе и больше...

Жек опустил голову и закусил губы, чтобы сдержать текущие из глаз слезы. Хотя кресты появились довольно давно, он никак не мог привыкнуть к этим ужасающим смертным камерам. Поиному вели себя зеваки, которые переходили от одного креста к другому и равнодушными или издевательскими голосами комментировали, как пульсирующий огонь пожирал мучеников.

— Па Курт-Милл, посмотри-ка на этого. Похож на рогатого скарабея! — воскликнула маленькая девочка.

— А эта походит на ту ужасную куклу, что тебе подарила бабушка! — усмехнулась ее мать.

— Ма Курт-Милл, перестань охаивать подарки моей матери! — недовольно произнес мужской голос.

— Они ужасны... Я их боюсь!

— Чего бояться, маленькая идиотка? Они не могут слезть со своих крестов...

Жек сжал кулаки, засунул их в рваные карманы шаровар и бегом пересек площадь.

Он пришел домой на два часа позже обычного, залитый потом и задыхающийся. Тощие серпы двух спутников Ут-Гена сменили в небе Гарес. Дом, конструкция, наполови-

ну утонувшая в земле (неоправданный страх перед новым ядерным катаклизмом), располагался в центре жилого квартала Старого Анжора. Па Ат-Скин гордился узкой полоской искусственного газона перед домом, который, пыжась, называл «садом». Невероятная роскошь в перенаселенном городе, где большинство жителей имело всего одну комнату, чтобы питаться, ссориться, зачинать детей и спать.

Родители уже сидели за столом, когда он вошел в комнату, служившую кухней, столовой, гостиной и детской, его собственной комнатой, поскольку он был единственным сыном.

Ма Ат-Скин окинула его злым взглядом, а па Ат-Скин нахмурился. Они никогда не были веселыми людьми, но, став крейцианами, превратились в мрачную супружескую пару. Отец поник, ссутулился, словно осев на свой огромный живот. Красивое лицо матери посуровело и высохло. Теперь они носили облеганы под традиционной утгенской одеждой — пиджаком и брюками с завязкой на талии для мужчин, длинной туникой и брюками в обтяжку для женщин. Головной убор с торчащими полями подчеркивал грубость черт па Ат-Скина, усиливая его сходство с чудовищной химерой с древних храмов, где поклонялись богу-солнцу в теле женщины. А три обязательных локона, которые должны были облагораживать, делали отца смешным.

Они уже некоторое время строили планы обучить сына началам крейцианства, но наталкивались на его открытое сопротивление. Имея не по возрасту сильный характер, Жек упрямо отказывался посещать службы в храме и слушать божественное слово Крейца. Самым худшим было то, что его родителей обратили в официальную веру Великой Империи Ангов не силой, как большинство анжорцев. Однажды ночью им внезапно было божественное откровение. По крайней мере они так утверждали... Жек смутно подозревал, что во всем этом присутствовало какое-то мошенничество.

Застыв на пороге комнаты, он ощутил, что стоит перед живыми мертвецами. Единственным, что двигалось в комнате, были спирали пара, поднимавшиеся от тарелок и фарфоровой супницы, царившей посреди стола.

— Откуда ты, Жек? — спросила ма Ат-Скин.

Медоточивый голос не предвещал ничего хорошего.

— Гулял по городу, — ответил Жек.

— Всегда один и тот же ответ, — проворчал па Ат-Скин.

— Всегда один и тот же вопрос, — вздохнул Жек.

Ужин прошел в мертвой тишине, но по частым и беглым взглядам, которыми обменивались родители, Жек понял, что они задумали какую-то мерзость.

Па Ат-Скин перестал жевать и вытер губы.

— Жек...

— Жек, — подхватила ма Ат-Скин.

— Жек, сын мой, ты с каждым днем становишься все наглее!

— И все невыносимее...

Жек сразу же пожалел, что не последовал советам старика Артака. Яростная решимость, написанная на лицах отца и матери, на которые сбоку падал свет от настенных ламп, вдруг наполнила его ужасом.

— Жек, сын мой, мы приняли решение в отношении тебя, — вновь заговорил па Ат-Скин.

— Пора навести порядок в твоей бунтарской голове, — добавила ма Ат-Скин.

— Поэтому завтра утром ты отправишься в школу священной пропаганды Ул-Баги...

— Очень хорошая школа, где к тебе будут хорошо относиться...

Кровь Жека застыла в жилах. Его чуть не вырвало горьким супом, супом из горошка, любимой кулинарной пыткой ма Ат-Скин, который он каждый раз старался проглотить до последней капли.

Жек колол щеки иголкой, которую выкрал у матери. Долгий путь по улицам Анжора вымотал его, и сон, как ночная птица, раскрыл над ним свои крылья. Мышцы одеревенели, все тело затяжелело. Приглушенные голоса родителей просачивались через щели в полу. Главное — не заснуть...

Он постарался не показать своей растерянности, но, как только оказался в своей складной кровати, горячие, соленые слезы потекли по его щекам и губам. Родители хотели расстаться с ним, отослать в Ул-Баги, в далекий провинциальный город, замуровать в школе священной пропаганды, где он днем и ночью будет находиться под пристальным надзором крейцианских миссионеров. Жек часто судил родителей с избыточной строгостью ребенка, но, конечно, любил их. Он хранил в памяти счастливые времена, когда еще слышал раскатистый смех па Ат-Скина, видел сверкающие радостью глаза ма Ат-Скин, дрожал от раскатов их голосов во время споров, смеялся над неловкими поцелуями родителей, когда они мирились. Он помнил о временах, когда от бурного веселья дрожали стены, потолки, мебель и лам-

пы. Он помнил о временах, когда жизнь еще имела право на свое выражение, когда родительский дом был островком тепла и радости в вечных и холодных сумерках Ут-Гена.

Он внезапно проснулся, покрывшись потом. Рефлекторно вонзил иголку в щеку. Острая внезапная боль вырвала крик из его глотки. Он застыл, напряженно прислушиваясь. Дом был погружен в мертвую тишину. Только из-под земли доносился глухой шум от пролетающих поездов подземки, а в небе слышалось далекое ворчание коммерческих воздушных аппаратов. Он бросил иголку, откинул простыни, встал, снял пижаму. Отвратительная привычка ма Ат-Скин складывать его повседневную одежду в кухне вынудила его пересечь комнату на ощупь. Еще стояла осень, и па Ат-Скин пока не установил атомные обогреватели. (На Ут-Гене было всего три времени года: осень, зима и глубокая зима.) Но неукротимая дрожь была вызвана не только ледяной плиткой под босыми ногами и ночной свежестью.

Вот уже год — с того момента, когда встретился с Артаком, старым карантинцем из Северного Террариума, — он лелеял свой великий проект. Но сейчас понял, что никогда не собирался приводить его в исполнение. Это была мечта ребенка, дверь, распахнутая в мир воображения, способ скрыться от повседневности, способ обмануть скуку.

Он наткнулся на стул. Тот ужасно заскрипел по полу всеми четырьмя ножками. Сердце Жека едва не выпрыгнуло из груди. Он застыл на месте, прислушался, но не услышал ни малейшего шума, никто не двигался, пол не сотрясался от шагов. Он покидал родителей навсегда (навсегда — ужасающее понятие для ребенка восьми лет), а они спали глубоким сном людей, которых не тревожат никакие угрызения совести. Малыша раздирали противоречивые чувства. Ему безумно хотелось, чтобы они проснулись, встали, подбежали к нему, задушили в объятиях, шепча успокоительные слова, слова нежные, но в то же время надеялся, что они ничего не сделают, не будут его удерживать, позволят ему отправиться в далекое путешествие, из которого он никогда не вернется.

Он нащупал аккуратно сложенную одежду (порядок — одна из маниакальных привычек ма Ат-Скин) и поспешно оделся. Ему было трудно отыскать ботинки на меху, ибо мать с абсурдным упорством ставила их среди аппаратов по уходу за домом, под умывальником или магнитным энергопроводом. Ему удалось их обнаружить путем невероятно осторожных поисков. Он тут же натянул их и на цыпочках направился к двери. Луч под-

вижного фонаря проникал сквозь щель антирадиационных ставней, отражаясь от шаровидного голоэкрана. Ут-Ген, незначительная планета Империи, давно перестала принимать межзвездные передачи и не имела средств для производства собственной медиапродукции, но па Ат-Скин упрямо хранил голоприемник. «Хорошее украшение», — говорил он, приглаживая последние три пряди волос. К тому же это был наглядный признак богатства семьи Ат-Скин: редки были те утгеняне, которые могли себе позволить роскошь приобрести шаровой головизор.

Положив ладонь на ручку двери, Жек обернулся и обвел глазами комнату, погруженную в полумрак ночи. Могучая волна одиночества и печали затопила его, оставив в горле вкус горечи. Несколько секунд он колебался: не стоит ли отказаться от безумного плана и вновь забиться в умиротворяющее тепло простыней? Потом вспомнил, как родители собирались поступить с ним, представил себе мрачный городок Ул-Баги, непреодолимые стены школы святой пропаганды, суровые лица крейцианских миссионеров — и укрепился в своем решении. Что изменит его уход в жизни па и ма Ат-Скин? Разница лишь в том, что он уходил раньше, чем его выгоняли.

Он с трудом сдержал новые слезы, осторожно повернул ручку и прикрыл за собой дверь. У па Ат-Скина в свое время возникла неплохая мысль добавить клеточные отпечатки Жека в идентификатор, и система тревоги не сработала. Когда мальчуган очутился на тротуаре, ему показалось, что он погрузился в пучину ужаса.

Фонари давали бледный рассеянный свет, их круглые близорукие глаза не были в состоянии пронзить густую пелену тумана, накрывшего город. К счастью, переулок был пуст. Жек поднял воротник, плотно запахнул полы пиджака и затрусил в направлении транспортной станции.

Через несколько секунд гравитационная платформа опустила его на перрон подземки. Автоматические поезда в столь поздний час ходили редко. На лицах пассажиров читались усталость или равнодушие. Они собирались по трое или четверо у подвесных кресел. Несмотря на усталость, они не садились в них, словно опасались заснуть и пропустить следующий поезд.

Жек заметил черные мундиры полицейских в дальнем углу платформы. Если они заметят одинокого мальчика, то не преминут задержать и отправить в участок, где проведут клеточный анализ, а потом вернут домой. На мгновение Жеку захотелось, чтобы они обернулись и схватили его. Прошло всего три

минуты, как он пустился в самостоятельный полет, а уже ощущал себя неуютно в непривычной шкуре независимости, слишком просторной для него. Потом с издевкой подумал о самом себе: Жек Ат-Скин, авантюрист, собирающийся отправиться на разведку обширного мира, не мог уйти от дома даже на триста метров! Жек Ат-Скин, который мечтал встретиться с тремя легендарными существами, о которых ему поведал старый Артак, колебался, покидать ему или не покидать двух обычных людей по имени па и ма Ат-Скин! Конечно, он был плодом семени отца и яйца матери, конечно, он провел полгода в чреве матери, а остальные три месяца в семейной носительнице, из которой вышел па Ат-Скин, а до него дед Ат-Скин, конечно, эта своеобразная наследственная цепь с любовью и заботой сплела невидимые связи между ними и им... Но стоит ли из-за этого отступать перед неизвестностью? Обменять возможность удивительного существования на обеспеченность угрюмой жизни в тени высоких стен школы священной пропаганды?

Жек заметил неподалеку обнявшуюся парочку, осторожно подошел к ней и остановился рядом с женщиной. Эти люди, не молодые, не старые, будут вполне приемлемыми временными родителями, похожими на его собственных.

Он двинулся вслед за ними, когда белый гибкий поезд около пятидесяти метров длиной с невероятным визгом застыл у перрона. Люки с пронзительным свистом распахнулись. Купе, залитое тусклым светом, было на три четверти заполнено людьми. «Приемные родители» Жека уселись на пустую скамью и прижались друг к другу, оставив крохотное местечко своему неизвестному сыну. Они не обращали на него никакого внимания, слишком занятые поцелуями и ласками. Было что-то странное, одновременно отвратительное и притягательное, в этих влажных губах, которые извивались и пожирали друг друга, как голодные черви.

Пока мелькали станции, Жек без устали наблюдал за ними краем глаза. Они еще не перешли в крейцианскую веру: не носили облегана, к тому же крейциане, следующие строжайшему Кодексу супружеской совместимости, никогда бы не стали так откровенно вести себя на публике. Он боялся, что их шокирующее поведение привлечет внимание полицейских, которые черными угрожающими тенями восседали на скамье поодаль и пока проявляли равнодушие. Но осуждающие взгляды других пассажиров все чаще останавливались на них. Жек безмолвно всеми силами души умолял временных родителей проявить боль-

ше скромности, по крайней мере до тех пор, пока он находился с ними, и, как ни странно, женщина снизошла к его тайной мольбе: она откинула голову назад, словно пламенные поцелуи партнера выжгли в ней все чувства. Она была прекрасна в своем поражении: ее огромные глаза смотрели вдаль, а волнистые волосы обрамляли лицо с красными пухлыми губами...

Жек спросил себя, а занимаются ли па и ма Ат-Скин подобными играми в своей подвальной спальне, но вдруг сообразил, что мысль была неуместной и абсурдной. По мере удаления поезда от исторического центра Анжора, образы матери и отца тускнели, становились нечеткими, неощутимыми. Он поразился, с какой скоростью забывал их. Ему вдруг показалось, что он расстался с ними несколько лет или несколько веков назад. Сумрачные галереи подземки жадно выкачивали из него воспоминания.

Перекресток Траф-Анжор. Теперь надо было пересесть на поезд, идущий к Северному Террариуму, кварталу карантинцев. Он в последний раз глянул на парочку, чьи губы вновь жадно тянулись друг к другу. Этот мужчина и эта женщина, своего рода мятежники, никогда не узнают, что несколько минут имели безмолвного и внимательного сына-бунтаря восьми лет. Поезд затормозил и застыл у бесконечно длинного перрона перекрестка.

Жек бросился в гущу пассажиров. Острые когти страха терзали его внутренности, когда он проходил мимо полицейских, но никто его не окликнул, никто не остановил, схватив за плечо. С независимым видом он вышел из поезда и направился к пересадочной платформе. Он так часто ездил к старому Артаку, что мог бы проделать путешествие с закрытыми глазами. Отныне у него не было пути назад, и единственный вопрос, который он задавал сам себе, звучал так: а согласится ли старый карантинец принять его в столь поздний час?

Террариум, подземные кварталы, куда поселили людей, вывезенных из радиоактивных зон, тянулся на сотни гектаров к северу от Анжора. Это был город в городе со своей собственной администрацией, торговлей и полицией. Гетто, куда никогда не заходили «воздушники», анжорцы, живущие на поверхности.

До того как попасть туда, Жек наслышался самых разных историй о карантинцах: па Ат-Скин утверждал, что сильнейшие радиоактивные ветры вызвали кучу странных болезней и чудовищные метаморфозы. Он часто повторял, что больных нельзя было допускать в зону безопасности, что они плодятся, как безухие кролики, и если им не мешать размножаться, их ста-

нет вдесятеро больше, чем здоровых утгенян. Па Ат-Скин возмущался некомпетентностью античного правительства, которое полторы тысячи лет назад проявило слабость и приняло делегацию из зараженной зоны, согласилось с ее требованиями и нейтрализовало магнитный изолирующий барьер, установленный между двумя регионами. Два века спустя экстремисты Ультра-Здоровой Партии Ут-Гена исправили положение: карантинцы были согнаны в корабли, запрограммированные на взрыв в космосе... Правительство надеялось избавить Анжор от зараженных тварей, но кое-кому из преследуемых удалось скрыться от облав и уничтожения, укрывшись в канализационных системах анжорской столицы. Так появился Северный Террариум.

Невероятный страх обуял Жека, когда он впервые переступил порог монументальных врат гетто, когда увидел бетонные стойки, угрожающе переплетенные вокруг гигантских провалов. Он ждал, что из многочисленных черных дыр, зияющих в гладких стенах колодцев, выберутся уродливые чудовища, и только насмешки друзей не позволили ему повернуть обратно. Потом увидел, что карантинцы были людьми почти столь же обычными, как и остальные. Он привык к искаженным лицам, искривленным телам и странным хрипам, сопровождавшим их речь. Он обнаружил и оценил их теплоту, юмор, стремление к жизни. Быть может, их предки были жертвами гнева бога-солнца, но они не страдали от угрюмости, которая все больше охватывала анжорцев, живших на поверхности. Крейцианские миссионеры не решались проникать в Северный Террариум. Но это не означало, что Церковь не интересовалась участью карантинцев: неоднократно па Ат-Скин намекал, что кардинал Фрасист Богх и его советники готовят радикальное, окончательное решение трудной задачи существования гетто.

Жек скатился по лестнице в едва освещенный колодец А102 и оказался на верхнем понтоне. Стук его подошв по металлическому полу эхом несся от одной стены к другой. Он подошел к освещенной консоли, встроенной в один из подвесных пилонов, и нажал на кнопку вызова гравитационной платформы. Потоки ледяного ветра ворошили волосы на висках и надо лбом. Ему пришлось прижаться к балюстраде понтона, чтобы не потерять равновесия и не свалиться в пропасть глубиной в несколько сотен метров. Звезды и бледные серпы спутников над его головой тонули в густом тумане.

Несколькими минутами позже из тьмы выплыла платформа и медленно остановилась у понтона. Жек набрал

цифры 2, 5, 4 на клавиатуре консоли, потом осторожно разместился в центре круга диаметром около двадцати метров. Платформа не имела ограждения, как платформы подземки, а была снабжена полем искусственной гравитации. Днем Жек тщательно избегал подходить к краю, а тем более заглядывать за край, чтобы оценить глубину колодца. Даже когда платформа была переполнена, он всегда старался протиснуться в самый центр. И там, судорожно застывший, с нетерпением ждал момента, когда кончится пустота и он сможет ступить на твердый пол туннеля.

Платформа слегка качнулась и с негромким гудением начала спуск. Обычно Жек спускался не в одиночестве и платформа останавливалась на промежуточных уровнях, чтобы забрать других пассажиров. На этот раз мемодиску управления была задана одна программа, и круг быстро набрал скорость. Хотя Жека удерживало поле искусственной гравитации, ему вдруг показалось, что он отрывается от платформы, а поскольку тьма не позволяла видеть вогнутые стенки колодца, он ощущал лишь угрожающий свист воздуха. Он подумал, что разобьется на дне бездны, сердце его бешено заколотилось в груди, а в висках застучала кровь.

Платформа постепенно замедлила бег, и Жеку удалось собрать воедино растрепанные чувства. Круг послушно застыл у внешнего края узкого понтона, с глухим звоном ударившись о него. Поле гравитации отключилось. Обалдевший и едва дышащий Жек поднялся и, хотя ноги подкашивались и с трудом несли его, выбрался на понтон. Он не стал бросать привычного взгляда к вершине колодца, отверстию, которое казалось огромным наверху и крохотным снизу. Он не стал проверять, действительно ли опустился на уровень 254. Несколькими прыжками преодолел понтон и углубился в туннель, ведущий к норам.

Подгоняемый темнотой, он добежал до первого ответвления, крохотной площади со сводчатым потолком, откуда расходилось с десяток галерей. Он почти ничего не видел, но шел по внутреннему компасу, запомнив путь во время предыдущих посещений. Встроенные в своды туннеля световые рампы были погашены. Только через округлые щели люков, ведущих в норы, иногда вырывались лучики света. Жек всегда спрашивал себя, как карантинцам удавалось отличить день от ночи. Его ночная прогулка по Северному Террариуму наконец дала ему ответ: они просто искусственно заканчивали день, когда гасили свет в туннеле.

На шестом ответвлении он углубился в узкую извилистую галерею с особым запахом, отличавшимся от горькой вони спертого воздуха и плесени, который царил в гетто. Он был

близок к цели. Вскоре он оказался в просторной пещере с плантациями плюмшеня — ароматического корня, пряности, использовавшейся в кремах, помадах и снадобьях карантинцев.

Из полуоткрытого люка норы старика Артака вырывался яркий свет, заливая квадрат черной земли, лаская коричневые листья с развитой сетью прожилок, карабкаясь по шершавой передней стене и теряясь в непроницаемом мраке пещеры. Тишину нарушал легкий плеск воды. Жек задержал дыхание и рукавом вытер выступившие на лбу капли пота.

— Ты решился! — вдруг послышался приятный низкий голос.

Жек вздрогнул. Старый Артак вынырнул из темного угла и направился к нему, криво улыбаясь. Природа, похоже, всеми силами постаралась усложнить жизнь карантинцев. Облик людей был искорежен: ты пытался найти глаза подо лбом, а они оказывались по обе стороны носа в виде пятачка и сидели так глубоко, что было неясно, зрачки это или еще одна пара ноздрей. Невероятно подвижный рот растягивался до ушей, а те зачастую сидели на висках. Несколько седых, тщательно приглаженных волос не закрывали лысого черепа с провалами и шишками. Конечности были длинными и такими тонкими, что превращали хозяина в уродливого паука, подвешенного на паутинке. И было трудно назвать одеждой куски вытертой грязной ткани, сшитые между собой грубыми стежками.

Как и большинство карантинцев, Артак страдал бетазооморфией. Его далекие предки подверглись воздействию сильных радиоактивных ветров, и болезнь, поражая гены, передавалась из поколения в поколение. Однако уродливый облик старика чудом исчезал, стоило ему заговорить. Вся его красота крылась в голосе, голосе низком, теплом, обволакивающем. Звуки вытекали из его глотки, как самая чистая и ароматная вода источника, и лились потоком, который успокаивал, околдовывал и в который Жек с наслаждением окунался. Дети с поверхности, которые навещали его, совершенно не представляли, сколько ему лет, но называли «стариком Артаком». Карантинцы считали его маргиналом, трепачом, который должен был в конце концов запутаться в тех легендах, которые постоянно рассказывал.

Резкий свет в норе подчеркивал искаженные черты старика. Его костистые пальцы сомкнулись на плече Жека.

— Ты сбежал из дома, не так ли?

Жек подавил дрожь и кивнул.

— Ну что ж, это меня успокаивает! По крайней мере появился один, кто поверил в мои истории!

— Родители хотели отослать меня утром в школу священной пропаганды... — пробормотал Жек, едва не плача.

— А, срочный случай! Заходи в нору, там удобнее разговаривать.

Предательская мысль просочилась в голову Жека. А можно ли доверять старому Артаку? Вдруг все эти сказочные истории были лишь плодом работы извращенного, испорченного мозга сочинителя? Па Ат-Скин часто повторял, что многие карантинцы страдают острыми приступами шизофрении, видят и слышат вещи, которые на самом деле не существуют. Быть может, Найа Фикит, прекрасная сиракузянка, Шри Лумпа, оранжанин, и махди Шари из Гимлаев, три легендарных персонажа, которые сражались с армиями великой империи Ангов, тоже не существовали... Вдруг Жеку показалось, что невозможно избежать зубов гигантской ящерицы с Двусезонья, бросать вызов ментальной инквизиции и путешествовать с помощью мысли...

Артак увлек его в нору и велел сесть на табурет, высеченный из камня. Мебель у карантинца была сведена до минимума: еще два табурета, глиняный стол, несколько полок, выбитых прямо в скале, и матрас, набитый листьями плюмшеня, который лежал на полу. Большой световой шар, управлявшийся голосом и летавший под низким потолком, был единственной уступкой современности. В любое время года, в глубокую зиму, зиму или осень, в пещере царила приятная постоянная температура, хотя в ней не было атомных шаров-обогревателей.

— Полагаю, ты голоден и мучаешься жаждой, — сказал Артак.

Не ожидая ответа маленького гостя, он исчез во второй комнатке. На плечи Жека вдруг обрушилась невероятная усталость. Мышцы болели и настоятельно требовали своей порции сна. Родители приучили его рано ложиться спать, и он ощущал себя разбитым. Ему даже казалось, что дух его бродит вокруг окостеневшего тела. Образы и звуки скользили, словно сны.

— А вот этим можно подкрепиться! Ешь, ведь тебе пришлось уйти еще до начала дня. Как только родители известят полицейских, по твоему следу пустят обонятельный зонд.

Артак поставил перед Жеком поднос. Мальчик машинально схватил чашку. От обжигающего горького питья у него из глаз хлынули слезы.

— Быть может, я и сумел бы сбить с толку зонд, но полной уверенности у меня нет, — продолжил карантинец. — Ты окажешься в безопасности, только добравшись до облученной зоны...

Жек поднял испуганные глаза.

— Зараженной зоны?

— Это единственное место, куда полицейские никогда и ногой не ступят. Как, впрочем, и крейциане, наемники-притивы и скаиты! Но не беспокойся: ты не останешься там слишком долго, чтобы облучиться. Тридцать веков — большой срок, и наши друзья-атомы успели потерять бóльшую часть своей страшной силы.

— Но как же пройти... Плотный магнитный барьер...

Артак засмеялся, смех журчал, как музыка.

— Каждый день сотни карантинцев спокойно проходят из облученной зоны в Северный Террариум и обратно! Ни один магнитный барьер не может помешать крысам рыть под землей... Ты будешь первым анжорцем с поверхности, который пойдет по подземным путям. Великая честь... И это единственный способ тайно покинуть Ут-Ген: дерематы и регулярные рейсы кораблей контролируются скаитами-наблюдателями. Они читают мысли, словно перед ними лежит открытая книга. Оказавшись в запретной зоне, отправишься в город Глатен-Бат. Там спросишь, где стоит корабль видука Папиронда. Грабитель и убийца, но, если скажешь ему, что пришел от меня, он без труда доставит тебя на Франзию, планету в скоплении Неороп.

Если обычно речи Артака воспламеняли Жека, этой ночью они оказались ледяным душем. Быть может, потому, что старый карантинец всегда говорил о цели путешествия, но никогда не упоминал, с помощью каких средств можно достичь этой цели. Жек вдруг осознал, какие трудности его ожидали. Это походило на сказочный рисунок, который возникал в его голове, но карандаш в руках нарушал идеальный замысел. Мечту от реальности отделяла бездонная пропасть. Ему надо было не только отправиться в зараженную зону, но и встретиться с грабителем и убийцей, одним из тех бессердечных пиратов, которые зверствовали в космосе и о которых па Ат-Скин всегда говорил с ужасом во взгляде.

— На Франзии есть подпольные сети, которые обеспечивают переправку паломников на Мать-Землю, нашу родину, — продолжил Артак. — Там Найа Фикит, Шри Лумпа и махди Шари из Гималаев обучат тебя звуку безмолвия, звуку, который помогает избежать ментальной инквизиции и путешествовать с помощью мысли. Ты станешь воителем безмолвия, малыш Жек, одним из тех, кто будет способствовать приходу нового мира... Воитель безмолвия...

Он произнес эти два последние слова с бесконечной нежностью и уважением.

— Это только легенда! Ложь! — закричал Жек и яростно отодвинул чашку.

— А что это меняет? — спокойно возразил Артак. — Что, по-твоему, лучше? Верить в легенду или прозябать без всякой надежды? Я предпочитаю красоту сказки уродству некоторых истин.

— Тогда почему ты сидишь здесь?

Глаза старого карантинца вспыхнули ярким огнем.

— Ты даже представить себе не можешь, как бы мне хотелось оказаться на твоем месте, малышок с поверхности! — печально пробормотал он. — Но я не могу уйти. Более двадцати лет назад я был одним из местных корреспондентов абсуратского рыцарства.

— Чего?

— Ты никогда не слышал о Конфедерации Нафлина? О рыцарях-абсуратах? Хотя верно, это было до твоего рождения, до империи Ангов... Когда анжорцы с поверхности рыли под городом туннели для подземки, они с ужасом наткнулись на Террариум и обнаружили, что карантинцы несколько веков прожили у них под ногами. Они немедленно решили продолжить политику уничтожения, начатую тиранами Ультра-Здоровой Партии Ут-Гена... Но Ут-Ген тем временем был принят в Конфедерацию Нафлина, нечто вроде межпланетного правительства, следящего за равновесием властей. У меня нет времени все тебе объяснять. Знай только, что абсуратское рыцарство было тайным орденом...

Он вдруг замолчал, словно что-то его остановило. Он долго принюхивался к воздуху; и на его деформированном лице отразилось беспокойство.

— Проклятые крейцианe!.. Они ускорили дату! Кто-то нами манипулирует!

Он опрокинул табурет, обогнул стол и выскочил из норы. Удивленный Жек увидел, что он бежит прямо по грядкам черной земли, топча стебли плюмшеня. Его громадная тень отразилась на освещенной стене пещеры. Он исчез в галерее, ведущей к ответвлению.

Ожидая возвращения старого карантинца, Жеку не оставалось ничего другого, как хрустеть галетами, лежащими на подносе. Еще один способ обмануть накатывающийся сон. Потом он поразился странному поведению Артака, и его охватила гнетущая тоска. Нервничая, не в силах сидеть на месте, он

встал, в свою очередь, вышел из норы и сделал несколько шагов по пещере, стараясь не выходить за границы светового ореола. И тут в его ноздри проник щекочущий запах. Он походил на запах в парке, куда его водили отец и дядя в прошлом году. Па Ат-Скин изредка любил, как он сам говаривал, пощекотать хищника. Такие утехи предоставлялись лишь высшим социальным категориям, к которым относил себя его отец. Зверей импортировали, нумеровали, анестезировали, и они почти не сопротивлялись своему очередному охотнику, но выглядели настоящими хищниками с когтями и впечатляющими клыками, похожими на длинные кинжалы.

Топот ног оборвал его воспоминания. Он различил паукообразную фигуру Артака, который спешил к нему. Он задыхался, был бледным и согнулся так, что его руки почти касались земли.

— Не оставайся здесь, малыш Жек! Крейциане начали травить нас газом!

Вот откуда шел этот запах! Газ вытекал из патронов, которыми пользовались охотники в парке. «Мощный газ, самый эффективный, чтобы уложить зверя!» — говорил па Ат-Скин, вскидывая свой патронометатель. И этот газ сейчас использовали против нескольких миллионов карантинцев Северного Террариума и маленького анжорца с поверхности по имени Жек Ат-Скин.

Он застыл на грядке, испытывая невероятный ужас. И крепко зажмурился. Все это было кошмаром, и он вот-вот проснется в своей комнате. А потом они посмеются, когда он расскажет эту историю друзьям из Отх-Анжора. Он не сопротивлялся, когда старый Артак схватил его за руку и поволок к приоткрытому люку норы.

Глава 2

КЕРВАЛОР: нарицательное имя, мужской род. Указывает на человека, в мозг которого имплантирована автономная программа, заставляя совершать действия, не зависящие от его воли. Расширительно: предатель, изменник. Этимология: Марти де Кервалор, потомок знатной сиракузской семьи и член тайного движения Машама, стал орудием манипуляций сенешаля Гаркота в так называемый период Террора Экспертов. Позже отчаяние привело его к самоубийству. Многие историки шариенской эры ста-

вят его существование под сомнение и считают, что речь идет о фиктивном персонаже, придуманном первыми воителями безмолвия. Однако археологи нашли на Матери-Земле скелет, который биологи идентифицировали как останки Марти де Кервалора.

Универсальный словарь живописных слов и выражений.
Академия живых языков

Марти де Кервалор рассеянным взглядом наблюдал за полетом лож придворных — белых, богато украшенных шаров с балконом, которые парили в громадном зале официальных приемов дворца Аргетти Анга. Они выплывали из светящегося зева четырех коридоров и несколько секунд беспорядочно кружились в двух метрах над паркетом из бело-золотистого опталия.

Стоящие у пультов церемониймейстеры в парадных нарядах — пурпурные облеган и капюшон с позументами из серебристого опталия, серые перчатки, черная треуголка, усыпанная лунными камнями, — стучали по клавишам консоли, встроенной в стойку из драгоценных пород дерева, а центральный мнемодиск размещал ложи в соответствии с происхождением и заслугами гостей. Они беззвучно взлетали к потолку, украшенному голографическими звездами, двигались по более или менее длинным параболам в зависимости от назначенного пути, проскальзывали между уже застывшими ложами и останавливались в точке, выбранной программистом. И превращались в своеобразный подвесной амфитеатр, проходы в котором постепенно заполнялись опоздавшими.

Самые нижние ряды, застывшие ближе к центральной сцене, были равномерно окрашены в пурпурные и фиолетовые цвета. То были ложи священнослужителей, кардиналов крейцианской Церкви в традиционных фиолетовых накидках и пурпурных облеганах. Они то и дело обменивались кодированными жестами, используя руки, пальцы и губы. Понять их переговоры могли только редкие посвященные.

Промежуточные ряды занимали самые знатные семейства Сиракузы: Вангувы, Флели, Блоренары, Ароисты, Фарты, Кервалоры, Ван Буры... Веками раньше именно их предки опрокинули ненавистный Планетарный Комитет и восстановили гегемонию знати... Равные Марти де Кервалору... Придворные, исполненные грации и скуки, которые проводили первую половину жизни в попытках понять правила этикета, а вторую — в попытках их соблюсти. Разочарованные, пустые, суетные мужчины и женщины. Хвастуны, знатоки процедур, бедолаги, ко-

торых отправила в чуланы истории новая империя Ангов. Разлагающийся мир...

В полумраке лож с гербами предков угадывались напудренные бледные и мрачные лица, красоты которым не придавали светящиеся водяные короны и пара-тройка положенных по регламенту локонов. Марти де Кервалор ненавидел компанию самых знатных придворных (в том числе и собственных родителей). Пресловутый контроль эмоций, автопсихозащита, давно превратился в безразличие, больше похожее на простое отрицание жизни.

Верхние ложи отличались более яркими нарядами, самыми богатыми тканями, самыми вызывающими драгоценностями, самым контрастным макияжем. Их занимали представители профессиональных гильдий, военные, врачи, ученые, транспортники, промышленники, художники, артисты, воспитатели, торговцы, ремесленники, помещики — все те, кто не принадлежал к знати по крови. Все они возвысились благодаря работе, уму или бесчестью и, вероятно, считали, что, выставив напоказ богатство, облагораживали свое посредственное происхождение, но добивались лишь одного: походили на хохлатых павлинов в момент брачных церемоний.

Роскошный спектакль не мог погасить скуки Марти де Кервалора. Вот уже три года, как его отец, уважаемый Бурфи де Кервалор, заставлял его присутствовать на церемониях 22 фрациуса. Первое официальное представление Марти к венисианскому двору было для него радостью, но после первых восторгов праздники по случаю годовщины коронации императора Менати скоро превратились в удручающую обязанность. Бесконечные речи и официальные спектакли быстро приелись двадцатилетнему экзальтированному парню.

Марти бросил быстрый взгляд налево: сидя на удобной скамье семейной ложи, его родители тихо переговаривались. Длинными тонкими пальцами в белых перчатках мать держалась за витые стойки ограждения. О чем они говорили? Скорее всего о мелких деталях этикета... О положении их ложи по отношению к ложам других знатных семейств... О последних проделках императрицы, непредсказуемой и жестокой дамы Сибрит... Об эффективности мыслехранителей... О новых ментальных программах сенешаля Гаркота... Придворные сплетни...

Знай они тайны и подпольную деятельность собственного сына, их ментальный контроль, которым они так гордились, разлетелся бы на мелкие осколки.

Вдруг внутренности Марти сжались от беспокойства. Отчаянно нуждаясь в спокойствии, он глянул в сторону белого неподвижного бурнуса своего мыслехранителя, который сидел вместе с четырьмя мыслехранителями родителей на задней скамье ложи. Марти ни при каких обстоятельствах не расставался со своим охранником. Тот позволял ему возделывать и скрывать от других тайный сад, где пышным цветом разрослись отравленные сорняки, источавшие пьянящий аромат мятежа. Родители наняли ему самых лучших воспитателей, специалистов, за которыми охотились все знатные семьи, платя им бешеные деньги. Они хотели сотворить сына по своему подобию, отполировать его, превратить в идеального придворного, одного из тех напыщенных бездельников, которые проводят большую часть своего существования, появляясь на приемах, спектаклях, церемониях, вечерах, официальных собраниях и занимаясь тайными интригами.

Марти де Кервалор и его друзья по подпольному движению Машама («исток» на старом сиракузском), такие же молодые знатные люди, имели иные мысли по поводу будущего. Они категорически отказывались быть безмозглыми пернатыми, чирикающими на птичьем дворе. Под защитой мыслехранителей и во тьме вторых ночей мятежники Машамы пытались возродить древние ценности, воинские добродетели сиракузян времен завоевания.

Последние ложи заполнили свободные места. Теперь они теснились на тридцати уровнях. Верхние ряды терялись среди четырехмерных звезд потолка, рядом с камерами головидения и светошарами. В зале официальных приемов дворца собрались самые влиятельные люди империи Ангов: кардиналы-наместники из епископского дворца, кардиналы-губернаторы двухсот крупнейших планет, знатные семейства, хранители этикета и традиций, высшие офицеры полиции (большей частью бывшие наемники-притивы), императорские советники, представители профессиональных гильдий, крупнейшие артисты, певцы, художники, музыканты, скульпторы, танцоры, голозионщики... Каждого, в зависимости от исполняемых функций и средств, сопровождали мыслехранители — один, два, три или четыре, — сидевшие на задних скамьях лож.

Церемониймейстеры отошли в стороны от центральной сцены — эстрады, украшенной подвижными голографическими арабесками. Светошары потускнели и погасли. Зажужжали камеры головидения.

Огромное помещение погрузилось в полумрак, который разрывали вспышки светящихся фонтанов на полу. Мощные прожектора выхватили из мрака центральную сцену.

В задней стене открылась дверь, пропустив сенешаля Гаркота в ярко-синем бурнусе с черной отделкой. В зале приемов немедленно повисла мертвая тишина. Сенешаль подошел к краю эстрады и замер перед ложами. Ткань бурнуса всегда полностью закрывала его голову, когда он появлялся на публике, что случалось все реже. Его глаза сверкали из-под низко опущенного капюшона. Марти де Кервалор никогда не имел чести видеть лицо Гаркота и был готов передать сию привилегию другим: он однажды заметил лицо своего мыслехранителя, чей капюшон случайно соскользнул на плечи, и его ужаснул чудовищный вид скаита: зеленая шершавая кожа, лысый череп с провалами, глаза навыкате и без зрачков. Марти не понимал, как сиракузяне доверили ключи собственной судьбы этим карикатурам на человека. Движение Машама будет без устали бороться за изгнание всех скаитов Гипонероса с территории Сиракузы и ее спутников.

О сенешале Гаркоте было мало известно. Скрытное, даже таинственное существо. Его видели только во время официальных церемоний, закутанным в неизменный ярко-синий бурнус. Он всегда выглядел неподвижным, непроницаемым, загадочным. Поговаривали, что программа развития стирателей, скаитов, которые промывали мозг человека и записывали в него новую программу, занимала все его время. Утверждали, что именно он казнил сеньора Ранти Анга, стал героем битвы при Гугатте, когда был полностью уничтожен орден абсуратов, столп бывшей Конфедерации Нафлина... Шептались, что он вступил в заговор с муффием Барофилем Двадцать Четвертым, чтобы сместить коннетабля Паминкса и способствовать сближению Менати с его невесткой, дамой Сибрит... Отделить правду от вымысла в этих слухах было невозможно. Некоторые придворные утверждали, что Гаркот сам был вульгарной марионеткой в руках дергающих за ниточки властителей Гипонероса. Но им возражали, что существование Гипонероса еще никому не удалось доказать... Однако Гаркот по-прежнему исполнял самые важные функции во дворце Аргетти Анг, занимая ключевой пост, на который претендовали знатные семьи, возмущенные тем, что империей управлял паритоль, чужак, хуже того, даже не человек. Именно сенешаль Гаркот создал на всех мирах сеть ментальных вышек, высоких башен, на вершине которых постоянно дежурили скаиты-часовые, обязанные выявлять возможные сбори-

ща еретиков или оппозиционеров. Даже Венисия, сиракузская столица, ставшая столицей вселенной, насчитывала сорок два таких уродливых сооружения. Сорок два оскорбления, нанесенных вкусу сиракузян, сорок два провала в ритме архитектурной симфонии города.

Вслед за Гаркотом по ярко освещенной эстраде проследовал муффий Барофиль Двадцать Четвертый. Он, переваливаясь на старческих ногах, прошел в противоположный угол. Казалось, он испытывает огромные затруднения, придавленный весом тиары понтифика, высокой конической шапки из бархата, усыпанной огромными геммами. Он шел медленно, пошатываясь, сгорбившись, укрытый умелыми складками просторного белого одеяния. Сеть глубоких морщин (поговаривали, что он перенес двадцать одну пластическую операцию на лице и ему сделали пересадку пятнадцати человеческих эмбрионов) покрывала его скукоженное, крохотное личико. Он жил в самой высокой башне епископского дворца в окружении двадцати мыслехранителей и двухсот телохранителей. Он покидал крепость в сопровождении своей армии только для нанесения еженедельных визитов императору и сенешалю. Подозрительность лицемерного старца была близка к паранойе. Он боялся всего, всех, а главное — кардиналов. И был прав: трон понтифика Церкви Крейца был одним из самых завидных в империи Ангов. Непогрешимый Пастырь был властелином спрута со ста миллионами щупальцев: кардиналов, экзархов, викариев, служителей культа, инквизиторов, посвященных, послушников, учеников школ священной пропаганды... Крейцианство было провозглашено официальной религией (иными словами, обязательной) в империи Ангов, а верующих теперь в ней состояло несколько сотен миллиардов душ. Оборотная сторона медали: коридоры епископского дворца стали местом непрекращающихся войн за наследство муффия. Барофиль Двадцать Четвертый правил с высоты своего крепостного донжона, связанного с остальной вселенной каналами головидения и приемопередатчиками кодированных сообщений его собственной агентурной сети. Его главной заботой было принятие карательных мер против кардиналов и экзархов, плетущих заговоры. За время его долгого правления количество огненных крестов невероятно умножилось. До такой степени, что испытывающие муки тела еретиков стали обычным украшением городских тротуаров.

Марти де Кервалор был воспитан в строгих канонах крейцианства, но еженедельно посещал храм во время службы только ради того, чтобы не возбуждать подозрений. Вмес-

те с друзьями, членами Машамы, он практиковал оккультные языческие ритуалы, варварские и беспощадные, которые возбуждали и пугали. Его друзья исповедовали возврат к животному миру, к инстинкту выживания, призывали к священному союзу по крови, воссоздавали ценности воинов и героев, гордых сиракузян прошлых времен. И эти церемонии вызывали возвышенные чувства, которых так не хватало в наставнических и помпезных проповедях угрюмых служителей крейцианского культа.

Наконец на центральной сцене появилась императорская чета. Император Менати в нескончаемой тоге, в облегане цвета индиго, усыпанном бриллиантами, в такого же цвета шапке с белым кругом и позолоченной короной с тремя ветвями, символами империи Ангов. Бледное загримированное лицо, губы темно-синего перламутрового оттенка, который называли «лаской ночного поцелуя». Квадратное лицо, обрамленное двумя завитыми черными локонами, склонное к одутловатости. Его темные глаза сверкали из-под полоски выщипанных бровей. Рядом с ним шествовала дама Сибрит, первая дама империи, облаченная в серебристый облеган и капюшон из живой ткани с меняющимся рисунком. Единственный, серый и прямой, локон выбивался из-под яркой водяной короны, тянулся вдоль виска и щеки, уходя под подбородок.

Красота императрицы всегда восхищала Марти, даже если две морщинки у ее губ были наполнены горечью, даже если ее щеки утеряли округлость невинности, даже если ее тонкие черты с годами становились все тверже. Он желал даму Сибрит с неподвластным ему неистовством. Она питала самые разнузданные фантазии одинокого молодого человека, и он был готов пожертвовать жизнью, чтобы душой и телом погрузиться в светлые воды ее голубых глаз.

Ее описывали как женщину жестокую, обуреваемую фантазиями, полубезумицу. Ее фрейлины клялись, что она соглашалась воздавать почести своему августейшему супругу только при условии, что он приносил ей в жертву придворного или придворную. Сплетни? Выдумки? Неизвестно... Сыновья и дочери знатных семей исчезали при загадочных обстоятельствах, а сыщики-роботы, отыскивающие людей по клеточным отпечаткам, оказывались отключенными в коридорах дворца, где начинали свои поиски. Даже самые знатные придворные испытывали восхитительный страх при мысли, что могут стать очередной жертвой заклания на алтаре императорской любви... Будучи провинциалкой, дама Сибрит ненавидела венисийцев, которых считала глупыми, тщеслав-

ными, смешными (тем прекраснее она казалась Марти де Кервалору). Придворные питали к ней жгучую ненависть, которую умело скрывали под маской контроля эмоций. Женщины были самыми жестокими: они не простили маленькой провинциалке, что она монополизировала внимание императора и он не бросал на них ни единого взгляда, даже презрительного. Они мстили, распространяя самые непотребные сплетни о своей императрице. Кто-то якобы видел ее совершенно обнаженной, когда она резвилась в ванне, наполненной кровью молодых знатных юношей... На следующий день ее заставали в объятиях пяти или шести гвардейцев... Днем позже узнавали среди служителей еретических и оргазмических культов (если только сами не участвовали в них. Иначе Марти не понимал, где эти гадюки могли раздобыть подобную информацию).

Хотя слухи не покоились на конкретных фактах, они пятнали честь императора. Тот, кто умел расшифровывать язык придворных с его тройным или четверным подтекстом, улавливал скрытые упреки в адрес императора Менати: осуждалась его слабость, бичевалось тлетворное влияние его супруги. Абсолютного владыку вселенной жалели, поскольку он уступал малейшему капризу своей беспардонной провинциалки. Именно она завязывала и развязывала узелки союзов между знатными семьями, дирижировала взлетами и падениями, милостью и немилостью. Придворные даже опускались до презрения к императору, которому приходилось лавировать между тремя такими монстрами, как сенешаль Гаркот, муффий Барофиль Двадцать Четвертый и дама Сибрит. Младшего Анга знали как человека гордого, скрытного, мужественного. С его наглостью, бесцеремонностью, суровостью свыклись, а теперь приходилось иметь дело с тряпкой, марионеткой, тенью былого властителя. Он все больше сутулился, становился грузным, терял благородную осанку, словно ради императорства ему пришлось пожертвовать своим величием сеньора.

Придворных, в основном хранителей генеалогического древа Ангов, старых маразматиков, чьей единственной задачей было добавление новых имен в официальный дворцовый реестр, волновала еще одна тема: дама Сибрит пока еще не дала наследника императору Менати. Мало того, что она отказывалась носить ребенка, поскольку ни одна высокопоставленная дама не соглашалась, чтобы беременность отвратительно искалечила ее плоть, — императрица упрямо отвергала все попытки взять у нее созревшие овулы. Дамы из ее ближайшего окружения говорили всем, кто соглашался их выслушать (а таких было нема-

ло), что императрица, которой исполнилось тридцать девять лет, была способна к зачатию: ведь она регулярно принимала химические препараты, которые удаляли дурную кровь месячных. Они даже потребовали аудиенцию у Менати, чтобы поделиться своим беспокойством и вынудить его призвать императрицу к исполнению долга. Он рассеянно выслушал их и твердым голосом, исключающим любые возражения, ответил, что дама Сибрит будет иметь детей, если сама того захочет. И двор в раздраженном смирении ждал, пока провинциалка пожелает иметь ребенка.

Император Менати остановился в центре сцены, а дама Сибрит застыла чуть позади него. В отличие от гостей, с удобством разместившихся в ложах, императорская чета, сенешаль и муффий будут стоять, пока не окончатся официальные речи, помпезные оды и здравицы в честь империи Ангов. Включился микрофон, висящий в нескольких сантиметрах от губ Менати и соединенный с наушниками всех приглашенных. Марти де Кервалор ощутил характерное потрескивание в левом ухе. Где-то в других ложах сидели соратники Марти, которым также не удалось отвертеться от ненавистного обряда. К счастью, после захода солнца Сапфир и наступления второй ночи их ждали веселые и пьянящие забавы. Они отпразднуют шестнадцатую годовщину воцарения Менати по-своему: пожертвовав суровым богам античного сиракузского пантеона светлую кровь девственницы, которую купили на рынке рабов.

— Приветствую всех гостей...

С высоты, на которой располагалась семейная ложа, Марти казалось, что император вселенной был миниатюрной голографической репродукцией. Молодой придворный расслышал в твердом и низком голосе отголоски усталости.

— Вот уже шестнадцать стандартных лет, как империя Ангов подхватила эстафету Конфедерации Нафлина и на трехстах семидесяти семи планетах и спутниках двухсот сорока известных звездных систем царит *pax imperatorial*... Шестнадцать лет императорского мира, когда Истинное Слово, Слово Крейца...

За этими словами последовал длинный и традиционный панегирик муффию Барофилю Двадцать Четвертому, по окончании которого Бурфи де Кервалор наклонился и прошептал на ухо сыну:

— Дни старого сатрапа сочтены...

— Откуда вы это взяли, отец? — удивился Марти. — Император поет ему дифирамбы!

Снисходительная улыбка тронула перламутрово-розовые губы Бурфи.

— Вам надо еще многое узнать о тонкостях придворного языка, Марти...

Именно этого мы и не хотим, подумал юный Кервалор. *Ваш придворный язык, ваши манеры, ваши наряды, ваш грим, ваша легкость, ваше лицемерие... Мы существа из плоти и крови, потомки зверей, мясоедов, хищников, жаждущих крови и побед... Мы не боимся своих низких инстинктов, наших экскрементов, как их не боялись наши славные предки, мы не остановимся, когда понесем смерть и огонь разрушения...*

— Ну что, Марти? — спросил Бурфи, поразившись яростным огонькам ненависти, вспыхнувшим в черных глазах сына и буквально осветившим полумрак ложи.

Марти поспешил наладить контроль эмоций и состроил безмятежное выражение лица.

Быть может, вы правы, отец. Некоторые тонкости языка ускользают от меня...

Солнце Сапфир уходило за горизонт, расплескивая водопады синих и фиолетовых лучей. Контуры необъятного парка, окружавшего дворец Аргетти-Анга, тонули в складках наступающей ночи. Слабые лучи светошаров отражались от белых гемм прямых аллей, на тротуарах которых выстроились ряды лож придворных.

Возведенный на одном из семи холмов Каракаллы, императорский дворец возвышался над кварталом Романтигуа, историческим сердцем Венисии. С самой высокой террасы виднелись широкие аллеи в обрамлении освещенных пальмин, фонтан из розового опталия на центральной площади с его легендарным бестиарием, мраморные мосты, элегантно перешагивающие через ленивые протоки Тибера Августуса, торговые и туристические галиоты, бесшумно скользящие по темному зеркалу вод... Сказочная панорама, которую нарушали безобразные башни ментального надзора. Отвратительные серые вышки, которые венчали освещенные будки надзирателей, походили на сорняки, пошедшие в бурный рост после ядерно-фотогенного дождя.

22 фрациуса объявили вселенским праздником, и венисийцы, наслаждаясь прохладой вторых сумерек, теснились вокруг многочисленных эстрад центральной площади, на которых шли разнообразные спектакли.

Час развлечений еще не настал для Марти де Кервалора. Вначале следовало принять участие в неизменном ритуале приветствия императорской четы, которая появилась на террасе вместе с сенешалем и муффием. Зажатая щупальцами при-

дворного спрута, семья Кервалор и их мыслехранители продвигались вперед с раздражающей медлительностью. Придворные, кардиналы, делегаты, артисты стекались к широко открытым вратам дворца, тянулись по аллеям парка. Они образовывали плотную цветную и шумную стену, которая окружала суверенов. Люди, как мухи у падали, роились перед императором в надежде получить улыбку, слово, обещание. Накрашенные губы застывали в искривленной усмешке, глаза метали ядовитые взгляды, горели ненавистью и презрением. Толпу раздирали встречные потоки. Ревностно оберегая свои прерогативы, знатные семьи пытались разорвать пурпурно-фиолетовую волну кардиналов, которые теснились вокруг муффия, почти накрывая синюю мантию императора. Шелковые подошвы нервно топтались по плитам голубого мрамора, накидки, плащи и бурнусы сливались в одну массу, по напудренным лицам текли некрасивые ручейки пота, образуя глубокие морщины. Отовсюду слышались вздохи, стоны, едкие оскорбления, фразы с тройным и четверным подтекстом, расцветавшие ядовитым цветом. Тот, кто добирался до цели, старался пошире расставить ноги и как можно дольше привлекать к себе внимание суверенов, словно длительность беседы имела ценность официального признания. Каждый угодливо кланялся, восхищался речью императора, превозносил красоту дамы Сибрит, все жеманничали, гримасничали, торопились высказаться, выпрашивая благосклонность, престижный пост, почетную обязанность.

Привыкший к придворной суете, крепко держа супругу и сына за руки, Бурфи де Кервалор плыл в этом бурном море с безмятежным спокойствием капитана корабля, сражающегося со звездной бурей.

Марти обеспокоенно поглядывал на хрустальные куранты, украшавшие монументальные врата. Он переживал, дождутся ли его друзья. Ему вдруг захотелось выхватить кинжал и до гарды всадить его в спины этих пернатых с птичьего двора.

И вдруг ощутил что-то холодное, волнами проникавшее в его мозг. Он дважды или трижды тряхнул головой, пытаясь отогнать неприятное ощущение. Но ледяная волна не уходила, а, наоборот, разворачивалась в его голове. Словно чужеродное тело медленно овладевало им изнутри. Перепугавшись, он обернулся, ища взглядом своего мыслехранителя. Увидел белые капюшоны, слившиеся в одну массу в нескольких метрах позади, но не знал, есть ли среди них его личный мыслехранитель. Он почувствовал себя беззащитным, уязвимым, окруженным множе-

ством неощутимых опасностей. Инквизиторы, растворившиеся в толпе, могли безнаказанно копаться в его оставшемся без охраны мозгу. Он почувствовал под облеганом потоки холодного пота. Попытался собрать все ресурсы ментального контроля, чтобы не броситься со всех ног в бегство, словно вор под покровом второй ночи.

Холодное щупальце исчезло столь же внезапно, как и появилось. Марти с облегчением вздохнул, решив, что стал жертвой легкого недомогания. И с издевкой обругал самого себя: гордый и кровавый сиракузянин времен завоевания не стал бы паниковать при столь незначительной тревоге.

Легкое давление отцовских пальцев на предплечье вырвало его из состояния отупения. Он вдруг увидел, что они стоят перед императором и его супругой, дамой Сибрит. Он смущенно выполнил реверанс: шаг назад и глубокий поклон. Выпрямившись, он заметил огоньки в голубых глазах дамы Сибрит. Ему пришлось напрячься, чтобы устоять от беспорядочного напора толпы.

Он почти не слышал слов, которыми император обменивался с его родителями. Ему показалось, что Менати поздравлял его отца с исследованиями — наверное, намекал на историческую голографическую энциклопедию, к созданию которой приступил Бурфи де Кервалор, — и уверял, что существенно увеличит ему финансовую помощь.

Очарованный и околдованный Марти не мог оторвать взгляда от глаз дамы Сибрит. И она смотрела на него с непонятным пылом. Ее прекрасные голубые глаза словно адресовали ему немое предупреждение. Он колебался, как поступить: покорно опустить голову и тупо разглядывать мраморный пол или бесстрашно принять жаркую, несущую смятение ласку ее глаз. Он избрал второе: не каждый день возникает возможность оказаться рядом с императрицей вселенной, женщиной его тайной мечты, и насладиться ее красотой. Он впитывал в себя ее облик: высокий и округлый лоб дамы Сибрит, ровные дуги выщипанных бровей, тонкий и прямой нос, деликатные очертания полных губ, тонкие линии шеи. Под приоткрытыми полами плаща угадывались очертания вздымающейся под облеганом груди.

Она долго и внимательно разглядывала его. Ее высокомерное лицо подернулось легким налетом боли. В ее красоте крылось что-то трагическое. Она не улыбнулась, повернувшись к родителям Марти, а приветствовала их сухим кивком головы. Потом вдруг повернулась и заговорила с Алакаит де Флель, своей верной компаньонкой. Вызывающая манера публичного оскорбления

и презрения к собеседникам. Остальные придворные, от которых не ускользнула немая сцена, в душе порадовались немилости Кервалоров, одной из знатнейших семей Сиракузы.

Окаменевший Марти спросил себя, не оскорбил ли даму Сибрит, не отведя взгляда. Хотя мог поклясться, что она не хотела причинять ему вреда, а только собиралась о чем-то предупредить, передать ему тайное послание. Но с какой целью? По каким причинам императрица вселенной могла интересоваться им?

— Нам было бы приятно, чтобы вы попрощались с семьей Кервалор, дама моя, — сухо бросил Менати.

Дама Сибрит вначале сделала вид, что не расслышала приказа августейшего супруга. Обеспокоенные и уязвленные родители Марти ожидали снисхождения провинциалки, стараясь устоять под напором шумной толпы, которую с трудом сдерживала охрана. Такой беспорядок мог бы быть опасным для императорской четы, но на балконах, в аллеях парка, за каждой колонной террасы прятались элитные убийцы и специальные инквизиторы, обеспечивающие ментальную защиту. Малейшее желание покушения тут же засекалось и наказывалось либо немедленной смертью, либо долгой агонией на огненном кресте.

Дама Сибрит наконец подчинилась требованию Менати. Она быстро обернулась, смерила Кервалоров равнодушным взглядом, и с ее поджатых губ слетело несколько слов:

— Мои сны... Они никогда меня не обманывают... Пусть вторая ночь даст вам нужный совет...

После этих загадочных слов она наклонила голову, давая понять, что беседа закончена.

Напор толпы бросил Кервалоров к синему бурнусу Гаркота. Перед сенешалем почти никого не было. Несколько представителей профессиональных гильдий, скаиты-ассистенты в пурпурных или ярко-зеленых бурнусах, кардиналы с лицами и обликом заговорщиков...

Обычно Кервалоры проходили мимо, ибо им нечего было сказать сенешалю, нечеловеческому существу, прибывшему из мира, которого не было на голографических картах вселенной. Но сейчас Бурфи де Кервалор и его жена ощутили настоятельную потребность сделать его своим союзником: по неизвестной причине (оговор, ревность, интриги) они попали в немилость дамы Сибрит. Они отчаянно пытались понять скрытый смысл слов императрицы, но пока не знали ключа к ее словам. Но тут же поняли, что одной поддержки императора Менати будет мало. То, что желает эта женщина...

Кервалоры прорвали редкую цепь делегатов и кардиналов и церемонно склонились перед сенешалем. Сухой кивок просторного синего капюшона был ответом на их реверанс. Марти надеялся, что эта беседа будет короткой: он спешил встретиться с друзьями в тайном убежище Машамы. К тому же ощущал себя неловко в присутствии сенешаля. Телепатические способности скаитов, известные ему по словам других, подавляли и страшили его. Он бросил быстрый взгляд назад и немного приободрился, заметив привычные и успокоительные силуэты пяти семейных мыслехранителей.

— Сир де Кервалор, почему я удостоился чести вашего визита? — осведомился Гаркот.

Как и у всех скаитов, у него был металлический, обезличенный голос. Но чуткое ухо улавливало иронические нотки в его низком, звенящем тембре.

— Только удовольствие приветствовать вас, ваше превосходительство, — ответил Бурфи де Кервалор.

Он собрал все силы, чтобы восстановить контроль эмоций, нарушенный загадочными словами дамы Сибрит, но его застывшая улыбка, как и улыбка жены, больше походила на гримасу.

— Редкое удовольствие по нынешним временам... — обронил сенешаль.

— Вам лучше знать, что время течет у нас меж пальцев, ваше превосходительство, — возразил Бурфи. — Вам, несомненно, известно, что я предпринял создание исторической голографической энциклопедии. Эта работа требует всей моей энергии.

Гаркот немного помолчал. Ему не надо было прибегать к чтению мыслей собеседника, чтобы понять, почему он пришел к нему: за поддержкой и деньгами, увеличением императорского содержания. Знатные семьи держались высокомерно, но их кошельки были пусты, и им приходилось вымаливать подачки, чтобы вести привычный образ жизни. Историческая энциклопедия Бурфи была лишь предлогом. Плохим предлогом.

Из трех человек, застывших перед ним, сенешаля интересовали не родители.

— Будьте уверены, ваш проект нас интересует, сир де Кервалор. Кому-то надо воссоздать историю великой империи Ангов, и никто, кроме вас, не справится с этой задачей лучше.

— Благодарю вас за доверие, ваше превосходительство...

Пока его родители раскланивались во второй раз, что Марти счел унизительным — не стоило знати кланяться перед скаитом Гипонероса, — он вновь ощутил в голове ледяное шу-

пальце. Несколько мгновений он четко ощущал чужую мысль, пробравшуюся в самые отдаленные закоулки его мозга. А ведь его мыслехранитель должен был установить непроходимый барьер. *В любой час дня и ночи я буду защищать мысли своего господина...* Марти вдруг испугался, что их мыслехранители не были знакомы с кодексом чести, кодексом, созданным бывшими смелла Конфедерации Нафлина. Что было известно о скаитах? Да и представляло ли понятие чести какую-либо ценность для них?

Внезапная тошнота охватила Марти, оставив во рту привкус желчи. Ноги его задрожали, подкосились, могучие челюсти сжали его грудь. Формы, цвета и звуки закружились в вихре, рассыпались, растворились в темной синеве небесного свода, усыпанного звездами. Ему пришлось собрать последние остатки энергии и воли, чтобы не потерять сознание. Словно его тело и дух пытались избавиться от невидимых пришельцев. Ему показалось, что из синего бурнуса сенешаля доносится сардонический смех. Быть может, Марти начал сходить с ума.

Он едва сообразил, что родители увлекают его к краю террасы. Оказавшись лицом к парку, он склонился над балюстрадой и сделал глубокий вдох. Голос матери доносился до него словно через толстый слой воды.

— Не хотите, чтобы вас осмотрели дворцовые врачи? У вас, похоже, началась лихорадка...

— Мама, сезон вируса лихорадки еще не настал... — пробормотал Марти, выпрямляясь. — Недомогание... просто недомогание... Я уже чувствую себя лучше.

Она коснулась его плеча. Этот жест разозлил его, как все, что исходило от родителей.

— Идите домой и отдохните. Вы переутомились...

— Мудрый совет, мама, — поспешил он согласиться.

Хоть раз ему не придется придумывать нелепую историю, чтобы оправдать свое исчезновение.

Он в последний раз окинул взглядом освещенные колонны по фасаду императорского дворца, верхнюю террасу, где толкались придворные, делегаты, кардиналы, тучи слуг в черных облеганах и ливреях... Чрезмерно возбужденный и жужжащий улей, в котором неподвижные бурнусы скаитов-мыслехранителей или ассистентов были единственными точками покоя. Вторая ночь накрывала парк своим темным саваном. Светошары и иллюминация на деревьях, которые покачивались под легким ветерком, образовывали световые арабески над темными аллеями.

Два первых из пяти ночных спутников уже пускали на го-

ризонте свои оранжевые стрелы. Вдали виднелись освещенные улицы и площадь Романтигуа, сверкающие берега и воды Тибера Августуса, светлые шары на вышках надзирателей.

Невероятная волна грусти вдруг нахлынула на юного Кервалора. Он уже оправился от недомогания, которое охватило его перед сенешалем, но зрелище Венисии, просыпающейся с началом второй ночи, наполняло Марти безграничной печалью, словно он видел все в последний раз. Он ощущал ностальгию, душевный разрыв, чувство расставания, и это болезненное кровоизлияние души не было вызвано действием вируса. Он резко отвернулся, чтобы спрятаться от инквизиторских взглядов родителей, тряхнул головой и плечами, пытаясь отогнать зловещую птицу-пророчицу, вцепившуюся когтями в его плоть, и решительно бросился в толпу придворных.

В сопровождении мыслехранителя он прошел вдоль балюстрады террасы, заметил нескольких знакомых, которые кивнули ему, сжав губы, вошел в длинный гравитационный коридор, который доставил его прямо в прозрачный транспортный купол, где стояли личные кары и остальной транспорт.

Кар Марти летел над окраинами Венисии, тонувшими в непроглядной черноте. Виллы и здания выглядели бесформенными массами, съеденными тьмой, а Тибер — извилистой и бездонной пропастью. Подвижные фонари и такси встречались все реже.

Марти указал координаты скоростного коридора, и кар разрезал воздух с пронзительным свистом. Словно забыв о правилах безопасности, он не нажал кнопку автопилота. Ощущение скорости пьянило, казалось, будто он сам управляет полетом. Позади него, на пассажирском сиденье, бодрствовал мыслехранитель в белом бурнусе.

Марти наконец чувствовал себя свободным. Лезвие кинжала (отличного стального кинжала, украденного в семейном музее), спрятанного под облеганом, жгло кожу. Ему хотелось вонзить его в живую трепещущую плоть. Им двигали дикарские импульсы, тот самый животный инстинкт, который не удалось подавить даже воспитателям, готовившим его к поприщу придворного.

Он заметил верхние грани древней триумфальной арки, арки Беллы Сиракузы, укрытой пышной растительностью. Подпольное движение Машама выбрало арку символом и постоянным штабом. Арка располагалась в стороне от жилых районов, и последние два века ее никто не обслуживал. А ведь она была возведена во славу Сиракузы, легендарного звездоплава-

теля, открывшего планету и основавшего город Венисию. Сеньоры Анги проявили больше забывчивости и пренебрежения, чем члены Планетарного комитета: хотя комитет был сторонником террора и уничтожил множество знатных семейств, но охранял арку и чтил память Беллы Алоиза Сиракузы.

Пальцы Марти быстро набрали секретный код на консоли волнофона. Через несколько секунд в динамике послышался гнусавый голос:

— Пароль.

Марти наклонился к микрофону.

— М.К., кодовое имя: Атама...

— Мы ждем тебя, прекрасная душа*, — произнес голос с едва сдерживаемым возбуждением. — Ты последний. Демоны Варадхи с нетерпением ждут жертвоприношения.

Марти начал медленно снижаться над аркой. На плоской крыше сооружения открылись металлические створки и образовался большой прямоугольник яркого света. Система автоматического открытия была разработана и сделана Эммаром Сен-Галлом, сыном главы Межгалактической Транспортной Компании. Эмара назначили в движении Машама главным техником.

Кар выбросил посадочные опоры, медленно проскользнул в отверстие и сел на бетонную площадку среди других аппаратов разных размеров и форм. На некоторых из них блестели гербы предков владельцев. Светошары бросали отблески на покрытые мхом стены просторного зала.

Пока створки закрывались, пряча звездное небо, Марти с мыслехранителем выбрались из кара через боковой люк. В сопровождении светошара они направились к спусковой шахте и встали на круглую металлическую платформу. Она покачнулась и с шорохом понеслась вниз вдоль гладких стен шахты, устроенной Эммаром в одной из опор арки. Через две минуты они достигли древнего склепа, где движение Машамы организовало свой штаб.

Платформа опустилась прямо на плиты пола сводчатого помещения с опорными колоннами, едва освещенными бра.

Все они, гордые воины новой эры завоевания, собрались здесь: полсотни молодых людей, юношей и девушек с серьезными лицами, которые горели лихорадкой заговорщиков. Наставник Юриус де Фарт, техник Эммар Сен-Галл, вдохновительница Аннит Пассит-Паир, интеллектуал Ромул де Блоренаар, поэт Альрик Ван Бур, мятежница Ифит де Вангув... Они встретили Марти

* *Атама* — на старом сиракузском «открытая душа». — *Примеч. автора.*

шумными восклицаниями, подчеркнуто театральными жестами, ласковыми похлопываниями по спине и звучными поцелуями, отрицая контроль эмоций и сиракузское двуличие. Мыслехранитель Марти занял место среди призрачной армии ему подобных, сгрудившихся в темном углу склепа.

К одной из опорных колонн были привязаны две девушки в лохмотьях. По их щекам текли слезы, поблескивающие в неверном свете ламп.

— Почему две? — спросил Марти.

— Наш способ отметить шестнадцатую годовщину воцарения Менати Анга, — ответил Юриус де Фарт, чьи черные глаза горели неукротимым огнем. — Мы и так потеряли слишком много времени. Приступим...

— Немного терпения, — перебил его Эммар. — Вначале я хотел бы вам кое-что показать...

Если перекошенное лицо Юриуса словно состояло из выступов и лезвий, то кукольные черты Эммара тонули в округлостях. И только три синеватых локона — три локона, истинный вызов придворной традиции! — придавали ему довольно грациозный облик. Но когда наступал час ритуальной животной оргии, девушки не искали его благосклонности. С ним мирились, потому что он единственный разбирался в технических проблемах, но никому не нравилась его слишком нежная кожа со складками жира. Однако всегда находилась снисходительная душа, чтобы пожертвовать собой ради общего дела, когда требовалась его компетенция. В конце концов это был лишь короткий неприятный миг: девица ложилась на спину, раздвигала ноги, закрывала глаза и думала о своем. Обычно юному Эммару хватало трех минут, чтобы достичь удовольствия.

Кривая и одновременно торжествующая улыбка тронула толстые губы Эммара. Он извлек из кармана плаща лазерный факел и направил его луч на темную стену. Древнее надгробие имело продолговатую форму, похожую на черный сундук, который Марти вначале принял за чан с жидким азотом. Потом он различил клавиатуру и бортовую панель внутри бокового стеклянного вздутия.

— Самая последняя модель деремата! — заявил Эммар. — Настоящая жемчужина технологии!

Бравые заговорщики не могли прийти в себя целых пять минут. Декрет императора категорически запрещал использование частных дерематов: клеточный перенос отныне стал делом официальных компаний при непременном предварительном применении ментальной инквизиции и клеточной иден-

тификации. Пиратские путешествия наказывались вечной ссылкой на планету-каторгу Орг.

— Наш пропуск на свободу, — продолжил Эммар. — Я ввел изменения, чтобы он был постоянно связан с меняющимися координатами Свободного Города Космоса...

— Ты совсем потерял голову! — сухо прервал его Юриус. — Все дематы занесены в списки. Робинсы могут ворваться сюда в любую минуту. Из-за тебя, гнусная гора жира, мы теперь в большой опасности!

Хотя оскорбления были приняты и даже поощрялись в движении Машамы, раздутое лицо Эммара посерело. Он ненавидел, когда над его физическим недостатком издевались в присутствии девушек: те пользовались любым предлогом, чтобы ускользнуть от него, и избегали, как ядерную чуму, во время оргий. Но он постарался сохранить хладнокровие. Час реванша пробил, но еще не наступил момент ставить под удар план эмиссара сенешаля неуместным всплеском самолюбия. Вскоре его назначат на пост, достойный его невероятных способностей, а эти мелкие жеманники горько пожалеют о презрении, которое питали к нему.

— Вы считаете меня последним из паритолей! — возразил он, стараясь сохранить веселый тон. — Эта штучка МТК была отбракована из-за дефектов производства. Теоретически она закончила свой путь в печах переплавки. Я сумел завладеть ею и отремонтировал после дезактивации волнового идентификационного датчика. И нет никакой опасности...

Эммар с вызывающим видом оглядел всех компаньонов Машамы. Но постарался не встречаться взглядом с Марти де Кервалором.

— А почему ты подключил дематы к координатам Свободного Города? — спросила Аннит Пассит-Паир. — Что у нас общего с паритолями, занесенными в Индекс?

— Пространство — единственное место, где можно скрыться в случае неприятностей...

— Говорят, что эти сумасшедшие убивают всех, кто материализуется в стенах их города, — настаивала Аннит. — Есть ли смысл отправляться туда, чтобы быть убитым?

Эммар долго смотрел на свою собеседницу. Она всегда отказывала ему, хотя из всех девушек Машамы больше всего влекла к себе. Он хотел извлечь ее из этой кучи дерьма и оставить для личного пользования именно ее, чье тело он покрывал поцелуями во снах вторых ночей. Ее красота волновала его, околдовывала, и он стервенел, когда не его, а чужие руки (в основ-

ном аристократические руки Марти де Кервалора) шли на приступ нежных холмиков ее грудей.

— Граждане пространства убивают лишь тех, кто материализуется одетым или вооруженным, — возразил Эммар. — Они не трогают тех, кто является к ним голым, как в день появления на свет. Вначале за ними наблюдают. Потом, после периода проверки, они могут попросить статус свободного гражданина и получить его...

— Кто тебя поставил в известность обо всем этом? — спросил Марти.

Он никак не мог поймать бегающий взгляд Эммара, и эта игра начала ему надоедать.

— Пассажиры ГТК...

— Ну, хватит о Свободном Городе! — проворчал Юриус. — Спасибо, Эммар. На следующей встрече мы обсудим варианты лучшего использования деремата. А пока у нас есть более интересное занятие...

И они занялись более увлекательным делом: разделись догола и принялись танцевать вокруг колонны с привязанными девушками, двумя девственницами, которых собирались принести в жертву. Они издавали пронзительные вопли. Одни потрясали кинжалами, другие — шпагами или саблями. Холодное оружие было символом чистоты войны, рукопашного боя, пролитой и смешанной крови, варварством начальных времен, когтями хищников, духом завоевания. Они ненавидели смертоносные волнометы и скорчеры, анонимное оружие, которое несло смерть на расстоянии и от которого горелая плоть распространяла тлетворный запах.

Взгляды выпученных глаз пленниц испуганными бабочками перелетали с одного обнаженного тела на другое. Вокруг них с воплями в бесноватом танце кружились демоны. Богатейший Ромул поддерживал контакты с поставщиками людей, а Ифит, возведенная в ранг медицинского эксперта, проверяла девственность поставляемых им девушек. Они с блеском исполняли свои обязанности: ужасающие демоны Вардаха, воинственные духи из древних сиракузских легенд, не испытывали недостатка в чистой и горячей крови жертв.

Марти издавал привычные вопли, прыгал, словно дикий зверь, высоко вскидывал кинжал, но сердце его не лежало к сегодняшнему разгулу. Он никак не мог отделаться от смутного предчувствия, которое накрывало его холодным и темным крылом. Он не знал почему, но его взгляд не отрывался от

округлой спины Эммара, чьи толстые ягодицы и бедра безвольно колыхались при каждом прыжке.

Мощный голос Альрика, декламировавшего отрывок из *Сиракузиады*, древней эпической поэмы, не смог вырвать его из состояния отупения. Сегодняшнее празднество казалось ему абсурдным и неприличным.

Он не принял участия в окончательной разделке жертв, упражнении, в котором Ифит де Вангув, самая кровожадная из всех, проявляла недюжинные природные способности. С длинными рыжими волосами, залитая кровью с ног до головы, с отвратительной кривой усмешкой на губах, она отрезала конечности, наносила мощные и точные удары саблей по беззащитным телам. Ее шарообразные груди подпрыгивали при каждом сабельном ударе.

Они разбросали остатки трупов по плитам пола. Потом юноши и девушки сплелись в подвижные группы, из которых торчали блестящие пурпурные конечности. Они катались по крови и внутренностям жертв с яростью сумасшедших. Они могли позволить себе испачкаться в крови с головы до ног перед тем, как разойтись по домам: Эммар установил в склепе гигантский волновой бассейн.

Аннит Пассит-Паир подошла к Марти, но он, обычно считавший честью удовлетворить выбиравшую его девицу (чаще всего это была Аннит), остался глух к ее ласкам и поцелуям. Дрожь, пробегавшая по его обнаженной коже, покрытой мурашками, не имела ничего общего с разгулом чувств. Аннит поняла, что ни руки, ни губы, ни зубы не смогут пробудить любовного пыла Кервалора. Явно раздосадованная, она отошла от него, проглотила слезы и бросилась под первого встречного. Чувственный разгул был одним из основных правил Машамы: гордые воины древних времен не имели права попадать в ловушку эмоций. Главным было дикое физическое наслаждение. Аннит горько сожалела о существовании этого правила. Она испытывала к Марти чувство, близкое к любви, и если продолжала участвовать в этих долгих ночах оргий, то только в надежде привлечь его внимание. Она получала удовольствие только с ним. Она мечтала о чистой любви, острой, как грань алмаза, и ей казалось, что она безвозвратно погружается в вонючую грязь низких инстинктов.

Прислонившись к стене и продрогнув до костей, Марти несколько минут наблюдал за конвульсиями стонущих участников оргии. В полумраке склепа его взгляд натолкнулся на голову одной из жертв, и его залила волна стыда и отвращения. Он выпрямился и машинально направился к дерему.

По бортовому пульту пробегали беглые огоньки. Марти привел к черной машине непонятный импульс. Интуиция подсказывала ему, что машина появилась в склепе неслучайно, что она имела какое-то отношение к его судьбе. Он пожал плечами: хотя молодой человек и был членом революционного движения Машамы, он никогда не думал выбираться из теплого кокона Сиракузы.

— Хорошая штучка, не так ли?

Прерывистый голос Эммара вырвал его из задумчивости. Как чаще всего и случалось, техника исключили из коллективного совокупления. Настенные лампы бросали отблески на его болезненно белую кожу. Кровь и пот стекали по свисающей коже груди.

Марти рассеянно кивнул.

И вдруг от стен склепа отразились шум шагов и голосов. Кервалор обернулся и увидел капюшон красного бурнуса, белые неподвижные маски наемников-притивов и черные шлемы полицейских, застывших у подъемно-спусковой шахты. Он напряг мышцы тела, чтобы не выплеснуть содержимое мочевого пузыря. Бравые воины Машамы вопили от ужаса. На предплечьях наемников блестели направляющие дискометов. Они схватили Ифит де Вангув и ее ночного партнера за волосы, силой подняли с пола и прижали к стене.

— Нас кто-то предал! — простонал окаменевший от ужаса Марти. — Мы пропали!

— Быть может, нет! Деремат... — прошептал Эммар.

Боковой люк машины сам отъехал в сторону, словно кто-то управлял им на расстоянии. На самом деле Эммар нажал крохотную кнопку, спрятанную в оправе перстня.

— Сначала ты! — пробормотал он. — Залезай ногами вперед, ложись и включай рычаг переноса... зеленую ручку...

Марти поспешно залез в деремат. Он действовал в отрешенном состоянии, ему казалось, что он ложится в гроб, став третьей искупительной жертвой второй ночи. Металлические выступы оцарапали ему ноги. Он опустил затылок на воздушную подушку. Эммар быстрым, точным жестом закрыл и замкнул люк. На лунообразном лице техника играла сардоническая улыбка. Что за игры, Эммар? Это ты их предупредил? Ты был единственным, кто мог распахнуть металлические створки. Почему? Почему?!

Сквозь стекающие по ресницам слезы Марти успел разглядеть своих товарищей, выстроенных вдоль стены склепа, которые дрожали от страха. Голые, бледные, покрытые

кровью невинных жертв, они стояли под прицелом оружия притивов. Он различил и размытое красно-фиолетовое пятно... Кардинал-крейцианин... Фанатик, который не откажет себе в удовольствии отправить славных компаньонов Машамы под суд церковников и добиться их осуждения на пытку огненным крестом... В свое оправдание они могли привести лишь один героический поступок: убийство бедных девушек, купленных у гнусных торговцев человеческой плотью.

С болью в душе Марти нажал на зеленый рычаг. Раскаленное добела лезвие пронзило его мозг, и тело, разделившись на атомы, унеслось в пространство и время.

Это был его первый клеточный перенос.

Глава 3

Обольщать — судьба человека,
Любить — обязанность карантинца.

Карантинская пословица

(Карантин — длительный период наблюдения анжорцев за переселенцами из зараженной зоны. Отсюда, вероятно, происходит слово «карантинец», а вовсе не от сорока первых дней после ядерной катастрофы на Ут-Гене, как утверждают некоторые коллеги. Заметки Анатула Хиджиака, неоропского историка и эрудита.)

Слишком долго сдерживаемые слезы заливали герметичные очки маски Жека. Он на ощупь двигался по узкому проходу с прогнившими поручнями, который освещали умирающие светошары. Впереди и позади него тянулись серые неясные фигуры, образуя длинный кортеж, начало и конец которого терялись во тьме. Изредка в могильной тишине подземелий Ут-Гена слышались вопли отчаяния и приглушенные стоны.

Газовая атака и заливка Северного Террариума бетоном начались так внезапно, что немногим карантинцам удалось добраться до эвакуационной галереи. Несколько сотен из миллионов жителей гетто... Агентов, которым удалось пробраться в ближайшее окружение кардинала Фрасиста Богха, обвели вокруг пальца. Предатели перерезали магнитные цепи сирен тревоги, и предупредить удалось только семьи нижних уровней.

Старый Атрак властно надел свою собственную кислородную маску на лицо Жека и из последних сил тащил

его к округлому входу в галерею, проделанному в одной из стен плюмшеневой пещеры. Выбравшись в галерею, старый карантинец, бледный и с трудом дышащий, остановился и долго всматривался в своего маленького протеже, а потом прошептал:

— Не забудь. Город Глатен-Бат... Корабль видука Папироны... Скопление Неороп... Франзия... Мать-Земля... Живи, Жек, и стань воителем безмолвия... Мне уже слишком поздно... Иди быстрее. Крейциане заливают Террариум бетоном...

Перепуганный, окаменевший Жек видел, как смертельная бледность заливает некрасивое лицо Артака, корчившегося на полу от боли. Конвульсии его длинных конечностей становились все более редкими, и маленький анжорец понял, что старый друг одарил его жизнью. Потрясенному Жеку было не до слез. Его подхватил поток перепуганных карантинцев, мужчин, женщин, детей, которые неслись по узкой эвакуационной галерее. Те, у кого не было маски, задыхались и падали, словно срезанные невидимым серпом. Упавшие образовывали холмики агонизирующих людей, через которые поспешно перебирались живые. Первые потоки жидкого бетона, черной, вонючей, вязкой жидкости, уже лизали пол подземелья, останавливая самых медленных беглецов, стариков и детей, которых матери безуспешно пытались вырвать из объятий хищного спрута. Но бетон, который обычно использовали, чтобы затыкать жерла извергающихся вулканов и провалы, вызванные землетрясениями, затвердевал в считанные секунды и никогда не выпускал свою жертву. Матери предпочитали умереть рядом с детьми, срывали с себя маски и бросали их убегавшим. Царила невероятная сумятица, и мужчины сражались за эти драгоценные аппараты, имевшие автономный запас кислорода на три универсальных часа. Отчаянные крики и призывы на помощь эхом отражались от скалистых стен пещеры.

Работая локтями, ловко пробираясь между бегущими, Жек взобрался на холм из трупов. Он обернулся и бросил последний взгляд в сторону бездыханного тела Артака, лежащего среди стеблей плюмшеня, плантацию которого уже заливали безжалостные языки бетона. Челюсти мальчика болели из-за того, что он с силой сжимал загубник слишком большой для него маски. Его толкнул в спину перепуганный мужчина, и Жек скатился по склону горки из мертвецов.

Через несколько минут, когда он уже бежал вместе с другими по туннелю, послышался глухой продолжительный грохот: система автоматического обрушения перекрыла вход в эвакуационную галерею, преграждая доступ жидкому бетону.

Жек хотел сорвать с себя маску, плохо закрепленные ремешки которой натирали щеки и шею, но женщина, бегущая рядом, не позволила ему этого сделать. Она с трудом, не отпуская зубами собственный загубник, пробормотала несколько слов, которые он понял:

— Не сейчас... опасно... Еще... газ...

Опустив голову, Жек старался ступать шаг в шаг с идущим впереди карантинцем. Тот двигался очень быстро, и парнишке приходилось все время ускоряться, чтобы не отставать от него. Светошары встречались все реже, и те, кому удалось спастись, двигались почти в полной темноте. Паника помешала им захватить лазерные факелы.

Жек не представлял себе, как далеко тянется галерея. Сколько еще времени придется идти по подземелью? Сколько времени он еще сможет вдыхать слишком чистый воздух защитной маски? Его перенасыщенный кислородом мозг уже испытывал приятную эйфорию, сквозь которую иногда прорывались болезненные вспышки прозрения. И тогда он думал о родителях, которые, вероятно, спали сном праведников в своем доме. Как они поведут себя, когда увидят, что гостиная пуста, а кровать единственного сына разобрана? Будут ли кричать от отчаяния, раздирая в кровь щеки, как это делали женщины из гетто, когда их детей засасывал бетон? Изгонят ли из своих воспоминаний сына, как изгоняют дурные сны?.. Его исчезновение станет облегчением для них. Он сомневался, что такие правоверные крейциане, как па и ма Ат-Скин, могут испытывать простые человеческие чувства. Отныне па будет без него охотиться на спящих хищников синегенетического парка, а время, неумолимый скульптор, продолжит прокладывать морщины на красивом лице ма. Не этого ли они хотели, решив отправить его в далекую школу священной пропаганды?

Здесь, в темном и холодном туннеле, среди мрачной процессии изувеченных существ, от которых отказались люди и боги, Жеку хотелось ощутить себя в объятиях родителей, чтобы он мог прошептать им на ухо нежные слова, насытиться их теплом, их запахом. Он никогда не думал, что ему будет так не хватать ругани па. Еще никогда грудь и руки ма не казались ему столь гостеприимными и успокоительными. Чем дальше он уходил от них, тем больше оправданий находил им, тем больше наделял их волшебными, тайными добродетелями. Он заново создавал их, и они, в свою очередь, становились героями легенды,

горячими сверкающими звездами, по сравнению с которыми тускнели неведомые звезды Найи Фикит, прекрасной сиракузянки, Шри Лумпа, оранжанина, и махди Шари из Гимлаев. По щекам маленького анжорца текли ручьи слез, оставляя соленые следы на губах, заливая герметичные очки маски. Время от времени женщина, следовавшая за ним, легонько похлопывала его по плечу, призывая ускорить шаг.

И когда касание этой изувеченной руки как бы подталкивало его к далеким берегам, он вспоминал о старом Артаке, карантинце, который принес себя в жертву ради него. Он видел его перекошенные черты, сверкающие и утонувшие в глазницах глаза, длинный нос, рот, уголки которого буквально доходили до ушей, нелепо торчащих на висках. Он слышал его мелодичный и низкий голос... *Живи, малыш Жек, стань воителем безмолвия*... Именно его голос и рассказанные им сказки толкнули Жека Ат-Скина на это приключение. И теперь он изо всех сил боролся с искушением бросить все и тем или иным способом вернуться в родительский дом. Но он не имел права отказываться, предавать память своего друга из Северного Террариума. Жертва Артака не должна стать тщетной.

Люди шли уже очень долго, а маленький анжорец, погрузившись в свои противоречивые мысли, не мог определить, сколько времени длится этот поход. Время от времени, когда он вспоминал о старом Артаке, он сотрясался от глухих рыданий. Серые призраки карантинцев растворялись в чернильно-черном мраке галереи.

На заре (на Ут-Гене понятие дня было чисто умозрительным) семьсот двадцать колодцев Северного Террариума, куда предварительно пустили газ, были полностью залиты бетоном. Последние спирали тумана и черного дыма, сплетенные в сладострастном объятии, накрывали окрестности плотным, токсичным и непригодным для дыхания облаком. Водители бетоновозов, громадных машин, которые, как мухи, расселись у края провалов, дали команду на свертывание прозрачных рукавов.

Десятки гектаров были преобразованы в гигантскую эспланаду, на которой торчали угловатые наросты бетона. На них обрушились гусеничные катки, чтобы превратить их в пыль.

Вооружившись биноклем, кардинал Фрасист Богх наблюдал за операцией с надзирательской вышки. Он бодрствовал всю ночь, но его темные глаза, окруженные густыми мешками, горели неукротимым огнем. Рядом с ним, кроме скаита-на-

блюдателя и двух мыслехранителей кардинала, стояли Горакс, великий инквизитор, закутанный в черный бурнус, Риг-Во-Рил, главнокомандующий планетарной полиции, затянутый в темно-синий мундир, и Жавео Мутева, юный чернокожий викарий, уроженец Платонии. Из-за тесноты кабинки-шара они жались друг к другу. Время от времени викарий рукавом стирал конденсат с вогнутых стекол кабины.

С высоты башни бетоновозы и катки походили на желтых и черных насекомых, которые суетились у входа в улей. Светящиеся комбинезоны рабочих расцвечивали узорами тьму уходящей ночи. У подножия башни батальон полицейских в серой форме окружал группу советников и чиновников Ут-Гена, бывших министров, примкнувших к империи Ангов, промышленников, личных гостей кардинала Фрасиста Богха. Десять воздушных катеров и личные кары, оборудованные ультразвуковыми зондами, носились над плоскими крышами зданий, стоящих вблизи гетто.

Заряды, заложенные под стойки монументальных ворот гетто, взорвались с оглушающим грохотом. Величественная конструкция, возведенная пятнадцать веков назад переселенцами из зараженной зоны, обвалилась, как карточный домик. Плотное облако ржавой пыли накрыло развалины.

Вскоре на месте Северного Террариума вознесутся стобашенный храм с двадцатью нефами, правительственный дворец, административные здания и самая крупная школа священной пропаганды на планете (а быть может, и во всей империи Ангов).

Кардинал Богх положил бинокль на столик и потер покрасневшие от усталости глаза.

— Сделано прекрасное дело, — тихо пробормотал он. — Слишком долго эти чудовища бросали вызов авторитету Церкви и империи Ангов...

— Конечно, конечно, — подхватил викарий.

Звенящий голос викария в черной рясе и облегане врезался в уши собеседников, как ржавое, выщербленное лезвие. Как и остальные члены викариата, он был в свое время торжественно оскоплен и теперь принадлежал к числу евнухов Большой Овчарни, легиона экстремистов, которые почти никогда не выходили за пределы епископского дворца в Венисии и которых боялись пуще ядерной чумы.

Вступив в должность на Ут-Гене, Фрасист Богх был неприятно поражен, когда через некоторое время его навестил Жавео Мутева, член высшего викариата, посланный с личным шифрованным посланием муффия Барофиля Двадцать

Четвертого: Непогрешимый Пастырь горячо рекомендовал губернатору Ут-Гена использовать брата Жавео. Кардинал прекрасно осознавал, что иерархи прислали к нему евнуха из Большой Овчарни с единственной целью приглядывать за ним и доносить о всех его делах и поступках, но у него не было иного выбора, как взять брата Жавео на должность личного секретаря.

— Конечно, сказал я... Но, быть может, стоило попытаться обратить этих людей в крейцианство, — продолжил Жавео. — Так мы насчитали бы несколько миллионов дополнительных душ...

Фрасист Богх повернулся со всей живостью, которую позволяла теснота кабины, и яростно глянул на секретаря.

— Вы совсем потеряли рассудок, брат Жавео? Вы все еще считаете карантинцев человеческими существами? Тридцать веков назад огонь божественного гнева обрушился на них, но они не услышали предупреждения. Они продолжали служить своим языческим богам. Они жили под землей, как кошкокрысы, они превращались в зверей...

— Можно ли упрекать население в том, что оно стало жертвой общей ядерной бетазооморфии, ваше преосвященство? — возразил Мутева. Его худощавое лицо, суровость которого подчеркивал черный капюшон, покрылось серыми пятнами — признак нервного возбуждения. — Они укрылись в чреве Ут-Гена, потому что различные планетарные правительства не позволили им жить на поверхности...

— Достаточно, брат Жавео! — сухо оборвал его кардинал. — Высший совет крейцианской этики уверил меня в полной поддержке. Мы не имели никакого контроля над населением Северного Террариума, и закупорка колодцев была наилучшим, если не единственным, решением. Можете обратиться в трибунал или возглавить движение еретиков, если у вас лежит к этому сердце. Но ни в том, ни в другом случае не рассчитывайте на мою поддержку...

На коричневых губах викария застыла перекошенная улыбка. Кардинал Богх мог надувать щеки, вытягиваться на шпорах хохлатого павлина, прикрываться достоинством, но не мог управлять всеми шестеренками крейцианской машины. Но, несмотря на маркинатское происхождение, он стал самым молодым и многообещающим прелатом, чьи достоинства викариат изучал с особым пристрастием. Жавео Мутева достаточно долго общался с кардиналом, чтобы у него сложилось определенное мнение о нем. Способ манипулирования карантинскими агентами во время операции «Северный Террариум» показал его оп-

ределенную политическую ловкость. И это был лишь один пример: Фрасист Богх всегда с честью и достоинством выходил из тайных ловушек, которые, по советам корреспондентов из епископского дворца, устраивал ему личный секретарь.

— Каково ваше решение, брат Жавео? — проворчал кардинал, которого раздражало двусмысленное молчание собеседника.

Он все с большим трудом переносил замкнутую атмосферу узкой кабины. Полицейский и скаиты, неподвижные и непроницаемые, терпеливо ждали конца ссоры двух церковников.

— А могу ли я принимать другие решения, ваше преосвященство? — возразил викарий, не теряя спокойствия.

Однако Жавео Мутева уже сделал решающий выбор. Кастрат, теневой человек, анонимный священнослужитель, который никогда не сможет претендовать на высшие посты, он безоговорочно будет поддерживать кардинала Фрасиста Богха. Он сделает ставку на молодого губернатора Ут-Гена, хоть ему и грозит вечное изгнание в случае провала надежд. Но если сумеет убедить остальных, что кандидат и есть тот самый ценный человек, который вскоре займет ключевой пост в церковной иерархии, то реализует свои амбиции в тени нового понтифика. Конечно, он будет жить в тени, и имя его не будет записано огненными буквами на крейцианских голографических таблицах, но тайное могущество, быть может, позволит ему обрести душевный мир и навсегда похоронить ностальгическое воспоминание о Платонии и ее тропическом климате. И подавить сожаления, которые охватывали его, когда он в келье рассматривал шрам в нижней части живота. И забыть, что по малой нужде ему приходится садиться на корточки — исключительно оскорбительная поза для уроженца Платонии, где мужчины с гордостью хвастались своими мужскими достоинствами и мочились, стоя у дерева или стены. Иногда он вспоминал о детородных органах, ставших вечными экспонатами в Склепе Оскопленных. И тогда ощущал жжение меж ног и по его щекам стекали безмолвные слезы.

— Среди карантинцев, ваше преосвященство, находился ребенок, анжорец с поверхности, — вдруг заявил скаит-надзиратель.

От его металлического голоса заколыхались края просторного капюшона серого бурнуса. Кардинал жестом велел ему продолжать.

— Он был членом банды мальчишек из квартала Отх-Анжор. Они ходили в гости к карантинцу по имени Артак, бывшему корреспонденту абсуратского рыцарства.

— И вы только сейчас сообщаете мне об этом! — закричал Фрасист Богх.

— С помощью детей мы надеялись добыть более подробные сведения о воителях безмолвия, ваше преосвященство, — заговорил Горакс, скаит-инквизитор. — Будучи бывшим членом абсуратского рыцарства, Артак, похоже, очень много знал, но никогда не покидал пределов Террариума, а плотность земного покрова не позволяла нам обследовать его мозг.

— Дважды глупая инициатива, господин инквизитор! — презрительно бросил кардинал. — И непонятная для столь высокого специалиста: с одной стороны, еще никому не удалось доказать существование этих пресловутых воителей безмолвия, а с другой стороны, вы не могли не знать, что мы собираемся приступить к газовой атаке и закупорке колодцев Террариума. Что делал этот ребенок в разгар ночи в гетто?

— Он сбежал из дома, — ответил скаит. — Карантинец забил ему голову, уговаривая отправиться на поиски Найи Фикит, Шри Лумпа и...

— Другими словами, пуститься на поиск ядерной колдуньи! Только не говорите мне, господин инквизитор, что верите в эти сказки! Выказав немного сообразительности, вы могли бы спасти жизнь этому ребенку... Как его имя?

Желтые глаза Горакса сверкнули из-под черного капюшона.

— Жек Ат-Скин, сын Марека и Жюльет Ат-Скин.

— Возьмите на заметку, брат Жавео, и предупредите родителей...

Через два часа локального времени в сопровождении мыслехранителей и когорты полицейских кардинал Фрасист Богх вылез из кара Церкви и пересек площадь Святых Мучеников. Острые золотистые стрелы крейцианского храма разрывали грязную серость утра. Неясный свет фонарей отражался от мокрого асфальта, от крыш домов. Гарес, умирающее солнце, еще не явил своего болезненного лика на горизонте. Пронзительные крики торговцев и глухой рев подземных поездов понемногу вырывали утгенскую столицу из сна.

Пока полицейские устраивали двойной кордон вокруг площади, Фрасист Богх остановился перед одним из огненных крестов, установленных на паперти храма, и всмотрелся в тело мужчины, пожираемого всплесками огня. Ритуал, которому следовал губернатор Ут-Гена каждый раз, когда отправлялся служить заутреню в храме. Вид людей, подвергнутых пытке, доставлял ему резкие, противоречивые ощущения — от вос-

хищения до омерзения, от экзальтации до боли, от завороженности до отвращения... До сих пор он мог вглядываться в них до головокружения, но вид раздувшейся кожи и сведенных мукой лиц еще ни разу не пресек его собственных мучений. Словно Крейц приговорил его к раздвоению между экстазом и сожалениями до конца времен. Все они напоминали ему другое тело под пыткой, тело женщины, которая являлась ему в кошмарных снах и которую он не мог изгнать из закоулков своего подсознания. Несмотря на решительность и многочисленные покаяния, которым себя подвергал, он не мог забыть даму Армину Вортлинг, вдову сеньора Абаски, мать Листа, друга его детских игр. Он с удивительными подробностями вспоминал те три дня, которые провел у подножия огненного креста на площади Жачаи-Вортлинг Дуптината, маркинатской столицы. Он вспоминал, как медленно эта великолепная женщина превращалась в бесформенную массу красной, гноящейся плоти. Он вспоминал ее выпученные глаза, молившие о пощаде, ее живот, из которого сочилась темная отвратительная жидкость, ее длинные черные волосы, прядями ниспадавшие с головы, открывая пробитый череп, кожа которого напоминала шкуру ящерицы... Он вспоминал о своем горе, о своих слезах, о своих криках... Шестнадцать лет, которые он отдал Церкви Крейца, не смогли стереть образа женщины его тайных желаний. Хотя он отказывался признаться себе в этом, тело дамы Армины мерещилось ему в телах всех еретиков, отступников, схизматиков и прочих язычников, которых кардинал отправлял на огненный крест на этой площади и на площадях остальных городов Ут-Гена.

Фрасист Богх управлял маленьким миром на окраинах империи Ангов. Планета на две трети была заражена и обречена на скорую смерть. Его не приглашали ни на праздники коронации, ни на квартальные конклавы, но это не помешало ему добиться крепкой репутации внутри Церкви. Несгибаемый, прямой, неподкупный — такими словами говорили о нем. Жавео Мутева даже утверждал, что сам муффий приводил его в пример в своих многочисленных речах на конклавах. Количество огненных крестов, поставленных молодым маркинатянином, тщательно подсчитывалось, и ему предсказывали блестящую карьеру и радужное будущее. Многие утверждали, что именно в таком полководце нуждалась армия Крейца.

Худое лицо кардинала отразилось в черной табличке на цоколе огненного креста. Его черты наложились на выжженные огнем буквы приговора:

Огненный медленный крест будет наказанием для тех, кто нарушает Божественный закон и Святые Заповеди Церкви Крейца. Раф Пит-Хорн, подверженный ментальному обследованию Святой Инквизицией, был признан виновным в языческих и унизительных ритуалах. По решению кардинала Фрасиста Богха, высшего представителя его святейшества муффия Барофиля Двадцать Четвертого на планете Ут-Ген.

Практически слова и фразы были одними и теми же. Такие же были на шаровом экране у креста дамы Армины Вортлинг... Приступ тошноты охватил Фрасиста Богха, которому вдруг стал тесен облеган. Он опустил просторный воротник фиолетовой рясы на лицо, потом, бросив последний взгляд на человека, распятого на кресте, быстро двинулся к главным вратам храма. Его мыслехранители и полицейские, сняв кордон оцепления, поспешили за ним. Кар с церковным гербом с пронзительным свистом взлетел и исчез за стройными башнями. Пешеходы наконец рискнули выбраться из соседних проулков и пересечь площадь.

В конце эвакуационной галереи появился круг серого света. Запасы кислорода давно закончились, и карантинцы сняли и бросили маски. Жек поспешил последовать их примеру, радуясь, что наконец избавился от неудобного груза. В подземелье еще ощущался запах газа, но опасность давно миновала.

Женщина, которая следовала за ним, удивленно воскликнула, увидев гладкое лицо, кудрявые шелковистые волосы и огромные карие глаза Жека.

— Малыш с поверхности!

Сзади послышались яростные крики. В этот мрачный час люди, вырвавшиеся из гетто, не хотели верить в невероятное и одинаково судили всех анжорцев с поверхности: именно они обрекли на смерть миллионы жителей Северного Террариума, именно они на века загнали беженцев из зараженных зон под землю, а их предки пытались уничтожить карантинцев античности, отправляя на кораблях смерти в космос. И древние, и нынешние обитатели поверхности, тираны, консулы или губернаторы империи Ангов, неизменно оставались палачами, боялись смотреть в лица зараженных соплеменников, словно опасались увидеть собственное отражение в кривом зеркале.

Когти страха вцепились во внутренности Жека. Будучи в одиночестве среди карантинцев, опьяневших от гнева и отчаяния, он был для них желанной мишенью для мести. Здесь, в галерее, расположенной в нескольких сотнях метров под

землей, не было ни законов, ни полиции, ни теплого, уютного дома, где можно укрыться. Здесь никто не придет ему на помощь, никто не вспомнит, что он был другом старого Артака.

Вопли затихли, и молчаливое и монотонное шествие возобновилось. Однако Жек не ощущал спокойствия: достаточно было вспышки гнева, чтобы пламя боли, тлевшее в душах спасшихся от смерти, превратилось во всепожирающий пожар. Их взгляды вонзались ему меж лопаток, словно отравленные стрелы. Усталость возобладала над страхом, и последние километры галереи он прошел, как сомнамбула.

Даже серо-грязный свет дня ослепил карантинцев, когда они выбрались на обширное пустынное плато зараженной зоны. Их внезапное появление напугало стаю воронов-мутантов, огромных птиц с черным оперением и фосфоресцирующим клювом. Красноватые лучи Гареса тонули в плотном слое тумана и облаков, затянувших небо.

Обессилев, Жек опустился на грубую, пожелтевшую траву. Во все стороны тянулась унылая равнина, совершенно лишенная растительности. На ней не было ни единого следа человеческого присутствия, ни одного строения, ни единого следа транспортной системы. Только ленивые полосы тумана, которые гоняли внезапные яростные порывы ветра. Он подумал, что нужны долгие дни, чтобы пересечь эту пустыню, и его охватило разочарование.

По мере того как карантинцы выбирались из эвакуационной галереи, выход из которой был проделан в нижней части отвесной скалы, все они — мужчины, женщины, дети — жались друг к другу, сбиваясь в испуганное стадо. Многие из них впервые ступали на землю зараженной зоны, и этот возврат на землю предков пробуждал в них противоречивые чувства. Радость, что они попирают легендарную землю, откуда вышли, смешивалась с ужасом изгнания. Они оставили позади себя родителей и друзей, навсегда погребенных под тоннами бетона. Они оставили привычные норы, поперечные галереи обслуживания, колодцы доступа... Руководители гетто уже давно готовили их к возможности общего исхода, но они не думали, что будут столь беспощадно вырваны из привычного и спокойного мира Северного Террариума. Будущее казалось им неясным и враждебным.

Жек заметил, что карантинцы избегали его, отходили, показывали, что он был чужим на территории их предков. Обернувшись, он заметил вдали мигающий блеск бесконечной световой стены, основание которой точно следовало всем не-

ровностям горизонта. Двумя годами ранее па Ат-Скин возил сына посмотреть на изолирующий магнитный барьер, установленный в тридцати километрах от северного пригорода Анжора. Па сказал ему, что он поднимается до пределов стратосферы планеты, чтобы воспрепятствовать воздушному сообщению между двумя зонами. Барьер был усилен укрепленной линией обороны, по которой тянулась колючая проволока под напряжением и стояли вышки с роботами, вооруженными волнометами и лучевыми пушками. Древнее правительство, создавшее защитную линию, не предусмотрело, что жители зараженной зоны могут обойти ее под землей. «Никакой магнитный барьер не мешает крысам рыть», — часто говаривал Артак. Отключенная в течение трех веков линия была модернизирована и вновь запущена ультраправыми тиранами. Сила магнитного потока была такова, что при малейшем контакте с самым плотным металлом последний мгновенно испарялся, превращаясь в раскаленные микрочастицы.

Жек слышал столько историй о зараженной зоне, что ожидал в любое мгновение столкнуться с рогатыми чудовищами, дышащими серой, с раскаленными копытами и зубами размером с саблю. Некоторые анжорцы утверждали, что ядерные колдуньи и отпрыски взбесившихся атомов устроили постоянный шабаш по ту сторону магнитного барьера. Но пока единственное, что видел Жек, были кульбиты и пике воронов-мутантов.

Он не представлял себе, куда надо идти, чтобы попасть в город Глатен-Бат. Он искоса глянул на толпу карантинцев, жавшихся один к другому у выхода из галереи. Найдется ли среди них хоть одна добрая душа, которая согласится сообщить ему необходимые сведения? Он встал и осторожно приблизился к первым рядам карантинцев.

— Кто-нибудь знает, как попасть в Глатен-Бат?

Его звонкий голос разорвал напряженную тишину. Он вдруг ощутил на себе сотни угрожающих и ненавидящих взглядов. Неверный свет зари подчеркивал уродливость лиц с низкими лбами, выступающими надбровными дугами, скрученными ушами, жесткими волосами, тонкими губами, торчащими подбородками... Ветер играл с полами их грубых штопаных лохмотьев. Жек заметил, что некоторые из мужчин и женщин даже не успели одеться. И понял, почему беженцы тщательно скрывали свои тела от глаз анжорцев с поверхности. Их кожа больше напоминала грубую шкуру домашних животных и топорщилась множеством хрящевидных шишек.

Как любой здоровый утгенянин, Жек был смущен видом этих грубых карикатур на человеческое тело, но постарался скрыть охватившее его отвращение.

— Почему ты так побледнел? — вдруг злобно спросил его какой-то мужчина.

— Разве не ясно, что мы вызываем у него ужас? — простонала стоявшая рядом женщина, едва сдерживая слезы. — Для людей с поверхности мы хуже, чем животные!

— Они без колебаний отравили газом женщин и детей! И залили наши норы бетоном! — ощерился другой мужчина.

— И сделали это в разгар ночи, как воры и трусы!

Жек заледенел от ужаса, в его горле застрял вязкий комок слюны. Он пробудил гнев тысячеглавого, тысяченогого и тысячерукого чудовища. Ужас мешал ему произнести малейший звук, объяснить этим людям, что они ошибаются, во весь голос сказать, что хотя он и жил на поверхности, но был другим, что его другом и доверенным лицом был Артак, старик из пещеры плюмшеня... Как в кошмаре, он увидел, что толпа мужчин, женщин и детей качнулась в его сторону. Они потрясали кулаками, скалились, выкрикивали ругательства, а их бешено сверкающие глаза буквально пронзали серый рассвет.

Жек инстинктивно отступил на несколько шагов. Пяткой задел торчащий камень. Потерял равновесие и упал на спину. Попытался привстать, но десятки карантинцев набросились на него, словно стадо вопящих обезьян, схватили за руки и ноги и прижали к жесткой траве. Кто-то схватил его за волосы, скрюченные руки сорвали с него одежду, расцарапали кожу. На него посыпались удары кулаками, ногами, кто-то кусал его до крови. Он ощущал одновременно колючую свежесть росы под лопатками и ягодицами и теплые ручейки крови, текущие из многочисленных ран. Ему казалось, что он упал в колючий кустарник, задыхался, отчаянно пытался вдохнуть хоть глоток воздуха, напрасно извивался, как червь, — тела карантинцев намертво прижимали его к земле. Резкие, противные запахи врывались в его ноздри. Контакт с их шершавой кожей и шишками-хрящами наполнял его отвращением. По его щекам и подбородку текли потоки желчи.

После первых мгновений сопротивления он перестал отбиваться и решил, что ему суждено умереть на этом пустынном плато. Его чудесное приключение продлилось всего несколько часов. Старый карантинец-златоуст пробудил в нем безумную мечту, но остальные карантинцы постарались прервать ее.

«Судьба любит устраивать фарсы людям», — часто гова-

ривал па Ат-Скин, когда хотел пофилософствовать. Па... ма... Они их никогда не увидит... Они никогда не узнают, что сталось с их единственным сыном. Вороны-мутанты со светящимися клювами оставят от него лишь безымянный скелет.

Громкий голос перекрыл шум толпы:

— Крысы пустыни! Они прибыли!

Ярость карантинцев утихла столь же внезапно, как и возникла. Они отпустили Жека, отошли в сторону и, забыв о нем, стали вглядываться в далекий мрачный горизонт, затянутый полосами тумана.

Удивившись, что остался в живых, голый, дрожащий, избитый, Жек машинально приподнялся на локте. И сквозь ресницы, залитые слезами и кровью, заметил два десятка белых пятен, которые быстро росли на горизонте.

Капитан перегнулся через ограждения и указал на Жека, оставшегося на земле в полном одиночестве.

— А с этим что делать?

Жеку не составило труда догадаться, почему их называли «крысами пустыни»: их длинный волосатый нос напоминал морду грызуна. Длинные верхние зубы лежали на нижней губе, а у кое-кого и на подбородке. Круглые черные глаза постоянно бегали, словно они наблюдали сразу за десятками противников. Одетые в форму из черной кожи и с цветными тюрбанами на голове, они были подпоясаны кушаками, из-за которых торчали перламутровые рукоятки короткоствольного оружия, похожего на газовые ружья синегенетического парка Анжора.

Несколькими минутами ранее двадцать атомных глиссеров выбросили стабилизационные якоря и с ревом застыли в сотне метров от выхода из галереи. Как только осел песок, поднятый громадными винтами, на землю тяжело упали мостки.

Распределение и погрузка карантинцев прошли без особых затруднений. У крыс пустыни была монополия на регулярную связь между Террариумом и поселениями зараженной зоны. Капитан клана с удивлением обнаружил сотни жителей гетто там, где обычно грузил — по цене золота! — три десятка деловых людей или торговцев. Когда его информировали о трагических событиях ночи, он с яростью ударил ногой по мостику: конечно, он испытывал сострадание к миллионам погибших, но в основном терял источник регулярного и приличного дохода.

Гладкие корпуса глиссеров парили в паре метров от земли. Жек видел заостренные иглы форштевней. Абсо-

лютно одинаковые глиссеры не имели центральной мачты, как древние суда, ходившие по морю Зугас, но были оборудованы множеством шарнирных антенн, на верхушке которых стояли прожектора. То, что Жек вначале принял за квадратный парус, оказалось комплексом белых гудящих устройств — ядерно-чувствительных ячеек размером с кулак.

Жек подобрал свою разбросанную одежду, сапоги, поспешно вытер кровь и оделся. Потоки холодного воздуха пробирались сквозь дыры пиджака и брюк. Каждое движение вызывало у него гримасу боли. Он не осмелился последовать за карантинцами, которые поднимались по мосткам. И теперь понимал, что совершил ошибку: никто не обратил бы на него внимания в суете посадки. На глиссерах, вероятно, были места, где можно было спрятаться. Будь он посмелее, он мог бы добраться до ближайшего города, а там найти средство перебраться в Глатен-Бат. Теперь его судьба зависела от настроения капитана, типа, страдающего острой бетазооморфией, который, судя по облику, вряд ли питал к нормальным людям добрые чувства.

Капитан пригладил торчащие волосы, игравшие роль усов. Он выделялся среди остальных людей маской, вшитой в пластрон формы, и длинной древней саблей, свисавшей до сапог. Карантинцы, сгрудившиеся на палубе, опустили головы и тщательно избегали смотреть в сторону мальчугана — крохотное, едва заметное пятнышко у громадной кормы глиссеров. Они спешили убраться отсюда, спешили забыть о том, что накинулись на восьмилетнего ребенка. Скорость, с которой они превратились в палачей, они, всегда считавшие себя жертвами, оставила у них во рту привкус горечи.

— Это вы так потрудились над ним? — спросил капитан, не оборачиваясь.

— Он с поверхности! — выкрикнула какая-то женщина, разорвав тягостную тишину. — Его соплеменники пустили газы в Террариум...

— Он, во всяком случае, к этому непричастен, ведь он был среди вас! — заметил капитан.

Его мощный голос перекрывал шум двигателей.

— Резервы энергии тают. Нам надо немедленно отправляться в путь, если хотим поймать ядерные ветры пустыни. В последний раз спрашиваю, что делать с ним?

— Пусть сдохнет здесь! — выкрикнул злобный женский голос. — Один с поверхности за миллионы карантинцев — невысока плата!

— Ну, ваше путешествие тоже не принесет прибыли! — вздохнул капитан.

Он еще больше наклонился над ограждением кормы и внимательно оглядел маленького анжорца. Его тонкие губы растянулись в сардоническую усмешку. Ветер раздувал концы его тюрбана.

— А ты, парень! Приведи хоть одну вескую причину, чтобы я не оставил тебя гнить в этой дыре!

У Жека болела шея, и он с трудом поднял голову. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить — капитан обращался к нему.

— Ну что? Они оторвали тебе язык?

— Я... я был другом Артака, — пробормотал Жек. — Пещера плюмшеня... Колодец А-102, уровень — 254...

Ему не удавалось перекрыть шум двигателей, потрескивание ядерно-чувствительных ячеек, и ему не удавалось построить нормальную фразу из слов, которые вырывались из его глотки.

Капитан вопросительно посмотрел на карантинцев, сгрудившихся на палубе его глиссера, потом снова глянул на Жека.

— Никто из них не знает Артака!.. Жаль, малыш! Я не могу идти против воли пассажиров, их мертвецы требуют кровной мести. Таков закон зараженной зоны. Могу, правда, оказать тебе одну услугу: отрубить голову, чтобы ты избежал ужасной смерти от клювов и когтей воронов-мутантов...

Кровь заледенела в жилах Жека. Он лихорадочно искал доводы, чтобы поколебать решимость собеседника.

— Нет! Нет! Я должен попасть в Глатен-Бат... Глатен-Бат!

Это не был решающий довод, только отчаянное выражение его желания. Лицо капитана не изменило выражения.

— В таком случае тебе остается протопать две тысячи километров по пустыне! Опасайся ядерных торнадо и пятнистых гиен! Удачи!

Капитан глиссера отвернулся и выкрикнул приказ. Послышались свист, скрип и стуки. Застывший Жек с ужасом увидел, как свернулись мостики, по обоим бортам открылись люки и взлетели вверх якоря. Он инстинктивно бросился в сторону, когда головной глиссер, глиссер капитана, колыхнулся с оглушительным ревом. Вихрь от винтов бросил его на землю. Острые камни оцарапали руки, ноги и спину.

Когда он встал, почти оглохнув от рева двигателей, глиссеры уже завершили разворот и направились к центру пустыни. Двигатели ревели все пронзительнее. Члены экипажа, сгрудившиеся на корме, со смехом махали ему руками.

Сердце Жека сжалось. Барьер закрывал ему путь в Анжор, хотя тот был на расстоянии нескольких километров. Теперь он остался в полном одиночестве в ядерной пустыне. Только вороны-мутанты кружили у него над головой с хриплым карканьем.

Вдруг в его памяти всплыло одно имя. Быть может, это имя и было решающим аргументом. Глиссеры еще не развили крейсерской скорости. Пока они еще напоминали древние парусные суда, скользящие по воде, хотя были скоростными судами зараженной зоны.

Жек бросился вслед за шумными глиссерами. Члены экипажей хохотали, стучали ладонями по перилам ограждения. Кое-кто выхватил оружие и делал вид, что целится в него. Яркие тюрбаны таяли в горячих потоках воздуха.

Горло и легкие Жека кололи раскаленные добела иглы. Он хотел бросить свою затею, рухнуть на траву и ждать, когда смерть прекратит его мучения. Но с отчаянием пересилил искушение, сжал зубы и попытался ускорить бег. Он догнал последний глиссер и ощутил потоки воздуха от винтов. Он слышал крики и смех экипажа. Он вскинул голову, выбрал одно лицо из тех, что нависали над ним, и из последних сил крикнул:

— Видук Папиронда!

Его блеющий голосок растворился в реве двигателей. Ноги отказались держать его. Истощенный бегом и побоями карантинцев, он потерял равновесие и рухнул на землю. И долго лежал, истекая по́том и пытаясь отдышаться.

Когда он открыл глаза, белые пятна глиссеров уже исчезали в далеком тумане. На мгновение ему показалось, что они разворачиваются, и его охватила невероятная надежда. Потом понял, что был обманут собственным могучим желанием жить. Вороны-мутанты один за другим расселись вблизи от него.

Глава 4

Невелико было количество тех людей, которые отдавали себе отчет в том, что скаиты Гипонероса натянули гигантскую сеть над их головами.

Кем они были? Что они хотели?.. Никто не знал этого.

Когда Паминкс вернулся на Гипонерос, на таинственную планету, которую не мог найти на звездных картах ни один астроном, вместо него у руля встал сенешаль Гаркот.

С его приходом начался период, названный Террором Экспертов, или Великим Стиранием.

Вышки надзора за мыслями вознеслись над крышами домов, повсюду множились огненные кресты. До нас доносились стоны мучеников, душераздирающие крики матерей, чьих детей подвергали пыткам...

Но были и более отвратительные дела.

Пока император Менати и его советники оглушали себя торжественными празднествами, происходили чудовищные вещи.

Куда подевались наши гордые и вызывающие сиракузяне времен завоевания?

В каком аду заблудились человеческие боги?

Выдержка из апокрифического ментального текста, уловленного Мессаудином Джу-Пьетом, сиракузским поэтом первого периода постанговской империи. Некоторые эрудиты считают, что речь идет о рассеянных мыслях Найи Фикит, уроженки Сиракузы

Глубокая тишина царила в узком проходе, вырытом под старым сеньорским дворцом. Подвижный луч лазерного факела облизывал растрескавшиеся плиты пола. Иногда в свете факела вспыхивали фосфоресцирующие огоньки, и Гаркот замечал темные тельца, исчезавшие в многочисленных отверстиях в стенах.

Чем дальше сенешаль углублялся в чрево подземелья, тем больше ему встречалось кошкокрыс, грызунов с серой шерстью, круглыми глазами и острыми ушками. Пятнадцать универсальных лет Гаркот не ступал ногой в этот лабиринт. С того момента, как запер здесь Паминкса, бывшего коннетабля сеньоров Аргетти и Ранти Анг.

Гаркот был единственным существом во вселенной — за исключением спор-властителей Гипонероархата, — знавшим, что Паминкс никогда не покидал Сиракузы. По официальной версии, выполнив свою задачу, бывший коннетабль вернулся на Гипонерос, чтобы насладиться там заслуженным отдыхом. Император Менати и все остальные быстро похоронили воспоминание о том, кто так ловко подготовил создание империи и воцарение семьи Ангов. А у сенешаля было достаточно забот, чтобы не интересоваться судьбой своего предшественника. Он бы, быть может, и вовсе забыл о его существовании, но два часа назад получил импульсный приказ спор-властителей о возобновлении контакта с пленником.

Гаркот, нетипичная и недисциплинированная спора, вначале яростно сопротивлялся приказу. Проникнув в тончайшие ментальные механизмы людей, он все чаще избирал их способ действия и дискуссий, даже нарушая распоряжения Гипонероархата. Ему не потребовалось много времени, чтобы разобраться в том, что было одновременно слабостью и силой людей: способ вращать весь мир вокруг крохотного мирка, который назывался «эго». Но, если обычно властители Гипонероса не обращали внимания на его непослушание и позволяли действовать по собственному разумению (по-видимому, это приносило пользу), на этот раз они проявили неуклонную решимость, и у него не осталось иного выбора, как подчиниться.

Будучи главным резидентом шестого этапа Плана и скаитом высшего эшелона власти, Гаркот привык проявлять инициативу, но ему открыто посоветовали не выступать против фундаментальных интересов Гипонероархата. Он напрасно гордился тем, что обладает индивидуальным сознанием, собственным эго, он оставался только голосом в общем хоре творения. Его мысли никак не влияли на стабильность и расширение вселенной. Даже если люди утеряли возможность управлять миром, они еще главенствовали в нем. По мнению скаитов, это была излишняя привилегия, которую они собирались отменить. Гаркот вышел из матричных ванн, и споры-властители в любой момент могли его растворить и заменить типичной спорой. Они выиграли бы в безопасности, но потеряли бы в объеме получаемой информации.

Они не погнушались небольшой угрозой, показав, что ждет его в случае отказа подчиниться. Эпителиальное покрытие и жизненные органы Гаркота начали внезапно сокращаться. Под его черепом пронесся ледяной вихрь, затем его подхватил ураган и бросил в бездонную пучину, где он потерял всякое ощущение пространства и времени. Его тело — плохо изготовленное и ненавистное тело — таяло в кислом, жгучем газе, плотность которого напомнила плотность питательной жидкости матричных чанов. Его дух, его спора покинула тело и растворилась в одном из двух конгломератов Гипонероархата...

Он пришел в себя в приемной своих апартаментов во дворце Аргетти Анг. Целых три минуты понадобилось ему, чтобы связать все нити своего существа и вновь обрести мозг со всей его памятью. Он понял, что импульс на растворение был всего лишь ментальным внушением, телепатической иллюзией... Простым предупреждением... Он ощутил облегчение, ибо, будучи эгоцентричной спорой, ценил индивидуальное ощущение

своего субъективного эго. Потом перед ним открылись новые перспективы: если он хотел остаться в живых (жизнью было именно это излишнее восхитительное чувство собственного существования), ему надо было научиться рассчитывать, мошенничать. Он не знал реальных намерений спор-властителей, но отныне постарается полностью удовлетворять их требования. Он испугался растворения, как люди пугаются смерти.

В таком новом расположении духа он направлялся к Паминксу, запертому вот уже пятнадцать лет в подземной камере в Венисии. Он надел белый бурнус мыслехранителя и пешком прошел десять километров, отделявших новый императорский дворец от старого сеньорского дворца, возведенного на высотах квартала Романтигуа. Ни ночные патрули полицейских, ни редкие прохожие не обращали на него ни малейшего внимания. Что касается кордона пурпурной гвардии, окружавшей старое здание, превращенное в резиденцию для почетных гостей, то он не стал его преодолевать. Он воспользовался подземным ходом, ведущим с соседней улочки, вход в который был тщательно замаскирован. Только еще одно существо во вселенной знало о существовании этого прохода, оборудованного бронированными тамбурами и кодами. Им был Паминкс.

По мере приближения к тяжелой стальной двери камеры Гаркота охватывало возбуждение. Ему было любопытно узнать, в каком состоянии он найдет пленника после долгих лет заключения в грязном закутке. Хотя скаиты, в отличие от людей, не имели кровеносной системы, обходились без кислорода, воды и пищи, а некоторые споры выжили после тысячи универсальных лет пребывания на планетах, совершенно лишенных каких-либо ресурсов (историческая информация, впечатанная в мозг во время нахождения в матричных чанах). Но каким окажется влияние изоляции и безмолвия на спору, которая, как Паминкс, всегда жила в шумном и яростном человеческом обществе?

Луч лампы уткнулся в завал из камней и земли. Обрушился свод, в провал натекла грязь и застыла в виде сталактитов. Несколько грызунов с яростным писком разбежались в разные стороны. Их хвосты исчезли в щелях между плитами стен.

Странная судьба у этих зверей, подумал Гаркот. *Все существование посвящено лишь воспроизводству автоматики инстинкта. Ни счастливые, ни несчастные. Освоили места, заброшенные человеком. Живут в тени людей. Невидимые вассалы человека...*

Металлическую дверь камеры затянула зеленоватая пленка. Обоняние у скаитов обычно не было развито, но

вонь плесени в замкнутом пространстве подземелья возбуждала некоторые нервные импланты в мозгу Гаркота.

Он потратил пять минут на расчистку древнего замка двери, погребенной под толстым слоем земли. Потом пальцами — из своей телесной оболочки он больше всего ненавидел пальцы, наросты из растрескавшейся зеленоватой плоти были дальними родственниками изящных отростков с ногтями у людей — набрал код, ударяя по круглым твердым клавишам консоли. Ему не надо было его вспоминать. Он просто забрал его из соответствующего отдела памяти.

Механический затвор двери выскользнул из скважины с сухим щелчком. Дверь повернулась на петлях с ужасающим скрипом. Гаркот проскользнул в приоткрывшуюся щель и оказался в камере, низком, тесном помещении, вырытом в скалистом грунте. Во время господства Планетарного комитета эта камера была нулевой точкой, от которой в разные стороны потянулись коридоры подземного лабиринта, куда бросали целые семьи сиракузян, где их подвергали пыткам и убивали. Лабиринт ужаса, который по приказу Микели, первого сеньора Анга, был засыпан после артибанических войн. Специалисты по древней истории утверждали, что, если бы им позволили провести раскопки в фундаментах сеньорского дворца, они бы, возможно, извлекли скелет Артибана Сен-Нойла, великого освободителя Сиракузы, таинственно исчезнувшего в первые часы после победы его армий. Но официальные историки императорского двора яростно опровергали их доводы...

Луч фонаря вначале выхватил из тьмы груду скелетов, напугал кошкокрыс, которые бросились в бегство, услышав внезапный грохот, лизнул неровный пол, закругленные стены, потолок, который подпирали ржавые столбы.

— *Я ждал вас, господин эксперт...*

Существо, которое телепатически вошло в контакт с мозгом Гаркота, могло быть только Паминксом. Давно — более пятнадцати универсальных лет — сенешаль не слышал этого старого титула эксперта. Но в свете фонаря не было видно ни фигуры, ни бурнуса, ни тела... Только пол, усыпанный костями, камнями и экскрементами кошкокрыс.

Гаркот вначале решил, что Гипонероархат лишил Паминкса его телесной оболочки. Но базовые данные тут же информировали его, что лишенная телесной оболочки спора почти тут же растворяется в одном из двух конгломератов, а потом, возможно, попадает в матричные чаны, получая новый облик и новую личность.

Что-то шевельнулось перед Гаркотом. Он различил коричневатую фигуру, которая медленно отделилась от стены. И понял, почему не заметил пленника сразу: укрывшись в провале стены, Паминкс был засыпан землей.

Коннетабль выпрямился во весь свой немалый рост. Он был обнажен, если понятие наготы имеет смысл для скаита. Быстрыми движениями руки он стряхнул пыль с кожи. Его выпученные желтые глаза постепенно обрели свойственную яркость.

У Гаркота возникло неприятное ощущение, что он смотрится в зеркало. И подумал, что придворные, глядя на него, испытывают такое же отвращение. Споры-властители были правы: он никогда не войдет в хор творения. И спросил себя, а не специально ли Гипонероархат придал отвратительную внешность десяти тысячам скаитов матричного завоевания: нельзя походить на тех, кого презираешь.

— Жаль, что должен предстать перед вами без бурнуса, господин эксперт. Кошкокрысы съели его до последней нитки... Какой способ общения желаете использовать: ментальный или голосовой?

— Ментальное общение меня вполне устроит, — ответил Гаркот, тут же переходя с тончайших телепатических вибраций на более грубые вибрации собеседника. *— Если только сами не желаете слышать звук своего голоса.*

— Нет. Я привык к тишине, которая царит здесь. Она напоминает мне тишину матричного чана...

Несколько минут они ничего не излучали. Ни тот, ни другой не знали причин, по которым споры-властители запрограммировали их встречу в этой камере. Отсутствие информации сбивало с толка обоих. Скаиты обычно поддерживали строгие иерархические отношения. Никаких личных, эмоциональных и субъективных взаимоотношений не существовало между скаитами верхних эшелонов власти, запрограммированных на управление, и остальными — мыслехранителями, ассистентами, надзирателями, стирателями, обязанными только подчиняться. Но ни Паминкс, ни Гаркот не могли ни принимать, ни отдавать приказов друг другу.

— Меня больше никто не называет господином экспертом, — начал Гаркот.

— Импульс спор-властителей, предупредивший меня о вашем визите, известил также, что вас назначили сенешалем империи Ангов. Будь я человеком, я бы гордился своим учеником.

— Но вы не человек?

— Нет. Я изучал механизм гордыни наряду с прочими ментальными механизмами человека, но это понятие остается мне чуждым. Напротив, в вас я ощущаю мозговые импульсы, очень похожие на эмоции. Человеческая суть вас околдовывает, господин сенешаль...

Гаркота вначале удивила легкость, с которой Паминкс разоблачил его. Потом вспомнил, что понизил уровень вибраций мозговых волн, чтобы вести разговор с бывшим коннетаблем. Сделав это, он приоткрыл брешь в своей защите, и его собеседник немедленно воспользовался этим.

— Я не упрекаю вас в интересе к ней, — продолжил Паминкс. *— Он был необходим для матричного завоевания. Доказательство: вы стали резидентом шестого этапа Плана. Спорам-властителям, вероятно, нужна была дополнительная информация об эмоциональных механизмах человека.*

— По-вашему, Гипонероархат специально создал меня нетипичным...

— Иррациональность, отсутствие логики, импульсивность — вот главные черты человеческого характера. Все аберрации их поведения можно выразить одним словом: чувствительность. Не важно, где они живут, не важно, каково их социальное положение, не важно, какую роль они играют. Все они обладают первичным, основным инстинктом — быть признанным, быть любимым. Для споры-логика, которая ищет абсолютную эффективность, чувствительность есть понятие абсурдное и неприемлемое.

— Тогда останемся в рамках логики, господин коннетабль. Почему такая общность, как Гипонероархат, не имеющая даже понятия об эмоциях, имплантировала чувства в мозг одной из своих спор?

— Мои информативные данные весьма неполны в этом плане. Я только знаю, что мне позволено сообщить вам: споры-властители предусмотрели в ваших мозговых цепях зону нестабильности. Эта зона заставляет вас соотносить себя с окружением, а вы пытаетесь заполнить ее желанием получить личное признание. Отныне вы стали очень важным банком данных для Гипонероархата...

Успокоенные неподвижностью обоих скаитов, несколько кошкокрыс вылезли из нор и принялись кружить вокруг бурнуса Гаркота. Но боялись пересечь границу светового круга на полу и стене.

— Вы разочарованы, не так ли, господин сенешаль? — продолжил Паминкс. *— Вы считали свою эволюцию плодом собственных усилий. Вы ринулись в бездну собственного недостатка столь же безоглядно, как и люди. Но, в отличие от оригинала, ваша пустота есть пустота искусственная, обман, артефакт.*

Вы не получите никакого ответа, вы ничего не достигнете, но можете изведать страдание...

Гаркот ногой отбросил самое наглое животное, вцепившееся в полу его бурнуса. Он вдруг осознал, что был, как и этот грызун, существом, предназначенным для выполнения общего дела, существом, которому было приказано идти на риск, которого подставили под удары, обрекли на страдание. Насилие было ответом на наглость зверька, моральное страдание было наказанием ему, Гаркоту, за отличие от остальных. Он понял, что к нему обращалась не спора Паминкса, а весь Гипонероархат. И спросил себя, для чего нужна была подобная мизансцена. Споры-властители могли общаться с ним с помощью импульсов.

Грызуны, ощутив опасность, с писком разбежались.

— Ваше ощущение страдания столь же иллюзорно, как и ваша пустота, господин сенешаль.

— Как вы можете утверждать такое? Вы не знаете, о чем говорите...

— Быть может, но достаточно имплантировать новую нейрологическую программу, чтобы заполнить эту искусственную пустоту и восстановить единство вашей споры. Мои базовые данные содержат эту программу.

— А если я откажусь?

— Будете растворены в одном из двух конгломератов, а мы переделаем вашу спору и поместим ее в новую оболочку. Потом подготовим людей к встрече вашего преемника... Дополнительный этап... Возможная потеря времени, которая учтена при расчете вероятностей...

— С какой целью? Не проще ли уничтожить людей смертельным излучением?

— Я не располагаю нужными информативными деталями, чтобы правильно ответить на ваш вопрос. Я был всего лишь резидентом пятого этапа, которому было поручено создать систему мыслехранителей и способствовать установлению централизованной власти. Моя задача: одно правительство, одна религия для всех миров Млечного Пути... Главной моей целью был орден абсуратов: он был символом и гарантом системы многих правительств, которые очень трудно контролировать. Ваша роль резидента шестого этапа состояла в создании надзорных башен, развитии проекта скаитов-стирателей и уничтожении всех следов индисской науки на всех известных мирах.

— Именно этим я и занимался...

— Частично... только частично. Вы до сих пор не знаете, где скрываются наши истинные противники: Афикит Алексу, Тиксу Оти с Оранжа и их воители безмолвия.

— Должен вас разочаровать, господин коннетабль. Я напал на их след. Я только не успел передать эту информацию спорам-властителям.

— Вернее будет сказать, что вы ее сознательно скрыли. У вас исключительно тонкие мозговые излучения, чтобы уйти от импульсов обследования. Есть ли у вас причины хранить эту информацию исключительно для себя?

— Тайна... эффективность... рентабельность...

— Иррациональное поведение, как у человека, господин сенешаль. Спорам-властителям жизненно необходима эта информация, чтобы дополнить свои данные...

Болезненный удар ногой по морде не разубедил кошкокрыса провести новое нападение. Гаркот почувствовал, что мощные челюсти сомкнулись на толстой ткани бурнуса, но на этот раз сенешаль дал возможность грызуну вцепиться когтями в его одежду.

— Как вам удалось отыскать след воителей безмолвия? — настаивал Паминкс. *— Зачатки индисской науки защищают их от ментального обследования. Быть может, вас ввели в заблуждение многие легенды, ходящие на их счет?*

— Я хоть и нетипичный скаит, но умею отличить миф от реальности, господин коннетабль. Я основывался на странных способностях дамы Сибрит.

— А как императрица замешана в эту историю?

— Я обратил внимание, что ее сны, чистое выражение подсознания, иногда приоткрывают двери в будущее, словно она осуществляет прыжок во времени и пространстве... Так, она предвидела смерть Тиста д'Арголона, смерть Ранти Анга и двух своих сыновей...

— По моим данным, такие способности являются рудиментами... кометами, которые мелькают в их внутреннем мире... рассеянными крохами индисской науки...

— Я также заметил, что она изредка видит сны о мужчине и женщине, Найе Фикит и Шри Лумпа. Иными словами, речь идет о дочери Алексу и оранжанине Оти Тиксу... Как ей удается воссоздать так точно образы людей, которых она никогда не видела? Я предположил, что они объединены неощутимыми связями (быть может, теми самыми рудиментами) и что раньше или позже императрица выведет меня на их след. Поэтому я оборудовал тайную комнату рядом с покоями дамы Сибрит и ночь за ночью следил за ее снами...

— Правда ли, что только вы можете взламывать ментальный барьер мыслезащитников, а они ничего не замечают?

— На это способны все мои ученики... Но мы предпочитаем хранить эту информацию в тайне. Пусть люди верят, что они пользуются ментальной защитой.

— «Мы...» Осторожно! Вы сейчас приносите в жертву свою прекрасную индивидуальность, господин сенешаль...

Юмор Паминкса — Гипонероархата — застал Гаркота врасплох. Юмор не характерен для скаитов.

— Не забывайте, что наши данные меняются одновременно с вашими, — добавил Паминкс. *— Вы — та спора, которая имплантировала юмор в центральную память Гипонероархата... Вы говорили о снах дамы Сибрит...*

— С годами ее сны все чаще касались девицы Алексу и Тиксу Оти. Я узнал, что они живут на пустынной планете, что у них родилась дочь по имени Йелль, что они осуществили инициацию учеников. Их всего сотня, но они уже знакомы с практикой индисской науки. Легенды также упоминают о некоем махди Шари из Гималаев, но я никогда не видел его в ночных странствиях императрицы. И поэтому не знаю, реален ли этот персонаж...

Кошкокрыс яростно дергал головой, и Гаркоту пришлось отклониться назад, чтобы удержаться на ногах под напором грызуна.

— Однако в снах не уточняется, о какой планете идет речь. Это — мир, подходящий для проживания человека, но таких тысячи в пределах Млечного Пути. Бессмысленно посылать инквизиторов и наемников-притивов на разведку: у воителей безмолвия есть свои собственные наблюдатели, часовые, которые сменяют друг друга и которые определяют малейшие ментальные вибрации за тысячи километров.

— Значит, мы не можем к ним приблизиться.

— Немного терпения, господин коннетабль... Видя, что мои поиски не ведут к успеху, я взял на себя риск проникнуть в сны дамы Сибрит. Вначале я не добился никакого результата: даже подсознательно она мне не доверяла. И понял, что должен предстать перед ней в виде знакомого ей существа, одного из тех, кто в детстве помогал воспитывать ее. Порывшись в архивах ее подсознания, я открыл, что на нее оказали сильное впечатление сказки о зверях ее родной провинции Ма-Жахи. Особое пристрастие она питала к Вал-Гуа, медвигру со шкурой из розового опталия, с изумрудными глазами и алмазными когтями. Я внушил ей, что являюсь Вал-Гуа, и смог свободно разгуливать по ее снам... У людей очень странные сны, господин коннетабль: вначале трудно найти последова-

тельность в постоянной смене образов, кажется, что ни разум, ни логика не имеют места в этом мире, который управляется случаем, абсурдностью...

— Однако человеческие сны воздействуют на равновесие вселенной, — перебил его Паминкс. — *Странная способность, обеспечивающая их статус людей.*

— Не буду пересказывать детали, господин коннетабль, но знайте: моя настойчивость позволила мне войти в континуум снов императрицы. Вал-Гуа стал главным персонажем ночей дамы Сибрит. Каждый раз как появлялись дочь Алексу и Тиксу Оти, я задавал императрице вопросы, заставляя вносить уточнения. Все это потребовало двенадцати универсальных лет, двенадцати лет ночных бдений в закутке; за исключением тех более или менее продолжительных периодов, когда дела Ангов призывали меня на другие планеты, но я добился своей цели. Теперь я знаю, где скрываются воители безмолвия...

Гаркот перестал вещать и несколько секунд смотрел на кошкокрыса, терзавшего его бурнус. Остальные грызуны, не столь отважные, держались поодаль от скаитов.

— Знать — одно дело, действовать — совершенно другое, господин сенешаль. Вам надо было поделиться своими знаниями со спорами-властителями.

— Я не нуждался в советах Гипонероархата, чтобы принять нужные меры, господин коннетабль. Я собрал все необходимые данные: я знаю цель и имею средства эту цель поразить... Дочь Алексу и Тиксу Оти с Оранжа скоро будет нейтрализована. Окончательно.

— Ваше обращение к Хранительнице Врат связано с этой целью?

— Перед тем как ответить вам, мне хотелось бы понять истинные причины нашей встречи...

— Вернее, хотите знать об участи вашей индивидуальности, вашего «я», вашего эго... Вы научились шантажу у людей?

Бурнус Гаркота разорвался с легким треском. Кошкокрыс упал на спину, вцепившись когтями в кусок белой ткани. Он не успел подняться, а тем более унести драгоценную добычу в нору: остальные грызуны бросились к нему и разорвали лоскут на части. Он пытался огрызаться, но зверьков было слишком много, и они с пронзительным визгом стали царапать и кусать его. На серой шкурке появились красные круги. Он перестал сопротивляться и отдал добытое с трудом добро. Инстинкт выживания взял верх. Гаркот был разочарован, хотя не понимал почему.

— Разочарование... еще одна человеческая характеристика, — заговорил Паминкс. — *Ваше время заканчивает-*

ся, господин сенешаль. Десять тысяч спор матричного завоевания, находящиеся на трехстах семидесяти семи планетах, обжитых человеческими расами, растянули сеть с тончайшими ячейками. Настал момент определиться с резидентом седьмого этапа Плана...

— Как вы заметили, я установил непроходимый барьер в мозгу вокруг некоторых своих данных, — возразил Гаркот. *— Ими можно воспользоваться, только если я проявлю волю. Если вы растворите меня в одном из двух конгломератов, вы окончательно потеряете след дочери Алексу и...*

— А кто вам говорит о растворении?

— Тогда что означает ваше выражение «ваше время заканчивается»?

Последовало долгое молчание, но Гаркот четко ощущал присутствие Гипонероархата в мозгу собеседника.

— Ваше время уникальной споры, — наконец ответил Паминкс.

— Уточните...

— Отныне вы стали ядром-основателем третьего конгломерата...

Гаркот бросил взгляд на раненого кошкокрыса, чье окровавленное брюшко конвульсивно содрогалось.

— Моя память не содержит имплантов образования конгломерата...

— Я обладаю этими данными, — сказал Паминкс. *— Разве я вам не сообщил несколько минут назад о программе, предназначенной для устранения пустоты в вашем мозгу?*

— И как вы ее имплантируете?

— Осуществив первое слияние третьего конгломерата, господин сенешаль... Слив мою спору с вашей... Вы не потеряете своего субъективного ощущения, которым так дорожите. Оно будет обогащено моими данными.

— Вы и я — резидент седьмого этапа Плана...

— Намного больше. Мы сможем посылать импульсы на растворение каждый раз, как нам это понадобится, сможем перерабатывать споры, наделяя их новой оболочкой. Моя память хранит химическую формулу питательной жидкости матричных чанов. Это подземелье прямо предназначено для установки новых чанов... Здесь мы спокойно переделаем мыслехранителей в стирателей... Когда я говорю «мы», я вовсе не собираюсь коверкать вашу драгоценную индивидуальность...

Гаркот не мог не испытывать некоей радостной гордости (такая гордость была продолжением эгоцентризма). Гипонероархат не только не угрожал ему растворением, но при-

знавал его заслуги и давал ему средства — могучие средства конгломерата — для продолжения личных исследований в эмоциональной и мозговой областях. Споры-властители исподволь признавали обоснованность его работы. Они решили пойти по опасному пути, который он наметил, не заставляя его возвращаться на прямые тропы, намеченные ими. Став конгломератом, он получал доступ ко всем данным коллективной памяти Гипонероархата. План матричного завоевания будет открыт ему во всей полноте. Отныне ни одно решение не будет приниматься без его согласия.

И не осталось никакого сострадания (сострадание, которое обязательно вело к страданию) во взгляде, который он бросил на раненого кошкокрыса. Лежащий на спине грызун был символом проигрыша, абсурдной жертвы в пользу коллективного интереса. Без его отчаянной храбрости остальные, более трусливые, зверьки никогда бы не получили обрывка ткани, но теперь они забыли о нем, и грызун истекал кровью при всеобщем равнодушии. Гаркот наклонился, схватил камень и размозжил череп зверьку. Брызги крови запачкали его бурнус.

— У вас меньше терпения, чем у меня, господин сенешаль. За пятнадцать лет пребывания здесь я не убил ни одного грызуна. Первое время я наблюдал за ними, не зная, чем заняться. Через два часа я разобрался с основными механизмами их инстинкта, еще через три часа смог подражать их крикам и поведению доминирующих самцов и на полчаса занял их место... Ради развлечения... Я охладел к своей затее, когда меня стали домогаться самки. Я вряд ли сумел бы им объяснить, что у меня нет органов размножения. И дал им возможность сгрызть мой бурнус, а потом устроился в этой нише, где мой мозг сам собой распрограммировался. Я потерял всякое ощущение времени. Пока не получил импульс от Гипонероархата и сообщение о вашем визите...

— Каким способом мы проведем слияние наших спор? — осведомился Гаркот.

— Простым соединением ртов... Они не только звуковые резонаторы... Вы готовы?

Гаркот выпрямился. В это мгновение подспудная отравленная мысль промелькнула в его мозгу: не обманули ли его споры-властители? Не сотрут ли данные Паминкса его эгоцентричное видение мира, его субъективное ощущение самого себя? Не было ли притворством согласие с его условиями и возведение в ранг суверенной единицы, чтобы выкрасть его тайные данные и с успехом переделать его?

— Видите, куда недоверие завело человеческие расы, господин сенешаль: на край пропасти... Десяти тысячам спор под силу уничтожить сотни миллиардов людей...

— С какой целью?.. С какой целью?

Резкие телепатические волны Гаркота возбуждали нервные импланты в мозгу. Ему непременно нужен был ответ на этот вопрос. Он отбросил сомнения и подошел к Паминксу. Бывший коннетабль наклонился к нему и осторожно коснулся растрескавшимися губами (хотя вряд ли эти наросты можно было назвать губами) губ сенешаля.

Гаркоту эта карикатура на поцелуй казалась гротескной. Он иногда видел мужчин и женщин, слившихся в страстном поцелуе, но то слияние влажных эластичных губ людей околдовывало, а объятие двух скаитов граничило с абсурдом.

Гаркот внезапно ощутил прилив жара к основанию черепа. Ему показалось, что его нервные сети не принимали внезапного повышения уровня энергии. Потом к нему вернулось внутреннее спокойствие, и он понял, что получил доступ к новой фантастической информации. К полной памяти Гипонероса... Отныне он увидел людей в истинном свете и пообещал себе, что приложит все силы для их полного уничтожения.

Данные не уточняли, по каким причинам комплекс (отрицательная сила, скорее абсолютное отрицание, чем комплекс) невероятного ужасающего могущества, который создал Гипонерос, с таким остервенением боролся с человеческими расами. Гаркот догадывался об иных битвах, которые разворачивались в сферах, куда ранее ему был закрыт доступ. Но ему уже было все равно: пустоту внутри него заполнили, и ему было достаточно осознавать себя оружием, которое окончательно сбросит человека в бездну небытия. Споры-властители Гипонероархата не полагались на случай: они сформировали его так, чтобы люди произвели на него почти гипнотическое впечатление, а когда он идентифицировал себя с оригиналом, они заполнили искусственную пустоту данными, в основе которых лежала непомерная ненависть.

Телесная оболочка Паминкса, лишившись своей жизненной споры, опустилась на пол, как пустой мешок. Кошкокрысы, возбужденные возможностью разорвать труп, бросились на останки бывшего коннетабля. Но напрасно: оболочка превратилась в слой ржавой пыли до того, как первый грызун коснулся ее зубами.

Розовый Рубин, звезда первого дня, появилась на небосводе, бросая пурпурные лучи, когда сенешаль Гаркот,

ядро третьего конгломерата Гипонероса, вышел на узенькую улочку в квартале Романтигуа. Хотя его белый бурнус был разорван и забрызган кровью, полицейские не осмелились его остановить.

Глава 5

Эти события происходили задолго до того, как ядерная колдунья и ее сыновья, разбушевавшиеся атомы, вернулись в лоно Гареса, до того, как ядерная пустыня нашей матери, планеты Ут-Ген, вновь стала цветущей долиной... Я не знаю, сколько людей рассказывали эту историю до меня... В те времена случилось так, что маленький житель с поверхности разделил участь карантинцев, спасшихся из Террариума. Почему он оказался вместе с ними? Никто этого не знает, кроме, быть может, махди Шари из Гималаев, который умеет читать в сердцах... Он бежал по эвакуационной галерее, но по ту сторону великого изолирующего барьера тысячи воронов-мутантов со светящимися клювами напали на него. Он был спасен и подобран крысами пустыни, которыми командовал сеявший страх капитан Годован. Таковы были наши предки из зараженной зоны: они без колебаний спасли жителя поверхности, одного из тех, чьи соплеменники приказали пустить газ и залить бетоном колодцы Террариума. Как истину повторяю: доброе дело никогда не пропадает... Ночью прожорливые пятнистые гиены, живущие в самом сердце облученной зоны, напали на атомный флот крыс пустыни... Сражение продолжалось три дня и три ночи, но гиен было так много, что они сломили героическое сопротивление людей капитана Годована. И когда они уже бросились на этих воинов, чтобы сожрать, маленький житель поверхности встал перед ними и затянул безмолвную песнь. И околдованные гиены улеглись у его ног. Маленький житель поверхности простил их, и гиены удалились в пустыню со слезами на глазах. И слезы их пали на землю и дали рождение великой реке Сострадания, той реке, которая величаво катит свои воды позади меня... С того дня пятнистые гиены исчезли, и никто никогда больше их не видел. Рассказывают, что они превратились в ангелов света, и думаю, что это правда... Что касается маленького жителя поверхности, то встает вопрос: а не был ли он воителем безмолвия?.. Я же ставлю вопрос по-иному: не был ли он махди Шари из Гималаев?

Легенда, рассказанная Лоннесом, капитаном-колдуном бывшей ядерной пустыни на Ут-Гене

Вороны-мутанты все больше смелели и становились агрессивнее. Орущая туча черных перьев со светящимися клювами и острыми когтями подбиралась к мальчугану, кото-

рого бросили соплеменники. Обычно стервятники следовали за глиссерами и накидывались на огромные мешки с отходами, которые выбрасывались за борт для пятнистых гиен из сердца пустыни. Но сегодня им досталась живая добыча, человеческий детеныш, который мог защищаться, только размахивая руками и издавая пронзительные вопли. Стервятникам сегодня не приходилось опасаться лучей смерти, которые иногда вылетали с глиссеров, сея гибель в их рядах.

Ноги Жека весили тонны. Плечи онемели от боли и отказывались ему подчиняться. Крылья, клювы и когти опасно приближались к его голове, иногда касаясь волос. Пока ему удавалось держать воронов на расстоянии, размахивая руками, но усталость и отчаяние лишали его последних сил. Он был уже готов отказаться от борьбы.

Он не знал, сколько километров прошел с момента, когда белые точки глиссеров растаяли на горизонте. Он потерял ощущение времени и пространства. Плотный туман, поглотивший красноватый диск Гареса, превращал пустыню в однообразную сероватую протяженность.

Маленький анжорец пустился по следам глиссеров, надеясь, что ему встретятся холмы, пещеры, где можно будет укрыться, но плато было равномерно плоским до самого горизонта. Иногда Жек оборачивался и пытался оценить расстояние до магнитного барьера. Но чем дальше он уходил, тем больше ему казалось, что он приближается к нему. Оптическая иллюзия, сказал бы па Ат-Скин, принимая важный вид знатока. А не был ли образ родителей, который Жек хранил в памяти, тоже оптической иллюзией? Как магнитный барьер, который рос по мере того, как таяла надежда вновь их увидеть.

По спине вдруг прокатилась невыносимая боль. Стоило ему на мгновение погрузиться в свои мысли, как ворон-мутант сел ему на плечо и точным ударом клюва вырвал кусок мяса. Рубашка и пиджак тут же пропитались теплой и липкой кровью. Словно его пронзила раскаленная шпага. Зубы его начали выбивать дробь, его бил озноб. И ему вдруг показалось, что он передвигается внутри жидкой массы, вязкой и холодной.

В памяти в ускоренном темпе побежали образы и ландшафты: он увидел друзей из квартала Отх-Анжор, улицы и площади столицы, колодцы и галереи Террариума, гротескное лицо старого Артака, диких зверей из синегенетического парка, дя Ор-Лила с его огромным газовым ружьем, наблюдательные вышки, восковое лицо какого-то крейцианского миссио-

нера, маленького карантинца, увязшего в жидком бетоне, спальню-гостиную родного дома... Па, ма... Огромные и светящиеся, как магнитный барьер... Как ни странно, но они сняли облеганы и стояли перед ним во всей своей красе... Лысый череп па, длинная волнистая шевелюра ма... Их глаза лучились невероятной нежностью... Они раскидывали руки, улыбались, бормотали непонятные фразы...

Стервятники, возбужденные видом и запахом крови, бросились на добычу, чтобы добить ее. Они, словно туча мух, яростно дрались между собой за лучшие места. Когти скользили по черепу Жека, клювы били по рукам, ногам, ягодицам, спине. Земля ушла из-под ног Жека, он потерял равновесие под массой хищников. И во весь рост вытянулся на жесткой траве пустыни. У него не было ни сил, ни желания защищать затылок руками. На его тело обрушился град жгучих ударов. Он слышал глухой стук обрушившихся на него клювов, которые пронзали кожу, заживо раздирая его. Он очутился на грани боли и потери сознания, на грани ужаса и облегчения. Иногда кривые когти скользили по кости, задевали нерв. Волны боли пронзали его, отбрасывая к границам безумия. Ему показалось, что он видит отверстие, наполненное голубым светом, которое притягивает его к себе. Сирены потустороннего мира поют призывные, нежные песни. Остатки воли к жизни толкают его на мятеж, он отвергает неизбежный исход. Слишком рано умирать в восемь лет. Судьба, эта пресловутая судьба, которая так обожает подшучивать над людьми, оказалась исключительно жестокой и лукавой: она не позволила ему вцепиться зубами в жизнь и насладиться ею... Он никогда не увидит Мать-Землю, колыбель человечества, он никогда не станет воителем безмолвия. Ему едва не удалось это сделать, но он предал память Артака, старого карантинца из Северного Террариума...

Вороны просовывают свои шеи под одежду, стараясь побыстрее добраться до лакомой плоти. Они нацелены на печень, сердце, самые вкусные куски. Низкий, однотонный рев перекрывает колдовской шепот, доносящийся из источника голубого света.

Вороны, вдруг обеспокоенные невидимой опасностью, прерывают пир и поднимают головы. Часть их еще сидит на жертве, с их клювов капает кровь, но остальные уже взлетели, испуганно каркают и усаживаются в отдалении. Рев, перекрывающий резкий свист порывов ветра, звучит тревожным сигналом, а отвага не входит в число достоинств крылатых стервятни-

ков. Обычно хватает одной пятнистой гиены, чтобы разогнать стаю из тысячи воронов.

Они застыли в неподвижности, внимательно всматриваются в туман, откуда в любое мгновение может появиться опасность. Страх оказывается сильнее прожорливости. Рев усиливается, разрывая тяжелую тишину пустыни. На сером фоне возникает белое пятно. Вороны-мутанты уже знают, что сжигающие лучи могут в любую секунду обрушить на них свое жаркое дыхание, знак немедленной смерти. Самые осторожные предпочитают отказаться от добычи и спешно улетают в сторону магнитного барьера. Остальные колеблются, поглядывают на добычу с сожалением, нервно колотят клювами, пытаясь вырвать еще один кусочек плоти... Сверкающая громада возникает прямо над ними. Первый же залп вызывает панику среди запоздавших хищников, которые бьют крыльями, пытаясь отлететь в сторону. Десяток птиц, срезанных лучами, камнем падают на землю, рядом с малышом, который агонизирует на песке.

Жек осторожно разлепил глаза.

Он лежал на доске, накрытой тканью. Он хотел приподняться, но повязки, обтягивающие шею, грудь, бедра и ноги, мешали сделать какое-либо движение. Обнаженные части его тела ощущали прохладные потоки воздуха. Кожа болела от множества уколов, словно вороны продолжали терзать его под повязками.

Неужели он умер? Он не помнил, как потерял сознание. Карканье, шуршание черных перьев и хлопанье светящихся клювов затихали, боль, словно по волшебству, уходила, и Жек безмятежно взмыл в воздух, направляясь в жерло голубого света. Пересек ли он порог? Вероятно... Все здесь казалось ему странным. Он лежал внутри огромного стеклянного конуса. По ту сторону наклонных прозрачных стенок блестели громадные звезды всех цветов. А еще дальше, на фоне черного неба, виднелись облака рассеянного света.

Уголком глаза Жек различил движение позади стеклянных стенок. Он ожидал увидеть ангелов, демонов, эльфидов и остальных небесных существ, о которых па Ат-Скин забыл ему рассказать, но карикатурные лица, появившиеся в поле его зрения, не имели ничего общего с теми, кого он считал обитателями загробного мира. Ему вдруг показалось, что его окружила свора гигантских крыс. Он услышал глухой рокот, вибрации сотрясли доску, на которой он лежал. Он пытался удержать глаза

открытыми, но веки отяжелели, и он провалился в сон, наполненный кошмарными видениями.

Крысы пустыни по очереди спускались в лазарет, чтобы посмотреть на спящего маленького жителя поверхности. Многие из них впервые видели здорового человека. Они подобрали его несколько часов назад в ужасном состоянии. Проклятые вороны едва не заклевали его. Корабельный колдун даже вначале решил, что ему не удастся его спасти. Он не удовлетворился тем, что наложил на его глубокие раны растения, минералы и мази. Он даже решил провести атомный ритуал, церемонию, во время которой он закрывался в радиоактивном отсеке, пускался в бешеный пляс и обращался к могуществу великой ядерной колдуньи, посланницы Гареса. Пурпурная звезда проявила благосклонность: мальчик выжил и теперь спокойно спал. Крысы пустыни, приклеившись носами к стеклянным стенкам, никак не могли налюбоваться нежным лицом и шелковистыми прядями их пассажира. Случалось, что через порт Глатен-Бат проходили здоровые люди, но они всегда оставались в посадочном зале, а у бетазооморфного населения не было лишнего времени, чтобы восхищаться правильностью и тонкостью их черт.

Ядерно-чувствительные ячейки ловили последние вечерние ветры, и глиссер на полной скорости летел над пустыней. ДохонФил, боцман глиссера, стремился покинуть территорию пятнистых гиен до наступления ночи. Вскоре им предстояло остановиться, чтобы охладить ячейки, а людей для отражения нападения безжалостных громадных хищников у него явно не хватало. Пятнистые гиены не нападали на флот, но не упускали возможности атаковать отдельные суда, получившие повреждения или вынужденные остановиться на ночь в пустыне.

Держась за ограждение носа, ДохонФил и корабельный колдун с беспокойством всматривались, как пустыню заволакивает ночной мрак. Концы их тюрбанов хлопали на ветру. Изредка вдали виднелись яркие вспышки.

— Проклятые гиены! — прорычал боцман. — Они следуют за нами! И даже обгоняют...

Ему пришлось кричать, чтобы перекрыть рев двигателей, потрескивание ячеек и свист воздуха в боковых винтах.

— Бесполезно пытаться уйти от них! — крикнул колдун. — Если мы не бросим якорь в течение часа, ячейки окончательно выйдут из строя!

Глубоко утонувшие глазки боцмана яростно сверкали.

— Годован тронулся! Вначале отказался брать на борт мальчишку, а потом приказал нам вернуться за ним...

— Нельзя называть чокнутым капитана своего клана! — сухо оборвал его колдун. — Малыш бросился вслед за последним глиссером, люди расслышали имя видука Папиронды и тут же предупредили Годована.

— А почему он ждал целых два часа, пока не принял решения?

— Быть может, проблемы со связью...

— А в результате мы в дерьме по шею с видуком или без него... Стоит ли жизнь мальчишки жизни целого экипажа, которым решили пожертвовать?

— У Годована свои соображения, а твой экипаж еще не стал жертвой, ДохонФил!

Голос колдуна стал резким. Серые волосы на его носу, щеках и подбородке были такими жесткими, что даже не колебались от потока воздуха. Эти переплетенные колючки были результатом его многочисленных пребываний в ядерном отсеке, поэтому его любовно звали «Поцелуй Смерти». И это прозвище относилось как к его колючим поцелуям, так и к функции колдуна. Он похлопал рукой по прикладу волномета, торчащего из-за пояса.

— Гиены нас еще не сожрали. У нас есть чем защититься от них...

— Час, два, быть может, четыре... Но люди едва стоят на ногах. Раньше или позже их бдительность ослабеет. Надо было оставить на борту нескольких карантинцев. Они не были бы лишними...

Пронзительный свет прервал их разговор. Они вскинули головы и обеспокоенно глянули на большой ячеистый парус: некоторые ячейки, раскрывшиеся, как лепестки цветка, стали оранжево-красными, что не предвещало ничего хорошего. Ветер затих с наступлением ночи, и ячейки, лишившись притока энергии, перегревались и могли взорваться в любую минуту, разбрасывая дождь горящих частиц.

— Выбора у нас больше нет, — сказал Поцелуй Смерти.

ДохонФил пожал плечами. Сейчас боцман с удовольствием вонзил бы кинжал в сердце Годована, капитана крыс пустыни. Он подавил гнев и, держась за ограждение, направился к кабине управления, прозрачному шару на корме.

Через пару минут стабилизационные якоря выпали из камер и развернулись под судном. Глиссер сотрясла продолжительная дрожь, и он с оглушительным шумом застыл на месте. Еще несколько минут лопасти винтов продолжа-

ли взбивать воздух, потом на пустыню опустилась плотная враждебная тишина.

Гиены атаковали, как только ночь накрыла своим черным саваном всю пустыню. Люди, стоявшие на равном расстоянии друг от друга по всему периметру ограждения, не заметили их приближения. Хитрые и терпеливые звери учитывали неустанное вращение прожекторов, которые выхватывали из тьмы окрестности. Они продвигались по закоулкам тьмы, опустив головы, почти прикрыв глаза, чтобы их желтые глаза не поймали отсвет и не выдали их присутствия.

Страх, державший людей в напряжении, не позволил им даже дотронуться до холодного ужина, который приготовил освобожденный от наблюдения Поцелуй Смерти. Их внутренности сжимались от ужаса. Даже когда флот был в полном сборе, перспектива провести ночь на территории пятнистых гиен бросала всех в холодный пот. В легендах описывалась невероятная ярость хищников ядерной пустыни. Население зараженной зоны считало их дьяволами в зверином обличье, духами зла, зачатыми тридцатью небесными фуриями. Некоторые утверждали, что гиены плюются адским пламенем, другие говорили, что их экскременты светятся, как костры. Были и такие, кто рассказывал, что их моча похожа на расплавленную лаву...

Указательные пальцы людей нервно играли на спусковых крючках волнометов. Малейший шорох, малейший вздох, малейший кашель громом разносились в тяжелой ночной тишине.

В луче прожектора, всего в нескольких метрах от кормы глиссера, внезапно возникла тень.

— Дьявол, они уже здесь! — завопил кто-то.

Волнометы выплеснули волны огня, не задевшие цель, но воспламенившие заросли сухой травы. Гиена мощным прыжком оторвалась от земли и исчезла под корпусом судна. Ее когти и клыки заскрипели на металлическом якоре.

— Вместо того чтобы накладывать в штаны, точнее бы целились! — рявкнул ДохонФил, стоявший вместе с колдуном на палубе, и разъяренно повернулся к нему: — А ты что тут делаешь? Лучше отправляйся в радиоактивный отсек. Самый подходящий момент сплясать вместе с атомами и попросить помощи ядерной колдуньи!

Колдун беспомощно развел руки. На его заросшем лице появилась огорченная улыбка.

— Один ритуал в сутки, таково правило колдунов...

— Этот проклятый мальчишка лишил нас всего, — пробурчал ДохонФил. — Он даже украл у нас любовь нашей небесной матери!

— Небесная мать не делает различий между своими детьми...

Гиена, прорвавшаяся первой, была лишь разведчиком, зверем, который должен был оценить огневую мощь глиссера. Остальная часть своры теперь знала, что к чему. У людей, похоже, не было маленьких металлических шаров, которые исподтишка разбрасывали смертельные осколки, касаясь земли. Прямые светящиеся лучи, единственный ответ на вызов разведчика, можно было легко обойти.

Гиены изменили тактику. Стараясь оттянуть момент, когда прожектора выхватят их из тьмы, они бросились в атаку на глиссер волнами по пять-шесть особей. Хотя в холке звери имели полтора метра и весили более четырехсот килограммов, они были удивительно быстры и ловки: прыгали, увиливали от лучей прожекторов, внезапно замирали, просачивались меж блестящих потоков энергии, вырывавшихся из волнометов, потом, словно предупрежденная таинственным сигналом, часть их пряталась во тьме, а остальные пытались пробраться к разведчику под корпусом глиссера.

Крысы пустыни почти не отпускали спусковых крючков. Тяжелый запах горелой плоти и крови наполнил ночь. Но трупы убитых и обезглавленных хищников, усыпавших землю, не мешали остальным продолжать приступ теми же группами по пять-шесть зверей. Они знали, что сопротивление противника рано или поздно ослабеет и тогда можно будет вскочить на палубу глиссера, преодолев три горизонтальные линии ограждения. Десяток гиен с успехом прорвались сквозь огонь и спрятались под корпусом. Они застыли там, напрягши лапы и оскалившись, ожидая, когда люди, захваченные обманными маневрами остальных хищников, забудут об их присутствии.

Над бортом вдруг возникла мощная челюсть, гиена просунула морду под нижнюю перекладину ограждения и ухватила за руку одного из защитников, который выронил свой волномет, вопя от боли и ужаса.

Только благодаря совместным усилиям ДохонФила и колдуна глиссер не был взят приступом. Боцман выпустил залп по наглой гиене, а колдун бросился к члену экипажа, чтобы оказать ему помощь. Гиена, пораженная в плечо, разжала челюсти и выпустила раздробленную до кости кисть человека. Колдун оттащил раненого на середину палубы, склонился над ним, быстро осмотрел рану и вытащил из кармана тюбик.

— Займи его место! — крикнул он боцману. — Если я сразу не остановлю кровотечения, ему не выбраться...

Боцман не ждал совета колдуна, чтобы закрыть брешь. Присев у ограждения, он вглядывался в ночь и заметил несколько пятнистых силуэтов, настолько приблизившихся к глиссеру, что лучи прожекторов только скользили по вздыбленной шерсти их загривков. Они немедленно использовали несколько секунд замешательства после наглой атаки разведчика и перешли в нападение.

ДохонФил схватил волномет раненого, положил его дуло рядом с дулом своего оружия на нижнюю перекладину и нажал сразу на оба крючка. Сверкающие лучи обрушились на гиен, которые разбежались с ужасающим хихиканьем.

Боцман рукавом вытер крупные капли пота, образовавшиеся на лбу. Им надо было продержаться до зари, когда радиоактивные ветры, поднимающиеся с восходом Гареса, наполнят энергией ядерно-чувствительные ячейки. Двадцать человек против разъяренной своры из нескольких сотен гиен... Неравный, заранее проигранный бой... ДохонФил тряхнул головой, отгоняя страх и усталость. Он окинул взглядом широкую палубу глиссера, над которой сгущался белый дым. Оружие извергало потоки волн высокой плотности. Боцман видел, что его люди, лежащие или сидящие на корточках, постепенно отходили, уступая территорию. Тактика гиен начала приносить плоды. Новая волна ненависти к Годовану окатила ДохонФила, он вскочил на ноги, решительно прижал приклады обоих волнометов к животу, готовясь дорого продать свою шкуру.

Глухие, повторяющиеся удары, сотрясавшие корпус, разбудили Жека. Ему понадобилось пятнадцать секунд, чтобы вспомнить, что вороны-мутанты отправили его в загробный мир, мир, населенный небесными существами, похожими на крыс. Потом заметил, что стеклянный конус, внутри которого он лежал, стал темным, и испугался, что крейцианские святые Страшного суда, которых так боялись па и ма, обрекли его на вечные скитания в адской пустоте. Демонические крики прорывались сквозь стеклянные стенки, как бы подтверждая ужасный приговор. Жек решил, что крысы были чудовищными созданиями, которым было поручено мучить его до скончания времен. Заледенев до костей, он пожалел, что не ходил вместе с родителями в крейцианский храм. Па Ат-Скин, как всегда, оказался прав.

Он услышал грохот оружия, скрип, вой, царапанье когтей... Ему казалось, что полки демонов ожесточенно сра-

жались вокруг него. Вначале он инстинктивно зажмурился, потом любопытство взяло верх, он робко приподнял веки и попытался рассмотреть, что творится в окружающем мраке. Он быстро привык к темноте и вскоре различил скамьи, трапы, переборки, ящики и огромные мотки веревок. То, что при первом пробуждении он принял за звезды, было погасшими прожекторами и задраенными металлическими шторами иллюминаторов. Космический ад крейциан удивительно напоминал внутренность старинного парусного судна, которое они осматривали вместе с па в морском музее Зугаса.

Ужасающий хохот иногда заканчивался долгим хрипением или яростным воплем. Маленькому анжорцу казалось, что люди над его головой в беспорядке бегали по палубе. К грохоту беготни, от которой дрожали стекла конуса, примешивались трески, шорохи, визги, словно на чердаке старого дома бесновались кошкокрысы.

Вдруг туман, окутывавший мозг Жека, разорвался, и все элементы мозаики сложились у него в голове. Он не переступил порог врат голубого света, не бродил в адской пустоте, на пребывание в которой были обречены неверующие, он не покинул мира живых, а крысы пустыни были не его мучителями, а людьми из клана, вернувшимися за ним. Он был внутри глиссера. Он успокоился, поскольку это объясняло бинты, которыми спеленали его тело: кто будет бинтовать существо, обреченное на адские скитания до скончания времен? Жек решил, что имя видука Папиронды и было причиной возвращения крыс пустыни. Артак, старый мудрец, не зря назвал это имя: оно звучало паролем, открывающим все двери. Теперь следовало узнать, с кем сражались его спасители. Судя по воплям, рычанию, ударам и беспрерывному грохоту оружия, наверху шел нешуточный бой.

Жек недолго колебался между любопытством и страхом. Он был в постоянном напряжении с момента, как покинул родительский дом, но ни газовая атака, ни заливка бетоном Северного Террариума, ни долгое бегство по эвакуационной галерее, ни агрессивность спасшихся карантинцев, ни прожорливость вороновмутантов не сломили его. Кто-то, быть может, призрак Артака или Найа Фикит, если не Шри Лумпа, казалось, не выпускал его из виду и убирал с его дороги все препятствия. Эта мысль отогнала страх, как горные ветры отгоняют городскую вонь.

Уверенный, что защищен непробиваемой броней, заклятием, которое держало смерть на расстоянии, он поспешно развязал бинты и высвободился. Кое-какие пришлось сры-

вать с ран, и из них начала сочиться густая жидкость. Он сжал зубы, борясь с головокружением. Снова объятые болью раны вызывали судороги и тошноту. Корпус глиссера качался из стороны в сторону, словно попал в бурю. Продолжительные стоны привносили мрачную нотку в доносившийся грохот, усиливавшийся с каждой секундой.

Жек был обнажен, и прохлада ночи обожгла его. Некоторые раны снова начали кровоточить. Он встал и на ощупь направился к стеклянной перегородке. Каждое движение вызывало ощущение, что его пронзали острые лезвия, глубоко взрезая его плоть. Он потратил несколько минут, пока отыскал тамбур конуса, вертикальный люк на двух петлях без ручки, но с герметичной прокладкой. Он с трудом справился с ним, поскольку пришлось одновременно поднимать тяжелую стеклянную дверцу и на карачках проползать в узкое отверстие. После трех безуспешных попыток он выбрался наружу, придержав плечом створку и выпрыгнув из клетки, пока люк не захлопнулся. Он покатился по полу, гримасничая и плача от боли. Ему показалось, что он сломал позвонки. Боль охватила все тело, парализовала его, пригвоздив к холодному металлическому полу.

Трап заканчивался широким квадратом, сквозь который виднелось небо в звездах. Мелькали тени, вспыхивали огни и скрещивались сверкающие лучи. Глиссер сотрясался от мощных толчков. Адский шум вызывал все большее беспокойство Жека. К крикам и хрипам крыс пустыни добавлялся яростный, нечеловеческий рев. Вонь в трюме напоминала вонь, которая растекалась по аллеям синегенетического парка Анжора.

Жек догадался, что крысы пустыни сражались с дикими зверьми, и хищники не были смирными от анестезии, как в парке. Ему вдруг захотелось вернуться и спрятаться в стеклянном конусе. Но он превозмог трусость, которую счел несовместимой со своим новым статусом непобедимого существа. Дрожа не только от холода, он встал, скрестил руки на груди, собирая крупицы тепла. Потом осторожно поднялся по первым ступеням металлического трапа.

На верхней палубе валялось шесть крыс пустыни с разодранным горлом. В отличие от прочих хищников, гиены не дрались за трупы, а распределяли задачи между собой: одна перегрызала горло раненой жертве, а остальные помогали атакующим, которые продолжали наседать на защитников глиссера, собравшихся в центре палубы. И только по окончании сражения до-

минирующая самка, матриарх стаи, приступит к справедливому разделу. Около тридцати зверей уже перепрыгнули через ограждение и носились по верхней палубе. Вначале они клыками и когтями разорвали кабели, подававшие магнитную энергию на прожектора. Они знали, что людям необходим искусственный свет, чтобы видеть в темноте. Гигантские снопы искр осветили ночь, и глиссер погрузился в плотную непроницаемую тьму.

Члены экипажа, сгрудившиеся вокруг ДохонФила и Поцелуя Смерти, пытались пробраться к квадратному отверстию люка, ведущего в трюм. Волнометы еще держали гиен на расстоянии, но раскалившееся оружие обжигало руки людей. И запасы энергии стремительно сокращались. Боцман отдал приказ к отступлению в сторону изолирующего конуса. Он не знал, смогут ли стенки из свинцового стекла выдержать напор гиен и дадут ли им хищники возможность проскользнуть в узкое отверстие, но иного выхода не видел.

— Проклятые звери! — прошипел ДохонФил. — Они отрезают нам путь к трюму!

Гиены действительно сообразили, что люди пытаются скрыться в чреве глиссера, и образовали плотный заслон перед квадратным люком. Они подрыгивали на месте и бросались в сторону, чтобы избежать лучей волнометов, но при малейшей передышке переходили в атаку. Огромные челюсти щелкали в нескольких сантиметрах от ног людей. Гиены были так быстры и проворны, что не давали возможности прицелиться. Их желтые светящиеся глаза, единственные точки для ориентации в ночной тьме, носились по немыслимым траекториям. Чаще всего лучи ударялись о металлическую палубу и терялись в пространстве.

— Новые на подходе! — простонал чей-то голос.

Гиены хлынули со всех сторон. Уверенные в исходе битвы, они уже не прятались. Их прыжки и вой были полны радости. В ядерной пустыне редко возникала возможность ощутить радость. Дичь становилась все более редкой, и иногда приходилось поедать раненых членов стаи, а когда голод хватал за глотку, гиены набрасывались и на малышей.

И вдруг гиены, перекрывшие дорогу к трюму, ощутили позади себя чье-то присутствие. Вначале они решили, что это люди, прятавшиеся в чреве глиссера, нападают на них с тыла, и, толкаясь, бросились в сторону, чтобы уйти с линии огня. Но, оправившись от паники, оглянулись, приглушенно зарычали и, присев на задние лапы, приготовились к нападению на новых бойцов.

* * *

Когда Жек вынырнул в самом центре схватки, он различил желтые угрожающие пятна в двух метрах от себя. И сразу сообразил, что во тьме прятались гигантские звери, чьи глаза сверкали диким огнем. На палубе он увидел подвижные тени. Сверкающие лучи бросали отблеск на палубу, едва пробивая густые клубы белого дыма. Ночной воздух был насыщен горячей вонью горящей плоти и крови.

И в это мгновение ужас окончательно оставил маленького анжорца. Он без малейшего страха преодолел последние ступени трапа, поставил ногу на палубу и двинулся к гиенам. Он разглядывал их острые уши, вытянутые морды, длинные острые клыки, широкую грудь, могучие лапы, коричневую шкуру, усыпанную светлыми пятнами. Они тихо рычали, но не нападали. Звери начали зевать, потягиваться, вытягивать передние лапы, словно склоняя головы перед маленьким человечком, появившимся на палубе.

— Что еще они замышляют? — прошептал ДохонФил.

Одна за другой гиены отворачивались от группки людей и направлялись к люку трюма. Боцман решил, что они используют новую стратегию, группируются в одном месте, чтобы броситься в окончательную контратаку всей стаей, но сообразил, что поведение зверей было необычным. Они вдруг лишились агрессивности, мирно переступали с лапы на лапу, опускали головы — признак покорности, — собирались у квадратного люка и ложились на палубу плотными рядами, бок к боку, лапа к лапе, хвост к хвосту. Их внезапный отказ от борьбы обескуражил ДохонФила: пятнистые гиены, способные вести многодневную осаду, не имели привычки поворачиваться спиной к вооруженному противнику, а тем более отказываться от схватки. Члены экипажа, усталые и удивленные не меньше командира, забыли о спусковых крючках своего оружия. Они сопровождали взглядами серые силуэты, зачастую превосходившие их по высоте. Звери проходили мимо и тенями растворялись в ночи. Глиссер погрузился в мертвую тишину.

Боцман опомнился первым. Каковы бы ни были причины их странного поведения, но гиены стали теперь легкой добычей, застыв и давая возможность прицелиться. Эту возможность не следовало упускать.

— Чего вы ждете? Хотите, чтобы они вас сожрали?

Громкий голос начальника пробудил экипаж от летаргии. Они подняли волнометы и направили на окаменевших гиен.

— Огонь! — приказал ДохонФил.

— Нет! — завопил Поцелуй Смерти.

Колдун схватил дуло оружия боцмана и резко дернул его вниз. Луч ударил в металлическую палубу, оставив глубокий дымящийся след. Пораженные члены экипажа замерли.

— Что с тобой? — обезумев от ярости, закричал ДохонФил.

Сильная рука колдуна не позволяла поднять оружие.

— Убью первого, кто шевельнет пальцем! — резким голосом предупредил колдун.

Его выпученные глаза метали молнии. Колючая борода словно насытилась электричеством. Когда бортовой колдун находился в таком состоянии, крысы пустыни опасались нарушать его приказы. Как, впрочем, и остальные боцманы, и даже сам капитан Годован. ДохонФил решил не настаивать. Но если колдун ошибется, то он поклялся, что перережет ему горло своим кинжалом. И это будет его последним делом, делом свободного и живого человека.

Горячее дыхание гиен ласкало обнаженную кожу Жека. Лежа перед ним, звери занимали добрую треть палубы. В их желтых, широко раскрытых глазах не осталось ни капли агрессивности. Ночную тишь нарушали лишь жалобные постанывания и их прерывистое дыхание.

Жек сделал шаг вперед. Они не шелохнулись. Лежащие звери по-прежнему выглядели огромными. Они превосходили размерами хищников из парка Анжора и походили на собакольвов, но не имели гривы и были пятнистыми. Их когти до тридцати сантиметров в длину могли одним ударом обезглавить его. Он медленно протянул руку. Ближайшая к нему гиена вытянула шею. Он испугался, что мощные челюсти раздробят ему кости, но морда осторожно протиснулась под его ладонь. Он присел на корточки, чтобы погладить гиену по лбу, голове, груди. Его пальцы ощутили биение сердца, прошлись по наростам шкуры, шрамам, оставшимся от прежних схваток, по сосцам, наполненным молоком... Шкура гиены рассказала ему о борьбе за выживание, о голоде, об охоте, о воспроизведении рода... Волнующая биография хищника ядерной пустыни. Они напали на глиссер из необходимости, потому что малыши, оставшиеся позади под присмотром старых зверей, визжали от голода, потому что дичь стала редкой от ядерных ветров и от руки человека, жившего в зараженной зоне. На глазах Жека выступили слезы. Он обнял гиену за шею, и та прижалась к нему. Кончиком языка она осторожно облизала ему плечи и шею. Еще никогда он не испытывал такого чувства тепла, безопасности, нежности.

Долгий пронзительный вой разорвал тишину. Гиена тряхнула головой и с невероятной осторожностью вырвалась из объятий Жека. Потом встала, переступила через сестер и неспешно направилась к одному из трупов. Передними лапами и мордой она протолкнула мертвое тело под ограждение. Несколько гиен поступили так же с оставшимися пятью трупами. Жек не стал протестовать. Ему казалось справедливым, что они получат плоды своей охоты, охоты, которая была бы более успешной, если бы гиены не решили пощадить остальных.

Одна за другой гиены разбежались и перепрыгнули через ограждение, растаяв во мраке. Жек подошел к ограждению. И различил десятки темных фигур, которые неслись к сердцу пустыни. Два желтых глаза пронзали тьму и настойчиво глядели на него. Он понял, что они принадлежали доминирующей самке стаи, матриарху клана. Она долго смотрела на него с печалью и признательностью, потом взревела и бросилась вслед за стаей.

Несмотря на усталость, крысы пустыни почти не спали. Они чинили кабели магнитной энергии, но, поскольку ночь стала их надежным союзником, не стали включать прожектора. Люди остались на палубе, стояли, облокотившись на заграждение, вглядывались в звезды, машинально жуя мясной рацион и сушеные зерна.

Поцелуй Смерти утащил мальчика в каюту, расположенную в заднем трюме глиссера. Колдун уложил его на лежанку и натер желтой благоухающей мазью вновь открывшиеся раны. Он не стал бинтовать их. Отыскал в металлическом ящике старую форму из черной кожи, ножом обрезал рукава и штанины. Изготовил из обрезков пояс. Одев Жека, он оторвал часть тюрбана и обвязал ему голову.

Потом отступил, чтобы полюбоваться на творение своих рук.

— Ну, вот ты и стал настоящей крысой пустыни!

Жеку показалось, что в его бороде прячется улыбка.

— Хочешь еще поспать?

Жек кивнул. Его изломанное, отяжелевшее тело молило об отдыхе. Он закрыл глаза. И пленительный шорох сна мгновенно подхватил его. Он только успел ощутить, что колдун накрыл его толстым шерстяным одеялом. Он нырнул в сердце спирали, на дне которой сверкали громадные желтые глаза, наполненные печалью.

Жека разбудило ощущение ожога. Дневной свет, врывавшийся через иллюминатор, бил по закрытым векам.

Ему показалось, что он проспал долгие годы. Тонкие перегородки каюты дрожали от ровного гула. Он сладко потянулся, разминая затекшие конечности. Желудок напомнил о себе недовольным ворчанием. Мальчуган вспомнил, что не ел с того момента, как покинул нору старого Артака.

Он вскочил с постели, вышел из каюты, прошел по длинному коридору, в глубине которого стоял странный черный шар, быстро взбежал по трапу, заканчивавшемуся узким проходом.

Утренние ветры зарядили ячейки, и глиссер скользил на высоте двух метров над серым застывшим океаном пустыни. Ветер был таким сильным, что Жек с трудом сохранил равновесие. Вначале он схватился за тюрбан, который едва не слетел с его головы, и на четвереньках прополз несколько метров, отделявших его от ограждения. Там он схватился за поручни, выпрямился и вгляделся в прозрачный полушар, за стенкой которого виднелось штурвальное колесо и силуэт рулевого.

Когда члены экипажа и боцман ДохонФил заметили мальчика, они сбежались со всей палубы и сгрудились вокруг него. Вначале они стояли на расстоянии, словно отделенные невидимым барьером, мешавшим подойти ближе. Их зооморфные лица в обрамлении тюрбанов были серьезными и почтительными. И несмотря на их безобразие, Жек нашел, что они красивее расплывшихся от довольства анжорцев, затянутых в облеганы.

После долгих колебаний крысы пустыни решились дотронуться до него, погладить его лицо и шею. Жек не испытывал никакого отвращения от их прикосновений, хотя у них были шершавые ладони и пальцы. Он понял, что они не только благодарили его за спасение, но и ощущали горячее желание вновь ощутить связь с прошлым, со своими истоками. Хотя они знали только зараженную зону и были бетазооморфными существами, само прикосновение к шелковистой коже здорового человека пробуждало воспоминания, похороненные в глубинах их души. Они позволили мощным потокам тоски, текущим из бездны времени, подхватить их, заставив вспомнить слова предков и колыбельные матерей.

Жек увидел безмолвные слезы, брызнувшие из их глубоко посаженных глаз. Он был голоден, изнывал от жажды, но не решился пошевелиться из боязни нарушить очарование. Они спасли его от крылатых стервятников, а ему, быть может, даже не удалось бы выразить им свою признательность.

— Оставьте его в покое!

Вопль Поцелуя Смерти разогнал их, как стаю воронов-мутантов. Колдун подошел к мальчику и протянул ему металлический котелок и небольшой бурдюк.

— Их надо простить... Они никогда не видели жителя поверхности... Тем более такого, который разговаривает с пятнистыми гиенами... Значит, ты знаком с видуком Папирондой?

Жек буквально сорвал крышку котелка и сунул в рот одну из сухих соленых галет, наполнявших его.

— Ты прав, — продолжил колдун. — На полное брюхо разговаривать легче. В любом случае, знаешь ты его или нет, необходимо сделать так, чтобы посланница Гареса доставила тебя в порт твоего назначения. Только принцы солнца имеют власть разговаривать с гиенами. Принцы или безумцы, а я не верю, что ты безумец...

Глава 6

Закон Этики ГМ (Гегемонии Машин): принят в 7034 году старого стандартного календаря. Цель: ограничение роли машин (а точнее, искусственного разума) в жизни человечества. Был поставлен на голосование на чрезвычайной ассамблее всех руководителей планет. Искусственный разум добился беспрецедентного успеха примерно к 5000 году, в разгар эпохи, которую называли Фигаитар. Наивысший расцвет пришелся на LXVIII век, когда мыслящие машины управляли большинством планет. Именно в это время появились первые пророки Суверенитета человека, вступившие в борьбу с засильем искусственного разума. Через два века был принят Закон Этики ГМ, и началось крупнейшее в истории цивилизаций уничтожение разумных машин. Некоторые правительства избавлялись от них, просто выбрасывая в пространство. В ту эпоху люди даже не могли представить себе все мрачные последствия своих поступков.

«История великой империи Ангов».
Униментальная энциклопедия

Стоны ветра в трубах гигантского кораллового органа сливались в колдовскую, навязчивую симфонию. Низкие продолжительные звуки, которые раздражали случайных визитеров, звучали нежнейшей музыкой для жителей Коралиона, столицы единственного континента на планете Эфрен.

Удерживая равновесие на шершавых стенках, Оники бросила последний взгляд на узкую трубу, которую толь-

ко что прочистила. Лямки ее хлопчатой сумки, набитой небесным лишайником, резали плечи. Закончив работу, она надолго застыла, подставив тело легкой ласке верхнего ветра. Как большинство сестер Тутта, она раздевалась догола, а потом карабкалась по трубам высоченного кораллового органа. Она часто ранилась об острые выступы стенок, но ни за что на свете не надела бы традиционный комбинезон небесных хозяек, толстое, тяжелое одеяние, в котором, как ей казалось, она задыхается. Ей нравилось думать, что кровь и пот были ценой, которую надо было заплатить за несколько ежедневных часов пьянящих ощущений.

Она приступила к спуску. Ксати Му, голубая звезда, бросала волшебные лучи в узкий проход, один из шестнадцати, за которые отвечала Оники. Лежащий на природных опорах высотой около восьмисот метров, оставшихся с тех древних времен, когда планета была полностью покрыта водой, громадный коралловый орган окружал всю планету и служил защитным щитом толщиной двести метров. Розовые полипы, первые обитатели планеты, обратились в камень, когда высох океан. С земли казалось, что вы стоите под сводом дремучего леса, неподвижно висящего над головой. К счастью, имелись трубы, природные проходы, через которые проходил свет Ксати Му, голубого гиганта, и Тау Ксир, красного карлика, двух звезд, чье жаркое дыхание фильтровалось коралловым щитом. Эта особенность и обеспечила развитие растительной и животной жизни.

Оники ощутила чье-то присутствие в нескольких метрах под собой. Безмолвное присутствие, вызывающее отвращение, хорошо знакомое ей. Она крепче ухватилась за выступы, затаила дыхание и застыла, раскинув руки и ноги. Несмотря на свист ветра, она расслышала характерный шорох чешуи, скользящей по кораллу, и подавила в себе жгучее желание наклонить голову и посмотреть вниз. Она заведомо знала, что в ее сторону направлялась огромная коралловая змея. У нее свело мышцы живота. Встречи с монстрами кораллового щита были единственными моментами, когда она сожалела, что не надевала комбинезон. Она вдруг ощутила себя невероятно уязвимой и похолодела, представив себя жертвой гигантской рептилии. Бессмысленный страх: плотная и шершавая ткань вряд ли разубедит змею броситься на жертву и проглотить за несколько секунд.

Конечности Оники начали дрожать, ведь она висела на руках и ногах, а сумка с лишайниками значительно увеличивала вес девушки. Мышцы сводила судорога от внезапного прилива молочной кислоты. В глаза стекали крупные капли пота.

Зловещий шорох чешуи по кораллу не стихал. Время словно остановилось. Она проклинала правило 7 Тутта, которое запрещало хозяйкам неба носить оружие. Матрионы опасались, что использование волнометов, газометов и скорчеров необратимо нарушит хрупкую экосистему великого органа. Роль Тутта состояла в поддержании чистоты в трубах, а не в разрушении кораллового щита, жизненно необходимого фильтра ультрафиолетового излучения Ксати Му.

Оники испугалась, что змея свернется в трубе и перекроет ей обратный путь. Хотя огромные рептилии обычно так не поступали, избегая продолжительного пребывания в узких проходах и предпочитая прятаться в темном сердце коралла, куда пробраться могли только они. Жгучие занозы впивались в напряженные бедра девушки. Как и все компаньонки Тутта, она тренировалась и могла оставаться в неподвижности несколько часов, вися в воздухе на одних пальцах с сотней килограммов груза на плечах, но сегодня ощущала себя усталой, лишенной энергии. И хотя отказывалась признаться себе, но знала, что необычная усталость не была следствием усилий по очистке труб, а происходила от трех бессонных ночей в крохотной келье монастыря Тутта. Ее безумное поведение могло ей стоить больше, чем бесчестье и вечное изгнание на Пзалион, холодный, темный остров, где никогда не раздавалась ветровая симфония органа.

В глазах Оники возникло лицо человека, которого она подобрала в саду монастыря и спрятала в своей келье, нарушив правило 2 Тутта, правило, которое категорически запрещало небесным хозяйкам завязывать контакты с мужчинами. Считалось, что тутталки полностью посвящают себя своему предназначению, а потому живут в строгом одиночестве, дав перед советом матрион торжественную клятву соблюдения девственности. Оники не отдалась этому пришельцу с неба. Даже если бы решилась уступить страстному и неутолимому желанию, которое мучило ее, она не знала, как это сделать. Однако присутствие мужчины смущало, и девушку мучила бессонница. За трое суток он ни разу не поменял положения: сидел на кровати, прислонившись к стене, скрестив ноги, полуприкрыв глаза, отсутствующий, загадочный, непроницаемый. Он не касался пищи, которую она тайно приносила из столовой и ставила у его ног. Вначале она думала, что он ранен, как одна из цветоптиц, чьи прозрачные крылья разрывались при соприкосновении с шипами роз, но не обнаружила ни кровавых пятен на одежде, ни синяков и шишек на теле. Его впалое лицо было невыразимо печально. Юноша, едва вышедший

из отрочества, пришелец с обликом принца по сравнению с эфренянами, людьми тяжелыми, грубыми, но, казалось, он был старше их на десять тысяч лет. Он не отвечал на вопросы, которые она задавала, словно не слышал ее голоса и даже не подозревал о ее присутствии. Она положила два одеяла на плиты пола, соорудив временную лежанку, на которой пыталась отдохнуть. Испытывая ужас от проявленного мужества, она не могла провалиться в сон. Веки ее постоянно открывались, взгляд обращался к таинственному гостю, а в голове в бешеном танце метались мысли. Что за капризные небесные ветры забросили его в сад монастыря? Что он видел, почему был так грустен и отрешен от мира? Быть может, он окончательно рухнул в бездну безумия? Она рассматривала разные варианты, но поскольку ни один из них не был достаточно логичным, интуиция подсказывала ей, что все они далеки от истины. Она предчувствовала, что его перемолола судьба, но не догадывалась о важности этой встречи для себя. И старалась поддержать это его состояние медитации, а если точнее, вегетативное состояние, из которого он мог никогда не выйти. Когда раздавалась сирена, зовущая ее на работу, она выжидала, пока остальные сестры соберутся во дворе с аркадами, а потом выходила в коридор. К счастью, тутталки малых труб сами занимались уборкой своих келий. И все же она не забывала запереть тяжелую деревянную дверь на два оборота ключа.

Пальцы Оники постепенно соскальзывали с коралловых выступов. Дрожь рук и ног усилилась до такой степени, что она ударялась локтями и коленями о стенки. Из-под черной копны волос, собранных в узел и прихваченных коралловой застежкой, текли теплые струйки, катились по плечам, собирались в ручейки в ложбине меж грудей и по обе стороны позвоночника. Сумка уже весила тонны. Она ждала, что пасть рептилии вот-вот схватит ее. Надо было успокоиться, сделать глубокий вдох, наполнить кислородом истерзанные мышцы, сменить точки опор под пальцами, но, подавленная страхом, она теряла контроль над собственным телом. Тутта платила тяжелый налог коралловым змеям. И имя Оники Кай, второй дочери дамы Жофи Кай и сира Артена Варта, добавится к длинному списку погибших. Но ее печалила не ужасная перспектива окончить дни в пасти рептилии, а мысль о том, что она больше не увидит мрачного принца, сидящего в беспамятстве в ее келье.

Коралловый выступ под ее ногой раскрошился. С губ сорвался отчаянный крик. Потеряв равновесие из-за сумки с отходами, ослепленная по́том, она не успела выбрать новую

опору, и ее нога повисла в пустоте. Удивленная пассивностью коралловой змеи, она быстро кинула взгляд вниз. И заметила, что змея исчезла. Поглощенная мыслями, она перестала прислушиваться к передвижениям рептилии. Путь был свободен. Она почувствовала облегчение. Все рефлексы тутталки мгновенно вернулись к ней. Она распределила вес тела и сумки на три оставшиеся опоры, спокойно подняла ногу, ощупывая стопой выступы на стене.

И без труда прошла последние сто метров, отделявшие ее от личной платформы, плоского круга шириной два метра, которую приводил в движение генератор на сверхпроводниках.

— Можешь похвастаться, что напугала нас! — воскликнула Алаки, старшая смены.

Платформа с Оники, одетой в прямое белое платье тутталок, застыла у причала главной опоры. Сестры, работавшие в этой смене, толпились у входа в лифт уже полчаса и начали предполагать худшее. Оники остановила генератор, спрыгнула на причал, бросила сумку с отходами в мусоросборник и присоединилась к сестрам, одетым в одинаковые белые платья. Рабочие комбинезоны, использовали их или нет, всегда оставались в раздевалке, углублении, выбитом в опоре.

— Змея, — пояснила Оники, криво улыбнувшись. — Она перекрыла спуск...

Алаки нахмурилась.

— Так долго. Это не в их привычках...

Оники пожала плечами. Пот приклеил платье к плечам, груди и спине. У нее было неприятное ощущение, что она погрузилась в теплую липкую ванну.

— Надо поговорить с матрионами, — сказала Алаки. — Быть может, змеи начали менять свое поведение. Поехали. Мы уже опаздываем...

Они вошли в лифт, шахта которого также была вырублена в опоре из коралла более плотного, чем коралл органа. Спуск занимал десять минут. Все это время тутталки молчали, устремив глаза в пустоту, словно им не хотелось нарушать безмолвие высоты, выдавать секреты, доверенные им светом и ветром, единственными компаньонами во время работы.

Переход через каменный мост, переброшенный от основания опоры к порту Коралион, был, наверное, лучшим моментом дня. Он позволял затворницам монастыря любоваться городом, восхищаться элегантными белыми строениями с колон-

надами, которые теснились на холме над бухтой, наслаждаться светом шаров, плывущих над широкими улицами, глядеть на прохожих, лениво прогуливающихся по тротуарам... И давал возможность оценить плоды своей работы: только благодаря им пел великий орган, над которым дули верхние ветры, удалявшие углекислый газ, и через который проходил свет Ксати Му и Тау Ксир. Благодаря им поддерживалась жизнь на планете Эфрен. Пенились волны черного океана Гижен, оставшегося от толщи вод, некогда покрывавших планету. Световые колонны, падавшие из труб органа, давали свет и тепло и окрашивали узкое воздушное пространство в роскошные синие и красные тона. Краски ложились на смеющиеся лица и волосы прохожих, на кроны деревьев, цветы, фрукты. Все это было платой за добровольный отказ от женской доли, постоянную игру в прятки с громадными змеями высот и уединенную жизнь в здании Тутта. Они понимали, что не зря пошли на жертву, что без них, необходимых хранительниц кораллового щита, ловких жриц света и ветра, Коралион, столица, где жили три миллиона человек, и двести шахтерских городов континента превратились бы в мертвые поселения.

Первые поселенцы, которых вел Манул Эфрен, вначале использовали автоматы для чистки труб, но вскоре выяснилось, что даже самые совершенные роботы оказались менее работоспособными, чем люди, а вернее, женщины с их несравненными легкостью, чувствительностью и ловкостью. Был создан корпус хозяек Тутта и принят закон, который обязывал все эфренские семьи отдавать вторую дочь совету матрион.

Ветер с моря, наполненный ароматами, обвевал лицо и трепал распущенные волосы Оники. Ее обнаженные стопы энергично попирали мокрые камни моста. Она спешила вернуться в келью монастыря, чтобы закрыться со своим мрачным принцем, которого нашла в саду лежащим в беспамятстве. Она незаметно для себя опередила сестер. Старшая смены ускорила шаг и схватила ее за руку.

— Ты слишком спешишь...

Оники обернулась и без трепета выдержала подозрительный взгляд Алаки.

— Я устала и хочу отдохнуть, — сухо ответила она.

Это объяснение не удовлетворило Алаки, опытную тутталку, которая занималась большой трубой центрального решета органа.

— Я не узнаю тебя, Оники, — быстро пробормотала старшая смены. — Несколько дней назад ты была самой веселой в смене и тебя приходилось почти отрывать от моста, так ты

восхищалась панорамой Коралиона. Сегодня, когда я смотрю на тебя, то вижу только призрак Оники, тень, девушку с опечаленными глазами, которая, кажется, возложила все несчастья мира на свои плечи...

Серые локоны Алаки, раздуваемые ветром, образовывали ажурный подвижный занавес перед ее морщинистым лицом. Если коралловые змеи пощадят ее, она вскоре вступит в ряды матрион, бывших хозяек неба, занятых обучением и управлением Тутта. Смех и раскаты голосов остальных сестер веселыми нотами расцвечивали симфонию органа.

— Что с тобой происходит, Оники?

Оники наклонила голову вперед и уставилась на ноги, чтобы скрыть брызнувшие из глаз слезы.

— Не хочешь мне отвечать? Как пожелаешь... Но знай: хозяйки, впавшие в депрессию, становятся любимыми жертвами коралловых змей. Природа предпочитает убирать слабые звенья. Змеи, быть может, кажутся тебе чудовищными, но они по-своему справедливы. Они никогда не нападают на тутталок, которые пребывают в прекрасном настроении и не мучаются размышлениями... У тебя проблемы с менструальным циклом?

Оники медленно покачала головой из стороны в сторону.

— Быть может, тебе надо временно прекратить принимать тутталовые травы... Быть может, надо избавиться от женской крови, взять долгую передышку... Быть может, мне стоит обратиться к старшим, чтобы ты поработала в обслуживающем корпусе...

— Нет!

Старшая смены, словно напуганная отчаянным криком Оники, инстинктивно отступила на шаг.

— Я тебя понимаю, — тихо заговорила Алаки, немного помолчав. — Ты не можешь заниматься хозяйственными делами и сидеть взаперти в Тутта... Ты ощущаешь призыв высоты, любишь ласку верхнего ветра, небесного света и тепла на теле... Мне тоже будет тяжело без опьянения великим органом...

Прислонившись к парапету моста, она подняла лицо к коралловому щиту. Ей оставалось два месяца до того, как ее выберут матрионой, и она уже ощущала тоску по коралловым вершинам. Вскоре она станет бабочкой, которой оторвали крылья, ползуном, прикованным к земле, цветком, который за несколько месяцев вянет в постоянном полумраке монастыря. Она рассеянно глянула на аквасферы рыбаков, которые прыгали на волнах, как водяные пауки. Гигантские опоры ржаво-коричневого цвета, отстоящие одна от другой на полтора кило-

метра, выглядели величественными стволами леса, уходящего в бесконечность. Другая корпорация, Пулон, следила за их износом и укрепляла в случае необходимости искусственным мхом. Обрушение хотя бы одной из «ног органа» было бы сущей катастрофой для экологического равновесия Эфрена.

— Оцени свои шансы и возьми себя в руки, пока не поздно, — посоветовала Алаки. — Сожаления могут оказаться запоздалыми...

Оники быстро кивнула и, спеша укрыться от инквизиторского взгляда старшей, исчезла в щебечущей толпе сестер.

С бьющимся сердцем Оники вошла в свою келью. Три последних дня она всегда ждала, пока сестры смены покинут коридор. Ей не хотелось, чтобы нежеланная гостья вошла к ней в момент, когда она открывала дверь.

Она опустила защелку и бросила взгляд на кровать. Кровь застыла в ее жилах. Келья была пуста. Она тщетно обыскивала взглядом белые стены и плиты пола, становилась на четвереньки и заглядывала под небольшую железную кровать, открывала шкаф с платьями. Она бросилась в душевую, откинула занавес. Ей пришлось смириться с очевидностью: прекрасный принц исчез. Небольшое углубление на матрасе, складки на одеяле и слабый запах пота были единственными следами его пребывания здесь.

Оники прислонилась к стене и съехала по ней на пол. Ее глаза опустели, она никак не могла привести мысли в порядок и плыла по морю взбудораженных чувств. Ее раздирали противоречивые чувства: разочарование, опустошение и страх. Она решила, что матрионы нашли ее тайного гостя во время неожиданной проверки келий. Хотя она закрыла дверь на два оборота и спрятала ключ во внутренний карман платья, а потом отправилась на работу. В комнате не было другого отверстия, кроме крохотной отдушины в душевой, через которую не сумел бы проскользнуть даже самый худой человек. Если ее загадочный гость вышел, значит, ему открыли дверь. Она в тысячный раз спросила себя, что заставило ее притащить бесчувственного незнакомца к себе в келью, а не доложить о находке матрионам. Необоримый, безумный импульс, вовлекший ее в адскую спираль лжи и страха...

Как обычно после обеда, Оники гуляла во внутреннем саду монастыря. Она любила эти мгновения магического одиночества, когда Ксати Му передавал эстафету Тау Ксир и смешавшиеся лучи двух звезд врывались через трубы органа, окрашивая все выступы в тончайший мальвовый цвет. Одна за другой ее

сестры по смене разошлись по своим кельям. Воздух, едва подвижный от тихого ветерка, был насыщен ароматами. На повороте аллеи Оники заметила странную фигуру, вытянувшуюся под низкими кустами желтых роз. Любопытство заставило ее подойти ближе. Она увидела лежащего мужчину. Похоже, он спал, положив голову на согнутую руку. Она быстро огляделась, потом склонилась над пришельцем. Его коричневое лицо, обрамленное черными курчавыми волосами, смесь силы и хрупкости, мужества и детской грации, взволновало и смутило ее. Он был одет в длинную тунику, изготовленную из цельного куска материи, похожей на дикий шелк, в черные шаровары и кожаные сандалии. Вначале ей показалось, что он погружен в глубокий сон, но, присмотревшись внимательнее, Оники различила следы страха, даже ужаса, отпечатавшиеся на перекошенном худощавом лице. Он словно вырвался из страны мертвых. Такое же отчаяние она видела на бледном лице сестры, чудом спасшейся от коралловой змеи. Она спросила себя, как он попал за ограду монастыря, ведь система тревоги и клеточной идентификации мгновенно включает сирены, стоит любому гуляке оказаться у магнитной решетки. Оники в недоумении выпрямилась. Незнакомец пробудил странные чувства в ее теле, что-то такое, что она не могла определить, но что походило на глубокий призыв ее женского естества.

Метрах в двадцати от нее под аркадами прогуливались две матриониы и тихо разговаривали. Оники могла их позвать, но она уже приняла решение и промолчала. Сознавая, что совершает безумный поступок, она отвергла доводы разума. Дождалась, пока матриониы исчезнут за поворотом, присела, схватила спящего за руку и ногу и взвалила его себе на плечи. Он был не тяжелее сумки с коралловым лишайником. С семи лет, возраста, когда эфренские семьи отдают вторых дочерей в центр обучения Тутта, она впервые коснулась кожи мужчины. Этот контакт оживил воспоминание о запахе и тепле рук сира Артена Варта, любимого и любящего отца, который не сумел сдержать слез, когда наступил момент расставания с «маленькой цветоптицей». Таща на себе драгоценное тело, Оники вошла под аркаду и прокралась вдоль внутренней стены. Бешено бьющееся сердце мешало ей слышать другие звуки. Она не встретила никого и выбралась в коридор, куда выходят двери келий. Внезапное клацанье подошв заставило ее вздрогнуть от страха. Надо было пройти большую часть коридора, а на ее пути кто-то приоткрыл дверь. Ровное дыхание мужчины обжигало шею. Она в панике застыла,

пытаясь найти укромный угол, но дверь внезапно захлопнулась. Оники почувствовала облегчение. Забыв об осторожности, она пробежала последние метры, шлепая босыми ногами по каменным плитам. И укрылась в келье до того, как несколько сестер, привлеченных необычным шумом, выскочили в коридор. Прислонившись к двери, Оники услышала, как они перекликаются, со смехом спрашивая, у кого так жжет в заднице, чтобы убегать с такой скоростью.

Глухие удары внезапно вырвали Оники из задумчивости. Ей показалось, что ее сердце вот-вот выскочит из грудной клетки.

— Сестра Оники! Сестра Оники! Вас зовут в зал заседаний матрион!

Похолодев от ужаса, она прижалась к стене, уставившись на плиты, словно рассматривала осколки разбитой мечты. Ей больше не придется карабкаться по трубам органа, ей вынесет приговор совет матрион, ее, как преступницу, проведут по улицам Коралиона, навсегда сошлют на остров Пзалион, и остаток жизни она проведет среди преступников, психов, проституток и согрешивших сестер... По ее щекам покатились неудержимые слезы, когда она подумала о переживаниях отца.

— Поспешите, сестра Оники!

С опустошенной душой она вытерла рукавом слезы, выпрямилась, направилась к двери и открыла задвижку. Две администраторши в серых платьях ворвались в келью и оглядели Оники с удивленным и возмущенным видом.

— Как, вы еще не вымылись и не переоделись! — проворчала одна из них.

— Вы же знаете, что после окончания смены вы должны быть всегда готовы к вызову на совет матрион, — подхватила вторая.

Они протянули руки к одежде Оники, но та отступила на два шага.

— Я еще пока могу переодеться сама!

Администраторши, напуганные яростными огоньками в ее взгляде, застыли на месте.

— Как хотите, но побыстрее!

Оники разделась, открыла шкаф и вынула чистое платье. Тяжелые взгляды администраторш обжигали ей грудь и живот. Управление и уход за зданиями были уделом тутталок, которых сочли неспособными для очистки труб. Восхищение, которое они питали к своим сестрам, хозяйкам небес, особенно к их атлетическому и загорелому телу, часто превращалось в за-

вость, а иногда и в ненависть. Администраторши, белые и толстые улитки, передвигались с трудом, думали лишь о еде и мстили за свое положение, играя роль льстивых приспешниц матрион.

Едва Оники надела платье, как администраторши подхватили ее за руки и бесцеремонно выволокли в коридор.

В зале заседаний матрион находились два странных человека. Один сидел в центре в кресле старейшины. Пурпурная ткань плотно облегала его голову, на которой сидела смешная квадратная шляпа, подчеркивая угловатые и строгие черты его лица. Просторный фиолетовый плащ, застегнутый на шее брошкой в виде креста, покрывал его тело. Оники не рассмотрела лица второго гостя, закрытого большим черным капюшоном. Она только ощутила зловещую, ужасающую энергию, которая исходила от него. Присутствие двух мужчин в стенах монастыря заинтриговало ее. Было ли это связано с ее прекрасным незнакомцем?

— Подойдите, сестра Оники...

Оники неуверенным шагом приблизилась к матрионам, которые теснились на ступенях позади кресла старейшины. Она обратила внимание, что они были в официальных одеждах — розовых платьях, украшенных коралловыми звездами. Она также отметила их озабоченные лица и частые испуганные взгляды в сторону человека, одетого в пурпур и фиолетовый плащ. Кем он был для матрион, которые ревниво оберегали свои прерогативы, если они предложили ему кресло старейшины? Честь, в которой они веками отказывали представителям коллегиальной власти Эфрена.

— Мы вызвали вас, сестра Оники, чтобы вы рассказали нам о неприятной встрече с коралловой змеей во время вашей работы, — заговорила одна из матрион.

Оники понадобилась целая минута, чтобы вникнуть в слова собеседницы. Она была настолько уверена, что ее пригвоздят к скамье позора — двусмысленные намеки администраторш только укрепили ее в этой мысли, — что не осмелилась поверить в вызов по столь пустой причине.

— Змея вам откусила язык, сестра Оники? — вновь заговорила матриона с раздражением. — Говорите! Кардинал Эсгув, присутствующий здесь, желает оценить вашу работу.

Мужчина вцепился в подлокотники кресла, наклонился вперед и вгляделся в девушку с длинными распущенными волосами, которые черными блестящими ручьями струились по ее плечам и верхней части платья.

— Ваша протеже мне кажется слишком робкой для полубогини! — пробормотал он голосом, наполненным желчью.

— Мы никогда не считали сестер полубогинями, ваше преосвященство, — сказала одна из матрион.

— Может быть, но эфренский народ создал им культ, похожий на религию! Более того, в Кодексе религиозных и гражданских обязанностей Крейц категорически осуждает безбрачие и религиозное призвание женщин.

— Эфреняне демонстрируют признательность и искренне их любят, ваше преосвященство. Если они перестанут лазать по трубам большого органа хотя бы несколько дней, лишайники разрастутся в коралле, прервется поступление кислорода...

— Мы говорим о разных вещах, — сухо оборвал ее кардинал. — Наша святая Церковь подвергает сомнению не качество их работы, а нездоровое поклонение, предметом которого они стали. И Святой Престол в Венисии поручил мне определить, совместимо ли это поклонение с Истинным Словом, с пророчеством Крейца... Итак, расскажите нам об этой змее...

Оники вскинула голову и поглядела на прелата, чьи светлые, почти белые глаза тенями скользили по ней. Интуиция подсказала ей, что наиболее опасным из этих двух представителей крейцианской Церкви был не наглый кардинал, а окаменевший призрак позади кресла, укутанный в черный плащ с множеством складок. Она решила, что это скаит, существо, о чьих ужасающих телепатических способностях она, как и большинство сестер-тутталок, не раз слышала.

— Обычно коралловые змеи скрываются от света и только пересекают трубы, — сказала она голосом, который пыталась сделать твердым. — Но эта застыла подо мной, и мне пришлось долго ждать, пока она уйдет. Я застряла примерно на полчаса...

— И вы не могли двигаться? — спросил кардинал.

— При малейшем движении она бросилась бы на меня.

— Значит, вы ее не видели...

— Мы не пользуемся зрением, чтобы уловить передвижения коралловых змей, мы натренированы слушать и ощущать их присутствие...

Черный силуэт склонился к кардиналу и прошептал ему на ухо несколько слов.

— Вы ведете довольно опасное существование... По вашему мнению, почему вас заставляют принимать обет целомудрия?

Все существо Оники наполнилось беспокойством.

— Потому что наша задача отнимает всю нашу энергию...

— Слишком банальный ответ, чтобы быть честным. Целомудрие есть жертва, которую обычно требуют от священнослужителей.

— Ваше преосвященство, целомудрие сестер Тутта связано исключительно с профессиональными обязанностями! — вмешалась одна из матрион. — Эффективность их работы в щите зависит от бдительности. Смогли бы матери семейств противостоять коралловой змее? Разве их дети и мужья не отвлекали бы их от этой задачи?

— Вот почему мы собираемся заменить тутталок машинами, дама моя. У машин нет семьи, и они не вызывают желания создавать культ.

— Наши предки использовали автоматы, ваше преосвященство. Но они быстро пришли к выводу, что человек лучше выполняет очистку труб.

— Неприемлемый аргумент, дама моя! Ваши предки были вынуждены отказаться от машин в связи с Законом Этики ГМ... Как, кстати, и все остальные народы. Под сомнение не ставилась эффективность роботов, а были опасения гегемонии искусственного разума. Ксафокс, наш инквизитор, ознакомился с архивами Эфрена и констатировал, что Тутта была создана в 7034 году по старому стандартному календарю. В год, когда был провозглашен универсальный Закон Этики ГМ. Сегодня человечество обуздало искусственный разум, а потому перестало бояться его гегемонии.

Матрионы переглянулись. Теперь они понимали, что крейцианская Церковь воспользуется малейшим предлогом, чтобы распустить Тутта. Пять лет назад великая империя Ангов аннексировала Эфрен. Императорские войска без труда сломили сопротивление призрачной эфренской армии. Лежащий на окраине колонизированного пространства, защищенный своим коралловым щитом, Эфрен никогда не завоевывался, не испытал ни одной войны и революции с момента прибытия первых колонистов Манула Эфрена. Поэтому на протяжении веков коллегиальные правительства, сменявшие друг друга, не считали нужным создавать и держать профессиональную армию. Более того, экология планеты была полностью несовместима с использованием дальнобойных пушек или магнитных щитов, чьи вибрации вызвали бы необратимые разрушения в большом органе.

— Ваше преосвященство, должны ли мы заключить из ваших слов, что вы собираетесь распустить Тутта?

Кардинал быстро повернулся, и его бесцветный взгляд остановился на старейшей матрионе Муреми.

— Не сразу, дама моя. Сначала надо спроектировать и произвести автоматы, которые будут соответствовать особым требованиям кораллового щита. Затем предусмотреть переходный период, когда ваши сестры будут сопровождать автоматы и наблюдать за их работой. Как вы видите, мы очень зависим от вашей компетентности. Но полагаю, что после неприятного злоключения с коралловой змеей эта девушка умирает от желания отдохнуть, а потому, перед тем как отослать ее в келью, я хотел бы задать ей последний вопрос. Говорят, в трубах органа вы работаете в первородном состоянии наготы. Это правда?

По умоляющим взглядам матрион Оники поняла, что должна нарушить правило 11 Тутта, запрещающее ложь и сокрытие данных (правило, которое она нарушала уже три дня). Нагота не была вызовом небесных хозяек правилам приличия, она давала свободу движениям и порождала пьянящее чувство наслаждения, позволяя насыщаться светом и ветром. Конечно, в тончайших связях тутталок со стихиями присутствовала доля чувственности, но это невинное удовольствие было неотъемлемой частью работы по очистке труб и до сих пор не оскорбляло ничьих чувств.

— Мы надеваем комбинезоны, — пробормотала Оники. — Если их не носить, можно пораниться о шероховатости труб...

Она заметила на лицах матрион громадное облегчение. Кардинал кивнул одновременно со скептическим и удовлетворенным видом.

— Ваши слова нас успокоили. Уверен, что при инспекции большого органа мы не натолкнемся ни на одну из сестер в греховном виде. Не забывайте, что нагота опускает человека на уровень животного, погружает его в мир низких инстинктов, с которыми мы яростно боремся... Наша беседа закончена. Можете идти.

Оники поклонилась и вышла из зала. В прихожей она едва не запрыгала от радости. Она думала, что выйдет из этого помещения, став обвиняемой, и ее бросят в камеру отверженных. Она еще никогда не ощущала себя столь живой и свободной. Угрожающие слова кардинала Эсгува, зловещей птицы в красно-фиолетовом оперении, не могли приглушить ее радость.

Две администраторши, ждавшие в коридоре, бросились к ней и засыпали вопросами. Она, испытывая удовольствие, ускорила шаг, не отвечая им. Ее спутницы едва дышали и истекали потом. Им не понравился ее маленький реванш, и они от-

стали от нее на первом же повороте. И только подойдя к двери кельи, Оники задала себе вопрос: если никто не выпускал из «тюремной камеры» прекрасного незнакомца, как он смог сбежать?

Кардинал Эсгув и скаит-инквизитор Ксафокс в сопровождении двух мыслехранителей, двадцати полицейских, пяти миссионеров и одного викария вернулись в крейцианский храм (частное владение, которое было реквизировано и с большим или меньшим успехом преобразовано в место культа) по узким улочкам Коралиона. Три километра разделяли здание Тутта, построенное на окраине города, от холма из черного кварца, возвышавшегося над портом. Кардинал Эсгув любил ходить пешком и использовал кар Церкви только для посещения миссий шахтерских городков.

— И что вы накопали в мозгу этой девочки, господин инквизитор? — осведомился кардинал.

Скаит помолчал перед тем, как ответить. Лучи Тау Ксир падали толстыми колоннами сквозь трубы органа, окрашивая в пурпур прохожих, деревья, стены и тротуары. Верхний ветер наигрывал свою бесконечную колдовскую симфонию. Кардинал Эсгув еще не отделался от неприятного ощущения, что темная масса кораллового щита, этот низкий небосвод, похожий на взъерошенные волосы, может в любой момент рухнуть на Коралион и похоронить все живое под тоннами окаменевших полипов. Хотя руководители корпорации Пулона заверили его, что опоры, в том числе и те, которые подмывали волны океана Гижен, продержатся не один миллион лет.

— Она солгала по поводу наготы...

Металлический безликий голос Ксафокса заставил кардинала вздрогнуть. Он никак не мог привыкнуть к вибрирующему тембру его голоса.

— Вы не сказали мне ничего нового, господин инквизитор! — возразил он сухим тоном. — Я просто хотел предупредить матрион... Я хотел бы знать, почему вы попросили меня во время беседы задержать эту девушку еще на несколько минут.

— Она была страшно запугана, когда вошла в зал совета. А значит, совесть ее неспокойна. Я увидел в ее голове образ мужчины. Мужчины, чей физический облик отличен от эфренян...

— Все девушки, даже тутталки, мечтают о сказочном принце. Эта константа женской натуры оправдывает Церковь в том, что она держит женщин вне религиозных дел.

— Вы правы, ваше преосвященство, но с этой девушкой случай совершенно иной. Она подобрала и укрыла это-

го мужчину в келье монастыря. Она была уверена, что матрионы выведали ее тайну, и готовилась принять наказание за нарушение обета целомудрия: публичное осуждение и вечная ссылка на остров Пзалион.

Кардинал остановился и уставился на скаита, чьи искаженные черты лица и выпученные глаза едва различались в тени глубокого капюшона.

— Дьявол, где она нашла этого мужчину? Здание Тутта настолько хорошо защищено, что к нему нельзя приблизиться, не вызвав тревогу... Если только он не путешествовал по дерематy и не материализовался внутри монастыря... Но и тогда система клеточной идентификации немедленно определила бы присутствие чужака. Вы не жертва телепатической иллюзии, господин инквизитор?

— Не думаю, ваше преосвященство. — Скаит протянул руку и показал на соседнее здание. — Память этой девушки была столь же ощутима и осязаема, как эти стены. И она задавала себе тот же вопрос: как этот мужчина смог преодолеть магнитный забор и избежать клеточной идентификации?

— А у вас есть элементы ответа?

Ксафокс немного помолчал. Свита почтительно застыла на некотором отдалении. Редкие прохожие жались к стенам и спешили исчезнуть. Огненные кресты, стоящие на тротуарах главной улицы Коралиона, были достаточно убедительными, чтобы не стоять на месте без веских оснований.

— Я безуспешно рассмотрел все вероятности, ваше преосвященство, и возвращаюсь к одной и той же гипотезе, — вновь заговорил скаит. — И эта гипотеза сводится к двум словам: воитель безмолвия...

— Ну, нет! Нет, только не вы, господин инквизитор! — воскликнул кардинал, забыв о контроле эмоций. — Не говорите, что вы верите в эти бессмысленные сказки!

Миссионеры и викарий, удивленные внезапным повышением голоса, повернулись в сторону прелата.

— О чем говорят ваши легенды, ваше преосвященство? — спокойно возразил Ксафокс. — Воители безмолвия путешествуют с помощью мысли и уходят от любой формы обследования, как ментальной, так и клеточной...

— Путешествие с помощью мысли! — фыркнул кардинал. — Дурацкая гипотеза, полную абсурдность которой подтвердила двенадцать лет назад Имперская академия науки и техники... Искаженная ментальность этой девушки ввела вас в

заблуждение, господин инквизитор. Монахини славятся особенностью иметь живое воображение, создавать иллюзорные миры, столь же реальные, как и эти стены! Я считал вас более проницательным...

— Быть может, вы и правы, ваше преосвященство...

Ксафокс понял, что настаивать бессмысленно. Поведение прелата было логическим следствием политики сенешаля Гаркота. Он вступил в ментальный контакт со скаитом, стоявшим на наблюдательной вышке — в Коралионе, мирной столице незначительной планеты было решено преобразовать самую высокую башню крейцианского храма в наблюдательную вышку, — и приказал ему сосредоточить все внимание на молодой тутталке по имени Оники Кай. Скаит-наблюдатель, спора низшего эшелона, тут же исполнил волю начальства. Ксафоксу оставалось только приказать нескольким наемникам-притивам занять скрытную позицию вблизи монастыря.

По телу Оники стекала теплая вода. Ей часто приходилось оставаться под душем более четверти часа, чтобы мышцы, затвердевшие от долгого лазанья в трубах, оценили нежную ласку воды. И она отдавалась ей со сладострастием, поскольку считала, что навсегда лишена истинных мгновений удовольствия. Как все, кто ощутил дыхание смерти, она ценила каждую секунду вновь обретенного счастья. Только воспоминание о прекрасном незнакомце вызывало приливы печали, которые уходили из ее мыслей, оставляя пустые сожаления. Он ушел из ее жизни столь же таинственно, как и вошел, словно сказочный вор, проникший с единственной целью — украсть у нее несколько мгновений близости, несколько часов сна.

Она вдруг ощутила присутствие по ту сторону непрозрачного занавеса. И ощутила тот же страх, как и в мгновение, когда под ней появилась коралловая змея. Она обеспокоенно замерла. Вода падала ей на голову, скатывалась по плечам и груди. Но любопытство возобладало над страхом. Она закрыла кран, завернулась в махровую простыню и отодвинула занавес.

Удивление приковало ее к месту.

Он вернулся. И стоял в проеме двери душевой. Одетый в тунику с разрезами по бокам, в шаровары и сандалии. Щеки его покрывала многодневная щетина. Черные глаза сверкали яростным огнем.

— Здравствуй...

Он впервые обратился к ней. У него был низкий, пленительный голос. С мокрой головы Оники падали капли воды и ударялись о ее плечи.

— Вы многим рисковали, придя мне на помощь, — продолжил он с улыбкой. — Без вас меня, наверное, уже не было бы в живых. Я хочу вас поблагодарить...

— Как вы вышли? Как вошли? — пробормотала Оники.

Ей было трудно собрать воедино свои мысли. Он тихо засмеялся, и этот смех вызвал дрожь во всем ее теле.

— Могу поделиться этим маленьким секретом... Если желаете.

Она переступила через борт поддона, прошла сквозь облако пара и с бьющимся сердцем приблизилась к нему. Она уже знала, что отдастся этому неуловимому сеньору, мужчине, чьего имени даже не знала. Она понимала, что ждала этого мгновения всю свою жизнь. Слова были пустыми и ненужными. Она развязала края простыни, которая скользнула по бедрам и ногам на пол. Потом зажмурилась, запрокинула голову и ощутила великую радость от того, что предлагала свое тело горящему взгляду принца из ее бессонных ночей.

Он подошел к ней, обнял за плечи, просунул руку под колени, поднял и уложил на узкую железную кровать. Улегся рядом, приподнялся на локте и склонился над ней.

— Я твой первый мужчина?

Она кивнула.

— Мы квиты, ты моя первая женщина... Как тебя зовут?

— Оники...

Голос девушки был похож на выдох, пугливый и жгучий одновременно.

— Я не могу назвать тебе своего имени, прекрасная Оники. Не из неуважения к тебе, а потому, что это может навлечь на тебя...

Губы Оники рванулись к губам ее принца и закрыли ему рот раньше, чем он успел закончить фразу. Они соединились в поцелуе, который вызвал у нее головокружение, сравнимое с лаской света и ветра. Ее нетерпеливые ногти вцепились в шелковую тунику, сдернув с плеч и груди партнера. Их тела прижались друг к другу. Она, как цветок, раскрылась под сладкой лаской рук и губ принца. Она царапала, кусала его, и сладковатый вкус его крови ожег ее горло. Она перестала быть Оники-тутталкой, монахиней, а превратилась в женщину, открывшуюся навстречу наслаждению, которая подставляла тело, чтобы принять незнакомца, таинственного любовника ее неизбывных желаний. Он осторожно про-

ник в нее, словно опасался смять лепестки ее женственности. Меч плоти, пронзившей ее, был тверже камня, нежнее шелка и хрупкий, как кристалл. Она ощутила дрожь разрывающейся плевы, последнего лоскутка уходящего детства. Он всем весом налег на нее. Придавленная его телом, чуть не задыхаясь, Оники решила, что ее тело разрывается надвое под неотвратимым ударом меча, но еще никогда рана не казалась ей столь сладкой. Она обняла ногами своего господина, охватила руками за шею, приглашая погрузиться в нее, как можно глубже. Ее гибкое тело прогибалось, как небесный лишайник, извивалось, как коралловая змея, вибрировало, как труба органа под ветром. Невероятный спазм наслаждения, исторгнутый из глубины ее естества, взметнулся волной бурного прилива. Она мотала головой из стороны в сторону, ее дыхание разрывали продолжительные стоны. Их вдруг подхватил вихрь невиданной мощи. Меч ее принца напрягся, вошел в нее и сломался в ней. Она ощутила хлынувшее семя, потеряла контроль над собой и провалилась в бездну, где ощущалось только исходное биение жизни. Когда она пришла в себя, то увидела внимательные глаза и нежную улыбку того, кто превратил ее в женщину. Она улыбнулась и приподнялась, чтобы поцеловать. Но ей не удалось дотянуться до его губ.

Он вдруг отвернулся, напрягся, как загнанный зверь. Он смотрел на дверь кельи.

— Сюда идут! — шепнул он.

Он вскочил и застыл около кровати. Оники, сразу отрезвев, села и прислушалась. Она различила легкие шорохи в коридоре. У нее перехватило дыхание.

— Я должен уйти, прекрасная Оники. Я вернусь. Что бы ни случилось, не теряй надежды. Обязательно сохраняй надежду...

Он быстро натянул шаровары, разодранную тунику, завязал шнурки сандалий. Испуганный взгляд Оники остановился на задвижке. Она забыла запереть дверь.

— Сохраняй надежду...

Дверь с грохотом распахнулась. В келью ворвались два человека. Белые неподвижные маски скрывали их лица. Скрещенные серебряные треугольники украшали пластроны их серых форм. Из-под закатанных рукавов виднелись металлические направляющие дискометов, вшитых в кожу предплечья.

— Ни с места! — прокричал голос через ротовое отверстие маски.

Охваченная паникой, Оники даже не подумала прикрыть тело краем простыни. Один из двух мужчин в маске вбежал в душевую, пока второй держал тутталку под прицелом.

Из душевой донесся разочарованный вопль.

— Боже! Он испарился!

— Как так испарился? — удивился стоящий у кровати.

— Исчез! Скаит был прав: этот парень колдун! Скажи женщинам, что они могут войти. Опасности нет...

В келью вошли две матрионы. Их суровые ледяные взгляды сразу остановились на раздвинутых ногах Оники. Они увидели пятнышко крови на простыне, испачканные бедра молодой сестры, ее распухшие губы, царапины и укусы на груди, животе и плечах. Одна из матрион медленно приблизилась и влепила девушке пощечину. На ресницах Оники повисли слезы.

Весь монастырь проснулся. Непривычное волнение охватило матрион, администраторш и небесных хозяек: возбужденный, жужжащий рой заполнил сад. Слух о безумном проступке Оники распространился быстрее ветра.

Грешница, на которую надели красное платье позора, стала жертвой мести сестер. Четыре самые отвратительные администраторши, четыре улитки, у которых ненависть буквально сочилась через все поры их жирной кожи, провели ее по аллеям, усаженным розами. На потерявшую всякое ощущение происходящего Оники обрушились оскорбления и плевки. Матрионы удалились в зал совета. Исход заседания был ясен, но требовалось соблюсти все формальности.

Отношение тутталок к Оники было лишь слабым преддверием того, что ее ждало на улицах Коралиона. Ее посадят в клетку и провезут по всем улицам и площадям эфренской столицы. Она проведет долгие часы под лучами Ксати Му, когда ей придется ощутить на себе гнев и презрение всего населения.

Но Оники ни о чем не сожалела. Главное, что ее принц ушел от людей в белых масках. Она, как щитом, прикрывается воспоминаниями о его коже, могучих руках, колдовских ладонях, черных глазах и губах с привкусом меда. Аромат любви окружает ее и следует за ней неотступной тенью. Изредка она бросает печальный взгляд на орган, природный панцирь Эфрена. Ей больше не придется лазить по трубам, ей больше не увидеть мазков света на застывших просторах кораллов, наростов лишайника на стенках... Весь мир, ее мир рушится.

Она различает замкнутое лицо Алаки среди гримасничающих вокруг нее масок. Ей кажется, что она видит на губах старшей смены беглую нежную улыбку.

Неожиданно главные врата монастыря, ведущие прямо в сад с аркадами, открываются, чтобы впустить тутталок третьей смены. Обычно они входят через другие ворота, как все небесные хозяйки, но в монастыре царит такой переполох, что администраторша, отвечающая за ворота, нажала не на тот рычаг. Возбужденные сестры носятся в разные стороны, собираются вокруг вновь прибывших, объясняют им, что случилось, размахивая руками и гримасничая.

Створки медленно сходятся. Оники видит далекие огни города, темные вены улиц, черную бездну океана. Ее вдруг охватывает внезапное волнение. Она отталкивает сопровождающих ее администраторш, которые буквально садятся на землю, ускользает от разрозненных групп сестер и бежит в сторону главных ворот. Предупрежденные воплями администраторш, запутавшихся в длинных платьях, некоторые сестры пытаются преградить дорогу беглянке. Но Оники не снижает скорости. Она отталкивает тех, кто мешает ей, опрокидывая на камни аллей, на траву лужаек, в колючие кусты роз.

Широкие створки вот-вот сомкнутся. Оники ускоряет бег, проскальзывает в узенькое пространство. Она сильно ударяется плечом о твердое дерево, чуть не теряет равновесие, но успевает выскочить наружу, пока тяжелые врата не раздавили ее.

Она, не останавливаясь, добегает до каменного моста, который соединяет континент с опорой. Редкие прохожие бросают на нее подозрительные взгляды. Голубые лучи Ксати Му постепенно изгоняют умирающий свет Тау Ксир.

Оники проносится по мосту и бросается к лифту в опоре. Она задыхается, все ее тело залито потом, она поспешно нажимает на рычаг подъема. Сбрасывает в лифте платье до того, как он останавливается у причала подъемных платформ.

Она не теряет времени, чтобы полюбоваться фантастической панорамой у подножия опоры — черные пузатые холмы, белые пятна строений, сверкающие точки светошаров, темные реки улиц, округлая бухта, колонны красного и голубого света, опирающиеся о поверхность океана... Она вскакивает на платформу, включает генератор. Металлический круг вздрагивает и взлетает в сторону ржавых неровностей органа. Оники направляет платформу в сторону центрального решета. Хоть раз в жизни она должна познать, что такое опьянение подъема по большой трубе.

Она выбирает самую большую трубу диаметром более двадцати метров, которую называют Божьим Гласом (толь-

ко трубы центрального решета имеют свои имена). Очистка Божьего Гласа требует совместных усилий трех опытных тутталок. Лишайники, падающие с неба под воздействием тяжести, часто напоминают густые кустарники, а потому небесные хозяйки десятки раз опускаются вниз, чтобы опустошить набитые сумки в подвесной контейнер.

Оники склоняется над панелью управления, останавливает двигатель и нажимает кнопку якоря. Платформа застывает в центре светового потока, падающего через Божий Глас, потом медленно всплывает наверх, чтобы Оники смогла уцепиться за первые шероховатости коралла.

Девушка на руках подтягивается, проникая в разверстую глотку трубы. Поднимает голову. Ее охватывает волнение, она почти подавлена размерами этого величественного и прямого туннеля, уходящего прямо в небо. Третья смена только что закончила работу, но она уже видит новые ростки лишайника, беловатые нити, цепляющиеся за вогнутые стенки и подрагивающие под порывами верхнего ветра. Между двумя сменами проходит почти час, но неубранные лишайники уже начинают прорастать в органе. Работы по очистке нельзя откладывать, нет никаких исключений, никаких послаблений. У тутталок нет каникул, они не имеют права болеть.

Оники начинает подъем. Ей нужно приспособиться, поскольку в малых трубах, по которым она привыкла карабкаться, стенки расположены близко друг от друга, позволяя лезть по-крабьи, опираясь ногами и руками. Иногда проход не шире ее плеч, и ей вполне хватает колен, чтобы обеспечить надежную опору. Но в Гласе Божьем приходится лезть вертикально вверх, тщательно выбирая захваты. Малейшая неточность, хрупкий выступ могут стать роковыми. Нескончаемый верхний ветер не облегчает подъема. Его мощные порывы пробуждают низкий, могучий рев, навевающий тоску.

Оники понадобилось два часа, чтобы выбраться на вершину большой трубы. Она слышит внизу крики тутталок четвертой смены. Ей не надо глядеть вниз, чтобы понять: они преследуют ее.

Ксати Му изливает ослепительный свет на Эфрен, все небо испещрено бирюзовыми, голубыми, темно-синими, фиолетовыми стрелами. Последние метры оказываются самыми трудными. Мощный голубой свет слепит Оники, лишайник становится густым, упрямым, скользким, резко возрастает температура, липкие пальцы девушки соскальзывают с раскаленных неровностей.

Наконец она хватается за верхний край трубы и из последних сил переваливается на крышу щита. И долго лежит

на самом краю, пытаясь отдышаться. Она нарушила правило 17 Тутта, которое запрещает небесным хозяйкам разгуливать по вершине органа. Матрионы считают, что вес и шаги даже одной тутталки могут вызвать цепь разрушений в переплетениях кораллов. Оники все равно: она уже нарушила множество правил. Она смотрит на небо, и ее охватывает экстаз, сравнимый с тем, что она испытала во время коротких объятий со своим принцем.

Она вдруг ощущает присутствие за спиной, сзади кто-то ползет. На кон поставлена ее жизнь, но она не чувствует страха. Она сделала нечто такое, чего не должна была делать ни при каких обстоятельствах. Она встает и поворачивается, бросая вызов змее.

Громадная рептилия не одна.

Десяток змей струится между застывшими волнами кораллового океана, направляясь в ее сторону. Некоторые из них более двадцати метров в длину. Их круглые глаза сверкают зелеными огоньками, длинные тела выписывают невероятные арабески.

Оники раскидывает руки, встряхивает головой, бросая вызов змеям.

Но змеи не атакуют. Они приближаются, образуют вокруг нее круг, застывают и смотрят на ее угрожающий танец. Ибо Оники действительно танцует. Обнаженная, с бьющимися по ветру волосами, украшенная жемчужинами пота, она танцует для своего прекрасного незнакомца, она танцует, изливая свою радость женщины, радость полюбившей женщины.

Когда тутталки четвертой смены выбрались на крышу щита, они несказанно удивились: их юная сестра была в трансе, окруженная голубым ореолом света, а вокруг нее на хвостах стояли десять коралловых змей, покачивающихся в томительном ритме верхнего ветра.

Глава 7

Если твой дом сгорел,
Если тебе некуда идти,
Если жена предала тебя,
Если у тебя все взяли,
Отправляйся к видуку.
Если твоя родина захвачена,
Если твои близкие погибли,
Если жрецы прокляли тебя,
Если демоны овладели тобой,

Отправляйся к видуку.
Если игра разорила тебя,
Если ростовщики раздели тебя,
Если тело твое изранено,
Если даже жизнь отказалась от тебя,
Отправляйся к видуку,
Отправляйся к видуку.

Видук Папиронда
Сможет что-то для тебя сделать...

Народная песня миров Скодж,
традиционно приписываемая
великому бадуру Пату Кутону

Глатен-Бат.

Жеку трудно было называть городом это гигантское хитросплетение бараков и палаток. Крысы пустыни ДохонФила сопровождали маленького анжорца, словно он был сыном Гареса. Они прошли по узкой улочке, шумной и забитой людьми, прорезая группы зевак, которые разинув рты слушали бродячих торговцев, бесцеремонно отталкивали любопытных и нищих, перешагивали через натянутые веревки, удерживающие палатки, обходили латрины, кучи тюков, груды плюмшеня, деревянные ящики...

Они оставили глиссер на стоянке, где уже стояли остальные девятнадцать глиссеров клана. Поцелуй Смерти собрал экипаж на палубе и дал им точные инструкции перед тем, как выпустить на улицы города:

— Никому не говорить о том, что случилось с гиенами. Убью каждого кретина, который не сумеет удержать язык за зубами!

Хотя колдун не счел нужным давать им дополнительные объяснения, люди, которые надеялись извлечь хоть частицу славы из своего приключения — а также лишние стаканы шена, спиртного из плюмшеня, и благосклонность женщин, — поклялись молчать. Поцелуй Смерти знал, что их языки развяжутся после первого стакана спиртного, когда шен затуманит им мозги, но он выиграл главное, а именно время. Он хотел спрятать малыша, пока кланы не узнают про его способности и не сделают из него принца солнца, сына Гареса. Вот уже четыре века, как не появлялось человека или мутанта, способного договориться с пятнистыми гиенами, и подобный слух, если он распространится, вызовет коллективную истерию, последствия ко-

торой никто предусмотреть не мог. А колдун крыс пустыни считал своим долгом помочь мальчугану продолжить путь, исполнить свою судьбу. Таково было содержание послания, которое сообщила ему ядерная колдунья во время его последней пляски с атомами в радиоактивном отсеке судна.

Многочисленность и разнообразие транспортных средств, стоящих в порту Глатен-Бата, поразили Жека: одни напоминали огромных жуков на гусеницах, другие — парусных черепах, третьи — гигантских сочлененных червей. Они отличались не только формами и размерами, но и способом передвижения: больше всего было таких, что использовали ядерно-чувствительные ячейки, а значит, ядерную энергию, но были суда и с древними двигателями внутреннего сгорания, электродвигателями или использующими силу ветра.

— Вон там находится корабль видука Папиронды, — прошептал Поцелуй Смерти.

Жек раздвинул концы тюрбана и поднял голову. И увидел над неровными крышами больших палаток и бараков огромную серую массу, которая заслоняла красноватый диск Гареса.

— Не оставляй слишком долго лицо открытым, — шепнул колдун. — Если горожане узнают, что мы сопровождаем здорового человека, они слетятся со всех сторон, как мухи на падаль!

И Поцелуй Смерти завязал концы тюрбана, оставив открытыми только глаза Жека.

Маленький анжорец уже не чувствовал ран, нанесенных воронами-мутантами. Мази и шаманские приемы колдуна совершили чудо. От ран остались только небольшие шрамы, натягивавшие кожу. Он использовал три дня путешествия, чтобы отдохнуть и восстановить силы.

Ему казалось, что он гуляет по зоопарку, куда согнали зверей с радужными шкурами. Он уже привык к уродливому облику крыс пустыни, но его поражал странный внешний вид жителей Глатен-Бата. Искривленные черепа, лица, полностью заросшие шерстью, носы в виде хобота, рты, превратившиеся в клювы, глаза, сверкавшие посреди лба, длинные подвижные руки, волочившиеся по земле, существа с тремя или четырьмя ногами, двойные горбы... Жек мог дать каждому имя животного: один, с клыками, торчащими изо рта, был собакольвом, другой, с длинными висящими ушами, — медвигром... Ему казалось, что его окружают птицы, рептилии, толстокожие, грызуны, шигалины, хамелиды, хищники, домашние животные. Одни ходили полностью обнаженными или в крохотных квадратных

повязках. Жек узнавал женщин по грудям, соскам, покачивающейся походке, по украшениям, а мужчин по тестикулам, широким плечам, оружию за поясом, по их грубому виду. По сравнению с обитателями Глатен-Бата, главного поселения зараженной зоны, крысы пустыни выглядели красивыми.

— Прибыли! — сказал ДохонФил.

Они вышли на круглую площадь, окруженную тавернами. Под навесами было такое множество народа, что остальные посетители, не нашедшие места у стойки или за металлическими столами, сидели прямо на тротуаре со стаканами шена в руках. Голоса, вопли и смех сливались в шумную какофонию. В воздухе висел стойкий запах мочи, тяжелый, как свинец. Жек видел, что мужчины или женщины, сидящие на табуретах или за столами, мочились прямо под себя.

— Поспешим! — проворчал ДохонФил.

Его люди замедлили шаг, бросая жадные взгляды на бочонки с шеном, стоявшие на полках над стойками.

— Сможете напиться допьяна, когда я отпущу вас! — рявкнул ДохонФил.

Экипаж мечтал не только забыться в шене, но и укрыться в объятиях женщин из своего или чужого клана, собственных жен, случайных любовниц или продажных шлюх, стремящихся опустошить их кошельки. Воздержание и сдержанность — вот два неписаных закона поведения в пустыне, а короткие остановки в Глатен-Бате позволяли раскрыть кошельки и наверстать потерянное время.

Резиденция капитана Годована располагалась в одном из крупнейших зданий города. И самом живописном, ибо стены были сложены из камня и дерева, а внутри разбили сад. Настоящая роскошь в поселении, где свободное пространство сокращалось с каждым днем. Зараженная зона располагала ограниченными ресурсами, и многочисленные кланы кочевников покидали свои обширные земли, чтобы присоединиться к оседлому населению Глатен-Бата. Совет капитанов города делал все, что было в его силах, чтобы отлучить эмигрантов от права на постоянное убежище, записанное в федеративной конституции кланов. Была даже создана милиция для поддержания общественного порядка, которой было поручено с оружием в руках отыскивать и изгонять нежелательных пришельцев, но численность ее была слишком мала, чтобы препятствовать массивному наплыву бродяг. Некогда надежные улицы Глатен-Бата стали ареной постоянных сведений счетов между торговцами, семейными кланами и преступниками.

Массивный портик резиденции Годована выходил в переулок, соседствующий с площадью таверн. Узнав ДохонФила, колдуна и их людей, охрана приоткрыла тяжелые деревянные ворота. Удивленные и радостные восклицания приветствовали тех, кто вернулся и кого уже не чаяли увидеть в живых: они должны были погибнуть от ядерного торнадо или исчезнуть в брюхе пятнистых гиен.

Боцман прервал излияния радости.

— Где капитан?

— В своих апартаментах... Он просил, чтобы его не беспокоили...

ДохонФил повернулся к своим людям, сгрудившимся в тени портика.

— Свободны до завтрашнего утра...

Им не пришлось повторять дважды. Они спрятали свои волнометы, рассыпались и исчезли с веселым хохотом.

— Надо было припугнуть их, — сказал колдун.

— Я же не даю тебе советов, когда ты пляшешь с атомами, — огрызнулся ДохонФил.

— Это дурачье поспешит рассказать историю с гиенами. Через час-другой резиденцию возьмут штурмом, если нам повезет. — Он указал подбородком на Жека. — И не отпустят его...

— Эка важность? Ему здесь будет не хуже, чем в других местах!

— Боцман, ты говоришь, как безумец...

Крохотные глазки ДохонФила налились кровью. Он машинально сунул руку за пазуху и схватился за ручку короткого кинжала. Охрана закрыла ворота и вставила в скобы железную балку. В саду прогуливалось несколько человек. То, что Поцелуй Смерти помпезно называл садом, было на самом деле замощенным двором, засыпанным органическими жидкими и твердыми отходами. Здесь царил тот же тухлый запах, что и на площади. Разъяренный вид боцмана не подействовал на колдуна.

— Только безумцы извлекают оружие перед служителями Гареса, — ледяным тоном бросил он.

ДохонФил опустил кинжал в карман. Было обычным делом бросить вызов одному или двум мужчинам, но нападение на колдуна требовало отчаянного мужества.

— Пошли к капитану, — процедил он сквозь зубы.

— Он просил его не беспокоить, — напомнил Поцелуй Смерти.

Боцман пожал плечами. И быстрым шагом пересек двор, несмотря на предупреждения охранников, направ-

ляясь к округлому входу в главное здание, которое стояло прямо против ворот.

Поцелуй Смерти схватил Жека за руку.

— Надо помешать ему совершить глупость...

Они бросились вслед за ДохонФилом, вбежали в коридор, бросились наверх по витой лестнице, перепрыгивая через четыре ступени, и услышали раскаты голосов до того, как выбрались на площадку второго этажа.

Створки дверей еще ударялись о стены, когда они вбежали в спальню капитана Годована. Жек вначале различил две продолговатые формы, лежащие на некоем подобии кровати, грубом матрасе, набитом стеблями плюмшеня и накрытом набивной тканью. Всюду валялись подушки. Несмотря на полумрак, он увидел, что это были люди, а точнее, женщины. Они скорчились, прикрыли лица руками и пронзительно верещали.

Капитан Годован медленно отступал к задней стене. На его удивительно белом теле, усыпанном шишками, не было никакой одежды, и оно буквально светилось в полумраке спальни. Его глаза не отрывались от ДохонФила, который, держа в руке кинжал, приближался к нему.

— Я поклялся прикончить тебя, Годован! — выкрикнул боцман. — Пятеро моих людей исчезли в брюхе гиен, пока ты цацкался со своими шлюхами...

Боцман бросился в первую атаку. Его рука с кинжалом молниеносно взлетела вверх, но капитан увернулся от лезвия. Годован не зря отступал к задней стене. Он давал понять противнику, что загнан в тупик, а на самом деле незаметно приближался к сабле, стоящей у балки мансарды. ДохонФил, ослепленный ненавистью, ничего не заметил. Он сделал второй выпад слева направо. Острие кинжала воткнулось в штукатурку. Пока боцман выдергивал его из стены, капитан бросился в сторону, схватил саблю и извлек ее из ножен. Ощутив опасность, боцман отпрыгнул назад, но слишком поспешно, и, потеряв равновесие, растянулся на полу. Годован тут же воспользовался своим преимуществом. Он, как хищник, бросился на противника. Сабля со свистом обрушилась на голову ДохонФила.

Поцелуй Смерти схватил Жека за затылок и прижал его лицо к себе:

— Не смотри!

Годовану было мало, что он разрубил голову боцмана до носа. Он отрубил ее совсем и сильнейшим ударом ноги откатил к стене. Из обезглавленного тела фонтаном хлынула кровь.

— Этот идиот не займет мое место! — Надгробная речь была короткой.

Капитан подошел к постели, вытер окровавленное лезвие о подушку и спокойно сунул саблю в ножны, поставил к той же балке, словно ничего и не произошло, а потом улегся на матрас. Побледневшие женщины не сводили взгляда с головы боцмана, чьи выпученные, наполненные ужасом глаза стали стекленеть. Сладковатый запах крови смешался с вонью, царившей в комнате...

Годован вдруг увидел колдуна и Жека.

— Вот и ты, мальчишка. Невелик, но упорен: надо немало стойкости, чтобы спастись от воронов-мутантов, гиен, ядерных торнадо и забот Поцелуя Смерти! Завтра отправимся к твоему другу Папиронде...

— Не завтра, а сейчас...

Капитан сел, грубо отпихнул женщину, мешавшую ему, и яростно глянул на колдуна.

— С каких это пор колдун отдает приказы капитану клана? Быть может, это ты склонил боцмана к мятежу...

— ДохонФил заслужил наказание, которое положено глупцам, — ответил Поцелуй Смерти. — Просто речь идет о том, чтобы поместить мальчугана в безопасное место до того, как кланы возьмут эту резиденцию приступом...

Гримаса — улыбка? — скривила тонкие губы капитана. Он пригладил по одному жесткие волосы, заменявшие ему усы.

— Издеваешься, Поцелуй Смерти? Ведь не из-за того, что этот малыш знает видука Папиронду...

— Кто говорит о видуке Папиронде? — перебил его колдун. — Нас в пустыне атаковала стая гиен.

— И что? Не впервые...

Капитан раскинул руки и обнял обеих женщин, чьи головы легли ему на плечи. Если бы не слишком сильно развитый носовой отросток, выдававший их принадлежность к крысам пустыни, они бы походили на обычных женщин, а не на существ, страдающих бетазооморфией. Тонкий пушок, покрывавший их тела, не закрывал белой шелковистой кожи. Их крупные твердые груди напомнили Жеку грудь ма Ат-Скин, и ему захотелось спрятать лицо у них на груди.

— Гиен было так много, и они были так разозлены, что едва не растерзали нас. Мы бы от них не ушли, если бы...

Он вкратце пересказал, как мальчуган их спас, как гиены улеглись у его ног, когда он появился на палубе, как

Жек обнимал одну из гиен и как вся стая беззвучно ушла с глиссера после того, как практически овладела им.

— Через час люди ДохонФила нажрутся шена. Забудут о своем обещании молчать и расскажут историю всем, кто захочет их слушать. Уже давно кланы ждут появления принца солнца, а потому...

— И этот мальчишка действительно принц солнца? — перебил его Годован.

В глазах капитана и женщин появились одновременно восхищение, страх и уважение.

Поцелуй Смерти медленно кивнул.

— Его судьба не ограничивается Блатен-Гатом.

— Твое мнение не закон, колдун!

— Мое мнение не имеет никакого значения, — возразил Поцелуй Смерти. — Я исполняю волю нашей матери, ядерной колдуньи...

Решающий аргумент. Крысы пустыни никогда не выступали против воли посланницы Гареса, и капитан Годован не был исключением из правил. Они жили в суеверном страхе перед гневом небесной матери, разрушительного огня, который исторгал ее адский рот, и разрушительных бурь, которые возникали по желанию ее сыновей, сумасшедших атомов.

— Ты умеешь выбирать слова, колдун, — вздохнул Годован.

— Посланница Гареса умеет выбирать своих прислужников...

Капитан встал и сказал двум женщинам:

— Займитесь парнишкой, пока я подготовлюсь. Вымойте его, найдите ему приличную одежду и накормите. Выходим через четверть часа.

Потом схватил саблю и в сопровождении колдуна направился к двери. Он ступил прямо в кровавую лужу, и его ноги оставили цепочку пурпурных следов на полу.

— Более пятисот метров в длину и сто в высоту... — сказал Поцелуй Смерти, поймав удивленный взгляд Жека.

Стоящий на двадцати опорах в виде арок, корабль видука Папиронды занимал всю поверхность астропорта Глатен-Бата, словно взлетно-посадочная площадка была построена только для него.

Стоя у окна зала ожидания, Жек уже не знал, куда смотреть. Колдун стоял рядом, а Годован и его охрана развалились в выпотрошенных креслах, предназначенных для пассажиров.

— У него два типа тяги, — продолжил Поцелуй Смерти. — Тридцать классических двигателей отрыва, позво-

ляющих выйти за пределы атмосферы. А когда он развивает скорость около десяти тысяч километров в секунду, его программатор, предок деремата, создает эффект раздвоения. Несколько секунд корабль находится одновременно в двух точках пространства, иногда на расстоянии светового года. Пилоту остается только сделать выбор. Корабль последовательно осуществляет квантовые скачки. Это называется эффектом Шлаара...

— Ты много знаешь, Поцелуй Смерти! — восхищенно воскликнул Жек.

— Максимальный радиус действия программатора Шлаара равен трем световым годам, — продолжил колдун, словно разговаривал с самим собой. — «Папидук», таково название корабля, прибыл с миров Скодж и обслуживает небольшое количество миров, ближайших к Ут-Гену планет и планет в зоне астероидного пояса в скоплении Неороп. Сейчас он делает остановку и в Свободном Городе Космоса. Эта взбунтовавшаяся станция, которую раскатта империи Ангов построили между системами Гареса и Неоропа... Видишь сопла под фюзеляжем?

Жек разглядел округлые окончания труб, выступавшие за пределы обшивки, изъеденной ржавой проказой.

— Клеймо технологий античности... Квантовый программатор поставили позже... Никто, даже сам видук, не знает точного возраста корабля: четыре, пять, может, шесть тысяч лет. Вероятно, он перевозил пионеров, афризиатов, людей с окраин известной вселенной. Многие родились, выросли и умерли во время путешествия. Планеты Ступеней были колонизированы их далекими потомками. Этот кусок ржавого железа — уникальный свидетель истории человечества...

«Кусок железа» — это выражение, наверное, наилучшим образом описывало корабль видука Папиронды, черное металлическое чудовище, которое обросло анархическими пристройками. По фюзеляжу тянулись наросты, выступы, змеились трубы, виднелись бойницы, ремонтные пути, антенны, мачты, лестницы, тамбуры, иллюминаторы... Из трех огромных округлых люков свешивались громадные эскалаторы высотой около тридцати метров, у подножия которых стояли гусеничные машины и механические погрузчики.

Жек ощущал себя песчинкой перед этим космическим храмом необычного облика, видимый износ конструкции которого порождал серьезные сомнения в его способности преодолевать космическую пустоту. Он вдруг подумал о родителях. Что они делали? Отправились ли в крейцианский храм? Или

па, раздувшись от собственной важности, бродил по аллеям парка с газовым ружьем на плече? Ма, наверное, убиралась в доме? Женщины капитана проявили трогательную заботу, занявшись им. Заигрывая, одна из них предложила ему грудь. Они надели на него белье, потом брюки и полотняный пиджак, которые обнаружили в одной из кладовок. Их заботливость немного утолила жажду Жека в нежности, но гигантское металлическое чудовище, явившееся из глубин времен, вновь наполнило его чувством одиночества.

Пальцы колдуна тонули в жестких волосах, покрывавших две трети его лица. Борода буквально трещала, и Жек испугался, что она вот-вот вспыхнет.

— Одиночество — удел принцев и воинов, — прошептал колдун. — Остальные, все остальные, нуждаются в лицезрении самих себя в глазах себе подобных. Никогда не гляди по сторонам, Жек, а только внутрь себя.

К ним подошел служащий астропорта.

— Видук ждет вас...

— Не очень он поторапливался, — проворчал Годован, вставая.

— Только капитан, колдун и мальчик, — уточнил служащий, похожий на одного из древних приматов. — Охрана будет ждать здесь...

Вдруг со стороны дороги, ведущей к астропорту, донесся яростный шум, буквально затопивший зал ожидания.

— Это что за грохот? — удивился служащий.

— Вопросы потом! — сказал Поцелуй Смерти. — Веди нас к видуку...

Колдуну понадобилось всего полсекунды, чтобы оценить ситуацию. Через окна и стены доносились громкие крики. В административное здание ворвалась орущая беспорядочная толпа. Зал ожидания вдруг наполнился окаменевшими статуями. Ни один из служащих астропорта не догадался включить систему магнитных решеток.

Поцелуй Смерти ткнул дуло волномета в поясницу перепуганного служащего.

— Веди нас к видуку!

— Не берешь ли на себя слишком много, колдун? — спросил Годован.

По черному взгляду, который бросил на него Поцелуй Смерти, капитан понял неуместность своего вопроса. Колдун плясал с атомами, говорил с ядерной колдуньей, а потому

его решимость никто не мог поколебать. Противостоять ему означало выступать против воли всемогущей посланницы Гареса.

— Следуйте за мной, — выдохнул служащий.

Перепуганный, дрожащий служащий направился к первой из кодированных дверей коридора, соединявшего здание со взлетной площадкой. Пока его неловкие пальцы поспешно набирали на консоли код доступа, в здании появились вопящие, жестикулирующие люди.

— Ты считал, что у нас в запасе час времени, колдун, — хмыкнул Годован. — Ошибка в оценке может нам стоить жизни.

— Наверное, они ворвались в резиденцию и допросили женщин. Надеюсь, они их не... Если бы этот кретин Дохон отдал людям приказ, мы бы не попали в такое положение.

— Отдай им мальчишку, ведь они хотят именно его!

— Прежде придется убить меня, капитан Годован. Пока я жив, с его головы не упадет ни один волос.

Створки первой двери наконец раздвинулись. Четверка углубилась в широкий, залитый светом коридор. Служащий не стал запирать дверь, двойное защитное стекло которой не было рассчитано на сдерживание толпы. Дверь служила для прохода служащих, которые проводили рутинный обыск пассажиров, направлявшихся к выходу к звездолетам. Им надо было срочно пройти через второй тамбур с бронированными дверями, за которыми они будут в безопасности. Служащий понял, что толпа, взявшая приступом здание, охотилась за троицей, шедшей позади него, и колдуну не надо было держать его под прицелом, чтобы подгонять.

Они пробежали двести метров, которые отделяли их от бронированного тамбура. Служащий схватил клавиатуру, и его пальцы забегали по кнопкам. Годован то и дело оглядывался.

— Они на подходе! Что ты возишься с этой дверью?

— Делаю что возможно. Код очень сложный... — простонал служащий, со лба которого катились крупные капли пота.

Свора уже ворвалась в коридор, и от стен отражались вопли и топот множества ног. Поцелуй Смерти повернулся, поднял волномет и с холодной решимостью направил его в сторону приближающихся мужчин и женщин. Обезумевшие бедняги, возбужденные шеном. Он не злился на них. Их существование было так убого, что они были готовы броситься на кого угодно, чтобы сделать из него принца солнца, существо, которое поведет их в лучшие миры, приведет к источнику метаморфоз, вернет им человеческое достоинство... Бетазооморфия не только прида-

вала им чудовищный вид, но и погружала в бездну отчаяния и страданий.

— Принц солнца! Принц солнца!

Они выкрикивали эти слова с экстазом в глазах и голосе. Они были безоружны. У них не было воинственных намерений — пока, — но Поцелуй Смерти знал, что даже при своем авторитете колдуна он не сможет помешать им завладеть мальчиком. Они явились требовать своего права на надежду, а такое требование нельзя удовлетворить никаким компромиссом. То же самое, что остановить ревущий поток руками.

— Почти готово, — просипел служащий.

— Сколько еще? — спросил Поцелуй Смерти.

— Секунд десять...

Этого времени вполне хватало, чтобы преследователи нагнали их. Колдуну крыс пустыни не нравилось то, что заставлял его сделать долг, но посланница Гареса, тираническая властительница, требовала иногда ужасных жертв. С отчаянием в душе он нажал на спуск и качнул дулом оружия из стороны в сторону. Волновой залп осветил коридор, срезав десяток преследователей, чьи тела ударились о стенки и покатились по полу. Те, кто следовал за ними, споткнулись о неожиданное препятствие, откинулись назад, сбивая с ног следовавших сзади. Крики боли и рев разочарования.

— Ты сошел с ума, колдун! — проворчал капитан.

Поцелуй Смерти направил волномет на толпу, и те, кто избежал смерти и давки, теперь не осмеливались двинуться вперед. Плечи преследователей опустились, руки повисли, они бросали недоверчивые взгляды на трупы, на упавших и на колдуна, который стоял перед ними на расстоянии нескольких метров, на дымящееся дуло волномета, на мальчика с лицом ангела... Колдун не только пытался украсть у них ребенка, который говорил с гиенами, принца солнца, лишал их возможности любить его, поклоняться ему, но и без колебаний открыл огонь по своим братьям по несчастью. Им приходилось напрягаться, чтобы сдержать напор толпы, заполнившей зал ожидания и вход в коридор. Вопли, предвестники всесокрушающего гнева, усилились.

Система открытия тамбура разблокировалась с сухим щелчком. Круглая металлическая створка бесшумно скользнула вбок. Годован, Жек и служащий, не теряя ни секунды, протиснулись в узкое отверстие. По ту сторону двери стояли люди видука Папиронды, которых можно было узнать по темно-синей форме.

— Что происходит? — осведомился один из них.

— Закройте тамбур, если держитесь за свою шкуру! — крикнул капитан.

Поцелуй Смерти, который сдерживал толпу, выждал, пока тамбур почти не закрылся, и проскользнул в отверстие.

Сан-Фриско*, один из помощников видука Папиронды, вел капитана, колдуна и маленького анжорца по темному лабиринту коридоров. Их обыскали четыре раза (два раза на резонансном вибраторе, один раз просветили рентгеном и один раз ощупали все тело) с момента, когда они вступили на посадочный трап. Годован и колдун сдали оружие начальнику безопасности. Они пересекли огромные помещения, набитые контейнерами и исследовательскими машинами, помещения поменьше, заполненные пассажирами, которые боролись со скукой, играя в карты. Корабль стоял в астропорту Ут-Гена уже стандартный месяц, загружая припасы, товары, горючее и сырье. Пассажиры, эмигранты с миров Скоджа, предпочитали оставаться на борту, а не прогуливаться по Глатен-Бату, вызывая нездоровое любопытство бетазооморфов.

Глаза Жека то и дело останавливались на плечах и затылке Сан-Фриско. Помощник видука Папиронды был человеком здоровым, как и остальные члены экипажа, однако его длинные волосы, гладкие и черные, узенькие глазки с сетью морщин вокруг, орлиный нос, коричневые, почти черные, губы, его медная кожа и крадущаяся, воздушная и бесшумная походка придавали ему вид хищной птицы. Он не произнес ни слова с момента, когда взял под опеку троицу. От этого молчаливого, сумрачного человека веяло тайной. Время от времени он оборачивался и смотрел на Жека непроницаемым взглядом.

Они попали в ярко освещенный коридор, в глубине которого виднелась резная деревянная дверь. Сан-Фриско открыл ее и пропустил трех визитеров. Они оказались в прихожей, потолок которой был усеян голографическими жучками, чье потрескивание нарушало глубокую тишину. Вторая дверь в глубине комнаты была приоткрыта.

— Впустите их! — прозвучал через несколько секунд низкий голос.

---

* Здесь и далее речь идет об именах героев, которые были даны автором по названиям городов Земли, но в несколько измененном написании. — *Примеч. пер.*

Следуя за Сан-Фриско, они вошли в просторную каюту, обтянутую водяными тканями, с драгоценными коврами Оранжа на полу. Позади пузатого стола, царившего посреди помещения, сидел человек с лысым черепом и худым лицом, на котором горели два огромных светло-серых глаза. Его пальцы небрежно играли с небольшим выключенным голоэкраном.

— Опять вы, капитан Годован. Надеюсь, вы побеспокоили меня по веской причине. Вы знаете, что мы стартуем через трое суток и времени у нас в обрез...

Видук Папиронда не походил на человека, образ которого сложился в голове Жека. Он не выглядел разбойником, пиратом космоса. Он думал увидеть бородатого громилу с густыми бровями, с черными глазами и хищными клыками, полудикаря, закутанного в звериные шкуры, который пьет кровь жертв из металлического кубка, а перед ним сидел мужчина в элегантном пиджаке из черного шелка, с белыми ухоженными руками, с аристократическими манерами и сдержанной речью. Только резкая сухость голоса выдавала жесткость и неумолимость его обладателя.

— Те, кто спасся из Северного Террариума и кого вы доставили в Глатен-Бат, не представляют никакого интереса, капитан Годован, — продолжил видук. — Мне даже не удастся продать их горным концессиям Неоропа: компании не желают иметь дела с зооморфами.

— Как вы с ними поступили? — униженно спросил Годован.

— Передал их совету капитанов Глатен-Бата. Но, как вам известно, город переступил критическую демографическую черту...

— Что это означает? — спросил колдун.

Тонкие губы видука тронула саркастическая улыбка.

— Вы меня прекрасно поняли, колдун. Карантинцы гетто никому не нужны: ни жителям Анжора, ни кланам зараженной зоны...

— Карантинцы — наши братья, и, быть может, стоило поискать решение, — настаивал колдун. Борода его топорщилась от гнева. — К примеру, Свободный Город Космоса...

— Ошибаетесь, колдун. Свободные граждане космоса не принимают никаких мутантов, будь они гибридами человеческой или нечеловеческой расы, а также тех, кто страдает ядерной зооморфией, как вы. Более того, кланам, в том числе и вашему, пришлось бы скинуться на оплату их путешествия, и я не сообщу ничего нового, сказав, что ваши сопланетяне переживают в данный момент экономические трудности... Но, думаю, вы попросили встречи не ради обсуждения участи карантин-

цев Северного Террариума... — Он указал на кресла, полукругом висящие у стола. — Садитесь, прошу вас...

Годован удобно устроился в кресле.

— Вы правы, видук... Уничтожение Северного Террариума лишило клан основного источника доходов. У нас была монополия на связь между гетто и главными городами великой ядерной пустыни...

— В этом опасность монополии, капитан Годован!

Образ агонизирующего Артака возник перед глазами Жека. Цинизм видука резко контрастировал с человечностью карантинца. Маленький анжорец никак не мог понять, что объединяло этих двух людей. Ему казалось, что он плывет в кошмарном сне.

— Флот нашего клана состоит из двадцати атомных глиссеров, каждый вместимостью двадцать тонн, — продолжил Годован.

— И что?

— Это намного больше, чем у сотни гусеничных машин клана ликаонов...

— Если я вас правильно понял, капитан Годован, вы просите меня доверить вам поставку радиоактивных минералов с гор Сураи.

— Глиссеры к тому же быстрее, — добавил Годован.

— С капитаном Граром Сербеттом, главой клана ликаонов, меня связывает старая дружба. Согласен, человек нерасторопный, но надежный и действенный. Почему я должен отказываться от сотрудничества, которое полностью удовлетворяет меня?

Годован повернулся к Жеку, сидевшему на подлокотнике кресла.

— Быть может, во имя этого маленького анжорца...

В серых глазах видука вспыхнул удивленный огонек.

— Он был в гетто, когда началась заливка колодцев, — уточнил капитан. — Ему удалось убежать с остальными спасшимися. Он утверждает, что знаком с вами. Нам пришлось пойти на крупный риск, чтобы доставить его вам: за него отдали жизни пять членов экипажа и один боцман. Хорошая цена, чтобы показать вам, с какой решительностью мы готовы служить вам...

Видук бросил шаровой экран, поставил локти на стол, наклонился вперед и внимательно посмотрел на Жека.

— Отдаю должное вашему желанию сделать мне приятное, капитан Годован, но, боюсь, что вы делали все зря. Я никогда не видел этого ребенка. И не знаю ни одного анжорца, ни с поверхности, ни карантинца...

Ледяной ветер пронесся в душе Жека. Как он и предполагал, видук Папиронда не знал Артака. Значит, старый карантинец врал ему, а Жек Ат-Скин, поддавшись на уговоры, вслепую пустился в авантюру в поисках никогда не существовавшего человека.

Поцелую Смерти не понравился оборот, который принимал разговор, и он решил вмешаться:

— Не важно, знаете вы его или нет, видук! Я плясал с атомами, и наша мать, ядерная колдунья, просила меня доверить его вам.

— У вас одни верования, у меня другие, колдун, — возразил видук. — И ваша мать — не моя. Но если хотите, чтобы паренек отправился на моем корабле, вы должны оплатить его путешествие. Это будет вам стоить двадцать тысяч стандартных единиц.

— Вы знаете, что я не располагаю такой суммой...

Видук пожал плечами.

— В таком случае... Что касается вашего предложения, капитан Годован, обещаю над ним подумать и дать ответ во время моего следующего визита. Сан-Фриско, проводи господ!

Шаровой экран вдруг засветился, и над цоколем всплыло объемное изображение лица. Из динамиков донесся гнусавый голос:

— Тысячи бета захватили астропорт, видук! Они взломали бронированный тамбур и направляются к трапам корабля. Толпа разъярена. Мы едва ее сдерживаем.

Папиронда нажал на кнопку передатчика.

— Чего они хотят?

— Не знаю, но, похоже, намереваются взять корабль приступом...

— Отдайте приказ к общему отступлению и поднятию трапов! Стреляйте без раздумья и держите их на расстоянии!

— В толпе много женщин и детей...

— Плевать мне на ваши душевные переживания! Запереть все входы в корабль в течение двух минут. Удавлю собственными руками того, кто пропустит хоть одного бета. Исполняйте!

Жек увидел, что миниатюрное лицо залила бледность. Связь прервалась, и шар вновь стал кристальнопрозрачным. Видук поднял разъяренный взгляд на колдуна.

— Этот мятеж имеет отношение к вам, колдун?

Поцелуй Смерти выдержал горящий взгляд собеседника.

— Не ко мне, видук. А к мальчику. Бета принимают его за сына Гареса, за принца солнца...

Видук нетерпеливым жестом руки велел колдуну продолжать, и тот во второй раз за последний час пересказал

происшествие с гиенами. Сан-Фриско подошел ближе, словно история захватила его и он не желал пропустить ни малейшей детали. Но выражение его лица не изменилось, когда колдун закончил рассказ.

— Ну что ж, колдун. Решение напрашивается само собой, — сказал видук, помолчав. — Отдайте мальчугана соплеменникам, и порядок восстановится.

— Остерегитесь, видук! Его судьбой распоряжаться не вам, — заявил Поцелуй Смерти.

— Повторяю, мои верования отличаются от ваших. Внутри этого корабля есть лишь одна религия — моя! Сан-Фриско, иди и объяви бета, что мы передадим им принца, как только они покинут астропорт.

Помощник не сдвинулся с места. Свет ламп подчеркивал его выступающие надбровные дуги, резкую линию носа, огнем играл на черных гладких волосах.

— Чего ты ждешь?

— Голова готова подчиниться, видук, но сердце подсказывает, что уста этого колдуна вещают истину.

Жек впервые услышал голос Сан-Фриско. Он говорил на межпланетном нафле, который па Ат-Скин называл сиракузским или имперангским. Но выговор у него был одновременно раскатистым и певучим.

— А что скажет твое сердце, если я воткну в него стальное лезвие?

— Оно взлетит к мирам света, а ваше перестанет петь...

Помощник выглядел воином, но манера изъясняться больше напоминала поэта или мудреца, а слова падали со спокойной силой очевидности.

— Да это настоящий заговор! — прорычал видук. — Неподчинение дорого тебе обойдется, Сан-Фриско. Корабль из-за этого проклятого мальчишки подвергается большой опасности.

— Ребенок не ответствен за эту ситуацию, — спокойно возразил помощник. — Виноваты те, кто собирается бросить его в темницу своей слабости.

— Ты выбрал плохое время для философствования!

Видук выдвинул ящик стола, достал короткоствольный скорчер и навел его на Сан-Фриско. Годован отодвинулся от помощника и из осторожности отступил на три шага.

— Если через пять секунд ты еще будешь здесь, твое сердце улетит в ад, а объявление бета я сделаю сам.

— Мое сердце умоляет меня уйти, но голова задает вопрос: как ребенок-анжорец узнал о вашем существовании?..

Видука, похоже, поразило замечание помощника. Он даже не задумался, откуда восьмилетний ребенок узнал его имя. Он опустил оружие и поглядел на Жека.

— Это легко исправить...

Поцелуй Смерти нашел неожиданного союзника в лице Сан-Фриско, союзника, чьим хладнокровием и ловкостью он восхищался. Он взглядом подбодрил Жека, который был напуган угрожающим поведением видука и никак не мог заговорить.

— Колодец А 102... пещера плюмшеня... — сглотнув слюну, выговорил анжорец.

— Что это за абракадабра? — взревел видук.

Жек никак не мог отвести взгляда от узкого темного дула скорчера. Ему казалось, что за любым неверным словом последует немедленное наказание в виде залпа смертельных лучей, и ему приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы не развернуться и не убежать в лабиринт коридоров.

— Старый... старый Артак... Это он сказал мне, что...

— Какое имя ты произнес?

— Артак...

Поцелуй Смерти заметил, как чуть-чуть разгладились черты видука, а в его серых глазах заплясали теплые, благожелательные искорки. И понял, что выиграл партию. Коричневые губы Сан-Фриско тронула едва заметная улыбка.

— Сан-Фриско, что говорит тебе голова по поводу загрузки? — почти с нежностью спросил видук.

— Она считает, что не хватает нескольких тонн радиоактивных минералов, а сердце говорит, что надо немедленно взлетать.

— Экипаж и пассажиры на борту?

— Голова приказывает проверить...

Помощник быстрыми шагами направился к двери каюты и исчез в коридоре.

— Похоже, ты добился своей цели, колдун, — сказал видук.

— Я лишь скромный служитель посланницы Гареса...

— Конечно... — Видук повернулся к Годовану: — Ваше предложение мне нравится, капитан Годован. Быть может, с вашими глиссерами у нас всегда будет хватать времени загрузиться под завязку. Но вам известно, что рынок завоевывается в борьбе. Постарайтесь найти общий язык с Граром Сербеттом и его ликаонами. Условия контракта обсудим через семнадцать месяцев во время моего будущего посещения.

— Вы не пожалеете о своем решении, — поклонился капитан.

Сан-Фриско вернулся через несколько минут.

— Голова и сердце готовы к старту, видук! Ни одного бета на борту.

— Тебе остается лишь проводить наших двух гостей из клана крыс... Если только твое проклятое сердце не подсказывает тебе, что их надо забрать с собой!

Огненный поток из сопел залил стартовую площадку. Бетазооморфы, которые, несмотря на неоднократные предупреждения, доносившиеся из динамиков астропорта, не ушли к административному зданию, были в долю секунды обращены в прах.

Остальные, толпившиеся в зале ожидания и коридорах, увидели, как огромный корабль вырвался из объятий Ут-Гена. Рев стартовых двигателей разрывал им души и барабанные перепонки. Космический гигант уносил сына солнца, ребенка, который умел разговаривать с гиенами. Улетала их безумная надежда, врата в лучший мир захлопнулись, источник метаморфоз иссяк. Гарес вновь бросал их на произвол судьбы.

Они следили за полетом корабля, пока тот не растворился в сером небе, пока не растаяли клубы белого дыма, отброшенного соплами. Только тогда они рассыпались по улицам Глатен-Бата и бросились в таверны, чтобы забыть о горе в море шена. Но были среди них и такие, кто обозлился на крыс пустыни. Они захватили резиденцию капитана и отомстили, перебив охранников, женщин и детей.

Когда астропорт вернулся к привычному спокойствию, служащие выпустили Годована и колдуна из подземной обсерватории, куда их спрятали люди видука Папиронды. Обычно там находились техники астропорта, следившие за посадкой судов. Попасть туда можно было по лестнице в одной из опор корабля.

Колдун долго созерцал красноватый диск Гареса, едва светившийся сквозь серую пелену. Он окинул взглядом взлетную площадку, усеянную обгоревшими, скорчившимися трупами.

— Пошли посмотрим, не слишком ли пострадала резиденция от этих бедняг, — пробормотал он.

— Спасибо за твое упрямство, колдун! — сказал Годован. — Благодаря тебе у нас скоро будет работа. Осталось только уговорить Грара и его ликаонов уступить нам концессию...

— Ядерная колдунья заботится о всех своих детях...

Глава 8

Первые скаиты-стиратели появились во время властвования сенешаля Гаркота в 16 году великой империи Ангов. Работая в тесном сотрудничестве с инквизиторами, они получили задание стирать некоторые данные в мозгу человека и заменять исходную информацию на отобранные церебральные импланты. Вначале они преследовали чисто религиозные цели: множество еретиков, отступников, схизматиков, язычников и преступников избежали муки огненного креста, приняв импланты крейцианства. Однако вскоре стирателей начали использовать в целях, не имевших никакой связи с религией. Им поручалось устанавливать зачатки любви в мозг женщин и мужчин, которых хотели подчинить, специальные шпионские программы или программы устранения соперников... Стиралось воспоминание о любимом человеке в голове женщины или мужчины, которых заставали на месте преступления в момент измены, в голове заимодателя стиралось воспоминание о долге, стирались профессиональные знания у ответственного лица, которое надо было устранить... Женщина, ненавидевшая и презиравшая какого-то мужчину, вдруг влюблялась в него до обожания, а мужчина убивал ближайшего друга, не понимая причин своего поступка, священнослужитель раздевался и голым прогуливался по улицам... Стиратели помогали утолить желание мести, скомпрометировать конкурента, устранить человека, ставшего помехой. Достаточно было, чтобы стиратель, облаченный в форму мыслехранителя, встал на несколько секунд лицом к лицу с жертвой. В результате человечество стало постепенно терять суть своего существования: память.

«История великой империи Ангов».
Униментальная энциклопедия

— Следуйте за мной, ваше преосвященство.

Фрасист Богх и его мыслехранители устремились вслед за сопровождающим в темный лабиринт коридоров епископского дворца в Венисии. Кардинал дрожал от ледяной влажности, царившей в воздухе. Он сожалел, что прислушался к аргументам своего личного секретаря, брата Жавео Мутева, который убедил его согласиться на тайную встречу с высшими чиновниками викариата. Он опасался, что сунул палец в механизм, который затянет его внутрь машины и перемелет. Многочисленные заговоры, ткущиеся в закоулках дворца, постоянно наполняли его неприятными ощущениями. В отличие от многих себе подобных, он не был заговорщиком. Кроме того, эта ночная

прогулка в чреве гигантского здания лишала его удовольствия побродить по улицам Романтигуа, исторического квартала столицы империи Ангов, пропитаться невероятной нежностью второй ночи и ощутить сладкие поцелуи ветра.

Бесконечные сессии чрезвычайного конклава, на который были приглашены пять тысяч кардиналов Церкви Крейца, в том числе и правители малых планет, оставляли мало времени на удовольствия. Их всех заперли в гигантском амфитеатре конклавов на заре первого дня до заката второго. Им приносили легкие закуски прямо на место, а отлучаться разрешали лишь по естественным надобностям. Получив кодированное приглашение, Фрасист Богх невероятно обрадовался, что вновь увидит Сиракузу, и поклялся себе, что использует пребывание в имперском городе на изучение всех его уголков. Он так и не смог удовлетворить это свое желание во время учебы в Высшей школе священной пропаганды.

— Еще долго? — недовольным тоном спросил он у викария, шедшего впереди.

Его гид, черный и мрачный паук, не счел нужным обернуться и ответить. Коридоры с неровными стенами и сводами становились все уже, грязнее и влажнее. Они напоминали Фрасисту отвратительный климат Ут-Гена, а именно это он не хотел вспоминать с момента, когда материализовался на Сиракузе. Он без особых надежд ждал, что, учитывая его молодость, администраторы дворца вскоре снимут с него обязанности правителя Ут-Гена и поручат новую работу на других мирах. Почему бы не на Маркинате, его родной планете? Маркинат, где он видел муки дамы Армины Вортлинг, Маркинат, где была изранена его душа, Маркинат, где он наконец сможет бросить вызов терзавшим его призракам и победить их.

Он слышал шуршание бурнусов мыслехранителей, задевавших вытоптанные плиты. Резкий свет ламп, отстоящих друг от друга на тридцать метров, выхватывал многочисленные ниши и округлые отверстия в стенах, ведущие в поперечные галереи. Как все здания, возведенные четыре тысячи пятьсот лет назад по старому стандартному календарю, епископский дворец был наполнен параллельными проходами, и немногие знали все ответвления лабиринта.

Викарий остановился перед боковой металлической дверью с кодовым замком. Он извлек из кармана черной накидки ключ, набрал серию из десяти цифр на клавишах стерж-

ня, а потом замка. Дверь распахнулась с ужасающим скрипом петель.

— Ваше преосвященство, ваши мыслехранители будут ждать здесь. — Блеющий голос викария звучал твердо.

— У меня нет привычки расставаться с ними, — живо возразил Фрасист.

— Не беспокойтесь, ваше преосвященство. Здесь ментальная защита бесполезна. В этот подвал не разрешено проникать ни одному скаиту. Это правило касается и инквизиторов, и стирателей...

Кардиналу оставалось лишь вернуться или подчиниться. Он никак не мог отделаться от неприятного ощущения, что им манипулировали, но все же решил подчиниться. Отступать было слишком поздно, он должен был любой ценой удовлетворить свое любопытство, подогретое таинственной атмосферой, окружавшей эту встречу.

— Питаю надежду, брат, что вы не пытаетесь меня обмануть!

Восковое лицо тронула мрачная улыбка.

— Не забывайте, что мы в святом месте, ваше преосвященство... Быть может, самом святом среди крейцианских святынь. Я буду ждать вас здесь вместе с вашими мыслехранителями. Входите, ваше преосвященство.

Стены сводчатой комнаты, куда попал Фрасист Богх, были изрыты оспинами округлых ниш. В них стояли прозрачные шары, внутри которых плавали странные коричневатые предметы. Невыносимый запах напомнил правителю Ут-Гена вонь бальзамирующих жидкостей и дезинфектантов древнего общественного лечебного дома в Анжоре.

Он окинул взглядом подвал, обширное помещение с пузатыми столбами, и остановился у одного из шаров, чтобы разглядеть его содержимое. Ему понадобилось тридцать секунд, чтобы понять: в сосудах хранились детородные органы. Остальные шары содержали такие же реликвии, отличавшиеся только размером, цветом и уровнем разложения. Он понял, что находился в Склепе Оскопленных, где викарии хранили свои личные реликвии. У него закружилась голова, и он ощутил тошноту. И отвернулся, чтобы справиться с потоком желчи, хлынувшей ему в горло.

— Увидите сами, ваше преосвященство, к этому привыкают!

Фрасист извлек носовой платок из нагрудного кармана рясы, быстро вытер губы и поднял голову. Перед ним стояли пятнадцать неизвестно откуда вынырнувших викариев, одетых в традиционные черные облеганы и накидки. На них были

белые маски, похожие на маски притивов, сквозь узкие глазные отверстия которых сверкали глаза.

— Ваше преосвященство, соблаговолите простить нас за то, что мы появились перед вами в этих масках, но вы легко поймете причины этого, когда мы изложим вам суть встречи.

— Простите также, что назначили вам свидание в Склепе Оскопленных, — добавил второй голос. — Мы сознаем, как вам неприятно соседство с нашими личными пожертвованиями, но это единственное место во дворце, в котором мы абсолютно уверены...

Ощущая во рту горечь желчи, Фрасист Богх выпрямился и постарался преодолеть недомогание.

— Цельных людей, которые имели привилегию посетить этот склеп, можно пересчитать по пальцам...

Кардинал попытался машинально идентифицировать голос собеседника, но толщина и жесткость масок искажали его так, что он быстро понял бессмысленность своей попытки.

— Почему мне выпала такая честь?

— Что вы думаете о нашей святой Церкви?

Вопрос застал Фрасиста врасплох.

— Мы не требуем готовых формулировок, ваше преосвященство, а хотим услышать ваши глубочайшие мысли. Ни одно из ваших заявлений не выйдет за пределы этой комнаты.

— Готов вам поверить, — сказал кардинал. — Но каковы доказательства вашей искренности? Вы в масках, а мое лицо открыто! Признаюсь, что у меня нет таланта интригана!

Его голос взлетел к сводам и отразился от стен. Ему было все труднее сдерживать свое нетерпение, и он возвысил голос, сам того не заметив. Эти черно-белые призраки, эта мрачная сцена и угнетающая атмосфера плохо проветриваемого помещения начали его раздражать.

— Вы назвали один из элементов ответа, ваше преосвященство: интрига. Как и вас, нас раздражают заговоры, которые подрывают основы нашей святой Церкви. И именно отсутствие у вас вкуса к интригам нас и интересует.

— Интересно знать, какова причина нашей встречи!

Викарии помолчали. Было известно, что евнухи Большой Овчарни регулярно приходили поклоняться своим «личным пожертвованиям». Фрасист Богх спрашивал себя, что заставляло их так поступать. Быть может, они испытывали извращенную нужду насладиться своими страданиями, как он испыты-

вал необоримое желание постоять перед телами еретиков, обреченных на муки?

— Ваш вопрос не лишен здравого смысла, ваше преосвященство, но войну не выиграть с помощью одного состояния души. Иногда надо использовать оружие противника, обращая его против него же.

— Война? Оружие? Эти слова странно звучат в святом месте...

— Мы говорим о священной войне, ваше преосвященство. Истинные враги Крейца не вне, а внутри Церкви. Коррупция и порок царят там, где должен дуть ветер чистоты, обжигающий дух. Вам подобные думают лишь об удовлетворении своих животных желаний с маленькими детьми. Они крадут деньги миссий, чтобы покупать детей на рынках рабов. Они организуют оргии, после которых перерезают горло невинным жертвам своих извращенных утех...

— Быть может, ложь...

— Вы знаете, что нет, ваше преосвященство! Разве кардинал Марса не предлагал вам недавно участие в одном из таких вечеров?

Фрасист Богх склонил голову, отдавая должное проницательности своих собеседников и пряча свое смущение. Викарии практически не покидали стен епископского дворца, но эффективность их сети информаторов была впечатляющей.

— Не защищайте себе подобных, ваше преосвященство.

Кардинал уже не пытался узнать, из-под каких масок раздавались голоса, обращающиеся к нему. Однако ощущал различие в тембре каждого, хотя голос и искажался синтетическим материалом.

— Вы — первый, кто восстал против подобной практики, ваше преосвященство. Благодаря деятельности коннетабля Паминкса, а потом сенешаля Гаркота, Церковь за последние двадцать лет несказанно возвысилась. Прелатов вызвали на конклав, чтобы представить стирателей, скаитов, которые, как указывает их имя, стирают малейшие следы ереси в мятежных умах и помещают туда зерна истины. Это — невиданный прогресс, уникальный шанс, чтобы каждый услышал Слово Крейца...

— Какова связь между нашей беседой и стирателями? — сухо прервал правитель Ут-Гена.

— Корпус викариев был создан муффием Вирафаном III в 5076 году старого стандартного календаря. Его роль не ограничивается управлением Церкви. Викарии в основном следят за соответствием деяний клира учению Крейца. Именно по этой причине мы с болью жертвуем своими детородными органами, ваше преосвященство.

Плоть слаба, а наша работа не терпит никакой слабости, никакого искушения. Последователи Вирафана III постоянно стремились ограничить наше влияние, превращая нас в подчиненных. Мы им мешаем, мешаем стоять на месте, являясь бдительными и неподкупными стражами. Мы уверены, что с помощью стирателей Церковь наконец сможет исполнить пророчество Крейца: «Наступят дни, когда люди, освобожденные от сомнений, откроются истине и превратят свои миры в сады наслаждения...»

— При условии, что голова Церкви будет соответствовать ее телу, — вмешался еще один голос. — А именно станет безупречной! Кому нужны стиратели, если кардиналы будут упорствовать в стремлении дать дурной пример? Если Непогрешимый Пастырь не откажется от своих заблуждений?

Викарии замолчали и уставились на кардинала, которому показалось, что он обратился в беззащитную дичь, окруженную сворой диких собакольвов.

— Чего вы ждете от меня? Неужели вы серьезно думаете, что я в одиночку могу справиться с коррупцией, разъедающей Церковь?

— Все это возможно, кардинал Богх. При одном условии...

— Каком?

Они снова замолчали. Они надеялись, что брат Жавео Мутева не ошибся в молодом правителе Ут-Гена.

— Взойти на святой трон, ваше преосвященство... Возложить на себя тиару понтифика...

Фрасист Богх был так поражен, что не нашел ничего лучшего, как расхохотаться.

— Вы сошли с ума, братья викарии! Вам известно, что кардиналы дают клятву верности действующему муффию, кем бы он ни был. Клятва священна и столь же необратима, как и ваши личные пожертвования! А насколько я знаю, Барофиль Двадцать Четвертый пока еще жив...

Викарии быстро переглянулись. Реакция кардинала Богха подтверждала правильность их выбора. Недостаток лояльности, один из трех главных критериев их требований, был причиной устранения многих прелатов из гонки за наследство Барофиля Двадцать Четвертого.

— Будучи гарантами нерушимости учения, мы имеем власть отрешить вас от клятвы, ваше преосвященство.

— А что вы собираетесь сделать с муффием Барофилем?

— Его участь будет решена в надлежащем месте и в нужное время...

— Правильно ли я понял смысл ваших слов, братья? Вы сообщаете мне, что готовите покушение на личность высшего Пастыря Церкви? На вашего духовного отца?

— Ваше преосвященство, мы уже давно не считаем себя его детьми! Вы говорите о покушении, а мы используем термин божественной справедливости. Барофиль должен ответить за свои проступки перед Крейцем, чьими покорными служителями являемся мы.

Горячие волны пробегали по телу Фрасиста Богха. Он никогда не любил интриг и подковерной борьбы, а оказался в центре заговора, целью которого было уничтожение муффия Церкви. Он проклинал брата Жавео Мутеву за то, что тот завлек его в западню. Он полагал, что не выберется живым из этой комнаты, если не согласится на требования собеседников. Информация, которую ему сообщили, могла привести весь викариат на суд Святой Инквизиции. Он нервно двинулся к центру подвала. Ему надо было двигаться, избавиться от нервного напряжения, терзавшего мышцы, внутренности, глотку. Он ощущал себя хищником, запертым в клетке, хищником, которого собирались приручить, выдрессировать и кастрировать евнухи Большой Овчарни.

— Все готово, ваше преосвященство. Нам был нужен лишь один элемент для выполнения проекта: вы!

— Почему я? Мне всего тридцать два года. У меня очень мало опыта. Кроме того, я маркинатянин. А последние четыреста двадцать семь муффиев, сменявшие друг друга на престоле Церкви, были сиракузянами.

— Мы понимаем этот двойной недостаток, но никакие препятствия не помешают нам выполнить то, что должно быть выполнено.

— А как быть с голосованием? Даже допуская, что муффий снизойдет до того, чтобы нас... покинуть, на конклав соберутся пять тысяч кардиналов и начнут беспощадную войну за наследство...

Произнося эти слова, Фрасист Богх вдруг ощутил, что предложение викариев, которое он вначале отверг, начало укрепляться в его сознании.

— Они начнут кампанию, — продолжил он, — организуют альянсы, и голоса получит тот, кто пообещает сторонникам самые престижные функции, самые почетные посты, самые доходные места... Кто я таков, чтобы хоть что-то обещать?

— Вы забываете, ваше преосвященство, об одном. Викариат является гарантом священных институтов, и подсчет го-

лосов при выборах муффия проводится нами. Кардиналы указывают кодовое имя избранника на консоли своих пультов, и это имя появляется на наших контрольных экранах. Голоса подсчитывает наш мемодиск... А мемодиску можно указать что угодно...

Фрасист Богх остановился и уставился на викариев, на черно-белые тени, окаменевшие в нескольких шагах от него. Позади них шары, едва освещенные тонкими лучами света, образовывали нереальный зрительный фон.

— Вы намекаете, что можете подтасовать результаты голосования? Убийство, фальсификация... Если вы братья, стремящиеся к чистоте, вам следует согласиться, что это дурно пахнет!

— Повторяем, ваше преосвященство, войну не выиграть, руководствуясь только состоянием души. Приходится бороться с коррупцией методами коррупции. Мы не имеем права передавать колоссальное наследство Церкви людям развращенным и обманщикам.

— А что доказывает, что я не отношусь к той же категории?

— Результаты продолжительного и тщательного изучения, которое наши братья провели почти во всей вселенной...

С глаз Фрасиста Богха вдруг спала пелена. Теперь он понимал, почему епископская иерархия навязала ему брата Жавео Мутеву на Ут-Гене. Он понимал теперь агрессивное, вызывающее поведение его личного секретаря, которому, вероятно, поручили проверить основы его веры, определить сильные и слабые стороны, прозондировать, способен ли он осуществлять верховное правление.

— Из этого изучения следует, что, несмотря на ваше маркинатское происхождение и молодость, вы самый подходящий кандидат на наследство муффия Барофиля Двадцать Четвертого. Мы ценим вашу религиозность, ваше постоянное желание жить в соответствии с исходным Словом Крейца, вашу непримиримость по отношению к еретикам, вашу эффективность в управлении делами планеты Ут-Ген... Нам особенно понравилось, как вы решили проблему Северного Террариума. Будем откровенны: нынешний муффий и многие кардиналы уже давно стали бетазооморфами, дьявольскими мутантами, адскими исчадиями, от которых надо избавиться, пока эта зараза не поразила гангреной всю Церковь...

Слова викариев разрушали стену недоверия Фрасиста Богха, огненными стрелами поражали его дух. Он начинал осознавать, что, даже если никогда не признавался в этом самому себе, уже давно готовился к подобному исходу. Все его инструк-

торы, миссионеры крохотной школы священной пропаганды в Дуптинате, а также экзархи и теологи Высшей школы в Венисии предрекали ему славное будущее. Хотя мотивация евнухов Большой Овчарни была не столь прозрачной и непредвзятой, как они утверждали, они только ускоряли взлет, записанный в его судьбе, в анналах времени.

— Вы ответили мне на два вопроса, — произнес правитель Ут-Гена. — Будущее муффия Барофиля Двадцать Четвертого и результат голосования кардиналов. Остается прояснить третий вопрос: мнение императора Менати и сенешаля Гаркота. Управление Церковью требует тесного сотрудничества с мирской властью. Разве не муффий, по совету сенешаля Гаркота, посадил Менати Анга на трон Ранти? Разве император не ощущает признательности муффию?

— Можем вас уверить, что наш проект нашел поддержку в самых высоких кругах.

— Чью?

— Пока слишком рано сообщать вам об этом, ваше преосвященство.

— Трудно ввязываться в столь опасное предприятие, не зная всех исходных данных и последствий...

Кардинал подошел к стене и окинул машинальным взглядом детородные органы, плавающие в прозрачных шарах. Он вдруг сообразил, что уже не ощущает отвращения к этим лохмотьям плоти. Викарии были правы: привыкаешь ко всему. Разве он не свыкся уже с мыслью стать муффием Церкви Крейца, которая несколькими мгновениями раньше казалась ему немыслимой? Разве не ему, маркинатянину, чужаку, сыну скромной прачки из Круглого Дома с девятью Башнями, они предлагали власть над десятками миллионов верующих и сотнями миллиардов подданных?

— Мы принесли вам доказательство нашего доверия, ваше преосвященство, — снова послышался гнусавый голос. — И хотим верить, что это доверие взаимно.

— Бесполезно продолжать этот разговор, кардинал Фрасист Богх, — произнес фальцет. — Вы знаете достаточно, чтобы принять решение. Если оно будет положительным, мы вступим с вами в контакт в нужное время. Но в любом случае мы не нанесем вам оскорбления, потребовав хранить эту беседу в абсолютной тайне.

— Есть ли у меня время на размышление?

— Мы ждем немедленного ответа. Простого кивка головы хватит...

В душе правитель Ут-Гена уже сделал свой выбор. Но песчинка недоверия, подсознательный страх стать игрушкой темных сил и призрачные последствия этого разговора удержали его от немедленного согласия. Быть может, он совершал крупнейшую ошибку в жизни... Викариат мог быть подкуплен муффием для проверки лояльности кардиналов... Почему евнухи Большой Овчарни отказывались сообщить ему всю подноготную заговора?

Он понял, что получит ответы, только сделав решительный шаг навстречу собеседникам. С одной стороны, его ждало падение в ад, суд чрезвычайного трибунала и унизительная смерть на огненном кресте, с другой — дорога света и славы. И обе стороны испытания истиной, которому его подвергли, были одинаково ужасающими.

Почти против воли, словно во сне, кардинал медленно кивнул. И, кивнув, ощутил, что бросился в бездонную пропасть.

— Превосходно, ваше преосвященство. Наша беседа закончена. Брат Жавео Мутева будет осуществлять связь между нами.

Глубокий реверанс викариев больше походил на протокольное приветствие понтифика, чем на обычный поклон. Фрасист Богх покинул подвал в глубокой задумчивости и присоединился к своим мыслехранителям и гиду, ожидавшим в коридоре.

Как только металлическая дверь захлопнулась, викарии сняли маски. Брат Жавео Мутева раздвинул полы своей черной рясы и показал перламутровую рукоятку волномета.

— Мне было бы крайне неприятно убивать его!

Его торжествующая улыбка открывала крупные белые зубы, блестевшие на фоне темной кожи.

— Вы, похоже, очень привязались к нему, брат Жавео! — сказал брат Астафан, представитель высшего викариата при муффии. — Но если бы он отказался, у вас не было бы выбора.

— Вы считаете, что он будет придерживаться своего решения? — спросил брат Мурк Эль-Салин, руководитель епископской администрации.

— За это я отвечаю, — уверенно произнес брат Жавео. — Я слишком долго пробыл рядом с ним и знаю, что он человек слова.

— Ну что ж, вернемся к своим привычным занятиям, — предложил брат Палион Судри, отвечавший за иерархические назначения в Церкви. — Нельзя, чтобы наше отсутствие было замечено. Ближайшее собрание — третий час первого дня.

Они молча рассыпались по подвалу. Каждый на мгновение застыл перед своим пожертвованием — кое-кто за-

плакал, — а потом они исчезли в подземных проходах, о которых знали только они.

Фрасист Богх никак не мог заснуть. Несмотря на кондиционер, он обильно потел в своем ночном облегане и вертелся с боку на бок на узкой неудобной кровати в келье епископского дворца. В отличие от многих своих собратьев, которые предпочли апартаменты в лучших гостиницах Венисии, он удовлетворился маленькой комнатой, которую ему предоставила администрация. Поскольку у нее не было ни прихожей, ни коридора, его мыслехранителям приходилось проводить ночь в волновой душевой.

В голове его с невероятной быстротой мелькали разные образы. Белые и жесткие маски викариев, шары с их отвратительным содержимым накладывались на сморщенное личико муффия Барофиля, на амфитеатр, окрашенный в пурпур конклава, на синий бурнус сенешаля Гаркота, на ярко-синюю тунику Императора Менати, на темное лицо брата Жавео Мутевы, на тела еретиков, на глаза дамы Армины Вортлинг... Границы между сном и явью стирались... Чем больше времени проходило, тем больше беседа с викариями казалась ему невероятной и немыслимой. Он уже не помнил, какой ответ дал, он не помнил, как проделал обратный путь. Он поискал брата Жавео, который жил этажом ниже, чтобы обнаружить на его лице, в глазах или в поведении признаки сообщничества, но личный секретарь был вне досягаемости. Кардиналу показалось, что он вот-вот проснется и примется созерцать разрозненные обрывки своего сна.

О, Крейц, почему ты так мучаешь меня, почему не позволяешь погрузиться в спасительную глубину сна?

Он услышал глухие удары, доносившиеся из коридора.

— Ваше преосвященство! Ваше преосвященство!

Стучали в его дверь. Ему понадобилась целая минута, чтобы прийти в себя. Охваченный мрачным предчувствием, он встал и тяжелым шагом пересек комнату.

В щели показалось круглое лицо молодого послушника в фиташковом облегане и плаще.

— Простите, что я беспокою вас среди ночи, ваше преосвященство. Вас вызывают наверх.

— Кто?

Послушник поколебался, а потом ответил:

— Его святейшество муффий... Речь идет о неформальной встрече, ваше преосвященство, и нам надо соблюдать строжайшую тайну.

Кровь Фрасиста Богха застыла в жилах. Вначале он решил, что Непогрешимый Пастырь узнал о заговоре викариев, и эта мысль было пощекотала его гордость (викарии действительно рассматривали его как самого достойного кандидата на трон муффия). Потом ироничный внутренний голос прошептал ему, что он получил ответ: встреча в подвале была лишь мизансценой, а Барофиль Двадцать Четвертый организовал ее для проверки его лояльности. Он обрел привычную проницательность и с болезненной остротой вспомнил каждый жест, каждое слово и едва заметный кивок, скрепивший его союз с евнухами Большой Овчарни...

— Позвольте мне подготовиться, — сказал он ассистенту.

— Набросьте только плащ. Ночной облеган сойдет.

В сопровождении двух мыслехранителей правитель Ут-Гена проследовал по бесконечным, пустым и темным коридорам. Черные мысли, столь же черные, как и вторая ночь, терзали Фрасиста Богха. Он ощущал себя приговоренным к смерти, которого ведут к месту казни. Он видел все этапы своей жизни. Короткой жизни... Усталое лицо матери, бег наперегонки с юным сеньором Листом Вортлингом по аллеям парка Круглого Дома, слезы перед истерзанным телом дамы Армины, первая ряса, библиотека школы священной пропаганды, где он читает отрывки из Книги Крейца, пока не начинают слипаться его глаза, а голова падает на стол, город Венисия, почетный двор Высшей школы священной пропаганды, получение титула и знаков отличия кардинала из рук самого муффия Барофиля Двадцать Четвертого, шланги, заливающие бетоном Северный Террариум... Безупречная карьера, которой гордились его инструкторы, но которая могла закончиться позором и презрением. А ведь его предупреждали об искушении тщеславия, об отсутствии скромности, которое часто характеризует сильных мира сего: «Очень легко отождествить свое маленькое «я» с властью, куда труднее усвоить понятие служения своего переходного «я» и крайне редко можно воссоединить свое большое «Я» с Крейцем...» Сколько раз он размышлял над этой максимой из собрания мыслей Горного Отшельника? Его гордыня, его безумная гордыня предала его. Хватило самого малого, нескольких льстивых слов, нескольких умело сплетенных лавровых венков, чтобы он прислушался к предложениям викариата, чтобы он проскользнул в шкуру и одежды муффия Церкви. Смехотворная тщета и суетность для человека, который всегда осуждал амбиции и карьеризм себе подобных.

— Позади этого столба, ваше преосвященство, мы почти пришли! — шепнул послушник.

Они вышли в аркаду седьмого внутреннего дворика, уложенного розовым мрамором и предназначенного исключительно для муффия и его личной прислуги. Они застыли позади широкой колонны. Фрасист Богх вначале расслышал лишь ностальгическую песню музыкального фонтана. Потом приближающиеся шаги. Из тьмы вынырнули серые неясные фигуры. Кардиналу показалось, что он узнает белые бурнусы мыслехранителей и пурпурные бурнусы инквизиторов. Они прошли в нескольких метрах от колонны и растворились во мраке.

— Пошли, ваше преосвященство, — выдохнул послушник.

— Минуту... Почему столько таинственности?

— Я не могу вам ответить, ваше преосвященство. Я только выполняю приказ...

Послушник бросал обеспокоенные взгляды вокруг, словно опасался, что из складок ночи вынырнут демоны.

— Может, просветите меня в одном, — настаивал Фрасист Богх. — Я обладаю очень тонким слухом, но услышал шум шагов на полминуты позже вас...

Послушник поколебался, прежде чем ответить:

— Программа стирания, ваше преосвященство...

— Уточните.

— У меня стерли исходные данные, а вместо этого записали программу усиления слухового восприятия...

— Кто? Скаит-стиратель?

— Нас ждет муффий, ваше преосвященство!

— Последнее: эти исходные данные, которые у вас...

— Я ничего не помню о своем детстве, ваше преосвященство, — лаконично ответил послушник.

И, заканчивая разговор, решительным шагом пересек дворик и направился к входу башни Муффиев, чья плотная тень закрывала три из пяти лун Сиракузы.

Апартаменты муффия Барофиля Двадцать Четвертого были столь же многолюдны, как и центральная площадь Венисии. Перед тем как проникнуть в святая святых, Фрасист Богх и ассистент были подвергнуты неисчислимым проверкам, обыскам, допросам. Кастрированная охрана понтифика из викариев проявила мелочность, презрение, словно уже знала о предательстве правителя Ут-Гена и получила приказ унизить его. Они увлекли Фрасиста Богха в маленькую комнату, заставили снять плащ и облеган, раздвинуть ноги и обследовали каждую складку тела. Они засунули магниторезонанс-

ный микрозонд в задний проход — «самые лучшие ножны для оружия» — и долгое время держали его в этой позе. Ему пришлось вынести их саркастический смех, их возмутительные и настойчивые прикосновения.

К счастью, они разрешили ему оставить при себе мыслехранителей. Их присутствие не было лишним из-за огромного количества инквизиторов в пурпурных бурнусах, которые теснились в коридорах, прихожих, переговорных и залах ожидания.

— С формальностями покончено, ваше преосвященство, — выдохнул послушник.

Он указал кардиналу на воздушное кресло.

— Садитесь, ваше преосвященство, и ждите, когда за вами придут. Теперь уже недолго. Да будет благожелателен к вам конец второй ночи.

Он ждал, что Фрасист Богх отпустит его и, быть может, сунет в руку несколько стандартных единиц, но кардинал продолжал смотреть на него с серьезным видом.

— Вы помните о своих родителях?

По лицу послушника скользнула тень.

— Нет, ваше преосвященство, — тихо сказал он.

— Это беспамятство вас не беспокоит?

Послушник опустил голову и ушел. Фрасист Богх уселся в кресло и рассеянным взглядом стал наблюдать за суетой в прихожей. Личная прислуга муффия в белых одеждах — юноши, которым было лет по пятнадцать, — носилась в разные стороны, таская подносы, пальто, капюшоны, плащи, крутилась вокруг посетителей, которые группами по три-четыре человека стояли перед дверью из розового опталия, ведущей в зал приема, ловко хватали чаевые и засовывали их в карманы ряс. Повсюду, под золотыми люстрами, у стен, покрытых живой тканью, у ароматных фонтанов, на деревянных скамьях, на подвесных пуфах, располагались мыслехранители, ожидающие своих хозяев, вооруженные люди в масках, викарии, беседовавшие с докторами теологии. Фрасист Богх узнавал представителей знаменитых сиракузских семей, высших офицеров полиции, напудренных матрон из императорского дворца, которые принимали вызывающие позы и подмигивали, опуская тяжелые ресницы. Такова была повседневная жизнь муффия Церкви Крейца: бесконечная череда приемов, просьб, обращений, благословений, реверансов, гримас... Дворец, который брали приступом днем и ночью бесполезные просители, паразиты... Как находил время для сна и молитвы Барофиль Двадцать Четвертый? Когда посвящал себя сути своей задачи,

которая состояла в том, чтобы способствовать приходу золотой эры на все миры вселенной?

Эта атмосфера птичьего двора быстро наскучила Фрасисту Богху, который углубился в созерцание бегущих узоров огромного ковра с Оранжа. Он проявил невероятную наивность несколько часов назад, посчитав, что этот мир будет ему подчиняться. Он не умел эффективно держать ментальный контроль, не улавливал тройного или четверного смысла фраз, которые произносились при императорском дворе, не разбирался в тонкостях союзов, которые создавались или распадались по личным или коллективным прихотям. Только придворный, сиракузянин, мог плавать в этих мутных водах, не тревожа души. Эта мысль подтверждала всю абсурдность предложения викариев, а следовательно, и его собственную глупость.

— Его святейшество ждет вас, ваше преосвященство.

Фрасист Богх вскинул голову. Человек, обратившийся к нему, был светским человеком, а не человеком Церкви. Молодой человек, едва вышедший из отроческого возраста, чей плащ, застегнутый у шеи, не мог скрыть полноты. Три крученые пряди обрамляли круглое лицо. Эти локоны больше всего раздражали правителя Ут-Гена.

— Меня зовут Эммар Сен-Галл, я новый руководитель технического обслуживания дворца. Я закончил разговор с муффием, и он просил меня сходить за вами.

Фрасист Богх встал и двинулся вслед за ним в сопровождении своих мыслехранителей.

— В этом дворце все надо менять, — продолжил Эммар Сен-Галл. — Голосистема наблюдения устарела, платформы одряхлели, автоматика открытия ставен вышла из строя... Дерематы тоже требуют технических улучшений... Вы знаете, я — специалист по дерематам? Я вам не говорил, что мой отец Физар Сен-Галл управляет Межгалактической Транспортной Компанией? Самая большая компания по переносу клеток... Вскоре я женюсь, ваше преосвященство... Ее зовут Аннит... Ее родители дали согласие... Вскоре она меня полюбит и...

— А она еще вас не любит? — прервал его кардинал, одуревший от непрерывного потока слов.

Наконец он встретил сиракузянина, который тоже не владел ментальным контролем. Они прошли стайку молодых священников, которые щебетали, как хохлатые павлины.

— Скажем, я ей оказал отличную услугу, а от стирателя она получит имплант любви... Вот мы и пришли, ваше

преосвященство. Ваши мыслехранители подождут здесь. С удовольствием встречусь с вами вновь. А я пошел отдыхать... У муффия главный недостаток в том, что с ним можно общаться только в самые неподходящие часы...

С невероятной для толстяка живостью Эммар Сен-Галл протиснулся сквозь толпу и исчез через потайной выход.

Фрасист Богх толкнул дверь из розового опталия и вошел в зал официальных приемов. В помещении царила глухая, враждебная тишина. Комната была невелика по сравнению с залами ожидания, прихожими и переговорными. Неподвижный воздух был пропитан парами благовоний. Косые, рассеянные лучи от управляемых голосом светошаров выхватывали из полумрака стены с водяными обоями, в которых проскальзывали блестящие, быстрые тени, по-видимому, фотогенные рыбки.

— Закройте дверь и идите сюда, господин кардинал.

Правитель Ут-Гена исполнил просьбу. Светошары по приказу блеющего голоса муффия повисли над пустым креслом у рабочего стола.

— Садитесь.

Фрасист Богх опустился на краешек кресла и уставился на августейшего собеседника, скрытого полумраком. Чем больше проходило времени, тем больше усиливалось сходство Барофиля Двадцать Четвертого с комодским драконом крейцианского бестиария: те же маленькие, глубоко сидящие, сверкающие глазки, та же сеть глубоких морщин, те же тонкие растянутые губы. Белая пудра на лице начала растекаться от усталости и от пота. Фрасист Богх без дрожи выдержал пронзительный, стальной взгляд муффия. Он уже жалким образом показал свою наивность и глупость, а потому категорически запретил себе бояться. К тому же был уверен, что за водяными обоями прятались инквизиторы и без зазрения совести обыскивали его беззащитный мозг.

— Прямо к фактам, кардинал Богх, — произнес муффий. — Ни у вас, ни у меня нет времени на пустые банальности. Несколько месяцев назад мы попросили наших братьев викариев провести скрытное расследование, чтобы получить полное представление о кардиналах Церкви...

Ледяной ветер этого вступления задул хрупкое пламя надежды, которое еще мерцало в душе Фрасиста Богха. В той части души, которая с неискоренимым оптимизмом продолжала верить, что ему удастся вывернуться после того, как он оступился.

— Это долгое и тщательное расследование (те же слова, что и у викариев) показало, что более двух третей вам

подобных частично и по крайней мере один раз в жизни принимали участие в разработке заговора против нашей персоны. Из этого следует, что более трех тысяч пятисот кардиналов Церкви высказались в качестве кандидатов, нетерпеливо ждущих наследовать мне... Эта цифра, похоже, вас удивляет, господин кардинал...

— Признаюсь, она меня смущает, ваше святейшество...

— Знаете ли вы, что наши службы безопасности раскрыли более двадцати заговоров почти за месяц? Наши пурпурные подчиненные проявляют весьма плодотворное воображение, как только заходит речь о том, чтобы проложить путь к трону Крейца. Они изготавливают самые разнообразные яды, изобретают удивительные виды оружия, тратят целые состояния, нанимая профессиональных убийц или подкупая наших людей... Однако, несмотря на всю их изобретательность и упорство, достойные похвал, им не удалось раньше срока прервать нашу миссию. Они имеют склонность забывать — быть может, возраст, — что никто не может заменить Крейца, что только он располагает жизнями своих верных служителей. Только он и, конечно, эффективная служба безопасности...

Фрасист Богх спрашивал себя, к чему клонит его августейший собеседник. Ключи к разгадке таились, вероятно, в самых невинных высказываниях муффия, но язык с тройным или четверным скрытым смыслом был недоступной гимнастикой для разума, а к ней правитель Ут-Гена еще не привык.

— Власть, кардинал Богх... Чего не сделаешь ради власти! Мало быть кардиналом Церкви, чьи помыслы должны стремиться к богу. Все кардиналы превращаются в кровожадных хищников, как только им удается учуять запах власти. Говорю вам это со знанием дела: сорок восемь лет назад мы тоже были кардиналом, претендентом, кандидатом, как и остальные, на наследство Бефиса Второго... И мы были хищником, готовым кусать и убивать...

Фрасист Богх догадался, что усталый, согнутый, сгорбленный, скукожившийся старик по ту сторону стола время от времени испытывал жгучее желание освободиться от невероятного груза. Сколько тайн скрывалось за его усталым лицом, искаженным недоверием, ментальным контролем и старческим распадом?

— Нет и не может быть власти, даже религиозной, без пятен крови на руках. Запомните это, кардинал Богх. Крейц подвергает ужасным испытаниям смертного, который претендует на звание его первого служителя... Благородные порывы

и устремления души несовместимы с управлением Церкви (опять выражения евнухов Большой Овчарни...). Но вернемся к результатам расследования, проведенного викариатом...

Наконец главная тема! — подумал Фрасист Богх. Долгое вступление муффия походило на жестокую игру кошкокрыса с жертвой его острых когтей.

— Отчет брата Жавео Мутева, человека, которого также ждет блестящее будущее, нас крайне заинтересовал. Нам показалось, что Церковь плохо использует ваши качества, кардинал Богх. Учитывая ваш возраст, вас поспешили назначить правителем Ут-Гена, маленькой планеты, где мало возможностей развернуться. Мы сочли, что неверно, если не бессмысленно, посылать наши самые блестящие кадры на больные, зараженные миры. Нам кажется, что намного полезнее поручать управление такими малыми мирами интриганам, которые стремятся к нарушению порядка, а живые и здоровые силы собирать во дворце в Венисии...

Фрасист Богх спрашивал себя, какая подлость крылась за этими медовыми словами. Он не видел инквизиторов, но ощущал их присутствие за водяными обоями. Он чувствовал ледяные ручейки, которые разбегались по его мозгу. Им было нетрудно проникнуть в его душу, лишенную защиты. И они наверняка знали о его беседе в Склепе Оскопленных и постоянно общались с муффием с помощью микросистемы связи. Какой новый зловещий замысел зарождался в извращенном мозгу Барофиля Двадцать Четвертого?

— Вы не сиракузянин — никто не совершенен, — кардинал Богх, однако я ощущаю в вас определенные способности для управления таким огромным организмом, как Церковь. И вижу в вас огонь страсти и лед решительности, умение быть арбитром. Редкое сочетание в наши времена. Большинство кардиналов — циники, коррумпированные люди, развратники, а те из них, кто не попадает в эту категорию, столь же глупы, сколь добродетельны... Все эти причины толкнули нас, кардинал Богх, назначить вас на пост генерального секретаря Церкви, с которого я только что снял кардинала Фражиуса Моланали, человека ценного, заслуженного, но истрепанного годами и грузом обязанностей...

Правитель Ут-Гена призвал на помощь тощие запасы ментального контроля, чтобы скрыть свое удивление.

— Пожалуйста, кардинал Богх, оставьте свое лицо во власти естественных чувств! Автопсихозащита — дурная шутка для умственно отсталых придворных. Ваше назначение будет официально объявлено в начале первой сессии второго дня конклава, а именно через...

Он глянул на голографические часы, лежащие на столе.

— Примерно через семь часов... Теперь нам надо расстаться с вами. Нам надо встретиться с несколькими неприятными людишками. Просим вас принять наши извинения за обыск, который учинила наша кастрированная гвардия, но она получила на этот счет строжайшие указания. Стены наших апартаментов имеют множество глаз и ушей, и мы не хотели показывать, что относимся к вам с особой благосклонностью. Не хватало, чтобы вас убили до того, как вы вступите в новую должность. Отныне, кардинал Богх, вы становитесь вторым лицом в Церкви Крейца, что означает: вы стали излюбленной мишенью, второй по степени важности. И у вас крайне мало времени, чтобы научиться приручать хищников.

Фрасисту Богху показалось, что он видит веселые огоньки в прищуренных глазах муффия.

— Идите отдохните, кардинал Богх. Мы освобождаем вас от первого заседания конклава. Наши помощники явятся в вашу келью в епископском дворце в нужное время.

Непогрешимый Пастырь наклонился вперед и протянул руку правителю Ут-Гена. На его пальце сверкал перстень муффия, огромный кориндон с Джулиуса в оправе из белого опталия.

— Почему я, ваше святейшество? — спросил Фрасист Богх, коснувшись губами перстня.

— Вы не чувствуете себя на высоте новых обязанностей, господин кардинал? Есть вопросы, которые лучше не задавать. Идите. Пусть конец второй ночи будет благожелательным для вас.

Правитель Ут-Гена поклонился и покинул кабинет. Он с облегчением ощутил присутствие своих мыслехранителей в зале ожидания. Все лица людей, встретившихся ему на обратном пути, естественно-бледные лица кастратов и искусственно-бледные лица придворных, показались ему враждебными.

Когда он пересекал седьмой почетный двор, разгорелась первая заря, заря Розового Рубина, испещрив небосвод кровавыми стрелами и облаками. Он присел на край фонтана и вслушался в ностальгическую песнь водяных струй. Он был уверен, что муффий тем или иным способом был оповещен о его тайной встрече с викариями. Оставалось понять, кто — муффий Барофиль Двадцать Четвертый или евнухи Большой Овчарни — оказался более ловким, более умелым, но ответа не нашел. Но новоиспеченный генеральный секретарь пообещал себе, что потратит все силы, чтобы разобраться в тайных механизмах Церкви.

В конце концов, разве не августейший старец втянул его в очень опасную игру?

Глава 9

Свободный Город Космоса: ходят слухи, что его основали во 2 году империи Ангов, но, вероятно, дата его основания восходит к более давним временам, когда это была обычная наблюдательная звездная станция. В той же легенде утверждается, что трое раскатта, которые ее создали, были бывшими абсуратскими рыцарями, которым удалось избежать уничтожения в битве при Гугатте. Наиболее правдивой версией является та, что эти раскатта выбрали это место для безопасной организации своих тайных делишек. В момент провозглашения империи Ангов станция стала символом свободы и невероятно расширилась в период с 4 по 16 годы, когда ее население от нескольких тысяч выросло до трехсот тысяч человек. Ею управляла группа администраторов, ее защищали магнитный щит и высокочувствительные автоматы, которые засекали и нейтрализовали любую подозрительную вибрацию. Она могла менять пространственное положение с помощью двигателей множества античных кораблей, из которых станция состояла. Ни одному историку не удалось разгадать тайну ее внезапного исчезновения (16 год). Некоторые биографы Шри Лумпа видят в этом проявление его божественного гнева.

«История великой империи Ангов».
Униментальная энциклопедия

— Сколько времени до прихода корабля? — спросил Марти де Кервалор.

— Ох уж это нетерпение молодежи! — вздохнул Робин де Фарт. — Эти суда похожи на доисторические парусники: известно, когда они отплывают, но неизвестно, когда приплывают. Вам плохо в нашем дорогом Городе Космоса?

Марти мог не отвечать старому сиракузянину: его усталые глаза, редкая бородка, неопрятный вид, мятый костюм — все в нем выражало скуку, презрение, тоску.

Оба сиракузянина все дни просиживали в одном и том же ресторане в квартале скоджей. Сидя перед чашкой горячего кове, черного густого напитка, они убивали время, вспоминая о прелестях родной планеты. Для молодого Кервалора присутствие сопланетянина в этом закрытом опасном мире, где он задыхался, было глотком свежего воздуха.

Два стандартных месяца назад обнаженный и покрытый кровью Марти материализовался в приемном тамбу-

ре дерemата. Не успел он оправиться от воздействия эффекта Глозона, обычного недомогания при переносе клеток, как робот связал его ремнями, лишив подвижности. Затем автоматические пинцеты сбора клеток и магниторезонансные зонды вцепились в него, как стервятники в падаль. Робот впрыснул ему снотворное. Он заснул, пришел в сознание в длинной полосатой тунике. Он лежал в огромном дортуаре, куда направляли «временных», категория случайных посетителей, деловых людей извне или эмигрантов, чьи дела по окончательной натурализации еще не были завершены.

Администраторы долго допрашивали Марти о причинах его нахождения в стенах города. Если не считать нескольких деталей — он постарался обойти молчанием ритуал жертвоприношений и коллективного совокупления ярых воинов Машамы, — он сказал правду: он участвовал в революционном движении на Сиракузе, их предали и уничтожили силами общественного порядка. Сам он успел проскользнуть в дерemат в момент, когда полицейские ворвались в их тайное убежище.

— Дерemат? — удивился один из администраторов. — Я думал, что все дерemаты контролируются полицией и крейцианской Церковью.

— Среди нас был сын директора МТК. Он заполучил неисправный дерemат до отправки в переплавку и отремонтировал его...

— Опасно материализоваться в стенах города... Один неверный жест — и роботы впрыснули бы тебе мышьяциан и выбросили в пространство. Почему у тебя на теле кровь? Ведь на тебе нет ран...

— Мы... дрались с полицейскими... Один раненый упал на меня...

— Раненая. Анализ крови категоричен: кровь принадлежит женщине.

— Может быть... Все произошло так быстро...

— Просишь ли ты статуса свободного горожанина космоса?

— Не знаю...

Администраторы удалились на совещание. Через час один из них, мужчина лет пятидесяти, вернулся и произнес вердикт: Марти назван «временным» и должен дождаться прилета корабля видука Папиронды.

— На какие деньги собираешься жить?

Марти пожал плечами.

— Ты уже не на Сиракузе! Здесь воздух, жилье и еда оплачиваются. Что ты умеешь делать?

Молодой Кервалор счел, что нет смысла рассказывать о безза-
боте существовании отпрыска знаменитой сиракузской
семьи.

— Особой профессии у меня нет...

— В таком случае будешь приписан к службе очистки и пере-
работки отходов. Этим оплатишь воздух, жилье и еду. Но если
хочешь отправиться на корабле Папиронды, придется потрудить-
ся, чтобы заработать деньги. Много денег.

— Как?

— Увидишь. Для красивого парня, к тому же сиракузянина,
случай всегда представится...

С этого дня для Марти началось новое и трудное существова-
ние. Город, гигантское скопление восстановленных античных ко-
раблей, соединенных герметичными переходами — главными ули-
цами, — делился на шестнадцать кварталов. К исходному на-
селению, состоявшему из раскатта, людей, внесенных в Индекс,
политических противников империи или уголовников, присоеди-
нились эмигранты, бедные люди с ближайших планет, кото-
рых влекли миражи города, как светлячков космоса. Резкий де-
мографический рост вынуждал администраторов искать новые
решения, чтобы увеличить возможности приема новых граждан.
Они уже добавили тридцать кораблей к начальному ядру, но, по-
скольку было все труднее найти корабли в хорошем состоянии —
распространение в течение семисот лет дерематов вызвало унич-
тожение или отправку на свалку тысяч космических кораблей, —
город достиг критической точки развития. Кварталы (лучи звез-
ды) стали городами в городе со своим собственным правитель-
ством, своей милицией, и горожанам было все сложнее жить в
рамках федерального устройства. Криминализация и войны ме-
жду бандами достигли опасных пределов. Понадобилось всего пят-
надцать стандартных лет, чтобы превратить в кошмар мечту о сво-
боде нескольких раскатта-гуманистов.

Кроме кислородной станции и службы оздоровления, адми-
нистраторы контролировали систему обороны, позволявшую
противостоять любому нападению со стороны императорских
войск, обосновавшихся на соседних планетах. Как член службы
очистки, Марти получил красный комбинезон, респиратор и вол-
новой ключ — маленькую магнитную карту, которая висела у него
на шее.

Мусорщики, которых звали Пунцовыми, были единственны-
ми гражданами, которые могли посещать все шестнадцать
кварталов, не опасаясь за свою жизнь. Без них километры

стальных труб, объединяющих корабли, быстро были бы заполнены отходами, превратившись в вонючие свалки. Космический город с тремя сотнями тысяч жителей, теснившихся в маленьких квартирах-каютах, проулках-коридорах и общежитиях, производил невероятное количество отбросов. К этому добавлялись отсутствие дисциплины и общая безалаберность. Дикие свалки плодились сами собой, а мощные вентиляторы гнали мусор к аэрационным решеткам, к генераторам искусственной гравитации и в якорные турбины.

Для человека вроде Марти де Кервалора, привыкшего к роскоши и лени, работа мусорщика, физическая, тяжелая и неблагодарная работа, казалась пребыванием в аду. Он научился скользить во вращающихся узких трубах, чтобы изгнать из них с помощью омикронных генераторов органические отходы. Спускаться в трюмы, когда на ногах висят тяжелые металлические башмаки, а лицо закрыто респиратором, чтобы очистить эвакуационные отверстия, забитые синтетическими обломками. Лезть в верхние кессоны корпусов, чтобы удалить металлическую пыль, оставленную ремонтными зондами. Вначале он думал, что умрет от усталости. Мышцы болели, их сводило, они стали тверже дерева. Многочисленные царапины на лице, шее и руках воспалились, превратившись в отвратительные гнойные нарывы, причинявшие при вскрытии острую боль. Когда он возвращался в дортуар после десяти часов работы, то прямо в одежде падал на подвесную койку. У него даже не было сил освежиться под общим душем или доползти до столовой. Он почти в беспамятстве лежал, скорчившись на койке, выжатый до предела, и по его исхудавшим щекам текли слезы. Гордые воины Машамы мечтали о славных завоеваниях, о звоне холодного оружия, о пролитии благородной крови в поединках, а теперь единственными противниками молодого Кервалора, которым он мог бросить вызов, были экскременты мрачного космического города. Он спрашивал себя, что сталось с остальными... С прекрасной Аннит. Сейчас он горько сожалел, что оскорбил ее чувства... Гнили ли они в темницах Орга, планеты-каторги? Мучались ли на огненных крестах? А Эммар Сен-Галл... Какие выгоды извлекла из своего предательства эта куча гнусного жира? Сон захватывал Марти на пике горьких сожалений и уносил на берега ужасных кошмаров.

Постепенно он привык к суровой действительности своего нового положения. Сон сократился с двенадцати часов до десяти, потом до восьми, и это позволило ему посетить разные кварталы города. Каждый из них состоял примерно из сот-

ни кораблей, стоявших впритык друг к другу или соединенных поперечными мостиками. Поскольку ничто не может больше походить на серый металл, чем другой серый металл, а внутренность одного корабля — на внутренность другого, кварталы отличались только атмосферой и запахом. Там, где жили в основном скоджи, царила веселая анархия, атмосфера гудящего улья, плавали соблазнительные запахи пряностей и благовоний, звонко звучали голоса торговцев и смех женщин, которые беседовали, стоя на пороге своих кают. Шесть кварталов, принадлежащих выходцам с Маклеха, разделенным на банды под названием «Мириады», были более тихими, более чистыми и опасными. Редкие прохожие скользили вдоль перегородок из страха оказаться замешанными в сведение счетов между бандами. Это было королевство тайной смерти: она била исподтишка, без предупреждения, в тени трюмов или пустынных коридоров, использовала холодное оружие, а главным запахом был сладковатый и тошнотворный запах крови. Были еще кварталы неоропцев. Здесь жили разные люди, поскольку скопление Неороп объединяло несколько планет с разным климатом и резко отличающимися друг от друга цивилизациями. Разные расы с разными обычаями и нравами были вынуждены сосуществовать в ограниченном пространстве космического города. Тесное соседство порождало напряженность, внезапные вспышки ненависти, ссоры, драки, взрывы насилия, которые администраторы давно уже перестали подавлять (одно из средств справиться со жгучей проблемой перенаселенности).

Время от времени, когда ярость, вызванная тоской, вспыхивала в душе Марти, он забирался в заброшенную рубку управления и любовался небесным сводом через панорамное стекло и голубоватое сияние магнитного щита. Он так и не научился читать звездные карты и был не способен отыскать систему с двойной звездой. Вид Розового Рубина и Солнца Сапфир мог бы утешить его, но и звездное небо немного успокаивало.

Он понял, что хотели сказать администраторы, намекая на то, что ему будет легко заработать деньги. Куда бы он ни шел, его окликали, мужчина или женщина, молодой или старик, и предлагали немалые деньги за право час-другой попользоваться его телом. Вначале он отказывался, испытывая шок от того, что его считали вульгарной проституткой, и от физического облика тех, кто его зазывал. Потом понял, что не сможет собрать достаточно денег для путешествия до прилета корабля, и ему придется долгие месяцы, а то и годы оставаться на этой металли-

ческой каторге. Годы лазанья по металлическим трубам, как кошкокрыс, чтобы уничтожить неизвестные вещества, которые наполняли вонью трюмы и кессоны.

В первый раз он согласился на предложение пожилой неороп-ки, одетой довольно элегантно по сравнению с теми, кто исповедовал моду грязных тряпок, царившую в коридорах и в герметичных переходах. Она затащила его в каюту, закрыла дверь на два оборота ключа, поспешно разделась, улеглась на кушетку и потребовала, чтобы он занялся с ней любовью. Он, как смог, справился с задачей, стараясь не замечать резкого запаха мыла, который пропитывал тело клиентки, дряблость кожи и кислый вкус ее поцелуев. Оценив его добросовестность, она добавила пять стандартных единиц к обещанному гонорару. Они договорились встречаться раз в неделю.

Постепенно Марти создал сеть постоянных клиенток, но категорически отказывал мужчинам, хотя те зачастую предлагали вдвое больше, чем женщины. Независимо от происхождения, все женщины ценили тонкость его черт, шелковистую кожу и деликатность манер. Многие из них были замужем, а потому прилагали чудеса изобретательности, чтобы удалить своих сожителей, если те не покидали каюты в рабочие часы. Статус мусорщика — он никогда не снимал красного комбинезона и не расставался с ключом — позволял ему переходить из квартала в квартал без того, чтобы милиция или банды приставали к нему, требуя денег. Он не опасался, что его будут мучить или просто зарежут. Как только его служба заканчивалась, он принимал душ, обедал и отправлялся на очередное свидание.

За несколько недель ему удалось собрать около двух тысяч стандартных единиц. Правда, он стал больше уставать и иногда чувствовал себя на грани истощения. Его часто тошнило, но регулярное пополнение кошелька заставляло терпеть, удовлетворяя клиентуру неверных жен, хотя он чувствовал глубокое отвращение к самому себе.

Эта двойная профессиональная жизнь продолжалась до того дня, когда он встретился с сиром Робином де Фартом. Однажды после крайне бурной деловой встречи с клиенткой-нимфоманкой он вдруг ощутил голод и зашел в прокуренный зал ресторана в квартале скодж, расположенного рядом с кислородной станцией. Он уселся за столик и сделал заказ. К нему приблизился старик с серыми волосами и морщинистым лицом. Марти решил, что, несмотря на благородство черт незнакомца, тот был одним из многочисленных потребителей извращенной любви, которыми кишел город.

Старик остановился у его стола и долго рассматривал Марти.

— Что вы хотите? — агрессивно бросил Кервалор, желая поскорее отделаться от надоедливого посетителя.

— Вы сиракузянин по происхождению, не так ли?

В отличие от большинства горожан старик говорил на превосходном империанге без малейшего акцента и, редкий случай, ставил ударения на нужных слогах. Официант, скодж с изрытым оспинами лицом, без церемоний оттолкнул его рукой, чтобы поставить на стол тарелку из синтетического фарфора.

— Быть может, ну и что?

— Позвольте представиться: Робин де Фарт, этносоциолог...

Марти поднял голову и всмотрелся в собеседника сквозь пар, подымавшийся от его тарелки.

— Фарт? Вы из семьи венисийских Фартов?

— В вашем вопросе, мой юный друг, не только содержится ответ, он указывает, что вы имеете отношению к мирку придворных. Позвольте присесть за ваш столик?

С этого дня два сиракузянина стали регулярно встречаться в ресторане. Оказавшись вдали от родного мира, сопланетяне стали друзьями, и Марти ощутил неодолимое желание поделиться некоторыми воспоминаниями, размотать нить своей истории, опустив лишь ритуальные жертвоприношения и коллективные оргии Машамы.

— Сколько вам принесли любовные подвиги?

— Около двух тысяч единиц.

— И ими вы собираетесь оплатить путешествие? Видук Папиронда потребует не меньше пятидесяти тысяч! Его корабль прибудет через пару месяцев. Посчитайте количество женщин, которым вам придется... оказать честь. Даже если они расплатятся с вами, вы быстро поймете, какой физиологический вызов бросаете самому себе! Хотя вы молоды и сильны, я все же не вижу, что вы удовлетворите более двух тысяч женщин за столь короткое время...

Обеспокоенный словами Робина де Фарта, Марти едва сумел сдержать слезы, прибегнув к жалким остаткам ментального контроля.

— Мне не хотелось бы оставлять сопланетянина в столь трудном положении, — продолжил Робин с широкой улыбкой. — Сумма, которой я располагаю, позволит, вероятно, оплатить два космических путешествия. Можете прекратить свои взаимоотношения с клиентурой, если, конечно, согласны совершить путешествие вместе со мной до планетного скопления Неороп...

Марти спросил себя, не содержит ли предложение Робина — весьма соблазнительное — некоторых скрытых желаний, в которых никто никогда не признается.

— Окажите мне честь, — добавил старый сиракузянин с хитрыми огоньками в глазах. — Я уже давно отказался от плотских удовольствий. Но меня терзает одиночество, и если я что-то у вас покупаю, то только мгновения радости, которые мне доставляет общение с вами. Но я не могу оплатить администраторам ваш воздух и жилье. Поэтому вам придется заниматься уборкой мусора до прилета корабля... Каковы ваши соображения?

Обескураженный Марти разозлился на себя за то, что засомневался в искренности намерений Робина. Он с трудом пробормотал слова благодарности, а потом сообразил, что практически ничего не знает о своем собеседнике, хотя уже многое рассказал ему о себе.

— А как вы попали в подобное место?

— Я внесен в Индекс великих еретиков. Меня осудили и приговорили к огненному кресту в первый год империи Ангов. И вот уже пятнадцать лет я играю в прятки с полицией и скаитами-инквизиторами Церкви. Учитывая, что Город Космоса является последним островком свободы во вселенной, логично, что я в нем и укрылся. Корабль контрабандистов доставил меня сюда тринадцать лет назад. Я попросил — и добился статуса свободного гражданина, что позволило мне снять отдельную каюту. Нет, не шикарные апартаменты, а закуток, нечто вроде улучшенного шкафа.

— А за что вас осудили?

— Еретические и богохульственные высказывания, хотя я ни разу не произносил ничего подобного. На самом деле крейциане устроили мне процесс заочно, поскольку я был другом Шри Алексу, одного из последних наставников индисской науки.

— Шри Алексу? Никогда не слыхал...

— А воители безмолвия? А Найа Фикит?

Это имя впервые произносилось в присутствии Марти, но оно пробудило живой интерес в его душе. Оно звучало, как далекий и привычный призыв, как обещание встречи, как скрещение судеб. Его охватило какое-то ментальное головокружение, он всеми фибрами души ощутил невероятный подъем радости.

— Нет, конечно, вы ее не знаете, — продолжил Робин де Фарт. — Родители и воспитатели поспешили исполнить инструкции сенешаля Гаркота... У Шри Алексу была дочь Афикит, или Найа Фикит, как ее зовут в народе. Она была в монастыре абсуратов во время Гугаттской битвы. Отец по-

слал ее на встречу с махди Секорамом, великим предводителем абсуратского рыцарства, одним из двух последних наставников индисской науки. Скаиты-инквизиторы обыскали планету Селп Дик, но так и не нашли ее следов.

— Быть может, она умерла...

Но, произнеся эти слова, Марти вдруг ощутил уверенность в обратном. Она не только была жива, но ему предстояло отправиться на ее поиски. К этому подталкивала неведомая сила, словно ветер, возникший ниоткуда.

— Я уверен, что она выжила при пожаре монастыря и нашла средство перебраться на другую планету, — сказал Робин.

— Какую?

— Не обижайтесь, но пока я предпочитаю хранить эту информацию в тайне.

Старый сиракузянин встал. Но перед тем как раствориться в толпе людей, сновавших в сумрачных коридорах, он обернулся и долго смотрел на своего сопланетянина. Он был одет в просторный белый пиджак и черные шаровары по моде скоджей, а его волнистые волосы ореолом светились вокруг головы. Марти спросил себя, смог ли сир де Фарт, потомок одной из старейших семей Венисии, привыкнуть к отсутствию облегана, второй кожи, без которой не могли обойтись сиракузяне.

— Вы получите ответ на ваш вопрос, если решитесь пойти до конца путешествия, мой юный друг... Вашего путешествия...

Марти медленно продвигался по вентиляционной трубе. Роботы безопасности, встроенные в металлические стенки, изредка выпускали ремни-уловители, но стоило Кервалору протянуть свой волновой ключ, как они тут же отступали в свои ниши. Когда он заканчивал смену, необоримый импульс заставил его посетить кислородную станцию, гигантский блок, к которому были подключены все трубопроводы кораблей. Он выждал, пока его коллеги Пунцовые, эмигранты разного происхождения, бедняги, которые были вынуждены вкалывать всю свою жизнь для оплаты кислорода и еды, вошли в коридор раздевалки, чтобы ускользнуть от них и двинуться по коридорам и мостикам, ведущим к станции. Щедрое предложение Робина де Фарта позволило ему разом прекратить все коммерческие взаимоотношения с клиентками. А потому у него было много времени.

Добравшись до подножия металлической стенки станции, он не стал колебаться. Снял решетку вентиляционного люка и проник в трубу. Потом поставил решетку на место, что-

бы не осталось следов его прохода. Хотя он никогда здесь не был, он знал план станции в малейших деталях, словно тот был впечатан в его мозг. Ему казалось, что вместо него действовал другой, неведомый, решительный, неумолимый Марти, выполняющий разведывательную, подготовительную миссию. Он пока не знал, что должен разведать, но был уверен, надо доползти до конца трубы, а затем подняться по второй трубе до сердца главного генератора.

Администраторы, даже самые старые, не знали о существовании этого прохода. О нем могли помнить лишь основатели Космического Города, но они таинственно исчезли десять стандартных лет назад. Станция, жизненный орган города, находилась под постоянным наблюдением. Детекторы клеточной идентификации прочесывали все коридоры, автоматы, снабженные скорчерами, охраняли каждую дверь с кодом доступа, каждый промежуточный трюм, каждый бронированный тамбур. Но в трубе, по которой он двигался, Марти сталкивался только с ремнями-уловителями, которые взлетали вверх, ощутив его присутствие. Техники, вероятно, предусмотрели этот проход на случай экстренного ремонта в самые кратчайшие сроки. Но поскольку чрезвычайных ситуаций не возникало и им не надо было постоянно заглядывать в чертежи, администраторы забыли о его существовании.

Каждое движение Марти поднимало облако густой пыли. Луч его лазерного факела выхватывал странные формы, липкие нити, похожие на водоросли, которые колыхались под едва ощутимыми воздушными потоками. На стенках лежало нечто вроде гумуса, плотная смесь разлагающихся органических веществ. Кое-где нити росли так плотно, что приходилось их обрывать, чтобы проделать проход. Жгучие капли пота стекали со лба в глаза. Воздух, наполненный токсическими частицами, раздражал горло и легкие. Он сожалел, что не захватил респиратор. И клялся, что не забудет его в следующий раз... В следующий раз? Значит, будет еще один подобный поход? С какой целью? Кто решал и действовал вместо него? Что мешало повернуть назад и гнало вперед?

Чем дальше он продвигался по трубе, тем мощнее становился рев генератора. Вскоре он оказался в темном промежуточном трюме, в стенках которого виднелось с десяток круглых отверстий. Из тьмы появился робот и направился к нему. Серебристое металлическое тело на двух гусеницах. В центральной части тела открылось отверстие. Из него показался короткий ствол скорчера.

Марти не потерял присутствия духа. Его проницательный, решительный мозг отдавал ясные и четкие приказы. Он опустил фонарь, медленно поднял карточку-ключ на уровень робота. Машина застыла, словно ее отключили, потом над дверкой вспыхнул белый глазок, мрак пронзил ослепительный луч. Бесконечные секунды потекли одна за другой. Застывший Марти с трудом сдерживал дыхание, ожидая окончания анализа. Он понимал, что успех его миссии — какой миссии? — полностью зависел от реакции механического часового.

Глазок потух, скорчер спрятался в нишу, створка сухо щелкнула, закрываясь. Гусеницы заскрипели на металлическом полу, делая разворот, и тьма поглотила робот, охранявший трюм.

Марти рукавом стер пот, ручьями кативший со лба. Он парился в толстом комбинезоне и сапогах. И задыхался от ужасающего одиночества. Тот, кто захватил его мозг, кто решал и действовал вместо него, лишил его всех человеческих чувств. Другой — Марти это предчувствовал — не был существом из плоти и крови, а был демоном из вселенной-преисподней, явившимся, чтобы сеять смерть и опустошать миры. Но у Марти не было ни средств, ни желания бунтовать. У него не было иного выбора, как стать агентом зла.

Луч фонаря прошелся по стенкам. Третье отверстие было тем самым узким и крутым лазом, который вел к сердцу генератора. Марти понадобилось полчаса, чтобы пройти его. Стенки были гладкими, скользкими, без захватов, что не облегчало подъема. Здесь не было гумуса, нитей водорослей, а только тонкая пленка пыли, взлетавшая вверх при малейшем движении воздуха. Трюмный робот, если и был обманут волновым ключом, прекрасно справлялся со своей ролью ассенизатора: он беспощадно уничтожал все твердые отходы, которые попадали в зону его наблюдения.

Рев станции разрывал барабанные перепонки Кервалора. Конец сифона закрывала решетка, привинченная к стенкам. Снять ее было детской игрой. Марти даже не пришлось воспользоваться крохотной отверткой, имевшейся у каждого Пунцового. Было достаточно нанести резкий удар, чтобы изъеденные ржавчиной винты лопнули, как былинки.

Он проник в зал станции, гигантский зал, до потолка которого не доставал луч его фонаря. Рев был оглушительным. От серо-матового генератора, цилиндрического компактного блока диаметром тридцать и высотой около ста метров, отходило множество труб. Станция была одновременно сердцем и

легкими города. Углекислый газ, который отсасывался насосами из коридоров и кают, попадал в молекулярные чаны. Здесь вступали в действие синтезаторы, фильтры, которые разделяли молекулы кислорода и углерода. Фильтры удерживали углеродные отходы, а извлеченный кислород поступал в питающие трубы. Заменой фильтров, фотосинтетических решеток, которые производились на мирах Скодж и которые регулярно доставлял корабль видука Папиронды, занимались сами администраторы.

Марти обошел вокруг генератора, освещая лучом фонаря гигантскую его массу, опутанную сетью труб, покрытых густым слоем черной пыли. Невыносимый шум заставил его взять фонарь в зубы и заткнуть уши пальцами. Перед ним возвышались огромные трубы, заставляя протискиваться меж ними и полом. Отверстия были так узки, что он с трудом выбирался из них, оставляя куски ткани и кожи на перегретом металле.

Вдруг он увидел небольшую нишу в нескольких метрах над головой. И так же, как перед роботом, мозг выдал ему ясные, четкие приказы. Пользуясь трубами как лестницей, он полез вверх по генератору. От вибрации сотрясались все его конечности. Он с трудом координировал свои движения. Барабанные перепонки нещадно болели. Он несколько раз едва не выронил фонарь.

Он поднялся на уровень ниши — углубления в толстом металлическом панцире. Устроился на корточках на одной из поперечных труб. Одной рукой схватился за край ниши, а другой, в которой держал фонарь, осветил внутренность углубления. И увидел круглые запыленные клавиши мемодиска.

Из потайных уголков мозга вдруг возник поток технической информации. Роль клавиатуры, соединенной с мемодиском города, состояла в том, чтобы перекрывать трубы, которые требовали срочной очистки или ремонта. Клавиатуру разместили так высоко, чтобы скрыть ее от глаз возможных имперских агентов (тех, которых обнаружили, отослали адресату в виде мелких кусочков). Администраторам не нравилось перекрывать трубы даже на время, потому что они не любили спускаться в зал генератора и заниматься утомительной гимнастикой, чтобы добраться до клавиатуры. А потому никогда ею не пользовались. В случае необходимости они посылали микрозонды-растворители или роботов-ремонтников, за движением которых следили по контрольным экранам. Зонды были предпочтительнее людей, поскольку могли работать в любых условиях.

Марти всматривался в клавиатуру, пока не почувствовал головокружение. В его голове проносились цифры.

Код доступа.

Код, который управлял общим закрытием клапанов на трубах подачи кислорода. Во время будущего посещения ему будет достаточно набрать эту последовательность цифр, чтобы перекрыть подачу драгоценного газа в корабли. В первое время горожане ничего не заметят. А через несколько часов почувствуют непривычную усталость, тяжесть в конечностях, сильную головную боль. Самые сильные доползут до кают, чтобы улечься на койку, остальные растянутся на полу коридоров и мостиков. Код одновременно сотрет данные главного мемодиска, и администраторы не установят связи между задыхающимся городом и клавиатурой в зале генератора. Насосы будут по-прежнему отсасывать углекислый газ, который заполнит трюмы и фильтры. Прокладки и клапаны долго не выдержат внезапного подъема атмосферного давления. Сердце генератора распадется, вдоль труб, перегородок и корпусов побегут трещины. Пустота, вечный ужас тех, кто живет в космосе, с жадностью ворвется на палубы, в коридоры, в каюты. Гигантский толчок разорвет звезду, составленную из кораблей, газы разорвут турбины и запасники магнитной энергии. Мощнейший взрыв осветит все окружающее пространство.

Будущее трехсот тысяч человек города зависело от простого движения пальцев Марти де Кервалора.

В следующий раз, приказал демон. *За час до перехода на корабль видука Папиронды...*

— Свободный Город Космоса... — прошептал Сан-Фриско.

В отличие от Жека, который едва сдерживал рвоту, помощник, похоже, не замечал последствий выхода «Папидука» после прыжка Шлаара.

Покачиваясь, маленький анжорец подошел к окну и поглядел на множество сверкающих форм, связанных между собой серыми трубами. Издали комплекс походил на монументальную сборку из деталей конструктора.

— Пробудем здесь всего два стандартных дня, — продолжил Сан-Фриско. — Чтобы разгрузить товар. Вполне достаточно: я задыхаюсь внутри этой жестяной коробки.

— «Папидук» тоже жестяная коробка! — заметил Жек.

Сан-Фриско искоса глянул на мальчугана.

— Есть огромная разница, принц гиен: «Папидук» в постоянном движении...

— Быть может, но я задыхаюсь в этом подвижном мире! И с удовольствием прогуляюсь в этой жестяной коробке.

Хриплое покашливание, заменявшее помощнику смех, сотрясло его.

— Великий принц гиен страдает космической болезнью... Невежа считает небо врагом, а мудрец превращает его в друга...

Споры с Сан-Фриско были единственными настоящими мгновениями отдыха для Жека все три стандартных месяца полета. Хотя помощник имел неприятную привычку говорить загадками или сентенциями, он заменил анжорцу па Ат-Скина (став па более стройным, более мрачным и менее хвастливым). Симпатия была взаимной, поскольку Сан-Фриско никогда не упускал возможности зайти к нему в каюту, когда кончались часы его вахты.

Жек с пользой провел свое свободное время, изучив «Папидук» сверху донизу: машинный зал, рубку управления, трюмы, набитые ящиками, контейнерами, машинами, каюты, где теснились выходцы с миров Скодж, часть из которых хотела просить статуса гражданина Свободного Города Космоса, а часть собиралась отправиться в скопление Неороп, чтобы заработать. Он исколесил километры коридоров, залезал в кессоны герметичности, блуждал в проходах, которые никуда не вели, побывал в каютах, забитых архивами, покрытыми пылью и плесенью... Ему не хватало неловкой нежности ма Ат-Скин настолько, что он иногда спускался в каюты эмигрантов и, прислонившись к перегородке, часами наблюдал за женщинами скодж. У них не было ни малейшего чувства стыда — некоторые отдаленные районы миров Скодж еще не слышали Истинного Слова Крейца и требований Церкви, касающихся одежды, — и они зачастую ходили по коридорам нагишом. Он наблюдал их в короткие минуты интимности, любовался их белой кожей, черными, блестящими потоками волос, колыханием груди, складками живота...

Еще один ритуал нарушал монотонность путешествия: ежедневный обед, на который его приглашал видук Папиронда. Владелец «Папидука», которого экипаж боялся пуще ядерной чумы, превращался в учтивого разговорчивого хозяина, как только оказывался наедине со своим маленьким гостем. Стол, намертво прикрепленный к полу и накрытый белоснежной скатертью, украшали светящиеся микросферы. Жек, который остальное время ел вместе с экипажем в кают-компании, не обходил вниманием яства, которые готовил и подавал на стол личный повар видука. Его желудок внезапно превращался в бездну, которую было невозможно наполнить, и хозяин с удивленным и веселым видом смотрел, как обжирается мальчуган.

Их разговоры всегда касались одной и той же темы: Артак. Видук подробно рассказывал об обстоятельствах встречи со старым карантинцем.

— Я только что купил корабль. И стоял на рейде на Франзии, одной из планет скопления Неороп. Собирая экипаж, я арендовал бюро в Неа-Марсиле, столице западного континента Франзии. В то время — это было более пятидесяти лет назад — неоропские миры вели между собой войну. Пространство было буквально испещрено вспышками взрывов. Большинство звездных путей было перерезано.

— А почему они воевали?

— А кто может знать, почему возникают войны? Полагаю, смесь вековой ненависти, правительственной мегаломании и экономических причин... Эмиссары Конфедерации Нафлина пытались вернуть воюющих на путь разума, но безуспешно. Однажды утром в бюро явился некий человек. У него были длинные руки и странная рожа. Он спросил, свободен ли мой корабль. Я ответил, что это зависит от товара, который он мне предложит. Он сказал, что корабль нужен ему для поставки оружия.

— Артак торговал оружием?

— Нет, не торговал. У него никогда не было коммерческой жилки. Он был агентом абсуратского рыцарства. И получил распоряжение вооружить повстанцев Спании, которая была под угрозой полного уничтожения коалицией сил Франзии, Ноухенланда и Алемании. Орден абсуратов не хотел, чтобы Спания попала в руки союзников.

— Почему?

— Военная стратегия. Слишком долго объяснять... «Что я заработаю в этой операции?» — спросил я Артака. «Не деньги, — ответил он, — возможность позже получить монополию на торговлю между Неоропом и Ут-Геном...» — «С Ут-Геном, этой жалкой радиоактивной скалой?» — «Но как раз радиоактивные минералы и придают планете ценность, — возразил он. — После войны рынок облученных материалов невероятно разовьется». В конце концов он меня убедил. Ему удался фокус получить мой корабль и экипаж, не выложив ни единой стандартной единицы! Через трое суток мы сели на крохотный мертвый спутник, где абсуратские агенты спрятали оружие и защитные взрывающиеся сети... Комбинезоны, маски, пересеченная местность, низкая сила тяжести — все это не облегчало работы. Погрузка заняла целую неделю...

Видук рассказал о долгом и опасном перелете до Спайна, о нескончаемых играх в прятки с военными кораблями союзников, о преодолении стратосферной блокады.

— Артак заманил нас в ад! Семнадцать из двадцати девяти двигателей были повреждены излучением орбитальных сверхпроводящих батарей. Мы совершили аварийную посадку на Спайн, черный и вонючий мир! Самым худшим было то, что эти кретины спайняне приняли нас за врагов. Трое стандартных суток они поливали огнем «Папидук». Я был задет излучением светобомбы. Вот, смотри...

Он расстегнул пиджак и показал длинные рубцы на груди и животе.

— Я выглядел не очень-то красиво. Потерял половину кишок и легких. Знаешь, какие раны получаешь, если попадаешь под излучение светобомбы...

Жек даже не стал представлять себе эти раны.

— Все, и первый я, думали, что вскоре отправимся в мир иной. Все, кроме Артака. Пока кипела битва, он перенес меня в трюм, уложил на матрас и лечил десять дней. Десять дней! Долгие часы он намазывал мое тело мазью собственного изготовления. Самое невероятное, что он готовил ее тут же. Сыпал порошки в чан с охлаждающей жидкостью, перемешивал все и получал липкую пасту, которую накладывал на мои раны. А знаешь, как вытягивал гной?

Жеку вовсе не хотелось знать таких подробностей.

— Он его высасывал и выплевывал!

Анжорец почувствовал приступ тошноты, и десерт, кремовый торт скоджей, сразу приобрел горечь желчи.

— Артак, бетазооморф, вернул меня из мира мертвых, Жек... Раны мои зарубцевались, и я смог вернуться в свою каюту. Мне не хватало — и не хватает до сих пор — куска легких и нескольких сантиметров кишок. Экипаж не мог поверить в мое выздоровление. Через две недели спайняне получили послание от ордена абсуратов и наконец сообразили, что ошиблись. Мы передали им сети, а они в качестве извинения прислали нам армию техников и ремонтников. Мы улетели через месяц под эскортом их космических истребителей. На этот раз нам не представило трудностей преодолеть блокаду: сети уничтожили большую часть орбитальных батарей. Артак сдержал обещание. Я высадил его в Глатен-Бате. Там он вступил в переговоры с капитанами бродячих кланов, с которыми я и подписал договор о коммер-

ческой монополии... Я больше с ним не встречался. Знаю, что он выполнил несколько миссий для абсуратского рыцарства, а потом сел в тюрьму на десять лет еще до провозглашения империи Ангов. Но я не знал, что он перебрался в эту крысиную нору... в Северный Террариум...

— Он и мне спас жизнь! — воскликнул Жек, едва сдерживая слезы. — Он отдал мне свою маску, когда крейциане пустили газ в гетто.

— Артак умер так, как и жил, Жек: сеньором. Тебе очень повезло, что ты встретился с ним. Но я не понимаю, почему он заклинал тебя отправиться на Мать-Землю. С таким кораблем, как мой, такое путешествие займет более двадцати лет.

— Артак сказал мне, что в Неоропе есть сеть тайных проводников.

— У них есть дерематы? Клеточные передатчики?

Жек скривился.

— Разумнее остаться со мной, — добавил видук. — Мир полон опасности для восьмилетнего ребенка. У меня нет сына, нет наследника...

— Нет! Я хочу стать воителем безмолвия!

— Артак, по-видимому, так и не смирился с поражением ордена абсуратов. Власть сиракузян и их приспешников, скаитов, над миром оставляет мало надежд. И у него не было иного выхода, как вцепиться в мечту, в химеру. Найа Фикит, Шри Лумпа и их так называемые воители безмолвия — всего лишь плод коллективного подсознания... легенды, если хочешь знать. Я предлагаю тебе, быть может, менее славное будущее, но будущее конкретное и во многом завидное...

Слова видука посеяли сомнение в голове Жека. Его решимость, непреклонная решимость, с помощью которой он усмирил гиен, была поколеблена. В сердце пустоты, где ноги попирали жалкий металлический пол, где он не мог увидеть ни облака, ни солнца, ни света, где рев двигателей был единственной песнью, где воздух был пропитан запахом горючего и охладителя, где набивались шишки при столкновении со стенками, дверями, трубопроводами, людьми, малейшие душевные переживания принимали ужасающие размеры, сомнения становились черными безднами, воспоминания таяли, как туман под дуновением ветра. Жек уже сомневался в существовании па и ма, этих двух родных существ, чьи черты лица он с трудом воссоздавал перед мысленным взором.

* * *

Жек и Сан-Фриско были вдвоем в маленькой каюте, примыкавшей к рубке управления. Взгляд мальчугана был устремлен вдаль, в межзвездную бездну.

— Где расположена звезда Матери-Земли?

— Отсюда ее не видно, принц гиен, — ответил Сан-Фриско. — Видишь скопление светящихся точек прямо над городом? Скопление Неороп...

— Ты родился там?

Помощник кивнул. Его черные гладкие волосы буквально светились.

— На Жер-Залеме, спутнике Франзии.

— Тебе не хочется туда вернуться, чтобы жить?

Сан-Фриско внимательно посмотрел на Жека.

— Когда-то я был князем, но соплеменники изгнали меня.

— Почему?

— Ни мое сердце, ни душа не соглашались с их интерпретацией священных текстов... — Он надолго замолчал, а потом продолжил: — Но близится день испытания истиной. День, который ждет мой народ, избранный народ вот уже десять тысяч лет. И тогда мы узнаем, чьи головы и сердца были правы. Мы узнаем, не ошиблись ли абины, жрецы-хранители традиций.

— А в чем будет состоять это испытание истиной?

— Жерзалемяне готовятся к нему с незапамятных времен. Оно приведет их в новый Жер-Залем, в Старый и Новый Мир, на планету Вечности... Я расскажу тебе об этом потом, принц гиен. А пока мне надо заняться маневрами причаливания к городу... Еще одно: видук поручил мне сказать, что тебе запрещено покидать борт в течение всей стоянки.

— Почему?

— Ты проник в его сердце. А из его сердца выбраться труднее, чем из жестяной коробки. Если хочешь продолжить путешествие, должен показать свою величайшую решимость... Как перед стаей гиен...

Робин де Фарт наблюдал за гигантским кораблем через иллюминатор посадочного зала. Черный блестящий корпус с многочисленными соплами перекрывал все пространство. Тридцать погрузочных мостиков выползли из него и подсоединились к складским трюмам города. Машины заканчивали выгрузку припасов, фотосинтетических фильтров и других това-

ров первой необходимости. Робин де Фарт спрашивал себя, где горожане находили деньги, чтобы оплачивать эти груды товаров. Он полагал, что видук Папиронда, человек, известный своей несговорчивостью, даже жестокостью, вряд ли доставлял грузы по филантропическим соображениям.

Он обернулся и бросил обеспокоенный взгляд на тамбур зала ожидания, где царила сутолока. Марти не подавал признаков жизни, а посадка начиналась через звездные полчаса.

У старого сиракузянина уже не было времени, чтобы отправиться на поиски сопланетянина. Ведь тот, не в силах работать мусорщиком, горел желанием поскорее покинуть город. Причаливание корабля вдохнуло в него новые силы, и он избавился от мрачности, как от надоевшей одежды. Что происходило в голове молодого Кервалора? Быть может, он в последний момент отказался от путешествия, заполнил бланк для получения гражданства и воссоздал свою сеть клиенток? Или с ним что-то случилось?

Робин де Фарт отдал за места на корабле сто двадцать тысяч стандартных единиц, то есть практически все свои сбережения. Он сомневался, что ему вернут половину, если он полетит один, но его не трогали финансовые потери. Они скорее приносили облегчение, поскольку деньги, хотя и помогали делать дела, требовали недоверия ко всем и всегда, а такая осторожность граничила с паранойей. Хотя они знали друг друга всего несколько месяцев, Марти занял большое место в его жизни. Он начал испытывать к своему молодому компаньону чувство, близкое к отеческой нежности, как он считал, ибо у него так и не нашлось времени на создание семьи и он даже не подумывал об отцовстве. Все свое время он посвящал своей работе этносоциолога. Он решил создать голографическую энциклопедию различных законов и обычаев, которые управляли жизнью народов, рассеявшихся по звездным мирам. Он хотел изучить влияние атмосферных условий, силы тяжести и интенсивности солнечных лучей на социальную и религиозную организацию многочисленных человеческих народов. Амбициозный проект, который был уничтожен на корню, когда автора внесли в крейцианский Индекс.

Охваченный беспокойством, он не отрывал взгляда от тамбура зала ожидания, высматривая знакомую фигуру сопланетянина. Минуты бежали с ужасающей быстротой. Время настроилось на ускоренное биение его сердца.

Рев первой сирены перекрыл шум. Пассажиры, посетители, торговцы, горожане, скучающие по родным

мирам, потянулись к двум посадочным мостикам. Корабельные контролеры в темно-синей форме приступили к личному досмотру, унизительному и жестокому, прежде чем допустить путешественников на палубу. Разгорелась короткая ссора между экипажем и будущим пассажиром, которому явно не понравилось, что руки матросов слишком долго шарили под одеждой его жены. Но он успокоился и пробормотал несколько слов извинения, когда холодное дуло скорчера ткнулось ему в затылок. И доводя свою наглость до предела, стражи беспрепятственно изучили тело его жены, обшарив даже самые тайные его уголки.

Зал ожидания постепенно опустел. Вой второй сирены разорвал тишину. Робин де Фарт, окаменевший от отчаяния, никак не решался сдвинуться с места, хотя вероятность появления Марти была почти равной нулю. У него мелькнула мысль, не остаться ли ему в Свободном Городе вместе с молодым компаньоном, но он тут же понял, что затея была абсурдной и невыполнимой: без денег он не выживет и недели в мире, где так дорого стоили пространство и воздух.

— Эй, вы! — крикнул контролер. — Мостики убирают через пять минут!

— Иду... — прошептал Робин де Фарт, ощущая душевную пустоту.

Ему впервые хотелось заплакать. Опустив голову и плечи, он тяжелым шагом направился к мостику. И словно сострадая немой боли этого сутулого старика, таможенники «Папидука» не стали досаждать ему. Они даже не спросили у него билет.

Через несколько минут, когда они нажали на рукоятки палубной безопасности, их внимание привлек грохот. В зал ожидания ворвался человек в пунцовом комбинезоне. Он был с ног до головы покрыт черной пылью, а на лице виднелись кровавые царапины.

— Подождите!

Он бросился к входу на мостик.

— Куда ты так спешишь? — остановил его контролер.

— Я должен лететь с вами...

— Покажи билет.

Пригнувшись и держа руки на коленях, чтобы восстановить дыхание и собраться с мыслями, Марти выговорил:

— Робин де Фарт... который... который...

— Не знаю никакого Робина де Фарта.

— Старик... седоволосый... В белом пиджаке и черных шароварах...

— Старик, который только что прошел? Хорошо, сейчас проверю. Но берегись, если соврал!

Свободный Город Космоса превратился в крохотную серую точку вдали. Марти и Робин де Фарт, устроившись в каюте — за сто двадцать тысяч единиц они имели право на двухместную каюту с иллюминатором, — всматривались в темный бархат неба, пронзенный иголками звезд. Старый сиракузянин, радуясь неожиданному обретению Марти, не стал допытываться причин его опоздания, спрашивать о состоянии его комбинезона и царапинах на лице. Впереди было три месяца полета до Франзии, планеты в скоплении Неороп. Три месяца, в течение которых им не останется ничего другого, как говорить. Робин де Фарт открыл свой драгоценный чемодан, который матросы загрузили за несколько часов до посадки. Он проверил наличие видеоголо, эмульсионных пленок, античных бумажных книг и оборудования для голографической записи. Потом, отдохнув час на кушетке, присоединился к Марти, не отрывавшемуся от иллюминатора.

Невероятная вспышка разорвала тьму космоса.

— Похоже, это идет от города, — побледнев, пробормотал Робин де Фарт.

Серая точка разлетелась снопом ярких искр.

— Похоже на фейерверк, — мрачно ответил Марти.

Старый сиракузянин бросил на него недовольный взгляд.

— Фейерверк? Да это город взорвался! Вы понимаете, что это означает...

— Да, триста тысяч мертвецов...

В недоступном уголке мозга Марти, который терзали странные и неясные воспоминания, прятался демон... Пальцы, бегающие по крохотной клавиатуре... Потеря равновесия... Падение, удары о трубы, лицо, оцарапанное о выступ, потеря сознания... Пробуждение, труба, в которой он ползет, мостик... Отчаянный бег, подгоняющий страх... Дурной сон... Обрывки иного существования...

Оглушительный рев сотряс переборки и пол каюты. «Папидук» совершал первый прыжок Шлаара.

— Бедняги... — с искренним сожалением прошептал Кервалор.

Глава 10

Можно ли убить скаита Гипонероса?

Многие люди задавали себе этот вопрос. Но только горстка пыталась это сделать. Был, к примеру, придворный Джулиус де Крекк, который пытался убить сенешаля Гаркота обычным металлическим кинжалом. Или платонянин Паголь Берумбе, который пригласил десяток скаитов-мыслехранителей в свое жилище Бралия, где их ждала сотня вооруженных до зубов людей. Наиболее оригинальная инициатива принадлежит Тири Аль Насербу, которому удалось столкнуть одного инквизитора (непонятно, что случилось с его проницательностью) в чан с соляной кислотой. Вероятно, к этому стоит добавить несколько оставшихся неизвестными попыток. Скаиты давно представляли собой непроницаемую тайну: ничего не было известно ни об их способе размножения, ни об их метаболизме, ни о химическом составе их плоти и органов, ни о способе их питания, ни об их нравах... Если собираешься провести углубленное изучение какого-либо вида, необходимо сделать вскрытие одного индивидуума. Но если скаиты умирали (были противоречивые гипотезы на этот счет), то не оставляли никакого следа своего пребывания на мирах человека. Быть может, они вели себя как гигантские речные ящерицы, мифические животные с планеты Двусезонье? (Шри Лумпа — «господин Ящерица» на языке садумба.) Быть может, они скрывались только в известном им месте, чтобы угаснуть в мире и спокойствии?

Выдержки из дневника Мессаудина Джу Пьета,
сиракузского поэта первого периода
после распада империи Ангов

— Эй, парень! Не хочешь присоединиться к нашей маленькой экспедиции? Нам не хватает одного...

Молодой человек поднял голову. К его столику приближался охотник с перекошенным лицом. Он покачивался и размахивал бутылкой с франзийским вином. Его блестящие глаза навыкате были испещрены пурпурными прожилками.

— Что за экспедиция? — спросил молодой человек.

На блестящих губах охотника появилась плотоядная улыбка. Он хотел сделать новый глоток спиртного, но потерял равновесие, и по его подбородку и шее потекли струйки вина, теряясь под одеждой, роскошной одеждой буржуа миров Центра, от которой несло мочой. Он схватился за край столика, чтобы не упасть назад.

— Любая экспедиция, малыш! Мечта любого настоящего охотника! Позволь присесть?

Риторический вопрос: если ему не удастся сесть в три ближайшие секунды, он безвольной тряпкой рухнет на пол этого деревенского бара с помпезным названием «Бар Нимрода». Его друзья-охотники, стоявшие у стойки — простой доски на козлах, — выглядели не лучше. Они с трудом держались на подгибающихся ногах. Запинающимися, тягучими голосами они произносили в минуту столько ругательств, что официантка, юная рыжая франзианка в опасно коротком сером платье с большим декольте, извивалась, ускользая от их влажных рук. Тропические леса Франзии славились своей богатейшей фауной, и охота, основная статья дохода планеты, привлекала все большее количество туристов из знати и буржуа миров Центра, которые искали сильных ощущений. Туристические агентства давали местного гида, устраивали биваки в чаще леса (гарантированные ужасы), долгие походы по следам животных, чьи тропы приходилось расчищать с помощью мачете (вкус приключения), обеспечивали гарантированный жизненный минимум, договорную страховку, дававшую право каждому клиенту уехать с руками, полными трофеев. К этому добавлялись дополнительные услуги: предоставление специально отобранной аборигенки, юной (малолетней), не имеющей венерических болезней (сертификат Звездной Конвенции Здоровья), которой поручалось приготовление местных блюд и удовлетворение фантазий своего временного Нимрода. Туристам также предоставлялась возможность прикончить нескольких мужчин или женщин из местного племени. Несмотря на безумный тариф, мода на бальзамированные головы диколесов (дикарей леса) ширилась, отбрасывая на второй план обычные трофеи — шкуры белого медвигра, огненного пумольва или хохлатого львепарда.

— Собираетесь уничтожить целое племя аборигенов? — равнодушно спросил молодой человек.

Поднял стакан и сделал глоток. Терпкое франзийское вино обожгло глотку. Он был равнодушен к участи диколесов, как, впрочем, и ко всему остальному. Вот уже пять лет, как он убежал с Матери-Земли. Скитаясь по мирам, он остановил свой выбор на Франзии. Не потому, что ему понравилась эта планета из скопления Неороп, а потому, что у него не осталось другого выбора: антра жизни, вибрация безмолвия, внезапно оставила его, а с ней исчезла и возможность путешествовать между мирами.

— Нет, тысячу раз нет! — рыгнул охотник. — У меня уже столько голов диколесов, что я не знаю, куда их скла-

дывать! Я даже велел забальзамировать целые тела и воссоздал деревню аборигенов в своем деревенском доме на Иссигоре. Это еще развлекает моих друзей, но не меня.

Он склонился над столом и вгляделся в своего собеседника, пытаясь сосредоточить на нем все свое внимание.

— На этот раз мы не останемся на Франзии, а отправимся на ее спутник Жер-Залем... Отправляемся через две недели...

Он обернулся и бросил взгляд через плечо. Но не рассчитал силы движения и чуть не упал со стула. Рыжая официантка за стойкой со все большим трудом увертывалась от рук охотников. К стенам из грубо обструганных досок были прибиты головы хищников, чьи пустые глазницы с круглыми белыми лампочками ярко сверкали.

— На специальном катере... Тсс, я тебе доверяю тайну... Нас в деле всего десять...

— На Жер-Залеме нет дичи, — сказал молодой человек. — Только горы, ледяные пустыни и белые медвигры.

Охотник сделал еще один глоток спиртного. Его дряблые щеки, зажатые сборкой облегана, стали фиолетовыми.

— Так было в течение восьми тысяч стандартных лет... Но через месяц туда прилетят... космины...

— Космины? — удивился парень. — Птицы из мифов жерзалемян?

— Космины не птицы, а... удивительные существа, которые путешествуют от одной галактики к другой...

— Конечно, если они существуют!

Толстые губы охотника сложились в отвратительную гримасу.

— А почему бы им не существовать?

— Скорее всего это легенда. Простая религиозная аллегория.

Охотник с невероятным риском для собственной устойчивости повернулся и показал на одного из своих компаньонов, который почти лежал на стойке.

— Видишь этого человека? В черном пиджаке и красной шапочке? Его зовут Сон-Ну Дьен... Один из крупнейших эрудитов в мирах Центра. Его назначили официальным историографом имперского двора. После нашей экспедиции он приступит к исполнению своих обязанностей...

— Ну и что?

— Он более половины жизни провел в изучении мифов Жер-Залема. Пресловутая религия Глобуса... Именно он собрал эту экспедицию. Он обещал, что позволит отстрелить кос-

мин. Мечта. Оказаться в месте, где появляется невероятная дичь, дичь, которая раз в восемь тысяч лет пересекает межзвездную пустоту и садится на жалкий ледяной булыжник, названный Жер-Залемом... Только десятерым во всей вселенной можно воспользоваться этой привилегией... И тебе, если захочешь...

— В чем будет заключаться моя работа?

— Носильщик... Сон-Ну Дьен рекомендовал захватить с собой тяжелое снаряжение, светопушки... Говорят, у космин твердая шкура. Им нужна настоящая броня, чтобы выдерживать чудовищное разрежение космоса и разогрев от трения в стратосфере. У каждого будет свой личный носильщик... Алеманские германины, широкоплечие здоровяки с куриными мозгами. Один из них вчера получил удар ножом на темной улочке Неа-Марсиля, но у нас нет времени ждать приезда нового.

Молодой человек приподнял стакан на несколько сантиметров и углубился в созерцание ряби на поверхности янтарной жидкости. Рука рыжей официантки, которой надоели приставания, разжалась, как пружина. Щека слишком предприимчивого охотника вспыхнула от пощечины багрянцем, но отпор только воспламенил нахала. Он подлез под стойку, обнял ее за талию и принялся задирать ей платье.

Молодой человек бросил рассеянный взгляд на парочку, сражавшуюся под стойкой. Ситуация могла стать роковой для официантки, оставшейся лицом к лицу с пьяными буржуа. Она громко вскрикивала, но хижина располагалась на опушке большого тропического леса в паре километров от первых окраин Неа-Марсиля. Необходимо было чрезвычайное стечение обстоятельств, чтобы кто-нибудь услышал ее призывы о помощи. Молодой человек был единственным, кто мог ее защитить, но, к несчастью для девицы, ее судьба его не интересовала. Она стоила не больше, чем пьяные громилы. Как и они, она была незначительной величиной, существом из плоти и крови, которому было суждено обратиться в прах. Ее яростные движения и крики почти ничего не значили. Теперь они уже втроем сдирали с нее платье. Шестеро остальных хохотали. Молодому человеку хотелось не смеяться, а плакать. Ему еще случалось жалеть самого себя.

— Ну что? — настаивал охотник.

— Почему я?

— Вы выглядите крепким... Не таким, как алеманин, но полсотни килограммов багажа не должны вас пугать... А потом, вы мне симпатичны...

Предложение было как нельзя кстати. Вот уже два года молодой человек умирал от скуки на Франзии, а поскольку жизнь, похоже, отказалась от него, настало время тонуть в скуке где-нибудь в другом месте. Несколько дней близости с этими грубиянами будут не хуже бесконечных часов одиночества во франзийском лесу. Они, конечно, не облегчат его душевных страданий, но он по крайней мере сменит обстановку. Вопль официантки болью отзывался в ушах.

— Сколько будете платить?

— Кое-кто приплачивает за честь быть рядом с нами! — проворчал охотник.

— Мне нужны деньги, — ответил молодой человек.

Он оказывал платные услуги туристическим компаниям, но деньги, которые они платили, едва позволяли свести концы с концами.

— Сто стандартных единиц в день, так платят носильщикам...

— А если космины не явятся на свидание?

Охотник пустился в рискованное предприятие, осушая одновременно фляжку и пожимая плечами. Горлышко резко ударило по носу, и в его ноздри проникли капли спиртного. Боль была такой сильной, что его глаза наполнились слезами.

— Конечно... Не все ли равно...

Бедное платье разодралось, открыв белое, толстое тело и шелковое белье официантки. Удивленные охотники отшатнулись, потеряли равновесие, запутавшись в складках своих плащей, и повалились, словно кегли. Она воспользовалась неожиданной передышкой и бросилась к двери кладовой, где и скрылась. Сквозь грязное окно было видно, как она со всех ног улепетывает в сторону леса. Вскоре растительность поглотила пляшущее пламя ее волос и молочную белизну тела. Странно, что людские существа так цеплялись за свою жалкую жизнь.

— Согласен...

— Великолепно! — воскликнул охотник, протягивая дрожащую руку. — Я — Геоф Рунок с Иссигора.

Отвращение охватило молодого человека, когда он пожал потную руку собеседника. В его мозгу возник образ ласковой и ароматной руки Найи Фикит, когда та коснулась рукой и губами его лба, чтобы передать антру. Она обволокла его серьезным и сияющим взглядом. Он долго стоял в неподвижности рядом с ней, погрузившись в ее сине-зеленые глаза, околдованный ее красотой, потрясенный вибрацией и жаром звука жизни. Ему показалось, что телесные границы его существа раздвинулись,

стерлись и он превратился в Землю, в Солнце, во вселенную. За несколько секунд он влился в вибрирующий хор творения, стал воителем безмолвия.

Он сообразил, что охотник не отпустит его руку, пока он не назовет себя.

— Микл Манура с Шестого Кольца Сбарао.

— Очень рад, Микл Манура из Сбарао! Пошли, я представлю тебя остальным...

Остальные выглядели не очень представительно, но это не помешало качающемуся Геофу Руноку назвать труднопроизносимые имена тех, кто лежал на стойке и под ней. Такие пьяные сцены не были редкостью в кабаках, стоявших на границе леса. Франзийское вино, могучая смесь перебродившего сока листьев и спирта из желтого риса, входило в набор услуг для опытных охотников, а турист, который нарушал неизменный ритуал пьянства в первый же день, считался слабаком.

Геоф Рунок облокотился о стойку. На его бессильной руке болталась фляжка. Из приоткрытых ртов его компаньонов доносился заливистый храп. Под накидками из живой ткани или шелковыми плащами виднелись облеганы. Завитые локоны пропитались спиртным и рвотой.

— Приходите сюда... завтра... Перед тем как отправиться на Жер-Залем, мы хотим провести небольшой опыт в Неа-Марсиле... Уникальный опыт... Знаешь, какой?

Микл Манура не знал, и ему уже стала надоедать бессвязная речь собеседника. Он подрядился таскать пушки, а не выслушивать дурацкие откровения и нюхать вонючее дыхание опереточного убийцы.

— Уже давно... давно... мы задаем себе вопрос... Охотничий вопрос...

Геоф Рунок нечеловеческими усилиями пытался держать открытыми рот и глаза.

— Этот вопрос, это... Можно ли убить скаита?

Ноги его подкосились. Рука попыталась за что-нибудь схватиться, зацепила стакан, сбила три пустые фляги, ударилась о лоб спящего компаньона, но не удержала охотника. Он рухнул на пол.

— Можно ли убить скаита? — повторил он сонным голосом. — Завтра утром... мы получим ответ... Встреча здесь в три часа локального времени...

Микл несколько минут наблюдал за мощным и ровным дыханием своего нанимателя, потом вернулся и уселся за столик. Он спрашивал себя, сколько бахвальства было в сло-

вах Геофа Рунока. Несомненно, речь шла о хвастовстве буржуа, перепившего франзийского вина, однако он сумел задать хороший вопрос.

Можно ли убить скаита?

На Земле махди Шари никогда не говорил о такой возможности. Он говорил о вибрационной цепочке, об источнике света, о созидании, о божественности человека, но ни разу не поднимал вопроса о вооруженной борьбе со скаитами.

На Микла нахлынули воспоминания детства. В год 2 империи Ангов Кольца Сбарао вели жестокую войну: смерть сеньора Донса Асмуса, публичная казнь его супруги, дамы Мониаж, и их детей подняли местное население на восстание. Репрессии императорских войск, которыми командовал крейцианский кардинал и два скаита-инквизитора, были беспощадными. Миклу было всего семь лет, когда он стал свидетелем агонии своих родителей на огненных крестах. Его подобрали мятежники с гор Пиаи, и он принял участие в нескольких стычках с войсками захватчика. Он должен был собирать оружие на трупах врагов и друзей. Он видел множество трупов: обезглавленных дисками притивов, изувеченных светобомбами, обгоревших от излучения дезинтеграторов, разрезанных лазерными лучами... Но не видел среди трупов или раненых ни одного скаита, ни одного инквизитора в красном бурнусе, ни одного мыслехранителя в белом бурнусе, ни одного ассистента в черном бурнусе. Словно раны и смерть не касались уроженцев Гипонероса. Оставалось узнать, были ли они когда-либо мишенью или обычное человеческое оружие на них не действовало.

Миклу вдруг захотелось, чтобы Геоф Рунок и его друзья воплотили свой проект в жизнь. Ведь эти типы, пресыщенные, самодовольные, хвастливые и безголовые, действительно нуждались в подобном поступке, чтобы почувствовать себя живыми.

Лицо рыжей официантки робко показалось в щели приоткрытой двери кладовой. Увидев, что клиенты не в состоянии напасть на нее, она вошла, присела на корточки, подобрала разорванное платье, сопровождая свои действия отборной франзийской бранью. И только теперь заметила присутствие Микла. В ее глазах вспыхнули искорки гнева.

— Мерзавец! — прошипела она на империанге. — Ты бы позволил этим свиньям изнасиловать меня!

— Не оскорбляй моих новых хозяев, — холодно возразил Микл. — В их состоянии они вряд ли причинили бы тебе какое-либо зло.

— Не в этом дело! — Она показала на кровавые царапины на плечах и животе. — Ветки и шипы этого проклятого леса исцарапали меня... Платье превратилось в клочья... Ну и день... Эти свиньи, набитые деньгами, считают, что им все позволено! Мотай отсюда! Мне на сегодня хватит!

Микл встал и спокойно направился к двери, выходящей в сторону леса. Перед тем как выйти, он обернулся и поглядел на официантку, которая промокала кровь остатками платья.

— Если продаешь душу туристам, не удивляйся, что они ведут себя так, словно находятся на завоеванной территории.

Она с ненавистью взглянула на него.

— Иди к дьяволу, засранец!

Губы Микла тронула легкая улыбка. Дьявола он уже встречал. И даже продал ему душу шесть лет назад.

Двор заброшенного завода был пуст.

Микл созерцал небосвод. Разгоралась заря, волшебный миг, когда ночные звезды в сердце скопления Неороп бросали последние лучи. Собравшиеся в шар вокруг самой крупной из них, красного гиганта Бетафипси, они образовывали гигантский светильник с разноцветными лампочками, который медленно угасал на западе. Из-за их относительной близости и яркости франзийские ночи больше напоминали постоянные сумерки, и вначале Микл с большим трудом мог заснуть. А потому долгие часы наблюдал за движением звезд, за их медленным сближением, когда из спирали они сжимались в шар. Небо было словно усеяно постоянно меняющимися витражами, чье свечение походило на цветные гало. Он научился различать большой астероидный пояс, тонкую искривленную полоску, которая в зависимости от времени года светилась ярче или слабее.

На востоке проявились золотистые лучи четырех дневных светил Франзии и темные точки планет Алемании, Спайна и Ноухенланда. Четыре солнца за несколько миллионов лет постепенно отделились от общего скопления. Их именовали Эпзилон, Омикрон, Упзилон и Омегон, но франзиане, ленивый народ с душой поэта, называли их четырьмя космическими Домовыми.

— Пора бы им появиться... — прошептал Геоф Рунок.

Охотники, вооруженные скорчерами, волнометами и криогенизаторами, устроили засаду в зале второго этажа главного здания. Отсюда, через окна без стекол, они хорошо видели обширный внутренний двор, присыпанный светло-золо-

тыми лучами Домовых. Их взгляды были прикованы к главным воротам, которые они закрыли за собой, взломав кодовый замок.

Когда двумя часами раньше Микл вошел в «Бар Нимрод», он нашел их в том же состоянии, что и накануне. Официантка исчезла. Он спросил себя, помнил ли Геоф о своих вчерашних речах, потом решил, что особых неприятностей не будет, если он приведет их в чувство. Самое большее, они будут недовольны. К его великому удивлению, они были благодарны ему за инициативу, хотя налитые кровью глаза и помятые лица выдавали их крайнее изнеможение. Они собрали легкое оружие, сложили его в кладовой и тут же направились в Неа-Марсиль.

Они даже не успели переодеться. От их одежды несло винной кислятиной, мочой и потом. В пригороде Сон-Ну Дьен, историк, взявший на себя роль загонщика дичи (и какой дичи! скаита-мыслехранителя), заказал по общественному голофону такси. Все, кроме него, отправились на этот заброшенный завод, где когда-то обрабатывалась руда с Ут-Гена. Местные власти закрыли завод из-за слишком высокого радиоактивного излучения. Идеальное место для засады.

— Вы уверены, что Сон придет с мыслехранителем? — спросил Микл.

— Разве я не говорил тебе, что он получил место официального историографа при императорском дворе Венисии? — проворчал Геоф, которого терзала сильнейшая головная боль, сопровождавшаяся приступами тошноты.

Ярко-зеленый цвет его капюшона резко контрастировал с болезненной желтизной обвисших щек. В громадном зале любой шепот превращался в оглушительный грохот, и другие охотники, мечтавшие об абсолютной тишине, бросали яростные взгляды в сторону двух болтунов.

— Какая связь? — спросил Микл.

— Мыслехранителей не так много, и не все заявки удовлетворяются, — вздохнул Геоф. — Я, к примеру, нахожусь в списке просителей уже пять лет. Официальный титул Сона дает приоритет. Ему достаточно явиться к соответствующим властям и получить мыслехранителя. А если захочет, и двух...

— Опасная затея. Если убьете этого мыслехранителя, крейцианские инквизиторы без труда отыщут след вашего друга, а следовательно, и вас...

— Никто не узнает, что Сон... потеряет мыслехранителя на Франзии. Они не входят ни в какие списки, у них даже нет имен. Их придают по требованию, но их передвижения

нигде не регистрируются. Призраки не оставляют следов... А теперь помолчи!

Микл счел, что аргументы Геофа слишком примитивны. Он рассуждал как человек, отрешенный от окружающей среды, как существо, живущее лишь своими ощущениями и чувствами. Для иссигорянина все, что не было классифицировано, записано, сохранено на мемодиске, ограничено временем и пространством — то, что, по его словам, не оставляло следов — просто не существовало. Но эти пространственно-временные ограничения нельзя было приложить к скаитам Гипонероса, которые находились в постоянной связи с конгломератами спор-прародителей. Эту связь махди Шари называл «матричными импульсами». Гипонероархат объединял в себе функции производителя, банка данных и центра связи. А это означало, что в случае, далеко не очевидном, когда оружие охотников может убить мыслехранителя, Гипонероархат получит информацию в то самое мгновение, когда импланты спор покинут оболочку.

Микл не стал делиться своими мыслями с Геофом и его друзьями. Он охотно подчинился приказу хранить молчание, поскольку не собирался их беспокоить и разубеждать идти до конца их безумного предприятия. Несмотря на свирепый вид, они вовсе не испытывали спокойствия. Их пальцы нервно играли на перламутровых рукоятках оружия, а на лбу каждого блестели бисеринки пота, несмотря на утреннюю прохладу. Их мужество таяло по мере того, как близилось мгновение казни скаита. В спешке они забыли захватить несколько бутылок вина, отвратительного пойла, которое обладало сказочным свойством превращать пузатых и пугливых буржуа в могучих авантюристов.

Домовой-1 и Домовой-2 поднялись из-за ломаной линии крыш, послав во двор жаркие сверкающие лучи. Скопление ночных звезд растаяло, и небо до самых сумерек стало серо-синим.

— Чем он занят? — проворчал Геоф.

— Наверное, возникли проблемы... Быть может, пора эвакуировать лагерь... — произнес один из охотников, уроженец Маркината, чье имя Микл забыл.

Страх несся быстрее хищников франзийских лесов. Они были готовы ухватиться за малейшую возможность, чтобы отступить. Микл проклинал их трусость. Она могла свести к нулю уникальный опыт, опыт, который, быть может, мог радикально изменить ход вещей. Ему надо было обязательно знать исход покушения, чтобы принять окончательное решение. Если скаитов можно уничтожить оружием, он организует межпланетное движение с целью уничтожения всех существ в бурнусах на

всех мирах. Он всю ночь обдумывал свой великий проект. Ему придется вступить в контакт с контрабандистами, убедить передать ему пиратские дерематы, набрать и обучить убийц на каждой из трехсот семидесяти семи планет империи Ангов, руководить ими или координировать операции из некоего места, которое с помощью мемодиска будет связано с местными корреспондентами. Эта амбициозная программа имела множество неизвестных величин, в том числе и реакцию контрабандистов — людей, не обремененных угрызениями совести, — но ни одно препятствие не казалось Миклу непреодолимым. Его вдохновляли новые фантастические перспективы, которые открывались в случае смерти скаита. Он перестал быть воителем безмолвия, воспользовался отсутствием учителя, махди Шари, чтобы по-воровски сбежать с Матери-Земли, огорчив своих светоносных родителей, Найю Фикит и Шри Лумпа. Он жил случайными заработками на других мирах, куда его забрасывали скитания, утерял вибрацию антра, утерял все надежды... Быть может, настал день восстать из праха, вернуть себе достоинство, вновь окунуться в героику сражения. При условии, что эти трусоватые охотники, тайные агенты возрождения, не дрогнут в последний момент. Хотя, вероятнее всего, они проявляли свою храбрость только в дни великих оказий, вроде группового изнасилования официантки бара или методичного уничтожения безопасных дикарей леса.

— Он уже не придет, — сказал Геоф.

Микл упрямо глядел на створки металлических ворот, от которых отражались ослепительные лучи двух Домовых. Откройтесь! Откройтесь! Он не сможет жить, если погаснет огонь, пожиравший его, тот огонь, который заставлял его идти на немыслимый риск на Шестом Кольце Сбарао и потом, после кровавых репрессий имперских войск, когда он ворвался в агентство МТК, убил служащего и проник в деремат. Координаты последнего путешествия еще не были стерты. Он нажал на светящуюся кнопку переноса и материализовался на искусственном спутнике Эдем, комплексе для восстановления здоровья богатых стариков. Там занимались пересадкой органов, выращенных из человеческих эмбрионов, пластическими операциями и использовали все виды более или менее разрешенных технологий, чтобы замедлить процесс старения. К счастью, Микл пришел в себя в номере отеля предыдущей пользовательницы дерemата, сбараянки ста шестидесяти лет. Она спрятала его, накормила, обласкала. Он же вместо благодарности задушил ее шнуром от штор, а потом присвоил множество пластин по тысяче стандартных еди-

ниц, которые она неосторожно разбросала на кровати. С наглостью десятилетнего мальчугана Микл пытался убедить служащего МТК на Эдеме отправить его в Свободный Город Космоса. Служащий решил, что лучше будет оглушить мальчугана, завладеть его драгоценными пластинами и, чтобы отделаться от него — как добрый крейцианин, он не любил убивать, — запрограммировать его на полет на Мать-Землю, на забытый мир, куда никто не летал и откуда никто не возвращался. Этот непредвиденный полет мог и должен был дать Миклу уникальный шанс в жизни. Он еще не оправился от эффекта Глозона, как вокруг него ниоткуда появились сказочные светоносные существа... Шри Лумпа, Найа Фикит, Шари, которому тогда было шестнадцать лет, и несколько их учеников... С этого мгновения вся жизнь его стала чередой чудес. Найа Фикит стала ему матерью, о которой он и не мог мечтать. После посвящения он научился управлять звуком жизни, путешествовать с помощью мысли, сливая свой голос с вибрирующим хором творения... Воители безмолвия готовили переход от эры Кали к эре Сати, от эры разброда к эре единения. Переход был опасным, поскольку другие формы жизни оспаривали у человека статус творца и стремились уничтожить весь род человеческий. В возрасте двадцати лет Шари, приемный сын Найи Фикит и Шри Лумпа, последнее звено в династии маҳди, отправился, чтобы пройти последнее и таинственное испытание... Почему Микл не дождался его возвращения? Почему его вдруг охватило неодолимое желание покинуть своих соучеников и светоносных родителей? Желание путешествовать по мирам, пьянея от могущества, которое ему давала антра? Он только помнил, что ощутил отвратительное чувство ревности, когда родилась Йелль, дочь Найи Фикит и Шри Лумпа. Идеальная мать покинула его. Как и несколько лет назад его биологическая мать. Он не смог вынести второго предательства.

Охотники покинули свои места. Они направлялись к двери зала, чтобы выйти на площадку внешней лестницы.

— Подождите! — крикнул Микл.

Створки ворот медленно расходились.

Во дворе появился плотный Сон-Ну Дьен в длинном черном пиджаке и красной шапочке. В нескольких метрах сзади шел мыслехранитель в белом бурнусе с просторным капюшоном. В зале воцарилась напряженная тишина. Окаменевшие охотники смотрели, как Сон-Ну Дьен идет к центру двора, а потом, как и договаривались, бежит в сторону здания.

Отставший скаит остановился.

Застывшая цель, идеальная для буржуа, ловкость которых не входила в число их достоинств (их главным достоинством в глазах гидов-автохтонов были деньги, которые они были готовы платить за видимость ловкости и быстроты рефлексов).

— Чего вы ждете, дьявол вас побери? — закричал Сон, оказавшись у подножия лестницы.

Подбодренные криком приятеля охотники собрали последние крупицы мужества (в конце концов, их было много против одного), сняли предохранители, сбежали вниз по лестнице, отдали историку его скорчер и развернулись цепью перед мыслехранителем, статуей застывшим посреди двора. Что-то злокозненное струилось из-под капюшона бурнуса. Даже неподвижный и внешне беззащитный скаит выглядел более опасным, чем любой хищник. Яркий дневной свет, казалось, останавливался в двух метрах от него.

Микл, оставшийся в зале, задержал дыхание.

Встав в цепочку (именно так они действовали в парках: дичь перед расстрельной командой), охотники вскинули оружие.

— Огонь! — крикнул Сон-Ну Дьен.

Скорчеры, волнометы и криогенизаторы выплюнули свое излучение одновременно. Поскольку они стояли в двадцати шагах от скаита, а в него было удобно стрелять, поскольку он не пытался убежать, палачи без труда попали в цель, хотя несколько залпов угодило в металлические стены, оставив в них выжженные кратеры. От белого бурнуса взметнулись клубы серого дыма.

Любой хищник, любой диколес рухнул бы и от одного попадания, а мыслехранитель продолжал невозмутимо стоять, словно этот поток огня никак на него не действовал. Охотников охватила паника, а Микл застыл от ужаса, увидев невероятную сопротивляемость скаита.

— В голову! В голову, дьявол подери! — завопил Сон-Ну Дьен.

Они прицелились в капюшон, но дрожание рук и жар раскаленного оружия не способствовали точности огня. Лучи ударили в ворота, рассеялись в воздухе, ударили скаита по ногам, по животу, по груди, проникли в провал капюшона. От этого залпа скаит пошатнулся, отступил, и Микл, охваченный надеждой, стал ждать мгновения, когда тот рухнет на бетон.

Бурнус повис лохмотьями, открывая коричневый растрескавшийся эпителий. Мыслехранитель выпрямился и вновь встал лицом к лицу с десятком человек, амбициозно решивших стать его палачами.

— Огонь! — сорвал голос Сон-Ну Дьен.

Залп сжег капюшон и открыл бесформенную голову скаита. И они увидели, что на нем не было ни единой раны, ни единого ожога. Его выпученные, равномерно желтые глаза бросали яростные вспышки. От излучения пострадала лишь его одежда.

— Огонь!

Обезумев от ярости и ужаса, они окончательно сожгли бурнус, полностью обнажив тело мыслехранителя, но можно ли было назвать это телом? Оно скорее напоминало глиняные статуи, грубые и бесполые, которыми диколесы украшали площади своих деревень. Микл понял, что его мечта, последняя героическая мечта, разбилась. Махди Шари был прав: песнь творения, тончайшая и всесущая вибрация индисских полей, была единственным эффективным оружием против скаитов. И он, Микл Манура, это оружие утратил. Стальные тиски сжали низ его живота.

Геоф и его друзья не замечали тончайших изменений в глубоких зонах мозга. Они собирались убить простого мыслехранителя, легкую добычу, призрака, от которого не останется ни следа, а оказались лицом к лицу со стирателем, созданием, которое могло менять мозговые процессы. Страх отнял последние проблески достоинства у буржуа миров Центра, в том числе и у Сон-Ну Дьена, нового имперского историка. Они обгадились и обмочились, а теперь горели неистребимым желанием уничтожить друг друга.

Безумная усмешка скривила рот Геофа, который повернул оружие против своего ближайшего соседа и прошил ему грудь. Вонь горелого мяса пропитала воздух, уже насыщенный запахами углерода. Охваченный ужасом Микл уже почти не видел ни дичь, ни охотников, поскольку все они беспорядочно бегали, прыгали, чтобы уклониться от лучей, вырывающихся из дул их оружия. Ни один не догадался убежать через открытые ворота. Им надо было убивать или быть убитыми по вечным правилам охоты с загонщиком. Наконец они стали истинными Нимродами, решительными, ловкими, безжалостными. Вскоре на земле уже лежало шесть трупов. Четверо остальных, в том числе Геоф и Сон-Ну Дьен, забыли о мыслехранителе, коричневой застывшей фигуре, закрытой столбами дыма.

Когда Геоф убил последнего, эрудита Сона, он даже не глянул на него, как и на трупы остальных его компань-

онов. Он поднял свой скорчер, ткнул дуло меж глаз и без колебаний нажал на спуск. Волна пробила ему череп.

Желтые глаза скаита пронзили плотную завесу дыма. Подвижные холодные щупальца проникли в череп Микла.

Что-то надломилось в мозгу молодого человека.

Через час, когда мыслехранитель исчез, укутавшись в плащ, снятый с одного из трупов, Микл, в свою очередь, выбрался во внутренний двор завода, вышел на улицу, пересек промышленный квартал Неа-Марсиля и направился в сторону тропического леса. Он зашел в «Бар Нимрод», заказал стакан франзийского вина. Рыжая официантка в синем коротком и декольтированном платье подала ему вино, не обмолвившись ни словом. Он одним глотком осушил стакан, вынул из кармана стандартную единицу и бросил монету на прилавок. Когда он выходил, официантка вдруг обрела дар речи:

— А эти толстые свиньи? Куда они подевались? Я видела, что они не взяли свое оружие...

Он с удивлением посмотрел на нее. Он не знал, о каких толстых свиньях и о каком оружии она говорит. Похоже, она его знала, но он не помнил ее. Он остановился в этой лачуге, потому что ощущал жажду, а это был единственный кабак в округе.

Рев водопада перекрывал трели птиц-лир. Подхваченные воздушным потоком капли холодной воды ударили в лицо Миклу, сидевшему на краю пропасти, куда его привели ноги. Он до головокружения всматривался в черные рваные гребни скал, торчавшие из воды сотней метров ниже. Лица, силуэты, ландшафты проносились в его мозгу, но он не смог соединить их воедино. Он знал одно — ему надо броситься в бездну. Так приказал ему голос. Это не был его голос, но он доносился из глубины его души.

Он оглянулся и посмотрел на шумящую листву. Вокруг никого не было. Он был наедине с самим собой. Наедине со своим отчаянием. Наедине со своей печалью. По его щекам текли горячие слезы, смешиваясь с холодными каплями водопада.

Он встал. Очевидность схватила за глотку — жизнь ему не удалась, он отказался от своего человеческого начала и не оставит никакого следа в этом мире.

Он бросился в пустоту. И перед самым ударом о скалы в его воображении возникло лицо женщины с длинными золотистыми волосами и чудесными синими глазами. Быть может, будь у него такая мать, он нашел бы в себе силы не умирать.

Глава 11

Те, кто пришел из космоса, уйдут в космос. Уроженцы Глобуса, они вернутся на Глобус. Они увидят новый Жер-Залем, город света, они станут детьми Вечности, и их семя оплодотворит вселенную. Ибо воистину сказано: конец есть начало, а начало есть конец. Грядут времена, когда творения человека обратятся против человека, чтобы уничтожить его. И тогда космины, посланницы богов, небесные странницы, прибудут из дальних галактик. Они закроют небо и сядут на льды. И они откроют свое чрево, и оттуда выйдут гигантские хризалиды, которые превратятся в огромных огненных бабочек.

И закончится для народа время изгнания.

Начнется великое путешествие к новому и старому Жер-Залему. Каждый жерзалемянин, каждый избранный, каждый ребенок, каждая женщина, каждый мужчина, войдут в чрево космины. И небесные странницы будут питать их своим теплом и своим воздухом, как тысячи лет назад великий железный ковчег питал предков Исхода. И небесные странницы унесут их в небеса, преодолеют безбрежное пространство и через сорок дней высадят всех на благословенную землю нового Жер-Залема. Избранников встретят ангелы света, новые и древние пророки, боги. Они построят Эдем, где не будет места несчастьям и грехам. Так будет окончательно искуплена великая вина их предков, фраэлитов, которые бросили вызов богам и уничтожили самих себя с помощью мысли.

О, вы, избранные души, представители древнего и нового мира, воплотившие в себе прошлое и будущее, займитесь подготовкой этих новых времен. Учитесь входить в чрево космин, поститесь сорок дней в году, скупо расходуйте воздух. О, вы, избранные души, дочери и сыновья Единого Творца, дети Глобуса, храните чистоту своей расы, не смешивайтесь с гоками, вашими лжечеловеческими братьями. Они прокляты навечно, заражены их гены, грязно семя мужчин и зловонно чрево женщин. Глобус отверг их до скончания веков. Знайте, дочери Жер-Залема, что та, которую покроет гок, будет раздета догола и живой замурована в лед. Знайте, сыновья Жер-Залема, что тому, кто оплодотворит своим семенем гоки, будет отрезан детородный орган, а его самого скормят снежным медвиграм. Знайте, что космины накормят праведников и убьют грешников. О, абины, хранители Слова, присматривайте за избранным наро-*

* Гок (жен. р. гоки) — на античном языке Жер Залема чужак, человек, не относящийся к избранникам. В устах жерзалемян слово «гок» имеет отрицательное, зачастую презрительное звучание. — *Примеч. автора.*

дом, за божьим народом, как присматривают овчарки за стадами. Будьте безжалостны по отношению к грешникам и щедры по отношению к праведникам. О, князья Жер-Залема, гаранты законов и обычаев, жертвуйте собой, показывайте пример, будьте строже к самим себе, чем к своей пастве.

Храните память об Элиане, абине, который привел наших предков-фраэлитов на ледяной и заснеженный Жер-Залем. Чтобы наказать людей, разгневанные боги обрушили на родной Глобус двенадцать напастей. И были гнев воды, гнев земли, гнев небес, гнев вулканов, гнев огня, гнев ветров, гнев снегов, гнев насекомых, гнев хищников, гнев атома, гнев варваров и гнев жрецов.

Абин Элиан ушел в пустыню Гоб и молился сорок дней. Боги услышали его молитву и послали к его ногам великий железный ковчег. Элиан потратил сорок лет, чтобы собрать рассеянный по миру избранный народ Фраэля, и, когда железный ковчег был заполнен своими четырьмястами тысячами пассажиров, они бросили вызов безбрежному пространству. Путешествие длилось сто сорок лет. Многие отчаялись, подняли мятеж и отказались от Слова Элиана. И они погибли от удушья или бросились в пустоту.

И настал момент, когда ковчег опустился на этот мир льда и снега. Абин Элиан укрыл священный Глобус в сердце ледника и нарек этот мир Жер-Залемом.

И настал также момент, когда из дальних галактик прилетели космины и сели вокруг ковчега, и огненные бабочки развернули свои крылья. Абин Элиан и несколько избранников вошли в чрево небесных странниц и улетели в светоносный Жер-Залем.

Когда творения человека покорят человеческие миры и бросят вызов богам, когда пробьет час справедливого возмездия нечистым гокам, грядет время, о, дочери и сыновья избранного народа, воссоединиться с абином Элианом...

Новая Библия Жер-Залема,
сураты Книги Космин

— Стоило устраивать такую тайну вокруг Найи Фикит! — бросил Марти, входя в каюту.

Робин де Фарт захлопнул Библию Жер-Залема, древнюю бумажную книгу, которую одолжил у Сан-Фриско, члена экипажа, уроженца Жер-Залема, и поднял глаза на сопланетянина. Старый сиракузянин был удивлен (и даже восхищен) тем, что Сан-Фриско отозвался на его просьбу и передал ему драгоценное произведение. Избранный народ категорически отказывался вручать священные тексты в руки гоков, но принципы это-

го человека, изгнанника, проклятого князя, были изрядно покоблены при общении с другими народами вселенной.

— Что вы хотите сказать, Марти?

— Вы не единственный, кто хочет встретиться с дочерью вашего старого друга. Я только что познакомился с маленьким утгенянином, который пытается добраться до Матери-Земли. Ведь она укрылась именно там?

Робин де Фарт встал с кушетки и прижался носом к иллюминатору. Корабль был в фазе Шлаар, и далекие звезды вспыхивали в пространстве, словно светошары, задуваемые порывами ветра.

— Не понимаю, почему вы отказались говорить со мной о так называемой тайне! Вы так мало мне доверяете?

Робин де Фарт все больше привязывался к Марти, как к сыну, случайно посланному ему, чтобы согреть на закате жизни, но что-то необъяснимое мешало ему полностью отдаться переполнявшей его нежности к молодому человеку. Он никак не мог понять, было ли это внутреннее сопротивление следствием черствости собственного сердца или смутного сомнения в молодом Кервалоре. Темное предчувствие томило его со времени разрушения Свободного Города Космоса. Интуиция нашептывала ему, что внезапный взрыв кораблей и герметичных переходов мятежного города был связан с опозданием Марти на посадку, когда тот явился в своем пунцовом комбинезоне, засыпанном черной пылью (почему он не переоделся?), когда проявил невероятное равнодушие к этой катастрофе. Старый сиракузянин, которому черные мысли мешали спать последние две недели, попытался задать несколько осторожных вопросов, но получил уклончивые ответы. Молодой сопланетянин либо пожимал плечами, либо раздражался. Фарт сомневался не в искренности своего компаньона по путешествию, а в его психологическом равновесии: иногда в черных глазах Марти вспыхивали огоньки безумия, свидетельствуя о неподконтрольных реакциях.

Нет, Робин де Фарт не доверял своему юному соплеменнику и страдал от этого.

— В конце концов я бы сказал вам, — устало пробормотал он. — Сначала мне хотелось получше узнать вас...

— Жек, так зовут мальчика, был менее подозрителен, чем вы! Думаю, вы скрывали эту информацию, чтобы подольше удержать меня рядом с собой. Но я сбежал от родителей не ради того, чтобы со мной обращались как с ребенком, сир де Фарт!

Слова Марти отравленными стрелами впивались в грудь старого сиракузянина, его пальцы судорожно сжи-

мали потрепанный кожаный переплет Библии Жер-Залема. «Папидук» взрезал темный бархат межзвездного пространства. Космическая болезнь, следствие эффекта Шлаара, постепенно подтачивала силы Робина де Фарта, а путешествие до Франзии должно было продлиться еще две недели.

— Что вы собираетесь делать?

Марти уселся на кушетку, рассеянно покручивая пуговицы пиджака, купленного на деньги Робина, поскольку Марти забыл захватить с собой свои две тысячи, которые так и остались в городе.

— Встретиться с Найей Фикит и Шри Лумпа на Матери-Земле, — ответил Марти. — У вас такое же намерение, да? Я собираюсь стать воителем безмолвия.

— Как вы собираетесь продолжить путешествие?

— Жек говорил о тайной сети контрабандистов на Франзии.

— И какими деньгами будете платить? Тайные перевозки стоят бешеных денег. Кроме того, эти сети располагают только древними машинами, чей радиус действия не превышает десяти световых лет...

— Откуда вам все это известно?

Робин де Фарт сел на кушетку и открыл Библию Жер-Залема. Его глаза машинально бегали по печатному тексту.

— За пятнадцать лет бродяжничества мне часто приходилось прибегать к их услугам. Это — раскатта, люди без совести, рвань самого худшего пошиба.

— Постараемся любезно убедить их переслать нас куда надо!

— С тем же успехом вы убедите крейцианина возлюбить ближнего своего!

Марти бросил холодный взгляд на Робина.

— Вижу, возраст наполнил вас горечью и пессимизмом, — процедил он, почти не разжимая губ.

— Это можно назвать и мудростью, — возразил старик.

— Из ваших слов я делаю вывод, что мы не можем рассчитывать на вашу поддержку...

— Хоть я и иду быстрыми шагами к смерти, но не собираюсь принимать самоубийственных решений!

— А как же вы собираетесь добраться до Матери-Земли?

Робин де Фарт углубился в чтение отрывка из Книги Космин. На одеяле его кушетки были разбросаны видеоголо и светокниги.

— Еще не знаю... Верю судьбе...

— Судьба порой устраивает людям неприятные сюрпризы.

— Не знал за вами философских талантов!

— Фраза принадлежит не мне, а Жеку, маленькому анжорцу. Вернее, его отцу... Как он говорит сам, его па...

Робин де Фарт приподнял Библию Жер-Залема.

— Решение, быть может, находится в этой книге. У меня твердое убеждение, что Сан-Фриско неслучайно дал ее мне.

— Помощник? Не нравится мне этот тип... Всегда в сообщничестве с Жеком, которого называет «принцем гиен». У него не только странная манера разговаривать. От его взгляда меня пробирает страх...

На губах старого сиракузянина появилась насмешливая улыбка.

— Когда вы утеряли принципы придворного воспитания, Марти? Язык Сан-Фриско полон поэзии, а ваш явно становится вульгарным.

По лицу Кервалора пробежала тень.

— Я умер для придворного мира, умер для родителей, умер для друзей... О каком решении вы говорите?

— Космины из религии Глобуса... Небесные странницы, которых жерзалемяне ждут уже восемь тысяч лет. Я беседовал с Сан-Фриско: он уверен, что космины сядут на Жер-Залем через три стандартные недели.

— И что?

— Некоторые сураты Библии утверждают, что можно разместиться внутри этих сказочных существ. Послушайте вот этот отрывок: «Каждый жерзалемянин... войдет в чрево космины. И небесная странница будет питать его своим теплом и воздухом... унесет его в небеса, преодолеет безбрежное пространство и через сорок дней высадит его на благословенную землю нового Жер-Залема». Остается понять, что в Библии понимается под «новым Жер-Залемом»... «Уроженцы Глобуса, они вернутся на Глобус...» Древний Глобус — это наверняка Мать-Земля, земля зарождения жизни, откуда фраэлиты улетели восемьдесят веков назад. Но что это за Глобус, куда они прилетят? Новый мир? Сан-Фриско утверждает, что в священных текстах много символики. Именно поэтому на него обрушился гнев абинов и он был изгнан с Жер-Залема...

— Вы впали в старческий маразм, сир де Фарт! — сухо оборвал его Марти. — Вы держите в руках религиозный документ, сборник верований, которым уже восемь тысяч лет! Как вы можете верить в подобную чушь?

— Как вы — в миф о воителях безмолвия, мой юный друг! Некоторые люди реагируют именно так, когда при

них произносят имена Найи Фикит и Шри Лумпа... В любом случае Жер-Залем находится в двух днях полета корабля от Франзии, и мы мало что потеряем, отправившись туда...

— Говорите за себя!

Марти рывком вскочил и широкими шагами направился к двери каюты. Подошвы его шелковых ботинок застучали по металлическому полу. Он взялся за ручку двери и обернулся. Глаза его сверкали.

— Мы с Жеком не собираемся терять время на Жер-Залеме! Мы обратимся к контрабандистам, нравится вам это или нет! Вирус этносоциологии будет грызть вас до конца дней, сир де Фарт. Вы утверждаете, что действуете в общих интересах, но ваша трактовка сурат Библии не только бредовая, но и служит только вашим интересам. Если мы решим сопровождать вас, вы одним ударом решите две задачи: удовлетворите свою страсть к исследованиям и сохраните при себе тех, кого назначили, чтобы скрасить себе старость. Сиракузская максима утверждает, что одиночество есть смертельный враг старости, и, если судить по вашим поэтическим попыткам окружать себя друзьями, я вижу, что она верна. Что касается Сан-Фриско, то он жерзалемянин, человек, чью реакцию невозможно предусмотреть. Кто сказал, что он не пытается устроить вам западню? Быть может, он перережет вам горло, как только вы ступите на землю Франзии!

«Марти, Марти!» — подумал Робин де Фарт.

— Ты не умеешь отличать князей от негодяев? Значит, ничему не научился при венисийском дворе? И зачем же ему убивать меня?

— Он считает вас богачом... Людей, которые выкладывают по сто двадцать тысяч единиц за путешествие, не так уж много. Вы и ваша так называемая мудрость! Вы же заплатили втрое больше, чем остальные пассажиры!

Он произнес эти слова как приговор. Вышел в коридор и захлопнул за собой дверь. Робин де Фарт положил Библию на ночной столик, улегся и погрузился в мрачные мысли. С резкостью и нетерпимостью молодости Марти растеребил его раны: Робин всегда был одинок — и в детстве на Сиракузе в качестве единственного ребенка, и во время бесконечных скитаний по населенным мирам. Одинок по собственному выбору, ибо по контракту, предложенному ему компанией по производству голо, он стал этносоциологом, что требовало постоянных путешествий. А потом Церковь Крейца внесла его в Индекс великих еретиков, превратив в отщепенца, в подпольщика, в изгнанни-

ка, в звездного кошкокрыса. Одиноким он стал потому, что сердце его воздвигло защитный барьер и он не смог или не сумел истратить залежи скрытой в нем любви. Он знакомился, наблюдал, изучал, детально разбирался в народах на многих мирах, но забыл о собственной жизни и постепенно погрузился в бездну одиночества, которое сам сотворил вокруг себя. Его знания, знания, которыми он гордился, не были нужны никому. В отличие от светокниг или видеоголо, этим драгоценным свидетелям прошлого, которые будут передаваться из поколения в поколение, его знание исчезнет в момент его смерти. Он отдавал себе отчет в том, что только желание встретиться с Найей Фикит — последний раз он видел ее, когда девочке исполнилось три года, а Шри Алексу говорил о ней, как о первом чуде вселенной, — заставило пуститься в последнее путешествие. Он все же надеялся на успех своей отчаянной попытки оставить хотя бы крохотный след в долгой истории человечества.

Он встряхнулся, загнал грустные мысли вглубь. Надо было найти средство переубедить Марти и маленького утгенянина, чтобы они отказались от безумного проекта. Контрабандисты занимались торговлей людьми, поставляли работорговцам, знати, буржуа и прелатам миров Центра детей и подростков. Робин сразу подумал о Сан-Фриско. Только с помощью жерзалемянина, который, похоже, испытывал симпатию к гокам, можно было помешать молодому и пылкому сиракузянину совершить непоправимое.

«Папидук» вынырнул из подпространства вблизи пояса астероидов неоропских миров. Корпус корабля разметал космическую пыль, и воспламенившиеся обломки чиркнули по иллюминатору каюты Жека. Но если маленький анжорец и вздрогнул, осколки даже не поцарапали стекла четверной толщины.

С пронзительным свистом развернулись термические щиты. Планета Франзия, первый из семи этапов неоропского маршрута корабля, быстро росла в поле зрения Жека. Могучие энергетические вихри возникали в стратосфере, чья верхняя часть загоралась роскошными зелеными и медными тонами. Чуть дальше сверкающие диски двух солнц воспламеняли небесную равнину. А еще дальше угадывался сияющий рой звезд.

Посадка на Франзию должна была произойти через несколько минут. Вой инверсионных двигателей прорывался сквозь перегородки и пол. Внешние раскалившиеся щиты бросали кровавые отблески.

Жек в который раз подошел к двери и подергал ручку. Как и раньше, дверь не желала открываться. Он ничего не заметил, ничего не услышал, но несколькими часами раньше, когда собирался отправиться в ресторан экипажа, выяснилось, что его заперли в кабине. Он тщетно колотил в дверь, кричал, бурно протестовал — никто не появился. И тогда он вспомнил слова Сан-Фриско: «Из сердца видука выбраться труднее, чем из железной клетки».

Хозяин «Папидука» явно не собирался расставаться с ним. Быть может, он подслушал его разговоры с Марти? Или пронюхал об их проекте вступить в контакт с контрабандистами Неа-Марсиля? Несмотря на тщательные предосторожности, которыми окружили себя маленький анжорец и молодой сиракузянин, эту возможность следовало принимать в расчет: в перегородках и потолках коридоров и кают было спрятано множество жучков. Видук имел глаза и уши повсюду. Жек даже засомневался в искренности Сан-Фриско. Неужели помощник притворялся, завязывая с ним дружеские отношения, чтобы выведать его тайны и донести на него видуку? Разве он не показывал во время всего полугодового путешествия притворной привязанности? Как было трудно восьмилетнему ребенку распознать тайные мысли и интересы взрослых!

Накануне, во время ритуального завтрака в своей каюте, видук выглядел мрачным. Он почти не открывал рта — не говорил, не ел. Он положил подбородок на скрещенные руки и долгое время смотрел на Жека напряженным, страдающим взглядом. Тогда маленький анжорец не обратил на это внимания, слишком поглощенный яствами, которыми можно было насладиться. Он решил, что угрюмое молчание хозяина связано с исчезновением Свободного Города Космоса, но сейчас, толкаясь в запертую дверь, начал понимать истинное значение этого взгляда.

Видук почти убедил Жека отказаться от своей мечты, выбрать беспокойную жизнь космических контрабандистов, но намерения мальчугана изменились под влиянием Марти де Кервалора. Долгие месяцы убежденность Жека покоилась только на слове Артака, но по мере того, как бежали дни и таяли воспоминания о старом карантинце, вера его была поколеблена. В сердце звездной бездны он постепенно свыкся с границами корабля, металлического кокона, который обеспечивал не только теплом, но и создавал чувство безопасности. «Папидук» стал его космическим домом, площадкой для игр, закрытым мирным

прибежищем, к которому привык и где с успехом обжился. Хитрая ловушка видука сработала. Кроме церемонии ежедневного завтрака, он не навязывал Жеку никаких других правил. Дал ему возможность свободно обследовать корабль, ближе познакомиться с членами экипажа и ритуалами космического плавания... Постепенно, даже не осознавая этого, Жек свыкся с мыслью, что этот мир стоил любого другого, что видук заменил призраки па и ма, что его постоянные путешествия между мирами Скоджа и скоплением Неороп напоминали долгие бродяжничества по улицам Анжора, что статус космического пирата был сравним со статусом воителя безмолвия, что женщины скодж, обнаженные и прекрасные в полутьме коридоров, были не хуже легендарной Найи Фикит... Картина складывалась почти идеальная, но Сан-Фриско, его второй отец, подаренный судьбой, намекнул, что собирается дезертировать во время будущей стоянки.

— Настало время, когда моя голова и мое сердце стали задыхаться в этом постоянно движущемся мире... Меня, принц гиен, ждет иное путешествие... Надеюсь, ты будешь сопровождать меня...

Несмотря на мольбы Жека, Сан-Фриско отказывался сообщать подробности.

— Видук никогда меня не отпустит! — бросил он маленькому анжорцу в качестве последнего аргумента. — Гок не может противиться воле богов Глобуса... Моя голова опасается, что путешествие принца гиен завершится в корабле, а сердце мое отказывается радоваться этому...

Помощник был, по-видимому, прав, но Жек познакомился с Марти де Кервалором. Он несколько раз замечал молодого сиракузянина в ресторане для экипажа, где тот появлялся в сопровождении старца с морщинистым лицом и седыми волосами. Вначале мальчуган стеснялся надоедать сиракузянину, ибо исключительная тонкость его черт и благородство осанки вызывали в Жеке робость. Он наблюдал за молодым человеком исподтишка, пытаясь повторять его жесты, особенно манеру обращаться со столовыми приборами, подносить пищу ко рту и вытирать губы кончиком одноразовой салфетки.

Он воспользовался тем, что однажды молодой сиракузянин появился в одиночестве, и подошел к нему. Не зная, как начать разговор, Жек сел напротив и принялся сверлить Марти взглядом.

— Что вам от меня надо? — спросил сиракузянин, не отрывая взгляда от тарелки.

Жек, удивленный любезным обращением на вы, сумел только с жалким видом пробормотать:

— Ничего... Ничего...

— Да ладно, вот уже несколько дней вы скрытно наблюдаете за мной и пытаетесь копировать меня... кстати, крайне плохо...

Легкость, с которой сиракузянин разоблачил его, уязвила Жека, едва не сгоревшего со стыда.

— Итак, что вам от меня надо?

Несмотря на столь холодную первую встречу, сиракузянин и утгенянин быстро сошлись. Жек возвышал себя в глазах собеседника, рассказывая об уничтожении гетто, о схватке с гиенами (одного магического слова хватило, чтобы количество огромных хищников ядерной пустыни выросло с нескольких сотен до сотен тысяч) и о бунте бетазооморфов в Глатен-Бате («Миллионы мутантов перебили друг друга, чтобы я стал их принцем, их пророком!»). Марти вначале терпеливо слушал мальчугана, и в его глазах вспыхивали насмешливые огоньки, а на губах блуждала ироническая улыбка, но когда Жек, желая любой ценой заинтересовать собеседника, заговорил о Найе Фикит и Шри Лумпа («Однажды я стану воителем безмолвия и буду путешествовать с помощью мысли...»), ироническое отношение сиракузянина испарилось. Вдруг на его лице появилось выражение интереса. Он стал задавать множество вопросов, на которые Жек, поняв, что с ним разговаривают всерьез, постарался ответить наилучшим образом. Марти вдруг заявил, что желает встретиться с Найей Фикит и тоже стать воителем безмолвия.

— Беседуя с вами, мой дорогой Жек, я осознал, что эта встреча была всегда главной целью моей жизни...

— А ты откуда?

От волнения он внезапно обратился к Марти на ты. Правда, Жек всегда считал, что обращаться на вы можно только к строгим взрослым людям, в основном крейцианским миссионерам. Марти, в свою очередь, рассказал о событиях, которые привели его на «Папидук» (опустив ритуальные церемонии Машамы). Если он с мельчайшими подробностями рассказал о трудном статусе Пунцового, об изнуряющей работе по очистке вентиляционных труб, то почти не упомянул о тайных оплачиваемых визитах к женщинам, смысл которых остался Жеку непонятным.

Они несколько раз встречались и разработали совместный проект: вдвоем у них было больше шансов на успех. Объединив усилия, легче преодолевать препятствия и справляться с контрабандистами.

— Мое имя перевесит, — утверждал Марти. — Они не осмелятся отказать в услуге потомку одной из десяти самых именитых сиракузских семей.

Горделивая уверенность сиракузянина успокоила Жека. Судьба распорядилась так, что их пути с Марти пересеклись. Он стряхнул с себя летаргию, и «Папидук» предстал перед ним в своем истинном виде. Он удрал из родного дома в Анжоре и от школы священной пропаганды крейциан не ради того, чтобы до конца своих дней запереть себя в космической тюрьме, в грохочущей и вонючей железной коробке, где было нечем дышать. Голос умирающего Артака вновь зазвучал в его ушах: *Живи, Жек, и стань воителем безмолвия...*

Он не стал делиться с видуком своей тайной. Он иногда со страхом наблюдал его гнев и расправы с членами экипажа, допустившими небрежность по службе, и не хотел испытывать его ярость на себе. До самого конца он верил, что хозяин «Папидука» ни о чем не подозревает, но запертая дверь кабины показала, что он ошибся. Видук считал его своей собственностью, и клетка, которую он предназначал для него, была заперта и наверняка хорошо охранялась. «Из его сердца вырваться труднее, чем из железной клетки...» В приступе бессильной ярости Жек долго колотил по внутренней панели металлической двери. Потом его охватило безразличие, и он, опустив голову, поплелся к иллюминатору.

Сквозь повисшие на ресницах слезы он увидел зеленое пятно тропического леса Франзии, оранжевую бесконечность пустыни с одной стороны, и синий простор океана, над которым лениво плыли белые кружевные облака, — с другой. Земля приближалась с невероятной скоростью, словно тяжелый корабль несся по инерции и уже не мог погасить скорость. Вой инверсионных двигателей звучал, как сирены тревоги, а по видимым частям корпуса струились красно-оранжевые языки пламени. Казалось, корабль вот-вот загорится и развалится на части.

Иллюминатор не позволял видеть многое, но Жек, привстав на цыпочки, различил среди бесконечной зелени геометрическую фигуру, состоящую из точек и серых лент.

Формы, контуры, объемы становились четче. Точки превратились в конструкции, а ленты — в дороги. Похоже, Неа-Марсиль был городом небольшим, намного меньшим, чем столица Ут-Гена Анжор. Жек впервые видел город сверху (Свободный Город Космоса в счет не шел, ибо не располагался на планете, а висящие в космосе корабли не были настоящими го-

родскими зданиями), и ему было трудно оценить его размеры. Сверху улицы выглядели жилами листа, а здания — панцирями притаившихся насекомых, серых и угловатых.

Невероятный удар сотряс корабль и оторвал Жека от пола. Он потерял равновесие, покатился по полу и со всего размаха ударился о металлические стойки кушетки. И только в замешательстве вскочив на ноги и ощущая боль в ребрах, заметил надпись на экране, встроенном в потолок. *Оставайтесь в лежачем положении и пристегнитесь ремнями...* Он проигнорировал предупреждение и вернулся к иллюминатору. Рев двигателей сменился на жалобный вой вспомогательных посадочных моторов.

«Папидук» планировал в воздухе, как огромная хищная птица. Он летел над астропортом Неа-Марсиля, залитым золотистым светом, над его диспетчерской вышкой, стеклянной стрелой с параболическими антеннами на верхушке, над административными зданиями, гигантскими ангарами, плоскими площадками, где суетилось множество крохотных желтых фигурок. Жек разглядел перед складами черные продолговатые корпуса других звездолетов, которые были значительно меньше «Папидука». В отличие от Глатен-Бата, рассчитанного всего на один корабль, а именно на «Папидук», астропорт Неа-Марсиля имел двадцать посадочных площадок длиной около пятидесяти метров, разделенных полосками газона и дорожками из белых плит. «Папидук» со своими пятьюстами метрами от носа до кормы должен был занять не менее десяти площадок. Его тень, растянутая четырьмя солнцами, наползала на административные здания.

Желтые фигурки и красные машины на гусеницах откатились к ангарам. Когда они полностью освободили посадочную площадку, огромный корабль опустился на свои двадцать арочных опор с непривычной легкостью и осторожностью для аппарата таких габаритов. Стон моторов затих, и на астропорт опустилась тишина. Тамбуры выдвинулись из корпуса, а из них потянулись высокие трапы с эластичным основанием, плотно легшим на растрескавшийся бетон.

Жек увидел, как к кораблю подкатили машины охлаждения с цистернами и направились к внешним оболочкам двигателей. Рабочие в комбинезонах и опталиевых масках развернули шланги и направили их на самые раскаленные части обшивки. Иначе могли окончательно растрескаться бетонные плиты.

Через час, когда температура упала на несколько десятков градусов, люди в черных формах, императорские полицейские, вышли из административных зданий и выстроились

в цепочку перед трапами. Жек видел, как они устанавливают инструменты, белые коробки на треногах, которые напомнили ему клеточный идентификатор, сооруженный па Ат-Скином над дверью их дома. Если это действительно были клеточные идентификаторы, то они были подключены к центральному мемодиску, где хранились все данные о раскатта империи Ангов, о еретиках, политических противниках или уголовниках.

Жек испугался за своего друга Марти. Они были знакомы всего несколько недель, но маленькому анжорцу нравилось думать, что он стал близким другом сына великой сиракузской семьи, придворного, который имел честь приближаться к императору Менати и его супруге, прекрасной даме Сибрит. Если центральный мемодиск содержал клеточные координаты молодого сиракузянина, его схватят, отошлют на Сиракузу, где его обследует Ментальная Инквизиция, чтобы приговорить к мукам на огненном кресте. Жеку пришлось согласиться с тем, что его планы откладываются, и он воспринял отсрочку с облегчением.

Эмигранты с миров Скодж высадились первыми. Их ждали иные трудности. Если они не очень опасались клеточного контроля, то побаивались франзийских таможенников и чиновников. Франзия еще не достигла критического демографического порога (на ней жило около двух миллиардов человек, к которым ежегодно добавлялись триста миллионов визитеров, чиновников империи, туристов и деловых людей). Но условия получения постоянной визы становились с каждым годом все строже. И бедняги, вложившие последние средства в путешествие (миры Скоджа были перенаселены и отравлены производственными отходами), теперь дрожали от страха, что им откажут в приеме. Те, кто высаживался в Неа-Марсиле и не имел средств отправиться на другие миры, поступали в распоряжение франзийских властей во главе с крейцианским кардиналом-губернатором, а те отправляли их в концлагеря, а оттуда — на самые грязные, унизительные и опасные работы. Те, кто продолжал путешествие на Алеманию, Спайн или Ноухенланд, не покидали судна все пять суток стоянки.

Жеку нравилась компания скоджей. Кроме красоты женщин, он оценил теплоту приема, бескорыстие, веселый нрав, песни, смех и даже ссоры скоджей. Теперь, видя, как они робко идут к таможне, он надеялся, что их мечта не обратится кошмаром, что обещанный рай не станет для них адом.

Он попытался разглядеть силуэт Марти в нескончаемом людском потоке. Но не мог различить черт идущих людей. Кроме того, сиракузянин мог выйти через два других трапа.

Целых три часа не иссякал поток, словно жилые палубы «Папидука» были неистощимы. Тысячи скоджей толпились у административных зданий, и этот массивный исход не мог способствовать благосклонности франзийских властей по отношению к эмигрантам. Усталый Жек еще раз попробовал открыть дверь, потом, отчаявшись, улегся на кушетку. Ему вспомнилось бледное лицо Артака. Старый карантинец не предусмотрел, что видук Папиронда, человек, которого он спас от смерти, запрет его посланца в каюте и никуда не выпустит до скончания времен. *Судьба любит устраивать людям розыгрыши*, издевательски пробормотал призрак па Ат-Скина.

Жека разбудил щелчок.

Обливаясь потом, он открыл глаза. Из иллюминатора лился ржавый свет, падавший на металлический пол каюты, погруженной в полумрак. Он услышал отрывки фраз, доносившихся из динамиков астропорта, негромкое рычание гусеничных машин, смех и голоса.

И вдруг заметил, что дверь его каюты приоткрылась. Из коридора через щель проникал свет и падал на перегородки. Несколько минут он лежал, соображая, как поступить. Неужели видук Папиронда в последнюю минуту изменил решение? Такое было маловероятно: он не походил на человека, внезапно меняющего свои решения.

Жек вдруг очень испугался, потеряв всякое желание переступать порог двери, открытия которой ждал с таким нетерпением. Кто-то открыл клетку, коробку, к стенам которой он уже привык. Как птица, слишком долго сидевшая в неволе и чьи крылья ослабели, он не осмеливался поверить, что ему вернули свободу.

Потом сказал себе, что, быть может, второго такого шанса не подвернется. Не все ли равно, кто открыл закодированную дверь! Даже если внешний мир казался ему враждебным, с ним надо было встретиться, как он встретился с гиенами. Ему хотелось знать, что случилось с Марти, старшим братом, которого ему подарила судьба.

Он отбросил одеяло, встал и осторожно направился к двери. Застыл у перегородки, пытаясь расслышать в коридоре шаги или голоса, но в корабле царила тишина. В воздухе ощущался стойкий сладковатый запах. С отчаянно бьющимся сердцем он вышел в коридор. И едва не споткнулся о тела двух лежащих членов экипажа. Их шеи зияли ужасающими ранами. Тот, кто открыл ему дверь, перерезал часовым глотку. Они плавали в

луже крови, растекавшейся по всей ширине коридора. Несмотря на отвращение, Жеку не оставалось ничего иного, как перейти эту лужу. Хлюпанье подошв, пропитанных липкой кровью, вызвало в его теле неукротимую дрожь.

Поскольку он знал все тайны «Папидука», ему было легко ориентироваться. Он направился к нижним отсекам высадки. Вместо привычного маршрута по коридорам и платформам он выбрал запасные тобогганы — туннели с округлыми стенками, гладкими и скользкими, которые были местом его любимых игр во время перелета. Уже через пять минут он оказался в нижнем отсеке высадки. К счастью, тот был пуст. Неужели ему действительно повезло? Его таинственный освободитель удачно выбрал время: экипаж обычно собирался в ресторане, празднуя посадку, еще одну победу над межзвездной пустотой. И ни один экипаж не нарушал эту традицию.

Жек подошел к круглому тамбуру, залитому красным светом. Мостик еще не подняли, а лента эскалатора продолжала двигаться с пронзительным скрипом. Порывы теплого ветра коснулись его лица. Он чуть не упал от удовольствия. Внизу, метрах в тридцати под собой, он увидел рабочих в желтых комбинезонах, которые заливали бетоном трещины на площадке. Два солнца уходили за крыши административных зданий, а небо было испещрено золотистыми всполохами.

Жек на мгновение заколебался. Он опасался реакции рабочих астропорта. Они могли позвать полицейских, увидев восьмилетнего ребенка, в одиночку покидающего корабль и направляющегося к административным зданиям. Но решимость взяла верх. Он не ставил перед собой таких вопросов, когда стоял перед пятнистыми гиенами. Он решительно пересек внешнюю площадку мостика и встал на эскалатор.

Никто не обратил на него внимания, когда он спрыгнул на землю (наконец-то не металлический пол, лежащий на пустоте). Ни рабочие, ни редкие полицейские, которые бродили вблизи главного здания, ни таможенники, стоявшие вдоль стоек досмотра и вооруженные магниторезонансными зондами и лучевыми жучками. Они, похоже, не заметили его, когда он миновал первые посты. Их взгляды, подозрительные взгляды, проходили через него, словно он был голографическим изображением, существом из воздуха и света. И эмигранты-скоджи, загнанные, словно скот, за загородки, не узнали его.

Он оказался перед вторым барьером, где стояли люди в униформах цвета хаки и в черных двууголках на голове,

сжимавшие в руках скорчеры. Ни один из них не окликнул его. Он спокойно прошел мимо стоек, кабин личного досмотра, багажных тележек и вышел в транзитный зал астропорта. Здесь висел запах жареного мяса, исходивший от многочисленных баров. Он поискал глазами Марти или его старика-компаньона, но в этой сутолоке было практически невозможно кого-либо найти. Его толкали, но он упорно продвигался к выходу, огромным стеклянным вратам, выходившим на площадь, черную от народа, откуда взлетали кары, такси и автобусы.

В момент, когда он собирался переступить порог, резкий голос приковал его к месту:

— Эй, мальчуган, куда спешишь?

Он обернулся и облегченно вздохнул, узнав Марти де Кервалора. Молодой сиракузянин рассек толпу и с улыбкой подошел к нему.

— Я ждал тебя! Ты не очень спешил...

— Меня заперли в каюте, — пробормотал Жек, еще не оправившийся от страха.

— Знаю. Робин меня предупредил и попросил вернуться в астропорт и ждать до наступления сумерек. Как видишь, принц гиен, я так и сделал...

— Робин?

— Сир де Фарт. Сиракузянин, с которым я путешествую... вернее, с которым путешествовал... Два часа назад наши пути разошлись. Сан-Фриско, помощник Папиронды, пригласил его на Жер-Залем, и Робин де Фарт, как истинный этносоциолог, не смог противиться зову открытий. Он сказал, что надеется встретиться с нами на Матери-Земле.

— Он знал, что меня заперли?

— Он также знал, что тебя освободят. Не знаю, кто его информировал, но он не ошибся. Главное, ты смог сбежать. Тебя не обыскивали? Тебе не пришлось проходить через клеточный контроль?

Жек медленно покрутил головой.

— А тебе?

— Полиция, похоже, еще не имеет моих клеточных координат, — ответил Марти. — И, как ни странно, координат Робина де Фарта, хотя он внесен в крейцианский Индекс пятнадцать лет назад. Признаюсь, что испугался, когда попал под лучи идентификатора. Франзийские таможенники не были строгими. Их больше волнуют эмигранты-скоджи.

— Сан-Фриско дезертировал... — печально прошептал Жек после недолгого молчания.

Он ощущал бегство Сан-Фриско как предательство.

— Не беспокойся за него, — сказал Марти. — Он — жерзалемянин, и ни один гок не может догадаться, что происходит в голове этих людей! Я воспользовался твоим временным заключением, чтобы разузнать о контрабандистах. У меня встреча с посредником, шеламом, как их называют здесь... Пошли!

Марти направился к стеклянным вратам, но Жек не сдвинулся с места.

— Что с тобой, принц гиен?

— Я голоден!

Марти порылся в карманах, достал горсть желтых монет, подошел к торговцу и купил несколько пирожков и разноцветных бутылок.

— Теперь у меня совсем ничего не осталось, — вздохнул сиракузянин.

Прижимая к себе драгоценную ношу, они вышли на заполненную народом площадь и сумели продраться сквозь толпу до сквера, где росли деревья с прозрачными листьями, залитые красноватым светом. Их тут же окружила стая писклявых птиц-лир с разноцветным оперением.

— Посредник вскоре должен появиться, — сказал Марти, бросая крошки хлеба птицам.

Очаровательные птицы схватились между собой не на шутку, с яростью сражаясь за каждую крошку. Жек хотел подкормить птиц, но ощущал такой голод, что не решился поделиться своей долей пищи. Он бы проглотил и вдвое больше. Он почти испытывал экстаз, вдыхая теплый, насыщенный запахами воздух планеты, ощущая ласку солнц на коже, сидя, привалившись к дереву, слушая мелодичные птичьи трели, глядя на пурпурные облака, любуясь окружающими строениями, хотя на них облупилась краска, и наблюдая за прохожими. Он ощущал, что возрождается к жизни. И вдруг осознал: его долгое путешествие в пустоте было только эпизодом в его жизни, затмением, похожим на подобие смерти. На Франзии ему нравилось все: автохтоны с матовой кожей, пропитанной солнцем; бледные туристы в эксцентричных одеяниях; веселые крики торговцев, прилавки с фруктами и овощами, чьи яркие цвета контрастировали с серыми оттенками рынка Ракамель и печалью работников с общественных ферм Ут-Гена... Но уже появлялись признаки изменений, знаки, указывающие на неизбежную смерть свободы и беззаботности

франзиян. Крейцианские миссионеры в шафрановых облеганах и накидках, а также скаиты, мыслехранители и инквизиторы расхаживали по площади и аллеям сквера. Над ломаной линией крыш торчали острые стрелы гигантского храма. Вдали, за низкими ветвями деревьев, угадывалась характерная форма огненного креста, стоявшего на тротуаре широкой улицы. Жек заметил, что многие прохожие, и местные, и туристы, мужчины и женщины, приняли моду облеганов и локонов-косичек. Над планетой Франзия уже нависла тень Церкви Крейца.

Жеку вдруг открылись различия между крейцианами и воителями безмолвия. Одни заключали в тюрьму жизнь, свет и воздух, готовя приход небытия, а вторые боролись за богатство красок, звуков, форм. Одни были посланцами пустоты, сеятелями тьмы, пророками уничтожения, вторые — гарантами тепла, основ творения. Ему показалось, что он слышит шепот, увлекающий его в глубину самого себя, тончайший звук, который вибрировал в его душе, песнь, которая не нарушала безмолвия, а сама была воплощением безмолвия. Он был потрясен, на его глазах выступили слезы, ему показалось, что он движется воздушным и сверкающим путем, который проложен в глубине его существа. Он перестал быть Жеком Ат-Скином, маленьким анжорцем, единственным сыном Марека и Жюльет Ат-Скин, а превратился в светоносного Жека, стал мостиком, перекинутым между прошлым и будущим, ковчегом, в котором вмещалась вся вселенная, душой, связанной с вечностью. Ни молодой, ни старый, ни маленький, ни большой, ни мудрый, ни невежественный — он стал всем одновременно... Он с дрожью подумал, что никогда не испытал бы столь благословенного мгновения, останься в железной клетке видука Папиронды. Он испытывал бесконечную благодарность к незнакомцу, который убил двух стражей и открыл дверь его каюты. Этот человек, посланец провидения, без колебаний бросил вызов власти видука и обагрил руки кровью, чтобы он, Жек, мог исполнить свою судьбу. Ему хотелось поцеловать Марти, этого случайного старшего брата, так вовремя оказавшегося на его пути.

Он так и сделал. Он вытер губы рукавом и поцеловал сиракузянина в щеку. По строгому взгляду Жек понял, что ментальный контроль отпрыска великой сиракузской семьи был несовместим с подобными эмоциональными всплесками.

Реакция Марти не помешала ему спокойно закончить завтрак, испытывая счастье и наслаждение от каждого куска жирного пирожка, словно речь шла о самом лучшем ястве

вселенной, от каждого глотка горького напитка, словно он пробовал эликсир богов, от каждого вдоха франзийского воздуха, наполненного вонью выхлопных газов, словно он вдыхал самый чистый воздух, которым доводилось дышать.

Жек и Марти шли вслед за шеламом по извилистой улочке, освещенной светошарами. Посредник, мужчина с бритым блестящим черепом, двигался быстро, и маленькому анжорцу изредка приходилось бежать, чтобы не отстать.

Шелам подошел к ним поздно вечером. Он был одет в короткие штаны и жилет, который открывал внушительные мышцы, татуировку и шрамы. Его бегающий взгляд усиливал ощущение ненадежности, а длинный нож за поясом натягивал ткань вдоль бедра.

— Перенос, господа? — прошептал он, проходя мимо каменной скамьи.

Птицы-лиры тут же разлетелись, а Марти кивнул.

— Следуйте за мной...

Жек сразу испытал страх, человек ему не понравился, и он остался сидеть на скамье, но Марти схватил его за руку и потащил за собой. Вначале они шли по широкой улице с воздушными причалами, где толпились пассажиры общественного транспорта, с огненными крестами, внутри которых мужчины и женщины в муках ожидали смерти. Жек заметил, что шелам каждый раз незаметно сплевывал, когда проходил мимо крестов.

Марти считал, что в Неа-Марсиле есть разные шеламы: кроме контрабандистов, обеспечивающих тайные перелеты с помощью дерематов, были охотники за туристами, работающие на охотничьи агентства, представители коммерческих компаний, отыскивающие пассажиров для звездолетов, подпольные продавцы красного табака с миров Скодж, франзийского вина с добавками галлюциногенов и поставщики человекоторговцев. Марти начало подташнивать, когда он вспомнил о последних: именно через них гордые члены Машамы добывали девушек, которых приносили в жертву.

Похоже, на Франзии профессия шелама была самой распространенной. Как только они проникли на узкую улочку, к Марти то и дело обращались с вопросом:

— Билетик на один из миров скопления? Красный табак? Специальное зрелище? Женщину? Девочку? Мальчика? Раба?

Настоящие пиявки. Контрабандист переругивался с конкурентами на старом франзийском, иногда отталкивал, чтобы те отстали от его клиентов.

Шелам, Марти и Жек углубились в сердце старого города с его характерными закоулками, лавчонками и домами с пузатыми башенками, которые подпирали деревянные столбы. Над крашеными крышами появились первые звезды центрального ядра скопления Неороп. Жек никак не мог отделаться от ощущения, что за ними следят. Он постоянно оглядывался. Ему казалось, что он замечает тени, прячущиеся за столбами башенок и группами прохожих. Он горел желанием повернуть назад, но остатки гордости, с одной стороны, и яростное желание не отклоняться от цели — с другой, заставляли подавлять нараставший ужас.

Они сталкивались с полицейскими патрулями, крейцианскими миссионерами, скаитами-инквизиторами, даже заметили белые неподвижные маски притивов, но эти короткие встречи не пугали, разве что на миг замирало сердце да выступал холодный пот. Шелам свернул в пустынный переулок, вонючий и темный. Жек услышал негромкие звуки ритмичной музыки. Они доносились из приоткрытого окна, взрывая окружающую тишину. Он никогда не слышал такой музыки на Ут-Гене, где до прихода крейциан местное население танцевало или слушало ностальгические песни бродячих певцов в сопровождении традиционных струнных или духовых инструментов. Когда па Ат-Скин еще ловил передачи с помощью своего древнего приемника, он в экстазе замирал, слушая амплифонические сочинения сиракузян, беспорядочные и протяжные звуки, которые, как он утверждал, возвышают душу. Жек и ма Ат-Скин, объединившись и не боясь его гнева, говорили, что эта музыка только терзает слух.

— Сюда! — сказал шелам.

Они проскользнули в коридор, освещенный умирающими светошарами, в конце которого виднелась бронированная металлическая дверь. Проводник вынул из кармана пульт, и его пальцы забегали по крохотным голографическим клавишам. Марти вдруг ощутил, что уже видел подобную сцену. Раздался сухой щелчок, и дверь бесшумно повернулась на петлях. Они поднялись по спиральной лестнице и оказались на площадке, где их ждали два человека с устрашающими лицами и бритыми, как у шелама, черепами. Они быстро обыскали Марти и Жека. Сиракузянин вздрогнул от прикосновения их влажных ладоней. Эти отвратительные касания напомнили ему лихорадочные ласки Аннит Пассит-Паир в подвале арки. Потом он вспомнил об Эммаре Сен-Галле и понял, какие соображения заставили толстяка-техника избавиться от соперника.

Два цербера провели шелама и его двух клиентов в крохотную круглую комнатку, где стояли стол и несколько кресел, и закрыли дверь. Рассеянный свет от двух бра подчеркивал спиральные серебристые узоры ковра с Оранжа, выхватывал многочисленные надрывы обоев, трещины в балках и шелуху на потолке.

— Дичь становится все моложе! — прокаркал хриплый голос.

Жек всмотрелся в фигуру, возникшую позади стола. Вначале он решил, что это девочка: длинные черные и волнистые волосы обрамляли крохотное лицо и стекали на узенькие плечи. Потом увидел тонкие морщины на лбу, висках, черные полосы кохола на ресницах и понял, что предводителем контрабандистов была крохотная женщина. Она не была уродливой и старой, но вся съежилась, высохла, словно что-то пожирало ее изнутри. Она достала из черного ящика сигарету с красным табаком и прикурила от длинной кедровой спички, чиркнув ею по столу. Ее длинные, покрытые белым лаком ногти походили на когти. Из ее рта и ноздрей вырвалась густая струя оранжевого дыма, и комната тут же погрузилась в плотный туман. Жека поразило, какой объем дыма мог выйти из столь маленького тела.

— У них нет денег, Йема-Та, но я решил, что все же должен привести их, — сказал шелам.

— Они милы, эти ягнятки, — пробормотала женщина, скривившись. — Готова поспорить, что высокий — сиракузянин...

— Из Венисии! — прервал ее Марти, подходя к столу. — Вы знаете Сиракузу?

Женщина хрипло рассмеялась, но ее смех почти тут же превратился в надрывный кашель.

— Красавчик, я сама венисийка!

— Из какой семьи?

— Марс... Мои не стерпели, что я пошла на некоторые... опыты.

— Микростазия?

Женщина сделала несколько затяжек, рассматривая Марти.

— Исходя из моего физического облика, догадаться нетрудно. Вот уже тридцать лет, как я не пила микростазического раствора, но так и не вернула себе изначальный рост. Это пойло еще имеется на Сиракузе?

— Церковь Крейца запретила микростазы, как, впрочем, и мозговые ускорители.

— Жаль! Это был единственный способ общения с богами и дьяволами оккультных миров.

Жек сел на кресло. Он не очень понимал суть разговора, но сообразил, что Марти и странная женщина были уроженцами одного мира, и это его успокоило.

— Вы сохранили... способности микростазического путешествия?

Она рассмеялась во второй раз.

— Милашка, как иначе женщина-крохотуля может контролировать сеть франзийских контрабандистов? К тому же я пользуюсь помощью нескольких верных союзников с других миров. Но не стоит ворошить прошлое. Оно умерло. Поговорим о делах. Куда собираешься отправиться?

— На Мать-Землю. Это возможно?

— Для Йема-Та нет ничего невозможного! — заявил шелам. — Сеть имеет свои пункты даже на окраинах вселенной...

Черные глаза женщины остановились на Жеке, которому показалось, что его пронзили две ледяные иглы. От сморщенного личика, ее темных зрачков, растрескавшихся губ и крохотных рук исходила невероятная энергия.

— Какими деньгами собираешься расплатиться? Два переноса обойдутся в триста тысяч стандартных единиц.

— Шелам сказал вам — денег у нас нет. Но я подпишу расписку...

— Клочок бумаги? Клеточный отпечаток? Все это стоит не больше, чем дерьмо кошкокрыса!

— Я все же Кервалор! — возмутился Марти. — Я рискую своим именем, репутацией семьи.

— Не принимай меня за идиотку, красавчик! Ты — изгнанник, как и я, быть может, раскатта. Чувство чести великих сиракузских семей не распространяется на преступников.

Обеспокоенный Жек вжался в кресло.

— Но поскольку ты мне симпатичен, — продолжила женщина, — могу предложить тебе выход. За твой перелет заплатит малыш.

— Что вы хотите сказать?

Мрачное предчувствие охватило Жека.

— Запросы педофилов постоянно растут. Некоторые клиенты готовы выложить триста тысяч единиц за мальчишку возрастом до десяти лет. Отдаю должное крейцианской Церкви: чем больше запретов она вводит, тем больше процветают мои дела. До этого любители свеженькой плоти сами приезжали за товаром, а теперь, когда крейциане наложили лапу на дерематы и улучшили технику клеточного контроля, скрытность

резко возросла в цене... Этот мальчишка меня интересует, Кервалор. Деньги, которые я получу за него, перекроют расходы на твое путешествие. Успокойся, он не будет страдать: перед полетом мы впрыснем ему анестезирующее вещество... Ну а что касается судьбы, которую ему уготовит клиент...

— Микростазы ужали вам и мозги, дама Марс! — выкрикнул Марти.

Он действительно так думал, но демон выбрал как раз это мгновение, чтобы проявиться. Кервалор услышал внутренний голос, предлагавший согласиться на предложение Йемы-Та. Демон спешил попасть на Мать-Землю, его там ждала срочная работа, а участь маленького утгенянина его не волновала... Если Жек есть цена за тайный перенос, продай его! Зачем колебаться? Ты уже убил триста тысяч человек Свободного Города Космоса...

Боже, триста тысяч... Вначале Марти возмутился, но мозг его пронзила острая боль. Его ноги подкосились. Он рухнул в застонавшее кресло.

Жек в ужасе увидел, что лицо его названого старшего брата превратилось в ужасающую гримасничающую маску. В душу анжорца закралось подозрение. Дым скрыл окружающее — стол, кресла, балки, черты женщины и шелама, — беседа обернулась кошмаром.

— Перебрал франзийского вина, красавчик? — ухмыльнулась Йема-Та.

Демон полностью овладел душой Марти, лишил его человеческой сути, застлал память, оборвал эмоциональные связи с Жеком.

— А что доказывает, что вы сдержите слово, дама моя?

Металлические, безличные ноты прорвались в голосе сиракузянина.

— Ничего, — ответила Йема-Та. — Но мы можем скрепить нашу сделку, красавчик: я уже давно не держала в объятиях сопланетянина. Остальные, франзияне и туристы, просто грубияны, а их кожа тверже коры деревьев... Меня возбуждает то, как ты произносишь «дама моя»!

«Почему бы и нет?» — решил демон. Среди людей плотские отношения часто являются платой за услугу, а значит, и распространяются на мораль. Если он сумеет доставить ей наслаждение, она расщедрится и отправит его на Мать-Землю.

Но в момент, когда он открыл рот, чтобы заключить сделку, тишину разорвал вопль, а в коридоре послышался топот ног.

Глава 12

Когда вы обвиняете другого в своих несчастьях,
вы работаете на Бесформенного,
Когда вы отказываетесь признать в себе преступника,
вы работаете на Бесформенного,
Когда вы добровольно берете на себя роль жертвы,
вы работаете на Бесформенного,
Когда вы подчиняете другого своим догмам,
вы работаете на Бесформенного,
Когда вы запрещаете себе слушать песнь другого,
вы работаете на Бесформенного,
Когда вы не развиваете свою уникальность,
вы работаете на Бесформенного,
Каждый раз, отказываясь от своего внутреннего мира,
вы работаете на Бесформенного...

Махди Шари из Гималаев.
Фрагменты трактата, называемого «Куст Безумца»

Оники, сидя на скале, не отрывала взгляда от океана Гижен. Ветер с моря, воздух, вырвавшийся из далеких труб органа, прижал ее волосы к щекам и губам. Круглые сверкающие глаза черных чаек, единственные вспышки света в этом сумрачном мире, вырисовывали арабески над ее головой. На волнах, разбивающихся об опору кораллового щита, вскипала бледная пена.

Все — земля, воздух, вода — кажется на Пзалионе черным. Как и душа Оники. Жизнь словно ушла с этой забытой скалистой полоски, окруженной водами, и укрылась в ее круглеющем день ото дня животе, в постоянно тяжелеющей груди. Ее неведомый принц оставил ей живое воспоминание. Семя его оказалось сильнее тутталовых трав, которые должны были останавливать у сестер созревание овул. Если только это не был экстаз Оники, тот экстаз, который терзает ее в часы бессонницы, внезапно вернувший ей ее женскую суть. В любом случае внутри нее растет маленькое существо и уже начинает толкаться в стенки своего телесного убежища, барабанить в него с непривычной настойчивостью.

Чрево Оники стало главной темой разговоров на острове. Ссыльные на Пзалионе практически живут парами, занимаются любовью (даже весьма интенсивно, поскольку это одно из редких удовольствий), но до того, как их изгнали, все они, и мужчины, и женщины, были стерилизованы.

Когда матрионы приговорили Оники к вечной ссылке, они не сделали анализа мочи, хотя процедура считается обязательной при нарушении обета целомудрия. Либо думали о другом, либо слепо верили в силу трав Тутта, либо очень спешили: они решили выставить грешницу на центральной площади Коралиона без соблюдения срока покаяния. Но кардинал Эсгув запретил выставлять Оники на всенародный позор, как того требовал обычай. Если вмешательство прелата и позволило ей избежать гнева соплеменников, их оскорбленных взглядов, ругательств, плевков, изгнания ей избежать не удалось. С первыми лучами Ксати Му с нее сняли платье грешницы, надели на нее серое платье изгнанницы, отвели в порт и заперли в трюме аквасферы. Ей не дали времени на прощание с родителями, чьи сгорбленные фигуры она видела на набережной в ореоле голубоватого света. Слезы жгли глаза, и ей не удалось встретиться взглядом с отцом.

Аквасфера вышла в море, удалилась от колонн света и растаяла в сгущавшемся полумраке. Вместо величественных колонн света Ксати Му путь освещали жалкие прожектора суденышка.

После семи суток монотонного, мрачного путешествия Оники высадили на черный песок острова. Экипаж выгрузил несколько ящиков с продовольствием, медикаментами и тремя светошарами; потом экипаж, не сказав ни слова, ибо разговор с изгнанниками приносит горе, отправился в обратный путь.

Новые товарищи по несчастью, собравшиеся на пляже, встретили Оники молчанием. Ее серое платье указало на природу ее проступка. Но никто не выказал агрессивности. Старая женщина, бывшая тутталка по имени Сожи, взяла ее под свое покровительство. К счастью, освободилась одна пещера: ее обитатель умер несколько дней назад, подавившись рыбьей костью. Деревня располагалась на вершине единственной горы Пзалиона. В нее надо было добираться по извилистой тропке, мокрой и скользкой. Изгнанники жили в более или менее оборудованных пещерах, связанных друг с другом галереями. Грубо обработанные камни служили столами и стульями, высушенные и сплетенные водоросли использовались в качестве матрасов, одеял, перегородок, занавесей и даже одежды, когда платья, штаны, рубахи и комбинезоны изнашивались и начинали вонять. Питались на Пзалионе тем, что добывали в океане: рыбой, ракообразными, моллюсками, свежими водорослями. Рыбаки, мужчины и женщины, пользовались сетями, сплетенными из волокон кораллового лишайника, падавшего со щита. Их крепили к скалам бухты и поднимали при отливе. Четыре тысячи ссыльных распределяли

между собой работу и делили все поровну: если рыбная ловля была неудачной, никто не наедался досыта, а все ели понемногу. При удачной ловле каждый мог наесться до отвала. Те, кто не ловил рыбу, занимался уборкой пещер, очисткой сточных ям, работой трудной, поскольку жители располагали всего тремя или четырьмя светошарами, которые доставляла аквасфера, а в сердце горы царила почти полная темнота. Во время прилива, который задавал ритм жизни деревни, люди собирались на площадке, окруженной скалами, и напевали старинные считалки или песни первопроходцев. Некоторые умели воспроизводить вой ветра в трубах органа, и тогда по щекам мужчин и женщин текли безмолвные слезы. Клоуны-рассказчики смешили людей своими бесконечными историями.

В первый раз, когда Оники увидела мрачные лица людей, то решила, что они набросятся на нее и изобьют. В Коралионе ходили ужасающие истории о преступниках, психопатах, проститутках, контрабандистах и умалишенных, из которых состоял маленький мирок ссыльных. Но, как ни странно, изгои оказались лишенными чувства насилия, словно стерилизация лишила их и агрессивности. Красота Оники поразила мужчин, но они отнеслись к ней с уважением и бесконечной нежностью, почитая ее как богиню, спустившуюся с небес, чтобы осветить мир своей милостью.

Сожи, бывшая тутталка, первой догадалась, что Оники беременна. Она прилюдно объявила об этом. С тех пор все ссыльные старались скрасить жизнь будущей матери. Ей отдавали самых лучших рыб, марнил с нежным розовым мясом, самых крупных серых омаров, завернутых в водоросли, гигантских устриц, чьи перламутровые раковины приходилось разбивать камнями. Ее пещеру, низкую и сводчатую, украсили морскими цветами, семилучевыми звездами, чей яд Сожи собирала для изготовления таинственных эликсиров. Один светошар отдали в полное владение Оники, чтобы она не натыкалась на выступы скал, не спотыкалась о многочисленные неровности пола и не заблудилась в лабиринте соединительных галерей. Ее никогда не спрашивали об отце ребенка (все мужчины острова считали себя коллективным отцом), никто не смеялся над ее раздувающимся животом, похожим на парус, выгнувшийся под напором ветра надежды.

Несколько местных идиотов, чьи лица искажали постоянные гримасы, а с губ то и дело срывались глупые смешки, составили ее личную охрану, сопровождали ее во всех переме-

щениях и сменяли друг друга на часах у входа в ее пещеру. Эти люди не были осуждены официально. Но их семьи позаботились о стерилизации и отправке на остров. На Эфрене сумасшедших считали приносящими несчастье, бесчестье. Говорили, что их заворожили гарпии звездных бездн, а потому они превратились во врата, распахнутые прямо в ад. Чаще всего отцы тайно отделывались от таких детей, привязав им на шею камень, чтобы сбросить в океан. Крейцианская Церковь официально запретила такую практику (Крейц в своей бесконечной доброте любит всех своих детей, в его сердце нет места только неверным и неверующим), но многие эфреняне по-прежнему приносили своих ненормальных отпрысков в жертву черным водам Гижена. Но были и такие (всплеск любви или страх перед наказанием), кто навечно ссылал их на остров Пзалион.

И никогда они не причиняли неудобств Оники. Они следовали за ней на расстоянии, не мешали в долгих медитациях, собирали на тропе острые камни, которые могли поранить ее босые ноги, следили, чтобы ей досталось лучшее место во время сборищ, чтобы она получила лучшие куски в момент дележа улова, чтобы у нее было больше света, когда она удалялась в свою пещеру. Улыбка, взгляд, движение руки Оники были лучшей платой за преданность.

Она не знала, как выразить благодарность жителям деревни, почитателям ее чрева, этим грязным, лохматым отщепенцам, одетым в вонючие водоросли. Она не приносила никакой пользы. Ей запрещали участвовать в работах по уборке, в рыбной ловле, в очистке рыбы, в плетении водорослей или сетей из лишайника, в разбивании панцирей ракообразных... Ей не оставалось ничего, как спускаться на пляж, садиться на скалу и погружаться в полумрак, слушая вой ветра и ворчание океана. Ее охрана усаживалась на песке у ее ног. Их бледные гладкие лица и обнаженные руки вырисовывались на фоне тьмы. Рядом находилась опора, о которую разбивались океанские волны. Оники погружалась в воспоминания. Она ощущала ласковые руки и губы своего принца, а не касания воздуха, она вдыхала его запах, она прогибалась под его весом, она пила его пот и кровь... Хотя он был магом (люди в белых масках, притивы, пытавшиеся его поймать, называли его колдуном), хотя умел появляться и исчезать и хотя у нее сейчас появилась возможность открыто любить его, принц ни разу не навестил ее на острове Пзалион. Он сказал, чтобы она сохраняла надежду, и она пыталась это делать. Она знала его всего

несколько часов, но предчувствовала, что они связаны навечно, что они были супругами с древних времен. Иногда она не могла сдержать слез и видела, что безумцы плакали вместе с ней.

На Пзалионе ни холодно, ни жарко. Температура менялась всего на несколько градусов от одного прилива к другому. Быть может, странная безмятежность жителей объяснялась тем, что на острове не было растительности, солнечного света и сюда попадало мало кислорода, который доставляется ветром через трубы органа. Любой резкий жест, нервное поведение, ссоры только вели к тому, что тратились драгоценные молекулы кислорода. Иногда грудь Оники сжимали тиски.

Она все больше времени стала проводить в пещере во сне. В сновидениях ее посещал принц, приподнимал одеяло из водорослей, ее серое платье и созерцал округлый живот. Из его темных глаз струилась такая любовь, что она рывком просыпалась, садилась и тянула руки к нему. Но обнимала лишь пустоту, вновь падала на ложе, не в силах найти сон от чувства одиночества, теснившего грудь. Время застыло, зависло.

Ему приходилось ждать, чтобы Оники заснула и он мог навестить ее в пещере. Он избрал местом жительства черный континент, расположенный в трех тысячах километров от Пзалиона, который эфреняне так и не исследовали.

Настроенный на частоту жизненной вибрации молодой женщины, он немедленно узнал об изменениях ее метаболизма. Он избегал появляться перед ней, когда она бодрствовала, ибо ощущал в ее мозгу холодные волны инквизитора, прятавшегося в аквасфере в нескольких километрах от острова. Он ввел в заблуждение скаита, чтобы тот трактовал его посещения как сны, как обычные телепатические явления, рождавшиеся в подсознании Оники.

Как только у нее наступала стадия глубокого сна, он переносился в пещеру. При свете светошара он часами просиживал рядом с ней, осторожно приподнимал одеяло из водорослей и с волнением наблюдал, как день ото дня округлялось ее чрево. Она стала его силой и его слабостью. Силой, ибо он черпал в ней неукротимое желание жить, слабостью, ибо чувствовал ответственность за нее, за ребенка, которого она носила. А ответственность была связана с обязанностями перед ней. Он исчезал, как только подмечал первые признаки пробуждения, чувствуя себя более несчастным, чем она, поскольку не мог ее обнять, успокоить поцелуями, ласками и нежными словами.

Эта бесконечная игра в прятки с инквизитором была чем-то невыносимым и абсурдным, но она была единственным способом предохранить их обоих от скаита, который использовал Оники как приманку. Он едва не достиг цели шесть месяцев назад: их провал был делом всего нескольких минут. Если бы притивы ворвались в келью в тот момент, когда Оники и он погрузились в пучину удовольствия, он бы не засек их приближения, они бы убили его, криогенизировали или усыпили, окончательно разорвав цепь наставников Инды.

Он ощущал себя каторжанином любви, похитителем интимности. Из-за него с Оники поступили как с преступницей, с позором изгнали из Тутты, запретили ей лазать по трубам большого органа... Неужели его предназначение — сеять вокруг себя несчастье? Неужели он осужден на то, чтобы все его начинания заканчивались провалом?

Горный безумец, его учитель, ушел слишком рано, спеша на колдовской призыв другого мира. Ничто не предвещало его ухода. Сумерки были мирными, в теплом воздухе носились сладкие ароматы весенних цветов, в ветвях тихо шелестел ветер, а птичьи трели провожали заходящее солнце. Кружевная тень Гимлаев вырисовывалась на пурпурном небе. И вдруг с неба упала колонна белого света.

— Теперь тебе определять, достойны ли люди жить, — сказал безумец и вошел в центр колонны.

Шари, которому было только двенадцать лет, вдруг осознал, что пробил час расставания, хотя безумец еще не приступал к его обучению, чтобы сделать из него воителя безмолвия, а Афикит и Тиксу, его приемные родители, отсутствовали уже несколько месяцев, отправившись, по мнению Шари, исследовать Мать-Землю, колыбель человечества, а по мнению безумца — спокойно наслаждаться своей любовью.

— Но как я смогу узнать? — прошептал Шари, чьи глаза наполнились слезами.

— Ответ в тебе самом.

— Ты меня ничему не научил! Останься еще ненадолго...

— У тебя не было желания учиться, а мое время заканчивается, Шари Рампулин. Меня призывают новые дела... Треснутую кружку наполнить невозможно...

В его голосе ощущалась невероятная печаль, и Шари вдруг вспомнил, что предпочитал летать на своем камне, купаться в бурных речках, греться на солнце и играть с орлами, а

не слушать уроки горного безумца. Его беззаботность и, быть может, подсознательный страх встретиться со своей судьбой помешали ему согласиться на церемонию инициации, принять звук жизни, антру.

— Останься! Обещаю наверстать упущенное время!

— Наверстаешь его без меня, — пробормотал безумец. — Моя роль состояла в том, чтобы подготовить тебя к наивысшему испытанию, но я должен был соблюдать свободу твоей воли. Ты — последнее звено в цепи Инды. У тебя есть выбор: остаться простым отражением коллективного человеческого сознания или стать его новым дыханием, его новой искрой. Я всего лишь свидетель, держатель Слова Инды. У меня нет власти менять судьбу человечества. Более ста пятидесяти веков я наблюдал, как человек идентифицирует себя со своими границами, постепенно теряет память, рубит связи с вечностью. Я был хранителем знания, ковчега света, индисских анналов. Многие отправлялись на мои поиски. Большинство потерпело крах, но кое-кто получил обрывки знания, они были частично озарены, и именно они пытались передать эти фрагменты Слова своим братьям-людям. Но люди-братья убили их, подвергли пыткам либо основали от их имени фанатичные религии...

— Я отыщу ковчег! — воскликнул Шари.

Усталая улыбка появилась на бородатом лице безумца. Свет, окружавший его, постепенно заполнял его черные глаза, синечерные волосы, серую одежду.

— Меня здесь не будет, чтобы направлять тебя, но если ощутишь истинное желание и докажешь свою настойчивость, быть может, ты расчистишь тропу и позволишь человечеству вернуться к истокам... их источнику... В противном случае людям придет конец и наступит новая эра... эра Гипонероса...

— Дай мне по крайней мере указание! Хоть одно!

От тела безумца осталось лишь сверкающее пламя в центре белой колонны.

— Сконцентрируйся на звуке, Шари Рампулин, сын Найоны... Слушай основополагающий звук... звук творения... антру...

Голос его постепенно превратился в музыкальный шорох, в тончайший рокот источника. Затем на Гимлаи опустилась тяжелая тишина и Шари рухнул на землю. Он лежал, уткнувшись лицом в траву, плечи его сотрясались от рыданий, и он не видел, как безумец превратился в светоносное существо и взлетел, не видел, как сжалась белая колонна, постепенно растаяв в ночи. Он ощущал жестокое чувство одиночества и краха,

отчаяние, подобное тому, которое он испытывал перед камнем с поля амфанов несколькими годами ранее. Тогда горный безумец, таинственное существо, которого амфаны называли «адской змеей», демоном, отпрыском ядерной колдуньи и разбушевавшихся атомов, просветил его своими советами. Потом принял его, когда мать застали в момент адюльтера и убили песнями смерти, обучил тонкостям полета на камне. Похоже, он любил его как сына... Кто теперь придет ему на помощь? Он остался в холодной ночи один на один со своими сожалениями, со своим отчаянием. Слова безумца звучали в его душе ужасающими обвинениями: *У тебя не было желания учиться... Нельзя наполнить треснувшую кружку... Это будет конец людей, эра Гипонероса...* Он находился рядом с исключительным существом, но не сумел оценить силу его слова, прошел мимо уникального шанса. Хранитель ковчега, индисских анналов, бдительный свидетель долгой истории людей удалился навсегда, унеся с собой все свои тайны.

Ощущая жестокое презрение к самому себе, Шари забылся во сне, скорчившись на покрытой росой траве. Всю ночь его терзали ужасные кошмары. И когда его разбудили бледные лучи зари, он увидел на том месте, где накануне стоял безумец, густой куст, покрытый цветами со сверкающими алмазами лепестками. Три дня растерянный и ничего не соображающий Шари просидел перед этим кустом, надеясь, не веря, что его запоздалое раскаяние заставит безумца пересмотреть свое решение, и отгоняя охватившие его мрачные мысли. Птицы, привлеченные яркими цветами, носились над кустом, не решаясь опуститься на его шипастые ветки.

— Шари, что ты здесь делаешь?

За его спиной раздался мелодичный голос. Он обернулся и увидел силуэты Афикит и Тиксу на фоне светлого неба. Они были одеты в роскошные ткани с меняющимся рисунком.

Шари встал с трудом, ибо за трое суток ни разу не сменил положения, и бросился в объятия Афикит. Нежность и тепло молодой женщины успокоили его. Между двумя приступами рыданий он попытался рассказать им о внезапном отлете горного безумца, стараясь как можно точнее передать его последние слова.

Афикит и Тиксу поняли, что время человека истекает. И решили провести церемонию инициации Шари прямо перед кустом со сверкающими цветами, чтобы передать ему антру. Афикит вручила ему звук жизни, продолжительную вибрацию, похожую на тот шорох, который предшествовал вознесению безумца. Звук развернул свои огненные кольца внутри Шари,

залил жарким пламенем, и ему показалось, что весь его внутренний мир опустошен, выжжен, уничтожен. Потом антра отыскала свое место, спряталась в уголке мозга, превратившись в приглушенный и мирный шепот. Афикит обняла его: он стал шанианом, посвященным, наследником долгой традиции индисской науки.

• Ему понадобилось всего два дня, чтобы освоить мгновенное путешествие. Звук, как только его вызывали, изгонял лишние мысли, прерывал бездумный ментальный поток и уносил его в цитадель безмолвия, где дух и материя сливались в одно целое, где намерения облекались в волны и формы. Антра — наивысший взлет хора творения, Слова, звуковая связь между исходной энергией и людьми. Долгие месяцы Шари отдавался опьянению познания, учился ориентироваться в бесконечных коридорах эфира, изучал вместе с Афикит и Тиксу континенты Матери-Земли Афризию, Эропу, Америнию... Несмотря на сейсмические толчки, наводнения, извержения и войны, которые опустошили планету, кое-где еще оставались исторические руины, следы великих городов с забытыми именами, античные и немые свидетели ярости, с которой любили и ненавидели люди.

Теперь Шари долгие недели проводил перед кустом безумца не двигаясь, без сна, без еды, без питья, проходя одну за другой дороги прошлого, настоящего и будущего, которые открывались ему и которые чаще всего заводили в тупик. Но он неустанно искал путь к ковчегу света, к тайному месту, где хранятся индисские анналы, где покоится память людей...

Афикит и Тиксу присматривают за ним. Они ощущают невольную вину перед горным безумцем. Любовь поглотила их настолько, что они не осознали всей трагичности ситуации. Пока они открывали друг друга, спешили разведать территорию своих эмоций и ощущений, прятали свою любовь на пустынных планетах, скаиты сжимали хватку на горле рассеянного по звездам человечества. И, как Шари, Афикит и Тиксу стремились наверстать упущенное. Сидя напротив друг друга перед кустом, они настраивают вибрацию антры на поиски следов, знаков, которые могут наставить их юного протеже на путь истины. Более двух лет они не прерывали своих бдений, позволяя себе короткие перерывы, чтобы поесть фруктов, зерен или корешков, поспать в пещере, завернувшись в одеяла, искупаться в светлой воде ближайшей речки. Иногда Шари заставал их обнаженными в объятиях друг друга на травяном пляже, слышал их смех, их дыхание, их стоны и говорил себе, что любовь, та любовь, которой его внезапно лишили в возрасте семи лет, была самым лучшим изобретением человека. Вос-

хищаясь своими приемными родителями, которые черпали поддержку друг в друге, он не мог не испытывать уколов в сердце: он опасался, что судьба обречет его на одиночество до скончания времен. Как горного безумца, этого человека — а был ли он человеком? — который прожил пятнадцать тысяч лет в ледяном одиночестве гор Гимлаев...

Первые паломники материализовались на американском континенте в тысячах километров от Гимлаев, когда Шари исполнилось пятнадцать лет. Афикит и Тиксу, не терявшие бдительности, тут же засекли их присутствие: их грубые, шумные излучения нарушили безмолвие антрических полей. Быстрое обследование их духа — Афикит и Тиксу с отвращением использовали методы скаитов, но им приходилось принимать необходимые предосторожности — показало чистоту намерений посетителей. Их было четверо, три мальчика и одна девочка, которые прибыли со Спайна и которым пришлось тяжко потрудиться, чтобы заработать на тайный перелет. Они услышали легенду о Найе Фикит и Шри Лумпа, поверили в нее и решили дойти до конца своей мечты.

Афикит и Тиксу перенеслись на американский континент и предстали перед четырьмя спайнянами среди океана трав, которые колыхались под горячим и сухим дыханием ветра. Визитеры едва не задохнулись от переживаний, были не в силах произнести хоть одну связную фразу и в слезах пали на колени.

Афикит и Тиксу на следующий день приобщили их к звуку жизни: чем больше людей будет окружать Шари, тем больше шансов будет у него, чтобы отыскать тропу к ковчегу и спасти человечество от исчезновения. После церемонии Тиксу остался с ними, чтобы обучить ментальному путешествию четырех новых шанианов, а Афикит вернулась к Шари.

За несколько недель на Мать-Землю прибыло множество новых паломников: одни прилетели на кораблях контрабандистов и высадились на континент Эропу, другие использовали тайные перевалочные сети, материализуясь на американском континенте, некоторые захватили агентства ГТК и перепрограммировали дерематы компании (таких Тиксу отлавливал в океане), четвертые путешествовали на античных судах с солнечными парусами, которые выкрали в музеях, и садились на крохотный островок в южном полушарии. Они летели из разных миров империи Ангов... Их всех вела неукротимая воля влиться в мифическую армию воителей безмолвия. Исключение составил лишь один, Микл Манура с Шестого Кольца Сбарао, заброшенный на Мать-

Землю служащим одного агентства ГТК. Но маленький Микл не стремился сюда, хотя потом и не пожелал улетать.

В этой сдержанной, но радостной обстановке паломники проходили церемонию инициации и начинали новое существование. У подножия гималайского массива были выстроены дома из камня и дерева, на крохотном участке земли стали возделывать овощи и зерновые, люди жались друг к другу в холодные ночи, когда ветер пронизывал одежды и одеяла. Все часто собирались вокруг куста и просили Тиксу рассказать историю, после которой он получил имя Шри Лумпа. Эстафету подхватывала Афикит, украшая рассказ, добавляя подробности и подшучивая над мужем. Все кончалось дружным хохотом. Работы распределяли по желаниям и умению: одни, часовые, установили непроницаемый барьер безмолвия вокруг Гималаев и тренировались, учась обнаруживать дружеское или вражеское присутствие на планете. Другие, воители, объединившись в группы, непрестанно посылали световые вибрации на миры, колонизированные людьми. И наконец, служители занимались повседневной работой, ухаживая за Найей Фикит, Шри Лумпа и Шари, которые душой и телом погружались в долгие периоды безмолвия и воздержания, длившиеся иногда по нескольку месяцев.

Физиология Шари претерпела удивительные изменения. Его глаза потемнели и ушли глубоко под выступающие надбровные дуги. Черные кудрявые волосы обрамляли исхудавшее лицо. Он словно преждевременно постарел. Вырос и стал походить на взрослого человека, хотя ему было всего шестнадцать лет. Под коричневой, туго натянутой кожей выступали кости.

Когда он прерывал долгие периоды безмолвия, то спускался с горы, усаживался рядом с «кустом безумца», вокруг которого выросла деревня паломников, и брал слово. Он часами говорил о вибрационной цепочке, об источнике света, о творческом суверенитете и божественности человека. Слова, срывающиеся с его языка, с невероятной силой впечатывались в сердца паломников, которые затем пытались на практике применить его советы. Так он достиг статуса махди. «Наставник приходит, когда готовы ученики», — часто говаривал горный безумец. Однако Шари еще не отыскал вход на тайную тропу. Ему не хватало одного элемента, который позволил бы перекинуть мостик между человеком и творением. Иногда у него возникало ощущение, что материя и человек неразрывно связаны, словно рождены в одном и том же горниле любви и тепла; потом ему казалось, что они чужды друг другу, что человек лишь случайно порожден матери-

ей и что люди и материя стремятся уничтожить друг друга. Он предчувствовал, что ключ для разгадки этого явного парадокса спрятан в ковчеге света.

Изредка он приходил к Афикит и Тиксу в каменный дом, построенный паломниками, и они спорили целыми ночами. От приемных родителей, в основном от Афикит, истекал поток нежности, который воссоединял его с собственной человеческой сутью. Без них, без их любви он вряд ли смог бы вернуться к людям, оставшись навсегда в сфере духа, укрывшись в тончайших полях, где нет ни пространства, ни времени, ни желаний, создающих пространство и время, превратившись в нематериальное существо, в дыхание, в искру, в звук, в волну. Без них у него давно бы иссякло мужество возвращаться в мир форм, в свою плотскую оболочку. Погружения в безмолвие давали такое ощущение свободы и легкости, что возвращение в телесную тюрьму сопровождалось невероятной болью, отвратительным ощущением разрыва с вечностью. И только руки и грудь Афикит имели власть облегчать его страдание, укреплять в решимости довести дело до конца.

Он ощутил невероятную радость, когда она объявила, что беременна: он, единственный сын, сможет играть с маленьким братишкой или маленькой сестренкой.

Он случайно обнаружил вход на тропу, ведущую к ковчегу. Как обычно, он сидел на склоне побелевшей от снега горы. Черный орел опустился на землю в нескольких метрах от него. Мягкое тепло весеннего солнца убаюкивало каждую клеточку его тела. Уже несколько часов, дней или месяцев (понятие времени в этом состоянии отсутствует) он бесцельно дрейфовал по потокам внутренней энергии. От усталости он забыл о якорях, державших его душу в неволе, и вдруг на фоне бесконечности появилась дверь из белого света. Они влекла его, звала. Он переступил порог и вступил на сверкающую узкую тропу, разрезающую непроницаемый мрак, плотный, как непреодолимые стены. По мере его продвижения тропа сужалась, а воздух вокруг него сгущался. Его пронзали ледяные лезвия, крошили тело, уничтожали его структуру, атаковали суть его существа. Он столкнулся не со смертью, мягким расставанием с отслужившей телесной оболочкой, а с чем-то ужасающим, с отрицанием жизни, с абсолютным небытием. Он боролся со страхом, с искушением повернуть вспять.

Небытие считало, что выполнило самое трудное: его подчиненные трудились на всех обитаемых планетах, успешно стирали память человечества, горный безумец улетел в дру-

гую вселенную после пятнадцати тысяч лет неусыпного бдения, которое не ослабевало ни на мгновение... Все было готово к приходу Бесформенного, но вдруг на тропе, ведущей к ковчегу истоков, появился человек, человек, который сможет воссоединить людей с их суверенностью, если проявит упорство в своем предприятии. Тысячи лет Бесформенный борется с человечеством, искажает слова истинных пророков, сеет смерть и одиночество, удаляет человека от его истоков. С начала времен, когда первые искры брызнули светом, когда случайное тепло родило волны, а потом формы, когда боги решились пойти на опыт творения, Бесформенный постоянно отступал под напором волн-частиц и плотной материей. Бесформенный бессильно наблюдал за сверкающим распространением вселенной. Но в момент, когда он повернул развитие вспять, когда был готов подсчитать дивиденды за свой терпеливый труд по разрушению творения, появилась помеха — человек в поисках своих истоков.

Шари увидел вдали удивительную конструкцию из света, храм о семи колоннах, стены которого были украшены невероятно сверкающими витражами. Тайное место, где хранятся индисские анналы, человеческая память, незыблемые законы творения... Его охватило сильнейшее волнение. Он ускорил шаг, ибо атаки Бесформенного становились все яростнее, все ужаснее. Его терзал холод, с невероятной силой сковывал конечности. У него возникло странное ощущение, что ковчег удалялся по мере того, как он к нему приближался.

Бесформенный, если не мог бороться на равных с людьми-истоками, использовал слабости каждого отдельного человека. Он беспощадно врывался в дух Шари, выкапывал забытые воспоминания, использовал эмоциональную незрелость, подстегивал сомнения, пробуждал подспудные страхи. Единая суть Шари растрескалась, развалилась на части, внезапно распалась, и все ее фрагменты, изолированные, окруженные пустотой, вступили в конфликт между собой. Потоки ненависти и ужаса затопили его, унесли вдаль. Контуры храма и дорога к нему растаяли, испарились. Его подхватили витки беспросветно черной и холодной спирали, в сердце которой он потерял сознание...

Он проснулся на льду темной и пустынной планеты. Подавленный провалом, он даже не попытался вернуться на Мать-Землю. Ученики возвели его в ранг махди, и он считал, что не имел права показывать им свое поражение. Он явится перед ними только тогда, когда преуспеет в своем начинании.

Но даже если бы он хотел вернуться, он бы не смог. Ибо вибрация антры покинула его, как он надеялся, временно, и ему, голодному и промерзшему, пришлось многие дни идти по ледяной земле. По пути, спасаясь от жажды, он сосал ледышки. Он отыскал убежище в подземной галерее, где было тепло от горячего сернистого источника. Он питался янтарной сладковатой субстанцией, которая сочилась из живых, подвижных и шумных, стен убежища. Он очень много спал, словно тело его должно было набраться сил после долгих ночей бдения, когда он искал тропу. Остальное время он думал о жестоком разочаровании своих учеников, искателей истины, которые пересекли пространство, иногда с риском для собственной жизни, чтобы выбрать его наставником.

Несколько раз его посещала мысль о самоубийстве, но образы Афикит и Тиксу, мысль о брате или сестре каждый раз мешали ему совершить необратимый поступок. Охваченный мрачными предчувствиями, он говорил себе, что больше никогда их не увидит и никогда не обнимет. Какое воспоминание оставил он после себя? Забудут ли его приемные родители, разочаровавшись в нем? Хотя они были существами щедрыми, склонными к прощению... Но он не мог простить провала самому себе. Он обязан проникнуть в ковчег и ознакомиться с индисскими анналами.

Антра зазвучала, когда тело Шари восстановилось после продолжительных купаний в горячем сернистом озере и стало способным принять ее. После семи лет погружения в полное безмолвие он вновь увидел окно света и вновь двинулся по тропе, вновь увидел ковчег. Но дикий, невыносимый страх охватил его, когда он переступил порог ковчега. Он забыл о своей решимости, опять позволил небытию расчленить себя на куски, вновь его засосала могучая спираль пустоты... Бесформенный во второй раз одолел его.

Он пришел в себя в крохотной комнатке с белыми стенами. Он смутно помнил, что его тащила на своих плечах молодая женщина, а потом уложила на кровать. Он ощутил, что антра продолжала звучать в закоулках его души, а не покинула его, как в первый раз. Быть может, это был прогресс, знак, что он начал преодолевать атаки Бесформенного. И решил немедленно возобновить свои попытки. «Войти в контакт с истоками, — говорил горный безумец, — иначе людям придет конец...» Он вдруг услышал шаги, щелканье замка. Он был еще слаб, захвачен врасплох, а потому не попытался проверить намерения существа, которое собиралось войти в комнату. Он мгновенно пере-

несся в тончайшие зоны эфира, в те слои, которые были недоступны нетренированному духу. И спрятал тело от обычного взгляда.

Она не могла видеть его, но он поразился ее красоте. Все величие души можно было прочесть на лице девушки. Не желая расставаться с ней ни на мгновение, он последовал за ней в душевую. Она разделась, отодвинула занавес душа и отдалась ласкам горячей воды. Он был заворожен и не мог оторвать взгляда от длинных черных волос, от влажной медной кожи, от коричневых сосков, подчеркивающих волнующие холмики ее грудей. Шари до сих пор не обращал внимания на женщин. И знал лишь материнскую нежность Афикит. Даже не задавал себе вопроса, был ли статус махди совместим с супружеской жизнью, по одной простой причине — он еще никогда не слышал гимна любви, никогда не испытывал тиранического призыва плоти. Тело Оники вдруг связало его с примитивными, животными корнями. Он внезапно почувствовал себя мужчиной, по телу пробежали волны удовольствия, и его охватило свирепое желание. Он тут же появился перед юной девушкой.

Ее первый страх быстро прошел, она сбросила полотенце и отдалась ему, словно их союз был очевиден с начала времен. Ни тот, ни другая не имели опыта, но инстинктивно нашли нужные слова и жесты, нужные нежность и умение. Ни одна фальшивая нота не нарушила гармонии их сплетенных тел. Жар лона, губ и рук Оники, ярость ее ногтей и зубов, сладкий вкус ее слюны, горечь ее пота и пряный запах кожи совершили чудо, примирив его с самим собой, стерли угрызения совести, ощущение вины, сомнения, склеили обломки его растерзанной человеческой сути. Оники-тутталка оказалась плодородным полем, на котором Шари, сын Найоны Рампулин, махди Гимлаев, последнее звено в цепи Инды, заключил мир с самим собой.

Но только в момент, когда притивы ворвались в келью, он осознал, какую жертву потребовал от нее. Она стала грешницей, преступницей. Ей пришлось бежать, чтобы в последний раз ощутить радость восхождения по трубам великого органа. Сестры приговорили ее к вечной ссылке на острове Пзалион. Некоторые сведения, которые скаиты выудили из ее беззащитного мозга, настолько пробудили их любопытство, что они послали инквизитора следить за ее мыслями.

Оники и Шари тосковали друг по другу, но он не хотел подвергать опасности молодую женщину и ребенка, которого она носила. Она не была защищена антрой. Ему надо было

материализоваться перед ней, чтобы провести инициацию, но об этом немедленно узнал бы инквизитор и дал бы приказ притивам, которые дежурили у деремата, настроенного на координаты Пзалиона. И потому был вынужден посещать ее во время сна и касаться ее лишь взглядом.

Он наслаждался красотой Оники, чье лицо едва виднелось в неверных лучах светошара. Он ощущал шумное дыхание сумасшедших, сидящих или лежащих у входа в ее пещеру. Накрыл одеялом располневшее тело любимой. Решение, которое он только что принял, разрывало ему сердце. По его щекам катились горячие слезы. Посещения, даже в виде сновидений, были чреваты постоянной опасностью для Оники. Изгои Эфрена позаботятся о ней и о ребенке. Время шло, и человечество постепенно исчезало с карты вселенной. Пора было бросить вызов и победить Бесформенного, безжалостного хищника, преграждающего путь к ковчегу.

Он едва коснулся губ Оники, его слезы, несколько капель кровоточащей души, упали на ее веки и щеки.

— Принц мой? — прошептала она сонным голосом.

Он втянул в себя ее запах, ощутил ее тепло, призвал на помощь последние запасы воли, чтобы не лечь рядом и не сжать ее в объятиях. Она ничего не знала о нем, даже имени. Однажды он вернется, окружит ее и ребенка любовью... Он сумеет победить судьбу... Он растворился в коридоре безмолвия в момент, когда она открывала глаза.

Оники вошла в океан по пояс. Внимательно осмотрела опору. Ее стражи, боявшиеся воды, остались на черном пляже. Они испугались и приглушенно застонали, спрашивая себя: какая муха укусила будущую мать, ту, которая носит в себе все надежды деревни? Почему она не уселась на скалу, как обычно?

Оники не может им объяснить, что обязательно должна побороть охватившую ее тоску. Во сне она видела слезы, катившиеся из глаз ее принца. Она проснулась, ощутила горячую влагу на веках и щеках, собрала ее подушечками пальцев, лизнула и тут же узнала ее вкус. И поняла, что ей не пригрезилось, что он являлся в пещеру во плоти, что он плакал над ней, что его неизмеримая печаль связана с долгим расставанием, и черная хищница разлуки вонзила когти в ее душу.

По этой опоре, по крайней мере по ее нижней части, можно вскарабкаться наверх. Тьма мешает Оники разглядеть возможные захваты наверху, но разве трудно проверить? Поскольку

ее принц исчез — она предчувствует, что им управляет необычная судьба и что бы он ни сделал, куда бы он ни отправился, она поддержит его своей любовью, — она решила сама заняться своей жизнью. Она не хочет рожать ребенка в окружении тьмы. Быть может, над Пзалионом есть неисследованные трубы? К тому же ей не хватает тренировки, и восхождение будет полезным. Живот не помешает, она привыкла подниматься и с более тяжелым грузом.

Стража с удивлением видит, как она снимает через голову платье. Вешает его на выступ опоры, на руках подтягивается из воды. Кожа ее, побелевшая с того времени, как она лишилась возможности подставлять тело под ласковые лучи Тау Ксира и Ксати Му, светится в вечной ночи. Едва она касается коралла, возвращаются прежние рефлексы и ловкость тутталки. Она вскидывает голову: щита не видно, но она знает, что он висит в восьмистах метрах над ней. Она спрашивает себя, сможет ли вскарабкаться до вершины опоры. И тут ее чрево сотрясают удары ножками. Ребенок подбадривает ее, ребенок стремится к свету.

Вопли сумасшедших взбудоражили всю деревню. Ссыльные Эфрена, мужчины и женщины, испугались, не случилось ли несчастья с будущей матерью, бросили свою работу, выбежали из пещер, скатились вниз по тропе и собрались на пляже. Старая Сожи, бывшая тутталка, сразу поняла, что ее юная беременная сестра страдает болезнью большого органа.

Обнаженное, белое и округлое тело Оники, окруженное тучей черных чаек с горящими глазами, уже находится на высоте пятидесяти метров над океаном Гижен.

Глава 13

Голова и сердце гоков похожи на задницы: они полны дерьма.

Максима, которая приписывается жерзалемянам.

Голова крейцианских миссионеров похожс на задницу: она полна дерьма.

Вариант скоджей, вероятно, более ранний, чем предыдущий.

Универсальный словарь живописных слов и выражений.
Академия живых языков

Услышав вопли и топот ног, Йема-Та задрала подол платья, вскочила на свой стол и вытянула пальцы в сторону две-

 ри. Глаза ее пылали устрашающим огнем. Шелам, кото-

рый спрятался за занавесом, извлек из-за пояса штанов длинный нож. В комнате воцарилось невероятное, почти осязаемое напряжение.

Демон потерял контроль над ситуацией и, не зная, что делать, укрылся в самых глубоких зонах мозга Марти. Сиракузянин, внезапно вновь обретший себя, словно вырвался из кошмарного сна. Он помнил, что эта странная женщина, сопланетянка, отравленная микростазами, была тайным агентом, но он забыл условия их договора. Он недоумевал, почему бледный Жек сидел, скорчившись в кресле, почему женщина с подолом, задранным до талии, присела на корточки на столе в позе девочки, внезапно охваченной желанием сходить по малой нужде, почему шелам спрятался за занавесом... Он услышал крик, неясный шум, но не обратил на них внимания. Ему казалось, что это отголоски городских шумов.

Дверь распахнулась с невероятным грохотом. Четыре фигуры в белом ворвались в комнату. Их оружие, длинные острые мечи, ярко блестело.

Ядовитая улыбка тронула растрескавшиеся губы Йема-Та. С ее пальцев сорвались четыре ногтя и полетели в сторону незваных гостей.

— Осторожно! Они отравлены! — завопил чей-то голос.

Трое успели броситься в сторону, покатившись по паркету, но один ноготь глубоко вонзился в кадык четвертого. Глаза человека, похожего обликом, как и остальная троица, на Сан-Фриско (медная кожа, черные гладкие волосы, орлиный нос) закатились. В уголках губ появилась пена, а дыхание стало свистящим. Он выронил меч, схватился за шею, упал на спину.

Остальные ногти воткнулись в дверную панель. Не меняя положения, Йема-Та развернулась на четверть оборота, вытянула правую руку и, словно скорчером, полукругом обвела комнату. Жек и Марти, вжавшиеся в кресла, инстинктивно втянули головы в плечи.

Хихиканье маленькой женщины застряло в горле, а ее глаза округлились от удивления. Трое в белом исчезли. Труп их компаньона был единственным свидетельством появления нежданных гостей. Йема-Та соскочила со стола и осторожно обогнула кресла. Подол платья упал с шуршанием, прикрыв темные ляжки, икры и стопы. Она положила левую руку на подлокотник кресла Жека. Краем глаза маленький анжорец заметил, что на кончиках ее пальцев вырастали новые ногти, похожие на убирающиеся когти хищника.

— Будь осторожнее, Йема! — прокричал шелам из своего укрытия. — Это жерзалемяне! Они пользуются колдовством невидимости!

— У нас никогда не было проблем с этими кретинами из народа избранных, — прошипела Йема-Та. — Что их так разобрало?

Едва она произнесла эти слова, как двое мужчин, вынырнувших из ниоткуда, возникли за ее спиной. Она сразу ощутила их присутствие, издала пронзительный вопль, развернулась, вытянула руку. Четыре ногтя сорвались с ее растопыренных пальцев. Но внезапности не было, мужчины быстро увернулись и подняли мечи. Острые лезвия просвистели в воздухе. Один меч ударил сверху вниз и рассек лоб Йемы-Та, а второй перерубил ей шею. Голова Йемы-Та с грохотом ударилась о стену. Из обезглавленного тела хлынул фонтан крови. Оно еще несколько секунд держалось на ногах, а потом опустилось на пол, как пустой бурдюк. Запах крови наполнил комнату.

Обезумев от ярости, шелам выскочил из укрытия и бросился на двоих мужчин, чьи белые комбинезоны окрасились в пурпурный цвет. В спешке он забыл о третьем человеке. Трагическая ошибка: из пустоты возник меч, ударил в спину контрабандиста и вышел наружу через живот. Выпученные глаза шелама уставились на торчащее лезвие. Он икнул, из его горла брызнул фонтан крови. Сделал несколько неверных шагов и упал на спинку кресла.

Троица приблизилась к Жеку и Марти. Маленький анжорец закрыл глаза, уверенный, что его пронзит лезвие меча. И в это мгновение подумал о Поцелуе Смерти, колдуне крыс пустыни, о колючем кустарнике, покрывавшем половину его лица, потом образы в его мозгу понеслись с невероятной скоростью, образовали вихрь, рассеялись. В ожидании смерти он не смог привести мысли в порядок.

— Не время спать, принц гиен! — сказал один из троих. — Тебя ждут...

— Кто ждет? — спросил пришедший в себя Марти.

Схватка длилась всего две минуты, но эти две минуты показались ему вечностью.

— Голова гока всегда хочет все знать! — воскликнул один из мужчин с презрительной улыбкой. — Прислушайся к своему сердцу и следуй за нами! Через несколько секунд приспешники этой ведьмы окружат нас, как снежные светляки падаль... Москва, выводи нас!

Человек по имени Москва, который прикончил шелама, вышел из комнаты и двинулся по коридору.

— Секунду! — не отставал Марти. — Кто вы такие и куда собираетесь нас отвести?

— Он — Монреаль, а я — Шанхай. Мы получили приказ сопровождать принца гиен до посадочной площадки корабля Глобуса. Теперь, если удовлетворен, гок, имеешь право на выбор: или остаешься здесь и люди Йемы-Та вырвут тебе сердце, или идешь с нами...

Монреаль убрал меч, подхватил Жека под мышки и посадил себе на плечи. Потом два жерзалемянина направились к двери.

Марти колебался недолго и последовал за ними. Демон понимал, что если он останется в комнате один, то быстро потеряет своего носителя-человека. В момент, когда его планы были готовы осуществиться, внезапное вмешательство жерзалемян нарушило их. В ожидании лучших времен оставалось надеяться на защиту этих людей, увеличивая вероятность выживания, чтобы исполнить свой план позже. Главным было не потерять связи с маленьким анжорцем. Демон принял меры предосторожности и имплантировал в мозг Марти программу перехода. Если дела пойдут не так, как предусматривалось, он подготовил возможность смены носителя и переселения в мозг Жека. Для этого Марти было достаточно поцеловать мальчугана в губы, быть может, во время сна. Хотя тело ребенка более уязвимо, чем тело взрослого, оно имело свои преимущества. Никто не станет подозревать чистое и безгрешное существо восьми или девяти лет...

Маленькая группа вышла в темный проулок. Москва, разведчик, шел шагах в двадцати впереди. Ножны меча колотились о его ноги. Звезды скопления образовывали сверкающую спираль в небе Франзии. Белый диск Жер-Залема окрасил крыши Неа-Марсиля в светло-вишневый цвет.

— Как мы попадем на корабль? — спросил Марти.

— Твоя голова вроде брюха снежного медвигра — она ненасытна! — вздохнул Шанхай. — Сядем в автобус. Лучший способ не привлекать лишнего внимания...

— Даже с кровавыми пятнами на одежде?

Жерзалемянин бросил взгляд на свой комбинезон.

— Какие пятна?

Только тут Марти и Жек заметили, что пятна исчезли, как и жерзалемяне несколько минут назад в кабинете Йемы-Та. Шанхай повернулся к Жеку, восседавшему на плечах Монреаля.

— Готов биться об заклад, что принц гиен спрашивает себя, как мы становимся невидимыми.

На самом деле маленького анжорца с момента выхода из здания терзала не эта тайна, а непонятное поведение Марти, которого он считал своим старшим братом. Лицо молодого сиракузянина превратилось в отвратительную, демоническую маску, когда Йема-Та предложила ему заплатить маленьким компаньоном за клеточный перенос. Несколько секунд Жек не узнавал Марти де Кервалора, и его охватило ужасающее чувство, что он находится рядом с чудовищем. Он понял, что в молодом человеке сосуществовали два Марти и один из них, притаившееся чудовище, не испытает никаких колебаний, пожертвовав компаньоном ради достижения одному ему известной цели. Этого Марти теперь следовало опасаться, как ядерной чумы.

— Шелам сказал: вы используете заклятия, — заговорил сиракузянин.

Двое жерзалемян расхохотались. Жек ощутил, как под ним сотрясаются плечи и грудь Монреаля.

— Идеи гока, — презрительно сплюнул Шанхай.

Корабль Глобуса был крохотным: не более тридцати метров в длину и четырех метров в высоту. Он мог спокойно разместиться в трюме «Папидука». Компактный овоид ровного бронзового цвета без единого иллюминатора, стоящий на пяти прямых опорах. Стекло на пилотской кабине, округлом наросте на носу, и входной тамбур были единственными отверстиями в сверкающем корпусе, на корме которого синел голографический глобус.

Светло-серый полумрак франзийской ночи скрадывал формы. Резкие лучи парящих прожекторов освещали вход в ангар, незамысловатую деревянную конструкцию, накрытую волнистым металлическим листом. Люди, одетые в те же белые комбинезоны, что Москва, Шанхай и Монреаль, возились у подножия летательного аппарата. Одни грузили металлические ящики на эскалатор, другие проверяли герметичность прокладок тамбура, третьи возились с заправочными шлангами, а четвертые, вооруженные светометами, патрулировали ангар, наблюдая за погрузкой. Вонь горючего наполняла влажный теплый воздух. Перспектива вновь оказаться в жестяной банке не радовала Жека, по-прежнему сидящего на могучих плечах Монреаля.

Трое жерзалемян и их два протеже не встретили никаких трудностей, пока добирались из сердца старого города до стоящего в стороне квартала, где находился корабль. Автобу-

сы Неа-Марсиля были практически пусты в этот поздний час, к тому же представители избранного народа, которых легко узнавали по характерному облику и длинным ножнам, сплетенным из кожи, вызывали у франзиан суеверный страх. Уроженцы планеты, даже шеламы и бандиты, обходили их стороной и избегали столкновений. А если пьяный турист провоцировал их, достаточно было пронзительного взгляда черных глаз, чтобы успокоить неосторожного человека. Если этого визуального предупреждения оказывалось мало, то такой человек быстро падал на землю, пронзенный мечом в горло или живот.

Монреаль поставил Жека на бетонную поверхность. Они вошли в ангар, обогнули горы ящиков у подножия корабля и направились к спиральной лестнице, ведущей в комнату, сквозь прозрачные стенки которой виднелись две подвижные фигуры. Они поднялись по узким ступенькам и вышли на металлическую площадку с перилами. Сверху они видели весь ангар. Округлый бок корабля походил на скалистый холм, отполированный водой. Они вошли в узкую комнату, освещенную ярким светошаром. Здесь были лишь трехногие табуреты и большой деревянный стол, на котором возвышался сине-зелено-охряный глобус.

— Добро пожаловать, принц гиен!

На лице помощника сияла широкая улыбка, выражавшая радость и веселье. Робин де Фарт встал, но не решился сделать то, что ему подсказывало сердце, а именно горячо обнять Марти. Хотя он ощущал себя в шкуре отца, который встречает блудного сына, его душевные порывы разбивались о рифы разума. Теперь он понимал, почему жерзалемяне ввели в свой язык понятие вечного противостояния между головой и сердцем, между интеллектом и чувствами, и руководствовались им в своих поступках.

Марти ударил кулаком по столу. Глобус покачнулся.

— Я должен был понимать, что это похищение затеяли вы, сир де Фарт! Мы уже почти заключили соглашение с контрабандистами!

— Гнев царит в сердце и голове нашего молодого друга, — заявил Сан-Фриско, держа Жека на руках. — Обещания Йемы-Та сродни ногам умирающего: они сохраняют силу всего несколько мгновений. Решение послать людей принял я. Принц гиен слишком дорог моему сердцу, а вмешаться внутри «Папидука» я не мог, не объявив войны людям Папиронды. И в столкновении с видуком никто бы не выиграл — ни я, ни принц гиен.

— Это ты убил двух часовых, поставленных у моей двери? Ты отомкнул дверь? — спросил Жек.

— Скажем так — эти два гока случайно подвернулись под мой кинжал, а замки «Папидука» я научился вскрывать очень давно, несмотря на любой код...

— И твои люди следили за нами на улицах Неа-Марсиля?

Сан-Фриско поставил Жека на металлический пол.

— Вижу, что принц гиен наделен наблюдательностью...

— Почему они не были невидимыми?

— Дар невидимости дан нашим предкам священным словом абина Элиана, — ответил Сан-Фриско. — Но оно утеряло свою колдовскую силу с течением веков. Некогда каждый, принадлежащий к избранному народу, мог оставаться невидимым столько времени, сколько хотел. И именно в таком состоянии они перемещались с мира на мир... Сегодня мы можем поддерживать невидимость всего несколько секунд. И то ценой огромного потребления энергии. — Потом повернулся к Шанхаю: — У вас не возникло проблем?

— Франкфурт никогда не увидит космин, — пробормотал жерзалемянин. — Отравленные ногти Йемы-Та не оставили ему никаких шансов...

— И что же теперь предложите вы? — злобно спросил Марти.

Жек понял, что чудовище, спрятавшееся в сиракузянине, все чаще покидало свое логово.

— Через два часа мы отправляемся на Жер-Залем, — сказал Сан-Фриско. У него был глухой голос, он явно переживал гибель Франкфурта.

— У меня нет намерения отправляться на Жер-Залем, я собираюсь на Мать-Землю! Как и Жек!

— А я лечу с Сан-Фриско, — поспешно сказал мальчуган.

Интуиция подсказывала ему, что именно на Жер-Залеме, на ледяном булыжнике, где жил избранный народ, предоставится возможность продолжить путешествие. Но в любом случае он сделал бы все возможное, чтобы не остаться наедине с Марти.

— Этим парнишкой руководит разум, Марти, — вмешался в разговор Робин де Фарт. — В одиночестве, без денег у вас нет никаких шансов покинуть Франзию. Поскольку князь Сан-Фриско проявил доброту, приглашая нас, хотя мы гоки, отправляйтесь вместе с нами. Вам повезет увидеть собственными глазами самый удивительный спектакль, доступный человеческому глазу: пролет космин, небесных странниц. Событие, которое случается раз в восемь тысяч лет... Это путешествие задержит нас не более чем на тридцать дней.

Смена поведения Марти была столь же удивительной, как и внезапной. Демон мгновенно понял, какой линии поведения ему следует придерживаться.

— В таком случае, принц Сан-Фриско, я с радостью принимаю ваше приглашение. Я чувствую определенную ответственность за Жека и постоянно опасаюсь, что с ним что-то случится.

Несмотря на терзавшее его желание, Жек воздержался и не спросил его, почему он часом раньше едва не продал его Йема-Та. Хотя его окружали взрослые, он боялся разбудить спрятавшееся чудовище. Он расскажет Сан-Фриско или Робину де Фарту о двойной сущности Марти, когда сможет остаться с одним из них наедине. Светлые глаза старого сиракузянина внушали ему доверие.

— Значит, правда то, что ты князь Жер-Залема, — прошептал Жек.

Несмотря на печальное выражение лица, Сан-Фриско попытался улыбнуться.

— Князь в изгнании... Но настал час вернуться к народу и бросить вызов абинам...

Вдруг из ангара донесся пронзительный вой, прорвавшийся сквозь металлический пол и стены. Шанхай, Монреаль и Москва выхватили мечи и ринулись на площадку.

Лучи прожекторов выхватывали подвижные тени, направлявшиеся к входу в ангар, и тела часовых, одному из которых удалось доползти до ворот и дернуть за ручку тревожного оповещения, встроенную в металлическую стойку. Захваченные врасплох жерзалемяне не успели организовать оборону. Некоторые из них рефлекторно обратились в невидимок, совершив ошибку, ибо после нескольких секунд они вновь стали видимыми и вступили в борьбу, потратив драгоценную энергию. Если такая тактика сработала с Йема-Та и ее дьявольскими ногтями, здесь она могла оказаться самоубийственной, ибо они имели дело с превосходящими силами противника, который, судя по организации, хладнокровию и дисциплине, состоял из профессиональных воинов в темно-синей форме. Среди металлических ящиков, насосов и под брюхом корабля завязался свирепый рукопашный бой. Звон холодного оружия вскоре перекрыл непрекращающийся вой сирен. Из шлангов полилось горючее, образуя липкие лужи на бетонном полу ангара. Члены экипажа, занятые заливкой горючего, не успели перекрыть предохранительные клапаны.

— Не использовать скорчеры! — рявкнул чей-то голос. — Иначе вспыхнет горючее и от нас останется только пепел!

Жерзалемяне, призраками возникавшие в разных точках ангара, недолго пользовались эффектом внезапности. Нападавшие, предупрежденные криками сообщников, успевали отразить их атаки и немедленно пользовались слабостью воинов, прибегших к невидимости.

Сан-Фриско извлек кинжал из внутреннего кармана комбинезона.

— Ни шагу отсюда! — приказал он Жеку и двум сиракузянинам.

Он присоединился к Шанхаю, Москве и Монреалю. Им понадобилось несколько секунд, чтобы определить, кто на них напал. Несколько часов назад он носил ту же форму, что и нападавшие...

— Люди видука... Он нас отыскал...

— Что ему надо, этому проклятому гоку? — проворчал Шанхай.

— Ему нужны принц гиен и кровная месть. Ни его голова, ни его сердце не смирились с тем, что я покинул корабль без предупреждения.

— Предложи ему сделку, князь Сан-Франциско, — сказал Москва. — Мальчик-гок в обмен на мир...

Сан-Фриско ожег его взглядом.

— Я уже не помощник на «Папидуке», а князь Жер-Залема, один из сорока предводителей избранного народа. И пока я остаюсь им, я не снизойду до переговоров с видуком Папирондой!

Оборвав разговор, он поднял кинжал и бросился вниз по спиральной лестнице. Шанхай, Москва и Монреаль поспешили за ним.

Когда они ступили на бетонный пол ангара, положение жерзалемян было не из блестящих. Люди видука не только превосходили их числом, но и были лучше вооружены, организованы и постепенно теснили защитников в глубину ангара. Шланги извивались по полу, изрыгая топливо.

Сан-Фриско сразу понял, что им повезло с вылившимся горючим. Оно не позволяло воспользоваться скорчерами, светоружьями и волнометами. А избранный народ умел пользоваться холодным оружием. И это умение было даже не привычкой, а священным обычаем, заповедью Новой Библии Жер-Залема. В рукопашном бою владение холодным оружием было преимуществом. Надо было только собраться и не страшиться численного перевеса противника.

Сан-Фриско счел, что лучший способ помочь своим обрести легендарное мужество предков — пожертвовать

собой. Он хищником ринулся на двух ближайших противников, вонзил кинжал в сердце одного, уклонился от ножа второго и молниеносным движением перерезал ему горло. Вдохновленные примером князя, Шанхай, Москва и Монреаль присоединились к остальным, организовали оборону и, постепенно выигрывая территорию, оттеснили нападавших к входу в ангар.

Жек, Робин и Марти с площадки наблюдали за яростным сражением внизу. На бетоне валялось множество трупов, а ручьи крови вливались в лужи горючего. Мальчуган был поражен и удручен, узнав некоторых из членов экипажа «Папидука». *Из его сердца выйти труднее, чем из железной коробки.* Он понял, что сражение шло из-за него.

Жерзалемяне, подбадривая друг друга воинственными криками, ловко орудовали мечами, вынуждая людей видука отступать. Но когда оборонявшиеся решили, что ситуация изменилась, из темноты вырвалась новая волна нападавших и заполнила здание. Более сотни членов экипажа в темно-синей форме и загонщиков туркомпаний, вооруженных ятаганами. Их сверкающие глаза и свирепые усмешки свидетельствовали, что они находятся под воздействием галлювина, франзийского вина, настоянного на галлюциногенах. Сирены замолкли. В ангаре воцарилась зловещая тишина, которую нарушало лишь журчание топлива.

Издали донесся отрывистый приказ. Первые ряды милиции видука застыли в двадцати метрах от жерзалемян, сгруппировавшихся позади Сан-Фриско. Они были невозмутимы и твердо стояли на ногах. Оба войска мерили друг друга взглядами. Загонщики скинули жилеты, выставив напоказ грудь с воинственной татуировкой. Они горели желанием покончить с противником. Это сведение счетов между видуком и бывшим помощником давало возможность отомстить за презрение, с которым к ним относился избранный народ. Они впервые имели превосходство в силах, и из их приоткрытых ртов вырывались глупые смешки, звучавшие, как победный клич. После этой ночи они смогут хвастаться тем, что пролили кровь демонов Жер-Залема, а это обеспечит им восхищение мужчин и благосклонность женщин.

Из их рядов вышел человек и двинулся вперед, провожаемый скрещенными лучами прожекторов. Со своего наблюдательного поста Жек, несмотря на то, что вход в ангар был заполнен множеством людей, узнал невысокого лысого человека в элегантном черном пиджаке, который спокойно направлялся к Сан-Фриско.

— Что тебе от меня надо? — спросил князь Жер-Залема, когда видук Папиронда остановился в нескольких

шагах от него и раскинул руки в стороны, показывая, что он безоружен.

— Тебе это известно, Сан-Фриско. Я пришел за своим сыном Жеком.

Резкий голос хозяина «Папидука» разрывал тишину.

— Ни его голова, ни его сердце тебе не принадлежат, — сказал жерзалемянин.

— Не тебе решать. Ты воспользовался традиционным праздником приземления, чтобы убить двух моих людей и отпереть дверь каюты. Верни мне мальчика, и я забуду о дезертирстве. Откажешься — никто из твоих не уцелеет. Я сам разрежу ваши трупы на куски и отошлю их на Жер-Залем.

— Видук, ты обращаешься не к помощнику, а к одному из сорока князей избранного народа. Я не подчиняюсь приказам космического пирата.

Узкие губы видука тронула холодная усмешка.

— Тогда просвети меня, по каким причинам ты хочешь забрать Жека.

— Думай как хочешь, но я не краду у тебя Жека, не прячу его в клетке своего сердца. Мой долг состоит в том, чтобы убрать все препятствия, которые мешают ему исполнить свое предназначение.

— Вы, жерзалемяне, наделены отвратительной манией знать все обо всем! — нетерпеливо прошипел видук. — Ваши головы и ваши сердца наполнены дерьмом! Что ты знаешь о судьбе Жека? Ты принимаешь себя за всемогущего бога?

— Я действую по велению сердца, видук.

— Это твое последнее слово?

Фриско кивнул.

— Тогда мне остается взять силой то, что я не смог получить путем переговоров. Позади меня стоят франзиане, которые мечтают перерезать вас — тебя и всех твоих. Это настоящие дикие звери...

Видук вонзил взгляд в глаза помощника, потом, не отводя взгляда, попятился, вышел из света прожекторов и растворился в ночи. Его воины молчаливо растянулись в цепь по всей ширине ворот ангара.

Жек видел, как сближаются два войска, различил искаженные ненавистью лица, сверкание стальных лезвий. Сердце мальчугана сжалось. Всего тридцать жерзалемян, истощенных первой атакой, против ста свежих бойцов, многие из которых были под воздействием галлювина. Несмотря на от-

вагу обороняющихся, исход битвы не вызывал никаких сомнений. Видук сказал свое слово: он возьмет силой то, что не получил путем переговоров. Он решил сделать Жека своим сыном, своим наследником, и ничто и никто не помешает ему выполнить задуманное. Его не волновали желания самого мальчугана. Он привык подчинять людей и события своей воле и, если понадобится, был готов развязать межпланетную войну, чтобы подтвердить свое право.

Люди видука столкнулись с жерзалемянами. Звон оружия, крики, рев, вопли боли отражались от стен и крыши ангара.

Сан-Фриско, Шанхай, Москва, Монреаль и их соплеменники быстро оказались в окружении. Князь Жер-Залема проделывал бреши в рядах нападавших. Он отталкивал коленом и локтем многочисленные трупы, скопившиеся вокруг него. Его кинжал бешено летал взад и вперед, комбинезон был залит кровью. Но, несмотря на мужество и ловкость, он не мог долго сдерживать методичные атаки людей видука. Рой загонщиков напирал на Шанхая и Москву.

И вдруг вся эта кровь, все это насилие стали ненавистны Жеку. Жертва жерзалемян показалась ему тем более отвратительной, что она была напрасной. Он не имел права подвергать Сан-Фриско и его друзей гневу видука Папиронды, он сам должен был устранить препятствия, которые вставали на его пути, сам должен был решить свои проблемы. И его охватила та же решимость, которая царила в его душе при встрече с гиенами пустыни на Ут-Гене. У него было чувство, что его защищает непробиваемая броня. Страх покинул его.

Под изумленными взглядами Робина де Фарта и Марти он вскочил на нижнюю перекладину поручней, втянул в себя воздух и издал пронзительный вопль. И тут же, словно окаменев от этого крика, донесшегося сверху, сражающиеся замерли на месте. Никто даже не подумал вонзить меч, кинжал или мачете в незащищенную плоть. Залитые кровью, пóтом и горючим люди вскинули головы и увидели мальчугана, склонившегося над ограждением площадки. Как и тогда с гиенами, он понял, что все они вдруг утеряли свою агрессивность, желание продолжать бой.

Жек спустился с ограждения и направился к лестнице. Марти схватил его за руку.

— Ты потерял голову? Они растерзают тебя!

Говорил не Марти, а демон. Он вдруг понял, что Жек был не невинным мальчишкой, как он считал вначале, а человеком, который вновь вспомнил о своем предназначении,

человеком, который ощущал свои истоки. Зерна индисской науки сами проросли в теплице его души. Он еще не до конца осознал свое могущество, которое проявлялось лишь отрывочно, внезапно, но уже стал опасной личностью, которую следовало убрать в первую очередь, как воителей безмолвия, как дочь Алексу, как Тиксу Оти с Оранжа...

Марти отпустил руку Жека, и тот, прыгая через четыре ступени, сбежал вниз по лестнице. Оказавшись внизу, он прошел между трупами, опрокинутыми ящиками, шлангами, опорами корабля, людьми, которые смотрели на него, не делая ни одного движения. Сан-Фриско оттолкнул нападавших и двинулся вслед за ним.

Жек вышел из ангара и встал в перекрестье лучей прожекторов.

— Видук Папиронда! — крикнул он удивительно мощным голосом. — Поскольку вы пришли за мной, я здесь!

Сан-Фриско остался в стороне, в тени, словно согласился с необходимостью дать Жеку самому решить все проблемы. Минутой позже из тьмы появился видук. Тонкие аристократические черты его лица были напряжены.

— Не трогайте жерзалемян, — сказал Жек. — Прикажите своим людям отойти.

— При условии, что ты улетишь со мной, — заявил видук.

— Я пошел бы с тобой... Но есть и иные возможности общаться со своим сыном.

И в момент, когда он произносил эти слова, Жек ощутил невероятную боль собеседника, которую тот тщательно скрывал. Словно вся информация и все чувства, переполнявшие мозг и сердце видука, разом перелились в мозг и сердце Жека. Светобомба не только лишила видука части легких и внутренностей, но и выжгла его детородные органы. Артак смог залечить его раны, но не сумел вернуть ему мужское достоинство... Видук мечтал завести семью, хотел иметь детей, но ранение обрекло его на одиночество и помешало исполнить планы. Он советовался с лучшими специалистами всех миров, но тело отвергало все искусственные или естественные органы, которые ему пересаживали. Во время перелета от Ут-Гена до Свободного Города Космоса он укрепился в желании усыновить Жека. Это была не только слепая нужда в сыне, но и глубокий порыв его души. Мальчуган вдруг не только понял яростное желание вернуть себе Жека, но и почувствовал, что сам любит Папиронду так, как не любил родного отца. Па Ат-Скин не стал бы огнем и мечом сражаться

за своего исчезнувшего сына. Может, только дошел бы до ближайшего полицейского участка. Видук нашел в парнишке смысл жизни и цеплялся за него, как потерпевший крушение в космосе цепляется за автономный блок выживания. Его ярость свидетельствовала о животном, примитивном, исходном инстинкте, том инстинкте, который гнал гиен против людей, чтобы обеспечить выживание вида.

На глазах Жека появились слезы. Сердце подсказало ему, как поступить. Он подошел к видуку, уткнулся головой в его живот, обнял за талию и ощутил, как напряженные мышцы Папиронды расслабились, как быстрее забилось его сердце, как участилось дыхание. Он втянул в себя запах затхлости — характерный запах корабля — и аромат, пропитывавший одежды видука. Нежные теплые ладони опустились на затылок мальчугана. Они простояли так несколько долгих минут. Видук словно был иссушенной, жаждущей землей, которая жадно впитывала потоки нежности и доброты, рожденные их объятием.

Он раскинул руки и отступил. Глаза его затянула пленка печали.

— Ты навсегда останешься моим отцом, — прошептал Жек. — Но не обязательно постоянно видеться, чтобы любить друг друга.

Бледная улыбка тронула худое лицо видука. Из глаз его покатились слезы, оросив впалые щеки. Потом он медленно поднял руки и дал знак своим людям уходить. Только загонщики неохотно подчинились приказу. Галлювино превращало их в диких зверей, но не лишало разума окончательно. Им не хотелось оказаться один на один с жерзалемянами. А кроме того, они еще не получили обещанного вознаграждения.

С невероятной нежностью видук потрепал Жека по голове, потом, не произнеся ни слова, повернулся и исчез во тьме следом за своими людьми.

Марти выскользнул из каюты и двинулся по пустынному коридору. После перехода корабля в автоматический режим лампы светили неярко. Только пронзительное мяуканье двигателей нарушало безмолвие космоса.

Ремонт насосов, заправка горючим и погрузка ящиков потребовали пяти часов работы, потом была двухчасовая церемония поминания погибших. Тела жерзалемян (остальных оставили гнить на полу ангара) уложили под корпус корабля, и князь Сан-Франциско — таково было его настоящее имя, для удобства сокращенное гоками до Сан-Фриско — долго читал

сураты из Новой Библии Жер-Залема. Потеря Шанхая, верного друга с давних пор, который продолжал служить ему и во время изгнания, глубоко потрясла его, но он постарался сохранить твердость голоса до конца церемонии. Потом тела подняли на борт, загрузили в печь и собрали пепел в металлическую урну. Прах будет развеян над ледником Предков на Жер-Залеме.

Мостик свернулся, спрятался в посадочный трюм, с шипением закрылся тамбур. Створки крыши ангара разошлись, открыв звездное небо. Корабль взлетел с яростным ревом.

Князь Сан-Франциско пригласил своих гостей гоков и нескольких жерзалемян разделить трапезу в общем зале, примыкавшем к пилотской рубке. В разговоре они не затрагивали состоявшейся битвы, но частые взгляды Робина де Фарта и жерзалемян, которые они бросали на Жека, свидетельствовали об огромном впечатлении от его поступка, положившего конец бойне.

Марти почти не дотронулся до пищи. Когда он узнал меню – фаршированные снежные гусеницы, мозг серебристого моржа, потроха белого медвигра, — ему не захотелось знакомиться с гастрономией Жер-Залема.

— Чуть больше открытости, Марти! — убеждал его Робин де Фарт. — Удивительно вкусно...

Робин... почему его так интересовали малейшие поступки и жесты Марти?

Марти не понравилась еда, но он обрадовался, что каждому предоставили отдельную каюту.

— Обычно мы живем в каюте по двое, — мрачно уточнил Монреаль. — Но поскольку половина наших лежит в урне...

Каждый ушел к себе. Робин де Фарт попытался завязать разговор с сопланетянином, но натолкнулся на стену молчания и не стал настаивать. Марти принял горячий душ и надел белоснежный комбинезон. Монреаль вручил такой каждому гостю.

— Иначе наши сразу увидят, что вы гоки, и не позволят даже сесть на Жер-Залем...

— Что с нами сделают?

— Все зависит от настроения абинов... Либо вас разденут и выбросят в цирк Плача, отдав на съедение хищникам, либо отрежут детородный орган, взрежут брюхо и запрут в инкубатор для разведения гусениц...

— Есть ли другие возможности?

— Есть, но эти встречаются чаще других...

Марти улегся на кушетку, но демон не хотел, чтобы Марти наслаждался отдыхом, которого требовало усталое

тело. Демон изменил свои планы. Речь уже не шла о переходе в тело Жека, ибо таинственные возможности мальчугана могли внести ошибки в исходные данные или уничтожить их. Демон был просто ментальным имплантом и не был связан с базовыми данными чана. Он не был автономен, и ему нужен был человеческий носитель. Он не мог вносить стирающих имплантов в мозг людей, если не считать того, в котором сидел. Его запрограммировали на выполнение определенной задачи, и он всегда выбирал кратчайший путь к цели. Жек превратился в песчинку, попавшую в шестеренки его механизма, стал препятствием. Следовало как можно быстрее устранить его, пока он не стал настоящим человеком-истоком, солнечным существом, которое поймает его в свое поле притяжения и нейтрализует. Из-за своего излучения, тепла, творческой суверенности люди-истоки были злейшими врагами Гипонероса. Если нельзя было стереть память Жека, демон мог приказать своему носителю исполнить его волю.

Надо было спешить.

Следовало убить Жека.

Он не станет растворять душу маленького анжорца. Ибо она тем или иным способом постарается вернуться в материальный мир, но к тому времени творение уже исчезнет (вероятность, рассчитанная Гипонеросом, поднялась уже до 78,07%), а если человеческой душе негде закрепиться, она вынуждена скитаться в пустоте до скончания времен.

Марти двинулся по коридору, ведущему к каюте Жека. Кроме двух вахтенных в рубке управления, все остальные спали. Потребность в сне, одна из главных характеристик человека, устраивала демона. Сон был странным состоянием сознания: он позволял забывчивым богам выкапывать спрятанные ключи своего царства, распахивать дверь в подсознание, но вынуждал понижать уровень защиты и бдительности. Люди слепо верили в вечную жизнь.

Марти прошел мимо ряда дверей. За спиной вдруг послышался низкий голос, и сиракузянин вздрогнул от неожиданности. Демон тут же скрылся в глубинах его мозга.

— Что ты тут делаешь?

Монреаль вышел из ответвления коридора и направился к Марти. В его узких глазках сверкали подозрительные огоньки. В гладких и не очень длинных волосах запутались блики света.

Марти тщетно пытался понять причины своего пребывания в этом коридоре, но не мог предложить жерзалемянину никакого подходящего объяснения.

— Твоя каюта в другом конце, — резким тоном продолжил Монреаль.

Демон из своего убежища подсказал ответ Марти.

— Заблудился я... Совсем не знаю вашего корабля...

— Следовало спокойно лежать на кушетке!

— Мне хотелось размять ноги... Вам тоже трудно заснуть?

— Князь Сан-Франциско приказал мне охранять каюту принца гиен.

— Он ничем не рискует внутри корабля.

— Голова и сердце принца имеют особую ценность... Иди за мной, я тебя провожу.

Монреаль развернулся и решительно направился к пересечению двух коридоров. Подошвы его белых сапог ритмично стучали по металлическому полу. Марти двинулся вслед за ним. Он увидел круглый шишак длинного меча, вложенного в кожаные ножны. Как большинство жерзалемян, Монреаль носил оружие на боку, острием вперед и рукояткой назад.

В мозгу сиракузянина вдруг возникли четкие приказы. Он подкрался к Монреалю и воспользовался взмахом его руки, чтобы зажать шишак большим и указательным пальцами. Потом резким точным жестом вырвал меч из ножен. Жерзалемянин ощутил тихое шуршание стали по коже, бросился в сторону и прижался к перегородке. Но Марти предвидел его маневр, быстрый и неожиданный, и вонзил острие меча в грудную клетку Монреаля, пронзив ему сердце. Убитый соскользнул на пол.

Марти не стал терять времени. Он оставил меч в груди жерзалемянина, чтобы избежать фонтана крови, взвалил тело на плечи и несколькими прыжками преодолел те несколько метров, которые отделяли его от каюты. Он ворвался в нее, закрыл дверь, присел на корточки, уложил труп на пол, задвинул под кушетку и прикрыл одеялом. Потом оторвал полосу от простыни, вновь вышел в коридор, изменил код замка на внешней клавиатуре, включил систему автоматического запирания, стер с помощью тряпки несколько капель крови на стене и полу коридора и вновь направился к каюте Жека.

Круглая ручка двери отказалась поворачиваться.

Жек из предосторожности поставил замок на предохранитель. Марти столкнулся не только с запертой дверью. Из-за демона, проявившего себя в кабинете Йемы-Та, Кервалор не смог перенестись на Мать-Землю и утерял доверие мальчугана.

убийство его могло оказаться куда более трудной задачей, чем он предполагал.

Демон понял, что упорствовать бесполезно. В лучшем случае он проведет всю ночь в коридоре, а в худшем — поднимется тревога и на Марти будет охотиться весь экипаж. Но демону еще был нужен человек-носитель. Надо было выбирать иной путь.

Смерть Монреаля оказалась бессмысленной.

Глава 14

Сибрит де Ма-Джахи, супруга императора Менати: осталось множество неясностей в судьбе той, кто была первой дамой империи Ангов с 1-го по 16-й годы. Ее первый брак с сеньором Ранти Ангом послужил для умиротворения населения провинции Ма-Жахи, склонного к мятежам. После смерти сеньора Ранти Анга (в результате заговора, который, как предполагают, организовала она), дама Сибрит стала супругой императора Менати, которому, несмотря на настойчивость матрон императорского двора, так и не дала наследника. Тайна исчезновения дамы Сибрит так никогда и не была раскрыта. Она перестала появляться при дворе после скандала, учиненного ею самой: она вынудила даму Веронит де Мотогор, знатную придворную, пройти голой по коридорам дворца (16-й год). Была ли императрица жертвой мести Мотогоров, как утверждали некоторые историки? Противники этой гипотезы говорили, что, по некоторым данным, она предстала перед священным трибуналом за колдовство, а приговор — муки на огненном кресте — был приведен в исполнение на площади квартала Романтигуа, исторического сердца имперского города. Анатул Хижьяк, великий неоропский эрудит, считает, что она угодила в ловушку, подгдотовленную сенешалем Гаркотом, взяв в любовники человека со стертой памятью, в мозг которого была имплантирована ментальная программа убийства.

Когда вторая супруга императора Менати, дама Аннит Пассит-Паир (16—23 гг.), решила сменить отделку своих апартаментов, рабочие извлекли из стен и полов покоев императрицы множество трупов и скелетов. Стало ясно, что самые безумные слухи, ходившие по поводу дамы Сибрит, были жалким отражением ужасающей истины, а ее многочисленные прозвища (Красная Императрица, Кровавая Провинциалка, Демоническая Шлюха, Адская Ведьма и т.п.) полностью оправдались: она действительно купалась в крови мужчин, которых завлекала к себе в по-

стель. Она душила их магнитным шнурком в момент экстаза, а затем раздирала им горло ногтями и зубами. Тогда все и узнали, какое чудовище жило в императорском дворце, и все жалели императора Менати...

«История великой империи Ангов».
Униментальная энциклопедия

В сопровождении четырех мыслехранителей и дамы Алакаит де Флель, своей верной компаньонки, дама Сибрит решительно вошла в широкий коридор, отделанный синим мрамором с прожилками из серого опталия.

Стоявшие на равном расстоянии друг от друга часовые в парадной форме — пурпурные облеган и накидка, черная двууголка с белым султаном, высокие золотистые сапоги, широкая сабля с эфесом, украшенным геммами, — щелкали каблуками и приседали в глубоком реверансе при ее приближении.

— Совершенное безумие, дама моя! Безумие! Заклинаю вас, вернемся к себе в апартаменты... — не переставала стонать дама Алакаит.

На даме Сибрит была широкая накидка из живой ткани, наброшенная прямо на ночной облеган. Она подняла воротник и застегнула его брошью из розового опталия. Она даже не возложила на голову светящуюся корону, не припудрила лицо и не вытянула два обязательных локона из-под капюшона. Дама Алакаит успела в спешке переодеться и загримироваться, но ей, как обычно, не удалось придать грации своей персоне.

Под потолком с лепниной и громадными фресками, представлявшими сцены артибанических войн, плавало множество светошаров. За колоннами в стиле анг (широкое основание, пузатый тор, тонкая колонна и капитель из колец) мелькали силуэты слуг в белых ливреях и придворные. Придворные не покидали императорского дворца до первой зари. Словно им было мало холуйских подачек в виде разного рода льгот и они надеялись насладиться сновидениями императора.

Дама Сибрит не обращала на них внимания, не проявляя ни снисходительности, ни презрения. Она с удовольствием принимала участие в их интригах, натравливала одних на других, но они давно перестали ее развлекать, теперь ей даже не удавалось их ненавидеть. Это были призраки, голографические изображения, встроенные в декор, фантомы, затерявшиеся в лабиринте дворца и завихрениях языка и жестов с тройным, четвер-

ным и даже пятерным смыслом. Они считали себя элитой империи, думали, что переживают ее исторические мгновения, а потому держались как можно ближе к императорскому источнику, веря, что сопричастны величию Сиракузы. Они убеждали себя, что были вдохновителями моды, нравов и условностей. И жили пустой внешней жизнью, как простые свидетели чужих дел. Коридоры, в которых они блуждали, были коридорами их тщеты и суетности. Они так упоенно занимались своими интригами, что забывали о делах, шли по обочине истории и ничего не понимали из того, что замышлялось в подвалах императорского дворца и старого сеньорского дворца Фекти-Анг.

Отвратительное сновидение вырвало даму Сибрит из сна, заставив отправиться с внезапным ночным визитом к своему августейшему супругу. Это сновидение, она знала это, было выражением действительности, ужасающей действительности.

Двенадцать лет назад из ее далекого детства явился персонаж сказок Ма-Джахи и стал регулярно посещать ее во снах. Вал-Гуа, маленький медвигр с розовой опталиевой шкуркой, изумрудными глазами и алмазными когтями, стал всесущим гидом ее подсознания. Он свободно прогуливался по нему, открывая тайные помещения, которые хотел посетить. И в них часто оказывались женщина, мужчина и девочка, жившие у высоченных гор на маленькой голубой планете на окраине галактики. Там стояла деревня, выросшая вокруг куста с яркими цветами. Прочие каменные и деревянные дома были давно покинуты. Вал-Гуа очень интересовался их историей. Дама Сибрит не знала, кем были эти три персонажа, похожие на мифических героев из светокниги Рыцаря Звезд, но что-то подсказывало ей, что они были реальными людьми и существовали в том же пространстве и времени, что и она. Они, похоже, ждали чьего-то возвращения, быть может, исчезнувшего сына. У девочки был странный взгляд, взгляд, который охватывал всю вселенную. Она становилась на колени у куста с цветами и пересчитывала миллионы звезд, которые день за днем исчезали в бесконечной и ледяной пустоте. Мужчина и женщина бродили по горам, сидели на скалах и надолго погружались в безмолвие, оставаясь совершенно неподвижными... Что они делали? Что искали? Любопытный Вал-Гуа пытался проникнуть в их разум, чтобы выведать их мысли, но обжигающий звук, невыносимая вибрация, всегда прогонял его.

Последние несколько недель маленький медвигр появлялся эпизодически, и сны императрицы вернулись в прежнее русло. Без гида они становились более разнообразными.

Дама Сибрит увидела молодого сиракузянина Марти де Кервалора — а ведь она пыталась предостеречь Кервалоров, одну из редких придворных пар, к которым благоволила, против преступных деяний их сына, — ползущим по черным грязным трубам, чтобы нарушить систему снабжения кислородом космического города. Она увидела мальчика восьми или девяти лет, который чудесным способом усмирял орду свирепых животных, бунт в каком-то палаточном городе, тайную встречу молодого крейцианского кардинала в мрачном склепе... Множество событий, которые она пока не могла увязать воедино, хотя была уверена, что все они взаимосвязаны.

Но этой ночью Вал-Гуа вернулся, и она увидела ужасные сцены.

Дама Сибрит и дама Алакаит приближались к апартаментам императора. Охрана, агенты службы безопасности и скаиты-ассистенты или мыслехранители встречались им на пути все чаще.

— Пожалейте нас, дама моя... — стонала компаньонка. — Давайте вернемся в наши апартаменты... Из-за вас я умираю...

Дорогая Алакаит, чей постоянный страх был сравним лишь с ее лояльностью...

Они заметили группу матрон, оживленно беседующих перед ароматным фонтаном. Эти иссохшие тараканши строили заговоры днем и ночью. Интриги были единственным смыслом их существования: их не ждал ни муж, ни любовник, ни ребенок. И чтобы не возвращаться в ледяное одиночество своей комнаты, они предпочитали согревать себя бесполезными речами и немыслимыми проектами. Дама Сибрит иногда спрашивала себя: когда они успевают спать? Быть может, они и вовсе не спали, опасаясь, что не проснутся, отравленные собственной желчью.

Автопсихозащита обязывала, и они попытались застывшими улыбками и подобострастными реверансами разбавить яд своих взглядов. Они не простили императрице отказа отдать свои овулы, не простили ей красоты, высокомерия, ума, мятежности... Они не прощали, потому что не умели прощать, не умели чувствовать что-то иное, кроме злобы и зависти. Интригуя, они добились изгнания Ксафит, дочери дамы Сибрит и сеньора Ранти. А теперь методично осаждали муффия Барофиля Двадцать Четвертого, чтобы тот согласился аннулировать брак императора Менати и провинциалки, который весь двор считал трагической ошибкой. Дама Сибрит, любившая их провоцировать, прошла мимо, сделав вид, что не заметила. Маленькая демонстрация презрения, которая вместе с ее вызывающим нарядом и походкой могла занять их разговорами на целый месяц.

В конце коридора показалась монументальная дверь покоев императора, над которой на плите из белого мрамора был выгравирован девиз семьи Ангов: *«Ради Красоты и ради Добра»*. Здесь мрамор был так отполирован, что стенки отражали лучше зеркала малейшие завитушки и резные фигурки, вырезанные на дереве створок. Вблизи личных апартаментов императора Менати царило возбуждение, беспорядочно сновала шумная толпа. Слуги, кардиналы, скаиты Святой Инквизиции, придворные, высшие полицейские чины, официальные историографы, знаменитые артисты толкались перед клеточным идентификатором, встроенным в мраморную плиту.

Внезапное появление дамы Сибрит и ее компаньонки поразило собравшихся. В коридоре воцарилась полная тишина, и десятки недоверчивых, удивленных взглядов остановились на двух женщинах и их мыслезащитниках. Завсегдатаи императорского дворца не привыкли к такой наглости: не пристало императрице наносить официозные и неожиданные визиты абсолютному властителю вселенной. Он сам должен был призывать ее к себе официально, чтобы удовлетворить свое суверенное желание. Так требовал этикет. Дама Сибрит была известна своим непредсказуемым характером и проделками, но она еще ни разу не дошла до такой беспардонности, чтобы ночью явиться к своему августейшему супругу, не спросив предварительно разрешения у церемониймейстеров.

Однако недовольные остерегались высказывать свои мысли вслух. Они с почтением поклонились, как требовал этикет, за что придворные и получали хорошее вознаграждение. Главным было любой ценой остаться в фаворе, не разонравиться провинциалке, чтобы не пополнить ряды знатных семейств, испытавших на себе императорскую немилость. Даму Сибрит не любили, но это не было причиной рубить сук, на котором они с таким удобством расселись. Если бы первой даме империи Ангов пришла в голову абсурдная фантазия вас возненавидеть, ее ненависть могла бы стать началом бессрочной ссылки, ибо любой придворный ощущал себя изгоем, если становился нежелательным гостем во дворце, в святая святых, в императорском раю...

Поэтому дама Сибрит и ее эскорт без затруднений переступили порог монументальной двери частных покоев Менати. Ни один часовой не осмелился предложить ей пройти через клеточный идентификатор, ибо подобное требование было равнозначно завуалированной форме самоубийства. Она вошла в первый вестибюль, где теснилась толпа слуг, придворных

и скаитов. И здесь все замерли, увидев ее. Она пробежалась глазами по лицам, узнала представителей нескольких знатнейших домов Венисии, среди которых были Бурфи де Кервалор и Жокири Пассит-Паир, два человека, которых запятнал невероятный скандал с детьми, членами движения Машамы. Она также заметила бесстыдно размалеванных женщин, подруг или явных соперниц, чьей единственной целью было хоть раз пробраться в постель императора Менати. Они буквально посерели, несмотря на хваленую автопсихозащиту. Этой ночью им точно не быть покрытыми абсолютным хозяином вселенной. А потому придется раздувать угасающее пламя желания собственных мужей или гасить яростное желание какого-нибудь молодого хищника, поджидающего одинокую и легкую добычу.

Вестибюль внезапно превратился в зал со статуями. В ледяной тишине слышался только шепот.

— Вернемся, дама моя! — пробормотала Алакаит де Флель, которую встревожили убийственные взгляды, которыми осыпали ее хозяйку.

Компаньонка знала, что ее мольбы останутся без ответа. Эта ночная выходка была лишь еще одним испытанием в длинном перечне страхов, вызванных поведением неукротимой императрицы.

Две женщины и их мыслехранители обогнули центральный фонтан, струи которого наигрывали мелодичную и печальную симфонию. Десяток дверей меньшего размера, богато разукрашенных резьбой, вырисовывались на фоне стен из живой ткани с меняющимся узором. Лучи светошаров, подгоняемых едва ощутимыми сквозняками, накладывались друг на друга, образуя беглые переплетенные фигуры. Статуи вновь ожили, кланяясь и отступая на шаг, когда даме Сибрит требовался проход. Она направилась к двери справа от фонтана, которая выходила в переговорную спальни императора и которую охраняла большая группа пурпурных гвардейцев.

Она сунула руку в овальную нишу и нажала кнопку открытия двери. Растерянные гвардейцы обрели армейские рефлексы и вытянулись по стойке «смирно». В сопровождении дамы Алакаит де Флель и своих мыслехранителей императрица вошла в переговорную — крохотную комнату, залитую голубым светом и уставленную уютными подвесными креслами. Шаровые экраны ОГ, Официального Головидения, передавали беспрерывный репортаж о подвигах императора Менати. Как всегда, дама

Сибрит улыбнулась, узнав себя в одном из крошечных персонажей, занятых какой-то непонятной деятельностью.

Главный церемониймейстер, мужчина с суровым лицом и в строгих одеждах, словно комодский дьявол, вылетел из темного уголка переговорной и устремился к ней. Его удивление было так велико, что реверанс превратился в далекий от протокола поклон, недостойный его поста.

— Дама моя! Почему вы не предупредили меня о своем посещении? Император настоятельно потребовал от меня, чтобы я никого не впускал!

— Сир вряд ли говорил о своей жене! — возразила она резким тоном.

Церемониймейстер выпрямился. Его бегающие глазки, усмешка, скривившая выкрашенные перламутром губы, выдавали откровенное замешательство, которое разнесло в клочья основные принципы его ментального контроля. Ему было легко фильтровать придворных, мужчин и женщин, требовавших аудиенции императора Менати, но внезапное появление императрицы вызвало у него неприятное ощущение, что он попал между молотом и наковальней. Ослушаться императора — означало потерять его доверие и быть сосланным в нижнее крыло дворца, если не в другой дворец. Противиться императрице — означало навлечь на себя ее гнев и провалиться в бездну. В любом случае он терял все свои привилегии, добытые умелыми подковерными интригами.

— Давайте уйдем, дама моя, — выдохнула Алакаит де Флель. — Мы ставим этого человека в неудобное положение...

Дорогая Алакаит, всегда готовая сочувствовать бедам других...

— Подождете меня здесь вместе с мыслехранителями, — произнесла дама Сибрит. — Император Менати — мой законный супруг, и я не принимаю приказов от его лакеев! Извольте набрать код открытия!

— Дама моя, заклинаю вас...

— Исполняйте — или в первую же зарю я займусь вашей карьерой!

Смертельная бледность залила лицо церемониймейстера. Медленными шажками, сгорбившись, словно нес на плечах все беды мира, он приблизился к бронированному тамбуру, округлой нише, прикрытой листом золотистого опталия, и извлек из кармана накидки пульт управления. Его пальцы коснулись клавиш с клеточной идентификацией. Двойной щелчок нарушил бархатную тишину в переговорной, дверь тамбура приоткрылась, и дама Сибрит, не обращая внимания на удру-

ченный вид церемониймейстера и умоляющий взгляд Алакаит, решительно вошла в спальню императора.

Император Менати не видел и не слышал, как вошла императрица.

Дама Сибрит почти тут же узнала обнаженную молодую женщину, сидевшую верхом на императоре. Это была младшая дочь семейства Мотогор, Веронит, опасная интриганка, гадюка с ядовитыми клыками. Она была замужем за сиром Жокири Пассит-Паиром, которого императрица заметила в прихожей и чья юная сестра Аннит оказалась захваченной полицией во время облавы в арке Беллы Сиракузы. Вероятно, Жокири сам толкнул жену в объятия императора, чтобы добиться помилования сестры. И по-видимому, добился своей цели, поскольку Аннит была освобождена и через три или четыре месяца готовилась к свадебной церемонии. Ее мужем должен был стать молодой Эммар Сен-Галл. И дама Веронит, как истинная профессионалка, платила своим телом за благосклонность императора.

Дама Сибрит рассеянно оглядела переплетенные тела Менати и Веронит. Белизна их резко контрастировала с темно-фиолетовыми шелковыми простынями. Крученые колонны балдахина слегка покачивались в ритме синхронных движений любовников.

Дама Сибрит не испытывала никакой ревности. Она уже давно стала равнодушна к своему августейшему супругу. Их любовь выгорела, как костер из сушняка, быстро превратившись в холодный пепел, развеянный ветром скуки.

Сотрясающиеся ягодицы дамы Веронит были намного объемнее, чем казались в специально подобранной одежде, которая делала ее стройной. Напротив, для женщины, поклонники которой восхищались ее «волшебными персями», груди Веронит были до удивления маленькими и плоскими. А пылающая рыжая шевелюра, судя по прочим волосам на теле, явно была неестественной, хотя сама дама Веронит утверждала обратное.

Император последнее время толстел на глазах. Мускулистое, крепкое тело, которое дама Сибрит когда-то страстно сжимала в объятиях, теперь украшали некрасивые жировые складки. Потуги дамы Веронит усилить любовное возбуждение, почерпнутые из соответствующего пособия «Семь главных правил в любовной практике» знаменитого Герехарда де Вангува, не вызывали экстаза на лице императора.

Дама Сибрит решила, что комедия продолжается слишком долго.

— Сеньор мой...

Дама Веронит вздрогнула и обернулась. Увидев императрицу, она закричала, а ее карие глаза округлились от ужаса. Ее ментальный контроль, уже трещавший под ударами Менати, рассеялся, как облако под напором ветра. Она откатилась в сторону, застыла на противоположном конце громадной кровати и натянула на себя простыню. Дрожавшая, окаменевшая, она не двигалась, надеясь, что вот-вот проснется в своей спальне и что все это ей приснилось.

Менати даже не стал прикрывать свою наготу, животную, греховную наготу, которая теоретически могла привести к вызову в священный трибунал и к огненному кресту. Его императорский скипетр, размер и сила которого были предметом обсуждения придворных дам, поник. Император повернул голову в сторону супруги и устало уставился на нее.

— Нельзя сказать, что вы выбрали удачное время для визита, дама моя, — мрачно выговорил он. — Сами видите, насколько запугали эту молодую особу...

— Эта молодая особа, как вы выражаетесь, обычная шлюха! — холодно возразила дама Сибрит. — У нее задница бегемотия, крохотная грудь, и она красит волосы.

Император Менати оперся на локоть и нахмурился.

— Дама моя, я не знал, что вы умеете так грубо выражаться! Неужели возвращается ваше провинциальное естество?

— Мой сеньор, я не подозревала, что у вас такой жалкий вкус при выборе шлюх. Вы сохранили свои привычки солдафона!

— Хватит, дама моя! Вас не приглашали в мои покои, и если не хотите, чтобы я велел вас выгнать, держитесь в рамках приличий!

Дама Сибрит обогнула кровать, схватила простыню за край и резким движением сорвала ее, открыв тело дамы Веронит.

— Сир Жокири Пассит-Паир ждет вас в большой прихожей, дама Веронит. В будущем можете умерить свой пыл: его юная сестра Аннит уже получила прощение Церкви. Мы, первая дама вселенной, должны провести частную беседу с нашим супругом-императором...

Дама Веронит вскочила и бросилась к коридору, ведущему к волновому душу, где оставила одежды.

— Нет, нет, дама моя! — воскликнула дама Сибрит. — Идите в том, в чем мать родила. Пришло время, чтобы почитатели могли реально оценить ваши прелести.

Перепуганная дама Веронит бросила умоляющий взгляд на Менати, но император промолчал. Ему, с од-

ной стороны, не хотелось раздражать свою супругу, а с другой — его соблазняла идея выпустить в коридоры дворца совершенно голую придворную даму. Скандал утешит его самолюбие после жалких любовных подвигов дамы Веронит. Она оказалась не на высоте после обольстительных гримас и словесных обещаний. Единственным существом, которое когда-либо наполняло радостью вторые ночи императора Менати, была его жена, дама Сибрит.

Опустив голову, дама Веронит, с глазами, полными слез, вышла через прихожую в тамбур, двери которого Менати открыл с лежащего на ночном столике пульта.

— Разве не правда, что у нее задница бегемотия? — улыбнулась дама Сибрит.

— Сравнение несколько вызывающее, но я должен согласиться с тем, что вы правы, дама моя... Бедняжка предпочтет умереть в этом коридоре, чем выстоять перед взглядами придворных.

— Успокойтесь, мой сеньор. Даже у Мотогоров голод и жажда сильнее стыда...

Дама Сибрит уселась на край кровати и обвела взглядом беломраморные стены, оранжские ковры, опталиевые фонтаны. Ее глаза остановились на овальном витраже двери, ведущей в личный сад. И с печалью подумала, что некогда эта комната видела их объятия, слышала их поцелуи и нежные клятвы.

— Полагаю, вы нарушили половину правил этикета не затем, чтобы обсуждать задницу дамы де Мотогор, — заговорил император.

— Я пришла поговорить с вами о сновидении, мой сеньор.

— Сновидении? Вы пересекли весь дворец, бросили вызов церемониймейстерам, с жестокостью лишили императора любовных утех, чтобы рассказать о сновидении? Вы издеваетесь надо мной, дама моя?

Дама Сибрит встала и подошла к витражу.

— Я уже забыла сказочную роскошь этого сада, — мечтательно пробормотала она.

Приглушенный свет наземных прожекторов подчеркивал округлые и прозрачные лепестки ночных флиотов, до бесконечности отражался на камнях аллеи, скатывался вместе с журчащими каскадами в огромный фонтан из черного камня. Она вспомнила долгие вторые ночи, проведенные в наполненном ароматами и волшебными звуками саду императора. Они занимались любовью на траве, как звери, как примитивные люди. Под дуновением ветра, когда ласки императора Менати подсте-

гивали чудесную дрожь от осознания запретов, наполняли ее редкостными чувственными ощущениями.

Она завлекала мужчин в свои покои, пытаясь вновь ощутить чудесные мгновения удовольствия и отрешенности, но чувствовала лишь разочарование и отвращение. Все они оказались слабаками во всех смыслах этого слова, словно отказывались от своей мужской сути и проявлений жизни ради возможности стать придворным. Ей нужно было насилие, она любила ощущать резкий вкус пота и крови, ей хотелось, чтобы ее брали с яростью, причиняли боль, а они осторожно касались ее, поглаживали, запутывались в бесконечных играх рук и языка, бесполезно тянули время, готовя ее к наслаждению. Проза Герехарда де Вангува, великого эрудита, крайне навредила профессии любовника.

— Итак, дама моя! Я жду объяснений! — нетерпеливо произнес Менати.

Дама Сибрит быстро обернулась. В ее великолепных бирюзовых глазах вспыхивали яростные огоньки.

— Прежде всего я должна посвятить вас в одну из своих тайн...

— Если вы говорите о многочисленных любовниках, дама моя, то ваша исповедь совершенно бесполезна. Я уже давно информирован об интимных и тайных играх, которые вы организуете в своих апартаментах. Я терплю их, потому что крайне снисходительно отношусь к вам... Быть может, ностальгические воспоминания о наших объятиях на траве этого сада... Напротив, я не смог найти подтверждения безумным слухам, которые ходят на ваш счет: говорят, вы убиваете мужчин, которые не смогли вас удовлетворить, и купаетесь в их крови. Моим информаторам не удалось отделить ложь от правды, но есть подтверждения, что придворные, отпрыски знатных семей, высшие офицеры и даже простые слуги и гвардейцы исчезли при таинственных обстоятельствах, не оставив ни малейшего следа...

— Вселенная обширна, мой сеньор, — вздохнула дама Сибрит, пожав плечами. — А у мужчин иногда возникает необоримое желание увидеть новые горизонты...

Менати вскочил и голым присоединился к своей супруге, стоявшей у витража. Его черные сверкающие глаза вонзились в светлые озера глаз собеседницы.

— Берегитесь, дама моя! — глухо проговорил он. — Титул императрицы не дает вам всех прав.

— Верно, мой сеньор, но титул императора наделяет его всеми обязанностями.

— Уточните свою мысль!

— Моя тайна касается моих снов, а не любовников. Если следите за мной, поменяйте информаторов, они так неловки. А в постели не могут удержаться от соблазна все рассказать... Я только что сказала, что вижу пророческие сны.

— Проклятие! Вы начинаете пугать меня, дама моя!

— Если я до сих пор скрывала это от вас, то только потому, что опасалась осуждения со стороны Церкви Крейца. Инквизиторы считают пророчество элементами колдовства. Я старалась избежать скандала, который обязательно произошел бы в случае судебного процесса над первой дамой империи Ангов, обвиненной в колдовстве. Но не могу молчать после сегодняшней второй ночи. — Она быстро оглянулась. — Надежны ли ваши покои, мой сеньор?

Менати пальцем приказал ей молчать и скрылся в волновой душевой. Он вернулся через минуту, укутанный в просторный ночной плащ.

— Пошли в сад, поскольку вы так его цените...

— Мой сеньор, вы идете без облегана?

— Насколько я знаю, не в первый раз! Вы не задавали мне таких вопросов, когда увлекали на траву...

Сад в покоях Менати был окружен стенами, которые скрывали от любых нескромных взглядов. Однако придворные и кардиналы проявляли такое любопытство, что среди них, вероятно, были и те, кто с помощью немыслимых ухищрений даже сейчас подсматривал за своим сувереном.

Дама Сибрит и император Менати направились к фонтану и сели на бортик. Постоянный шум воды не позволял подслушать их разговор.

— Говорите, пророческие сны...

— Я предвидела конец сеньора Ранти и пыталась его предупредить. Я знала, что вы будете убийцей родного брата и его двоих сыновей, которых я ему дала. Я предвидела смерть Тиста д'Арголона и придворных из фронды... Недавно я видела убийство Барофиля Двадцать Четвертого... Но это только некоторые примеры...

— Муффий отлично себя чувствует!

Рот дамы Сибрит скривился в презрительной усмешке.

— Вы — посредственный актер, мой сеньор. Сенешаль Гаркот посоветовал вам избавиться от Барофиля. В моем сне даже был назначен его наследник: молодой прелат, которым манипулирует викариат... Ошибаюсь ли я?

Менати призвал на помощь весь своей ментальный контроль, чтобы не показать замешательства, в которое его повергли слова императрицы.

— Ваши сны не могут вас обманывать, дама моя?

— Они всегда оказывались вещими... Всегда.

Три из пяти спутников второй ночи уже опустились за горизонт, свидетельствуя, что вскоре наступит заря. Неверный свет заливал далекие и темные здания Венисии, среди которых на равном расстоянии торчали вышки ментального надзора.

— Сон сегодняшней ночи касается сенешаля Гаркота, — продолжила дама Сибрит.

— Прекрасное существо! — тут же перебил ее император. — Преданное, прозорливое, скрытное... Я не могу не восхищаться его работой.

— Гнусное существо, ужасающее! — поправила его дама Сибрит. — И в его планы не входит служить вам, как, впрочем, и служить человечеству...

Император вскочил и прошелся по центральной аллее сада. Подошвы его обуви скрипели на сверкающих геммах, а полы накидки закрутились вокруг голых ног.

— Умерьте свои оценки, дама моя! Вы обращаетесь не к своим конюхам в Ма-Жахи! Вы накликаете на себя опасность, вмешиваясь в государственные дела. Вы занимаете не лучшее место, чтобы судить об интересах империи Ангов...

Он остановился и издевательски расхохотался. Ночной ветер играл вихрями его черных коротких волос. Когда он был один, Менати обычно убирал искусственные, длинные витые локоны, украшавшие капюшон его облегана. Без крема, грима и перламутра лицо его было лицом старика.

— Что ты знаешь о суверенах, ты, мелкая провинциалка? Ты, которой было предназначено всю жизнь провести среди навоза скакунов твоего отца?

— У этих скакунов есть преимущество перед людьми, — ответила дама Сибрит, не обращая внимания на оскорбительное обращение на ты, сорвавшееся с его губ, как плевок. — Они ценят своего седока. У вас же нет никакой стоящей оценки: так называемые советники, которыми вы себя окружаете, пустомели, люди, ставшие мастерами в умении гладить вас по шерстке ради того, чтобы повысить свое материальное содержание. Они идут на все ради сохранения своих привилегий, даже готовы толкнуть в вашу постель своих жен. Они произносят лишь те слова, которые вам приятно слышать, а в коридорах злословят. Я пришла сказать вам правду, которую слушать неприятно. Примите ее и, если хотите изменить положение дел, станьте тем,

кто спасет человечество от величайшего крушения, а ваше имя будет прославляться и чествоваться долгие века...

— Сначала сообщите, каковы ваши интересы в этом деле, дама моя. Полагаю, вы предлагаете мне стать спасителем человечества, надеясь извлечь кое-какую выгоду из своих поступков.

— Вы ошибаетесь по моему поводу, как вы ошибаетесь по поводу сенешаля.

— Тогда излагайте вашу так называемую правду и покончим с этим! Я устал и желаю немного отдохнуть до наступления первой зари.

— Вы спите уже шестнадцать лет, мой сеньор! Как спим и мы все! Шестнадцать лет назад вы передали ключи от вашей империи сенешалю Гаркоту... И пока нежитесь здесь со шлюхами, сенешаль трудится в тиши своей лаборатории. Недавно он встретил кое-кого в замурованных подвалах дворца Феркти-Анг... И знаете кого?

Император пожал плечами и отрицательно покачал головой.

— Паминкса, бывшего коннетабля сеньора Ранти, — объявила дама Сибрит.

Раскатистый смех императора разорвал тишину сада.

— Я едва не принял ваши россказни всерьез, но это уточнение граничит с бредом шизофреника! Я сам сажал Паминкса в деремат, который отправлял его на Гипонерос.

— Скажем, вы сажали в деремат скаита Гипонероса, но, с одной стороны, один скаит ничем не отличается от другого скаита, а с другой стороны, он мог спокойно вернуться на Сиракузу с помощью своих собственных средств...

— Хватит! — взревел Менати. — Отправляйся тем же путем, что и дама Веронит. Если повезет, столкнешься с ней в коридоре и сможешь просветить ее по поводу жирной задницы!

Дама Сибрит вдруг поняла всю тщетность своего демарша. Поведение императора было лишь логическим продолжением тайных действий скаитов-стирателей. В своем сне она видела Гаркота и Паминкса, обменивающимися карикатурой на поцелуй, видела скаитов-мыслехранителей, разбуженных безмолвным импульсом и двигающихся по подземельям к чанам, установленным в рыхлой почве под фундаментом дворца Феркти-Анг. Там они сбрасывали свои белые бурнусы, опускались в густую кипящую жидкость. Их тела растворялись, как кристаллы, которые ювелиры опускали в кислоту, чтобы заново их воссоздать. Гаркот в синем бурнусе наблюдал за операциями. Казалось, он воспринимает волны энергии, излучаемые гигантским резервуаром. Потом он поворачивался к другим скаитам, коричнево-зеленым, которые мокрыми выхо-

дили из второго чана и приближались к нему неверной, прыгающей походкой, напоминавшей даме Сибрит первые шаги новорожденных скакунов. Он ртом касался их рта, и между ними начинался долгий обмен данными. Это был молчаливый, варварски странный и ужасающий ритуал, напоминавший отвратительную пародию на творение. Новые скаиты хватали первый же бурнус и отправлялись к людям, которых якобы защищали, и тут же начинали свою разрушительную деятельность. Прежде всего они стирали негативные мысли о скаитах, усиливали нужду в своем присутствии, потом добирались до самых сокровенных, самых тайных воспоминаний. Они действовали осторожно, чтобы не вызвать тревоги, они объедали память, как мелкие грызуны, устроившиеся на чердаках разума.

Она была подавлена, понимая, что император Менати, абсолютный хозяин вселенной, не расположен выслушать ее, ибо уже был существом со стертой личностью, сдавшейся на милость победителя. Он забыл о своих обязанностях и правах императора, поскольку отверг свою человеческую суть, свою суверенность. Он отказывался от трона империи Ангов, как уже отказался от своего статуса человека.

Вдруг завеса в мозгу дамы Сибрит разорвалась. Ей открылась живая картина, где она была центральным персонажем. Сенешаль Гаркот явился к ней в виде Вал-Гуа, крохотного медвигра из легенд Ма-Джахи, и воспользовался могуществом ее сновидений, чтобы отыскать трех людей, живущих на голубой планете на окраине галактики. Эти женщина, девочка и мужчина были последней надеждой человечества, а вовсе не император, как она пыталась убедить саму себя... Были ли они теми мифическими воителями безмолвия, о которых ей рассказал один из ночных любовников, молодой и страстный слуга? Если так, то она невольно вывела Гипонерос на их след.

Теперь, когда сенешаль получил то, что хотел, она оказалась в опасности. Она перестала быть полезной ему. У него был выбор — уничтожить ее или стереть ее личность, чего он не делал, пока нуждался в полном объеме ее умственных способностей.

— Ты считаешь придворных дам шлюхами, но они следуют примеру, идущему сверху! — прошипел император, чье распухшее лицо вдруг превратилось в ужасающую маску ненависти. — Ты хуже всех, Сибрит де Ма-Джахи, ты величайшая потаскуха! И я считаю, что все слухи о тебе есть истинная правда! Думаю, что ты монстр, проклятое создание, демоническая самка, насыщающаяся семенем и кровью своих жертв!

Она подняла на Менати глаза, полные слез.

— Простите, что я потревожила вас, мой сеньор...

— С этого мгновения, маленькая провинциальная шлюха, твоя жизнь станет истинным адом! Двор не простит тебе унижения, нанесенного даме Веронит. Тебя более не защищает моя любовь, тебя больше ничто не защищает! Отныне постарайся избегать мужчин! Их кинжалы и кровь могут быть отравленными... Убирайся! Я слишком долго тебя терпел, слишком долго наслаждался твоим видом!

Дама Сибрит встала. Ослабевшие ноги подкосились, и ей пришлось схватиться за бортик фонтана, чтобы не упасть на сверкающие геммы аллеи. Первые лучи зари выплеснулись на небесную равнину, изгоняя мрак. Звезды погасли одна за другой, словно задутые невидимым дуновением.

— Пусть ваша вторая ночь удачно завершится, мой сеньор, — пробормотала она.

Шатаясь из стороны в сторону, она пересекла сад, потом спальню. Перед ней открылся тот же тамбур, в котором исчезла голая и униженная дама Веронит.

Дама Сибрит, которой управляли ее сны, не оказалась прорицательницей. Она была зеркалом свободы и проницательности, в котором люди отказывались видеть самих себя.

Она осталась в одиночестве.

Когда дама Сибрит вошла в узкий коридор, ей показалось, что она превратилась в беззащитную жертву, преследуемую стаей безжалостных хищников.

Глава 15

Сердце мое не перестает воспевать твое имя,
И я плачу.
Тело мое не перестает желать твое тело,
И я плачу.
Груди мои не перестают мечтать о твоих ладонях,
И я плачу.
Губы мои не перестают жаждать твоего языка,
И я плачу.
Глаза мои не перестают оплакивать твое отсутствие,
И я пою.

Поэма, приписываемая Феникс,
жерзалемянке, предположительно жене
князя Сан-Франциско американцев

На Жер-Заleме вот уже несколько месяцев царило необычное оживление. Приближался момент пролета космин, которого сорок племен избранного народа ждали уже восемь

тысяч лет. Старейшина, толкователь Новой Библии, опираясь на суратьі Книги Космин, определил вероятную дату, когда космические странницы затмят небо звездного скопления Неороп и сядут на ледяной спутник планеты Франзия. По его подсчетам, через неделю должно было начаться путешествие в новый Жер-Залем, светоносный Жер-Залем.

Три тысячи пятьсот членов племени Бразилии, которое возглавлял князь Рио де Жанейро, занимавшиеся сбором провизии и продуктов первой необходимости на разных мирах, были репатриированы. Подготовка завершалась в атмосфере праздничной сдержанности. Племена отказались от вечных и пустых споров по поводу главенства. Четыре великих абина в парадных одеждах множили церемонии в храме Салмона, где царили два огромных святых глобуса, каждый диаметром двадцать метров, установленных на цоколях. Один из них был точкой старта, Землей истоков. Его так долго использовали, что охряные, коричневые и зеленые пятна, указывающие на расположение континентов, стерлись настолько, что растворились в выцветшей синеве океанов. Второй глобус, символ небесного Жер-Залема и конечная цель путешествия космин, оставался в превосходном состоянии. Как и Земля истоков, мифическая планета на четверть пятых состояла из воды и на одну пятую из суши, трех основных континентов, многочисленных островов разных размеров и двух полюсов, покрытых вечными льдами.

По совету просвещенного абина Элиана жерзалемяне воссоздали примерную картографию светоносного Жер-Залема. Черные линии, которые обновлялись ежегодно, делили три континента и большинство южных островов на сорок стран, каждая из которых должна была принять свое племя. Рядом с многочисленными темными точками, усеивавшими глобус, были написаны священные имена, которые в течение веков стали именами племен Фраэля и детей избранного народа.

Задолго до великого путешествия каждый знал, где расположится его племя: австралийцы князя Мельбурна займут половину громадного острова в южной части планеты, японцы князя Киото — узкий остров на востоке, французы князя Парижа и испанцы князя Гранады — западные территории огромного континента Эропазии, индийцы князя Н-Дели — страну, ограниченную горной цепью и уходящую острием в океан, северяне князя Осло — земли по соседству с Арктическим океаном... Лишь единственное племя не знало своей судьбы: американцы князя Сан-Франциско, осужденного на изгна-

ние за публичное несогласие с толкованием Новой Библии абинами. Американцы ждали окончательного решения четырех великих абинов и тридцати девяти князей-властителей. Будет ли территория племени аннексирована князем Ванкувером и его племенем, или она достанется князю Акапулько с его мексиканцами? Назовут ли абины нового князя вместо изгнанника? Но в ни в коем случае не могло быть и речи об оправдании Сан-Франциско, как требовали три с половиной тысячи членов его племени и отдельные члены других племен. Мятежники из всех племен — канадцы, китайцы, русские, англичане... — даже похитили корабль Глобуса и покинули Жер-Залем, чтобы встать на службу изгнаннику. Ходили настойчивые слухи о его скором возвращении, но этим отщепенцам будет столь же трудно войти в чрево космин, как гоку попасть в светоносный Жер-Залем.

Пока тридцать девять князей и четыре великих абина вели спор о его судьбе вТориале, зале ассамблей, остальные жерзалемяне проводили последние репетиции церемонии отлета. Во время последнего прилета космин восемьдесят веков назад три отставшие небесные странницы были погребены под внезапным ледяным обвалом и навеки остались в отвесной стене цирка Голан, расположенного в ста тридцати километрах от Элиана, столицы Жер-Залема.

Духовные и мирские вожди избранного народа сочли желательным дождаться последнего мгновения, чтобы открыть наличие в их мире этих трех замерзших и прекрасно сохранившихся образцов. Они опасались, что слишком раннее знакомство с конкретными доказательствами истинности жерзалемской мифологии окажет губительное влияние на души подданных. Слепые вера и подчинение были основами, на которых абин Элиан воздвиг хрупкое здание этой цивилизации. Узнай члены избранного народа о трех косминах из запретной зоны цирка Голана, они могли бы забыть о священном Слове, чтобы поклоняться трем коричневым телам, навечно закованным во льды. Абины извлекли урок из истории с золотым тельцом, рассказанной в древней земной Библии. Народ Фраэля уже проявлял склонность отказываться от священных заповедей, чтобы простираться перед идолами. Однако абины и князья решили снять запрет за несколько дней до великого отлета и дать возможность людям ознакомиться с внешним обликом будущих космических перевозчиков.

По очереди сто сорок тысяч жерзалемян, закутанных в теплые шкуры снежных медвигров, выходили из подземного города Элиана, рассаживались по охотничьим буерам,

судам с солнечными парусами на громадных железных полозьях, и отправлялись посмотреть на замерзших космин. Самый большой экземпляр был длиной пятнадцать метров от овальной головы с тремя кольцевыми наростами до хвоста, своеобразной хрящевидной перепонки, которая раскрывалась, как веер. Две другие космины шести-семи метров в длину выглядели так же, как и их крупный родственник: тело со слегка выпуклыми боками, внешний шершавый панцирь, который приобрел грязно-коричневый цвет из-за разогрева в атмосфере. Хотя толстый лед представлял собой полупрозрачный экран между зрителями и косминами, можно было четко разглядеть многочисленные сине-зеленые кристаллы, вросшие в панцирь. Жерзалемские ученые не смогли определить происхождение и состав этих минералов — были ли это минералы? — и назвали их кристаллами за неимением другого названия. Они предполагали, что эти прозрачные наросты улавливали межзвездные течения, преобразовывали их в энергию движения, позволяя космическим странницам преодолевать порог скорости света и переходить в иное пространственно-временное измерение. Их происхождение, способ существования, система воспроизводства, причины миграций, способность выдерживать космический вакуум, манера переработки кислорода и воды оставались тайной за семью печатями. Несколько ученых просили разрешения абинов извлечь одну космину изо льда для тщательного исследования: они хотели изучить внутренние механизмы для создания искусственных космин в том невероятном случае, если предсказания Новой Библии окажутся неверными. Совет абинов не только отверг их просьбу, но и приговорил наглецов к смерти — их скормили снежным медвиграм в цирке Плача (нельзя безнаказанно нарушать заповеди святой Библии). Абины боялись, что внутри космин будет найдено человеческое тело, тело абина Элиана, и подобная находка обрушит здание жерзалемской веры, как вульгарный карточный домик.

Члены избранного народа, мужчины, женщины и дети, пытались разглядеть священное отверстие странниц, которое должно было теоретически располагаться рядом с чревом в районе хвоста. Но перепонки сложенных крыльев и плотный лед мешали различить более подробные детали под внутренними складками панциря. Однако все покоилось именно на этом отверстии, которое тщательно избегали называть анальным, ибо было неизвестно, имеют ли космины систему переваривания и эвакуации отходов жизнедеятельности. К тому же что за слава попасть в рай через задний проход животного, даже мифического?

Согласно Новой Библии Жер-Залема, небесные странницы садились на ледник всего на несколько минут, чтобы их пассажиры, небесные хризалиды, выбрались наружу и превратились в бабочек света. Действовать следовало очень быстро: раздеться, разглядеть отверстие под брюхом, пролезть в него головой вперед и осторожно пробраться по узкому проходу до центрального отсека. Там надо было улечься и дождаться, пока космина перестроит свой метаболизм, приспосабливаясь к новому паразиту. Космина набирала нужное количество кислорода и воды для сорокадневного космического перелета, как утверждалось в Библии. Гостю предоставлялось жилье и пища, но не одежда. И с самого юного возраста жерзалемяне тренировались, выдерживая ежегодный сорокадневный пост Радан. Это стало их второй натурой. Бразильцы князя Рио де Жанейро, которые уже двадцать лет жили на внешних мирах, никогда не забывали о соблюдении Радана и правильно делали, если хотели получить дивиденды за свою настойчивость.

Большинство жерзалемских семей имели право лишь на двух детей и только в том случае, когда они заменяли умерших, мужчин, ставших жертвой сведения счетов между племенами, мятежников, осужденных на то, чтобы закончить дни в брюхе медвигра, или женщин-грешниц, которых заливали в ледяные столбы. Эта регуляция смертей и рождений, которую осуществляла группа незамужних женщин, так называемых дочерей Эссиона, имела двойной смысл: сохранить священное число в сто сорок тысяч исходных избранников и избежать катастрофического перенаселения на столь бедном ресурсами мире, каким был Жер-Залем. В 6400 году многие семейные пары отказались подчиняться контролю над рождаемостью и рожали по четыре-пять детей. Население резко выросло до двухсот двадцати тысяч душ, и племя, занимавшееся поставкой продовольствия — тогда это были немцы князя Гамбурга, — оказалось неспособным обеспечить народ достаточным количеством пищи. Великие абины решили восстановить нормальный демографический ход на планете: стража сорока князей собрала все семьи, виновные в нарушении предписания, на высоком леднике Фраэль и мечами уничтожила их. Ледник выпил кровь жертв, стал равномерно красным и был объявлен запретным. Этот исторический эпизод, оставшийся в коллективной памяти как «проклятый день восьмидесяти тысяч», был открытой и кровоточащей раной в сознании избранного народа.

Родители учили детей главным движениям ритуала исхода. Их учили не колотить ногами в брюхо космин, сво-

дить телодвижения к необходимому минимуму ради экономии кислорода, поступавшего из пористых карманов и возобновлявшегося по мере надобности, собирать подушечками пальцев капли воды, выступавшие на стенках плоти, и смачивать себе губы. Для улучшения тренировок многие семьи, если не все, установили в жилищах искусственные отсеки с проходом и отверстием.

Подземный город Элиан стал шумным от суетливой подготовки. Близость исхода возбуждала жерзалемян, народ крайне аскетический, до того, что они уже не могли заснуть. Они ночами бродили по улицам, сводчатым галереям, вырубленным во льду и освещенным светошарами, пускались в яростные споры на пороге жилищ, на площадях, на ступеньках лестниц, ведущих наружу. Еще никогда в городе не раздавалось столько смеха и звонких голосов. В эти сказочные часы никто не хотел сидеть в гладких и холодных стенах жилищ. Все хотели разделить свое счастье и гордость с друзьями, соседями и даже с незнакомцами из племен, традиционно враждовавших с их племенем. Мрачный вид застывших обнаженных мужчин и женщин — некоторые были залиты льдом уже полсотни веков назад — в позорных столбах не мог погасить их радости. Вскоре они оставят позади себя эти немые свидетельства жестокости своего народа, с них на небесном Жер-Залеме будут смыты все грехи, они будут жить вместе с пророками и богами, будут обнаженными и свободными кататься по свежей ароматной траве, забудут о болезнях, смерти, им до скончания вечности будут прислуживать светоносные ангелы Эдема...

Только одно племя не разделяло всеобщей радости. Собравшись у монументальных дверейТориаля, более тысячи американцев ждали исхода дебатов о своем будущем. Прямые колонны украшали четыре стены гигантского центрального блока льда, в котором был вырублен зал ассамблей. Мощные лучи вращающихся прожекторов отражались от гладких стен, в которых чернели темные отверстия главных улиц города. Рядом сТориалем высилось кружевное здание храма Салмона с его куполом и стреловидными башнями. Неф храма, где хранились священные глобусы, был самым лучшим зданием Элиана. Во время великих церемоний затмений его кольцевые ступени могли принять тридцать тысяч человек. Медленные движения ледяных языков несколько раз повреждали храм в течение восьмидесяти веков пребывания избранного народа на Жер-Залеме, и сорока племенам Фраэля приходилось восстанавливать или вновь отстраивать разрушенные части. Из-за постоянного движения полярных шапок двумя основными занятиями мужчин было поддержание

города в нормальном состоянии, а также сохранение и украшение храма Салмона.

Феникс, молодая женщина из племени американцев, подняла воротник шубы из снежного медвигра. Вот уже долгие часы она топталась на ледяном полу площадиТориаля, и, несмотря на меховые сапоги, ноги ее стали коченеть. Она рассеянно глядела на неподвижные, посиневшие тела мужчин и женщин в ледяных столбах. На их лицах и в открытых глазах сохранялось выражение ужаса. Они походили на статуи. У мужчин были отрезаны детородные органы, и кровь, вылившаяся из раны, застыла пурпурным облачком.

До своего изгнания князь Сан-Франциско объяснил Феникс причины их осуждения.

— Первые жертвы религии Глобуса... Уже семьдесят три века эти несчастные люди мертвыми глазами созерцают площадьТориаля. И только потому, что у них были плотские отношения с гоками во время туристической поездки на Франзию... Я читал их историю в журнале Старейшины...

Сан-Франциско не стал распространяться на эту тему, чтобы не скомпрометировать молодую женщину, но Феникс поняла, что ни сердцем, ни головой князь американцев не соглашался с абинским видением Новой Библии. Но она никак не предполагала, что это несогласие приведет к вечному изгнанию Сан-Франциско. Хотя он отбыл с планеты двадцать лет назад, она не переставала его любить и верила, что он разделяет ее чувства. Она сожалела, что не отправилась в изгнание вместе с ним, но ей еще не исполнилось и шестнадцати лет в момент, когда был произнесен публичный приговор, а ее родители, отец Даллас и мать Шейенн, отказались отпустить ее вместе с мятежниками из разных племен. Теперь ей исполнилось тридцать шесть лет, она была красивой зрелой женщиной и категорически отказывалась от предложений всех воздыхателей, американцев и прочих, которые появлялись в жилище ее родителей. Она не получала никаких известий от Сан-Франциско, ни прямых, ни косвенных, но если сердце настойчиво нашептывало ей, что он ее не забыл, что вскоре явится за ней, голова с опаской считала дни до прибытия космин. Она еще не знала, каким будет ее решение в случае, если небесные странницы сядут до того, как объявится ее князь-изгнанник. Она сомневалась, что у светоносного Жер-Залема будет сладкий вкус Эдема, если она окажется на нем без избранника сердца.

— Как ты думаешь, что они сделают с нами? — спросила Денвер, женщина шестидесяти лет, которая подпрыгивала от холода рядом с Феникс.

У ее коричневых губ возникали и рассеивались крохотные облачка конденсата. Длинные серые волосы обрамляли медное лицо без единой морщины. Она, как Феникс и многие жерзалемяне, была закутана в шубу из медвигра, носила меховые брюки и сапоги.

— Проклятием для наших сердец и голов будет присоединение к канадцам или мексиканцам! — продолжила Денвер. — Проклятие для всего избранного народа! Мы нарушим исходное единство сорока... Почему князь Сан-Франциско открыто восстал против великих абинов и Старейшины? Из-за него Создатель и боги могли изгнать нас из своей головы и лишить небесного Жер-Залема...

— Сан-Франциско действовал по велению сердца! — резко возразила Феникс.

Денвер перестала подпрыгивать и искоса глянула на молодую женщину. Из ее узких глаз струилось жаркое пламя. Все вокруг нее, мужчины и женщины разных возрастов, выглядели мрачными и не спускали глаз с двустворчатых воротТориаля.

— Я забыла, что любовь и прозрение часто не согласуются друг с другом... — прошептала Денвер.

Она, несомненно, считала, что проявила слишком много снисходительности по отношению к дочери Далласа и Шейенн, которая, как знал весь Жер-Залем, с отчаянной надеждой любила изгнанного князя. Денвер так надоело ждать и сдерживать позывы мочевого пузыря, что ее охватила холодная ярость и ей хотелось сорвать злость на ком-нибудь.

— Твой князь никогда не вернется! — прошипела она. — Даже в небесном Жер-Залеме ты останешься старой девой с высохшим сердцем и никому не нужным чревом... Тебе никогда не узнать удовольствия, которое получаешь, когда тебя обрабатывает плуг мужчины...

Феникс показалось, что слова Денвер были ледяными остриями, пронзавшими ее сердце. Ей захотелось выхватить из кармана кинжал и вонзить по самую рукоятку в глотку издевающейся старухи.

Испуганная яростными огоньками в черных глазах собеседницы, Денвер отступила и исчезла среди толпы. Феникс поняла, что ее яростная реакция отражала ее собственное недоумение, ощущение, что она прошла мимо своей молодости, мимо своей жизни.

Она пересекла площадьТориаля и углубилась в узкую улочку. Пробираясь через группки людей, толкавшихся на пороге жилищ, она прошла три километра по наклонной улице и направилась к вертикальному колодцу, ведущему на поверхность. Она протиснулась в узкое отверстие и встала на платформу, которая тут же начала подниматься наверх.

Через десять минут подъема металлической платформы по трехсотметровой трубе она попала на верхний понтон. Еще не ступив на запасную лестницу, которую мужчины убирали ежедневно, Феникс ощутила на лице и шее укусы ночного ветра. Она достала пару кожаных перчаток, подняла воротник шубы, закрыв щеки, и двинулась по ледяным ступеням вверх, крепко держась за металлический поручень.

Подметки ее сапог заскрипели на тонком снежном слое, покрывавшем лед. Несмотря на шубу и перчатки, а также на привычку к полярному холоду спутника Франзии, ее руки, ноги, живот и грудь тут же озябли. Как же люди будут раздеваться, чтобы проникнуть в чрево космин? Ночь накрыла темным бархатом нетронутую белизну льдов. Расхаживая взад и вперед, чтобы окончательно не замерзнуть, она глядела на сказочный звездный букет Неороп, алмазную спираль, в центре которой пылал рубин Бетафипси, пурпурной королевы. Потом перевела взгляд на гигантский зеленый светильник Франзии, занимавший четверть неба.

Быть может, Сан-Франциско был там, такой близкий и такой далекий. Чего он ждал, чтобы вернуться за ней, чтобы полюбить ее?

Глаза ее наполнились слезами, но она удержалась от плача. При пятидесяти пяти градусах мороза слезы за несколько секунд превратятся в болезненные сталактиты на ресницах.

Она вдруг услышала позади себя шаги. Обернулась и увидела два желтых огня, сверкавших во мраке. Дикий медвигр. Крайне редко случалось, чтобы белошубые хищники так близко подходили к входу в подземный город. Пасть его была открыта, и в ней торчали острые, длинные клыки. Зверь покачивался, стоя на мощных задних лапах, в десятке метров от Феникс, чье сердце забилось в яростном ритме. Она заставила себя успокоиться. Застыла на месте, вспомнила священное слово абина Элиана; потом, когда ее тело выполнило переход к невидимости, бросилась к лестнице, ведущей в город.

Внезапное исчезновение добычи на несколько мгновений обескуражило медвигра. Он не видел ее, но ощущал

запах, чувствовал движение воздуха, видел следы на снегу... Когда он понял, что она не испарилась, а просто исчезла из виду, он яростно взревел и бросился вслед за запахом.

Когти его ухватили пустоту. Добыче удалось проскользнуть в узкое отверстие, ведущее в город людей, место, которое могло мгновенно превратиться в смертельную ловушку.

Он не стал упорствовать и потрусил в более спокойные, хотя и бедные добычей места.

Тишину зари разорвал рев двигателей. Косые лучи Домового-1, который еще не вышел из-за горизонта, пронзили небо, затянув льды розовым покрывалом.

Корабль сел не на стояночную площадку в двадцати километрах от города Элиан, откуда надо было добираться на буерах. Когда пять опор вышли из раскаленного корпуса, корабль скользнул в сторону и приземлился всего в нескольких сотнях метров от входа в город.

Его посадка вызвала настоящую снежную бурю в радиусе двух километров. От разогретых льдов поднялись облака пара. Такой маневр мог вызвать смещение льдов и многочисленные разрушения из-за подземных сжатий, но капитан корабля явно спешил, а потому не стал соблюдать экологическое равновесие Жер-Залема.

Как только дым и пар рассеялись, часовые, вооруженные светоружьями, покинули наблюдательные посты и образовали круг у корабля, чьи опоры на две трети ушли в лед.

В борту открылось круглое отверстие. Оттуда выпал трап и тяжело опустился на лед, подняв облако снега.

Князь Сан-Франциско американцев в просторной шубе из белого искусственного меха вышел из корабля первым. За ним шли ребенок-гок восьми или девяти лет, закутанный в слишком большую для него шубу из шкуры медвигра, еще два гока, молодой и старый, в кожаных пальто, обычно предназначенных для пилотов коммерческих кораблей, и двадцать жерзалемян в плотных боевых комбинезонах.

Часовые не знали, как себя вести. Они, как и остальные, знали, что мятежники были нежелательными гостями на Жер-Залеме, но не получили никаких прямых указаний на их счет. Сан-Франциско был изгнанником, но им не хотелось открывать огонь по одному из сорока князей избранного народа.

— Пусть один из вас отправится предупредить великих абинов о моем возвращении! — громко произнес Сан-Франциско, ступив на лед.

— Невозможно, князь! Они на утренней службе! — ответил один из часовых.

— В таком случае ведите меня в храм Салмона!

— Но, князь...

Часовой замолчал, понимая бесполезность протеста. Вокруг князя американцев стояли двадцать жерзалемян, сжимавших рукоятки мечей. Ребенок и два гока стояли чуть позади, у основания трапа. Хотя с наступлением дня температура поднялась на двадцать градусов, их губы посинели, они дрожали и клацали зубами.

У часовых было превосходство в численности и вооружении, но ни один из них не был готов пожертвовать собой за несколько дней до прилета космин и отказаться от шанса попасть в светоносный Жер-Залем.

— Ты знаешь дорогу, князь. И не нуждаешься в нашей помощи, чтобы добраться до храма, — произнес один из них.

— Кого вы высматриваете? — спросил Сан-Франциско. — Первых космин?

— День близится, и мы следим за появлением первых признаков прилета небесных странниц...

Сан-Франциско кивнул:

— Песнь космоса, светлые ветреные зори, танец комет...

— Вижу, вы не забыли суратьі Новой Библии, князь...

Часовые отодвинулись, давая проход небольшому войску. Их никто не сможет упрекнуть в пролитии крови в эти благословенные дни славы и всепрощения. Ни один из них не установил связи между ребенком-гоком и маленькой пророческой суратой из Книги Космин: «Песне космоса, светлым ветреным зорям и танцу комет будет предшествовать приход невинного ребенка, явившегося из дальних стран, ребенка, который одной силой любви победил безжалостных хищников великой пустыни...»

Ледяные туннели с расположенными на равных расстояниях массивными деревянными дверьми — улицы города Элиан и входы в жилища, уточнил Москва, — были пустынны и тихи. Жек, Марти и Робин де Фарт, чьи сапоги не имели специальных подметок, передвигались маленькими осторожными шажками. Они тратили энергию на поддержание равновесия, поскольку наклонные туннели могли в любой момент превратиться в опасную, скользкую дорожку. Иногда они проходили мимо квадратных столбов, внутри которых виднелись ужасающие лица с широко открытыми глазами и безжизненные тела.

Жек спросил Москву, почему этих людей замуровали в лед, но черты жерзалемянина посуровели и он не снизошел до ответа. Ватная тишина, царившая в галерее, поглощала шум шагов и голоса. После часа ходьбы они вышли на площадь, в центре которой высилось квадратное здание, окруженное ярко освещенными столбами с нетронутыми трупами женщин и искалеченными трупами мужчин внутри. Жеку было неприятно видеть эти статуи мертвецов, часть которых была окружена красным облачком.

—Ториаль, — прошептал Сан-Франциско. — Зал ассамблей...

Он старался сдерживать себя, но возвращение на Жер-Залем и в город Элиан переполняло его переживаниями. На «Папидуке» он двадцать лет странствовал от мира к миру, но так и не забыл родной планеты, страны льдов и снегов, где вырос, играл, дрался, где полюбил. Увидев фасад и монументальные вратаТориаля, внутри которого часто спорил со Старейшиной и тридцатью девятью князьями избранного народа, он вдруг понял, что Единый Творец и прислуживающие ему боги отправили его в изгнание с единственной целью — помочь принцу гиен исполнить свою судьбу. Он не задавал вопросов, действовал по велению сердца, но голова теперь осознала, что первостепенной миссией его существования, его долгом было отвести Жека в цирк Исхода до появления космин. Ему надо было любыми средствами убедить табинов дать маленькому анжорцу место в чреве небесной странницы. Для себя он ничего не требовал, кроме возвращения Феникс, с которой расстался, когда ей еще не было шестнадцати лет. Сердце подсказывало ему, что она его не забыла.

Они обогнули массивныйТориаль, вышли на широкую аллею и направились к храму Салмона, на огромной паперти которого теснились тысячи жерзалемян.

— Те, кому не хватило места внутри храма, — уточнил Москва.

Здание ассамблей было достаточно изящным, но по сравнению с храмом Салмона казалось тяжелым и грубым.

— Какое чудо! — воскликнул Робин де Фарт. — Как вы считаете, Марти? Я же говорил вам, что Жер-Залем стоит посетить...

Марти кипел от негодования. Невыносимый холод проникал в ноги, руки, во все тело, наливая нечувствительные мышцы тяжестью. Он вспоминал о жарких поцелуях ветра второй сиракузской ночи, нежных ласках Розового Рубина и Солнца Сапфир, об ароматах, висящих над улицами Венисии. Он спрашивал себя, что заставляло людей вести суровую жизнь внутри ледника. Он искоса посматривал на Жека, который, судя по бледности щек и синеве губ, промерз не меньше его. Демон без уста-

ли караулил момент, когда маленький анжорец останется в одиночестве. Пока возможность устранить его ни разу не предоставилась. Жек всегда находился в сопровождении одного или нескольких взрослых. Необъяснимое исчезновение Монреаля ничего не изменило. Устами Марти демон пытался уверить других, что исчезнувший случайно открыл люк нижнего трюма. Жерзалемяне не верили в трагическую небрежность Монреаля, который был опытным пилотом из племени канадцев, но, к счастью для Марти, никто не догадался обыскать каюту сиракузянина. К тому же перелет длился всего двое суток, иначе вонь в крохотном закутке вскоре стала бы невыносимой.

— Как тебе нравится храм наших жерзалемских друзей, Жек? — повторил Робин де Фарт.

Ему хотелось разделить свое восхищение с кем-то, а поскольку Марти выказывал полное равнодушие, он обратился к Жеку, чья голова едва виднелась из-за поднятого воротника шубы.

— Красиво, — сказал мальчуган.

Короткое, но откровенное мнение. Гармоничное величие храма восхитило его, даже потрясло. Высокие стены с многочисленными арками или аркадами вздымались на двухсотметровую высоту. Ему казалось, что округлая вершина центрального купола и стреловидные боковые башни с кружевными крышами словно пронзали толстый слой льда. Кроме скульптур, обрамлявших монументальный портал, виднелось множество шестиугольных ниш со сценами из Новой Библии, чьи миниатюрные, точеные персонажи были столь же прекрасны, как и хрустальные произведения ремесленников Анжора. Яркий свет вращающихся прожекторов выхватывал из тьмы великолепные геометрические узоры в ледяной мозаике, заменявшей витражи классических религиозных строений.

— Истинный шедевр! — восхищался Робин де Фарт со слезами на глазах.

Старый сиракузянин сожалел, что Сан-Франциско запретил ему пользоваться маленьким голографическим регистратором, единственным предметом, который он спас из всего научного и книжного наследия, оставленного в каюте «Папидука». Жерзалемяне не имели права лишать человечества единственного свидетельства их истории и мастерства.

Глаза Жека, уставшие созерцать величественный храм, перешли на Робина. В корабле Глобуса он пытался рассказать старику о странном поведении Марти, но тот немедленно сменил тему разговора, словно категорически отказывался

слышать малейшее осуждающее слово о своем сопланетянине. Жек понял, что Робин страдал от той же нехватки привязанности, что и видук Папиронда, и тщательно избегал того, чтобы его поздняя отеческая любовь к Марти была поколеблена. Люди были готовы идти на любое безумство, чтобы выразить всю силу своей любви. Жек попытался довериться Сан-Франциско, но ему ни разу не удалось остаться один на один с бывшим помощником видука, которого постоянно окружали соратники. Поэтому он избрал иную тактику поведения, стараясь не оставаться наедине с чудовищем, прятавшимся в Марти.

— Князь Сан-Франциско! Князь-изгнанник! — раздался чей-то вопль.

Головы жерзалемян, стоявших вне храма, разом повернулись к маленькому войску, поднимавшемуся по ступеням паперти.

— Гоки! Князь Сан-Франциско привез гоков!

Тысячи недоверчивых, враждебных, ненавидящих глаз уставились на Жека и двух сиракузян. Не внезапное возвращение князя поразило или оскорбило членов избранного народа, а то, что его сопровождали представители проклятых народов, изгнанников Глобуса, отпрыски самок с гнусным чревом и самцов с отравленным семенем.

Несколько мужчин и женщин выбрались из толпы, преклонили колени перед Сан-Франциско и с почтением поцеловали полы его шерстяной накидки.

— Да будет с тобой благословение, князь Жер-Залема! Ты пришел вовремя, чтобы помешать князьям Ванкуверу и Акапулько аннексировать твоих американских детей!

Сан-Франциско с нежностью поднял их.

— Настал час испытания истиной... Будьте готовы...

Его телохранители обнажили мечи, образовав непроходимую стену вокруг него и троих гоков, и двинулись вперед, разрезая толпу на паперти. Никто не воспротивился им, не произнес оскорбительных слов. Все расступались, не оказывая ни малейшего сопротивления. Из распахнутых врат храма доносились священные песнопения избранного народа, песнопения, восхвалявшие одиссею абина Элиана и ста сорока тысяч фраэлитов, прилет небесных странниц и исход в светоносный Жер-Залем.

Над кольцевыми ступенями, на которых теснились тридцать тысяч жерзалемян — невероятное скопление народа для первой заутрени, — нависало центральное помещение нефа, круглое пространство, где пол был выложен частями фюзеляжей первых кораблей. Оно было окружено рядом кресел, в кото-

рых сидели Старейшина и князья. Одно из кресел было пустым. В центре нефа высились громадные священные глобусы.

Песнопения постепенно замолкли. Их сменил все более мощный ропот голосов. Головы повернулись в сторону главной аллеи, где группа людей в военной форме бесцеремонно раздвигала ряды верующих, мешавших ее проходу.

Князь Сан-Франциско в сопровождении трех гоков и своих людей вступил в неф. Четыре великих абина, стоявшие за пультами, где были открыты четыре светобиблии древних времен, замерли. Их длинные белые одеяния, инкрустированные крохотными кусочками железа, закрывали белые сапоги. Из-под конических колпаков торчали черные скрученные пряди, падая на плечи темными непослушными ручейками. Они напомнили Жеку две декоративные пряди, которые па Ат-Скин вытягивал из-под капюшона облегана. Маленький анжорец мгновенно отождествил абинов с миссионерами Крейца: та же восковая кожа, тот же суровый взгляд, тот же вид хищной птицы... Москва рассказывал ему, что редкие крейцианские миссионеры, лишившиеся ума настолько, чтобы ступить на землю Жер-Залема, отправлялись в родные миры в небольших герметичных мешках.

— Послание было следующим: ваше слово и ваше видение мира столь же заразно, как и ваше семя... — добавил Москва, рассмеявшись. — Но Церковь Крейца по-прежнему интересуется нами. Однажды она постарается отравить нас газами, как жителей Северного Террариума. Но будет слишком поздно: странницы унесут нас в светоносный Жер-Залем...

Дым, поднимавшийся из небольших сосудов, стоявших на треножниках, был густым, благоухал ароматами. Два огромных глобуса на широких цоколях походили на две планеты-близнецы, одна из которых преждевременно состарилась.

Либо они прекрасно владели своими чувствами, либо предусмотрели встречу, но великие абины не выразили ни удивления, ни раздражения в связи с возвращением Сан-Франциско. Они спокойно выстроились в ряд у входа в неф, скрестили руки на груди и смерили взглядом изгнанника. Тридцать девять князей остались сидеть, но постарались избежать огненных взглядов своего собрата. Ни один из них не вступился за него двадцать лет назад во время процесса о ереси, который учинили хранители Новой Библии. В храме воцарилась тягостная тишина. Тридцать тысяч присутствующих затаили дыхание.

— Тебе нечего делать на Жер-Залеме, Сан-Франциско, — заявил один из абинов. — Ты был изгнан навечно из

наших голов и наших сердец! — Его могучий, резкий голос взлетел к своду нефа. — Ты имел наглость не только заявиться сюда без приглашения, но и проявил невероятное непочтение, введя в святое место гоков, предателей человечества! До сих пор ни одно проклятое создание, ни один сын или дочь зараженного семени и гнусного чрева не поганило храма Салмона!

Жек, замерший позади Сан-Франциско, понимал, что абин говорит о нем, и ему показалось забавным, что па и ма Ат-Скины были столь же ограниченны.

— Абины, я благословляю день, когда вы приговорили меня к изгнанию, — громко ответил Сан-Франциско. — Благодаря вам, я смог посетить обширный мир, я встречался с множеством гоков и заметил, что мои братья из рассеянного по миру человечества носят в сердцах и головах столько же достоинств, что и избранные...

— Не говори от имени избранных! — перебил его абин. — Ты перестал быть частью великого народа Фраэля. Ты стал гоком среди гоков, предателем среди предателей, проклятым среди проклятых!

— Абины, вы осуждаете меня, ничего не зная! Вы, бдительные хранители Новой Библии Жер-Залема, следовали путями своей головы и позволили джунглям вырасти на тропе своего сердца. Но сураты Новой Библии обращаются к сердцу человека. Это — тайные пути, которые ведут к внутреннему храму. Абины, разве солнца сияют только для одного народа? Разве Создатель дал фундаментальные законы вселенной только жалкой кучке своих творений? Воздух, вода, огонь — разве они предназначены только элите?

— Твоя речь есть речь змея-искусителя из первого Эдема! — возопил второй абин. — Как и двадцать лет назад, ты предлагаешь яблоко раздора, но, как и двадцать лет назад, мы отказываемся вкушать его! Ты пытаешься внести в сердца и головы смуту, но ни один избранный не будет унесен горьким потоком твоей речи... Разве рассеянное человечество блюло законы святой Библии? Постилось ли оно по сорок дней каждый год? Возносило ли оно хвалу Создателю и богам? Будут ли его представители на Жер-Залеме в славный день прилета космин?

Сан-Франциско сделал несколько шагов по центральной аллее в сопровождении своих телохранителей, которые, войдя в храм, убрали мечи в ножны. Изгнанник обвел глазами море человеческих голов, окружавших его. Хотя был всего один шанс из тысяч, чтобы увидеть только одного человека в

этом множестве, он был разочарован, что не заметил лица Феникс.

— Есть множество способов почитать Отца Создателя и его богов, — вновь заговорил Сан-Франциско.

В полной тишине ледяного храма его тихий и печальный голос звучал трагично.

— Вы, абины, завладели словом Библии, чтобы удовлетворить свою жажду власти и подчинения других. Вы заставили избранный народ веками прятаться в леднике, чтобы быть уверенными, что они не уйдут из-под вашего контроля... А как человечество могло ознакомиться со священным учением? Вы действовали так, как действует ученый, отказывающийся сообщить о своих открытиях людям. А ведь его открытия ему не принадлежат. Он — просто инструмент в руках Отца. Вы такие же инструменты Отца, но вы отказались играть его небесную партитуру. Ваша интерпретация священных текстов — всего лишь жалкая и безрадостная мелодия...

Жек быстро оглядел первые ряды кресел и четырех абинов, застывших перед глобусами, словно статуи. Он видел, что слова Сан-Франциско пробудили интерес в жерзалемянах, восхищение некоторых князей и гнев священнослужителей.

— Достаточно! — крикнул один из абинов. — Ты был осужден на изгнание советом абинов и твоих собратьев двадцать лет назад! Тогда нам надо было потребовать твою голову!

Князь канадцев Ванкувер встал со своего места, широкими шагами пересек неф и встал перед Сан-Франциско. Он был ниже, но массивнее, на нем был плащ цвета его кожи, коричневатой охры. Его высокие круглые скулы подчеркивали крохотные, глубоко сидящие глаза с тяжелыми веками. Его гладкие волосы серебрились.

— Твой поступок суетен и вызывает горечь! — проверещал князь Ванкувер странным фальцетом. — Твое сострадание к гокам ввело тебя в заблуждение, Сан-Франциско. Для чего ты произносишь речи о равноправии за несколько дней до прилета космин? От имени князей Жер-Залема и Старейшины предлагаю тебе выбор: немедленно покинуть святое место и вернуться в вонючие миры, откуда ты не должен был никогда возвращаться, или понести вместе с твоими гоками и людьми наказание, назначенное тому, кто нарушил законы святой Библии!

Жек не спускал глаз с резного сверкающего эфеса меча князя Ванкувера. Он ждал, что тот извлечет свое оружие из плетеных ножен и обрушит лезвие на его шею. Судороги, про-

бегавшие по его спине, происходили не только от пронизывающего холода, царившего в храме. Робин де Фарт внимательно разглядывал глобус небесного Жер-Залема: некоторые названия, нанесенные на желтые, зеленые и коричневые пятна континентов, что-то смутно напоминали ему. Он был уверен, что они имели связь с древней книгой, которую ему довелось листать на одном из многочисленных миров, но тщетно рылся в своих воспоминаниях. Пока он не получил доступа к той части памяти, где хранилась нужная информация.

Сан-Франциско приблизился к Ванкуверу и презрительно смерил его взглядом.

— Мое сердце не ждало от тебя иного, князь канадцев. А голова моя делает вывод: твое вмешательство обусловлено тем, что ты получил в наследство мое племя...

— Не полностью! Совет абинов решил в своей великой мудрости разделить твою территорию и твоих подданных на равные части между князем Акапулько и мной. Какое решение ты принимаешь? Немедленный уход или смерть?

Сан-Франциско отвернулся от него, подошел к абинам и указал пальцем на Жека.

— Абины, милость, которую я прошу, относится не ко мне, а к принцу гиен с Ут-Гена. Согласитесь на мою просьбу, и я тут же уйду... Умоляю вас дать место этому ребенку в чреве космины...

Возмущенный ропот пронесся по ступеням, превращаясь в крики, вопли. Оглушительный рев заполнил храм и паперть. Жек не осмеливался смотреть по сторонам, но затылком и лицом ощутил дыхание ненависти и сжался в своем слишком просторном одеянии. Робин испугался, что крики, вырывающиеся из тридцати тысяч глоток, вызовут сотрясения и трещины в стенах и сводах ледяного храма.

Абины раскинули руки, чтобы восстановить спокойствие.

— Это требование переполнило чашу нашего терпения! — завопил один из них, когда подобие тишины было восстановлено. — В эти дни всепрощения мы были готовы отпустить тебя живым, Сан-Франциско, но ты сам дал нам основание для твоего осуждения! Требуя от нас, чтобы мы допустили твоего гока в чрево космины, ты велишь нам нарушить святые заповеди Новой Библии. Ваши лжечеловеческие братья прокляты навечно, говорит сурата первой Книги Космин, и Глобус отверг их до скончания времен... Яркое свидетельство твоего предательства. Твоя цель не есть помощь человечеству, а опоганивание небесного Жер-Залема, введение нечистого змия в новый Эдем.

Сан-Франциско закутался в плащ и выпрямился, гордо и прямо, перед своими обвинителями.

— Новая Библия не говорит о рассеянных по галактике народах, когда упоминает о лжечеловеческих братьях. Она говорит о всех тех людях, вне зависимости от их происхождения, чья тропа сердца заросла шипами презрения и ненависти! Она говорит о вас, абины! Недостаточно быть потомком ста сорока тысяч фраэлитов и родиться на Жер-Залеме, чтобы попасть в число избранных! Народ Отца небесного состоит из всех людей, которые вступили на путь поиска истины... своей истины...

— Нам уже известны твои аргументы! — прервал его князь Ванкувер. — Те же, что и двадцать лет назад. Избранник тот, кто пользуется привилегиями от рождения и соблюдает предписания святой Библии. Ты отверг свое происхождение, отказался от слова Фраэля. На самом деле, защищая дело маленького гока, ты защищаешь себя! Покончим с этим, абины! Спор завершен двадцать лет назад, а нам еще нужно готовиться к прилету небесных странниц...

Два князя скрестили взгляды с такой силой и яростью, что Жек испугался. Они были готовы убить друг друга на месте.

— Ты совершаешь ошибку, Ванкувер, — сквозь зубы проговорил Сан-Франциско. — Трагическую ошибку! Космины — не просто космические перевозчики. Они проявляют душу человека, а твоя настолько черна, что ты можешь оказаться в аду!

Князь канадцев едва не подавился смехом, звук которого вонзился в барабанные перепонки Жека.

— А ты закончишь дни в заднице дикого снежного медвигра!

Робин де Фарт немногое понял из их разговора, хотя знал, что речь идет о толковании текстов Библии. Если он не обратил на спор внимания, то потому, что, с одной стороны, подобные споры были частыми на всех мирах, колонизированных человеком (на каждой планете каждый старался завладеть священными писаниями и был готов мучить и убивать других, чтобы восторжествовала его точка зрения), а с другой стороны, попытка пробраться в глубины своей памяти отнимала всю его энергию. Он уже сопоставил названия, написанные на Глобусе, с именами компаньонов Сан-Франциско. Он заметил названия «Москва» и «Шанхай» на огромном континенте Эропазии. Одно было на востоке, второе на северо-западе, но, даже понимая, что ключ к разгадке спрятан в уголках мозга, происхождение этих имен ускользало от него, и он начал раздражаться. Он проклинал свою старость и слабеющую память.

У Марти было лишь одно желание: как можно быстрее смыться из Жер-Залема. Он полагал, что ему нечего ждать от столкновения Сан-Франциско с абинами. Демон пока себя не проявлял, но молодой Кервалор уже не был сам собой. Его телесная оболочка медленно опустошалась — он терял свою индивидуальность, свою суть.

Скривив в ухмылке губы, князь Ванкувер вернулся на свое место и наклонился к своему соседу, чтобы сказать ему на ухо несколько слов. Четыре абина совещались, и их шепот вспарывал невыносимую тишину. Члены американского племени, рассеянные среди толпы, уже не имели ни желания, ни воли поддерживать своего князя-изгнанника, открытого защитника гоков, предателя, лжебрата, существа столь же отвратительного, как отродье отравленного семени и гнусного чрева.

— Ты преступил порог, и твои прерогативы князя перестали тебя защищать, — заявил один из абинов. — Завтра ты будешь раздет и брошен на съедение диким медвиграм в цирке Плача. Тебя будут сопровождать три гока и все добровольцы, которые захотят разделить твою участь...

Сан-Франциско побледнел, но лицо его осталось невозмутимым.

— Пусть те князья Жер-Залема, которые не поддерживают нашего приговора, встанут и выскажут свое мнение...

Несколько князей опустили головы и уткнулись глазами в ледяной пол, но ни один не шелохнулся в своем кресле.

— Что касается вас, людей, покинувших свои племена, чтобы служить проклятому князю, вы еще можете получить прощение от своих отцов и богов. Ваши головы и сердца должны принять решение немедленно: либо остаться в компании Сан-Франциско и гоков, либо немедленно сдать свои мечи князьям и отойти от осужденных.

Сан-Франциско взглядом подбодрил людей, предлагая им подчиниться требованию абинов. Некоторые служили ему уже двадцать лет. Они угнали корабль Глобуса, отбыли на Франзию, чтобы принимать его в соответствии с его рангом во время коротких стоянок «Папидука». Он щедро платил им, помогая удовлетворять все нужды. Они искренне и глубоко любили его, ибо он был сеньором, щедрым и справедливым князем, который никогда их не разочаровывал, как собственные легитимные суверены. Они были готовы отдать за него жизнь, но его печальный взгляд умолял их не проливать кровь в храме Салмона, отказаться от него, предать. Это был немой, болезненный приказ, который следовало обязательно исполнить. С опустошен-

ной душой и слезами на глазах они сложили свои мечи у ног абинов и медленно покинули центральную аллею.

— Пусть тот из вас, членов избранного народа, кто желает разделить участь Сан-Франциско и трех гоков, присоединится к ним сейчас или никогда! — громким голосом произнес один из абинов.

— Я!

Сан-Франциско узнал голос, хотя он стал со временем более низким, и сердце его яростно забилось в груди. Он увидел знакомый женский силуэт. Женщина с трудом пробиралась вдоль верхней галереи, спустилась по узкой лестнице на ступени, вышла на центральную аллею, подбежала к нему и бросилась в его объятия.

— Феникс!

Он долго не отпускал молодую женщину, наслаждаясь ее запахом, ее теплом, ее дыханием. Потом взял за плечи, отстранил, держа на расстоянии вытянутых рук. Подросток превратился в великолепную женщину. Худощавое лицо, длинная шея, огромные глаза и широкий рот. Через распахнутый ворот шубы он видел ее высокую грудь. Черные волосы, гладкие и блестящие, ниспадали до талии. Как Феникс и поклялась ему, она их никогда не обрезала.

— Ты не должна оставаться со мной, Феникс, — шепнул Сан-Франциско. — Или никогда не попадешь на светоносный Жер-Залем...

— Плевать на него! — воскликнула Феникс. — Эдем без тебя не представляет никакого интереса. Предпочитаю сжечь вместе с тобой последние часы, которые мне еще суждено прожить...

— Ты забудешь меня...

— Сердце мое ждало тебя двадцать лет. Больше оно ждать не может.

— Подумай о своих родителях.

— Князь, мне уже тридцать шесть лет. Пришло время покинуть их сердца и головы. За эти несколько часов я одарю тебя такой сильной любовью, что она растопит льды и пересечет страну смерти...

Сан-Франциско улыбнулся молодой женщине и привлек ее к себе. Их губы и руки соединились. Жек подумал о своих временных родителях, которые жадно целовались в подземке Анжора. В их поцелуях была удивительная сила, отделявшая их от окружающих, даже если они были враждебны. Приговор вначале ужаснул мальчугана, но жаркая любовь Феникс к Сан-

Франциско если и не растопила лед, то рассеяла его страхи, словно по мановению волшебной палочки.

— Стража, заприте осужденных в темницеТориаля! — приказал один из абинов.

— Я не имею с ними ничего общего! — вдруг завопил Марти. — Я не хотел лететь на Жер-Залем!

— Марти, вы лишились своего достоинства? — с упреком спросил Робин де Фарт.

Кричал не молодой Кервалор, а демон, который понял, что его носитель оказался в смертельной опасности.

— Замолчите, гоки, или я вас казню на месте! — проревел абин. — Звук ваших голосов оскорбляет Создателя!

Демон тут же изменил тактику. Ему надо было воспользоваться несколькими часами передышки, чтобы подумать о способе изменить течение событий.

Княжеская стража вывела осужденных из храма Салмона под вопли толпы. Когда они проходили под монументальными вратами, Робин де Фарт наконец вспомнил коричневую и грязную страницу античной книги, которую случайно открыл в библиотеке на планете Н-Марс: это была карта с выцветшими красками и полустертыми названиями.

Глава 16

Таков блуф, зло, которое пожирает. Ненасытен его аппетит, неизмерима его сила, неумолима его воля. Он не бог и не дьявол, не создатель и не создание, не человек и не зверь, он — оборотная сторона, черная там, где есть белое; тьма там, где есть свет; смерть там, где есть жизнь; пустота там, где есть материя. Он пожирает существо, отказавшееся от приверженности к единому принципу жизни, отвергшее свою суть, он — даже не имеет отражения...

Таков блуф, притаившийся во мраке нашего несовершенства, следящий за каждым нашим неверным шагом, готовящий небытие в наших головах и сердцах. Стоит человеческому существу сойти с прямого пути, как оно попадает в опасное положение. Блуф просачивается в душу с помощью ненависти и страхов, проникает в мельчайшие лазейки, он — бдительный и неутомимый хищник, подстерегающий мгновение, когда человек отказывается от собственных желаний, от любви и тепла себе подобных...

Таков блуф, укрывшийся в наших мыслях и словах, прячущийся в черных душах лжепророков и священников, про-

кравшийся в мечты тиранов. Он награждает смертью, чтобы посеять небытие, управляет мечом и острым копьем солдата, руками душителя, чревом матери, убивающей свое дитя, безумием мужчины, насилующего женщину, гордыней отца, лишающего сына наследства...

Таков блуф, который сгущает мрак на пути к внутреннему храму, который лишает человека его корней, стирает память, осушает источник жизни, отнимает силу, гасит свет. Куда бы ни отправился человек, блуф следует за ним, окружает его, душит, берет в осаду... Пусть человек станет солнцем, существом-истоком — и блуф отступит, побежденный светом...

Таков блуф...

Йелль Ат-Скин

— Йелль!

Шум дождя поглотил крик Тиксу.

Йелль исчезла три дня назад. Спустившись с горы, Афикит и Тиксу не нашли ее у куста безумца, где она обычно сидела, когда родители погружались в безмолвие в поисках путей, могущих привести их к Шари.

Она давно привыкла к одиночеству, ела, мылась, раздевалась и ложилась спать, если они запаздывали. Остальное время проводила, сидя или стоя на коленях перед колючим кустарником с пламенеющими цветами.

— Йелль!

Проливной дождь не прекращался третий день, что не облегчало поисков. Плотная завеса черных туч, гонимых яростным ветром, закрывала небо и заснеженные пики. По крутым склонам скалистых отрогов стекали бурные потоки. Ветви деревьев и гибкие прутья кустарников хлестали по лицу, шее и рукам. Вымокшие с головы до ног и покрытые грязью, Афикит и Тиксу без устали прочесывали массив Гималаев.

Афикит упрекала себя в том, что забыла о дочери. Йелль в последнее время открыто показывала свое раздражение. Она редко использовала слова, но ее эмоции и чувства читались на лице и в глазах, и мать заметила, что дочь переживает трудный этап. Быть может, она сбежала, демонстрируя родителям, что они недостаточно заботились о ней? Она была семилетним ребенком, существом, которое, несмотря на внешнюю зрелость, требовало их присутствия, их тепла, их нежности, их внимания. Йелль говорила только о блуфе, зле, которое пожирает.

— Блуф захватывает территорию... Миллионы звезд исчезли этой ночью... Вселенная сжимается... Блуф пытается нас сожрать...

Она говорила о блуфе как об осязаемом существе, как дети говорят о чудовищах, колдуньях, феях или гномах, населяющих их мир. Иногда она вставала ночью, пробиралась в спальню родителей и забиралась в их постель, словно ее из сна вырывал чудовищный кошмар. Их будили не ее осторожные движения, а ледяной холод ее кожи.

— Я боюсь... Света все меньше... — бормотала она сонным, дрожащим голоском.

С ее внезапным исчезновением они осознали, какое место дочь занимала в их жизни, какая зияющая пустота образовалась без нее. Поскольку она никогда не требовала от них любви, они решили, что ей хорошо, что она в них не нуждается.

— Йелль!

И теперь понимали, что совершили ошибку. Они были так поглощены своим поиском Шари, что поспешили истолковать ее молчание как признак самостоятельности, как немое согласие.

Три дня и три ночи они не спали, рассекали плотную завесу дождя, сражались с внезапно ставшими враждебными, вкрадчиво опасными горами, скользили по грязи, раздвигали ветки деревьев и кустарников, обыскивали пещеры, провалы, навесы, скалы, леса, заросли... Терзаемые упреками совести, обеспокоенные, они даже не возвращались домой. Сознавали, что их розыски вряд ли завершатся успехом, но упорствовали, чтобы не изводить себя бездействием в деревне, где большинство домов, пострадавших во время суровой зимы, превращалось в руины.

— Йелль!

После отлета последних паломников ситуация не изменилась. Шари не появился, словно окончательно растворился в коридорах безмолвия, а антра не открыла ему нового пути. Все словно застыло в подвешенном состоянии, омертвело. По словам Йелль, вселенная сжималась, блуф неотвратимо заглатывал ее.

Блуф...

Быть может, блуф был виноват в исчезновении их дочери.

— Йелль!

Блуф, зло, которое пожирает, быть может, поглотило ее. Она одна знала о нем, она одна ощущала его, и оно решило ее устранить. Сердце Афикит сжалось, из ее глаз брызнули слезы, смешавшись с дождевыми каплями, хлеставшими по лбу и щекам. Почему они не приняли всерьез слова Йелли? Они вели себя как лю-

бые родители, которые рассеянно и снисходительно слушают наивные и образные рассказы своих детей, как все взрослые, которые верят лишь в себя. Блуф не был детским образом, чудовищем, порожденным духом Йелли. Он был реальностью, столь же конкретной и ужасающей, как и Гипонерос, реальностью, которую она пыталась им разъяснить, пробираясь в их постель, когда страх леденил ее кожу и она стремилась согреться, касаясь их.

— Йелль!

Как им теперь не хватало ее страхов и ее прикосновений! Почему они не сделали всего, что было в их силах, чтобы сохранить атмосферу нежности, в которой она существовала? Почему они не шептали ей ежесекундно, что любили ее, что она была плотью их плоти, глазами их глаз, жизнью их жизни? Почему они не делили с ней пищу, игры, радости и трудности?

Вооружившись палкой, Тиксу ворошил кустарники, изредка вспугивая прятавшихся в них зверьков. Иногда внезапные сотрясения листьев и веток пробуждали безумную надежду увидеть золотистую шевелюру и лукавое личико девочки, но оттуда выскакивала горная газель и, цокая копытами, растворялась в дождевой пелене. И в их души возвращалось беспокойство, каждый раз все более острое и гнетущее.

Они вышли на огромное плато, закрытое с одной стороны высоченной стеной. С другой стороны лежал гигантский цирк, дно которого усеивали острые скалы. День, истощенный бурей, быстро угасал. Неизвестно откуда рушившиеся водопады разбивались о землю, образуя мириады ручьев, которые стекали к краю обрыва или наполняли разбухшие болота. Ветер крепчал, и по плато носились могучие вихри.

Тиксу ухватился за низкую ветвь карликовой сосны.

— Нам надо отсидеться в укрытии!

Ему пришлось кричать, чтобы пересилить рев ветра и грохот дождевых капель. Борода его топорщилась, а мокрые волосы извивались, как опьяневшие от ярости змеи.

— И речи не может быть! — крикнула в ответ Афикит, сидевшая на корточках у огромной скалы.

Золотое пламя ее шевелюры плясало вокруг головы. Шерстяная мокрая накидка весила тонны, вода просачивалась под тунику и шаровары, стекала по спине, груди, животу, бедрам.

— Мы должны продолжать поиски! Продолжать!

— Подождем, пока буря утихнет!

Опустошенная, замерзшая, деморализованная, вымотанная Афикит коротко кивнула. Тиксу был прав: бес-

смысленное сражение с разъяренными стихиями не могло вернуть Йелли. Они только наказывали сами себя, но ни беспокойство, ни угрызения совести не отступали.

— Подожди меня здесь!

Тиксу осторожно двинулся вдоль скалистой стены в поисках любого углубления, которое могло бы на время предохранить их от бури. Порывы ветра бросали его на скалы, ему приходилось упираться, хвататься за малейшие выступы, чтобы его не унесло, как опавший лист. Метров через пятьдесят он наткнулся на трещину в скале. Несмотря на ее узость, он сумел протиснуться внутрь и оказался в расширяющемся проходе. Угасающий свет едва проникал в трещину, но его хватало, чтобы рассмотреть матрас, сложенные одеяла, низкий столик и несколько кухонных принадлежностей. Здесь уже давно никто не жил, но не ощущалось никакого запаха затхлости и плесени, характерного для покинутого жилья. Место, казалось, выпало из времени и ждало, как ждут спящие принцессы из оранжских легенд.

Тиксу вернулся за Афикит, которая, пробираясь внутрь, оцарапала щеку об острый выступ скалы. Гром сотрясал горы, голубые вспышки молний выхватывали плато из тьмы.

Тиксу нашел под столиком античную лампу, прозрачный шар, работающий на магнитной энергии и служащий для освещения и подогрева. Он нажал на кнопку, нити крохотного светильника постепенно налились оранжевым светом. Янтарный свет начал вскоре распространять тепло. Они разделись, разложили одежды на столике и на полу и закутались в одеяла.

Неяркий свет лампы высвечивал исхудавшее, тоскливое лицо Афикит, сидевшей на матрасе. Тиксу подошел к ней, прижал к себе и слизнул кровь с царапины на щеке.

— Йелль... — простонала она, не сдерживая слез.

— Мы отыщем ее, — уверенно сказал Тиксу.

Сквозь пещеру словно протекала река спокойствия, уносившая из души тоску и печаль. Он ощутил, как безмятежность вернулась к нему. Такая же безмятежность охватила его в глубоком лесу Двусезонья, в доме Станисласа Нолустрита, маркинатского пастуха, и на острове злыдней Селп Дика, во всех местах, пропитанных тайной и магией, куда ступала его нога.

— Где она? Что делает? Почему убежала? — вздыхала Афикит.

— Быть может, она отправилась к Шари...

— А быть может, ее... поглотил блуф...

Она разрыдалась. Ее горячие слезы обожгли грудь Тиксу. Он нежно погладил лоб и щеки жены.

— Блуф — лишь выражение... символ. Нельзя быть съеденным символом...

— Не знаю... Я больше ничего не знаю. Она говорит о нем, как о живом существе, как о ненасытном чудовище.

— Мы не всегда понимаем, что она хочет сказать...

— Потому что нам не хватает времени выслушать ее, мы ею не интересуемся. Мы проходим мимо нашей дочери, Тиксу. Рядом с главным.

— Боги знают, как я ее люблю, но иногда мне кажется, что она явилась из иной вселенной. Она говорит на другом языке, она видит и слышит вещи, которые мы не видим и не слышим...

— Но она же маленькая девочка, вышедшая из моего чрева... Ребенок, который ежедневно видит смерть миллионов звезд, но нуждается в том, чтобы ее успокоили, как самого обычного ребенка...

Раскаты грома сотрясали скалу, а сквозь расщелину в пещеру проникали голубоватые вспышки.

Афикит и Тиксу долго молчали. Потом вдруг ощутили жгучее желание коснуться друг друга, согреться лаской, обняться. Необоримый импульс любовного желания, исторгнутый из глубины души, бросил их друг к другу.

Они занимались любовью со сладкой медлительностью отчаяния. Они предчувствовали, что обнимали друг друга в последний раз, что их взаимопроникновение не повторится. Их кожа, их пот, их губы, их руки говорили о неизмеримой боли вечного расставания. Афикит открылась ему так, как еще никогда не открывалась, словно хотела поглотить его целиком и навсегда сохранить в своем чреве. Тиксу душой и телом погрузился в сине-зеленозолотые глаза Афикит, впился в ее губы до опьянения, до крови кусая их, вознесся по холмикам ее грудей, пока не ощутил головокружение, пронзая ее нежную и влажную плоть, пока она не стала умолять его умереть прямо в ней.

Обессиленная ослепительной вспышкой чувств, Афикит заснула, завернувшись в одеяло, хотя по-прежнему ощущала отчаяние. Сидя рядом, Тиксу долгих два часа смотрел на погруженную в сон подругу, наслаждаясь ее сверхъестественной красотой. Снаружи свирепствовала буря. Раскаты грома, глухой рокот ливня и вой ветра сливались в величественную и грандиозную симфонию. Агонизирующий свет лампы, чьи запасы энергии истощились, сдавался на милость мрака.

Тиксу глядел на Афикит взглядом, наполненным сожаления, ощущая во рту горький вкус отчаяния. Сможет

ли он когда-либо отблагодарить ее за подаренное счастье? Шестнадцать лет совместной жизни были ежесекундным волшебством, отрешением от времени, островком жизни в умирающей вселенной. Он пересилил искушение разбудить ее, прижать к груди, укрыть кружевом нежных слов и поцелуев.

Он закрыл глаза и призвал антру. Вибрация звука жизни унесла его в цитадель безмолвия, во внутренний храм, откуда расходились дороги прошлого, настоящего и будущего. Впервые за семь лет его призвало темное отверстие. Он вошел в него и двинулся по узкой извилистой тропке, по обе стороны которой зияли бездонные пропасти. Жестокий и невыносимый холод пронизал его, разрывая плоть, но, несмотря на невероятную боль в каждой клетке существа, он не повернул назад.

В конце тропы высилось гигантское, чудовищное создание, состоявшее наполовину из пустоты, наполовину из материи. Оно было покрыто панцирем, темным и, похоже, заросшим шерстью, из которого торчали двенадцать длинных щупальцев. На панцире виднелось множество отверстий такой невероятной черноты, что они казались сверкающими. Остальная часть огромного тела растворялась в пустоте или состояла из нее, словно существо никак не могло решиться окончательно перейти в мир волн и форм. Сердце Тиксу заледенело, и он понял, что настал час сразиться с чудовищем, переступить порог ужасающего мира, который это создание охраняло. Теперь он знал, что Йелль, его дорогая малышка Йелль, все время готовила его к этой встрече. На своем детском языке она указала ему на самого злейшего врага, на чудовище с ледяным дыханием, прячущееся по ту сторону врат творения. Она исчезла, чтобы заставить отца забраться в сердце Гималаев, войти в пещеру, где некогда жил горный безумец, вновь связать нити своей судьбы... Настало время бросить вызов блуфу на его собственной территории, донести силу человечества и творения до Гипонероса, пронзить сердце Брухара, как называл демона пустоты Станислас Нолустрист, маркинатский пастух.

Слова Качо Марума, има садумба с Двусезонья, вдруг зазвучали в храме его безмолвия. *Если ты не исполнишь свою судьбу, ни одно двуногое существо не будет вправе хранить дар жизни...* Если Оти Тиксу с Оранжа стал Шри Лумпа, господином Ящерицей, то не ради ношения почетного титула, а потому что должен был превратиться в разящее острие армии людей, борющейся с самым неумолимым и ужасающим противником, с каким когда-либо сражалось человечество. Он поспешил возложить ответственность на Шари, чтобы без помех наслаждаться лю-

бовью к Афикит, и этот отказ, вероятно, поставил его приемного сына на грань поражения и вызвал бегство паломников.

Дорогая малышка Йелль, плоть моей плоти, глаза моих глаз, жизнь моей жизни, теперь ты можешь спокойно спать, ибо ради тебя я сражусь с блуфом, всепожирающим злом, ради тебя рассею свою человеческую суть по ветрам небытия... Дорогая малышка Йелль, рассказывал ли я тебе о прежнем Тиксу? Говорил ли о ничтожном служащем ГТК, человеке, тонувшем в дождях Двусезонья, в спиртном и страхах, человеке, которого начал поглощать блуф... О несчастном смертном, который еще никого не зачал, который еще не встретил... Дорогая малышка Йелль, говорил ли я тебе, что ты была самым лучшим моим творением, моей гордостью, моим шедевром?

— Тиксу?

Он открыл глаза. В пещеру врывался дневной свет, присыпая золотом стены и неровный пол, столик, кухонную утварь, одеяла. Афикит, опершись на локоть, смотрела на него. Глубокие темные круги окружали ее горевшие жаром глаза.

— Ты произнес слово «блуф» и одновременно смеялся и плакал...

Он ощутил, что все еще хочет смеяться и плакать. Смеяться, потому что радовался ее пробуждению, плакать, потому что расставался с ней, со своим солнцем, с источником тепла и света, чьи красота, нежность и грация были несравненным даром богов.

— Йелль! — воскликнула она, словно вдруг вспомнила об исчезновении дочери.

Отбросила покрывало и поспешно вскочила.

— Не надо волноваться, — прошептал Тиксу, не отрывая восхищенного взгляда, в котором ощущалась боль, от тела жены. — Она ждет нас в деревне, у куста безумца, как обычно...

Афикит инстинктивно поняла, что он говорит правду. Успокоенная, она поцеловала Тиксу в губы. Ей не терпелось сжать дочь в объятиях.

— Я говорила тебе, как люблю? — пропела она, натягивая шаровары.

Тиксу жалел, что она так поспешно укрывалась от его взгляда, но ночная любовница уступила место матери, и он ощутил еще большую любовь к Афикит.

Держась за руки, они направились в деревню. Синее небо побледнело, словно трехдневный дождь смыл яркие краски. Орлы планировали меж заснеженных пиков. Шорохи, треск, ворчание, посвистывание доносились с еще согнутых де-

ревьев, из запутанных кустарников, полегшей травы. Начинался прекрасный весенний день.

Йелль сидела перед кустом с пламенеющими цветами. Нарушив свою привычку, она встала, когда разглядела в ярком свете утра силуэты родителей, которые спускались с горы. Она бегом пересекла главную улицу деревни. Буря закончила разрушение, начатое морозами: от домов, построенных паломниками, остались лишь части стен. Удержался только дом Найи Афикит и Шри Лумпа, поскольку Тиксу укрепил крышу и законопатил все щели до наступления зимы.

— Йелль!

Афикит бросилась к дочери, подняла и крепко прижала к груди, смеясь и плача одновременно.

— Йелль! Где ты была? Я так испугалась...

Йелль через плечо матери в упор смотрела на отца, стоявшего сзади. Серо-голубые глаза девочки казались огромными на исхудавшем от лишений лице. В ее волосах и на одежде виднелись грязь, былинки, листья.

— Ты отправляешься на поиск блуфа, папа?

Тиксу медленно кивнул.

— Я больше никогда не буду плакать, — продолжила Йелль. — Я выплакала все слезы жизни за три дня, и небо плакало вместе со мной... Мы будем очень огорчены, когда ты уйдешь... Но именно так вершатся дела... Вчера вечером исчезли миллионы звезд...

Афикит поставила дочь на траву, присела на корточки рядом с ней, вгляделась в ее заострившиеся черты и в огромные, светлые и чистые глаза, такие же глубокие и яркие, как озера Гимлаев.

— О чем ты говоришь, Йелль?

Ответил Тиксу:

— У человечества не осталось времени ждать. Я отправляюсь в то место, откуда вряд ли сумею вернуться. Я должен защитить человечество от блуфа на Гипонеросе... Шари придет мне на помощь...

— Он тебе не поможет, — резко перебила его Йелль. — Он любит тебя, но будет с тобой сражаться.

— Зачем ему сражаться со мной? Он — человек, как я, как все мы... Он наш приемный сын, твой старший брат.

— Но ты, папа, останешься ли человеком, как мы?

Произнеся эти ужасные слова, Йелль приблизилась к отцу и прижалась головой к его животу. Эта непривычная

нежность поразила Афикит. Не слова, а поступок убедил ее в скором уходе Тиксу. Мужчина, к которому она некогда отнеслась с презрением в агентстве на Двусезонье, мужчина, который не побоялся робинса, посланного ГТК на его поиски, мужчина, который вырвал ее из лап торговцев на Красной Точке, мужчина, который спас ее от скаитов на Селп Дике, мужчина, которого она узнала и полюбила на острове злыдней, мужчина, превративший ее в любовницу и счастливую мать, Тиксу, ее любимый, должен был ее покинуть. Его губы и руки предупредили о расставании еще в пещере, но тоска, усталость и жаркое удовольствие отогнали призрак разлуки. Тиксу вырывали из ее души. У нее не было ни желания, ни сил плакать. Как и Йелль, она выплакала все свои слезы за эти три дня. Но в любом случае слезы были жалкими каплями по сравнению с необъятным океаном страдания, в котором она тонула. Она не стала разубеждать его, потому что, как сказала Йелль, именно так вершатся дела. Паломники назвали ее Найа Фикит, вселенская мать, и она не имела права лишать человечество последнего шанса. Всеобщая война, поднявшая людей на борьбу с блуфом, с Гипонеросом, сметала личные судьбы, как осенний ветер сметает опавшие листья.

— Когда ты отправляешься? — спросила она едва слышным голосом.

— Сейчас...

Она собрала всю свою энергию, чтобы не потерять сознания. Как она сожалела сейчас, что заснула в пещере, что не бодрствовала всю ночь, что так поспешно оделась, не потребовала последнего объятия, не приостановила время!

— Останься на день... на час... на минуту...

— Папа не может остаться, — перебила ее Йелль. — Чем меньше будет звезд, тем труднее будет победить блуф.

Афикит кивнула, обняла Тиксу за талию, положила голову ему на плечо, в последний раз насладилась его теплом и запахом.

— Я говорила, что люблю тебя? — выдохнула она.

— Скажи еще раз...

— Я тебя люблю.

Он с невероятной нежностью отстранил ее.

— Мы вскоре увидимся... Не забудь: я принадлежу тебе навечно. Позаботься о нашем маленьком чуде.

Он поцеловал дочь.

— Папа, если блуф начнет поглощать тебя, думай обо мне, и он тебя отпустит. Он больше боится меня, чем я его...

Он улыбнулся дочери, взъерошил ей волосы и направился в сторону горы. Силуэт его растворился в золотых лучах солнца. Он ни разу не обернулся.

— Мне будет его не хватать, — вздохнула Йелль.

— Мне уже его не хватает, — пробормотала Афикит.

— Вскоре нас навестят. Новые паломники. Если блуф не сожрет их...

Их запас слез пополнился, и они проплакали всю вторую половину дня. Не в силах усидеть на месте, Йелль ушла из дома, даже не притронувшись к еде. Она не пошла к цветущему кусту, а, взяв посох отца — так ей казалось, что она держит его частичку и препятствует блуфу целиком поглотить его, — отправилась прогуляться в горы. День стоял такой хороший, что она скинула одежды и искупалась в речке с бурными ледяными водами. Она позволила мощному от таяния снегов течению унести ее, но, заметив, что оказалась далеко от одежды и посоха, уцепилась за ветку ивы и выбралась на противоположный берег. Улеглась на скале, решив понежиться под теплыми лучами солнца.

Через некоторое время, когда повернула голову, она краем глаза увидела вспышку света. Она вскочила, спрыгнула со скалы и раздвинула низкие ветки кустарника.

Йелль увидела небольшую железную коробку длиной около тридцати и высотой пятнадцать сантиметров. Металлическая поверхность была местами черной, словно попала в огонь, но на ней не было и следа ржавчины или потертостей, характерных для странных доисторических предметов, которые она находила и приносила родителям.

— Никогда не трогай эти вещи! — предостерегал ее Тиксу. — Перед тем как покинуть этот мир, люди нашпиговали его взрывчаткой, магниторезонансными минами...

— Прошло более тысячи лет, — возразила девочка. — Они уже не могут взорваться.

— Люди потратили немало энергии и ума, изобретая средства взаимоуничтожения. Быть может, их оружие в состоянии разрушать и через тысячи лет после их отлета...

Йелль спросила себя, что сказал бы папа об этом предмете. Он не был ни ржавым, ни древним, но, спрятавшись в кустарнике, как злобное животное, выглядел более опасным, чем доисторическая мина. Она протянула руку, чтобы схватить коробку, но в последний момент интуиция и страх остано-

вили ее. Все равно ей не удалось бы открыть коробку: она была герметично закрыта и заперта кодовым замком — в широкую ручку была встроена крохотная клавиатура с двадцатью клавишами. Коробку нельзя было и разбить с помощью камня. Металл напоминал Йелли материал корпуса древнего звездолета, который она обнаружила неподалеку от большого вулкана.

Чем больше она смотрела на коробку, тем больше росла в ней уверенность, что эта вещь попала в это место неслучайно. Ее словно спрятали для кого-то. Но для кого? В этом мире не было ни единой живой души, кроме нее с мамой.

От внезапного порыва ветра по телу побежали мурашки. Ей надо было вновь переплыть поток, чтобы одеться. Краснеющий диск солнца уходил за горизонт, пуская багровые стрелы в потемневший небосвод. Смеркалось, и надо было поспешить домой, чтобы утешить маму, расстроенную уходом папы. Йелль привыкла спать одна, но не Афикит, и, вероятно, именно ночью она ощутит всю горечь отсутствия Тиксу.

Девочка пообещала себе рассказать о коробке матери.

Она с неохотой залезла в холодную воду. Течение подхватило ее и отнесло на несколько сотен метров к скале, едва торчавшей из-под воды. Уставшая, задыхающаяся, исцарапанная, она наконец выбралась на берег, но ей пришлось пробежать целый километр, чтобы добраться до одежды.

Уже стояла ночь, когда она добралась до дома. Афикит не слышала, как она вернулась. И только когда дочь просунула голову в приоткрытую дверь спальни, она ощутила ее присутствие.

— Где ты была?

— Ты все еще переживаешь, мама?

Афикит не ответила, но жестом пригласила дочь лечь рядом с ней. Они пролежали, обнявшись, около часа, пока Йелль не сказала:

— Мама, я голодна...

Афикит подняла на дочь покрасневшие от печали глаза. Тиксу был прав: Йелль была маленьким чудом, и она была обязана позаботиться о ней.

— Пойдем, я приготовлю тебе самую лучшую еду, какую ты еще никогда не пробовала...

Держась за руки, они вошли в комнату, служившую кухней и столовой.

Воспоминание о железной коробке напрочь вылетело из головы Йелли.

Глава 17

Сурата первая

Случилось так, что тот, которого называли Афризиат, был сильно разгневан теми невыносимыми страданиями, которые люди причинили своей Матери-Земле. На сорок дней он удалился в пустыню, превратил камень в металл, извлек из земли огонь и изготовил огромный корабль. И сорок лет собирал праведников.

Сурата вторая

Случилось так, что Афризиат собрал праведников в большом железном корабле и решил отправиться с ними в космос. Так они покинули Мать-Землю, и это очень сильно опечалило их. И Афризиат сказал им, что их ждут новые миры, девственные и чистые, прекрасные и гостеприимные. Они были признательны ему и осушили свои слезы.

Сурата третья

Случилось так, что путешествие продлилось дольше, чем предсказал Афризиат, и праведники разгневались и огорчились. И снова их охватила печаль по покинутой Матери-Земле. Афризиат призвал их к терпению и пообещал, что вскоре они получат в награду новую мать. Так он охладил их гнев и дал им новую надежду.

Сурата четвертая

Случилось так, что праведники поссорились из-за священных книг, которые увезли с собой, и организовали три клана: клан Ром, клан Мекк и клан Сион. Одно время главенствовал клан Ром, одно время главенствовал клан Мекк, одно время главенствовал клан Сион.

Сурата пятая

Случилось так, что Афризиат был пленен доминирующим кланом Сион и его принудили носить титул жреца. И Афризиат сделал вид, что согласен на требование клана Сион, дабы избежать слишком многих смертей праведников. Но безумие овладело праведниками Сиона, и они воспользовались сном Афризиата, чтобы совершить ужасающие вещи. Они перерезали мужчин кланов Ром и Мекк, изнасиловали женщин и обезглавили детей.

Сурата шестая

Случилось так, что доминирующий клан Сион выбросил в пустоту тела убитых праведников из кланов Ром и Мекк,

а Афризиат, увидев сотворенное зло, решил наказать клан Сион за жестокость. Он усыпил праведников клана Сион с помощью усыпляющего газа и погрузил их в спасательную шлюпку. Он одарил их голографической картой Матери-Земли, чтобы они ежесекундно помнили о своей низости...

Выдержки из Сказок и Легенд нашей Матери-Земли, бумажной книги 1002 года (по календарю Нафлина), найденной в библиотеке Н-Афины, столице планеты Н-Марс

Внутри ледяной камерыТориала, куда не попадали сквозняки, температура была постоянной и терпимой.

Княжеская стража заперла осужденных в большой камере, разделенной на две части прозрачной перегородкой. Освещение сводилось к одному светошару, который был не в силах разогнать мрак под потолком и в углах помещения.

Сан-Франциско и Феникс ушли в дальнюю комнату. Мальчуган, сидя на одной из кушеток из необработанных досок, слышал их вздохи и спрашивал себя, чем они заняты. Его любопытство было возбуждено тем, что продолжительные стоны Феникс походили на стоны мученицы. Он иногда смотрел в сторону перегородки и различал через полупрозрачный лед темные пятна их тел. Один раз, не в силах сдержать любопытство, он встал с кушетки и направился к узкому проходу, соединявшему два помещения, но Робин де Фарт схватил его за руку и не велел беспокоить жерзалемян.

— Они не виделись двадцать лет, — шепнул ему старый сиракузянин. — И... э-э-э... женщина и мужчина, когда они любят друг друга и встречаются после долгого расставания, желают... э-э-э... побыть наедине друг с другом... У них очень мало времени, чтобы выразить свою любовь. И эти несколько часов принадлежат им.

Хотя Жек немногое понял из невнятных речей Робина, он подчинился во имя мудрости, которой обычно наделены старые люди. Хотя Жека обуревала жажда узнать, почему мужчина ради любви причинял боль женщине. Он уже слышал подобные стоны, проходя мимо двери спальни ма и па Ат-Скин, но никогда не решался войти из страха, что увидит мать искалеченной, окровавленной. А сейчас он боялся чудовища, спрятавшегося в Марти, чьи сверкающие глаза, неподвижные и внимательные глаза хищника, не переставали следить за ним.

Жек решительно противился сну. Он старался продлить бодрствование, цепляясь за мысли и воспоминания, изредка пожимал плечами и напрягал усталые мышцы рук и ног, пытаясь удержать открытыми все больше тяжелеющие веки. Он боялся остаться наедине с Марти и с беспокойством видел, как Робин де Фарт все чаще клевал носом.

Он решил разговорить старого сиракузянина.

— Робин, ты только что сказал Сан-Фриско, что видел античную книгу... И что это за книга?

Вопрос помог Робину стряхнуть с себя сонливость. Он был удивлен и польщен интересом Жека к его эрудиции.

— В ней была карта и текст, который проливает новый свет на небесный Жер-Залем и планеты известного мира, но все это остается простой теорией, Жек.

— А что такое теория?

— Гипотеза, интеллектуальное построение, нечто, что нельзя точно проверить... Я слышал об удивительной библиотеке на Н-Марсе, одной из первой среди колонизированных планет...

— Биб... что?

— Библиотеке, помещении, где собраны античные бумажные книги... Я отправился в Н-Афину, столицу континента Н-Афризии, где был принят хранителем. Он объяснил мне, что его далекие предшественники изобрели технику сохранения бумаги, а потому в библиотеке собраны книги возрастом более шести тысяч лет... Шесть тысяч лет! Представляешь, Жек? Драгоценные свидетельства истории человечества! Хранитель разрешил мне трое суток пробыть внутри. Три дня — слишком короткое время, чтобы ознакомиться с тысячами и тысячами произведений, многие из которых написаны на мертвых земных языках, а другие изложены в примитивных версиях на межпланетном нафле. Некоторые книги были написаны на разговорных диалектах горстки рассеянных народностей...

Голос Робина набирал силу по мере того, как он говорил, словно черпал вдохновение в каждом слове, срывавшемся с его уст. Рассеянно слушая его, Жек бросал частые взгляды на Марти, сидевшего на кушетке напротив. Странная неподвижность молодого сиракузянина роднила его с лишенным программы роботоматом. Вздохи и стоны Феникс и Сан-Франциско превратились в приглушенные разговоры и смешки. Молодая женщина казалась счастливой от бесцеремонного обращения князя американцев, и это успокоило Жека по поводу ментального здоровья взрослых, которые занимались любовными играми.

Может, ма Ат-Скин смеялась, как и Феникс, после причиненной ей боли? Главная разница между влюбленными и мучениками состояла в том, что мученики никогда не выражали желания смеяться. Па... ма... Жеку казалось, что они никогда не существовали, что они были персонажами, рожденными его подсознанием. Он даже сомневался в реальности планеты Ут-Ген, города Анжор, подземного гетто под названием Северный Террариум, старого карантинца Артака...

— Двое с половиной суток я листал книги, доверяясь лишь названиям, если мог их перевести. Большинство из них не представляло никакого интереса для этносоциолога... Практически все они пересказывали в разных вариантах одну и ту же историю: н-марсианскую легенду о Звездных Рыцарях, о принцессе Азафее, двадцать девятой дочери короля Каминоса. Когда наступил третий вечер, меня привлекла толстая запыленная книга, которую я до тех пор не замечал. Она называлась «Сказки и Легенды нашей Матери-Земли»...

— Опять и опять легенды! — вздохнул Жек.

— Так и я думал, когда увидел эту книгу: опять и опять легенды! Однако, быть может, потому что это было самым старым произведением в библиотеке, я просмотрел ее до самого конца. Она была напечатана в 1002 году нашей эры, когда колонисты уже добрались до многих планет известной вселенной. Действие большинства сказок разворачивалось на Земле истоков, образно рассказывалось об ужасной Войне Мыслей, которая покончила с цивилизацией гомо сапиенса...

— Что это — гомосапиенс?

Робин весело расхохотался.

— Гомо сапиенс, в два слова... Это означает человек разумный, который, кстати, не был так разумен, как утверждал, ибо постарался уничтожить родную планету. Повсюду я натыкался на удивительные совпадения между картой, суратами — параграфами — текста и некоторыми историческими работами. Наивность этих легенд укрепляла меня в мысли, которую оспаривают многие современные историки: что все народы человечества происходят с одного-единственного мира и что в результате катастрофы — Войны Мыслей — они рассеялись во вселенной с помощью гигантских железных кораблей...

В это время Сан-Франциско и Феникс вышли из дальней комнаты и уселись на свободную кушетку. Он накинул на себя плащ, а она шубу из медвигра, но, судя по их голым ногам и полоскам смуглой кожи, на них не было никакой другой

одежды. Глаза с глубокими темными тенями молодой женщины расширились от лихорадочного возбуждения, а тонкие черты лица затянула вуаль истомы. Как и женщина, сломленная поцелуями спутника в подземке Анжора, она была прекрасна в своем поражении. Краем глаза Жек заметил очаровательную округлость груди, на которой лежали ее длинные волосы. Он был смущен и окончательно примирился с необходимостью любовной болезни.

— Надеюсь, мы вам не помешали, — произнес Сан-Франциско, обращаясь к Робину. — Сердце мое не оставило голове времени узнать побольше о книге, о которой вы только что говорили...

— Вы у себя дома, князь! — восхищенно воскликнул старый сиракузянин.

— Ни сердце, ни голова моя не признают своими тех, кто осудил моих гостей, в том числе и ребенка, на смерть! — глухо ответил жерзалемянин.

— Ваша цивилизация, быть может, основана на обмане, — заговорил Робин после недолгого молчания. — Ваши так называемые территории небесного Жер-Залема всего лишь древние страны Земли, Матери-Земли. Финикс и Сан-Франциско — названия городов, которые существовали восемь тысяч лет назад, если верить подробной карте из книги, которую я листал в библиотеке Н-Афины. Один город располагался на западе страны под названием «Соединенные Штаты Америки», а другой — на юго-западе той же страны. Я забыл о книге Н-Афины, о карте и легенде к ней, но священный Глобус, хотя сами знаете, как слабеет память стариков, пробудил воспоминания...

— Вы сказали, что книга была напечатана в 1002 году, а это означает, по журналу судей, что наши предки обосновались на Жер-Залеме в 9 году нашей эры, — произнес Сан-Франциско. — Весьма вероятно, что картограф этой книги был вдохновлен священным Глобусом...

— Я учитывал эту возможность, князь, но некоторые аргументы заставили меня отказаться от этой теории: с одной стороны, отдельные слова на священном Глобусе встречаются в языке, традиционных песнопениях и мифологии народов столь же древних, как и избранный народ. Эти народы вступили в контакт с внешней цивилизацией только к 5000 году. Эти люди жили в состоянии полной изоляции более пятидесяти веков, а это означает, что они не могли черпать вдохновение ни в Библии, ни в Глобусе. Чернокожие племена Платонии упоминают об Африке, стране, откуда они произошли, а это один из трех

континентов светоносного Жер-Залема. У жа-хокуоистов миров Восходящего Солнца посмертный рай носит то же название, и так же именовалась Япония, восточная страна на священном Глобусе... И я могу привести множество примеров. С другой стороны, я верю, что абин Элиан, человек, приведший народ Фраэля на Жер-Залем, и Бертелин Нафлин, который основал Конфедерацию Нафлина, был одним и тем же человеком...

Феникс выпрямилась и с яростью уставилась на Робина де Фарта. Жеку захотелось проскользнуть за полы меховой шубы молодой женщины и укрыться в тепле ее груди.

— На чем основываются ваши утверждения? — спросила она.

— Должен признать, ни на чем конкретном... Бертелин Нафлин был тем, кто собрал тысячи землян внутри корабля и первым решился на космическое путешествие. Весьма возможно, что имя Элиан и титул абина даны ему во время путешествия доминирующей религиозной партией, которая, ссылаясь на древнюю Библию Матери-Земли, провозгласила себя избранным народом. Некоторые параграфы легенд из книги Н-Марса напоминают об этом событии: *Случилось так, что Афризиат, пионер космоса, основатель человечеств на звездах, был захвачен доминирующим кланом Сион* — другое название Фраэль, разве нет на Жер-Залеме дочерей Эссиона? — *и его принудили носить титул жреца. Случилось так, что доминирующий клан выбросил в космос людей, которые отказались поклоняться их священной книге* — Библии Матери-Земли, — *и Афризиат, увидев сотворенное зло, решил наказать клан Сион за жестокость. Он усыпил праведников клана Сион с помощью усыпляющего газа и погрузил их в спасательную шлюпку. Он одарил их голографической картой Матери-Земли, чтобы они ежесекундно помнили о своей низости, потом запрограммировал шлюпку на посадку на маленькую планету, покрытую льдами,* — Жер-Залем. *Потом Афризиат продолжил свое путешествие к мирам центра, куда принес магию слова «Индивед»*... Цитирую по памяти... Этот афризиат наверняка был Бертелином Нафлином, потомком основателя Афризии, а Индиведы превратились в индисскую науку, последней носительницей которой стала Афикит, дочь моего друга Шри Алексу... Это рассуждение не претендует на идеальную точность, но имеет достоинство быть достаточно связным. Жерзалемяне первых времен сделали глобус и карты по данным голографического изображения, о котором упоминает легенда, изображения, которое, быть может, было повреждено во время путешествия, что объясняет, почему ваши предки говорят только о сорока странах, а не о ста пятидесяти. Из всего

этого я заключил, что светоносный Жер-Залем есть не что иное, как урезанное воспроизведение Матери-Земли, Земли наших истоков... Прошу меня извинить, мне надо... Функции старческого мочевого пузыря обратно пропорциональны мозговым возможностям: они имеют тенденцию ускоряться с возрастом...

Он встал и скрылся за деревянной перегородкой.

Сан-Франциско и Феникс, смущенные словами де Фарта, молчали, задумавшись. Жек боялся, что они вернутся в свою комнату, чтобы вновь заняться любовью, и оставят его наедине с Марти, который неподвижно застыл на своей кушетке, но стоило Робину вернуться, как молодая женщина засыпала его новыми вопросами.

— Ваша гипотеза никак не объясняет роль небесных странниц...

— Космины... — вздохнул Робин. — До открытия Глобуса я никогда не подвергал сомнению их существование. Но сейчас они у меня появились. Реальны ли странницы? Или речь идет о верованиях, плоде коллективного подсознания?

— Они столь же реальны, как вы и я! — воскликнула Феникс. — Я собственными глазами видела трех из них. Они вмерзли в стену цирка Голан. Я их видела, как вижу вас. Но вы же не продукт коллективного подсознания!

— Даже меня, князя-правителя племени американцев, никогда не ставили в известность о присутствии трех небесных странниц в ледяной стене! — удивился Сан-Франциско.

— Старейшина рассказал мне их историю. Три охотника из племени испанцев нашли их в 6700 году после внезапных передвижек в коре планеты. Абины немедленно уничтожили трех испанцев и объявили цирк Голан запретной зоной.

— Почему? — спросил Робин. — Эти замурованные во льду космины были формальным подтверждением надежд, изложенных в Новой Библии.

— Они могли стать соперниками абинов, — сказал Сан-Франциско. — Избранный народ быстро бы избавился от ига абинов и основал бы новый культ небесных странниц.

Робин встал и принялся расхаживать по камере от бронированной двери до прохода в перегородке. Его сон как рукой сняло.

— А какие они, эти странницы? — спросил Жек у Феникс.

Молодая женщина улыбнулась мальчугану, который, как она заметила, едва удерживался от того, чтобы не броситься к ней. Ему явно хотелось иметь мать, подобную ей, хотя бы на несколько минут.

— Длинные, коричневые, сжавшиеся в комок так, что ничего особенно не разглядишь: толстый коричневый панцирь, кристаллы, голова в виде снаряда, хвост веером, сложенные перепонки крыльев...

— Остается узнать, действительно ли они приспособлены для переноса людей, — пробормотал Робин. — Если да, то на какой мир они их перенесут... Я бы с удовольствием пошел на этот опыт, но абины решили иначе. Я стану еще одной жертвой вечного противостояния религии и науки, догмы и опыта. Что касается меня, я не ощущаю трагичности этого осуждения: крыло смерти уже касалось меня, и никто меня не ждет. Но для вас, для них...

Он подбородком указал на Жека и Марти.

Сан-Франциско отстранил Феникс, встал с кушетки и упал на колени перед Жеком.

— Сердце мое обливается кровью и умоляет меня попросить у тебя прощения, принц гиен, — выдохнул жерзалемянин. — Проклинаю безумную гордыню, которая толкнула меня на то, чтобы вмешаться в твою судьбу. Без меня ты бы остался с видуком Папирондой, нашел бы способ ускользнуть от него и продолжить свой путь... Я считал себя служителем богов, а оказался инструментом духа зла...

— Снежные медвигры еще не сожрали нас, — пробормотал Жек, смущенный поведением Сан-Франциско, человека прямого, щедрого, который не заслуживал тех упреков, которые адресовал самому себе.

— Я не говорю о медвиграх. Ты можешь справиться с ними, как справился с гиенами ядерной пустыни... Я говорю о холоде: они разденут нас догола, а потом выбросят в цирк Плача. Мы с Феникс укроем тебя своими телами, но они быстро превратятся в ледяные блоки... Будучи князем-правителем, я уже видел подобные казни.

— Сколько времени можно выдерживать холод? — спросил Робин.

— Пять минут выдерживают самые сильные. Я видел, как женщины и мужчины бегали и прыгали, чтобы отсрочить смерть, но рано или поздно холод вцеплялся в них, полз по ногам, охватывал живот, легкие, сердце, руки, шею, голову, и они падали, как камень, на лед.

— Что случалось с их телами?

— Ими занимались медвигры. Они передними лапами перекатывали их до своего логова, ложились на них, чтобы отогреть, и пожирали...

Лицо маленького анжорца покрылось смертельной бледностью. Его зубы начали выбивать дробь, он задрожал, словно уже оказался в цирке Плача. Он сильнее укутался в меховую шубу, но никак не мог согреться.

— Ты меня прощаешь, принц гиен? — спросил Сан-Франциско, поднимая на Жека умоляющий взгляд.

Феникс села рядом с мальчуганом. Не произнеся ни слова, она распахнула свою шубу, взяла его за затылок и нежной, но твердой рукой прижала к груди и запахнула полы. Он ожил и согрелся на мягких и жарких холмиках ее грудей.

Ровное, свистящее дыхание Робина де Фарта разрывало тишину. Сан-Франциско и Феникс снова ушли в дальнее помещение. После нового взрыва вздохов, стонов, смешков и перешептываний они, похоже, заснули. Когда Феникс отстранилась от него, Жеку показалось, что его внезапно изгнали из земного рая. Ему хотелось как можно дольше оставаться в таком положении, быть может, всю ночь, ощущая ее тепло, ее нежность, пьянящий запах тела, но она предпочла разделить последние часы ночи с Сан-Франциско. Жек не ревновал — он не мог испытывать ревности к такому человеку, как Сан-Франциско, — но ощутил внезапную пустоту.

Он не бодрствовал и не спал, подавленный одиночеством и печалью. Широко открытые, сверкающие глаза Марти были светлыми пятнами, контуры которых неумолимо размывались. Бдительный демон был начеку. Он ждал, когда мальчуган заснет, чтобы действовать спокойно и безнаказанно. *Какой смысл бороться?* — спрашивал себя Жек, когда сон стал необоримым. *Умереть от руки чудовища или от холода в цирке Плача, какая разница?* Его подбородок падал на грудь, и мальчика подхватывала могучая спираль, уносившая в страну, где мысли превращались в мечты, где ничего не имело никакого значения. Но в момент, когда он готовился перерезать все нити, связывающие его с реальным миром, инстинкт самосохранения брал верх: его тело сотрясала мощная судорога, и он вскидывал голову. Быстро открывал глаза и несколько секунд недоуменно спрашивал себя, что делает в этом холодном и плохо освещенном помещении. Потом встречался взглядом с двумя светлыми и угрожающими огоньками и вспоминал, что сидит в камере темницыТориала в сотнях метрах подо льдами; что жрецы с суровыми лицами осудили его и его компаньонов по плену, решив скормить диким зверям; что чудовище, скрывающееся в Марти, собирается укоротить его жизнь на несколько часов... Он по-

нимал, что никогда не доберется до Матери-Земли, Земли истоков, что не станет воителем безмолвия, существом, которое путешествует с помощью мысли, что он предал память Артака, старого карантинца из Северного Террариума... Жек Ат-Скин — авантюрист — переоценил свои силы, он не был в состоянии противостоять вселенной и опасностям. Он вспомнил слова па Ат-Скина, призрака, который любил изъясняться пословицами, максимами и поговорками: «Дети считают, что все возможно, отроки думают, что они могут все совершить, взрослые делают все, что в их силах, а старики знают, что всю жизнь гнались за невозможным...»

Жек ощущал себя стариком. Он не только гнался за невозможным, но и хотел в туалет, как Робин де Фарт. Он не осмеливался уйти за перегородку из страха, что Марти последует за ним и задушит. Четыре коротких метра, отделявших его от «туалета для дам и господ», как выразился стражник, казались ему нескончаемым путем, усеянным препятствиями. Впрочем, раздражающее давление переполненного мочевого пузыря мешало окончательно провалиться в сон...

Но вскоре терпению его пришел конец, он вскочил и поспешил за перегородку. Напряженный взгляд Марти упирался ему в затылок. Он обогнул деревянную стенку. Отверстие оказалось шире, чем он думал. Он сражается с упрямыми брюками, но не успевает, ощущая, как теплая струйка течет по ногам. И в это мгновение мощная рука хватает его за шею и начинает сдавливать сонную артерию. Руки Жека колотят по воздуху. Он слышит дыхание Марти, чья кисть сжимается, как стальной трос, перекрывая доступ воздуха. Он задыхается, пытается крикнуть, поднять тревогу, позвать на помощь Сан-Франциско и Феникс, но из его глотки вырывается лишь жалкое бульканье. Колено Марти безжалостно врезается в его спину. Сиракузянин подталкивает его к дыре. Ноги мальчугана скользят по наклонным бортикам, теряют связь с полом и повисают в пустоте. Глаза застилает красная пелена. Жизнь его заканчивается. Он падает в черную дыру, где царит удушающая вонь...

— Жек, о боже! — закричала Феникс.

Ощущая жгучее желание, она набросила шубу на плечи, вышла из дальней комнаты и быстро направилась к деревянной перегородке. Но, заметив вдруг нечто необычное, остановилась и повернула назад. Ее крик разбудил Сан-Франциско.

Тот инстинктивно сунул руку в карман плаща, которым накрылся. И выругался, вспомнив, что стража отобрала

кинжал. Он спрыгнул с кушетки и, не одеваясь, бросился в переднюю комнату.

Молодая женщина стояла, склонившись над кушеткой Жека.

— Он вымок с головы до ног, — пробормотала Феникс.

— Ты меня до смерти перепугала! — вздохнул Сан-Франциско. — Я думал, с ним случилось что-то страшное.

— Его нельзя так оставить. Он умрет от переохлаждения еще до выхода из города...

— Отдайте ему мою одежду, — прозвучал мрачный голос.

Марти вышел из темного угла комнаты и подошел к ним.

— Я холода не боюсь, — добавил он, изобразив улыбку.

Хотя демон и был отделен от базовых имплантов чана, он усвоил исторические данные, сообщенные товарищами по заключению, и провел быстрый расчет шансов на выживание своего носителя. Женщина-жерзалемянка утверждала, что видела вмороженных в стену космин, и у него не было никаких объективных причин ставить ее слова под сомнение. Он оценил вероятность существования небесных странниц, как 98,25%. Напротив, в том, что касалось даты их прилета и способности снабжать кислородом и водой человека-паразита — эти два элемента были всего лишь словами в их священной книге, — вероятность падала до 14 %. Если же светоносный Жер-Залем был репродукцией Матери-Земли (рассуждения Робина де Фарта были достаточно убедительными), существовала крохотная, но реальная возможность, что одной из целей их миграции была Земля истоков, а следовательно, конечная цель его миссии: вероятность между 1,5 и 1,9 %. Чтобы выдержать холод, ему было достаточно ввести соответствующую программу нечувствительности в мозг Марти (100 %). И наконец, он видел лишь одно оружие, которое могло справиться с медвиграми цирка Плача: способности человека-истока Жека, который уже доказал свою силу перед гиенами ядерной пустыни. И демон решил воспользоваться новой возможностью. Он должен был не только оставить жизнь мальчугану, но и обеспечить его выживание. Кроме очень высокой (более 90 %) вероятности ошибки по дате прилета, метаболизму и цели космин, имелась неизвестная величина: уровень сопротивления Жека холоду. Не более пяти минут для самых сильных, сказал Сан-Франциско, значит, две-три минуты для ребенка восьми — девяти лет. К тому же требовалось невероятное сочетание обстоятельств, чтобы небесные странницы сели в цирке Плача, удаленном на несколько десятков километров от места их возможного приземления, за эти две-три минуты: 0,012... 0,058 %, если,

с одной стороны, учитывать способность такого человека-истока, как Жек, воздействовать на внешние элементы, а с другой стороны, принимать в расчет некую неизвестную и незначительную величину, которая управляла людьми (то, что обычно называли «божественным вмешательством», чудом или колесом судьбы). Но в любом случае цифра в 0,012 % была выше 0,004 %, которая получалась, если бы он устранил Жека. Было иррационально не использовать крохотный шанс: в случае (весьма вероятном), что они не преуспеют, холод убьет Жека вместо него. Третий конгломерат Гаркота выберет нового человека-носителя, введет ему автономный ментальный имплант и бросит по следам последних врагов Гипонероса.

Фёникс раздела Жека. Он очнулся, удивляясь, что находится в комнате. Над ним склонялись улыбающиеся лица Феникс и Сан-Франциско. Позади них он заметил Марти, который стаскивал с себя теплый комбинезон. Он понял, что ему приснился кошмар...

Княжеская стража в толстых комбинезонах, вооруженная светометами, явилась за ними через час, конечности пленников сковали короткими металлическими цепями, провели по коридорам и лестницам до площадиТориаля, где, несмотря на раннее утро, собралась громадная толпа. Вид молодого гока в одном легком белье и ребенка, укутанного в просторный кожаный комбинезон, вызвал смех и радостные восклицания среди собравшихся.

Абины в траурных тогах и шапках пурпурного цвета и несколько князей, в том числе и князь канадцев Ванкувер, вышли из потайной двери зала ассамблей и встали перед осужденными. Они сквозь зубы напевали непонятный набор звуков, напомнивший Жеку крейцианские молитвы, которые па и ма Ат-Скин быстро проговаривали в начале и конце еды.

— Абины, заклинаю вас, возьмите мою жизнь, но оставьте жизнь трем гокам! — громко произнес Сан-Франциско, когда они закончили свое песнопение. — Они прибыли на Жер-Залем полные доверия и не виноваты в прегрешениях, в которых упрекаете меня.

— Кто ты такой, чтобы отдавать приказания? — возразил один из абинов.

— *Это не приказ, а просьба...* Эдем без прощения становится адом, *так говорит сурата Книги Космин.*

— Прощение — всего лишь слабость, когда она касается гоков, — парировал князь Ванкувер с отвратительной кривой усмешкой. — Уведите их!

Проход по главной улице Элиана, тянувшейся на пять километров, занял три часа. Большинство жерзалемян теснилось в галерее, которая, хотя и была шире других, оказалась слишком узкой, чтобы вместить всех. Княжеская стража двигалась плотными рядами, пробивая дорогу плечами и ударами прикладов, но они не могли — или не хотели — мешать мужчинам бить Сан-Франциско и гоков, а женщинам хватать Феникс за длинные волосы и царапать ногтями ее щеки и шею. Осужденные столкнулись с тысячеголовой, тысячерукой, тысячеротой гидрой, бешеным зверем с глазами, сверкающими от ненависти. Она изливала свою ярость и неполноценность на обреченную пару, на гоков, которые имели наглость попирать священную землю Жер-Залема и осквернить храм с его восемью тысячами лет истории.

— Гоки... Гоки... Гоки... Лжебратья... Нечистые... Выродки отравленного семени и гнилого чрева... Глобус отверг вас... Князь-предатель... Шлюха... Заразный колодец...

Поскольку злоба и ненависть не могли существовать на светоносном Жер-Залеме, где будут царить только любовь, нежность и сострадание, избранный народ пользовался последним представившимся случаем, чтобы открыто выразить презрение к осужденным. Это презрение давно стало привычным, как старые, потрепанные, но удобные одежды. И сейчас, преждевременно исторгнув его из себя, они считали, что навсегда избавлялись от недостатков. Сан-Франциско и Феникс шли по обе стороны Жека, защищая его от толпы. Короткие цепи, которые болезненно сжимали лодыжки, не позволяли идти быстрее. Наклон улицы усиливался, и мальчуган цеплялся за плащ Сан-Франциско и шубу Феникс, чтобы не поскользнуться на льду.

Они миновали гигантские металлические черные врата Сукто — склада, где девы Эссиона занимались дележом провизии и предметов первой необходимости, которые поставляло племя, отвечавшее за снабжение. Хотя склад был закрыт из-за раннего утра, сквозняки доносили запахи пряностей, ароматических трав, вяленого мяса, пахучего мыла Франзии... Если храм Салмона иТориаль были сердцем и головой города Элиан, то Сукто был грудью кормилицы, особым местом, где женщины проводили долгие часы в разговорах перед стойками, где дети пользовались короткими мгновениями свободы, бегая и играя вдоль бесконечных рядов полок. Сан-Франциско вспомнил, как в возрасте шести лет незаметно карабкался по полкам и приподнимал крышки ящиков, чтобы отыскать спрятанные в них сокровища: мешочки с лиофилизированной пищей, замороженные овощи,

флаконы с духами, шерстяное нижнее белье, домашнюю обувь, светошары, атомные обогревательные микросферы, тюбики с защитным жиром и — чудо из чудес — игрушки: механические, электронные, магнитные, — которые ждали часа раздачи во время великих ежегодных праздников Урожденного Христа. То было время невинности, время, когда светоносный Жер-Залем был только мечтой, время, когда отец, князь Сиэтл, рассказывал ему волшебную сказку про космин и внушал первые понятия о княжеской ответственности, а мать Мемфис напевала считалки про огромный железный корабль, успокаивая и убаюкивая его... Окровавленное лицо Феникс и испуганные глаза Жека были рифами, о которые разбились его последние иллюзии. Он узнавал некоторые лица в толпе, своих бывших американских подданных, которые проявляли больше ярости и мстительности, чем члены других племен. Он думал, что сможет изменить течение дел, но за восемьдесят веков избранный народ врос во льды Жер-Залема и в свою незыблемую уверенность в собственной правоте. Слово абинов, суратры Новой Библии, самопровозглашение превосходства над остальными народами человечества, рассеянными по галактике, перспектива попасть в Эдем и регулярная раздача пищи составляли все счастье избранников. Речи Сан-Франциско, князя американцев, о равенстве убедили лишь немногих, тех, кто служил ему во время изгнания.

Феникс рукавом вытерла плевки и кровь с лица, тщетно ища глазами родителей. Несмотря на боль, несмотря на чувство унижения, которое вызывало в ней это позорное шествие, она старалась не заплакать, смотрела гордо и прямо в глаза палачам, отказываясь показать им свою слабость. Короткое, но яростное счастье этой ночи стоило всех обещаний Эдема и было ее щитом, ее латами.

Избитые и оглохшие от криков, они наконец вышли на стоянку охотничьих буеров, вытянувшихся в ряд перед гигантским туннелем, ведущим наружу.

— Не думал, что дикие медвигры избрали жилищем Элиан! — воскликнул Робин де Фарт.

Бледное и морщинистое лицо старого сиракузянина было исполосовано царапинами, но он улыбался.

Два буера застыли в нескольких метрах от края цирка Плача — гигантской белой впадины, окруженной высокими ледяными стенами. Поездка от Элиана до цирка заняла около двух часов, и три из четырех Домовых уже сияли в синем и безоблачном

небе. Жек начал замерзать. Он почти не чувствовал ног, рук, ушей. Клыки ветра продирались через все отверстия кожаного пальто и с яростью кусали кожу.

— Не более двадцати пяти мороза! — несколькими минутами раньше сказал Робин.

— От тридцати пяти до сорока, — поправил его охранник.

Они часто поворачивались к Марти, который стоял, склонившись над ограждением на корме буера, и ждали, что он вот-вот рухнет на палубу. Но молодой сиракузянин с обнаженными головой, руками и ногами, тело которого защищала легкая хлопковая ткань, казалось, даже не замечал низкой температуры и ледяного ветра. Черты лица были безмятежны, кожа выглядела нежной и гладкой, а губы не посинели, как у его компаньонов, стражи и экипажа.

— Не знал, что вы так нечувствительны к холоду! — прокричал ему Робин, пересиливая вой ветра и скрип полозьев буера.

— А что вы обо мне знаете? — ответил Марти.

Только пики, достигавшие высоты трехсот метров, нарушали монотонность белой бесконечности. Иногда вдали можно было различить стаи снежных медвигров или серебристых моржей...

Автоматические якоря буеров, снабженные крюками, вонзились в лед. Визг металла на твердом льду звучал мрачно в бархатной тишине, царившей над вечными льдами. Порывы ветра поднимали снежные вихри, которые ярко вспыхивали, перед тем как улечься на склоны холмов. Стражи спустились по короткой лестнице, вырубленной в корпусе буеров, встали кругом и направили светометы на закованных в цепи осужденных.

— Спускайтесь! — приказал один из них.

Сан-Франциско спрыгнул первым, потом помог компаньонам без помех спуститься по узким ступеням.

— Встаньте перед цирком Плача!

— Вам не обязательно выполнять приказы абинов! — произнес Сан-Франциско. — Обращаюсь к вашей милости, к вашей человечности. Отпустите трех гоков и Феникс, а со мной делайте что хотите!

— Еще одно подобное слово, защитник гоков, и я пробью тебе сердце световым лучом! Становись вместе с другими!

Жек бросил взгляд назад. Дно цирка Плача лежало тридцатью метрами ниже. Он не видел никакой тропинки, никакого прохода, никакого входа в туннель. Он решил, что их столкнут вниз — или заставят прыгнуть — в пустоту и при падении они переломают себе кости. Эта мрачная перспектива не мешала ему быть

совершенно спокойным, словно отчужденным от самого себя. Словно его не касалась пьеса, которая разыгрывалась на этой белой равнине и в которой он был одним из главных героев. Отрешился ли он от собственной смерти? Он спросил у призрака па Ат-Скина, нет ли у него подходящей пословицы, но призрак продолжал смотреть на него с состраданием и издевкой. Огоньки сожаления вспыхивали в глазах призрака ма. Он понял, что причинил им много горя, и мысленно попросил у них прощения.

Один из охранников достал ключи и отомкнул цепи. Холод или, быть может, страх, что осужденные, охваченные гневом, схватят его за шею и скинут в цирк Плача, делал его движения неловкими. Он не стал собирать цепи, сняв последнее кольцо. Поспешил занять место в ряду остальных и поднял ружье с земли.

— Раздевайтесь!

Сан-Франциско бросил отчаянный взгляд на Жека и Феникс. Он яростным движением расцепил застежку плаща, и тот с легким шуршанием соскользнул на лед.

— Разрешите ребенку оставить комбинезон! — бросил Марти, который уже снял хлопковое белье.

Новое поведение молодого сиракузянина было непонятным Жеку: тот вдруг решил помочь ему. Он не только не воспользовался сном мальчугана, чтобы задушить его, но и отдал в камере свою одежду, а теперь защищал перед стражами. Может, Марти изгнал демона, сидевшего в нем? Или Жек придумал всю эту историю?

— Ребенок или нет, все равно он поганое отродье!

— Какая вам разница? — переспросил Марти. — Через несколько недель вы попадете в небесный Жер-Залем, и поганые расы не смогут вам навредить...

— Вместо того чтобы хитрить, проклятый гок, помог бы ребенку раздеться! Если через полминуты он не будет голым, я продырявлю вам обоим голову и сердце!

Вероятность выживания — 0,00001 %. Новое решение. Марти подошел к Жеку, быстро развязал тесемки, державшие кожаное пальто, снял с него сапоги, расстегнул пуговицы комбинезона, стянул его через голову мальчугана.

И тут же невероятный, жгучий холод охватил маленького анжорца. Ему показалось, что его пронзили тысячи раскаленных добела лезвий. Холод поднимался по ногам, проникал в живот, легкие, плечи, руки... Невидимый и жестокий спрут раздирал его, чтобы воцариться внутри, дробил его существо

на тысячи ненужных обломков, изолировал каждую его клетку, заковывая в ледяной панцирь. Жек не осмеливался пошевелиться, опасаясь, что его ноги и руки разлетятся в щепки, словно сухое дерево, не осмеливался дышать из страха, что мороз обратит кровь в лед и перекроет артерию и трахеи.

Теплая волна окатила его спину и плечи. Феникс прижалась к нему, обняв его. Щупальца спрута отступили перед благостным, живым теплом, лучившимся из груди и живота молодой женщины. Но исход битвы не оставлял сомнений, ибо время работало на холод, который проникал во все щели, через ноги, через руки, облизывая обнаженную кожу.

— В цирк! — крикнул страж.

Световые лучи вспучили лед в нескольких шагах от обнаженных осужденных. Сан-Франциско и Феникс схватили Жека за руки — ужасное чувство надрыва, когда она отошла от него! — и двинулись к краю впадины. Они не прыгнули в бездну, как думал Жек. Сан-Франциско посадил его на колени и поехал вниз по склону, который оказался не очень крутым.

Бывший первый помощник «Папидука» набрал скорость и не смог удержаться в сидячем положении. Шершавый лед раздирал кожу его ягодиц, спины и шеи. Выступ отклонил его в сторону. Жека вырвало из его объятий, он покатился, бешено заскользил вниз и с силой ударился о лед пятнадцатью метрами ниже. Толстый слой снега немного смягчил удар, но у него перехватило дыхание, холод сковал его движения, и он не смог встать.

— Двигайся, Жек! — завопил Сан-Франциско.

Он умело приземлился метрах в двадцати от мальчугана. Капли крови, вытекавшие из его царапин, мгновенно обращались в лед. Феникс, Робин и Марти один за другим приземлились на дне цирка Плача.

— Двигайтесь! Двигайтесь! — повторяла женщина, помогая подняться старому сиракузянину, ошеломленному падением.

— Зачем? — вздохнул Робин. — Несколько секунд отсрочки перед окончательным исходом...

— Сурата Новой Библии говорит: *Живи, живи еще один день, живи еще несколько минут, живи еще несколько секунд: эти мгновения могут в любое время стать вечностью...* Двигайтесь!

Робин начал подпрыгивать на месте, не столько подчиняясь ей, сколько следуя своим убеждениям. Его стопы топтали снег, но уже ему не принадлежали, превратившись в далекие и нечувствительные отростки худого тела, скелета, обтянутого ломкой морщинистой кожей.

Жек слышал голос Сан-Франциско как во сне, но не имел ни силы, ни воли пошевелить конечностями. Толстый снег был уютным матрасом, который обжигал все его тело. Это было похоже на глубокий сон, с той разницей, что мальчуган прекрасно понимал: из этого путешествия ему не вернуться. Другой голос, внутри него, требовал собрать всю энергию, пересилить холод, встать на ноги. Речь не шла об инстинкте выживания, этой тревожной сирене, которая автоматически включалась, когда смерть подбиралась слишком близко. Это было что-то едва ощутимое и невероятно могучее, величественная песня, доносившаяся из глубин пространства...

Встань и погляди на небо, Жек...

Что-то подняло его со льда, коснувшись щеки, спины, плеч, торса...

Погляди на небо, Жек...

Он слышал шепот, стоны, крики, которые словно пробивались сквозь толщу воды.

Погляди на небо...

Его голова упала набок, щеку и висок облизало робкое пламя.

На небо...

Горячие волны проникли в его череп и растеклись по всему телу. И только теперь он по-настоящему ощутил холод, невыносимые подергивания кожи, ужасную боль в костях, во всех внутренностях, в мышцах. Холод проникал в пальцы, застывал под ногтями. Поскольку малыш не сопротивлялся, холод беззвучной тенью накрывал его, не считая нужным мучить свою жертву, пока не унесет ее. Но он кусал, царапал, рвал на части, как только сталкивался с теплом, своим главным врагом, когда ему приходилось отступать с той территории, которую он, казалось, окончательно захватил.

Боль оживила Жека. Он открыл глаза. И вначале заметил коричневые, серые и черные пятна, которые кружили над ним. Потом зрение стало четче. Несколько секунд ему казалось, что на него напал трехголовый и шестилапый зверь. Потом он узнал Сан-Франциско, Феникс и Робина, которые растирали ему голову и грудь. Ощущение было странным от разницы между явно сильными ударами, которые они наносили, и едва заметными покалываниями в его заледеневшей коже. Кто-то задвигался под ним, и он сообразил, что лежит на Марти, который растянулся прямо на снегу.

— Он открывает глаза! — сказала Феникс.

— Не останавливайтесь! — крикнул Сан-Франциско.

— Зачем? Зачем? — пробормотал Робин.

Грудь Феникс подпрыгивала при каждом ударе. По ее бронзовой коже растекалась бледная тень, подчеркивая черные волнистые волосы. Из посиневших губ вырывался парок, тут же превращаясь в плотное облако тумана. Ее движения замедлились.

— Мне холодно... Я больше не могу... — простонала она.

— Борись! — потребовал Сан-Франциско. — Займемся тобой, как только закончим с Жеком!

Хотя его спина и ягодицы были в контакте со снегом, Марти не чувствовал холода. Демон имплантировал в мозг своего человека-носителя постоянное ощущение тепла. Люди не знали о фантастическом потенциале своего мозга. Одурманенные чувствами, окнами, которые открывались во внешний мир, они отказывались от исследования и овладения сложной механикой внутреннего мира. Именно это позволило посланцам Гипонероса проскользнуть под броню и превратить человека в обычное, уязвимое существо. Укрывшись в мозгу, демон ощущал — не совсем верное понятие — некоторое снисхождение к своему носителю. Чисто логические данные, вероятно, размазывались эмоциями, импульсами, мыслями человека, в котором он сидел. Он был жертвой колдовского обаяния сотворенного мира, материи, форм, волн, воздействующих на вакуум. Кожа его носителя соприкасалась с кожей Жека, человека истоков, и, быть может, все объяснялось именно этим.

Уставшая, замерзшая, деморализованная Феникс упала на снег.

— Вставай! — завопил Сан-Франциско.

Он черпал последние запасы воли, но уже не чувствовал ног и понимал, что конец близок.

— Зачем? — в последний раз пробормотал Робин.

Старый сиракузянин тоже упал. На его белой как снег коже выделялись синие вены.

— Прощай и прости, принц гиен...

Сан-Франциско отвернулся от Жека и улегся на Феникс. Ему не удавалось раздвинуть пальцы ее рук, чтобы просунуть свои. Она еще держала глаза открытыми, а на ее бледно-синих губах застыла улыбка. Он унесет с собой образ ее безмятежного лица, исцарапанного, но прекрасного... *Такая сильная любовь, что она пересечет страну смерти...* Мирная тишина накрыла цирк Плача. Золотые стрелы Домового-4, самого большого из четырех солнц Неороп, воспламенили горизонт.

Гляди на небо, Жек...

Ожив от тепла, исходящего от Марти, мальчуган поднял глаза к лазурному небу. И увидел, что небесная равнина покрылась кометами с огненными хвостами.

Княжеская стража не верила своим глазам. Столпившись на краю провала, они наблюдали за медленной агонией осужденных, чья тщетная борьба с холодом забавляла их. Они уже заметили белые силуэты снежных медвигров, которые один за другим выходили из укрытий и неспешно трусили в сторону людей, отданных на съедение. Все проходило, как обычно — до момента, когда из ниоткуда возникло множество огненных комет, разрисовавших арабесками все небо.

Они слышали странное, колдовское шуршание, доносившееся из бескрайней бездны.

Песнь космоса, танец комет...

Десятки колонн голубого света медленно спустились с небес и оказались на льду цирка Плача, наполнив его светящимися кругами.

Ветры света...

— Черт подери! — выдохнул один из стражей. — Пророческие знаки!

— Космины должны были приземлиться в цирке Исхода! — прошептал второй.

— Надо предупредить абинов! Турин, Амстердам, Монтевидео, берите буер и неситесь в Элиан!

— Я не из твоего племени и не подчиняюсь твоим приказам! — возразил Амстердам.

— Я остаюсь здесь! — поддержал его Турин. — Я хочу присутствовать при посадке космин...

— А твои родные? Твоя жена? Твоя дочь?

— В любом случае у нас нет времени проделать путешествие туда и обратно. Согласно Новой Библии передышка небесных странниц продолжается всего несколько секунд...

Темное облако внезапно заслонило небо.

Турин бросил светомет на землю, стянул сапоги, комбинезон, шерстяное белье и заскользил по склону цирка. Десяток стражей последовали его примеру. Остальные, ощущая внезапную смертельную усталость, отказались от шанса попасть в светоносный Жер-Залем и предпочли остаться на ледяном Жер-Залеме. Избранному народу придется ждать еще восемь тысяч лет...

Невероятная туча черных, шумных птиц закружила над впадиной, затмив свет Домовых. И свет голубых колонн стал еще ярче во внезапно обрушившейся ночи.

Дикие медвигры, словно напуганные тьмой, пустились в бегство по льду цирка Плача. Их могучие когтистые лапы вздымали снежные фонтаны.

Глава 18

Тау Фраим совершил свое первое чудо, когда ему исполнилось пять лет. Он спрятался в аквасфере связи, которая снабжала остров Пзалион предметами первой необходимости, просидел в трюме семь дней и семь ночей без пищи и воды, потом тайно выбрался на причал порта Коралиона. Оттуда он направился в крейцианский храм, смешался с толпой, которая присутствовала на еженедельной службе стирания. Он осознал, в какую бездну мук посланцы Гипонероса погружали его человеческих братьев. Он решил стереть стирание. Он проник в каждый мозг и восстановил в нем суверенное мышление. Так он вернул людей на путь их истоков. И они открыли глаза и увидели скаитов и крейциан такими, какими они были на самом деле: демоническими существами, чудовищами, чьей единственной целью было уничтожение человеческих рас и поля творения. Они горько оплакали самих себя, и их охватил огонь гнева.

Тау Фраим угнал аквасферу и вернулся на остров Пзалион. Его ждали мать и отверженные, которых опечалило и обеспокоило его исчезновение. Он успокоил их речами, потом взобрался по опоре и отправился играть со своими друзьями, коралловыми змеями.

Девять евангелий Эфрена.
«Дела и чудеса Тау Фраима»

Сердца изгоев острова Пзалион не лежали к работе. Выгребные ямы были переполнены, ожидающие починки сети скапливались на скалах, нависавших над бухтами, людям стало не хватать свежей рыбы и ракообразных, отходы заполняли заброшенные пещеры... Островитяне перестали собираться на площади, чтобы воспеть пионеров Манула Эфрена.

Каждый день они приходили на пляж черного песка, ближайший к опоре. И с тоской в душе следили за восхождением Оники, чье тело потихоньку растворялось во мраке.

Сожи, старая тутталка, пыталась отговорить Оники лезть на коралловый щит.

— Подожди, пока не родишь...

— Упражнения идут мне на пользу, — возражала молодая женщина с широкой улыбкой.

— А если сорвешься...

— Почему я должна сорваться? Я прошла жестокие тренировки во время обучения.

— А если тебя сожрут коралловые змеи...

— Змеи стали мне друзьями.

— А если нет трубы...

— Я отыскала одну. Большую трубу. И сейчас занимаюсь ее очисткой...

Быть может, Сожи не вкладывала всей силы убежденности в свои аргументы, мольбы и угрозы, ибо в душе одобряла поведение Оники. Она и сама осталась тутталкой, женщиной, которая до своего осуждения все свое существование посвящала великому органу и изредка ощущала уколы тоски по коралловым вершинам. Она с завистью наблюдала за белым округлившимся телом Оники, которое раскачивалось на опоре. Когда Сожи двадцать лет назад оказалась на острове, ей было всего сорок пять и ее мышцы, суставы и кости были в отличном состоянии. Но, подавленная стыдом и горечью из-за осуждения, пребывания в позорной клетке на площади Коралиона, оскорблений и плевков сопланетян, она не набралась силы поднять голову, сдалась, согласилась со своим новым состоянием изгнанницы, ползучего гада. Теперь, когда светлое размытое пятно тела Оники растворялось во мраке, она проклинала свою старость, проклинала ревматизм, проклинала ослабевшее зрение, с горечью упрекала себя в том, что бесполезно растратила сокровище своей молодости...

Поскольку ссыльные не умели ничего делать, они часами ждали у подножия опоры. Они успокаивали себя, наблюдая за падением лишайника, который долго плавал по поверхности океана, пока не насыщался водой и не тонул. Пока падала растительность, они знали, что будущая мать еще жива. Личные охранники Оники пытались последовать за ней в восхождении, но вскоре начинали бросать взгляды вниз, пугались и поспешно спускались. А потом стояли по пояс в черной воде, задрав головы к темной массе щита, пытаясь разглядеть крохотный светлый силуэт молодой женщины, занимавшейся своим делом на километровой высоте.

Жизнь на острове замирала на время восхождения Оники по кораллу. Все облегченно вздыхали, когда она появлялась, истекающая пóтом, с волосами, грудью и плечами, покрытыми частицами лишайника. На высоте десяти метров от поверхности океана она останавливалась и, вцепившись в неровности опоры, долго смотрела на товарищей по изгнанию. Хотя она была обнажена и открыта взорам всех и каждого, она не видела

в их глазах никакой похоти, а только беспокойство и восхищение. Она улыбалась им, и только в это мгновение они опускали головы, поворачивались и медленно уходили по тропинке, чтобы заняться своими делами. Им не удавалось нагнать отставание, и день за днем накапливались рваные сети, груды мусора у входа в пещеры, гниющие останки рыб и пустые панцири омаров и крабов.

Оники с невероятной ловкостью преодолевала последний десяток метров, несмотря на растущий с каждым днем живот и тяжелую кожаную сумку. Потом купалась в океане. Соль покалывала крохотные ранки на ногах и спине, но она наслаждалась лаской холодной воды, омывавшей усталое тело. В этот момент она вспоминала о благотворном душе в тиши своей кельи в Тутте после возвращения с работы.

Потом в сопровождении своей охраны, чьи крики и смех разрывали ночную тишь, она выбиралась на пляж, вытиралась куском ткани, который жители оставляли для нее, надевала серое платье отверженной, становившееся с каждым днем все теснее. Это платье кто-то ежедневно стирал, сушил и тщательно складывал.

Сожи ждала у подножия скал. Глаза старой женщины сверкали огнем под морщинистым лбом и выступающими надбровными дугами. Ветер ерошил ее седые волосы и раздувал платье, сплетенное из водорослей.

— Как дела?

— Продвигаюсь, — отвечала Оники.

— Какова труба?

— Становится все шире... Такая же широкая, как Опус Деи, центральная труба сита Коралиона...

— Видишь свет?

— Нет еще...

Сожи окидывает взглядом лишайник, качающийся на волнах океана. Он образует плотный подвижный ковер.

— А змеи? — спрашивает Сожи.

— Видела нескольких... Куда больше тех, что живут в органе Коралиона...

— Видела? Значит, не замираешь, когда ощущаешь их присутствие?

Оники никогда не отвечает на этот вопрос. Нет, она не замирает, продолжая обдирать лишайник, перекрывающий трубу, но она не хочет понапрасну волновать старшую сестру. Треугольные головы с зелеными сверкающими глаза-

ми часто оказываются в нескольких сантиметрах от нее, но гигантские рептилии спокойно уползают, скрываясь в переплетениях коралла. Светлые хвосты, исчезая, рисуют арабески в темноте. По шуршанию чешуйчатых колец по окаменевшим полипам она знает, что они кишат вокруг нее.

— Тебе надо прекратить восхождения до рождения ребенка, — робко предлагает Сожи.

— Он родится при свете, — утверждает Оники.

Старая тутталка качает головой:

— По моим расчетам, он должен распахнуть дверь не позже, чем через неделю... Иди отдохни в пещере.

Несмотря на невероятную усталость, поскольку ее пребывание в коралловом щите длится дольше, чем обычная смена в Тутте, Оники не любит оставаться в пещере, где у порога бодрствует охрана. Она ощущает себя свободной и счастливой, когда находится по соседству с коралловыми вершинами, но стоит ей улечься на матрас, как ее охватывают черные мысли. Она почти перестала спать. С одной стороны, ребенок со все большей активностью заявляет о своем присутствии, осыпая ударами ножек, с другой стороны, темное предчувствие проникает в сознание, мешая погрузиться в сон.

Где-то далеко отсюда ее принц в опасности. Как только она накрывается одеялом, ледяной холод невероятной силы проникает в ее конечности. Это не обычный холод, который кусает кожу, а холод безымянный, неописуемый, злокозненный, тянущийся из другого мира. Он атакует ее существо, разлагает, распинает, пожирает ее душу.

Она испытывает крохотную долю невыносимых мук своего принца, словно тот погружен в сердце ужасающего вихря, хотя она ощущает только холодное зловонное дыхание. Как она и предполагала, он лишь на время покинул ее, чтобы бросить вызов ужасающему противнику, противнику, который уничтожает саму суть человечества. И в этом сражении, где ставка — будущее людей, он не уверен в том, что одержит верх. Поскольку их тела слились, поскольку они были едины, она ощущает его страх и страдания своей плотью и пытается взять часть их на себя, чтобы облегчить его тяжкий труд. Интуиция подсказывает ей, что исход битвы связан с ее попыткой принести свет Тау Ксира и Ксати Му на остров Пзалион. Безумная абсурдная мысль: не пытается ли она сравниться со своим принцем? Ведь речь идет о выживании рода человеческого, рассеянного в галактике, а не об улучшении условий существования горстки изгоев.

Однако она не может отказаться от мысли, что ее принц нуждается в этом свете, даже если это — лишь капля в океане, даже если он будет светить нескольким умалишенным и отверженным планеты Эфрен. Она лежит на матрасе из сухих водорослей, она дрожит, исходит пóтом от тоски, слезы стекают по ее щекам, подбородку, шее... И тогда она кладет руки на живот, словно успокаивая крохотное существо, питающееся ее соками.

В эту ночь она испытала особо жестокую атаку холода-разрушителя. Угнетающая пустота наполнила ее душу, вызвав невероятную боль. Ей показалось, что тело ее растворяется в небытии. Она беспокойно ворочалась, но не могла отыскать положения, которое принесло бы облегчение даже на время. Был перевозбужден и ребенок — он колотил в живот ножками и ручонками.

Начались первые схватки, мощное сокращение мышц живота и таза, колючие занозы приковали ее к матрасу. Ребенок больше не хотел ждать, ребенок выражал неукротимое желание войти в эту жизнь. Ее охватила паника: она еще не закончила очистку большой трубы, и новорожденный, несмотря на ее категорическое обещание, откроет глаза прежде, чем остров увидит красные и голубые лучи звезд Эфрена. Его первый взгляд встретит беспросветный мрак, накрывший остров и его окрестности саваном.

Вторые схватки были сильнее первых. Ей показалось, что ее растянутый живот разрывается надвое, а когти изнутри терзают плоть, раздирая таз, чтобы расширить проход и облегчить выход младенцу. Она сжала зубы, потом, когда крючья отпустили ее, отбросила одеяло, встала, пытаясь удержаться на подкашивающихся ногах. Она не успела надеть серое платье, сложенное на плоском камне, служащем стулом. Ей надо было спешить, чтобы закончить очистку до родов.

Она выбралась из пещеры, стараясь не потревожить крепко спящую охрану. Прошла по длинному туннелю, ведущему в пещеры, и вышла на площадь. Начались новые схватки, и ей пришлось обеими руками вцепиться в откос скалы. Как только боль прошла, она проскользнула мимо гор отбросов и сетей, наваленных друг на друга. Ветер доносил тяжелый запах гниения и экскрементов. Она двинулась по узенькой тропке, змеящейся среди скал и ведущей к океану. Ускорила шаг, понимая, что затеяла невозможное соревнование со временем. С ночью, с холодом, с небытием, с неумолимым противником, который яростно терзал ее принца...

Ноги ее тонули в черном песке. Только шелест волн, лизавших скалы и опору, нарушал непривычную тишину, воцарившуюся на острове. Черные чайки, казалось, покинули окрестности. Она вошла в воду, холодные объятия которой вызвали дрожь в теле. Ребенок перемещался в матке, занимая положение, чтобы головой пробить проход.

Холодная вода вызвала новые схватки, продолжительные и мощные. Ноги ее подкосились, она потеряла равновесие. Перепугавшись, нахлебалась воды, задохнулась, закашлялась, сплюнула воду. Постаралась обрести спокойствие и подняла голову из-под воды. И тут же услышала за спиной дрожащий голос:

— Подожди меня!

На берегу стояла старая Сожи.

— Я иду с тобой!

Женщина скинула платье из водорослей и вошла в воду. Оники оглядела тело сестры Тутты, исхудавшее, костлявое, истрепанное невзгодами, морщины и складки кожи на животе, пустые бурдюки грудей, колотивших по торчащим ребрам.

— Наверху опасно! — пробормотала Оники, стоя по шею в воде. — И ты давно не взбиралась по кораллу...

— Что-то подсказывает мне, что малыш стучится в дверь! — возразила Сожи. — Я понимаю, что бессмысленно тебя переубеждать, но не могу оставить тебя одну в таком положении!

Сожи приблизилась к юной сестре, скривилась в улыбке и ухватилась за выступы опоры. Оники увидела, как она грациозно подтянулась из черной воды и начала восхождение.

Обе тутталки поднялись на высоту первых восьмисот метров. Руки и ноги Сожи уже не были столь твердыми и надежными, как двадцать лет назад, но она компенсировала недостаток силы и ловкости постоянным изменением центра тяжести. Ей хватало ума или мудрости подниматься в собственном ритме, выбирая обходные пути, требующие меньших сил. Изредка, когда изобилие захватов облегчало подъем, она ощущала пьянящее чувство хозяйки неба и напевала древнюю песню Тутты. Но когда возникали трудности, слишком хрупкие или далеко отстоящие захваты, она чувствовала тяжесть лет, и продолжительные стоны выдавали ее бессилие и неуверенность. Оники, более подвижная, более быстрая, более динамичная, подбиралась к ней, подбадривала, подталкивала, открывала ей путь.

Схватки стали реже, но долгие периоды передышки оказывались более опасными, чем боль: она теряла бдительность, и внезапные спазмы застигали врасплох. Несколько раз

она едва не отпускала захваты. Но каждый раз рефлекторно успевала перенести вес тела на бедро, словно присоской приклеиваясь к кораллу.

Им понадобилось четыре часа, чтобы добраться до вершины опоры. Там они уселись на край глубокой ниши, которую отыскала Оники, и перевели дыхание. Пот приклеил волосы к вискам, щекам, шее. Капли крови сочились из царапин на руках, плечах, спине, бедрах, икрах.

— Ну и где же твоя труба? — выдохнула явно уставшая Сожи.

— В тридцати метрах отсюда...

— Как туда добираться? У нас же нет связной платформы...

— Цепляясь за щит и передвигаясь на руках...

— А если захваты рассыплются?

— Пока они держались. Надо пройти их один за другим...

Оники не успела закончить фразу. Ее буквально скрутило новыми схватками. Ей показалось, что кости таза расходятся, лопаются, что в ее внутренности вонзаются острые занозы.

— Чистое безумие! — проворчала Сожи. — Вернемся в деревню, пока не поздно!

Боль искажала черты Оники. Участившееся дыхание сопровождалось стонами. Черные волосы прядями забивались в рот. Потом боль постепенно отступила.

— Я никогда тебя не спрашивала, почему тебя осудили на вечное изгнание на Пзалион...

— Считаешь, самое подходящее время? — удивилась Сожи. — Мы взобрались на высоту восьмисот метров, ты вот-вот родишь...

— Мне надо, чтобы кто-то говорил со мной...

Сожи протянула руку и нежно погладила волосы молодой сестры.

— Ты обладаешь мужеством, малышка Оники. Я не знаю мерзавца, который бросил тебя, сделав ребенка, но кто бы он ни был, он тебя недостоин!

— Не говори о нем плохо! — запротестовала Оники. — Он не просто мужественен, он превыше всякого мужества!

— Так думала и я о мужчине, которого, как считала, люблю... Любовь ослепляет и оглупляет нас, малышка. Я считала его исключительным существом, а он только стремился разорвать обеты моего целомудрия, чтобы обладать мною. Он обещал увезти меня на другой мир... Мне было уже более сорока лет, и я вроде миновала возраст безумных поступков. А когда он получил желаемое, то выдал совету матрион, а сам бежал, как вор. Продолжение угадать легко: матрионы проверили меня и при-

говорили к вечному изгнанию на Пзалион, выставили на площади Коралиона... Три дня и три ночи в клетке, это так долго. Люди шли мимо меня, оскорбляли, плевали, дергали за волосы, рвали платье на куски...

Глаза старой женщины наполнились слезами. Хотя уже прошло двадцать лет, рана так и не затянулась, унижение и отчаяние были столь же острыми.

— Ты жалеешь, что нарушила обет целомудрия? — спросила Оники.

На усталом лице Сожи появилась печальная улыбка.

— Я сожалею лишь об одном: что остановила свой выбор на этом человеке. Он не только не имел совести, но и занимался любовью, как чурбан! По сравнению с ним безумцы острова — превосходные любовники!

— Ты хочешь сказать...

— У этих бедняг, как у любых мужчин, есть желания... Быть может, не столь жгучие. Они дарят мне удовольствие и нежность. У них нет эстетического воспитания, но их прикосновение и сила умиротворяют... Я тебя шокирую?

— Меня шокирует то, что ты валишь всех мужчин в одну корзину!

— Знаешь, тот, кого любишь, всегда отличен от остальных... — вздохнула Сожи.

Разговор вдруг вызвал раздражение Оники. Она наклонилась, уцепилась за выступ щита и повисла в пустоте. Воспользовалась инерцией, чтобы выбросить свободную руку на поиск другого захвата, потом двинулась вперед, раскачиваясь, как ярмарочный акробат.

Сожи несколько мгновений не могла решиться последовать за юной сестрой. Потом, в свою очередь, повисла над восьмисотметровой бездной. Ее влажные руки цеплялись за неровности коралла. Она бросила взгляд вниз: отсюда остров не был виден. Внизу был черный и бездонный провал.

Оники уже преодолела две трети пути, когда под ее пальцами опора раскрошилась, словно сухая земля.

— Скаит-наблюдатель Фасс просит о срочной телепатической беседе со скаитом Ксафоксом из высших эшелонов...

Ксафокс выждал несколько минут, перед тем как ответить подчиненному, который почти девять месяцев занимался только обследованием мозга Оники, тутталки, осужденной на вечное изгнание и сосланной на остров Пзалион.

— Когда сенешаль Гаркот и муффий Барофиль собираются приступить к своему обширному проекту? — спросил кардинал Эсгув, удобно рассевшись в своем кресле в апартаментах крейцианского храма в Коралионе.

— Не позднее, чем через месяц, ваше преосвященство, — ответил Ксафокс, стоявший перед огромным деревянным столом. — Как только сенешаль уточнит последние детали...

— А именно?

— Создание корпуса священных стирателей и нормализация отношений между Церковью Крейца и империей Ангов.

Тонкие пальцы кардинала проскользнули под отделку капюшона облегана и принялись теребить сжатые косички локонов. По просьбе Ксафокса, великого инквизитора, он отослал всех слуг, миссионеров, которые были его ассистентами, и личного секретаря, викария Грока Аумана. Несмотря на присутствие двух мыслехранителей — он оказал немалые услуги прелатам, осуществлявшим назначения, но не смог добиться предоставления двух дополнительных мыслехранителей, — он ощущал себя неловко, когда оставался наедине с Ксафоксом. Кроме иррационального страха перед обрушением кораллового щита и опасения, что епископская иерархия примет решение об отмене его функций правителя планеты Эфрен, беседы со скаитом пугали его больше всего. В присутствии великого инквизитора у него возникало отвратительное ощущение, что он ребенок, которого то и дело упрекают в шалостях.

— *Скаит-наблюдатель Фасс просит о срочной телепатической беседе со скаитом Ксафоксом из высших эшелонов...*

— *Подождите еще несколько секунд, спора Фасс*, — мысленно ответил Ксафокс.

— *Настаиваю на срочности моего сообщения...*

— *О чем идет речь?*

— *Оники Кай вот-вот родит. Она поднялась в кораллы...*

— Под нормализацией вы, вероятно, понимаете снятие нынешнего муффия Барофиля Двадцать Четвертого, сир Ксафокс, — осторожно начал кардинал, изобразив понимающее лицо, чтобы выглядеть умнее.

— Скажем, решение назревшей проблемы, вызванной его сдержанностью в сотрудничестве с мирскими властями империи Ангов...

Кардинал Эсгув вгляделся в светошар, плавающий под потолком по воле сквозняков. Он хотел выставить свою кандидатуру на выборах муффия, но многочисленные колле-

ги, большие или меньшие друзья, с которыми он беседовал под охраной двадцати мыслехранителей, посоветовали ему не настаивать. По их сдержанности он понял, что не обладал истинной закваской непогрешимого пастыря. И напротив, ему намекали: проголосуй он за их избрание, ему бы предложили пост, достойный его качеств, а именно управление одной из главных планет или постоянный пост в епископском дворце в Венисии. Хотя Барофиль Двадцать Четвертый, буквально вросший в свой трон, похоже, не собирался сдавать свои позиции, война за его наследие уже началась.

— Откуда вы знаете, что ребенок вот-вот родится?

Глупый вопрос для скаита высшего эшелона, постоянно связанного с базой данных чана...

— По ощущениям, которые я читаю в мозгу матери.

— Вы ничего не ощущаете в мозгу ребенка?

— Разве дети наделены разумом в чреве матери?

— Глупый вопрос для споры... По историческим данным чана, люди получают то, что называют душой, еще до зачатия.

— Обычная религиозная интерпретация... Люди зачинают, как млекопитающие, а эмбрионы млекопитающих получают лишь импланты инстинкта. Новорожденный человек, попавший к животным, сам становится животным, подчиняющимся законам приютившего его вида.

— Ошибаетесь, спора Фасс: данные, представленные конгломератами, не оставляют никаких сомнений в том, что существует фундаментальная разница между людьми и животными...

Кардинал встал и направился к окну кабинета, откуда открывался вид на черную кварцевую скалу и порт Коралиона. Колонны красного света падали из-за кораллового щита, окрашивая в пурпур океан, рыбачьи аквасферы, элегантные дома с колоннадой, извилистые улочки... Верхний ветер выл в трубах большого органа. Эфрен был всегда погружен в печальные сумерки.

— Остается отрегулировать одну деталь, далеко не самую незначительную, — задумчиво пробормотал он, — участь муффия Барофиля Двадцать Четвертого...

— Сенешаль занимается этим, ваше преосвященство.

Голос великого инквизитора, занятого телепатической связью, сорвался на фальцет, резанувший по ушам кардинала.

— Я не глухой! Почему вы так сильно кричите, господин инквизитор?

— Простите меня, ваше преосвященство...

— Какое решение мы должны принять? — спросила спора Фасс. *— Воитель безмолвия, который оплодотворил Оники Кай, больше не появлялся. Но из того, что мы знаем о людях, фактор отцовства может заставить его вновь вступить в контакт с этой женщиной.*

— Людей трудно включить в расчет вероятностей. Чистая логика ими не управляет.

— Безусловно. Я оцениваю шансы вновь увидеть этого человека равными пяти процентам. Но есть реальная вероятность — пятьдесят процентов, — что этот ребенок является человеком истоков, главным врагом Гипонероса.

— В таком случае решение будет простым. Я тут же пошлю десять притивов по указанным вами координатам. Им будет приказано убить мать сразу после родов, а ребенка забрать живым. Он послужит приманкой и подопытной свинкой. Мы сделаем двойную ставку. Новая связь через пять минут.

Кардинал повернулся и попытался выдержать взгляд Ксафокса, чьи выпученные желтые глаза светились под просторным капюшоном.

— Этот проект сенешаля и муффия Бар... будущего муффия Церкви Крейца не связан с некоторыми... опасностями?

— Опасностями, ваше преосвященство?

— Ну... священные тексты, приписываемые Крейцу, утверждают, что вера имеет истинную цену, только если сопровождается правом на свободное волеизъявление, — ответил кардинал.

— Никто не собирается покушаться на свободное волеизъявление верующих, ваше преосвященство. Речь идет о нейтрализации губительного влияния, которое мешает воспринять Истинное Слово. Этим роль священных стирателей и ограничится.

— Конечно, конечно...

Кардинал вновь занял место у окна, вглядываясь в пурпурные колонны, освещавшие Коралион. Хотя ему было всего пятьдесят семь лет, он чувствовал, что закат его жизни близок.

Женщины двигались вдоль гигантской трубы с невероятной медлительностью. Коралловые лишайники, скопившиеся за века, слежались, образуя плотную пробку, твердую и более прочную, чем волокнистая растительность большого органа Коралиона. Иногда лишайник отваливался огромными кусками, открывая вогнутую стенку. Трудность состояла в том, что они могли пользоваться лишь одной рукой, поскольку второй держались за выступы или углубления щита. Они практически ничего

не видели и карабкались вслепую, обеспечивая надежный захват до того, как начинали разрушать наросты на коралле.

Оники очистила трубу на высоту более двухсот пятидесяти метров, а верхняя пробка мешала попаданию лишайников из пространства. Покрытые пóтом и растительными волокнами, они задыхались, ощущая нехватку воздуха. Ноздри раздражала вонь разложения. Они старались не открывать рот, чтобы не глотать пыль и засохшие веточки, летавшие вокруг них.

Оники успела ухватиться за выступ под щитом несколькими минутами раньше. Пустота едва не превратила ее в жертву, но она рефлекторно выбросила руку вперед и уцепилась за острый край углубления. Она едва успела восстановить равновесие, как начались новые схватки. Держась над бездной на одних пальцах, она черпала неистощимые запасы энергии и воли, чтобы продержаться то время, пока ее тело терзала боль.

Ребенок перестал двигаться, словно понял необходимость не мешать матери. Схватки повторялись регулярно, но Оники была начеку, предвидела их и прижималась к стенке, как только острые когти впивались в ее плоть. Хотя Сожи была не столь быстрой, как ее юная сестра, помощь старой женщины оказалась бесценной. Она очистила треть окружности трубы. Оники изредка бросала взгляд через плечо и видела серую тень старой тутталки, чьи раскинутые ноги и руки превращали ее в какого-то паука. Она слышала, что Сожи напевает ту же песенку, что и во время подъема, прерывая ее ругательствами, вздохами, мольбами и стонами.

Сожи напевала, чтобы забыть об усталости, о страхе, о том, что рядом скользят змеи, что слышит треск и шорохи вокруг, ибо знала причину их возникновения. Когда-то она стала свидетельницей того, как огромная коралловая змея сожрала одну из сестер. До сих пор ее терзали воспоминания об огромной пасти, из которой торчали ноги несчастной. Она напевала и ради того, чтобы сосредоточиться на движениях, чтобы вновь ощутить опьянение от работы, чтобы выразить то, что ей посчастливилось вновь стать небесной хозяйкой. Ее мышцы горели от усилий, все больше дрожали, ей было все труднее держаться, особенно если не было опоры для ног или надо было рассчитывать только на силу одной руки. Пальцы, кисти, плечи ощущали боль от раскаленных добела лезвий.

Пробка из лишайников, казалось, делалась все тоньше по мере того, как они поднимались. Теперь лишайник походил на пересохшую землю. Они разрывали его ногтями.

Но еще не видели никакого света, ни единого лучика от звезд Эфрена.

Сожи охватило отчаяние. Ей уже не хотелось бороться с этим тяжелым ощущением погружения в бесконечную ночь.

— Нам никогда не добраться!

Вымотанная Оники прижалась к стенке и перевела дыхание. Она вдруг почувствовала, как по бедрам потекла горячая жидкость.

— У меня отходят воды!

Этот крик подстегнул Сожи. Старая тутталка с новыми силами набросилась на лишайник, дробя его яростными ударами ногтей. Трубу вдруг затянуло облако пыли и веточек.

Оники ощущала, как раскрывается шейка матки. Не сейчас... не сейчас... подожди еще немного... Она уже не могла вернуться назад, у нее не было ни средств, ни сил помешать ребенку рухнуть в пустоту. С энергией отчаяния она подавила боль, пригвоздившую ее к стенке, и вновь взялась за работу. Она услышала песню Сожи и принялась подпевать старой сестре. В нескольких сантиметрах от ее губ блеснули два зеленых светящихся глаза.

Сожи просунула руку в щель в пробке из лишайника, которую, вероятно, проделала змея. Ощутила легкое сопротивление вязкой пульпы и решила, что коснулась змеи. Но подавила страх, справившись с искушением отдернуть руку. Ее пальцы пронзили мягкий слой и ощутили ветерок. По телу прокатилась горячая волна. Из узких отверстий хлынули косые красноватые лучи.

— Осталось всего сантиметров двадцать! — крикнула она.

Это были ее последние слова. Радуясь, она не обратила внимания на внезапные колебания края щели, за которые цеплялась. Она устала и допустила ошибку дебютанта. Вместо того чтобы поискать новый захват, она вцепилась в нарост, основание которого отрывалось от стенки.

— Сожи! Нет! — закричала Оники.

Рука и плечо старой тутталки вдруг откинулись назад, ноги ее подкосились. В последнем усилии она попыталась схватиться за пробку из лишайника, чтобы оценить ситуацию и отыскать новый захват. Ноги ее забились в пустоте. Беспорядочные движения ног сотрясли верхний слой лишайника, который покрылся трещинами.

— Сожи! Прижмись к стенке!

Пробка рухнула вниз с ужасающим треском. Поток пурпурного света залил трубу. Ослепленная Оники не увидела падения старой сестры, но услышала ее отчаянный вопль,

постепенно затихший внизу. На вершину кораллов вновь опустилась тишина.

Она не успела заплакать. Ей показалось, что чудовищная заноза вонзилась в ее плоть. Голова ребенка прошла через шейку матки и стремилась вперед, чтобы сделать первый вздох. На этот раз она была уверена, что кости ее лопнут, а плоть разорвется. Ее охватило отчаяние, ей хотелось от всего отказаться, рухнуть вниз, присоединиться к Сожи в спокойствии смерти. Потом вспомнила о муках своего принца, который боролся с безжалостным врагом людей, и нашла в себе силы преодолеть последние два метра, отделявшие ее от крыши щита. Почти отрешившись от всего, она сумела перевалиться на залитую красным светом Тау Ксира плоскую поверхность, хотя ей мешали грудь и живот. Тысячи звезд сверкали на темном бархате неба.

Задыхаясь, она улеглась, подтянула ноги к животу и руками раздвинула их. Она смутно ощущала чье-то присутствие рядом, но, подавленная болью, не нашла в себе сил открыть глаза. Дыхание ее участилось, с губ срывались продолжительные стоны. Она была готова отдать что угодно, лишь бы ужасная мука прекратилась на несколько секунд. Ребенок прорывал узкие врата тюрьмы из плоти, и это яростное стремление наружу сметало все на его пути. У нее уже не было сил тужиться, чтобы помочь ему, она была существом, раздираемым болью, открытой раной по имени Женщина. Даже прохладный верхний ветер не приносил облегчения.

Последним усилием ребенок пробился наружу, потом появились его плечи. Врожденный рефлекс заставил Оники приподняться, подхватить крохотное существо под мышки и вытащить его на свет. Она прижала его к груди и, потеряв последние силы, рухнула на спину. Она ощутила биение своего сердца и сердца ребенка, неловкие движения его рук и ног, залитые амниотической жидкостью и кровью, которые стекали по ее животу и груди. Он не издал крика, как того требовал обычай — Сожи утверждала, что крик новорожденного свидетельствует о его здоровье, — но он был жив, прижимался к ней, горячий и хрупкий. Оба, мать и дитя, ощущали невероятное спокойствие. Кожа к коже, сердце к сердцу, одно дыхание. Наслаждаясь тоской расставания и радостью единения.

Ребенок... Она вдруг спохватилась, поскольку даже не поинтересовалась, кого родила: девочку или мальчика. Она открыла глаза, приподняла голову, заглянула меж крохотных

ножек и увидела под пуповиной крохотный отросток сморщенной плоти, лежащий на мошонке.

Мальчик... Принц для ее принца.

Она сразу заметила, что его глаза широко открыты и он смотрит на нее с серьезным и нежным видом. Глубина его взгляда поразила ее: она слышала, что новорожденные начинают различать формы только через несколько недель. А столкнулась со взглядом взрослого человека, взглядом умным и проницательным.

Потом обратила внимание на подвижные силуэты, окруженные красным светом. Люди в серой форме с двумя перекрещенными треугольниками на груди, чьи лица были скрыты белыми масками. Как они сюда попали? Лишь тутталки умели карабкаться по трубам кораллового органа...

— Скаиту ребенок нужен живым! Убить только женщину! Не пользоваться дискометами! — послышался гнусавый голос, искаженный ротовым отверстием маски.

— Оват, она еще связана с ним пуповиной! — крикнул кто-то.

— И что? Сначала перережьте горло, а потом пуповину!

— Жалко убивать такую красотку!

— Ты неразборчив: она вся покрыта дрянью, а брюхо у нее пустое! К тому же приказ тебе известен.

К ней направлялся десяток теней. Коралловая корка трещала под их ногами. Подметки сапог шуршали по окаменевшим полипам. Некоторые уже достали свои кривые кинжалы.

— Как ей удалось забраться сюда?

— Она тутталка-изгнанница. Специалистка.

— Надеюсь, кар скаита не опоздает. Щит, похоже, не очень прочен!

— Он медленнее деремата, но будет здесь через два-три часа. Посидим пока, стараясь не двигаться...

Оники попыталась приподняться, но дрожащие ноги отказывались ей повиноваться. Когти страха вцепились в ее внутренности. Она конвульсивно прижала сына к груди. У них не будет времени узнать друг друга. Ее охватила горечь отчаяния.

Наемник схватил ее за волосы, резким движением поднял голову, открыв шею.

— Дьявол! Это что такое? — раздался чей-то вопль.

Наемник приостановил движение и бросил взгляд через плечо. Вначале ему показалось, что коралловый щит идет волнами.

— Боже! Гигантские змеи!

В их сторону ползли несметные полчища змей — головы раскачивались в метре над поверхностью щита, пасти были открыты и топорщились кривыми клыками. Тела длиной до тридцати метров выписывали арабески. Круглые зеленые глаза сверкали на кровавом фоне небосвода.

Наемники подняли рукава. Металлические диски скользнули на направляющие.

— Не трогать мальчонку!

Первые диски засвистели в воздухе, обезглавив нескольких змей, чьи тела проползли еще несколько метров, до того как застыть окончательно. Но прибывали другие змеи, она развили бешеную скорость, ощущая запах крови.

Наемников поглотило море противников, прибывающих со всех сторон. Короткие кинжалы были бесполезны в схватке со змеями, чья скорость и гибкость не оставляли притивам ни малейшего шанса. Кольца обвили их тела, шеи, а головы почти мгновенно исчезли в разверстых зубастых пастях.

Постепенно спокойствие вернулось на крышу кораллового щита. Десять змей, проглотивших наемников, застыли в неподвижности, словно парализованные. Переваривание займет две недели. Остальные змеи улеглись вокруг Оники.

Молодая женщина подобрала кинжал и осторожно перерезала почерневшую пуповину, еще соединявшую ее с ребенком. Через несколько мгновений у нее начались новые схватки, не такие сильные, как прежде, и она исторгла послед, который ближайшая змея тут же проглотила. Потом Оники дала грудь сыну. По ее телу прокатилась волна радости, когда крохотные губы сомкнулись на соске и рот ребенка начал втягивать молоко.

Она решила назвать сына Тау Фраим. Тау, потому что он родился под красной звездой, Фраим, потому что так называли коралловых змей на древнем эфренском.

Люди в белых масках сказали, что кар прибудет через два-три часа. Она поняла, что скаиты следили за ее мыслями и что присутствие наемников имело отношение к ее принцу. Пока ее будут защищать змеи, она ничем не рискует. Нельзя было спускаться вниз, но следовало найти средство предупредить изгоев острова Пзалион, чтобы они могли помочь ей и обеспечить едой. У маленького Тау Фраима открылся зверский аппетит, и ей надо было быстро восстанавливать силы, чтобы кормить младенца.

Глава 19

Я — служу тебе, я — твой пилот,
Наслаждайся пребыванием во мне.
Я — дитя хранительницы врат,
Сеятельница жизни.
Я с головокружительной скоростью
Несусь через необъятность.
Я лечу в сотни тысяч раз быстрее
Скорости света.
Я не вижу, я не слышу, я не чувствую,
Я не осязаю, я не вкушаю,
Но воспеваю и распространяю свет.
Средоточие моего света — кристаллы —
Сияют намного ярче,
Чем сияют самые яркие звезды.
Наслаждайся пребыванием во мне,
Меня замыслили, чтобы служить тебе...

Песнь космин.
Американская библия Шейенн-2

Небесные странницы неслись со всех сторон и тысячами кружили над цирком Плача. Многочисленные колонны зелено-голубого света, падавшие с неба, стали опорами величественного необъятного храма. Температура сразу поднялась на несколько десятков градусов, и поверхность льда покрылась лужами. Странные звуки, крики, долгие вибрации сливались в обворожительную гармонию музыки, перекрывая шорох крыльев.

Космины развернули громадные крылья — гибкие прозрачные перепонки, соединенные с длинными и тонкими наростами, походившими на мачты парусника. Странницы лениво парили среди световых колонн. Некоторые из них казались невероятно большими — до тридцати метров в длину, в других было от четырех до пятнадцати метров от головы в виде снаряда до веерообразного хвоста. Кристаллы, вросшие в их ржаво-коричневый панцирь, испещренный огненными потеками, горели нестерпимым синим и зеленым пламенем.

Марти приподнялся и, пораженный, наблюдал за балетом небесных странниц. Он оставил Жека лежать на снегу. Демон более не нуждался в способностях человека истоков и мог без сожалений («сожаление» было неверным термином: речь

шла об уверенности, что ни одна вероятность не упущена) оставить его умирать от холода на белом «матрасе». Сан-Франциско, Феникс, лежавшие друг на друге, и Робин, распростершийся на льду, раскинув руки крестом, не двигались, как и Жек. Темная кожа жерзалемян посерела и все больше контрастировала с их матово-черными волосами. Замедленное дыхание, едва заметные движения груди говорили, что они еще дышали, но жить им оставалось недолго.

Марти бросил взгляд на медвигров, отступивших к склону. Они дожирали стражей, которые неосторожно побросали светометы, разделись и спустились в цирк. Хищники, заметив их, изменили направление бега и галопом бросились к новым жертвам, живым и теплым.

Марти несколько секунд смотрел, как хищники дрались между собой, одновременно терзая тела погибших. Демон определил нечто другое. Медвигры не просто подчинялись инстинкту, когда отказались от осужденных, которых им отдали на съедение, а бросились на стражей. Здесь проявились возможности Жека, человека истоков (вероятность — 85%). Наверху, на краю впадины, он заметил остальных стражей, которые вскинули светометы, но не решались открыть огонь, опасаясь попасть в товарищей. Они с ужасом наблюдали, как звери терзали их тела, как снег впитывал кровь, растекавшуюся по льду. Потом они переводили взгляд на лес из сверкающих колонн, вглядывались в парящих космин, мифических существ, о которых говорили пророческие суры Новой Библии Жер-Залема. Они смогут рассказать о них родным, женам и детям. Они поведают, что стали свидетелями прилета небесных странниц, и их слова оживят легенду и поддержат надежду на будущие восемьдесят веков.

Самые крупные космины проникли внутрь колонн света и с размеренностью и легкостью, удивительными для существ таких размеров, опустились на лед цирка. И на земле превратились в неловких зверей, какими и выглядели. Кристаллы перестали сверкать, а крылья вытянулись вдоль тела. Они с трудом ползли по льду, выбираясь из кругов света, и замирали на брюхе, словно они, существа небесной сути, расстались с последними силами, высосанными земным тяготением. Когда они выбирались из кругов света, другие космины влетали в прозрачные колонны и медленно опускались, словно их поддерживала невидимая платформа.

Вскоре вся поверхность цирка Плача была усеяна коричневыми телами. Но опустились не все. Тысячи оста-

лись парить в воздухе, перекрывая лучи Домовых, и шуршание их крыльев создавало завораживающий звуковой фон, через который прорывались низкие или высокие ноты.

Марти осторожно подошел к ближайшей космине средних размеров, чей панцирь еще слегка дымился. Демон усвоил все данные, касающиеся способа проникновения внутрь странниц: надо было отыскать отверстие в чреве. Как только из него выползут хризалиды, принесенные из другого мира, у Марти будет всего несколько секунд, чтобы проникнуть в проход и доползти до внутренней полости. Космина немедленно перестроит свой метаболизм, приспосабливаясь к новому пассажиру, снабжая его водой и кислородом до ближайшей посадки (будет ли это Мать-Земля? Вероятность повысилась, но все же не превышала 18%). Пока Марти не видел никакой возможности пробраться в странницу, развалившуюся на льду. Ее вес не позволял пробраться под панцирь. Он обошел чудовище — имя само пришло в пока еще человеческий мозг Марти, — но и с другой стороны не нашел никакого отверстия. Он осмотрел несколько других существ, словно застывших в ожидании таинственного сигнала. Быть может, они сели на Жер-Залем, чтобы умереть? Не этим ли объяснялось присутствие замерзших странниц в стенах цирка Голан, о которых говорила Феникс? Демон не учитывал такой возможности, но сейчас, наблюдая полную инертность коричневых громадин, усеявших цирк Плача, должен был включить эти данные в расчет вероятностей. Ни единое движение, даже дрожь, не сотрясало панцири. Быть может, наступила приостановка, временная или окончательная, их жизненных функций? Или во время пребывания на обитаемых мирах ими управляли иные физиологические законы? Марти, подчиняясь требованиям демона, пересек колонну обжигающего света, обогнул тело космины и осмотрел голову — более точным термином был «нос». Он не увидел под кольцевыми складками никаких глаз, ушей, ноздрей, рта, ничего похожего на звериную морду, ни единого углубления, характерного для животных, обитающих на планетах. Они походили на птиц, точнее, на летающих толстокожих, но снаружи их не было ни единого органа, свидетельствующего о наличии чувств. Разочаровавшись, демон решил придерживаться первоначального замысла и выбрал странницу длиной двадцать метров, чей более гладкий и чистый панцирь внушал больше доверия. Он присел на корточки рядом с хвостом и принялся ждать.

Горячие ручейки разлились по венам, мышцам, внутренностям Жека. Возвращение сознания было куда более

болезненным, чем его потеря. Жизнь, казалось, с таким нетерпением вновь отвоевывала свою территорию, что вела себя варваром-завоевателем, уверенным в своей победе. Мальчуган опять ощутил укусы холода, который с яростью сопротивлялся, уступая каждую пядь захваченного тела. Над ним раздавались звуки удивительной красоты.

Боль стала такой нестерпимой, что он приоткрыл глаза. Вначале ощутил, что лежит не на Марти и не на снегу, а в луже холодной воды. Потом ему показалось, что на цирк Плача опустилась ночь. Иллюзия длилась всего несколько секунд, пока его взгляд не столкнулся с величественными колоннами голубого света, темными, шумными формами, кружившими в небе, потом увидел огромные туши, лежащие рядом с ним, забрызганных кровью медвигров, серые силуэты, стоявшие на краю впадины...

Он еще не чувствовал окоченевших рук и ног, но его мозг, до сих пор бывший в плену у холода, заработал на полную мощность. Он понял, что странницы сели, пока он был в беспамятстве. Сейчас в цирке царила непривычная жара. Тепло струилось от световых колонн и дымящихся тел космин.

Жек выпрямился, и кровь внезапно хлынула в его жилы, вновь пробудив едва переносимую боль. Рядом с ним лежали в обнимку Сан-Франциско и Феникс, а чуть дальше виднелось тело Робина, чьи волосы покрылись слоем инея. Марти исчез. Нельзя было терять ни секунды. Когда космины выпустят хризалид, они тут же взлетят и направятся в полет по неизвестному назначению. Быть может, это будет незнакомый враждебный мир, но в любом случае он был предпочтительнее смертельного холода цирка Плача.

Он вскочил на ноги. Кровь еще не добралась до стоп, и ему казалось, что он ступает по пустоте. Ноги словно не принадлежали ему. Он рухнул на землю, как новорожденный с хрупкими непослушными ногами. Ему понадобилось пять минут, чтобы вновь научиться стоять. Самые мелкие из космин были высотой более двух метров. На несколько секунд их существование показалось ему нереальным. В их неподвижности было что-то иллюзорное, будто они явились к нему во сне. Они походили на плюшевых собакольвов из парков Анжора. Сумеречный свет, зелено-голубые колонны и таинственный гармоничный хор звуков, несущийся сверху, усиливали ощущение, что Жек движется во сне. Только тысячи космин, паривших в десятке метров над цирком, выглядели живыми и реальными.

Мальчуган попытался прежде всего привести в чувство Сан-Франциско. Он использовал метод, который тот рань-

ше применил к нему: он изо всех сил хлестал его по щекам, затылку, плечам и спине.

— Сан-Фриско!

Удары были болезненными для самого Жека, почти не действуя на задубевшую кожу князя американцев. Каждый раз, как его рука ударяла по телу жерзалемянина, острая боль пронизывала весь бок Жека.

— Сан-Фриско!

Он колотил его еще десять минут, ахая, вскрикивая при каждом ударе и краем глаза наблюдая за косминами. Сан-Франциско не реагировал, но мальчугану показалось, что его грудь стала чаще вздыматься. И он, несмотря на боль и усталость, продолжал наносить удары по широкой спине, на которой его кулачки оставляли красноватые пятна.

— Сан-Фриско!

С неба вдруг донесся мощный, продолжительный рев. Звук, похожий одновременно на вой тревожной сирены и печальный стон утгенской скрипки. Парящие странницы яростно забили крыльями, бросаясь из стороны в сторону, издавая пронзительные вопли, предупреждая сестер на земле о скором отлете.

— Сан-Фриско! Проснись! Проснись!

Жек не мог решиться оставить Сан-Франциско, Феникс и Робина на смерть от холода Жер-Залема, ибо они были единственными взрослыми, которые помогали ему, ничего не требуя взамен. В панике, не зная, как быть, он схватил Сан-Франциско за волосы и потащил к себе изо всех сил. Голова его оторвалась от плеча Феникс с треском раздираемой ткани. Часть кожи щеки и скул осталась на коже молодой женщины, чьи спокойные черты заставляли думать, что она уснула навсегда.

Космины вокруг зашевелились, легли на бок, открывая живот, чуть более светлый, чем остальная часть тела. Они двигались очень медленно, словно находились в аквариуме с плотной жидкостью.

Перепуганный Жек окинул взглядом светло-коричневые животы космин, потом уставился на затылок Сан-Франциско.

— Проснись! Умоляю тебя! Проснись!

Он рывками дергал голову друга с риском сломать ему шейные позвонки.

— Проснись!

В голосе его слышались рыдания. Он заметил темное пятно на животе ближайшей космины, расположенное рядом с хвостом. В приступе ярости, забыв обо всем, он обрушил

град ударов на затылок и лопатки Сан-Франциско, вырывая ногтями куски его кожи. От жары он весь покрылся потом. И теперь топтался в мягком, почти жидком снегу, ощущая подошвами нижний скользкий слой льда.

Блеск колонн стал ослепительным. Жек увидел, как раскрываются отверстия в животах космин. Они расширялись и вскоре достигли диаметра пятидесяти — шестидесяти сантиметров. По животам пробегали волны конвульсивных судорог.

— Сан-Фриско! Сан-Фриско!

Конечности жерзалемянина сотрясла дрожь. Обрадованный Жек подавил отчаяние, охватившее его, и продолжил полосовать бледную кожу ногтями. Плотные, вязкие капли крови выступили из многочисленных царапин на спине и плечах князя американцев.

Сан-Франциско перевернулся, словно пробуждаясь от долгого сна и пытаясь отделаться от назойливого и невидимого врага. Его веки приподнялись, и остекленевшие глаза скользнули по Жеку, не видя мальчугана.

— Космины! Они здесь! — завопил Жек, изо всех сил тряся жерзалемянина за плечо. — Они вскоре улетят!

В центре отверстий показались белые точки, потом продолговатые сверкающие, дымящиеся формы бесшумно выскользнули на лед. Твердые овальные коконы хризалид покрылись трещинами.

— Космины!

Сан-Франциско еще не реагировал. Подталкиваемый внезапным озарением, Жек просунул руку между ног жерзалемянина. Его пальцы с силой ухватили мошонку. Он понимал, что здесь расположены главные центры жизненной энергии. «Сам увидишь однажды, как твой крантик начнет плодить мне внучат», — не раз говаривал па Ат-Скин с хитрыми огоньками в глазах. Жек еще ничего не понимал, но уже подозревал, что именно этот орган играл огромную роль в любовных играх мужчин и женщин. Он сжал пальцы сильнее. Кожа и плоть налились кровью, затвердели под его пальцами.

В глазах Сан-Франциско загорелся огонек. Он поднял голову и оглядел цирк Плача, лежащих на боку космин, бьющихся хризалид.

— Жек?

Мальчуган выдернул руку.

— Космины! Быстрее! — торопясь, выговорил он. — Они уже изгнали паразитов! Осталось несколько секунд!

Пелена, застилавшая мозг Сан-Франциско, внезапно разорвалась. Он обрел память и осознал, что действовать надо быстро. Он потряс ногами и руками, восстанавливая кровообращение, потом, не обращая внимания на раскаленные шипы, вонзавшиеся в тело, склонился над Феникс и с силой ударил ее по щекам.

Коконы уступили под ударами бабочек. Острые осколки вонзились в лед.

— Феникс! Феникс!

Жек бросился к Робину и, поскольку метод оказался действенным с Сан-Франциско, использовал его на старом сиракузянине.

Бабочки выползли из распавшихся коконов. Тысячи живых огней разорвали полутьму над цирком Плача, тысячи пламенных языков взметнулись вверх — бабочки раскрыли огненные крылья. Их тела походили на расплавленную лаву, и каждое их движение рассыпало множество искр вокруг. Две пары прозрачных гибких усиков покачивались при малейшем движении воздуха.

Очарованный зрелищем Жек с трудом оторвался от спектакля и продолжил терзать «крохотные, круглые и мягкие резервуары», как говорили крейциане, замерзшего старика, лежавшего на растаявшем снегу. Жек не ощущал никаких движений под синеватой кожей Робина.

Огненные бабочки разом взлетели, образовав восходящую спираль с расширяющимся верхним краем. Туча небесных странниц открыла им проход. Бабочки разбились на четыре группы, на четыре спирали меньших размеров, каждая из которых направилась в сторону одного из четырех Домовых, звезд, чьими детьми они выглядели.

К Феникс постепенно возвращалось сознание. Ее, как и Сан-Франциско, сотрясла дрожь, и после еще нескольких пощечин она подняла голову и открыла глаза.

— Космины здесь! — прокричал Сан-Франциско. — Они через несколько секунд закроются!

Еще слабая, чтобы говорить, она кивнула, что поняла. Тонкий слой инея покрывал ее черные волосы, рассыпанные по плечам, спине, груди, бедрам. Раскаленные клювы терзали ее внутренности, вызывая слезы и гримасы боли. Она встряхнулась, сбрасывая последние лохмотья летаргии, мешавшие двигаться. Она попыталась встать, но ничего не чувствующие ноги не удержали ее, и она рухнула в снег, как и Жек несколькими минутами раньше. Но теперь она не поддалась сладкому призыву холода. Тут же поднялась и запрыгала на месте, восстанавливая кровообращение.

Жек с ужасом увидел, как подрагивают коричневые тела космин. Он разрывался между желанием спасти Робина и инстинктивной, всепоглощающей потребностью броситься к страннице, нырнуть в ее отверстие, ведущее в чрево. Не отдавая отчета в том, что делает, он разжал пальцы. Бабочки превратились в крохотные сверкающие точки на горизонте, лазурь неба покрылась пламенеющими облаками.

Сан-Франциско поставил точку в сомнениях Жека.

— Я займусь Робином, принц гиен...

Жек заколебался, понимая, на какую жертву идет жерзалемянин — еще раз он жертвовал собой ради него! — но Феникс, которая уже обрела все свои жизненные функции, схватила его за руку и силой потащила к ближайшей космине, существу длиной десять метров, чей панцирь медленно опускался на живот. Кокон, который вышел из нее, был заметно меньше, чем те, которые валялись рядом. Словно космина родила хилое, тщедушное существо.

Феникс подтолкнула Жека к отверстию.

— Лезь... А добравшись до кармана... ляг и не двигайся...

Для молодой женщины любая попытка произнести слова была истинной пыткой. На ее растрескавшихся губах висели капли крови. Внезапный страх охватил Жека, когда он увидел растянутые края отверстия, этот ужасающий рот, который должен был его поглотить... Он не сможет дышать внутри космины, там не было никаких окон, никаких иллюминаторов, никаких вентиляционных труб, как на «Папидуке»...

— Быстрее! — произнесла Феникс. — Головой вперед!

Жек понял, что космина вот-вот всей массой обрушится на него, но сведенные судорогой ноги отказывались ему повиноваться. Лезть в это темное отверстие означало идти на верную смерть, ужасную смерть от удушья.

— Не хочу... Не могу... — прошептал он.

Феникс поняла, что Жека парализовал страх, что он не готов к подобной ситуации.

— Возьми себя в руки, Жек, все будет хорошо, — сказала она спокойным голосом, забыв об иглах, вонзавшихся ей в губы. — Она даст необходимый тебе воздух. Надо только лежать и изредка слизывать с пальцев капли воды, чтобы смочить язык... Ты ничем не рискуешь. Это — друг... твой друг...

Не переставая говорить, она взяла его за плечи и подтолкнула к отверстию. Успокоенный ее нежным голосом и теплом ее ладоней, мальчуган просунул голову в темное от-

верстие. Его тут же окружили тьма и одуряющие запахи. Когда он ощутил, что мягкая теплая плоть охватила его голову, лоб, щеки, подбородок, шею, на него вновь накатила волна паники, он задергал ногами и руками, пытаясь выбраться назад. Но Феникс вцепилась в его ягодицы, мешая ему пятиться. Проход был скользким, а когда космина сжалась, он буквально проскользнул внутрь. Небесные странницы умели избавляться от своих пассажиров и знали, как принять новых. Их органы были приспособлены к той роли, которую они играли. Они переносили живых существ от одного этапа к другому, от одного мира к другому.

Тело Жека было поглощено темным, теплым и влажным проходом. Вначале он ощутил тлетворный запах, к горлу подступила желчь. Ему стало не хватать воздуха, но он, вместо того чтобы сдержать дыхание, задышал еще чаще. И начал задыхаться. Растерянный и перепуганный, он хотел отползти назад, вонзил ногти в податливую плоть, но тщетно. Конвульсивные движения космины толкали его внутрь. В мозгу Жека пронеслось множество образов. Он увидел призраки па и ма Ат-Скин... Па и ма, ваш сын погибнет в брюхе космического чудовища... Увидел изломанное тело агонизирующего Артака... Артак, ты отправил меня в место, которое хуже ада крейциан... Вспомнил колючую бороду Поцелуя Смерти, нежное и строгое лицо видука Папиронды, своего космического отца, сморщенное личико Йемы-Та, карлицы со смертоносными ногтями... Его легкие и кожа требовали воздуха, сердце болезненно колотилось в грудной клетке.

Последняя спазма, более мощная, чем предыдущие, бросила его вперед. Он покатился и оказался на влажном и подрагивающем полу. Поднял руку над головой. Руки его повисли в пустоте. Он ничего не видел, но больше не чувствовал неприятного и удушающего давления прохода. Он попал в место, которое обеспечивало его минимальным жизненным пространством. Быть может, это и была внутренняя ниша, о которой говорила Феникс? Тиски, сжимавшие грудь, постепенно разжались, и он задышал почти нормально. Вонь была по-прежнему ужасающей, но он уже начал привыкать к ней. Он руками ощупал все вокруг себя, проводя ладонями по пористым и эластичным перепонкам. Легкие потоки воздуха коснулись подушечек его пальцев. Подвижный пол охватил затылок, спину, ягодицы и ноги.

Жек успокоился и спросил себя, успели ли Сан-Франциско, Феникс и Робин проникнуть в свой космический корабль, пока он не опрокинулся на брюхо. Ему не хотелось оказаться в одиночестве на светоносном Жер-Залеме или в любом дру-

гом мире, где его высадит небесная странница. К тому же — и это было главной причиной его беспокойства — ему не хотелось, чтобы его друзья умерли от холода на крохотном ледяном спутнике. Эти жерзалемяне и старый сиракузянин были достойны жизни. Как ни странно, его вовсе не беспокоила судьба Марти, старшего брата, отказавшегося от него в кабинете Йемы-Та. Он предчувствовал, что чудовище, спрятавшееся в молодом сиракузянине, обладает невероятными возможностями.

Его охватила эйфория, каждая клетка существа ощутила мир и спокойствие. Он плавал между сном и реальностью, чувствуя себя легче воздуха. Ему показалось, что он ощущает движение, шорох рядом с головой. Он раскинул руки, но наткнулся только на мягкие стенки, покрытые каплями воды. Метаболизм его космического корабля перестроился и приспособился к нуждам пассажира-человека.

Жек ощутил покачивание, словно оказался на ярмарочных качелях. Расслышал мелодичные звуки, одновременно далекие и близкие, странные и привычные, пролившиеся бальзамом на его душу.

Стражникам надо было столько рассказать четырем великим абинам, тридцати девяти князьям, своим соплеменникам и семьям, что они не знали, с чего начать. Зрелище, разыгравшееся двадцатью метрами ниже, было невероятным и незабываемым. Огромные бабочки с огненными крыльями и телами, разбившие коконы и улетевшие в сторону Домовых, словно спешили броситься в пылающее чрево звезд. Осужденные, четверо из которых, казалось, окончательно замерзли, очнулись один за другим. Ребенок-гок, теоретически самый слабый, пришел в себя первым и растормошил князя американцев. Сан-Франциско привел в чувство Феникс, а молодая женщина, пока тот занимался старым гоком, затолкала мальчугана в священное отверстие космины. Потом по приказу Сан-Франциско сама залезла в чрево небесной странницы. Князь американцев подхватил все еще бессильного старого гока себе на плечи, втолкнул его в священное отверстие и едва успел нырнуть под панцирь космины, который уже опускался на лед. Стражи видели, как исчезли ноги Сан-Франциско, по которым ударила коричневая масса, и даже расслышали хруст ломающихся костей.

Кристаллы в панцирях снова засверкали, бросая яркие вспышки, световые колонны растворились в воздухе, космины развернули крылья и величественно взлетели над

льдами, оставив позади себя лужи воды в углублениях, образовавшихся под их весом. Они издавали продолжительные крики, полные неизъяснимой печали. Знали ли они, что увидят эту землю только через восемь тысяч лет? Проживут ли они еще столь долго? Были ли они подвластны законам времени? Мощные крылья подняли их, и они растворились в облаке странниц, ждавших их возвращения, а потом растаяли на горизонте, обратившись в черные точки.

Небесный свод вновь затянулся бледно-голубым покрывалом. Температура сразу упала на несколько десятков градусов. Лужи воды мгновенно замерзли. На льду цирка Плача остались тысячи разбитых коконов. Насытившиеся медвигры разбрелись по своим берлогам.

Более двух часов стражи были не в силах сдвинуться с места, произнести хоть одно слово. Они дрожали от холода и отчаяния, несмотря на теплые шерстяные комбинезоны и сапоги с подкладкой из меха. Они понимали, что прошли мимо великой мечты избранного народа.

Касабланка из племени магрибцев первым нарушил тишину:

— Возвращаемся в Элиан. Нам здесь больше нечего делать!

— Что мы скажем абинам, Старейшине и князьям? — спросил Брюссель из племени бенелюксов.

— Объясняться придется им! — жестко произнес Касабланка. — Пусть скажут, по каким причинам единственными, кто сумел войти в священное чрево космин, были те, кого они публично прокляли: гоки и предатели...

Робин де Фарт постепенно пришел в сознание. Он почти не ощущал конечностей и тут же понял, что уже никогда не сможет ими воспользоваться. Ноги и руки превратились в высохшие ветки, прикрепленные к туловищу, которое стоило не больше. Какая важность? Он был старым, одиноким, он умирал. Его плечи, спина и таз лежали на теплом и живом матрасе. Неужели... Хотя склеившиеся ресницы затрудняли движение век, он сумел приоткрыть глаза. Вокруг него царила полная тьма, и он спросил себя, не ослеп ли он. Поскольку зрение помочь не могло, он решил воспользоваться осязанием. Но неподвижные руки отказывались повиноваться. И тут он услышал чарующие шорохи, вибрации невероятной красоты. Вероятно, он переступил границу и попал в загробный мир. Он втянул в себя тошнотворный запах сырого мяса и раздавленных насекомых и подумал, что вряд ли загробный мир может быть отравлен подобной вонью.

На его лицо, грудь, живот и бедра упали холодные капли. Он приоткрыл рот, и они покатились по губам и языку. Вода, чудесная свежая вода, стекала прямо в глотку... Вода... Метаболизм космин... Он тут же сообразил, что находится в чреве небесной странницы, но было непонятно, каким чудом он оказался здесь.

Когда он потерял сознание, несколькими минутами или часами ранее, он умирал от холода в цирке Плача. Он пытался вместе с Сан-Франциско и Феникс вдохнуть жизнь в посиневшее тело Жека, но их усилия оказались безуспешными. Потеряв последние силы, он откатился в снег и провалился в беспросветную ночь, где не сияло ни одной звезды. Неужели Марти помог ему проникнуть в священное отверстие космины? Это не походило на сына, которого ему послала судьба и который постепенно открыл свою суть. Чудовище, наполненное мерзостью, эгоизмом и равнодушием. Разве не это пытался сказать ему Жек в корабле Глобуса? Ослепленный отеческими чувствами, Робин не захотел слушать мальчугана... И теперь сожалел об этом.

Капли воды регулярно падали в рот старого сиракузянина, словно небесная странница поняла, что ее пассажир не в силах двигаться, и тут же усвоила эти данные.

Робина окутала атмосфера благополучия, его мозг работал с невероятной ясностью. Жизнь, покинувшая конечности, ушла в мозг. Чарующие звуки вдруг преобразуются в низкий, четкий голос. Космический перевозчик не только сообщает ему необходимые данные по выживанию, но и передает на его языке послания, информацию, которую он так хотел услышать...

— Я несу тебя к твоему последнему убежищу, ибо таково было твое желание... Я явилась из мира, лежащего на краю вселенной. Он расположен так далеко, что мне надо несколько тысячелетий, чтобы преодолеть расстояние, отделяющее его от твоих миров... Хотя я передвигаюсь со скоростью, намного превышающей скорость света... Ты даже не в силах осознать такое понятие... Я использую неизвестные тебе виды энергии... Я — сеятельница жизни. Я переношу из мира в мир существа, обеспечивая обмен, как ветры и насекомые разносят пыльцу... Восемь тысяч лет назад я несла в своем чреве одного человека... Он хотел увидеть родной мир, маленькую голубую планету в рукаве этой галактики, третью планету одной солнечной системы... Его мысли стали мне известны, и он умер во время путешествия... Я знаю, что тебя тоже ждет смерть... Я не люблю перевозить мертвецов, ибо я сеятельница жизни... Очень давно я перевозила богов, которые хотели познать свое творение... Когда я высажу тебя, я от-

правлюсь в новое путешествие... Отправлюсь туда, где найду нового пассажира, другого паразита... И брошу новое семя там, куда еще не ступала жизнь... Я — сеятельница жизни, но несу тебя к смерти, поскольку ты выбрал смерть вместо жизни... Ты не можешь себе представить мой возраст... Ты назвал бы меня бессмертной... Твои конечности мертвы, поскольку ты устал от жизни, потому что у тебя нет сына, потому что для тебя настал час покоя... Воспользуйся пребыванием во мне... Я — твой корабль, твоя прислужница... Мои сестры прилетели на ледяной спутник планеты с четырьмя солнцами, ибо считали, что тысячи паразитов хотели эмигрировать на голубой мир... Сколько вас было? Четверо? Быть может, пятеро?.. Мы потеряли много времени... Нам надо рассеять тысячи жизней... Мы — сеятельницы жизни... До тебя я переносила огненную гусеницу... Я забрала ее на горячей планете, состоящей из магмы... Они опасны и злы... Они пытаются проесть наше чрево, и мы заключаем их в коконы... Их ненасытность заставляет нас создавать коконы для их метаморфоза... Они умнее нас... Отдыхай... Пользуйся пребыванием во мне...

И Робин принял совет космины. Он закрыл глаза и отдался во власть эйфории, овладевшей им. И услышал умиротворяющую песню: странница использовала голос матери, напевавшей древнюю сиракузскую колыбельную.

— Я — небесная странница, — сказала космина Феникс. — Я переношу тебя туда, куда направляется мужчина, овладевший твоими мыслями... Ибо ты живешь ради него и направляешься туда, куда направляется он... Ты нуждаешься в нем, чтобы ощущать себя женщиной, а он нуждается в тебе, чтобы ощущать себя мужчиной... Ваше слияние несет в себе жизнь... Я однажды переносила женщину... Она скрывалась от мужчины, который собирался убить ее, и сердце ее было полно ненависти... Я высадила ее в мире, который мог удовлетворить все ее нужды... Я недавно побывала на этом мире и узнала, что она породила форму жизни, основанную на мужском начале, а именно существ с шероховатой кожей и глазами навыкате... Я знаю это, ибо перевозила одно из таких существ в мир, где обитали люди... У существа была пустая и черная душа, и я поняла, что вместо жизни я посеяла смерть... Ты думаешь о тех, кого оставила, и переживаешь... Не переживай, пользуйся пребыванием во мне... Я — твой корабль, твоя прислужница... Мы думали, что найдем тысячи пассажиров в твоем мире, мире льда... Почему вас было только

пятеро? Я вижу в твоей голове жрецов с черными и пустыми душами, сеятелей смерти, похожих на то существо, которое когда-то перевозила... Я вижу сердца, наполненные ненавистью, руки, царапающие твое лицо, вырывающие куски твоей кожи... Мы больше никогда не прилетим на твой мир... Пять — это слишком мало... Мы предпочитаем сеять тысячами... Быть может, их будет сто сорок тысяч через восемьдесят твоих веков... Быть может, но мы не пойдем на риск... Наш мир есть врата, а наша мать — хранительница врат... За этими вратами начинается антивселенная, бесформенное ничто... Наша мать посылает нас, чтобы мы помогали мирам обмениваться жизнью... Но если такова воля наших пассажиров, мы переносим и смерть... Решаем не мы, мы — всего лишь зеркала душ, корабли, служительницы... Наши приемники энергии позволяют нам развивать скорости, которые недоступны пониманию людей... В нас встроены не кристаллы, а концентраты света, частички творящего могущества, украденные у богов... Мне не надо ни дышать, ни пить, ни есть, но я понимаю нужду в воздухе, в воде, в пище... Огненная гусеница, которую я перевозила до тебя, нуждалась в еде, но не нуждалась в воздухе... Я сотворила для нее кокон, чтобы она не сожрала меня изнутри... Тебе я дам воду и кислород до конца твоего путешествия... Таковы живые существа вселенной: иногда похожие друг на друга, иногда различные, иногда мертвые, иногда живые, иногда самцы, иногда самки, иногда самцы и самки одновременно, иногда ни самцы, ни самки... Если таково твое желание, я стану мужчиной, которого ты любишь... Пользуйся своим пребыванием во мне...

Волны невероятного удовольствия сотрясли тело Феникс. Они начинались в районе бедер, невыразимо медленной сладострастной лаской накатывались на живот, взбирались по нежным холмикам груди, умирая в затвердевших сосках, наполняя грудь сладкой болью; потом волны накатывали вновь, цикл бесконечно повторялся, погружая Феникс в бездну удовольствия, где ее тело и душа растворялись в воспоминании о Сан-Франциско.

— Кости твоих ног сломались под моим весом, — сказала космина Сан-Франциско. — Страдания твои велики и сравнимы с твоей щедростью. Я — твой корабль, твоя прислужница... Я — сеятельница жизни, дитя хранительницы врат вселенной... Твои изгнали тебя, ибо не имели сил созерцать себя в зеркале, которое ты им протягивал... Твои не имели истинного желания покидать свой ледяной мир, их священная книга была

лишь предлогом... Ты был прав, и они не могли согласиться с этим... Те, кого ты называешь абинами, желают лишь властвовать над верующими... Вот почему нас ждали только пятеро... Так сообщили мне подобные... Мы не говорим, но для общения не обязательно говорить, как ошибочно думают люди... Восемь тысяч лет назад я переносила мужчину-изгнанника, как ты, отверженного своим народом... Я оставила его на планете другой галактики, там, где его мысли могли способствовать развитию жизни... Такова судьба пророков, тех, кто слишком часто оказывается правым... Те, кто не хочет слышать, лишь изгоняют, ломают или используют тех, кому ведомы фундаментальные законы творения... Наша мать зачала нас ради службы, ради распространения жизни... Наша мать, хранительница врат, распята между несотворенным и сотворенным, между вакуумом и материей, между холодом и теплом... Ноги твои перестанут болеть, пользуйся пребыванием во мне... Думай о той женщине, которую любишь, женщине, которая двадцать лет ждала тебя, женщине, с которой ты так желал воссоединиться... Я высажу тебя там, где высажу ее, чтобы вы могли дышать одним и тем же воздухом, чтобы вы могли слиться и посеять жизнь... Она — вторая часть тебя, та часть, которой тебе не хватает... Я — нейтральное начало, простой корабль, служительница... Знаешь ли ты, что твои мысли сейчас служат опорой вселенной? Знаешь ли ты, что твои мысли являются искрами творящего интеллекта, которые мешают Бесформенному развернуться? Пока ты существуешь, существует вселенная... Таково невероятное могущество людей... Любовь — наивысшее проявление энергии... Я соединяю сейчас кости твоих ног, ибо хочу, чтобы ты неограниченно пользовался своим пребыванием во мне... Я несусь через космическую бесконечность на максимальной скорости... Скорости в десять, двадцать, сто, тысячу раз большей, чем скорость света... Энергии в сердце пространства безграничное количество... Мои частички концентрата света, которые ты называешь кристаллами, излучают энергию бóльшую, чем энергия звезд... Я не вижу, я не слышу, я не чувствую, я не осязаю, у меня нет вкусовых ощущений, но я пою и излучаю свет... Кости твои срослись... Пользуйся своим пребыванием во мне... Думай о женщине, которую любишь, и я стану этой женщиной до конца твоего путешествия...

И Сан-Франциско душой и телом погрузился в океан удовольствий. Небесная странница не только дала ему воду и воздух, но она говорит, а вернее, модулирует таинственные, гомофонические звуки, которые складываются в слова, фразы,

песню, звучащие мысли. Боль ушла из ног жерзалемянина. Несколькими часами ранее (действительно ли прошли часы? Есть ли время в чреве космин?) он потерял сознание от боли в проходе космины. Пришел в себя в чреве и на мгновение решил, что потерял ноги, раздавленные в момент, когда проникал в нее.

Вонь внутри космины вдруг превращается в чудесный, мускусный, пряный аромат: аромат Феникс.

— Ты — мой паразит, как демон — твой паразит, — сказала космина Марти. — Я — твой корабль, как ты — телесный корабль для демона... Меня зачали как корабль, как служительницу, но ты, ты — человек истоков, творец, забывчивый бог... Демон выбрал тебя потому, что ты отказался от своего статуса, отказался от самого себя... Гусеница, которую я несла до тебя, хотела меня сожрать, но я заключила ее в кокон, где она завершила свой метаморфоз... Демон сожрал твой дух, а ты даже не сопротивлялся, ты смог приспособиться... Я высажу тебя в мире, который выбрал демон за тебя, ибо твои желания суть желания демона... Демон — посланец Бесформенного, антивселенной, притаившейся позади врат, хранительницей которых является моя мать... Намерения демона — посеять небытие, антижизнь... Ты не сможешь наслаждаться пребыванием во мне, ибо демон не дает тебе права на наслаждение... Однако я дам твоему телу воздух и воду, ибо должна сохранить твое тело... Так я создана... Делая это, сознаю, что служу интересам твоего паразита, но не осуждаю, я — лишь инструмент судьбы... И все же знай, что ты человек, существо, которое может изменить ход вещей... Каждую секунду своей жизни ты можешь выбирать... Демон — пустое место, поскольку он сын пустоты, антисущество... Ты хочешь нейтрализовать тех, кого называешь воителями безмолвия, существ истоков, которые борются против прихода Бесформенного... Я в нем читаю так же, как и в тебе, ибо я зеркало, проявитель, усилитель мыслей... Мысли демона не имеют и тысячной доли могущества твоих мыслей... Неужели тебе некого любить? Разве ты не помнишь девушку, которую мог полюбить? Не жалел ли ты о расставании с ней, когда влезал в машину мгновенного переноса? Когда оказался в большом металлическом городе?.. Помнишь ли ты о своем отце, о матери, о друзьях? Подумай о них... Подумай о мальчике, которого грел своим телом на льду спутника... Твои эмоции, твои чувства, быть может, воссоединят тебя с твоей сутью... Если твое желание пересилит желание демона, тогда я стану тебе служить... Пусть потенциал твоей любви окажется выше потенциала

ненависти демона, и я буду служить тебе... Твой паразит укрылся в глубинах твоего духа... Он боится меня, он боится тебя, он боится всех волн, всех форм, малейших пульсаций тепла, которые создают жизнь... Воспользуйся этим... Как решишь? Еще не поздно... Там, где я вас высажу, тебя и твоего паразита ждет небольшая железная коробочка... Демон знает ее точные координаты, код ее открытия... В этой коробочке находится оружие двойного действия... Одно для тех, кого ты называешь воителями безмолвия, одно для тебя... Ибо демон, выполнив миссию, ради которой был создан, окончательно решит твою судьбу... Ты перестанешь быть полезным ему... Он сотрет тебя, и твоя душа навсегда будет развеяна ветрами небытия...

Слова (или озвученные мысли) космины скользили по мозгу Марти, как сновидения. Ему не удавалось ощутить реальность этого напевного бормотания, которое, казалось, исходило от внутренних стенок небесной странницы и из глубин его собственного разума. Марти казалось, что ему предлагают сделать выбор. Но что выбирать? О какой девушке ему говорили? О каком отце, о какой матери, о каких друзьях, о каком мальчике? О какой коробке? Имело ли все это смысл? Душа молодого сиракузянина уже стала бездной, по которой проносились ветры небытия.

Огненная гусеница с подозрительностью подобралась к другому паразиту, чей метаболизм замедлился — знак, что он вошел в новую долгую фазу покоя. Ее усики радостно дрожат.

Она проникла в тело небесной странницы вместе со своей сестрой-близнецом. Поскольку они обе были маленькими — они вышли из одного яйца — и сплелись, чтобы проникнуть в отверстие, странница не заметила разницы между ними. Оказавшись в чреве, они выждали момент взлета и отправления к новому миру. Сестра оказалась более властной, более агрессивной. Она начала вгрызаться в мягкую плоть, наполненную вязкой ароматной жидкостью, запретив сестре присоединиться к себе. Гусеница потихоньку пожирала все, что находилось рядом с ее ртом, углубляя длинную нишу с острыми краями. Странница немедленно защитилась от агрессии, выделив волокна липкой слизи, соткав кокон вокруг оголодавшей гусеницы. Инстинкт второй гусеницы подсказал ей, что странница не станет делать второй кокон, а просто уничтожит, обнаружив ее присутствие. И осталась неподвижной, тайной гостьей, запрограммировав свое тело на продолжительное замедление жизненных функций и впав в спячку.

Проход чрева внезапно раскрылся, и ослепительный свет разбудил ее. Она продолжала оставаться неподвижной и видела, как мускульные сокращения выбросили наружу кокон с сестрой. Ей пришлось вцепиться всеми многочисленными лапками в подвижный пол, чтобы не быть унесенной этой бурей.

Потом в чрево проник новый паразит, покрытый шелковистой, гладкой кожей и волосами на одном из концов. Она не шевельнулась, дав ему время расположиться. Она не хотела выдавать своего присутствия, быть выброшенной наружу до завершения метаморфоза. Прежде всего она оставалась дочерью огня, созданием, которое должно обзавестись крыльями, чтобы улететь к горячей сверкающей звезде. Она выждала, сдержала желание немедленно броситься на пришельца, чтобы сожрать его. Пришелец не опасен, они могут сосуществовать, ибо у них разные потребности, но, выйдя из сна, она ощущает голод, и перед тем как вцепиться в плоть странницы и оказаться в коконе, ей надо пополнить силы. Запах от этого тела с четырьмя удлиненными конечностями, каждая из которых заканчивается пятью отростками, возбуждает аппетит.

Вначале, когда отверстие закрылось и странница взлетела, новый паразит шевелился, вскрикивал, и эти крики пугали гусеницу. Она укрылась в темноте. Она ослабила блеск своего панциря. Так гусеницы прячутся от своих заклятых врагов, гигантских скарабеев звездных корон. Сотворенные из лавы и клеточной ткани, они внезапно перестают блестеть, и огромные жуки не могут засечь их присутствие.

Она ничего не знает о новом паразите. Она не видела ничего похожего в родном мире. Поэтому с опаской наблюдает за ним. В конце концов она заметила, что он регулярно уменьшается в объеме и замедляет свой метаболизм. В эти мгновения он перестает шевелиться, хотя внезапные сотрясения бросают его из стороны в сторону, он не издает ни звука, его запах меняется, становится резче.

Новый паразит наконец замедлил свой метаболизм. И гусеница решает перейти в атаку. Она должна помешать ему среагировать, защититься, а для этого надо немедленно прервать его основные жизненные функции. Наблюдая за ним, гусеница поняла, что паразит должен вдыхать воздух, который выделяют пористые стенки чрева. Вот почему странница раздула их перед взлетом. Новый пассажир не может обойтись без воздуха. Гусеница заметила два небольших отверстия, расположенных под удлиненным наростом, через которые газ входит в тело и выходит из него. Иногда газ проходит через более широкое отверстие, изредка открывающееся, чтобы издать ужасающие звуки. Значит, надо закрыть эти отверстия,

и паразит без поступления драгоценного воздуха не сможет защищаться, его метаболизм прекратится и тело его начнет охлаждаться. Огненные гусеницы, охладившиеся до нуля, быстро превращаются в холодный пепел. Она сожрет его с ненасытностью, характерной для ее вида. Все ли она предусмотрела? Лучшее средство узнать — сделать попытку. Она слишком долго ждала, острые кромки ее рта требуют пищи, дергаются. Она выходит из фазы камуфляжа. Ее кольца бросают огненные отблески на коричневую плоть, на светлую кожу спящего паразита. Она выскальзывает из укрытия. Медленно, словно потеряв вес, она ставит первые лапки на шелковистую кожу, вползает на тело. Гусеница имеет почти такую же длину, как и паразит. Она направляется к круглой вершине с шапкой волос, где заметила дышащие отверстия. Все хорошо: жертва ничего не ощутила, не шелохнулась.

Добравшись до круглой вершины, она сворачивается и, словно присоска, приклеивается к выступам.

Проход газу перекрыт.

Жек просыпается рывком, ощущая, что задыхается.

— Я — твоя служительница, твой корабль, — произносит космина. — Если хочешь насладиться пребыванием во мне, защищай свою жизнь...

Глава 20

Друг, сейчас я открою тебе, как защитить твой хрупкий цветок, как укрыть твое самое ценное сокровище от тех, кто стремится завладеть им, как предохранить свободу твоей души...

Друг, заметил ли ты, что все земные вещи состоят из вибраций, волн, света? Слышал ли ты тончайшую песню вселенной?

Это и есть тайна. Она настолько проста, что покажется тебе детской: открой свою душу, открой свое сердце и позволь звуку убаюкать тебя...

Выдержка из проповеди Крейца на дюнах великой пустыни Осгора. Маленькая книга-фильм, найденная в запретной библиотеке епископского дворца Церкви Крейца

— Этой ночью... — сообщили викарии в масках после последней встречи в Склепе Оскопленных.

Этой ночью... Этими двумя словами они подписали смертный приговор муффию Барофилю Двадцать Четвертому.

Этой ночью... Кардинал Фрасист Богх, новый генеральный секретарь Церкви Крейца, не понимал, как они приведут в исполнение свой проект. Муффий окружал себя таким количеством предосторожностей, что покушение на августейшую персону казалось невозможным. Когда он принимал лиц, не принадлежавших к кругу постоянных обитателей епископского дворца, он был открыто и тайно окружен многочисленной стражей, состоявшей из бывших наемников-притивов, знакомых со всеми боевыми искусствами. Если приема не было, он удалялся в апартаменты башни муффиев, крепости с множеством тайных проходов, лабиринтов, ловушек, изолированных бронированных покоев.

Как викариям удастся совершить убийство Барофиля Двадцать Четвертого? Ел он только то, что ему готовил личный повар, джулианин, которого он спас от огненного креста и который был предан ему телом и душой, что не мешало муффию давать каждое блюдо на пробу прирученным обезьянам и долго наблюдать за их реакцией, прежде чем начать есть самому. Он прекратил все любовные связи с детьми, которых ему поставлял бывший генеральный секретарь, кардинал Фражиус Моланали. Фрасиста Богха покоробило, когда он узнал, что Непогрешимый Пастырь, глава Церкви Крейца занимался отвратительной педофилией, и эта информация, которую ему поспешили сообщить заинтересованные лица, укрепила его решимость. Викарии были правы: надо было срочно избавиться от развратного чудовища. Человек, царивший над сотнями миллиардов душ, должен был быть примером, существом образцовой добродетели и религиозности. Из-за отказа муффия от утех нельзя было наполнить природные отверстия невинных жертв его похоти ядом или микробомбами, которые разнесли бы понтифика в куски в момент, когда... Да сжалится над ним Крейц... И так, наверное, было лучше: убивать Непогрешимого Пастыря с помощью детей было аморальным и отвратительным делом.

Викарии не могли воспользоваться услугами наемных убийц, ибо их немедленно бы разоблачили с помощью инфраизлучений и морфопсихологов, которые наблюдали за посетителями и фильтровали их поток с помощью гигантских сферических экранов.

Оставалась, конечно, возможность стирания всей информации в мозгу или ментальной смерти. Сенешаль Гаркот, которого Фрасист Богх подозревал в том, что тот был главной фигурой в заговоре, вполне мог заменить мыслехранителя или инквизитора стирателем или ментальным убийцей. Такая практика подмены использовалась при императорском дворе.

Бывший губернатор Ут-Гена, который по обязанности должен был часто встречаться с сенешалем (отныне кардинал стал главным агентом связи между духовными и мирскими властями империи Ангов), пытался прозондировать своего таинственного собеседника. Он ощущал недомогание в присутствии Гаркота, но, если викариям удастся низложить Барофиля Двадцать Четвертого и возвести его, Богха, на трон понтифика, ему придется научиться преодолевать отвращение.

— Находятся ли мыслезащитники и инквизиторы муффия под вашей властью, ваше превосходительство? — как бы небрежно спросил он у сенешаля, когда они однажды остались наедине.

Непроницаемые глаза скаита остановились на генеральном секретаре и долго всматривались в него.

— Конечно, ваше преосвященство, — наконец ответил он металлическим, безликим голосом, который терзал барабанные перепонки собеседников-людей. — Почему такой вопрос?

— Видите ли... я не сиракузянин, как вам известно, а потому в качестве нового генерального секретаря стараюсь узнать об обычаях, принятых при дворе и в Церкви... Я думал, что ответственность скаитов, служащих муффию, не входит в ваши прерогативы, исходя из главенства духовной власти над властью мирской...

— Будучи слугами людей, скаиты прежде всего являются моими сопланетянами, которыми управляют иные законы, чем законы человеческих миров. Только скаит высших эшелонов власти вправе передавать приказы своим подчиненным. И речь не идет о том, что они могут поступать как им угодно под суетным предлогом духовного превосходства.

Фрасисту Богху показалось, что он слышит угрозу в словах сенешаля: ему дали ясно понять, что никакие дела империи Ангов, ни мирские, ни духовные, не были чужды Гаркоту. Подобное предупреждение также свидетельствовало, что Гаркот отныне считал его законным собеседником, и это скрытое признание польстило ему.

Гаркот не сообщил ему, что его сопланетяне и он сам лишились возможности контролировать мозг Барофиля Двадцать Четвертого. Именно по этой причине третий конгломерат решил физически устранить понтифика. После двадцати с лишним лет верного и действенного союзничества нынешний муффий, чей мозг стал недоступен стирателям и ментальным убийцам, стал оппозиционером, врагом, препятствием. Он не превратился в человека истоков, как девица Алексу или оранжанин Тиксу Оти, но развил свой ментальный контроль до такой сте-

пени, что справлялся с любыми попытками стирания или покушения, которые предпринимали ставленники Гаркота в ближайшем окружении муффия. Недоверие этого скользкого старика защищало его дух, как плотный и жесткий панцирь. Духовный глава вселенной настолько вник в материю, что буквально кристаллизовал свои мысли.

Гаркоту пришлось признаться викариям, что он не может ничего сделать.

— Надо использовать другие методы, братья-викарии. Ментальные убийцы и стиратели не добиваются никаких результатов, воздействуя на мозг муффия.

Это признание повергло заговорщиков в недоумение.

— Разве не такое же происходит с некоторыми еретиками, ваше превосходительство? Разве они не сопротивляются стиранию?

— Вероятность крайне невелика, если не равна нулю. Муффий — исключение, которое подтверждает правило: он с такой силой цепляется за жизнь, что его подсознание отталкивает любую идею, любую мысль о стирании или смерти. Для тех, кого нельзя обратить в свою веру мягкими мерами, остается лишь силовое воздействие — огненный крест.

— Вы не облегчаете нам задачи, ваше превосходительство! — проворчал чей-то голос из-под маски.

Маски, иллюзорная защита для того, кто умеет читать в мозгу...

— Решение искать вам, братья викарии. В конце концов, замена нынешнего муффия есть плод вашего желания, вашей воли.

Желания и воли, имплантированных стирателями... Наделите людей ощущением, что решение принимают они, и они с закрытыми глазами ринутся в любую ловушку, даже самую грубую...

— Мы берем ваши слова на заметку, ваше превосходительство! Мы разберемся сами, но будем помнить, что ваше сотрудничество было неполным!

Людишки... Чем больше они теряли свою суть, тем решительнее раздувались от гордости и пыжились от собственной важности! Хотя у них практически ничего не осталось от прежней власти... Гипонерос пользуется их недостатками и разъедает их изнутри. Вскоре они превратятся во врата, открытые в небытие, в черные дыры, в детей Бесформенного. Если стиратели и ментальные убийцы не могут покончить с Барофилем Двадцать Четвертым, пусть люди сами разбираются с ним. Они всегда проявляли чудеса ума, когда надо было заняться самоуничтожением. Они издавна готовили приход Гипонероса...

Викарии с нарочитой гордостью запахнули свои черные одеяния.

— Мы используем услуги своего стирателя, ваше превосходительство! — бросил один из них, перед тем как исчезнуть в подземном переходе Склепа Оскопленных.

Викарии... вы уже почернели, уже стали сыновьями Гипонероса. Вы пыжитесь, считая себя последними защитниками веры, провозглашаете добродетель, а сами являетесь первыми могильщиками человечества. Барофиль не чист в том смысле, как понимаете чистоту вы. Кстати, пожертвовав своими детородными органами, вы признали, что боитесь собственной нечистоты, но он заслуживает того, чтобы существовать в качестве суверенного эго, в качестве руководителя царства с определенными границами... Что предпочтительнее, викарии? Жить в вечных сожалениях и отрицании самого себя или жить в грехе и возвеличивании самого себя? Добро пожаловать в антивселенную, братья викарии...

Служитель проводил Гаркота по лабиринту коридоров епископского дворца.

В рядах пяти тысяч кардиналов Церкви разгорелась яростная война за наследство. Она оказалась полезной для Фрасиста Богха, поскольку они почти не заметили назначения его на пост генерального секретаря, второй по важности в церковной иерархии. Однако носители пурпура имели причины для недовольства: впервые в долгой истории крейцианства этот важнейший пост был доверен не сиракузянину, а чужаку, человеку, еще не достигшему тридцати лет... Фрасист чувствовал сопротивление, отбил несколько атак, несколько нападок, несколько подлых выходок, но не стал жертвой адского давления, на которое намекал Барофиль Двадцать Четвертый во время последнего разговора. Подобное отсутствие реакции было вызвано тем, что у кардиналов были иные заботы. Подготовка выборов нового муффия поглотила их целиком, а пост генерального секретаря пока не стал предметом торга. Все считали назначение молодого маркинатянина очередной ошибкой Барофиля Двадцать Четвертого, ошибкой, которую новый муффий немедленно исправит. Самые безумные слухи световыми волнами распространялись по коридорам епископского дворца в Венисии: одни утверждали, что видели труп понтифика, другие говорили, что он агонизировал в ужасающих муках, третьи уверяли, что он вновь согрешил с детишками, а четвертые нашептывали, что он окончательно рехнулся и голым, как дама Веронит де

Мотогор, бродил по комнатам своих апартаментов... Викариям было достаточно запустить соответствующие слухи, чтобы резко выросло количество заговоров с целью устранения понтифика, чей трон уже считался вакантным. А желающих занять его было предостаточно.

По сведениям, полученным Фрасистом Богхом, претендентов было около сотни. И каждый имел своих горячих сторонников (уровень поддержки напрямую зависел от обещаний), своих заклятых противников (уровень враждебности прямо пропорционален обещаниям соперника), каждый хвастался привилегированными связями с великими сиракузскими семьями, каждый в открытую говорил о своем богатстве, о политическом чутье, а поскольку все они были служителями Крейца на земле, каждый говорил о своей набожности, о своей приверженности богу и о строгом соблюдении заповедей Церкви. Клевета и панегирики множились в рядах людей, одетых в пурпурные мантии.

Фрасист Богх не выставлял свою кандидатуру в полном соответствии с наставлениями викариев.

— Они способны вас убить! Мы должны захватить их врасплох...

Многие из явных и неявных кандидатов являлись в его огромный кабинет за обещанием, что он проголосует за них, но он отделывался от визитеров, заявляя о своей беспристрастности, как того требовали его функции. Они метали в него убийственные взгляды, презрительно пожимали плечами (чужаки не понимают тонкостей венисийской политики!) и уходили. Привратники в белых облеганах и ливреях убеждали их не хлопать дверью.

Бывший губернатор Ут-Гена располагал теперь шестью мыслезащитниками. Каждый месяц по сиракузскому календарю он получал двадцать тысяч стандартных единиц. Этой суммы ему хватало, несмотря на дороговизну жизни в Венисии, чтобы удовлетворить все свои нужды. Тем более что он не имел ни одного дорогостоящего порока — педофилии, некрофилии, микростазии, гурманства, — свойственного его собратьям. Придворные навещали его, чтобы выпросить некоторые привилегии по этикету — постоянное место в храме, помилования, просьбы о назначении. Эти мелкие просьбы часто сопровождались скрытыми угрозами или важными сведениями. Он постепенно обучался тонкостям придворного языка или искусству высказывать мерзости, предавать, шантажировать, используя с виду безобидные фразы.

В этих играх особо преуспевали женщины, они были тоньше и опаснее мужчин. После таинственного исчезно-

вения дамы Сибрит, первой дамы империи Ангов, они буквально шли на приступ епископского дворца. Женщины использовали все средства, выставляли напоказ свои прелести, чтобы добиться частной беседы с муффием и подчеркнуть свои права: каждая занимала лучшее место, каждая имела лучшее происхождение, лучшую фигуру, каждая утверждала, что будет лучшей матерью, самой благочестивой, самой любящей, способной сделать все, чтобы император забыл о неряшливой провинциалке, суке, отказавшейся подарить ему наследника. Невероятный скандал, вызванный появлением дамы Веронит де Мотогор, голой и дрожащей от стыда в коридорах императорского дворца, окончательно дискредитировал даму Сибрит, как, впрочем, и даму Веронит, которая неосторожно заявляла, что ее грудь и ягодицы достойны того, чтобы лучшие художники увековечили их в своих скульптурах... Поскольку муффий решительно отказывался принимать претенденток на руку императора, генеральному секретарю приходилось мириться с их жеманством, кривлянием, опусканием век, игрой губ и рук и даже с непристойными предложениями... Самыми настойчивыми были матроны, хранительницы этикета: они уже давно стремились аннулировать брак императора, а теперь, когда брешь была проделана, они лезли в нее, словно возбужденные, кровожадные клопы.

Широкомасштабные поиски дамы Сибрит де Ма-Джахи не дали никакого результата: императрицу так и не нашли.

Через месяц привратники ввели в кабинет кардинала Богха двух руководителей протокола. Они заявили, что император Менати желает заочно отдать даму Сибрит, свою исчезнувшую супругу, под суд священного трибунала.

— По какому обвинению?

— Колдовство.

Организация процесса входила в обязанности генерального секретаря. Прежде всего следовало назначить дату, которая устраивала бы всех. Задача была исключительно трудной — с учетом социального положения всех участников и свидетелей (более трехсот придворных). Потом ему пришлось назначить десять кардиналов жюри во время специального конклава. Не зная, как выйти из трудного положения, он просто назначил десять самых старых кардиналов. По словам экзархов и викариев, он принял правильное решение: оно вызвало раздражение только сотни молодых прелатов, для которых скандальный процесс над императрицей вселенной был прекрасной возможностью заслужить благосклонность самых знатных семей.

Фрасист Богх вспомнил о своем разговоре с Гаркотом и обратился к нему с просьбой назначить трех специальных инквизиторов. Наконец, он встретился с императором Менати, чтобы представить ему наметки проекта, и император кивком головы одобрил их. Генеральный секретарь, таким образом, одним выстрелом убил трех зайцев: он удовлетворил мирского владыку вселенной — сенешаля — и не очень раздразнил своих собратьев. Процесс, торжественный по требованию императора Менати, должен был начаться через несколько недель, 6 десембриуса, предпоследнего месяца сиракузского года. Процесс начнется в 16 году и, вероятно, завершится в 17-м. Исход был ясен с учетом количества свидетелей обвинения. Единственной персоной, которая добровольно вызвалась защищать обвиняемую, была дама Алакаит де Флель, бывшая компаньонка дамы Сибрит. Самоотверженная и преданная, эта женщина, чье уродство подчеркивало красоту дамы Сибрит, рисковала быть обвиненной в сообщничестве, что могло закончиться приговором к мукам на огненном кресте. Поскольку обвиняемую поймать не удалось, месть могла обрушиться на ее компаньонку, и Фрасист Богх ощущал сострадание к даме де Флель.

Вся Венисия кипела. Всюду царила суматошная деятельность. Сиракуза, центр вселенной, планета искусств и моды, готовилась к приему нового понтифика и новой императрицы.

В эту ночь...

Именно в эту ночь кардинал Богх должен был явиться к Барофилю Двадцать Четвертому, чтобы договориться о распорядке дня и уточнить список тех, кто просил частной беседы с понтификом. Поскольку викарии не передали никаких распоряжений, он не собирался переносить свой рутинный визит.

В эту ночь...

Стоя перед окном, выходящим на Романтигуа, генеральный секретарь любовался вторыми сумерками. Солнце Сапфир уходило за горизонт, окрашивая небосвод в бирюзово-красно-фиолетовые цвета. Широкие авеню и узкие улочки города превратились в реки синего света. Венисийцы наслаждались лаской ветра, бродили по тротуарам, собирались на площадях, гуляли вокруг опталиевых фонтанов, где обычно давали спектакли бродячие актеры, мимы, жонглеры, иллюзионисты. Освещенные галиоты бесшумно скользили по темно-синим, безмятежным водам Тибера Августуса. Фрасист Богх иногда ощущал приступы сильнейшей тоски по планете Ут-Ген и ее вечно мрачно-

му небу. Там он исполнял службу, здесь поступал, как все: вел переговоры, плел заговоры, интриговал.

В тишине раздались удары. Он вернулся к столу и ногой нажал на педаль открытия кодового замка двери, встроенной в раму серого мрамора.

Послушник в белом облегане и накидке вошел в комнату и поклонился.

— Муффий ждет вас, ваше преосвященство.

— Уже? Мы должны были встретиться через два часа...

— Программа изменилась, ваше преосвященство.

— Чем вы докажете вашу правоту?

Бывший губернатор Ут-Гена уже научился проявлять недоверие, его отравила атмосфера паранойи, царившая в епископском дворце. Он вдруг осознал это, и во рту его появилась горечь.

— Пакс крейциана... — произнес послушник.

Фрасист Богх кивнул. Эти два слова были кодом для понтифика и генерального секретаря.

— Иду. Только возьму мемодиск...

Сидящий на глубокой подвесной банкетке Барофиль Двадцать Четвертый ждал его в скромно меблированной комнате. Как всегда, кардинал Богх оставил своих мыслехранителей в прихожей и выдержал унизительную процедуру нескольких личных досмотров, проходов через инфрадатчики и выстаивания перед объективами камер, связанных с экранами морфопсихологов.

Муффий не загримировался, и его истрепанная кожа, морщинистая и сухая, резко контрастировала с белым капюшоном облегана, отделанным розовым опталием. Его белую рясу украшали спиральные подвижные узоры. На безымянном пальце правой руки сверкал перстень понтифика, громадный джулианский кориндон с двумястами гранями, который передавался от муффия к муффию вот уже пятьдесят веков. Его крохотные черные, глубоко сидящие глазки, подчеркнутые темно-коричневыми мешками, остановились на генеральном секретаре.

— Добрый вечер, кардинал Богх, — устало прошептал он. — Извольте сесть...

Он похлопал ладонью по банкетке. Фрасист Богх скользнул губами по перстню и занял место рядом с муффием.

— Добрый вечер, ваше святейшество.

Барофиль Двадцать Четвертый откашлялся. Его кадык, торчащий, как лезвие ножа, ходил под кожей шеи, изрытой глубокими вертикальными морщинами. Кардинал расслы-

шал тихий шорох фильтров воздуха, встроенных в лепнину дверных рам. Викариям не удастся подать отравляющий газ в эту комнату с той же легкостью, с какой он когда-то расправился с Северным Террариумом. Бывший губернатор иногда сожалел, что уничтожил карантинцев. Разве они, бетазооморфы, не были творениями Крейца? Разве они не получили душу, как здоровые люди? Разве матери-мутантки не любили своих детей, как любая человеческая мать?

— Вы, вероятно, спрашиваете себя, почему мы перенесли нашу встречу на более раннее время, — продолжил муффий.

— Должен признать, я заинтригован...

Барофиль издал короткий хриплый смешок. Его костлявые руки опустились вдоль тела.

— Дорогой кардинал Богх, вы совсем запутались в своем ментальном контроле! Истинный сиракузянин ответил бы банальностью вроде: «Готов служить вам в любое время...» Или: «Можете рассчитывать на мою преданность в любой час дня и ночи...» Сиракузяне возвели лицемерие в ранг искусства. Они поспешили назвать это автопсихозащитой, введя приемлемое понятие, более благородное, чем двуличие. В каком состоянии процесс дамы Сибрит?

— Все готово, ваше святейшество. Как и предусмотрено, он начнется 6 десембриуса.

— И, как предусмотрено, она будет осуждена...

Фрасист Богх глянул на августейшего собеседника пламенным взглядом, недостойным для человека, контролирующего свои эмоции.

— Осмелюсь ли я предположить, что вы осуждаете этот процесс, ваше святейшество?

— Осмельтесь, кардинал Богх... Дама Сибрит де Ма-Джахи была — и, быть может, еще есть — самой ясновидящей персоной в Венисии. Процесс, устроенный над ней, лишь предлог для того, чтобы ее устранить и очернить память о ней. Однако мы вас поздравляем. Вы успешно выбрались из колючих зарослей, которые представляют собой назначение чрезвычайного трибунала со всеми его почестями. Вы преуспели, никого не оцарапав.

— Почему вы не вмешались публично, если осуждаете этот процесс о колдовстве?

— Потому что наши внутренние убеждения позволяют нам заглядывать за само событие и двигаться вперед с чрезвычайной осторожностью.

Муффий встал и ковыляющей походкой направился к бронированному окну, выходящему во внутренний дворик.

— Мы — всего-навсего усталый старец, труп, получивший отсрочку... Дама Сибрит была символом, а человек, который мог воспротивиться этому процессу, должен быть в расцвете сил... Человек вроде вас...

— Прошу простить мое невежество, ваше святейшество, но я не понимаю, о какой символике вы говорите. Если судить по слухам, которые ходят об императрице, она была скорее символом порока и жестокости!

— Она была — и, может быть, есть — такой, как мы все. Не хуже, не лучше. Порочная и жестокая, согласен, но не более, чем вы или мы. Не более, чем император. У нее было множество любовников, она, вероятно, убила кое-кого из них, но у императора Менати было немало любовниц, а на трон он взошел, убив своего брата Ранти и двоих племянников, Жонати и Беренфи. Мы хорошо это знаем, чтобы утверждать, господин генеральный секретарь, поскольку мы сами закладывали основы этого заговора. В этом дворце, как и во дворце императорском, нет власти без крови на руках. Кажется, мы вам уже это говорили...

Фрасист Богх подошел к понтифику, замершему у окна. Он был на голову выше августейшего старца, который, казалось, оседал, прогибался и скукоживался с каждым прошедшим днем. Злоупотреблял ли он микростазическими растворами? Регулярное поглощение этого химического наркотика, вот уже тридцать лет запрещенного на Сиракузе и ее спутниках, но широко распространенного среди кардиналов, экзархов и придворных, быть может, объясняло его исключительное долголетие и живость духа, несмотря на внешние признаки старческого распада.

— Не думаю, что мои руки обагрены кровью... — осторожно произнес генеральный секретарь.

Муффий с иронией глянул на подчиненного.

— Если не считать еретиков, отправленных на огненный крест... И миллионов карантинцев Ут-Гена, которых вы отравили газом...

— Эти люди были врагами веры! — яростно запротестовал Фрасист Богх. — Мой долг человека Церкви — бороться с ними!

— Кровь еретика или верующего остается кровью человеческого существа, какие бы оправдания ни приводились в пользу его устранения...

— Вы сеете сомнение в моей душе, ваше святейшество... Разве школы священной пропаганды не воспиты-

вают высших чиновников крейцианства в маниакальной идее безжалостно карать неверных, язычников, противников веры? Разве эти школы не подчиняются вам, верховному вождю Церкви?

Глаза Барофиля Двадцать Четвертого буквально загорелись. Он положил ладонь на предплечье кардинала, и у того возникло неприятное ощущение, что его схватили когти посланца смерти.

— Вы быстро, мы очень надеемся на это, оценили всю ширину пропасти, разделяющей иерархию и низы. И вскоре поймете, что законы, применимые к стаду, неприменимы к пастуху. Вы бьетесь над разрешением неразрешимых проблем совести, над противоречиями, которые являются уделом правителей, духовных и мирских. Долгие века Церковь превращалась в оголодавшее чудовище, которое все труднее контролировать. Это — основная причина ее исключительного роста. Ее нужды в пище растут, и мы бросаем ей на съедение новые души, тысячи душ прелатов и викариев, миллионы душ миссионеров, миллиарды душ верующих. Мы породили хищного зверя, Церковь, которая, чтобы выжить, пожирает части своего невероятно большого тела, и каждый день, подаренный нам Крейцем в его бесконечной доброте, мы жертвуем новые души, удовлетворяя ее ненасытный аппетит. Слово Крейца — простое слово, гимн человеческой свободе, а Церковь Крейца — сложнейший организм, слепая машина для перемалывания личностей. Вот чем мы стали, кардинал Богх: роботами, клонами...

Муффий погрузился в созерцание вторых сумерек, чьи шелковистые синие тона растворялись в чернильном индиго. Золотистый месяц первого из пяти ночных спутников Сиракузы венчал третью башню епископского дворца.

— Если позволите, я хочу задать вам два вопроса, а вернее, три, — произнес Фрасист Богх.

Понтифик кивнул.

— Почему вы раньше не затрагивали эту тему? Почему вы говорите об этом со мной? И наконец, какая связь между вашими речами и дамой Сибрит?

Тонкие губы муффия сложились в гримасу, чуть напоминающую улыбку.

— Сиракузянин, мастер ментального контроля, сказал бы: «Ваше святейшество, ваш блестящий анализ ситуации близок мне, ибо я разделяю ваши заботы...» Что ничего не значит, но позволяет априори предположить, что лицемер обладает интеллектом... Вспомним сначала о деле дамы Сибрит:

только она оказалась способной хотя бы частично проникнуть в тайну скаитов Гипонероса, мы говорим о коннетабле Паминксе и сенешале Гаркоте. У императрицы хватило мужества явиться ко мне и побеседовать о них. Она обладает способностью, которую многие считают демоническим колдовством, а мы рассматриваем в качестве дара провидения: у нее пророческие сновидения, она улавливает во сне отдельные сцены будущего. До сих пор мы полностью доверяли скаитам и считали, что они трудятся на благо человечества. Дама Сибрит открыла нам глаза, и мы узнали, что она пыталась вызвать на откровенный разговор своего супруга-императора, но последний не пожелал ее выслушать... Она является символом человеческой свободы, и именно с этим символом сенешаль Гаркот и его приспешники яростно борются, пытаясь уничтожить... Но им в высшей степени наплевать, что она проливала кровь мужчин, которых завлекала в свои покои!

— И каковы же истинные намерения сенешаля, открывшиеся ей в снах?

— Ах, кардинал Богх, разговор с вами доставляет подлинное наслаждение...

Генеральному секретарю на мгновение показалось, что муффий, которого сотряс приступ кашля — или смеха? — развалится на куски и рухнет на пол из драгоценных пород древесины.

— Мы не знаем точных намерений скаита Гаркота, — продолжил понтифик. — Мы только предполагаем, что он является главным действующим лицом в процессе уничтожения человечества. А вам, если вам хватит сил, предстоит сорвать покров тайны...

— Почему мне, ваше святейшество? — в замешательстве пробормотал кардинал.

— Ментальный контроль, господин секретарь! Вы решительно плохой актер! Не стройте невинное лицо, вы только подчеркиваете свою вину... Пока объявленные кандидаты на наше наследство рвут друг друга на куски, высший викариат спокойно двигает свою пешку: вас, молодого и скромного человека!

Властным движением руки Барофиль Двадцать Четвертый велел генеральному секретарю, который открыл рот, чтобы выразить протест, помолчать.

— Дайте нам закончить, кардинал Богх! Наше время истекает. У викариев не было бы возможности возвести вас на трон понтифика, не укажи мы на вас. Мы были в курсе заговора с самого начала, мы знали, что затевается в подвалах епископского дворца, а точнее, в Склепе Оскопленных, и мы тайно поддерживали эту инициативу...

Сморщенное личико понтифика исказила гримаса. Грудь кардинала сжали могучие тиски. Он собрал последние остатки воли, чтобы устоять на ногах.

— Почему вы, спросите вы? — продолжал Барофиль Двадцать Четвертый. — Мы знаем и ценим ваш характер, господин сын прачки из Круглого Дома Дуптината. Мы убеждены, что вы человек, необходимый в данной ситуации, приоткрытая дверь, через которую ворвется ветер обновления Церкви. Исходя из вашего скромного происхождения и вашей веры, вы тот, кто может восстановить Слово Крейца в его исходной простоте. Вы — острое лезвие, и вам придется срубить множество голов. Первой из них должна быть голова сенешаля Гаркота, второй — императора Менати, потом следует срубить головы викариев, кардиналов и придворных... Такова суть нашего завещания.

— Вашего завещания? Неужели... вы собираетесь нас покинуть?

— Господин генеральный секретарь! Разве только что в Склепе Оскопленных вам не шепнули два ужасных слова: *Этой ночью?..*

Когти ужаса терзали внутренности Фрасиста Богха. Он вдруг осознал, что был лишь марионеткой в костлявых руках муффия.

— Вы тоже научитесь использовать своих врагов, — пробормотал Барофиль Двадцать Четвертый. — Если их умело направлять, они становятся самыми надежными союзниками... Чтобы дать ответ на два остальных вопроса, мы не будем развивать тему Церкви, поскольку нам надо довести наш замысел до конца, а замысел состоит в том, чтобы поставить вас на высшую должность. Мы потратили значительную часть нашей энергии, чтобы направить ваших врагов по ложным путям. Для вас было бы роковым, стань наши враги вашими задолго до решающего события. До самого конца мы действовали так, чтобы сохранить эффект внезапности, застать наших хищников врасплох... Мы понимаем, что были посредственным пастырем, запутавшимся в низких инстинктах, которые управляют стадом. Перед тем как отправиться в адские миры — мы, конечно, не верим в ад, но из лени используем практичные формулировки, которыми кормим простые души, — мы решили сделать последнее дело, а именно избрать себе достойного наследника. Если мы сообщаем вам об этом сегодня вечером, то потому, что настал момент открыть вам всю важность вашей роли... Не ошиблись ли мы? Достаточно ли крепки ваши плечи, кардинал Богх, чтобы возложить на себя невероятно тяжкий груз? Ставка безумно высока: вы-

живание человеческой расы. Это — ставка дамы Сибрит, это — ставка воителей безмолвия, о которых вы, конечно, слышали.

— Воители безмолвия? — прервал его Фрасист Богх. — Разве это не легенда?

— Никогда не забывайте о различии между стадом и пастухом. Стадо превращает в легенду то, чего не понимает, пастух старается понять, а затем, только затем, превращает реальность в легенду, если считает, что этим делает добро своему стаду. Мы всегда считали существование воителей безмолвия реальностью, а сновидения дамы Сибрит подтвердили нашу уверенность. Они работают в тени против Гипонероса, они обладают провидческими способностями, о которых говорится в легендах... Найа Фикит — не кто иная, как Афикит Алексу, дочь Шри Алексу, наставника индисской науки, убитого по приказу коннетабля Паминкса. А Шри Лумпа — не кто иной, как оранжанин Тиксу Оти, мелкий служащий ГТК, который чудом ушел от робинса компании, брошенного на его поиски... Так же, как и воители безмолвия, хотя в другом качестве, вы становитесь последней надеждой человечества...

Уставший муффий вновь уселся на банкетку. Над Венисией опустилась ночь, скрадывая все выступы. Светошары под потолком медленно налились белым светом.

— В силах ли вы, господин генеральный секретарь, противостоять стиранию?

Вопрос обескуражил Фрасиста Богха, застывшего у окна. Он никогда не представлял себя в качестве мишени для стирателей, священных или гражданских.

— Не имею понятия, ваше святейшество...

— Ваша искренность делает вам честь, кардинал Богх. Мы утверждаем, что вы — человек, подвергшийся стиранию! Вы даже не подозреваете, что в ваш мозг имплантировали специфическую программу!

Фрасист Богх живо повернулся и вонзил недоверчивый и ядовитый взгляд в глаза старца, похожего на химеру, скорчившуюся на банкетке.

— Как вы можете утверждать такую глупость, ваше святейшество? — глухо проговорил он, забыв, что обращается к Непогрешимому Пастырю, верховному главе Церкви Крейца, одному из самых опасных — после сенешаля, но до императора Менати — людей империи Ангов.

— Как мы уже вам объясняли, мы знаем все, что творится в этом дворце, — спокойно возразил муффий. —

В вас имплантировали программу убийства! Вы пришли сюда, кардинал Богх, чтобы убить меня! Нет власти без пятен крови на руках...

— Абсурд! Вас, несомненно, ввели в заблуждение! — закричал генеральный секретарь, выйдя из себя.

— Ваш ментальный контроль, кардинал Богх! Эта программа включится только через... — Он бросил взгляд на часы, встроенные в стену. — Хм, как быстро бежит время... Через пятнадцать минут... И вы не будете себе отдавать отчета в своих действиях ни до, ни во время, ни после убийства! Ваши друзья викарии хоть раз оказались умелыми: они не только поручили вам грязную работу, но и собираются использовать убийство в собственных интересах. Они будут вас постоянно шантажировать. Они уже собрали все доказательства вашей вины. Таким образом они рассчитывают взять контроль над аппаратом Церкви... Мы позволим убить себя без всякого сопротивления, господин наш убийца. Уже давно настало время предстать перед небесными судьями. Моя стража, мои морфопсихологи и самые ближайшие слуги предупреждены о моей неминуемой и скорой смерти. Они получили категоричный приказ перейти к вам на службу, как только вы станете муффием... Как вам нравится имя Барофиля Двадцать Пятого в качестве имени понтифика?

Глаза Фрасиста Богха увлажнились. Он так и не понял, что оплакивает беззащитного старца, который сидел напротив него.

— Именно по этой причине мы передвинули время нашей встречи. Мы хотели располагать временем, достаточным для того, чтобы изложить наше завещание своим голосом. Запись или голо оставляют следы, слова испаряются... Да, вам, кстати, имплантировали и программу полного забывания, а это означает, что вы не вспомните ни о беседе, ни о том, что забрали нашу жизнь. Речь идет о том, чтобы никакой инквизитор или ментальный манипулятор на содержании ваших врагов не узнал, что муффий Барофиль Двадцать Пятый задушил своего предшественника, чтобы взойти на трон понтифика. Эта информация останется в руках викариев, а они сумеют вам напомнить о ней, если вы их не удовлетворите. В определенном смысле это нас устраивает: инквизиторы не узнают о нашем разговоре, а у вас будут развязаны руки...

— Но тогда для чего вы устроили эту беседу?

Муффий извлек из внутреннего кармана рясы черный гладкий кружок диаметром в пять сантиметров.

— Раздевайтесь, кардинал Богх!

— Что с вами, ваше...

— Молчите и подчиняйтесь! У нас осталось всего семь минут! Ваше тело нас не интересует. Как вы знаете, нас влекут лишь дети, а за это мы ответим перед Крейцем... Вам не надо снимать облеган полностью: нам достаточно вашей обнаженной груди. Потом мы объясним вам действие этого аппарата...

Завороженный требовательным голосом собеседника, Фрасист Богх подчинился. Его лиловая ряса скользнула на пол, и он расстегнул боковые застежки пурпурного облегана. Он освободил голову, шею, руки, плечи и опустил облеган до пояса. Сквозняки облизали ему кожу, и по спине побежали мурашки.

Муффий знаком подозвал его, потом резким движением приложил небольшую пластину к груди кардинала. Его грудь и живот пронзила ужасающая боль, он закричал и отпрыгнул назад. Пластина жгла ему кожу. Ему показалось, что на теле от шеи до лобка появилась открытая гноящаяся рана.

— Боль скоро утихнет, — пробормотал Барофиль Двадцать Четвертый. — Это — электромагнитная пластина для автоматической пересадки под кожу. Она обладает двумя достоинствами. С одной стороны, ее не обнаружит никакая система обследования, даже та, которой пользуются медики епископского дворца. Теперь она стала неотъемлемой частью вашего тела, как любой жизненный орган. С другой стороны, она будет регулярно посылать подсознательные импульсы, которые вынудят вас возвращаться к своим воспоминаниям, будут направлять вас на пути, которые вам понадобится изучить... Как вы себя чувствуете?

Фрасист Богх бросил взгляд на грудь и увидел, что пластина ушла под кожу, не оставив ни малейшего следа. Ни малейшего шрама. Кожа, как обычно, выглядела гладкой и шелковистой. Только легкая дрожь в районе солнечного сплетения свидетельствовала о присутствии чужеродного тела в его организме.

— Я больше не ощущаю никакой боли, ваше святейшество.

— Мы должны спешить, поскольку у нас остается всего четыре минуты... Эта пластина, кроме всего прочего, приведет вас в тайную библиотеку дворца, код доступа в которую она также предоставит. Там вы найдете маленькую кинокнигу, в которой Крейц разъясняет эффективный метод защиты человеческого мозга от чуждых ментальных волн. Крейц тоже был наставником индисской науки. Это уточнение открывает вам причины, заставившие сенешаля Гаркота избавиться от меня. Он, как и мы, использовал викариев, но у нас было преимущество — мы двигались по знакомой территории... Так вот, дорогой наш сын, ты готов к принятию священной тиары муффия, получе-

нию перстня с джулианским кориндоном и печати, предметом зависти многих... Последнее уточнение: эту пластину, крохотное чудо техники и ума, изготовил величайший специалист, который, к несчастью, погиб в катастрофе личного кара. У нас столько крови на руках... Чуть больше, чуть меньше, разве это изменит приговор? Отныне ты единственный человек во вселенной, который знает о существовании этого аппарата. Он постепенно восстановит, всем сердцем надеюсь на это, целостность твоего духа. Он подскажет тебе действия, которые на первый взгляд покажутся непоследовательными, смешными: к примеру, посоветует составить ментальные мемуары в полном соответствии с ожиданиями сенешаля и викариев об участи понтифика. Он увлечет тебя в тайные схватки, в бездны насилия и крови...

— А если в последний момент викариат откажется от моей кандидатуры? — спросил Фрасист Богх, одеваясь. — Если один из моих конкурентов сумеет убедить викариев подделать результаты голосования в свою пользу?

— Не бойся, мой дорогой Фрасист! У оскопленных нет мошонки, но мысли в их головах последовательны. У нас осталось всего несколько секунд. Прощай, и пусть Крейц поможет тебе преуспеть там, где потерпели неудачу мы. Никаких колебаний, когда подаришь нам последний поцелуй: еще никогда жертва не была более послушной и счастливой, умирая от рук назначенного ею убийцы. Удачная смерть, быть может, исправит недостатки испорченной жизни...

Муффий закрыл глаза и откинул голову назад, словно открывая шею своему палачу. Обескураженный Фрасист Богх машинально щелкнул застежкой рясы. Светошары заливали комнату белым светом. Он спросил себя: а не снится ли ему все это, не проснется ли он внезапно в своих апартаментах в епископском дворце?

Программа включилась в нужный момент. Короткие приказы полились в мозг Фрасиста Богха. Нацеленный на результат, он вдруг превратился в безжалостную машину-убийцу.

Он склонился над незнакомым стариком, одетым в белое, которого требовал устранить безликий внутренний голос. Большим и указательным пальцами он сдавил сонную артерию. Он ощутил подушечкам пальцев биение крови, потом уже обеими руками охватил шею и перекрыл доступ кислорода.

Старик не сопротивлялся, словно давно приготовился к смерти, но его костлявое тело сотрясли мощные спазмы, руки и ноги яростно колотили по воздуху. Жизнь, казалось, на-

столько глубоко въелась в это тщедушное тело, что покидала его с огромным трудом. Из приоткрытого рта вырвался предсмертный хрип.

Он сжимал руки все сильнее, пока старик не опустился на банкетку, как тряпка, а потом скатился на паркет. Проверив, что сердце жертвы остановилось, он разжал хватку. Его могучие пальцы, когти хищника, оставили на шее жертвы синие следы. Он поднял труп и уложил на банкетку. Осторожно закрыл глаза мертвого понтифика, уже подернутые ужасной фиолетовой вуалью. Потом спокойно направился к двери.

В середине второй ночи в коридорах епископского дворца в Венисии поднялась необычная суматоха. В комнату генерального секретаря, не постучав, вошел привратник и скорбным голосом, в котором слышались рыдания, объявил о смерти муффия Барофиля Двадцать Четвертого.

Эта новость не особенно удивила Фрасиста Богха. Разве викарии не сообщили ему на исходе последней тайной встречи, что тиран Церкви умрет сегодня ночью? Зря он сомневался в их эффективности: они нашли способ выполнить свой проект.

— Великое несчастье, — сказал он послушнику. — Сейчас оденусь и присоединюсь к вам в дворике башни муффиев.

Он встал, натянул рясу на ночной облеган. И вдруг осознал, что последним воспоминанием о вчерашних событиях было то, как он покидал Склеп Оскопленных в сопровождении одного викария и своих шести мыслехранителей. Затем начинался черный провал. Он пожал плечами: новые функции оказались такой нагрузкой для его тела и души, что он уже давно испытывал усталость, а потому, вероятно, стал жертвой временного недомогания и лег спать, не отдавая отчета в своих действиях.

В сопровождении мыслехранителей он появился во дворике башни муффиев, где столпилось большинство обитателей епископского дворца.

— Ваше преосвященство! Господин генеральный секретарь! Муффий скончался! — воскликнули, увидев его, возбужденные послушники.

Тут же находились и многие кардиналы, и под завесой их ментального контроля угадывалось, с какой яростью они поведут войну за наследство, начатую задолго до официального объявления о кончине Барофиля Двадцать Четвертого. Лучи подвижных прожекторов освещали клумбы и бортик бассейна, в котором отключили воду из уважения к покойному муффию.

Кто-то толкнул генерального секретаря в бок локтем. Фрасист Богх повернулся. На темном лице викария Жавео Мутева, его бывшего личного секретаря на Ут-Гене, сияла улыбка.

— Ваше преосвященство, для меня великое удовольствие и великая честь встретить вас! — заявил брат Жавео, низко кланяясь.

— Мне тоже приятно, брат Жавео, — ответил кардинал Богх. — Но мы собрались в крайне печальных обстоятельствах...

И тут же ощутил невероятный зуд в области солнечного сплетения. Ему показалось, что какое-то насекомое или какой-то паразит пробрался под кожу и пожирал его плоть. Еще более удивительным было то, что паразит, похоже, шептал едва слышные слова, а это уже было прямой угрозой психическому здоровью кардинала. Он подумал, что ему необходимо срочно отдохнуть.

Священный реквием, подхваченный хором послушников, взметнулся в полумраке второй сиракузской ночи.

Глава 21

Теперь мы приступим к разделу, касающемуся космин, небесных странниц, часть которых перевезла многих учеников Шари из Гималаев на Мать-Землю. Прошу вас, немного тишины, у вас будет время опровергнуть мою версию, основанную на фактах, когда я закончу доклад... Конечно, вы скажете, что существование этих легендарных животных никогда не было доказано. Тем более что избранный народ Жер-Залема, построивший всю свою веру на прилете космин, был уничтожен при трагических обстоятельствах, о которых вы все знаете. Я отыскал Новую Библию Жер-Залема и изучил многие сураты Книги Космин, благодаря которым смог сделать определенные выводы, если не научные, то все же значимые. Есть, к примеру, обескураживающее сходство между описанием небесных странниц, имеющимся в Новой Библии, и рисунками, найденными в пещерах планет, которые они могли избирать — подчеркиваю, могли — очередным этапом посещения. Я также располагаю голосвидетельством одного старого охотника с Франзии, который утверждает, что некоторые ученые организовывали охотничьи экспедиции с целью отлова и препарирования представителей этого вида животных, являющихся из глубин космоса... Пожалуйста, дайте мне закончить! Если вы будете кричать, когда я от-

крываю рот, мы пробудем здесь еще целую неделю, а конгресс, как известно, завершается через два дня. Другие свидетельства заставляют думать, что космины сели на ледяной спутник Франзии в конце 16 года. Там находились будущие ученики махди Шари из Гималаев, часть которых, стоит ли вам освежать память, была жерзалемянами. Тем, кто возразит, что ни один чужак, ни один гок не допускался на землю Жер-Залема, я отвечу, что ни один иррациональный ум не допущен на этот конгресс, а их здесь такое же множество, как мух на падали! Пожалуйста... Согласно суратам Книги Космин, в чреве небесной странницы можно было жить. Новая Библия говорит, что они снабжали водой и воздухом своего пассажира в течение сорока дней. На самом деле я считаю, что их метаболизм приспосабливался к нуждам паразита, которого они перевозили, как некоторые земные животные дают приют и пищу личинкам паразитов, развивающихся в подкожных слоях...

Однако, несмотря на добрую волю своих космических перевозчиков, не все ученики добрались до Матери-Земли живыми...

Публичная и скандальная лекция Анатула
Хижьяка, неоропского историка и эрудита,
автора оспариваемой биографии Шри Лумпа

Легкие Жека требуют воздуха. Его пальцы лихорадочно терзают стенки и потолок убежища, пористые карманы которых разрываются, освобождая запасы воды и кислорода. Чья-то мягкая и горячая плоть навалилась ему на лицо и шею, полностью перекрыв ноздри и рот.

— Я — служительница того, кто жив, — шепчет космина.

Это что-то шевелится. Существо на ощупь похоже на улитку, но оно более горячее, словно только что побывало в костре. И блестит. Хотя глаза Жека закрыты, свет проникает под веки, раздражая сетчатку. Мальчугану кажется, что он очутился внутри солнца.

— Ибо моя мать, хранительница врат, зачала меня для того, чтобы сеять жизнь...

У животного есть также лапки — твердые, острые наросты с когтями, которые впиваются в кожу Жека.

— И если таково желание огненной гусеницы, она начнет пожирать меня, а я сделаю для нее кокон, она начнет преображаться, я высажу ее и она улетит к далекой звезде...

Огненная гусеница...

Значит, их было две в одном чреве во время предыдущего путешествия. Жек вспоминает, что кокон, валявший-

ся рядом со странницей на льду цирка Плача, был значительно меньшим по размеру, чем остальные. Он вдруг понимает, что затаившаяся гусеница собирается убить его. Он мешает ей начать метаморфоз... И быть может, она сожрет его.

— Если таково желание человека, я дам ему кислород до конца этапа, высажу его и он увидит друзей, ради которых предпринял столь долгое путешествие...

Паника разом покидает мальчугана. Он успокаивается. Его оружие — проницательность и решимость. Хотя мозг получает меньше кислорода, ему удается собрать воедино рассеянные мысли. Его руки хватают гусеницу, пытаясь сдвинуть ее резким движением. Но она крепко присосалась к нему. Ее внешняя оболочка приклеилась к нему, а многочисленные когти впиваются в кожу.

Истекая пóтом, задыхаясь, он выгибается. Делает новую попытку... В венах кипит кровь, тупые лезвия бьют по черепу, грудной клетке, животу. Гусеница не сдвигается ни на миллиметр, даже плотнее прижимается к нему. Каждое движение Жека требует невероятной энергии. Он вдруг осознает свою слабость: он всего лишь ребенок восьми или девяти лет, хилое, бессильное существо... В мозгу начинает звучать голос видука Папиронды: *Вселенная полна опасностей для ребенка восьми-девяти лет... Я предлагаю тебе другое будущее, быть может, не столь славное, но конкретное и во многом завидное... Оставайся со мной...* О боже, почему он не послушался видука? Почему не послушался па и ма Ат-Скин? Взрослые почти всегда правы, но он решил поступить по-своему... Ут-Ген, Анжор, Террариум... Все это так далеко... Тысячи клювов терзают его... Вороны-мутанты ядерной пустыни... Что они делают в чреве космины?

Вспышка сознания придает Жеку новые силы. Он понимает, что его рвут на части не клювы воронов-мутантов, а его поры сжимаются, словно загоняя последние молекулы кислорода прямо в кровь.

По кольцам огненной гусеницы пробегает дрожь, ее внешняя оболочка едва заметно скользит по губам мальчугана. У него не осталось сил, чтобы пошевелиться. Гусеница уже уверена, что победила. Через несколько секунд метаболизм жертвы достигнет нулевого уровня, и она сожрет его целиком, органы, мышцы и кости, а потом примется за стенки космины, чтобы получить свой кокон. Она дрожит от радости.

Эта противная гусеница сожрет его, Жека... Съест... Упрямая мысль пробивается в сознание: *Воспользуйся*

ртом... Съешь ее до того, как она съест тебя... Вначале он отталкивает эту идею, вызывающую в нем подсознательное отвращение. Тело его превратилось в безводную пустыню, где не слышно ни малейшего дуновения воздуха. Инстинкт выживания заставляет его машинально открыть рот. Мягкая и горячая плоть гусеницы заполняет рот, он ощущает вкус пепла и раскаленных камней. Он сжимает челюсти, вначале робко, потом все сильнее и сильнее.

Толстая и эластичная кожа гусеницы с треском лопается, высвобождая поток вязкой горькой жидкости. Гусеницу от головы до хвоста сотрясают конвульсии.

— Они прибывают сегодня! — воскликнула Йелль, врываясь в дом.

Держа в руке посох отца, одетая в короткое прямое платьице, она возвращалась из очередной ежедневной прогулки по горам. У нее полные щеки и громадные серо-синие глаза. Золотые волосы обрамляли румяное лицо, стекая на обнаженные плечи и шею. Ежедневно она не менее часа проводила в медитациях у куста с пламенеющими цветами, изредка говорила об исчезающих звездах, об отце, ушедшем сражаться с блуфом, о своем старшем брате Шари, который вскоре должен вернуться, но печаль, похоже, окончательно покинула ее. Она вновь превратилась в маленькую шаловливую и веселую девчонку.

— Кто? — спросила Афикит.

Она поднялась с плетеного кресла, стоявшего у камина. Она на время прекратила свои погружения в безмолвие, свои внутренние исследования антры, решив полностью посвятить себя дочери, чья красота и жизнерадостность были лучшей наградой за самоотверженность. Она занималась также садом и огородом, чтобы получать овощи, фрукты и зерновые, в которых они нуждались. Большую часть она засушила на зиму. Десятки обезвоживающих кессонов, сделанных паломниками, стояли на замощенном дворе дома, распространяя сладкие запахи. Иногда, сидя перед кустом безумца, Афикит разрешала себе дрейфовать по морю тоски, течения которого всегда увлекали ее к Тиксу. Он ушел сорок дней назад. Сорок дней, равных сорока векам...

— Новые паломники! — ответила Йелль.

— Кто тебе сказал?

— Камни, земля, ветер... Они сообщили мне о прилете великих странниц космоса. Они уже садились на Мать-

Землю пять миллионов лет назад... И уже перевозили людей... Ну, не совсем... Людей-богов...

— Странницы космоса?

— Их работа — сеять жизнь там, где ее еще нет... Пошли, мама. Нам надо немедленно отправляться в путь, если хотим прийти вовремя!

По тону Йелли Афикит поняла, что слова дочери были не детской выдумкой, а реальностью, которую ее девочка уловила в окружающей среде, как уловила блуф, смерть звезд, сжатие вселенной.

— Где они должны приземлиться?

— В большом потухшем вулкане... В десяти километрах отсюда...

— Если хочешь, Йелль, можешь остаться здесь: я перенесусь туда с помощью мысли.

Йелль лукаво глянула на мать.

— Я тоже умею путешествовать с помощью мысли...

Афикит улыбнулась и ласково потрепала дочь по волосам.

— Как ты научилась?

— Я не училась, я всегда умела. Но жаль не воспользоваться случаем и не насладиться солнцем, небом, деревьями... К тому же можно искупаться в реке...

Слова Йелли всегда были справедливыми...

— Ты права... С возрастом становишься ленивее!

Они двинулись в путь, когда солнце стояло в зените. Над Гималаями нависла удушающая жара. Рощи, кустарники и сорняки потрескивали, шуршали, в них посвистывали, ворковали птицы.

Афикит вдруг охватило неприятное предчувствие. Ей показалось, что в симфонии флоры и фауны прозвучала глухая, угрожающая мелодия. Йелль носилась за разноцветными бабочками, громко смеялась, скатывалась со склонов скал и холмов с грацией, легкостью и уверенностью горной газели.

Позаботься о нашем маленьком чуде... Афикит слышала голос любимого в шорохе листвы, в посвистывании ветра, в стрекотании насекомых. Сердце ее сжалось, а из глаз потекли слезы. Она отвернулась, чтобы укрыть лицо от вопрошающего взгляда Йелли.

— Не надо прятаться, мама! — крикнула девочка. — Я знаю, что ты страдаешь... Мне тоже не хватает папы...

Они пересекли светлую сосновую рощу. Солнечные лучи рисовали светлые круги на темной зелени мха. Йелль подошла к матери, обняла руками за талию, прижалась лбом к ее животу, как в момент расставания с отцом. Они застыли на

несколько минут. Афикит успокоилась и позволила себе выплакаться.

Они разделись на пляже речки, где обычно купалась Йелль, нырнули в сверкающие холодные воды. Потом улеглись на свежей, пахучей траве, отдавшись жаркой ласке солнца, съели фрукты, которыми запаслись заранее.

Наслаждаясь мирным отдыхом, Афикит не могла отделаться от мрачного предчувствия. Интуиция подсказывала ей, что эти мирные, светлые часы, напоминавшие безмятежные часы острова злыдней на Селп Дике, подходили к концу.

Йелль ополоснула рот и руки в речке, чмокнула мать в щеку, оделась и подобрала посох.

— Пошли, мама. Они скоро прибудут...

Держась за руки, они двинулись по извилистой тропке, ведущей к большому вулкану.

Огненная гусеница медленно теряет драгоценную жидкость через отверстие, проделанное в ее брюхе. Она была исключительно бдительна, долгое время наблюдала за вторым паразитом, но не проявила должной осторожности и слишком поздно заметила, что отверстие с подвижными краями, откуда исходят звуки, снабжено острыми резцами. Она яростно бьется, пытаясь не освобождать три отверстия, через которые поступает газ. Ей надо обязательно закрыть разрыв, или она истечет слизью и достигнет нулевого уровня метаболизма. Это срочная задача. Паразитом-противником можно будет заняться после того, как она закроет разрыв кольцами. Она собирается, как пружина, убирает когти, на несколько миллиметров отстраняется от гладкой, шелковистой кожи. Ее нервные окончания ощущают тончайшие потоки воздуха, которые проникают в освободившиеся отверстия жертвы.

Жек приходит в себя. Ему нужно несколько минут, чтобы оценить ситуацию, позволить воспоминаниям вернуться на поверхность сознания. Сжатые челюсти болят. Он глотает тошнотворную жидкость, стекающую по уголкам губ на подбородок. Яркий свет ударяет по глазам. Тело огненной гусеницы сотрясают конвульсии. Она пытается вырваться из хватки зубов.

Внешняя оболочка космической личинки не выдерживает. Ее резкие движения с силой отбрасывают ее на стенку ниши. И тут же из крохотных углублений вырываются беловатые, клейкие волокна.

Жек выплевывает кусок кожи и остатки жидкости со вкусом желчи и пепла. По лицу и шее бегут мурашки. Он

делает глубокий вдох, и его мозг, сразу насытившийся кислородом, погружается в эйфорию. Волокна продолжают окутывать содрогающуюся гусеницу, чье тело бросает яркие вспышки, освещая внутренность чрева. Жек впервые видит внутренность своего космического корабля, плотный коричневый подрагивающий ковер, светлые нити, свешивающиеся с потолка, как оголенные электрические провода, пористые мешки на стенках, сжатые темные края отверстия, вероятно, ведущего к проходу.

— Я — твоя служительница, твой корабль, — сказала космина. — Вскоре мы достигнем цели путешествия, и мне предстоит выбор. Я не могу сеять в одном мире две противоборствующие друг другу жизни, две жизни, которые сражаются между собой...

Жек машинально ищет точку, откуда доносится голос небесной странницы, хотя это не голос, а музыкальный поток, ноты которого являются словами, а гармоники — фразами. Они доносятся ниоткуда и отовсюду, именно поэтому он слышен внутри Жека.

Кокон полностью накрыл гусеницу, которая уже перестала биться. Чрево вновь погружается в плотную тьму.

— Только одну жизнь... — повторяет космина.

Покрытые потом и пылью, Афикит и Йелль добрались до большого вулкана в разгар дня. Заметив лестницу, вырубленную в скалах, и широкий проход, Афикит тут же вспомнила о черном пике, торчавшем посреди безводного плато, и историю, которую поведал ей Шари о народе америндов.

Уничтожив его, скаиты и наемники-притивы облучили вулкан, где располагался город Исход. Именно поэтому здесь не было никакой растительности, ибо гора была выжжена дотла, а вокруг царила тоскливая тишина.

Они взобрались по каменной лестнице, ведущей к кратеру. Уставшая Йелль несколько раз просила остановиться на отдых. Платья и волосы приклеились к коже. Несколько орлов плавали в сверкающей лазури неба, изредка издавая хриплые крики. Девочка пожалела, что не захватила фляжку с водой.

Наконец они добрались до широкой площадки перед проходом. Они прошли под нависшими скалами и увидели панораму кратера. В нескольких сотнях метров под ними находился пустырь диаметром два километра и холм в центре. Над кратером висела могильная тишина. Солнце врывалось через верхнее отверстие, освещая гладкие стены с черными прова-

лами глазниц и кольцевые аллеи, соединенные спиральными лестницами.

— Ты уверена, что они сядут здесь? — спросила Афикит, чей мелодичный голос с трудом взломал тишину.

— Не все, — ответила девочка, тяжело дыша. — Их слишком много. Только те, кто переносит паломников... Похоже, блуф пожрал всю жизнь внутри этого вулкана...

— Наверное. Шари когда-то жил здесь. В городе, который назывался Исход.

Йелль сосредоточилась, широко открыла глаза, прислушалась, словно пытаясь уловить образы, звуки, мысли, воспоминания старшего брата, которого еще ни разу не видела.

— Будь осторожнее при спуске, — предупредила ее Афикит. — Внутренняя лестница выглядит более крутой...

Она была не только более крутой. В ней не хватало каждой второй ступени, и им пришлось удвоить внимание, чтобы не потерять равновесие и не свалиться в провал. Двигаясь мимо поперечных галерей, они поняли, что пустые глазницы были входами в жилые пещеры.

— Это и был город Шари? — спросила Йелль с легким разочарованием в голосе.

— Шари говорил, что пещеры служили временным убежищем. А сам город располагался на холме в центре кратера.

— Там ничего не осталось!

— Скаиты и наемники-притивы дотла выжгли Исход.

— Почему?

— Они прибыли за недостающим элементом для развития излучения смерти — за звуком. Жрецы америндов, амфаны, обладали зачатками индисской науки, но пользовались ими лишь для казни мужчин и женщин, уличенных в адюльтере. Получив то, за чем явились, скаиты уничтожили америндов, чтобы не оставлять следов своего пребывания...

— Что такое адюльтер?

— Мужчины и женщины, которые любят других, а не своих мужчин и женщин...

— Я люблю только одного мужчину!

Афикит расхохоталась. Она остановилась, оперлась о перила лестницы и поглядела на Йелли, которая преодолевала ступени с помощью посоха.

— Какого мужчину?

— Того, кого жду. Паломника.

Афикит вгляделась в лицо дочери, но не увидела на нем ни следа хвастовства или насмешки. В ее словах не было и намека на легкомыслие.

— Ты слишком юна, чтобы выбирать того, кто...

— Я намного старше, чем ты думаешь, мама! — прервала ее Йелль. — Я намного старше тебя!

Внизу ощущение заброшенности было более томительным, буквально осязаемым. Тишину не нарушал ни малейший шорох. Кратер, похоже, замкнулся в себе, сжался от боли, укрыв свою тайну. Он походил на огромную гробницу, на мавзолей, воздвигнутый в память о народе америндов.

Они пересекли широкую кольцевую аллею и вышли на дорожку, ведущую к холму. На черной земле угадывались следы улиц, площадей, домов... Скалистый нарост перегораживал большую часть кратера.

— Жерло, — разъяснила Афикит. — Разлом в коре, через который изливалась магма. Он уже давно закрылся...

— Мне бы не понравилось жить внутри вулкана! — воскликнула Йелль. — Я бы постоянно боялась, что задохнусь.

Они уселись на круглые камни, которые усеивали холм, и доели последние фрукты.

— Этот мужчина... ты хоть знаешь, как он выглядит?

Йелль выплюнула косточку и пожала плечами.

— Я его никогда не видела. Даже не уверена, что он еще жив. Но даже если он умер, я не изменю своего решения!

Решимость Йелли обескуражила Афикит, и мать замолчала. Ей было пора привыкнуть к тому, что ее дочь рассуждала не так, как другие.

Первые признаки прилета космин появились ближе к вечеру. Вначале они услышали странные, мелодичные звуки, доносившиеся неизвестно откуда. Иногда им казалось, что они возникали в космосе, а иногда рождались в глубинах земли. Временами они походили на крики животных, временами на шум водопада, временами становились долгими, низкими или высокими нотами, но все они выражали томительную печаль, от которой на глаза наворачивались слезы.

И когда звуки стали почти оглушительными, с небес упали колонны света, бросая на гладкие стены кратера синие и зеленые отблески. Стоило подножиям колонн коснуться земли, как раздался вопль и темная туча заслонила солнце и накрыла вулкан.

— Вот они! Вот они! — воскликнула Йелль.

Она вскочила на ноги и бросилась вперед, словно разбегалась для взлета вместе с огромными небесными странницами. Золотое пламя ее волос билось по обнаженным плечам.

Яркие световые колонны ослепили Афикит. Она прикрыла глаза ладонью и подняла голову, наблюдая за гигантскими темными массами, которые спускались к вулкану. Она различила их перепончатые крылья невероятного размаха и яркие вспышки на веретенообразном теле. Впадина вулкана наполнилась шумом крыльев тысяч птиц, из которых состояла туча.

Но только четыре из них опустились внутри световых колонн. Каждая из них весила несколько десятков тонн, но они казались легкими, как перышки. Одна за другой они сели на землю метрах в ста от Афикит и Йелль. Кристаллы в их красноватых панцирях потухли. Они сложили крылья и тяжело и неловко выползли из световых кругов. Остальные космины продолжали планировать на километровой высоте, издавая пронзительные крики, а четверка на земле застыла в полной неподвижности, словно истощив последние силы в отчаянном порыве. Две космины были невероятно огромны, от двадцати до тридцати метров в длину, а две — помельче, от пяти до десяти метров. По панцирю, испещренному черными пятнами, пробегали языки пламени.

Йелль приблизилась к одной из них и рассмотрела то, что можно было назвать головой, но не увидела ни единого признака животных, которые были ей известны. Ни глаз, ни рта, ни ушей. Каким образом они ориентировались в пространстве? Как они ощущали, как питались?

Космины начали разворачиваться, чтобы лечь на бок, открывая светло-коричневое брюхо, гладкое и чистое.

Йелль обогнула космину и различила у хвоста отверстие, коричневые края которого начали расходиться. По светлому брюху прокатились мощные конвульсии, похожие на те, которые сотрясали рожавших газелей. Из отверстия показалась человеческая голова, потом плечи, руки, тело, ноги. Это была женщина с невероятно длинными черными и гладкими волосами, медной кожей, полной грудью и широкими бедрами. Ее укутывала плотная, блестящая жидкость, которая испарялась, напоминая Йелли вещество, которым были покрыты новорожденные газели. Женщина с трудом шевелила ногами и руками.

Йелль бросилась к самой крупной страннице. И обнаружила рядом с ней мужчину с черными гладкими волосами, той же расы, что и женщина. Под его гладкой кожей ощуща-

лись могучие мускулы. Он повернул голову в ее сторону и в замешательстве посмотрел на нее.

Около третьей странницы она обнаружила седоволосого старика, от которого остались лишь кожа да кости. Дыхание его было сиплым и отрывистым, он извивался, как земляной червь. По его отчаянным движениям она поняла, что он не владеет конечностями и что ему осталось жить совсем недолго.

Она направилась к четвертой страннице с невероятно черным панцирем. Но эта космина исторгла из себя не человеческое существо, а длинный белый кокон.

Йелль отчаянно вскрикнула, и из ее глаз полились слезы.

— Что с тобой, Йелль?

Афикит подошла к дочери и положила руки ей на плечи.

— Его там нет...

— Кого?

— Мальчика, которого я жду...

Так вот в чем дело, подумала Афикит, *ты ждала не мужчину, а ребенка...*

Мужчина и женщина встали, покачиваясь, подошли друг к другу и обнялись. Афикит ощущала одновременно и радость от прибытия новых людей, с которыми можно было говорить, и печаль от переживаний Йелль.

Четыре небесные странницы перекатились на брюхо с той же медлительностью, как и несколькими мгновениями раньше.

— Принц гиен! — вдруг вскричал мужчина из-за плеча женщины.

Йелль зажмурилась и опустилась на колени перед косминой, словно перед кустом с огненными цветами. Остальные странницы, парившие в воздухе, издавали пронзительные крики и судорожно били крыльями.

— Принц гиен! — повторил мужчина.

Он отпустил женщину и приблизился к Афикит. Высокий и худощавый, он выглядел настоящим сеньором. Но был настолько обеспокоен, что не обращал внимания на то, что стоял совершенно обнаженным перед незнакомой женщиной. Впрочем, он и не смотрел на нее как на женщину, она представлялась ему богиней или ангелом.

— Вы не видели мальчугана лет восьми или девяти? — спросил он неуверенным голосом.

— Только трех взрослых и предмет, похожий на хризалиду, — ответила Афикит.

Он бросил отчаянный взгляд на кокон.

— Значит, была вторая огненная гусеница внутри космины, — пробормотал он. — Одна из сурат Новой Библии говорит: «Будь осторожна, о душа, которая собирается достичь светоносного Жер-Залема, не проникай в чрево космины, которая несет две огненные хризалиды, ибо яростна та гусеница, которой ее сестра помешала пройти метаморфоз...»

Четыре небесные странницы уже приняли исходное положение. Из глаз безмолвной и окаменевшей Йелль катились слезы, единственный признак жизни. Очертания световых колонн постепенно размывались, растворяясь во мраке, падавшем на кратер.

— Поганая гусеница! — завопил мужчина.

Он схватил плоский камень и с невероятной яростью разбил оболочку кокона. Но внутри оказалась лишь горстка серого вещества, похожего на холодную золу.

— Пусть твоя голова и твое сердце исполнятся терпением, Сан-Франциско, — произнесла женщина. — Быть может, космина высадила Жека в другом месте... Ведь нет и космины Марти...

Мужчина выпрямился и тряхнул головой. В его черных прищуренных глазах светилось отчаяние.

Три странницы забили крыльями и оторвались от земли с грацией и легкостью бабочек. Несмотря на невероятную массу, они справлялись с гравитацией с удивительной легкостью. Их кристаллы засверкали; стоило им подняться на высоту нескольких десятков метров.

Четвертая, самая черная космина, продолжала сидеть на земле. Она вновь улеглась на бок, открыла светлое брюхо. Края отверстия разошлись, и после мощных конвульсий ее чрево исторгло мальчугана. Он двигался, дышал и, похоже, был в добром здравии, хотя в его волосах застыли белые нити, а на лице, плечах, шее виднелось множество царапин и красных пятен. Мальчик был очень худ.

Йелль открыла глаза.

Он был здесь, перед ней, мужчина, которого она выбрала себе и обещала любить всю жизнь. Хотя он был тощ, грязен, изранен, а лицо было красным, словно его окатили кипятком, она нашла его красивым. И мальчуган ощутил ее красоту, ибо не спускал с нее глаз.

Жек вдруг сообразил, что стоит совершенно голым, и тут же прикрыл низ живота. Он думал, что попал в рай крейциан, где живут ангелы с золотыми волосами, невероятно прекрасные и нежные, но даже в раю сохранял рефлексы стыдливости, свойственные мальчугану восьми или девяти лет.

Сан-Франциско подхватил его под мышки, поднял и прижал к груди.

— Добро пожаловать в светоносный Жер-Залем, принц гиен! Ты достиг цели своих долгих скитаний!

Перед тем как познакомиться с большим и маленьким золотоволосыми ангелами, они занялись Робином, вернее, скрасили последние мгновения его жизни. Старый сиракузянин прежде всего хотел поговорить со своим сыном Марти.

— Его странница села скорее всего в стороне от вулкана, — предположил Сан-Франциско, склонившись над умирающим.

— А может, он и погиб... — с трудом выговорил Робин. — Наверное, так будет лучше... Я любил его как отец, но понял, что... что за чудовище он был... Он принес бы вам сплошные неприятности...

Движением головы он подозвал Афикит. Молодая женщина присела рядом с ним и осторожно приподняла голову старика, поддерживая за затылок.

— Мы на... Матери-Земле, а вы — Афикит Алексу, не так ли?

Она опустила веки в знак согласия.

— Я — Робин де Фарт из Венисии... Мне очень жаль, что я предстал перед вами... при полном отсутствии одежды... Я был другом вашего отца, Шри Алексу...

Голос его превратился в тончайший звуковой ручеек, могущий иссякнуть в любое мгновение. Его светлые глаза уже застилала пелена смерти.

— Мне было так хорошо в чреве космины, что я хотел бы там и уйти с миром... Но мне надо было встретиться с вами до того, как...

Его тело сотрясла мощная судорога, голова упала назад, и он навсегда затих.

Сан-Франциско взвалил труп Робина на плечи и вынес из кратера. Он похоронил его под камнями на лужайке леса, росшего на плато. Жек горько оплакивал своего старого друга-сиракузянина.

Потом Афикит и Йелль повели путешественников в деревню. Пока они шли, Жек не убирал рук от низа живота.

— Будь как дома! — бросила ему Йелль. — Я знаю, как устроены мальчики! Твой друг Сан-Франциско умнее тебя, а ведь он взрослый!

Йелль внушала Жеку страх. Она была ниже и, наверное, моложе, но ее огромные серо-синие глаза походили

на глубокие озера, в которые он не решался нырнуть. В сравнении с ней Найа Фикит, ее мать, легендарная богиня, необычайная женщина, о которой Артак говорил с горящими глазами, выглядела более человечной, более приветливой.

Истощенный борьбой с огненной гусеницей, он заснул в чреве космины. Шепот, скрытный призыв, сновидение пробудили его. Он увидел, как сужается отверстие прохода. Луч голубого света тускнел, сдавался перед мраком. Огненная гусеница исчезла, и он понял, что космина вытолкнула ее из чрева. *Только одна жизнь за один раз*, говорила космина. Охваченный паникой и ужасом, Жек закричал, начал колотить ногами и руками по окружающей плоти, по беловатым волокнам, по опустевшим карманам с кислородом. Отверстие вновь открылось, и космина вытолкнула его из себя головой вперед.

— Рассуждения Робина оказались справедливыми. Мы считали, что отправляемся на светоносный Жер-Залем, а прилетели на Мать-Землю, на Землю истоков, — сказал Сан-Франциско. — Но наши сердца и головы радуются встрече с вами, Найа Фикит. Принц гиен ищет вас давно — с момента ухода из Северного Террариума Анжора. Да будет судьба благосклонна к нему: могущество его мысли привело нас к вам.

— Он искал не маму, а меня! — бесцеремонно вмешалась в разговор Йелль.

Глянув на ошарашенного Жека, не отнимавшего рук от низа живота, все расхохотались.

На следующий день, после хорошего ночного отдыха и плотного завтрака — Жек был недоволен, что Йелль настояла на том, чтобы он спал в одной комнате с ней, — девочка, вооружившись посохом отца, пригласила его искупаться в реке.

— От тебя дурно пахнет! Если хочешь спать вместе со мной, надо, чтобы ты мылся...

— Подожди, — возмутился мальчуган. — Вначале я хочу кое-что спросить у Найи Фикит.

— Можешь спросить у меня, я знаю столько же, сколько и мать. Быть может, даже больше...

Но Жек был непреклонен. Он предпринял долгое путешествие ради Найи Фикит, а не ради маленькой чумы по имени Йелль. Он вышел в сад, приблизился к Найе Фикит, которая раскладывала овощи и фрукты по обезвоживающим емкостям, и робко спросил ее, каким образом можно было путешествовать с помощью мысли.

— Вскоре я научу этому вас троих, — ответила она, широко улыбнувшись.

Она окинула его взглядом своих чудесных сине-зелено-золотых глаз, и он покраснел, хотя был в рубашке Шри Лумпа, доходившей ему до колен.

— Почему ты отправился на наши поиски, Жек?

— Чтобы стать воителем безмолвия.

— Кто сказал тебе о воителях безмолвия?

— Артак, старый карантинец из анжорского гетто.

— А твои родители?

— Па и ма... хотели отправить меня в школу священной пропаганды, но я не собирался становиться крейцианским миссионером... А Шри Лумпа? Куда он отправился?

Лицо Найи Фикит помрачнело, и он увидел искорки боли, плясавшие в ее глазах. Он был поражен: он никогда не думал, что легендарная богиня может испытывать печаль, отчаяние. Он считал, что подобные чувства свойственны только простым смертным вроде него.

— Он отправился сражаться с врагом людей, — печально прошептала она. — Надеюсь, однажды он вернется...

Йелль сбросила платье и нырнула в прозрачную воду. Жек остался стоять на берегу.

— Ну, чего ждешь? Не станешь же купаться в рубашке?

Видя, что он не решается сдвинуться с места, она попыталась найти убедительные слова и нашла их в виде воспоминания, которое ушло из ее памяти.

— Иди, я кое-что тебе покажу!

— Что?

— Сначала иди сюда!

Жек снял рубашку Шри Лумпа и, не давая времени Йелли окинуть его ироничным взглядом, быстро скользнул в реку, вскрикнув от укуса ледяной воды.

— Ну и что это? — спросил он, стуча зубами от холода.

Она не ответила, переплыла реку, чье мощное течение снесло ее метров на пятьдесят, потом вскарабкалась на берег, цепляясь за ветви ивы. Она была маленькой чумой, но очень красивой и волновала Жека. Ее длинные волосы скатывались по плечам, а на ее золотистой коже бриллиантами сверкали капельки воды. Она бросилась к кустарнику, где нашла металлическую коробку, но на месте коробки увидела только углубление в сырой земле и червей, копошившихся между мертвых листьев.

Она выпрямилась и быстро огляделась вокруг.

— Кто-то взял ее... — выдохнула она.

— Что именно? — спросил Жек, в свою очередь вылезая на берег.

— Серую коробку... Я забыла о ней... Коробка зла, коробка блуфа...

— Блуф?

— Зло, которое пожирает звезды...

Жек не очень понимал, о чем говорила девочка, но в ее огромных глазах была такая неподдельная тревога, что он испугался и по его мокрой коже пробежали судороги. Внезапно журчание воды, обтекавшей скалы, тихий шорох листьев и дуновение ветерка в траве показались ему угрожающими, враждебными. Даже небо подернулось серой пеленой.

— Надо немедленно возвращаться в деревню! Чтобы предупредить маму!

Они перебрались через поток, быстро натянули одежды, подобрали посохи и бегом припустили в сторону деревни.

Часом позже, едва дыша, в поту, они ворвались на главную улицу, залитую солнцем и заросшую сорняками. Мрачная тишина саваном опустилась на разрушенные дома, на поперечные аллеи, на заброшенные сады, на центральную площадь с кустом безумца.

— Надо, чтобы ты мне однажды объяснила, почему цветы этого кустарника... — начал Жек.

Йелль велела ему замолчать, положив ладонь на рот. Еще не дойдя до дома, она уже была уверена, что произошло несчастье. Она разозлилась на себя, что забыла сказать об этой проклятой коробке матери.

Они проникли во внутренний дворик через приоткрытые деревянные ворота.

Тело Сан-Франциско в комбинезоне Тиксу лежало среди фруктов и овощей. Издали казалось, что он погружен в глубокий сон, но когда они подошли ближе, то увидели темное пятно в центре лба, словно он получил сильный удар по голове. Его медная кожа позеленела. Он не дышал. Жек окаменел. При виде неподвижного тела своего друга он ощутил возмущение и пустоту в душе. Какое безжалостное чудовище так яростно расправилось с самым справедливым и самым щедрым из людей, с князем, который бросил вызов видуку Папиронде и фанатичным жрецам своего народа, чтобы защитить маленького гока по имени Ат-Скин?

Несколькими метрами дальше они обнаружили тело Феникс, лежавшей на сорной траве аллеи. Как и у Сан-Франциско, у нее на лбу темнело пятно.

— Мама! — простонала Йелль.

Она бросилась к открытой двери дома, но возникший из полутьмы человек, которого Жек немедленно узнал, преградил ей путь.

Обнаженный, исцарапанный Марти де Кервалор, чье лицо искажала гримаса, направил ствол металлического оружия на девочку.

— Марти! Нет! — завопил мальчуган.

Круглое дуло выплюнуло зеленый луч, который ударил в лицо девочке. Сильный удар поднял ее в воздух, и она рухнула на каменные плиты, окружавшие постройку. Жек хотел броситься к ней, но металлический голос Марти приковал его к месту:

— Не двигайся, Жек Ат-Скин!

Мальчуган поднял на молодого сиракузянина лицо, залитое слезами.

— Почему ты ее убил? Почему ты убил Сан-Франциско, Феникс... Найю Фикит?

Его голос прервался рыданиями. Платье Йелли задралось в падении, обнажив ее до талии.

— Не убиты... криогенизированы, — уточнило чудовище, прятавшееся в Марти. — Заморожены, если тебе больше нравится... Что же касается тебя, буду придерживаться первоначального плана. Вы считали, что отделались от меня, не так ли? Моя космическая странница высадила меня там, где я ей указал... Космины — слуги, перевозчики...

Демон направился к Жеку.

— Это оружие снабжено резервуаром с азотным составом и генератором плотных волн двойного назначения: криогенизация и смерть. Последнюю я и выбрал для тебя. Мне достаточно переключить... Вот здесь, видишь?

Указательный палец Марти нажал на кнопку на рукоятке.

— В контейнере имеется также волновой передатчик. Через пять минут в деревне материализуются наемники-притивы. У них с собой будут дерематы, машины, которые перенесут тела твоих друзей в Венисию, столицу империи Ангов. И через пять минут от воителей безмолвия ничего не останется... Бедняга Жек, такое путешествие — и все задаром...

— Ты еще не пленил Шри Лумпа! — с вызовом воскликнул мальчуган. — И махди Шари из Гимлаев!

— Твоя наивность трогательна, маленький человечек. Шри Лумпа сам бросился в пасть волку. Что касается махди Шари из Гималаев, то его существование так никем и не доказано. Вероятность того, что он является продуктом коллективного человеческого сознания, равна 89,02 %... Но мы заболтались. Прощай, Жек Ат-Скин, и спасибо за сотрудничество!

Демон направил дуло в лоб Жека.

Мальчуган не бросился в бегство, не закрыл глаза. Он приблизился к сиракузянину, уперся лбом в его живот. Ощутил дрожь влажной кожи. Запах пота, к которому примешивался пряный аромат чрева космины, проник в его ноздри. Его слезы потекли по животу Марти.

— Ты останешься навечно моим старшим братом, Марти, — прошептал Жек. — Даже если убьешь меня, я буду любить тебя такой сильной любовью, что она пересечет страну смерти. Я прощаю тебя, потому что ты по-прежнему человек. Чудовище наделило тебя злобой, но я знаю, что в глубине души ты не согласен с тем, что оно заставило тебя совершить...

Палец Марти сжался на спусковом крючке. Демон требовал от телесного носителя завершить дело, нажать на крючок, но слова Жека, прозвучавшие в тишине, словно молитва, вызвали бурю в голове сиракузянина. Они пробудили похороненные мысли, образы далекого прошлого, отрывки прежнего существования.

Демон, ментальный имплант, понял, что могущество человека истоков Жека вновь подключило Марти к человеческим корням (вероятность более 80%). Он отправил болезненные импульсы в мозг человека-носителя, чтобы тот прервал телесный контакт с маленьким анжорцем. Но даже испытывая сильнейшую боль, сиракузянин не оттолкнул ребенка. Лоб Жека излучал мощный поток тепла и любви, который согрел тело и примирил его с самим собой. Он вдруг вспомнил о прежнем Марти, ребенке, носившемся по аллеям парка Кервалоров, вспомнил запах любимых цветов, ласку ветра, лучи Розового Рубина и Солнца Сапфир, свежесть тени, глаза матери, улыбку отца. Он вспомнил, как хорошо быть человеком. Демон бился в его мозгу, как дикий зверь в клетке. Чудовище попало в ловушку в чужом мозгу... Из глаз Марти полились ручьи слез, скатились по груди и смешались со слезами Жека. Он был человеком, а стал агентом Гипонероса, он сражался с представителями своего вида и уничтожил сам себя...

Он мягко оттолкнул Жека и сунул дуло в рот. *Вероятность уничтожения 100%!* — воззвал демон.

— Марти! Нет...

Марти печально улыбнулся маленькому анжорцу, потом решительно нажал на спусковой крючок. Волна снесла ему череп.

Рыдающий Жек сидит рядом с Йеллью и вдруг слышит смех и голоса. Он приподнимается и бросает взгляд поверх стенки. По главной улице движутся люди в серых комбинезонах с серебристыми перекрещенными треугольниками на груди. Белые жесткие маски скрывают их лица. Позади них едут три машины, каждая на цилиндрической ноге двухметровой высоты и с широкой шапкой с иллюминаторами, откуда лучится свет.

Жек втягивает голову в плечи и прячется в закутке в глубине двора. Он садится на корточки позади поленницы. Ему кажется, что его бешено бьющееся сердце гремит, как барабан. Время течет с безысходной медлительностью.

— Четыре крио и один мертвец! — звучит гнусавый голос.

— Меньше, чем мы ожидали, — отвечает другой.

— Мертвец — скорее всего стертый: его ментальная программа была зациклена на самоубийство.

— Пошлем зонды на разведку окрестностей?

— Бесполезно: стертый покончил с собой, криогенизировав всех обитателей деревни. Ментальные программы эффективны на все сто процентов. С ближайшей станции вышлем дематериализаторов...

Жек услышал щелканье, гудение, шорохи, которые возобновлялись через равные промежутки времени, потом на пустую деревню опустилась тишина.

Подавленный страхом, отчаянием и холодом, он нашел в себе силы выбраться из укрытия только через два дня и две ночи.

Мать-Земля была отныне мертвой планетой.

Глава 22

Первым крупным делом муффия Барофиля Двадцать Пятого было... собственное избрание. Ни один из пяти тысяч кардиналов Церкви Крейца не предполагал, что кардинал Фрасист Богх станет наследником муффия Барофиля Двадцать Четвертого, прозванного после смерти «тираном Венисии». Однако, к всеобщему удивлению, бывший губернатор Ут-Гена был избран 2602 голосами против 2398 в седьмом туре голосования. Над высочайшей башней епископского дворца взметнулось белое знамя, объявив

верующим, что кардиналы избрали нового понтифика. Никто не заподозрил высший викариат в фальсификации результатов. Сиракузяне ужаснулись, узнав, что высшим правителем Церкви стал не один из них, а маркинатянин, чужак, и выразили свое недовольство, собравшись молчаливыми толпами на улицах Венисии. Фрасист Богх принял имя Барофиля Двадцать Пятого в честь своего знаменитого предшественника. Празднеств в честь его избрания не было, поскольку император Менати потребовал немедленно начать процесс дамы Сибрит, своей супруги, таинственно исчезнувшей три сиракузских месяца назад. Император остановил свой выбор на даме Аннит Пассит-Паир, молодой придворной, одной из вдохновительниц мятежного движения Машамы, которая публично покаялась в грехах. Император Менати разорвал помолвку дамы Аннит с Эммаром Сен-Галлом, техническим директором епископского дворца. Молодой Сен-Галл покорился воле суверена охотно, ибо ментальный имплант заставил его полностью забыть о молодой женщине. Однако проигравшие кардиналы объединились и принялись плести заговоры против нового муффия. Но им не удалось его убить, ибо он пользовался службами, созданными его предшественником, — телохранителями, системами обнаружения, морфопсихологами, поваром и преданными слугами...

Вторым крупным делом муффия Барофиля Двадцать Пятого стал процесс дамы Сибрит, на котором он председательствовал, демонстрируя безупречное сотрудничество между духовными и мирскими властями империи Ангов. На четвертый день процесса произошло не совсем банальное событие: перед судьями явилась сама дама Сибрит. Я сидел в одном из рядов над центральным проходом и видел, как она царственной походкой шла вперед, босая, с обнаженной головой и распущенными волосами. Ее красота поразила меня. Когда она появилась, в зале сгустилась непроницаемая тишина. Она встала перед своими гонителями и опровергла одно за другим все обвинения в колдовстве, выдвинутые против нее. Свидетели обвинения, в основном крупные придворные, противоречили себе и не раз заговаривались. Единственной, кто выступил в ее защиту, была ее компаньонка, дама Алакаит де Флель. Я догадывался, что Барофиль Двадцать Пятый испытывал симпатию к императрице, гордой и свободной женщине, но не мог — или не хотел — вмешиваться, чтобы изменить приговор, зачтенный обвиняемой, на прекрасном лице которой не мелькнуло ни тени страха или раскаяния. Ее приговорили к огненному кресту. Ее выставили обнаженной на главной площади Романтигуа. Она агонизировала в ужасающих муках десять суток. Муффий лично помиловал даму Алакаит де

Флель, которую сослали на спутник Джулиус и о которой больше никто никогда не слышал.

Третьим великим делом муффия Барофиля Двадцать Пятого было обручение императора Менати с дамой Аннит Пассит-Паир. На всех мирах империи Ангов были объявлены десятидневные празднества, чтобы все могли следить за церемонией на огромных шаровых экранах Официального Головидения. Понтифик не доверил никому проведение религиозной службы венчания, которая длилась пять часов. Несмотря на бурное прошлое новой императрицы, этот брак успокоил знатные семейства Сиракузы, церемониймейстеров и население Венисии. Они устранили провинциалку, шлюху, и наконец оказались в тесном семейном кругу, среди людей приятной компании, среди хозяев ментального контроля. Дама Аннит согласилась передать свои овулы, которые были оплодотворены семенем императора, чтобы империя Ангов получила одного или нескольких наследников. Лично я считал новую императрицу менее красивой и интересной, чем предыдущая, но я был всего лишь юным экзархом, служившим понтифику, и мое мнение было сравнимо с мушиным пуканьем среди зловония отхожей канавы.

Четвертым великим делом Барофиля Двадцать Пятого было уничтожение Жер-Залема, ледяного спутника планеты Франзия. Некоторые кардиналы, столкнувшись с великими трудностями при организации покушения на жизнь муффия, бросили ему вызов на другой территории: они громогласно потребовали уничтожения избранного народа, виновного, по их мнению, в распространении ереси. Муффий разрешил уничтожить Жер-Залем с помощью световой дезинтеграции. Взрыв вызвал невероятные разрушения на ближайших мирах. Много позже я понял, почему муффий пожертвовал ста сорока тысячами жизней: он надеялся сохранить жизнь миллиардов других.

Именно в это время он приступил к созданию ментальных мемуаров, мемуаров, которые он передал для одобрения сенешалю Гаркоту, высшему викариату и императору Менати. Я не сомневался, что этот труд не совпадал с его истинными мыслями, но не знал, как он предохраняет свой разум от ментальной инквизиции. Казалось, его ведет внутренний голос, голос, происхождение которого мне было открыто многими годами позже.

Он добился от сенешаля Гаркота, чтобы замороженные тела Афикит Алексу, которую народ называл Найей Фикит, ее дочери Йелль, мужчины и женщины из Жер-Залема были выставлены в тайной зале епископского дворца. Он часто молился перед прозрачными саркофагами, в которых лежали женщины, девоч-

ка и мужчина, столь же прекрасные, как ангелы. Красота дьявола? Он утверждал, что должен постоянно держать перед глазами этих последних врагов веры, чтобы не впасть в искушение благодушия. Я знал, что это было не так, что он пытался проникнуть в их тайну и что его в этом направлении подталкивал его внутренний «голос».

Пятым великим делом Барофиля Двадцать Пятого было создание генеральных служб стирания в начале 17 года. В этом он тесно сотрудничал с сенешалем Гаркотом, но думаю, он готовил в основном приход тех, кто должен был опрокинуть этот порядок вещей.

Адаман Муралл, экзарх епископского дворца Венисии.
Тайные хроники царствования муффия Барофиля
Двадцать Пятого

Сидя на корточках перед кустарником с огненными цветами, Жек ощущал ужасающий рев блуфа, который ежесекундно пожирал звезды тысячами.

Он собственной плотью ощущал агонию вселенной.

Найа Фикит не успела научить его путешествию с помощью мысли. Он не стал воителем безмолвия и чувствовал себя бессильным перед надвигающейся катастрофой. Артак не предвидел, что блуф сможет нейтрализовать легендарных существ, последнюю надежду человечества.

У него не было времени познакомиться с Йеллью.

Она была маленькой чумой, но он ее любил. Почему чудовище криогенизировало ее? Что они собирались сделать с ее крохотным замороженным тельцем на Сиракузе? Ему хотелось броситься на помощь ей в качестве рыцаря космоса, но у него не было ни единого транспортного средства. У него даже мыслей не осталось.

Занималась заря, ночь отступала, оставляя сумрачные тени позади себя. Вскоре не будет ни дня, ни ночи. Останется лишь пустота. Сухой фрукт, который он грыз, имел горький привкус.

Вдруг небо загорелось невероятным светом, упавшим на куст. А ведь солнце еще не взошло. Жек вскинул голову и увидел силуэт, окруженный ореолом света, который словно шел по лучу. Когда его глаза привыкли к яркому свету, он увидел мужчину с темными кудрявыми волосами, одетого в рваную блестящую тунику, в шаровары и сандалии. Мальчуган вначале подумал, что с неба с визитом к нему явился бог в лохмотьях.

Бог застыл в двух метрах над землей. Казалось, он стоит на кустарнике. Свет не падал на него, он исходил от него.

— Здравствуй. Я — Шари Рампулин.

Сердце Жека бешено забилось.

— Махди из Гималаев?

— Ты здесь один? Где моя мать Афикит? Где ее дитя, с которым я еще не знаком? Где паломники?

Мальчуган вскочил на ноги и быстрыми фразами, путаясь в словах, рассказал ему, что случилось с Афикит, Йеллью и двумя его друзьями из Жер-Залема.

— А Шри Лумпа отравился сражаться с блуфом... — закончил он.

Шари опустился на землю, вышел из светового луча, подошел к Жеку и положил ему ладонь на голову. По телу мальчугана разлилось тепло.

— Они не умерли, а это главное. Я научу тебя летать с помощью мысли, и мы отправимся им на выручку... Но прежде мы слетаем на планету Эфрен, чтобы увидеться с моей нежной Ониками и моим ребенком. У меня не было даже возможности поцеловать их... Их помощь была для меня неоценимой, чтобы проникнуть в храм света. Гипонерос... То, что ты называешь блуфом, намного ужаснее того, что тебе представляется. Он не только пожирает звезды, он пожирает сознание людей. Что касается Шри Лумпа, моего отца Тиксу, то мне известно, какой ужасающей жертвы потребовало от него человечество. Я прочел его судьбу в индисских анналах... Анналы невероятно прекрасны. Однажды я отведу тебя туда... Как тебя зовут?

— Жек... Жек Ат-Скин...

— Ну что ж, Жек Ат-Скин, что скажешь на мое предложение начать обучение немедленно?

Слезы, катившиеся из глаз Жека, были слезами счастья.

Содержание

Воители безмолвия 5

Мать-Земля 461

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, **АСТ – «Книги по почте»**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Бордаж Пьер

Воители безмолвия
Мать-Земля

Фантастические романы

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Компьютерная верстка: В.А. Смехов
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ФГУП "Издательство "Самарский Дом печати"
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

Человечество — НА ГРАНИ НЕБЫТИЯ.

Не помогут ни политики, ни армии — потому что они уже попросту продались новым «хозяевам Земли».

Продались СКАИТАМ. Странным существам из неведомых далей Космоса, захватившим власть уже почти над всей Вселенной.

Теперь бросить вызов захватчикам-«чужим» может лишь жалкая горстка воителей безмолвия — таинственных носителей могущественного древнего Знания.

Однако за девятилетним Жеком, отправляющимся на поиски воителей безмолвия, тайно следует агент скаитов, готовый подстроить защитникам людей смертельно опасную ловушку...

Читайте увлекательную космическую оперу Пьера Бордажа — ШЕДЕВР приключенческой фантастики!

[illegible]ители безмолвия
[illegible]ть-Земля
Цитадель Гипонероса



ISBN 5-17-018652-5